

ГОД КРИЗИСА

1938-1939

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ В ДВУХ ТОМАХ

ISBN 5-250-01092-X (с) Составитель МИД СССР. 1990

СОДЕРЖАНИЕ

- [1. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией *Мюнхен, 29 сентября 1938 г.* .](#)
- [2. Англо-германская декларация *30 сентября 1938 г.*](#)
- [3. Выступление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова на сессии Совета Лиги наций *30 сентября 1938 г*](#)
- [4. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР *30 сентября 1938 г.*](#)
- [5. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Чехословакии К. Папэ *30 сентября 1938 г*](#)
- [6. Нота посла Польши в Чехословакии К. Папэ министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте *30 сентября 1938 г*](#)
- [7. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР *1 октября 1938 г*](#)
- [8. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР *1 октября 1938 г.*](#)
- [9. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР *1 октября 1938 г*](#)
- [10. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку *1 октября 1938 г*](#)
- [11. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Парижа *2 октября 1938 г*](#)
- [12. Сообщение ТАСС *2 октября 1938 г*](#)
- [13. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР *2 октября 1938 г .*](#)
- [14. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. В. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР *2 октября 1938 г. 43*](#)

- [15. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 3 октября 1938 г](#)
- [16. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 октября 1938 г](#)
- [17. Запись беседы министра авиации Германии Г. Геринга с послом Франции в Германии А. Франсуа-Понсе 3 октября 1938 г](#)
- [18. Сообщение ТАСС 4 октября 1938 г. .](#)
- [19. Передовая статья газеты «Известия» «Политика премирования агрессора» 4 октября 1938 г](#)
- [20. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Китая в СССР Ян Цзе 5 октября 1938 г. .](#)
- [21. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 11 октября 1938 г](#)
- [22. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 11 октября 1938 г.](#)
- [23. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 12 октября 1938 г](#)
- [24. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 12 октября 1938 г](#)
- [25. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру 13 октября 1938 г](#)
- [26. Телеграмма посланника Германии в Венгрии О. Эрдманнсдорфа в министерство иностранных дел Германии 13 октября 1938 г](#)
- [27. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Китая в СССР Ян Цзе 15 октября 1938 г. .](#)
- [28. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Франции в СССР Р. Кулондром 16 октября 1938 г. .](#)
- [29. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 октября 1938 г.](#)
- [30. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 октября 1938 г.](#)
- [31. Записка посольства Германии в Великобритании о беседе между главным экономическим советником правительства Великобритании Ф. Лейт-Россом и представителями Германии Рютером и Зюекинд-Швенди 18 октября 1938 г](#)

32. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 19 октября 1938 г
33. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 октября 1938 г.
34. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова чрезвычайным и полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 20 октября 1938 г. 74
35. Из письма заведующего референтурой по Великобритании отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Рютера заместителю заведующего отделом экономической политики МИД Германии К. Клодиусу Дублин, 20 октября 1938 г
36. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Польши в СССР В. Гжибовским 21 октября 1938 г.
37. Из директивы рейхсканцлера и верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии А. Гитлера 21 октября 1938 г
38. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 22 октября 1938 г. .
39. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 октября 1938 г
40. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 октября 1938 г
41. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 октября 1938 г.
42. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 25 октября 1938 г.
43. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку 25 октября 1938 г
44. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 октября 1938 г.
45. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Китая в СССР Ян Цзе 29 октября 1938 г
46. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 октября 1938 г.
47. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии 31 октября 1938 г
48. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 4 ноября 1938 г. .

- [49. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 11 ноября 1938 г](#)
- [50. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 11 ноября 1938 г](#)
- [51. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова временному поверенному в делах СССР в США К. А. Уманскому 14 ноября 1938 г](#)
- [52. Из письма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 17 ноября 1938 г](#)
- [53. Запись беседы советника посольства Германии в Польше Р. Шелии с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобыляньским 18 ноября 1938 г](#)
- [54. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахованародному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 19 ноября 1938 г](#)
- [55. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 20 ноября 1938 г](#)
- [56. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 ноября 1938 г. 109](#)
- [57. Записка, переданная миссией Венгрии в Германии министерству иностранных дел Германии 21 ноября 1938 г.](#)
- [58. Письмо посла Польши в США Е. Потоцкого министру иностранных дел Польши Ю. Беку 21 ноября 1938 г.](#)
- [59. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 25 ноября 1938 г.](#)
- [60. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 25 ноября 1938 г](#)
- [61. Записка генерального штаба вооруженных сил Германии «Соображения относительно переговоров представителей вермахта с Италией» 26 ноября 1938 г](#)
- [62. Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях 27 ноября 1938 г. .](#)
- [63. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии К. А. Сметанника в Народный комиссариат иностранных дел СССР 28 ноября 1938 г.](#)
- [64. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши германским корреспондентам в Польше 28 ноября 1938 г.](#)
- [65. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Г. Вильсоном 29 ноября 1938 г](#)

66. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 30 ноября 1938 г.
67. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 1 декабря 1938 г
68. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 1 декабря 1938 г
69. Из письма посла США в Японии Дж. Грю государственному секретарю США К. Хэллу 2 декабря 1938 г
70. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 3 декабря 1938 г .
71. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 4 декабря 1938 г
72. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 4 декабря 1938 г.
73. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с членом парламента Великобритании Д. Ллойд Джорджем 6 декабря 1938 г
74. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне 6 декабря 1938 г. .
75. Франко-германская декларация 6 декабря 1938 г.
76. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Германии Ю. де Монба министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 6 декабря 1938 г. 137
77. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с главным дипломатическим советником министерства иностранных дел Великобритании Р. Ванситтартом 8 декабря 1938 г 137
78. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 8 декабря 1938 г.
79. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 9 декабря 1938 г.
80. Телеграмма полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный комиссариат иностранных дел СССР 9 декабря 1938 г.
81. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заведующему II западным отделом Народного комиссариата иностранных дел СССР Г. И. Вайнштейну 9 декабря 1938 г
82. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 10 декабря 1938 г

83. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА 10 декабря 1938 г
84. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 14 декабря 1938 г.
85. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 декабря 1938 г.
86. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 декабря 1938 г
87. Запись беседы председателя совета министров Италии Б. Муссолини с послом Японии в Германии Х. Осимой 15 декабря 1938 г.
88. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 15 декабря 1938 г
89. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку 16 декабря 1938 г
90. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 19 декабря 1938 г.
91. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 19 декабря 1938 г
92. Сообщение советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав 20 декабря 1938 г
93. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Китае И. Т. Луганцу-Орельскому 22 декабря 1938 г
94. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 23 декабря 1938 г
95. Из письма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 27 декабря 1938 г
96. Запись беседы советника посольства Германии в Польше Р. Шелии с посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским 28 декабря 1938 г.
97. Сообщение советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав не ранее 28 декабря 1938 г.
98. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 31 декабря 1938 г
99. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада 31 декабря 1938 г
100. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано 1 января 1939 г

- [101. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 5 января 1939 г](#)
- [102. Запись беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком 5 января 1939 г.](#)
- [103. Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком в января 1939 г.](#)
- [104. Телеграмма народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову 8 января 1939 г](#)
- [105. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано 8 января 1939 г](#)
- [106. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова временному поверенному в делах СССР в Венгрии В. А. Плотникову 9 января 1939 г](#)
- [107. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 10 января 1939 г](#)
- [108. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 11 января 1939 г.](#)
- [109. Запись беседы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова с заведующим отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Вилем 11 января 1939 г.](#)
- [110. Телеграмма полпреда СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 12 января 1939 г](#)
- [111. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 15 января 1939 г](#)
- [112. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций Я. З. Сурицу 15 января 1939 г](#)
- [113. Из записи беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Венгрии И. Чаки 16 января 1939 г.](#)
- [114. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций Я. З. Сурицу 19 января 1939 г.](#)
- [115. Запись беседы германского журналиста с генеральным секретарем германского общества по изучению Восточной Европы В. Маркертом 19 января 1939 г](#)
- [116. Выступление представителя СССР Я. З. Сурица на сессии Совета Лиги наций 20 января 1939 г](#)

117. Запись беседы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова с заведующим отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Вилем 20 января 1939 г.

118. Из записи беседы министра иностранных дел Италии Г. Чиано с премьер-министром Югославии М. Стоядиновичем 18—23 января 1939 г. , 192

119. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА 23 января 1939 г.

120. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком Варшава, 26 января 1939 г

121. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Италии В. Е. Штейну 27 января 1939 г.

122. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 января 1939 г

123. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 января 1939 г.

124. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Германии в СССР В. Типпельскирхом 28 января 1939 г

125. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 28 января 1939 г

126. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР и Народный комиссариат внешней торговли СССР 28 января 1939 г

127. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послам Великобритании во Франции и Бельгии Э. Фиппсу и Р. Клайву 28 января 1939 г

128. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 31 января 1939 г

129. Из письма заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вёрмана посланнику Германии в Румынии В. Фабрициусу 31 января 1939 г

130. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 1 февраля 1939 г. 206

131. Нота министерства иностранных дел Франции посольству Великобритании во Франции 1 февраля 1939 г

132. Записка советника посольства Германии во Франции Кампе послу Германии во Франции Й. Вельчеку 1 февраля 1939 г

- [133. Сообщение ТАСС о закрытии советской дипломатической миссии в Будапеште 2 февраля 1939 г](#)
- [134. Сообщение советской печати о столкновениях на советско-маньчжурской границе 2 февраля 1939 г](#)
- [135. Запись беседы министра иностранных дел Италии Г. Чиано с неофициальным представителем правительства Франции, директором индокитайского банка в Париже П. Бодуэном 2 февраля 1939 г](#)
- [136. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 февраля 1939 г.](#)
- [137. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову 4 февраля 1939 г.](#)
- [138. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии 4 февраля 1939 г](#)
- [139. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 5 февраля 1939 г.](#)
- [140. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 6 февраля 1939 г.](#)
- [141. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат внешней торговли СССР 6 февраля 1939 г.](#)
- [142. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин 6 февраля 1939 г](#)
- [143. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Соединенных Штатах Америки Р. Линдсею 7 февраля 1939 г.](#)
- [144. Телеграмма полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 8 февраля 1939 г.](#)
- [145. Из письма посла Польши во Франции Ю. Лукасевича министру иностранных дел Польши Ю. Беку февраль 1939 г.](#)
- [146. Телеграмма посла США в Японии Дж. Грю государственному секретарю США К. Хэллу 8 февраля 1939 г](#)
- [147. Сообщение советской печати о столкновении у советско-маньчжурской границы 9 февраля 1939 г](#)
- [148. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Франции в СССР П. Наджиаром 9 февраля 1939 г](#)
- [149. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 10 февраля 1939 г.](#)

150. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 10 февраля 1939 г
151. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании во Франции Э. Фиппсу 10 февраля 1939 г.
152. Запись беседы германского журналиста с послом Германии в Польше Г. Мольтке 13 февраля 1939 г.
153. Телеграмма миссии Германии в Румынии в министерство иностранных дел Германии 14 февраля 1939 г.
154. Телеграмма миссии Германии в Румынии в министерство иностранных дел Германии 17 февраля 1939 г.
155. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 18 февраля 1939 г.
156. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 19 февраля 1939 г.
157. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 19 февраля 1939 г.
158. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 20 февраля 1939 г.
159. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии 20 февраля 1939 г
160. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 23 февраля 1939 г
161. Письмо посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккеру 25 февраля 1939 г.
162. Доклад главы германской экономической миссии в Румынии Х. Вольтата уполномоченному по четырехлетнему плану Германии Г. Герингу 27 февраля 1939 г
163. Телеграмма посланника Германии в Румынии В. Фабрициуса министру иностранных дел Германии И. Риббентропу 27 февраля 1939 г.
164. Запись беседы германского журналиста с военным атташе Германии в Польше К. Химером 27 февраля 1939 г
165. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу 28 февраля 1939 г
166. Письмо председателя исполнительного юаня Китая Кун Сянси Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотову 1 марта 1939 г

167. Цисьмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккера послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону 1 марта 1939 г.
168. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 2 марта 1939 г.
169. Сообщение ТАСС об отзыве представителя СССР из Комитета по невмешательству 4 марта 1939 г.
170. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 4 марта 1939 г.
171. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинемом 5 марта 1939 г.
172. Из записки военного атташе Великобритании в Германии Ф. Н. Мэсон-Макфарлейна послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону 6 марта 1939 г.
173. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 7 марта 1939 г.
174. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинемом 8 марта 1939 г.
175. Записка о речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии 8 марта 1939 г.
176. Из телеграммы посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу 9 марта 1939 г.
177. Из Отчетного доклада Центрального Комитета ВКП(б) XVIII съезду ВКП(б) 10 марта 1939 г.
178. Телеграмма посла Польши в Японии Т. Ромера министру иностранных дел Польши Ю. Беку 10 марта 1939 г.
179. Из краткого отчета полномочного представительства СССР в Германии о политической жизни в Германии в 1938 г. 11 марта 1939 г.
180. Запись беседы полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна с министром иностранных дел Финляндии Е. Эркко 11 марта 1939 г.
181. Запись беседы полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна с министром финансов Финляндии В. Таннером 13 марта 1939 г.
182. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом 13 марта 1939 г.
183. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 марта 1939 г.

184. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 марта 1939 г

185. Из телеграммы полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 марта 1939 г.

186. Совместное заявление «Имперской промышленной группы» и «Федерации британской промышленности» («Дюссельдорфское соглашение») 15 марта 1939 г.

187. Из записи беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзекера с послом Франции в Германии Р. Кулондром 15 марта 1939 г

188. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 16 марта 1939 г.

189. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 16 марта 1939 г

190. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 марта 1939 г. . 287

191. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 марта 1939 г.

192. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 17 и 18 марта 1939 г

193. Нота народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу 18 марта 1939 г

194. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Германии А. Ф. Мерека лову, в Великобритании И. М. Майскому, во Франции Я. З. Сурицу, в Чехословакии С. С. Александровскому 18 марта 1939 г

195. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 марта 1939 г.

196. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 марта 1939 г

197. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 18 марта 1939 г

198. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 18 марта 1939 г

199. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 марта 1939 г.

200. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР во Франции и Великобритании Я. З. Сурицу и И. М. Майскому 19 марта 1939 г

201. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 марта 1939 г

202. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 марта 1939 г.

203. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу и временному поверенному в делах СССР в Румынии П. Г. Куколеву 19 марта 1939 г

204. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 19 марта 1939 г

205. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 19 марта 1939 г

206. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 20 марта 1939 г.

207. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 20 марта 1939 г.

208. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 20 марта 1939 г.

209. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 21 марта 1939 г.

210. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, врученной послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 21 марта 1939 г.

211. Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с послом Франции в Турции Р. Массигли 21 марта 1939 г.

212. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 марта 1939 г.

213. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 марта 1939 г.

214. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 марта 1939 г.

- [215. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. 3. Сурицу 22 марта 1939 г.](#)
- [216. Сообщение ТАСС 22 марта 1939 г.](#)
- [217. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 марта 1939 г](#)
- [218. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 марта 1939 г.](#)
- [219. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 23 марта 1939 г](#)
- [220. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном 23 марта 1939 г](#)
- [221. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 23 марта 1939 г](#)
- [222. Телеграмма посла США в Польше А. Биддла государственному секретарю США К. Хэллу 23 марта 1939 г](#)
- [223. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 24 марта 1939 г](#)
- [224. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 24 марта 1939 г](#)
- [225. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном и послом Великобритании в СССР У. Сидсом 25 марта 1939 г](#)
- [226. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 25 марта 1939 г.](#)
- [227. Телеграмма посла Франции в Великобритании Ш. Корбена министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 25 марта 1939 г](#)
- [228. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 26 марта 1939 г](#)
- [229. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 26 марта 1939 г](#)
- [230. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном 27 марта 1939 г](#)
- [231. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 марта 1939 г](#)

[232. Сообщение ТАСС 28 марта 1939 г](#)

[233. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 28 марта 1939 г](#)

[234. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 28 марта 1939 г](#)

[235. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова посланнику Латвии в СССР Ф. Коциньшу 28 марта 1939 г.](#)

[236. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 29 марта 1939 г](#)

[237. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Литвы в СССР Ю. Балтрушайтисом 29 марта 1939 г](#)

[238. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Н. Диану 29 марта 1939 г.](#)

[239. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 марта 1939 г.](#)

[240. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 марта 1939 г](#)

[241. Из письма посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши К\). Беку 29 марта 1939 г.](#)

[242. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано 29 марта 1939 г](#)

[243. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 30 марта 1939 г.](#)

[244. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 31 марта 1939 г.](#)

[245. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Польше 31 марта 1939 г](#)

[246. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 31 марта 1939 г.](#)

[247. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 31 марта 1939 г](#)

[248. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 1 апреля 1939 г.](#)

[249. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 2 апреля 1939 г.](#)

250. Распоряжение начальника верховного командования вооруженных сил Германии В. Кейтеля 3 апреля 1939 г.
251. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 4 апреля 1939 г
252. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову 5 апреля 1939 г
253. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 5 апреля 1939 г
254. Коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Беком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Лондоне 4—6 апреля 1939 г. 6 апреля 1939 г
255. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 6 апреля 1939 г
256. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина со специальным полномочным послом Китая Сунь Фо 8 апреля 1939 г
257. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 9 апреля 1939 г
258. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА 9 апреля 1939 г
259. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 10 апреля 1939 г
260. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 апреля 1939 г.
261. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову 11 апреля 1939 г.
262. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 11 апреля 1939 г.
263. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 11 апреля 1939 г
264. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 11 апреля 1939 г
265. План нападения Германии на Польшу (план «Вайс») 11 апреля 1939 г.
266. Декларация правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии 13 апреля 1939 г

267. Декларация правительства Франции о гарантиях Греции, Румынии и Польше 13 апреля 1939 г
268. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 апреля 1939 г
269. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 апреля 1939 г.
270. Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой 15 апреля 1939 г
271. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 15 апреля 1939 г.
272. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 апреля 1939 г.
273. Письмо начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена министру национальной обороны Франции Э. Даладье 15 апреля 1939 г
274. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 16 апреля 1939 г.
275. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 17 апреля 1939 г.
276. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу 17 апреля 1939 г
277. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 апреля 1939 г.
278. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 апреля 1939 г.
279. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 18 апреля 1939 г...
280. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта министерству иностранных дел Германии 18 апреля 1939 г.
281. Телеграмма посла США в Бельгии Дж. Дэвиса государственному секретарю США К. Хэллу 18 апреля 1939 г 390
282. Телеграмма государственного секретаря США К. Хэлла послу США в Бельгии Дж. Дэвису 18 апреля 1939 г.
283. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 19 апреля 1939 г.

284. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой 21 апреля 1939 г.
285. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Турции в СССР З. Апайдыном 21 апреля 1939 г
286. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 22 апреля 1939 г. .
287. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 апреля 1939 г.
288. Телеграмма временного поверенного в делах США в СССР А. Кэрка государственному секретарю США К. Хэллу 22 апреля 1939 г.
289. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 23 апреля 1939 г.
290. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 23 апреля 1939 г.
291. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 24 апреля 1939 г.
292. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 апреля 1939 г
293. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 25 апреля 1939 г
294. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 апреля 1939 г.
295. Телеграмма членов советской делегации в Иране А. В. Терентьева и Тюленева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 апреля 1939 г.
296. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 26 апреля 1939 г
297. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Софии 26 апреля 1939 г.
298. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии 26 апреля 1939 г
299. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту 26 апреля 1939 г
300. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 27 апреля 1939 г

[301. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Китае И. И. Северного в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 апреля 1939 г.](#)

[302. Запись беседы вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобылянского с послом Японии в Польше Ш. Сако 27 апреля 1939 г.](#)

[303. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 апреля 1939 г.](#)

[304. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 апреля 1939 г.](#)

[305. Проект соглашения Франции, Великобритании и СССР, переданный министром иностранных дел Франции Ж. Бонне полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 29 апреля 1939 г.](#)

[306. Из телеграммы полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 апреля 1939 г.](#)

[307. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 30 апреля 1939 г.](#)

[308. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 30 апреля 1939 г.](#)

[309. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 1 мая 1939 г.](#)

[310. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 1 мая 1939 г.](#)

[311. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом 2 мая 1939 г.](#)

[312. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 3 мая 1939 г.](#)

[313. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Молотова В. М. народным комиссаром иностранных дел СССР» 3 мая 1939 г.](#)

[314. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 3 мая 1939 г.](#)

[315. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР Анкара, 3 мая 1939 г.](#)

[316. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 мая 1939 г.](#)

[317. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 мая 1939 г.](#)

- [318. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 4 мая 1939 г.](#)
- [319. Письмо вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши Т. Кобылянского послу Польши в Румынии Р. Рачиньскому 4 мая 1939 г.](#)
- [320. Из телеграммы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары 5 мая 1939 г.](#)
- [321. Телеграмма полномочного представителя СССР в Швеции А. М. Коллонтай в Народный комиссариат иностранных дел СССР 5 мая 1939 г. 431](#)
- [322. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА 5 мая 1939 г](#)
- [323. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 6 мая 1939 г.](#)
- [324. Записка советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав 7 мая 1939 г 433](#)
- [325. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 8 мая 1939 г. 326. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 8 мая 1939 г](#)
- [327. Памятная записка, врученная послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 8 мая 1939 г](#)
- [328. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 8 мая 1939 г](#)
- [329. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заместителем заведующего отделом печати МИД Германии Б. Штуммом 9 мая 1939 г](#)
- [330. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Литвы в СССР Л. Наткявичюсом 10 мая 1939 г. 442](#)
- [331. Сообщение ТАСС 10 мая 1939 г](#)
- [332. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову, из Варшавы 10 мая 1939 г.](#)
- [333. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 10 мая 1939 г.](#)
- [334. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 мая 1939 г.](#)
- [335. Из телеграммы посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу 10 мая 1939](#)

- [336. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Польши в СССР В. Гжибовским 11 мая 1939 г.](#)
- [337. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 11 мая 1939 г.](#)
- [338. Передовая статья газеты «Известия» «К международному положению» 11 мая 1939 г.](#)
- [339. Письмо советника посольства Германии в Великобритании Э. Зельцама заведующему отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Вилло 11 мая 1939 г.](#)
- [340. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 12 мая 1939 г.](#)
- [341. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину 12 мая 1939 г.](#)
- [342. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Великобритании в СССР У. Сидсу 14 мая 1939 г.](#)
- [343. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову и временному поверенному в делах СССР в Италии Л. В. Гельфанду 14 мая 1939 г. 459](#)
- [344. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом 14 мая 1939 г.](#)
- [345. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 14 мая 1939 г.](#)
- [346. Запись беседы советника отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Рютера с деятелем консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольфом 14 мая 1939 г.](#)
- [347. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 мая 1939 г.](#)
- [348. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 15 мая 1939 г.](#)
- [349. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Ю. Шнурре 15 мая 1939 г.](#)
- [350. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании Ш. Корбену 15 мая 1939 г.](#)
- [351. Запись беседы сотрудника данцигского сената с президентом сената А. Грайзером 15 мая 1939 г.](#)

- [352. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту 15 мая 1939 г](#)
- [353. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 16 мая 1939 г.](#)
- [354. Из записи беседы временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда с министром иностранных дел Италии Г. Чиано 18 мая 1939 г.](#)
- [355. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того 19 мая 1939 г](#)
- [356. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинемом 19 мая 1939 г](#)
- [357. Запись беседы полномочного представителя СССР в Бельгии Е. В. Рубинина с послом Китая в Бельгии Цянь Таем 19 мая 1939 г.](#)
- [358. Письмо министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону 19 мая 1939 г.](#)
- [359. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку 19 мая 1939 г.](#)
- [360. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому 20 мая 1939 г.](#)
- [361. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому 20 мая 1939 г.](#)
- [362. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 20 мая 1939 г](#)
- [363. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 20 мая 1939 г](#)
- [364. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта министру иностранных дел Германии И. Риббентропу 20 мая 1939 г](#)
- [365. Письмо посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии 20 мая 1939 г](#)
- [366. Телеграмма представителя СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР Женева, 21 мая 1939 г](#)
- [367. Выступление представителя СССР И. М. Майского на сессии Совета Лиги наций 22 мая 1939 г.](#)
- [368. Из пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией 22 мая 1939 г.](#)
- [369. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинемом 23 мая 1939 г](#)

- [370. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому, в Женеву 23 мая 1939 г](#)
- [371. Из записи совещания у рейхсканцлера Германии А. Гитлера 23 мая 1939 г](#)
- [372. Сообщение Народного комиссариата иностранных дел СССР 24 мая 1939 г](#)
- [373. Запись беседы полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова с министром иностранных дел Польши Ю. Веком 25 мая 1939 г.](#)
- [374. Запись беседы полномочного представителя СССР в Норвегии В. А. Никонова с чрезвычайным и полномочным посланником Дании в Норвегии Х. Л. Х. Кауфманом, временным поверенным в делах Бельгии в Норвегии Улленс де Схоотеном и командующим морскими силами Норвегии Дисеном 25 мая 1939 г.](#)
- [375. Запись беседы германского коммерсанта с советником посольства Германии в Польше Р. Шелией 25 мая 1939 г](#)
- [376. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу 26 мая 1939 г.](#)
- [377. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину 26 мая 1939 г](#)
- [378. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано 26 мая 1939 г.](#)
- [379. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 27 мая 1939 г.](#)
- [380. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром 27 мая 1939 г.](#)
- [381. Выступление представителя СССР И. М. Майского на заседании Совета Лиги наций 27 мая 1939 г.](#)
- [382. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 27 мая 1939 г.](#)
- [383. Из доклада военно-морского атташе Италии в Японии Г. Джорджиса министру военно-морского флота Италии Б. Муссолини 27 мая 1939 г. 517](#)
- [384. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккером 30 мая 1939 г.](#)
- [385. Запись беседы заместителя министра иностранных дел Польши Я. Шембека с министром иностранных дел Польши Ю. Беком 30 мая 1939 г. 522](#)

386. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР» 31 мая 1939 г.

387. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Великобритании в СССР У. Сидсу и временному поверенному в делах Франции в СССР Ж. Пайяру 2 июня 1939 г.

388. Запись беседы народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна с советником посольства Германии в СССР Г. Хильгером

389. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Румынии в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 июня 1939 г.

390. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Латвии в СССР Ф. Коцинышем 5 июня 1939 г. .

391. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Эстонии в СССР А. Реем 5 июня 1939 г.

392. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 7 июня 1939 г. .

393. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру 7 июня 1939 г.

394. Запись беседы посла Польши в Японии Т. Ромера с министром иностранных дел Японии Х. Арита 7 июня 1939 г.

395. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 8 июня 1939 г.

396. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому 10 июня 1939 г.

397. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 июня 1939 г.

398. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Греции М. Г. Сергеева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 июня 1939 г.

399. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Швеции в СССР В. Винтером 11 июня 1939 г.

400. Договор между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики о реализации кредита на сто пятьдесят миллионов американских долларов [13 июня 1939 г.] .

401. Передовая статья газеты «Правда» «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии» 13 июня 1939 г.

402. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера с послом Великобритании в Германии Н. Тендерсоном 13 июня 1939 г
403. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова 14 июня 1939 г
404. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 15 июня 1939 г
405. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 15 июня 1939 г
406. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 16 июня 1939 г.
407. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару 16 июня 1939 г
408. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 16 июня 1939 г
409. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 16 июня 1939 г
410. Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с временным поверенным в делах Китая в Турции Д. Туном и послом Афганистана в Турции Файзом Мухаммед-ханом 16 июня 1939 г.
411. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 17 июня 1939 г. .
412. Запись беседы народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна с советником посольства Германии в СССР Г. Хильгером 17 июня 1939 г
413. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 июня 1939 г.
414. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом 19 июня 1939 г
415. Контракт о поставке Советским Союзом Китаю специального имущества 20 июня 1939 г
416. Контракт о поставке Советским Союзом Китаю специального имущества 20 июня 1939 г
417. Сообщение ТАСС 21 июня 1939 г
418. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 июня 1939 г. —

[419. Проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 21 июня 1939 г](#)

[420. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 22 июня 1939 г.](#)

[421. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару 22 июня 1939 г](#)

[422. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 22 июня 1939 г](#)

[423. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 июня 1939 г.](#)

[424. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 22 июня 1939 г](#)

[425. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 22 июня 1939 г](#)

[426. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 23 июня 1939 г](#)

[427. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 23 июня 1939 г. . . 52](#)

[428. Письмо временного поверенного в делах США во Франции Э. Вильсона государственному секретарю США К. Хэллу 24 июня 1939 г.](#)

[429. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР](#)

[430. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА 24 июня 1939 г](#)

[431. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с посланником Чехословакии в СССР З. Фирлингером 25 июня 1939 г](#)

[432. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 июня 1939 г. 57](#)

[433. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиным 26 июня 1939 г.](#)

[434. Сообщение ТАСС о столкновениях на монгольско-маньчжурской границе 26 июня 1939 г](#)

[435. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 26 июня 1939 г](#)

- [436. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 26 июня 1939 г.](#)
- [437. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР 26 июня 1939 г.](#)
- [438. Телеграмма военного атташе Франции в СССР генерала О. Паласа министру национальной обороны Франции Э. Даладье 26 июня 1939 г. 62](#)
- [439. Сообщение ТАСС о нарушении японской авиацией границы Монгольской Народной Республики 27 июня 1939 г.](#)
- [440. Телеграмма полномочного представителя СССР в США К. А. Уманского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 27 июня 1939 г. .](#)
- [441. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном 27 июня 1939 г.](#)
- [442. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 28 июня 1939 г.](#)
- [443. Сообщение ТАСС о нападении японо-маньчжурской авиации на территорию Монгольской Народной Республики 28 июня 1939 г.](#)
- [444. Телеграмма полномочного представителя СССР в Финляндии В. К. Деревянского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 28 июня 1939 г.](#)
- [445. Письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену 28 июня 1939 г.](#)
- [446. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 28 июня 1939 г.](#)
- [447. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиненем 29 июня](#)
- [448. Сообщение ТАСС «Японская провокация продолжается» 29 июня 1939 г.](#)
- [449. Статья А. А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР» 29 июня 1939 г.](#)
- [450. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 июня 1939 г.](#)
- [451. Телеграмма посла Франции в Москве П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 29 июня 1939 г.](#)
- [452. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР во Франции Я. 3. Сурицу 30 июня 1939 г.](#)

453. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 1 июля 1939 г
454. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Франции в СССР П. Наджиаром 1 июля 1939 г.
455. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 1 июля 1939 г.
456. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 1 июля 1939 г
457. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 2 июля 1939 г. .
458. Документы, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару 3 июля 1939 г
459. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу 3 июля 1939 г
460. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Китае И. И. Северного в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 июля 1939 г. . 83
461. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 4 июля 1939 г. .
462. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 4 июля 1939 г
463. Телеграмма посла США в Бельгии Дж. Дэвиса государственному секретарю США К. Хэллу 5 июля 1939 г
464. Сообщение ТАСС «Японские провокаторы не успокаиваются» 6 июля 1939 г. .
465. Проект англо-франко-советского соглашения, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 8 июля 1939 г.
466. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 9 июля 1939 г. .
467. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Великобритании и Франции, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару 9 июля 1939 г
468. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 9 июля 1939 г
469. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 10 июля 1939 г.

- [470. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 10 июля 1939 г.](#)
- [471. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 13 июля 1939 г.](#)
- [472. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 13 июля 1939 г.](#)
- [473. Письмо министра иностранных дел Германии И. Риббентропа министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 13 июля 1939 г.](#)
- [474. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 июля 1939 г.](#)
- [475. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 июля 1939 г.](#)
- [476. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР 14 июля 1939 г.](#)
- [477. Сообщение ТАСС «Японо-маньчжурская провокация продолжается» 14 июля 1939 г.](#)
- [478. Сообщение ТАСС «О действительной границе между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией в районе оз. Буир-Нур» 14 июля 1939 г.](#)
- [479. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 17 июля 1939 г.](#)
- [480. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 18 июля 1939 г.](#)
- [481. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 18 июля 1939 г.](#)
- [482. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 июля 1939 г.](#)
- [483. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 июля 1939 г.](#)
- [484. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 19 июля 1939 г.](#)
- [485. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 19 июля 1939 г.](#)
- [486. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании Ш. Корбену 19 июля 1939 г.](#)
- [487. Письмо министра иностранных дел Франции Ж. Бонне министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу 19 июля 1939 г.](#)

488. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 21 июля 1939 г.
489. Записка посла Германии в Великобритании Г. Дирксена 21 июля 1939 г.
490. Сообщение Народного комиссариата внешней торговли СССР о советско-германских переговорах о торговле и кредите 22 июля 1939 г.
491. Сообщение ТАСС «Новое нарушение границы японскими войсками»
492. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 24 июля 1939 г. 493. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 24 июля 1939 г.
494. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии К. Ю. Шнурре 24 июля 1939 г.
495. Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита — Крейги») 24 июля 1939 г.
496. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 24 июля 1939 г.
497. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании III. Корбену 24 июля 1939 г.
498. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии 24 июля 1939 г.
499. Записка сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии К. Вольтата 24 июля 1939 г.
500. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 июля 1939 г.
501. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 25 июля 1939 г.
502. Телеграмма военно-морского атташе СССР в Японии А. С. Ковалева в Генеральный штаб РККА 25 июля 1939 г.
503. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии К. Ю. Шнурре 26 июля 1939 г.
504. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину 27 июля 1939 г.

- [505. Сообщение ТАСС «Японская провокация продолжается» 27 июля 1939 г.](#)
- [506. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 27 июля 1939 г](#)
- [507. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 27 июля 1939 г](#)
- [508. Инструкция начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена французской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции 27 июля 1939 г](#)
- [509. В Народном комиссариате иностранных дел СССР 28 июля 1939 г.](#)
- [510. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову 28 июля 1939 г](#)
- [511. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову 29 июля 1939 г](#)
- [512. Телеграмма статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену 31 июля 1939 г.](#)
- [513. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 31 июля 1939 г](#)
- [514. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии 1 августа 1939 г](#)
- [515. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру 1 августа 1939 г.](#)
- [516. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру 1 августа 1939 г.](#)
- [517. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Турции А. В. Терентьеву 2 августа 1939 г](#)
- [518. Сообщение ТАСС об одной из причин затяжки переговоров с Великобританией 2 августа 1939 г](#)
- [519. Проект определения понятия «косвенная агрессия», врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром 2 августа 1939 г.](#)
- [520. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 2 августа 1939 г.](#)
- [521. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 2 августа 1939 г](#)

- [522. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 2 августа 1939 г.](#)
- [523. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 августа 1939 г.](#)
- [524. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 августа 1939 г.](#)
- [525. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 3 августа 1939 г.](#)
- [526. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Г. Вильсоном 3 августа 1939 г.](#)
- [527. Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции 4 августа 1939 г.](#)
- [528. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову 4 августа 1939 г.](#)
- [529. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 5 августа 1939 г.](#)
- [530. Полномочия главе советской делегации К. Е. Ворошилову на ведение переговоров и подписание конвенции по вопросам организации военной обороны Великобритании, Франции и СССР против агрессии в Европе 5 августа 1939 г.](#)
- [531. Сообщение ТАСС «Японцы не успокаиваются» 6 августа 1939 г.](#)
- [532. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову 7 августа 1939 г.](#)
- [533. Запись беседы германского журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом 7 августа 1939 г.](#)
- [534. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 8 августа 1939 г.](#)
- [535. Телеграмма временного поверенного в делах США в Великобритании Х. Джонсона государственному секретарю США К. Хэллу 8 августа 1939 г.](#)
- [536. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 августа 1939 г.](#)
- [537. Письмо посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга в министерство иностранных дел Германии 10 августа 1939 г.](#)
- [538. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 10 августа 1939 г.](#)

539. Письмо посланника Германии в Югославии В. Херена в министерство иностранных дел Германии *Блед, 10 августа 1939 г*
540. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову *11 августа 1939 г*
541. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову *12 августа 1939 г*
542. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову *12 августа 1939 г*
543. Телеграмма военно-воздушного атташе СССР в Великобритании И. И. Черного в Генеральный штаб РККА *13 августа 1939 г.*
544. Из записи беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано *12 августа 1939 г*
545. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне *12 августа 1939 г*
546. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции *12. августа 1939 г*
547. Запись утреннего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции *13 августа 1939 г*
548. Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции *13 августа 1939 г*
549. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР *13 августа 1939 г.*
550. Телеграмма военно-воздушного атташе СССР в Великобритании И. И. Черного в Генеральный штаб РККА *13 августа 1939 г. .*
551. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции *14 августа 1939 г*
552. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка военному министерству Франции *Москва, 14 августа 1939 г*
553. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне *14 августа 1939 г*
554. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции *15 августа 1939 г*
555. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка военному министерству Франции *Москва, 15 августа 1939г.*

- [556. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 15 августа 1939 г.](#)
- [557. Телеграмма военного министерства Франции военному атташе Франции в Польше Ф. Мюссу 15 августа 1939 г](#)
- [558. Телеграмма и. о. военного атташе СССР в Японии Л. А. Мишина в Генеральный штаб РККА 15 августа 1939 г](#)
- [559. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции 16 августа 1939 г](#)
- [560. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции 16 августа 1939 г](#)
- [561. Письмо министерства иностранных дел Франции председателю Совета министров Франции Э. Даладье 16 августа 1939 г](#)
- [562. Записка сотрудника специального бюро министра иностранных дел Германии Хетцлера постоянному уполномоченному министра иностранных дел Германии при рейхсканцлере Германии В. Хевелю 16 августа 1939 г.](#)
- [563. Запись беседы руководителя внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии А. Розенберга с сотрудником министерства авиации Великобритании де Роппом 16 августа 1939 г](#)
- [564. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом 16 августа 1939 г.](#)
- [565. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю 16 августа 1939 г](#)
- [566. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции 17 августа 1939 г](#)
- [567. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка в военное министерство Франции Москва, 17 августа 1939 г](#)
- [568. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франции в Польше Л. Ноэлю 17 августа 1939 г](#)
- [569. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции 17 августа 1939 г](#)
- [570. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом /7 августа 1939 г. . 269](#)
- [571. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу 18 августа 1939 г](#)
- [572. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 19 августа 1939 г. . . 274](#)

573. Телеграмма военного атташе Франции в Польше Ф. Мюсса в военное министерство Франции 19 августа 1939 г
574. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 19 августа 1939 г
575. Кредитное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией [19 августа 1939 г.]
576. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции 20 августа 1939 г
577. Опровержение ТАСС 20 августа 1939 г
578. Записка военного министерства Франции о переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции. Не ранее 20 августа 1939 г.
579. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу 20 августа 1939 г.
580. Телеграмма посла Великобритании в Польше Г. Кеннарда в министерство иностранных дел Великобритании 20 августа 1939 г.
581. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции 21 августа 1939 г
582. Письмо рейхсканцлера Германии А. Гитлера секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину 21 августа 1939 г
583. Письмо секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру 21 августа 1939 г
584. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Великобритании Р. Камбона министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 21 августа 1939 г.
585. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка министру национальной обороны Франции Э. Даладье 21 августа 1939 г.
586. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в СССР П. Наджиару 21 августа 1939 г
587. Сообщение советской печати о советско-германских отношениях 22 августа 1939 г.
588. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 22 августа 1939 г
589. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю 22 августа 1939 г
590. Телеграмма временного поверенного в делах Великобритании во Франции Кэмпбелла министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу 22 августа 1939 г

- [591. Запись беседы главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова с главой французской военной миссии Ж. Думенком 22 августа 1939 г.](#)
- [592. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 22 августа 1939 г](#)
- [593. Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена рейхс канцлеру Германии А. Гитлеру 22 августа 1939 г](#)
- [594. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю 22 августа 1939 г](#)
- [595. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 22 августа 1939 г](#)
- [596. Телеграмма посла Германии в Италии Г. Макензена в министерство иностранных дел Германии 23 августа 1939 г](#)
- [597. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне Варшава, 23 августа 1939 г](#)
- [598. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека дипломатическим представительствам Польши 23 августа 1939 г](#)
- [599. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 23 августа 1939 г.](#)
- [600. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 23 августа 1939 г](#)
- [601. Записка заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Германии Э. Вёрмана 23 августа 1939 г.](#)
- [602. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г .](#)
- [603. Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом \[23 августа 1939 г.\]](#)
- [604. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 24 августа 1939 г.](#)
- [605. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Германии Н. В. Иванова 24 августа 1939 г](#)
- [606. Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей \[25 августа 1939 г.\]](#)
- [607. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франции в Польше Л. Ноэлю 25 августа 1939 г](#)

- [608. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Китая в СССР Ян Цзе 26 августа 1939 г.](#)
- [609. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 26 августа 1939 г.](#)
- [610. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Германии Р. Кулондру 26 августа 1939 г.](#)
- [611. Интервью главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции 27 августа 1939 г.](#)
- [612. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского со специальным полномочным послом Китая Сунь Фо 27 августа 1939 г.](#)
- [613. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне 27 августа 1939 г.](#)
- [614. Разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 года \[28 августа 1939 г.\]](#)
- [615. Запись беседы заместителя министра иностранных дел Польши Я. Шембека с послами Франции и Великобритании в Польше Л. Ноэлем и Г. Кеннардом 29 августа 1939 г.](#)
- [616. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 29 августа 1939 г.](#)
- [617. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Н. В. Иванова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 29 августа 1939 г.](#)
- [618. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном 30 августа 1939 г.](#)
- [619. Телеграмма бюро имперского министра иностранных дел Германии по сольству Германии в Великобритании 30 августа 1939 г.](#)
- [620. Речь Председателя Совета Народных Комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.](#)
- [621. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 31 августа 1939 г.](#)
- [622. Телеграмма и. о. военного атташе СССР в Японии Л. А. Мишина в Генеральный штаб РККА 31 августа 1939 г.](#)
- [623. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с послом Польши в Германии Ю. Липским 31 августа 1939 г.](#)
- [624. Сообщение советской печати о ликвидации остатков японо-маньчжурских войск в приграничной полосе МНР 1 сентября 1939 г.](#)

[625. Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В. Н. Павлова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову 1 сентября 1939 г](#)

[626. Телеграмма военного атташе при полномочном представительстве СССР в Польше П. С. Рыбалко и полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат обороны и в Народный комиссариат иностранных дел СССР 1 сентября 1939 г](#)

[627. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 1 сентября 1939 г.](#)

[628. Из дневника полномочного представителя СССР в Германии А. А. Шкварцева 3 сентября 1939 г](#)

[629. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР 3 сентября 1939 г](#)

[630. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР 4 сентября 1939 г.](#)

[631. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР 4 сентября 1939 г.](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1939 году, когда фашистская Германия напала на Польшу, очаги второй мировой войны слились во всеобщий мировой пожар. В наши дни усилился интерес общественности к событиям, связанным с происхождением самого кровопролитного в истории человечества вооруженного конфликта.

Ставятся все новые и новые вопросы. Была ли война неизбежной? Почему не был создан единый фронт государств, жизненным интересам и самому существованию которых угрожал блок фашистских агрессоров? Почему британское правительство, зная об агрессивных планах нацистской Германии, все же не желало сотрудничества с СССР? Чем объяснить тогдашнюю политику Франции и Польши, которые могли многое сделать во избежание худшего, но выбрали курс, приведший их к национальной катастрофе? Что делал для предотвращения мировой войны Советский Союз? Почему его усилия не увенчались успехом? Чем объяснить, что в условиях существования двух различных общественно-экономических систем война началась не между ними, а внутри системы капитализма?

Во многих странах изданы сборники дипломатических документов предвоенных лет. Они дают ответ на некоторые вопросы. Но опубликовано пока далеко не все, множество проблем не выяснено до конца.

Публикуемый сборник посвящен этим сложным вопросам. Он подготовлен на основе вышедшего в 1971 г. сборника «СССР в борь-бе за мир накануне второй мировой войны». Но в него включено немало новых документов, главным образом из советских архивов. Основное место в сборнике отведено материалам, раскрывающим внешнюю политику СССР. Одновременно материалы сборника проливают свет и на тогдашнюю политику ряда других государств.

Среди капиталистических стран Европы наибольшим военно-экономическим потенциалом обладала в конце 30-х годов Германия. Восстановив свои силы после поражения в первой мировой войне, германский империализм снова встал на путь агрессии. В 1936 г. гитлеровский рейх вместе с фашистской Италией развернул интервенцию в республиканскую Испанию. Весной 1938 г. Германия захватила Австрию, а в конце сентября в результате мюнхенского сговора четырех держав — Германии, Англии, Франции и Италии — аннексировала значительную часть Чехословакии ([см. док. 1](#)). Ликвидировав в марте 1939 г. Чехословакию как самостоятельное государство и присоединив к себе Клайпеду, нацистские агрессоры вплотную занялись подготовкой решения «польского вопроса».

Начали захват чужих земель также Италия и Япония. Оккупировав в 1935-1936 гг. территорию Эфиопии, Италия в апреле 1939 г. вторглась в Албанию. В 1931 г. Япония подчинила себе северо-восточные районы Китая и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го. В 1937 г. Япония развернула широкомасштабную агрессию в Центральном Китае. Шли переговоры о заключении военного союза трех агрессивных держав.

В повестку дня встал вопрос об очередном империалистическом переделе мира. Доминирующее положение Англии, Франции и США оказалось под угрозой. Политики, дипломаты и военные в Лондоне, Париже и Вашингтоне проигрывали два основных варианта: создавать единый фронт против агрессивных держав и в этом случае взаимодействовать с Советским Союзом или сговариваться с агрессорами за счет других стран.

Британские консерваторы по соображениям прежде всего классового порядка предпочли второй курс. Расчет делался на то, что Британской империи удастся откупиться от Германии и Японии за счет стран, не представлявших для Лондона особого интереса, а если война будет неизбежной, разрядить энергию агрессоров, втавив их в войну с СССР.

Британские планы сговора с Германией открытым текстом изложил Гитлеру 19 ноября 1937 г. лорд Галифакс — влиятельный член правительства Н. Чемберлена {{* См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. М., 1981. Т. 1. С. 42 (далее: Документы и материалы кануна второй мировой войны...)}}. А вот как виделась последнему перспектива 12 сентября 1938 г., в канун встречи с Гитлером в Берхтесгадене: «Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России» {{** Крал В. План Зет. М., 1978. С. 226.}}. Консерваторы упорно гнули свою линию: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть» {{*** Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion. 1934—1939. München, 1972. S. 62.}}.

Официальный Лондон стремился оформить предлагавшийся им сговор в полномерном договоре, но в конце концов довольствовался подписанием с Гитлером 30 сентября 1938 г. декларации «никогда более не воевать друг с другом» и продолжать усилия по устранению «возможных источников разногласий» методом консультаций (док. 2). Фактически это было соглашение о ненападении.

Опаснейшая политическая игра британского премьера, по сути, программировала роковой исход. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп прокомментировал мюнхенский фарс следующим образом: Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение» {{* Dalton H. The Fateful years: Memoirs, 1931-1935. L., 1957. P. 195.}}.

Французская дипломатия шла в то время в фарватере у британской. Правда, в 1935 г. между СССР и Францией был подписан договор о взаимопомощи. Но французское правительство, не без воздействия Лондона, уклонилось от придания обязательству о взаимной помощи должной эффективности путем подписания соответствующей военной конвенции. И когда в 1938 г. встал вопрос о поддержке Францией и Советским Союзом Чехословакии, то обнаружилось, что Париж не считает себя связанным данным им словом. Он позорно предал и своего чехословацкого союзника, и советского партнера.

Сразу после Мюнхена французский посол в Германии А. Франсуа-Понсе заявил Г. Герингу, что глава правительства Франции Э. Даладье полностью доверяет «фюреру» и хотел бы заключения союза с Германией, чтобы избавиться от «союза с Москвой» (док. 17). 6 декабря 1938 г. Франция подписала с Германией декларацию о ненападении. После этого министр иностранных дел Франции Ж. Бонне с удовлетворением писал, информируя французских послов в других странах, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток» {{** Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. P., 1947. T. 1. P. 375.}}.

В развитии событий в Европе немало зависело от позиции Польши. Казалось бы, в ее интересах было создание заслона германской агрессии. Однако тогдашние польские руководители встали на путь потворства аннексии Германией Австрии, а затем участия в расчленении Чехословакии. В итоге военно-стратегическое положение самой же Польши катастрофически ухудшилось. Она была теперь окружена германскими войсками с трех сторон. Торпедируя безопасность Польши, польские правящие круги одновременно создавали новые трудные проблемы и для безопасности СССР.

В сложное положение попали малые страны Европы. Убедившись, что ни на какую помощь от Англии и Франции, а тем самым и от Лиги наций рассчитывать не приходится, многие из них фактически отдались на милость агрессоров. Результатом стало дальнейшее неблагоприятное изменение соотношения и расстановки сил в Европе.

Усилиями участников мюнхенского сговора международное положение СССР в высшей степени осложнилось. Советский Союз был поставлен в положение опасной изоляции. Велась откровенная пропаганда «крестового похода» против страны социализма, в котором роль ударного отряда отводилась фашистской Германии на Западе и милитаристской Японии на Востоке. Реакционные круги Англии, Франции и США не таили, что их устроил бы подобный поворот событий.

Агрессивные державы все же не считали в то время возможным нападение на СССР. За рубежом при всех оттенках и крайностях оценок все же превалировало мнение, что в СССР создан мощный оборонительный потенциал и что, несмотря на невосполнимый урон от сталинских репрессий в отношении руководящих военных кадров, Красная Армия представляла собой серьезную силу.

Свои значительные возможности Советский Союз продемонстрировал, в частности, помощью в предвоенные годы Испании и Китаю. Даже по неполным данным, СССР поставил испанскому республиканскому правительству, отрезанному политикой

«невмешательства» западных держав от других источников приобретения вооружений, 806 самолетов, 362 танка, более 100 броневых автомобилей, 1555 артиллерийских орудий и немало других военных материалов {{* Проблемы испанской истории. М., 1971. С. 289.}}. Большая военная помощь была оказана Китаю, сражавшемуся против японских агрессоров (см. док. 400, 415, 416, прим. 5, 129, 130). В сентябре 1938 г. Советское правительство подготовило для отправки в Чехословакию 548 самолетов {{** Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979. С. 312—313.}}.

В начале 1939 г. правители фашистской Германии наметили планы своих дальнейших агрессивных действий. Было решено сначала захватить Чехословакию и разгромить Польшу, после чего нанести поражение Франции. Затем планировалось нападение на Советский Союз (док. 182).

Тогда же об этих планах с беспокойством узнали в Лондоне, Париже и Вашингтоне (док. 175). Тревога возросла, когда Германия ликвидировала 15 марта 1939 г. Чехословацкое государство и принялась шантажировать Польшу.

В надежде как-то подправить положение Англия и Франция дали весной 1939 г. заверения Польше, Румынии, Греции и Турции, что не бросят их на произвол в случае возникновения для них военной угрозы. Параллельно Лондон установил контакты с СССР на предмет возможного согласования позиций перед лицом разрастания нацистской агрессии. Чуть позднее в начавшийся англо-советский обмен мнениями включилась Франция. Как свидетельствуют документы, основная задача британской дипломатии состояла не в достижении взаимопонимания с советской стороной, а в подталкивании Германии к соглашению с Англией и Францией.

Инсценировка англичанами решимости искать в Москве альтернативу политике соглашения с Германией не произвела на Берлин того впечатления, на которое рассчитывали западные страны. 3 апреля было издано распоряжение об изготовке к 1 сентября германских войск для нападения на Польшу (док. 250). 11 апреля был утвержден оперативный план «польской кампании» — план «Вайс» (док. 265).

Советское правительство выступило 17 апреля 1939 г. с предложением о заключении между СССР, Англией и Францией договора о взаимной помощи. Имелось в виду также, что в случае агрессии против ряда европейских государств три державы совместно придут им на помощь. Во избежание проволочек все аспекты практической реализации обязательств подлежали фиксированию в военной конвенции (док. 276). Британское посольство в Москве в связи с этим предложением констатировало, что «Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией» {{* Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939. Wash., 1956. Vol. 1. P. 240 (далее: FRUS).}}.

Однако британский кабинет во главе с Н. Чемберленом счел 26 апреля советские предложения неприемлемыми {{** Public Record Office (London). Cab. 23/99. P. 58-61.}}. Характеризуя позицию своего правительства, глава Северного департамента МИД Англии Л. Кольер отмечал, что оно не желает связывать себя с СССР, «а хочет дать Германии возможность развивать агрессию на восток за счет России...» {{*** Niedhart G. Op. cit. S. 411.}}.

Советская инициатива не встретила конструктивного отклика и в Париже. Там согласились с мнением Лондона, что предложение СССР «не отвечает требованиям

нынешней ситуации» {{**** Documents diplomatiques français, 1932-1939. Sér. 2. P., 1981. T. 15. P. 789-790 (далее: DDF).}}.

Уклоняясь от принятия на себя обязательств о помощи Советскому Союзу, Англия и Франция вместе с тем домогались от СССР готовности помогать как им, так и тем государствам, которым Лондон и Париж дали свои гарантии. Советское правительство расценило подобные претензии как «издевательские» (см. док. 296). Оно было согласно оказать помощь Англии и Франции, равно как и ряду других государств, но при условии, что Англия и Франция также обяжутся прийти на помощь СССР, если он окажется в состоянии войны с Германией.

Как только всплывал вопрос о взаимности, британские и французские представители начинали вилить. И не случайно. Сейчас доступны многие документы официального Лондона и Парижа за предвоенные годы. Каждый непредвзятый исследователь может убедиться: желание заручиться помощью от СССР имелось, но связывать себя обязательствами помощи Советскому Союзу на основе взаимности Англия и Франция не были расположены. Это чрезвычайно усложняло поиск основ для договоренности.

Чем же руководствовались англичане, продолжая переговоры с СССР?

Небольшой экскурс в историю. На Темзе и Сене, разумеется, не забывали, что в 1922 г., когда Англия и Франция отказывались по-нормальному вести дела с Советской республикой, она нашла подходы к заключению равноправного и взаимовыгодного договора с Германией (по месту подписания он вошел в историю как Рапалльский). В течение целого десятилетия этот договор являлся базой для полнокровных экономических, а в немалой степени и политических отношений между двумя странами.

Как явствует из документов, правительства Англии и Франции отдавали себе в 1939 г. отчет в том, что прекращение ими переговоров с Москвой было бы равнозначно рекомендации Советскому Союзу изыскивать иные альтернативы. Само собой понятно, что англичане и французы внимательно следили за проснувшимся в Берлине интересом к известной нормализации отношений с СССР, на первых порах в экономической сфере.

Показателен меморандум начальников штабов трех видов вооруженных сил Англии, который был вынесен на заседание британского правительства 16 мая 1939 г. Соглашение о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом, говорилось в нем, «будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Если же такое соглашение не будет заключено, то это окажется «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия». Если бы, отвергая союз с Россией, подчеркивалось в меморандуме, Великобритания толкнула ее на соглашение с Германией, «то мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности» {{* Public Record Office. Cab. 27/625. P. 52-55.}}.

Однако лорд Галифакс заявил на этом заседании, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения в пользу пакта {{** Ibid. P. 28, 32, 33, 42, 230.}}. Н. Чемберлен сказал, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами» {{*** The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938-1945. L.. 1971. P. 182.}}.

Было все же признано целесообразным для противодействия нормализации отношений между Германией и СССР «какое-то время продолжать поддерживать переговоры» с Советским Союзом {{**** Public Record Office. Cab. 23/99. P. 128-130.}}.

Установка на «переговоры ради переговоров» не изменилась и после того, как с середины июня они были сосредоточены в Москве. Советскую сторону представлял в переговорах Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов. Советское руководство пригласило для участия в переговорах Галифакса, но это было отклонено с ремаркой Н. Чемберлена: визит в Москву британского министра «был бы унижительным» {{***** Daily Telegraph. 1970. January 1.}}.

Британским представителем на переговорах, от которых зависели судьбы мира, был посол в Москве У. Сидс. Ему в подмогу был направлен руководитель одного из департаментов Форин офиса У. Стрэнг, который сопровождал Чемберлена осенью 1938 г. во время его визитов в Германию на переговоры с Гитлером. Сидс и Стрэнг имели задание создавать впечатление, будто Лондон стремится к достижению соглашения, тогда как в действительности там заранее была запрограммирована безрезультатность переговоров. Францию представлял в переговорах посол в Москве П. Наджиар.

С 15 июня по 2 августа было проведено 12 заседаний, как правило, продолжительных по времени. Ни переводчики, ни стенографы на переговорах не присутствовали. Переводил участвовавший в переговорах заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин. В делах об этих переговорах, имеющихся в архиве МИД СССР, содержатся только тексты письменных предложений, которыми обменивались стороны.

Для полноты картины в настоящий сборник включены телеграммы, которые после каждого заседания отсылал в Париж П. Наджиар. Эти документы опубликованы во Франции сравнительно недавно и в работах советских ученых пока мало использованы. Разумеется, надо сделать оговорку, что Наджиар излагает высказывания советских представителей в собственной редакции.

На переговорах сразу же дали себя знать различия концепций. После первого заседания, состоявшегося 15 июня, В. М. Молотов телеграфировал советским полпредам в Лондоне и Париже, что англичане и французы, судя по их предложениям, «не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств» (док. 408). Между тем даже Н. Чемберлен вынужден был признать, что «русские преисполнены стремления достигнуть соглашения» {{* Public Record Office. Cab. 27/625. P. 186.}}.

Французские эксперты обратили, в частности, внимание на заявление советской стороны, что СССР может выставить для выполнения своих обязательств 100 дивизий (см. док. 422, 438). Ведь англичане обещали отправить на помощь Франции в начале войны всего несколько дивизий. К тому же в Париже было получено донесение французского военного атташе в Москве генерала О. Паласа, что СССР в состоянии внести «крупный вклад» в борьбу против агрессии в Европе. Он писал, что Советский Союз располагает армией в 2 млн хорошо подготовленных солдат. Кроме того, имеется резерв — еще 60 дивизий {{** DDF. Ser 2. P., 1983. T. 16. P. 794-797.}}. Это свидетельствует, писал Палас, о крупномасштабном характере мероприятий, предусмотренных Советским правительством {{*** Ibid. P., 1984. T. 17. P. 9.}}.

Однако политики стояли на своем — никакой военной конвенции с СССР, содержащей твердые обязательства сторон. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в телеграмме французским послам в Лондоне и Москве 24 июня подчеркивал, что политическое соглашение не должно быть обусловлено заключением военного соглашения {{**** Ibid. T. 16. P. 974.}}. Англия и Франция не хотели брать на себя также обязательство не заключать в случае войны сепаратного мира с Германией.

Гарантии Польше и некоторым другим странам давались англичанами и французами на случай как прямой, так и косвенной агрессии (например, такой, при помощи которой Германия заставила 15 марта 1939 г. капитулировать Чехословакию). Но они не собирались распространять условие о помощи при косвенной агрессии на соседние с СССР Прибалтийские государства.

4 июля 1939 г. на заседании британского правительства рассматривался вопрос, не пора ли срывать московские переговоры. Условились на том, что дискуссии в Москве следует продолжать, но к соглашению дело не вести. «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, — заявил лорд Галифакс, — чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией» {{* Public Record Office. Cab. 27/625. P. 236-237.}}.

Англичане и сами видели опасность, которую таил в себе такой курс. Военный министр Л. Хор-Белиша предупреждал своих коллег по кабинету, что, «хотя это в настоящее время кажется невероятным, элементарная логика подсказывает возможность соглашения» между Германией и СССР {{** Ibid. Cab. 23/99. P. 129-130.}}.

Такой же обструкционистской позиции придерживалось : французское правительство. 11 июля оно сообщило Форин офису, что считает советское предложение об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений неприемлемым. В обоснование этой точки зрения отмечалось, что во время военных переговоров возникнут серьезные трудности, так как необходимо будет получить согласие Польши и Румынии на проход советских войск через их территорию {{{* Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. L., 1953. Vol. 6. P. 328 (далее: DBFP).}}.

На следующий день лорд Галифакс телеграфировал У. Сидсу что посол должен «отклонить оба главных предложения» Советского правительства {{{*** Ibid. P. 335.}}}, которые в то время рассматривались, т. е. как предложение об одновременном подписании политического и военного соглашений, так и советский проект определения косвенной агрессии.

Если какое-то соглашение все же пришлось бы заключить, то в Лондоне намеревались сформулировать пункт о косвенной агрессии таким образом, чтобы Англия могла уклониться от выполнения соглашения. 10 июля канцлер казначейства ДБ. Саймон отмечал на заседании внешнеполитического комитета британского правительства: «Нам важно обеспечить свободу рук, чтобы мы могли заявить России, что не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с интерпретацией ею фактов» {{{***** Public Record Office. Cab. 27/625. P. 266.}}.

Московские переговоры ввиду позиции западных делегатов на заседании 17 июля явно за буксовали.

Обеспокоенный опасностью срыва переговоров, У. Стрэнг отмечал 20 июля в письме в Форин офис, что это побудит немцев к действию. Кроме того, срыв переговоров может «вынудить Советский Союз встать на путь изоляции или компромисса с Германией» {{{***** DBFP. Ser. 3, vol. 6. P. 423-426.}}.

Мобилизационные мероприятия в Германии достигли к этому времени такого размаха, что французское правительство не могло более их игнорировать. 19 июля французскому послу в Лондоне Ш. Корбену дается указание встретиться с министром иностранных дел лордом Галифаксом и призвать его «взвесить меру ответственности», которую возьмут за

неудачу московских переговоров Англия и Франция. «Вся наша система безопасности в Европе будет подорвана, эффективность помощи, обещанной нами Польше и Румынии, будет скомпрометирована», — подчеркивалось в указаниях Корбену. Исход переговоров решит, будет в ближайшие недели война или нет {{* DDF. Sér. 2. T. i7. P. 394.}}.

Беспокойство Парижа было вполне объяснимо. Там знали, что в ответ на нападение Германии на Польшу англичане ограничатся только блокадой нацистского рейха. В случае отсутствия соглашения с СССР после разгрома Польши, в чем в западных странах никто не сомневался, основным фронтом оказался бы германо-французский. А это было чревато для Франции самыми опасными последствиями.

Был ли для Франции выход? Да, был! В Берлине не считали возможным развязывать войну, если противниками Германии будут одновременно Франция, Англия и СССР. Тут в Париже вспомнили о франко-советском договоре о взаимопомощи, подписанном в 1935 г. Превращение его в трехсторонний, т. е. англо-франко-советский, и было бы для Франции спасением. Французская дипломатия, проявлявшая до этого в московских переговорах полную пассивность, несколько активизировала свою деятельность.

После многих проволочек британское и французское правительства в конце июля выразили готовность заключить одновременно с политическим также и военное соглашение, для чего открыть переговоры военных представителей (док. 506). Однако это не означало, что в Лондоне и Париже наконец действительно определились в своей политике и решили наладить эффективное сотрудничество с СССР.

Н. Чемберлен предпринимает новую энергичную попытку договориться с Гитлером. 18—21 июля 1939 г. в Лондоне в глубокой тайне состоялись переговоры ближайшего советника британского премьера Г. Вильсона и министра внешней торговли Р. Хадсона с нацистским эмиссаром Х. Вольтатом. Германский посол в Лондоне Г. Дирксен писал, излагая заявления этих британских представителей, что в случае достижения договоренности с Германией англичане аннулировали бы гарантии, данные ими некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, «Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы» {{** Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 290.}}.

Британским консерваторам не удалось сохранить в тайне ни сам факт встреч с Вольтатом, ни суть шедшего на них торга. О них стало известно и в Москве {{* См.: Правда. 1939. 24 июля.}}. Естественным следствием британских маневров могло быть только усиление в СССР подозрений по поводу подлинных намерений Лондона и Парижа. Не подлежало сомнению, что Н. Чемберлен не пересмотрел свою мюнхенскую политику и не склонен делать этого в обозримом времени.

Подтверждением такому выводу было также опубликование 24 июля 1939 г. англо-японского соглашения, которое вошло в историю как дальневосточный Мюнхен. Англия обязалась не поощрять какие-либо действия или меры, препятствующие достижению японскими войсками их целей в Китае (док. 495). Символичен сам момент сделки британских консерваторов с японскими милитаристами. Именно в это время Япония развернула военные действия против советско-монгольских войск в районе р. Халхин-Гол. Лондон политически ассистировал Японии, что также не могло остаться бесследным (см. док. 507).

Теперь все должны были окончательно прояснить переговоры военных представителей СССР, Англии и Франции. Главным советским делегатом на них был назначен нарком обороны К. Е. Ворошилов, который уполномочивался подписать военную конвенцию (док. 530). Начальник Генерального штаба РККА Б. ДМ. Шапошников подготовил конкретные предложения, которые могли бы составить основу этой конвенции (док. 527).

К началу тройственных военных переговоров ситуация в Европе еще больше осложнилась. Советское правительство располагало достаточной информацией из различных источников, чтобы воспринимать надвигавшиеся события всерьез. 7 августа к нему поступили данные, что «развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши» (док. 533)

Такие же сведения стекались в Лондон и Париж. Но британские и французские власти не торопились открывать военные переговоры с СССР. Они не сочли нужным также назначить для их ведения лиц, действительно компетентных и наделенных правами принимать на месте необходимые решения. Британскую делегацию возглавлял главный адъютант короля по морским делам адмирал П. Дракс, французскую — член высшего военного совета французской армии генерал Ж. Думенк.

Инструктируя 2 августа П. Дракса, лорд Галифакс вовсе и не ставил перед ним задачу заключения военной конвенции. Ему поручалось лишь продолжение «переговоров ради переговоров», а именно «тянуть с переговорами возможно дольше» {** *Drax R. P. Mission to Moscow, August, 1939. Naval Review. 1952. No. 3. P. 252.* }.

«Дольше» означало до конца сентября, после чего, как полагали в Лондоне, необходимость в них вообще отпадет из-за погоды. Наступление к этому времени осенней распутицы, прикидывали лондонские стратеги, сделает нападение Германии на Польшу в 1939 г. технически невозможным, а до следующей весны можно будет договориться с Германией.

Французское правительство тоже не искало способов расчистить пути к заключению с СССР военной конвенции. Как видно из воспроизводимых в сборнике инструкций французской делегации (док. 508), Париж делал ставку прежде всего на психологический эффект, который произведет на Германию факт военных переговоров.

Из директив британской и французской делегациям, а также других документов вытекает, что Лондон и Париж отдавали себе отчет в значении для исхода дела вопроса о проходе советских войск через определенные районы Польши, чтобы вступить в боевые действия с германскими войсками. Однако никаких шагов для удовлетворительного решения этого вопроса англичанами и французами предпринято не было. Он являлся удобным поводом для затягивания переговоров, благо можно было ссылаться на неуступчивость Варшавы.

12 августа, в первый день военных переговоров, обнаружилось, что французская делегация была уполномочена лишь вести переговоры, но никак не подписывать конвенцию. Британская же делегация прибыла в Москву вообще без каких-либо полномочий. Затем вскрылось, что у Дракса и Думенка отсутствуют какие-либо планы по организации военного сотрудничества трех держав.

Таким образом, уже первый день переговоров не мог не показать Советскому правительству, что возлагать на военные переговоры трех держав серьезные надежды было невозможно.

Позиция советской делегации оставила у П. Дракса совсем иное впечатление. «Первые же 24 часа моего пребывания в Москве свидетельствовали,— писал он,— что Советы стремятся к достижению соглашения с нами» {{* Naval Review. 1952. No. 3. P. 254.}}.

Таким образом, на переговорах сошлись две стороны с несовместимыми целями.

Заявление генерала Думенка на заседании 13 августа, что в случае нападения Германии на Польшу Франция «будет всеми своими силами наступать против немцев» (док. 547), сводилось на нет фактами. На англо-французских штабных переговорах весной 1939 г. было решено, что в случае войны Англия и Франция на ее первом этапе ограничатся в отношении Германии только экономическими мерами, т. е. блокадой {{** Parkinson Ft . Peace for our Time: Munich to Dunkirk — the Inside Story. L., 1971. P. 130.}}.

На том же заседании британский генерал Т. Хейвуд сообщил, что Англия располагала всего пятью пехотными и одной механизированной дивизиями, т. е. и при желании она не могла реально противостоять агрессору.

На заседании 14 августа советская делегация поставила кардинальный вопрос, смогут ли советские войска в случае нападения Германии на Польшу пройти через польскую территорию, «чтобы непосредственно соприкоснуться с противником» (док. 551). К. Е. Ворошилов уточнил, что речь идет о проходе советских войск через ограниченные районы Польши, а именно Виленский коридор на севере и Галицию на юге. Без положительного ответа на этот вопрос, подчеркнула советская делегация, заключение военной конвенции «заранее обречено на неуспех» (док. 551).

Британская и французская делегации не были в состоянии даже высказать свое отношение к данному вопросу. «Я думаю,— заметил П. Драке в своем кругу после заседания,— наша миссия закончилась» {{* Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. М., 1972 С 292}}.

Советское правительство также, по-видимому, не могло не сделать соответствующих выводов.

На заседании 15 августа Б. М. Шапошников сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков и 5—5,5 тыс. боевых самолетов. Он изложил различные варианты совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции на случай нацистской агрессии (см. док. 554).

Докладывая в Лондон об этом заседании, британская делегация отмечала, что с началом войны Советский Союз «не намерен придерживаться оборонительной тактики, которую нам предписывалось предлагать» русским. Напротив, он «выражает желание принимать участие в наступательных операциях» {{** DBFP. Ser. 3. L., 1954. Vol. 7. P. 600-601.}}. Ж. Думенк в свою очередь телеграфировал в Париж, что советские представители изложили план «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости нам оказать» (док. 555).

Тем не менее ответа на поставленный советской стороной вопрос о возможности прохода советских войск через определенные районы Польши не поступило ни 15, ни 16, ни 17 августа. В создавшихся условиях по предложению главы британской делегации П. Дракса переговоры были прерваны до 21 августа.

Таким образом, к 17 августа переговоры зашли в тупик. Надежд на заключение военной конвенции СССР, Англии и Франции уже не оставалось.

Немалую роль в создании фронта защиты мира, который мог бы сдержать германских агрессоров, могла бы сыграть Польша. Ведь именно против нее теперь нацеливался главный удар, причем в Варшаве об этом знали {{*** *Kazaczuk W.* Bitwa o tajemnice: Służby wywiadowcze Polski i Rzeszy Niemieckiej, 1922-1939. W - wa, 1967. S. 287.}}. Жизненным интересам польского народа, национально-государственным интересам Польши отвечало успешное завершение переговоров СССР, Англии и Франции, заключение тремя державами договора о взаимопомощи и военной конвенции с соответствующими гарантиями также Польше.

Согласно документам, в Берлине исходили из возможности скорой победы над Польшей и в том случае, если Англия и Франция выступят на ее стороне. Вместе с тем считалось, что Германии не следует нападать на Польшу, если ей будет оказывать помощь еще и СССР, ибо при таком раскладе германские войска могут потерпеть поражение {{* DBFP. Ser. 3. Vol. 6. P. 2.}}.

Как же повело себя в этой критической фазе руководство Польши?

Выше уже говорилось о взаимодействии Варшавы с Берлином, в расчленении Чехословацкого государства. Но это сотрудничество не исчерпывалось перекройкой карты Центральной Европы.

24 октября 1938 г. И. Риббентроп изложил польскому послу в Берлине Ю. Липскому широкую программу германо-польского альянса. Он предложил, чтобы, укрепив дружбу между Германией и Польшей, обе страны проводили «общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта» (док. 43).

Наиболее экстремистски настроенные польские деятели полагали, что Польша в состоянии одна решить «русскую проблему» {{** Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. 6. С. 372.}}. Рассматривалось сотрудничество с Румынией. 26 ноября 1938 г. польский посол в Румынии вел разговор о совместном решении «украинского вопроса» с министром иностранных дел Румынии П. Комненом. Последний рассуждал, с ссылкой на мнение румынского короля, о желательности уменьшения размеров России и образования отдельного «украинского государства». Польша и Румыния, говорил Комнен, образуют «могучий блок около 60 млн человек», и «такая сила могла бы предпринять активные действия» для решения названных проблем. Польский посол подчеркнул идентичность позиции Польши. «Несомненно,— сказал он,— далеко идущие преобразования на территории сегодняшних Советов возможны, и чем скорее Польша и Румыния согласуют свои точки зрения и тактику в этом вопросе, тем больше они смогут сделать...» {{*** Историко-дипломатический архив. Фонд микрофильмов.}}

В беседе с польским министром иностранных дел Ю. Беком 6 января 1939 г. И. Риббентроп поинтересовался отношением польского правительства к устремлениям Пилсудского в отношении Украины. Бек заявил в ответ, что поляки «уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня» (док. 103). 26 января, во время визита в Варшаву по случаю пятилетия германо-польской декларации о дружбе и ненападении 1934 г., Риббентроп снова поднял тему налаживания сотрудничества между Германией и Польшей против СССР. «Г-н Бек не скрывал,— говорится в немецкой записи

этой беседы,— что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» (док. 120).

По окончании визита Риббентропа германский посол в Варшаве Г. Мольтке констатировал: «Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено» (док. 152).

Характеризуя польскую политику, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов отмечал 19 февраля 1939 г., что Польша мечтает превратить Советскую Украину в свою сферу влияния. «Она, однако, будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода Гитлера через Румынию... Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии» (док. 156).

Мечты мечтами, но после ликвидации нацистами 15 марта 1939 г. Чехословакии польским руководителям приходилось все чаще задумываться над тем, как быть, если в ближайшее время Польша, а не кто-то другой, окажется очередным объектом германской агрессии. Варшава занялась спешным ремонтом своих отношений с Англией и Францией, весьма запущенных за 1938 г., когда, как отмечалось, Польша приняла участие в расчленении Чехословакии.

В канун предстоявшего визита Ю. Бека в Лондон МИД Франции передал 18 марта 1939 г. британскому правительству следующую «абсолютно достоверную» информацию. Бек предложит в Лондоне союз, но исходит из того, что это предложение будет признано неприемлемым. Вернувшись в Польшу, Бек сообщит о своем предложении и его отклонении, после чего заявит, что «у Польши были две альтернативы — склоняться к Великобритании или Германии, и теперь ясно, что она должна объединиться с Германией». Бек готов найти выход из создавшегося положения «даже путем превращения в вассала (может быть, главного вассала) нового Наполеона» {{* DBFP. Ser. 3. L., 1951. Vol. 4. P. 373.}}.

Советскими предложениями англичанам и французам от 17 апреля предусматривалось оказание тремя державами помощи Польше в случае агрессии против нее. Такая позиция СССР предопределялась заинтересованностью в сохранении Польши в качестве независимого государства. 10 мая Варшаву посетил В. П. Потемкин. После беседы с Ю. Беком он телеграфировал в Москву: «Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять. Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала» (док. 332).

На следующий же день (11 мая) польский посол в Москве В. Гжибовский известил В. М. Молотова об официальной реакции его правительства. Он заявил, что, во-первых, инициатива в переговорах трех держав о гарантировании Польши «не соответствует точке зрения польского правительства»; во-вторых, «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР» (док. 336).

Когда в середине августа 1939 г. до нападения Германии на Польшу оставались считанные дни, вопрос о помощи Польше оказался в центре внимания в переговорах военных делегаций СССР, Англии и Франции. Посол Франции в Москве П. Наджар писал, что поведение Польши «не может не иметь серьезных последствий для дела мира». Провал

переговоров в результате позиции, занятой поляками, может побудить Гитлера к началу военных действий {{* DDF. Sér. 2. T. 18. P. 211-212.}}.

Париж попытался воздействовать на правительство Польши. Безрезультатно. В записке военного министерства Франции о переговорах в Москве отмечалось, что для облегчения полякам решения в пользу сотрудничества с СССР советская делегация очень четко ограничивала зоны прохода советских войск через польскую территорию и определяла их из соображений «исключительно стратегического характера». Однако Ю. Бек и начальник польского генерального штаба В. Стахевич проявляют «непримиримую враждебность» (док. 578).

Военные переговоры СССР, Англии и Франции оказались в безнадёжном тупике. Когда представители сторон собрались 21 августа в очередной раз, британская и французская делегации высказались за отсрочку заседаний еще на три-четыре дня, чтобы использовать это время для контактов с правительством Польши. К. Е. Ворошилов признал, что в создавшихся условиях действительно нет практического смысла созывать новые заседания. Если же поступят положительные ответы английского и французского правительств по нерешенным вопросам, тогда надо будет сразу же собрать совещание (см. док. 581).

Это было последнее заседание военных делегаций. Лондон и Париж взяли тайм-аут, хотя и знали, что Германия в любой момент может начать военные действия. Время, отпущенное на выработку лучшего из возможных вариантов, было упущено. Англия и Франция растратили его в интригах, добиваясь целей, противоположных тем, которые прокламировались во всеуслышание.

Правда, 22 августа Думенк сообщил Ворошилову, что он получил-де теперь право подписать с СССР военную конвенцию. Расчет состоял в том, чтобы таким ответом, позволить продолжаться трехсторонним военным переговорам (док. 586, 591). К этому моменту у французов не было положительного ответа польского правительства на вопрос советской стороны о проходе войск через Польшу для противостояния агрессору. Очередной польский ответ был получен ими лишь 23 августа, причем согласия на проход войск в нем не было (док. 599).

К исходу лета стали появляться сведения о подготовке англичанами планов нового Мюнхена — теперь за счет Польши. Поляков стали энергично подталкивать к «компромиссу» с Германией и удовлетворению ее требований. Имелись свидетельства того, что Варшава в принципе не исключала уступок, причем самых значительных. Еще в мае 1939 г. заместитель министра иностранных дел Польши М. Арцишевский заявил германскому послу в Варшаве Г. Мольтке, что Ю. Бек «был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция». Какое большое внимание этому придает Бек, продолжал Арцишевский, «показывает та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом» (док. 375).

18 августа польский посол в Берлине Ю. Липский поставил перед Беком вопрос о целесообразности срочного визита министра в Берлин для переговоров с нацистскими руководителями. Варшава сразу же согласилась с этим предложением, и 20 августа Липский вылетел в польскую столицу для обсуждения программы намеченных переговоров {{* Papers and Memoirs of Józef Lipski. N. Y., 1968. P. 563-565}}.

Угроза выхода германских войск непосредственно к советским границам или превращения Польши в германского вассала обретала все более резкие очертания.

Крайне опасным было положение и у восточных границ Советского Союза. Министр иностранных дел Японии Х. Аrita заявил 18 мая 1939 г. в беседе с американским послом в Японии Дж. Грю, что «если Советская Россия будет вовлечена в европейскую войну, то Япония со своей стороны сочтет невозможным остаться вне этой войны» {{** Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan, 1931 — 1941. Wash., 1943. Vol. 2. P. 2.}}. Это означало, что Токио был готов перевести уже шедшие вовсю, особенно в августе, сражения на Халхин-Голе в полномасштабную войну.

В обстановке жестких реалий советскому руководству не оставалось ничего иного, как обратиться к альтернативе — германскому предложению о нормализации отношений между двумя странами.

Проявляя заинтересованность в том, чтобы СССР оставался в стороне в случае нападения Германии на Польшу, Гитлер заявил весной 1939 г., что «необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» и проводить с Москвой в течение определенного времени «политику равновесия и экономического сотрудничества» (док. 414).

Спорадические контакты, связанные с советско-германскими экономическими отношениями, со временем перешли в политический диалог, но до середины августа советские представители, как правило, ограничивались ролью слушателей.

26 июля сотрудник МИД Германии К. Шнурре изложил временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову поэтапный план нормализации советско-германских отношений (см. док. 503). В. М. Молотов телеграфировал в ответ на информацию об этом плане: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнур-ре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно» (док. 510).

2 августа Г. А. Астахова пригласил для разговора И. Риббентроп (см. док. 523). На следующий день германский посол Ф. Шуленбург по указанию из Берлина посетил В. М. Молотова. Он заявил о стремлении германского правительства улучшить отношения с СССР. Касаясь конкретных тем, он заверил, что Германия «не старается ободрять Японию в ее планах против СССР». Нет оснований для трений между Германией и СССР «на всем протяжении между Балтийским и Черным морями». Требования Германии к Польше не противоречат интересам СССР. В Румынии Германия не намерена задевать интересы СССР. У Германии нет агрессивных намерений в отношении Прибалтийских стран и Финляндии. Таким образом, сказал германский посол, «имеются все возможности для примирения обоюдных интересов» (док. 525).

Даже и после этой беседы Ф. Шуленбург телеграфировал в Берлин, что в Москве по-прежнему наблюдается недоверие к Германии и Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией» {{* Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Baden-Baden. 1956. Bd. 6. S. 894 (далее: ADAP).}}. Статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцеккер со своей стороны отметил в своем дневнике 6 августа, что Берлин прилагает все более настойчивые усилия, чтобы договориться, но Москва по-прежнему оставляет эти зондажи без ответа {{** Die Weizsäcker- Papiere, 1933-1950. Frankfurt a. M., 1974. S. 157-158.}}.

Пока существовала хоть самая минимальная надежда на заключение с Англией и Францией договора о взаимной помощи, Советское правительство уклонялось от рассмотрения по существу германских предложений. Однако к середине августа 1939 г. стало очевидным, что надежд на достижение договоренности с Англией и Францией не остается, а война неумолимо приближается. В такой обстановке вставал вопрос: правильно ли продолжать игнорировать германские обращения?

15 августа 1939 г. Ф. Шуленбург, посетив В. М. Молотова, снова заявил о готовности германского правительства улучшить отношения между двумя странами. В этих целях, сказал он, Риббентроп готов прибыть в Москву. Нарком впервые в беседе с германским послом проявил интерес к обмену мнениями по конкретным вопросам. Он спросил Шуленбурга, насколько соответствуют действительности полученные из Рима сведения насчет готовности Германии содействовать урегулированию отношений между СССР и Японией, заключить советско-германский пакт о ненападении и совместно гарантировать Прибалтийские страны, а также заключить широкое хозяйственное соглашение (см. док. 556).

Два дня спустя, получив указания из Берлина, Ф. Шуленбург передал В. М. Молотову положительный ответ на все эти вопросы. Он сообщил о готовности министра иностранных дел Германии прибыть в Москву 18 августа или в последующие дни. Молотов напомнил, что до последнего времени представители германского правительства выступали с враждебными в отношении СССР заявлениями; если теперь это правительство делает поворот к серьезному улучшению отношений с СССР, то это можно только приветствовать. Первым шагом к улучшению отношений могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения. Вторым шагом через короткий срок, — заявил Молотов, — могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта. Было подчеркнуто, что перед приездом Риббентропа необходимо провести соответствующую подготовку, чтобы получить уверенность, что переговоры обеспечат достижение определенных решений (док. 570).

19 августа Ф. Шуленбург снова посетил В. М. Молотова, добиваясь согласия на безотлагательный приезд в Москву И. Риббентропа. Он заявил, что германо-польские отношения обострились в такой степени, что возможно возникновение конфликта. Желательно выяснение советско-германских отношений до возникновения этого конфликта, так как во время конфликта это сделать будет трудно. Посол подчеркнул, что Риббентроп имел бы неограниченные полномочия «заключить всякое соглашение, которое бы желало Советское правительство» (док. 572).

Молотов сообщил в тот же день германскому послу, что если торгово-кредитное соглашение, о котором шли переговоры, будет без отлагательств подписано, то Риббентроп мог бы приехать в Москву 26—27 августа. Он передал также проект договора о ненападении (см. док. 572).

Всего несколько часов спустя в Берлине было подписано советско-германское кредитное соглашение. Германия обязалась поставить СССР не только в обмен на советские товары, но и в кредит (на 200 млн марок) промышленные изделия. Среди них были станки и другие изделия, необходимые СССР прежде всего для укрепления обороноспособности страны, а также значительное количество различных военных материалов (док. 575).

21 августа Ф. Шуленбург передал наркому иностранных дел послание Гитлера Сталину. В нем отмечалось, что в отношениях между Германией и Польшей в любой момент может разразиться кризис. «Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол» (док. 582).

Пробил час решений. Судя по информации, сходящейся из разных точек, ждать перемен к лучшему на переговорах военных делегаций СССР, Англии и Франции не приходилось. Отказаться от подписания с Германией договора о ненападении в момент, когда война в Европе была на пороге и когда на Дальнем Востоке СССР уже стоял одной ногой в войне, было бы крайне рискованно. Вечером 21 августа Советское правительство сняло возражения против приезда в Москву Риббентропа.

Уже через день германский министр иностранных дел был в Москве. Переговоры с ним вели И. В. Сталин и В. М. Молотов. Записей переговоров, по-видимому, не велось. Их нет ни в советских, ни в германских архивах. Советник германского посольства в Москве Г. Хильгер, присутствовавший на переговорах в качестве переводчика, отмечает в мемуарах, что И. Риббентроп не привез каких-либо новых предложений. Его высказывания ограничивались тем, что, согласно указаниям из Берлина, Ф. Шуленбург уже говорил В. М. Молотову {{* *Hilger G* . Wir und der Kreml. Frankfurt a. M., 1964. S. 288.}}.

Результатом состоявшихся переговоров явилось подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении (док. 602). Он сразу же был опубликован в советской печати.

Одновременно с советско-германским договором о ненападении был подписан «секретный дополнительный протокол» (док. 603), который в СССР впервые был опубликован лишь недавно.

В соответствии с «секретным дополнительным протоколом» Германия брала на себя обязательства, шедшие навстречу интересам безопасности СССР, Германия отказывалась от претензий на Украину, от притязаний на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-Восточной Европы, где это могло бы представить опасность для СССР. В случае войны между Германией и Польшей немецкие войска не должны были бы вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а в Польше продвигаться дальше рек Нарев, Висла и Сан. Это означало, что в случае, если бы Германия через какое-то время все же решила развязать войну и против СССР,— а это, как известно, и произошло в 1941 г.,— то исходные рубежи германской агрессии находились бы на несколько сот километров западнее, чем в случае захвата ею в 1939 г. Прибалтики и всей Польши.

В декабре 1989 г. вопрос о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении был рассмотрен Съездом народных депутатов СССР. В постановлении Съезда констатируется, что приложенный к договору «секретный дополнительный протокол» как по методу его составления, так и по содержанию являлся отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятое в нем разграничение «сфер интересов» СССР и Германии находилось с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран. Съезд признал протокол и другие секретные договоренности с Германией юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания.

Советско-германский договор о ненападении серьезно сказался на развитии ситуации на Дальнем Востоке. В Японии расценили заключение Германией этого договора как грубое нарушение ею обязательств по «антикоминтерновскому пакту». Японское правительство во главе с К. Хиранумой, строившее политику на основе этого пакта, пало. Японские милитаристы вынуждены были отказаться от планов взять реванш за сокрушительное поражение, понесенное их войсками от советских и монгольских вооруженных сил в районе р. Халхин-Гол.

Идея на заключение договора о ненападении с Германией, СССР проявлял интерес и к продолжению переговоров с Англией и Францией (док. 608). Однако британское, а вслед за ним и французское правительство никак не откликнулись на соответствующие предложения. В их глазах игра, которая долго велась Лондоном и Парижем, утратила смысл.

Последняя декада августа 1939 г. весьма показательна для понимания британских планов той поры. 22 августа Н. Чемберлен направил Гитлеру срочное послание, в котором предупредил о намерении своего кабинета выполнить обязательства перед Польшей в случае применения Германией оружия. Одновременно Чемберлен заверял, что он готов к переговорам для рассмотрения спорных вопросов, имеющихся между Германией и Польшей, равно как и для обсуждения более широких проблем, затрагивающих будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для Великобритании и Германии (док. 593).

В самом Лондоне, да и других столицах это обращение Н. Чемберлена было прочитано в свете Мюнхена — Германия также в «польском вопросе» может получить все желаемое, если воздержится от использования оружия. Об этом сообщал в Москву советский полпред в Лондоне И. М. Майский (см. док. 609). Об этом же писали в Вашингтон американские послы в Лондоне Дж. Кеннеди {{* FRUS, 1939. Vol. 1. P. 355-356.}} и в Париже У. Буллит. Так, Буллит телеграфировал, что британские дипломаты ведут «деликатную подготовку предательства Польши, используя средства, аналогичные тем, которые они так успешно применили в отношении Чехословакии» {{** Jbid. P. 377.}}.

Из протоколов заседаний британского правительства видно, что Н. Чемберлен до последней минуты надеялся на достижение договоренности с нацистской Германией. Еще 26 августа он заявлял: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас» {{*** Public Record Office. Cab. 23/100. P. 375.}}.

Сходной оказалась в решающий момент и позиция Франции. Э. Даладье заклинал Гитлера: «Ни один француз не сделал больше меня для укрепления между нашими странами не только мира, но и искреннего сотрудничества» {{**** Documents diplomatiques. 1938-1939. P., 1940. P. 266-267.}}.

Подобная риторика остановить нацистскую Германию не могла Германская военная машина была изготовлена к первой из серии молниеносных войн. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия крупными силами вторглась в Польшу. Начавшиеся разрозненные и локальные конфликты слились в мировой пожар, поглотивший десятки миллионов человеческих жизней.

* * *

Документы, включенные в сборник, охватывают период с конца сентября 1938 г. до начала сентября 1939 г. Сборник содержит обширную переписку Народного комиссариата иностранных дел СССР с советскими полномочными представителями в Англии, Франции, Германии и других странах, записи бесед, тексты предложений иностранным государствам, выступления советских официальных лиц, донесения советских военных атташе и советской военной разведки об агрессивных планах Германии, Японии и Италии, сообщения ТАСС, некоторые материалы советской печати.

С учетом хронологических рамок сборника в него включено выступление В. М. Молотова от 31 августа 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР в связи с внесенным на его одобрение предложением о ратификации советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Это было первым из серии выступлений Молотова в Верховном Совете осенью — зимой 1939 г. Уже в нем проявилось, а в последующих выступлениях становилась все более выраженной «смена вех» сталинского руководства страны в направлении противоестественному противоречащему самим основам ленинской внешней политики СССР сближению с фашистской Германией. Если заключение договора о ненападении было пусть вынужденным, но необходимым шагом в реальных условиях второй половины августа 1939 г., то курс на сближение с фашистским государством никакой необходимостью не вызывался и нанес серьезный ущерб международным позициям и престижу СССР, влиянию международного коммунистического движения, дезориентировал советских людей.

В сборник включены также иностранные документы, взятые, как правило, из официальных английских, французских, американских, германских и других публикаций.

Документы расположены в сборнике в хронологическом порядке.

Советские дипломатические документы воспроизводятся по текстам документов, хранящихся в архивах. Если документ был опубликован ранее, то в конце документа указано соответствующее издание.

Включенные в сборник иностранные документы также сопровождаются ссылками на источники.

Большинство помещенных в сборнике документов публикуется полностью. Для обозначения пропущенных пассажей проставлены три точки в квадратных скобках. Сокращения сделаны с целью исключения второстепенных моментов или вопросов, выходящих за пределы темы сборника. Различного рода служебные пометки на документах опускаются.

Исправления очевидных неточностей текста (пропуски букв, опечатки, орфографические погрешности и т. п.), не имеющие смыслового значения, не оговариваются. В тех случаях, когда представляется затруднительным исправить погрешности текста, в подстрочных примечаниях указывается: «Так в тексте» или «Так в документе». Восполняемые недостающие в документах отдельные слова, части слов и т. п. даны в квадратных скобках. Тексты документов печатаются по современной орфографии.

В заголовках указывается вид документа (телеграмма, письмо, запись беседы, декларация и т. п.), отправитель, адресат и дата. Место написания документа, как правило, не называется, за исключением случаев, когда документ посылается не из постоянного местопребывания отправителя.

Сборник сопровождается примечаниями двух видов:

1)подстрочными, которые отмечаются звездочками и размещаются в конце страницы, под текстом, и в которых даются пояснения и уточнения отдельных мест текста документов;

2)комментариями к документам, которые обозначаются цифрами и помещаются в конце сборника; в них даются разъяснения по существу того или иного вопроса, в случае необходимости кратко излагается история вопроса и т. п.

Примечания, принадлежащие редакции сборника, не оговариваются. После подстрочных примечаний, принадлежащих самим документам, указывается: (Прим. док.), т. е. примечание документа, или (Прим. автора), т. е. примечание автора данного документа

После комментариев в сборнике дан именной указатель.

* * *

Сборник подготовлен Историко-дипломатическим управлением МИД СССР. Предисловие написал профессор В. Я. Сиполс.

В подготовке сборника принимали участие: В. В. Абрамов (руководитель группы), В. Ю. Вельский, С. А. Горлов, Л. М. Зайцева, Т. В. Позднякова, Т. А. Романова, Г. А. Тахненко, Г. К. Фролов

1. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией ¹

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1.Эвакуация начинается с 1 октября.

2.Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3.Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4.Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте { { * Не публикуется. } }, будут заняты германскими войсками в следующем порядке.

Зона, обозначенная цифрой I, — 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы До окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

*Гитлер
Эд. Даладье
Муссолини
Невиль Чемберлен*

Дополнение к соглашению

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

(Следуют те же подписи)

Дополнительная декларация

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

(Следуют те же подписи)

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. Т. 1. Ноябрь 1937 г.— декабрь 1938 г. М., 1981. С. 237-239.

2. Англо-германская декларация ²

30 сентября 1938 г.

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение {{ * [См. док. 1.](#) }} и англо-германское морское соглашение³ как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы

полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

*А. Гитлер
Невиль Чемберлен*

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 241.

3. Выступление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова на сессии Совета Лиги наций

30 сентября 1938 г.

Я хочу заверить представителя Китая в нашем сочувствии и понимании его неудовлетворенности представленным нам докладом⁴. Я согласен с ним, что этот доклад не соответствует тому, чего Китай имел право ожидать от Лиги наций. Такими докладами агрессоров не удержать и агрессию не приостановить. Тот факт, что нам приходится ограничиваться такими докладами, еще более достоин сожаления в настоящий момент, когда столько делается вне Лиги для того, чтобы поощрить агрессию и обеспечить успех агрессорам. Мое правительство было бы готово пойти дальше этого доклада и принять участие в коллективных мероприятиях, которые позволили бы Лиге наций выполнить все свои обязательства перед Китаем.

Индивидуальными мерами не много можно сделать для приостановления агрессии, если эти меры не будут проводиться другими членами Лиги. Мое правительство было бы готово участвовать в такой координации коллективных мероприятий, но так как другие правительства не находят это возможным для себя, приходится голосовать за этот доклад⁵.

Правда. 1938. 2 октября.

4. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

30 сентября 1938 г.

Сегодня, очевидно, во исполнение вчерашнего обещания Галифакса меня пригласил Кадоган и, сообщив основные пункты мюнхенского соглашения {{* [См. док. 1.](#)}} (которые, конечно, известны вам из газет), стал настойчиво спрашивать, что я о нем думаю. Я ответил, что о характере моей оценки соглашения Кадоган, вероятно, легко догадается, и в свою очередь стал спрашивать его о некоторых деталях договора. Из ответов Кадогана, между прочим, выяснилось:

1. Чехи по мюнхенскому договору имеют право вывезти из сдаваемых районов оружие, амунизию, движимое имущество и т. д., что им запрещалось ультиматумом Гитлера, предъявленным Чемберлену 23 сентября.

2.Международная комиссия имеет право устанавливать районы, где должен быть произведен плебисцит, не только в так называемой «зеленой зоне» на карте, приложенной к ультиматуму 23 сентября, но также в некоторой части «красной зоны».

3.Английский проект гарантии, как разъяснил мне вчера Галифакс, предусматривал в первую очередь гарантии Англии, Франции и СССР. В Мюнхене вопрос был решен иначе: предусматриваются гарантии Англии и Франции, а также (после «урегулирования» вопроса о венгерском и польском меньшинствах) Германии и Италии. Об СССР упоминания нет.

4.Вопрос о какой-либо экономической и финансовой компенсации для Чехословакии пока никем не ставился. По окончании ответа на мой вопрос Кадоган вновь стал интересоваться моим мнением о достигнутом соглашении. Тогда я решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны. Кадоган пытался защищать соглашение, но не очень энергично и в конце концов согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем. В заключение Кадоган просил меня без стеснения обращаться к нему или Галифаксу в случае, если мне понадобится какая-либо информация или какие-либо разъяснения в связи с центральноевропейским кризисом.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 48—49. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. 21. С. 550-551.

5. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Чехословакии К. Папэ

30 сентября 1938 г.

По моему мнению, нынешний польско-чехословацкий спор имеет с точки зрения нашего государства две основные стороны:

1.Первая, самая актуальная, это проблема получения земель, на которые мы имеем полное право.

2.Вторая, это позиция Польской Республики в отношении новой Европы и способа ее управления.

В данный серьезный момент мне стало понятно, что лишь мужественное решение может определить принципиальный облик нашего государства. В связи с этим я передаю Вам, г-н посланник, нижеследующую инструкцию:

Через летчика и шифром (возможно, по телефону) Вы получаете ноту {{* [См. док. 6.](#)}}, которая является ультиматумом, целью которого является положить конец фальшивой игре соседей и показать, что, защищая справедливые интересы и честь нашего государства, польское правительство не остановится перед самым большим риском.

Вышеуказанную ноту Вы должны любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня.

Прошу не предпринимать какой-либо дискуссии по вопросу содержания ноты, так как это требование является безоговорочным.

Вы не сомневайтесь, что мы сделаем решительные выводы из отказа или отсутствия ответа.

До момента, когда чехословацкое правительство со своей стороны официально определит свое отношение к Польской Республике как состояние войны, прошу оставаться на своем посту, так как, согласно нашему тезису, мы оккупируем лишь территорию, принципиально признанную нашей.

В этот трудный момент я полностью рассчитываю как на Ваше мужество, так и на Ваш такт.

Министр *Ю. Бек*

АВП СССР, ф. 048з, оп. 16, д. 89, л. 72-73.

6. Нота посла Польши в Чехословакии К. Папэ министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

30 сентября 1938 г.

Господин министр!

По поручению моего правительства, считающего ответ чехословацкого правительства от 30 сентября 1938 г. на свою ноту от 27 сентября 1938 г. как совершенно несостоятельный и уклончивый, имею честь сообщить Вам следующее:

Польское правительство несколько месяцев тому назад обратило внимание чехословацкого правительства на нетерпимое положение, сложившееся на территориях Чехословакии, где проживает польская национальная группа. Последовавшая дипломатическая переписка была результатом этого демарша. Совсем недавно, в критический момент этого обмена мнениями, с той и с другой стороны было констатировано, что нормализация отношений между Польшей и Чехословакией может осуществиться в первую очередь только путем территориальной уступки в пользу Польши территорий, где проживает польское население, которые легко устанавливаются на основе существующих данных, а во вторую очередь — путем плебисцита на других территориях, где проживает смешанное население. Его Превосходительство господин президент Чехословацкой Республики д-р Эдуард Бенеш в своем письме от 22-го числа текущего месяца, переданном 26-го числа текущего месяца Его Превосходительству господину президенту Польской Республики, согласился с этим принципом. Заявления чехословацкого правительства подтвердили это.

Вследствие этих заявлений польское правительство сформулировало в своей ноте от 27 сентября 1938 г. конкретные предложения, в которых оно выразило требование окончательного урегулирования проблемы.

Учитывая драматическое и угрожающее положение в Тешинском пограничном районе в Силезии, польское правительство выдвинуло требование немедленной территориальной уступки двух районов, отмеченных на карте {{* Не публикуется.}}, приложенной к вышеупомянутой ноте.

Достойно упоминания то, что Его Превосходительство господин президент Чехословацкой Республики соблаговолил лично подтвердить польскому посланнику в Праге обещание положительного ответа и что дипломатические представители Соединенного Королевства и Французской Республики сообщили польскому правительству 29-го числа текущего месяца, что чехословацкое правительство полностью согласилось с польским требованием и даже сообщило сроки, устанавливающие техническое выполнение. Эти сообщения не получили подтверждения, и обещания не были выполнены.

Очевидно, что с учетом всех обстоятельств и ввиду того, что польское правительство не может более оказывать доверия заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой Республики, а также принимая во внимание серьезность положения, оно вынуждено самым решительным образом потребовать выполнения пункта 2 своей ноты от 27 сентября с. г., а именно:

1. Немедленная эвакуация чехословацких войск и полиции с территории, указанной в вышеупомянутой ноте и обозначенной на приложенной к ней карте, и окончательная передача этой территории польским военным властям.
2. Эвакуация в течение 24 часов, начиная с полудня 1 октября 1938 г., с территории, указанной в прилагаемой карте.
3. Передача части территории Тешинской и Фриштатской областей должна быть окончательно произведена в десятидневный срок, начиная с той же даты.
4. Эвакуация указанных территорий должна быть осуществлена без нанесения ущерба, приведения в негодное состояние или вывоза предприятий и объектов общественного назначения. Все сооружения и строения оборонного характера должны быть разоружены.
5. Условия и детали эвакуации части территории, указанной выше в п. 3, будут сообщены до полудня 2 октября 1938 г.
6. Другие вопросы, поднятые в польской ноте от 27 сентября, а именно: вопрос плебисцита в других районах, подлежат дополнительному согласованию между заинтересованными правительствами, не исключая возможности участия третьих сторон.

Что касается вопросов, вытекающих из передачи вышеуказанных территорий, польское правительство готово урегулировать их с чехословацким правительством путем переговоров.

7. Чехословацкое правительство примет немедленные меры к тому, чтобы все выходцы из Чехословакии, говорящие на польском языке, жители двух областей, Тешина и Фриштата,

состоящие в данное время на службе в чехословацкой армии, были бы освобождены от этой службы и получили бы разрешение вернуться домой.

Чехословацкое правительство примет также меры к тому, чтобы освободить всех политических заключенных польского происхождения.

8. Польское правительство ожидает недвусмысленного ответа, принимающего или отклоняющего требования, изложенные в настоящей ноте, до 1 октября 1938 г. В случае отказа или отсутствия ответа польское правительство будет считать чехословацкое правительство единственным ответственным за последствия.

Соблаговолите принять etc.

Панэ

Перевод с французского. *Diariusz i teki Jana Szembeka. 1935-1945. L., 1972. Т. 4. S. 444-446.*

7. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Министр иностранных дел Крофта сообщил, что, по его сведениям, Польша готовит, возможно еще ночью, нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию как нападающую сторону. Польское телеграфное агентство распространило слух об инциденте на границе, во время которого чехи якобы стреляли в поляков. Это явная ложь. Такого инцидента не было. В половине двенадцатого ночи 30 сентября польский посланник явился к Крофте и передал ноту, в которой предъявляются ультимативно следующие требования.

Уступить три района в Силезии — Фрейштадт, Тешин, Яблунков — в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая — в следующие 24 часа, третья — через 6 дней.

Намечен еще один участок, в котором должен быть проведен плебисцит: заранее отвергается международный контроль над плебисцитом.

Ответ требуют завтра, 1 октября, в 12 час. дня; начала передачи первой зоны требуют завтра же в 14 час.

Нота содержит весьма оскорбительную фразу: в связи с рядом обстоятельств, а также в связи с тем, что польское правительство уже не может верить заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой Республики, ясно, что оно должно чувствовать себя вынужденным принять меры к осуществлению чехословацкого обещания.

Правительство будет решать вопрос о своем ответе только завтра утром на заседании в 9 час. Части войск, расположенные в Тешинской области, не получали приказа об отступлении. По сообщению Ины, главного секретаря Крофты, столкновение неизбежно. Выступление Польши является гитлеровской провокацией, совершаемой несмотря на то, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для

урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах и сделать его предметом обсуждения четырех держав, если не будет достигнуто чешско-польское соглашение.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 281, д. 1954, л. 106 — 107. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 24—25

8. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Гусарек {{* Генерал чехословацкой армии.}} сообщил мне дополнительно, что на заседании совета министров было ясно и точно сформулировано также такое утверждение: в Мюнхене Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения. Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра ж вполне возможны, но, пожалуй, как акты отчаяния.

Полпред

АВП СССР, ф. 0,59, оп. 1, п. 281, д. 1954, л. 108. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 554-555.

9. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Из кругов министерства иностранных дел я узнал, что в Мюнхене чехословацкие наблюдатели выразили Чемберлену свое недоумение, почему он подсказал Чехословакии мобилизацию, а также публично заявил в достаточно ясной форме, что Англия и Франция совместно с СССР выступают против Германии, если Гитлер применит силу для решения судетского вопроса, а теперь откровенно пожертвовал всеми интересами Чехословакии и требует отвода и демобилизации только что мобилизованной армии. Чемберлен ответил с циничной откровенностью, что все это не принималось им всерьез, а было лишь маневром для оказания давления на Гитлера, другими словами, это был контрблеф Чемберлена. Со слов Мастны {{* Посланник Чехословакии в Германии.}}, рассказывают, что в Мюнхене обращение с чехословацкими наблюдателями было грубо издевательским, причем наглее

других держал себя Даладье. Несмотря на все происшедшее, чехословацкое правительство обращалось за советами к Англии и Франции по вопросу польского ультиматума, хотело помощи для получения отсрочки в духе мюнхенских решений, но получило окрик из Франции, прямо предложившей соглашаться и исполнять. В министерстве иностранных дел обсуждается вопрос, не следует ли предупредить возможность венгерского ультиматума и самим предложить Венгрии уступку определенных участков территории. Сегодня, 1 октября, в парламенте заседала так называемая «двадцатка» представителей коалиционных партий. Правительство Сыровы {{** Премьер-министр Чехословакии с 22 сентября по 30 ноября 1938 г.}} под впечатлением вчерашних демонстраций намеревалось подать в отставку, но отложило этот шаг до проведения первого этапа передачи уступленной территории. Принятый «двадцаткой» и постоянным комитетом парламента протест против совершенных насилий над Чехословакией был подвергнут Бенешем {{{* Президент Чехословакии с 1935 г. по октябрь 1938 г.}}} цензуре и превращен в беззубое воззвание к мировой общественности. Решено было послать делегации во Францию и Англию, чтобы ходатайствовать о помощи при установлении районов плебисцита и проведении такового. В Англию намечалась делегация под руководством Годжи {{{** Премьер-министр Чехословакии с 1935 г. по 22 сентября 1938 г.}}}, однако последний срочно уехал в Словакию, отказавшись от участия в этом деле. Не могут найти видных политиков для таких задач. Чешские социал-демократы выдвигали вопрос о посылке неофициальной делегации в Берлин для зондажа о заключении договора о вечной дружбе с Германией. Аграрии были против по тактическим соображениям. Никто не сомневается, что пакт о взаимной помощи с СССР ⁶ уже нужно считать ликвидированным, и все интересуются, означает ли Мюнхен отмену также франко-советского пакта ⁷.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 281, д. 1954, л. 113—114. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 553—554.

10. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку {{* [См. док. 6.](#)}}

1 октября 1938 г.

Вчера вечером, 30 сентября, мне позвонил заместитель статс-секретаря Вёрман и спросил, правда ли, что польское правительство направило Праге ультиматум {{* [См. док. 6.](#)}}. В своем ответе я сказал, что пока я имею сведения только о том, что в этот день вечером польским правительством будет принято важное решение.

Сегодня утром к 11 час. 30 мин. я был приглашен г-ном Вёрманом в министерство иностранных дел. Перед этим я не смог связаться ни с генерал-фельдмаршалом Герингом, ни с министром фон Риббентропом {{** Министр иностранных дел Германии.}}, так как они встречали канцлера, прибывавшего в Берлин в 10 час. 30 мин.

Перед моим уходом в министерство иностранных дел мне позвонил посол Великобритании сэр Невиль Гендерсон, сильно возбужденный в связи с нашим ультиматумом Праге, и заявил, что он имеет инструкцию связаться по этому вопросу с правительством рейха. Он указал на «роковые последствия для Польши, которые имело бы ее вооруженное выступление против Чехословакии в столь щекотливой

международной обстановке». Польша потеряла бы всякую симпатию в Англии и Соединенных Штатах. Я старался разъяснить послу создавшееся положение, дав единственный совет, чтобы его правительство повлияло на Прагу в том направлении, чтобы она приняла польский ультиматум.

Затем мне позвонил посол Италии, который, правда, не грозил гневом итальянского народа, но, очевидно, был недоволен тем, что мы подрываем дело Муссолини, а именно результаты мюнхенской конференции, которая спасла мир. Я разъяснил ему, что наш ультиматум соответствует духу конференции, которая оставила тешинский вопрос на непосредственное решение Варшавы и Праги.

После этого я отправился в министерство иностранных дел. Заместитель статс-секретаря Вёрман, в согласии с германским генеральным штабом, попросил меня подтвердить намеченную статс-секретарем Вайцсеккером и мною военную демаркационную линию на случай польско-чешской войны. Я подтвердил, что наша демаркационная линия проходит по Одру и Остраве и что главный штаб Польши в соответствии с моим предыдущим донесением будет придерживаться этой линии.

Что касается оценки политической обстановки, то г-н Вёрман не захотел высказываться по этому вопросу, но заметил, что сейчас меня примет г-н Риббентроп после предварительного разговора с канцлером. Он зачитал мне телеграмму Мольтке {{* Посол Германии в Польше.}} о его вчерашней беседе с Вами, г-н министр, в которой Вы спрашивали, можно ли рассчитывать на доброжелательную позицию правительства рейха в случае чешско-польского вооруженного конфликта, а также на аналогичную позицию Германии в случае вооруженного конфликта Польши с Советами.

Сразу после этого я был принят г-ном фон Риббентропом, который сообщил мне, что правительства Франции и Англии, а также Италии оказывают давление на германское правительство, чтобы оно посоветовало польскому правительству продлить срок ультиматума. С минуты на минуту он ожидал разговора по телефону с Чиано {{** Министр иностранных дел Италии.}}. Я объяснил г-ну фон Риббентропу создавшееся положение, указав, что срок ультиматума истекает в 12 час, то есть через несколько минут. Г-н фон Риббентроп заметил, что канцлер сказал ему, что если бы Польша ждала три месяца, то в Тешине не осталось бы ни одного поляка. Хотя г-н фон Риббентроп, несомненно, чувствовал себя несколько связанным мюнхенским соглашением и заявлением Гитлера — Чемберлена {{{ [См. док. 2.](#)}}}, тем не менее он старался уклониться от англо-итало-французского давления. Когда позвонил по телефону Чиано, г-н фон Риббентроп вышел в другую комнату, а вернувшись, сообщил мне, что сегодня утром итальянское правительство посоветовало через своего посла в Варшаве продлить срок ультиматума.

Затем он изложил позицию правительства рейха. В связи с Вашей, г-н министр, беседой с фон Мольтке он заявляет следующее>

1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию.
2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь.

3. Английскому, французскому и итальянскому правительствам г-н фон Риббентроп сообщит, что он надеется, что дело не дойдет до вооруженного конфликта между Польшей и Чехословакией, особенно если Прага примет требования Польши. Он добавит, что при ситуации, которая создалась в Тешине, он не может давать советов польскому правительству.

Затем я был приглашен к генерал-фельдмаршалу Герингу. Предупредив, что он говорит лично от себя, Геринг заявил, что правительство рейха в подобной ситуации никаких советов польскому правительству давать не будет, понимая, что Варшава таких советов не приняла бы и была бы права. Далее он подчеркнул, что нашим военным властям в связи с военными операциями, возможно, важно будет знать, что германский нажим на Чехию мог бы быть значительно эффективнее после занятия IV зоны, то есть 7 октября [{* См. док. 1.}](#). Наконец, и это он особенно подчеркнул, в случае советско-польского конфликта, польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства. Совершенно невероятно, чтобы рейх мог не помочь Польше в ее борьбе с Советами.

Затем беседа с Герингом велась на общие темы, о чем я сообщу отдельно.

Из высказываний Геринга было видно, что он на 100% разделяет позицию польского правительства.

После принятия ультиматума он охарактеризовал наш шаг в разговоре со мной по телефону как «исключительно смелую акцию, проведенную в блестящем стиле».

Во второй половине дня Риббентроп сообщил мне, что канцлер сегодня во время завтрака в своем окружении дал высокую оценку политике Польши.

Я должен отметить, что наш шаг был признан здесь как выражение большой силы и самостоятельных действий, что является верной гарантией наших хороших отношений с правительством рейха.

Посол Польской Республики
Юзеф Липский

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 25-28.

11. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Парижа

2 октября 1938 г.

Несмотря на ранний утренний час приезда в Париж, я был встречен на вокзале секретарем Бонне [{** Министр иностранных дел Франции.}](#), который передал мне приглашение посетить министра. Под предлогом, что вещи мои отправлены и я в дорожном костюме, я от визита отказался. Я не хотел создавать впечатления, что я взволнован происшедшим и спешу получить от французов какие-либо заверения. Бонне, однако, явился ко мне в полпредство. О мюнхенской конференции он сообщил мало нового, но не скрывал, что беседа Гитлера с Чемберленом и в особенности коммюнике [{*** См. док. 2.}](#) вызвали у него тревогу и он сейчас же потребовал от англичан объяснений. Те ответили, что так как

накануне произошел обмен резкостями между Гитлером и Чемберленом, то их последующая встреча и коммунике имели целью это сгладить. Вряд ли французы этому верят и продолжают тревожиться. Бонне заверял, что как на самой конференции, так и в частных беседах с Даладье, кроме чехословацкой, другие проблемы не затрагивались. Бонне вновь подтвердил мне версию о том, что англофранцузский ультиматум⁸ был спровоцирован Годжей с согласия Бенеша, всего правительства и армии. Он сказал, что, может быть, расскажет об этом в палате. Такое выступление, по-моему, может иметь целью избавиться от Бенеша во исполнение тайного требования Гитлера. Бонне считал нужным повторить мой ответ на запрос Пайяра⁹, очевидно желая проверить себя перед выступлением в прессе. Мне пришлось дополнить его изложение напоминанием, что мы предлагали немедленное совещание военных представителей и что мы не ставили свою помощь в зависимость от решений Лиги наций, о которой мы говорили лишь в связи с позицией Румынии. Рассказывал Бонне об обмене весьма неприятными демаршами с Варшавой; в связи с ее требованиями, по-видимому, отношения между Польшей и Францией окончательно испорчены. На вопрос, как он представляет себе дальнейший ход событий, Бонне сказал лишь, что Франции придется налечь на увеличение производительности, чтобы подкрепиться. Я выразил сомнение в том, чтобы максимальное увеличение производительности могло компенсировать потерю полутора миллионной чешской армии, ее укреплений и стратегических позиций. Я сказал, что если при помощи такого важного союзника против Германии, как Чехословакия, и возможности нашей помощи Франция должна была уступить шантажу Гитлера, который сам, вероятно, еще больше Чемберлена боялся войны и в последний момент, наверно, уступил бы и которого от такого отступления спасла мюнхенская конференция, то трудно представить себе дальнейшую борьбу Франции с Германией, в особенности после наметившегося после свидания Гитлера с Чемберленом «пакта двух». Эта реплика, по-видимому, не понравилась Бонне, и он постарался перевести разговор на другую тему. На мой вопрос, верны ли слухи о предстоящем назначении французского посла в Рим, Бонне ответил, что это было бы вполне нормально и что неудобно Франции вести свои переговоры с Италией через Лондон. У меня осталось впечатление от беседы, что французское правительство будет стремиться теперь всячески обелить себя в палате и взвалить ответственность на другие страны и что будет начата новая кампания за изменение социального законодательства, хотя бы ценою уничтожения Народного фронта. Даладье попал в народные герои, а Чемберлена боготворит вся европейская печать. Открывается подписка для подношения подарков, в его честь переименовываются улицы, требуется для него Нобелевская премия и т. д. Несомненно, что и Чемберлен использует создавшееся положение для ускорения выборов в парламент и обеспечения на четыре года положения консервативной партии и своего собственного. Сегодня выезжаю.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 280, д. 1945, л. 71 — 73. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 555-556.

12. Сообщение ТАСС

2 октября 1938 г.

Парижский корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщает в Нью-Йорке, что будто бы правительство СССР уполномочило Даладье выступать на конференции четырех держав в Мюнхене от имени СССР. ТАСС уполномочен сообщить, что Советское

правительство никаких полномочий г-ну Даладье, разумеется, не давало, равно как не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям. Означенное сообщение агентства Юнайтед Пресс является нелепой выдумкой от начала до конца.

Известия. 1938. 2 октября.

13. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных деп СССР

2 октября 1938 г.

1) Утром 30 сентября, когда в Лондоне стали известны условия мюнхенского соглашения, я поехал к Масарику {{* Посланник Чехословакии в Англии.}} выразить мое глубокое сочувствие народам Чехословакии и мое глубокое возмущение предательством Англии и Франции в отношении Чехословакии. Масарик — высокий, крепкий, в обычных условиях несколько циничный мужчина — упал мне на грудь, стал целовать меня и расплакался как ребенок. «Они продали меня в рабство немцам, — сквозь слезы восклицал он, — как когда-то негров продавали в рабство в Америке!»

2) Вчера я имел длинный разговор с Ллойд Джорджем {{** Премьер-министр Англии в 1916—1922 гг.}}, во время которого последний между прочим рассказал мне, что дней десять назад, в самый разгар кризиса, Болдуин {{*. Премьер-министр Англии в 1935—1937 гг.}} посетил Чемберлена и сказал ему: «Вы должны избежать войны ценой любого унижения». И дальше Болдуин остановился на неподготовленности Англии к войне, на слабости ее вооружений, на организации противовоздушной обороны, на вопиющей нехватке зенитной артиллерии и т. д. В заключение Болдуин прибавил: «Если начнется война и все эти дефекты обнаружатся, то возмущенная публика просто повесит нас с Вами на фонарных столбах». Ллойд Джордж убежден, что разговор с Болдуином сыграл немалую роль в подготовке мюнхенской капитуляции.

3) Ближайшая перспектива рисуется Ллойд Джорджу в очень мрачном виде. Западные «демократии» понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой (Ллойд Джордж считает Даладье слабым человеком, а Бонне просто изменником, поддерживающим преступные связи с германским правительством).

4) Лига наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака. В Англии царит глубокая реакция, и у власти стоят наиболее консервативные круги буржуазии, боящиеся прежде всего коммунизма. Чемберлен, который сейчас добился осуществления своей мечты — «пакта четырех» (об этом Ллойд Джордж говорил мне больше года назад) и роли «умиротворителя» Европы, несомненно, постарается извлечь выгоду из нажитого им политического капитала. Поэтому надо ждать в самом близком будущем новых выборов, которые, судя по всем признакам, еще на 4—5 лет закрепят господство самых черносотенных элементов британских правящих классов. Единственным светлым пятном на этом мрачном фоне остается только СССР, к которому отныне еще больше, чем раньше, будут обращаться взоры всех прогрессивных и демократических кругов человечества, лейбористских лидеров Эттли, Моррисона и Веджвуда.

Берн, которого я видел вчера и сегодня, заявляет, что в завтрашних парламентских дебатах по мюнхенскому соглашению лейбористская партия выступит с решительной критикой английского правительства и лично Чемберлена. Имеются сведения, что против правительства также будут выступать Черчилль, Эмери {{* Лидеры английской консервативной партии, члены парламента.}}, вероятно, Идеи {{{* Министр иностранных дел Англии с 1935 г. по февраль 1938 з.}}} и некоторые другие консерваторы. Наоборот, сторонники Чемберлена подготавливают ему на завтрашнем заседании овацию.

5) Настроения в стране понемногу начинают меняться. Впервые два дня широкие обывательские массы были полны самого необузданного восторга по поводу того, что удалось избежать войны, хотя в более серьезных политических кругах, в том числе среди консерваторов, сразу же обнаружилось беспокойство и опасение в связи с условиями и обстановкой мюнхенского соглашения. Весьма любопытно, что «Дейли телеграф» и пресса Бивербрука {{{*** Английский газетный магнат, деятель консервативной партии.}}} с самого же начала взяли трезвый и даже критический тон. Вся «левая» пресса («Манчестер гардиан», «Дейли геральд», «Ньюс кроникл», «Экономист» и другие) немедленно же атаковала с различной степенью категоричности договор четырех. Сейчас обыватель начинает несколько успокаиваться, а сомнения и протесты со стороны более сознательных элементов возрастать. В этом отношении характерна отставка морского министра Дафф-Купера, вызванная его несогласием с политикой Чемберлена. Тем не менее не подлежит, конечно, никакому сомнению, что премьер-министр имеет сейчас за собой не только подавляющее большинство консервативной партии, но также и подавляющее большинство избирателей. Если бы новые выборы произошли в ближайшие недели, Чемберлен мог бы твердо рассчитывать на сохранение, а может быть, даже и на увеличение нынешнего большинства в парламенте.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 53—56. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 29—31.

14. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР

2 октября 1938 г.

Сегодня встретился с Чиано и имел с ним продолжительную беседу. Резюмирую основное:

1. Чиано прямо говорил о полной капитуляции Франции, издевался над ее политикой и, рассказывая о мюнхенской конференции, отмечал, что Даладье сопротивлялся очень слабо, «пытаясь защищать дело, в которое явно сам не верил». По словам Чиано, Муссолини и Гитлер шутя определили позицию Даладье как «человека, скрывающего союзное отношение Франции с Чехословакией». Чиано считает, что правильность политики Рима в отношении Парижа сейчас нашла полное подтверждение, и говорил, что ни Гитлер, ни Муссолини ни о каком соглашении с Францией не помышляют. Он спрашивал, не собирается ли СССР сделать выводы в отношении своего «одностороннего» пакта с Парижем. Чиано намекал, что Москве, мол, следовало бы подумать о своих отношениях с Берлином и Римом, однако тут же добавил, что на пути германо-советского сближения стоит «антикоммунистический пакт»¹⁰ и, в частности,

Токио. Поясняя это заявление, Чиано добавил, что Япония в эти предшествующие конфликту дни вела себя «прекрасно» и недвусмысленно дала понять о каком-то новом заявлении Токио в Берлине по поводу позиции Японии в случае германо-советской войны.

2. На мой вопрос об англо-германских переговорах Чиано ответил, что между Чемберленом и Гитлером достигнуто пока только принципиальное соглашение, предусматривающее дальнейшие переговоры по конкретным вопросам. Чиано заявил, что информацию об этом Италия получила только вчера. Чиано отрицал обсуждение Чемберленом и Гитлером испанского вопроса, отметив, что вообще договориться о ликвидации иностранного вмешательства сейчас не представляет труда, поскольку «коммунистической опасности сейчас в Испании нет, а война может тянуться ряд лет». Чиано заявил, что Чемберлен признал закономерность рассмотрения колониальных требований Германии. В целом Чиано резюмировал наличие весьма реальной перспективы серьезного англо-германского соглашения, «на пути которого пока еще есть препятствия».

Он энергично оспаривал мое утверждение, что такое соглашение было бы весьма неприятно Италии, заявляя, что без Рима Гитлер на соглашение не пойдет и портить итало-германские отношения не будет. Речь поэтому, по словам Чиано, может идти о ходе переговоров Лондона и с Берлином, и с Римом.

3. Чиано заявил, что в вопросе введения в силу англо-итальянского соглашения Рим будет занимать выжидательную позицию и что пока никаких новых заявлений он от английского посла не получал.

Гельфанд

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 282, д. 1960, л. 125—126. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 558—559.

15. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

3 октября 1938 г.

Вы хорошо знаете, как Англия и Франция на самом деле «сотрудничают» с СССР и как тем не менее они демонстрируют это «сотрудничество» перед международным общественным мнением в целях либо самооправдания, либо нашей компрометации, когда творят свои темные дела в Испании или Чехословакии. Сейчас те же Франция и Англия пускают в широкое обращение мошенническую выдумку, будто держали нас в курсе своего сговора с Гитлером в чехословацком вопросе и чуть ли не согласовали с нами решения мюнхенской конференции. Мы опровергаем это жульничество через ТАСС {{* [См. док. 12.](#)}}. Несмотря на провокационный характер выдумок относительно «сотрудничества» Англии, Франции и СССР, Ваши собеседники, как Галифакс и Кадоган, без зазрения совести продолжают разговоры с Вами на эту тему. В передаче Вами этих разговоров мы не видим критического к ним отношения. Создается впечатление, будто Вы принимаете всерьез это очковитительство, которое, однако, не может не быть очевидным и для Вас.

Потемкин

16. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 октября 1938 г.

Полицейский контроль над лицами, входившими в полпредство, был снят вчера в час ночи. Несмотря на это, я был с протестом у Крофты, который приносил всяческие извинения за вчерашнюю полицейскую меру против полпредства. Уверял, что министр внутренних дел, которого Крофта вчера лично известил о происходящем, якобы ничего не знал и немедленно распорядился об отмене этого полицейского безобразия. В связи с этим Крофта ссылался на наличие серьезного расстройств всего государственного аппарата. Говорил о парализации жизни всей страны, об опасности интриг и злоупотреблений со стороны «безответственных элементов». Тепло говорил о моральной поддержке, которую чехословацкий народ нашел в честной и последовательной позиции СССР, готового выполнить свои обязательства и оказать помощь, не прячась от ответственности и последствий.

Переходя к оценке создавшегося положения, Крофта прямо сказал, что Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии. Фактически вся ее внутренняя политика уже отменена в Мюнхене. Она будет нейтрализована при гарантии четырех, которой не может верить.

Уверял, что еще за день до Мюнхена Англия и Франция всеми способами поддерживали у чехословацкого правительства иллюзию неизбежности войны и свое участие в ней. У чехов создалось радужное настроение, потому что весь народ предпочитал войну исполнению гитлеровских требований, а под впечатлением особенно английского заверения в готовности создать единый фронт с СССР возникла надежда, что войны не будет, ибо Гитлер должен отступить перед такой могучей коалицией. Поворот произошел так неожиданно, что вызвал глубочайшее душевное потрясение (у всех). Старый Крофта действительно находится в тяжелейшем нервном состоянии. О внутриполитических мероприятиях Крофта подробно не информирован, но заявляет, что правительство доведет до конца начатую операцию над Чехословакией, и Бенеш тоже не имеет намерения уходить добровольно. Но Крофта ничуть не исключает возможности какого-нибудь нажима из Англии и в этом направлении. Во всяком случае ясно, что Гитлер всеми силами стремится к тому, чтобы достичь хаоса внутри Чехословакии, и после пережитого нет уверенности, что другие великие державы поддержат Чехословакию хоть в этом отношении. Перед моим приходом у Крофты сидела делегация из Тешинского округа. Ищут план удержать Польшу от дальнейшего наступления, ибо она уже занимает область, в которой 80 тысяч поляков и 125 тысяч чехов. Крофта буквально со слезами говорил, что Чехословакия утратила право просить и ожидать чего-нибудь от СССР, но если бы можно было удержать Польшу от дальнейшего нажима, если бы СССР мог и хотел это сделать, чешский народ никогда не забыл бы такой услуги. Под угрозой Моравская Острова, ее угольный район, Витковицкие заводы. Это один из крупнейших экономических нервов всей страны. Англия и Франция, особенно последняя, подло предают и здесь.

Полпред

17. Запись беседы министра авиации Германии Г. Геринга с послом Франции в Германии А. Франсуа-Понсе

3 октября 1938 г.

Посол Франсуа-Понсе 3 октября приехал прямо из Парижа, где он имел продолжительные разговоры с Даладье и Бонне. Там сильное стремление найти вместе с Германией новые и долговременные возможности урегулирования. Даладье очень доверяет фюреру. Общественное мнение Франции радикально изменилось, против Даладье интригуют лишь левые партии. Рекомендует пойти на союз, аналогичный союзу с Великобританией. Никакой войны, в первую очередь переговоры! Это было бы решающим. Это усилило бы позицию Даладье, и после выборов он был бы в состоянии избавиться от «Народного фронта» и союза с Москвой. Куй железо, пока горячо!

Печат. по кн.: Irving D. Göring. München, 1987. S. 353.

18. Сообщение ТАСС

4 октября 1938 г.

В официозе министерства иностранных дел Чехословакии «Прагер прессе» от 30 сентября под заголовком «Пдриж — Лондон — Москва» помещено сообщение парижского корреспондента названного органа, будто бы правительства Франции и Англии регулярно информировали правительство СССР о положении чехословацкого вопроса, причем между г. Бонне и т. Сурицем {{* Полпред СССР во Франции.}}, г. Галифаксом {{** Министр иностранных дел Великобритании.}} и т. Майским происходили будто бы длительные совещания по этому вопросу. Отсюда корреспондент «Прагер прессе» заключает, что мюнхенская конференция «представляет собой не просто пакт четырех».

ТАСС уполномочен заявить, что вышеприведенное сообщение корреспондента «Прагер прессе» совершенно не соответствует действительности. ТАСС уполномочен сообщить, что при встречах г. Бонне с т. Сурицем и г. Галифакса с т. Майским, имевших место в последнее время, обоим полпредам СССР сообщалась лишь такая информация, содержание которой не выходило за рамки сведений, публикуемых в ежедневной прессе. Никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило. Ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах. К конференции в Мюнхене и ее решениям, как было уже заявлено в сообщении ТАСС от 2 октября с. г. {{* [См. док. 12.](#)}}, Советское правительство никакого отношения не имело и не имеет.

Известия. 1938. 4 октября.

19. Передовая статья газеты «Известия» «Политика премиривания агрессора»

4 октября 1938 г.

Зд короткий срок в Европе произошли события, значение которых не ограничивается перекройкой географической карты. Уже не первый раз и даже не первый год сталкиваются народы с фашистской агрессией, настойчиво втягивающей страну за страной во вторую империалистическую войну за передел мира. Абиссиния, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия последовательно становились жертвами прожорливых фашистских людоедов. Но впервые мы узнаем, что захват чужих территорий, переход чужеземными армиями гарантированных международными договорами границ есть не что иное, как «торжество» или «победа» мира.

А ведь именно в этом пытаются убедить народы мюнхенские «миротворцы». Они в восторге от своих успехов, они готовы расточать друг другу самые лестные комплименты. Чемберлен обратился к Даладье со специальным посланием, в котором «восхищается смелостью и достоинством», с которыми Даладье представлял Францию в Мюнхене. Если бы эта формула не исходила от официального лица, обращающегося к другому официальному лицу, ее легко было бы принять за злую насмешку. Надо думать, что немало англичан и французов, прочитав послание Чемберлена, с недоумением поставят перед собой вопрос: в каком смысле можно назвать «смелостью» покорное согласие удовлетворять прожорливые аппетиты агрессоров, в каком смысле можно назвать «достоинством» расправу сильного над слабым? Поистине велика храбрость — отдать на растерзание целое государство!

Послание Чемберлена, конечно, говорит о «консолидации европейского мира», — ведь именно такие функции приписываются руководящими кругами Англии и Франции мюнхенскому соглашению. Чемберлен обнадеживает человечество, что в дальнейшем можно ожидать «новых усилий» в том же направлении. Что же имеется в виду? Не собираются ли в Лондоне и Париже заинтересоваться теперь немецкими-«национальными меньшинствами» в Румынии? Или, быть может, предполагается обнаружить существование итальянского национального меньшинства в Испании? «Радужные» перспективы, намечаемые в послании Чемберлена, встретят, конечно, искреннее одобрение в Берлине и Риме. Но едва ли они смогут внести успокоение в малых государствах, которым предстоит стать очередными жертвами фашистских захватчиков.

Очевидно, творцы мюнхенского соглашения придерживаются совершенно особых взглядов о мире. Пусть ненасытные агрессоры проглатывают целые государства, пусть они создают постоянную угрозу для самого существования любой малой — да и не только малой — страны. Коль скоро эти народы не располагают достаточными для сопротивления силами, то Англии и Франции достаточно припугнуть их, достаточно забыть о принятых по отношению к ним договорных обязательствах, и все пойдет гладко. Малые страны будут уничтожены одна за другой, но войны для этого не потребуются, следовательно, «европейский мир будет консолидирован».

Но долго ли можно будет обманывать себя подобными надеждами? Официальные круги Англии и Франции пытаются сейчас бурным ликованием по поводу достигнутого «мирового успеха» замаскировать подлинный характер мюнхенской сделки. Однако иллюзии проходят, а факты остаются. Останется очевидным, прозаическим фактом то, что капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости, отдалив войну, в действительности ее приближает и притом в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях.

Кое-кто пытался создать впечатление, будто Советский Союз причастен к той политике, которая под именем мюнхенского соглашения составит одну из самых позорных страниц истории послевоенного периода. Само собой разумеется, что этого не было и не могло быть. Во время недавних кризисных дней английский министр иностранных дел г-н Галифакс имел несколько раз беседы с полпредом СССР в Лондоне тов. Майским. Точно так же французский министр иностранных дел г-н Бонне имел беседы с полпредом СССР в Париже тов. Сурицем. Заинтересованные круги стараются теперь придать этим беседам особую огласку, чтобы пустить версию, будто представители Советского Союза были все время в курсе происходивших в те дни закулисных переговоров и чуть ли не одобряли их. Публикуемое нами сегодня сообщение ТАСС развенчивает эти попытки с негодными средствами и устанавливает истинное положение вещей {{* [См. док. 18.](#)}}.

Народный комиссар иностранных дел Советского Союза тов. М. М. Литвинов в своей речи на пленуме Лиги наций от 21 сентября заявил: «Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту⁶ и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями»⁷.

Советский Союз занимает ясную и четкую позицию. Ему абсолютно чужда политика премирования агрессора, которую правящие круги Англии и Франции пытаются протащить под ярлыком «консолидации европейского мира». Как указал в той же речи тов. М. М. Литвинов, «Советское правительство, которое гордится своей непричастностью к такой политике и которое неизменно следовало принципам этих двух пактов (Устава Лиги наций и пакта Бриана — Келлога.— *Прим. ред.*), одобренных почти всеми народами мира, не будет и впредь отступать от них, убежденное в том, что в настоящих условиях невозможно иным путем обеспечить действительный мир и действительную международную справедливость».

Если в этих словах советского представителя ясно выражена прямая и честная политика Советского Союза, политика защиты мира и верности принятым на себя международным обязательствам, то мюнхенская конференция, приведшая к расчленению и ограблению Чехословакии, бросила яркий свет на политику теперешних правящих кругов Англии и Франции, пошедших на поводу фашистских агрессоров.

Известия. 1938. 4 октября.

20. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Китая в СССР Ян Цзе

5 октября 1938 г.

Китайский посол заявил мне, что цель его визита — выразить через НКВД благодарность правительству СССР за активную поддержку, оказанную нами в Лиге наций предложению китайской делегации о применении к Японии ст. 17 Устава Лиги.

После этого Ян Цзе сообщил, что по поручению своего правительства он желал бы выяснить, как намерено правительство СССР реализовать решение Лиги наций,

предоставляющее каждому из членов Лиги применять к Японии санкции, предусмотренные ст. 16.

Я ответил, что правительство СССР до сих пор оказывало помощь Китаю против Японии, снабжая его средствами обороны. Что касается практического осуществления упомянутого послом решения Лиги наций, то правительство СССР еще не обсуждало этого вопроса. По возвращении т. Литвинова из Женевы правительство СССР получит от него точную информацию о закончившейся сессии Ассамблеи Лиги наций и о создавшейся международной ситуации, после чего может разрешить и поставленный китайским послом вопрос {{* См, док. 27.}}.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. ОН, оп. 2, п. 20, д. 207, л. 74. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 561-562

21. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

11 октября 1938 г.

1. В сегодняшних утренних газетах появился отчет о речи, произнесенной 10 октября в Шорехаме канцлером герцогства Ланкастерского, членом кабинета лордом Уинтертоном, в которой он, между прочим, заявил, что «Россия во время чехословацкого кризиса не предлагала со своей стороны никакой помощи и в силу своей военной слабости отделялась лишь весьма общими и неопределенными обещаниями». Я сразу же дал в печать заявление от имени посольства {{** См.: Известия. 1938. 14 октября.}}, текст которого вам передан Рейтером, а сверх того, учитывая высокое официальное положение оратора, попросил свидания с Галифаксом и заявил ему протест.

2. Суть моего протеста сводится к следующему. На протяжении минувших недель ряд очень высокопоставленных лиц в Англии и Франции, в том числе лица, занимающие важнейшие официальные посты, распространяли лживые измышления о позиции СССР в отношении Чехословакии. Эти измышления в основном сводились к тому, что СССР не собирается выполнять своих обязательств по советско-чехословацкому пакту и что он не может это сделать ввиду слабости Красной Армии и недостатков советского воздушного флота (в этом месте Галифакс утвердительно кивком головы и небольшой репликой подтвердил, что такие слухи действительно распространялись). Смысл данной клеветы был совершенно ясен: распространители ее таким путем пытались свалить на СССР ответственность за свое систематическое отступление перед агрессором, закончившееся, как известно, мюнхенским соглашением. Я полагал, что после речи Литвинова в Лиге наций 21 сентября {{*** См.: Известия. 1938. 22 сентября.}} лживые измышления, которые я имею в виду, больше не будут пускаться в оборот. Я рассчитывал также, что недавние дебаты в английском парламенте сделали совершенно очевидным для каждого британского гражданина, а тем более для каждого члена кабинета одну простую истину: СССР не имел и не имеет никакого отношения ни к политике, приведшей к Мюнхену, ни к самому мюнхенскому соглашению, которое, по моему глубокому убеждению, будет иметь катастрофические для мира последствия в наши дни и которое будет сурово осуждено историей. С тем большим изумлением я узнал сегодня из газет, что не какой-нибудь безответственный журналист, даже не какой-либо рядовой член парламента, а

министр кабинета публично повторяет лживые измышления об СССР, не имеющие под собой даже и тени каких-либо оснований. Ввиду указанного я считаю своим долгом заявить протест против выступления лорда Уинтертона.

3. Галифакс ответил, что он вполне понимает мотивы и законность моего протеста, поскольку Уинтертон является членом кабинета, но подчеркнул при этом, что в недавних парламентских дебатах ни он сам, ни премьер-министр не позволяли себе языка, который мог бы дать повод для каких-либо нареканий. Галифакс прибавил, что он доведет до сведения Чемберлена о моем протесте, а также переговорит с Уинтертоном и со своей стороны приложит все усилия к тому, чтобы в будущем подобных инцидентов больше не повторялось. Он тем более сожалеет о выступлении Уинтертона, что взаимные попреки и обвинения по поводу того, что уже совершилось, только без нужды осложняют отношения, а между тем Галифакс считает, что необходимо сейчас еще раз и с особой силой подчеркнуть то, что он говорил мне в прошлый раз (29 сентября) {{* См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 390.}}, а именно, что, несмотря на мюнхенскую конференцию «четырех» и несмотря на то, что британскому правительству, может быть, и в дальнейшем придется от времени до времени обсуждать и решать различные вопросы с Германией и Италией, он тем не менее очень хочет сохрнить с СССР хорошие отношения и отнюдь не собирается исключать СССР из урегулирования общеевропейской проблемы. Я ответил, что СССР тоже желает поддерживать с Англией хорошие отношения, но что сейчас больше, чем когда-либо мы будем судить о состоянии и перспективах этих отношений не на основании слов и заверений, а на основании фактов и дел. Галифакс заметил, что такой подход, по его мнению, является наиболее «мудрым и разумным».

4. Я хотел было уходить, полагая, что цель моего визита может считаться исчерпанной, но Галифакс остановил меня и, возвращаясь к моей оценке мюнхенского соглашения, стал разъяснять, что, мол, позицию Англии в Европе «не понимают». Суть современных событий будто бы состоит в том, что в мировом масштабе идет борьба между двумя «идеологическими фронтами» — фашистским и коммунистическим, борьба, в которой Великобритания занимает «серединное положение», не симпатизируя ни той, ни другой стороне. Я высмеял эту концепцию и подчеркнул, что на самом деле речь идет о борьбе между агрессорами и миролюбивыми державами и что если в этой борьбе Англия будет занимать какую-то «серединную позицию», а фактически договариваться с агрессором, то в конечном счете она больше всех пострадает. В качестве иллюстрации я привел мюнхенскую капитуляцию, которая открывает перед Германией возможность в короткий срок создать «Серединную Европу», грозящую весьма тяжкими последствиями не только для дела мира, но и для самой Великобритании. «Так что же,— возразил Галифакс,— вы хотели бы войной предотвратить германскую гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе?» Я ответил: «Не войной, а хорошей политикой. Почему вы всегда пугаете людей войной? До войны можно и должно не допустить, если вовремя принять меры. Беда только в том, что Англия, а за ней Франция до сих пор не хотели принимать такие меры. Всякую болезнь легко излечить в начале. Если же болезнь запустить, то может наступить момент, когда, несмотря на самые отчаянные усилия и на самые искренние симпатии врача, пациент все-таки умрет». Галифакс кивнул в знак согласия и прибавил: «Даже операция может не помочь».

5. Затем Галифакс (допуская вероятность создания «Серединной Европы») стал допрашивать меня, что, по моему мнению, Германия после того станет делать. Я понял сокровенный смысл его вопроса и с полной решительностью заявил, что, утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия, скорее всего, повернет на Запад. Я привел в подтверждение своей мысли ряд аргументов, которые, видимо,

произвели на Галифакса известное впечатление, и под конец заметил: «Гитлер привык играть на нервах. Они у него крепче, чем у государственных людей Англии и Франции, поэтому он так легко выигрывает свои бескровные победы. Но Гитлер хорошо знает, что на Востоке этот метод не годится. Нервы Советского правительства еще крепче, чем нервы Гитлера. Если бы Гитлер захотел попытать счастья за счет СССР, ему не удалось бы отделаться блефом, ему пришлось бы драться серьезно, и притом без всяких шансов на успех. К чему ему это? Гораздо легче и выгоднее пойти на Запад, где Мюнхен, судя по всему, далеко не является его последней бескровной победой». «Как Вы думаете,— спросил Галифакс,— на что будет следующая крупная игра Гитлера?» Я ответил: «На колонии». Галифакс утвердительно кивнул головой и закончил: «Я тоже так думаю».

6. Перед самым уходом я спросил Галифакса, что происходит хейчас в Риме. Галифакс ответил первоначально, что переговоры между Пертом и Чиано касались вопроха о возможности разрешения испанского вопроса путем посредничества (в такой постановке вопрос был затронут в Мюнхене), однако сейчас выяснилось, что шансы на это, по крайней мере в недалеком будущем, малы. Теперь разговоры вращаются около вопроса вывода итальянских войск из Испании. Муссолини готов вывести 10 тыс. и рассчитывает за это получить ратификацию англо-итальянского соглашения [{* См. док. 34.}](#). На мой вопрос, считает ли британское правительство итальянскую цену достаточной, Галифакс замялся и добавил, что кабинет еще не обсуждал данного вопроса. Одна из трудностей, продолжал он, состоит в том, что, если Муссолини сейчас даже эвакуирует определенное число своих войск, нет уверенности, что он не вернет их назад в Испанию через месяц. Впрочем, при разрешении испанского вопроса британское правительство исходит прежде всего не из соображений чисто испанского характера, а из соображений о том, в какой мере данное решение еудет способствовать ослаблению опасности европейской войны. Иными словами (так я понял Галифакса), британское правительство готово в любой момент продать Испанскую республику, если это в какой-либо мере сможет облегчить консолидацию «пакта четырех». До созыва парламента, предстоящего 1 ноября, Галифакс не ждет каких-либо окончательных результатов по римским переговорам.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л 80—86. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 571-574.

22. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

11 октября 1938 г.

Арас в длительной беседе о событиях в Центральной Европе отмечал «ошибку» Чехословакии, положившейся на Францию и Англию, вместо того чтобы, отклонив всякое посредничество, самой с оружием в руках защищать собственные интересы. Арас является решительным противником принципа коллективной безопасности, спасение мира видит в нейтралитете каждой страны, утверждая, что «хуже всего быть чьим-нибудь союзником», особенно когда речь идет о союзе больших стран с малыми, так как в ответственный момент эти последние покидаются на произвол судьбы, как это имело место в итало-абиссинской войне, «когда Англия заварила кашу, а за спиной у всех договаривалась с Италией и Турция осталась в одиночестве». По мнению Араса, «у Турции нет другого пути, как нейтралитет». Его довод: мы далеко от Германии и Италии,

а Турция граничит через Балканы с Германией и через Средиземное море с Италией. «Заветная мечта» Араса — привлечь Болгарию в Балканскую Антанту и тем самым создать антигерманский барьер далеко от своей границы. «Необходимость нейтралитета» Турции, по словам Араса, диктуется и ее географическим положением. «Мы обеспечим себя на востоке до самой Индии Саадабадским пактом, на Средиземном море против Италии — договором с Грецией, а попытки Германии наступать на нас с Балкан не приведут ни к чему, так как тогда она оторвется от своей базы». Общим тоном в словах Араса было то, что географическое положение Турции является наиболее ответственным и опасным, поэтому Турция, сильно вооружаясь, не может вести политику раздражения Германии и Италии, а хочет и будет занимать при всех обстоятельствах позицию строгого нейтралитета.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 270, д. 1867, л. 49—50. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 575.

23. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

12 октября 1938 г.

Дорогой Максим Максимович,

В настоящем своем письме я меньше всего намерен останавливаться на отдельных фазах истекших событий. Они еще слишком свежи у всех в памяти, и навряд ли имеет поэтому смысл воспроизводить их в хронологической последовательности. Гораздо важнее попытаться разобраться в причинах, приведших Францию к теперешнему Седану ¹¹.

О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз.

Даже те, которые еще недавно надрывали себе горло при встрече Даладье в Бурже и осыпали цветами его триумфальное шествие к могиле Неизвестного солдата, сейчас уже усвоили ряд непреложных и в достаточной мере неприятных истин, а именно что:

- 1) Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 млн и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;
- 2) Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс. кв. км;
- 3) получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;
- 4) захватила сейчас в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе, и что одновременно Франция:
 - а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе,

б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1 млн — 1,5 млн человек и, опираясь на отошедшие укрепления, способна была задержать не меньшую по численности германскую армию,

в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, подорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника.

Совершенно, конечно, естественно, что у всякого возникает вопрос, как могло случиться, что французское правительство пошло на такие унижительные условия, что довело его до такого потрясающего поражения.

Здесь (особенно среди крайне левых кругов) очень популярно объяснение, которое может быть сведено к одной простой фразе: «франция предана изменниками». Все, что случилось, является, мол, результатом заговора и махинаций, разработанных в верхах финансовой олигархии и осуществленных при помощи их агентуры в правительстве Бонне-Монзи {{* Министр общественных работ Франции.}} и др.

То, что «заговор» действительно существовал и что для одурачения общественного мнения были использованы и пущены в ход неслыханные по своему цинизму приемы, сейчас уже не подлежит никакому сомнению.

Но все же было бы, конечно, неправильно свести все объяснения к одному простому заговору и «махинациям». В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

Необходимо прежде всего отметить, что в стране не наблюдалось никакого настоящего подъема, никакого серьезного движения в пользу Чехословакии, никакого ощущения, что в Чехословакии действительно задеты жизненные интересы самой Франции. Народ в общем «безмолвствовал». Не было за все время ни массовых демонстраций сочувствия (если не считать нескольких собраний коммунистов), ни каких-либо иных форм проявлений симпатии к чехам. Создавалось определенное впечатление — это нужно открыто сказать, — что население не пронизано сознанием ответственности за чехословацкие дела, что война в «пользу чехов» далеко не популярна и, в лучшем случае, воспринимается как тяжелый и неприятный долг. Конечно, этому немало содействовала вся работа «организаторов капитуляции», прибравших к рукам 90% всей печати и при ее помощи солидно дезориентировавших общественное мнение. Но все же не подлежит сомнению, что, будь в стране иное, более «воинственное» настроение, ощущение «близкого», «родного», за что стоит драться, это в чем-нибудь прорвалось бы.

Этого не только не случилось, но, наоборот, на протяжении ряда дней мы все были свидетелями позорнейших сцен, когда под вой обезумевшей толпы трусость возводилась в добродетель и капитулянты прославлялись как национальные герои. Конечно, «народ», в точном смысле этого слова, ко всем этим инсценировкам и парадам не имел никакого отношения. Но все же овладевшие за эти дни Улицей «люди 6 февраля» {{* ** Организаторы фашистских демонстраций в Париже 6 февраля 1934 г.}} в какой-то мере учитывали и настроения более инертных кругов населения, настроения, которые не чужды были *чувству облегчения*, что «миновала чаша сия», что спал наконец кошмар войны.

«Организаторы капитуляции», бесспорно, очень умело и ловко использовали всеобщий *страх* перед войной и глубоко внедрившееся в стране нежелание воевать. В этом, конечно, было их главнейшее преимущество, их сильнейший козырь против своих противников из лагеря сторонников «твердой политики». Доводы последних, что такая политика вовсе не равнозначна войне, а даже, наоборот, способна предотвратить войну

как ныне, так и впредь, имели все же ту «слабую» сторону, что не исключали и не скидывали со счетов и риска войны. Умелой пропагандой (особенно в памятные дни перед самым Мюнхеном) этот «риск» был превращен капитулянтами в «неизбежность», и страна была поставлена перед трудной дилеммой — уступать или воевать. Для того чтобы страна воочию почувствовала, что из себя представляет война, все «предупредительные мероприятия» намеренно были облачены в форму, очень болезненно задевавшую население. Париж был ввергнут в темноту, началась частичная реквизиция средств передвижения, в частности автомобилей, «рекомендована» была немедленная эвакуация женщин и детей, занятия в школах были приостановлены. На вокзалах происходило нечто невероятное, за городом рылись траншеи, спекулянты начали взвинчивать цены, сберегательные кассы осаждались держателями. Ряд дней Париж жил под ощущением неизбежной войны. Все, кто в эти дни пытался напомнить о чести и достоинстве, всякий, кто призывал к благоразумию и твердой политике, был занесен в разряд «сторонников» и «разжигателей» войны. В такое положение, между прочим, попала и компартия.

Наряду со спекуляцией на нежелании воевать очень ловко была использована и версия (возможно, и близкая к правде) о недостаточной подготовленности Франции к войне. Из уст в уста передавались сведения об утере ею темпов в вооружениях, об отставании в ряде специальных областей, в частности о плачевном состоянии ее авиации, о слабом потенциале ее военной промышленности и т. д. Я знаю, что известное уже Вам мнение ген. Гамелена («уступаем в авиации, но в конце концов победим») далеко не разделялось некоторыми его коллегами по Военному совету. Так, например, такие специалисты, как Жорж, Гуро { { * Члены Высшего совета национальной обороны Франции, генералы. } }, Виёмен, очень скептически расценивали исход войны. Возможно, конечно, и даже наиболее вероятно, что в этих оценках сказались политические настроения их авторов, но к их мнению все же прислушивались, и, как мне известно, они в немалой степени повлияли на некоторых колеблющихся членов кабинета. Одновременно очень высоко и, по-видимому, намеренно преувеличенно расценивалось состояние сил противника. Для этого немало потрудились вконец запуганное французское посольство в Берлине и неофициальные гитлеровские агенты во Франции.

В решении капитулировать, таким образом, бесспорно сыграла свою роль и неуверенность в своих силах — боязнь проиграть войну.

Картина была бы, однако, неполной, если бы при анализе причин капитуляции мы обошли молчанием такой фактор, как роль и давление внутренней реакции.

В своих предыдущих докладах я неоднократно отмечал, что особенностью кабинета Даладье является то обстоятельство, что, не порвав с Народным фронтом и даже формально опираясь на его большинство, кабинет этот на практике проводит политику, угодную правому меньшинству. Я приводил ряд фактов, свидетельствующих о том, что удельный вес левого сектора все более и более сокращается и что его влияние на ход правительственной политики с каждым днем убывает { { * См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 275. } }. Это явление с особой отчетливостью и остротой вскрылось во время последнего кризиса. Как общее правило, ни одна из партий, входящих в Народный фронт, ни один из видных деятелей этих партий (за исключением разве Эррио и заведомо правых из радикалов, как Мистраль) не были посвящены в переговоры и тем менее привлечены к их обсуждению. И все это в то время, когда у Даладье и особенно у Бонне шли непрерывные переговоры и совещания деятелями типа Фландена,

Пьетри { { ** Министр военно-морского флота Франции в 1934—1936 гг. } }, Кайо. Только будущий историк полностью вскроет ту роль, которую в эти трагические дни сыграли все

эти деятели, но уже сейчас известно, что под давлением этой группы был после Берхтесгадена и лондонского решения отправлен ультиматум Бенешу, что от нее исходит (через Пьетри) идея обращения к посредничеству Муссолини, подготовившая почву к мюнхенской конференции «четырех», что Через деятелей этой группы Бонне все время поддерживал тайный контакт и конспирировал с гитлеровскими друзьями в Англии, что через нее он наводнял печать лживой информацией о позиции СССР и т. д. К этой группе принадлежат люди, которые не столько боялись проиграть войну, сколько опасались поражения Гитлера и фашизма. Войну с Германией они воспринимали в плане «идеологическом» — войну между фашизмом и демократией, отождествляемой ими с большевизмом. Возможное участие СССР в такой войне еще более в их глазах оттеняло «идеологический» характер такой войны и предопределяло их отношение к ней. Вовлечение в нее Франции им рисовалось как катастрофа при любом из эвентуальных исходов войны. В случае победы Германии расплачиваться в первую очередь придется Франции, как стране наиболее уязвимой со стороны Германии и . наиболее слабой в антигерманской коалиции. Победа же этой коалиции с неизбежностью повлечет за собой конец фашизма, переворот в Германии и Италии и неслыханное повсеместное торжество большевизма, в частности в самой Франции. Нужно поэтому «любой ценой», любыми уступками, любыми жертвами предупредить сейчас такую войну — войну, в которой на стороне Франции против Германии может оказаться СССР. Все лицемерные и лживые сведения о слабости и неподготовленности СССР, вся эта антисоветская кампания лжи и клеветы, которая в эти дни так обильно и методически облепила страницы продажной печати, предназначены были не только для оправдания капитуляции, но прикрывали и подлинный страх правых перед возможным успехом советского оружия в войне. Следовало во что бы то ни стало избавиться от такого нежелательного и тягостного союзника, как СССР, и нужно признать, что инспирированный правыми исход (не одними, конечно, только французскими правыми) — созыв конференции «четырех» — наилучшим образом отвечает этой задаче. Не только отсрочивается нежелательная война с Гитлером и Муссолини, но наносится ущерб престижу СССР, вбивается клин между ним и Францией и ставится под угрозу ненавистный франко-советский пакт. Я ни на минуту не сомневаюсь, что в намерения и расчеты правых входило и стремление спровоцировать нас на денонсацию этого пакта. Возьми мы на себя такую инициативу, особенно непосредственно после Мюнхена, после того, как отпраздновано было «избавление от войны», так легко было бы подбросить обвинение, что мы обозлились за срыв войны, что мы «хотим войны» и т. д.

Было бы, конечно, неверным изобразить дело так, что теперешнее правительство Даладье, даже в лице таких его членов, как Бонне, полностью разделяет и собирается проводить в жизнь вышеуказанную программу правых. Этого, конечно, нет. Огромное большинство в кабинете, и, несомненно, сам Даладье, пошло на капитуляцию, поддавшись больше всего чувству страха и неуверенности в своей силе, боязни, словом, поражения, и меньше всего, конечно, руководствовалось стремлением уберечь Гитлера и Муссолини от поражения.

Факторы «идеологического» порядка в эти тревожные дни вообще, вероятно, не очень сильно занимали воображение растерянных хозяев теперешней Франции. Никто из них (за исключением, может быть, одного Манделя) не чувствовал себя способным руководить современной войной. Ни у кого не было ни воли, ни энергии, ни хватки, ни размаха людей типа Клемансо и даже Пуанкаре. Мысль невольно цеплялась за всякий выход, который отсрочивал таковое решение, который предоставлял какую-то передышку — передышку, хотя бы купленную ценой унижения и тяжких жертв. Ощущение глубокого поражения и сознания позорности сыгранной роли, бесспорно, не чуждо всем этим деятелям 30 сентября и, вероятно, перемежается с желанием как-нибудь «исправить» это поражение, смыть это пятно с Франции. Это ощущение всеобщее. Все сейчас во Франции

отдают себе отчет, что после Мюнхена создалась совершенно новая обстановка, требующая каких-то новых, иных методов действия, каких-то иных форм руководства внешней и внутренней политикой. Ясной и осознанной программы, за исключением, может быть, самых крайних крыльев французской общественности, по-видимому, ни у кого еще нет. Сближает общее сознание, что опасность возросла и что потребуются новые жертвы на алтарь вооружений. Это пока является и единственным лозунгом, брошенным и правительством. Как и в каком направлении разовьется дальнейшая внешняя политика Франции, сейчас предсказать еще нельзя. Скептики предсказывают дальнейшее скатывание, в частности окончательную сдачу позиции по испанскому вопросу. Нельзя отрицать, что для таких предсказаний есть достаточно оснований и что грозным предзнаменованием является уже факт отправки посла в Рим. Но, с другой стороны, наблюдается и тенденция, особенно возросшая после последней речи Гитлера {{* Очевидно, речь Гитлера с угрозами по адресу Франции; см.: Известия. 1938.

11 октября.}}, «подобрать» старые связи и «восстановить подорванное доверие». В значительной степени всё это определится ходом внутренних событий. Все внутренние политические проблемы сейчас заострены на вопросах экономики и финансов и в конечном счете упираются в более широкую проблему, касающуюся судеб Народного фронта и форм режима. Даладье и его правительство навряд ли способны разрешить радикально все эти проблемы. Даладье до сих пор не решался затронуть интересы капитала, но у него вместе с тем не хватило решимости пойти и на решительный и открытый бой против завоеваний рабочих. Налицо сейчас, правда, ряд симптомов, что Даладье решился перейти к более решительным атакам против рабочих. Главным объектом его нажима является по-прежнему 40-часовая неделя. Он уже добился значительных изъятий из этого закона для оборонной промышленности и сейчас хочет их распространить и на другие отрасли промышленности. Против рабочих и трудящихся заострены и намечающиеся финансово-экономические мероприятия, которые с неизбежностью приведут к вздорожанию жизни и снижению реальной заработной платы. Но провести все это без боя Даладье все же не удастся. Страна сейчас, бесспорно, стоит перед новыми социальными судорогами и волнениями, и кризис теперешнего правительства мне представляется неизбежным. Есть все основания полагать, что такой кризис на этот раз не сможет быть улажен при помощи практиковавшейся до сих пор перестановки одних и тех же людей и не сможет быть разрешен без апелляции к стране, без новых выборов. На этом уже сейчас настаивает ряд партий, в частности коммунистическая партия. От исхода внутренней борьбы, повторяю, будет в значительной степени зависеть дальнейшее направление всей внешней политики Франции.

Полпред СССР во Франции

Суриц

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 160, л. 102 — 111. Опувл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 575- 581.

24. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

12 октября 1938 г.

1. В последние дни я встречался с рядом лейбористских лидеров, в том числе с Моррисоном, Долтоном, Криппсом. Все они констатируют большое возмущение в

рабочих массах и вместе с тем большую растерянность и незнание, что делать. В лейбористских верхах сейчас усилилась тяга в сторону «единого фронта» без коммунистов (т. е. лейбористы, либералы и консерваторы из группы Черчилля—Идена) как к единственному средству для борьбы с чемберленовской опасностью. В указанном духе ведутся переговоры между названными группами, однако я отношусь весьма скептически к возможности создания подобного блока, по крайней мере в недалеком будущем. Во-первых, среди лейбористов имеется серьезная оппозиция против такого блока, а среди группы Черчилля — Идена нет достаточной решительности. Во-вторых, имеются сведения, что Чемберлен в расчете несколько «укрепить» свой кабинет и вызвать раскол в лагере своих противников собирается предложить министерские посты кое-кому из своих консервативных оппонентов. На это могут клюнуть.

2. Все элементы, враждебные Чемберлену, в особенности лейбористы, с большой тревогой спрашивают о дальнейшей линии нашей политики: «уходим» ли мы из Европы? Собираемся ли перейти к политике изоляции? Почти все заверяют, что после Мюнхена мы имели бы полное моральное право повернуться к Европе спиной и сказать: «Варитесь и погибайте в собственном соку». Однако почти все умоляют «не уходить», ибо наш «уход» означал бы окончательное разложение демократических сил и полное торжество чемберленовской реакции. Между тем лейбористы надеются, что спустя некоторое время, когда широкие массы несколько придут в себя, а Гитлер выкинет еще парочку каких-нибудь номеров, в Англии удастся восстановить и даже значительно усилить фронт сторонников борьбы с агрессией. Присутствие СССР «в Европе» в очень большой степени могло бы облегчить этот процесс.

[...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 87—88. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 36—37.

25. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккеру

13 октября 1938 г.

Сегодня я хотел бы возобновить ту переписку, которая была у меня с Вами в июне — июле о здешнем американском после Кеннеди ¹². Когда сегодня, после моего возвращения из отпуска, я посетил Кеннеди, он тотчас же снова начал разговор о своем плане совершить поездку в Германию. Он упомянул о сообщении, которое сделал ему г. Кордт { { * Советник посольства Германии в Великобритании. } }, и дал понять, что он охотно совершил бы свою поездку в Германию, не связывая ее с конференцией по пшенице. По его словам, он не уверен, как долго он еще будет оставаться на посту посла в Лондоне; вскоре начинается кампания по выборам президента, и ему, очевидно, по этой причине придется надолго переселиться в Америку. Во всяком случае, в декабре он на несколько месяцев отправится в Соединенные Штаты на заседания палаты представителей. Поэтому в качестве возможной даты визита он предпочел бы ноябрь, поскольку ему также не хотелось бы ехать в Германию непосредственно после мюнхенской конференции; к тому же он хотел подождать моего возвращения.

Посол отметил далее, что поехал бы в Германию лишь в случае, если бы у него была уверенность в том, что он сможет побеседовать с фюрером. Он намеревается разъяснить фюреру положение в Соединенных Штатах как в экономическом отношении, так и в отношении влияния, оказываемого общественным мнением; он вообще хотел бы предпринять попытку добиться лучшего взаимопонимания между Соединенными Штатами и Германией. Поэтому он намерен также рассказать президенту Рузвельту о тех впечатлениях, которые могли бы у него сложиться от поездки в Германию и от его бесед с фюрером. По его словам, Рузвельт является вполне благоразумным и рассудительным человеком, но, как все, кто занимает такие посты, он вынужден ограничиваться той информацией, которую ему дают; поэтому ему трудно составить объективную картину. При этом Кеннеди дал понять, что к президенту не допускают тех людей, которые с симпатией относятся к Германии. Именно по этой причине он, Кеннеди, полагает, что мог бы принести в общем и целом пользу делу развития американо-германских отношений, поскольку президент прислушивается к нему и поскольку он, Кеннеди, с пониманием и симпатией относится к нынешней Германии. Кроме того, он может быть кем угодно, только не бюрократом или профессиональным дипломатом, и поэтому в беседах как с фюрером, так и с Рузвельтом сможет вести себя более свободно и непринужденно, чем официальные чиновники.

Далее Кеннеди говорил еще о том, что необходимо заключить договор о торговле; существующий курс марки по отношению к доллару, который невыгоден для Германии, тоже можно и должно изменить; для этого даже не нужно решения парламента; это можно сделать и через казначейство, если достаточно хорошо разъяснить там дело. Кеннеди добавил, что если бы он изложил подобные соображения относительно Германии государственному секретарю Хэллу, то не встретил бы у него понимания, а натолкнулся бы на подчеркнутую замкнутость.

Американский посол сказал далее, что, как он полагает, его беседа с фюрером может оказаться плодотворной и по той причине, что он много слышал от премьера Чемберлена о впечатлениях последнего, полученных им во время переговоров в Германии. Чемберлен, прежде всего, убежден в искренности фюрера и в его доброй воле, а также в том, что фюрер будет всегда придерживаться взятых на себя обязательств. Это впечатление, как он сказал, сложилось у Чемберлена на основании приобретенного за долгую жизнь знания людей. Из дальнейшего хода беседы можно было понять, что Чемберлен информировал посла Кеннеди о своих беседах с фюрером. Кеннеди упомянул, что во время кризиса он 20 или 30 раз появлялся в Форин офисе. Особенно тесный контакт он поддерживал с внутренним кабинетом. Когда Чемберлен возвратился из Бад-Годесберга и положение было весьма критическое, он спросил собравшихся членов кабинета, как бы они поступили с Чехословакией после победоносной войны с Англией {{* Так в оригинале. Видимо, имеется в виду Германия.}} и как выглядели бы в этом случае границы Чехословакии. На это ему ответили, что границы были бы приблизительно такими, о которых в данный момент идет дискуссия. Он указал на то, что в таком случае было бы вдвойне глупо вести войну из-за границ, относительно установления которых уже сейчас существует единодушное мнение.

Я еще раз без обиняков спросил г. Кеннеди, намерен ли он посетить Германию и вне всякой связи с конференцией по пшенице; он утвердительно ответил на этот вопрос и добавил, что в случае согласия фюрера и немецких учреждений он хотел бы еще получить разрешение президента Рузвельта; он, Кеннеди, сегодня напишет ему по этому поводу. Американский посол в Берлине Вильсон, с которым он, встретившись в Париже, также обсуждал поездку в Берлин, горячо поддержал его намерение и полностью с ним согласен. Конечно, возможно, что Рузвельт не даст ему разрешения на поездку в Германию, если

сочтет, что эта поездка вызовет в Соединенных Штатах слишком большую сенсацию. В качестве срока своего пребывания в Германии Кеннеди назвал две недели; он заявил, что больше заинтересован в том, чтобы ознакомиться со строительством новой Германии, чем заниматься только служебными и официальными разговорами.

Особенно подробно г. Кеннеди разъяснял необходимость приступить к разоружению, поскольку, по его мнению, в противном случае народы всего мира разорятся под бременем раздутых расходов на вооружение.

Он неоднократно подчеркивал симпатию, с которой средний американец относится к немцу и которая превосходит чувство дружбы, питаемое американцем к среднему англичанину. Дело заключается только в том, чтобы каждая из сторон с большим пониманием относилась к другой нации.

Как и в прошлых беседах, Кеннеди сегодня упомянул о том, что в Соединенных Штатах имеют место очень сильные антисемитские тенденции и что широкие слои населения проявляют понимание позиции немцев в отношении евреев.

Наконец, следует отметить сообщение Кеннеди о том, что по его инициативе большая речь фюрера в Шпортпаласте {{* Дворец спорта в Берлине.}} была прямо передана по американскому радио, вопреки обычному порядку, когда такие речи сначала переводятся и затем передаются в отрывках. По этому поводу он непосредственно связывался с руководителем американского радиовещания.

Таково в общих чертах содержание моей беседы с Кеннеди. Как Вы можете заключить из нее, Кеннеди ожидает теперь нашего ответа на вопрос, согласны ли мы с его поездкой в Германию и сможет ли он встретиться с фюрером. Если учесть его прежние высказывания, в беседах со мной и сравнить их с недвусмысленностью его нынешних намерений относительно поездки в Германию, то ясно, что уклончивый ответ с нашей стороны был бы для него нежелателен и расстроил бы его. Я, следовательно, надеюсь, что буду уполномочен заявить ему о нашем согласии. Что касается его вообще как человека, то я думаю, что он найдет общий язык с фюрером. У меня также не вызывает сомнений, что он прибудет с добрыми намерениями и что его дружба с президентом Рузвельтом является гарантией того, что он правдиво и в доброжелательном духе передаст содержание сообщений, которые ему будут сделаны в Берлине.

Итак, я был бы весьма благодарен Вам, если бы Вы в скором времени направили мне соответствующие указания ¹³.

Копию своего письма прилагаю для делопроизводства. Другую копию я направил непосредственно Дикхофу {{** Посол Германии в США.}}.

Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 40—44. Опубл. в сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945. Serie D. Bd. IV. Baden-Baden, 1951. S. 557-559.

26. Телеграмма посланника Германии в Венгрии О. Эрдманнсдорфа в министерство иностранных дел Германии

13 октября 1938 г.

Ссылаясь на мой сегодняшний телефонный разговор с заместителем статс-секретаря Вёрманом, в дополнение сообщаю следующее:

Премьер-министр {{* Б. Имреди.}} сказал мне, что на его предшественника Дараньи возложена задача урегулировать недоразумения, очевидно, возникшие между Германией и Венгрией, и уточнить намерения обеих сторон. Здесь удивлены отрицательным отношением германской прессы к созданию польско-венгерской границы в Карпатской Руси. По его мнению, домыслы французской прессы относительно участия Венгрии в возможном польско-румынском блоке, направленном против Германии, являются абсурдом; к тому же Карпаты образуют естественный вал, обращенный только против Востока. В случае возвращения Карпатской Руси Венгрия тем самым продолжила бы румынский фронт против большевизма и образовала бы на карпатских перевалах мощный заслон против него.

В результате событий, происшедших в последние месяцы, сказал премьер, венгерское правительство, как никогда раньше, чувствует себя прочно связанным с осью Берлин — Рим, и, если на то имеется желание, оно готово также документально зафиксировать это. Дараньи не должен затрагивать вопроса о занятии плацдарма Прессбург {{** Братислава.}}.

Эрдманнсдорф

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 43—44. Опубл. в сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd IV. S. 63.

27. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Китая в СССР Ян Цзе

15 октября 1938 г.

Посол заявил, что Советский Союз оказал большую поддержку Китаю в Лиге наций, в результате которой была принята резолюция о применении ст. 16. Поэтому посол от имени китайского правительства выражает большую благодарность Советскому правительству ⁴.

Далее посол передал надежду китайского правительства на то, что 16-я статья будет действительно проведена в жизнь. СССР не только член Лиги наций, но и близкий друг Китая. Поэтому, желая, чтобы все члены Лиги наций провели в жизнь резолюцию и помогли Китаю, китайское правительство надеется, что СССР сделает в этом отношении первый шаг. Посол уже просил т. Потемкина передать эту просьбу китайского правительства {{* [См. док. 20.](#)}} и хотел бы сегодня услышать о решении Советского правительства.

Я ответил, что обращение китайского правительства в Лигу наций и его требование о включении этого вопроса в порядок дня поставили Совет Лиги наций в трудное положение, особенно тех его членов, которые не хотят ничего делать, — Англию и Францию. С одной стороны, они не хотели выступить против Японии, с другой стороны, нельзя было отклонить требование Китая. Они хотели отыграться и сделать так, чтобы

вообще не было принято никакой резолюции. То, что было принято, целиком инспирировано мною. То, что было принято в резолюции, я изложил на частном совещании членов Совета. Я считал, что нужно сказать, что ст. 16 вступила в силу, и пока предложить отдельным членам выполнять эту статью. Запись в резолюции о том, что для координированных действий еще нет всех нужных элементов, имеет в виду Америку. Это дает Китаю возможность воздействовать на США. Военные санкции могут иметь место только по прямой рекомендации Совета Лиги наций. Они, следовательно, отпадают. Остаются экономические и финансовые санкции. Они могут иметь смысл тогда, когда применяются всеми членами Лиги наций, отдельно же никакого эффекта произвести не могут. В принятии резолюции мы видим смысл моральный — признание морально того, что совершена агрессия и что морально все обязаны помогать Китаю.

Посол вновь заявил, что китайское правительство неоднократно инструктировало его просить Советское правительство помочь в действительном осуществлении ст. 16. Посол в заключение заявил, что китайское правительство надеется, что Советское правительство в своей помощи Китаю сделает еще шаг вперед.

В ответ на мой вопрос, в чем же это должно выражаться, посол выразил надежду, что Советское правительство по возможности проведет экономические и финансовые санкции и вообще сделает жест, чтобы Япония почувствовала силу принятия ст. 16.

Я ответил, что поддержку Китаю можно оказать в прямой форме и эту поддержку мы оказывали и раньше, что признала и китайская делегация в Лиге наций {{** См.: Известия, 1938. 4 октября.}}. В косвенной форме эта поддержка может выражаться путем экономического и финансового давления на Японию, т. е. разрыва отношений. Однако наша торговля с Японией весьма незначительна и больше выгодна для нас, чем для Японии. Она выражается главным образом в японских поставках по продаже КВЖД. Таким образом, разрыв пошел бы на пользу Японии. Кредитов и займов СССР также не предоставлял Японии. Япония очень мало проиграла бы от разрыва отношений. Применение санкций требует координации действий. СССР готов в любую минуту применить санкции, если их будут применять другие. Мы ясно заявили об этом в Лиге наций. Но другие не заявили этого.

Они не хотят применять санкции. Поэтому теперь Китай должен давить на Англию и Францию. Если Англия и Франция были бы согласны, то СССР готов вновь собраться в Женеве для обсуждения этого вопроса. Далее, Китай должен давить на США, используя резолюцию для того, чтобы сказать, что ее выполнение затрудняется из-за США. Далее, принятие резолюции стоило нам больших трудов из-за саботажа ряда государств — Польши, Бельгии, Швеции. Китайское правительство должно, по крайней мере, выразить им свое неудовольствие. В заключение я вновь подчеркнул, что смысл резолюции Лиги наций в том, что она дает в руки Китая рычаг для давления на Англию, Францию и США.

Посол выразил сомнение в том, что, если Китай будет сепаратно воздействовать на США, из этого что-либо выйдет. Надо как-нибудь заставить других выполнить принятое решение.

Я возразил, что мы, однако, не можем давить на Англию и Францию. Я виделся с представителями последних, и они прямо сказали, что ничего не намерены делать. При этом они опять-таки продолжали ссылаться на США. Таким образом, все сейчас зависит от США. Китай может давить на США через своего посла и через свою прессу. [...]

28. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Франции в СССР Р. Кулондром,

16 октября 1938 г.

Кулондр приходил, очевидно, с прощальным визитом. Он с грустью сообщил о предстоящем отъезде, высказывал сожаление по этому поводу и заверял в том, что он ехал сюда с намерением содействовать улучшению отношений, но должен констатировать, что после двух лет пребывания в Москве ему это не удалось. Он продолжает, однако, оставаться сторонником улучшения и уточнения этих отношений. Кулондр посетовал по поводу последних событий. Я ему рассказывал, что в Женеве англичане, включая даже членов кабинета, жаловались на то, что, противясь политике Чемберлена и его планам, они обманулись в своих надеждах получить поддержку со стороны Даладье и Бонне. У меня создалось впечатление, что на этот раз Чемберлену не приходилось таскать за собою французских министров, а что последние сами толкали Чемберлена в ту пропасть, в которую они свалились. Я сказал, что в свете последних событий легче объяснить такое странное явление, что французы, заключив с нами пакт о взаимной помощи⁷, систематически уклонялись от соответственных военных разговоров о методах реализации этой помощи. Уклонялись они от этого даже тогда, когда Чехословакия стала фактически в этой помощи нуждаться. Теперь приходится заключить, что французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами помощь когда-либо реализовать и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах.

Кулондр ответил, что мое предположение слишком категорично и что англичане всячески удерживали французов от военного соглашения с нами.

На вопрос Кулондра, что можно теперь предпринять, я ответил, что утерянных драгоценных позиций не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями, и он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останется только три великих державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное.

Своим возможным преемником в Москве Кулондр считает нынешнего посла в Китае Наджиара. Кулондр полагает, что ему придется уехать уже в течение ближайшей недели, и спрашивал, приму ли я приглашение на обед. Я ответил, что, как ему известно, я никогда на обеды не хожу, готов пойти на завтрак, но предварительно хотел бы сам дать послу прощальный завтрак. Условились, что он будет у меня на завтраке 23-го, а я у него 25-го.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 168—169. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 248-249.

29. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

17 октября 1938 г.

Ухудшение здоровья Ататюрка {{* Кемаль Ататюрк, президент Турции.}} настолько серьезно, что как в Анкаре, так и в Истанбуле {{** Стамбул.}} правительственные и деловые круги Давно смирились с мыслью о недолговечности его существования. Периодически повторяющиеся тяжелые приступы с потерей сознания, по словам врачей, приковали Ататюрка к постели до конца его жизни. Бесспорно то, что к политической деятельности Ататюрк больше не вернется, и в соответствии с этим в правительственной верхушке идет заметный пересмотр внешнеполитической ориентации. Последние европейские события породили в правительственных и деловых кругах Турции как чувство страха за судьбу своей страны, так одновременно и «восхищение смелостью гитлеровской Германии, перед которой спасовали Англия и Франция». Помпезная встреча Функа {{* Министр экономики Германии.}}, совершенно отличная от той, какая была в свое время оказана Шахту {{** Президент Рейхбанка Германии.}}, со всей ясностью подчеркивает открытый крен в сторону Германии турецких руководителей, которые допускают проникновение сотен фашистских «специалистов» во все поры хозяйственной и культурной жизни страны. Немцы, зная о безнадежном состоянии здоровья Ататюрка, развивают сейчас в Турции огромную деятельность, и прежде всего в области военного строительства. Явно германофильский крен турецкого правительства вызывает беспокойство в различных кругах населения. Недавно делегация от европейской колонии посетила Шюкрю Кайя {{*** Министр внутренних дел Турции.}} и сообщила ему о тревожных настроениях многочисленного еврейского населения, вызванных открытой антисемитской кампанией «Джумхуриет» и других истанбульских газет. Ведутся переговоры о расторжении договора со «Шкодой» и передаче всех военных поставок для Дарданелл немцам. Хотя турки и подчеркивают по традиции «независимость своей политики», однако повсюду можно наблюдать явно колонизаторское отношение к Турции со стороны большой оравы немцев, разъезжающих по основным районам Турции. Германские кредиты, по всей вероятности, являются фактором, который еще более заметно и ускоренно толкает Турцию в лоно фашистской Германии.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 270, д. 1867, л. 66—67. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 592-593.

30. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 октября 1938 г.

Сегодня Бонне затронул также вопрос о польско-венгерских домогательствах {{{*** См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. № 363, 425, 432, 472}}}. Он рассказал,

что его вчера посетил Лукасевич, не преминувший, конечно, вытянуть на первый план идеи создания барьера против германизма. К такой оценке, по словам Бонне, склоняются и некоторые французы. Сам он колеблется, определенной позиции еще не занял и хотел бы узнать и наше мнение. Я ему на это сказал, что сейчас могу лишь высказать свое личное мнение. Я не знаю, насколько серьезны и обоснованны все разговоры о разногласиях по этому вопросу между Римом и Берлином, но не сомневаюсь в одном, что в намерение Варшавы меньше всего входит стремление создать какой-либо барьер против Германии, что при тех отношениях, которые связывают эти страны с Берлином, легко можно предвидеть, что «общая граница» скорее будет использована для дальнейшего продвижения германской агрессии. Официальное же мнение Москвы запрошу.

Суриц

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 280, д. 1945, л. 101. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 593.

31. Записка посольства Германии в Великобритании о беседе между главным экономическим советником правительства Великобритании Ф. Лейт-Россом и представителями Германии Рютером и Зюскинд-Швенди {{* С германской стороны в беседе участвовали: заведующий референтурой по Великобритании отдела экономической политики МИД Германии Рютер, возглавлявший немецкую экономическую делегацию, и ответственный сотрудник министерства экономики Германии Зюскинд-Швенди.}}

18 октября 1938 г.

Лейт-Росс высказал пожелание встретиться с г. Рютером в связи с пребыванием последнего в Лондоне; он ответил согласием на просьбу посольства, чтобы в беседе принял участие также г. фон Зюскинд.

В начале беседы Лейт-Росс с сожалением упомянул о тех трудностях, которые возникают при розыгрыше облигаций австрийского займа ¹⁴. Он, по его словам, знает о том, что германское правительство не намерено признавать опекунов. С другой стороны, однако, опекуны предусмотрены в генеральном долговом обязательстве, и у них нет возможности освободиться от своих обязанностей, предусмотренных в этом обязательстве. Если германское правительство не предложит опекунам облигации, которые оно сейчас выкупает, то оно рискует платить по гораздо более высокому курсу, что с экономической точки зрения отнюдь не является выигрышем для Германии. По его мнению, следовало бы сделать так, чтобы германское правительство путем предоставления Английскому банку полномочий, выдержанных в общей форме, дало последнему возможность придерживаться принципов генерального Долгового обязательства; при этом германское правительство формально не должно было бы признать опекунов.

Представители германской стороны заявили на это, что они не в курсе деталей этих вопросов.

Продолжая, Лейт-Росс отметил, что эти вступительные замечания имеют для него второстепенное значение, поскольку он хотел воспользоваться этой возможностью, чтобы обсудить вопросы, имеющие гораздо большее значение.

В беседе, которая состоялась между фюрером и рейхсканцлером и г. Чемберленом в Мюнхене после завершения мюнхенских переговоров, речь шла, сказал Лейт-Росс, и о германо-английском сотрудничестве в будущем. Затем оба государственных деятеля подписали известную декларацию {{* [См. док. 2.](#)}}. Г-н Чемберлен придавал этому подписанию большое значение и разочарован тем, что немецкая сторона до сих пор по достоинству не оценила значения этой мюнхенской декларации. Об этом в Англии, в частности, судят по тому факту, что эта декларация не была отмечена в речи фюрера, произнесенной в Саарбрюккене. Однако английское правительство очень заинтересовано в том, чтобы знать, как относится германское правительство к вопросу об экономическом сотрудничестве четырех держав: Германии, Англии, Франции и Италии.

Лейт-Росс упомянул при этом, что г. Ван-Зееланд {{** Премьер-министр Бельгии в 1935—1937 гг.}} случайно находится в Лондоне; Лейт-Росс тут же связал с этим фактом вопрос, как в Германии расценивают план Ван-Зееланда ¹⁵. Он, правда, не имеет никакого официального поручения обсуждать все эти вещи и говорит только от своего имени и в доверительном порядке; однако он, будучи советником английского правительства по экономическим вопросам, ответствен за то, чтобы не осталась неиспользованной ни одна возможность для облегчения сотрудничества европейских народов. Именно перед лицом постоянно укрепляющейся экономики Соединенных Штатов Америки экономике Европы грозит серьезная опасность, если четыре державы, вместо того чтобы сотрудничать, будут выступать друг против друга.

Лейт-Росс высказал мнение, что у каждой из европейских стран есть сходные трудности, решение которых собственными силами одного отдельно взятого государства вряд ли возможно, и что о развитии политического сотрудничества можно думать только в том случае, если оно базируется на совместной экономической политике.

Лейт-Росс предложил, чтобы представители четырех держав по возможности быстрее встретились для совершенно непринужденной беседы, в ходе которой, однако, каждый из участников должен учитывать не только свои интересы; в этой беседе необходимо совершенно объективно рассмотреть вопрос о том, что эти четыре державы могут сделать для оживления их взаимной и мировой торговли. Он определенно полагает, что такое объективное изучение вопроса могло бы открыть для экономики каждой отдельной страны выход из нынешних затруднений.

Что же касается, например, Юго-Восточной Европы, сказал Лейт-Росс, то Балканские страны все еще зависят от импорта, например, колониальных товаров и т. п. Их экспорт в Германию, который не дает им девиз, не предоставляет им тем самым никаких средств для покрытия этого импорта. Поэтому он уже думал о том, нет ли у Англии, Франции и Голландии возможности предоставить Германии еще более крупный заем в валюте — он назвал дополнительную цифру в 25%. Эту валюту Германия могла бы использовать для оплаты товаров, закупаемых в Балканских странах. В свою очередь, эти страны могли бы снова закупать колониальные товары, и, таким образом, мировая торговля наладилась бы. Насколько удастся разрешить валютный вопрос и вопрос об отмене валютных ограничений, он пока сказать не может, однако уверен, что и здесь можно найти решение, если установить честное сотрудничество.

С немецкой стороны сэру Фредерику было сказано, что мы, как следует из неоднократных заявлений руководящих государственных деятелей Германии, ни в коем случае не занимаем принципиально отрицательную позицию в отношении экономического сотрудничества с остальным миром. Тот факт, что в настоящее время в Англии находится немецкая экономическая комиссия для проведения переговоров о расширении взаимной

торговли, как раз и является доказательством этой позиции Германии. Что касается плана Ван-Зеееланда, то в Германии, точно так же как и в других странах, его не сочли подходящей основой для обсуждения. Однако вполне вероятно, что отдельные предложения, содержащиеся в этом плане, можно было бы использовать как материал для будущих переговоров. Главная трудность для Германии заключается в нехватке иностранной валюты. У Германии нет проблемы безработицы, у нее проблема нехватки рабочих рук и покрытия потребностей в сырье, продовольствии и кормах. Германия в состоянии брать с мирового рынка гораздо больше, учитывая, к тому же, что она стремится поднять жизненный уровень своего населения, однако для этого ей следует предоставить возможность получать платежные средства. Если в теоретическом плане многие международные экономисты признали справедливость германских требований о расширении рынков сбыта как средства для оживления мировой торговли, то мы все же очень редко были свидетелями того, чтобы из этих теоретических обобщений делались практические выводы.

С немецкой стороны было обещано, что предложения английской стороны будут переданы в Берлин и что мы надеемся, что вскоре сможем сообщить сэру Фредерику, готово ли германское правительство вступить первоначально в неофициальные совместные переговоры с тремя другими великими европейскими державами. Одновременно мы просили сэра Фредерика доводить до сведения германского правительства другие свои возможные позитивные предложения.

Лейт-Росс просил германских представителей непременно предоставить ему возможность еще раз обменяться мнениями по их возвращении из Ирландии.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С 47 — 50. Оpubл. в сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV. S. 273-275.

**32. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

19 октября 1938 г.

Дорогой Яков Захарович!

Последнее заявление Бонне в разговоре с Вами о неизменности отношений и т. п. имеет так же мало значения, как и заявление англичан и французов о том, что «они не намерены исключать нас из разрешения европейских вопросов». Им незачем иметь такие намерения, и, может быть, они их не имеют, ибо решать будут не они, а Гитлер, которому они во всяком случае в данном вопросе прекословить не будут. Не подлежит сомнению, что как Чемберлен, так и Даладье — Бонне ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуется соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 148, д. 158, л. 73. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 250-251.

33. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 октября 1938 г.

Сегодня Бивербрук сообщил мне следующее:

1) Несмотря на опыт Мюнхена и на критику мюнхенского соглашения в стране, Чемберлен по-прежнему убежден, что «замирения» Европы можно добиться путем дипломатических переговоров с Гитлером и Муссолини, не прибегая к более сильным средствам. Такая вера не удивительна, ибо Чемберлен готов и дальше капитулировать перед агрессорами, прежде всего за счет третьих стран, а если это окажется неизбежным, то даже и за счет Британской империи. Так, по словам Бивербрука, премьер и не помышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе и Турции. Наоборот, он рассчитывает, что создание «Серединной Европы» толкнет Гитлера на конфликт с СССР. Чемберлен, далее, готов вернуть Германии ее прежние колонии, быть может, за исключением Танганьики (имеющей очень большое стратегическое значение для Англии) и Юго-Западной Африки (находящейся под мандатом у Южно-Африканского Союза, категорически отказывающегося с ней расстаться). За это премьер склонен компенсировать Германию португальской колонией Анголой и частью Бельгийского Конго. Хотя вопрос о возвращении Германии колоний вызвал бы большую озабоченность в стране, особенно среди консерваторов, тем не менее Бивербрук полагает, что Чемберлен оказался бы в состоянии провести указанную операцию. 2) Исходя из этой своей общей установки, Чемберлен считает, что непосредственной угрозы большой войны нет, а потому серьезно не думает об осуществлении действительно стремительного темпа вооружений. Конечно, кое-что будет сделано для ускорения реализации военной программы, однако об уничтожении диспропорции между германскими и английскими военно-воздушными силами в течение ближайшего года не приходится и думать. Положение таково, что для уничтожения этой диспропорции Великобритании надо было бы немедленно принять меры военного времени, т. е. учредить министерство снабжения, мобилизовать промышленность и рабочую силу, установить приоритет за правительственными заказами, примириться с временной потерей части экспортных рынков, ослабить снабжение внутреннего рынка предметами потребления и т. п. Но Чемберлен пока об этом и слышать не хочет. Его лозунг — «бизнес эз южуэл» (дела обычного порядка). Не надо нарушать нормальный ход хозяйственной жизни страны. А без такого нарушения немисливо приведение боеспособности Англии в надлежащее состояние в надлежащий срок. В данной связи Бивербрук рассказывал, что министр координации обороны Инскип совершенно провалился, что это признает теперь даже Чемберлен и что поэтому можно ждать его скорого назначения на другой пост, вероятнее всего лорда-канцлера. В соответствии с указанным Бивербрук не предвидит никаких серьезных изменений в составе правительства, по крайней мере в ближайшем будущем. Черчилля премьер ни за что не пустит в кабинет. Идена, наоборот, он был бы не прочь заполучить обратно (например, в качестве морского министра вместо Дафф-Купера), однако «Идеи на это не пойдут, если в нем есть хоть капля рассудка. Оставаясь сейчас в оппозиции, Идеи имеет все шансы позже стать премьер-министром» (слова Бивербрука). Сам Бивербрук находится в состоянии большого раздражения и беспокойства. Мюнхенскую политику премьера он одобряет («какое нам дело до Чехословакии?»), однако его политикой в вопросах вооружения чрезвычайно возмущен. Он требует во что бы то ни стало «сильного правительства», способного вооружить Англию, откуда бы оно ни пришло. Говоря на эту тему, Бивербрук

иногда сбивается прямо на фашистские нотки. Впрочем, он готов примириться и с коалиционным правительством, и с участием лейбористов, если они примут близко к сердцу вопросы вооружения. Бивербрук не исключает возможности, что скоро Чемберлен окажется не в силах продолжать свою нынешнюю линию. Во Франции Бивербрук ждет прихода к власти правого правительства.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 107 — 109. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 594 — 596.

**34. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
чрезвычайным и полномочным представителям СССР в Великобритании и
Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу**

20 октября 1938 г.

Из абсолютно достоверного источника нашему полпредству в Риме стало известно, что англо-итальянские переговоры закончены и что вопрос будет внесен на утверждение парламента в первых числах ноября. Чемберлен вновь капитулировал, согласившись удовлетвориться отзывом итальянских раненых. Настойчивые попытки Лондона добиться дополнительного отзыва волонтеров и эвакуации материалов и авиации успеха не имели. Итальянцы лишь обещали, после ратификации англо-итальянского соглашения, благожелательно отнестись к этим требованиям. Из другого источника, дружественного Италии, мы узнали, что из эвакуированных 9 тысяч итальянцев — 6 тысяч раненых, больных и вообще негодных к службе. Остальные 3 тысячи будто бы настойчиво требовали своего возвращения к семьям. В Испании останется около 27 тысяч итальянцев и 6 тысяч немцев.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2022, л. 120. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 52.

**35. Из письма заведующего референтурой по Великобритании отдела экономической
политики министерства иностранных дел Германии Рютера заместителю
заведующего отделом экономической политики МИД Германии К. Клодиусу**

Дублин, 20 октября 1938 г.

Вкратце хотел бы сообщить Вам следующее о ходе наших переговоров в Лондоне и Дублине.

I. Что касается неофициальных переговоров в Лондоне о наших пожеланиях относительно таможенного режима для Англии и британских колоний, то у Вас имеются сообщения делегации за номерами 1 и 2 от 17 и 19 этого месяца. Переговоры носили дружественный характер; мне показалось особенно, что со стороны колониального департамента была проявлена большая предупредительность и заинтересованность в деле, чем это имело

место во время прошлых переговоров. Между тем бросалось в глаза, что торговая палата особое значение придавала тому, чтобы о переговорах ничего не было известно ни прессе, ни общественности: для этого политическое положение еще слишком деликатно; очевидно, торговая палата опасается пресловутых «малых запросов» в палате общин, которая снова собирается на заседание 1 ноября с. г.

II. Более важными, чем эти переговоры, и чрезвычайно неожиданными для меня были сделанные сэром Фредериком Лейт-Россом в его беседе со мной и с г. Зюскиндом инициативные предложения о встрече руководителей экономики четырех держав [{{* См. док. 31.}}](#). Наше сообщение об этом поступило в министерство иностранных дел через посольство в Лондоне. Если сопоставить эту инициативу с планами Чемберлена, о которых упоминалось в прессе и которые преследуют ту же цель, то и в Берлине не следовало бы недооценивать их серьезности и важности. Мне также известно, что в министерстве экономики рейха с нетерпением ожидали подобной инициативы, и поэтому я крайне заинтересован узнать, как ее воспримут [{{** В документе, датированном 24 октября, Клодиус высказался в том смысле, что предложения сэра Фредерика Лейт-Росса по вопросу о тесном экономическом сотрудничестве четырех великих держав Европы следовало расценивать как «дружественный жест английской стороны», но что эти предложения недостаточно конкретны, чтобы министерство иностранных дел вплотную занялось ими, не говоря уже о том, что в данный момент осуществление подобного плана не представляется возможным.— Прим. составителей сборника «Akten zur deutschen auswärtigen Politik»}}](#). [...]

Рютер

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 54. Опубл. в сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D, Bd. IV. S. 276-277.

36. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Польши в СССР В. Гжибовским

21 октября 1938 г.

Польский посол Гжибовский явился ко мне вчера, 20-го, с разговором, не лишенным симптоматического значения.

Посол начал с того, что международное положение в Европе претерпело в последнее время глубокие изменения. В частности, Франция резко отступила от своей прежней линии во внешней политике. Она оставила Чехословакию, отвернулась от Малой Антанты [17](#), фактически прекратила свое сотрудничество с Польшей, проявила пренебрежение к франко-советскому пакту. Новая позиция Франции не вызывает у Польши ни обиды, ни тревоги. Посол полагает, что и у СССР нет никаких оснований беспокоиться по поводу «французской измены». Однако в Восточной и Юго-Восточной Европе осталось некоторое «наследие Франции», как выразилась газета «Журналь де Моску». Оно пока беспризорно, но может быть и прибрано к рукам. С другой стороны, резко изменившаяся международная ситуация ставит перед Польшей и Советским Союзом вопрос, не следует ли им подумать о существенном улучшении своих взаимоотношений.

Посол считает, что в Польше для этого имеются положительные предпосылки. Он хотел бы знать, признаю ли и я актуальным поставленный им вопрос.

Я осведомился у посла, серьезно ли он убежден, что со стороны Польши имеется желание укрепить и улучшить отношения с СССР. На удовлетворительный ответ посла, заявившего, что он знает настроения польской «правлящей клики», к которой относит и себя самого, я заметил, что, к сожалению, вынужден выразить некоторые сомнения насчет обоснованности его оптимизма. Мне приходится напомнить послу двадцатилетнюю историю советско-польских отношений: нашу войну [19] 19— [19]20 гг., трудности, встреченные нами при заключении с Польшей пакта о ненападении, отказ Польши от опубликования совместно с СССР Балтийской декларации в 1933 г.¹⁸, сближение Польши с гитлеровской Германией в 1934 г., активное противодействие польского правительства осуществлению Восточного регионального пакта, защиту Польшей позиций Италии, Германии и Японии в Лиге наций, агрессивное выступление ее против Литвы и Чехословакии. Все эти факты приводят к заключению, что Польша связала свою судьбу с агрессивными державами, угрожающими общему миру, и что она активно поддерживает их политику, направленную против СССР.

Посол пустился в пространные доказательства того, что, во-первых, приведенные мною факты «допускают различную интерпретацию», что, во-вторых, сближение Польши с Германией явилось следствием «пакта четырех»²⁰, показавшего Польше всю шаткость ее расчетов на защиту Францией польских интересов, что, наконец, руководящей линией польской внешней политики было донныне положение: ничего с Германией против СССР и ничего с СССР против Германии. Посол вновь заявил, что со стороны Польши не имеется никаких препятствий, мешающих установлению дружественного сотрудничества с СССР. К сожалению, в руководящих кругах советской общественности существует глубокое предубеждение против «панской Польши», в каждом шаге которой усматриваются козни, направленные против СССР.

Я возразил послу, что в наших отношениях к Польше мы остаемся верны заветам Ленина, который в [19]20 г. в своей речи на съезде трудового казачества обращался к польскому народу с предложением дружественного сотрудничества, заявляя, что Советская Россия не намерена посягать на независимость Польши и на неприкосновенность ее территории. Я подчеркнул, что и при нынешней международной ситуации мы проводим ту же политику мира и не отказываемся от сотрудничества с любой страной, которая искренне этого желает. Но я хотел бы убедиться, что такое желание действительно имеется со стороны Польши. От самого посла я желал бы слышать, в каком направлении и в каких конкретных формах могло бы проявиться улучшение советско-польских отношений.

Гжибовский ответил, что начать можно было бы с урегулирования и оформления экономического сотрудничества СССР и Польши. Для этого необходимо было бы закончить наши торговые переговоры. Следовало бы также смягчить с обеих сторон тон политической печати, воздерживаясь обоюдно от излишне резких выступлений. Это подготовило бы благоприятную атмосферу для более серьезных акций. Во всяком случае, посол просит отнестись с вниманием к высказанным им мыслям и подумать о поставленных им вопросах серьезно и без предвзятости.

* * *

Я не уверен, что вышеизложенный разговор был начат послом согласно инструкциям, полученным из Варшавы. Думаю, что Гжибовский производил некоторый зондаж, предчувствуя, что в недалеком будущем Польше придется уже на самой себе ощутить давление дальнейшей германской экспансии. Не исключено, что наиболее трезвые польские политики уже сейчас задумываются над вопросом, на кого же в конце концов могла бы опереться Польша, непосредственно угрожаемая германским агрессором.

Возможно, впрочем, что, затеяв свой разговор, Гжибовский пытался спровоцировать меня на заявления, которые можно было бы использовать как доказательства нашей непримиримой враждебности к Германии и нашего окончательного отказа от сотрудничества с Францией.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 0122, оп. 22, п. 180а, д. 5, л. 56—59. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 598-600.

37. Из директивы рейхсканцлера и верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии А. Гитлера

21 октября 1938 г.

Будущие задачи вермахта и вытекающие отсюда подготовительные мероприятия для ведения войны я изложу позднее в другой Директиве.

До вступления в силу этой директивы вермахт должен постоянно быть готовым к следующим случаям:

- 1) охрана границ рейха и защита против неожиданного воздушного нападения;
- 2) решение вопроса об оставшейся части Чехии;
- 3) овладение Мемельской областью {{* Клайпедская область.}}. [...]

Решение вопроса об оставшейся части Чехии

Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии.

Подготовительные мероприятия, которые с этой целью следует провести вермахту, по своему объему будут значительно меньшими, чем в свое время для плана «Грюн»²¹, но они должны поэтому при отказе от планомерных мобилизационных мероприятий обеспечить постоянную и существенно более высокую готовность. Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соединений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии. Подготовительные мероприятия должны проводиться таким образом, чтобы одновременно можно было осуществить план «Охрана границы на западе».

Задачи для сухопутных войск и военно-воздушных сил состоят, в частности, в следующем.

А. Сухопутные войска.

Находящиеся вблизи Чехии части и отдельные моторизованные соединения предусматриваются для быстрого неожиданного наступления. Их количество устанавливается в соответствии с вооруженными силами, остающимися у Чехии; необходимо обеспечить быстрый и решающий успех. Следует разработать план сосредоточения и развертывания войск и подготовительные мероприятия для наступления. Войска, не участвующие в наступлении, следует держать в такой готовности, чтобы их в зависимости от ситуации можно было перебрасывать или на охрану границы, или для подкрепления наступающей армии.

Б. Военно-воздушные силы.

Необходимо обеспечить быстрое продвижение своих сухопутных войск путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил.

Для этого необходимо подготовить сначала наступательные действия находящихся вблизи границы соединений из мест дислокации мирного времени. Лишь развитие военно-политического положения в Чехии может показать, в какой мере потребуются здесь еще более крупные силы.

Наряду с этим необходимо подготовить одновременно выступление всех прочих наступательных сил против Запада. [...]

Адольф Гитлер

Верно: *Кейтель* {{* Начальник верховного командования вооруженных сил Германии.}}

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С.57 — 58. Опувл. в сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D, Bd. IV. S. 90-91.

38. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

22 октября 1938 г.

Вызвав сегодня Гжибовского, я ему сказал, что мое внимание привлечено к заявлению, которое он вчера сделал в беседе с т. Потемкиным {{** [См. док. 36.](#)}}. Прежде чем дать ему ход и довести его до сведения моего правительства, я позволил себе беспокоить посла, чтобы уяснить себе точное значение этого заявления. Я хотел бы знать, имеем ли мы дело с выражением мнения г. посла, может быть, идущего по линии нынешних взглядов польского правительства, или же с предложениями, исходящими от последнего.

Гжибовский {{{* В оригинале документа фамилия Гжибовского здесь и далее дана сокращенно.}}} долго пытался уклониться от ясного ответа, отделяясь фразами о том, что он знает политику своего правительства, что не стал бы с нею расходиться, что не было еще случаев такого расхождения и т. п. Не все-де высказанные им вчера положения и формулировки санкционированы правительством, но несомненно стремление к созданию хороших добрососедских отношений. Меня ответы Гжибовского не удовлетворяли. Я говорил ему, что о стремлении к добрососедским отношениям мы

неоднократно слышали от представителей Польши. Есть ли что-либо новое в теперешнем заявлении и продиктовано ли оно последними событиями? Гжибовский опять уклончиво ответил, что это стремление является актуальной проблемой. На вопрос, есть ли это мнение посла или польского правительства, Гжибовский ответил, что это мнение правительства. Я тогда поставил вопрос в более прямой форме, оговорившись, что мы ведем с послом конфиденциальную беседу отнюдь не для печати и оглашения: «Есть ли все-таки вчерашнее заявление посла результат его личной инициативы или же поручение правительства?» Гжибовский ответил, что он говорил в полном согласии с Беком, добавив, что, не зная нашего принципиального отношения к предложению, он не хотел его делать от имени правительства. Было бы удобнее, чтобы мы отклонили предложение Гжибовского, чем польского правительства. Я все же спросил Гжибовского, не запросит ли он Варшаву, но он ответил, что не видит в этом надобности. На мой дальнейший вопрос, готов ли посол конкретизировать свое предложение, он ответил, что готов это сделать после получения нашего принципиального ответа.

Я поблагодарил посла, сказав, что я обдумаю его заявление и доведу до сведения своего правительства.

Гжибовский как-то употребил термин «стабильность отношений». На вопрос, как это надо понимать, последовал ответ, что имеется в виду стабильность положения определенного района. СССР, мол, делал всегда самостоятельную политику, Польша тоже билась долго за самостоятельность своей политики, и «это обстоятельство должно вызывать взаимное уважение и надежды на сосуществование без отрицательных последствий». Фраза довольно туманная, но я не считал нужным втягиваться в дальнейшие рассуждения.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 22, п. 180а, д. 5, л. 60—61. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 601-602.

39. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 октября 1938 г.

Хвалковский {{* Министр иностранных дел Чехословакии.}} попросил меня прийти к нему в здание кабинета министров. О своей поездке к Гитлеру рассказал, что встреча превратилась в получасовую лекцию, во время которой Хвалковский якобы смог поставить единственный вопрос: может ли он сказать в Праге, что у Гитлера нет намерений посягать на оставшуюся часть Чехословакии? Гитлер ответил, что намерен установить с Чехословакией хорошие отношения, но буквально добавил, что если заметит попытки работать против него, то уничтожит Чехословакию в несколько часов. Указывал на свою добрую волю, «выразившуюся в том, что он не взял себе Пльзень, Брно и Моравскую Оставу, в чем ему никто не мог помешать». Говорил, что оставшаяся часть Чехословакии, по заключению его экспертов, экономически жизнеспособна. Хвалковский уверял, что до каких-нибудь переговоров ни у Гитлера, ни у Риббентропа дело просто не дошло. Думаю, что врет, потому что знаю из кругов банкира Прейса, что экономические переговоры оформлены, как между государствами, именно Хвалковским.

По поводу распространившихся вчера слухов о том, что чехословацкое правительство денонсирует договор с СССР о взаимопомощи ⁶, Хвалковский заявил, что слухи не имеют под собой никаких оснований. Просил вообще никаким слухам не верить и не считать его фашистом. Однако он тут же сказал как о само собой разумеющемся, что СССР и Франция должны договориться между собой о судьбе своих договоров с Чехословакией ⁷ и сказать ей, что они освобождают ее от обязательств. Я спросил, должен ли я принять это за инициативу. Хвалковский торопливо заявил, что у него не было намерения и нет основания проявлять такую инициативу, но он исходит из предположения, что СССР или Франция сделают такой вывод. Я ответил прямо, что принимаю к сведению его заявление о том, что вчерашние слухи не имеют под собой основания и что Хвалковский напрасно будет ожидать инициативы СССР в любом вопросе, идущем вразрез с нашей политикой расширения основ и форм коллективной безопасности. Хвалковский заверял, что продолжает ценить договор с СССР, тем более что Чехословакией пожертвовали, но мир не обеспечен. Последнее не было искренним.

Хвалковский начал говорить о запрещении коммунистической партии, но я отклонил разговор и указал на запрещение Общества сближения с СССР в Братиславе. Он оправдывался тем, что ничего не знает и что это дело словацкого правительства. Я указал на инсинуации в печати, приписывающие СССР участие за кулисами в Мюнхене или приписывающие ему вообще «измену Чехословакии». Хвалковский заявил, что СССР держал себя абсолютно корректно в рамках своих обязательств и его нельзя упрекнуть.

После Хвалковского со мной захотел говорить Сыровы {{* Премьер-министр Чехословакии в сентябре — ноябре 1938 г.}}, он сказал, что был вынужден согласиться на запрещение коммунистической партии, но «все останется по-старому», арестов не будет, мандатов в парламенте и муниципалитетах коммунисты не будут лишены. Дальше он сказал, что занят прежде всего быстрейшим установлением новых границ, чтобы получить возможность работать внутри страны без ежечасной угрозы нападения. Чехословакия нуждается в помощи СССР, война еще будет и даже, вероятно, скоро. Поэтому он просит, чтобы я своим докладом помог Москве понять положение Чехословакии и не осуждать ее. Он просил «дать Чехословакии шанс» и переждать спокойно нынешний переходный период.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 281, д. 1954, л. 190 — 192. Оpubл. с сокращениями в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 60.

40. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 октября 1938 г.

Сегодня ко мне приехал китайский посол Го Тайци и, видимо, под свежим впечатлением от разгрома под Кантоном и плохих новостей из-под Ханькоу в довольно паническом духе стал говорить о критическом положении, создавшемся в Китае. Если Китаю немедленно не будет оказана более эффективная поддержка, то он боится, что тенденция к «миру» среди руководящих китайских кругов, а также среди широких масс китайского населения возобладает и китайскому правительству придется пойти на «мир» с Японией со всеми вытекающими отсюда последствиями. Англичане до сих пор, по существу, палец о палец

не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества да некоторое количество амуниции и химической продукции, притом все, за наличный расчет. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки, несмотря на то что со стороны китайского правительства в этом отношении производился нажим на британское правительство максимально доступными ему средствами. Франция вела и ведет себя не лучше. США оказывают помощь Китаю косвенным путем — покупкой китайского серебра, неофициальным запретом продавать самолеты Японии, продажей оружия и самолетов Китаю и т. п. Это ценно, но недостаточно. Единственная страна, которая серьезно помогала и помогает Китаю оружием, самолетами и прочим, — это СССР⁵. За это Китай нам чрезвычайно благодарен, тем более что наши самолеты прекрасны. Они лучше не только упомянутых английских, но и тех американских, которые Китай получает из США. Такие отзывы Го Тайци слышал неоднократно с разных сторон, в последний раз от посетившего его недавно бывшего адъютанта германского генерала Фалькенхаузена, долгое время работавшего у Чан Кайши { { * Главнокомандующий китайской армией, глава Гоминьдана. } } в качестве военного советника. Тем не менее сейчас в Китае создалась столь критическая ситуация, что этого больше недостаточно. Можем ли мы сделать что-либо более эффективное? Нет ли перспектив для какого-либо нового Хасана? Я ответил Го Тайци, что общая линия нашей политики в отношении японо-китайской войны ему известна и я не слыхал о каких-либо изменениях этой линии. Тогда Го Тайци, ругая последними словами Мюнхен и особенно британское правительство, стал спрашивать меня, верны ли распространяемые в прессе и политических кругах слухи о том, что СССР «уходит» от активной внешней политики и переходит к политике изоляции. Я ответил, что Советское правительство изучает создавшуюся в результате Мюнхена ситуацию и пока не торопится с выводами. Во всяком случае, каковы бы ни были выводы, которые Советское правительство в свое время сделает, наши дружественные отношения к Китаю, борющемуся за свою независимость и свободу, останутся неизменными. Го Тайци как будто был несколько обнадежен. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 117 — 119. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 602-603.

41. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 октября 1938 г.

Военный министр Хор-Белиша, который сегодня был у меня на завтраке, сообщил, между прочим, следующее:

1. В настоящее время германский воздушный флот втрое больше английского (в английском 1800 машин первой линии). Немецкие заводы производят сейчас около 800 самолетов в месяц, а англичане рассчитывают, что только к концу 1939 г. они будут выпускать 700 машин в месяц. Учитывая, что Германия будет непрерывно увеличивать свой флот, Белиша высказывал опасение, что нынешнюю диспропорцию между флотами обеих стран будет трудно уничтожить.

2. Несмотря на это, по словам Белиша, пока не предполагается ни создания министерства снабжения, ни настоящей мобилизации промышленности. Зато имеется в виду вернуть

Германии по крайней мере часть ее прежних колоний (возможно, с добавлением некоторой другой территории). Формального решения кабинета по этому последнему вопросу нет, но таково настроение большинства министров.

3. На вопрос, чем объясняется столь медленный темп английских вооружений в воздухе, Белиша, пожав плечами, несколько саркастически ответил, что квартира премьера сейчас засыпана цветами, которые он получает со всех концов страны от своих многочисленных поклонниц, что премьер всерьез считает Мюнхен победой и верит в возможность умиротворения Европы путем деликатного обращения с Гитлером и Муссолини. Сам Белиша относится к этим надеждам скептически.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 123 — 124. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 605- 606.

42. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

25 октября 1938 г.

[...] 2. Какова будет дальнейшая линия премьера? Опять-таки, суммируя весь имеющийся в моих руках материал, я прихожу к вполне определенному выводу: «генеральная линия» Чемберлена будет не на сопротивление, а на дальнейшее отступление перед агрессором. Вы уже знаете о капитуляции Чемберлена перед Муссолини в испанском вопросе ¹⁶. Никаких серьезных попыток противостоять германской экспансии в Юго-Восточной Европе со стороны Чемберлена ожидать не приходится. Наоборот, как раз из его окружения я слышал такую сентенцию: «Какой смысл подкармливать корову, которую все равно зарежет Гитлер?» Даже в вопросе о колониях Чемберлен занимает явно капитулянтскую позицию. Я уже передавал Вам по этому поводу мнение Бивербрука {{* [См. док. 33.](#)}}. После этого из разных источников я имел подтверждение этого мнения. Мне известно, что Чемберлен недавно создал специальную комиссию для выработки плана или планов по удовлетворению колониальных притязаний Германии. Пока еще рано говорить о выводах данной комиссии, однако, насколько я слышал, мысль комиссии возвращается главным образом около того проекта, который осенью прошлого года развивался Шахтом и Герингом в беседе с Галифаксом во время известного свидания последнего с Гитлером ²². Суть этого проекта состоит в том, что Германия создает себе «африканскую империю» в составе Того, Камеруна, Анголы и большей части Бельгийского Конго. Не знаю, насколько Гитлер удовлетворился бы сейчас подобным подарком, но его английские благодетели имеют в настоящее время в виду как раз только что названный проект. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что, получив колонии, Гитлер денонсирует англо-германский морской договор ³ (если он не сделает этого раньше), но Чемберлен готов капитулировать и по данному пункту в расчете на то, что большого флота в один день не построишь и что, по крайней мере, в этой области за Великобританией еще надолго обеспечено несомненное преимущество. В окружении премьера сейчас в большом ходу теория, что Германия «свиристует» лишь потому, что у нее «пустой желудок». Когда «желудок» несколько наполнится, Германия станет спокойнее. В этой связи я вспоминаю; как еще весной текущего года известный Горас Вильсон, играющий при Чемберлене столь крупную роль, в разговоре со мной высказывал

мысль, что с образованием «Серединной Европы» вступят в силу «смягчающие влияния» и агрессивность германского зверя «должна значительно ослабеть». [...]

Полномочный представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27, л. 153—154. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 252-253.

43. Письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

25 октября 1938 г.

В разговоре, состоявшемся 24 октября во время завтрака в «Гранд отеле» в Берхтесгадене в присутствии г. Хевеля {{* Постоянный уполномоченный министра иностранных дел Германии при рейхсканцлере Германии.}}, г. фон Риббентроп выдвинул предложение об общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией. Оно включает воссоединение Данцига с рейхом, причем Польше были бы даны заверения в сохранении за ней в Данциге благоприятных условий в области железнодорожного сообщения и экономики. Польша могла бы согласиться на строительство экстерриториальной автомобильной дороги и железнодорожной линии через Поморье. Г-н фон Риббентроп упомянул о возможности продления за это польско-германского соглашения ²³ на 25 лет и о гарантии польско-германских границ. В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия по колониальным вопросам ²⁴ и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта ¹⁰. Г-н фон Риббентроп просил меня передать его предложения Вам. Он хотел бы обсудить эти вопросы с Вами при моем участии.

В своем ответе я отослал его к заявлению канцлера по вопросу о Данциге, сделанному мне 5 ноября 1937 г. и повторенному Вам в Берлине 14 января 1938 г.

Я также указал на важное значение Данцига как польского порта и еще раз заявил, что польское правительство придерживайся принципа невмешательства во внутреннюю жизнь германского населения в Вольном городе, где установлено полное самоуправление.

И наконец, я сказал, что хотел бы предупредить г. фон Риббентропа о том, что я не вижу возможности заключать соглашение, которое влечет за собой воссоединение Вольного города с рейхом. Я закончил разговор обещанием передать содержание этого Разговора Вам.

После разговора г. фон Риббентроп снова пригласил меня к себе и, сославшись на спорную проблему объединения Прикарпатской Руси с Венгрией, поставил вопрос, поднимал ли я ее перед германским правительством в качестве предварительного условия Польши. Он добавил, что, если польское правительство согласилось бы с немецкой концепцией относительно Данцига и автомобильной дороги, вопрос о Прикарпатской Руси мог бы быть решен в соответствии с позицией по этому вопросу Польши. Я ответил, что моей единственной задачей было информировать германское правительство об

отношении Польши к позиции Венгрии по вопросу о Прикарпатской Руси, как уже Польша информировала об этом итальянское правительство.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 63-64.

44. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 октября 1938 г.

24 октября я посетил Кун Сянси. Последний в беседе заявил, что, «поскольку СССР в связи с имевшими место событиями фактически освободился от своих обязательств по отношению к Франции и Чехословакии, постольку все внимание и более активную политику должен перенести на Дальний Восток. Для активного вмешательства СССР на Востоке обстановка крайне благоприятна еще и потому, что все державы (Америка, Англия и Франция) не только не будут возражать против этого, а, наоборот, активно помогут и даже сами включатся в борьбу против Японии». Я подробно изложил д-ру Кун Сянси точку зрения нашего правительства на положение на Востоке и разъяснил, какие последствия могут быть в случае нашего сепаратного выступления. В дальнейшем Кун, так же как и Сунь Фо, высказал мнение, что японцы сняли три дивизии из Маньчжурии (поскольку считают, что СССР не будет вмешиваться) и развернули операции против Кантона. На мое же замечание, что войска, по нашим данным, взяты из Шанхая, Циндао и Тяньцзиня, Кун согласился, что две дивизии действительно взяты из этих районов, а не из Маньчжурии. В связи с этим я подчеркнул Куну, что японцы не сделали бы этого, если бы партизанам в Северном Китае была оказана помощь материально и вооружением, что усилило бы активность партизан и вынудило бы японцев держать в Северном Китае больше войск и не снимать их на другие фронты. В заключение Кун выразил благодарность СССР от имени всего Китая за оказанную помощь и выразил надежду на дальнейшее сближение обеих стран.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, и. 291, д. 2012, л. 29—30. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 608-609.

45. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Китая в СССР Ян Цзе

29 октября 1938 г.

Китайский посол после обмена приветствиями заявил, что в связи с отступлением китайских войск из Ухани и циркулирующими по поводу этого различного рода слухами об ослаблении позиции китайского правительства в войне с Японией им получены инструкции от своего правительства подтвердить неизменное решение китайского правительства вести сопротивление до конца.

Китайское правительство не только не ослабляет борьбу с Японией, но усиливает ее. «У Китая один путь, и этот путь — борьба».

Тов. Литвинов сказал, что Советское правительство не сомневалось в том, что Китай будет продолжать свою борьбу.

Далее китайский посол перешел к вопросу о помощи Советского Союза Китаю. Поблагодарив за прошлую и настоящую помощь Советского Союза Китаю и отметив, что Советский Союз является единственным государством, искренне помогающим Китаю, китайский посол от имени своего правительства выразил надежду, что в данной ситуации, когда Китай находится в крайне тяжелых условиях, эта помощь будет усилена. Хотя Советский Союз помогал Китаю секретно, эта помощь в настоящее время всем известна, и, если бы Советский Союз выявил свою помощь более открыто, это имело бы большое политическое значение. Например, если бы Советский Союз как сосед Китая и как государство, наиболее заинтересованное в положении на Дальнем Востоке, выступил бы с протестом против действий Японии, наподобие тех протестов, которые в свое время делались Англией при нарушении ее интересов Японией, это принесло бы большую пользу Китаю.

Тов. Литвинов сказал, что положение Советского Союза совсем иное, так как Советский Союз не имеет никаких материальных интересов в Китае. Вряд ли протесты Советского Союза смогут иметь какие-либо результаты. Япония не посчиталась с протестами Англии, заняв Кантон. Если же протесты остаются без последствий, то они не только не усиливают, а ослабляют позиции Советского Союза.

Китайский посол ответил, что китайское правительство, не предпринимая формы, в которой могло бы выразиться моральное содействие Китаю Советского Союза, международное значение которого имеет большое значение, поручило ему обсудить с Советским правительством этот вопрос.

Тов. Литвинов сказал, что он выразил только свою личную точку зрения по этому вопросу и передаст о просьбе китайского правительства Советскому правительству.

Тов. Литвинов сказал, что в настоящий момент, несомненно, будут иметь место различные попытки мирного посредничества. Особенно будут толкать Китай на мир те государства, интересы которых пострадали от войны наиболее сильно. Известно, что английский посол в Китае должен был иметь беседу с Чан Кайши. Тов. Литвинов просил китайского посла держать Советское правительство в курсе подобных переговоров.

Китайский посол сказал, что он долго работал с Чан Кайши и хорошо знает обстановку. Посредников много, но Китай знает, что его путь — борьба. Китайский посол обещал т. Литвинову держать его в курсе всех переговоров о мирном посредничестве.

Тов. Литвинов спросил китайского посла, как он объясняет сдачу Кантона без сопротивления.

Китайский посол ответил, что сдача Кантона была для него неожиданностью, так как Гуандун имеет прекрасные войска, которые могли бы отбросить японцев. Не имея сведений о причинах оставления Кантона, китайский посол допускает возможность предательства со стороны некоторых китайских генералов.

Китайский посол затем, коснувшись вопроса о путях военного снабжения Китая и указав, что единственным кроме пути через Синьцзян путем для военного снабжения Китая, после оккупации японцами Кантона, является путь через Индокитай, сообщил, что им

получены инструкции от своего правительства выехать во Францию для переговоров с французскими военными кругами о способах снабжения Китая через Индокитай.

Тов. Литвинов посоветовал китайскому послу обратиться также с этим вопросом к французскому министру колоний Манделю.

Китайский посол сообщил, что партия военного снабжения уже отправлена через Сайгон с разрешения министра колоний Манделя, но это дело встречает противодействие со стороны французского министра иностранных дел. Поэтому ему и поручено уладить этот вопрос путем переговоров с военными кругами. Китайский посол обратился с личной просьбой оказать ему содействие в том случае, если он, находясь во Франции, обратится за советом и помощью к полпреду СССР во Франции, о чем просит уведомить последнего.

Тов. Литвинов обещает исполнить просьбу китайского посла.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 190-192. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 612-613.

46. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 октября 1938 г.

После речи Даладье ²⁵ не остается уже сомнения, что он твердо решил договориться с Германией и что для достижения этой цели он готов пожертвовать последним остатком коллективной безопасности и договорами о взаимопомощи. Об этом красноречиво свидетельствуют не только его пламенные призывы к Германии, но и прямое заявление о том, что цель французской внешней политики должна быть ограничена защитой «собственных национальных интересов». Это как раз то, чего все время добивается Гитлер, предлагая прямые переговоры и двусторонние соглашения. В полном соответствии с таким курсом внешней политики намечаются и контуры внутренней: нужно покончить с Народным фронтом, объявить войну коммунистам, перестроить парламентское большинство, зажать в кулак рабочих. Робкое противодействие, которое наблюдается в Марселе со стороны левого крыла (Эррио {{* Председатель палаты депутатов французского парламента.}} пока еще не высказывался), идет главным образом по линии опасения потерять социалистов и попасть в объятия одних правых.

Я вчера виделся с Манделем {{** Министр колоний Франции.}}. Он уже далеко не так бунтарски настроен, как раньше. Некоторую долю вины за капитуляцию он склонен возложить на самих чехов. Что чехи сдадутся без боя, «он не ожидал». Во всех своих расчетах он исходил из уверенности, что чехи будут драться и этим сорвут игру Чемберлена — Бонне. Начать сейчас с восстановления потерянного и возродить систему коллективной безопасности будет нелегко. Для этого во всяком случае требуются самые «радикальные внутривластные меры» (какие — не говорил).

По его сведениям, Франсуа-Понсе {{{ В 1931 — 1938 гг. посол Франции в Германии, с октября 1938 г. — посол в Италии.}}} никакого конкретного предложения от Гитлера с собой не привез. Пока идет лишь нащупывание и создание «благоприятной атмосферы».

На очереди сейчас вопрос о колониях. Здесь правые будут против уступок, но зато социалисты могут сдаться. С военной точки зрения наиболее уязвимыми колониями являются Тунис и Индокитай. Насчет Дальнего Востока мнения специалистов расходятся. Некоторые еще считают, что война будет затяжной, но большинство полагает, что японцы скоро договорятся с китайцами («укрепившимися там умеренными») и скорее всего затем бросятся на СССР.

Что касается Испании, то Мандель не сомневается, что подготавливается признание Франко и что первым результатом появления Франсуа-Понсе в Риме будет полная закупорка транзита ²⁶.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 280, д. 1945, л. 122 — 123. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 613—614.

47. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

31 октября 1938 г.

Содержание: намерения английского правительства относительно возобновления переговоров с Германией.

За последние две недели я был дважды приглашен на уикэнд и имел возможность подробно побеседовать с двумя членами кабинета: министром внутренних дел сэром Сэмюэлем Хором и министром транспорта Бёрджином; эти беседы были дополнены разговорами с другими лицами, принимающими участие в политической жизни и близко знакомыми с премьер-министром. Из этих бесед складывается следующее впечатление об отношении британского правительства к Германии.

I

Чемберлен питает полное доверие к фюреру. Занятие областей, населенных судетскими немцами, которое прошло без трений, и демобилизация немецких сухопутных сил укрепили его убеждение в правильности избранного им пути, который привел к мюнхенскому соглашению. Чемберлен намерен теперь предпринять новые шаги в целях урегулирования отношений с Германией. По его мнению, в результате решения чешско-судетской проблемы и благодаря заявлению фюрера о том, что Германия больше не имеет в Европе никаких территориальных претензий, были устранены также существенные препятствия, затрудняющие англогерманское урегулирование. Мюнхенский протокол {{* [См. док. 2.](#)}} создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики, поскольку такое решение самым эффективным образом может обеспечить мир во всем мире.

С точки зрения влиятельных политических кругов, которую выражал также и сэр Сэмюэль Хор, для осуществления подобного урегулирования нынешний момент как нельзя более благоприятен: в лице Чемберлена английское правительство располагает государственным деятелем, которому задача сближения между Англией и Германией на

длительное время продиктована не только разумом, но и сердцем. Роль, которую Чемберлен сыграл во время сентябрьского кризиса, чрезвычайно укрепила его позиции в глазах английского общественного мнения. Консервативное большинство, как здесь считают, неуязвимо. Новые выборы, которые будут проведены в скором времени, стабилизируют это большинство на ряд лет вперед. В настоящее время общественное мнение положительно относится к англо-германскому урегулированию, несмотря на помехи, которые по внутривнутриполитическим мотивам чинит оппозиция.

Ввиду настроений, господствующих в здешних правительственных кругах, следует считаться с тем, что в скором времени Чемберлен предложит фюреру продолжить линию, начатую в Мюнхене.

II

Соглашение по вопросу о вооружении и о гуманном ведении войны следует рассматривать как тему, которая больше всего интересует английскую сторону на таких переговорах. В частности, здесь, естественно, рассматривают переговоры по вопросам ведения воздушной войны как неотложные. Какие вопросы в отдельности будут предметом переговоров, с полной уверенностью пока еще установить невозможно. Очевидным фактом остается лишь то, что заинтересованные министерства в настоящее время заняты изучением предложений, которые можно было бы представить на рассмотрение германского правительства.

В соответствии с высказываниями сэра Сэмюэля Хора, которые он сделал в беседе со мной, речь, очевидно, пойдет о двух областях:

1) вопрос о гуманном ведении воздушной войны (запрещение применения отравляющих газов и бомбардировки крупных городов);

2) переговоры о выработке директив по строительству бомбардировщиков с целью противодействовать чрезмерному увеличению радиуса их действия, что вызвано техническим прогрессом. Сэр Сэмюэль Хор сказал при этом, что за семь лет пребывания на посту министра авиации он имел возможность наблюдать, что технический прогресс имеет тенденцию к выходу из-под контроля человека.

Здесь понимают, что Германии трудно согласиться с количественными ограничениями. В Англии поэтому понимают, что немецкая сторона постоянно вынуждена вести все переговоры об ограничении военно-воздушных вооружений с одновременным учетом состояния авиации в Советской России. Сэр Сэмюэль Хор по крайней мере на мои соответствующие разъяснения сделал замечание, что после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав можно подумать о принятии на себя этими державами определенных обязанностей по обороне или даже гарантии против Советской России на случай советского нападения.

III

Колониальный вопрос в моих беседах с официальными лицами не затрагивался. Из сообщений, которые я получил от дружественных лиц о позиции Чемберлена и других членов кабинета в этом вопросе, а также из отношения здешнего общественного мнения к колониальному вопросу можно тем не менее с определенностью установить общее отношение английского правительства к этой проблеме.

Британское правительство отдает себе отчет в том, что полное урегулирование англо-германских отношений своей предпосылкой имеет удовлетворение справедливых претензий Германии на колонии. Возможно даже, что британское правительство выступит с инициативой. Общественность также уже обстоятельно занимается колониальной проблемой.

О столь же интенсивном интересе к колониальной проблеме свидетельствует информация, полученная из финансовых кругов, где занимаются вопросом о том, каким образом немецкая сторона могла бы возместить те капиталовложения, которые были предприняты в наших прежних колониях после окончания войны; резкое падение курса некоторых gold shares {{* Акции, обеспеченные золотом (англ.).}} также следует объяснять обсуждением колониального вопроса. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что озабоченность, связанная с требованиями Польши в колониальном вопросе²⁴, оказывает сдерживающее влияние на позитивное отношение к нашим требованиям.

В политических кругах указывают на то, что благоприятное решение колониального вопроса имеет своей предпосылкой скрупулезную и длительную подготовку английского общественного мнения; в противовес главенствующим политическим кругам (парламент и т., д.) средний избиратель пока еще не согласен отступить от заморских областей, находящихся под британским господством. Нельзя не заметить в прессе определенную тенденцию, которая сводится к тому, чтобы, указывая на различие между колониями и мандатными территориями, лишь временно отошедшими под опеку Англии, обратить внимание на предстоящие территориальные изменения. Дело теперь зашло уже настолько далеко, что готовы признать теоретические претензии Германии на ликвидацию клеветнических положений Версальского диктата и на возвращение всех ее колониальных владений; на практике требование о возвращении немецкой Восточной Африки наталкивается пока еще на сильное сопротивление в определенных кругах; в вопросе о немецкой Юго-Западной Африке дела от этого отличаются немногим.

IV

Возможность проведения с Германией переговоров обсуждается здесь также и с технической точки зрения. Чемберлен изучает вопрос о том, не следует ли ему уже в скором времени сделать предложение о таких переговорах, или было бы более целесообразным подождать, пока германское правительство окончательно не решит самые неотложные внутри- и внешнеполитические вопросы, которые возникли в результате отхода судетских областей к рейху и перестройки отношений Чехословакии с ее соседями. В качестве общей позиции Чемберлена и английского кабинета можно было бы, пожалуй, наверняка констатировать следующее: для английского правительства удовлетворительное решение вопроса о вооружениях, которое, в частности, позволит ему сохранить лицо внутри страны, по отношению к своей общественности, является исходным пунктом для переговоров; английское правительство предпочло бы прийти к цели путем непосредственных и двусторонних переговоров с Германией. Если же эти непосредственные двусторонние англо-германские переговоры не привели бы к цели, то тогда, наверное, англичане предприняли бы попытку провести переговоры на уровне четверки с привлечением Франции и Италии.

V

При обсуждении указанных выше соображений я больше старался выслушивать своих собеседников. На высказывания относительно ограничения вооружений я отвечал в плане определенных фюрером директив. Если со мной начинали разговор о колониальном

вопросе, я подчеркнуто указывал на то, что претензия Германии на возвращение колониальных областей — как логическое следствие позорных положений Версальского диктата — распространяется на все ее прежние колониальные владения.

Фон Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 65—69. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945, Serie D. Bd. IV. Baden-Baden, 1951, S. 277-278.

48. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

4 ноября 1938 г.

Вызвав Гжибовского, я заявил ему следующее. Я внимательно изучил записи моих последних бесед с ним и сделал из них некоторые выводы:

1. Польское правительство не удовлетворено состоянием советско-польских отношений. Мы эту неудовлетворенность разделяем.
2. Польское правительство хотело бы что-нибудь сделать в направлении улучшения взаимоотношений. Мы это желание также разделяем.
3. Польское правительство не считает нужным для этого какие-либо новые политические соглашения или акты. Мы этого также не предлагаем.
4. Посол согласен, что для того, чтобы добиться перелома в отношениях, необходимо, чтобы результат наших бесед не оставался ни для кого тайной и чтобы можно было бы выступить с совместным коммюнике в печати. Я набросал проект такого коммюнике, не выходя за рамки того, что предлагал или намечал посол. Правда, о консультации он говорил в какой-то перспективе, а я этот момент в коммюнике приблизил. Вспоминая, что посол несколько раз употреблял термин «района, интересующего оба государства», я и ограничиваю консультацию вопросами определенного района. Я спрашиваю посла, соответствует ли набросок тому, что его правительство нам предлагает.

Ознакомившись с текстом коммюнике, Гжибовский сказал, что он, конечно, передаст его своему правительству, но что он может теперь уже в качестве первой реакции сигнализировать некоторые его личные соображения. Вряд ли стоит во вступительной части говорить о нынешней международной конъюнктуре и указывать, какие внешние моменты повлияли на наше решение. Это, мол, наше частное дело. Он должен сделать оговорку также относительно третьего пункта — о консультации, хотя признает, что он об этом со мною говорил. Ему казалось бы правильным расширить четвертый пункт, отметив отношение к разным текущим вопросам.

Я ответил, что буду ждать окончательного ответа польского правительства по всему тексту. [...].

Литвинов

49. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

11 ноября 1938 г.

Со времени отправки моего последнего письма прошло порядочно времени, и тем не менее я и сейчас затруднился бы ответить на вопрос, который я поставил в заключительной части своего прошлого письма, а именно: каковы пути и перспективы французской политики после Мюнхена. Затрудняюсь не только потому, что недостаточно информирован и осведомлен о планах французского правительства, но и потому, что уверен (об этом я слышу и со всех сторон), что такого законченного, конкретного, продуманного плана вообще не существует. Я не говорю о «намерениях» или тенденциях, таковые в достаточной степени выявились и нашли свое достаточно яркое выражение как в речах, которые Даладье и Бонне произнесли в Марселе, так и в повседневной практике дипломатических взаимоотношений. Марсельские речи были призывом во что бы то ни стало договориться с Германией и Италией. Больше того, они сигнализировали готовность во имя такого соглашения пожертвовать всей старой системой договоров и пактов и замкнуться в рамки «узконациональных» интересов. Эти заявления не оставляли места сомнению, что Даладье и Бонне неостановятся и перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры и если такой ценой можно будет купить соглашение с Гитлером. Эти «тенденции» сопровождались и подпирались и практиковавшейся за последнее время политикой «менажирования» {**Ménager (фр.)* — бережно обращаться, осторожно поступать с кем-либо.} и ухаживания за Берлином и Римом. Под прямым давлением правительства пресса радикально изменила свой тон по отношению к Германии и Италии.

Тщательно замалчивались факты, способные омрачить дружбу с этими странами, и, наоборот, подхватывалось и раздувалось все, что могло быть использовано в интересах пропагандирования такой дружбы.

Достаточно характерны в этом отношении те трюки, к которым прибегали, чтобы скрыть или «пригладить» неприятные места из речей, которые произносил Гитлер. Но дело не ограничивалось одной прессой. Непрестанные знаки внимания оказывались и дипломатическим представителям этих стран во Франции, особенно представителям Германии. Прodelывалось, словом, все, чтобы создать благоприятную атмосферу, или «климат», как любят здесь выражаться, для подготовки будущих переговоров, но к самим переговорам пока еще не приступили.

Очень много разговоров и слухов плелось вокруг знаменитой беседы Понсе с Гитлером ²⁷. Ей приписывали огромное значение. Распускались слухи, что Гитлер сделал какое-то конкретное и притом «вполне приемлемое» для Франции предложение. Но все это оказалось сплошным блефом. Я уже Вам передавал мнение Манделя и только на днях со слов самого Понсе передал ряд дополнительных подробностей. Гитлер действительно говорил о своем желании наладить дружественные отношения с Францией. Заверял, что не имеет никаких претензий на Эльзас и Лотарингию, что готов «посильно содействовать» прекращению гонки вооружений и «гуманизации» войны, но на прямой вопрос Понсе, считает ли Гитлер момент созревшим для начала переговоров, ответа не дал. Больше того,

он не выполнил обещания, которое он тогда дал Понсе, облечь в форму коммунистического содержания своей беседы с ним. Создается определенное впечатление, что Гитлер не спешит с переговорами, предпочитая выжидать и держать Францию в состоянии неуверенности и постоянного напряжения.

Но допустим, что Гитлер в конце концов согласится приступить к переговорам. Легко ли будет найти такую базу, на которой стороны смогли бы действительно договориться?

Весь опыт предшествующих лет, особенно история с Чехословакией, как будто говорит за то, что при беспредельной уступчи-

вости Франции, при ее безбрежной готовности идти на жертвы почва для соглашения всегда найдется, найдется на путях дальнейших и новых уступок. Но напрашивается вопрос: так ли уж беспредельны уступки, на которые сейчас может идти Франция и которые в то же время способны удовлетворить Гитлера? Все жертвы, которые до сих пор приносились Гитлеру, очень сильно ослабили Францию, лишили ее преимущественного положения в Европе, отняли у нее почти всех ее союзников, но все же отличались той особенностью, что на данном отрезке времени, на сегодняшний день, не задели непосредственных территориальных интересов самой Франции и проводились преимущественно за счет третьих и слабых стран. Никто сейчас, например, не сомневается, что Мюнхен для Франции равносителен Седану, но все это с точки зрения будущих перспектив, будущей расстановки сил. Непосредственным же результатом этого Седана, результатом на сегодняшний день, является, однако, расчленение не Франции, а Чехословакии. Это обстоятельство, кстати, в немалой степени облегчило маневр Даладье и Бонне, и его-то я главным образом имел в виду, когда в прошлом своем письме говорил о слабой реакции населения. За счет каких третьих стран Франция может еще и сейчас делать уступки Германии и купить ее благоволение?

В этой связи особенно популярна версия о «Дранг нах Остен», версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на Востоке. В конечном счете при этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР. В том, что теперешние власти Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и «проклятые» вопросы за счет СССР, конечно, нет сомнения, да в этом нет и ничего принципиально нового. Но, спрашивается, представляет ли эта готовность такую уж большую ценность в глазах Гитлера? Навряд ли его на этом пути когда-либо сдерживали опасения наткнуться на серьезное сопротивление Англии или даже Франции, навряд ли он даже после подписания франко-советского пакта серьезно опасался, что СССР в этом случае будет поддержан Францией. И если он на войну с СССР все же не решался, то, конечно, по соображениям совершенно иного порядка. Я не вижу поэтому, что нового может в этом отношении Гитлеру дать и сегодняшняя Франция. Прямую военную помощь? Помочь Гитлеру силой французского оружия захватить часть советской территории? Но здесь мы уже вступаем в область фантазии и невероятных предположений. Действительность же говорит за то, что возможность маневрирования за счет третьих стран с каждым днем для Франции все более и более суживается и что приближается момент, когда дальнейшее «насыщение» Германии должно производиться уже за счет самой Франции, в частности за счет ее колоний.

Все речи, которые за последнее время произнес Гитлер, не оставляют уже места сомнению, что вопрос о колониях поставлен им в порядок дня и что, не добившись удовлетворения по этому вопросу, он ни на какие серьезные соглашения не пойдет. Уступать же колонии — дело более трудное, чем предавать союзника. В этом вопросе правительство натолкнулось бы на сопротивление со всех сторон, и в частности со

стороны правых. По этому вопросу наблюдается полное единодушие и солидарность между всеми крыльями французской общественности с той, пожалуй, разницей, что левые отдают себе отчет, что вопрос о колониях неотделим от внешнеполитической линии в целом и что, потеряв позиции в Европе, Франции будет неизмеримо труднее удержать и колонии.

Маловероятным представляется мне и возможность соглашения с немцами и на второй приемлемой для Гитлера базе — на базе приостановки французских вооружений, на базе закрепления теперешнего соотношения военных сил. Если французы без различия партий и направлений и извлекли какой-либо урок из последних событий, то этим уроком является сознание, что Франции нужно довооружиться. Не найдется ни одной партии, которая в этом вопросе доверилась бы заверениям и обязательствам Гитлера.

Очень чутко теперешнее правительство и стоящие за ним правые круги воспринимают и преподаваемые Гитлером уроки политграмоты по внутренней политике, в частности совет обуздать демократию. Кое-что в этом направлении уже предпринимается (вспомним хотя бы марсельские выпады против коммунистов), но все же положить это в основу какого-либо соглашения с Гитлером ни одно французское правительство (если дело не дойдет до фашистского переворота) не решится. В меньшей, правда, степени, чем в Англии, эти постоянные атаки на демократию, это неприкрытое вмешательство во внутренние дела Франции вызывают и здесь неудовольствие, раздражение и отпор.

Резюмируя все вышесказанное, приходишь к заключению, что базы для прочного соглашения между Францией и Германией сейчас как будто еще нет налицо.

Для приемлемого для Франции соглашения момент уже упущен, для капитулянтского еще не вполне созрел. Он наступит, если французы будут придерживаться теперешней тактики *laissez faire laisser passer* {{* Оставаться пассивными, бездействовать (*фр.*).}} и не проявлять никакой воли к сопротивлению. В этом случае Франция уже в очень скором времени будет оттеснена германской «мирной» экспансией и, естественно, уже не будет в состоянии ни отстоять своих колоний, ни удержать Эльзас и Лотарингию. Не в расчете ли на все это Гитлер и воздерживается от переговоров?

Не особенно блестящие перспективы сулят и переговоры с Италией. Расчеты оторвать Италию от Германии если и не окончательно оставлены, то во всяком случае очень основательно надломлены. Забегание вперед с признанием Абиссинии (по некоторым данным, инспирированное желанием отомстить Чемберлену за его мюнхенское коммунике {{* [См. док. 2.](#)}}) не вызвало никаких заметных встречных знаков симпатии со стороны Муссолини. Франция по-прежнему обстреливается на страницах итальянской печати, и Италия меньше всего проявляет склонность (в ответ на присылку такого «блестящего» посла, как Франсуа-Понсе) скостить все старые обиды и поставить крест над прошлым. Итальянцы запасают счет для предъявления. По-видимому, этот счет немалый и в первую очередь касается Туниса. Есть все основания полагать, что они сейчас уже не удовлетворятся теми «подачками»²⁸, которые им в свое время преподнес Лаваль {{** Председатель совета министров и министр иностранных дел Франции в 1935-1936 гг.}}. Аппетит приходит с едой. Бонне, по-видимому, был бы не прочь расплатиться Испанией, но заплатить настоящей ценой, которая удовлетворила бы Муссолини, он не может, да и здесь он наткнулся бы на не меньшее внутреннее сопротивление, чем и по вопросу о колониях. Не нужно ни на момент упускать из виду, что в силу географической близости на испанские дела здесь реагируют совершенно иначе, чем на чехословацкие. Испания ближе, роднее, интереснее. Испанская проблема расколола страну на два лагеря, но даже среди сторонников Франко большинство будет

против допущения итальянцев и немцев к пиренейской своей границе. Они строят все свои расчеты (конечно, ложные) на уверенности, что при посредстве Англии, которая также заинтересована в недопущении итальянцев и немцев в Испанию, можно будет легко прибрать к рукам Франко и при помощи «золотого» и иных ключиков «освободить» его от германо-итальянской опеки. Во всяком случае, и они никогда не дадут Бонне своего согласия переуступить итальянцам контроль и ключи к коммуникационным связям Франции с ее африканскими колониями. Максимум, на что Бонне здесь может пойти, — это заключить соглашение, аналогичное англо-итальянскому ¹⁶, но на это навряд ли согласится Муссолини. Можно от Бонне ожидать и некоторых практических услуг Франко — новых затруднений по транзиту для республиканцев, возможно, даже и признания за Франко прав воюющей стороны, — но всего этого недостаточно для прочного соглашения с Муссолини. И мне кажется, что тот вывод, к которому я пришел в результате анализа франко-германских отношений, применим и к итало-французским. Окончательная договоренность и прочное соглашение в ближайшем будущем маловероятны. В лучшем случае речь сейчас может идти лишь об улучшении отношений, о нормализации, но не более. Исход «спора» между Италией и Францией решится на тех же путях, что и с Германией.

Выйдет ли Франция из теперешнего состояния оцепенения, найдет ли она в себе достаточно силы и воли к сопротивлению — в этом вся загадка и разрешение вопроса. Пока, однако, и это нужно с сожалением отметить, никаких осязаемых признаков какого-либо серьезного и отчетливого перелома не наблюдается. Нам, правда, с разных сторон передают о повсеместно нарастающем неудовольствии внешней политикой правительства, о назревающем по этому вопросу расколе в правительственных партиях, и в частности в радикал-социалистической, о наступившем отрезвлении, о повороте общественного мнения в сторону коллективной безопасности, о повышении интереса к СССР и т. д. Но все это больше исходит от людей, которые свои собственные настроения, свои собственные желания принимают за должное, за факты. Бесспорно во всяком случае одно, что, за исключением коммунистов, так называемая оппозиция ведет себя здесь исключительно трусливо, робко и нерешительно. Ее голоса в стране почти не слышно. Не слышно и ни о каких выступлениях в пользу коллективной безопасности и за укрепление союза с нами. Исключение составляет лишь речь Эррио на Марсельском конгрессе и несколько выступлений менее ответственных радикалов в печати и на предоктябрьских празднествах.

Также бесспорно, что путем закулисных давлений на Даладье — Бонне (метод, к которому особенно любят здесь прибегать социалисты) можно в лучшем случае добиться некоторых мелких уступок, вроде, скажем, пропуска той или иной партии оружия, для Испании, но не существенных отклонений от принятого ими курса. Оба они с этим курсом слишком крепко спаяны, ангажированы и связаны. Без правительственного кризиса, вне ухода Даладье и Бонне, ни о какой серьезной перемене внешнеполитического курса и речи быть не может.

Внутренним политическим перспективам я посвящу особое письмо.

Полпред СССР во Франции

Суриц

**50. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

11 ноября 1938 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Пользуюсь неожиданной поездкой внеочередного дипкурьера в Лондон (за счет Амторга), чтобы наспех, в общих чертах изложить обстановку.

Состоявшиеся на днях перевыборы всей палаты и трети сената, большинства законодательных палат в штатах и губернаторов принесли республиканцам большие успехи, чем они на то рассчитывали сами. Цифры Вам известны: в сенате демократическое большинство уменьшилось на 8 человек, в палате — на 82. Прирост голосов республиканцев ожидался (как это обычно бывает в США в отношении оппозиционной партии в середине легислатуры {{* Имеется в виду срок полномочий президента США.}} президента), но он оказался ровно вдвое больше даже тех цифр, которые предсказывались в наиболее трезвых прогнозах сторонников Рузвельта. Но значение выборов не только в этих цифрах, а заключается прежде всего в возможности для республиканцев в коалиции с реакционными демократами саботировать в сенате любые прогрессивные мероприятия Рузвельта. Устойчивого прогрессивного большинства у Рузвельта в сенате не было и до сих пор, но не было и устойчивой реакционной коалиции, которая сейчас вырисовывается. Если добавить к нынешним 23 республиканцам (среди которых, может быть, 2 — 3 могут считаться сколько-нибудь прогрессивными) около 26 — 27 определенно реакционных демократов (из которых такие зубры, как Тайдингс из Мэриленда, Джордж из Джорджии, Смит из Северной Каролины и другие, были выставлены кандидатами демократической партии и прошли против воли Рузвельта), то получится большинство — около 50 сенаторов из общего числа 96. Более или менее лояльное демократическое меньшинство плюс пара прогрессивных республиканцев типа Норриса и плюс сомнительная поддержка Лафоллета²⁹ составляют в общей сложности не более 38 голосов. Остальные 8 голосов — болото. Среди избранных в палату представителей конгрессменов столько новых имен, что аналогичный подсчет в отношении палаты произвести трудно; возможно, что пропорция там получится несколько более благоприятная для Рузвельта, хотя и худшая, чем в палате предыдущего созыва. [...]

Говорить о влиянии выборов на развитие внешнеполитической линии Рузвельта пока рано. Поддержка его программы форсирования вооружений обеспечена ему при любом составе конгресса, с возможной оппозицией со стороны псевдолиберальной пацифистской группки. Среди выросшего республиканского меньшинства найдется немало людей, которые с традиционно-империалистических позиций, возможно, будут выступать с антияпонскими речами, однако в силу оппозиционности ко всему, что делает Рузвельт, которого реакционеры считают «опасным» сторонником сотрудничества с мирными странами, от республиканцев не приходится ожидать отхода от изоляционизма³⁰. Безусловно, усилятся протекционистские нападки из этого лагеря на торговую политику Рузвельта — Хэлла. Могут участиться антисоветские наскоки в конгрессе. Как показал комитет Дайса {{** Член палаты представителей конгресса США, председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.}}, в этих делах республиканцы идиллически сотрудничают с реакционными демократами. Наиболее последовательно реакционная часть республиканцев, как это видно из недавней речи Гувера {{*** Президент США в 1929-1933 гг.}} на форуме «Нью-Йорк геральд трибюн», мечтает о

сближении с фашистскими странами и тешит себя иллюзией и надеждой, что европейские агрессоры пойдут против нас. Опасности для США от экспансии европейского фашизма в Латинской Америке, от ослабления Англии, от такого перераспределения колоний, при котором немцы укрепились бы на западном побережье Африки, опасности от эксплуатации японцами ресурсов и рабочей силы Китая широко осознаются в республиканских кругах, в их прессе и среди влиятельных хозяев этой прессы на Уолл-стрите. Однако на патриотизм этих господ, у которых он затемняется классовыми инстинктами, полагаться не приходится. В стране в целом антифашистские настроения сильны. Послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе, и имеет более всеобщий характер. Это сочетается, однако, с новым усилением изоляционизма, с резким падением доверия к Англии как к возможному партнеру в отпоре японцам. Эти настроения сильны как раз в тех антифашистских прогрессивных слоях, на поддержку которых Рузвельт прежде всего рассчитывает. Мне кажется, однако, что этот новый приступ изоляционизма лишь рецидив на фоне дальнейшего постепенного преодоления изоляционизма, который может очень быстро улечься, если фашистская агрессия в Европе повернет на запад. В период непосредственно до и во время сентябрьского кризиса, вплоть до момента предъявления ультиматума Бенешу, имелся ряд признаков готовности Рузвельта обеспечить англо-французам доступ к американскому оружию и сырью в рамках нынешнего законодательства о нейтралитете, разрешить им широко использовать с этой целью их вложения в США и в скором времени пересмотреть закон о нейтралитете так, чтобы и юридически лишить агрессоров доступа к американским товарам и деньгам. Посол в Лондоне Кеннеди сумел, действуя по заданиям чемберленовской клики, внушить Рузвельту идею неизбежности германского выступления и неподготовленности Англии; скрытый фашистик Буллит { { * Посол США во Франции. } } «продал» Рузвельту идею слабости Франции; англофильская клика в госдепартаменте во главе с Семнером Уэллесом { { * * Заместитель государственного секретаря США. } } и Дэнном { { * * * Советник государственного департамента США по политическим вопросам. } } обработали Рузвельта в том же направлении, и в результате получились сначала идентичные обращения к Гитлеру и Бенешу, а затем обращение к Гитлеру, провозглашавшее его великим человеком, если он не нападет на Чехословакию, а также «личное» послание к Муссолини ³¹, которое и поныне остается неопубликованным, говорят, потому, что оно содержит так много неприличной лести по адресу Муссолини. Рузвельт, правда, отмежевался от идеи и состава мюнхенской конференции в день ее созыва через своего секретаря, в недавнем выступлении против комитета Дайса публично, но нерешительно поставил под сомнение результаты Мюнхена, но, с другой стороны, разрешил Уэллесу выступить ранее с речью, в которой последний пытался доказать, что обращение Рузвельта к Муссолини последовало до, а не после принятия решения о Мюнхене, тем самым приписывая президенту сомнительную честь причастности к продаже Чехословакии ³². По-видимому, как я сообщал в свое время, в период событий, Рузвельт рассчитывал, что эти лавры ему пригодятся на выборах. Результаты последних должны убедить его в обратном. Сейчас альфа и омега его политики — форсирование военного, морского и авиационного строительства, на которое он возлагает также преувеличенные надежды экономического оживления. Большое место также отводится полной внутренних противоречий программе борьбы с экономической и политической экспансией фашистских стран Европы в Южной и Центральной Америке — борьбы с помощью... фашистских и полуфашистских стран Латинской Америки (по вопросу о панамериканской конференции в Лиме напишу отдельно ближайшей почтой; сейчас упомяну, что не далее как вчера дальневосточный советник госдепартамента Хорнбек { { * Советник государственного департамента США по политическим вопросам. } } откровенно жаловался мне на то, что «Хэлл совсем не вовремя концентрирует внимание на Латинской Америке, вместо того чтобы осадить японцев в Азии»). Реагирование на дальневосточные дела со стороны госдепартамента значительно более вялое, чем год назад. Конечно,

серьезный инцидент, непосредственно затрагивающий американские интересы, может резко изменить картину. Каких-либо видимых признаков подготовки сделки с японцами или открытой пропаганды в пользу таковой не заметно. Чанкуфынские события {{** Советско-японский конфликт у оз. Хасан.}} крепко подорвали иллюзии американцев насчет возможности серьезного выступления японцев против нас в данной обстановке. Профессор Картер передавал мне на днях, что присутствовал на завтраке, на котором Рой Говард {{*** Американский журналист, издатель.}} откровенно говорил японскому пропагандисту Суруми, что симпатии «некоторой части американского народа» были бы на стороне японцев, если бы они для своей экспансии избрали антисоветское направление, но что-де на это сейчас, по-видимому, рассчитывать не приходится и что, совершив роковую ошибку вторжения в Китай, японцы не ослабляют, а укрепляют советский и китайский коммунизм. Картер передавал мне, что присутствовал пару месяцев назад в Сан-Франциско при встрече японского профессора Итагаки с Гербертом Гувером, не скрывавшим своих обычных антисоветских настроений, но заявившим своему японскому собеседнику, что возмущение в США японскими зверствами в Китае дошло до того, что американцы одобрили бы «даже» разгром японцев Красной Армией, «несмотря на все связанные с этим опасности для цивилизации». Никаких признаков того, что скольконибудь существенное оживление отношений с нами входит в расчеты Рузвельта, за последнее время не было. Я склонен верить тем близким к Рузвельту людям, которые за последние месяцы говорили мне, будто неназначение посла в Москву объясняется теперь исключительно предвыборной обстановкой и нежеланием продешевить это первостепенной важности назначение. Но теперь выборы прошли, кандидатов на пост посла из числа доказавших лояльность президенту и провалившихся на выборах сенаторов и прочих сколько угодно, и самые ближайшие дни или недели должны показать, насколько это объяснение действительно. Новых имен за последнее время не было слышно, за исключением некоего Грэди, зам[естителя] пред[седателя] тарифной комиссии, ранее — зав[едующего] отд[елом] торг[овых] договоров госдепартамента, умеренно-консервативного католика. Невозвращение т. Трояновского {{* Полпред СССР в США.}} многими было истолковано как наша ответная демонстрация на неназначение ам[ериканского] посла, и, разъяря семейные причины переезда Трояновского в Москву, я в то же время не слишком разубеждал рассуждавших таким образом.

Итак, усиление республиканской оппозиции в конгрессе, перспектива создания консервативного двухпартийного блока с одновременным рецидивом усилившегося после Мюнхена изоляционизма в широких кругах будут в ближайшее время снова стеснять внешнеполитическую активность Рузвельта. Едва ли ему в этой обстановке удастся провести тот пересмотр законодательства о нейтралитете, с проведением дискриминации между агрессором и жертвой агрессии, который, как это точно установлено, он согласовал в принципе с пред[седателем] сенатской комиссии [по] ин[остранным] дел[ам] Питтмэном. Какие поправки внесут события в Европе, Азии и Южн[ой] Америке в эту перспективу, судить сейчас трудно. Настроения здесь могут круто измениться, и народное возмущение тем или иным актом агрессии, затрагивающим США, может позволить Рузвельту провести тот или иной акт, направленный против агрессоров, даже в неблагоприятном для него конгрессе. [...]

К. Уманский

**51. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
временному поверенному в делах СССР в США К. А. Уманскому**

14 ноября 1938 г.

[...] Пятилетие установления отношений мы отметим в печати весьма скромно. Трудно говорить о значении этого события, умалчивая о причинах отсутствия надлежащего политического эффекта.

Причины же эти лежат в совершенной пассивности американского правительства, фактически издавна уже практикующего изоляционизм³⁰. Несмотря на нагорные проповеди своих президентов о мире, Америка не может отказаться от своей доли ответственности за нынешнее международное положение. [...]

АВП СССР, ф. 0129, оп. 21, п. 134а, д. 2, л. 7. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 81.

**52. Из письма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С.
Александровского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

17 ноября 1938 г.

[...] Ссылаясь на свои связи с судетскими немцами и через них с Германией демократического толка, Шкрах {{* Начальник личного архива бывшего президента Чехословакии Т. Масарика.}} несколько раз уверял меня в том, что считает самым большим несчастьем капитуляцию Чехословакии именно потому, что гитлеровский режим в Германии является насквозь гнилым и не выдержал бы даже самой непродолжительной войны, хотя бы с одной только Чехословакией. Без всякого подсказа с моей стороны Шкрах делал тот вывод, что Чехословакия принесена в жертву именно потому, что все участники этой трагедии страшно боялись крушения гитлеровского режима, боялись погибнуть под развалинами этого колосса, боялись неизбежной революции, которая затронула бы тогда не только Францию, но и Англию, да и всю Европу. По сведениям Шкраха, Гитлер только для внешнего мира держит себя крикливо и гордо. В разговорах же с Чемберленом он якобы прямо поставил перед ним вопрос о том, что не только война будет обозначать близкую социальную революцию, но даже просто неуспех Гитлера поведет в конечном результате и в очень близком будущем к развалу национал-социалистской системы и к торжеству большевизма в Европе. Это якобы совпадало с оценкой Чемберлена, и отсюда его усердие в деле спасения Гитлера и его режима. Шкрах уверен в том, что к такому же убеждению быстро была приведена и Франция, а также правящая верхушка в самой Чехословакии. Отсюда понятна и естественна измена Франции, а также несомненна и измена в Чехословакии. Кто прямой носитель этой измены и ее исполнитель, совершенно ясно в смысле социально-политических группировок. Это — аграрная партия, правая часть народных социалистов и, несомненно, кое-кто из руководства социал-демократической партии. Чисто фашистские группировки, вероятно, не принимали участия, поскольку не играли никакой роли и стояли в стороне от дел правительства. Шкрах не подозревает прямо Бенеша, но все остальное ближайшее окружение Бенеша находится у него под сильным подозрением. [...]

Полпред СССР в Чехословакии
Александровский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 169, л. 184 — 186. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 81—82.

53. Запись беседы советника посольства Германии в Польше Р. Шелии {{* Рудольф фон Шелия — советник германского посольства в Варшаве; выходец из известной аристократической семьи; ненавидел Гитлера и нацистов, считая их выскочками; информировал об агрессивных планах Германии немецкого коммерсанта, которого он считал представителем разведки одной из западных стран, но который в действительности передавал полученные материалы советской военной разведке (Правда. 1967. 1 июля).}} **с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобыляньским**

18 ноября 1938 г.

Кобыляньский сказал: «Министр не может говорить так открыто, как могу говорить я. Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение. Вы видите, какое беспокойство вызывает этот вопрос в наших украинских областях. Мы подавляли и будем подавлять это беспокойство. Не делайте для нас невозможным проведение нашей политики. Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину. Если же Карпатская Русь остается очагом беспокойства, то такое выступление вы сделаете для нас невозможным. Поймите, о чем идет речь!»

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 82.

**54. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

19 ноября 1938 г.

Еврейские погромы³³ и реакция на них в Англии и США несколько осложнили ход событий, расстроив налаживавшиеся было отношения Германии с Англией. Пресса прекратила выявлять нежность в отношении Чемберлена, а нападки на Англию по линии выпячивания событий в Палестине, проблем Индии, Кипра, Мальты и т. п. стали повседневным явлением. Однако эта кампания легко может прекратиться, едва только утихнет вызванная погромами антигитлеровская реакция в Англии. В основном дело определится развитием событий в самой Англии. Для иностранцев гитлеровцы из-под полы пускают версию о том, что, дескать, «фюрер не знал» о погромах и недоволен ими. Но эта версия предназначена целиком для экспорта. Газеты, наоборот, продолжают воспевать происшедшие погромы, доходя до прямого подчеркивания, что в них активно участвовали СС, СА и «политические руководители» (статья геринговской «Нац[иональ] цайтунг», переданная ТАСС). Наибольшее ожесточение у немцев вызывает, однако, поведение США. Последние сегодняшней передовицей «Ф[олькишер] б[е]обахтер» прямо выдвинуты на первое место по неприязненности к Германии в связи с антигерманской кампанией последнего времени. Сейчас можно считать вполне признанным, что вызов американского посла в Вашингтон явился демонстрацией в ответ на события (хотя чисто американские евреи в Берлине пострадали мало — всего двое-трое и к тому же не являются уроженцами США, а лишь формально подданными). После появления первых

сообщений о вызове Вильсона немцы пытались замять впечатление, делая вид, что принимают версию о недемонстративном значении его поездки. Теперешний вызов Дикхофа из Вашингтона показывает, что эта тактика оставлена и конфликт не отрицается.

Наоборот, в отношении Франции тон прессы остается вполне корректным, Даладьё продолжает пользоваться ее симпатиями, а приезд Кулондра, задержавшегося на несколько дней, весьма подчеркнуто рекламируется, так же как все передвижения Франсуа-Понсэ.

Что касается внешних объектов гитлеровского «динамизма», то таковыми являются в данное время *Мемель* и *колонии*. Мемелю, правда, не уделяется количественно много внимания, но он представляется обреченным. Сами литовцы чувствуют себя совершенно беспомощными, готовы идти на все уступки (об этом мне прямо говорил их советник) и уповают лишь на то, что Мемель Германии «не нужен». В Аусамте {{* Министерство иностранных дел Германии.}} прибалтам заявляют, что захватывать Мемель Германия не собирается, а желает лишь полного проведения автономии. Между тем последнее выступление мемельского лидера Неймана {{** Руководитель фашистской организации клайпедских немцев.}}, заявившего, что «борьба только начинается», ясно намечает дальнейшую схему, долженствующую привести к отторжению Мемеля.

Остается невыясненным, ограничатся ли немцы захватом Мемеля, или вопрос стоит о Литве в целом, как объекте решения «коридорной» проблемы. Здешние литовцы имеют сведения, что немцы собираются сделать полякам «рождественский подарок», поднеся им Литву (очевидно, в обмен на коридор). Вполне выясненным это считать нельзя, так как между Германией и Польшей за последние недели, несомненно, пробежала кошка в связи с вопросом о Карпатской Украине. Некоторое охлаждение выявилось и в связи с еврейским вопросом (попытка насильственно выселить польских евреев).

Что касается *колоний*, то вокруг этого вопроса велась и ведется самая усиленная пропаганда по всем линиям (статьи, книги, фильмы, лекции, собрания, демонстрации). Основная установка — колонии должны быть возвращены полностью и целиком. Не делается оговорок даже в отношении дальневосточных колоний, захваченных японцами. Можно не сомневаться, что за кулисами немцы успокоили японцев на этот счет, но открыто об этом не говорится, и острова на экваторе, а также Циндао продолжают особо выделяться на картах, выпускаемых для обоснования колониальных требований.

Я не имею никакой прямой информации, но, рассуждая чисто абстрактно, приходишь к выводу, что Германия сильно рассчитывает на итальянскую активность в вопросе о колониях, причем сама Италия должна получить значительную часть добычи. События последнего года принесли Германии исключительные выгоды от политики «оси». Она получила Австрию, Чехословакию, собирается осуществить экономическую монополию на всем юго-востоке Европы, включая Балканы. Италии эта политика за последний год ничего не дала (если не считать «признания» захвата Абиссинии). Трудно представить себе, чтобы Муссолини примирился с тем, что все выгоды «оси» достаются Германии, и остается предполагать, что он заручился обещанием активной поддержки Гитлера в других участках. Поскольку в Европе таковых не намечается, невольно напрашивается предположение о готовящейся акции в Африке, где Муссолини предъявит свои претензии на часть французских владений, а Гитлер на прежние колонии.

Но это, повторяю, лишь предположения. Пока же можно констатировать, что англо-американская реакция на берлинские погромы сильно расстроила игру Берлина. Прогитлеровские элементы в других странах оказались в неловком положении и

несколько приутихли, германской пропаганде пришлось отвлечь значительную часть внимания от новых объектов экспансии и заняться неблагодарной полемикой по еврейскому вопросу. От наступления пришлось на ряде участков перейти к обороне, и четкий динамизм и активность германской политики первых недель после Мюнхена разменялись и ослабели.

Астахов

АВП СССР, ф. 082, оп. 21, п. 89, д. 4, л. 296-298. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 83-85.

55. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

20 ноября 1938 г.

Пайяр обратился с вопросом, как я смотрю на нынешнее международное положение и дальнейшее его развитие. Я ответил, что новое положение создано мюнхенским соглашением, и мне казалось бы, что вопрос должен быть обращен нами к Англии и Франции — как они сами мыслят последствия этого соглашения. Пайяр тогда сказал, что он обратился ко мне не по поручению правительства, а от себя лично. Так как он считает себя сторонником коллективной безопасности, то он хотел бы знать, считаю ли я и теперь возможной политику коллективной безопасности. На это я сказал следующее.

Мы считаем мюнхенское соглашение международным несчастьем. Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится к одностороннему удовлетворению тиреований всех трех агрессоров: Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой. Я полагаю, однако, что они дойдут до такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить. Тогда, вероятно, придется вернуться на старый путь коллективной безопасности, ибо других путей для организации мира нет. Англия и Франция выйдут, конечно, сильно ослабленными из этой полосы, но все же и тогда еще потенциальные силы мира будут превышать потенциальные силы агрессии.

На вопрос Пайяра, считаю ли я возможным привлечение к такой политике коллективной безопасности также Польши и Румынии, я ответил, что в настоящий момент вряд ли это было бы возможным, в особенности в отношении Польши, ибо она, а в меньшей степени и Румыния относятся особо недоверчиво к политике Англии и Франции. Должны сперва объединиться великие державы, и когда они на деле покажут свою способность вести твердую и последовательную политику, то вокруг них начнут группироваться другие страны и будет обеспечена поддержка США.

Пайяр заявил, что, по его мнению, мы должны быть заинтересованы в сильном французском правительстве, если оно даже будет правое и антисоветское, ибо только такое правительство может оказывать сопротивление агрессору. С этим, однако, не вяжется манифест Коминтерна, в котором он находит призыв к свержению нынешних правительств Англии и Франции. Он при этом показал мне соответственное место в «Коммунистическом Интернационале», где действительно предлагается свергать правительства измены и предательства. Я заметил Пайяру, что если правительства

Чемберлена и Даладье идентифицируют себя с данной в манифесте характеристикой, то они могут быть в претензии на Коминтерн. Мы, однако, за Коминтерн не отвечаем.

Есть известный параллелизм интересов Коминтерна и Советского государства, но не существует связи. Я не представляю себе, чтобы французское правительство могло не только объявлять себя сильным (такие декларации значения не имеют), но и действительно казаться другим сильным, если оно не будет опираться на друзей. Сама по себе Франция не может противостоять натиску Германии, Италии и Японии. Я поэтому не думаю, чтобы антисоветское правительство могло производить впечатление силы. Равным образом вряд ли в демократических странах правительство может быть сильным, если оно имеет против себя рабочий класс.

Пайяр поблагодарил за разъяснения, выразив согласие с моими замечаниями. Не думаю, однако, чтобы в душе он действительно со мною соглашался.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 209 — 211. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21, С. 642 — 643.

56. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 ноября 1938 г.

Ставим вас в известность, что возле нашего полпредства агенты полиции продолжают находиться целыми бандами. Состав шпиков прежний. По отношению к нашим людям шпики держат себя все же вызывающе. По-прежнему ходят по пятам, разница только в том, что идут на некоторой дистанции, но ведут себя почти так же нагло, как и раньше. За нашим автомобилем всегда идет конвой при въезде в полпредство и выезде из него, банды шпиков наглым образом заглядывают в окна машин. Въезд в полпредство всегда загроможден автомобилями, специально расставленными на улице полпредства. Это обстоятельство никак не подтверждает «добрых» намерений польского правительства, высказанных Гжибовским {{* [См. док. 36.](#)}}. Ко всему изложенному просим обратить ваше внимание на продолжающийся антисоветский тон польской прессы.

Листопад

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 273, д. 1893, л. 176. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 644.

57. Записка, переданная миссией Венгрии в Германии министерству иностранных дел Германии

21 ноября 1938 г.

Со времени образования оси Берлин — Рим ³⁴ основным принципом венгерской внешней политики всегда было сближение с этой осью; вследствие Венского арбитража ³⁵ это сближение приобретает более определенный характер.

Исходя из этого соображения, венгерское правительство считало бы необходимым вступить в переговоры с правительством рейха в целях углубления своих отношений с Германией как в политической, так и в экономической области.

Что касается политических вопросов, то венгерское правительство прежде всего имеет в виду совместную борьбу против большевизма. Венгрия, вероятно, была первым государством, которое никогда не допускало колебаний в борьбе против коммунизма и которое никогда не шло на примирение или компромиссы с большевизмом.

Антибольшевистская позиция держав оси всегда находила у нас понимание и одобрение, и мы были бы готовы *присоединиться к антикоминтерновскому пакту* ¹⁰, если державы оси заинтересованы в этом.

В экономической области открываются новые возможности, и Венгрия, у которой значительная часть внешнеторгового оборота и до настоящего времени приходилась на державы оси, была бы готова не только и дальше поддерживать эти отношения, но и *постоянно углублять* и расширять их в направлении целесообразного взаимодополнения.

Мы полагаем, что этим путем мы ближе подошли бы к той цели, которая сводится к укреплению наших отношений с державами оси и созданию такого положения, которое отвечало бы задаче служения как интересам держав оси, так и интересам Венгрии.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 89.

58. Письмо посла Польши в США Е. Потоцкого министру иностранных дел Польши Ю. Беку

21 ноября 1938 г.

Позавчера я имел продолжительную беседу с послом Буллитом, который проводит здесь своей отпуск.

В начале беседы он сказал, что у него установились очень сердечные отношения с нашим послом в Париже Лукасевичем и что он весьма охотно с ним встречается.

Буллит постоянно информирует президента Рузвельта о международном положении в Европе и прежде всего о Советской России, и президент Рузвельт, а также государственный департамент относятся к его сообщениям с большим вниманием. Буллит рассказывает красочно и интересно, так как во время беседы он учитывает все разнообразие сложных европейских проблем, но, как правило, приходит к отрицательным заключениям; его отношение к европейским событиям является скорее мнением журналиста, чем политика.

В беседе со мной Буллит проявил значительный пессимизм, заявляя, что весна 1939 г., несомненно, опять будет очень беспокойной и что положение будет обостряться постоянной возможностью возникновения войны и угрозами со стороны Германии, а

также сложностью отношений в Европе. Он согласился со мной, что центр тяжести европейской проблемы переместился с Запада на Восток, так как капитуляция демократических государств в Мюнхене выявила их слабость по отношению к германскому рейху.

Затем Буллит говорил мне о полной неподготовленности Великобритании к войне и невозможности приспособления английской промышленности к массовому производству военной продукции, особенно самолетов. Что касается французской армии, то он высказывался о ней с большим энтузиазмом, заявляя, однако, что французская авиация устарела. Судя по тому, что говорили Буллиту военные эксперты во время сентябрьского кризиса этого года, война будет продолжаться по крайней мере лет шесть и, по их мнению, кончится полным развалом Европы и торжеством коммунизма во всех государствах, чем, несомненно, воспользуется в конечном счете Советская Россия.

Что касается Советской России, то Буллит говорил о ней с пренебрежением, указывая, что последние чистки, в особенности устранение Блюхера {{* Маршал Советского Союза, командующий Особой Дальневосточной армией.}}, вызвали полную дезорганизацию в Красной Армии, которая не способна ни к каким активным военным действиям. Вообще, как он сказал, Россия в настоящее время является «больным человеком Европы» {{** В тексте по-английски: «the sick man of Europe».}}, и он сравнивал ее с довоенным османским государством.

О германском рейхе и канцлере Гитлере он высказывался резко и с большой ненавистью, говоря, что только применение силы и, наконец, война могут положить конец бешеной экспансии Германии в будущем.

На мой вопрос, как он представляет себе эту будущую войну, он ответил, что прежде всего Соединенные Штаты, Франция и Англия должны быстро перевооружиться для противодействия германской мощи. Лишь тогда, когда наступит надлежащий момент, продолжал Буллит, нужно будет приступить к решающим Действиям.

Я спросил его, каким образом могут быть начаты эти решающие действия, если, допустим, Германия первая не нападет на Англию и Францию, и [сказал], что в этом случае я просто не вижу исходного пункта для всей этой комбинации.

Буллит ответил, что демократическим государствам безусловно потребуется еще по крайней мере два года для полного перевооружения. Тем временем германский рейх направил бы, вероятно, свою экспансию на восток, и для демократических государств было бы желательно, чтобы там, на востоке, дело дошло до войны между германским рейхом и Россией. Хотя потенциальная сила Советов настоящего времени еще не известна, вполне вероятно, что, действуя вдали от своих баз, Германия была бы вынуждена вести длительную и изнурительную войну. Только тогда, сказал Буллит, демократические государства могли бы атаковать Германию и добиться ее капитуляции.

На мой вопрос, примут ли Соединенные Штаты активное участие в такой войне, он ответил, что это — несомненно, но только после того, как Англия и Франция выступят первыми. Общественное мнение Соединенных Штатов, сказал он, до такой степени настроено против нацизма и Гитлера, что уже в настоящее время в американском обществе царит такой же психоз, как это было в 1917 г. перед объявлением Соединенными Штатами войны Германии.

Затем Буллит спрашивал о Польше и о нашем положении на востоке Европы. Он подтвердил, что Польша является еще одним государством, которое выступит с оружием в руках, если Германия нарушит ее границы. Я хорошо понимаю, сказал он, проблему общей границы с Венгрией. Венгры тоже мужественный народ, и если бы они действовали совместно с Югославией, то значительно был бы облегчен вопрос об обороне против германской экспансии.

Затем Буллит говорил об украинской проблеме и о германских посягательствах на Украину. Он утверждал, что Германия имеет полностью подготовленный, сформированный украинский штаб, который должен в будущем взять в свои руки власть на Украине и создать там независимое украинское государство под эгидой Германии. Такая Украина, продолжал Буллит, конечно, представляла бы для вас большую опасность, так как она имела бы прямое воздействие на украинцев в восточной Малопольше. Уже сегодня, сказал он, германская пропаганда полностью проводится в украинско-националистическом направлении. Базой для этих действий в будущем должна послужить карпато-русская Украина, в существовании которой Германия безусловно заинтересована, главным образом со стратегической точки зрения.

Буллит показал себя не особенно хорошо информированным о положении в Восточной Европе, и его рассуждения были поверхностными.

Посол Польской Республики
Ежи Потоцкий

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 86-89.

59. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

25 ноября 1938 г.

Вызвав сегодня Гжибовского, я сказал ему, что, сравнив оба проекта коммюнике, я нахожу все-таки значительную разницу. Если имеется в виду этим коммюнике создать впечатление об известном переломе во взаимоотношениях, то советский проект надо признать более удовлетворительным. Я, однако, не имею оснований отклонить и польский проект, который все же является шагом по пути улучшения отношений. Вспоминая, однако, сказанное мне в предыдущей беседе г. послом о дополнении коммюнике комментариями в печати, я хочу выразить надежду, что в польских комментариях не будет попыток умалить или багателизировать {{* Производное от французского слова la bagatelle — безделица, пустяк.}} значение коммюнике. Указав на некоторые неточности в русском переводе, я спросил посла, можно ли будет дать коммюнике в печать уже завтра.

Гжибовский дал заверение относительно комментариев в печати и сказал, что он боится не успеть сегодня сообщить своему правительству шифром все свои соображения и поэтому просит отложить сдачу коммюнике в печать на день, с тем чтобы оно появилось в утренних газетах 27-го, на что я дал согласие. [...]

Я сказал Гжибовскому, что у нас вызывает особое недоверие известная интимность польско-японских отношений. Гжибовский пытался отрицать такую интимность, и я для примера сказал ему, что после принятия Лигой наций резолюции о введении в действие

ст. 16 против Японии Польша оказалась первым государством, поспешившим заверить Японию в отсутствии у нее намерения выполнять эту резолюцию.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 22, п. 180а, д. 856, л. 76—77. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 92.

60. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

25 ноября 1938 г.

[...] Накануне еврейских погромов в Германии ³³ Чемберлен вместе с «партийной машиной» консерваторов пришли к выводу, что тактически для них было бы выгодно назначить новые выборы в начале 1939 г., вероятнее всего, в феврале. После еврейских погромов и после выборов в Бриджуотере ³⁶ это решение было отменено, и вопрос о сроке назначения новых выборов оставлен открытым. Насколько, однако, глубок и перманентен эффект последних событий в Германии? Ответы на этот вопрос даются здесь сейчас самые разнообразные. Я лично полагаю, что эффект этот, несомненно, серьезен, но что он носит лишь временный характер. Если Гитлер не выкинет в ближайшее время какого-нибудь нового коленца, если, наоборот, он попытается сделать хоть парочку слегка примирительных жестов, Чемберлен, располагающий весьма мощным аппаратом влияния на общественное мнение Великобритании (через прессу, кино, радио, парламент, «партийную машину» и т. д.), несомненно, постарается охладить нынешнюю температуру массового возмущения и, конечно, далеко не без успеха. Весьма вероятно, что тем не менее последние германские события оставят известный постоянный след в психологии английских масс, который, естественно, ляжет дополнительной тяжестью на чашу весов античемберленовской политики. Впрочем, если, повторяю, Гитлер не позволит себе в ближайшие месяцы каких-либо новых и серьезных провокаций, общая картина внутреннего положения Великобритании в основном останется той же, что и сейчас. Чемберлен сохранит свои позиции и, несмотря на многочисленные затруднения, все-таки будет по-прежнему хозяином положения. Ибо, как я указывал прошлый раз, сейчас в Англии нет альтернативного правительства, которое могло бы взять в руки власть в случае ухода Чемберлена. Попытки создания античемберленовской коалиции из лейбористов, либералов и консервативных «бунтовщиков» пока находятся все еще в зачаточном состоянии, и шансы формирования такой коалиции очень невысоки. Таким образом, в своих расчетах на ближайшее будущее нам необходимо исходить из того, что Чемберлен пока прочно держит руль в своих руках.

3. Это значит, что линия на соглашение с агрессором за счет третьих стран будет упорно продолжаться. Сейчас в связи с еврейскими погромами в Германии вышла некоторая заминка в темпах проведения данной политики. Тут сами немцы, как это нередко с ними бывает, бросили кирпич на стол. Я слышал, что перед началом погромов вожди национал-социалистов консультировались с Риббентропом, и последний санкционировал данный шаг под углом зрения внешнеполитических отношений Германии. Это очень похоже на правду. Лучшего эксперта по вопросам международной бестактности трудно найти. Но так или иначе, а заминка, вызванная последними событиями, лишь на известное (и, по-моему, короткое) время будет связывающим образом действовать на политику Чемберлена. При первой же подходящей okazji он постарается возобновить свой флирт с

Германией и свою попытку создания «пакта четырех»²⁰. Впрочем, после Мюнхена становится все яснее, что основная цель Чемберлена не подлинный «пакт четырех», а «пакт двух» (Англия и Германия), лишь формально облеченный в костюм «пакта четырех». Франция и Италия в соответствии с «философией» Чемберлена должны отныне играть лишь роль «младших партнеров» при Великобритании и Германии.

4. Пока же Чемберлен старается подготовить почву для своих будущих шагов по «умиротворению» и всячески заслужить благоволение Гитлера. В высшей степени характерно, например, что, несмотря на мюнхенские решения, Англия (и Франция) на протяжении последних двух месяцев совершенно устранилась от какого бы то ни было активного участия в решении вопроса о судьбах Чехословакии. Германии и Италии предоставлена полная свобода действий в определении границ Чехословакии, ее экономической политики, ее внутреннего режима и так далее. О гарантии границ Чехословакии Англией и Францией официальные круги здесь больше не упоминают. У меня создается впечатление, что Чемберлен подготавливает почву для отказа от выполнения этого обязательства и лишь ищет для того какой-либо подходящей формы. [...]

Полномочный представитель СССР в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27, л. 166 — 168. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 92—94.

61. Записка генерального штаба вооруженных сил Германии «Соображения относительно переговоров представителей вермахта с Италией»

26 ноября 1938 г.

1) Форма переговоров.

Переговоры начинает министр иностранных дел в контакте с начальником генерального штаба вооруженных сил. В дальнейшем переговоры ведут представители видов вооруженных сил, если речь не идет о вопросах, которые разрабатываются в генеральном штабе вооруженных сил.

2) Главная идея переговоров.

Никакого совместного ведения военных действий в одном районе и под единым командованием, а разделение особых задач и театров военных действий для каждого государства, в рамках которых оно самостоятельно осуществляет операций.

3) Военно-политическая основа для переговоров.

Война Германии и Италии против Франции и Англии с целью в первую очередь разгромить Францию. Тем самым наносится Удар и по Англии, которая, потеряв базу для продолжения войны на материке, окажется перед лицом того, что все силы Германии и Италии будут направлены против нее одной.

При этом:

Швейцария, Бельгия и Голландия соблюдают строгий нейтралитет. Венгрия и Испания придерживаются благожелательного нейтралитета по отношению к Германии и Италии.

Сомнительную позицию занимают Балканские страны и Польша. Россия враждебно настроена по отношению к Германии и Италии.

Внеевропейские державы пока не рассматриваются.

4) Разделение задач в общем плане.

а) *Германия.*

Задача в целом. Концентрация всех сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил на западном фронте.

В результате строгого соблюдения нейтралитета Бельгии и Голландии расширение этого фронта ограничивается и предположительно достигается то, что и противник вынужден будет уважать нейтралитет этих государств.

Сухопутная война. Концентрированный удар германских частей против Франции на участке между Мозелем и Рейном в юго-западном направлении, восточный фланг примыкает к Вогезам. (Прорыв линии Мажино вполне возможен. Это доказано испытательными стрельбами по чешским укреплениям, построенным по образцу линии Мажино. В распоряжении находятся самые современные наступательные средства и дальнобойная артиллерия, прикрываемая танками в районе наших укреплений. В ходе бесед нужно будет подробнее обосновать справедливость этих соображений.)

Морская война. Удар по английским и французским морским коммуникациям в Северном море и в Атлантике. Детали относительно разграничения театров военных действий на море, вопросы взаимной поддержки (материальное снабжение, снабжение горючим, ремонтные базы и т. д.) подлежат выяснению в ходе переговоров между представителями военно-морских сил обеих сторон.

Воздушная война. Одновременно наступательные операции ВВС против Англии и Северной Франции. Отсечение английских морских коммуникаций во взаимодействии с военно-морскими силами.

б) *Италия.*

Задача в целом. Нейтрализация Балкан (общая тыловая база), активизация влияния на Испанию, оккупация Балеарских островов (недопущение транзита французских вооруженных сил или пролета над островами французских самолетов). Угроза сферам французского и английского влияния в Северной Африке, Египте, Палестине и на Ближнем и Среднем Востоке. Активная поддержка повстанческого движения в Марокко и тем самым общее распыление действующих английских военно-воздушных и военно-морских сил.

Сухопутная война. Сковывание по возможности крупных французских соединений на фронте в итальянских Альпах.

Предотвращение угрозы тылу Германии на ее восточных и юго-восточных границах путем введения в действие итальянских сил (вместе с Венгрией) против Польши в случае, если последняя займет угрожающую позицию.

Наступление на французскую Северную Африку, оккупация Корсики.

Морская война. Удар по английским и французским морским коммуникациям в Средиземноморье, главным образом по коммуникациям между Францией и Северной Африкой. Выключение Гибралтара. (Относительно разграничения театра военных действий на море смотри пункт 4а.)

Воздушная война. Военно-воздушные операции против Франции на участке южнее линии Женевское озеро — Ла-Рошель; удар по североафриканским колониям и по французским коммуникациям в Средиземном море.

5) Общие военные вопросы.

а) Участие Италии во всех активных и пассивных оборонительных мероприятиях Германии.

б) Обмен информацией между видами вооруженных сил.

в) Участие Италии в мероприятиях по пресечению связей с заграницей во время войны.

г) Сотрудничество в пропагандистской и экономической войне.

д) Сотрудничество в области военного снаряжения и обеспечения сырьем.

е) Сотрудничество в области службы связи.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 94 — 96. Оpubл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. B. IV. S. 464-465.

62. Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях

27 ноября 1938 г.

Ряд бесед, имевших место в последнее время между народным комиссаром иностранных дел т. Литвиновым и послом Польской Республики г. Гжибовским, выяснил, что:

1) Основой отношений между Польской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик остаются и впредь во всем своем объеме все существующие договоры, включая Договор о ненападении, подписанный в 1932 году, и что этот договор, заключенный на пять лет и продленный на дальнейший срок до 1945 года, имеет достаточно широкую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами.

2) Оба правительства отнесутся положительно к расширению взаимных торговых оборотов.

3) Оба правительства согласны в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов, вытекающих из взаимных

Договорных отношений, а в особенности вопросов, не получивших еще разрешения, а также ликвидации возникших за последнее время пограничных инцидентов.

Известия, 1938. 27 ноября.

63. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии К. А. Сметанина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

28 ноября 1938 г.

Прошу ознакомиться с сегодняшней телеграммой ТАСС, в частности с речью заместителя военного министра, призывающего к войне с СССР. Подробности выступления Итагаки и Годзио {{* Соответственно военный министр и заместитель военного министра Японии.}}, а также комментарии газет дадим завтра по ТАСС.

«Наблюдение» полиции за сотрудниками приняло издевательский характер. Некоторых сопровождают два-три полицейских как бы под конвоем — спереди и с боков, сталкивают с тротуаров, мешают переходить с одной стороны на другую, используя для этой цели идущий сзади автомобиль, часто направляя машину на идущего сотрудника, пугая его гудками, организуют свист, издевательский смех, публично оскорбляют и т. п. Одним словом, испытывают нервы, явно пытаюсь спровоцировать на какое-нибудь реагирование. Ежедневно выслушиваю все новые и новые факты и требования принятия решительных мер, устраняющих подобное отношение к нашим сотрудникам. Успокаиваю и разъясняю. Эти факты начали записывать, на днях надо будет организованно делать представление МИД по этому вопросу. Сообщите указания.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 285, д. 1979, л. 225. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 657-058.

64. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши германским корреспондентам в Польше

28 ноября 1938 г.

Нижеследующий комментарий носит доверительный характер и дается только германским корреспондентам. Он может, быть использован лишь без ссылки на источник.

Напряжение между Польшей и Советским Союзом в течение прошлых месяцев достигло такого уровня, о котором не могла ; иметь полного представления общественность, так как ее внимание было слишком занято чехословацким кризисом. Признаками угрожающего напряжения в советско-польских отношениях служили заявления Литвинова Гжибовскому в сентябре месяце ³⁷ и крупная концентрация русских войск на

восточной границе Польши. Опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений **{** См. док. 62. }**. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения. Впрочем, польско-советская декларация является результатом советской инициативы.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 256-257.

65. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Г. Вильсоном

29 ноября 1938 г.

Горас Вильсон (29 ноября) был у меня на завтраке, и мы беседовали на текущие политические темы. Отмечу важнейшее:

1. Встреча англо-французских министров в Париже ³⁸ 23 — 25 ноября была в основном посвящена вопросам вооружений. Англичане настаивали на необходимости поднять боеспособность французской авиации и быстро и решительно поднять авиационную промышленность, которая сейчас едва ли дает больше 100 машин в месяц. Французы обещали, но Вильсон относится к этим обещаниям критически. На днях в Париж выезжает британский министр авиации Кингсли Вуд, — авось ему удастся подтолкнуть французов. В свою очередь французы подняли вопрос о посылке в случае войны сразу же крупного экспедиционного корпуса из Англии во Францию. Вильсон, однако, не думает, чтобы это требование французов было англичанами одобрено, хотя, конечно, кое-какие меры по боевой подготовке британской армии принимаются и будут приниматься. Производство аэропланов в Англии систематически повышается, и сейчас оно примерно вдвое больше, чем в начале текущего года. Через год оно возрастет на 100 — 150% по сравнению с сегодняшним днем. Для этого нет надобности мобилизовывать промышленность или создавать специальное министерство снабжения. В настоящее время целый ряд промышленников введен в министерство авиации, кроме того, имеется особый комитет авиационных промышленников, координирующий деятельность всех авиационных предприятий в стране, — эти меры дают хороший результат. Ничего больше не требуется. Первую линию германского воздушного флота Вильсон определяет примерно в 3500 машин, а весь германский воздушный флот достигает 9 — 10 тыс. машин. Месячное производство германских авиационных заводов составляет 600—800 машин. На мой вопрос, ставит ли британское правительство своей задачей в воздухе «паритет» с Германией, Вильсон ответил отрицательно. Не «паритет», а «достаточная защита» — вот что является нынешним принципом правительства. Военные специалисты полагают, что Германия ни при каких условиях не смогла бы бросить против Англии весь свой воздушный флот, ибо ей всегда приходится учитывать не только французские, но также и советские воздушные силы. К чему же при таких условиях Англии стремиться непременно к «паритету»? Со стороны океана ей никто угрожать не может. Вильсон, между прочим, заявлял, что Англия лишь временно сосредоточивает главное внимание на постройке истребителей, ибо до сих пор бомбовозы у нее строились за счет истребителей, — как только число истребителей будет доведено до надлежащего числа, она вновь перейдет к постройке бомбардировочной авиации.

2. Вильсон категорически заявляет, что ни о какой передаче колоний Германии сейчас не может быть и речи. Общественное мнение чрезвычайно возбуждено еврейскими погромами, и правительство, которое вздумало бы поставить вопрос о возвращении, например, бывших немецких колоний в Африке Гитлеру, не смогло бы продержаться и двух недель. В дальнейшем, однако, Вильсон внес несколько подозрительные коррективы в эти свои слишком решительные утверждения. Во-первых, «все зависит от состояния общественного мнения», т. е., если в этом состоянии произойдут какие-либо благоприятные для Германии изменения, то... Во-вторых, «многое зависит от поведения Франции».

3. На мой вопрос, как он мыслит себе ближайшие перспективы в Европе, Вильсон ответил, что он не ждет войны в непосредственном будущем, — во всяком случае, такой войны, в которой Англии пришлось бы принимать участие. Во-первых, Гитлер не хочет большой войны. Гитлер предпочитает бескровные победы. Во-вторых, Гитлер взял сейчас в качестве ближайшего этапа линию удара на восток, в сторону Украины. Вильсон при этом довольно долго распространялся на тему о том, что Гитлер, как он мог убедиться из своих встреч и бесед с ним, вовсе не сумасшедший маньяк, а очень ловкий и умный калькулятор. Он знает, куда бить и когда бить. Сейчас все его помыслы устремлены будто бы на восток. Он рассчитывает вызвать на Украине большое сепаратистское движение и разыграть эту карту примерно в том же духе, как была разыграна чехословацкая карта. Опять будет пущен в ход лозунг «самоопределения». В таком плане Гитлер рассчитывает получить Украину без большой войны. Я, конечно, высмеял концепцию Вильсона и привел целый ряд аргументов против нее. Наибольшее впечатление из моих аргументов на Вильсона произвело сообщение, что немцы в 1918 г. оккупировали Украину, но потом вынуждены были бежать, оставив по себе самую плохую память среди местного крестьянства. Вильсон воскликнул: «Я этого не знал! Это очень серьезно. Сомневаюсь, чтобы там, где немцы побывали раз, население желало бы их возвращения».

Полномочный представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27, л. 174—176. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 98-99.

66. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

30 ноября 1938 г.

Из разговора с Вильсоном (советник Чемберлена), который был у меня на завтраке, отмечу следующее:

1. Англии в ближайшем будущем не угрожает война, ибо, по мнению Вильсона, следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что и в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышки, восстания украинского населения, а затем «освобождение» Украины Гитлером под лозунгом «самоопределения». Я, конечно, высмеял эту концепцию, но из разговора Вильсона мне все-таки стало ясно, что политика британского правительства в настоящее время в сильнейшей степени строится на ожидании германской экспансии на восток.

Аналогичные мысли я слышал также из уст Уинтертона, Хора и других. Весьма вероятно, что если не весь кабинет в целом, то, по крайней мере, отдельные члены британского правительства поощряют Гитлера в сторону «восточной экспансии».

2. Вильсон утверждает, что в результате еврейских погромов и пр. вопрос о передаче Германии каких-либо колоний совершенно отпал, и притом на долгое время. Из доминионов и различных британских колоний сыплются сотни писем и телеграмм с протестами против «колониальной сделки» с Германией. Общественное мнение в самой Англии сильно возбуждено. Правительство, которое рискнуло бы поставить сейчас вопрос о возвращении Германии колоний, не удержалось бы у власти и двух недель. Впрочем, в заключение Вильсон несколько подозрительно прибавил, что «общественное настроение» подвержено изменению и что многое в окончательном решении вопроса о колониях будет зависеть от Франции.

3. По словам Вильсона, число германских самолетов первой линии в настоящее время достигает примерно 3500.

4. В области воздушной политики Англия, заявил Вильсон, отказалась от принципа «паритета» с Германией и стремится лишь к тому, чтобы предохранить себя от возможности серьезных бомбардировок с воздуха. «Паритет» излишен будто бы потому, что Германия, которой приходится всегда учитывать опасность со стороны СССР, ни при каких условиях не смогла бы бросить против Англии все свои воздушные силы.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 278, д. 1931, л. 188—189. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 658.

**67. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

1 декабря 1938 г.

[...] В связи с обменом визитами я был на днях у Ху Ши {{* Посол Китая в США.}}, который, как бы оправдываясь, сказал мне, что считает оптимизм своего предшественника доктора Вана {{** Ван Чжэнтин.}} ошибкой, ибо подобный оптимизм со стороны китайского посла демобилизующе действует на американское правительство и общественность (Ван действительно перегибал в этом отношении, играя этим на руку американским изоляционистам, утешавшим себя надеждами на неисчерпаемую боеспособность китайцев и самоистощение японцев). Он-де считает своим долгом прямо говорить американцам о том, что ресурсы китайцев ограничены, что людские ресурсы Китая сильно пострадали, что Япония может укрепиться, начав эксплуатировать естественные богатства в захваченных китайских районах, и т. д. Он надеется добиться этим большего, чем его предшественник, и, в частности, верит в реальность проведения на ближайшей сессии конгресса пересмотра законодательства о нейтралитете ³⁹ в сторону дискриминационного эмбарго против агрессоров.

Ху Ши согласился со мной, когда я указал ему, что европейские события сейчас оттеснили в американском общественном мнении дальневосточные дела на задний план, что реакция на падение Кантона и Ханькоу была относительно вялая и что японские

пропагандисты в США осмелели, однако начал мне энергично возражать, когда я связал это с мюнхенской капитуляцией и, в частности, указал на связь между ней и взятием Кантона. В этой связи Ху Ши (находившийся во время сентябрьского кризиса в Париже, Женеве и Лондоне) начал косвенно оправдывать Чемберлена, развивая, хотя и с оговорками, всю аргументацию сторонников Мюнхена (военное «превосходство» немцев, блефа не было-де ни с той, ни с другой стороны и т. д.). Благодаря тому, что англичане «проявили хладнокровие», они сохранили свои силы, которые пустят в ход тогда, когда будут затронуты действительно жизненные интересы Англии. Он на днях получил сообщение лично от Чан Кайши о том, что в его недавней беседе с британским послом «посредничество даже не упоминалось». Я изложил Ху Ши без обиняков наш взгляд на Мюнхен и указал ему, что «замирение» Европы методами Чемберлена — Даладье не развязывает, а связывает по отношению к Дальнему Востоку западноевропейские державы и США, где нынешнее ослабление Англии рассматривается чуть ли не как крушение первой линии американской обороны и где расчеты на англо-американскую акцию на Д[альнем] Востоке после Мюнхена явно улетучились. [...]

К. Уманский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 147, д. 132, 96—98. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 100-101.

68. Из письма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

1 декабря 1938 г.

[...] По США прокатилась волна такого возмущения нацистским варварством, которое, по мнению знатоков, может сравниться только с антинемецкими настроениями периода вступления США в войну в 1917 г. Своими заявлениями и отзыванием посла Рузвельт и отразил, и подогрел народное возмущение. Однако Вильсон, который «докладывал» ему о погромах ³³, сам полуфашист и друг нацистов, а Кеннеди в Лондоне активно участвует в подготовке подозрительных планов переселения, смахивающих на косвенную фин[ансовую] помощь немцам. В процессе кампании против погромов со стороны консервативных и реакционных деятелей было немало антисоветских выпадов, да и многие горе-либералы считают невозможным выступать против фашистов, не заверяя тут же, что они против нас. Тенденция, как Вы знаете, не чуждая и Рузвельту, недавно снова объявившему «коммунизм никак не меньшей опасностью, чем фашизм». [...]

И. о. поверенного в делах
К. Уманский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 147, д. 132, л. 102. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 101.

69. Из письма посла США в Японии Дж. Грю государственному секретарю США К. Хэллу

2 декабря 1938 г.

Сэр, в последнее время имеет место заметное возобновление активности по линии оси Берлин — Рим — Токио ³⁴ и явное Укрепление отношений между Японией и государствами с тоталитарными или авторитарными формами правления. [...]

Со времени падения городов Кантона и Ухани и прихода г. Арита на пост министра иностранных дел стало очевидно, что политика Японии в отношении Соединенных Штатов, Великобритании и Франции в том, что касается их прав и интересов в Китае, заметно изменилась. Если до того Япония, по крайней мере для видимости, поддерживала «договор девяти держав»⁴⁰, политику «открытых дверей» и принцип «равных возможностей», то с тех пор все это отброшено в результате перехода Японии к политике создания «нового порядка в Восточной Азии», включающей в себя образование блока Япония — Китай — Маньчжоу-Го и требование изменения принципов политики «открытых дверей» и «равенства возможностей» в Китае. Такая переориентация в политике в отношении держав, имеющих интересы в Китае, является неотъемлемой частью более широкой политики Японии, состоящей в том, чтобы попытаться создать в Восточной Азии под господством Японии самостоятельную экономическую и политическую структуру, аналогичную Соединенным Штатам, России или Британской империи. В настоящее время Япония намерена, как в этом признался министр иностранных дел в недавнем строго конфиденциальном разговоре, обезопасить себя от возможного применения санкций как со стороны Лиги наций, так и со стороны стран — членов и не членов Лиги наций. Проведение такой политики логически приведет к тому, что Япония окажется на одной стороне, а державы, имеющие интересы в Китае, т. е. Соединенные Штаты, Великобритания и Франция, — на другой стороне. Более того, в той степени, в какой эти три страны, которые являются ведущими демократиями, сближаются друг с другом в силу их интересов не только в Восточной Азии, но и в других районах, особенно в Европе, — в той же самой степени Япония вынуждена сближаться со странами, противостоящими демократиям, а именно с Италией и Германией, чьи интересы в Китае являются, между прочим, незначительными. Кроме того, так же как и Япония, Италия и Германия не являются членами Лиги наций, и эти две страны с их мощными военно-морскими флотами и военно-воздушными силами становятся все более потенциально ценными для Японии, по мере того как опасность давления со стороны Великобритании и Франции на востоке возрастает вследствие провозглашенной Японией политики пересмотра принципов, которые до этого обеспечивали известную защиту иностранных прав и интересов в Китае.

Интересно отметить, насколько сильно события в Европе благоприятствовали Японии и как последние события там вовлекли Японию в антидемократический лагерь. Хотя ось Берлин — Рим — Токио была, бесспорно, создана на основе общей антикоммунистической идеологии и внешне сохраняет антикоминтерновскую форму, события мирового значения, в основе которых лежат коренные расхождения во взглядах между теми странами, чьи интересы заключаются в поддержании послевоенного статус-кво, и теми, в чьих интересах изменить его, способствовали объединению антикоминтерновских государств против демократий. На Дальнем Востоке к таким демократиям относятся те, чьим интересам в Китае угрожает Япония. В Европе это те демократии, чьим интересам угрожали и продолжают угрожать Германия и Италия. Чехословацкий кризис, таким образом, обеспечил тем силам, которые управляют судьбами Японии, идеальный момент, чтобы начать, одновременно с учреждением Совета по китайским делам, проведение новой политики, которая перерастает в установление фактического протектората над всем Китаем, продолжающим существовать, не говоря уже об охране прав и интересов иностранных держав в этом районе, находящемся в руках японской военщины. Результаты мюнхенской конференции были восприняты Японией как признание демократическими государствами своей неспособности тягаться силами с

осью Берлин — Рим, и это послужило дальнейшим толчком к политике укрепления связей Японии с этой осью.

Растущая симпатия со стороны Японии к европейским странам с авторитарными формами правления является еще одним фактором в этой политике. Китайский инцидент ускорил установление практически непререкаемого господства военных в правительстве Японии. Те либеральные и гражданские элементы, влияние которых можно было ощущать, по крайней мере, хотя бы подспудно до начала войны с Китаем, теперь сведены полностью на нет, и можно сказать, что наступило нечто близко напоминающее авторитарную форму правления при иерархии военных.

Тяготение Японии к кругу авторитарных государств в последнее время стало явным. Следует напомнить, что в 1936 г. между Японией и Польшей было заключено соглашение по вопросам культуры; это соглашение было заключено вскоре после подписания антикоминтерновского пакта с Германией ¹⁰ и явилось вторым шагом Японии в направлении ее отхода от политики изоляции и проявлением тяготения к солидарности со страной, проводящей антисоветскую политику. Интересно также отметить, что форма правления в Польше тогда, как и сейчас, сильно приближалась к авторитарной.

Можно, кстати, добавить, что сообщение о том, что 26 ноября Польша внезапно решила продлить до 1945 г. свой пакт о ненападении с Советским Союзом 1932 г. ⁴¹, было встречено здесь прессой неодобрительно и эта акция толковалась как отход Польши от антикоминтерновского блока. Действительно, местные газеты так раздули этот факт в своих передовых статьях, что польский посол г. Тадеуш Ромер посетил на следующий день заместителя министра иностранных дел, с тем чтобы заверить его, что эта акция Польши не должна истолковываться как наносящая ущерб Дружеским отношениям с Японией.

15 ноября Япония заключила соглашение по вопросам культуры с Венгрией, еще одной страной; близко стоящей к авторитарной форме правления. Кстати, сообщается, что это соглашение вступит в силу 25 ноября, в тот же самый день, что и соглашение с Германией.

Итак, сближение Японии — в большей или меньшей степени — с авторитарными государствами является очевидным; это объясняется в какой-то мере ее симпатиями к этой специфической идеологии. Однако подлинной причиной этого сближения является, разумеется, тот факт, что перед этими государствами — у каждого по-своему — стоит ряд проблем, с которыми сталкивается и Япония. Германии и Италии нечего делить на Востоке; более того, в Европе им противостоят те же державы — Англия и Франция, — что и Японии в Китае, где она дополнительно имеет дело и с Соединенными Штатами. Таким образом, Германия, Италия и Япония, которые первоначально сблизились под общим знаменем антикоммунизма, сближаются теперь еще теснее в силу их враждебности к так называемым демократическим государствам, и этот процесс, вероятно, будет продолжаться до тех пор, пока в политике не произойдет чего-либо такого, что повернет развитие событий в противоположном направлении. Таким толчком может, например, быть удачная попытка со стороны Великобритании оторвать Италию от оси Берлин — Рим. Но здесь, однако, мы уже вступаем в область чистых предположений.

Джозеф Грю

70. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

3 декабря 1938 г.

Согласно заявлению, сделанному Бонне испанскому послу, Чемберлен в Париже ³⁸ действительно оказывал нажим, настаивая на признании произведенной эвакуации 10 тыс. итальянцев существенной эвакуацией, дающей основание для предоставления Франко прав воюющей стороны. Бонне будто бы предложил заявить Франко, что он получит это право, если согласится эвакуировать всех волонтеров. Чемберлен заявил, что это предложение будет отвергнуто Бургосом и Римом, и снял вопрос с обсуждения. Чиано твердо заявил Понсе, что франко-итальянское сближение невозможно без изменения отношения Франции к Франко. Не подлежит сомнению, что результатом поездки Чемберлена в Рим ⁴² будет новый нажим на Францию, и на этот раз успешный. С этой целью и предъявляется требование о Корсике и Тунисе, чтобы пока вынудить хоть сдачу Испании ⁴³.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2022, л. 184. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 661.

71. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 декабря 1938 г.

Дорогой Иван Михайлович,

1. Я рад был видеть из Вашего последнего доклада {{* См. док. 60.}}, что Вы не переоцениваете успехов английской оппозиции. Результаты дополнительных выборов указывают, что в случае новых выборов в настоящий момент можно было бы ожидать лишь сокращения голосов и числа чемберленовских депутатов, но ни в коем случае не поражения Чемберлена. Даже антиеврейские погромы, несмотря на вызванное ими в Англии возбуждение, не изменили бы этих результатов. Указанное возбуждение, несомненно, носит временный характер и скоро уляжется.

Дальнейшему проведению чемберленовских планов умиротворения могла бы помешать только Франция, если бы она, укрепив себя германо-французской декларацией, хотела оказать серьезное сопротивление итальянской агрессии и решительно воспротивилась бы предоставлению Франко прав воюющей стороны. Было бы, однако, слишком оптимистично на это рассчитывать. Скорее всего французы уступят и в испанском вопросе в обмен на временное прекращение итальянской агитации в отношении Савойи, Корсики и пр.

2. Я полагаю, что у Вас нет никаких иллюзий насчет англо советских отношений и что Вы не преувеличиваете значения положительного отношения к Вашим приглашениям на

завтраки членов правительства. Часто бывает, что существенное скрытое ухудшение отношений пытаются компенсировать мелкими открытыми манифестациями корректности, что имеет место и в данном случае. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, он. 18, п. 140, д. 26, с. 50. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 107.

**72. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

4 декабря 1938 г.

1. Мне не совсем понятна Ваша телеграмма от 2-го. Вы пишете, что будто Польша по схеме Бонне должна на востоке заместить СССР. Если это так, то он должен был бы как будто приветствовать польский демарш в Париже и попытки оживления франко-польского пакта, между тем Вы пишете, что Бонне будто бы всячески увиливает. Получается как будто противоречие. Я думаю, однако, что неверно Ваше первое положение. После Мюнхена Бонне стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и отношение его к франко-польскому пакту ⁴⁴ такое же, как и к франко-советскому, т. е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, что будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на Советскую Украину. Очень может быть, что Гитлер говорил это Чемберлену с целью усыпления бдительности его и Франции и торможения их вооружений. Напряженность отношений между Германией и Польшей должна еще больше отталкивать Бонне от мысли об укреплении польско-французских отношений. Если он, как Вы пишете, действительно увиливает от переговоров с поляками, то это можно объяснить тем, что он не хочет слишком ослабить позицию Франции до подписания франко-германской декларации. Во всяком случае, считаю совершенно исключительной возможность предоставления Польше нового займа, да и вряд ли Бек настолько наивен, чтобы заговаривать о таком займе. Я вообще не уверен в действительности франко-польских переговоров. Слух может быть пущен как французами, так и поляками, чтобы подразнить Гитлера.

Зей {{* Министр просвещения Франции.}}, конечно, прав, когда он говорит, что коммюнике могло бы в свое время предупредить Мюнхен, понимая это в том смысле, что при согласованных действиях между Францией, Англией, СССР, Польшей и Чехословакией позиция Франции, а может быть и Англии, была бы иной и до Мюнхена дело не дошло.

Не совсем понятно, почему Бонне должен был воспринять болезненно советско-польское коммюнике {{** [См. док. 62.](#)}}. Как-никак это несколько ослабляет позицию Германии на шахматной доске, в чем не может не быть заинтересован Бонне. Даже в случае германской агрессии на восток Франция, а также Англия не столько заинтересованы в ущербе Советскому Союзу, сколько в ослаблении Германии, а шансы этого ослабления повышаются в случае советско-польских совместных действий. Или, может быть, Бонне полагает, что советско-польское сближение может отклонить Гитлера от его восточных планов и вновь направить их в сторону Запада?

Я уже писал Вам, что, приняв польское предложение, мы не предавались никаким иллюзиям насчет прочности сближения с Польшей. Мы отлично отдаем себе отчет в том, что польский шаг может быть со стороны Бека так же маневром в его торговле с Гитлером, как в свое время его переговоры с последним о польско-германском соглашении⁴⁵ и параллельные переговоры с нами о Балтийской декларации¹⁸. Бек, однако, может на этот раз просчитаться. Опьяненный своими успехами, Гитлер может на этот раз серьезно рассердиться на Бека и учинить ему очередную пакость, затруднив дальнейшее соглашение между Польшей и Германией. Во всяком случае, мы ничего не теряем даже от временного разряжения отношений с Польшей. Возможные результаты от предстоящих переговоров о расширении торгового оборота с Польшей будут не без выгоды и для нас.

2. По полученным нами сведениям, Бонне сказал турецкому послу Давазу, которого он принимал после Вас: «Бывший у меня до Вас Суриц сказал, что Советы недовольны проводимой Францией политикой сближения с Германией. Я ответил ему, что они свободны думать, как им угодно, и что мы проводим политику, обеспечивающую французские интересы». Похоже на правду. Желательно только знать, выражали ли Вы ему в тот свой визит недовольство французской политикой, или даже это выдуманно Бонне.

3. Из Рима нам пишут, что Франсуа-Понсе настроен весьма пессимистически. Он говорил т. Штейну {{* Полпред СССР в Италии.}}, что считает задачу улучшения франко-итальянских отношений исключительно трудной и что он не надеется на быстрые результаты. Муссолини крайне раздражен тем, что в Париже не достигнуто соглашения о предоставлении Франко прав воюющей стороны³⁸.

По словам Понсе, Гитлер раздражен поведением Бека и его двойной игрой. Требуя общей польско-венгерской границы, Бек говорил немцам, что сколачиваемый им блок государств от Балтики до Черного моря будет авангардом борьбы против большевизма, а другим Бек говорил о необходимости создания барьера против экспансии Германии. Поляки и венгры будто бы подготавливали вооруженный раздел Прикарпатской Руси, но им было указано из Берлина и Рима, что это не будет допущено. Гитлер намерен нажать на Бека и заставить его отказаться от двойной игры.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 148, д. 158, л. 81—84. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 105-107.

73. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с членом парламента Великобритании Д. Ллойд Джорджем {{ Лидер либеральной партии.}}**

6 декабря 1938 г.

Ллойд Джордж (6 декабря) пригласил меня на завтрак в парламент. Как всегда, был блестящ, остроумен, интересен. Основной вопрос, по которому он вел беседу, — это очередные планы Гитлера. По мнению Ллойда Джорджа, Гитлер должен в ближайшее время выступить. Но куда, в каком направлении? Колонии? Сейчас это исключено. Вся Англия, как один человек, встала бы против передачи Германии колоний. То же самое и во Франции. Швейцария? Сомнительно: это горная, сама по себе бедная страна, с

малоплодородной почвой, лишенная ценных ископаемых. Гораздо вероятнее поэтому, что Гитлер повернет на восток. Куда именно? Ллойд Джордж считает, что Литва, Мемель слишком маленькая для Гитлера задача (хотя, конечно, он и Мемель возьмет). Иное дело Польша. В последние месяцы польско-германские отношения значительно ухудшились. Недаром Польша сейчас старается улучшить свои отношения с СССР. План Гитлера сводится к тому, чтобы вернуть себе «коридор» и Силезию и оторвать от Польши ее украинскую часть, объединить последнюю с Прикарпатской Украиной и из обеих создать вассальное украинское государство по типу Чехословакии. Такова ближайшая задача. В более отдаленном будущем Гитлер, возможно, думает об акции против Советской Украины, но сейчас он на это не рискнет. Сил у него недостаточно, армия у него далеко не столь блестящая, как об этом думают, недовольство в стране большое. В связи с этим Ллойд Джордж интересовался нашими взглядами на европейскую ситуацию. В особенности его занимал вопрос: будем ли мы спокойно смотреть на осуществление Гитлером его польского плана или же в той или иной мере вмешаемся в ход событий? Я уклонился от каких-либо пророчеств, заявив, что основная линия нашей внешней политики Ллойд Джорджу достаточно известна, а преломление ее в том или ином конкретном случае зависит от целого ряда обстоятельств, которые заранее трудно учесть.

Полномочный представитель СССР
в Великобритании <И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27, л. 177 — 178. brОпубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 661 — 662.

74. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне {* На беседе присутствовали досол Германии во Франции граф Вельчек и генеральный секретарь МИД Франции Леже. Беседу записал посланник П. Шмидт}}

6 декабря 1938 г.

В начале беседы Бонне выразил свое удовлетворение по поводу визита г. министра. Он, Бонне, надеется, что и в дальнейшем представится еще возможность для проведения таких бесед.

Министр фон Риббентроп ответил, что и он рад возможности обменяться мнениями с французским министром иностранных дел и что он надеется, что сможет приветствовать своего французского коллегу также и в Берлине.

Затем Бонне подчеркнул положительное значение германо-французского сближения, особо указав на культурное и экономическое сотрудничество между обеими странами. В этой связи он упомянул о желательности расширения товарообмена и заключения соглашения о взаимных поездках граждан обеих стран.

Со своей стороны имперский министр иностранных дел фон Риббентроп также заявил, что он ожидает многого от сотрудничества в экономической области, особенно если Франция увеличит свои закупки на германском рынке (возможно, путем выдачи правительственных заказов; углубления экономических связей с французскими колониями), что может привести к выравниванию имеющего место ныне дефицита в платежном балансе между обеими странами.

Оба министра пришли к единому мнению о том, что они стремятся сделать все необходимое для облегчения взаимной торговли. В частности, г. Бонне заявил, что намерен изучить вопрос о правительственных заказах.

После того как имперский министр иностранных дел заявил г. Бонне, что он охотно готов обсудить с ним и другие проблемы, если г. Бонне желает этого, г. Бонне тотчас же затронул вопрос об отношениях между Францией и Италией. Дав обстоятельную характеристику развития отношений между обеими странами, он остановился на инцидентах, имевших место в итальянском парламенте в связи с последней речью графа Чиано ⁴⁶, и сказал, что, хотя в ответ на протест французской стороны итальянское правительство заявило, что не несет ответственности за эти инциденты, итальянский ответ был сделан в довольно туманной форме, так что Франция в значительной мере обеспокоена теми вопросами, которые были подняты в результате этих инцидентов.

Как в этой, так и в других беседах, имевших место во время пребывания имперского министра иностранных дел в Париже, снова и снова выражалась большая озабоченность относительно дальнейшего развития событий в бассейне Средиземного моря; можно даже сказать, что это, собственно, главная тема, которая в эти дни занимает членов французского правительства.

На вопрос Бонне, какую позицию занимает Германия по отношению к этой проблеме, и в частности в вопросе о Тунисе, имперский министр иностранных дел ответил, что Германия в этой проблеме непосредственно не заинтересована. Он, имперский министр иностранных дел, недостаточно разбирается в деталях тунисской проблемы, однако неоднократно слышал от итальянцев, что итальянское население в Тунисе не слишком довольным отношением к нему. Конечно, в наши дни нужно учитывать, что мы живем в эпоху пробуждения национализма, который в настоящее время имеет совсем иное значение, чем раньше. В этих условиях вполне возможно, что молодежь могучей и гордой итальянской нации проявляет особое нетерпение, когда она слышит о плохом обращении с ее соплеменниками в других странах, и что молодые горячие головы устраивают тогда такие демонстрации, какие имели место в итальянском парламенте. Имперскому министру иностранных дел представляется, что первой предпосылкой для оздоровления положения там было бы хорошее обращение с итальянским меньшинством в Тунисе. Германская позиция в этой средиземноморской проблеме, сказал имперский министр иностранных дел, такова.

Хотя Германия непосредственно и не заинтересована в этом вопросе, все же у нее есть косвенная заинтересованность, постольку поскольку ее принципиальная позиция во внешнеполитических вопросах всегда определяется ее дружбой с Италией. Непоколебимой основой германской внешней политики является ось Берлин — Рим ³⁴, дружба между Италией и Германией, между фюрером и Муссолини.

Затем имперский министр иностранных дел подробно остановился на том, как эта дружба возникла из совместной идейной борьбы против подрывной деятельности в собственной стране, а также против Коммунистического Интернационала, и сказал, что понять эту дружбу может только тот, кто сам принимал участие в той идейной борьбе, которая проходила в этих обеих странах на протяжении ряда лет. На этой же основе возникла дружба между Японией и Германией и треугольник Берлин — Рим — Токио, который в наше время следует рассматривать как стабильный фактор на земном шаре. Однако все это, конечно, не является препятствием, тому, чтобы тем не менее перебросить мост урегулирования и взаимопонимания от авторитарных государств к демократиям, а чтобы

сделать такой шаг на пути сближения с Францией, он, имперский министр иностранных дел, и прибыл во Францию.

Еще раз возвращаясь к идее национализма, имперский министр иностранных дел подробно обрисовал, насколько, например, серьезной и динамичной оказалась эта идея в случае с Чехословакией. Фюрер принял решение в определенный срок осуществить урегулирование в этом районе на основе этнографического принципа. Впрочем, сказал имперский министр иностранных дел, Германия совершенно определенно рассматривает эту часть Европы как область своих интересов. Затем г. имперский министр иностранных дел уточнил, насколько было бы хорошо для преодоления в будущем противоречий между авторитарными государствами и демократиями, в частности между Германией и Францией и Англией, если бы к этой сфере германских интересов отнеслись с принципиальным уважением. Ведь Германия не вмешивается в сферу интересов других держав, например Англии.

Министр иностранных дел заявил в этой связи, что для него остается непонятой посылка лорда Ренсимена в Прагу.⁴⁷ Он в свое время сказал об этом также г. Чемберлену в Бад-Годесберге и спросил Чемберлена, согласилась ли бы Англия, например, с тем, что в случае конфликта между Лондоном и Дублином фюрер, не спросив Англию, направил в Дублин, ну, скажем, бывшего имперского министра экономики Шмитта, чтобы урегулировать вопрос между Ирландией и Англией. Министр сказал, что Чемберлен возражал против этого сравнения, однако на это он, имперский министр иностранных дел, заявил Чемберлену, что было бы хорошо, если бы англичане принципиально отошли от этого образа мышления, только что вновь продемонстрированного г. Чемберленом. Ибо для немцев упомянутое выше сравнение между лордом Ренсименом и Шмиттом является абсолютно классическим. Было бы хорошо, если бы Англия и весь мир раз и навсегда усвоили это.

Что касается Франции, продолжал имперский министр, то, как он уже неоднократно говорил в этом году французскому послу Франсуа-Понсе, военные союзы на востоке являются ярко выраженными атавизмами Версальского договора и версальского духа. Никогда сильная Германия не потерпела бы таких военных союзов, лишь слабая Германия вынуждена была примириться с ними. Но в момент воссоздания мощи стало ясно, что с этой политикой окружения, создающей невыносимое состояние, рано или поздно, путем переговоров или каким-либо другим путем, но должно быть покончено. Если бы во Франции раз и навсегда признали эту сферу германских интересов, то тогда он вполне поверил бы в возможность принципиального и окончательного урегулирования между Германией и Францией.

Бонне ответил, что со времени Мюнхена положение в этом отношении коренным образом изменилось, и тут же заметил, что вопросы, поднятые в связи с последними итальянскими инцидентами (Тунис и Корсика), все же носят целиком и полностью иной характер, нежели вопрос о судетских немцах. Франция не может ни в коем случае и думать об отказе от своих территорий. Поднять территориальный вопрос о Тунисе — значило бы начать войну. Впрочем, Франция была бы готова обсудить положение итальянского меньшинства в Тунисе, которое составляет довольно незначительную часть общего населения. Однако Италия до настоящего времени ни в какой форме не поднимала никаких конкретных вопросов в этой связи.

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп ответил, что он не хотел проводить никаких параллелей между Чехословакией и Тунисом. Он может только сказать, что детали вопроса о Тунисе ему мало известны и что уже по этой причине он не в состоянии

высказаться по этому вопросу. Однако он хотел бы выразить надежду, что рано или поздно между Италией и Францией в этом вопросе будет достигнуто урегулирование.

В дальнейшем в беседе был затронут вопрос об обещанных Чехословакии со стороны четырех держав гарантиях новых чехословацких границ. На вопрос Бонне, как мы относимся в принципе к этой проблеме, имперский министр иностранных дел ответил, что немецкая сторона намерена сначала выждать развития событий, так как возможное предоставление гарантий со стороны Германии в свое время было обусловлено тем, что проблемы других национальных меньшинств также должны быть решены. Далее, все зависит от того, будут ли поставлены отношения между Германией и Чехословакией на совершенно новую основу. Однако он уже сейчас хотел бы подчеркнуть следующее: Германия ни в коем случае не потерпит, чтобы Чехословакия вернулась в фарватер г. Бенеша. Четырехсторонняя гарантия, по его мнению, в некотором смысле означает для этой страны определенное искушение все же вновь пойти по старому политическому курсу Бенеша. Наилучшую и самую эффективную гарантию для Чехословакии он усматривает единственно лишь в установлении этой страной дружественных отношений с Германией.

В то время как Леже в своих коротких высказываниях о «нейтрализации» Чехословакии на основе международных гарантий, казалось, придавал особое значение четырехсторонней гарантии, Бонне ограничился заявлением, будто бы Франция, собственно, пришла к тому, чтобы подумать о предоставлении гарантий, скорее под давлением обстоятельств. По его словам, 19 сентября в Лондоне речь шла о том, чтобы побудить тогдашнюю Чехословакию отказаться от судетских областей в пользу рейха. Франция перед лицом своих чрезвычайно больших обязательств по отношению к Чехословакии была вынуждена выкупить согласие чехословацкой стороны на отказ от части территории за обещание новой гарантии.

Бонне не углублял этой темы, а перешел к испанскому вопросу и попросил имперского министра иностранных дел высказать свое мнение и по этой проблеме.

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп подчеркнул, что Германия желает победы Франко. Это вытекает из принципиальной антибольшевистской позиции рейха. Во внутренней и в значительной степени во внешней политике борьба против большевизма является лейтмотивом действий Германии. Фюрер поддержал национальное правительство в Испании исключительно по этой причине. Фюрер и Муссолини, воспрепятствовав утверждению большевизма в Испании, оказали в конечном итоге услугу и Франции, так как если бы Франция имела своим соседом большевистскую Испанию, то многие дела внутри Франции, и как раз в последнее время, значительно бы усложнились. Впрочем, он может в этой связи заявить, что за усилиями правительства Даладье по урегулированию положения во Франции в Германии следили с большим интересом и полным пониманием, а достигнутые на этом пути успехи были восприняты с большим удовлетворением.

Бонне заверил, что и французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко, если бы прежде были полностью выведены иностранные добровольцы, чтобы никто не мог сказать, что Франко победил лишь с иностранной помощью. Он, между прочим, указал в этой связи на сравнительно незначительное число германских добровольцев (2500—3000 человек).

Имперский министр иностранных дел в свою очередь еще раз указал на то, что Германия не имеет никаких территориальных претензий в отношении Испании, и упомянул, что Муссолини также сделал заявления в этом плане.

Бонне сказал далее, что он уже сделал значительный шаг в сторону свертывания гражданской войны, закрыв Пиренеи для провоза военных материалов. Впрочем, у него есть сведения, что барселонское правительство (г-н Негрин) все дальше отходит от Москвы, и он надеется, что между правительством Барселоны и Франко удастся достичь урегулирования.

Имперский министр иностранных дел указал на то, что это очень трудно сделать, поскольку тысячи убитых разделяют оба лагеря, и сказал, между прочим, что большая часть военных материалов и дальше поступает в Барселону морским путем.

В ходе дальнейшей беседы имперский министр фон Риббентроп еще раз охарактеризовал прежнюю французскую политику союзов и окружения, и в частности пакт с Россией ⁷, как препятствие на пути сближения между Германией и Францией.

Бонне подчеркнул, что пакт с Россией связан с -совершенно определенными условиями и отнюдь не выходит за рамки Лиги наций; moreover, этот пакт, продолжал Бонне, был заключен ярко выраженными правыми политиками, такими, как Фландэн {{* Председатель совета министров Франции с ноября 1934 г. по июнь 1935 г.; министр иностранных дел с января по июнь 1936 г.}} и Лаваль, а не теми, кто сейчас входит в правительство.

Леже заметил в дополнение, что заключение франко-русского пакта двустороннего характера не входило в намерение французской стороны. Первоначально думали о том, чтобы превратить этот пакт в многостороннее соглашение, в котором участвовали бы и другие государства, Польша и Балтийские страны, и лишь в результате развития событий этот пакт стал чисто двусторонним.

Имперский министр, отвечая на это замечание, указал на то, что, как известно, пакт между Францией и Россией направлен исключительно против Германии и, как следовало предполагать, идея об общем коллективном пакте, к которому должна была присоединиться и Германия, осталась мертвой теорией.

В дальнейшем имперский министр иностранных дел затронул еще вопрос о Марокко и подчеркнул необходимость его скорейшего и окончательного решения. Дискриминации Германии в этом вопросе нужно раз и навсегда положить конец. Он считает, что если в германо-французских отношениях должна наступить новая эра, то для этого надо урегулировать этот вопрос.

Бонне обещал подвергнуть этот вопрос необходимому изучению в позитивном плане.

В конце беседы состоялся краткий обмен мнениями по колониальному вопросу, в ходе которого имперский министр иностранных дел попросил французского министра иностранных дел изложить ему принципиальные соображения французского правительства по этой проблеме. Он также указал на принципиальную правовую точку зрения германского правительства, которая остается неизменной, хотя в данный момент этот вопрос, возможно, и неактуален.

Бонне заявил, что в настоящее время в колониальном вопросе Франция ничего не может сделать для Германии. Франция вынуждена была пойти в Мюнхене на весьма большие жертвы, и когда при анализе сообщений германской прессы и других материалов, опубликованных сразу же после Мюнхенского соглашения, во Франции сложилось впечатление, что теперь, непосредственно после Мюнхена, рейх хочет выступить с новыми требованиями в области колонии, то во французских кругах это вызвало, как известно, абсолютное сопротивление, так что в данный момент сделать ничего невозможно.

Позднее, вечером, имперский министр иностранных дел еще раз указал Бонне на то, что Германия рассматривает французские гарантии Чехословакии как вмешательство в сферу наших интересов, и совершенно недвусмысленно заявил, что идея таких гарантий не будет способствовать взаимопониманию, на путь которого мы только что вступили.

В соответствии с указанием настоящее представлено на рассмотрение г. имперскому министру иностранных дел.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 258-263.

75. Франко-германская декларация⁴⁸

6 декабря 1938 г.

Г-н Жорж Бонне, министр иностранных дел Французской Республики, и г. Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха, действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую декларацию, которая немедленно вступает в силу.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 257 — 258.

76. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Германии Ю. де Монба министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

6 декабря 1938 г.

Согласно некоторым иностранным источникам, план Гитлера в отношении Украины состоит в том, чтобы попытаться создать, по возможности при помощи Польши, которой будет предложен своего рода кондоминиум, что-то вроде европейского Манчжоу-Го, поставленного в более-менее тесную вассальную зависимость. За этим должно последовать отстранение Польши либо путем переговоров, либо, если Варшава будет «непослушна», путем силы.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2 serie. Paris. 1979. Т. XIII. Р. 88.

77. Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского с главным дипломатическим советником министерства иностранных дел Великобритании Р. Ванситтартом

8 декабря 1938 г.

Ванситтарт (8 декабря) с женой были у нас на завтраке. Они только что вернулись из шестинедельного отпуска на юге Франции. Ванситтарт не скрывал своего резко отрицательного отношения к политике Чемберлена. В частности, он возмущался предстоящим визитом премьера в Рим ⁴², несмотря на обострение итало-Французских отношений. Он склонен думать, что требование о Тунисе носит серьезный характер и Муссолини будет на нем настаивать. Раз начав такую агитацию, он уже хотя бы из престижных соображений должен будет идти дальше и дальше. К тому же известно, что Муссолини давно уже требует себе «награды» за ту помощь, которую он оказал Гитлеру в австрийском и чехословацком вопросах. Возможно, что момент предъявления требования о Тунисе не вполне совпадал с намерениями Гитлера, но это уже мелочь. По существу Гитлер, конечно, будет поддерживать Муссолини. Вместе с тем Ванситтарт констатирует, что ни Англия, ни Франция не согласятся на передачу Гитлеру или Муссолини каких-либо колоний. Больше всего Ванситтарта беспокоит вопрос о том, что будет делать Гитлер в 1939 г. По имеющимся у него сведениям, Гитлер не собирается слишком долго почивать на лаврах. Уже в ближайшие месяцы он предпримет какую-нибудь новую кампанию. В каком направлении? В британских правительственных кругах, по словам Ванситтарта, сейчас очень популярна концепция, согласно которой ближайший удар Гитлера будет на восток, в частности против Советской Украины. Лично он не составил себе еще окончательного мнения по данному вопросу. В связи с этим Ванситтарт стал расспрашивать меня о наших соображениях на затронутую тему. Я подробно изложил ему свои аргументы. Ванситтарт выразил удовлетворение по поводу улучшения польско-советских отношений и подчеркнул важность улучшения отношений с Румынией. В конце

разговора он пришел к выводу, что, пожалуй, правительственная концепция требует серьезного пересмотра. Ванситтарт просил меня зайти к нему в ближайшие дни, когда он лучше ознакомится с делами, для обмена мнениями по текущим вопросам.

Полномочный представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 140, д. 27, л. 178—179. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 663—664.

78. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

8 декабря 1938 г.

Передаю следующую сенсационную беседу, которую имел со мной вчера Мандель о Польше. Он не знает ни о каком официальном демарше поляков в Париже, но зато располагает точными сведениями, что в Варшаве ведется сейчас большая кампания за коренной пересмотр всей внешней политики, за удаление Бека и за восстановление в полной силе прежних польско-французских отношений. К этой кампании причастен и сам премьер, который несколько времени тому назад через одно доверенное лицо обратился к Манделю с просьбой поддержать и во Франции это движение и, в частности, воздействовать на Гамелена {{* Начальник генерального штаба французской армии.}}, а через него и на польские военные круги, и в первую очередь на Рыдз-Смиг-лы {{** Генеральный инспектор вооруженных сил Польши.}}. Мандель уже имел несколько встреч по этому вопросу с Га-меленом (кстати, я лично вчера натолкнулся на Гамелена при выходе его из кабинета Манделя), разделяющим полностью точку зрения Манделя на серьезность германских приготовлений и намерений в отношении Украины. Гамелен, как и Мандель, считает, что «наиболее вероятным и ближайшим объектом германской экспансии явится Украина». Гамелен располагает сведениями, что наступление приурочивается к весне, и разделяет опасения

Манделя, что Польша и Румыния могут очутиться в положении Чехословакии, «что означало бы конец Франции». Мандель и мне задал странный вопрос, будет ли СССР защищать «свою часть Украины». Мне оставалось только выразить удивление, что такие вопросы мне задает такой серьезный человеку как Мандель.

Из дальнейшего рассказа Манделя явствовало, что Гамелен (что, конечно, естественно) отказался что-нибудь предпринимать без ведома и предписания Даладье, и сейчас этот вопрос обсуждается уже с Даладье. Попутно Мандель узнал, что Бонне через своего посла в Варшаве пытался в свою очередь воздействовать на Гамелена, но в совершенно обратном направлении, а именно в сторону подготовки аннулирования военной части франко-польского пакта. Мандель не сомневается, что это инспирировано желанием расчистить путь к соглашению с Германией. Мандель уверяет, что Даладье при всем его «германофильстве» не пойдет так далеко.

Полпред

79. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

9 декабря 1938 г.

Все сведения, поступающие о Риббентропе, сходятся на одном: Риббентроп разговаривал по основному вопросу, занимающему сейчас внимание французов,— по вопросу об итальянских претензиях. Вчера я вам привел официальные версии Бонне. Мандель был более определен: «Риббентроп разочаровал даже друзей Бонне. Вместо отмежевания он повсюду упоминал о прочности оси». Фиппс, которого я встретил в палате, обронил фразу, что «французы, по-видимому, большего ждали от Риббентропа по итальянскому вопросу». Правда, сам Фиппс допускает, что «обойденная в дележе Италия, возможно, действует независимо и даже наперекор Германии». Далеко не точно Бонне, по-видимому, изложил и дискуссию по испанскому вопросу. Пертинакс *{{* Французский журналист.}}* утверждает, что как раз Бонне, особенно подчеркивая нейтралитет Франции к идеологической борьбе в Испании, лансировал идею посредничества и создания общенациональной умеренной власти, правда, обусловливая это предварительным выводом волонтеров.

Не подлежит, далее, сомнению, что Бонне намеренно скрыл от меня все, что Риббентроп здесь говорил против СССР. Я знаю, например, что он не стеснялся в выражениях даже в беседе с малознакомыми ему людьми (на рауте у Бонне в беседе с ректором университета).

По некоторым, исходящим, правда, от журналистов, сведениям, Риббентроп, говоря о Восточной Европе, все время проводил отчетливую грань между Польшей и СССР. Он пытался якобы оставить французов под впечатлением, что советско-польское сближение не-solidное и очень мало тревожит Берлин.

По словам Манделя, все газетные разговоры о том, что Риббентроп здесь открыто ставил вопрос о предоставлении Германии свободы действий на востоке и самоустранении Франции, конечно, «вздорны», но все же «дело идет к этому». Мандель расценивает декларацию *{{** [См. док. 75.](#)}}* и свидание «как пролог к будущей трагедии», независимо от того, проведены ли будут прямые переговоры, или будет созвана конференция «четырех»; в том или ином случае Франции «уготована самая жалкая роль».

Суриц

80. Телеграмма полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна в Народный комиссариат иностранных дел СССР

9 декабря 1938 г.

Как сообщает генеральный консул в Милане, сегодня состоялась враждебная демонстрация против советского консульства. Толпа около 200 человек бросала камни и выбила окно. Затем часть толпы проникла по внутренней лестнице на второй этаж и пыталась проломить дверь консульства. Полиция, несмотря на вызовы, явилась после того, как демонстрация прекратилась. Поручил генеральному консулу заявить протест местным властям.

Направляем в министерство иностранных дел ноту с требованием немедленного расследования, сообщения его результатов и мер, принятых итальянским правительством, а равно сохраняем за нами право вернуться к этому вопросу ⁴⁹.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 282, д. 1960, 205. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 665.

81. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заведующему II западным отделом Народного комиссариата иностранных дел СССР Г. И. Вайнштейну

9 декабря 1938 г.

Посылаю Вам карту {{* Карта в архиве не обнаружена.}} «Мы должны снова, иметь колонии», выпущенную здесь в соответствии с ведущейся пропагандой о возвращении колоний. Из нее Вы увидите, что Германия считает «своими» не только Данциг и довоенные колонии, в том числе дальневосточные (занятые японцами), но и подчеркивает свои права на 1) Прибалтику, как территорию, занимавшуюся немцами в XIII—XIV вв.; 2) Венесуэлу (была в залоге у аугсбургской торговой компании «Вельзер» в XVI в.), Тринидад (англ.) и Тобаго (англ.) — Южная Америка и Гамбию (англ.) — Западная Африка, как принадлежавшие Курляндскому герцогству в XVI — XVII вв.; 3) Гроссфридрихсбург (англ.), Токкорарии (англ.) и Аргвин (франц.) в Западной Африке, как принадлежавшие курфюршеству Бранденбургскому в XVII—XVIII вв., и 4) бухту Делагоа (порт.) в Южной Африке, Малабарский берег и Никобарские о-ва (Южная Индия), как бывшие владения Австро-Венгрии в XVIII в. В сопроводительном тексте содержится «намек» на Голландию, как «отколовшуюся часть рейха».

Астахов

АВП СССР, ф. 082, оп. 21, п. 89, д. 4, л. 319. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 118-119.

82. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

10 декабря 1938 г.

Дорогой Яков Захарович,

1. Пожалуй, излишне Вам писать, что сообщение Бонне⁵⁰ о содержании его бесед с Риббентропом [{* См. док. 74.}](#) мы принимаем с изрядной дозой скептицизма. Остается неясным, что побудило Гитлера согласиться на декларацию. Даже германо-английская декларация [{* См. док. 2.}](#) была сделана по просьбе, и, по-видимому, весьма настойчивой, Чемберлена. Гитлеру важно было укрепить позицию Чемберлена, подсластив пилюлю мюнхенской капитуляции. К тому же временное улучшение германо-английских отношений входит составной частью в планы Гитлера. Трудно, однако, допустить, чтобы Гитлер без всякой компенсации согласился и на германо-французскую декларацию, которую, вероятно, кланчил у него Бонне, и к тому же в такой момент, когда это должно вызвать сильнейшее недовольство со стороны Муссолини. Вряд ли Гитлер пошел на такую жертву только ради укрепления позиций Даладье и Бонне. Приходится поэтому думать, что определенная компенсация со стороны Франции, и весьма солидная, составляет предмет секретной части переговоров или даже секретного соглашения. Допускаю, что эта компенсация находится не исключительно в области политической, а также в области финансово-экономической. Перед Вами задача добиваться разными путями выяснения всех деталей германо-французских переговоров и соглашений.

2. Ваше сообщение о закулисных домогательствах поляков [{*** См. док. 78.}](#) проливает новый свет на неожиданное обращение к нам польского посла касательно улучшения советско-польских отношений [{**** См. док. 36.}](#). По-видимому, Бек, зная о ведущихся против него кознях, основанных на недовольстве его внешнеполитической ориентацией, поставившей Польшу лицом к лицу с наиболее реальной опасностью, решил сделать маленькое исправление своей линии в нашу сторону. Я полагаю, что Бонне не пойдет в настоящее время на оживление франко-польского пакта ⁴⁴, в особенности теперь, когда это грозит необходимостью выступления Франции в защиту Польши. Линия Бонне совершенно ясна: полный отказ от какого бы то ни было вмешательства в дела Европы и сосредоточение защиты, дипломатической и иной, исключительно на границах империи.

3. Франсуа-Понсе говорил на днях т. Штейну, что последние события в итальянской палате депутатов ⁴⁶ рассеяли всякие иллюзии относительно возможности улучшения франко-итальянских отношений. Накануне этих событий Муссолини говорил Франсуа-Понсе, что между Италией и Францией стоит испанский вопрос. После демонстрации в палате Понсе будто бы сказал Чиано: «Как вы хотите, чтобы мы уступили Вам в испанском вопросе, когда после Испании в порядок дня будут поставлены Тунис, Корсика, Джибути, Ницца и Савойя. В этих условиях мы предпочитаем вовсе не разговаривать». Мы, конечно, отнюдь не должны верить, что Понсе действительно это говорил, но все же его сообщение отражает беспокойство и его собственное, и его правительства.

Интересно, что Понсе выражает теперь недовольство по поводу италофильства лорда Перта [{* Посол Великобритании в Италии.}](#) Понсе взбешен тем, что Перт, имевший инструкцию из Лондона произвести демарш перед Чиано по поводу демонстрации в палате, предварительно нанес визит Чиано, чтобы договориться о фиксации даты приезда Чемберлена в Рим ⁴², и лишь через несколько часов после этого произвел свой демарш. Понсе ожидает дальнейшего развития антифранцузской акции в Италии, с тем чтобы к моменту приезда Чемберлена создалась угроза войны, которая побудит Чемберлена (может быть, совместно с Гитлером) выступить посредником и во имя спасения мира требовать от Франции уступок. Понсе считает, что проблема Средиземного моря вступает в решающую стадию и что столкновение неизбежно. По его словам, Франция в этом вопросе проявит твердость и решимость.

Если Вы вспомните поведение Понсе в Берлине, где он создавал такие же панические настроения в отношении Германии с целью оправдания всяческих уступок в ее пользу, то

Вы, конечно, догадаетесь, что ту же цель преследует Понсе и в Риме, сознательно сгущая краски и создавая новую панику.

4. «Международная книга» получила сообщение от «Ашетт», что «Журналь де Моску» во Франции запрещен. При случае, по возможности ускоряя этот случай, Вам придется поговорить по этому поводу в министерстве, добиваясь отмены запрещения. Предварительно рекомендую Вам выяснить, существовал ли и существует ли во Франции какой-либо запрет в отношении тех или иных германских и итальянских газет. Насколько мне помнится, был момент, когда в ответ на запрещение ввоза в Италию французских газет Франция стала применять репрессии. Но если свободно допускались всегда и допускаются германские газеты, ведущие резкую кампанию против Франции, то Вам тем легче будет указывать на необоснованность запрещения «Журналь де Моску».

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 148, д. 158, л. 85—87. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 666—667.

83. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА

10 декабря 1938 г.

Германский посол Отт получил сообщение от лидеров национал-социалистской партии о том, что в ближайшее время между Японией, Италией и Германией будет заключен тройственный военный пакт ⁵¹. Он будет якобы направлен против Коминтерна, фактически же он будет направлен против СССР, но предусматривает также давление и на другие страны.

Рамзай

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 122.

84. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

14 декабря 1938 г.

По уверению корреспондентов «Таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», с которыми беседовал сегодня, тема об Украине является сейчас одной из самых модных в Берлине. Об актуальности украинской «проблемы» активно говорят как низовые чернорубашечники, так и высокопоставленные официальные лица. Решение «проблемы» мыслится в плане создания «единой» Украины из всех частей, включая Советскую. О конкретных мерах по достижению этой цели мои собеседники ничего не знают, но единодушно утверждают, ссылаясь на беседы с рядом немцев, что никогда эта проблема не обсуждалась в Берлине так оживленно, как сейчас. Моих собеседников явно удивляет, почему наша пресса не реагирует на эту кампанию, нашедшую свое отражение и в

германских газетах. Мы могли бы гораздо с большим основанием доказать право СССР на Карпатскую Украину, чем эта последняя — на нашу.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 271, д. 1882, л. 298.

85. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 декабря 1938 г.

Лыховский {{* Директор торгово-политического департамента министерства промышленности и торговли Польши.}} сегодня выехал в Москву. На вокзале его провожали от нас Кнопов {{** Вр. и. о. торгпреда СССР в Польше.}} и Андриевский, от поляков только один его референт Гижицкий. Как заявил Лыховский нашим товарищам, в Москве он поставит общие вопросы торговой политики. Вечерние газеты сообщают о его выезде в Москву и что Лыховский будет вести вступительные переговоры на тему о взаимном товарообмене с нами.

Кратко о настроениях в Польше в связи с последним соглашением {{* [См. док. 62.](#)}}. Среди общественных кругов Польши можно наблюдать желание более искреннего и быстрее всестороннего урегулирования взаимоотношений с нами в то время, как большая часть из правящих кругов старается ограничить эти взаимоотношения в желательных для них рамках. Что касается поведения правительственной печати, то она еще продолжает пополнять свои страницы антисоветскими статьями.

Листопад

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 273, д. 1893, л. 188. Опубл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 679.

86. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 декабря 1938 г.

Был с первым визитом у французского посла Кулондра. Ссылаясь на свои беседы с коллегами, он говорил об исключительной активизации здесь вопроса об Украине. Этот вопрос является, по его словам, основным, обсуждающимся в немецких кругах, и в частности в армии. По его впечатлению, речь идет не столько о военном нападении, сколько о создании внутренних неурядиц в Советской Украине. Ему кажется, что сейчас немцы заняты усиленной обработкой поляков, которых пытаются склонить в этом вопросе на свою сторону.

Непосредственно от немцев он ничего на эту тему не слышал. Немцы говорят об отсутствии у них претензий на западе и о необходимости для Германии экспансии на восток, не уточняя, о какой именно экспансии идет речь. Кулондр думает, что немцы

решили активизировать украинскую проблему, чтобы отвлечь внимание от внутренних затруднений и улучшить продовольственное положение. По его сведениям, немцы ведут переговоры с Прагой об экономическом и валютном аншлюсе. Достижение подобных соглашений даст немцам возможность производить закупки на марки в Чехословакии, а в дальнейшем и на Украине. В этом он видит косвенное подтверждение вышеуказанных слухов.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 271, д. 1882, л. 299-300. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 123-124.

87. Запись беседы председателя совета министров Италии Б. Муссолини с послом Японии в Германии Х. Осимой {{* Запись беседы сделана министром иностранных дел Италии Г. Чиано.}}

15 декабря 1938 г.

Я сопровождал к дуче посла Японии в Берлине генерала Осима. Его визит был рекомендован Риббентропом, потому что Осима, как и он, является ревностным сторонником преобразования антикоминтерновского пакта¹⁰ в пакт о тройственном союзе⁵¹. По внешнему виду Осима похож на самураев, как они изображены на старинных картинах и на японском фарфоре. Интересное и жесткое лицо. Маленького роста, коренастый. Чрезвычайно гордая осанка. Когда он начал говорить, я понял, почему Риббентроп так его любит: они люди одного типа — энтузиасты и упрощенцы. Я не хочу сказать — верхогляды. Он нападал на Россию и сказал, что Япония намерена расчленить ее на целый ряд государств, с тем чтобы сделать пустой и абсурдной всякую мысль о реванше; он сказал, что Япония хочет устранить всякое английское влияние в Китае и вообще в зоне Тихого океана. Он в трагическом свете представил положение англичан в Индии. Дуче повторил обычные аргументы о необходимости помедлить некоторое время с преобразованием пакта и указал на период с середины января до середины февраля как на период, когда он примет свои решения.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 123.

88. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

15 декабря 1938 г.

Беседы, которые Ваше Превосходительство недавно имел с министром иностранных дел рейха {{** [См. док. 74.](#)}}, видимо, позволили выяснить позицию германского правительства по основным текущим политическим проблемам. Вам тем не менее, наверно, будет небезынтересно узнать о моих — хотя и отрывочных — впечатлениях, сложившихся после первых контактов с немецкими кругами.

1. Установление хороших отношений с Францией является в настоящее время в Германии всеобщим желанием. Все, без исключения, немецкие руководители, с которыми я

встречался, высказывались в этом духе самым решительным образом, без каких-либо оговорок. Все заявляли мне, что Германия желает сближения с Францией при соблюдении территориального статус-кво и что Германия хочет положить конец вековым раздорам двух стран.

Это стремление, искренность которого мне не кажется спорной, нашло свое выражение в той благосклонности, с которой было встречено подписание франко-германской декларации от 6 декабря {{* [См. док. 75.](#)}}.

Оно, безусловно, объясняется различными причинами, варьирующимися в зависимости от различных слоев общества.

Немецкий народ — миролюбивый в своем большинстве — видит в сближении двух стран залог мира. Те, кого беспокоит широкий размах национал-социалистского динамизма, напряженное экономическое и политическое положение, созданное режимом, видят в этом сближении некоторое смягчение внутренней и внешней обстановки, которое позволило бы Германии постепенно вернуться к условиям нормальной жизни. Что касается «партии», то совершенно очевидно, что она желала заключения соглашения с Францией главным образом для того, чтобы получить прикрытие с запада в предвидении операций в других направлениях.

2. Стремление третьего рейха к экспансии на востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе; одно вытекает из другого. Первая часть программы Гитлера — объединение германского народа в рейхе — в основном завершена. Теперь пробил час «жизненного пространства». Та настойчивость, с которой мне говорили о том, что Германия не имеет никаких претензий к Франции, была вполне достаточной, чтобы дать мне это понять. Но имеются и более явные свидетельства; все мои собеседники, за исключением Гитлера, говорили мне в самых различных формах, однако нарочито избегая каких-либо уточнений, о необходимости для Германии экспансии в Восточной Европе. Для г. Риббентропа это «поиск новых зон влияния на Востоке и Юго-Востоке»; для маршала Геринга — «проникновение на Юго-Восток, главным образом экономического характера».

Лично я не выслушивал слишком точных доверительных признаний, но мне кажется, что мало-помалу из того, что пока еще носит неясные, расплывчатые формы, начинают проступать контуры великого немецкого предприятия. Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией — такова в основном, кажется, концепция, принятая теперь нацистскими руководителями и, конечно, самим Гитлером.

Подчинение Чехословакии, к сожалению, уже является почти совершившимся фактом. «Моя страна теперь лишь провинция», — сказал мне еще вчера мой чешский коллега; второе бюро {{** По-видимому, имеется в виду германская военная разведка.}} работает там лишь для разведки на границах Польни; в некоторых немецких кругах уже заявляют, что отныне чешская армия призвана играть такую же роль, как баварская армия при втором рейхе. Строительство автостреды Бреслау {{* Вроцлав.}} — Вена и канала Одер — Дунай будет производиться полностью с помощью чешской рабочей силы. Из двух одинаково достоверных источников мне стало известно о готовящемся чешско-германском соглашении о денежном паритете, за которым вскоре последует экономический и финансовый союз.

В Венгрии, где сопротивление будет, несомненно, сильнее, намереваются добиться экономических льгот и обеспечения для немецкой армии права прохода через венгерскую территорию, необходимого для действий на Востоке, так как эта территория перерезает железнодорожные пути из Словакии.

Что касается Украины, то вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистский аппарат говорит о ней. Исследовательский центр Розенберга {{** Руководитель внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии.}}, ведомство д-ра Геббельса {{*** Министр пропаганды Германии.}}, организация «Ост-Европа», возглавляемая бывшим министром Курциусом, второе бюро тщательно изучают этот вопрос. Пути и средства, кажется, еще не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной — создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии. Но для этого нужно сломить Румынию, убедить Польшу, отнять часть территории у СССР; немецкий динамизм не останавливается ни перед какой из этих трудностей, и в военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку.

Маловероятно, чтобы Гитлер попытался осуществить эти планы относительно Украины путем прямого военного вмешательства. Это противоречило бы принципам, которые он сам неоднократно излагал и в соответствии с которыми нынешний режим выступает как против идеологической войны, так и против присоединения других народов. К тому же, кажется, способы действий пока еще не определены. В окружении Гитлера подумывают о такой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польше, Румынии и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов. И центром движения станет Закарпатская Украина. Таким образом, по странным причудам судьбы, Чехословакия, созданная как оплот для сдерживания немецкого продвижения, служит рейху в качестве тарана для пролома ворот на Востоке.

3. О колониях мне никто ничего в Германии не говорил. Этот вопрос интересует, по крайней мере в настоящее время, только сугубо специальные круги. Г-н Риббентроп намекнул на демонстрации, имевшие место во Франции в связи с немецкими требованиями, лишь для того, чтобы тут же подчеркнуть, что этот вопрос будет обсуждаться, возможно, через пять-шесть лет. То же самое он сказал в беседе с одним из моих коллег, что доказывает наличие определенных инструкций по этому вопросу. Фюрер дал понять бельгийскому послу, что эта проблема его не интересует и что он ее затрагивает время от времени лишь для того, чтобы Германия не утратила «свое право собственности». Нацистские руководители, следуя картезианскому методу, распределяют проблемы по порядку, но их аппетиты, разжигаемые их нуждами и честолюбивыми помыслами, толкают их в сторону Востока, влекут к «заманчивым похождениям» и к осуществлению крупных замыслов режима, и они спешат.

4. Экономические трудности, кажется, в значительной степени объясняют эту поспешность. Валютный голод — следствие огромных расходов на вооружение — повлек за собой все растущие ограничения, в частности в области снабжения продовольствием. Население питается плохо и, может быть, даже зачастую живет впроголодь. Безработицы больше нет, наоборот, наблюдается нехватка рабочей силы, ведь производство эрзацев требует гораздо больше рабочего времени, чем производство натуральных продуктов. Но рабочие, вынужденные трудиться по десять часов в день, начинают выказывать признаки усталости. Мне уже приводили случаи нескольких крупных итальянских забастовок, имевших недавно место. Компетентные лица, не принадлежащие к «партии», полагают, что экономическая и финансовая основа государства находится уже на пределе. Но

большинство руководителей отказывается признавать это. Чтобы поддержать и усилить предвоенную экономику, нужны житница, шахты, рабочая сила; Украина — вот путь к империи.

5. Внутреннее положение, даже в самой «партии», кажется, впрочем, довольно напряженным. Хорошо информированные лица считают, что вновь появляются признаки, предвещающие внутренние конвульсии третьего рейха: волнение населения, общее чувство тревоги и неуверенности, взрывы возмущения и неожиданно откровенной критики режима, наблюдающиеся в среде служащих, офицеров и членов «партии», в частности после еврейских погромов,— одним словом, атмосфера предгрозовая. Напряженные отношения между военачальниками фюрера, кажется, тоже усугубляются: Гиммлер {{* Рейхсфюрер СС, начальник гитлеровской полиции.}} тщетно пытался примирить маршала Геринга с г. Риббентропом.

Я нахожусь еще слишком мало времени в Берлине, чтобы высказать свое личное мнение по этому вопросу. Во всяком случае, мне кажется, что престиж фюрера ни в коей мере не поколеблен. Он выше тех туч, которые нависли над общественным мнением, как и выше тех раздоров, которые разделяют его ближайших сотрудников. Но вполне возможно, что среди прочих преимуществ он видит в украинской операции возможность отвлечь внимание своего народа от внутренних трудностей, которые угрожающе нарастают.

Кулондр

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 265—268. Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... Série 2. Т. XIII. P. 272-275.

89. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

16 декабря 1938 г.

Многоуважаемый г-н министр,

В связи с весьма резкими изменениями, происшедшими в международном положении, и реакцией на эти изменения отдельных государств попытка сделать для себя общие выводы представляется в данное время рискованной и неблагодарной задачей. Несмотря на это, я считаю целью представить вам, г-н министр, картину положения такую, какой она выглядит с местного наблюдательного пункта. Я рискую только тем, что картина, наблюдаемая под другим углом зрения, может показаться тенденциозной, либо односторонней, либо даже прямо предвзятой или банальной.

Послемюнхенская ситуация определяется здесь как ситуация, не являющаяся ни войной, ни миром. Заявление премьера Чемберлена о наступлении новой эры, гарантирующей мир «нашему поколению», оценено всеми как иллюзия, быстро рассеивающаяся при соприкосновении с действительностью. Необходимо признать, что г-н Чемберлен с большим упорством и последовательностью придерживается избранной линии, которая должна привести его к пакту четырех ²⁰ и к реализации проектов «нового порядка в Европе», опирающегося тем или иным образом на этот пакт. Он продолжает верить (как уверяют меня, честно верить) в успешность метода личного контакта между

ответственными руководителями государств-партнеров в избранной им комбинации и с этой верой готовится к очередному визиту в Рим.

Однако более чем очевидно, что то, что является для англичанина наиболее привлекательным — «организация Европы», отнюдь не нравится в Берлине и что осуществление дальнейшей программы премьера идет «как из-под палки». До сих пор ответом на его «активную мирную политику» были три резкие речи Гитлера, обостренный антиеврейский курс, равно как и новая программа итальянских притязаний, поддержанная Берлином.

Казалось бы, что вследствие столь многочисленных разочарований г-н Чемберлен должен был бы столкнуться с растущим недовольством и оппозицией не только в парламенте (где оппозиция благодаря партийной дисциплине не была бы столь эффективной), но прежде всего — в английском общественном мнении.

Такая оппозиция существует, но, *mirabile dictu* {{* Как ни странно (*лат.*).}}, кажется, не растет после Мюнхена. О возможном реванше лейбористской партии я слышу меньше, чем год тому назад. Правда, время от времени говорится о создании настоящего «национального правительства» с участием обеих оппозиций, однако до сих пор в этом нет уверенности.

Для всего этого имеются различные причины, из которых особенно две кажутся мне наиболее важными.

Первая. *Общее мнение таково, что «Мюнхен» был наиболее правильным, если не единственным, выходом из отчаянного положения* {{** В оригинале подчеркнуто.}}.

Я слышал недавно характерные высказывания высшего чиновника Форин офиса, известного своим критическим отношением к политике премьера. Этот господин согласился с вышеуказанным мнением, сделав лишь ту оговорку, что премьер совершил большую ошибку, назвав мир, купленный такой ценой, «почетным миром». Впрочем, сам премьер, кажется, сожалел о своем выражении, которое он употребил под влиянием сильного волнения.

(Кроме этого, мой информатор утверждал, что возможность «вывернуться из архитрудного положения без войны западные государства получили благодаря решению чехов капитулировать без борьбы...».)

Вторая причина. Убеждение в том, что премьер (если употребить не слишком точное сравнение из области спорта) защитил английские ворота и перенес, таким образом, игру на восток Европы. Что бы ни случилось, остается факт выигрыша во времени. А отсрочка пользуется здесь, на родине политического эмпиризма, популярностью не меньше, чем в Женеве.

Мне трудно узнать, о чем думает премьер и менее ли он наивен или же менее искренен, чем о нем говорят. Зато я знаю, на основе длительного наблюдения, реакцию здешнего народа. Она является в одинаковой степени жизненной, непосредственной, солидарной, почти физиологической, как реакция муравьев и пчел, и независимой от той фразеологии, которой регулярно питают общественное мнение. Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него в той или иной форме, несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, здесь *повсеместно и подсознательно*

считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей {{** В оригинале подчеркнуто.}}.

Отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным. Истиной является то, что он чересчур последователен и совершенно открыто избегает всего, что могло бы послужить для его политических партнеров поводом для уклонения от сотрудничества. Но истиной является и то, что премьер официально избегает выступать против устремлений Германии на восток.

Английская общественность с удовлетворением отдает себе, наконец, отчет в том, что политика премьера совсем не означает отказа от довооружения — совсем напротив, благодаря выигрышу во времени она делает это довооружение возможным {{* Однако все еще одностороннее, о чем ниже.— Прим. Рачиньского.}}.

Как вытекает из вышеизложенных замечаний, г-н Невиль Чемберлен, несмотря на разочарование и даже унижительные неприятности, которые он встречает, и в дальнейшем остается «силой» в британской политике.

Зато он подвергается весьма сильной критике не только со стороны оппозиции (которая обвиняет его в том, что он руководствуется не только национальными, но и классовыми интересами, например в испанском вопросе), но также со стороны политических «экспертов», и прежде всего со стороны собственных чиновников {{** Это является одновременно доказательством того, в какой значительной степени чиновники отстранены премьером от влияния на внешнюю политику.— Прим. Рачиньского.}}.

Так, в данное время утверждают, что если даже общие основы его политики правильны (либо дают хотя бы хороший предлог для выигрыша во времени), то тактика его неудачна. Я могу вновь привести мнение двух высших чиновников, которые сказали мне, что они хорошо видят, как низко пал в Германии престиж премьера, который еще недавно пользовался там большим уважением... Чиновники его аппарата добиваются сегодня не радикального изменения системы, но большей настойчивости на отдельных этапах — не уступать добровольно ни политических, ни экономических позиций в Европе в ложной надежде снискать себе таким образом большую доброжелательность или же уступчивость в других местах.

Наконец, существует еще одна важная область, где расходятся мнения. Это вопрос национальной обороны. Премьер Чемберлен до сих пор не сошел с платформы сохранения добровольческой службы, одновременно форсируя расширение флота и авиации, не заботясь, однако, о создании сухопутной армии, способной к наступательным действиям. Сдержанность премьера можно объяснить его известной соглашательской тенденцией по отношению к милитаристическим державам «оси». С другой стороны, в связи с приближающимися выборами он должен считаться с непопулярностью, с которой была бы в Англии, особенно в рабочих кругах, встречена воинская повинность. Однако чиновники желают введения воинской повинности. Этого горячо желает также «патриотическая» оппозиция.

Введение воинской повинности, что, возможно, могло бы наступить только после выборов, было бы наиболее красноречивым доказательством, что Англия переходит от мягкой уступчивости к усиленной «твердости».

Возможно, что я ошибаюсь, но я уверен не только в том, что такой поворот должен будет произойти, но также и в том, что уже имеется начало этого поворота, которое дает уже себя чувствовать.

Это пока незначительные изменения в содержании официальных выступлений. Кроме того, я имею в виду расширение системы,

позволяющей государству гарантировать кредиты, предоставляемые промышленностью иностранным клиентам, а также первую попытку распространения такой гарантии на военные материалы (пока что они ограничены 10 миллионами фунтов стерлингов, утвержденными на прошлой неделе палатой общин по предложению правительства).

Таков фон, на котором следует рассматривать отношение англичан к Польше. Что касается премьера, его друзей и его прессы, то не подлежит сомнению, что мы наталкиваемся здесь на большую сдержанность.

Послемюнхенские льды сломлены, предубеждения личного характера забываются, однако продолжает господствовать нежелание связывать себя обязательствами, и в первую очередь такими, которые имели бы антигерманскую направленность. В Форин офисе до сих пор решились лишь на следующее признание, выраженное в дружеской беседе со мной: «Британское правительство отнюдь не желает, чтобы Польша отошла от проводимой до сих пор политики равновесия» (Стрэнг {{* Заведующий департаментом Центральной Европы МИД Великобритании.}}, 9 декабря).

Тем временем я должен констатировать, что с некоторых пор в общественном мнении и в местной прессе существует как бы организованная кампания, пользующаяся представленной в слишком ярком свете информацией и даже сплетнями и измышлениями, стремящаяся представить польско-германские отношения в невыгодном свете {{** Для точности я должен подчеркнуть, что Румыния является предметом, пожалуй, еще более тревожных комментариев. Кстати говоря, здешние румыны выражают по этому поводу сильное беспокойство.— Прим. Рачиньского.}}.

В результате такого положения вещей возникают тревога и пессимистические оценки политического положения Польши. Упомянутая «акция» — если в данном случае может идти речь об акции, на что нет ясных доказательств,— развивается прежде всего на почве проблемы Закарпатской Руси и украинских требований, но одновременно связана и с другими возможными причинами трений, как, например, в вопросе о Данциге, а в последнее время («Дейли экспресс» и даже «Таймс») и о Тешинской Силезии, откуда через Прагу либо через Моравскую Остраву пресса сообщала о якобы серьезных волнениях {{*** Эти последние сплетни, может быть, являются контрмерами со стороны Праги в отместку за Закарпатскую Русь.— Прим. Рачиньского.}}. Противодействовать прессе здесь (в Англии) трудно, поскольку не сталкиваешься с явным извращением фактов, которые можно было опровергнуть (что мы, конечно, постоянно делаем). Более эффективным методом могло бы быть оперирование положительными фактами из самой Польши, опровергающими распространяемые сплетни. Незачем добавлять, что результаты этих махинаций вредны для нашего политического престижа и доверия к нам в Англии, особенно теперь, когда она только начала постепенно избавляться от пут пораженчества. Примите и прочее.

Эдвард Рачиньский

**90. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

19 декабря 1938 г.

Чем больше я думаю о значении франко-германской декларации [{* См. док. 75.}](#), тем больше усиливаются мои недоумения относительно той компенсации, которую за это получала Германия. Трудно допустить, что поездка Риббентропа и декларация, которые Гитлером расцениваются на вес золота, являются бесплатным даром или имеют целью лишь укрепить внутреннее положение Даладье — Бонне. Я думаю, что ответ приходится искать в области не каких-либо формальных соглашений, а каких-то секретных заверений и обещаний, полученных Риббентропом от Бонне, который мог их дать даже без ведома правительства или, по крайней мере, всех членов кабинета. Вопрос нуждается в дальнейшем выяснении.

Корбен [{** Посол Франции в Великобритании.}](#) рассказывал т. Майскому, что Чемберлен никаких попыток оказать давление на французов в испанском вопросе не делал, ограничившись заявлением, что английское правительство сохраняет старые позиции (т. е. предоставление Франко прав воюющей стороны в соответствии с планом Лондонского комитета) ⁵³. Таким образом, Бонне говорил испанскому послу явную неправду [{*** См. док. 70.}](#). Далее, Корбен говорил, будто вопрос о франко-советском пакте ⁷ не ставился, а был лишь упомянут и что не было также разговоров об Украине. По сведениям Корбена, никаких изменений во франко-польских отношениях после Мюнхена не произошло, но ожидается будто бы уход Бека. Желательно производить дальнейшие изыскания в связи со слухами о каких-то обращениях Польши в Париж и даже Лондон.

Из Рима нам сообщают, что 16-го числа дана директива итальянской печати «вести антифранцузскую кампанию под сурдинку» Отпор, данный итальянским требованиям французскими политическими деятелями и печатью, по-видимому, возымел свое действие. Не рассчитывая на удовлетворение его требований таким же легким путем, как в Мюнхене, Муссолини, очевидно, решил сбавить тон. Кампания, конечно, будет продолжаться вплоть до поездки Чемберлена, а там последний выступит с компромиссом, признав законными и правильными требования Муссолини в отношении Суэца, Джибути и расширения прав итальянцев в Тунисе. Франция уступит «другу», а Муссолини сделает жест, приняв в качестве аванса эти уступки, с тем чтобы дальнейшие требования вновь выставить в подходящий момент. Лорд Перт уже теперь говорит, что такие требования, как порто-франко в Джибути или уступка железной дороги, предоставление прав итальянцам в управлении Суэцким каналом и расширение прав самоуправления итальянцев в Тунисе, не были бы нарушением статус-кво в Средиземном море, и поэтому все это дискуссионно. Упрямый старик Чемберлен будет продолжать свою мюнхенскую политику, несмотря на свое публичное признание в испытанных им разочарованиях. Галифакс говорил Масарику [{* Посланник Чехословакии в Великобритании.}](#), собирающемуся в Америку, чтобы он передал Рузвельту от имени Чемберлена и его собственного, что они не питают никаких иллюзий насчет Германии. Чемберлен, как и Даладье — Бонне, строит, вероятно, теперь свои расчеты на том, что, несколько наладив франко-итальянские отношения, можно будет действительно успокоиться на Западе в ожидании акции, предпринимаемой Гитлером на Востоке в направлении Украины. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 148, д. 158, л. 88—89. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 133—134.

91. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

19 декабря 1938 г.

[...] Пайяр спрашивал о развитии польско-советских отношений. Я ответил, что ничего нового не произошло, разрешен целый ряд спорных вопросов, раньше затянувшихся, ведем торговые переговоры. Мы, однако, ожидаем, сказал я, что логика событий будет толкать Польшу еще дальше по пути сближения с нами. На замечание Пайяра о солидарности интересов (намек на Украину) я сказал, что этот вопрос нас совершенно не беспокоит, что мы даже не уверены, что и Гитлер серьезно относится к так называемой украинской акции. Возможно, что мы имеем дело с пропагандистской диверсией, имеющей целью усыпить и успокоить Англию и Францию и под этим прикрытием подготовить новый сюрприз для них. Очень может быть, что некоторое количество украинских и белых эмигрантов получит кое-какие субсидии из германской казны. Могут быть созданы некоторые внутренние затруднения для польского правительства, но нас вся эта акция почти не касается.

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 270. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 134.

92. Сообщение советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав

20 декабря 1938 г.

В министерстве иностранных дел в Берлине в настоящее время разрабатывается «германо-чехословацкий договор о протекторате». Здесь неизвестно, идет ли при этом речь о чисто германской инициативе, или же между Берлином и Прагой уже имели место переговоры относительно «протектората». Во всяком случае, разработка «договора о протекторате» является новым признаком того, что Берлин считает, что нынешнее урегулирование в Чехословакии не может быть сохранено. Эту точку зрения разделяет и наше представительство в Праге. Оно сообщило несколько дней назад в Берлин, что огромное большинство населения решительно отвергает нынешних лидеров Чехословакии (Берана {{ * Премьер-министр Чехословакии с декабря 1938 г. по март 1939 г.}}, Гаху {{** Президент Чехословакии с ноября 1938 г. по март 1939 г.}}, Хвалковского и других).

Для берлинских политиков такие и подобные донесения означают лишь подтверждение высказывавшейся ими со времен . Мюнхена точки зрения. Мы убеждены в том, что богемский котел продолжает оставаться очагом сопротивления и что его настоящий разгром еще предстоит. Нельзя поэтому считать события на чехословацком участке законченными. Скорее всего, они находятся еще в начальной стадии. Согласно преобладающей в официальных кругах Берлина точке зрения, первая волна германской экспансии в 1939 г. будет иметь целью полное подавление Богемии.

**93. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Китае И. Т. Луганцу-Орельскому**

22 декабря 1938 г.

Сообщаю Вам для сведения о том, что наши переговоры с Японией о рыболовной конвенции пока безрезультатны. Японцы отказываются принять предложенные нами условия, мы же не намерены изменять их. Японская пресса и официальные представители власти трактуют нашу позицию как желание использовать и усложнить международное положение Японии и оказать тем самым помощь Китаю.

Мы своей позицией нисколько не нарушаем Портсмутского договора, но указали японскому послу, что Портсмутский договор, а также Вашингтонский договор, Пакт Лиги наций и пакт Бриана фактом захвата Маньчжурии и агрессивной войной в Китае нарушены Японией. Наши условия направлены к тому, чтобы в рамках существующих договоров заставить Японию уважать суверенные права СССР и исключить возможность впредь расширительного толкования Японией предоставляемых нами японским подданным прав рыболовства в наших конвенционных водах. На попытку посла навязать нам свои предложения ссылкой на то, что при ином положении это может привести к вооруженному конфликту, мы эти угрозы отвели, заявив, что достаточно учитывали их при решении вопроса.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 291, д. 2013, л. 70—72. Оpubл. в изд.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 687-688.

**94. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в
Народный комиссариат иностранных дел СССР**

23 декабря 1938 г.

Кулондр нанес мне ответный визит. На этот раз он находится под впечатлением слухов о готовящейся акции немцев против Англии, причем думает, что дело может дойти до войны. Ему очень не хочется допустить возможность согласования итальянцами с Берлином акции против Франции, и он предпочитает думать, что немцы нападут на Англию или на восточных соседей, в том числе, если обстоятельства позволят, на нас. Похоже, что в этих рассуждениях больше отражается его желание, чем действительное убеждение. Он говорил также об ухудшении экономического положения Германии.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 271, д. 1882, л. 305. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 136.

**95. Из письма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

27 декабря 1938 г.

[...] Начну с недавнего визита сюда англичан ³⁸. Судя по всем поступившим к нам сведениям, центральное место в переговорах действительно занимала проблема военного сотрудничества. Англичане нажимали по линии авиации и настаивали, чтобы французы добились наконец перелома в авиапромышленности и повысили ежемесячный выпуск своих самолетов. Французы выдвинули ответное требование по линии английских сухопутных сил. Такое требование выдвигается как будто впервые и, насколько мне известно, обосновывалось выпадением чехословацкой армии и изменившимся вследствие этого к невыгоде Франции соотношением сухопутных сил в Европе. Нельзя избавиться от впечатления, что это требование отчасти связано и с ослаблением расчетов на помощь со стороны СССР.

Вторым важнейшим вопросом порядка дня при парижских переговорах с англичанами был, несомненно, вопрос о франко-германской декларации { { * [См. док. 75.](#) } }. Можно легко поверить Бонне, что Чемберлен «от всей души» благословил французов на этот шаг как всецело укладывающийся в его мюнхенскую схему «умиротворения Европы». Некоторая внешняя сдержанность, проявленная при этом Чемберленом (его осторожное по этому поводу заявление по радио) , вероятнее всего, объяснялась его нежеланием выступать в роли крестного отца такого акта в момент, когда еще не остыло негодование английского общественного мнения от еврейских погромов в Германии ³³. Очень значительное место при переговорах было, как известно, отведено средиземноморской проблеме, взаимоотношениям с Италией и испанскому вопросу. К моменту, когда состоялся английский визит, уже вполне определенно выяснилось, что итальянцы очень слабо поддались чарам Франсуа-Понсе и не проявляют особой склонности идти на мировую, не получив за это предварительно каких-либо существенных «уступок». Печалась и обращая на это внимание англичан, французы, несомненно, добивались приведения в некоторое соответствие английских позиций в отношении Италии с французскими интересами, но, по-видимому, не многого добились. Чемберлен не проявил особой склонности изменить свою итальянскую политику в угоду французам и, по-видимому, ограничился обещанием оказать дружеское содействие — воздействовать через своего посла и лично при предстоящем визите ⁴². Очень характерно, что в настоящее время, когда итальянцы перешли уже в открытый бой против французов, последние не только уже ничего не ждут от Чемберлена, но даже начинают опасаться его «посредничества» и «воздействия» и, как я Вам уже передавал по телеграфу, просили его «лучше не вмешиваться».

Что касается испанского вопроса, то я не располагаю данными, что Чемберлен настаивал на немедленном предоставлении Франко прав воюющей стороны. Это, конечно, вероятно, но уже никакому сомнению не подлежит то, что, подтвердив формально свою лояльность лондонскому плану ⁵³, он одновременно изыскивает меры для фактического его обхода. Утверждают, что при переговорах решено было, например, «не противиться» выходу из Лондонского комитета ряда мелких стран, признано было «в принципе» желательным установление связей с Франко и вентилировалась идея о перемирии и посредничестве по созданию «общенациональной» власти.

Неизмеримо более важным этапом на «мюнхенских» путях явился, конечно, визит сюда Риббентропа и подписание франко-германской декларации. Демонстративная сторона визита, пожалуй, гораздо шире и важнее, чем самый акт, которым визит завершился. В

особенности если учесть момент, который был избран для визита. Я по-прежнему полагаю, что этот момент и явился одним из главных стимулов, побудивших Гитлера пойти на подписание декларации. Не подлежит сомнению, что приезд в Париж германского министра иностранных дел и прием, ему здесь оказанный в момент, когда по всему миру разлилась волна негодования против Германии, в какой-то мере ослабили тот ущерб и урон, которые еврейские погромы нанесли престижу Гитлера за границей. Но это, конечно, лишь один из стимулов. Другим стимулом, бесспорно, явилось желание усилить во Франции позиции сторонников непосредственного соглашения с Германией на путях двусторонних договоров. Этим вбивается новый клин в систему и принципы коллективной безопасности и узаконяются угодные Гитлеру методы переговоров с глазу на глаз. В расчеты Гитлера, конечно, входило и намерение вызвать декларацией охлаждение советско-французских отношений. Расчет при этом строился одновременно как на реакцию в СССР, так и на психологический эффект в самой Франции. В какой-то мере, вероятно, им учитывалось и то, что декларация углубит расхождение между французами и некоторыми кругами английской и американской общественности и, во всяком случае, не будет способствовать сплочению «демократического фронта». Вполне, конечно, вероятно, что Гитлер получил от французов и нечто более весомое. Намеки на этот счет проскользнули и в печати и в общем вращались вокруг пресловутой «свободы рук на Востоке». Проверить основательность этих слухов нам здесь, однако, не удалось.

Что касается французов, то их толкнули на подписание декларации тройкого рода соображения, из которых два, по крайней мере, целиком укладываются в «мюнхенскую» линию:

1. Желание «нормализовать» отношения, создать «климат» и расчистить путь для будущих переговоров. Подписанная декларация открывает для этого все возможности. Пунктом вторым взаимно гарантируются теперешние европейские границы, тем самым закрепляется отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии (это выпячивается Бонне на первый план как главное достижение декларации).

Пунктом третьим, предусматривающим контакт и консультацию для каждой из сторон, открывается возможность начать переговоры *в любой момент и по любому вопросу*. Никаких ограничений в этом отношении не вносит и знаменитая оговорка, которой так козырял Бонне и которая, вероятнее всего, внесена по настоянию самих немцев из-за оглядки на Рим.

2. Декларация нужна была Даладье, чтобы отвлечь внимание страны от непопулярных чрезвычайных декретов.

3. Декларация нужна была, чтобы несколько разрядить ту тревожную обстановку, которую внесли новые итальянские домогательства.

Итальянская демонстрация в палате ⁴⁶, подхваченная почти всей итальянской печатью, очень сильно омрачила не остывшие еще ликования от Мюнхена и заставила призадуматься даже и многих заядлых мюнхенцев. При такой обстановке декларация с немцами открывала все же какую-то щель в «оси» Берлин— Рим ³⁴ и несколько снижал остроту итальянских угроз. Декларация если не исключала, то, во всяком случае, как будто затрудняла одновременные и совместные действия Германии с Италией против Франции, и это уже представлялось большим выигрышем. Правда, оставалось невыясненным, как относится Германия к самим итальянским домогательствам и не поддержит ли она их в нужный момент. От Риббентропа ожидали, что он на этот счет даст какие-то успокоительные заверения. Ожидали если не официального неодобрения шага

Италии (понимали, что так далеко он пойти не может), то, во всяком случае, какого-то декларативного отмежевания, но и этих надежд Риббентроп, как известно, не оправдал. Риббентроп ограничился заявлением, что этот вопрос касается лишь Франции и Италии, воспроизвел официальную версию Рима о непричастности к демонстрациям итальянского правительства и одновременно не преминул заявить, что «ось» Берлин — Рим прочна, как никогда. Все это доставило немало огорчения Даладье и Бонне и значительно омрачило радость от свидания. Трудно, конечно, с точностью установить, чему были посвящены все двухдневные совещания с Риббентропом. Официальная версия, известная нам через Бонне и потом им почти дословно повторенная в комиссиях по иностранным делам, в сопоставлении со сведениями, поступившими и из других источников, сходится на одном: что сверх декларации, действительно, как будто ничего другого подписано не было, как и не было принято никаких иных связывающих решений. Но я ни на минуту не сомневаюсь, что от нас скрыли очень многое, и в частности содержание всех разговоров относительно СССР. Если поверить Бонне, то Риббентроп в этой связи задал лишь один вопрос: каково содержание франко-советского пакта ⁷ (вероятно, нет ли секретных военных статей). В это что-то не очень верится. Я, конечно, не подозреваю Бонне, что он взял да выложил и преподнес на блюде Риббентропу пакт с СССР — возьмите, мол, и ешьте. Но я вполне допускаю, что партнеры приценивались и нащупывали цену, за которую можно этот пакт продать впоследствии. Велись ли с Риббентропом разговоры на злободневную сейчас тему об Украине? Бонне заверяет, что не велись, причем объясняет свое воздержание нежеланием «уплотнить у немцев впечатление, что французы серьезно такими слухами обеспокоены». Все это, конечно, возможно, но также возможно, что его молчание было рассчитано и на то, чтобы оставить немцев под впечатлением, что французы не особенно заинтересованы в судьбе Украины. Во всяком случае, я лично не сомневаюсь, что Бонне и его единомышленники глубоко вздохнули бы от облегчения, если бы немцы действительно полезли на Украину.

Что Бонне *фактически* взял курс на отход от Востока и центральноевропейских дел, свидетельствует и вся его дипломатическая деятельность за весь последний период. Ни одна из проблем, возникших в этом секторе Европы, не занимала по-настоящему внимания французской дипломатии. О существовании Чехословакии здесь после Мюнхена вообще стараются основательно забыть. С Польшей отношения более чем прохладные. К нам применяется политика репрессий и шикан *{{* Les chicanes (фр.) — придирки.}}*. Румынского короля встретили холодно, и, как мне рассказывал Патенотр, король уехал отсюда глубоко разочарованный и без всяких надежд на французскую поддержку. Вся дипломатическая активность сконцентрирована сейчас на средиземноморском участке и протекает под лозунгом защиты французских имперских интересов. Этот лозунг наряду с защитой континента включает и защиту колоний и коммуникационных связей с колониями. «Ни одной пяди французской земли» — под этим горделивым лозунгом выступает сейчас французская дипломатия. Этот лозунг объединяет, бесспорно, огромное большинство французов, но у противников теперешнего курса возникает совершенно естественное и законное сомнение, реален ли этот лозунг и способна ли Франция на деле отстоять свою территорию и особенно свои колонии, «отступив от Европы» и лишившись там всех своих тылов и друзей. Такая политика может в лучшем случае отодвинуть и отсрочить на некоторое время конфликт, но с тем чтобы быть им захваченным и застигнутым в условиях гораздо более трудных, если не явно безнадежных. Вопросы защиты колоний неразрывно связаны с вопросом о сохранении своих позиций в Европе. Так приблизительно формулируют свои позиции противники теперешней внешней политики, имеющие своих представителей даже в рядах кабинета. Обычно Бонне на это отвечает, что он и не намеревается уходить из Европы, но что нужно «по одежке протягивать ножки» и что, добившись некоторой длительной передышки, Франция сумеет «набраться новых сил», значительно окрепнет в военном и

экономическом отношении, а к этому времени и англичане закончат свою программу, и тогда уже никакие немцы не будут страшны.

Но так или иначе, на настоящий день французская дипломатия почти всецело и безраздельно занята «западными» делами, и в первую очередь итальянскими, и в отношении этих дел как будто действительно проявляется какая-то «твердость». Подозрительно только, что эта твердость особенно и преимущественно сосредоточивается на явно «блефных» требованиях Италии (как Ницца, Корсика) и почти замалчиваются более прозаические вещи (эти «синицы в руки»), как Джибути, участие в Суэце, новый статус итальянцев в Тунисе и уступки по испанскому вопросу. Напрашивается подозрение, что, повоював с ветряными мельницами и создав в стране впечатление, что благодаря твердости правительства удалось отбиться от нависшей грозной опасности, подготавливается исподтишка почва для новых переговоров с Италией, исход которых будет зависеть от степени готовности французов идти на новые жертвы, на новые уступки. А в том, что, вообще говоря, надо будет уступить в этом, здесь, кажется, никто не сомневается.

Полпред СССР во Франции

Суриц

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 149, д. 160, л. 150—157. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 137 — 141.

96. Запись беседы советника посольства Германии в Польше Р. Шелии с посланником Польши в Иране Я. Каршо-Седлевским

28 декабря 1938 г.

Каршо-Седлевский, только что назначенный посланником Польши в Тегеране, сказал, что трудности, существующие в настоящее время в отношениях между Германией и Польшей, не следует считать особенно серьезными, тем более что в прошлом германо-польские отношения успешно преодолевали ряд таких кризисных моментов. Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения. Он, Каршо-Седлевский, подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть активную роль в будущей войне против Советов. Выполнению этой задачи он посвятит свою деятельность в течение будущих лет в Тегеране.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 141-142.

97. Сообщение советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав

Не ранее 28 декабря 1938 г.

Еще до 26 декабря было известно, что 6 января Бек встретится по крайней мере с Риббентропом, но, возможно, также с Гитлером. 28 декабря в посольство поступил для ознакомления составленный в центре документ, озаглавленный: «Директивы для беседы Риббентропа с Беком». Основное содержание документа сводилось к следующему:

Во время запланированной на 6 января беседы прежде всего необходимо заявить, что нынешняя Германия, особенно после создания великогерманской империи, представляет собой и по отношению к Польше совершенно иную силу, нежели Германия прошлых лет. С германской точки зрения для Польши в настоящее время существует лишь одна великая держава, к которой она может примкнуть: это — Германия. Польше должно быть совершенно ясно, что со стороны Франции она не должна больше ожидать помощи, особенно после заключения германо-французского пакта о ненападении [{* См. док. 75.}](#). В этой связи Польша должна понять, что она должна будет, с учетом более отдаленного будущего и принимая во внимание Германию, изменить свои отношения с Францией.

Данциг. После того как Бек сразу же отклонил предложение о возвращении Данцига и облегчениях для транзита через коридор, в настоящее время с германской стороны не проявляют интереса к постановке этого вопроса. Его можно было бы оставить в покое до тех пор, пока он не будет автоматически решен в рамках широкого генерального урегулирования на Востоке. Поэтому рекомендуется данную тему с нашей стороны вообще не затрагивать. Если Бек коснется ее, то об этом следует говорить в общих чертах.

Мемель. Польша должна будет принять к сведению, что в ближайшее время Мемельская область будет полностью преобразована в национал-социалистском духе. При этом все экономические интересы Польши, в частности интересы польского судоходства, будут соблюдаться. Во всяком случае, желательно, чтобы Польша отказалась от всех попыток завоевать влияние в Литве, так как Литва рассматривается как область, находящаяся под германским влиянием.

Меньшинства. В обращении с германским меньшинством в Польше должны будут применяться принципиально новые положения. Это относится в первую очередь к следующим секторам (следует длинный перечень: язык, школа, церковь, экономические права и т. д.).

Прикарпатская Русь. Поскольку Германия и Италия положили в основу своих действий этнографический принцип, он должен был бы быть применен также к Венгрии, территориальные притязания которой поэтому не могли бы быть полностью удовлетворены. Ревизия Венского арбитража ³⁵, к которой стремились Венгрия и Польша, явилась невозможной, поскольку не было повода для ревизии и поскольку вынесенное решение не могло пересматриваться спустя лишь несколько дней после его принятия. Опасение Польши, что Германия намерена превратить Прикарпатскую Русь в зародыш великоукраинского государства, не имеет под собой основания. Германия уже дала соответствующие указания, с тем чтобы не вызывать подобного впечатления. Прикарпатская Русь сохранит свою самостоятельность в рамках Чехословакии и не будет играть никакой роли в международной политике.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 142-143.

**98. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

31 декабря 1938 г.

Я не успел еще ознакомиться с прибывшей сегодня парижской почтой. Если там есть на что отвечать, то я это сделаю с почтой 4-го.

Вчера прочитал передовицу «Тан» о франко-советском ⁷ и франко-польском пактах ⁴⁴. Не приходится сомневаться, что статья инспирирована Бонне. Начинается, по-видимому, артиллерийская подготовка возможного дальнейшего соглашения с Германией! Вряд ли самому Бонне ясна база такого соглашения. Сломать «ось» ни он, ни Чемберлен, вероятно, не надеются, стало быть, речь может идти лишь о соглашении четырех, возможность которого наметится только во время визита Чемберлена в Рим ⁴², Бонне, однако, заранее решает, что неизбежным элементом такого соглашения будет ликвидация в той или иной форме пакта с СССР, а может быть, и с Польшей. Он может, однако, ошибиться в своих расчетах, ибо вряд ли Гитлер будет платить теперь что-нибудь за так называемую свободу действий на востоке.

Шумиха вокруг украинской проблемы производится, собственно говоря, не столько германской, сколько прессой других стран, в частности Франции и Англии. Возможно, что дирижируется это повсюду из Берлина. Не думаю, чтобы сам Гитлер и его окружение действительно считали украинский вопрос проблемой актуальной политики. Нам сообщает Астахов, будто Гитлер в тесном кругу друзей сам выражал удивление по поводу шумихи, сказав, что украинский вопрос решится не раньше чем через пять-шесть лет и без войны. Если он этого и не говорил, то, вероятно, он так думает. Мотивы этой кампании, поскольку в ней участвует Германия, изложены в передовице последнего номера «Журналь де Моску». Возможно, однако, что сами сторонники Бонне и Чемберлена раздувают кампанию, подсказывая Гитлеру диверсию в сторону востока.

Бонне, конечно, отнюдь не убежден, что в Риме или после Рима действительно удастся сговориться с «осью». Разочарования, которых не мог скрыть в своих выступлениях Чемберлен, испытываются, наверно, и Бонне. Не упускает он из виду поэтому и возможность противоположной политики, а именно дальнейшего укрепления связей с СССР и Польшей.

Наметившееся внешнее сближение Польши с СССР не могло не произвести надлежащего впечатления даже на политиков типа Бонне. Это сближение, поскольку оно свидетельствует о возможности действительного польско-советского сотрудничества, должно повысить ценность советско-французского пакта в глазах французов. Одним из главнейших доводов против этого пакта служило указание на отсутствие общей границы у Германии с СССР и на невозможность для последнего атаковать Германию в случае ее схватки с Францией. Этот довод значительно ослабляется или даже ликвидируется при возможности общих советско-польских действий. С другой стороны, опасность франко-польского пакта и возможная необходимость для Франции прийти на помощь Польше ослабляется при предположении нашей помощи Польше. Этими соображениями, мне кажется, можно объяснить тон последнего разговора с вами как Бонне, так и морского министра.

Мы свою часть соглашения с Польшей лояльно выполняем. Разрешена большая часть конфликтных вопросов. Со стороны Польши, кроме некоторого изменения тона прессы, никаких других признаков сближения мы не замечаем. В своих беседах с немцами,

итальянцами и японцами поляки стараются умалять значение согласованного коммюнике {{* [См. док. 62.](#)}}, говоря об устранении лишь того недоразумения, которое возникло между нами и Польшей в период чехословацкого кризиса, когда мы объявили о возможности денонсации советско-польского пакта ³⁷. Беку, конечно, трудно переключиться на другую политику, ибо это означало бы признание ошибочности всей его прежней внешнеполитической концепции. Он, вероятно, надеется новым отказом от сближения с нами купить кое-какие уступки у Гитлера. Логически рассуждая, трудно допустить возможность серьезного германо-польского соглашения, ибо Польше нечем заплатить за отказ Германии от притязаний на Данциг, на «коридор», на Силезию и на Литву. Трудно также будет Германии совершенно ликвидировать украинскую акцию, если она даже начата с целью устрашения Польши, ибо эта акция не может быть сосредоточена на одной Советской Украине. Логика событий как будто должна поэтому гнать Польшу довольно далеко по пути сотрудничества с нами, но события не всегда следуют логике. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 148, д. 158, л. 100-102. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 143-145.

99. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада

31 декабря 1938 г.

Меня посетил секретарь французского посольства Гокье. Как сообщил Гокье, он пришел по просьбе своего посла Нозля, который очень желал бы лично поговорить со мной, но не может, т. к. не владеет другими языками, кроме французского.

Гокье начал свой разговор с того, что просил оказать ему содействие в получении «Журналь де Моску», необходимой для их посольства, т. к. только из нее они черпают сведения о Советском Союзе. Кроме указанной газеты, они ничего не читают, т. к. все печатается у нас на русском языке, а поэтому они очень желали бы получать «Журналь де Моску» регулярно. Я обещал оказать должное содействие.

Далее Гокье перевел разговор на тему польско-советских отношений, заявив при этом, что их очень интересует вопрос, кто являлся инициатором в урегулировании польско-советских отношений. Я сообщил, что инициатива исходила со стороны поляков. В общем, ответ дал в соответствии с указаниями М. М. Литвинова.

На поставленный передо мною вопрос, действительно ли поляки собираются заключить с нами торговое соглашение, я ответил, что не исключена возможность, но сказать более подробно что-либо по этому вопросу пока затрудняюсь.

Потом Гокье начал как бы жаловаться на то, что Польша по отношению к Франции ведет себя вызывающе. Франция не помнит ни одного случая, говорит Гокье, чтобы Польша взятые на себя обязательства выполнила до конца. Зигзагообразная, неустойчивая внешняя политика, проводимая Польшей в настоящий период, привела ее к полной изоляции в Центральной Европе. Польша в проведении своей внешней политики в настоящее время сталкивается с большими трудностями. Собственно говоря, эти трудности, продолжает Гокье, и заставили Польшу пойти на сближение с Советским

Союзом. По этому вопросу могу сказать только одно, говорит Гокье, Франция не верит в прочность этих сближений. Наученная опытом, Франция убедилась в этом хотя бы в период чехословацких событий, в момент назревавших военных столкновений, когда союзница Франции Польша оказалась во враждебном лагере, т. е. на стороне Германии. Тогда Франция окончательно убедилась, раздраженно говорит Гокье, что возлагать какие-либо надежды на Польшу больше нечего ввиду двойственной политики. Мы не сомневаемся, говорит Гокье, что Польша также может подвести Советский Союз, как неоднократно подводила Францию. Поэтому, учитывая неустойчивость и двойственность внешней политики Польши, Франция сейчас не стремится к дальнейшему укреплению своих отношений с Польшей. Франция сейчас пошла по пути тесного сотрудничества с Англией в вопросах своей внешней политики. В успехе такого сотрудничества она уверена, т. к. в этом она видит залог к укреплению своего престижа в Центральной Европе.

В Польше Франция и раньше и сейчас не была уверена, поэтому Францию не огорчает, что в их взаимоотношениях за последнее время появился холодок.

Поверенный в делах СССР в Польше
П. Листонад

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 13, д. 141, л. 1 -2.

100. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано

1 января 1939 г.

[...] В заключение он {{* Муссолини.}} сообщил мне свое решение принять предложение Риббентропа о преобразовании антикоминтерновского пакта в союз ⁵¹. Он хочет, чтобы пакт был подписан в последней декаде января. Он считает все более неизбежным столкновение с западными демократическими странами и поэтому хочет заранее подготовить военный союз. В течение этого месяца он намерен подготовить общественное мнение, «на которое он, однако, плюет». [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 146. Опубл. в изд.: G. Ciano. Diario. Vol. 1. Roma. 1946. P. 12.

101. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

5 января 1939 г.

Принял сегодня с визитом бывшего посла в Москве Надольного и экономического советника германского посольства в Москве Хильгера, которые заявили, что при подписании соглашения о торговом и платежном обороте на 1939 г. между Советским

Союзом и Германией немецкая делегация заявила торгпредству о своем желании возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о 200-миллионном кредите⁵⁴. Кредит может быть предоставлен на той же базе, что и в прошлом, немцы готовы пойти на дальнейшие Уступки в смысле увеличения процента гарантии по заказам, снижения процента за кредит, пойдут навстречу в снижении цен на оборудование и на сокращение сроков поставки. Как заявил Хильгерр, немцы уже дали список желательного им сырья и ждут от нас список желательного для СССР оборудования, чтобы подготовить свою промышленность. Новое кредитное соглашение позволит увеличить сильно упавший оборот. Хильгер заявил, что немцы готовы приступить к переговорам, ждут ответа и что, если бы было необходимо, он мог бы отложить свою поездку в Москву, с тем чтобы принять в них участие. [...]

[Полпред] {{* В оригинале телеграммы ошибочно указана подпись Г. А. Астахова ([См. док. 104](#)).}}

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 5.

102. Запись беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком {{** Беседа состоялась в Берхтесгадене.}}

5 января 1939 г.

В начале беседы полковник Бек подчеркнул тот факт, что германо-польские отношения целиком и полностью выдержали испытания сентябрьского кризиса. Если, может быть, в последние месяцы наметился некоторый спад в сравнении с высоким уровнем сентябрьских дней, то, по мнению польского правительства, обе стороны должны приложить усилия к тому, чтобы устранить причины некоторых трудностей, возникших в последнее время. В качестве одной из этих трудностей Бек упомянул вопрос о Данциге и подчеркнул при этом, что этот вопрос касается не только немецкого и польского правительств, но и третьих сторон, в том числе и Лиги наций. Что, например, произошло бы, сказал Бек, если бы однажды Лига наций отмежевалась от вопроса о Данциге? Помимо этого имеются также и некоторые другие вопросы, в которых необходимо устранить имеющиеся недоразумения, в том числе гарантия чехословацких границ, а именно будет ли она предоставлена немедленно, или, если вообще она будет иметь место, в какой момент намерены ее предоставить.

Фюрер ответил, что в целях устранения всех имеющихся трудностей необходимо обратиться вначале к главной тенденции в германо-польских отношениях. С немецкой стороны он может подчеркнуть, что в позиции Германии в отношении Польши, зафиксированной в декларации о ненападении от 1934 г.²³, не произошло ни малейших изменений. При всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя; дивизии, которые Польша вынуждена держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов.

Фюрер указал, что в мировой прессе Германии стараются приписать какие-то намерения относительно Украины, и заявил, что в этом отношении Польша ни в малейшей степени не должна опасаться Германии. Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат, и ей безразлично, что делают там страны, заинтересованные в этих областях. Подобно этому она непосредственно не заинтересована в Средиземном море, однако при всех обстоятельствах она всегда будет стоять на стороне Италии. Впрочем, необходимо проводить различие между сферами политических интересов Германии и ее стремлениями в экономической области, которые направлены исключительно на то, чтобы поддерживать широкие торговые отношения со всеми странами, на которые можно рассчитывать как на экономических партнеров. При этом есть страны, как, например, Соединенные Штаты, которые по своей экономической структуре меньше подходят для Германии в качестве партнеров, поскольку они сами производят промышленные изделия, которыми Германия только и могла бы оплатить закупаемые ею сырье и продовольствие. Другие страны, к которым относится и Польша, напротив, могли бы закупать в Германии всю промышленную продукцию, в которой они нуждаются, а за это продавать ей сырье и продовольствие. В этих случаях Германия намерена предельно расширить торговые отношения, что, в частности, касается и экономических отношений с Польшей.

Позиция, занятая Германией в украинском вопросе в связи с Венским арбитражем ³⁵, которая, вероятно, вызвала в Польше некоторые недоразумения, сказал фюрер, объясняется историей развития этого дела в связи с позицией Венгрии во время сентябрьского кризиса. Затем фюрер долго и подробно разъяснял отдельные фазы чехословацкого конфликта, особенно подчеркивая нерешительную и выжидательную позицию Венгрии. В ходе неоднократных переговоров, сказал фюрер, он настоятельно советовал венграм как можно быстрее самим проявить инициативу, если они хотят найти политическое решение их территориального спора с Чехословакией, однако он почти не встретил у венгров понимания. Венгры, охваченные предвоенным ожиданием, попали в сети намерений Англии и Франции и постоянно заявляли, что боятся активного вмешательства обеих этих стран в конфликт и что проигранная война, возможно, и не будет стоить жизни Германии, а Венгрии принесет окончательную гибель. Впрочем, в результате неожиданного предложения о переговорах со стороны Чемберлена и Даладье он (фюрер) отошел от мысли о чисто политическом решении чехословацкого вопроса, которое было бы равносильно ликвидации Чехословакии, и, поскольку Венгрия не оказала ему никакой сколько-нибудь активной поддержки, он смог выступить перед мировой общественностью лишь с идеей этнографического решения вопроса, в противовес политическому решению, которое должно было бы осуществиться только в контакте между Польшей, Венгрией и Германией как единственно заинтересованными странами и заключалось бы в ликвидации Чехословакии. На будущее также ясно, что подобные политические решения никогда не могут осуществляться односторонне, а только таким путем, когда в этом решении будут принимать участие все заинтересованные в Чехословакии страны.

Лишь тогда, продолжал фюрер, когда венгры сочли вмешательство безопасным, они стали немного активнее. При этом он, фюрер, должен указать на то, что оказалось не так-то просто добиться в Мюнхене от французов и англичан согласия на включение в соглашение также польских и венгерских претензий к Чехословакии. В соответствии с соглашением относительно этих двух претензий, которое было достигнуто в Мюнхене на основе предложения Муссолини, венгры сформулировали затем свои требования, представив карту, из которой следовало, что они не требуют украинской территории. Германия весьма неохотно согласилась с просьбой об арбитраже и сделала это только тогда, когда от обеих конфликтующих сторон — Венгрии и Чехословакии — последовало заверение, что результат арбитража будет ими принят. Это решение третейского суда, как

было сказано, было вынесено на основе венгерских требований и после того, как были заслушаны обе стороны. Вскоре после этого венгры вдруг заявили, что они претендуют также на крупные области Украины, и тем самым поставили в трудное положение державы-арбитры. Конечно, было совершенно невозможно пересмотреть достигнутые в Вене решения спустя такой короткий промежуток времени после их принятия. С другой стороны, Венгрия также была не в состоянии добиться осуществления своих требований насильственным путем, так как, несомненно, чехословацкая армия оказалась бы сильнее и, возможно, уже вскоре вступила бы в Будапешт. В этом случае Германия оказалась бы в чрезвычайно затруднительном положении, так как совершенно ясно, что она была бы вынуждена не допустить поражения Венгрии от Чехословакии хотя бы только по престижным соображениям — с целью воспрепятствовать тому, чтобы весь мир торжествовал по поводу победы демократической страны над одним из государств, напавших на нее. С другой стороны, в военном отношении Германия давно уже отмобилизовалась, причем на несколько месяцев задержан на службе призывной возраст, который в нормальных условиях должен был демобилизоваться. Были уже давно проведены другие мобилизационные меры в различных областях, и выявилась необходимость по окончании кризиса отменить все эти меры. Поэтому в ноябре обученный призывной возраст был демобилизован на втором году службы, вследствие чего под ружьем остались солдаты, которые еще не завершили военную подготовку, и молодые рекруты. При таком положении дел уже при незначительных международных осложнениях пришлось бы снова призвать в армию только что демобилизованный возраст и предпринять ряд обременительных мер в экономической области. Эта повторная мобилизация, само собой разумеется, легла бы чрезвычайно тяжелой психологической нагрузкой на общественное мнение в Германии и помимо этого имела бы своим следствием еще и то, что Франция автоматически предприняла бы мобилизационные мероприятия, которые проводятся в период обострения отношений; в свою очередь, ответом на это были бы аналогичные мобилизационные меры в Германии (занятие западных укреплений и т. д.). По этой причине в ноябре Германия ни в коем случае не могла допустить возникновения международного конфликта; это и явилось в конечном итоге одним из решающих моментов для определения ее позиции в украинском вопросе.

Что касается самих германо-польских отношений, то он, фюрер, хотел бы еще раз повторить, что в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 г. ничего не изменилось. Чтобы окончательно урегулировать все еще не решенные вопросы в отношениях между обеими странами, сказал фюрер, не следует ограничиваться соглашением 1934 г., которое носит скорее негативный характер, а надо попытаться договорным путем окончательно разрешить отдельные проблемы. Кроме вопроса о Мемеле, который будет решен в германском плане (литовцы, кажется, намерены содействовать разумному решению проблемы), немецкая сторона считает необходимым урегулировать непосредственно в германо-польских отношениях проблему Данцига и коридора, которая представляет чрезвычайную сложность для Германии с эмоциональной точки зрения. По его мнению, здесь необходимо отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши; поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши.

Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии. Однако он может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Относительно коридора, который, как было сказано, является для Германии сложной психологической проблемой, фюрер указал на то, что, несомненно, было бы полнейшей бессмыслицей думать о том, чтобы отобрать у Польши выход к морю. Если бы Польша оказалась в таком мешке, то такое положение, учитывая возникающую в связи с этим напряженность, можно сравнить с заряженным револьвером, спуск у которого может сработать в любую минуту. Следует признать, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере для Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

Если бы удалось на этой разумной основе достичь окончательного урегулирования отдельных вопросов, причем, само собой разумеется, каждый из обоих партнеров не должен быть ущемлен в своих правах, то тогда настал бы момент и в отношении Польши, как это имело место в соглашениях с Францией, расширить скорее негативное заявление 1934 г. в том положительном смысле, что со стороны Германии Польше предоставляется ясно выраженная, зафиксированная в договорном порядке гарантия ее границ. Польша в этом случае получила бы крупное преимущество, заключающееся в том, что ее граница с Германией, включая коридор, была бы гарантирована в договорном порядке. При этом фюрер еще раз подчеркнул психологическую сложность этой проблемы, а также тот факт, что только он, фюрер, может привести к такому решению. Для него не так-то просто дать подобную гарантию коридора, и он определенно подвергнется за этот шаг довольно-таки серьезной критике со стороны буржуазных кругов. Однако, будучи реальным политиком, он все же полагает, что подобное решение оказалось бы наилучшим. Если бы Германия предоставила свои гарантии, то о польском коридоре так же мало говорили бы, как ныне о Южном Тироле или Эльзасе и Лотарингии.

Дальнейшим вопросом, в котором у Германии и Польши есть совместные интересы, является еврейская проблема. Он, фюрер, преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. Сейчас им еще будет позволено захватить с собою часть своего имущества; при этом они наверняка увезут с собою из Германии больше, чем они имели, когда поселились в этой стране. Но чем больше они будут тянуть с эмиграцией, тем меньше имущества они смогут взять с собою.

Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания, и все же Германия вынуждена настаивать на своих требованиях в колониальном вопросе, поскольку она непременно нуждается в колониях для того, чтобы прокормить свое население. Рано или поздно она получит обратно свои колониальные владения. В этом он, фюрер, твердо убежден. Расходы, которые возникают в результате того, что колониальный вопрос не решен, а именно вследствие связанной с этим гонки вооружений, эти расходы чрезвычайно велики как для западных держав, так и для Германии; если бы западные державы когда-нибудь позднее подвели итог, то они увидели бы, что их отказ пойти навстречу справедливым требованиям Германии в колониальном вопросе стоил им миллиардов и что для всех заинтересованных сторон было бы дешевле своевременно урегулировать колониальный вопрос в плане, в котором предлагает это сделать Германия.

Польский министр иностранных дел Бек поблагодарил фюрера за подробное изложение немецкой точки зрения и заявил, что Польша также прочно придерживается своей прежней позиции в отношении Германии. Во время сентябрьского кризиса Польша выдержала исключительно сильное напряжение в своих отношениях с Советской Россией ³⁷. Положение было гораздо серьезнее, чем это казалось со стороны. Русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместилась непосредственно у линии границы; с польской стороны также были проведены в широком объеме соответствующие контрмеры, которые затем дали возможность быстро провести акции в отношении Чехословакии. Но поскольку уж Россия является соседом Польши, польская сторона приложила усилия к тому, чтобы снизить это чрезвычайно большое напряжение до нормальных пределов. Поэтому совершенно естественно, что сейчас предпринимаются попытки найти в отношениях с русским соседом приемлемый *modus vivendi*. Но Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики, что она уже делала в прошлом, когда Польшу хотели толкнуть на сближение с Россией путем заключения Восточного пакта ¹⁹. Правда, Польша не проявляет такой нервозности в отношении укрепления своей безопасности, как, например, Франция, и не придает никакого значения так называемым «системам безопасности», которые после сентябрьского кризиса окончательно обанкротились, что означает, по мнению Бека, поворотный пункт в истории. Однако Польша в высшей степени отдаст должное позиции Германии, которая снова получила выражение в заявлении, только что сделанном фюрером. Польша также со своей стороны придерживается старой линии в отношении Германии.

В связи с Украиной он, Бек, напоминает о словах Пилсудского о «балканизации Центральной Европы». В лице агитаторов, которые подвизаются ныне на карпато-украинской территории, Польша узнает своих старых врагов и опасается, что Карпатская Украина, возможно, однажды превратится для Польши в очаг таких беспокойств, которые вынудят польское правительство к вмешательству, в результате чего могли бы возникнуть новые осложнения. Это было главнейшей причиной стремления Польши к установлению общей границы с Венгрией. Польша также старалась побудить Венгрию к энергичным действиям в том направлении, которое было определено самим фюрером. Из своей поездки в Румынию он (полковник Бек) привез венграм заверение в том, что румыны не нападут, а польский президент заявил в кругу иностранных дипломатов, что в серьезном случае Польша окажет помощь Венгрии. Однако, несмотря на это заявление, венгры, к сожалению, не проявили никакой инициативы. Он хотел бы отметить, между прочим, что население так называемой Карпатской Украины — русины — не имеет ничего общего с населением собственно Украины. «Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днестра.

Что касается германо-польских отношений, то он, Бек, принимает к сведению пожелания, высказанные фюрером. Однако данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно сложным. В этой связи необходимо особо учитывать общественное мнение в Польше. При этом он совершенно не берет в расчет мнение «оппозиции в кофейнях». На протяжении своей семилетней службы он ни в малейшей степени не считался с мнением кофеев и свой пост сохраняет и по сей день. Однако он должен считаться с подлинным мнением народа и усматривает в этом отношении величайшие трудности для решения вопроса о Данциге. Однако он хотел бы еще раз спокойно продумать эту проблему.

Полковник Бек не коснулся остальных вопросов германо-польских отношений, которые были подняты фюрером, а закончил изложение своих доводов повторным заверением в

том, что Польша в своей общей позиции по-прежнему будет верна той линии, которой она придерживается с 1934 г.

Настоящее в соответствии с указанием представлено господину имперскому министру иностранных дел.

*Д-р Шмидт, посланник { { * Переводчик Гитлера, записавший беседу. } }*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 146—153. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. V. S. 127-132.

103. Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Бек

6 января 1939 г.

В беседе, длившейся около полутора часов с господином Бек, последний сразу снова завел речь о проблеме Данцига. Польша также стремится, сказал он, к тому, чтобы жить с Германией в добрососедских отношениях и углублять их. Единственной проблемой, которая при этом может в ближайшее время создавать помехи, является данцигский вопрос. Применяемая данцигской стороной тактика малых «свершившихся фактов» (Faits accomplis) начинает уже сегодня затрагивать там польские права. Он действительно видит в этом известную опасность. Он не хотел говорить вчера об этом фюреру так прямо, но и не хотел бы скрывать в откровенной и доверительной беседе со мной, что он смотрит на положение с известным беспокойством. Могут возникнуть две возможности, которые заставили бы нас занять позицию по данной проблеме:

1) что Лига наций, возможно, заявила бы о своей незаинтересованности в данцигском вопросе и ликвидировала бы [свой] комиссариат, и тогда Германия и Польша сами должны были решить вопрос;

2) что из-за упоминавшейся выше тактики свершившихся фактов поляки были бы вынуждены занять [определенную] позицию.

Проблема действительно является очень трудной, и он уже ломал себе голову над тем, как можно найти ее решение, но пока безрезультатно.

Бек затронул далее вопрос о Великой Украине и сказал, что заверение фюрера, что мы в нем не заинтересованы, весьма его успокоило, как и вообще он с искренней радостью принял к сведению ясную и постоянную линию фюрера относительно дружественного взаимопонимания с Польшей.

В заключение Бек еще раз указал на то, что Данциг в представлении всего польского народа служит пробным камнем германо-польских отношений и что было бы очень трудно изменить это представление. Еще раньше маршал Пилсудский также высказывал это однажды одному немецкому посетителю.

В ответ на это я разъяснил господину Беку следующее:

1. Как фюрер уже сказал, превыше всего для германской стороны ее безусловное стремление к окончательной, широкой и продиктованной великодушием консолидации взаимных отношений.

2. В связи с этим имеют значение три проблемы:

а) Непосредственно германо-польские отношения. Здесь мне представляется следующее решение:

Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ.

б) Вопрос о чешской Закарпатской Украине.

Здесь я повторил, что в Мюнхене были установлены этнографические границы. Если в этой связи какой-либо стороной будет поднят принципиальный вопрос о политических границах, то Германия, конечно, не сможет остаться безучастной. Хотя германские политические интересы сами по себе и не простираются за Карпаты, Германия не может сказать, что она равнодушно отнесется к смещению границ за пределами Карпат в районе Чехословакии и Закарпатской Украины, так как она в результате таких событий легко может быть втянута в конфликт. Где бы сегодня в Европе ни раздался пушечный залп, Германия в принципе не может оставаться безучастной.

Решение венского третейского суда должно выполняться, и наша основная точка зрения сводится к тому, что, в случае возникновения здесь каких-либо иных желаний, их необходимо согласовать с германскими интересами.

в) Политика Польши и Германии, которую следует проводить в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине.

Я заверил Бека в том, что мы заинтересованы в Советской Украине лишь постольку, поскольку мы всюду, где только можем, чинили русским ущерб, так же как и они нам, поэтому, естественно, мы поддерживаем постоянные контакты с русской Украиной. Никогда мы не имели никаких дел с польскими украинцами, напротив, это строжайше избегалось. Фюрер ведь уже изложил нашу отрицательную позицию в отношении Великой Украины. Все зло, как мне кажется, в том, что антирусская агитация на Украине всегда оказывает, разумеется, некоторое обратное воздействие на польские нацменьшинства и украинцев в Карпатской Руси. Но это, по моему мнению, можно изменить только при условии, если Польша и мы будем во всех отношениях сотрудничать в украинском вопросе. Сказал Беку, что, как мне кажется, при общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рассмотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы.

В этой связи сказал Беку, не намерен ли он в один прекрасный день присоединиться к антикоминтерновскому пакту ¹⁰.

Бек разъяснил, что сейчас это невозможно, деятельность Коминтерна подвергается в Польше судебному преследованию, и эти вопросы всегда строго разделяли от государственных отношений с Россией. Польша, по словам Бека, делает все, чтобы сотрудничать с нами против Коминтерна в области полицейских мер, но если она заключит по этому вопросу политический договор с Германией, то она не сможет поддерживать мирные добрососедские отношения с Россией, необходимые Польше для ее спокойствия. Тем не менее Бек пообещал, что польская политика в будущем, пожалуй, сможет развиваться в этом отношении в желаемом нами направлении.

Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня.

В заключение беседы я выразил господину Беку протест против обращения с нашими немецкими нацменьшинствами, прежде всего в районе Ольсы, и в этой связи категорически сослался на непрекращающиеся антинемецкие козни Гражинского. Господин Бек сказал мне, что он уделял уже серьезное внимание этому вопросу и со своей стороны предпринимает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло.

Затем я поблагодарил господина Бека за его приглашение посетить Варшаву. Дату еще не установили. Договорились, что господин Бек и я еще раз тщательно продумаем весь комплекс возможного договора между Польшей и нами. В ближайшие недели переговоры будут продолжены через Липского и Мольтке, и в любом случае визит должен состояться еще этой зимой {{* [См. док. 120.](#)}}.

Риббентрон

Печат. по сб.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 20-22.

104. Телеграмма народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову

8 января 1939 г.

Наш поверенный в делах в Берлине {{** [См. док. 101.](#)}} сообщает, что у него были Надольный и Хильгер и передали о желании германского правительства возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о 200-миллионном кредите со значительным улучшением ранее выставленных немцами условий. Ввиду этого прошу сообщить германскому правительству, что если верно сообщение Надольного и Хильгера о желании германского правительства возобновить прерванные переговоры о 200-миллионном кредите, то Советское правительство также согласно возобновить переговоры на базе улучшения ранее выставленных германской стороной условий. Передайте также, что было бы желательным вести переговоры в Москве.

А. Микоян

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 6-7.

105. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чiano

8 января 1939 г.

[...] Затем мы с дуче подробно рассмотрели, какие действия надлежит предпринять. Тройственный пакт о союзе ⁵¹. Более тесные отношения с Югославией, Венгрией, Румынией и, возможно, с Польшей в целях обеспечения нас сырьем. Союз с Испанией, как только война будет выиграна. Требования к Франции. Мы не требуем Ниццы и Савойи, ибо они находятся по ту сторону Альп. Корсика: автономия, независимость, аннексия. Тунис: статус итальянцев, автономия бея, итальянский протекторат. Джибути: свободный порт и железная дорога, управление колонией на основе кондоминиума, уступка. Суэцкий канал: широкое участие в управлении. Ликвидация Албании по соглашению с Белградом, содействуя, возможно, походу сербов на Салоники. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 153 — 154. Опубл. в изд.: G. Ciano. Diario. Vol. 1. P. 18-19.

106. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова временному поверенному в делах СССР в Венгрии В. А. Плотникову

9 января 1939 г.

Пригласил сегодня Михалковича {{* Временный поверенный в делах Венгрии в СССР.}}

и заявил ему следующее:

«Советское правительство получило совершенно точные сведения, что со стороны некоторых государств делаются попытки вовлечения Венгрии в так называемый антикоминтерновский пакт. Мировое общественное мнение в настоящее время в достаточной мере осведомлено о том, что означенный пакт ничего общего не имеет с Коминтерном и с борьбой идеологий, а является политическим соглашением, преследующим агрессивные цели в отношении некоторых миролюбивых стран, в том числе и СССР, и обслуживающим главным образом захватнические интересы инициатора этого соглашения — Японии. Советское правительство не может согласиться с иной интерпретацией этого соглашения. Советскому правительству было бы совершенно непонятно присоединение к такому враждебному СССР соглашению Венгрии, с которой у СССР не имеется никаких политических спорных вопросов и против интересов которой СССР никогда нигде не выступал. Совершенно естественно, что присоединение Венгрии к названному пакту не сможет не оказать весьма серьезного и немедленного влияния на отношения СССР с Венгрией. Ввиду этого народный комиссар иностранных дел был бы рад узнать намерения венгерского правительства в этом вопросе».

В случае действительного присоединения Венгрии к пакту мы, вероятно, ликвидируем полпредство в Будапеште и предложим закрыть венгерскую миссию в Москве, с тем чтобы советско-венгерские отношения в дальнейшем велись через представителей в других столицах. Об этом пока говорить никому не нужно, но Вы это учитывайте в своих планах. На всякий случай с ближайшей почтой сообщите соображения о технических сторонах ликвидации полпредства.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2043, л. 3—4. Текст заявления опубл. в сб.: Венгрия и вторая мировая война. М., 1962 С. 149-150.

**107. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

10 января 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. Новый, 1939 год британское правительство и поддерживающие его круги встречают в настроении несомненной депрессии. Нет больше радужных надежд прошлого февраля, когда, после отставки Идена, Чемберлен уверенно заявлял, что в самом непосредственном будущем он «умиротворит» Европу и создаст длительную эпоху всеобщего благополучия в рамках «пакта четырех»²⁰. Нет больше и тех уже значительно менее амбициозных ожиданий, которые премьер связывал с мюнхенской капитуляцией. Никто больше не вспоминает о «мире в наше время», который Чемберлен будто бы привез из Мюнхена, и сам автор данной фразы говорит сейчас (как он это сделал на обеде иностранной прессы 13 декабря) об англо-германской декларации {{* [См. док. 2.](#)}} скорее в тоне извинения, чем торжества. Процесс отрезвления консервативных кругов Англии на полном ходу. Это чувствуется в парламенте, в прессе, в Сити, в общественных кругах. Это подтверждается, между прочим, такими фактами, как явные нотки разочарования в последних речах Чемберлена, как недавнее выступление Лондондерри {{** Член парламента, консерватор.}} против еврейских преследований в Германии и против передачи Германии колоний, как смена вех «Дейли мейл» и «Обсервером». Как раз в номере «Обсервера» от 8 января в очередной статье Гарвина находим такие заявления: «Не по вине премьер-министра или кого-либо из его сторонников последствия Мюнхена явились горьким разочарованием... Спустя несколько недель (после Мюнхена) словесная война между обеими странами сделалась более острой, чем когда-либо со времени мировой войны».

В высшей степени любопытно также, что состоявшаяся на днях в Лондоне конференция «Консервативной университетской ассоциации», несмотря на адресованные ей послания от имени Чемберлена и Болдуина, а также на тот факт, что председательствовал на ней министр торговли Стэнли (сын лорда Дерби), приняла резолюцию, осуждающую внешнюю политику правительства. Если к этому прибавить еще почти непрерывное почкование в консервативной партии и даже в самом правительстве разных оппозиционных групп и группочек (сюда относится, между прочим, вспыхнувший перед рождеством «бунт» трех товарищей министра против слабости кабинета в вопросах вооружения), постепенно разъедающих правительственное большинство, то станет совершенно ясно, что атмосфера, в которой премьер-министр сегодня начинает свой путь на Рим⁴², менее всего может называться здоровой и уверенной. Острого кризиса, грозящего падением кабинета в непосредственном будущем, нет, и Чемберлен имеет еще много шансов продержаться до очередных выборов, ожидаемых теперь нынешней осенью, но есть процесс хронического и все возрастающего истощения организма. Вот почему правительственный лагерь начинает этот год в настроениях депрессии и невеселых предчувствий.

2. Надо прямо сказать, что главная заслуга в деле отрезвления руководящих кругов Англии от Мюнхена принадлежит, несомненно, Гитлеру и Муссолини. Идя на предательство Чехословакии, эти круги рассчитывали, что такой ценой они купят, по крайней мере, спокойное житие на ближайшие несколько лет. Они думали, что, в случае крайности, пожертвовав еще Испанией, они окончательно «утолят» аппетиты агрессоров, поскольку во всяком случае дело касается непосредственно Великобритании и Франции. Такие надежды и ожидания, конечно, были глубоко наивны, но нынешние государственные люди западной буржуазии слишком часто страдают исторической близорукостью и даже слепотой. На деле получилось совсем иначе, — именно так, как давно предупреждали мы, как позднее говорила и писала здешняя оппозиция. Мюнхен не принес спокойствия, а лишь развязал аппетиты агрессоров.

Три события на протяжении минувших трех месяцев сыграли особенно крупную роль в деле отрезвления: 1) колониальные требования Гитлера и Муссолини, 2) еврейские погромы и преследования в Германии ³³, 3) резкая кампания немецкой прессы против Англии, начавшаяся немедленно после подписания дружественной «декларации» в Мюнхене и почти без перерывов продолжающаяся вплоть до настоящего дня. Сейчас к этим трем моментам, по-видимому, присоединится четвертый — морское строительство Германии, в частности ее желание удвоить свои подводный флот ⁵⁵.

Эти многочисленные и разнообразные «troubles» {{* Затруднения (англ.).}} действуют удручающим образом даже на самых правоверных сторонников чемберленовского курса. Особенно их тревожит та изумительная легкость, с которой агрессоры каждый день выдумывают новые и часто совсем неожиданные «требования», «проблемы», «жалобы» и т. д., становящиеся затем предметом бешеной агитации дипломатических конфликтов и — эвентуально — военных столкновений. Под этим углом зрения сильнейшее впечатление в Англии произвела акция Муссолини: «Тунис! Джибути! Ницца! Корсика!»⁴⁶ Огромное воспитательное значение ее не подлежит никакому сомнению.

Все усиливающиеся слухи об аннексии Мемеля и Данцига, несмотря на гитлеровские заверения Чемберлену в Мюнхене, что Судеты — его последнее территориальное требование в Европе, действуют в том же направлении. Даже в наиболее консервативных кругах сейчас не редкость услышать возглас: «Нет конца аппетитам этих диктаторов!» И, как результат, в правительственном лагере, включая известное количество министров, все больше укрепляется мнение, что нельзя идти бесконечно по чемберленовской дороге «умиротворения» и что приближается момент, когда надо будет сказать со всей решительностью: «До сих пор и не дальше!» Если Гитлер и Муссолини будут и впредь проводить свою линию наглости и презрения в отношении «западных демократий», в особенности же если они пойдут на какие-либо шаги, непосредственно и серьезно затрагивающие их интересы, не исключена возможность, что последние ошестинятся. Так, по крайней мере, чувствуется в Англии.

3. Именно для того, чтобы избежать этой необходимости и всех вытекающих отсюда последствий, чемберленовские круги в послед нее время прилагают лихорадочные усилия к тому, чтобы повернуть острие германской агрессии на восток. Повторяется нечто подобное тому, что мне приходилось наблюдать здесь зимой 1932/ 33 г., когда Саймон {{* Министр иностранных дел Великобритании в 1931 — 1935 гг., министр финансов в 1937-1940 гг.}} и другие руководящие персоны того времени из кожи лезли вон для того, чтобы столкнуть нас с Японией на Дальнем Востоке.

Я могу полностью подтвердить Ваше замечание в одном из Ваших писем т. Сурицу, что пресловутая «украинская проблема» гораздо больше муссировалась и муссируется в

Англии (и Франции), чем в Германии. Из всего, что я слышал и наблюдал на протяжении минувших двух месяцев, с полной определенностью вытекает заключение, что чемберленовские круги сознательно раздувают «украинское направление» германской агрессии, стремясь подсказать Гитлеру именно такой ход. Я отнюдь не убежден, что между Лондоном и Берлином сейчас не ведется по этому поводу и каких-либо более обязывающих и конкретных разговоров. В своих беседах с англичанами по данному вопросу (а интерес к нему в здешних политических и журналистских кругах очень большой) я аргументировал примерно так же, как и Вы. Я добавлял только в ответ на частные запросы, что какое-либо ирредентистское движение на Советской Украине просто немыслимо, ибо там полностью разрешены национальный и земельный вопросы, а сверх того в массах населения еще свежи воспоминания о германской оккупации в 1918 г. Это производило очень сильное впечатление. В общем, можно констатировать, что в данный момент «украинская» агитация в Англии стала несколько спадать. Если не случится чего-нибудь неожиданного, она, вероятно, скоро совсем заглухнет. Ибо я не сомневаюсь, что Гитлер всерьез не думает о Советской Украине как о задаче непосредственного будущего, ибо он не хочет рисковать большой войной. Как дело будет обстоять с польской Украиной, пока сказать трудно. Судя по сообщениям печати, Беку в Берхтесгадене {** См. док. 102. } как будто бы удалось добиться известной отсрочки в этом отношении. Впрочем, поживем — увидим.

4. Несмотря на явный отлив мюнхенской волны и на малую вероятность похода Гитлера против СССР, я отнюдь не склонен думать, что дни Чемберлена сочтены. Нынешний премьер очень упрямый человек, а к тому же с планом «умиротворения» теснейшим образом связана его политическая репутация. Он будет поэтому цепляться за власть всеми возможными и невозможными способами. Альтернативного правительства на горизонте по-прежнему не видно. Это сильно облегчает Чемберлену его маневрирование. Некоторые политики как консервативного, так и оппозиционного лагеря в последнее время стали доказывать, что Рим должен закончиться крахом ⁴² и что в силу этого Рим явится поворотным пунктом в политике Чемберлена: «умиротворение» кончится, начнется новая, более крепкая линия против агрессоров. Я в это не верю.

Чемберлен — безнадежный человек. Исправиться он не может. Если обстоятельства властно продиктуют реориентацию британской внешней политики, то это будет означать уход Чемберлена и приход на его место кого-то другого. Тут как раз и кроется главная трудность, ибо при нынешней партийно-политической конstellляции в стране очень нелегко найти преемника премьер-министру. Вот почему, с месяца на месяц политически все более хирея, правительство Чемберлена тем не менее имеет много шансов еще долго тянуть свое существование, если, конечно, Гитлер и Муссолини не выкинут в ближайшее время какого-либо исключительного коленца, которое круто изменит всю ситуацию.

5. В заключение два замечания по поводу наших торговых дел. Первое. В мое письмо от 10 декабря вкралась одна ошибка. Как теперь выяснилось, опросник касательно англо-советского торгового договора рассылало не министерство торговли, а «Ассоциация британских торговых палат», которая, впрочем, имела на это благословение министерства. Формально, во всяком случае, министерство было в стороне.

Второе. Судя по целому ряду симптомов, вопрос об англо-советском торговом договоре, видимо, уже в самом ближайшем будущем будет поставлен на рассмотрение кабинета. Как он будет решен, пока еще трудно предугадать. Мне кажется, однако, более вероятным, что кабинет решит в пользу модификации договора, но в какой форме: денонсирования всего договора или внесения известных изменений при сохранении самого договора? Поживем — увидим.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 5, д. 35, л. 3-7. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 154-158.

**108. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

11 января 1939 г.

1. Мироваа печатъ будет в ближайшие дни уделять свое внимание главным образом римским разговорам ⁴². Я считаю результат этих разговоров предрешенным. Муссолини спрячет на время свои территориальные притязания, а Чемберлен заставит Даладье, в чем ему усердно будет помогать Бонне, уступить остальным итальянским требованиям. Это произойдет, может быть, не сразу, потребуются новые встречи двух, трех или четырех, но дело к этому идет. Вряд ли хватит у Даладье и Бонне решимости обусловить, по крайней мере, уступки отказом Муссолини от других своих требований к Франции.

2. Нас, однако, больше интересуют переговоры Бека с немцами. К сожалению, поляки умеют не хуже скрывать свои дипломатические тайны, чем немцы, и мы об их переговорах ничего не знаем, кроме спекулятивных рассуждений газет, которым я не придаю никакого значения. Бек, поскольку это от него будет зависеть, будет стараться по-прежнему сохранить свободу действий, лавируя между нами и Германией, не связывая себя слишком прочно ни с той, ни с другой стороной. Но позволит ли ему это Гитлер? Не поставит ли он Польшу перед дилеммой: либо полностью подчиниться указке Берлина и включиться в его политику, либо же подвергаться гневу Гитлера и вытекающим из этого последствиям. У Гитлера достаточно средств давления на Польшу. К тому же он будет учитывать затруднительное положение самого Бека, которому не очень удобно будет похерить свою прежнюю политику и тесно связаться с нами. Гитлеру также в этом помогает и Бонне своим браскированием {{* Brusque (англ.) — резко, грубо обращаться с кем-либо.}} Польши.

Конечно, спорных вопросов между Германией и Польшей накопилось очень много, и прочное длительное соглашение вряд ли возможно. Временно, однако, мыслимо соглашение на базе уступок Польши в вопросе о соединении Восточной Пруссии с остальной Германией коридором через «польский коридор», фактического отказа Польши от своих привилегий в Данциге, без формального присоединения последнего к Германии и смягчения преследования меньшинств.

Что же касается украинской проблемы, то Гитлер может убедить Бека в неактуальности ее или же в том, что акция против СССР будет направлена через Румынию, которую Гитлер также пытается теперь подмять под себя. Прошу Вас сделать все для Вас возможное для получения информации по этому вопросу.

Вернувшийся на днях из Польши посол Гжибовский заверяет нас в прочном характере сближения и в наличии перспектив, в чем его-де убедили беседы с высокопоставленными собеседниками в Польше. Если он и говорит правду, то его беседы имели место до поездки Бека в Берхтесгаден, а результаты этой поездки послу еще неизвестны.

Французы продолжают проявлять чрезвычайный интерес к советско-польским отношениям. Пайяр об этом осведомляется при каждой встрече с работниками НКВД. Французское посольство в Варшаве также старается добыть информацию в нашем полпредстве. Любопытно то, что оно старается усилить наше недоверие к Польше, рассказывая о ее вероломстве и ненадежности в сношениях с Францией. Французский журналист в Варшаве, возможно подосланный посольством, рассказывал работникам полпредства, что Бонне умышленно уехал в Альпы на отдых, чтобы избежать встречи с Беком, преследуя даже цель обеспечения встречи Бека с Гитлером.

По его мнению, Англия и Франция всячески способствуют Германии в агрессивных действиях, совместно с Польшей, в отношении СССР. Что Франции и Англии хочется толкнуть Германию на Восток,— совершенно понятно и известно. Если верно, однако, и то, что им хочется направить агрессию исключительно по нашему адресу, с тем чтобы Польша не была задета, то это можно объяснить следующим образом. Во-первых, сотрудничество Польши с СССР может дать новый сильный и неотразимый аргумент противникам нынешней политики Бонне и в пользу сохранения связей Франции с Востоком Европы. Во-вторых, нападение Германии на Польшу и СССР, при невмешательстве Франции, поставило бы последнюю в весьма неудобное положение нарушительницы сразу двух пактов. Вот почему Бонне хотел бы изолировать нас от Польши. Выступления «Тан», «Фигаро» и других газет против французских пактов на Востоке, несомненно, инспирированы Бонне и готовят почву для постепенной ликвидации отношений как с нами, так и с Польшей. Тот же французский журналист рассказывал, что Франция намерена задержать последний взнос в счет военного займа Польше. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 5-8. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 158-160.

109. Запись беседы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова с заведующим отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Вилем

11 января 1939 г.

В соответствии с директивой от т. Микояна А. И. {{* [См. док. 104.](#)}} я с визитом у директора экономического отдела МИД Вилея для заявления по вопросу о возобновлении прерванных в марте 1938 г. переговоров о кредите. Присутствуют: заместитель торгпреда т. Скосырев, от немцев — консультант и советник германского посольства в Москве Хильгер.

Мое заявление свелось к тому, что Советское правительство в ответ на предложение немцев, сделанное ими при подписании торгового соглашения на 1939 г. и в последующем при визите ко мне, согласно возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о кредите на базе улучшения ранее выставленных германской стороной условий. Далее, соответственно мотивировав, я высказал пожелание вести переговоры в Москве.

Виль принял заявление о согласии на переговоры с удовлетворением, но высказал мысль, что вряд ли немцы в состоянии пойти на переговоры в Москве, мотивируя это занятостью председателя комиссии и даже членов, отсутствием аналогичной практики в прошлом и другими мотивами.

Отклонив доводы Вилья, я заявил, что не вижу серьезных мотивов к отводу пожелания Советского правительства о месте переговоров, и, соответственно аргументировав, заявил в настойчивой форме, что жду положительного решения этого вопроса от германского правительства в ближайшее время.

Виль заявил, что согласен с моими доводами, и обещал принять все зависящие от него меры к положительному решению вопроса.

В конце разговора Виль, как бы спохватившись, высказал надежду, что со своей стороны ждет также удовлетворения немцев сырьем по списку, ранее ими представленному {{*
Указанный список был передан торгпредству СССР в Берлине 22 декабря 1938 г.}}.

Уклонившись от положительного ответа, я отнес этот вопрос к компетенции сторон, которые будут вести переговоры.

Виль заявил, что поставит немедленно в известность о решении правительства Германии по затронутому вопросу ².

Полпред СССР в Германии
Л. Мерекалов

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 23-24.

110. Телеграмма полпреда СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

12 января 1939 г.

Был сегодня у Гитлера на новогоднем приеме. Прием состоялся во вновь отстроенной резиденции. При подъезде послам были отданы воинские почести. На приеме присутствовал дипломатический корпус, министры и военные. Произнесенные речи дуайеном корпуса и Гитлером свелись к хвалебным гимнам мюнхенскому соглашению. Выраженные ему пожелания Гитлер вежливо переотправил в адреса руководителей государств, представители которых присутствовали на приеме. Обходя послов, Гитлер поздоровался со мной, спросил о жите в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и распрощался. За ним подошли Риббентроп, Ламерс, генерал Кейтель и Майснер. Разговор с каждым из них был ограничен общими любезностями. Внешне Гитлер держался очень любезно и, несмотря на мое плохое владение немецким языком, поддерживал свой разговор без переводчика. Гитлер обошел корпус, раскланялся и удалился. Затем разъехался и корпус.

Полпред

АВП СССР, ф. 059; оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 17.

**111. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

15 января 1939 г.

Как известно, Италия до последнего времени уклонялась от подписания намеченного японо-германо-итальянского союзного договора ⁵¹, опасаясь срыва поездки Чемберлена в Рим. Однако, как только поездка была окончательно решена, Чиано и Муссолини за несколько дней до приезда Чемберлена и Галифакса стали торопить вновь приехавшего японского посла, настаивая на подписании договора в течение января. Эту торопливость они объясняли желанием нейтрализовать в общественном мнении впечатление от визита Чемберлена, которому придается преувеличенное значение, и подтвердить прочность «оси».

Япония предложила было ограничить действие договора Советским Союзом, указывая, что она находится в полной зависимости от Англии и Америки в смысле импорта военных товаров и может поэтому очутиться в невыгодном положении, но Муссолини доказывал, что Италия и Япония находятся в одинаковом положении в отношении к Англии и что необходимо распространить действие договора также и на Америку, так как она блокируется с Англией. В дипломатических кругах Чиано объяснял визит Чемберлена тем, что в Мюнхене Муссолини сказал ему в шутку, что, будучи журналистом, он часто пользовался гостеприимством Англии и был бы готов за это гостеприимство отплатить Чемберлену, и Чемберлен поспешил изъяснить готовность приехать.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 13. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 160.

**112. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
представителю СССР на сессии Совета Лиги наций Я. З. Сурицу**

15 января 1939 г.

Напомните Веллингтону Ку, что Англия, а также Франция раньше не желали применять к Японии какие-либо санкции, ссылаясь на необходимость участия в них Америки. Чтобы отвести это возражение, китайцам следовало бы до решения Совета выяснить в Вашингтоне позицию американского правительства после послания Рузвельта ⁵⁶ и его отношение к созыву прерванной Брюссельской конференции ⁵⁷.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2058, л. 1. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 161.

**113. Из записи беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром
и иностранных дел Венгрии И. Чаки**

16 января 1939 г.

Граф Чаки передает привет регента {{* М. Хорти}}, который поручил сказать фюреру, что, пока он стоит во главе Венгрии, Германия может рассчитывать на Венгрию как на преданнейшего друга. Это заявление является главной целью его поездки. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 161. Оpubл. в сб.: Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937 — 1942 гг.). М., 1946. С. 84.

114. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций Я. З. Сурицу

19 января 1939 г.

Веллингтон Ку не добьется ничего от англичан, если не заручится заранее согласием на поддержку тех или иных мероприятий со стороны Америки. Его требования ⁵⁸ я не считаю преувеличенными.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1. п. 298. д. 2057, л. 3. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 163.

115. Запись беседы германского журналиста с генеральным секретарем германского общества по изучению Восточной Европы В. Маркертом

19 января 1939 г.

Д-р Маркерт сказал, что в ноябре и декабре 1938 г. в официальных кругах Берлина господствовали неприязненные в отношении Польши настроения. Как полагали влиятельные органы, наступил момент для окончательного выяснения германо-польских отношений и для разъяснения польскому правительству, что Польша должна в будущем во всех отношениях уважать положение Германии как великой державы, соответственно с этим подчиняться концепциям германской внешней политики и как во внутривнутриполитическом плане, так и во внешнеполитических вопросах не предпринимать ничего такого, что противоречило бы германской позиции по вопросу взаимоотношений между Варшавой и Берлином. Эта энергичная германская позиция в отношении Польши отражала стремление влиятельных германских органов при всех обстоятельствах ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза. Гитлер в то время находился почти исключительно под влиянием Риббентропа и Розенберга, которые оба выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса. К тем кругам, которые, исходя из политических и военных соображений, скептически оценивали вероятный исход военного столкновения между Германией и Советским Союзом, почти не прислушивались.

Решительный поворот в оценке политической обстановки и шансов в войне в Восточной Европе наступил, кажется, где-то около рождества. После длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер заявил, что решение восточных вопросов не носит срочного

характера и нужно время для его основательной подготовки. Этот поворот произошел не случайно. В Берлине сложилось впечатление, что следует серьезно отнестись к тому, что Муссолини ставит средиземноморский вопрос, и что в связи с этим вполне возможен конфликт с западными державами. На этот случай, при котором Германия сотрудничала бы с Италией, требовалось обеспечение на Востоке и, следовательно, поддержание курса на договоренность с Польшей. Поэтому в соответствии с указанием Гитлера Риббентроп решил провести назначенные на 5 и 6 января в Берхтесгадене и Мюнхене встречи с польским министром иностранных дел в таком тоне и в такой форме, которые гарантировали бы поддержание нормальных и дружественных отношений между Берлином и Варшавой.

В ходе своего двухчасового монолога Гитлер обрисовал польскому министру иностранных дел картину европейской обстановки с особым учетом германских интересов в отношении Польши. Гитлер не касался в этой беседе ни данцигского вопроса, ни положения немецкой национальной группы в Польше. В то же время Гитлер делал ударение на колониальном вопросе, который он после выступления Италии считает актуальным и созревшим для решения.

Лишь в беседах Бека с Риббентропом в Мюнхене были затронуты все те проблемы, которые в течение последних месяцев осложняли германо-польские отношения. В чрезвычайно предупредительной манере Риббентроп, например, указал на нетерпимое положение в связи с польской политикой в отношении немецкого национального меньшинства. Бек ответил на это ни к чему не обязывающими заявлениями. В целом о переговорах в Берхтесгадене и Мюнхене можно сказать, что в их ходе германская сторона по тактическим соображениям оставила открытыми и нерешенными все проблемы германо-польских отношений. Может быть, с германской стороны играло также роль опасение, что Польша под массированным германским давлением может быть оттеснена в объятия Советского Союза и Франции. В этом отношении польско-советская декларация от 27 ноября 1938 г. {{ * [См. док. 62.](#) }} произвела во влиятельных берлинских органах сильное впечатление.

Инициатива в вопросе о визите Риббентропа в Варшаву принадлежит польской стороне. Во время пребывания в Берхтесгадене и Мюнхене Бек неоднократно говорил о том, сколь полезным для него и для его политики был бы визит германского министра иностранных дел в Варшаву. Риббентроп, без воодушевления и не проявляя интереса, согласился после этого поехать в Варшаву 25 января 1939 г. В Берлине хорошо знают, что варшавская встреча не будет иметь большого политического значения. Однако для того, чтобы продемонстрировать мировой общественности дальнейшую нормализацию и углубление германо-польских отношений, Риббентроп намеревается представить в Варшаве проект германо-польского соглашения по вопросам культуры, который сейчас разрабатывается в Берлине. Соглашение должно быть подписано в Варшаве Риббентропом и Бекком.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 161-163.

116. Выступление представителя СССР Я. 3. Сурица на сессии Совета Лиги наций

20 января 1939 г.

Волнующее выступление представителя Китая на предыдущем заседании побуждает меня еще раз изложить взгляды моего правительства по этому важному вопросу, который

оказывает отрицательное воздействие на международные отношения и на мир во всем мире.

Прежде всего я присоединяюсь к просьбам, изложенным китайским правительством ⁵⁸; эти просьбы действительно находятся в строгом соответствии с буквой и духом пакта Лиги наций. Идет ли речь об оказании подлинной помощи государству — члену Лиги, Жертве агрессии или же о мерах, способных воспрепятствовать этой агрессии, в любом случае мы находимся перед лицом обязанностей, которые лежат на всех нас.

Наш долг — сделать все возможное для применения резолюций Совета и Ассамблеи, рекомендующих рассмотреть с участием просьбы, которые могли бы исходить от китайского правительства, в соответствии с уже принятыми резолюциями. Мы имеем все основания в соответствии с духом и буквой резолюций, принятых именно здесь, сделать все для оказания помощи Китаю в его героическом сопротивлении.

В рассматриваемом нами случае речь идет о великом народе с тысячелетней цивилизацией, члене Лиги наций, который поддерживает мирные, нормальные и дружественные отношения с членами этой Лиги, который страдает от несправедливой войны и в отношении которого сообщество мирных наций до настоящего времени не выполнило своего долга.

Речь идет не об изложении абстрактных идей, высказывании платонических пожеланий или же выдвижении утопических планов. Речь идет о том, чтобы хорошо представить себе ужасы, которым подвергается Китай, и тот урон, который наносится этим всей международной организации по сохранению мира, а также осознать, что это является отрицанием тех основных идей, ради которых была создана Лига и ради которых она должна существовать.

Некоторым слишком часто доставляет удовольствие противопоставлять тому, что называется «теориями Лиги наций», так называемую реалистическую политику. Однако эти теории порождены рядом войн и, в частности, реальностями страшной войны, возврат к которой мы хотели предотвратить. Эта цель будет достигнута не с помощью снисходительности, бездействия или страха. Правда, среди нас есть государства, которые ощущают на себе менее непосредственно, чем другие, происходящие войны, однако их нынешняя пассивность может завтра превратить их, в свою очередь, в жертвы агрессии, развязанной в результате такой пассивности.

Проект представленной нам резолюции, к сожалению, не идет достаточно далеко, как это следовало бы, чтобы разрешить основные проблемы, о которых я только что сказал, но, поскольку он представляет собой определенный шаг вперед по сравнению с предыдущими решениями, мое правительство считает возможным к нему присоединиться. Выражая здесь еще раз всю свою горячую симпатию китайскому народу, который стойко борется за свою независимость, мое правительство вновь заявляет, что оно готово» как и в прошлом, выполнить любое решение Лиги, направленное на принятие мер, необходимых для защиты коллективной безопасности народов, безопасности, столь обесцененной, но которую следует создать, если мы действительно хотим достичь когда-либо почетного и справедливого мира для всех.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 163-165.

117. Запись беседы полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова с заведующим отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Вилем

20 января 1939 г.

Я с визитом в МИД у директора экономического департамента {{* Так в тексте.}} Виля по вопросу об ответе немцев на мое заявление от 11 января касательно возобновления переговоров о кредитном соглашении {{** [См. док. 109.](#)}}. От немцев также были председатель делегации по переговорам Шнурре {{{* Заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии.}}} и советник германского посольства в Москве Хильгер.

Беседу начал Виль, заявив, что герм[анское] пр[авительство] с удовлетворением рассмотрело сделанное мною заявление от 11 января о согласии Советского правительства, в связи с предложением немцев, возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о кредитном соглашении. Виль очень долго мотивировал невозможность вести переговоры в Москве, но, мол, все же, несмотря на эти трудности, германское правительство решило пойти навстречу желаниям советской стороны и готово командировать председателя делегации Шнурре для переговоров в Москву. Далее Виль указал, что в связи с поездкой Шнурре в Москву немцы отодвигают свои переговоры с поляками с января месяца до середины февраля.

Виль наметил следующий план действий. 26 января Шнурре едет в Варшаву, где пробудет 2—3 дня, затем 29 января едет в Москву, где ведет переговоры о кредитном соглашении, а затем к середине февраля возвращается обратно в Варшаву для продолжения своих переговоров с поляками.

Я спросил, будет ли иметь Шнурре необходимые полномочия для уточнения всех вопросов, связанных с соглашением, и получил положительный ответ. Шнурре тут же заявил, что для придания необходимых темпов переговорам желательно от СССР иметь теперь же, хотя бы к 25 января, перечень заказов, размещение которых будет произведено в счет кредитного соглашения. Наличие такого списка теперь же дало бы возможность Шнурре согласовать этот перечень с герм[анским] пр[авительством] и поехать в Москву с готовым мнением. Если трудно представить список на все объекты, то желательно получить перечень хотя бы основных из них.

Представления списков до 25 января я не обещал, но высказал мысль, что в момент переговоров они будут предъявлены.

Шнурре заявил, что, если понадобится в процессе переговоров, он вызовет необходимых специалистов.

В конце беседы Виль просил моего содействия, чтобы на первом приеме в Наркомвнешторге вместе со Шнурре был бы принят и Шуленбург. Я обещал.

Также я обещал (по просьбе Виля) выдать визу и жене Шнурре, которая хотела бы при этой поездке побывать в музеях и театрах города Москвы.

Перед уходом Хильгер заявил, что возвращается в Москву 22 января и что Шуленбург в настоящее время в Германии, на днях будет в Берлине, в конце января намерен выехать в Москву и, видимо, захватит с собой Шнурре по пути из Варшавы.

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 46-47.

118. Из записи беседы министра иностранных дел Италии Г. Чиано с премьер-министром Югославии М. Стоядиновичем

18-23 января 1939 г.

[...] Албания. Еще несколько дней тому назад я намекнул посланнику Христичу {{* Посланник Югославии в Италии.}} на ситуацию в Албании и поэтому нашел премьера Стоядиновича уже подготовленным к разговору на эту тему. Я ему сказал, что внутренние трудности Албании, ненависть, накапливающаяся против личности короля, большое количество моментов, отмечающихся в политике самого Зогу {{** Король Албании.}}, заставляют нас смотреть на будущее Албании с определенным беспокойством. Такая озабоченность усилилась у нас в связи со значительными нашими интересами, которые постепенно создались в этой стране, причем некоторые из них, как, например, нефтяные скважины, имеют существенное значение для фашистской Италии. Поэтому мы не намереваемся оставлять эти интересы на произвол судьбы и хотим с максимальным вниманием следить за развитием обстановки. Исходя из предпосылки, что мы рассматриваем албанскую проблему как проблему только и исключительно итало-югославскую и что мы уверены, что никакая иная держава не сможет и не захочет вмешиваться в этот вопрос, я подтвердил ему, что дуче не намерен делать ни малейшего шага без предварительного согласования с дружественной Югославией. Стоядинович сказал мне, что и его информаторы дали ему знать о недовольстве, которое все больше овладевает албанским народом, и отозвался о личности Зогу в крайне презрительных выражениях, дав мне понять, что еще совсем недавно последний делал авансы Белграду, чтобы перейти на содержание Югославии против нас. Он сказал мне, что, по его мнению, Зогу был бы действительно способен, если ему хорошо заплатят, перейти на службу к Франции и Англии в кризисный для Италии момент. Следовательно, наши опасения вполне обоснованны. По его мнению, возможны два решения: 1) заменить Зогу и другим, более достойным лицом, но он сам добавил, что не в состоянии уточнить кем; 2) приступить к разделу Албании между Италией и Югославией в том плане, как это когда-то обсуждалось. Однако он добавил, что в данный момент он не готов основательно обсуждать этот вопрос, не зная в деталях данную проблему. Ответил ему, что я тоже не считаю необходимым немедленно обсуждать это дело, но полагаю, что в данный момент достаточно установления настоящего контакта. В подходящий момент мы могли бы установить прямую связь и принять соответствующие решения. Стоядинович согласился с этим и уточнил, что он хотел бы, чтобы такие переговоры велись не через дипломатические миссии, а через доверенных и личных агентов, которых мы наметили в лице полномочного министра Анфузо {{* Начальник канцелярии министра иностранных дел Италии.}} и брата самого Стоядиновича. Стоядинович выразил также озабоченность тем, какой может быть реакция других держав, но в конце концов он признал, что если Германия не выдвинет возражений (он убежден, что в глубине души немцы с большой досадой будут смотреть на наши территориальные захваты в Албании), то операция окажется относительно легкой. Я сказал ему, какие выгоды сможет получить Югославия от такого события: 1) соглашение о демилитаризации границ с Албанией; 2) военный союз с Италией, который в тот момент станет возможным и оправданным в отношении Германии тем фактом, что мы тоже станем балканской державой; 3) некоторые

существенные исправления границ в Северной Албании; 4) устранение албанского национального центра, который непрерывно разжигает волнения в Косове; 5) наконец, обещание итальянской поддержки в тот день, когда Югославия решит обеспечить себе выход в Средиземное море путем занятия Салоник.

Я уклонился от уточнения со Стоядиновичем, какие зоны могли бы быть заняты Югославией, а какие Италией. И когда он говорил о разделе Албании, я неизменно говорил об исправлении границ. Но как бы то ни было, проблема, как мне кажется, стоит на пути к благоприятным решениям: сам Стоядинович, которого, кажется, тоже прельстила мысль, что он может дать своей стране конкретную выгоду от территориальной экспансии, попросил меня намекнуть на этот вопрос принцу Павлу {{** Регент Югославии.}}. У последнего я тоже встретил благоприятный прием. Больше того, он показал, что он меньше, чем Стоядинович, заинтересован в размерах территории, которая отошла бы к Югославии. «У нас на границе уже столько албанцев,— сказал он,— и они доставляют нам столько беспокойства, что я не чувствую никакого желания увеличивать их число». В результате подобного рода бесед лед, который окружал албанскую проблему, сломан, и я полагаю, что, когда дуче сочтет обстановку созревшей, вопрос сможет быть разрешен окончательно. И я не думаю, что мы встретим слишком большие трудности в вопросе разграничения границ: во-первых, потому, что считаю, что у Югославов нет чрезмерных притязаний, и затем потому, что для нас, мне кажется, не является делом исключительной важности иметь на 1000 кв. км албанской территории больше или меньше; основным для нас является окончательное занятие прежде всего стратегической позиции на Балканском полуострове. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 167-169.

119. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА

23 января 1939 г.

Получил сведения, что военные раскололись на три основные группы:

Первая группа требует стремительной войны с Китаем до тех пор, пока весь Китай не будет захвачен и из Китая не будут изгнаны все иностранные державы.

Вторая группа, представляющая Квантунскую армию, требует мира с Китаем и сосредоточения внимания на войне с СССР.

Третья группа, к которой принадлежат Итагаки {{* Военный министр Японии.}}, Тэрауци {{** Генерал, член Верховного совета японской армии.}} и другие, выражает желание прекратить операции в Южном и Центральном Китае, сохранив за собой лишь Северный Китай и Монголию как базу развертывания войны против СССР. К этой группе принадлежат также Хиранума и другие члены правительства. Главная трудность состоит в сопротивлении радикальных групп, которые боятся восстания в случае отказа от завоеваний в Китае. Считают, что единственный путь избежать внутренних противоречий — отвлечь внимание радикальных групп на СССР ⁵⁹.

Рамзай

120. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

Варшава, 26 января 1939 г.

1. Во время беседы с г. Беком я, в развитие переговоров, которые мы вели с ним 6 января в Мюнхене {*** [См. док. 103.](#)}, снова вернулся к известному германскому предложению (возвращение Данцига рейху при условии обеспечения там экономических интересов Польши и создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной линии связи между рейхом и его провинцией Восточная Пруссия; за это в качестве компенсации с немецкой стороны — гарантия германо-польской границы). Я снова отметил, что фюрер желает добиться общего урегулирования германо-польских отношений путем заключения соответствующего договорного акта. Г-н Бек, сказал я, должен понять, что пожелания немецкой стороны чрезвычайно умеренны, поскольку отторжение ценнейших частей германской территории и передача их Польше, осуществленные по Версальскому договору, и по сей день воспринимаются каждым немцем как огромная несправедливость, которая была возможна лишь во времена крайнего бессилия Германии. Если опросить 100 англичан или французов, то 99 из них без всякого согласились бы с тем, что возвращение Данцига, а также, как минимум, коридора является само собой разумеющимся требованием немецкой стороны.

На г. Бека мои доводы, кажется, произвели впечатление, однако он снова сослался на то, что следует ожидать самого сильного политического сопротивления внутри страны, вследствие чего он не может оптимистически расценивать это дело; все же, сказал Бек, в дальнейшем он намерен серьезно обдумать наше предложение.

Я условился с г. Беком, что, если Лига наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации.

2. Затем я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области.

Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар.

Я указал г. Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы от того, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьезно продумает.

Я поручил послу фон Мольтке развивать в беседах с г. Беком вопросы, указанные в пунктах 1 и 2.

3. В беседе с Беком я снова выразил протест по поводу обращения с нашим немецким меньшинством, и мы условились о том, что переговоры между высшими чиновниками министерств внутренних дел обеих стран, которые уже давно планировались, будут начаты незамедлительно.

Риббентрон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 170—171. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V. S. 139-140.

121. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Италии Б. Е. Штейну

27 января 1939 г.

Имеем точные данные о договоре. Можете поделиться ими с Филиппсом {{* Посол США в Италии.}}. Речь идет о военном союзном договоре между тремя странами. Между Японией и Германией давно уже достигнута договоренность, но Италия одно время затягивала переговоры. Незадолго до приезда Чемберлена Италия стала торопить с подписанием договора, но на этот раз Япония уклоняется: расхождение состоит в том, что Япония хотела бы заострить договор преимущественно против СССР, между тем как Германия и Италия настаивают на применении его также к Франции, Англии и США, причем Италия вообще заявляет, что ее не интересует конфликт с СССР.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2105, л. 12.

122. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 января 1939 г.

1. Я поставил сегодня перед Галифаксом вопрос об Аландских островах ⁶⁰. Как и ожидал, Галифакс ответил, что вопрос еще не подработан и решений английского правительства по нему пока нет. Он добавил при этом, что особенно торопиться ни к чему, так как шведский и финский посланники, вручая ноты, ему говорили, что хотят поставить данный вопрос лишь на майской сессии Совета Лиги.

В предварительном порядке Галифакс заметил, что Англия, вероятно, не будет возражать против намерений Швеции и Финляндии, если другие участники конвенции согласятся санкционировать укрепление островов. В связи с этим Галифакс поинтересовался нашим отношением к данному вопросу. Я ответил в духе ваших сообщений.

На Галифакса наш аргумент, видимо, произвел известное впечатление, потому что он суммировал положение так: «Словом, вы опасаетесь, что аландские укрепления могут явиться таким же подарком Германии, каким явилась чешская линия Мажино». Галифакс обещал учесть наши соображения при разборе вопроса, однако никак не ангажировался.

2. Затем Галифакс по собственной инициативе спросил меня, что я думаю о положении в Европе. Я ответил ему, что, судя по всем данным, надвигается новый кризис, и в свою очередь спросил, как он расценивает ситуацию. Галифакс заметил, что согласен с моей общей оценкой, но что ему не совсем ясно, откуда и в какой форме разразится кризис. Из дальнейших разговоров выяснилось, что наиболее вероятной исходной точкой кризиса Галифакс считает предъявление Италией требований к Франции, однако он сомневается, чтобы Италия ради достижения их пошла на риск войны. Я возразил, что Муссолини, конечно, рассчитывает на бескровную победу в мюнхенском стиле. Галифакс ответил, что второго Мюнхена быть не может.

Отношение Франции и Англии к итальянским требованиям иное, чем к Чехословакии в сентябре прошлого года. Он твердо уверен, что всякая попытка Италии применить силу встретит со стороны обеих стран решительный отпор. В качестве доказательства Галифакс сослался на вчерашние речи Бонне и Даладье в палате депутатов. Я заметил, что выступления как Даладье, так и в особенности Бонне (высказывания которого в Европе, в частности в Германии и Италии, всегда расцениваются несколько специфически) пока являются лишь парламентскими речами и не подтверждены никакими практическими действиями. В частности, мне бросается в глаза следующий факт: если бы Франция серьезно готовилась к отпору итальянским требованиям, она не могла бы сохранять политику пресловутого невмешательства, ибо для каждого ясно, что с ее точки зрения было бы не только благороднее, но и дешевле и выгоднее оказывать этот отпор на испанской территории и испанскими руками. Французское правительство между тем продолжает упорно цепляться за свою старую ошибочную и осужденную жизнью линию поведения. Это не может не настраивать меня, несомненно, скептически, особенно в свете событий последних двух лет. Вот почему я предпочитаю не делать сейчас никаких прогнозов о поведении Франции и Англии в случае нового кризиса, а лишь внимательно следить за развертыванием событий. Галифакс еще раз заверил меня, что будто бы на этот раз все будет иначе, чем в сентябре прошлого года.

3. Далее Галифакс интересовался состоянием наших отношений с Польшей и Германией. Я дал ему краткую информацию. Галифакса, в частности, занимало, какими причинами вызвана посылка немецкой торговой делегации в Москву. Я ответил, что это легко объясняется, с одной стороны, тяжелым экономическим положением Германии, а с другой — ее желанием заработать на том ухудшении атмосферы в англо-советских торговых отношениях, которое является результатом кампании известных кругов, требующих денонсирования торгового договора между СССР и Англией (у меня имеются такие сведения). При этих словах Галифакс очень обеспокоился и стал внимательно расспрашивать меня о подробностях англо-советской торговли и кампании части промышленников против торгового договора. Когда я полностью удовлетворил его любопытство, Галифакс заявил, что на этих же днях он будет говорить по этому вопросу с министром торговли.

Полпред

123. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 января 1939 г.

Сегодня нанес визит Бонне. Он начал с «разъяснения» места его вчерашней речи ⁶¹, посвященного нашим отношениям. Учитывая имевшие место выступления против франко-советского пакта, он, прежде всего, хотел подчеркнуть, что французское правительство не изменило своего отношения к пакту и что «условия, при которых пакт был заключен, остаются и сейчас в силе». В этом смысл заключительной части пассажа, посвященного пакту. Наряду с этим он хотел отметить, что между нами поддерживался не только информационный, но и консультационный контакт. Он лично так, по крайней мере, всегда расценивал обмен мнениями с Литвиновым и свои частные встречи со мной и позволил себе поэтому на них сослаться.

До сих пор он не имеет еще информации о результатах визита Риббентропа. Поляки продолжают заверять, что останутся верны своим обязательствам. Он интересовался состоянием наших взаимоотношений с Польшей.

К проникшим в печать слухам о намерении Муссолини созвать для урегулирования испанских дел конференцию «четырех» он относится скептически, но, по моим впечатлениям, не отказался бы в ней участвовать.

Об Испании он говорил очень сдержанно и неискренне. Ныл (так говорят все мои коллеги), что дело республиканцев безнадежно проиграно. Говорил, что готов по-прежнему предоставить им транзит, что до снабжения, то «это зависит от Даладье».

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 27-28.

124. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Германии в СССР В. Типпельскирхом

28 января 1939 г.

Типпельскирх явился ко мне с сообщением, что 31 января в Москву прибудет экономический советник МИД Шнурре вместе с послом Шуленбургом. 1 февраля оба они вместе с советником Хильгером желали бы быть у т. Микояна. Шнурре предполагает пробыть в Москве дней десять. Надо надеяться, добавляет Типпельскирх, что за этот срок переговоры удастся привести к положительному и конкретному результату.

Типпельскирх отмечает, что в последние дни его осаждают журналисты и коллеги по дипломатическому корпусу, добиваясь подтверждения распространившихся слухов о приезде «германской делегации», уполномоченной правительством начать в Москве важные переговоры. По словам Типпельскирха, он заявляет, отвечая на упомянутые запросы, что вместе с Шуленбургом в Москву приедет экономический советник МИД Шнурре для установления контакта с компетентными советскими органами. К этому Типпельскирх добавляет, что германский посол уже несколько раз приглашал Шнурре в

Москву в качестве своего гостя. Прибытие другой делегации из Берлина в Москву не предвидится.

Типпельскирх просил меня довести до сведения заинтересованных учреждений его вышеизложенное сообщение.

Я ответил поверенному в делах, что информирую обо всем сказанном т. Микояна. Тут же я отметил, что иностранная печать почему-то подняла шум, трубя о прибытии в Москву «германской делегации». К НКВД и к нашим полпредам за границей обращаются за подтверждением этих сообщений. Отвечая на эти запросы, мы ограничиваемся заявлением, что в Москве в ближайшее время предполагается начало переговоров о торговых взаимоотношениях между СССР и Германией.

Типпельскирх заявил, что такое заявление представляется ему совершенно правильным. Со своей стороны, как сказано, германское посольство подтверждает то же самое.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 92, д. 4, л. 6-7.

125. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

28 января 1939 г.

1. Посланник Швеции в Лондоне Прюц сообщил мне, что, по его впечатлению, англичане сейчас мало интересуются Балтикой и вряд ли проявят значительную активность в аландском вопросе.

Сам Прюц в частном порядке признался мне, что далеко не уверен в целесообразности укрепления Аландских островов, а мои аргументы против их укрепления еще более увеличили его сомнения. Прюц подтвердил, что Швеция и Финляндия поставят аландский вопрос на майской сессии Совета Лиги специально, по его словам, для того, чтобы дать СССР возможность (поскольку он не является участником конвенции 1921 г.)⁶⁰ принять участие в обсуждении и решении данного вопроса.

Как человек, тесно связанный с Сити (Прюц — крупный шведский промышленник), он рассказывал, что Сити находится в настоящий момент в состоянии большого смятения и ждет в самом близком будущем серьезного кризиса, может быть даже войны. Прюц резко критиковал Чемберлена и Галифакса, но с особенной злобой говорил о Бонне, называя его просто мошенником.

2. Из вполне достоверных источников я узнал, что опубликованный в сегодняшней английской печати призыв к германскому народу «спасти цивилизацию», подписанный лордом Дерби, Монтэгю Норманом { { * Управляющий Английским банком. } } и другими, явился результатом нажима Галифакса. На днях Галифакс пригласил к себе некоторых из авторов обращения и заявил им, что положение очень серьезно, что Гитлер готовит нападение на Голландию, что катастрофа надвигается и что надо использовать все средства для предупреждения войны. Результатом явилось названное обращение.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 50—51. Опувл в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 173—174.

126. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР и Народный комиссариат внешней торговли СССР

28 января 1939 г.

Сегодня позвонил Виль и просил довести до Советского правительства, что в силу непредвиденных, но срочных дел Шнурре, выехавший в Варшаву, должен вернуться в Берлин и не может быть в Москве 31 января. Виль не может сказать, когда поездка сможет состояться.

Возможно, задержка или отмена поездки Шнурре связана с пересмотром немцами своего отношения к этому вопросу в связи с шумихой, поднятой иностранной прессой о якобы намечающемся сближении СССР с Германией, созывом 30 января рейхстага и беспокойством фашистских друзей {{** Речь идет о фашистских друзьях в третьих странах.}}. Между прочим, вчера литовский корреспондент сообщил нашему пресс-атташе, что Шнурре якобы уже в поезде получил приказ, отменяющий его поездку в Москву. Буду ждать, что предпримут немцы.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 27.

127. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послам Великобритании во Франции и Бельгии Э. Фиппсу и Р. Клайву

28 января 1939 г.

1. Правительство Его Величества хотело бы сообщить правительствам Франции и Бельгии о создавшемся у него впечатлении относительно планов, которые г-н Гитлер, возможно, сейчас намечает на не столь отдаленное будущее, и одновременно поставить в известность правительства Франции и Бельгии о взглядах и намерениях правительства Его Величества в случае, если эти планы осуществляются.

2. Соответственно, я прошу, чтобы вы немедленно передали следующее сообщение правительству, при котором вы аккредитованы, подчеркнув, что оно имеет чрезвычайно секретный и конфиденциальный характер.

3. Еще в ноябре имелись сведения, с течением времени ставшие более определенными, что Гитлер планирует очередную внешнеполитическую авантюру на весну 1939 г. Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о

перспективе создания независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией.

4. С тех пор есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке. Некоторые из этих сообщений исходят от высокопоставленных немцев, в искренности которых нет никаких сомнений и которые горят желанием предотвратить это преступление; другие поступают от иностранцев, до сих пор являющихся германофилами, тесно связанными с руководящими деятелями Германии. Эти сведения получили некоторое подтверждение в том заверении, которое Гитлер, кажется, дал Беку в отношении своих планов на Востоке, а также в той поддержке, которую Германия недавно оказала Италии в отношении ее претензий к Франции.

5. Пока еще нет оснований предполагать, что Гитлер принял решение о каком-либо конкретном плане. Сообщения, имеющиеся у нас, показывают, что он может:

а) подтолкнуть Италию к предъявлению ею претензий с помощью силы и использовать свои обязательства по отношению к Италии в качестве предлога для развязывания войны. Такой курс имел бы то преимущество, что он обеспечил бы участие Италии с самого начала;

б) начать с нападения на Голландию. Недавнее ухудшение германо-голландских отношений и критический тон, принятый немецкой прессой в отношении Голландии, знаменательны. Как только Голландия и голландское побережье окажутся под господством Германии, последняя будет стремиться продиктовать свои условия нам и парализовать Францию. В то же время она может подкупить Польшу, а возможно, и другие страны обещаниями допустить их к колониальному грабежу; в этом случае голландская Ост-Индия, возможно, будет обещана Японии;

в) выдвинуть невыполнимые требования по колониальным вопросам в форме ультиматума в речи 30 января `{{* Имеется в виду речь Гитлера.}}`. Это предположение кажется наименее вероятным;

г) осуществить внезапное воздушное неспровоцированное нападение на Англию, а вслед за ним развернуть наземные и морские операции против западных держав. Мы получили точную информацию от высокопоставленного немца, что подготовка к такой внезапной акции сейчас проводится. У него, однако, нет данных, свидетельствующих о том, что Гитлер уже решил осуществить этот план.

6. Недавно мы получили достоверную информацию о том, что германское правительство упорно настаивает на превращении антикоминтерновского пакта ¹⁰ в пакт, обязывающий подписавшие его стороны оказывать друг другу военную помощь против неспровоцированного нападения третьей державы, и что правительство Италии согласилось, а правительство Японии обдумывает этот вопрос ⁵¹. У нас есть сведения о том, что германское правительство желало бы, чтобы этот пакт был заключен в такой срок, чтобы Гитлер мог объявить о нем в своей речи, которую он, как ожидают, произнесет 30 января.

7. Все сообщения сходятся на предсказании, что опасный период начнется к концу февраля. Это подтверждается сведениями из различных источников о том, что были отданы приказы о проведении мобилизации примерно в середине февраля. У нас уже есть

информация о мероприятиях по предварительной мобилизации и о создании резервного полка из сверхсрочных военнослужащих, который был недавно сформирован в Баварии. Более того, экономический и финансовый кризис, который сейчас переживает Германия, вполне может принудить Гитлера предпринять какую-либо акцию, и ему предстоит сделать выбор: снизить темпы перевооружения и отказаться от политики экспансии либо предпринять какую-либо внешнеполитическую авантюру в надежде, что этим он отвлечет внимание от затруднений внутри страны, а также получит материальные ресурсы, в которых страна крайне нуждается и которые она больше не может покупать за границей. Сомневаться в том, что человек с темпераментом Гитлера может не устоять перед соблазном выбрать второе решение, не приходится.

8. Правительство Его Величества не хотело бы быть распространителем тревожных слухов, но сегодня, как и в июле, августе и сентябре прошлого года, примечательно, что через все сообщения проходит одна общая мысль, и пренебречь этими сообщениями невозможно, особенно имея в виду репутацию и доказанную надежность многих осведомителей. Кроме того, психическое состояние Гитлера, его безумная ярость против Великобритании и его мания величия, вызывающие тревогу у умеренных деятелей, окружающих его, вполне способны привести к осуществлению с его стороны отчаянного шага против западных держав. Смещение таких умеренных лиц, как Шахт и Видеман {{* Адъютант Гитлера в 1935—1939 гг.; с 21 января 1939 г. — генеральный консул Германии в Сан-Франциско.}}, симптоматично. В некоторых кругах предполагают, что немецкий народ не пойдет за Гитлером по этому пути и произойдет восстание. Мы рассмотрели эту точку зрения, но специалисты по Германии, с которыми мы консультировались, в том числе здравомыслящие немцы-антинацисты, сошлись в мнении о том, что приказы Гитлера будут выполнены и что никакого восстания нельзя ожидать, во всяком случае на первоначальных стадиях войны.

9. Правительство Его Величества тщательно рассмотрело эту ситуацию в свете указанных сообщений и приняло решение ускорить, насколько возможно, подготовку своих оборонительных и контрнаступательных мер.

10. В случае если Германия вступит в конфликт с Голландией, правительство Его Величества считает желательным, как по соображениям тактики, так и в качестве меры предосторожности, быть готовым немедленно внести предложение обоим правительствам о том, чтобы нейтральные правительства выбрали комиссию из трех арбитров. Такое предложение, возможно, не окажется эффективным, но если бы Германия отвергла арбитраж или оставила предложение без внимания, вопрос стал бы ясен, и правительство Его Величества имело бы *locus standi* {{** Точка зрения (лат.).}} для соответствующих действий.

11. Одновременно правительство Его Величества рассматривает вопрос о том, какова была бы его позиция в случае неспровоцированного нападения Германии на Голландию, и его предварительное мнение, требующее еще подтверждения, является следующим.

12. Действительно, нет никаких надежд на то, что та военная акция, которую могло бы предпринять правительство Его Величества, предотвратила бы захват Голландии германскими войсками; восстановление ее территориальной целостности зависело бы от окончательного исхода войны.

13. Тем не менее стратегическое значение Голландии и ее колоний столь велико, что, по мнению правительства Его Величества, нападение Германии на Голландию следует рассматривать как прямую угрозу безопасности западных держав. Неспособность принять

такой вызов приведет к колоссальному превосходству Германии в Европе, и при таких обстоятельствах правительство Его Величества склонно полагать, что ему ничего не оставалось бы, как рассматривать вторжение Германии в Голландию как *casus belli* {{* Повод для войны (лат.).}} при условии, что Голландия будет сопротивляться вторжению.

14. Как уже указывалось, этот вопрос будет дополнительно рассмотрен правительством Его Величества. Окончательно взвешенное мнение правительства будет в должное время сообщено французскому (бельгийскому) правительству, а тем временем правительству Его Величества было бы весьма ценно получить сведения о любых соображениях или предположениях французского (бельгийского) правительства.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 174-177.

128. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

31 января 1939 г.

Газеты «Дейли телеграф» и «Йоркшир пост» поместили сегодня сообщения своих дипломатических корреспондентов, точно передающих заявление, сделанное вам Сидсом, о желании британского правительства обмениваться с Советским правительством мнениями по международным вопросам ⁶². Как я узнал, сообщения эти получены газетами из Форин офиса и, по-видимому, имеют целью дать возможность премьеру во время сегодняшних дебатов по внешней политике парировать вероятные нападки оппозиции на правительство за нежелание сотрудничать с СССР.

В том же плане приходится расценивать полученное мною также сегодня сообщение от премьера о том, что он принимает приглашение на устраиваемый мною 1 марта большой прием в полпредстве. За все время моей работы в Англии это первый случай, когда премьер-министр принимает подобное приглашение от нас. Возможно, конечно, что фактически Чемберлен на прием не придет, но это не так важно, ибо по местным нравам сообщение о принятии приглашения означает, что в газетах может быть опубликовано имя принявшего как бывшего на приеме.

Я склонен, однако, и заявление Сидса, и сегодняшнее сообщение премьера рассматривать как игру, вызванную нажимом оппозиции. В последние дни «Ньюс кроникл» особенно резко выступила по этому поводу. На самом деле мой контакт с Галифаксом после Мюнхена состоит в следующем: визит к Галифаксу по моей инициативе 11 октября с протестом в связи с нелепым выступлением Уинтертона, мой визит к Галифаксу, опять-таки по моей инициативе, 27 января по вопросу об Аландских островах {{* [См. док. 122.](#)}}, а в течение трех с половиной месяцев между этими двумя свиданиями полное отсутствие всяких контактов. Правда, оба раза мои визиты были использованы для разговоров на общеевропейские темы, но сам он ни разу не проявил инициативы для делового свидания. В промежутке между указанными датами 3 ноября Галифакс пригласил меня с женой на завтрак, но ввиду присутствия дам никаких политических разговоров на завтраке не было. Насколько знаю, в Москве контакты между британским посольством и Наркоминделом были не лучше. Поэтому я пока не вижу симптомов сколько-нибудь серьезной смены настроений в отношении к СССР в правительственных кругах.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 52—53. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 177-178.

129. Из письма заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вёрман посланнику Германии в Румынии В. Фабрициусу

31 января 1939 г.

Мы охотно еще раз встретились бы здесь с Вами перед Вашим возвращением в Румынию. Однако, учитывая Ваши планы на последние дни Вашего отпуска и Ваше пожелание прибыть в Бухарест 30 января, мы все же воздержались от приглашения Вас сюда. Поэтому то, что мы могли бы обсудить с Вами во время встречи, я хотел бы изложить Вам в письме.

По различным каналам мы получили определенные сведения о том, что румыны стараются улучшить отношения с нами. Так, например, советник миссии г. Штельцер неоднократно сообщал о высказываниях румынского министра иностранных дел и других лиц, в которых прослеживается это желание. Нет надобности вдаваться в детали, поскольку Вы прочтете эти сообщения после Вашего возвращения. Далее, из совершенно конфиденциальных источников мы знаем, что г. Константинеску {{** Министр экономики Румынии.}}, который незадолго до поездки короля в Англию был вместе с г. Братиану {{*** Лидер румынской национал-либеральной партии.}} в Берлине, несколько дней назад снова прибыл в Берлин и пытался — причем министерство к этому отношения не имело — установить контакт с лицом {{**** Г. Геринг.}}, которое, как Вам известно, беседовало с королем во время визита последнего в Германию о широких экономических акциях. Как стало известно из того же источника, в этой связи предпринимаются также усилия подключить Стоядиновича, который во время визита графа Чиано в Белград высказывал со своей стороны намерение в ближайшем будущем обсудить с министром иностранных дел Гафенку некоторые политические вопросы. [...]

Вёрман

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 179.

130. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 февраля 1939 г.

Вчера Бонне ознакомил меня с телеграммой Ноэля {{* Посол Франции в Польше.}} относительно визита Риббентропа. Бек заверил Ноэля, что:

1) визит укрепил лишь желание обеих сторон сохранять добрососедские отношения на базе соглашения 1934 года ²³;

2) визит «не вывел эти отношения за рамки этого соглашения», ничего нового подписано не было;

3) визит не внес никаких изменений ни в польско-советские, ни в польско-французские отношения;

4) большая часть беседы была посвящена вопросам, непосредственно интересующим Германию и Польшу, и «здесь достигнуты были значительные результаты». Ноэль от себя добавляет, что, по его сведениям, речь шла главным образом о Данциге, но в детали вопроса Бек его не посвящал. Ноэль также сообщает, что Риббентроп при свидании с ним сказал, что «выступление Бонне в части, касающейся СССР, для него явилось сюрпризом»⁶¹. Когда Бонне зачитал мне это место, я спросил его, как могло случиться, что для Риббентропа явилось неожиданностью заявление о сохранении в силе франко-советского пакта (а ведь больше ничего и не заключалось в парламентской речи Бонне), если, по словам того же Бонне, он такого же рода заявление сделал Риббентропу во время его визита в Париж. Бонне не нашелся, что мне ответить, и, по-видимому, пожалел, что прочел мне эту часть телеграммы Ноэля.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 38—39. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 182.

131. Нота министерства иностранных дел Франции посольству Великобритании во Франции

1 февраля 1939 г.

В своей памятной записке от 29 января⁶³ посольство Англии соблаговолило сообщить французскому правительству о той озабоченности, которую вызывают у правительства Его Величества некоторые сведения политического и военного характера, заставляющие опасаться нападения Германии на западные державы в конце февраля месяца. Посольство изложило различные гипотезы возможности более или менее скорого нападения — с предшествующим ультиматумом или без такового, — которое могло бы быть развязано Германией или другими участниками антикоминтерновского пакта.

Рассматривая особо случай неспровоцированного вторжения Германии в Голландию, правительство Его Величества считает, что, по причине стратегической важности этой страны и ее колоний, германское нападение следует рассматривать «как прямую угрозу безопасности западных держав»; оно заявляет, что «вследствие этого оно склонно думать, что у него не будет иного выбора, как рассматривать германское вторжение в Голландию в качестве *casus belli*, полагая, что Голландия окажет сопротивление вторжению».

Министерство иностранных дел имеет честь сообщить английскому посольству, что французское правительство со своей стороны располагает информацией, которая внушает ему озабоченность, аналогичную озабоченности, испытываемой правительством Его Величества. Хотя до сих пор эта информация не подтвердилась, она действительно дает основания полагать, что действия Германки, направленные вначале против Восточной Европы, могут обернуться — либо по ее инициативе, либо в поддержку итальянских притязаний — против Запада, т. е. против Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии

и Швейцарии. Необходимо с исключительным вниманием следить за этой эволюцией, последствия которой могут быть ускорены соображениями престижа, экономическим и финансовым кризисом, колониальными требованиями двух тоталитарных стран.

Французское правительство полагает, что опасность, которой подвергаются в связи с этим западные державы, одинакова для всех этих держав и должна рассматриваться как общая. Оно считает, что их безопасность подверглась бы непосредственной угрозе, независимо от того, каким было бы первоначальное направление германского или итальянского нападения против одной из них, и ему кажется невозможным предусмотреть локализацию конфликта, который неизбежно затронул бы все их владения в целом. Это положение создает, таким образом, действительно общую для всех опасность, которая логически должна повлечь за собой подлинную солидарность перед лицом любого неспровоцированного нападения Германии или Италии.

Исходя из этой общей концепции, полностью разделяемой английским правительством, французское правительство может согласиться с ним в том, чтобы рассматривать отныне в качестве *casus belli* возможность вторжения в Голландию, хотя этот факт сам по себе не затрагивает никаких договорных обязательств Франции и те действия, которые она предприняла бы вместе с Великобританией для отражения этого вторжения, имели бы при этом превентивный характер.

Французское правительство хотело бы, с другой стороны, быть уверенным в том, что вторжение в Швейцарию, так же как и вторжение в Бельгию, должно равным образом рассматриваться как непосредственная угроза безопасности западных держав и что оно будет таким же образом, как и вторжение в Голландию, рассматриваться с настоящего времени в качестве фактора, оправдывающего и определяющего решение, предусмотренное английским правительством.

Наконец, в английском меморандуме далее говорится, что правительство Его Величества, тщательно изучив положение в свете полученной информации, «решило ускорить по мере возможности подготовку своих оборонительных и контрнаступательных мероприятий».

Французское правительство, которое само в настоящий момент предпринимает во всех областях значительные усилия для увеличения и совершенствования своих вооружений, выражает удовлетворение по поводу этого решения, осуществление которого представляет в настоящих условиях особо важную гарантию общей безопасности Западной Европы. Серьезность обстановки при наличии угрозы, указанной в английском меморандуме, требует со стороны всех заинтересованных стран немедленного и безоговорочного принятия всех мер, способствующих увеличению людских и материальных ресурсов, которыми они могли бы уже располагать. Французское правительство готово со своей стороны пойти на такое объединение усилий и жертв, которое перед лицом действительно общей для всех ответственности придаст франко-английскому сотрудничеству его полную материальную и моральную действенность. В этих целях введение всеобщей воинской повинности представлялось бы существенным элементом эффективного участия Англии в организации общей обороны на континенте.

Вышеизложенное было доведено в секретном порядке до сведения бельгийского правительства в связи с английским сообщением от 29 января.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 179-181.

132. Записка советника посольства Германии во Франции Кампе послу Германии во Франции Й. Вельчеку

1 февраля 1939 г.

В обеих записках правительства по вопросу о расширении экономических отношений между Германией и Францией ⁶⁴ в качестве последнего пункта предусмотрено практическое сотрудничество германских и французских экономических групп при проведении широких работ в третьих странах. В качестве примеров для такого сотрудничества в беседах с заведующим отделом графом де ла Бомом { * Заведующий экономическим отделом министерства иностранных дел Франции. } обсуждалось следующее:

расширение южноамериканских гаваней,
строительство дорог и мостов на Балканах,
строительство железных дорог и гаваней в Африке и т. д.

Теперь возникает вопрос, не следует ли предпринять попытку уже сейчас проявить инициативу в деле налаживания такого сотрудничества также и при восстановлении Испании. В решении этой задачи Германия и Франция с успехом взаимно дополняли бы друг друга. Германия, поддерживающая хорошие отношения с правительством Франко, может предложить своих технических специалистов, уже находящихся там, и использовать имеющиеся организации; Франция, напротив, могла бы предоставить долгосрочные кредиты в валюте, а в случае необходимости и рабочую силу.

Мы заинтересованы в том, чтобы по возможности быстрее выступить с соответствующей инициативой перед Францией, так как после падения Барселоны деловые круги во Франции все интенсивнее настаивают на том, чтобы ускорить установление нормальных отношений с Франко. Экономические и финансовые круги в стране стремятся к участию в восстановлении Испании, которое, по их мнению, непременно должно выпасть на их долю, если учесть ликвидность рынка французского капитала, а также тесные личные и родственные связи, осуществляющиеся через границу. Правительство пока еще медлит с проведением крутого поворота, но в конце-то концов лишь ищет подходящий повод, чтобы установить отношения с Франко без излишне большой потери престижа. Инициатива немецкой стороны в деле установления франко-германского сотрудничества при восстановлении Испании и вытекающие отсюда практические интересы и связи французских экономических и финансовых кругов с национальной Испанией имели бы поэтому, не говоря уже о большой экономической выгоде, преимущество и в политическом отношении, содействуя ускорению признания национальной Испании со стороны Франции.

Настоящее имею честь доложить господину послу.

Кампе

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 182 — 183. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. IV. S. 437.

133. Сообщение ТАСС о закрытии советской дипломатической миссии в Будапеште

2 февраля 1939 г.

ТАСС осведомлен, что венгерскому посланнику в Москве г. Юнгер-Арноти сообщено вчера народным комиссаром иностранных дел т. Литвиновым о решении Советского правительства ликвидировать свое полпредство в Будапеште и об ожидаемом закрытии венгерской миссии в Москве.

Как ТАСС узнал в авторитетных кругах, означенное решение Советского правительства находится в связи с тем, что в результате мюнхенского соглашения Венгрия стала за последнее время подвергаться сильному нажиму со стороны некоторых государств. Политика венгерского правительства свидетельствует о том, что оно легко поддается этому нажиму, в значительной степени утратив свою самостоятельность. В частности, указывают, что решение венгерского правительства о присоединении к так называемому антикоминтерновскому пакту.¹⁰ не может оправдываться интересами самого венгерского государства, отнюдь не совпадающими с теми агрессивными целями, которые преследуются под прикрытием этого пакта его участниками, и в первую очередь Японией, и что решение, следовательно, навязано венгерскому правительству извне.⁶⁵ Такое положение Венгрии не оправдывает больше сохранения с нею Советским правительством дипломатических отношений через специальные представительства в столицах обоих государств, и эти отношения могут впредь поддерживаться через посредство представителей обоих государств в столице какого-либо третьего государства.

Известия. 1939. 3 февраля.

134. Сообщение советской печати о столкновениях на советско-маньчжурской границе

2 февраля 1939 г.

За последнее время вновь участились случаи перехода на советскую территорию японо-маньчжур и неизбежных при этом столкновений. Наиболее крупное столкновение имело место 31 января близ заставы Кайластуевская, когда советский пограничный наряд в составе 5 бойцов под командой мл. лейтенанта Костинюка был внезапно обстрелян ружейно-пулеметным огнем группой японо-маньчжурских солдат в 18 человек, расположившейся на принадлежащем СССР острове реки Аргунь № 279 у устья протока Гуран, в 5 километрах южнее поселка Кайластуевский. Погран-наряд вынужден был вступить с японо-маньчжурами в перестрелку, и при помощи подоспевшего подкрепления ему удалось выбить с острова японо-маньчжур, унесших с собою 7 человек ранеными. С советской стороны легко ранен командир отделения Калитин.

Поверенному в делах СССР в Токио поручено заявить японскому правительству строгий протест, указав на участвовавшие случаи нарушения границы японо-маньчжурами и предупредив о возможных последствиях.

Известия. 1939. 2 февраля.

135. Запись беседы министра иностранных дел Италии Г. Чиано с неофициальным представителем правительства Франции, директором индокитайского банка в Париже П. Бодуэном

2 февраля 1939 г.

Принял г-на Бодуэна. Он произвел на меня впечатление скромного человека с хорошими манерами. Он заявил мне, что в воскресенье он беседовал с Даладье и Бонне и говорит от их имени. Разумеется, его миссия ни к чему не обязывает ни Париж, ни Рим. Если мы захотим, можно будет в любой момент опровергнуть сообщение о его визите.

Резюмирую. Даладье не намерен пойти на какие-либо открытые территориальные уступки; если бы мы потребовали территории, вспыхнула бы война. Однако он готов сделать следующие уступки: создать обширную свободную зону в Джибути; предоставить нам долю участия в управлении портом; уступить Италии железную дорогу на эфиопской территории; поддержать наши требования в отношении Суэца; пересмотреть соглашение 1935 г. относительно Туниса при условии, что Тунис не будет превращен в «итальянскую Судетскую область». Я дал ясно понять, что в отношении Туниса мы требуем лишь одного: права итальянцев оставаться итальянцами. Я зарезервировал за собой право дать ответ после разговора с дуче.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 185. Опубл. в изд.: Q. Ciano. Diario... Vol. I. P. 32-33.

136. Телеграмма полномочного представителя СССР в Велико британии И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 февраля 1939 г.

1. Сегодня заехал к Батлеру {{* Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании}} по его просьбе. В коридоре Форин офиса я застал настоящий хаос из шкафов, ящиков, папок, бумаг и т.п. Оказалось, что все это вынесено из подвального этажа, который приспособляется сейчас под убежище от воздушных бомбар-дировок.

2. Батлер заявил, что у него нет никакого специального дела, но что вообще он считает полезным, особенно вспоминая наши встречи и беседы в сентябре прошлого года в Женеве, обмениваться со мной мнениями по текущим политическим вопросам. Он-де является большим сторонником англо-советского сближения, ибо поддержание добрых отношений между нашими странами имеет громадное значение для дела мира, и очень сожалеет, что за последнее время укреплению этих отношений с английской стороны не уделялось должного внимания. Мы не должны делать отсюда вывода, что британское правительство было в какой-либо мере враждебно СССР, — просто, поглощенное другими тяжелыми заботами, оно как-то «забыло» на время укреплять свои отношения с Советским правительством.

3. В этой связи, сославшись на мой разговор с Галифаксом 27 января {{* [См. док. 122.](#)}}, Батлер коснулся англо-советских торговых отношений и при этом высказал мысль, что денонсирование торгового соглашения, которого добиваются некоторые группы промышленников, не оправдывается фактическим состоянием торговли и что, сверх того, такое денонсирование имело бы плохой политический эффект. Батлер тут же прибавил,

что на днях увидит министра торговли Стэнли и будет с ним говорить по данному вопросу.

4. Батлер подобно Галифаксу интересовался состоянием германо-советских торговых отношений, и я дал ему краткую информацию по этому предмету. В свою очередь Батлер сообщил, что сейчас происходят переговоры между английскими и германскими промышленниками, представителями угольной, металлической и других индустрии, для выяснения возможностей предотвращения торговой войны между странами (в том числе путем создания международных картелей). Британское правительство официально в этих переговорах не участвует, но их поощряет. О результатах пока еще рано говорить.

5. Речь Гитлера ⁶⁶ Батлер оценивает довольно пессимистично. В результате Муссолини в ближайшем будущем выступит с жесткими требованиями в отношении Франции, которые будут поддержаны Германией, но в какой форме, пока еще неясно. В этой связи Батлер подтвердил уже сообщавшуюся мною вам ранее информацию о том, что британское правительство получило из достоверных источников сведения об обсуждении на совещании германского генштаба плана движения на Голландию. Батлер сообщил также, что Гитлер очень хотел бы заключения воздушного пакта четырех западных держав, который закрепил бы нынешнее соотношение их воздушных сил, но давал понять, что для Англии это неприемлемо. На мой вопрос, предполагает ли британское правительство в ближайшем будущем делать Гитлеру какие-либо предложения по колониальному вопросу (ибо, судя по комментариям германской печати, он ждет теперь инициативы со стороны Англии и Франции), Батлер ответил, что британское правительство готово было бы возобновить переговоры о предоставлении Германии «доступа к сырьевым ресурсам» и (как можно было понять) пойти по этому пути далеко ей навстречу, но о передаче Германии колониальных территорий не может быть и речи: если бы правительство вошло с таким проектом в парламент, его безусловно провалили бы.

6. Батлер передавал, что в последние дни японское правительство давало понять Крейги {{* Посол Великобритании в Японии.}} в Токио, что в «новой Азии» будут учитываться интересы третьих держав. Однако оно не дало пока никакого ответа на последнюю британскую ноту. Британское правительство окончательно решило ассигновать средства на финансирование движения по дороге Бирма — Юньнань, и Батлер ожидает, что в скором времени кабинет также ассигнует средства на поддержание стабилизации китайской валюты.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 58 — 61. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 185—187.

137. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову

4 февраля 1939 г.

Хотя возобновление переговоров о кредите и посылка Шнурре в Москву должны быть приписаны инициативе Германии, мы все же весьма заинтересованы в выяснении причин отмены поездки. Не проявляя излишней заинтересованности, надо все-таки пытаться всячески узнать эти причины. Напрашивается предположение, что поднятый в печати вокруг этой поездки шум обеспокоил немцев, но можно также предположить, что еще больше встревожились англичане и французы, которые могли предложить Гитлеру не

спешить с изменением отношения к СССР в ожидании новых предложений с их стороны. С таким предположением можно поставить в связь слухи о предстоящей поездке в Берлин Бонне с ответным визитом. Допустима и третья догадка, что переговоры в Москве были связаны с германо-польскими торговыми переговорами и отмена поездки произошла в результате этих переговоров. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 31.

138. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

4 февраля 1939 г.

В своих вчерашних выступлениях лорд Галифакс и Хадсон {{** Министр внешней (заморской) торговли Великобритании.}} снова подчеркнули то большое значение, которое английское правительство придает достижению взаимопонимания между Англией и Германией в экономических вопросах с точки зрения дальнейшего развития англо-германских отношений. Принимая во внимание этот факт, я был бы благодарен, если бы визит рейхсминистра экономики Функа можно было осуществить в ближайшее время. Если же невозможно дать согласие на февраль, то уже сейчас было бы желательно дать твердое обещание на какой-либо другой, более поздний срок, чтобы и далее активно содействовать начавшемуся обсуждению англо-германских экономических вопросов. Прошу указаний телеграфом.

Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 187. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV. S. 347.

139. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

5 февраля 1939 г.

Во время беседы о выполнении во Франции сделанных СССР заказов на военную технику заместитель комиссара иностранных дел высказался за более тесное техническое сотрудничество в этой области. Он заявил мне в этой связи: «Такое сотрудничество могло бы идти не только в одном направлении, в частности в области авиации. Вы обращаетесь за поставками самолетов к Соединенным Штатам; но вам известно, что в этом отношении мы имеем, можно сказать, неограниченные производственные мощности».

Это заявление может рассматриваться как принципиальное предложение, и я сообщаю о нем на тот случай, если в какой-то момент оно покажется полезным французскому правительству.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 1932 — 1939. 2 serie... T. XIV. P. 74.

140. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

6 февраля 1939 г.

Для характеристики чемберленовских настроений в настоящий момент весьма любопытны те мысли, которые сегодня в разговоре со мною высказывал один из ближайших сторонников Чемберлена — министр транспорта Берджин (он был у меня на завтраке)-

Берджин находит, что последняя речь Гитлера ⁶⁶ не сулит ничего хорошего, что Гитлер обещал Италии поддержку при любых условиях (а не только в случае нападения на нее, как пытаются изображать дело некоторые здешние профессиональные «оптимисты»), что особенно опасными являются ближайшие 4 — 5 месяцев и что никогда еще британское общественное мнение не было настроено столь антигермански, как сейчас.

Однако, когда я стал спрашивать Берджина, какова была бы позиция британского правительства, если бы Гитлер и Муссолини круто поставили вопрос о колониях, мой собеседник вынужден был сознаться, что, по его мнению, такие вопросы, как статус итальянцев в Тунисе, льготы для итальянцев в Джибути (порто-франко, аренда портовых участков, преимущественные права на железную дорогу и пр.), место в правлении Суэцким каналом, понижение сборов с судов при проходе через канал и т. д., вполне дискуссионны. Более того, Берджин заявил, что рано или поздно Германии придется вернуть колонии (но только не Танганьiku и не Новую Гвинею), хотя сейчас обсуждению этого вопроса мешает неблагоприятная «атмосфера». Словом, Чемберлен, несмотря на свои сегодняшние заявления в палате о солидарности с Францией ^{* См. док. 142.}, психологически уже сейчас готов к Мюнхену № 2. Помешать ему капитулировать смогут лишь сам Гитлер и Муссолини, если они запросят слишком высокую цену, которую Чемберлен при всем своем желании не сможет уплатить.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 66 — 67. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 188.

141. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат внешней торговли СССР

6 февраля 1939 г.

Сегодня со Скосыревым были в министерстве иностранных дел У Вилля. Он мотивировал отмену поездки Шнурре в Москву его занятостью в связи с поездкой 13 февраля в Варшаву и заявил, что германское правительство решило поручить ведение переговоров о кредите в Москве Шуленбургу и Хильгеру. Посольству в Москве поручено сделать в этом духе заявление Советскому правительству. Видимо, немцы этим шагом хотят сохранить лицо и избежать шумихи в печати от посылки представителя непосредственно из Германии.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036.

142. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин

6 февраля 1939 г.

Невозможно детально изучить все вероятные случаи, которые могут возникнуть, но я считаю себя обязанным разъяснить, что общность интересов, связывающая Францию и Великобританию, такова, что любая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, должна повлечь за собой немедленное сотрудничество Великобритании.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 187 — 188. Опубл. в изд.: Documents on British Foreign Policy. 1919 — 1939. Third series. Vol. IV. London. 1951. P. 90.

143. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Соединенных Штатах Америки Р. Линдсею

7 февраля 1939 г.

Пожалуйста, сообщите следующее государственному департаменту для личной и конфиденциальной информации президента:

1. В настоящее время правительство Его Величества подвергло дальнейшему изучению этот вопрос ⁶⁷ и пришло к следующим выводам:

а) правительство Его Величества подтверждает точку зрения, выраженную в пункте 4 моей телеграммы, относительно угрозы, которую представляло бы для безопасности западных держав любое германское нападение на Голландию, и считает, что в случае германского вторжения в Голландию оно будет вынуждено начать войну с Германией;

б) кроме того, оно считает, что любую попытку со стороны Германии установить господство над Голландией силой или угрозой применения силы также пришлось бы рассматривать как угрозу безопасности Англии;

с) нападение Германии на Швейцарию явилось бы также явным свидетельством попытки Германии установить свое господство в Европе силой, и с этой точки зрения нападение Германии на Голландию и нападение на Швейцарию подпадали бы под одну и ту же категорию. Следовательно, если французское правительство сделает запрос, окажем ли мы помощь Франции, если Германия вторгнется в Швейцарию, а Франция в связи с этим объявит войну Германии, то наш ответ будет положительным.

2. Ввиду этой общей позиции правительство Его Величества решило продолжить штабные переговоры с французским правительством на более широких принципах, чем до сих пор, и расширить их масштаб.

3. Правительство Его Величества далее обдумывает вопрос о том, чтобы сделать публичное заявление о своей позиции в отношении Нидерландов, которое, не будучи так конкретизировано, как выводы, суммированные выше, сделало бы ясным, что наши интересы как в Нидерландах, так и в Бельгии столь важны, что они выходят за рамки юридических обязательств, и что правительство Его Величества поэтому было бы обязано рассматривать любую попытку нарушить или подвергнуть опасности независимость и целостность этих двух стран как затрагивающую интересы, которые являются жизненно важными для безопасности Англии.

Печат, по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 189. Опубл. в изд.: Documents on British Foreign Policy... Third series. Vol. IV. P. 83—84.

**144. Телеграмма полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

8 февраля 1939 г.

Передал Филиппсу информацию, которую Вы сообщили в телеграмме от 27 января 1939 г. {{* [См. док. 121.](#)}} Он очень благодарил и сказал, что вопрос его исключительно интересует. Эти сведения в основном соответствуют его данным. Несколько дней тому назад на его вопрос здешний японский посол ответил, что «между взглядами Токио и Римом имеются расхождения и что японское правительство колеблется в вопросе о подписании тройственного союзного договора». На вопрос, заданный Филиппсом Чиано, последний ответил, что «отношения между тремя правительствами настолько интимны, что нет надобности оформлять их специальным договором. Впрочем, если бы такой договор понадобился, его легко было бы подписать в любую минуту». Филиппс считает, что ответ Чиано еще раз доказывает наличие разногласий между Японией и Италией по этому вопросу.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп.1, п.304, д.2102, л.53.

**145. Из письма посла Польши во Франции Ю. Лукаевича министру иностранных
дел Польши Ю. Беку**

*Февраль 1939 г. {{** На документе имеется помета: «Р. II/7. П. Бек»}}}*

Неделю тому назад после проведенного в Америке трехмесячного отпуска в Париж возвратился посол Соединенных Штатов У. Буллит. За это время я имел с ним две продолжительные беседы, которые позволяют мне проинформировать Вас, г-н министр, о его взглядах на международное положение и политику Вашингтона.

1. Внешней политики Соединенных Штатов, в основе которой лежало бы постоянное стремление к непосредственному участию в развитии отношений в Европе, не существует и существовать не может, так как она не была бы принята общественным мнением, которое в этом отношении не изменило своих изоляционистских позиций. В то же время наблюдается значительно увеличившийся интерес американской общественности к

положению в Европе, который отодвигает даже на второй план вопросы внутреннего положения и те вопросы, которыми она обычно интересовалась. Официальные круги считают, что международное положение в Европе находится под серьезной угрозой вооруженного конфликта. Компетентные органы полагают, что если бы дело дошло до войны между Англией и Францией, с одной стороны, и Италией и Германией — с другой, и если бы в этой войне Англия и Франция потерпели поражение, то Германия стала бы непосредственной угрозой для жизненных интересов Соединенных Штатов на Американском континенте. По этой причине в случае войны вопрос об участии в ней Соединенных Штатов на стороне Франции и Англии заранее предрешен, разумеется, по истечении некоторого времени с момента ее возникновения. Как выразился посол Буллит, «если разразится война, мы наверняка не примем в ней участия вначале, но мы ее закончим».

По мнению посла Буллита, изложенная выше позиция компетентных органов Вашингтона лишена идеологических элементов и вытекает исключительно из необходимости защиты жизненных интересов Соединенных Штатов, которые в случае англо-французского поражения оказались бы под серьезной и непосредственной угрозой одновременно со стороны Тихого и Атлантического океанов.

Заявляя, что слухи о том, будто президент Рузвельт сказал, что «границы Соединенных Штатов лежат во Франции», являются неверными, посол Буллит выразил, однако, уверенность в том, что президент определенно говорил, что он продает самолеты Франции потому, что французская армия является первой линией обороны Соединенных Штатов; это полностью отвечает его взглядам.

2. Претензии Италии к Франции совершенно лишены всяких оснований и аргументов, которые могли бы хотя бы в какой-то мере оправдать их. Поэтому Франция не может и не должна идти ни на какие уступки и даже на видимость таковых. Любые уступки со стороны Франции подорвали бы ее престиж в Африке, и поэтому следует исключить возможность компромисса за счет интересов Франции. Если рассматривать этот вопрос теоретически, то возникают опасения, что Англия, возможно вместе с Берлином, попытается в какой-либо напряженный момент навязать Франции компромисс, противоречащий ее интересам. Однако в этом случае Франция может рассчитывать на мощную поддержку со стороны Вашингтона. Соединенные Штаты в своих отношениях с Англией располагают разнообразными и чрезвычайно сильными средствами давления, угроза применения которых была бы достаточной для того, чтобы не допустить проведения Англией политики компромисса за счет Франции.

Следует считаться с тем, что под влиянием событий на Дальнем Востоке и результатов мюнхенской конференции престиж Англии значительно упал в глазах американского общественного мнения и что, с другой стороны, американское общественное мнение отдает себе отчет в том, насколько сильно Англия зависит сегодня от сотрудничества с Соединенными Штатами и от их поддержки.

В этих условиях следует предположить, что Гитлер и Муссолини не решатся на открытый конфликт с Францией и Англией из-за итальянских претензий к Франции.

Слабой стороной положения Соединенных Штатов является, конечно, то, что, уже сегодня определяя свою позицию в возможном вооруженном конфликте, они не могут одновременно принимать активное участие в позитивном решении европейских проблем, поскольку изоляционистски настроенное американское общественное мнение не позволило бы этого. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 190—191. Опубл. в сб.: Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Auswärtiges Amt. Erste Folge. Berlin. 1940. S. 23-24.

146. Телеграмма посла США в Японии Дж. Грю государственному секретарю США К. Хэллу

8 февраля 1939 г.

Япония вступила в переговоры с Германией и Италией о конкретном союзе, как военном, так и политическом³¹. Вопросы, обсуждаемые в данное время, касаются точного установления объема соглашения, т. е. должно ли оно быть направлено только против России или также против других государств. Вышесказанное основано на достоверных сообщениях. Говорят, что Германия и Италия добиваются широкого применения соглашения, тогда как Япония хочет ограничить сферу деятельности союза.

Очевидно, немцы и, в меньшей степени, итальянцы стремятся к соглашению, которым признавалось бы и осуществлялось бы на практике превосходящее стратегическое положение, которое они занимают по сравнению с Японией, в случае возникновения конфликта между Россией и каким-либо членом союза. У нас есть надежные сведения, что немцы и итальянцы считают Японию естественным союзником, потому что они уверены, что Япония воспользовалась бы случаем напасть на Россию, если бы эта держава оказалась в войне с Германией или Италией или с ними обеими.

Вот почему они не хотят давать обязательства прийти на помощь Японии, если Япония одна вступит в конфликт с Россией.

Сейчас оказывается давление со стороны важных умеренных кругов, чтобы удержать японское правительство от полного присоединения к оси Рим — Берлин³⁴. Однако осуществляется сильный нажим и с другой стороны; более молодые армейские офицеры особенно ревностно выступают за это объединение. Полагают, что министр иностранных дел Арита относится к заключению этого союза благосклонно. Именно он был вдохновителем заключения антикоминтерновского пакта.

Используя неофициальные каналы, я высказал Арита мысль, что Японии, прежде чем предпринять окончательный шаг, следовало бы обдумать, какое действие мог бы оказать такой союз на ее отношения с Соединенными Штатами. Мой британский коллега считает, что мне было бы полезно постараться поговорить с Арита по этому вопросу, но я не уверен в том, что прямое обращение желательно. Я убежден, что, если в дальнейших разговорах с Арита этот вопрос встанет сам собой, мне будет лучше всего ограничиться тем, чтобы подчеркнуть, что, учитывая основные интересы Японии, она должна развивать и поддерживать дружественные отношения со всеми странами и что дружественные отношения с Соединенными Штатами и Великобританией особенно важны, потому что быстрое развитие Японии в экономическом и промышленном отношении было бы невозможно без благоприятствующей торговой политики Америки и Великобритании. Мне кажется, что главной выгодой, на которую мы можем обратить внимание Арита в качестве возмещения за все то, что японцы надеются получить от соглашения с осью, является ценность для Японии британского и американского рынков. Вне зависимости от

того, какова может быть политика правительства, правительство не может обязательно контролировать то, что с моральной точки зрения санкционируется народом.

Государственный департамент может определить лучше, чем я, целесообразно ли прямо обратиться к министру иностранных дел по этому вопросу и должно ли такое обращение, если оно будет сделано, быть предпринято по указанию государственного департамента или под мою личную ответственность.

Грю

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 191 — 193. Оpubл. в изд.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan. 1931-1941. Vol. IT. Washington. 1943. P. 161-162.

147. Сообщение советской печати о столкновении у советско- маньчжурской границы

9 февраля 1939 г.

6 февраля 1939 г., в 17 час, советский пограничный наряд заставы Ново-Цурухайтуевская под командой начальника заставы лейтенанта Юшко, находившийся на острове реки Аргунь № 227, принадлежащем СССР, в полутора километрах восточнее поселка

Ново-Цурухайтуй, был обстрелян ружейным огнем группой японо-маньчжурских солдат. Наряд лейтенанта Юшко открыл ответный огонь, который вынудил японо-маньчжур отойти к своему кордону, в 4 километрах юго-восточнее поселка Ново-Цурухайтуй. Со стороны японо-маньчжур убиты и ранены до 5 человек. С советской стороны потерь не было.

7 февраля, в 16.05, японо-маньчжуры открыли по наряду лейтенанта Юшко огонь из станковых пулеметов со своей территории.

В 17.20 японо-маньчжуры сосредоточили на острове № 227 до 40 человек, которые повели атаку на группу лейтенанта Юшко. под прикрытием огня двух станковых пулеметов и 50 стрелков с маньчжурской территории. Действиями группы лейтенанта Юшко, получившей с заставы подкрепление, атака была отбита, и японо-маньчжуры были выбиты с острова и отошли на свою территорию. В результате боя со стороны японо-маньчжур убиты и ранены около 10 человек, из них один офицер. С советской стороны убит один и ранено два красноармейца.

Поверенному в делах СССР в Токио предложено вновь заявить японскому правительству протест, указав на продолжающиеся провокационные действия японо-маньчжур вопреки предупреждению, данному японскому правительству всего несколько дней тому назад.

В Цицикарском договоре от 25 ноября 1911 г. между Китаем и бывшей Российской империей точно указано, что остров № 227, а равным образом и остров № 279 на реке Аргунь, на котором имело место столкновение 31 января, принадлежат России.

Известия. 1939. 9 февраля.

148. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Франции в СССР П. Наджиаром

9 февраля 1939 г.

После нескольких фраз, общепринятых при первой встрече, Наджиар поставил мне вопрос, как складываются в настоящее время отношения СССР с Польшей и Румынией. Выслушав мой краткий ответ, посол заявил, что французское правительство с большим удовлетворением констатирует намечающееся сближение Польши с СССР, а также стремление Румынии жить в мире с СССР. По мнению французского правительства, такое положение содействует стабилизации мирных отношений на востоке Европы и является одним из существенных факторов для поддержания общего мира.

Я ответил послу, что, по моему мнению, французское правительство могло бы и не ограничиваться ролью простого наблюдателя событий, развивающихся в восточной части Европы. Еще недавно между Францией, с одной стороны, Польшей и Румынией — с другой, существовали отношения теснейшего политического сотрудничества. Между тем в настоящее время, насколько мне известно, французское правительство не только не ведет активной политики в обеих указанных странах, но предоставляет их собственной судьбе, уделяя все свое внимание своим взаимоотношениям с Англией, Германией и Италией. Судя по французской прессе, а также по выступлениям некоторых политических деятелей Франции, безразличное отношение французского правительства к прежним союзникам и друзьям в Центральной и Восточной Европе отнюдь не случайно. Союзный договор с Польшей ⁴⁴, сотрудничество с Малой Антантой ¹⁷, франко-советский пакт ⁷ признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достоянием истории.

Наджиар весьма живо возразил, что такой вывод представляется ему преждевременным. Конечно, во Франции наблюдается борьба различных политических течений. Он не отрицает того, что в некоторых французских политических кругах существовало и до сих пор держится отрицательное отношение к сотрудничеству Франции с СССР. Но было бы весьма прискорбно, если бы в Москве переоценили значение этого факта и преждевременно сделали бы из него свое заключение. Посол может засвидетельствовать, что перед своим отъездом в СССР он имел продолжительные беседы о франко-советских отношениях с президентом республики, с Даладье, Бонне, Эдуардом Эррио и рядом других видных политических деятелей Франции. Все они высказывались за франко-советский пакт и за сотрудничество Франции с СССР. Лучшим доказательством наличия таких настроений могут служить недавние заявления Бонне в палате депутатов ⁶¹.

Я заметил послу, что, если он ставит своей задачей поддерживать и развивать сотрудничество Франции с СССР, он может рассчитывать встретить в Москве полное содействие. [...]

В. Потемкин

**149. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

10 февраля 1939 г.

Новый французский посол Наджиар во время своего первого визита наговорил, конечно, много приятных вещей о настроениях Франции в отношении СССР, причем он ссылаясь на свой разговор с Даладье. Я сдержанно выслушал его заверения, заметив лишь, что мы в свое время предлагали западным державам свое сотрудничество, в котором, как показали события, они были более заинтересованы, чем мы. Мы готовы и впредь к действительному сотрудничеству, если оно угодно другим, но мы можем обходиться и без него и поэтому гнаться за ним не будем. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф.06, оп.1, п.19, д.206, л.20. Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С.197-198.

**150. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

10 февраля 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

1. Хотя Вы очень скептически относитесь к возможности войны между державами «оси» и «западными демократиями», я полагаю, что совсем исключать такую перспективу, и именно на 1939 г., нельзя. В основном дело будет зависеть от Гитлера и Муссолини, которые вообще в последние годы целиком взяли в свои руки инициативу на международном поле европейской политики. Политика Чемберлена, как Вам известно, сводится к сделке с агрессорами за счет третьих стран. Но запас этих третьих стран довольно быстро иссякает. Чехословакия — уже пройденный этап. Та же роль, видимо, в близком будущем уготована Испании. На Восток, по известным Вам соображениям, Гитлер, во всяком случае сейчас, не собирается идти (я не считаю движением на восток такие «мелочи», как Данциг или Мемель {{* Клайпеда.}}). Не говоря уже об СССР, он как будто бы мало склонен круто выступить даже против Польши. Несомненно, под угрозой находится Румыния, но и тут Германия до поры до времени собирается выжидать, потому что успехи Франк и активность Муссолини как раз сейчас открывают на Западе такие перспективы богатых и, по-видимому, бескровных побед, каких не видно на Востоке.

2. Таким образом, на ближайший период, скажем, до конца текущего года или всяким случае до середины текущего года, в распоряжении Чемберлена нет таких «третьих стран», которые можно было бы сравнительно легко и удобно бросить, как кость, фашистским агрессорам. Быстро приближается момент, когда Чемберлену придется откупаться либо за счет Британской империи, либо за счет таких стран (Франция, Бельгия, Голландия), к судьбе которых по соображениям самого эгоистического свойства он не может быть слишком равнодушен. Конкретно вопрос упирается в, колониальную проблему, ибо требования Муссолини к Франции, по существу, тоже являются колониальными требованиями. Мне уже приходилось Вам раньше писать, что одно дело

торговать чужими странами и территориями и совсем другое дело жертвовать собственными владениями. Все, что мне приходится здесь видеть, слышать и наблюдать, подтверждает правильность этого утверждения. Должна ли, однако, постановка всерьез колониальной проблемы непременно повести к войне между двумя «осями»? Конечно, нет. Все зависит от того, как и в какой форме будет поставлена эта проблема.

3. Если Муссолини, как Вы предполагаете, спрячет на время свои территориальные требования и ограничится такими сравнительно «невинными» вещами, как статус итальянцев в Тунисе, льготы в Джибути, место в управлении Суэцкого канала и т. п., войны, конечно, не будет. Я Вам уже не раз сообщал, что правительственные и политические круги в Англии уже теперь полностью готовы к удовлетворению подобных притязаний Италии. Франция тоже едва ли встанет из-за этого на дыбы. Но ограничится ли Муссолини, может ли ограничиться Муссолини минимальным вариантом своих требований? Может ли Гитлер остаться при этом пассивным и не использовать благоприятной ситуации также и в своих интересах? И если не может, то какие требования он думает выдвинуть?

4. Вся сумма наблюдений и информации, которыми я располагаю, заставляет меня допустить, что Гитлер и Муссолини попытаются до максимума использовать именно текущий 1939 г. Причина ясна: соотношение сил между двумя «осями» сейчас для фашистского блока более благоприятно, чем (судя по всем данным) оно будет для него, скажем, в 1940 или 1941 гг. На суше и в воздухе (особенно в воздухе) Италия и Германия в настоящий момент, несомненно, гораздо сильнее, чем их противники. С каждым новым месяцем положение будет изменяться в неблагоприятную для фашистских держав сторону: Англия и Франция гораздо медленнее раскачиваются в деле своих вооружений, но, раз раскачавшись (а Англия уже близка к такому моменту), они благодаря неизмеримо большей мощности своих финансовых, экономических и всяких иных ресурсов имеют полную возможность не только догнать, но и перегнать своих фашистских соперников. Приведу один пример: Англия сейчас производит около 400 аэропланов в месяц (против 150 весной прошлого года) и рассчитывает производить в октябре 700, а в начале 1940 г. — до 1000 в месяц. Сверх того, к услугам Англии и Франции имеются гигантские индустриальные резервы США. А вместе с ощущением все возрастающей военной мощи, естественно, меняется и будет меняться настроение руководящих кругов обеих «демократий». Далее, экономические и финансовые трудности Германии и Италии систематически возрастают. Их не надо переоценивать, но не надо также недооценивать. Все заставляет думать, что при сохранении нынешнего бешеного темпа вооружений положение названных стран в 1940 или 1941 гг. будет хуже, чем сейчас. Политическая атмосфера в данный момент, после побед Франко и полного поглощения Чехословакии, также в высшей степени благоприятна для фашистских авантюр, — неизвестно, удержится ли она до будущего года. Равным образом неизвестно, сохранится ли до того времени у власти Чемберлен — этот важнейший союзник Гитлера и Муссолини, а также останется ли в силе тот раскол между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, который сейчас так облегчает Германии и Италии свободное маневрирование на европейской арене. Все эти и им подобные соображения должны, мне кажется, толкать Гитлера и Муссолини к большой активности именно теперь, пока еще не поздно, в 1939 г. Вот почему мне представляется вполне вероятным, что обе фашистские державы не смогут ограничиться сейчас минимальными вариантами своих требований, а выдвинут какую-либо гораздо более серьезную программу, которую Англии и Франции не так-то легко будет проглотить.

5. Пойдут ли Лондон и Париж на войну из-за вопроса о колониях? Я затруднился бы дать вполне определенный ответ на этот вопрос. Опыт прошлого и личность премьер-министра

сильно предрасполагают к ожиданию нового Мюнхена. Однако мне кажется, что было бы все-таки неправильным совершенно исключать возможность войны. Очень многое будет зависеть от цены, которую запросят Гитлер и Муссолини. Очень многое будет также зависеть от состояния нервов Чемберлена и его коллег. Трусость и близорукость, как Вы знаете, часто, помимо своей воли, могут открыть ворота войне. Одно во всяком случае мне кажется несомненным: ближайшие полгода будут чрезвычайно опасным периодом в европейской политике, и здесь надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Полпред СССР в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф.06, оп.1, п.5, д.35, л.51-53.

151. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании во Франции Э. Фиппсу

10 февраля 1939 г.

1. Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве рассмотрело меморандум французского правительства от 1 февраля [{* См. док. 131.}](#) приложенный к вашей телеграмме.
2. Правительство Его Величества хочет воспользоваться этой, возможностью, как было обещано в параграфе 14 моей телеграммы, № 18 [{* См. док. 127.}](#), чтобы проинформировать французское правительство о выводе, к которому оно пришло после надлежащего рассмотрения вопроса о позиции, которую оно займет в случае военных действий. Германии против Нидерландов. Правительство подтверждает, что, по его мнению, стратегическое значение Нидерландов столь велико, что нападение Германии на Нидерланды следует рассматривать как прямую угрозу безопасности западных держав, и считает, что в случае вторжения Германии в Нидерланды Соединенное Королевство будет считать себя обязанным рассматривать это как *casus belli*. Кроме того, правительство Его Величества считает, что любая попытка Германии установить свое господство в Нидерландах силой или угрозой применения силы тоже должна была бы рассматриваться как угроза безопасности Соединенного Королевства.
3. Правительство Его Величества с удовлетворением отмечает, что французское правительство готово согласиться, с одной оговоркой, к которой я вернусь позже, с правительством Его Величества считать вторжение в Голландию *casus belli*, несмотря на то что такое вторжение само по себе не влечет за собой выполнения Францией каких-либо договорных обязательств.
4. Французское правительство попросило также заверения в том, что вторжение в Швейцарию не в меньшей мере, чем вторжение в Голландию, будет рассматриваться в качестве случая, оправдывающего и требующего решения, предусматриваемого правительством Его Величества в случае с Голландией. В ответ на эту просьбу правительство Его Величества желает сообщить французскому правительству, что, по его мнению, нападение Германии на Швейцарию было бы также явным свидетельством попытки Германии установить свое господство в Европе силой и что, с этой точки зрения нападение Германии на Нидерланды и нападение Германии на Швейцарию были бы явлениями одного и того же порядка. Правительство Его Величества соответственно

будет готово взять обязательство в случае, если Германия вторгнется в Швейцарию и Франция вследствие этого объявит войну Германии, прийти на помощь Франции, так же как и Франция, как оно полагает, будет готова оказать поддержку Великобритании, если Германия вторгнется в Голландию и Великобритания вследствие этого объявит войну Германии.

5. В параграфе 4 своего меморандума французское правительство изложило свои соображения по общей позиции, которую, по его мнению, следовало бы занять Великобритании и Франции перед лицом угрозы неспровоцированного нападения Германии или Италии; при условии, что эта концепция будет полностью разделяться правительством Его Величества, оно будет готово занять позицию, аналогичную позиции правительства Его Величества в случае вторжения Германии в Нидерланды.

6. Ясно, что совместные действия Германии и Италии против двух великих западных держав или против одной из них должны повлечь за собой совместное сопротивление двух держав с применением всех их ресурсов; действительно, обязательства, которые правительство Его Величества приняло на себя по договору в отношении французского правительства, уже предусматривают случай неспровоцированного нападения Германии на Францию, вне зависимости от того, будет ли Германия действовать одна или в поддержку Италии. Несмотря на возможность того, что в случае нападения на Францию одной Италии Франция может счесть, что вмешательство Великобритании не обязательно будет в ее интересах, если в результате такого вмешательства Германия была бы вовлечена в конфликт, который в противном случае был бы локальным, правительство Его Величества в полной мере отдает себе отчет в том, что те опасности, которым подвержены каждая из двух держав в отдельности, не могут быть отделены друг от друга. Французское правительство, должно быть, обратило внимание на заявление премьер-министра в палате общин 6 февраля {{* [См. док. 142.](#)}}, в котором он сказал, что, хотя было невозможно детально изучить все вероятные случаи, которые могут возникнуть, он считает себя обязанным разъяснить, что общность интересов, связывающая Францию и Соединенное Королевство, такова, что любая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, должна повлечь за собой немедленное сотрудничество Соединенного Королевства.

7. Именно в свете этой ситуации правительство Его Величества предложило французскому правительству, чтобы переговоры, которые уже имели место между двумя генеральными штабами, приобрели более широкий и более доверительный характер, чем это было в прошлом. Выводы, к которым пришло правительство Его Величества относительно их проведения в будущем, изложены в моей телеграмме № 25 от 3 февраля, и Ваше Превосходительство уже сообщило их французскому правительству.

8. Я буду рад, если Вы информируете французское правительство в духе настоящей телеграммы и если Вы сообщите ему, что правительство Его Величества передаст ее содержание бельгийскому правительству для секретного ознакомления.

9. Вам следует особенно обратить внимание французского правительства на секретный характер этого сообщения.

Сообщено также в Брюссель, Гаагу, Берлин, Берн, Рим и Вашингтон.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 195—197. Опубл. в изд.: Documents on British Foreign Policy. Third series. Vol. IV... P. 100-102.

152. Запись беседы германского журналиста с послом Германии в Польше Г. Мольтке

13 февраля 1939 г.

Мольтке поинтересовался моим мнением о состоянии германо-польских отношений после визита Риббентропа в Варшаву. Состоялся следующий разговор.

Я. У меня складывается впечатление, что германо-польские отношения оставляют желать много лучшего. Польша явно пользуется моментом, когда взоры немцев повернуты в сторону Запада, с тем чтобы в самых разных сферах, например в вопросе о национальных меньшинствах, усиленно проводить антигерманскую политику. Я думаю, что в германо-польских отношениях, с нашей точки зрения, не будет в дальнейшем прогресса. Кажется, что и визит Риббентропа не принес никаких успехов в этом отношении.

Мольтке. Имперский министр иностранных дел прибыл в Варшаву, не имея твердой программы. У него не было и определенных намерений. Учитывая это, было бы неправильно ожидать от его варшавского визита нового этапа в германо-польских отношениях.

Я. Может быть, это и верно, но, несмотря на это, варшавский визит имперского министра иностранных дел дал возможность активизировать германо-польские отношения. Например, из высказываний министра перед представителями германской прессы я вынес впечатление, что поднимался вопрос о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту ¹⁰, по крайней мере в форме намека, и что министр Бек высказался по этому вопросу отрицательно.

Мольтке. Вы заблуждаетесь. Имперский министр иностранных дел во время бесед с Беком вообще не касался этого вопроса. Кроме того, польская позиция в отношении борьбы с коммунизмом ясна.

Я. Будет ли достаточно этой ясной польской позиции и на тот случай, если произойдет столкновение между Германией и Россией? По моему мнению, Польша 27 ноября 1938 г., когда осложнения на Востоке, казалось, стали актуальными, дала понять в польско-советской декларации {{* [См. док. 62.](#)}}, что она не станет активно поддерживать Германию против Советского Союза.

Мольтке. Декларация от ноября 1938 г. не имеет значения и в этом смысле понимается также и в Берлине. Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 198-199.

153. Телеграмма миссии Германии в Румынии в министерство иностранных дел Германии

14 февраля 1939 г.

Сразу же после прибытия министра-директора Вольтата {{* Чиновник по особым поручениям ведомства по осуществлению «четырёхлетнего плана» Германии.}} был принят королем, который коснулся своей беседы с генерал-фельдмаршалом Герингом в Лейпциге ⁶⁸. Подробно обсуждались возможности тесного экономического сотрудничества. Король высказался за широкое сотрудничество Румынии с Германией в деле экономического развития. В ходе беседы выяснилось, что основы этой экономической программы под председательством короля уже разработаны министром иностранных дел Гафенку, министром экономики Бужой, министром вооружений Славеску и министром финансов Константинеску.

В дальнейших беседах Вольтата с министром иностранных дел и министром экономики было еще раз подтверждено намерение осуществить сближение с Германией на длительное время: «В общем, Германия снова должна занять главенствующее положение в экономике Румынии, какое было у нее до 1914 г.». Учитывая готовность румынской стороны, можно было бы выставить следующую экономическую программу в виде «соглашения о развитии экономических отношений между обеими странами».

I. В целях обеспечения и содействия осуществлению германских закупок в Румынии необходимо:

- 1) между экономическими организациями и учреждениями обеих стран поддерживать регулярные контакты в целях приспособления румынского производства к потребностям Германии, особенно в области сельского хозяйства;
- 2) осуществить капиталовложения и обеспечить участие в капитале в целях создания германо-румынской нефтяной промышленности;
- 3) совместно исследовать и разрабатывать полезные ископаемые Румынии;
- 4) составить план развития лесозаготовок и обеспечить немецкое участие в эксплуатации лесных богатств (устранение евреев из лесозаготовительной промышленности).

II. Румыния готова:

- 1) к расширению и сотрудничеству румынской и германской промышленности при условии соблюдения интересов германского экспорта;
- 2) к расширению и унификации румынского вооружения, особенно авиации, с помощью немецкой стороны;
- 3) к расширению военного производства на германской базе;
- 4) к сотрудничеству в области транспорта, особенно в части Расширения дорог и водных путей {{** В оригинале далее пропуск, а затем следует фраза, не поддающаяся переводу.}}.

Если удастся осуществить эту цель, то Германия действительно займет главенствующее положение в Румынии. Поскольку правительственная комиссия отдает себе отчет в этом факте и поэтому усматривает заинтересованность своей страны в достижении этой цели, по нашему убеждению, необходимо использовать такую благоприятную возможность привязать к нам эту страну. В результате установления таких тесных экономических связей между обеими странами влияние западных держав и Советов, а вместе с этим и

еврейское влияние на Румынию будет все больше уменьшаться, а общая атмосфера в наших отношениях будет улучшена.

Просьба в ускоренном порядке рассмотреть вышеизложенное и дать указания, может ли Вольтат подготовить и подписать соглашение на указанной основе.

*Вольтат
Фабрициус*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 199 — 201. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V. S. 327.

154. Телеграмма миссии Германии в Румынии в министерство иностранных дел Германии

17 февраля 1939 г.

В дальнейших переговорах между Вольтатом, с одной стороны, и министром экономики Бужой, министром вооружений Славеску, министром финансов Константинеску и... (группа слов пропущена), с другой — подтверждается единое желание румынского правительства обеспечить ориентацию румынской экономики на Германию. Перспективы на осуществление сообщенных вам планов представляются все более благоприятными; реализация этого зависит от сотрудничества с румынскими учреждениями; переговоры ведут пока только руководители этих учреждений, готовые оказать полное содействие.

«Привлечение деловых кругов» не планируется; напротив, обе стороны должны установить контакт только между учреждениями, которые определяют для этого их правительства, чтобы наряду с другими делами обеспечить подготовку официальных материалов и поддержку со стороны правительства.

Возможное свержение правительства и тем более смена режима, по всей вероятности, снова привели бы к власти круги, которые в меньшей мере симпатизируют нам и которые охотно пошли бы на сотрудничество с демократиями; это нанесло бы тяжелый ущерб нашим экономическим интересам.

*Вольтат
Фабрициус*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 201. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V. S. 327.

155. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

18 февраля 1939 г.

После обеда в германском посольстве Шуленбург сообщил мне, что имел уже две встречи с т. Микояном {{* Записей бесед А. И. Микояна в архиве МИД СССР не обнаружено.}}

Посол весьма доволен внимательным приемом, оказанным ему и Хильгеру со стороны т. Микояна.. Весьма положительно отзывается он и о манере ведения этих переговоров, в которых вполне определенно ставятся и разрешаются главные вопросы. Тем не менее Шуленбург несколько разочарован той сдержанностью, которую проявил т. Микоян в вопросе о предполагаемом объеме советско-германской торговли. По словам Шуленбурга, его правительство расположено было бы значительно расширить этот объем на каждый предстоящий год. Между тем, как утверждает Шуленбург, представителям Германии дано понять, что они не могут рассчитывать на увеличение размеров своих закупок в СССР сверх указанного Наркомвнешторгом лимита. Не соблазняется Наркомвнешторг и предложенным со стороны Германии уменьшением процента по торговым кредитам. Результаты первых встреч представителей германской стороны с т. Микояном сообщаются в Варшаву, где находится сейчас Шнур-ре. Само собою разумеется, что немедленно информируется о ходе переговоров и Берлин.

Шуленбург шутливо заявляет, что сам он плохо разбирается в вопросах, которых касаются начатые переговоры. Его выручает Хильгер, но сам он сохраняет надежду, что приедет в Москву и Шнурре. Кстати, Шуленбург упомянул, что, в бытность его посланником в Тегеране, Шнурре работал в германском посольстве в качестве секретаря.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 92, д. 4, л. 12-13.

**156. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

19 февраля 1939 г.

[...] Ваше письмо [{{** См. док. 107.}}](#) не убедило меня в том, что Гитлер и Муссолини могут поставить Чемберлена перед необходимостью войны в этом уже году. Я считаю, что как Чемберлен, так и тем более французы решили избежать войны, по крайней мере, в ближайшие годы во что бы то ни стало, я бы даже сказал — любой ценой. Неверно, что будто бы иссякли или иссякают ресурсы уступок. Бонне сам готов очень далеко идти навстречу итальянским требованиям. Франсуа-Понсе подтвердил т. Гельфанду [{{* Временный поверенный в делах СССР в Италии.}}](#) факт переговоров Бодуэна с итальянцами [{{** См. док. 135.}}](#). Уступки в отношении Французского Сомали, свободной гавани в Джибути, железной дороги и Суэцкого канала уже им предложены. В случае нажима Чемберлена уступки могли бы быть значительно расширены. Что касается германских аппетитов, то, не говоря уже об английской мощи, которая готова раскрыться для Гитлера в любую минуту, есть еще колонии португальские, голландские и, наконец, французские, уступка которых для Чемберлена вполне приемлема. Кое-что, вероятно, и сама Англия уступит из своих владений, если можно будет убедить, что этим Англия откупится от войны.

Гитлер пока делает вид, что не понимает англо-французских намеков насчет свободы действий на Востоке, но он, может быть, поймет, если в придачу к намекам кое-что другое будет предложено ему Англией и Францией за собственный счет или же если будет обещан в случае конфликта на Востоке не только нейтралитет и не только даже доброжелательный нейтралитет, но и кое-какая активная помощь, что я отнюдь не считаю исключенным. Польское и карпато-русское направления как будто закрыты, ибо Польша

еще сама продолжает, мечтать о собственной сфере влияния на Украине. Она, однако, будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода Гитлера через Румынию. Особенно рассчитывать на сопротивление Кароля {{*** Король Румынии.}} не приходится. Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии.

Как видите, у Чемберлена имеется еще довольно обширное поле для маневрирования. Но Вы опасаетесь, может быть, что Гитлер и Муссолини зарвутся и предъявят Западу такие требования, которые невозможно будет выполнить. Напоминаю Вам, однако, что и у Гитлера, и у Муссолини имеется достаточно друзей в Англии и всяких надежных источников, которыми они могут быть достаточно хорошо осведомлены заранее о пределах уступок. Во время чехословацкой эпопеи Гитлер выставял свои максималистские требования, постепенно повышая их в меру получавшейся им информации о приемлемости их для Чемберлена. Он тогда бил наверняка почти без всякого риска. То же произойдет и теперь. И Муссолини, и Гитлер, которым отнюдь не улыбается перспектива войны, в своих требованиях не пойдут дальше той линии, за которой, по полученным ими достоверным сведениям, уступчивость даже Чемберлена и Бонне может прекратиться. Конечно, я не претендую на абсолютную точность своего прогноза, и всякие неожиданности возможны, но они должны быть сведены к минимуму. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф.06, оп.1, п.4, д.34, л.25-27. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 202-203.

157. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

19 февраля 1939 г.

Сидс пришел сообщить мне, что английское правительство решило командировать в конце марта — начале апреля в северо-восточные страны, а именно: в Москву, в Варшаву и в Гельсингфорс {{* Хельсинки.}} — парламентского секретаря департамента заморской торговли и Форин офиса Хадсона. Цель поездки: не переговоры, а установление контакта с руководящими лицами о торговых возможностях ⁶⁹. Хадсон предполагает пробыть в Москве 2—3 дня. Сидс не знает точно, каким маршрутом поедет Хадсон, но он допускает, что если путь его будет лежать через Берлин, то он там остановится, чтобы, может быть, пообедать с кем-нибудь. Сведения об этой поездке уже попали во вчерашние вечерние газеты, и завтра ожидаются запросы в парламенте. Чемберлен хотел бы иметь возможность дать утвердительный ответ на запрос, но не сможет этого сделать, не имея нашего ответа, а потому Сидс просит сказать ему наше мнение по возможности сегодня же. Я ответил, что не сомневаюсь, что мое правительство будет приветствовать приезд Хадсона, но что, поскольку последнему придется, вероятно, устанавливать контакт преимущественно с т. Микояном, я должен спросить последнего, приемлемо ли для него намеченное Хадсоном время. Я постараюсь сегодня же это выяснить и передать послу ответ по телефону.

Сидс почему-то считал нужным подчеркивать значение разговоров, которые с нами имел Наджар и которые должны были как будто значительно улучшить наши отношения с

Францией. Сидс выражал недовольство тоном нашей прессы, которая продолжает писать о капитулянтстве Англии, в то время как там обозначаются совершенно другие настроения. В частности, Сидс жаловался на замечание редакции «Красной звезды» на статью Кузнецова. В этом замечании говорится, что Кузнецов неправильно преувеличивал обороноспособность Англии, которая на самом деле в военном отношении очень слаба.

Я ответил, что [мы] имеем, конечно, возможность оказывать влияние на наши газеты, но никогда не даем им указаний заранее, как они должны писать о политике других правительств: Мы это предоставляем вольному суждению наших граждан и журналистов. Наша печать вообще мало занимается внешнеполитическими вопросами и ограничивается публикацией сообщений из-за границы. Я указал послу, что пока я не вижу никаких признаков какого-либо изменения курса, обозначившегося в Мюнхене. Для иллюстрации я ссылался на примеры Испании и Хайнаня⁷⁰. Мы только видим, что, не желая и не считая нужным оказывать какое-либо сопротивление требованиям агрессоров, Франция и Англия стараются эти требования оправдывать или затуманивать. Много говорится, например, о неизбежном выводе из Испании итальянских войск. Я не знаю, когда состоится это вывод. Италия каждый день назначает новые сроки. Но если даже допустить, что эвакуация состоится, то от этого разве что-либо изменится для Англии и Франции, если Франко заключил или заключит военный союз с Германией и Италией? Обещал же Франко присоединиться к антикоминтерновскому пакту¹⁰, как только он получит признание Англии и Франции. Далее, значение оккупации Хайнаня, угрожающей как Индокитаю, так и Гонконгу и Сингапуру, Англия и Франция стараются умять ссылкой на чисто военный временный характер оккупации. Но ведь совершенно ясно, что, поскольку Япония овладеет всем Китаем, она будет владеть и островом. Хайнань и делать там то, что ей захочется. После окончания войны с Китаем Англия и Франция еще меньше смогут воспрепятствовать овладению островом Японией, чем теперь. Все это вопросы, нас не касающиеся, но наша печать может же иметь свое суждение о политике других государств. Что касается замечания редакции газеты об обороноспособности Англии, то и английская печать немало пишет о слабости Красной Армии, о недостатках нашей авиации, о нашем командовании и т. д. Почему же не может наша печать также писать о слабости английской армии?

Сидс сказал, что он, конечно, понимает чувства, вызванные у нас Мюнхеном. Он отнюдь не оправдывает эту политику. Он в свое время, будучи верховным комиссаром на Рейне, возражал против ухода оттуда союзных войск, предсказывая усиление Германии, а потому он может во многом со мною соглашаться. Он, однако, убежден, что в настоящее время Англия говорит совершенно другим тоном и полна решимости защищать свои позиции.

Я ответил, что рад слышать о новых настроениях в правящих кругах Англии, но был бы больше рад видеть это.

Литвинов

АВП СССР, ф.06, оп.1, п.1, д.5, л.21-23. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 203-205.

158. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

20 февраля 1939 г.

1.Сегодня Галифакс, который был у меня на обеде, говорил, что после нашего с ним разговора 27 января {{* [См. док. 122.](#)}} он ознакомился ближе с состоянием англо-советских торговых отношений, убедился в правильности многого из того, что я ему говорил, и в заключение пришел к выводу, что денонсирование торгового соглашения нежелательно. Так как у английской стороны имеется, однако, недовольство нынешним состоянием англо-советской торговли, то он считает, что наиболее целесообразным способом для разрешения этого вопроса была бы поездка одного из соответственных министров в Москву для переговоров там по данному поводу. Эта поездка могла бы подготовить почву для пересмотра торгового соглашения или же для каких-либо иных мероприятий, которые при соблюдении интересов обеих сторон могли бы ликвидировать ныне наблюдающееся недовольство англичан состоянием торговли между обеими странами. Кроме того, Галифакс полагал, что как раз в настоящее время такая поездка могла бы иметь полезный политический эффект. Британское правительство согласилось с его соображениями. Результатом явилось решение о поездке Хадсона. Галифакс просил меня зайти к нему на этих днях для более подробного разговора на данную тему.

2.Хадсон является «секретарем департамента внешней торговли». Этот «департамент» — очень своеобразное учреждение в чисто английском стиле. Несмотря на свое название, оно не совсем подчинено министерству торговли, а представляет собой нечто вроде небольшого министерства по делам внешней торговли и пользуется большой самостоятельностью (например, в парламенте на запросы по внешней торговле обычно отвечает непосредственно глава «департамента», а не министр торговли). «Секретарь» данного департамента подчинен сразу двум министерствам — торговли и иностранных дел и сам приравнивается по положению к министру младшего ранга.

Персонально Хадсон — один из наиболее влиятельных представителей молодых консерваторов, человек с сильным характером. Перед рождеством он стоял во главе «бунта» младших министров против Инскипа и Хор Белиша {{**Военный министр Великобритании.}} в связи с вопросом о вооружении. И результате «бунта» Инскип был перемещен с поста министра обороны на пост министра по делам доминионов (чисто декоративная должность). Хадсон в молодости был на дипломатической работе (кажется, одно время в Петербурге) и немного говорит по-русски. В середине марта Хадсон вместе с министром торговли Стэнли по приглашению немцев едет в Берлин, для того чтобы присутствовать (и, вероятно, произнести соответствующую речь) на обеде, который устраивается там по случаю прибытия делегации «Федерации британской индустрии» для переговоров с германскими промышленниками о возможности образования международных картелей с целью предотвращения острой торговой конкуренции.

Несомненно, что Стэнли и Хадсон будут видаться в Берлине с различными руководящими лицами. Из Берлина Стэнли, по-видимому, вернется в Лондон, а Хадсон поедет дальше в Варшаву, Москву и Хельсинки. Впрочем, пока это лишь мое предположение. Хадсон выражал желание в ближайшее время повидаться со мной, и тогда я буду в состоянии сообщить немедленно Вам больше подробностей о его планах и намерениях.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 105—107. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 205-206.

159. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

20 февраля 1939 г.

Поездка английского министра торговли Оливера Стэнли в Берлин имеет значение, выходящее за рамки обсуждения текущих экономических вопросов. Она осуществляется в то время, когда Англия стоит перед трудными решениями в области своей торговой политики в целом. Итоги берлинских переговоров могут оказать существенное влияние на то, в каком духе будут приняты эти решения.

Короче говоря, перед британским правительством стоит следующий вопрос: должна ли английская торговая политика тащиться на буксире у Соединенных Штатов, или же ей следует попытаться сохранить свою независимость с помощью более тесного сотрудничества с Германией и соответственно с Европой?

Эта альтернатива возникла в результате американского давления на Англию и общей нестабильности мирового хозяйства. Еврейские финансовые магнаты в Соединенных Штатах хотят заставить Англию идти вместе с Америкой и удержать Англию от сотрудничества с тоталитарными государствами.

Британское правительство стремилось до сих пор сохранять свою экономическую независимость. Об этом свидетельствуют его энергичные меры по защите английской валюты от американских маневров и против утечки капитала в Америку.

Однако успешное продолжение этого сопротивления представляется возможным лишь в том случае, если тяготеющая над Европой экономическая нестабильность и недостаток доверия будут заменены более благоприятной атмосферой и созданием новых производственных возможностей.

Поездка английского министра торговли Оливера Стэнли и г-на Эштон-Гуэткина в Берлин преследует, очевидно, цель выяснить, готово ли германское правительство к такому экономическому сотрудничеству. Заключение соглашения по углю {{* См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. Док. 5.}} и предстоящие переговоры по промышленным вопросам вселили в британское правительство надежду в этом отношении ¹⁵.

На случай, если берлинские переговоры не приведут к желаемым результатам, английская сторона держит двери открытыми для сотрудничества с Соединенными Штатами. Заключение англоамериканского торгового договора {{** Подписан 17 ноября 1938 г.}} было осуществлено в значительной степени по политическим соображениям. Предстоящая поездка Стэнли в Нью-Йорк для посещения выставки предоставит возможность для подготовки подобного экономического сотрудничества. В своем письме от 3 января 1939 г. я уже сообщал о том, что одновременно могут развиваться и внешнеполитические тенденции на сближение с Соединенными Штатами.

Нет необходимости указывать на то, что британское правительство предпочло бы сохранить свою независимость по отношению к США.

Кроме того, из сообщений посольства следует, что здешняя общественность все больше свыкается с мыслью признать за Германией приоритет в Восточной и Юго-Восточной Европе.

О том, какие имеются возможности, в частности, для увеличения германского экспорта с помощью политико-экономического соглашения с Англией, уже сообщалось более подробно в письме от 18 февраля ⁷¹.

Фон Дирксен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 21 — 22.
Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV. S. 359-360.

160. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

23 февраля 1939 г.

Сегодня я мельком видел Хадсона в парламенте, и он сообщил мне, что 15 марта выезжает из Лондона в Берлин, числа 17-го предполагает выехать из Берлина в Варшаву, где останется дня два, а 21—22 марта предполагает быть в Москве. Сколько времени Хадсон пробудет в Москве, еще неясно. Минимально два-три дня, но, прибавил он, если будет смысл остаться дольше, он готов это сделать. О чем Хадсон собирается разговаривать, пока не решено.

Если у Вас есть какие-либо пожелания, которые стоило бы подсказать Хадсону, срочно сообщите. Он хочет увидиться со мной в ближайшие дни для более обстоятельного разговора, и тогда я мог бы это сделать.

Полпред

АВП СССР, ф.059, оп. 1, п.300, д.2075, л.113. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 206-207.

161. Письмо посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру

25 февраля 1939 г.

В своей речи 22 февраля в Блэкберне г-н Невиль Чемберлен заявил: «Я согласен со словами, сказанными г-ном Гитлером в прошлом месяце, когда он говорил, что сотрудничество между нашими народами, основанное на полном доверии друг к другу, принесло бы пользу всему миру».

Для Вас, вероятно, будет интересно узнать (в конфиденциальном порядке), что в письме премьер-министр просил меня лично сказать, что он специально сделал это заявление, поскольку герцог Кобургский в своей речи в англо-германском обществе процитировал эти слова, и что поэтому он (премьер-министр) считает, что эта часть речи герцога была инспирирована сверху.

Я не знаю, имело ли это место, тем не менее для Вас, вероятно, было бы полезно узнать об этом, и, возможно, еще большую пользу принесло бы то, если бы Вы (также в

конфиденциальном порядке) смогли подтвердить мне, была ли эта часть речи действительно инспирирована.

Невиль Гендерсон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 212. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV. S. 365-366.

162. Доклад главы германской экономической миссии в Румынии Х. Вольтата уполномоченному по четырехлетнему плану Германии Г. Герингу

27 февраля 1939 г.

О переговорах с румынским правительством, проходивших 13—22 февраля 1939 г. в Бухаресте

Поводом для поездки послужило неоднократно высказывавшееся королем и румынскими министрами пожелание продолжить переговоры, которые проходили между королем и г. генерал-фельдмаршалом в Лейпциге в конце ноября 1938 г.⁶⁸

Задача, поставленная г. генерал-фельдмаршалом, сводилась к тому, чтобы обеспечить дальнейшее привязывание румынской экономики к Германии, причем нужно было предпринять попытку обеспечить, и улучшить снабжение Германии румынскими нефтепродуктами посредством участия в нефтепромышленности.

Король и министры оказали мне прием в соответствии с тем главенствующим положением, которое Великая Германия неоспоримо занимает в Средней Европе. Король дал указание, чтобы переговоры велись только министрами лично. Все министры в соответствии с общим для всех указанием короля стремились добиться "экономического сотрудничества с Германией и с готовностью показывали секретные цифровые данные и планы, имеющиеся в распоряжении их министерств. Если в качестве сравнения взять мои переговоры в Бухаресте весной 1935 г., когда еще доминировало французское влияние, то прием, оказанный королем во время аудиенции в день прибытия и на торжественном концерте в честь Балканской конференции, свидетельствует о решительном повороте в пользу Германии.

Обобщая результаты переговоров, можно сказать, что Румыния готова подписать «соглашение о развитии экономических отношений между Германией и Румынским королевством». Это соглашение могло бы существовать наряду с торговым договором 1935 г. и соглашением о товарообмене и платежах на 1935 — 1937 гг. и могло бы послужить основой для широкого и планомерного сотрудничества с учетом длительной перспективы.

Сотрудничество между властями обеих сторон должно охватывать, в частности:

1. Ориентацию румынского сельскохозяйственного производства на нужды Германии:

а) усиленное культивирование белковых кормов (ячмень, кукуруза, люцерна, масличные культуры). Долгосрочные договоры о возделывании этих культур с использованием семян из Германии;

б) расширение площадей под соей, льном, рапсом, подсолнечником;

в) интенсификация {{* В оригинале, по-видимому, ошибочно дано слово Intevestivierung вместо Intensivierung.}} свиноводства и овцеводства;

г) культивирование волокнистых растений (хлопчатник, конопля, льноволокнистые растения) ;

д) использование рыбных богатств.

2. Составление долгосрочных экономических планов для-румынского лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности с учетом нужд Германии.

3. Исследование и разработка полезных ископаемых:

а) марганцевая, медная и хромовая руда;

б) обогащение угля на базе метана;

в) побочные продукты золотодобычи;

г) производство алюминия;

д) развитие химической промышленности на базе нефти, газа и угля;

е) изучение возможностей производства гелия (предложение министра экономики Бужой).

4. Создание германо-румынской нефтепромышленности.

Участие капитала в румынском предприятии общенационального масштаба в противовес английскому, американскому, французскому и незначительному итальянскому участию в большинстве отраслей румынской промышленности.

Развитие нефтеперегонной промышленности с доведением ее мощностей до 400 тыс. т в год, предназначенных для удовлетворения потребностей Германии, особенно в бензине, составило в 1937 г. 435 тыс. т, в 1938 г.- 628 тыс. т.

Ввоз румынских нефтепродуктов.

5. Соглашения о расширении румынской промышленности. Ограничение в отношении основных отраслей промышленности, так что Германии обеспечивается вывоз товаров широкого потребления. Соглашение о взаимном дополнении промышленного производства.

6. Организация экспортных отраслей промышленности в свободных зонах по Дунаю для поставок на рынки третьих стран (не значительные расстояния до Ближнего Востока, выгодное положение для вывоза товаров в Средиземное море и к Суэцкому каналу).

7. Производство военных материалов и снаряжения для сухопутных сил.

Унификация военно-воздушных сил путем закупки немецких самолетов, строительства авиационного завода. Следует ожидать, что в течение ближайших лет Германии будут

сделаны заказы на сумму примерно 10 млрд лей. Это означало бы, что типы оружия и снаряжения румынских войск будут соответствовать немецким нормам.

8. Транспорт и пути сообщения.

Строительство дорог. Канал Чернавода — Констанца для сокращения пути к морю через устье Дуная примерно на 300 км (этим проектом интересуются также и английские круги). Строительство гидроэлектростанций для электрификации железных дорог и промышленных районов.

9. Строительство коммунальных предприятий, как, например, городские электростанции, газовые заводы, насосные станции, бойни и холодильники.

10. Осуществление финансирования через сотрудничество между немецкими и румынскими банками.

Оказание влияния со стороны «Немецкого банка» на «Банк де креди». Договор с румынской группой, с которой поддерживают связи королевские дома в Бухаресте, Белграде и Афинах.

Ориентация румынской экономики на Германию путем совместного планирования, которое, охватывая период в несколько лет, обеспечивает за Германией главенствующее положение в Юго-Восточной Европе.

Если договор с Румынией будет заключен, то можно было бы предусмотреть заключение договоров с Югославией, Болгарией, Венгрией и Турцией, отвечающих конкретным условиям. Привязывание Греции не так важно для нас, поскольку она является ярко выраженной средиземноморской державой.

Предлагаемое соглашение с Румынией означает решающий шаг в развитии германской экономической политики в Юго-Восточной Европе, расширение производства в рамках нашей европейской сферы с участием германского капитала. Ввиду установления долгосрочных связей нынешняя политика национальных банков, оказывающая тормозящее воздействие, должна измениться в нашу пользу. Если доля стран Юго-Восточной Европы во внешней торговле Германии, составлявшая в 1933 г. около 9%, поднялась в 1938 г. примерно до 15%, то через несколько лет она может быть увеличена примерно до 25%.

Предлагаемая политика обеспечивает нам то, что мы будем иметь чрезвычайно большое влияние, причем мы можем добиться его с помощью специфически немецких методов, не прибегая к средствам прежней торговой политики с ее неперменным принципом наибольшего благоприятствования и золотой валютой. Стабилизация курса рейхсмарки и валюты соответствующих стран открывает новые возможности для рейхсмарки на международном рынке. Финансирование сельского хозяйства и промышленного производства в странах Юго-Восточной Европы путем направления туда иностранного капитала, особенно с лондонского рынка через Берлин, создало бы дополнительные возможности для расширения германской транзитной торговли. Подъем жизненного уровня в Юго-Восточной Европе осуществлялся бы в прямой связи с Великой Германией. Позиция Германии в ее борьбе против экономических притязаний мировой Британской империи и Северной Америки была бы укреплена. Политическое развитие национальных государств Юго-Восточной Европы в возросшей мере ориентировалось бы на германскую

модель, тогда как влияние западноевропейских демократий и Советского Союза было бы ликвидировано.

На заключение соглашения с Румынией и реализацию имеющегося в виду сотрудничества существенное влияние оказывает политическая атмосфера, господствующая в отношениях между обеими странами. В этой связи я ссылаюсь на свое устное сообщение о высказываниях короля и намерении министра иностранных дел Гафенку посетить Берлин после своей поездки в Варшаву и до того, как он установит контакт с Лондоном и Парижем. Во время нынешних переговоров с Германией министр Гафенку отверг последовавшие из Лондона, Парижа и Москвы попытки установить контакт с румынской стороной, чтобы тем самым продемонстрировать серьезное намерение румынского правительства в первую очередь добиться взаимопонимания с Германией. Другие министры Румынского правительства также готовы в ходе своих визитов и бесед с соответствующими германскими министрами создать атмосферу взаимного доверия, необходимую для осуществления этих планов.

Вольтат

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 213 — 216. Опубл. в изд.: Aukten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V. S. 336-339.

163. Телеграмма посланника Германии в Румынии В. Фабрициуса министру иностранных дел Германии И. Риббентропу

27 февраля 1939 г

Министр иностранных дел Гафенку, выражая свое личное мнение, заявил мне в субботу, что он и Маркович {{* Цинцар-Маркович, министр иностранных дел Югославии.}} в ходе Балканской конференции установили:

- 1) что Малая Антанта ¹⁷ больше не существует;
- 2) что Балканский союз ни в коем случае не должен стать инструментом, который в каком-либо отношении направлен против Германии.

Напротив, члены Балканского союза, по его словам, должны отдавать себе отчет в том, что политика Германии «Дранг нах Остен» вполне естественна и что она активизируется по мере того, как затягивается решение колониальных вопросов. Балканские страны должны отвечать на этот натиск усилением своего сотрудничества с Германией, особенно в экономической области. Это является мнением румынского правительства; к этому мнению присоединились также Маркович, Метаксас {{** Премьер-министр и министр иностранных дел Греции.}} и Сараджоглу. Предложение русских о заключении Черноморского пакта совсем не обсуждалось, и как Румыния, так и Турция даже не думают обсуждать его.

Фабрициус

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 216 — 217. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. V. S. 335.

164. Запись беседы германского журналиста с военным атташе Германии в Польше К. Химером

27 февраля 1939 г.

27 февраля 1939 г. я имел беседу с военным атташе германского посольства в Варшаве полковником Химером по вопросу о данцигских событиях. Во время беседы Химер рассказал мне, что недавно он вместе с другими военными атташе был принят в Берлине Гитлером. Из замечаний Гитлера об общей политической обстановке и о намерениях Германии он, Химер, вынес впечатление, что Германия вместе с Италией планирует акцию против западных держав. В отличие от чешской акции прошлого года, Гитлер не говорит о своих нынешних планах. Тем самым он хочет не допустить того, чтобы многомесячная открытая дискуссия о германских планах нервировала население Германии, чтобы преждевременно включилась в дело заграница и, наконец, чтобы сведущие и несведущие могли выступать со своими сомнениями, предупреждениями и контрпредложениями. Такие методы лишь ослабляли бы германскую ударную силу. Гитлер заявит о предстоящей акции лишь тогда, когда он будет в состоянии нанести удар на следующий же день.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 217.

165. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу

28 февраля 1939 г.

Вчера вечером Бонне попросил меня посетить его, чтобы он мог показать мне телеграмму, только что полученную от французского посла в Берлине Кулондра, в которой французский посол в решительных выражениях высказывает свое мнение о том, что Соединенные Штаты должны немедленно вернуть в Берлин американского посла. Я прочел эту телеграмму в кабинете Бонне сегодня вечером.

В основном она дает ясное представление об усиленных попытках, предпринимаемых французским правительством, для того чтобы достичь взаимопонимания с Германией. Кулондр информировал, что он делает все от него зависящее для улучшения отношений и что атмосфера в настоящий момент является хорошей. Он также сообщил: «Как Вам известно, в последнее время британское правительство удваивает свои усилия для достижения взаимопонимания с Германией».

Кулондр сообщил далее, что американское посольство сотрудничает в усилиях достичь взаимопонимания между Германией, Францией и Англией и что он считает, что после смерти поверенного в делах в рядах представителей демократических стран в Берлине образовалась брешь, которая должна быть заполнена как можно скорее возвращением в Берлин посла. По его мнению, возможность достижения взаимопонимания между Германией, Францией и Англией значительно увеличилась бы, если бы в Берлине был американский посол, который работал бы в интересах примирения.

Бонне сказал, что сегодня вечером он не столь уверен, как он был уверен вчера, в том, что Кулондр прав. Для Франции и Англии в их усилиях достичь примирения с Германией было бы весьма ценно, если бы Соединенные Штаты оставались в качестве противостоящей потенциальной угрозы на заднем плане. Сравнительно примирительная линия, которой придерживаются немцы, объясняется, по его мнению, тем фактом, что они опасаются Соединенных Штатов.

Конечно, было бы ценным, если бы американский посол находился в Берлине и тесно сотрудничал с Кулондром и Невилем Гендерсоном, но это, возможно, было бы менее ценным, чем та позиция, которую сейчас могут занять французы и англичане в Берлине, а именно: они сейчас гораздо более благоразумны в отношении Германии, чем правительство Соединенных Штатов. Поразмыслив, он поэтому пришел к мнению, что с точки зрения примирения, возможно, было бы целесообразно не направлять американского посла в Берлин, пока не окончится кризис, который, как он ожидает, возникнет в результате требований Италии после выборов папы римского.

Я ответил, что из того, что он сказал, явствует, что по этому вопросу можно много сказать как «за», так и «против» и что правительство Соединенных Штатов имеет свою собственную точку зрения.

Буллит

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 217—218. Опубл. в изд.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington. 1956. P. 25-26.

166. Письмо председателя исполнительного юаня Китая Кун Сянси Председателю Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотову

1 марта 1939 г.

С тех пор как Китай начал вооруженное сопротивление японской агрессии, ваше правительство оказывало нам великодушную и ценную помощь в виде кредитов, выразившихся в сумме до 100 млн ам. дол., для закупки боевых самолетов и прочего военного снаряжения. Этим самым мы получили возможность истощить агрессивные силы противника и продолжать длительную борьбу. За это китайское правительство и китайский народ глубоко благодарны. В качестве председателя исполнительного юаня и министра финансов я выражаю особую благодарность за эту помощь, так как она принесла существенное облегчение для напряженного положения с нашими финансами. Прошу принять мою глубочайшую благодарность за Ваше деятельное сочувствие и подлинную дружбу.

Так как товарищ Сунь Фо вновь едет в Москву в качестве нашего специального и полномочного посла, я прошу его о любезности передать Вам это письмо с выражением моих наилучших пожеланий. Хотя я не имел удовольствия встречаться с Вами лично, но Ваши выдающиеся успехи уже давно вызывают мое глубочайшее уважение. В целях революционного сотрудничества между нашими двумя странами я пользуюсь этим случаем, чтобы обратить Ваше благосклонное внимание на несколько моих слов о кредитных займах.

Я глубоко сожалею, что поставки товаров в счет погашения первого и второго кредита временами отстают от сроков, намеченных графиком. Это вызывается трудностями транспортировки, которые еще более усугубились в связи с потерей Кантона и Уханя. Поскольку я непосредственно несу ответственность за китайско-советские торговые операции, я глубоко сожалею о недоразумениях в связи с поставками. Мы сейчас прилагаем все усилия к тому, чтобы увеличить наши средства транспортировки и улучшить процесс закупки и создания запасов товаров. Мы сделаем все, что в наших силах, для осуществления этих поставок, устанавливая для них первоочередность перед всем прочим. Китай имеет обычай уважать свои международные обязательства независимо от того, насколько трудной может оказаться обстановка. Что касается наших обязательств, принятых нами при Вашем сердечном и благожелательном участии, то мы приложим особые усилия для их выполнения.

Товарищ Сунь Фо уполномочен вести переговоры о третьем кредитном займе, детали которого ваше правительство с ним обсудит. Ввиду все возрастающей напряженности в наших финансах и трудностями с транспортом я хотел бы сделать всего лишь одно предложение. Было бы желательно продлить срок выплаты кредита, насколько это возможно, и установить по возможности умеренные суммы первых платежей. Я искренне прошу, чтобы Вы оказали свою благосклонную поддержку моему обращению к Вам, чтобы дать возможность моей родине преодолеть существующие трудности и одержать окончательную победу. Поступая таким образом, Вы не только заложите непоколебимый фундамент для будущего экономического сотрудничества, но также укрепите неразрывные узы между двумя нашими странами.

С выражением моих наилучших пожеланий остаюсь преданный Вам

Кун Сянси

АВП СССР, ф.06, оп.1, п.10, д.104, л.6. Публ. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 219-220.

167. Письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккера послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону

1 марта 1939 г.

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше письмо от 25 февраля [{{* См. док. 161.}}](#). Ваше сообщение меня очень заинтересовало.

Я могу (также в конфиденциальном порядке) подтвердить Вам, что, действительно, герцогу Кобургскому перед его выступлением на обеде, который ежегодно устраивается англо-германским обществом, было особо указано на упомянутое Вами место из речи фюрера и рейхсканцлера, касающееся построенного на доверии англо-германского сотрудничества [{{** В первоначальном варианте далее следовало заключительное предложение: «Это указание исходило из министерства иностранных дел».](#) Однако при отправлении письма статс-секретарь вычеркнул это предложение.— Прим. составителей сборника «Akten zur deutschen auswärtigen Politik».[}}](#).

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 219. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV. S. 367.

168. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

2 марта 1939 г.

1. Состоявшийся вчера в полпредстве прием, на котором присутствовало свыше 500 человек, служит сегодня предметом оживленного обсуждения в прессе, которая называет его «историческим» и свидетельствующим о новом шаге на пути к «англо-советской Антанте». Все дело в том, что помимо большого числа членов кабинета на приеме присутствовал и сам Чемберлен. Ввиду болезни жены он привез с собой дочь, пробыл в полпредстве больше часа и довольно долго разговаривал со мной. Все это произвело впечатление разорвавшейся бомбы и вызвало шум не только в печати, но и в дипломатических и политических кругах. Ни один британский премьер — не только консервативный, но даже лейбористский — до сих пор никогда не переступал порога советского полпредства. Тем большее впечатление произвело присутствие Чемберлена на приеме. Я склонен объяснять этот его шаг, равно как и поездку Хадсона в Москву, тремя соображениями: во-первых, попугать немцев, особенно накануне англо-германских промышленных переговоров ⁷²; во-вторых, поскольку дело идет к новым выборам, вырвать из рук оппозиции один из ее крупнейших козырей — нежелание британского правительства сотрудничать с СССР; в-третьих, по возможности увеличить британский экспорт, ибо платежный баланс Англии за 1938 г. показывает отрицательно сальдо в 55 млн ф. ст.

2. В разговоре со мной Чемберлен коснулся предстоящей поездки Хадсона в Москву и разъяснил, что задачей Хадсона является урегулирование, осложнений, вызываемых нынешним торговым соглашением, и выяснение возможности расширения англо-советской торговли. Я сказал Чемберлену, что как раз сейчас жалобы известной группы английских промышленников на недостаточность наших заказов британской индустрии не имеют под собой реальной почвы, ибо ввиду загруженности этой последней правительственными заказами она не в состоянии принять от нас даже те заказы, которые мы ей предлагаем (в 1938 г., например, таких неразмещенных заказов скопилось на сумму в 2,5 млн ф. ст.). На Чемберлена это сообщение произвело, видимо, известное впечатление, и с улыбкой «понимания» он заметил: «Вам нужны те же самые продукты, которые сейчас нужны и нам». Тем не менее премьер далее высказал предположение, что не вечно же в порядке дня будут стоять программы вооружения, и тут же намекнул, что британская промышленность могла бы снабжать нас сырьем и такими потребительскими продуктами, как текстиль, кожаные изделия и т. п. Не знаю, в этой ли связи или по каким-либо иным соображениям Чемберлен чуточку позднее стал интересоваться добычей у нас золота и спросил, что мы делаем со своим золотом. Когда я полушутя ответил, что золото обычно приберегают «на чёрный день», премьер горестно покачал головой и бросил: «Теперь все так делают, — только и думают, что о войне».

3. Чемберлен расспрашивал меня о наших отношениях с Германией и Японией.. Я дал ему краткую информацию, подчеркнув, что инициатива несостоявшейся немецкой торговой делегации в Москву (данным вопросом Чемберлен особенно интересовался) исходила от Германии. Что касается Японии, то Чемберлен хотел знать, ожидаем ли мы какой-либо агрессии с ее стороны против нас. Я ответил, что хотя ручаться за действия японской военщины трудно, но общее соотношение сил складывается так, что Япония десять раз подумает, прежде чем рискнуть на какую-либо серьезную антисоветскую авантюру.

Чемберлен с этим согласился и прибавил, что Япония слишком глубоко «завязла» в Китае и что в конце концов она может оказаться в положении Наполеона в России.

Отвечая на мои вопросы о ближайших международных перспективах, Чемберлен стал развивать известные Вам «оптимистические тезисы» о том, что общая ситуация улучшается, что ни германский, ни итальянский народы войны не хотят, что Гитлер и Муссолини заверяли его в желании мирно развивать свои ресурсы и в том, что они очень боятся больших конфликтов. Я согласился с этим последним замечанием, но прибавил, что сейчас, как и раньше, они рассчитывают на блеф и бескровные победы. На это Чемберлен ответил, что «время для таких побед прошло».

4. В дальнейшем разговор перешел на другие темы. Чемберлен вспоминал о своем отце, с особым чувством подчеркивал, что он осуществляет его программу (объединение и укрепление империи через таможенную систему) и т. д. Эта часть беседы оставила у меня впечатление, что Чемберлен искренне считает себя «человеком судьбы», призванным осуществить какую-то «священную миссию».

Полпред

АВП СССР, ф.059, оп.1, п.300, д.2075, л.133-136. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 220.-222.

169. Сообщение ТАСС об отзыве представителя СССР из Комитета по невмешательству.

4 марта 1939 г.

В связи с тем что лондонский Комитет по невмешательству уже давно перестал функционировать и потерял смысл своего существования, Совнарком СССР 1 марта с. г. постановил отозвать своего представителя из состава Комитета по невмешательству.

Правда. 1939. 4 марта.

170. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 марта 1939 г.

Дорогой Иван Михайлович,

1. Вы в своей шифровке от 2-го {{* [См. док. 168.](#)}} правильно определили мотивы, вызвавшие известные жесты в нашу сторону правительства Чемберлена. Основным мотивом я считаю желание несколько задобрить оппозицию в момент, когда признание Франко должно было нанести новый удар популярности Чемберлена в известных английских кругах. Не исключено, однако, что в душу самого Чемберлена закрадывается опасение, как бы ненасытность агрессоров не заставила Англию и Францию взяться за оружие, и на этот случай не мешает закинуть удочку в СССР. Что касается пугания немцев, то оно имеет в виду не столько промышленные переговоры, сколько усиление

акции по натравливанию Гитлера на Восток: иди, мол, на Восток, или же мы с ним сойдемся против себя. Не буду удивлен, если ответом явятся такие же жесты по нашему адресу со стороны Гитлера. Во всяком случае, мы имеем дело только с жестами и тактическими маневрами, а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами.

2. Нам неизвестно, предполагает ли Хадсон ставить здесь какие-либо политические вопросы, если не считать общих разговоров о международном положении, Я не представляю себе даже, какие предложения Хадсон мог бы нам в этой области делать. Если Сидс мне намекал на какие-то очень серьезные предложения, то их надо отнести, по-видимому, к области экономических отношений. Могут быть предложены не только мероприятия по расширению торговли, но и кредитно-финансовые, связанные с ликвидацией старых претензий. Возможно, что эти претензии вытаскиваются из архивов для того, чтобы заранее сделать невозможным действительное соглашение и взвалить на нас ответственность которая будет понятна Сити. Относясь, таким образом, с достаточной долей скептицизма и недоверия к английским жестам, я, однако, считаю их далеко не бесполезными, в особенности перед лицом обостряющихся наших отношений с Японией.

По-видимому, Хадсон настаивает на своем приезде 23-го, и настаивать на изменении даты вряд ли следует. Если он прибудет с утренним поездом, то он сможет быть принят в тот же день мною и, может быть, также т. Микояном. Не исключаю приема его т. Микояном и в выходной день. Поскольку он выдвинет предложения, которые придется, вероятно, обсудить с правительством, ответ ему будет дан, вероятно, лишь 26-го или 27-го. Приезд его жены несколько осложняет дело с протокольной стороны. Желательно получить от Вас сведения о ней, о ее интересах и т. п.

3. Я не думаю, чтобы Хор {{* Министр внутренних дел Великобритании.}} ставил вопрос о поездке в СССР в ближайшее же время. Это было бы уже сверхжестом, на который Чемберлена не хватит. Относится к нам Хор не очень дружелюбно, ибо им еще не забыты старые связи с царской Россией, а также с белой эмиграцией. Я не думаю, однако, чтобы с нашей стороны могли быть возражения против приезда его или других членов английского кабинета, если только поездка не будет связана с особым интересом к военно-оборонным делам (как в свое время ставил вопрос Черчилль {{** См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 176.}}). Мы можем в том или другом случае просить об отсрочке визита на некоторое время, но совершенно возражать против него трудно. Нужно ли поощрять такие поездки? Вопрос надо решать конкретно в каждом отдельном случае, в зависимости от момента и личности едущего. Вообще, опыт приезда Виргинии Коуэлс {{*** Корреспондент лондонской газеты «Санди таймс».}} и других говорит против целесообразности поощрения туристских поездок в СССР.

4. Наше заявление о выходе из Лондонского комитета {{{** См. док. 169.}}} может вызвать нежелательные догадки и предположения. Одни иностранные корреспонденты уже вчера спрашивали, означает ли это решение об оказании помощи Негрину, а другие — полное закрытие главы об Испании. Решение правительства не означает ни того, ни другого, а просто прекращение ненормального двусмысленного положения с Комитетом:

Литвинов

171. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиненем

5 марта 1939 г.

Я вызвал сегодня [Ирие-] Коскинена и после обмена обычными любезностями заявил ему следующее.

В наших отношениях с Финляндией на очереди стоят два важных вопроса, требующих разрешения; экономические отношения и Аландские острова. Для удовлетворительного разрешения этих вопросов желательно было бы создать необходимую атмосферу; доверия и дружественности. Это, по нашему мнению, могло бы быть достигнуто принятием финским правительством следующего; нашего предложения. В Финском заливе имеется несколько островков, не представляющих большой ценности для финского правительства и не используемых им, а именно: Гогланд, Лавансаари, Сейскари и Тютерс. Мы хотели бы получить в аренду эти острова лет на тридцать. Мы отнюдь не намерены укреплять эти острова, а используем их в качестве наблюдательных пунктов, контролирующих важный для нас морской путь на Ленинград. Согласие финского правительства, несомненно, окажет благотворное влияние на начатые вчера экономические переговоры⁷³. Чтобы не задерживать здесь делегацию, желательно было бы получить возможно скорый ответ финского правительства {{* [См. док. 174.](#)}}.

Коскинен, конечно, ответил, что он передаст наше предложение, своему правительству, ограничившись лишь замечанием, что Гогланд — остров не маленький, что там имеется, по его мнению, несколько тысяч населения, пляж для купания и что остров служит местом туристских экскурсий.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 47. Опубл.; Международная жизнь. 1989. № 8.

172. Из записки военного атташе Великобритании в Германии ф. Н. Мэсон-Макфарлейна послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону

6 марта 1939 г.

[...] Польское правительство имеет точные сведения о соглашении, достигнутом в прошлом году между Германией и Японией, по которому Германия признает «право Японии на экспансию на запад вплоть до озера Байкал взамен признания права Германии на экспансию вплоть до Кавказа». Японское посольство в Варшаве все время пытается выяснить у поляков, когда они собираются предпринять совместные действия с Германией против России, и все время стремится предотвратить осложнения между Польшей и Германией. [...]

Ф. Н. Мэсон-Макфарлейн,
полковник, военный атташе

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 223-224.

173. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

7 марта 1939 г.

Имеются сведения, что Эстония заключила с Германией тайный договор о пропуске германских войск через Эстонию ⁷⁴. В связи с этим идет реорганизация направления эстонских железных дорог.

Обостряется борьба между Пятсом {{* Президент Эстонии.}} и Ээнпалу {{** Премьер-министр Эстонии.}}. Пятс упорно ищет Ээнпалу заместителя. Ээнпалу же торопится проводить свою жандармскую политику.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 19. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 224.

174. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинен

8 марта 1939 г.

[Ирие-] Коскинен зачитал мне полученный им от его правительства ответ {{{ См. док. 171.}}}, который гласил приблизительно так.

Финское правительство не находит возможным принять к рассмотрению предложение об аренде финских островов, которые составляют интегральную часть финской территории, признанную таковой Советским Союзом по мирному договору {{* См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. Док. 137.}}. По требованию СССР острова нейтрализованы и до сих пор остаются без всякого оборудования для защиты. Даже дискуссию на эту тему надо признать несовместимой с политикой нейтралитета, которую проводит финское правительство. Оно очень просит ни в коем случае не оглашать сделанного нами предложения, так как опубликование его может сильно взбудоражить общественное мнение Финляндии. Финское правительство также просит не смешивать политических вопросов с экономическими. Когда т. Микоян заявил посланнику о своем согласии на приезд торговой делегации, он не упоминал никаких политических вопросов и ими переговоров не обуславливал. Что касается Аландских островов, то посланник уже заявлял в переговорах с нами, что финское правительство берет на себя обязательство защищать эти острова и такое заверение должно быть достаточной гарантией для нас. Лично посланник думает, что если мы будем настаивать, то можно будет декларацию сделать в письменном виде и, может быть, даже в форме обмена нотами.

Я сказал посланнику, что мое правительство будет очень разочаровано, ибо оно не ожидало такого ответа. Мы отлично знаем, что острова, о которых идет речь, принадлежат Финляндии, ибо мы иначе не обращались бы к финскому правительству. Именно потому, что Финляндия суверенно владеет островами, она может ими распоряжаться, а следовательно, и переуступать и сдавать в аренду, нисколько не нарушая своей политики нейтралитета, тем более что, как я уже заявлял, мы отнюдь не намерены укреплять острова. Мы исходим из того, что острова не представляют ценности для Финляндии,

которой самой может оказаться выгодным сдавать их за некоторую компенсацию. Нельзя полностью отделять экономические вопросы от политических, между которыми всегда существует в известной мере взаимозависимость. Мы сделали предложение, принятие которого могло бы в весьма большой мере улучшить со всех сторон советско-финские отношения. Финская торговая делегация выдвинула предложения, которые для нас, может быть, также интереса не представляли, но мы готовы, однако, учесть финские интересы и максимально пойти навстречу финским предложениям. Мы вправе, однако, ожидать, что и Финляндия отнесется с большим вниманием к нашим предложениям в другой области. Я поэтому хочу надеяться, что сообщенный мне сегодня ответ не является последним словом финского правительства и что оно готово будет пересмотреть свое отношение к нашему предложению. Мне лично кажется, что можно было бы даже перевести переговоры в плоскость обмена территориями. Для Финляндии, например, могла бы представлять больший интерес уступка ей соответственной части нашей территории вдоль карельской границы, чем бесплодные острова. Финляндия всегда интересовалась лесом, который имеется в изобилии в Карелии. Что касается Аландских островов, то я к этой теме еще вернусь. Я считаю более срочным разрешение поднятого нами вопроса ввиду продолжающихся торговых переговоров. Я прошу поэтому посланника предложить финскому правительству еще раз обсудить вопрос в свете высказанной мною аргументации.

Коскинен выразил сомнение в изменении решения финского правительства, но обещал передать наш разговор и сообщить новый ответ через несколько дней.

Я заверил Коскинена, что мы не имеем никакого намерения оглашать наши переговоры.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0135, оп. 22, и. 145, д. 4, л. 5—7. Оpubл.: Международная жизнь. 1989. № 8.

175. Записка о речи рейхсканцлера Германии А. Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии

8 марта 1939 г.

В среду, 8 марта, у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали ответственные представители военных, экономических и партийных кругов. Кроме вышеупомянутых лиц присутствовал гаулейтер Бюркель, представляющий «Австрию».

Сначала обсуждались экономические вопросы и вопросы рабочей силы. Затем выступил фюрер. Вначале он сказал, что четырехлетний план является последним прибежищем. Насущная проблема для немецкого народа — обеспечить себя источниками сырья, необходимого для его благосостояния. Кроме того, для того чтобы немецкий народ мог пользоваться этим благосостоянием, должны быть полностью истреблены его враги: евреи, демократии и «международные державы». До тех пор, пока эти враги располагают хотя бы малейшими остатками власти в каких-либо частях мира, они будут представлять угрозу мирному существованию немецкого народа.

В этой связи положение в Праге становится нетерпимым. Кроме того, Прага нужна как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками.

Затем последует Польша. Нам не придется ожидать тут сильного сопротивления. Господство Германии над Польшей необходимо для того, чтобы снабжать Германию сельскохозяйственными продуктами и углем Польши.

Что касается Венгрии и Румынии, то они, безусловно, относятся жизненно необходимому пространству Германии. Падение Польши и оказание соответствующего давления, несомненно, сделают их сговорчивыми. Тогда мы будем полностью контролировать их обширные сельскохозяйственные ресурсы и нефтяные источники. То же самое можно сказать о Югославии.

Это план, который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия станет непобедима.

В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы. Англия — старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией и получит тогда в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире.

Таким образом, впервые объединив континент Европы в соответствии с новой концепцией, Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с «еврейскими королями доллара» в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами. Еще сегодня американцы могут оскорблять наш народ, но настанет день, когда они, хотя и слишком поздно, горько раскаются в каждом слове, произнесенном против нас.

Среди присутствовавших некоторые отнеслись к этому восторженно, тогда как другие, по-видимому, проявили значительно меньше энтузиазма.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 224-225.

176. Из телеграммы посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

9 марта 1939 г.

[...]12. Два года тому назад мой предшественник подытожил непосредственные (и с точки зрения Германии понятные) цели Гитлера, подразделив их на три категории:

- 1) поглощение Австрии и других населенных немцами районов (например, населенные немцами окраинные районы Чехословакии),
- 2) экспансия на восток,
- 3) возвращение колоний.

13. В прошлом году Гитлер в значительной степени достиг целей, указанных в первом пункте, и даже, вероятно, скорее, чем он предполагал. Кажется неминуемым, что с течением времени Мемель и Данциг и даже, возможно, некоторые другие незначительные районы будут вновь присоединены к рейху на основе самоопределения. Самое большое,

на что мы можем надеяться,— что это произойдет без бряцания оружием, конституционным путем или путем мирных переговоров. Вопрос о колониях требует тщательной подготовки и гораздо более благоприятной атмосферы, чем которая возможна на протяжении этого года. Поэтому, чем меньше говорить о них в данный момент, тем лучше.

14. Остается пункт об экспансии на Восток, и поэтому главным непосредственным вопросом является вопрос о том, каковы дальнейшие законные или незаконные цели Гитлера в этом направлении. Говорят: «Аппетит приходит во время еды», но правильный ответ, вероятно, будет находиться где-то между опасениями пессимистов и надеждами оптимистов. Германия очень большая страна и 80 млн трудолюбивых и дисциплинированных немцев всегда будут беспокойным фактором в политике и экономике Европы. К этому, по крайней мере, мы должны быть полностью готовы. Поскольку действия людей зависят от случайных обстоятельств, остальное в значительной степени является предположительным. Тем не менее я считаю себя обязанным заметить здесь, что многое в разговорах о наступлении Германии на Голландию и Швейцарию, Украину и Румынию следует рассматривать, по меньшей мере, как весьма преждевременное. Не следует забывать, что одним из принципов нацизма в его нынешней форме является чистота расы. Одно дело — Австрия и судетские земли, населенные чистокровными немцами и где, как в первом случае, большинство населения было в принципе настроено в пользу создания Великой Германии, и совсем другое — страны, в которых такого большинства нет. Человек весьма склонен считать, что, поскольку случилось одно, следует ожидать в равной мере и другого. В каждой стране существуют экстремисты, и, хотя неизбежно, что при первом порыве безумства осуществить германское единство здесь будут идти разговоры о Швейцарии и Голландии, я считаю, что любая агрессия в отношении них при настоящих обстоятельствах слишком гипотетична для того, чтобы уделять ей серьезное внимание. Что касается Румынии, ясно, что Германия пожелает обеспечить себя наибольшей долей продукции румынских нефтяных промыслов. Нам, видимо, трудно возражать против этого, поскольку любые соглашения, которые она в этих целях может заключить, будут достигнуты путем открытых переговоров с правительством этой страны. Что касается Украины, то хотя я и считаю идею завоеваний невероятной, мне кажется тем не менее неизбежным, что Германия проявит желание попытаться отторгнуть эту богатую страну от обширного государства, которое она считает своим основным врагом. В своих собственных интересах она предпочла бы, естественно, чтобы Украина была, независимой и служила бы буферным государством между ней и этим врагом, и совершенно очевидно, что она хотела бы пользоваться там преобладающим экономическим и политическим влиянием. Я не думаю, чтобы СССР покорно подчинился германским интригам до такой степени, и мне кажется, что, чем меньше мы будем принимать чью-либо сторону в этом конфликте, тем лучше.

15. По моему мнению, со времени войны мы совершили ошибку, проявив неспособность и нежелание понять подлинную сущность Германии. Как бы неприятно это ни было для нас и для остальной Европы, по стремление Гитлера объединить немцев — будь то австрийцы или судетские немцы — в Великой Германии не было неизменным. Методы, которыми было осуществлено присоединение в этих двух случаях, вызвали у нас справедливое негодование, но само по себе это присоединение было не чем иным, как осуществлением стремления, которое никогда не оставляло умы всех германских мыслителей на протяжении веков.

16. Другой фактор, который мы не сумели учесть,— это то, что за самоуверенностью нацистского режима все еще скрывается комплекс неполноценности и глубоко

укоренившаяся нервная неуверенность. Мы не можем представить себе, сколько выстрадала Германия в результате блокады во время войны и условий Версальского договора. В настоящее время всех немцев больше всего пугает возможность повторения этих страданий, и это в значительной степени оказывает влияние на политику Гитлера.

17. Гитлер указал в «Майн кампф» совершенно ясно, что «жизненное пространство» для Германии может быть найдено только в экспансии на Восток, а экспансия на Восток означает, что рано или поздно весьма вероятно столкновение между Германией и Россией. Имея под боком доброжелательную Англию, Германия может сравнительно спокойно предусматривать такую возможность. Но она живет в страхе, что может произойти обратное — война на два фронта, которая, как кошмар, преследовала также Бисмарка. Лучшим способом установления хороших отношений с Германией является поэтому следование по линии уклонения от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых интересы Англии прямо или существенно не затрагиваются, а также по линии перспективы сохранения нейтралитета Англии в случае, если Германия будет занята на Востоке. Я говорю «по линии», поскольку, само собой разумеется, мы не можем слепо давать Германии карт-бланш на Востоке. Однако достижение соглашения с Гитлером не исключается при условии, если оно будет ограничено положениями, выполнения которых можно будет вполне разумно ожидать от Гитлера.

[...]20. Кратко я суммировал бы непосредственные цели Германии (а именно на ближайшие один-два года) следующим образом; Мемель, Данциг, колонии и полное политическое и экономическое подчинение Чехословакии Германии. Последнее, может быть, нам не по вкусу, но с географической точки зрения это неизбежно.

21. Мне не хотелось бы идти дальше этого, а лишь провести границу между незаконной целью политического господства и законной целью развития торговли. Трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Гитлер считает себя избранником, которому предначертано судьбой обеспечить для Германии жизненное пространство под солнцем, на которое, по его мнению и мнению всех немцев, Германия имеет право. Эта уверенность означает экономическое и политическое превосходство в Центральной и Восточной Европе. Потенциально Германия уже обладает таким превосходством, и, если мы желаем установить с ней взаимопонимание, необходимо в какой-то степени признать этот факт. Если цель нашей политики после 1938 г. состоит в том, чтобы ограничить Германию экономически, как она была ограничена территориально после 1918 г., то мы должны считаться с перспективой сохранения навсегда гонки вооружений, с возможностью разочарования в конечном счете. Более того, не следует забывать, что, если притязания Германии окажутся преувеличенными, эта болезнь несет в себе свое собственное исцеление. Проведение политики «мирового господства» или даже гегемонии в Центральной и Восточной Европе повлечет за собой враждебность всего мира или, по крайней мере, неприязнь каждой соседней европейской страны; и ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не смогло бы в конце концов противостоять такому объединению.

22. Я сознаюсь в том, что мне всегда кажется, что разговоры о стремлении Германии к «мировому господству» слегка вводят в заблуждение. По-видимому, это всеобъемлющее слово означает превосходство не только в Европе, но и в Африке, в Азии, а также и в Америке. Вполне возможно, что у некоторых немцев есть такие безумные мысли, но я верю, что Гитлер все еще в достаточно здравом уме, чтобы лелеять такую дикую фантазию. До наполеоновской эры властелин Европы мог стремиться стать властелином мира. Но в XX веке эта концепция устарела. Рост могущества Соединенных Штатов

Америки и Японии, которым было дозволено развиваться беспрепятственно под прикрытием британского флота, сделал это невозможным.

23. Вот почему, как я сказал выше, моя оценка целей Германии находится где-то между преувеличенными опасениями пессимистов и в равной мере преувеличенными иллюзиями оптимистов. По-моему, при рассмотрении британской политики руководствоваться идеей о Германии, стремящейся к мировому господству, так же бесполезно, как было бы неблагоприятно предсказывать границы, которые Гитлер или последующие правители Германии могут установить для своего пространства под солнцем, которое, как они слишком оптимистически считают, должно принадлежать Германии. Все зависит от обстоятельств и удобного случая, от хода развития событий, от сопротивления, которое встретит Германия, а что касается Гитлера, возможно, от его голоса, т. е. от вдохновляющей силы, которая, как он верит, руководит им свыше. И по общему признанию, «жизненное пространство» — выражение настолько туманное, что оно поддается почти любому толкованию. Какое-то решение колониального вопроса является в конечном счете необходимым, если Великобритании и Германии предстоит жить дружно бок о бок. Но в то же время будущее Германии на континенте определяется движением на Восток, и возможно, это Уже не так плохо. «Дранг нах Остен» — реальность, но «Дранг нах

Вестен» станет таковой только тогда, если Германия обнаружит, что все пути на Восток блокированы, или если сопротивление Запада будет таковым, что Гитлер убедится, что он не может идти в восточном направлении, не обезвредив сначала это сопротивление.

Невиль Гендерсон

Р. S. Вышеприведенная телеграмма была написана до обострения теперешнего кризиса в Чехословакии и, следовательно, в данный момент представляет академический интерес.

Н. Г.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 226 — 230. Опубл. в сб.: Documents on British Foreign Policy... Third series. Vol. IV. P. 213-217.

177. Из Отчетного доклада Центрального Комитета ВКП (б) XVIII съезду ВКП (б)

10 марта 1939 г.

[...]

2. Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны

Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, причем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Маньчжурии,

вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 года — остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были, на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — Версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — Версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций.

Новая империалистическая война стала фактом.

В наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилкам. Поэтому фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Берлин — Рим», т. е. некоторая геометрическая формула насчет оси.

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов

США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Берлин — Рим — Токио», т. е. маленькое увлечение геометрией.

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы» ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господ агрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко.

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию,

Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию, — все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «Пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!

Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, о его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два-три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на "поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора.

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козьявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших. Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козьявка к слону и говорит ему, подбоченься: «Эх ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил, — какая ж это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить, — нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... Ну что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории...»

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах.

3. Советский Союз и капиталистические страны

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружений. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили будто бы начало новой эре «умиротворения». Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Понятно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успевшая уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной Армии, нашего Красного Военно-Морского Флота.

Вместе с тем в интересах укрепления своих международных позиций Советский Союз решил предпринять и некоторые другие шаги. В конце 1934 года наша страна вступила в Лигу наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны. Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига наций. В мае 1935 года был заключен договор между Францией и Советским Союзом о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией. В марте 1936 года Советский Союз заключил договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В августе 1937 года был заключен договор о взаимном ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом", поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза.

В своей внешней политике Советский Союз опирается:

1. На свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь;

2. На морально-политическое единство нашего советского общества;

3. На дружбу народов нашей страны;

4. На свою Красную Армию и Военно-Морской Красный Флот;

5. На свою мирную политику;

6. На моральную поддержку трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира;

7. На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира.

* * *

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами. [...]

178. Телеграмма посла Польши в Японии Т. Ромера министру иностранных дел Польши Ю. Беку

10 марта 1939 г.

Вербальной нотой я сообщил министру иностранных дел нашу точку зрения, которой он очень заинтересовался и просил передать горячую благодарность. Констатирую замечательный эффект от нашего шага, особенно в данный момент.

Министр иностранных дел, сделав оговорку о необходимости сохранения строжайшей тайны, сообщил мне, что в связи с безрезультатностью ведущихся в Москве переговоров ⁷⁵, которые будут продолжаться до последнего момента, японское правительство, усматривая в вопросе о рыболовстве не только материальную выгоду, но прежде всего государственный престиж, на вчерашнем совещании приняло решение после 15-го сего месяца в случае недостижения соглашения предпринять решительные шаги, как полагаю, военного характера. Последствия будут зависеть от реакции СССР, но министр иностранных дел заявил мне, что Япония в конечном счете готова даже к военным осложнениям, хотя, конечно, и не желает их.

Я заверил его в соблюдении тайны и просил поддерживать взаимный контакт с нами по этому вопросу.

Кроме того, министр иностранных дел разъяснил мне, что японское правительство еще не приняло никакого определенного решения по вопросу расширения антикоминтерновского пакта ⁵¹.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 230.

179. Из краткого отчета полномочного представительства СССР в Германии о политической жизни в Германии в 1938 г.

11 марта 1939 г.

[...] *Реализация мюнхенского соглашения.* Октябрь месяц прошел под знаком реализации мюнхенского соглашения и развития всех заложенных в нем для Германии возможностей. Уступчивость берлинской комиссии послов, целиком принимавшей все германские требования, дала Гитлеру возможность выйти за пределы мюнхенского соглашения и почти целиком реализовать годесбергскую программу. Не довольствуясь территориальными приобретениями, Берлин стал навязывать Чехословакии требования по линии экономической и внутренней политики, по обеспечению прав оставшегося в новых пределах немецкого меньшинства и т. п. Визит Хвалковского 13 октября дал Гитлеру возможность продиктовать Праге свои пожелания, клонившиеся к тому, чтобы Прага целиком пошла по пути согласования всех отраслей своей политики с пожеланиями Берлина.

Не ограничиваясь присоединением V зоны, что сделало излишним оговоренный в Мюнхене плебисцит, Берлин 21 ноября «договорился» с Прагой о присоединении ряда новых участков под видом коррективов улучшения транспортной связи. Из серии актов, оформивших закабаление Чехословакии, стоит отметить соглашение от 19 декабря об экстерриториальной зоне в Богемии для постройки немцами автостреды Бреславль—Вена. Известно, какие изменения во внутренней (и внешней) политике провела Прага под нажимом Берлина. Все эти уступки Праги до сих пор, однако, не считаются исчерпывающими, и Берлин продолжает постепенно выдвигать новые требования. Одним из моментов, могущим в любой момент быть использованным Берлином, является положение немцев в Чехословакии, каковые продолжают, по официальным разъяснениям Берлина, считаться под покровительством Германии и, по существу, являются государством в государстве.

Экспансия на Юго-Востоке и в Прикарпатской Руси. В октябре Германия до известной степени содействовала Венгрии, нажимавшей на Чехословакию. Впрочем, уже в то время стала намечаться особая линия Берлина в вопросе Карпатской Руси (переименованной по настоянию немцев в Украину). Берлин, не нуждаясь уже в польско-венгерской поддержке, стал явно противиться разделу Карпатской Руси между Польшей и Венгрией. Все усилия посла Липского добиться у Гитлера согласия на этот вариант раздела и предлагавшего будто бы за это ряд уступок в вопросе о «коридоре» и по линии экономики успеха не имели. Став арбитром в споре между Прагой и Будапештом, Берлин 2 ноября вместе с Римом (куда 27 октября съездил Риббентроп, договорившийся на эту тему с Муссолини) наметил новую венгеро-чехословацкую границу, сохранив, однако, Карпатскую Украину за Чехословакией и не допустив, таким образом, создания общей границы с Венгрией и Польшей. Это создало заметное охлаждение в отношении к Берлину в Венгрии.

Эти акции дали основание серии слухов о новых агрессивных планах Берлина *на Востоке*. Говорилось о предстоящем нажиме на Румынию, о дальнейшей фашизации Венгрии, о планах создания «независимой» Украины из карпатской части с присоединением частей Польши и Румынии и дальнейшей экспансией в сторону СССР. Слухи об Украине особенно усиленно муссировались с Французской стороны. Усиление интереса Берлина к экономике стран Юго-Восточной Европы выразилось в поездке Функа по Балканским странам и в Турцию. Появились сведения о переделке четырехлетнего плана, с тем чтобы новый вариант его включил создание промышленности, которая могла бы полностью удовлетворить импортные потребности этих стран. В таком же духе звучала и пропаганда, связанная с работами по соединению каналом *Дунай с Рейном* и намечающимся в результате этого выходом Германии к Черному морю.

Политическая агитация Германии по части освоения Юго-Восточной Европы не получила в 1938 г. широкого осуществления и даже натолкнулась на непредвиденные препятствия. Процесс фашизации Венгрии несколько застопорился, и усилились признаки антигерманских настроений в связи с недовольством венгров арбитражными решениями. Расправа с «железной гвардией» ⁷⁷ вызвала резкое охлаждение между Берлином и Румынией и взаимный отъезд посланников. Соппротивление, наметившееся в Польше по вопросу об Украине, также заставило Берлин более осторожно отнестись к этому вопросу. Вряд ли у Берлина были серьезные предположения на ближайшее время по части Советской Украины. Скорее всего тут было желание французской стороны видеть экспансию Германии направленной на Восток. Так или иначе, эти слухи, как и слухи об отторжении польской Украины, подтверждения не получили и в дальнейшем были опровергнуты Гитлером в беседах с Чаки и Беком в январе 1939 г.

Наоборот, все более отчетливо стали обрисовываться *колониальные* устремления германской политики. Усилилась пропаганда в пользу возвращения Германии колоний. Компромиссные предложения южноафриканского военного министра Пироу, приехавшего в Германию в конце ноября и зондировавшего почву разрешения колониальной проблемы путем предоставления Германии ' компактной территории из бывших германских, а также португальских и бельгийских владений, не встретили одобрения фюрера. Тезис последнего: полное возвращение Германии ее бывших колоний — это вопрос чести и справедливости, в котором нет места каким-либо торжкам.

Постепенное заострение германской политики в западном направлении выразилось в форсировании строительства укреплений на западной границе. В дополнение к тому, что было построено летом, было объявлено о начале работ по укреплению местности близ Аахена и бельгийской границы. Все эти работы были широко рекламированы и мотивированы фактом усиления военного строительства в Англии и Франции. [...]

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 52-55. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 230-232.

180. Запись беседы полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна с министром иностранных дел Финляндии Е. Эркко

11 марта 1939 г.

После обмена обычными любезностями я перешел к интересующей теме. Я сказал Эркко, что приехал провести часть своего отпуска в Хельсинки и очень рад возможности снова увидеть Финляндию, поскольку от пребывания здесь у меня остались очень хорошие воспоминания. После отъезда из Финляндии я не переставал интересоваться вопросом о советско-финских отношениях. Только позавчера я завтракал вместе с финской торговой делегацией у т. Микояна и имел возможность разговаривать с ним, а также с т. Литвиновым о современном этапе советско-финских отношений. Тов. Литвинов подробно познакомил меня с содержанием своих разговоров, которые он имел с Ирие-Коскинемом и которые касаются вопроса об островах {{* См, док. 171, 174.}}. У меня создалось впечатление, что в настоящий момент отношения между СССР и Финляндией могут серьезно улучшиться и что этот момент необходимо использовать. Финские пожелания, касающиеся торгового договора, могут быть выражены примерно в сумме 250 — 300 млн финских марок. Министр должен понимать, что пожелания финляндской делегации не особенно интересуют СССР, но Советское правительство готово удовлетворить эти требования при условии, что будет создана соответствующая атмосфера взаимного доверия и доброй воли. Именно в этом контексте и следует понимать наше предложение, касающееся передачи нам островов. С другой стороны, имеется и еще один вопрос в порядке дня наших взаимоотношений. Я говорю о проблеме Аландских островов. Мы считаемся с возможностью, что в один прекрасный день острова эти добровольно или не добровольно будут переданы Германии и, следовательно, их укрепление может быть обращено против наших интересов. Доказательство доброй воли со стороны финского правительства могло бы также помочь при разрешении этого вопроса. Таким образом, налицо комплекс трех проблем, и от финского правительства зависит показать, что оно действительно стремится построить советско-финские отношения на прочном фундаменте.

Эркко ответил следующее: советское предложение о передаче островов было полной неожиданностью для финского правительства. Он должен обратить мое внимание на то, что согласно финской конституции правительство не имеет права ставить перед сеймом вопросы об отторжении даже самой малой части финской территории. Вот почему на первое предложение, переданное через Ирие-Коскинена, финское правительство вынуждено было дать категорический и отрицательный ответ. Равным образом и второе предложение, переданное Ирие-Коскиненом, обсуждалось в кабинете министров и получило отрицательное решение. Этот вопрос для финского правительства не дискуссионен. Он не понимает также, как возможно связывать вопрос об островах с проблемой торгового договора. В Финляндии также имеются круги, которые против торгового договора с СССР именно потому, что, дескать, СССР всегда связывает торговлю с политикой. Наконец, министр не понимает также связь первых двух вопросов с проблемой Аландских островов. Никогда эти острова не попадут в руки Германии. Между Финляндией и Швецией заключено соглашение о совместной защите островов ⁶⁰, в случае если бы Германия попыталась их занять. Этот договор является лучшей гарантией против угрозы Советскому Союзу.

Я начал отвечать Эркко последовательно по всем вопросам. Прежде всего я обратил его внимание на то, что между тремя проблемами, о которых он говорит (передача островов, торговый договор и Аландские острова), не имеется, конечно, строго формальной связи. Тем не менее интимная связь существует, ибо нельзя и было бы бессмысленно отрывать экономику от политики. Связь между ними является фактом, и этот факт отрицать невозможно.

Финская конституция, на которую ссылается министр, запрещает простую уступку территорий, но она отнюдь не запрещает обмен равноценных территорий или же соответственные формы долгосрочной аренды. Я глубоко убежден, что при желании можно найти такие формы, которые не будут противоречить конституции. Острова, о которых идет речь, не представляют никакого интереса для Финляндии, а между тем Финляндия могла бы в обмен на них получить территорию вдоль карельской границы, и притом территорию, богатую высокосортным лесом. Министр должен знать, что Финляндия ежегодно вывозит именно из этих областей довольно значительное количество леса, который она затем реэкспортирует с прибылью за границу. Что касается торгового договора, то я повторяю, что от финского правительства зависит, какой объем примет этот торговый договор. При проявлении доброй воли можно будет говорить не только об удовлетворении заявок финской делегации, но и о ряде других проектов, представляющих для Финляндии большой интерес. Наконец, по вопросу об Аландских островах я хочу лишь заметить, что обещание финского правительства в данный момент имеет, несомненно, условный характер, поскольку при парламентской форме правления нельзя быть уверенным, какой состав правительства будет завтра. Вот почему было бы желательно проявление доброй воли по вопросу об островах, которые, как понимает министр, для нас представляют значительный интерес, ибо они лежат на основной водной дороге к Ленинграду и Кронштадту. Впрочем, о проблеме Аландских островов я в настоящий момент не собираюсь подробно говорить и упомянул о них лишь в общем контексте актуальных вопросов.

Эркко снова заявил, что проблема, поставленная нами, в высшей степени деликатна и трудна. Однако в отличие от первого раза он уже не сказал, что дискуссия на эту тему невозможна. Наоборот, он выразил большое удовлетворение по поводу моего приезда, ибо это дает возможность ему продискутировать со мной вопрос в деталях. Вопрос, несомненно, очень сложный, и его необходимо всесторонне изучить. В частности, он еще не говорил с военными. Теперь, после разговора со мной, он считает возможным

поговорить с военными и сделает это послезавтра. Далее министр полагает, что нужно было бы потолковать, при условии достижения принципиального соглашения, о формах проведения этого дела. В частности, он очень опасается, что подобное соглашение может вызвать нападки на финское правительство из-за границы и обвинение его в том, что оно нарушает свою позицию нейтралитета. Он хотел бы знать мое мнение по этому вопросу. К этому он прибавил, что Германия может потребовать от финского правительства того же самого. Я возразил, что о нарушении нейтралитета нельзя говорить, поскольку речь идет об обмене территориями или о какой-либо сделке, похожей на это, скажем аренде. Этот обмен никого не касается, кроме обеих сторон, и не создает в силу его исключительности никаких прав благоприятствуемой державы для третьих стран.

Эркко продолжал далее, он обратил мое внимание на то, что для возможного достижения соглашения необходима большая предварительная работа. Это не зависит от одного человека, и нужно переговорить со многими, а это при финских темпах требует времени. Далее, если удастся прийти к принципиальному соглашению, то придется подготовить общественное мнение страны, считаясь с тем, что неосторожность в этом вопросе может все погубить. У правительства имеется много врагов, которые на таком вопросе могут поднять грандиозный скандал.

Я обратил внимание Эркко на желательность сохранения строжайшей конспирации. В шутовском тоне я выразил надежду, что разговариваю с министром иностранных дел, а не с главным редактором «Хельсингин саномат». У нас об этих разговорах знает буквально считанное количество людей, дискретность которых вне всякого сомнения. Вот почему я считаю, что финское правительство должно принять специальные меры против возможности разглашения этих переговоров. Эркко с этим согласился, подчеркнув, что сохранение тайны переговоров отвечает обоюдным интересам.

Возвращаясь к вопросу о консультации военных, Эркко заметил, что военные, очевидно, дадут отрицательное заключение. Я сказал на это, что подобное заключение будет страдать отсутствием логики: если военные выскажутся против передачи островов, это будет означать, что острова имеют военное значение для Финляндии. Между тем финское правительство утверждает, что острова эти не укреплены. Одно из двух: или финское правительство дает неправильную информацию, или если эта информация правильна, то, следовательно, острова не имеют военного значения и, значит, военные не смогут возражать против их уступки. Эркко ничего на этот аргумент не ответил.

Я снова вкратце повторил мои аргументы в пользу предлагаемой сделки. Эркко еще раз выразил удовольствие по поводу моего приезда и спросил меня, останусь ли я еще [на] несколько дней. После моего ответа он сказал, что сейчас же после разговора с военными мы с ним снова встретимся и продолжим эту беседу. Далее он заверял меня в своем стремлении развивать и в дальнейшем советско-финские отношения. Мы условились встретиться с ним 14-го ⁷⁸.

Б. Штейн

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 183, л. 61-65. Опубл.: Международная жизнь. 1989. № 8.

181. Запись беседы полномочного представителя СССР в Италии Б. Е. Штейна с министром финансов Финляндии В. Таннером

13 марта 1939 г.

Таннер принял меня в министерстве финансов. Ввиду того что в приемной у него было много народа и, следовательно, таким образом вряд ли можно было бы долго беседовать, я предложил поужинать вместе. Таннер охотно согласился встретиться в тот же день вечером.

После того как мы побеседовали некоторое время на тему о чешских событиях и общем международном положении, я перешел к интересующему нас вопросу. Таннер был, конечно, хорошо в курсе дела, так как в качестве члена узкого кабинета принимал участие в двукратном обсуждении нашего предложения {{* [См. док. 171.](#)}}. Он подтвердил мне, что правительство в целом не осведомлено о нашем предложении и что знают о нем только пять членов кабинета (Каяндер {{** Премьер-министр Финляндии.}}, Эркко, Таннер, Ньюкканен {{*** Министр обороны.}} и Ханнула {{**** Министр просвещения.}}), как представители трех коалиционных партий. Таннер снова подтвердил мотивы, по которым финское правительство отказывается принять это предложение, причем мотивы эти в точности повторяли слова Эркко {{***** [См. док. 180.](#)}}.

Я пространно изложил Таннеру мои аргументы в пользу принятия нашего предложения. Эти аргументы сводились к следующему: 1) обмен территориями или долгосрочная их аренда являются целиком и полностью компетенцией финского правительства и ни в какой мере не задевают его нейтралитета; 2) подобного рода сделка ни при каких обстоятельствах не может являться прецедентом и служить предлогом для любой третьей стороны требовать чего-либо аналогичного; 3) территориальная компенсация вдоль карельской границы, которую мы предлагаем, делает эту сделку для финского правительства особенно выгодной, ибо вместо пустынных островов Финляндия получает местность, богатую лесом; 4) в случае, если встал бы вопрос о переводе населения островов (несколько сот семей), мы готовы были бы оказать для этой цели финансовую помощь; 5) идя на предлагаемую сделку, нынешнее правительство показало бы правым партиям, что при помощи мирной и добрососедской политики можно получить действительные выгоды от СССР, чего никогда не могли добиться правые правительства Финляндии при помощи своей крикливой антисоветской политики; 6) принимая наше предложение, финское правительство способствовало бы созданию атмосферы взаимного доверия, что необходимо как при решении проблемы Аландских островов, так и для успешного завершения торговых переговоров; 7) если финское правительство примет наше предложение, оно может рассчитывать не только на удовлетворение заявки по финскому экспорту, сделанной финской торговой делегацией, но и на другие торговые планы, выгодные для финского правительства.

Таннер очень внимательно слушал меня. Он сказал, что, если бы пришлось обсуждать наше предложение только с деловой стороны, он, не колеблясь, его принял бы, настолько оно представляется ему выгодным. Дело, однако, в том, что финское правительство должно подойти к этому вопросу не только с деловой, но и с политической стороны. Политическая же обстановка внутри Финляндии такова, что рассчитывать на принятие этого предложения невозможно. Финское правительство не может рассчитывать на то, что общественное мнение страны одобрит какую-либо сделку с финской территорией.

Далее Таннер начал доказывать мне, что острова в Финском заливе не представляют, дескать, для нас интереса в качестве наблюдательных пунктов. Что же касается военного времени, то мы их все равно займем в первый же день войны. Финское правительство с этим считается, сказал Таннер. Я ответил, что речь идет не о военном времени, а о мирном

и что именно в мирное время эти острова, лежащие на прямом пути к Ленинграду и Кронштадту, представляют для нас интерес.

Таннер сказал мне, что изложенные мною аргументы представляют собой много интересных деталей, которых не было, когда финское правительство последний раз обсуждало этот вопрос. Нам придется снова обсудить его, сказал Таннер. Как бы мимоходом, он спросил меня, о каких территориальных компенсациях может конкретно идти речь. Я ответил, что мы до сих пор не конкретизировали этого вопроса, ожидая принципиального ответа от финского правительства. Если бы этот ответ оказался положительным, то финскому правительству следовало бы сделать нам предложение относительно территориальной компенсации. Мы готовы это предложение в любой момент обсудить. Под конец разговора Таннер начал доказывать, что вопрос о торговом договоре не следует смешивать с политическими вопросами. По его словам, когда решался вопрос о приезде финской торговой делегации в Москву, никаких политических условий при этом не выставлялось. Вот почему предложение, сделанное т. Литвиновым {{* [См. док. 171.](#)}} через Ирие-Коскинена, явилось для финского правительства совершенно неожиданным.

Б. Штейн

АВП СССР. ф. 06, оп.1, п. 17, д. 183, л. 66-68. Опубл.: Международная жизнь. 1989. № 8.

182. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом

13 марта 1939 г.

Беседовал с сотрудником бюро Риббентропа советником д-ром Клейстом относительно Чехословакии.

Клейст сказал, что 6 марта 1939 г. Гитлер принял решение ликвидировать оставшуюся часть Чехословакии. В последующие дни были приняты соответствующие меры с целью осуществления этой акции. В принятии этого решения Гитлером две причины имели определяющее значение:

1.Принятое в Мюнхене решение чехословацкого вопроса рассматривалось с самого начала с точки зрения политики рейха как неудовлетворительное. За отделением Судетской области должна была при подходящем случае последовать ликвидация остальной части Чехословацкого государства.

2.Политическая ситуация в Восточной и Центральной Европе после мюнхенского соглашения показала, что позиция Германии в этом географическом районе далеко не так обеспечена и крепка, как это желали бы видеть в Берлине. Выяснилось, что политический вес Великогермании недостаточен для того, чтобы соседние ГерхМании на востоке и юго-востоке государства добровольно и автоматически поставить под командование Берлина. В Праге стали заметными новые проявления воли к сопротивлению германской политике. В Венгрии и Румынии развитие протекало не так, как этого хочется Берлину. Наконец, внешне- и внутривполитическое развитие событий в Польше приняло совершенно нежелательные с точки зрения берлинской политики формы. Это состояние необходимо было устранить, если хотели провести во взаимодействии с Италией предстоящую акцию

против Запада, имея абсолютно обеспеченный Восток. Поскольку первый этап координированных германо-итальянских действий против Запада запланирован уже на май 1939 г., необходимо путем ликвидации оставшейся части Чехословакии создать в самом срочном порядке такое положение в Восточной и Центральной Европе, которое окончательно исключало бы все источники опасности для Германии в перспективе предстоящей схватки на Западе.

Акция против Чехословакии преследует в первую очередь цель создания путем территориальных изменений (присоединение Чехии к Германии, создание Словакии под исключительным влиянием Германии) такой ситуации, которая поставила бы соседние с Германией государства под угрозу, при которой Германия получила бы возможность путем принуждения оказывать на них влияние и осуществлять свою экспансию и которая лишила бы их возможности проводить в какой-либо форме антигерманскую политику. После осуществления запланированных территориальных изменений мы будем иметь в своих руках Венгрию, Румынию и Югославию. Военная угроза Польше со словацкой стороны исключит также ответные действия Польши в случае военных осложнений на Западе. Доступ Германии к венгерской пшенице и румынской нефти на будущее гарантирован. Вполне возможно, что будут приняты определенные меры по обеспечению безопасности Германии на Северо-Востоке. В результате присоединения Мемеля к рейху можно было бы заполучить в свои руки Литву и твердо стать на ноги также в Прибалтике. По мнению политического руководства рейха, в результате стабилизации таким путем Востока будет создан прикрытый тыл для столкновения на Западе.

Таким образом, проектируемые сейчас меры на Востоке и Юго-Востоке служат лишь делу подготовки акции против Запада. В мае начнется колониальная кампания Германии и Италии против Франции. В Берлине надеются сломить Францию, осуществляя это отдельными этапами и по возможности мирным путем, и добиться тем самым господствующего положения Германии в Европе.

В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики. Если раньше надеялись заполучить Польшу на свою сторону в качестве союзницы в войне против Советского Союза, то в настоящее время Берлин убежден, что Польша по своему нынешнему политическому состоянию и территориальному составу не может использоваться против Советского Союза в качестве вспомогательной силы. Очевидно, Польша должна быть вначале территориально разделена (отделение областей, принадлежавших ранее Германии, и образование западноукраинского государства под германским протекторатом) и политически организована (назначение надежных с германской точки зрения руководителей Польского государства), прежде чем можно будет начать войну с Россией при помощи Польши и через Польшу. И с этой точки зрения территориальные изменения в связи с акцией против Чехословакии имеют важнейшее значение.

Далее Клейст сказал, что, работая в бюро Риббентропа специальным референтом по украинским вопросам, он в течение недели (с 6 по 11 марта) по поручению Риббентропа готовил для Гитлера материалы по украинским проблемам в связи с акцией против Чехословакии.

В своих памятных записках и сообщениях Гитлеру, сказал Клейст, я испробовал все, чтобы спасти Карпатскую Украину. Я указывал на важное значение, которое имеет Карпатская Украина в связи с германскими планами на Востоке. Я обращал внимание на то, что возмущение украинцев Германией должно быть огромным, если мы отдадим Карпатскую Украину Венгрии. Наконец, я указал на то, что мы не можем вдруг сразу

порвать с украинцами, после того как мы до этого, особенно в результате образования Карпатской Украины, пробудили в них самые большие надежды на помощь и поддержку со стороны Германии. На Гитлера эти аргументы не произвели впечатления. Как сообщил мне Риббентроп, Гитлер на все это лишь заявил: «Это трагично, но неизбежно». По словам Риббентропа, Гитлер выступил также против мнения, что он якобы каким-либо образом уже заангажировался в украинском деле. Гитлер будто бы сказал: «Если бы я связался с украинцами и с их политическими планами, то в Вене не было бы принято третейского решения ³⁵, которое сделало Карпатскую Украину нежизнеспособной».

На мой вопрос, не выпустил ли Гитлер совершенно из рук украинскую карту, занимая такую позицию, Клейст ответил: «Гитлер, очевидно, позже намерен снова ввести в немецкую игру украинскую карту, когда будут осуществляться германские планы на Востоке. Он думает, вероятно, что украинцы снова присоединятся к нам, так как при любых обстоятельствах они зависят от германской помощи». Это толкование слов Гитлера подтверждается следующим фактом. К памятной записке для Гитлера я приложил в качестве дополнения карту из украинского атласа, на которой была обозначена будущая империя Великой Украины. Гитлер, как сообщил мне Риббентроп, отложил эту карту в сторону со словами: «Все это пока еще мечты». Если он говорит «еще», то, вероятно, думает, что позже они однажды должны стать действительностью.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 233-235.

183. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 марта 1939 г.

Согласно сведениям иностранных корреспондентов, в том числе французских, на днях ожидается введение немецких войск в пределы Чехословакии. При поддержке немцев в Праге будет сформировано правительство Гайды {{* Руководитель фашистской партии в Чехословакии.}}. Невмешательство Англии и Франции считается обеспеченным. По заявлениям очевидцев, к границам действительно подтянуты войска, подготавливается общественное мнение и печать. Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 44. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 235.

184. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 марта 1939 г. ,

1. Сегодня Черчилль в разговоре со мной высказывал мнение, что акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и ее армию. Черчилль проявлял большую озабоченность в связи с той частью речи т. Сталина, где дается оценка политики Англии и Франции {{* [См. док. 177.](#)}}, и, отчасти соглашаясь с этой оценкой, выражал, однако,

надежду, что это не означает отказа СССР сотрудничать с «демократиями» в деле борьбы с агрессорами. Черчилль придает большое значение поездке Хадсона [{{** См. док. 157., 158, 160, 168.}}](#) и усматривает в ней симптом известного поворота в политике английского правительства. Если Чемберлен, санкционируя поездку Хадсона, даже и рассматривал ее как известный тактический шаг, то в обстановке, созданной новым выступлением Гитлера, данная поездка сможет оказать серьезное влияние на общую ориентацию политики Англии, если Хадсон привезет из Москвы хорошие новости. В связи с этим Черчилль настойчиво просил меня принять со своей стороны все меры для обеспечения «успеха миссии Хадсона».

2. Румынский посланник Тиля сообщил мне, что речь т. Сталина вызвала в Румынии очень большой подъем, почти энтузиазм. Румыны чрезвычайно довольны заявлением т. Сталина о том, что СССР хочет поддерживать добрососедские отношения со своими лимитрофами и обещает поддержку всем жертвам агрессии, борющимся за свою независимость. Тиля также передал мне, что румыны сегодня заняли своими войсками большую часть юго-восточного угла Карпатской Украины. Польский посол Рачиньский в свою очередь рассказал, что венгры уже установили общую границу с Польшей в Карпатской Украине и что Германия против этого не возражает. Он полагает, что в данной обстановке ликвидация Карпатской Украины как марионеточного «государства» под германским «протекторатом» является плюсом со всех точек зрения.

3. Согласие Гитлера на аннексию Карпатской Украины, по-видимому, означает его окончательный отказ, по крайней мере на нынешнем этапе, от «украинских планов» и как будто бы подтверждает мнение Черчилля о том, что ближайший его удар будет направлен на Запад.

4. Шведский посланник Прюц передавал мне, что на днях Гитлер дал следующий совет Муссолини: предъявить Франции сравнительно умеренные требования в отношении Джибути, Суэцкого канала и пр. Что касается Туниса, то не настаивать сейчас на территориальных изменениях, а лишь предоставить такой статус итальянцам, который давал бы Муссолини возможность создать среди итальянцев, проживающих в Тунисе, могущественные фашистские организации, тесно связанные с Римом. Следующим этапом должно быть повторение в Тунисе судетской истории. По словам Прюца, ожидают, что Муссолини предъявит свои требования Франции на будущей неделе во время визита в Лондон Лебрена [{{* Президент Франции.}}](#).

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 173—175. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 236-237.

185. Из телеграммы полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 марта 1939 г.

[...] Бонне уже вторично заговаривает со мной о желательности улучшения наших отношений. Под несомненным давлением некоторых кругов (Эррио, Жанане [{{** Председатель французского сената.}}](#) и другие), использующих английские настроения, он поставил передо мной вопрос, не считаю ли я полезным, чтобы французское

правительство также послало к нам торговую делегацию с участием в ней представителя военной промышленности. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 302, д. 2089, л. 125 — 126. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 237.

186. Совместное заявление «Имперской промышленной группы» и «Федерации британской промышленности» («Дюссельдорфское соглашение»)

15 марта 1939 г.

1) Обе организации приветствуют связанную с этими переговорами {*** Имеются в виду англо-германские экономические переговоры в Дюссельдорфе, начавшиеся в феврале 1939 г.} возможность дальнейшего развития дружественных отношений, существующих уже много лет между обеими организациями ⁷².

2) Обе организации констатируют безусловную необходимость развития активной и взаимовыгодной экспортной торговли для экономики как Германии, так и Великобритании.

3) Обе организации констатируют, что целью этой экспортной торговли должны быть обеспечение работой их граждан, повышение их жизненного уровня, а также обеспечение запасов валютных фондов, необходимых для удовлетворения их экономических нужд.

4) Обе организации согласны, что их целью должна быть такая организация экспортной торговли всех стран, которая гарантировала бы производителям этих стран справедливый доход. Далее можно было бы договориться и о том, что представляется важным устранить проявляющуюся время от времени нездоровую конкуренцию путем конструктивного сотрудничества, чтобы прийти к расширению международной торговли на благо Великобритании, Германии и всех других стран.

5) Обе организации выражают желание, чтобы со стороны отдельных отраслей промышленности обеих стран были предприняты усилия в деле заключения друг с другом таких промышленных соглашений, которые исключили бы возможность возникновения конкуренции, нарушающей стабильность рынка.

Однако следует закрепить уровень цен на такой основе, которая не наносила бы ущерба покупательной способности потребителей.

6) Обе организации отдают себе отчет в том, что соглашения об уровне цен или другие факторы, действующие в отношениях между Германией и Великобританией, представляют собой лишь один, хотя и весьма важный, шаг на пути к более совершенной мировой торговле. Они приветствовали бы присоединение других наций к этому соглашению.

7) Обе организации выражают убеждение, что переговоры в этих целях между промышленными группами, относительно которых уже существует договоренность, следует начать немедленно. Далее они выражают свое согласие с тем, что развитие

международной торговли на прочной, прогрессивной и взаимовыгодной базе может быть достигнуто тем быстрее, чем шире будет диапазон настоящего соглашения как в отношении промышленных групп, так и стран непосредственно.

8) Обе организации вполне сознают, что в известных случаях выгоды от соглашения между промышленными группами двух стран или группы стран могут быть сведены на нет в результате нерациональной конкуренции другой страны, отказывающейся присоединиться к этому соглашению.

В этом случае у организации может возникнуть необходимость просить поддержки своего правительства. Обе организации согласились в случае необходимости ходатайствовать о такой поддержке.

9) Обе организации согласны, что цель, которую они преследуют этим соглашением между их промышленными группами, заключается в ликвидации нездоровой конкуренции. Основной задачей является достижение наиболее полного сотрудничества между отраслями промышленности обеих стран.

10) Между обеими организациями было достигнуто согласие о том, что они не пожалеют усилий, дабы продвинуть вперед переговоры между отдельными отраслями промышленности своих стран и претворить в жизнь их результаты. Существование целого ряда соглашений между отдельными германскими и британскими отраслями промышленности является стимулом для выполнения этого решения.

Накопленный опыт велик и рождает уверенность в том, что скорейшее расширение сферы этой политики является практически осуществимым и взаимовыгодным фактором. Они с большим удовлетворением сообщают, что представители ряда новых отраслей промышленности дали свое согласие на переговоры в ближайшее время. Они с удовлетворением отмечают далее, что уже начаты и ведутся в настоящее время переговоры между десятью промышленными группами.

11) Подводя итог, «Имперская промышленная группа» и «Федерация британской промышленности» выражают убеждение в том, что существующая проблема заключается не только в ликвидации нежелательной конкуренции, а скорее в том, чтобы предпринять конкретные шаги в направлении повышения потребительской способности в мире в отношении тех изделий, (в сбыте) которых заинтересованы германская и британская промышленность. Поэтому они решили поддерживать в этой области более тесные и активные отношения. Они рекомендуют далее промышленным группам ряда отраслей содействовать тому, чтобы с помощью соглашений, которые будут заключены для координации совместных действий, повысить уровень потребления изделий (в сбыте которых они заинтересованы). Они вновь повторяют, что эти совместные действия следует рассматривать как предвестника более широкого международного сотрудничества между промышленными группами, целью которого является повышение потребительской способности в мире, а следовательно, и уровня производства на благо всех участников соглашений.

12) Конечная цель должна состоять в том, чтобы содействовать процветанию во всем мире. «Имперская промышленная группа» и «Федерация британской промышленности» считают, что окончательным результатом переговоров между ними является создание здоровой основы для взаимовыгодного сотрудничества между отдельными промышленными группами. В целях обеспечения будущего успеха такой политики, осуществляемой «Имперской промышленной группой» и «Федерацией британской

промышленности», уже создан самостоятельный комитет обеих организаций. Этот комитет должен на своих регулярных заседаниях изучать состояние переговоров на том или ином этапе. «Федерация британской промышленности» пригласила немецких членов этого комитета нанести ответный визит в Англию в июне. Приглашение принято германскими коллегами с благодарностью.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 37 — 39.
Опубл. в изд.: Jahrbuch für Geschichte. Berlin. 1978. Bd. 18. S. 397 — 399.

187. Из записи беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера с послом Франции в Германии Р. Кулондром

15 марта 1939 г.

[...] Со своей стороны посол с некоторым волнением говорил о том, как сильно на него подействовало вступление наших войск (в Чехословакию.— *Прим. перев.*), которое находится в противоречии с мюнхенским соглашением, в противоречии с теми отношениями доверия, которое, по его мнению, он встретил у нас, в противоречии с целями, которые входят в его миссию здесь.

В заключение посол заявил, что должен резервировать за собой все дальнейшие шаги, которые будут определены позицией его правительства.

Я сразу же резко выступил против заявлений посла; сказал, что ему не следует вести разговоры о мюнхенском соглашении, которое будто бы было нарушено, и заявил, чтобы он не поучал нас. Мюнхен, сказал я далее, содержит два элемента, а именно сохранение мира и незаинтересованность Франции в восточных вопросах. Пусть Франция наконец обратит свои взоры на Запад, на свою империю, и прекратит разговоры о делах, в которых ее участие, как подсказывает опыт, не содействует делу мира. [...]

Подпись:
Вайцзеккер

Печат. по изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. IV, S: 238-239.

188. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

16 марта 1939 г.

Гжибовский пришел по поручению Бека установить контакт в связи с последними международными событиями, изложить позицию Польши и выяснить нашу. Гжибовский при этом сделал существенную оговорку, что полученная им инструкция была послана ему из Варшавы в ночь на 15-е, когда еще не было известно о превращении Чехии и Моравии в германские провинции, а посему она базировалась на тогдашней осведомленности Варшавы, а именно на отделении Словакии при существовании

чешского правительства. Возможно, что в свете новых событий польская позиция подлежит дальнейшей эволюции. Независимость Словакии, даже под протекторатом Берлина, не вызывает возражений со стороны Польши, которая заняла позицию благожелательного нейтралитета. Польшу, конечно, интересует карпатский участок, ибо она сохраняет свое стремление к присоединению этого участка к Венгрии и к установлению польско-венгерской границы. Это единственный пункт, в котором Польша может проявлять активность.

Гжибовский при этом сообщил мне о прослушанном сегодня французском радиовещании, которое передавало, будто генерал Прхало обратился в Будапешт в качестве представителя германского рейхсвера с требованием о немедленном приостановлении продвижения венгерских войск к Карпатской Украине, на что Будапешт ответил о технической невозможности выполнения этого требования. По сведениям Гжибовского, венгерские войска должны были вчера ночью дойти до польской границы, а румыны заняли интересующую их часть Карпатской Украины.

Я сказал послу, что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше. Не может ли посол объяснить мне, что дает эта независимость Словакии Польше? Беку, вероятно, должно быть ясно, что никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы. Гжибовский начал путано объяснять, что еще раньше, до сентябрьских событий, было очень сильно влияние Германии в Словакии и что она поддерживала тесный контакт с партией Глинки, что это влияние в последнее время еще более усилилось, но Польша предпочитает влияние открытое завуалированному.

Я выразил свое недоумение по поводу таких объяснений, указав, что если Германия, желая расчленения Чехословакии, установила контакт со словацкими сепаратистами, то это не означает еще влияния на Словакию или на словацкий народ, что, каково бы ни было это влияние, оно не может идти в сравнение с установленным теперь непосредственным управлением Германией всей внутренней и внешней жизнью Чехословакии, а потому мне все же непонятно, почему Польшу радует это событие. Гжибовский должен был согласиться со мною, признав, что, собственно говоря, Польша должна считаться с совершившимся фактом и, желая сохранить симпатии словаков, она не может выступать против их независимости. Значит, Польша делает хорошую мину при плохой игре? — спросил я. Гжибовский ответил, что если это и так, то ведь официально об этом нельзя говорить. На мой вопрос, не истекает ли радость Польши из того, что отделение Словакии облегчает переход Карпатской Украины к Венгрии, Гжибовский ответил, что, как Польша ни хочет общей границы с Венгрией, она не согласилась бы заплатить за это такую цену, как отдача Словакии в руки Германии.

На мой вопрос, как, по мнению посла, Польша отнесется к последующим событиям поглощения Германией Чехии и Моравии, Гжибовский ответил, что ему это неизвестно, но он полагает, что Варшаве ясны последствия усиления Германии весьма ценным чешским оружием, а также золотом, хотя, с другой стороны, Германия будет ослаблена нарушением однородности ее населения. На мои дальнейшие вопросы Гжибовский решительно отрицал возможность какой-либо предварительной сделки между Польшей и Германией в связи с чешскими событиями. В доказательство он сослался на выступление Бека, который в случае сделки, по крайней мере, умолчал бы об отношениях с Чехословакией.

Я заявил Гжибовскому, что мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но что с этим принципом ничего общего не имеет провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий. Малым народам трудно отстаивать свою независимость, но гораздо легче это делать, когда они добровольно входят в более сильное государственное образование. Мы считали вполне естественным образование единого чехословацкого государства. Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го. По существу мало что изменилось, ибо уже раньше Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособлявшая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство. Изменение формы, однако, тоже много значит, и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, лл.18—21. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 238-240.

189. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

16 марта 1939 г.

Спустя шесть месяцев после заключения мюнхенского соглашения {{* [См. док. 1.](#)}} и всего четыре месяца после венского третейского решения Германия, обращаясь со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несущественным, спровоцировала раздел Чехословакии, силой заняла Богемию и Моравию и присоединила эти две провинции к рейху. Со вчерашнего дня, т. е. с 15 марта, свастика развевается над Градчанами, куда на глазах у потрясенной и оцепеневшей публики въехал фюрер под охраной танков и бронеавтомобилей. Словакия преобразовалась в так называемое независимое государство, поставив, однако, себя под защиту рейха ⁷⁹. Что же касается Закарпатской Руси {{** Так в тексте.}}, то она отдана Венгрии, чьи войска уже перешли границу. Чехословакия, которая пошла в Мюнхене на такие ужасные жертвы ради сохранения мира, перестала существовать. Осуществилась мечта самых оголтелых нацистов о ее уничтожении. Она исчезла с карты Европы. События, которые с молниеносной быстротой привели к этой развязке, являются типичным проявлением духа и методов гитлеровских руководителей. Эти события содержат в себе практические уроки и выводы, которые должны незамедлительно извлечь для себя все заботящиеся о своей безопасности и независимости государства перед опьяненной своими успехами Германией, которая решительно переходит от расовых притязаний к настоящему империализму.

* * *

Операция, жертвой которой только что стала Чехословакия, в еще большей мере, чем предыдущие акты насилия нацистов, отмечена специфическими признаками гитлеровских акций: цинизм и вероломство замысла, секретность подготовки, жестокость исполнения.

Нацистские руководители и сам фюрер заявили в Мюнхене о невозможности сосуществования в рамках одного и того же государства чехов и судетских немцев; они ссылались на вековую, не уменьшающуюся ненависть чехов ко всему немецкому; они утверждали, что в целях сохранения мира следовало провести очень четкую демаркационную линию между двумя национальностями; они смогли убедить в этом лорда Ренсимена; и, наоборот, они отрицали, что стремятся включить в рейх инородные элементы. Руководствуясь этими принципами, участники переговоров, собравшиеся в баварской столице, заставили правительство Праги уступить рейху районы с преимущественно германским населением. В качестве компенсации Чехословакия должна была получить международную гарантию своих новых границ, гарантию, в которой участвовала бы сама Германия.

На практике, во время работы международной комиссии, собравшейся в начале октября в Берлине, вскоре выяснилось, что германские участники переговоров больше руководствовались стратегическими, чем этнографическими, соображениями. Многочисленные действия Oberkommando вермахта, предпринятые во время переговоров, свидетельствовали о том, что руководители рейха намерены были прежде всего провести границу, которая полностью лишила бы Чехословакию ее естественной оборонительной линии и укреплений и сделала бы ее с военной точки зрения совершенно беспомощной. Разграничение, которое было вынуждено принять правительство Праги в октябре (1938 г.), включало в территорию рейха 850 тыс. чехов.

Сегодня речь больше не идет о разделении чехов и немцев, необходимом для умиротворения государств Дунайского бассейна и Европы. Полностью меняя свои замыслы, Германия воссоздает германо-чешскую амальгаму, элементы которой она объявила в сентябре (1938 г.) несовместимыми. Если несколько месяцев назад она заявляла об абсолютной невозможности сосуществования между этими двумя этническими группами, то ныне она пытается доказать, что такое сосуществование является вполне естественным, что оно соответствует историческому развитию и что оно вытекает из экономической и географической необходимости. О вековой ненависти между чехами и немцами речь больше не идет; наоборот, утверждается, что два народа могут и должны жить в согласии в рамках одного и того же политического сообщества.

Таким образом, мюнхенские соглашения в конечном счете являлись для гитлеровских руководителей лишь средством разоружения Чехословакии перед ее аннексией. Утверждать, что этот маневр был задуман фюрером уже в Мюнхене, означало бы, возможно, зайти далеко. Во всяком случае, верно, что, аннексируя силой оружия Богемию и Моравию, правительство рейха — участник сентябрьских соглашений — оказалось виновным в злоупотреблении доверием, в настоящем вероломстве по отношению к остальным государствам-участникам, и в частности к чешскому правительству, которое, доверяясь слову великих держав, смирилось с уступкой судетских районов.

В сентябре рейх добился присоединения трех с половиной миллионов немцев исключительно во имя этнографического принципа. Сегодня, попирая тот же самый принцип, он аннексирует 8 млн чехов, поставленных в беззащитное положение отказом (в сентябре 1938 г.) от судетских районов.

Поддерживая независимость Словакии, впрочем весьма иллюзорную, Германия взывает в настоящее время к принципу права народов располагать своей судьбой; однако в том же праве отказано населению Закарпатской Украины, отданному Венгрии, и чехам, силой включенным в рейх.

Таким образом, Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта. Разорвав одним махом мюнхенские соглашения и венское третейское решение, она вновь доказала, что ее политика знает лишь один основополагающий принцип: выждать благоприятный случай и хватать все, что под рукой. Это практически та же мораль, которую проповедуют гангстеры и обитатели джунглей.

* * *

Вместе с тем германский цинизм сопровождался отточенным умением. Полностью подчинив своему влиянию людей и события, правительство рейха постаралось придать насилию над Чехословакией видимость законности.

Согласно официальной германской версии, Чехословакия распалась сама по себе. Порывая все связи с Прагой, Словакия якобы разделила федеральную республику на три части.

Что касается Богемии и Моравии, то заботу об этих провинциях правительство Праги якобы само и без всякого давления отдало в руки фюрера, не в силах поддерживать здесь порядок и защищать жизни представителей германского меньшинства.

Эти утверждения не могут никого ввести в заблуждение.

Нет сомнения, что словацкий сепаратизм являлся прежде всего делом рук германских агентов или словаков, направляемых непосредственно Берлином. Было давным-давно известно, что г-н Мах, шеф пропаганды правительства Братиславы, один из самых ярких экстремистов, находился полностью на службе у рейха. Министр транспорта Дуркански, совершавший частые наезды в Германию, был тоже лишь игрушкой в руках гитлеровцев, и в частности в руках г-на Кармасина, «фюрера» 120 тыс. словацких немцев. Что же до магистра Тисо, человека малоэнергичного, но занятого пропагандой успехов гитлеровской идеологии в своей стране, он был не способен противостоять сепаратистским, тенденциям, поощряемым Германией. Именно в силу этой мягкотелости он и был смещен 10 марта центральным правительством Праги. Эта суровая мера, принятая в отношении магистра Тисо, и его просьба, с которой он обратился к правительству рейха, послужили гитлеровским руководителям тем самым предлогом, которого они дожидались, чтобы вмешаться в распри между чехами и словаками.

Сразу же после получения послания смещенного председателя Совета официальные германские службы заявили, что в их глазах только правительство магистра Тисо имело законный характер и что, назначая другого председателя Совета, Прага нарушала конституцию. Начиная с этого момента берлинская пресса стала кричать о терроре, которому чехи подвергали в Братиславе словацких автономистов и их немецких соотечественников.

Начиная с 12 [марта] тон берлинской прессы сделался еще более неистовым. Речь уже идет о волнениях не только в Словакии, но также в Богемии и Моравии. В течение 24 часов акценты сместились. Берлинские газеты отодвинули на второй план муки, которым подвергались словаки, и с самым решительным возмущением принялись клеймить позором жестокости, жертвами которых якобы становились чехословацкие немцы (выходцы из рейха) или представители этнического меньшинства. Если верить газетам рейха, заговорившим не только тем же языком, но и теми же выражениями, что и в сентябре 1938 г., то над жизнью 500 тыс. чехословацких немцев нависла самая страшная

опасность. Чехи, в которых проснулся дух гуситов и старая ненависть против германизма, снова начали охоту на людей. Создалось невыносимое положение.

В действительности же, если исключить Братиславу, где беспорядки разжигались службой самозащиты немцев и гвардейцами Глинки, получавшими оружие из Германии, порядок не был никоим образом нарушен ни в Словакии, ни в Богемии, ни в Моравии. Например, английский консул в донесении своему посланнику в Праге констатировал, что в Брюнне, где, по сообщениям германской прессы, рекой текла немецкая кровь, царило абсолютное спокойствие. К тому же статьи, публиковавшиеся в берлинских газетах под зажигательными заголовками, были чрезвычайно бедны фактами,— подобно нескольким пылинкам, поднятым в воздух дуновением адских мехов.

Вечером 13 [марта] германские руководители, продолжая противодействовать усилиям Праги по формированию нового словацкого правительства, вызвали магистра Тисо в Берлин. В ночь с 13 на 14 [марта] магистр Тисо и г-н Дуркански долго беседовали с фюрером; в ходе беседы канцлер заявил, что желает создания «полностью свободной Словакии». Провозглашение независимости Словакии должно произойти безотлагательно.

В тот же вечер 60 депутатов получают приглашение собраться на следующий день в Братиславе, и сейм единогласно принимает решение о предоставлении независимости Словакии, как это и было предreshено в Берлине. Вечером 14 [марта] пресса рейха уже может объявить о том, что Чехословакия распалась, что она полностью разлагается, что коммунисты подняли голову и, объединяя свои усилия с чешскими шовинистами, преследуют немцев, в частности в Брюнне и Иглау, подвергая их дурному обращению. Немецкая кровь потекла рекой. Германия более не намерена мириться с таким положением.

Тем временем вокруг Богемии и Моравии были стянуты 14 дивизий, составленных почти полностью из моторизованных подразделений. 14 [марта] германские войска вступают на чешскую территорию и оккупируют Моравскую Оставу.

Однако следует обеспечить себе хотя бы видимость законности, перед тем как отдать приказ о наступлении войскам, готовым оккупировать Чехию. Г-н Гаха, президент Чехословацкой Республики, и г-н Хвалковский, министр иностранных дел, прибывают в Берлин, где их принимает фюрер в присутствии г-на Риббентропа и г-на Геринга. Не стесняясь в выражениях, фюрер указывает, что речь не идет о переговорах. Чешских государственных деятелей пригласили для того, чтобы ознакомиться с решениями, принятыми Берлином, и подчиниться им. Любая попытка к сопротивлению будет подавлена. Всякое стремление противостоять маршу германских войска будет сломлено вводом в действие бомбардировочной авиации. Рейх уже принял решение об аннексии Богемии и Моравии. Завтра в 10 час. утра Прага будет оккупирована. Президент Гаха, глубокий старик, находящийся в состоянии большой физической депрессии, падает и теряет сознание. Личные врачи г-на Геринга приводят его в чувство уколами. После этого старик подписывает документ, согласно которому чешское правительство, «преисполненное доверия», вручает судьбы Богемии и Моравии в руки фюрера.

На следующий день, 15 марта, в 9 час. [утра] первые моторизованные подразделения вступают в Прагу. Во второй половине дня фюрер въезжает в «императорский замок» в Градчанах и приказывает немедленно вывесить флаг со свастикой. Чехословакия закончила свое существование.

16 марта декретом фюрера Богемия и Моравия включаются в состав рейха; создается протекторат, пользующийся определенной административной автономией, под контролем «протектора», представляющего рейх и находящегося постоянно в Праге.

В тот же день магистр Тисо, глава нового, так называемого независимого словацкого государства, обращается к фюреру с просьбой взять Словакию под свою защиту. Канцлер немедленно дает согласие. На деле же это означает, что с независимостью Словакии покончено. Впрочем, эта страна, изуродованная венским третейским решением, лишенная своих самых плодородных долин и разбросанная по горному району, абсолютно беспомощна, существовать самостоятельно она не может.

Одновременно Закарпатская Русь также провозгласила 12 марта независимость и обратилась к Берлину с просьбой о защите. Однако гитлеровские руководители остаются глухими к призывам этой страны, связавшей с ними все свои надежды; на некоторое время ей отводится роль «украинского Пьемонта».

Закарпатскую Украину оккупируют венгерские войска. В отчаянии правительство Шуста предлагает свою страну Румынии. В телеграмме, адресованной посольству Франции в Берлине, премьер-министр Ревай просит французское правительство предпринять демарш в адрес правительства Будапешта, с тем чтобы судьба его страны была решена дипломатическим путем, а не силой оружия.

Все вроде бы указывает на то, что рейху безразлична судьба этого государства и что он оставляет его Венгрии.

* * *

Привлекает внимание еще одна деталь — стремительность, с которой была подготовлена и решена операция, завершившаяся разделом Чехословакии.

Уже в начале февраля посольство отмечало многочисленные признаки, указывавшие на намерения рейха в отношении Чехословакии. Они не оставляли сомнений в том, что нацистские руководители выжидали лишь удобного случая, чтобы завершить дело, начатое в Мюнхене, и добить смертельно раненное государство, и без того задыхавшееся в неразрешимых внутренних противоречиях.

Вместе с тем представляется, что решение было принято только 8 и 9 марта, т. е. после отъезда г-на Геринга в Италию, откуда он был срочно вызван. Первые передвижения войск были отмечены только днем 11 и 12 марта. Начиная с 14 [марта] вокруг Моравии и Богемии стягиваются около 200 тыс. человек. Концентрация войск осуществляется без какого бы то ни было нарушения нормальной жизни страны. И вновь решающая роль отводится бомбардировочной авиации. Она явилась самым безоговорочным аргументом, перед которым склонились чешские министры, стремившиеся уберечь гражданское население страны от ужасов смертоносных воздушных бомбардировок.

В другом письме я излагаю возможные последствия для Европы новых кардинальных изменений, которые только что претерпела европейская карта под нажимом национал-социалистской Германии.

В заключение я ограничусь несколькими выводами, вытекающими из акта насилия, вновь совершенного третьим рейхом.

Гитлеровская Германия сбросила маску. До сих пор она утверждала, что не имеет ничего общего с империализмом. Она заявляла, что стремилась лишь объединить (насколько это было возможно) всех немцев Центральной Европы в одну семью, без инородных элементов. Теперь ясно, что стремление фюрера к господству отныне безгранично.

Ясно также и то, что бесполезно надеяться на успешное противодействие фюреру иными аргументами, кроме силы. Третий рейх проявляет к договорам и обязательствам такое же пренебрежение, как и империя Вильгельма. II. Германия продолжает оставаться страной, где любой документ — «клочок бумаги».

Поэтому интересы национальной безопасности, равно как и интересы мира во всем мире, требуют от французского народа огромных усилий в плане дисциплины и мобилизации всех возможностей страны; только это позволит Франции, при поддержке ее друзей, утвердить свое положение и отстоять свои интересы перед лицом такого серьезного противника, каким является Германия Адольфа Гитлера, устремленная отныне к завоеванию Европы.

Кулондр

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 40—46.
Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français. 1938—1939. Ministère des affaires étrangères. Paris. 1939. P. 92-98.

190. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

17 марта 1939 г.

Председатель комиссии по военным делам в палате, с которым я сегодня завтракал, рассказал мне, что на сегодняшнем заседании радикал-социалистской фракции, на котором присутствовало, более 100 депутатов, было принято единогласное решение послать к Даладье делегацию с предложением принять немедленные* меры к улучшению советско-французских отношений, «к установлению, в частности, контакта между военными штабами». Высказывалось также пожелание о поездке в СССР официальной делегации во главе с крупным парламентским деятелем. При этом называлось имя Эдуарда Эррио.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 127. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... с. 240.

191. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

17 марта 1939 г.

Турецкий посол Арас пригласил меня к себе на чашку чая. Когда я пришел, то застал у него еще румынского и греческого посланников. Естественно, началось обсуждение текущих событий. При этом румын сообщил следующее: около недели назад, еще до захвата Чехословакии, германское правительство через Вольтата, находящегося сейчас в Румынии в связи с переговорами о предоставлении немцам концессии на разведку нефти, предъявило румынскому правительству ультиматум. Вольтат заявил, что если Румыния прекратит развитие своей индустрии и через известный, - согласованный с немцами срок закроет часть ныне действующих промышленных предприятий, если, сверх того, Румыния согласится все 100 процентов своего экспорта направлять в Германию, то последняя готова гарантировать румынские границы. Румынское правительство отвергло ультиматум Вольтата. Однако вчера Вольтат вновь предъявил тот же ультиматум, и в еще более угрожающей форме. В связи с этим румынское правительство направило Тиля срочное указание немедленно информировать британское правительство о создавшемся положении и выяснить, на какую поддержку со стороны Англии оно может рассчитывать. Тиль видел сегодня Галифакса, Кадогана и Ванситтарта. Галифакс обещал доложить вопрос правительству и через 2—3 дня дать ответ. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 185—186. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 240-241.

192. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

17 и 18 марта 1939 г.

Я вызвал поздно вечером Гжибовского и сообщил ему, что в порядке поддержания контакта, о котором он говорил со мною накануне, я ему сообщаю о нашем намерении ответить на германские ноты непризнанием легальности аннексии Чехии и что мы хотели бы знать, какую позицию в этом вопросе займет Польша.

Гжибовский обещал снестись с Варшавой. Он выражал некоторое беспокойство в связи с неопределенным положением Словакии. Словакия как будто остается независимой под протекторатом Германии, сохраняя свою армию, командование которой, однако, подчиняется рейхсверу. Вводится там германская валюта.

На следующий день Гжибовский сообщил мне ответ Бека. Польша ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их. Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, л. 22. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 241.

193. Нота народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу

18 марта 1939 г.

Господин посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората.

Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем якобы безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным в ответ на означенные ноты выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

1. Приведенные во вступительной части германского указа в его обоснование и оправдание политико-исторические концепции, и в частности указания на чехословацкую государственность как на очаг постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность Чехословацкого государства и на вытекавшую из этого необходимость особых забот для Германской империи не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле из всех европейских государств после первой мировой войны Чехословацкая Республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

2. Советскому правительству неизвестны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства без согласия " своего народа отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование. Чехословацкий президент г. Гаха, подписывая берлинский акт от 10-го сего месяца , не имел на это никаких полномочий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.

3. Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа, которое не может быть заменено подписью одного или двух лиц, какие бы высокие должности они ни занимали. В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Саарской области.

4. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

5. Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

6. Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения.

7. Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов.

8. По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов.

Имею честь просить Вас, господин посол, довести вышеизложенное до сведения вашего правительства и принять уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Литвинов

Известия. 1939. 20 марта.

194. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Германии А. Ф. Мерекалову, в Великобритании И. М. Майскому, во Франции Я. З. Сурицу, в Чехословакии С. С. Александровскому

18 марта 1939 г.

Послал сегодня германскому послу ответную ноту [{* См. док. 193.}](#) на его нотные извещения о берлинском чешско-германском соглашении и об указе, дающем новый статут Богемии и Моравии. В ответе я оспариваю все германские положения, доказывая незаконность берлинского соглашения, делающего включение Чехии в состав Германской империи незаконным и агрессивным в отношении нас актом. Наша нота резкая. Завтра опубликуем ее.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 144. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 243-244.

195. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 марта 1939 г.

Вчера присутствовал на заседании палаты. Был момент, когда казалось, что даже долготерпение французов начало иссякать, что «патриотическая тревога» действительно разбужена. Почти все выступавшие ораторы, несмотря на принадлежность к противоположным лагерям, резко осуждали политику Мюнхена, призывали к сопротивлению и твердости. Делались призывы к единству нации. Но вот слово берет Даладье. Ни одного звука оправдания. Ни слова протеста по адресу Германии. Несколько

заносчивых и грубых фраз по адресу левых, пара нудных и без особой убедительности произнесенных заверений («ни пяди земли») и требование чрезвычайных полномочий, которое прозвучало в зале как требование диктатуры против рабочих, против демократии, против свободы. Большинство палаты ответило на это требование громовой овацией в адрес Даладье. Более позорное зрелище трудно было себе представить. Сегодня палата даст свою санкцию диктатору, завтра за ней последует сенат и через пару дней начнутся гонения на «антимюнхенскую» печать, последует запрет собраний и не исключена возможность, что примутся вплотную и за коммунистическую партию.

Один из друзей Даладье, несомненно подосланный им вчера ко мне, пытался мне доказать, что чрезвычайные полномочия развяжут Даладье руки и в отношении установления более тесного сотрудничества с нами, что он это сотрудничество освободит из-под опеки «факторов внутренней политики», «которые так давили на наши отношения», и т. д. Этот друг Даладье приписывает последнему намерение «превратить наш пакт в военный союз».

Лично я глубоко убежден, что диктатура будет использована скорее для подготовки нового Седана ¹¹.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 129-130. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 244.

196. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 марта 1939 г.

Галифакс пригласил меня сегодня утром и начал с разговора о поездке Хадсона, которого он видел как раз передо мною. Галифакс просил отнестись к Хадсону с максимальной благожелательностью, ибо миссия эта задумана и посылается с самым добрым намерением со стороны британского правительства. Последние события в Центральной Европе придают визиту Хадсона гораздо большее значение, чем это предполагалось в момент решения о нем. Галифакс надеется, что Хадсон сможет способствовать урегулированию вопросов торгового порядка, однако задачи Хадсона значительно шире чисто хозяйственных. Никакой узкосвязывающей инструкции у Хадсона от кабинета нет, он готов обсуждать в Москве любые вопросы — не только экономические, но и политические. Лично он, Галифакс, очень рассчитывает на то, что Хадсону удастся рассеять те подозрения, которые существуют в Москве относительно намерений и внешней политики британского правительства, и тем самым подготовить почву для более тесного сотрудничества между обеими странами на международной арене. Он надеется также, что Хадсон в свою очередь по возвращении из Москвы окажется в состоянии рассеять те сомнения, которые существуют в Англии относительно СССР. Смысл этой последней фразы был расшифрован несколько позднее, когда уже по окончании официальной части разговора Галифакс в частном порядке стал меня расспрашивать о нынешнем состоянии советских вооруженных сил, в частности о подготовленности комсостава, о качестве воздушного флота, о насыщенности орудиями и пулеметами и т. д. В ответ я использовал речи Ворошилова. Однако из характера расспросов Галифакса было совершенно ясно, что он наслушался много антисоветских рассказов о «слабости»

Красной Армии и надеется, что Хадсон привезет ему из Москвы солидный контраргумент. В заключение Галифакс еще раз просил всемерно помочь тому, чтобы миссия Хадсона оказалась успешной.

2. Далее Галифакс сообщил мне о демарше румынского посланника по поводу германского ультиматума Румынии, о котором я вам сообщал {{* [См. док. 191.](#)}}, а также о том, что Тиля по поручению своего правительства поставил перед ним вопрос об английской помощи Румынии в случае агрессивных действий со стороны Германии. Галифакс добавил, что он спросил Тиля, в какой мере Румыния может рассчитывать на помощь своих соседей. Тиля ответил, что румынское правительство уверено в помощи со стороны Польши и Балканской Антанты ⁸⁰, по вопросу же об СССР Тиля не мог сказать ничего определенного. Галифакс обещал Тиля в срочном порядке обсудить вопрос в британском правительстве и после этого дать ему ответ. Однако прежде, чем принимать свое решение, британское правительство хотело бы выяснить позицию СССР в данном вопросе. Его интересует, может ли Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах (т. е. только ли на поставку оружия и амуниции и тому подобное или же и на более активную военную поддержку). Вчера вечером он послал Сидсу инструкцию срочно выяснить этот вопрос, но считает нужным поставить об этом в известность также меня. Затем Галифакс, сославшись, между прочим, на мой вчерашний разговор с Ванситтартom ⁸¹, стал интересоваться, что я лично думаю о возможности такой помощи. Я сослался на выступление т. Сталина {{* [См. док. 177.](#)}}, подчеркнув, что практическое преломление общего принципа зависит от конкретных условий в каждом случае. Галифакс просил меня выяснить и информировать его о том, как смотрит Советское правительство на вопросы помощи Румынии. Галифакс, между прочим, высказывал мысль, что германское наступление на Румынию — дело ближайших дней, хотя для такого наступления необходим ряд предварительных шагов в отношении Венгрии (хотя бы получение ее согласия на пропуск немецких войск). Я ответил, что, несмотря на германский ультиматум Румынии, я еще далеко не уверен, что Гитлер действительно хочет идти на Восток. Этот ультиматум может ведь иметь и иной смысл — поставить на службу Германии все сырьевые ресурсы Румынии, в особенности нефть, как раз для того, чтобы развернуть главное наступление на Запад. Галифакс информировал меня о шагах, предпринятых британским правительством в чехословацком вопросе (вызов британского посла из Берлина «для доклада», помощь беженцам, приостановка платежа по 10-миллионному займу Чехословакии, отправка ноты-протеста, по поводу которой Галифакс с жестом усталой безнадежности бросил: «которая (теперь) вообще лишена всякого реального значения»), и в заключение просил поддерживать с ним тесный контакт в порядке обмена информацией и мнениями. Он выражал надежду, что Литвинов будет делиться с ним информацией, которая может представлять интерес для обеих сторон.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 189-193.

197. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

18 марта 1939 г.

Английский посол потребовал сегодня срочного приема. Румынский посланник сообщил официально Галифаксу о германском ультиматуме [{* См. док. 191.}](#) и спросил, какова будет позиция английского правительства в случае нападения на Румынию. Прежде чем ответить Румынии, Галифакс решил выяснить позицию Москвы и Парижа. Я ответил, что мое правительство тоже может чувствовать потребность, прежде чем ответить на запрос Сидса, знать позицию других государств, в частности Англии, а между тем запрос Галифакса не содержит никаких указаний на этот счет. Я также выразил удивление, что нашей помощью интересуется Англия, а не Румыния, которая к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее. Обещал доложить правительству.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 142. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 246.

198. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

18 марта 1939 г.

Сегодня поздно вечером я вызвал Сидса и сообщил ему, что мы предлагаем немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии. Я объяснил, что из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация. Место конференции не имеет значения, но лучше всего было бы собраться в Румынии, что сразу укрепило бы ее положение. Сидс сообщил, что только что получил копию телеграммы, присланной в Лондон английским посланником в Бухаресте, который просит приостановить акцию. Сидс не понимает, что это значит, и думает, не напутал ли румынский посланник в Англии.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 143. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 246.

199. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 марта 1939 г.

15 марта нанес визит Чан Кайши, сообщил о своем предстоящем отъезде в Москву. Чан Кайши выразил пожелание, чтобы я летел в Москву вместе с Сунь Фо и поскорее возвращался обратно. В дальнейшей беседе Чан Кайши интересовался состоянием вопроса о рыболовной конвенции, при этом заявил, что вряд ли японцы проведут в жизнь свои угрозы (насилованную рыбную ловлю). На мой вопрос о перспективах военных действий японцев в Китае Чан Кайши ответил, что, по его мнению, японцы готовят

наступление на северо-западе главным образом для захвата Сианя. В конце беседы Чан Кайши выразил пожелание поговорить со мной перед отъездом.

Необходимо отметить, что в китайских кругах и особенно военных, близких к Чан Кайши, чувствуются выжидательные настроения к результатам наших переговоров с Японией по рыболовной конвенции; оживает надежда на возможность войны между СССР и Японией, что сразу же «снимет с них (китайцев) бремя борьбы против японцев». Это настроение главным образом является причиной того, что назначенное на начало марта наступление в ряде пунктов фронтов оттягивается под благовидными предложениями на апрель месяц. Крепко еще сидит в голове Чан Кайши и его окружения надежда на победу не путем мобилизации своих сил и средств, а через международные комбинации, главным образом войны Японии против СССР.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 311, д. 2142, л. 31-32.

200. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР во Франции и Великобритании Я. З. Сурицу и И. М. Майскому

19 марта 1939 г.

Ознакомьте Бонне с посланным мною Вам вчера сообщением об обмене мнениями с английским послом и о сделанном ему нами предложении {{* [См. док. 197.](#), [198.](#)}}. Я пропустил Турцию как необходимую участницу конференции.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2092, л. 139. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 247.

201. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 марта 1939 г.

Ознакомил сегодня Галифакса с ответом, данным Вами Сидсу, по вопросу о нашем отношении к германскому ультиматуму {{* [См. док. 197.](#), [198.](#)}}. Он уже знал о нем от Сидса, однако Сидс, видимо, телеграфировал очень кратко, потому что некоторые детали (например, Ваше указание на длительность и сложность переговоров между разными столицами) явились для него новостью. Галифакс сообщил, что он уже консультировался с премьером по вопросу о предлагаемой Вами конференции, и они пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным, ибо опасно созывать конференцию без уверенности

в ее успехе. Поэтому пока в качестве первого шага они хотят предложить нам, Франции и Польше опубликовать совместную декларацию в том смысле, что все названные державы заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы. Точный текст проекта вырабатывается, сегодня будет принят кабинетом и, вероятно, уже завтра будет сообщен нам. Галифакс подчеркивал важность опубликования декларации возможно скорее. Следующий после этого шаг ему представляется в таком виде: Турции, Румынии, Греции, Болгарии, Югославии и другим якобы миролюбивым государствам будет предложено присоединиться к декларации, в связи с чем возможна конференция всех названных держав совместно с перечисленной первоначально четверкой. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 198-199. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 247.

202. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 марта 1939 г.

1. В том же разговоре {{** [См. док. 201.](#)}} Галифакс сообщил мне, что Тиля уведомил его об ультиматуме 17-го вечером; 18-го утром английский посланник в Бухаресте Хор видел Гафенку, и тот отрицал получение ультиматума {{{* [См. док. 191.](#)}}}. Именно после этого Хор прислал Сидсу телеграмму с указанием приостановить акцию в Москве. Галифакс добавил, что вчера же, 18-го, Бек говорил английскому послу в Варшаве, что ему ничего не известно об ультиматуме. Отсутствие демарша с румынской стороны в Москве Галифакс склонен объяснить именно тем, что румынское правительство, видимо, не получило никакого ультиматума. В связи с этим Галифакс выражал недоумение по поводу демарша Тиля 17 марта. Я ознакомил Галифакса с текстом нашей ноты по поводу аннексии Чехословакии {{* [См. док. 193.](#)}}, которая ему очень понравилась, особенно то место, где нота квалифицирует акцию Гитлера как агрессию. В заключение Галифакс еще раз и очень настойчиво просил меня поддерживать с ним возможно более тесный контакт.

2. Несмотря на то что вопрос о реальности германского ультиматума остается неясным, английское правительство, видимо, серьезно обсуждает дальнейшее направление своей внешней политики. Доказательством может служить тот факт, что, несмотря на священный «уикенд», кабинет почти непрерывно заседает: одно заседание было вчера, в субботу, после ленча, второе — сегодня утром и третье началось сегодня же в 4 часа дня.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 200-201. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 248.

203. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. 3. Сурицу и временному поверенному в делах СССР в Румынии П. Г. Куколеву

19 марта 1939 г.

Румынский посланник Диану, которому до сегодняшнего дня ничего не было известно о германском ультиматуме [{{** См. док. 191.}}](#), сообщил сегодня НКВД, что никакого ультиматума не было и что переговоры с германским делегатом Вольтатом в Бухаресте не выходили за рамки обычных переговоров по применению торгового договора. Опровержение дано также в печать. Надо полагать, что либо Германия заставила Румынию дать это опровержение, сняв на время ультиматум, либо Румыния решила уступить нажиму Германии. Сообщаем для сведения.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 145. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 248-249.

**204. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

19 марта 1939 г.

Чехословацкие события, по-видимому, встряхнули общественное мнение как Англии, так и Франции и других стран. Тем не менее, если в ближайшее время Гитлер не предпримет какой-либо новой экспансионистской акции и, может быть, даже сделает новый миролюбивый жест, Чемберлен и Даладье начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии. Они отнюдь еще не сдались. Нельзя поэтому считать прочным созданное в правительственных кругах настроение в пользу сотрудничества с СССР. Чехословацкие события и ультиматум Румынии если несколько и обеспокоили Чемберлена и Даладье в качестве гарантов честных слов и клятвенных заверений Гитлера, то в то же время полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток.

Многое будет зависеть, конечно, от настроений, с которыми вернется отсюда Хадсон. Я отнюдь не убежден, что ему удастся рассеять существующие здесь подозрения и недоверие. Вопрос о разговорах с ним в политической плоскости еще не обсуждался и будет мною поставлен по окончании съезда. Из всех Ваших сообщений, однако, видно, что Хадсон не уполномочен и не намерен делать какие-либо конкретные предложения, а хочет выслушивать предложения с нашей стороны. Я думаю, что таких предложений ему сделано не будет. Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо высказываются по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу предоставить им. Впрочем, в данном мною вчера Сидсу ответе [{{* См. док. 198.}}](#) заключается конкретное предложение, которое с некоторыми изменениями может применяться и в других случаях. Переговоры, таким образом, вероятно, ограничатся обменом взаимными заверениями в готовности к сотрудничеству, без того чтобы сотрудничество сдвинулось с места. [...]

Литвинов

205. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

19 марта 1939 г.

После аннексии рейхом Богемии и Моравии и перехода под немецкую опеку Словакии я хотел бы попытаться охарактеризовать положение, сложившееся вследствие этих перемен, резко изменивших карту Европы, определить, в каких направлениях будет развиваться немецкий динамизм, рассмотреть вопрос о том, можем ли мы по-прежнему считать, что этот динамизм направлен только на Восток, и извлечь из всего этого несколько практических выводов для нашего руководства.

Откровенный вызов мировому общественному мнению, выразившийся в вероломстве, цинизме, жестокости, применении силы, при помощи которой третий рейх только что стер с европейской карты Чехословакию, не может, однако, рассматриваться ни как отказ от генеральной политической линии Германии, которую она заняла с осени прошлого года, ни даже как отклонение от этой линии. После конференции в Мюнхене сразу стало ясно, что за Рейном подписанные соглашения истолковывают как предоставление Германии свободы действий в Центральной и Восточной Европе и что соответственно западные державы проявят относительную незаинтересованность в этих районах. В Германии поняли или сделали вид, что поняли, будто в Мюнхене Франция и Англия хотели прежде всего предотвратить применение силы, но что в остальном эти страны согласны с преобладанием немецкой воли в тех районах, где ни Париж, ни Лондон не имеют никакой возможности эффективного вмешательства.

Мюнхенские соглашения, подкрепленные англо-германской [{{* См. док. 2.}}](#) и франко-германской [{{** См. док. 75.}}](#) декларациями, означали с немецкой точки зрения предоставление рейху права организовывать по своему усмотрению Центральную и Юго-Восточную Европу при молчаливом согласии западных держав или, по крайней мере, при проявлении терпимости с их стороны. Эта точка зрения в течение последних месяцев ежедневно излагается на страницах крупных немецких газет, отражающих взгляды официальных кругов, и в сообщениях посольства этот факт уже неоднократно отмечался. Я лично неоднократно имел возможность убедиться в наличии подобных настроений как у г-на Риббентропа, так и у г-на Вайцзеккера. Оба они к тому же выражали некоторое недоумение всякий раз, когда я говорил им, что Франция — великая европейская держава — намеревается сохранить свои позиции повсюду в Европе и что в этом вопросе не должно быть никаких недопониманий и недоразумений. Однако же недопонимание существует. Здешние руководители используют любую возможность, чтобы подчеркнуть, что Центральная Европа — это район, где, по заявлению самого фюрера в речи от 30 января, «западным державам делать нечего».

Поэтому захват немцами Богемии и Моравии и распространение германской опеки на Словакию соответствуют политике экспансии на Восток, которую Германия не только не скрывала с осени прошлого года, но о которой она открыто заявляла.

Тенденции немецкой внешней политики за последние полгода можно было бы резюмировать следующим образом: чисто оборонительная позиция на Западе и

направление гитлеровских устремлений и целей на Восток. Попытка немцев оккупировать вооруженным путем всю Словакию и даже Закарпатскую Украину показывает, впрочем, еще убедительнее, чем аннексия Богемии и Моравии, истинные цели и направление германского продвижения.

Если дальнейшее распространение германского влияния в восточном направлении не может вызвать у нас никакого удивления, то мы имеем полное право возмутиться против тех форм, которые приняла эта акция, и против тех неслыханных методов, к которым прибегнул третий рейх. Именно эти методы и эти формы и означают отказ от политики разрядки напряженности, начало которой было положено в Мюнхене и которая нашла свое выражение в декларациях от 30 сентября и 6 декабря. Франция и Англия были вправе ожидать, что в случае возникновения новых осложнений в Центральной Европе рейх будет консультироваться с ними. Германское правительство не могло к тому же не знать о том, что правительства Парижа и Лондона были готовы к подобному обмену мнениями. Франция и Великобритания были вправе также полагать, что Германия не отбросит этнические принципы, которые в Мюнхене позволили решить германско-чешский кризис, и что после своих ссылок в сентябре на право национальностей она не нарушит его так грубо. Париж и Лондон не могли ожидать, что после отказа в Мюнхене от применения силы Германия вновь прибегнет в еще более нетерпимых условиях к угрозе безжалостного истребления гражданского населения с помощью своей авиации. Франция и Англия не могли также полагать, что руководители рейха отнесутся к мюнхенским соглашениям и к последовавшим за ними декларациям как к пустым бумажкам и что они с такой легкостью выбросят в мусорный ящик документы со свежей подписью главы германского государства.

Но в действительности так произошло. Мюнхенские соглашения больше не существуют. Психологические принципы, на основе которых могли бы развиваться отношения, предусматриваемые декларациями от 30 сентября и 6 декабря, уничтожены. Некоторые газеты рейха интерпретируют уже демарш Франции и Англии, заявивших 18 марта о том, что они не могут признать законным положение, созданное рейхом в Центральной Европе, как отказ от ряда соглашений.

Таким образом, мы находимся перед лицом совершенно новой ситуации. Германия не довольствовалась лишь расширением и упрочением своего экономического и политического влияния на народы, живущие на границах рейха. Она проявила намерение поглотить, если не уничтожить, эти народы. От политики экспансии она перешла к политике захвата, а требования, основанные на расовой общности, отныне уступили место военному империализму.

Грубое проявление аннексионистских appetitов, которые до сих пор третий рейх считал нужным маскировать, не могло не вызвать глубокого волнения во всем мире. Почувствует ли гитлеровская Германия перед лицом вызванного ею осуждения необходимость остановиться, после того как за один год она поглотила 18 млн новых граждан, в том числе 8 млн человек негерманской расы? Или же, наоборот, она продолжит свое продвижение на Восток, используя быстроту своего натиска и оцепенение, которое охватило государства Центральной Европы? Или же она не устоит перед соблазном повернуться в сторону Запада, чтобы покончить с сопротивлением западных держав, которые стесняют свободу продвижения рейха на Востоке? Иными словами, не попытается ли фюрер вернуться к концепции автора «Майн кампф», идентичной, впрочем, классической доктрине немецкого генштаба, согласно которой рейх не сможет осуществить свои высокие предназначения на Востоке до тех пор, пока не разгромит Францию и не положит конец могуществу Англии на континенте?

Следовало бы поставить перед собой вопрос: не поздно ли еще создать на Востоке барьер, способный в какой-то мере сдерживать немецкое продвижение, и не должны ли мы в этих целях воспользоваться благоприятной возможностью, созданной волнениями и беспокойствами, царящими в столицах Центральной Европы, и в частности в Варшаве?

Выгодные для рейха перемены, вновь происшедшие в Европе, незамедлительно приведут если не к значительному численному росту армии, то, по крайней мере, к увеличению военного потенциала рейха.

Германия, все валютные ресурсы которой были почти полностью израсходованы, наложила руку на большую часть золотого и валютного запаса чешского эмиссионного банка. Полученная таким образом сумма (50 млн долларов) является весьма ценной поддержкой для страны, которая была почти полностью лишена средств для международных платежей.

Еще более важным является тот факт, что Германия получила в свои руки значительное количество первоклассного вооружения, а также заводы Шкода. Эти предприятия, пользующиеся мировой известностью, снабжали вооружением не только Чехословакию, но и Румынию и Югославию, которые, таким образом, будут значительно ослаблены в военном отношении. Напомню мимоходом, что заводы Шкода поставляли для нас авиационные моторы. Обладая заводами Круппа и предприятиями Шкода, рейх теперь, бесспорно, имеет все преимущества для поставки вооружения в Восточную и Юго-Восточную Европу. Тем самым он имеет в своем распоряжении средства для оказания политического давления и осуществления контроля над вооружением, эффективность которых не следует недооценивать, так же как не следует недооценивать и его возможности приобретения путем продажи вооружения за границу ценной для него валюты.

Кроме того, захват Богемии и Моравии является первой территориальной операцией, которая не создаст дополнительных затруднений для рейха в области снабжения продовольствием. Наоборот, она значительно улучшит продовольственное снабжение Германии не только потому, что земли Богемии и Моравии являются относительно плодородными, но и прежде всего потому, что рейх отныне находится у ворот зерновых богатств Венгрии и Румынии.

С другой стороны, руководители экономики рейха будут иметь теперь в своем распоряжении значительный резерв рабочей силы. Автаркия, гонка перевооружений, большие строительные работы — все это требовало такого огромного количества рабочей силы, которым рейх не обладал. В промышленности и в сельском хозяйстве не хватало полутора миллионов рабочих. В этих условиях трудно было понять, каким образом Германия в случае всеобщей мобилизации могла бы обеспечить свои возросшие потребности в рабочей силе и заполнить те пробелы, которые образуются вследствие призывов в армию. Чехи, которых немцы считают недостойными службы в армии, поставят 3 млн рабочих, которые потребуются в случае всеобщей мобилизации.

И наконец, — и это является главным — стратегическое положение Германии значительно улучшилось. Беспокойная граница, разделявшая Чехословакию и рейх, протяженностью в несколько сот километров, заменена теперь более короткой границей, гораздо легче обороняемой. Эта граница соединяет Австрию с Силезией. Таким образом, Германия будет иметь дополнительно несколько дивизий, которые в случае войны должны были бы контролировать чешскую границу. Кроме того, плато Богемии и Моравии является

прекрасной базой, в частности для авиации, радиус действия которой простирается отныне на большую часть Балкан, не говоря уже о Венгрии и Польше.

Кстати, первым актом немецких военных властей сразу после оккупации чешских провинций была организация в Вене центра новой, четвертой военно-воздушной армии {{* До сих пор военно-воздушные силы рейха состояли из трех военно-воздушных армий.— *Прим. авт.*}} (юго-восточной), сформированной из частей, размещенных в Австрии, в Судетах, в Богемии и в Моравии. «Создание четвертой военно-воздушной армии, — отмечали немецкие газеты, — усиливает мощь нашей военной авиации настолько, что это превосходит все наши прогнозы».

Наряду с ростом материальных сил следует учитывать также огромное чувство национальной гордости, которое вследствие небывалых успехов, достигнутых всего лишь за один год {{* Завоевание Австрии 12 марта 1938 г., Богемии и Моравии 15 марта 1939 г.— *Прим. авт.*}}, не могло не вскружить головы гитлеровским руководителям. Без боев, без особых затруднений, не считая нескольких протестов, влить в рейх 20 млн человек; полностью перетасовать структуру Европы; создать военный аппарат такой силы, что Европа была вынуждена неоднократно и в решающие моменты уступить немецким требованиям, — все это действительно может вскружить даже самые уравновешенные умы. Однако ни одна операция до сих пор не была проделана с такой легкостью, как та, что позволила фюреру вступить в пражский Кремль. И как же теперь Гитлеру не возомнить и не думать, что ничто не может устоять перед его волей? И как же не соблазниться продолжить извлекать выгоду из того безусловного воздушного превосходства, которое сумела создать Германия? Возможно, что уже завтра рейх испробует тот же метод, который ему так хорошо удался в Австрии и Чехословакии, против Румынии и Польши, чтобы поставить эти страны перед альтернативой: истребление мирного населения и уничтожение открытых городов или же принятие самых обременительных и унижительных германских условий. Однако нельзя также исключить и такое предположение, что рейх еще до завершения своих грандиозных планов на Востоке двинется против западных держав.

Три основных соображения прежде всего не позволяют исключить такую возможность. Вследствие той реакции, которую вызвали в Лондоне и Париже упразднение чехословацкого государства и включение чехов в рейх, гитлеровская Германия не может уже больше рассчитывать — как она рассчитывала или делала вид, что рассчитывала, после Мюнхена — на то, что западные державы полностью предоставят в ее распоряжение Европу за Рейном.

Наконец, наблюдая все с большим волнением и глухим раздражением, в которых они не желают признаваться, за мероприятия Франции, Англии и Америки по перевооружению, руководители рейха могут задаться вопросом, долго ли еще они будут обладать превосходством в воздухе, которым они пользовались и злоупотребляли в течение года с таким цинизмом, и не придется ли им скоро считаться с воздушными силами противника, способными дать сокрушительный ответ и таким образом свести на нет угрозу авиации рейха, нависшую сейчас над всей Европой.

Правда, до сих пор нет никаких признаков того, что позволяло бы нам утверждать, что рейх может изменить генеральную линию своей политики и что он помышляет о том, чтобы, хотя бы временно, отказаться от своих честолюбивых помыслов на Востоке, с тем чтобы вступить в конфликт на Западе.

Наоборот, факты говорят о том, что при планировании операций против Богемии и Моравии гитлеровские руководители предполагали также в довольно близком будущем продвинуться еще дальше на Восток. По полученным до настоящего времени данным, есть основания полагать, что немецкая армия намеревалась оккупировать всю Словакию и даже Закарпатскую Украину. В результате позиции, занятой Польшей, и принятого Венгрией решения не считаться с немецкими представительствами военные части рейха были переведены на линию реки Ваг. А ведь полная оккупация Словакии и Закарпатской Украины, в результате которой немецкая армия оказалась бы у румынской границы, не имела бы ни политического, ни военного смысла, если бы не предусматривались другие операции против Румынии или против Польши. И в настоящее время в хорошо информированных кругах Берлина именно это склонны рассматривать как самую непосредственную угрозу.

Однако не создается впечатления, что направление дальнейшего гитлеровского продвижения и планы последующих действий уже намечены.

Один чиновник министерства пропаганды в беседе с нашим соотечественником, кажется, наиболее верно выразил нынешние умонастроения руководителей третьего рейха, заявив следующее: «Перед нами столько открытых дверей, столько возможностей, что мы просто не знаем, в каком направлении идти, за что взяться».

Совершенно не рискуя впасть в ошибку, можно полагать, что линия поведения рейха, который отныне составляет в центре Европы блок в 90 млн человек, будет прежде всего зависеть от соотношения сил в Европе.

При данном положении вещей гитлеровские руководители полагают, что превосходство, достигнутое ими в области вооружения, и закрепленная ими стратегическая позиция являются для них надежной гарантией от всяких попыток нападения. Их слабым местом является недостаточность запасов и снабжения сырьем и продовольствием, что не позволит им вести длительную войну.

Из-за материальной неподготовленности Германии к борьбе с Великобританией за господство в море перед гитлеровскими руководителями открываются два пути: либо продолжать далее завоевание Восточной и Юго-Восточной Европы, а быть может, и Скандинавских стран, обеспечив себе тем самым в той или иной мере ресурсы этих районов и возможность в определенной степени подготовиться к тому, чтобы противостоять блокаде, либо же напасть на Францию и Англию, прежде чем эти державы при поддержке Америки смогут достичь или превзойти уровень вооруженности рейха и, в частности, лишить его превосходства в воздухе.

Второе предположение в настоящее время является менее вероятным. Но все же следует считаться с возможностью того, что Германия может пойти и по этому пути. Эта вероятность может даже увеличиться от того единственного факта, что мы усилим или ускорим наше вооружение.

Однако поскольку у нас нет выбора и мы должны либо подчиниться однажды воле гитлеровцев, либо, объединив усилия с Англией, создать вооруженные силы, в частности авиацию, достаточно мощную для того, чтобы противостоять Германии, необходимо уже с настоящего момента:

а) довести до максимума наши усилия по перевооружению;

б) по возможности избежать шума вокруг этого интенсивного перевооружения.

В любом случае и независимо от того, какое направление примет немецкий динамизм после захвата Богемии и Моравии, вывод напрашивается только один: необходимо во что бы то ни стало безотлагательно мобилизовать все усилия нации на самое широкое и скорейшее развитие и укрепление военной мощи страны, и в частности на создание мощной авиации.

Имея в виду непостоянство гитлеровских руководителей и опьянение успехами, в котором должен пребывать сейчас фюрер, а также то беспокойство и раздражение, которые вызывают за Рейном перевооружение демократических держав и позиция Соединенных Штатов, я считаю, что мы должны немедленно приступить самым решительным образом, сохраняя как можно большую секретность, к мобилизации промышленности страны.

Кулондр

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 49 — 55.

**206. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

20 марта 1939 г.

Полагаю, что до обещанного представления проекта декларации {{* [См. док. 201.](#)}} от нас ответа не требуется. Сомневаюсь в согласии Польши. Я сообщил сегодня Сидсу, что при перечислении стран, которые следовало бы привлечь к совещанию о Румынии, я случайно забыл упомянуть Турцию, и просил его исправить это упущение. Я думаю, что Турция пошла бы на подписание декларации скорее, чем Польша.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 301, д. 2079, л. 82. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 258.

207. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

20 марта 1939 г.

Обобщая имеющийся в моем распоряжении материал о политическом эффекте в Англии событий прошлой недели, могу сказать следующее: аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее, вплоть до кругов, представляемых «Таймс». Политика «умиротворения» в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны. Даже соглашение, только что заключенное между английскими и

германскими промышленниками ⁷², которое английская сторона считает выгодным, фактически аннулировано.

В сильнейшей степени возросла тревога за будущее, и усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР. Мы здесь сейчас в большой моде, что проявляется в самых различных формах и по самым различным поводам. Одним из последствий этого является то, что в последние дни большое количество дипломатов, политиков, государственных деятелей хочет со мной видаться и разговаривать. В противоположность сентябрьским дням пресса сейчас старается раздувать всякие сведения о мощи СССР и его вооруженных силах. Сегодня, например, «Ивнинг стандарт» напечатала, что СССР имеет 18 млн обученных резервов и 40 тыс. самолетов. Таким образом, не подлежит сомнению, что антигерманская волна поднялась сейчас выше, чем когда бы то ни было до сих пор, и массовая тяга к сотрудничеству с СССР и к созданию блока мирных держав очень велика, однако было бы опасно переоценивать значение всех этих благоприятных показателей.

Во-первых, нынешние настроения могут постепенно спасть, особенно если в ближайшее время не последуют какие-либо новые акты агрессии со стороны Гитлера или Муссолини.

Во-вторых,— и это еще более важно — до тех пор пока Чемберлен остается во главе правительства, трудно ожидать каких-либо прочных и серьезных сдвигов во внешнеполитической линии Англии. Премьер, правда, потерпел полный крах в своей мюнхенской политике, и престижу его нанесен сильный удар, но в душе он, несомненно, и сейчас готов тянуть старую песню, и лишь давление общественного мнения мешает ему это сделать. Поэтому Чемберлен пока выжидает и лавирует. Весьма характерно, что в своих последних речах (в Бирмингеме 17-го и в парламенте 20 марта) он протестует против действий Гитлера, но не заявляет об окончании политики «умиротворения» и совершенно умалчивает о попытках консультации с нами. Чемберлен ни разу не произнес самого имени СССР. При первой возможности премьер, несомненно, постарается вернуться на старый, любезный его сердцу путь. Вот почему, пока Чемберлен остается главой правительства, нельзя верить в глубину сдвига в политике Англии и в серьезность ее намерений вести борьбу с агрессорами. Между тем, несмотря на полученный им удар, Чемберлен держится еще достаточно прочно в седле. После выступления в парламенте 15 марта положение его было пошатнулось, и 16 и 18 марта вопрос об отставке премьера и создании правительства широкой коалиции, включая лейбористов, стоял в порядке дня; однако речь Чемберлена в Бирмингеме опять значительно укрепила его положение, и вопрос о реконструкции кабинета пока снят с повестки дня. Конечно, не исключена возможность, что данный вопрос в недалеком будущем вновь станет актуальным, но мое общее впечатление сводится к тому, что даже и в этом случае шансы на уход Чемберлена не очень велики. Главная беда состоит в том, что лейбористская оппозиция на редкость худосочна и больше всего боится прийти к власти в такой трудный момент.

В конечном итоге нынешнюю «вражду» к Германии и «симпатии» к СССР приходится принимать очень осторожно в отношении их глубины и длительности ⁸².

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 9 — 11. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 258-260.

208. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

20 марта 1939 г.

Сообщил Бонне ваш ответ {{* [См. док. 198.](#), [200.](#)}}. Он благодарил и просил вам передать, что с вашим предложением в принципе согласен, но должен проконсультироваться в Лондоне и Бухаресте. Что касается круга участников, то он считал бы желательным, кроме намеченных вами, привлечь также и Югославию.

Бонне ознакомил меня с содержанием его бесед с Татареску {{{* Посол Румынии во Франции.}}} и Лукасевичем. Татареску, отрицая наличие ультиматума {{{** [См. док. 203.](#)}}}, подчеркивал исключительную серьезность угрозы, нависшей над Румынией, и поставил вопрос о французской помощи. Бонне ответил, что Франция одна такой помощи оказать не сможет и что нужно выяснить позицию других заинтересованных стран, в том числе и СССР. На это Татареску ответил, что в первую очередь следует повлиять на Польшу и Венгрию. Что же касается СССР, то, «учитывая роль, сыгранную Россией еще в прошлом, и роль СССР как экспонента коммунизма», к привлечению СССР следует подойти «с особой осторожностью». Тогда Бонне задал вопрос, следует ли это понимать в том смысле, что Румыния не хочет советской помощи. Татареску ответил, что такого вывода делать не следует и что он говорил лишь о необходимости осторожности. Бонне просил все это держать пока в секрете. Лично я не исключаю, что Бонне, который далеко не в восторге от перспективы воевать за Румынию и который, вероятно, предпочел бы получить и от нас более уклончивый ответ, такими сообщениями намеренно пытается нас «охладить», усилив недоверие к Румынии. Но возможно, конечно, что он на этот раз и не соврал. Что же касается Лукасевича, то, по словам Бонне, он «был исключительно сдержан» и все время напоминал, что обязательство Польши в отношении Румынии касается лишь случая войны с Советским Союзом ⁸³.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 134—135. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 257-258.

209. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

21 марта 1939 г.

Английский посол потребовал сегодня срочного приема, и я его вызвал к себе в 2 час. 30 мин.

Он раньше всего сообщил мне, что перед своим уходом из дому он получил телеграмму от английского посланника в Бухаресте, который сообщает, что ввиду известных недоразумений с демаршем румынского посланника в Лондоне {{* [См. док. 196.](#), [197](#), [198](#), [202](#), [203.](#)}}} он по поручению Форин офиса обратился лично к румынскому королю за разъяснениями. Тот ему подтвердил, что ультиматума, собственно, не было, но что Германия выдвинула совершенно недопустимые требования. Король сказал, что Румыния оказывает сопротивление германскому нажиму, но она не будет в состоянии это делать бесконечно, если не получит обещания посторонней помощи.

Далее Сидс сообщил, что по поводу создавшегося положения английское правительство держится такого мнения: «Хотя точность слухов касательно германского ультиматума Румынии вызывает сомнения, но для британского правительства, однако, ясно, что поглощение Чехословакии Германией свидетельствует о том, что германское правительство полно решимости выходить за рамки той цели, которую оно как будто до сих пор себе ставило, т. е. консолидации германской расы. Теперь, когда германское правительство распространило свои завоевания на другую нацию, никакое европейское государство не может не считать себя непосредственно или в конечном счете угрозваемым, если недавняя акция Германии окажется частью определенной политики господства. В этих обстоятельствах британское правительство считает необходимым приступить немедленно к организации взаимной поддержки со стороны тех держав, которые признают необходимость защиты международного общества против дальнейшего нарушения основных законов, на которых оно покоится». (Мною записано со слов посла текстуально.)

Сославшись на заявление Галифакса т. Майскому {{* [См. док. 201.](#)}}, посол вручил мне проект декларации, которую британское правительство предлагает подписать от имени четырех государств: Великобритании, СССР, Франции и Польши (проект декларации прилагается) {{** [См. док. 210.](#)}}.

Посол пояснил, что это не является контрпредложением взамен нашего предложения, которое отнюдь не отвергается, а осуществление которого, по-видимому, откладывается на некоторое время после подписания декларации. По мнению Галифакса, такая декларация произведет отрезвляющее действие на Германию.

Я сказал, что, конечно, не замедлю передать английское предложение своему правительству, но что мне кажется, что даже для деклараций весьма желательны предварительные консультации, когда сразу может быть установлен приемлемый для всех участников текст и когда сразу могли бы быть приняты решения в случае, если бы то или иное государство отказалось примкнуть к декларации.

Сидс ответил, что декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения. Конечно, возможны поправки, против которых британское правительство не будет возражать, если они не противоречат основной цели декларации. Сидс не ожидает возражений со стороны Франции или нашей, но если бы отказалась подписать декларацию Польша, то он лично не видит препятствий к тому, чтобы Декларация исходила от трех великих держав. Сидс подтвердил сообщенное уже т. Майскому, что Галифакс немедленно после подписания декларации четырьмя державами намерен предложить Другим заинтересованным более мелким государствам присоединиться к этой декларации. Следующим этапом было бы общее совещание подписавших декларацию и присоединившихся к ней. Он выразил надежду, что, по крайней мере, с нашей стороны не будет возражений, ибо и так, мол, наша позиция подвергается разным кривотолкам. Например, заявление т. Сталина на съезде о нашей готовности помогать жертвам агрессии {{* [См. док. 177.](#)}} толкуется в том смысле, что мы не хотим предупреждать войну и говорим о помощи лишь после возникновения войны.

Я выразил крайнее удивление такому неправильному толкованию заявления т. Сталина, напомнив послу о наших многочисленных заявлениях о созыве совещаний и конференций, причем мы всегда подчеркивали необходимость профилактических мер, чтобы предотвратить войну. Посол стал извиняться, что он отнюдь не солидаризируется с упомянутым толкованием, и просил дать ему ответ возможно скорее.

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 88-90. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 263—265.

210. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, врученной послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. {{ [См. док. 209.](#)}}**

21 марта 1939 г.

Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям.

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 87. Опувл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 55.

211. Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с послом Франции в Турции Р. Массигли

21 марта 1939 г.

21 марта на приеме у иракцев Массигли подошел ко мне и с крайней тревогой говорил об опасности, которая с каждым днем распространяется по Европе и исходит прежде всего со стороны фашистской Германии. Массигли отрицательно высказался о половинчатых мероприятиях своего правительства, которое, «к сожалению, до сих пор не приняло еще конкретных мер для борьбы против агрессоров, но которое должно было бы стать на путь активного сотрудничества не только с Англией, но и с Советским Союзом».

Французский посол восторженно отозвался о ноте Советского правительства, врученной т. Литвиновым германскому послу в Москве {{* [См. док. 193.](#)}}. Заодно хочу отметить, что буквально десятки людей, с которыми мне приходилось говорить в этот день, отзывались самым положительным образом о «четкой, ясной, энергичной, решительной и юридически обоснованной ноте Литвинова». Многие высказывали сожаление, что до сих пор подобный шаг не сделала ни Англия и ни Франция, тогда как в обстановке разнузданной агрессии Германии, поддерживаемой Италией, было бы необходимо решительное выступление всех демократических стран.

Полпред СССР в Турции
Терентьев

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 31, д. 166, л. 168—169. Опувл. с сокращением в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 260.

212. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 марта 1939 г.

Выслушав мое сообщение, сделанное в соответствии с вашим указанием ⁸⁴, Сараджоглу сказал, что 18 марта английский посол также информировал его об обращении румын, на что министр иностранных дел ответил, что, поскольку Румыния является членом Балканской антанты ⁸⁰, Турция готова оказать ей помощь лишь в рамках действия Балканского пакта, т. е. если на Румынию вместе с Германией нападет и Болгария. Не зная, что Советское правительство информировано англичанами об обращении румын, Сараджоглу сообщил о разговоре Апайдына с английским послом Сидсом и беседах своих посланников в Афинах, Белграде и Бухаресте. 19 марта английский посол был снова у Сараджоглу и сказал ему, что германский демарш не носил характера ультиматума и что вопрос можно считать исчерпанным.

На мой вопрос об отношении Турции к последним событиям Сараджоглу ответил, что захват Чехословакии является агрессивным актом со стороны Германии, которая стремится восстановить в прошлых границах все наследие бывшей Австро-Венгрии, и что завтра она может поставить вопрос о Румынии, Югославии и Польше. Турция сможет занять активную позицию лишь в том случае, если Англия, Франция и СССР примут какое-то решение. «Англия и Франция спали до сих пор, спят и сейчас, но хотят, чтобы малые страны занимали определенную позицию. Если бы Англия знала, что Польша, Румыния, Югославия и Турция намерены воевать с Германией за свою независимость, то она и на этот раз не пошевелила бы пальцем. Только Советский Союз, по обыкновению, четко и энергично заявил о своей позиции, чему следовало бы поучиться Англии и Франции. Прошло около недели, а великие державы еще ни о чем не договорились. Если бы Англия, Франция и СССР втроем приняли какое-то решение, то тогда и малые страны согласились бы участвовать в обсуждении современного положения, а так как никакого решения великих держав нет, то малые страны не пойдут на конференцию». Представьте себе, сказал Сараджоглу, если на какой-либо конференции ни о чем не договорятся, тогда все неприятности падут на голову малых стран, которых Германия будет рассматривать как своих противников, поскольку они согласились принять участие в выработке антигерманских мероприятий.

На мой вопрос, не следует ли поднятие фашистского флага над зданием чешской миссии рассматривать как признание турецким правительством захвата Чехословакии Германией, Сараджоглу ответил, что немцы пять дней тому назад вручили МИД ноту, ответ на которую еще не дан, так как Турция выжидает, что будет дальше. «Если великие державы примут положительное решение,

то и мы, не признаем захват, а если великие державы по-прежнему ограничатся разговорами, то турецкое правительство признает захват Чехословакии, так как не намерено ссориться с Германией. Что касается флага, то он поднят потому, что обе стороны между собой на этот счет договорились, и мы пока что не хотели вмешиваться в их дела».

Сараджоглу снова вспомнил, как Англия и Франция подвели Турцию во время абиссинской войны ⁸⁵. Он подчеркнул, что Франция потеряла свой престиж, который в Румынии равен нулю, и потому румыны обратились к Англии. Сараджоглу считает, что и

на этот раз Англия и Франция не предпримут ничего конкретного. Он делает этот вывод на основе выступлений в палате лордов и палате общин, где ничего не сказано нового по сравнению с речью Чемберлена, произнесенной им на следующий день после захвата Чехословакии.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 270, д. 1867, л. 98—101. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 261-262.

Полпред.

213. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 марта 1939 г.

После оккупации немецкими войсками Чехии, Моравии и Богемии эстонцы держат себя сдержанно. Газета «Ревальше цайтунг» торжествует и восхваляет Великую Германию. Эстонцы ожидают основных директив от поездки Сельтера {{* Министр иностранных дел Эстонии.}} в Будапешт. 18-го на обеде в турецкой миссии председатель эстонского государственного совета Пунг многозначительно сказал: «Там, в Будапеште, они что-нибудь обязательно решат».

Летом ожидается заход в Эстонию трех океанских пароходов с германской молодежью. В нарвские русские семейства помещают немецкую молодежь для изучения русского языка. Японский майор (из миссии в Риге) был в Нарве, осматривал пограничную полосу. Немецкая колония в Таллинне осмелела.

Ответ Литвинова германскому послу {{** [См. док. 193.](#)}} сегодня перепечатан в «Уус Ээсти» из газеты «Балтик таймс». Равным образом напечатана выдержка из речи т. Сталина об условиях сохранения добрососедских отношений со всеми соседними странами {{{* [См. док. 177.](#)}}}. Ситуация очень сложная, разрыв между правительством и народом большой.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 23. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 262-263.

214. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 марта 1939 г.

Польские официальные газеты об ответе т. Литвинова на немецкую ноту {{{** [См. док. 193.](#)}} стараются ограничиваться кратким сообщением. Отдельные газеты поместили часть текста, где вопрос касается Германии. Среди общественных кругов и населения Польши ответ нашего правительства произвел колоссальное впечатление. Сообщение в условиях Польши как раз своевременно, так как ответ т. Литвинова ошеломил

прогитлеровские правительственные круги, которые пытались создать ложное общественное мнение в стране. Эти круги распространяли слухи, что СССР якобы ведет тайные переговоры о сближении с Германией. Польша поэтому, дабы не остаться за бортом, должна поторопиться и опередить СССР.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 72.

215. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

22 марта 1939 г.

Сегодня в 20 часов я заявил Сидсу следующее:

«Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации {{* [См. док. 210.](#)}}. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только и Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Далее я высказал пожелание, чтобы было предложено присоединиться к декларации четырех государств не только Балканским странам, о которых говорил Галифакс, но также соседним с нами Финляндии и Балтийским странам, а также Скандинавским.

Для Вашего сведения сообщаю, что без Польши и мы не подпишем. Сидсу я пока этого не говорил, т. к. он меня не спрашивал, как мы поступим в случае отказа Польши.

Предупредил Сидса, что завтра дадим наш ответ в печать.

Декларация может быть подписана отдельно во всех четырех столицах и вручена там английским послам.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2153, л. 162-163.

216. Сообщение ТАСС

22 марта 1939 г.

Заграничная печать распространяет слухи, будто Советское правительство недавно предлагало Польше и Румынии свою помощь на случай, если они сделаются жертвами агрессии. ТАСС уполномочен заявить, что это не соответствует действительности. Ни Польша, ни Румыния за помощью к Советскому правительству не обращались и о какой-

либо угрожающей им опасности его не информировали. Верно лишь то, что 18-го сего месяца британское правительство, уведомив Советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции Советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот запрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению Советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Британское правительство нашло, однако, это предложение преждевременным.

Известия. 1939. 22 марта.

217. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 марта 1939 г.

1. Бонне говорил Арасу, что в ближайшее время ожидается перемещение центра европейских событий в район Средиземного моря, но прибавил, что французы сейчас ведут разговоры с Муссолини (по-видимому, через Лавалья) и он не теряет надежды, что спорные вопросы будут мирно «урегулированы». Бонне выразился даже так, что шансы урегулирования 50:50. Бонне надеется, что таким путем удастся рассосать нынешнее напряжение и выиграть время, по крайней мере до осени, когда будто бы минует наиболее опасный момент. Англичане поощряют попытки Франции договориться с Италией. Словом, несмотря на все разговоры о смене вех, продолжается старая политика отступления перед агрессорами.

2. Болгарский посланник Момчилов, который сегодня днем разговаривал по телефону с Софией, в разговоре со мной категорически отрицал концентрацию болгарских войск на границе Румынии (о чем сегодня утром сообщил Тиля). Момчилов утверждал, что никаких сюрпризов со стороны Болгарии ждать не приходится. Болгарский премьер, по его словам, остался удовлетворен результатами своего визита в Анкару.

3. Балутис передавал мне следующие подробности разговора Урбшиса с Риббентропом. Последний заявил Урбшису, что единственный спорный вопрос, стоящий между Германией и Литвой, — это Мемель и что если он будет разрешен, то германо-литовские отношения могут быть «вполне дружественными». Далее Риббентроп сказал, что момент для «урегулирования» вопроса Мемеля наступил и что Мемель должен быть возвращен Германии. Урбшис осмелился было заявить, что он доложит о требовании Риббентропа литовскому правительству и что в ближайшем будущем литовское правительство даст ему принципиальный ответ на поставленный вопрос. Однако Риббентроп грубо отрезал, что его интересуют не принципы, а Мемель, и тут же предложил Урбшису прямо из своего кабинета позвонить по телефону в Каунас литовскому премьеру, с тем чтобы без дальнейших околичностей сразу же «урегулировать» вопрос Мемеля. Урбшис от этого уклонился, но обещал передачу Мемеля к 24 марта. Риббентроп, однако, нашел предложенный Урбшисом срок слишком длинным и в заключение заявил: «Даю Вам 2—3 дня на исполнение моего требования. Если Вы просрочите, придется прибегнуть к иным средствам». С этим Урбшис уехал из Берлина. Балутис видел сегодня Галифакса и сообщил ему о том, что случилось в Мемеле. Галифакс выразил ему сочувствие, но сказал,

что Англия ничем помочь Литве не может. Неизвестно даже, заявит ли британское правительство протест против аннексии Мемеля. Гораздо больше Галифакс интересовался, верны ли распространившиеся сегодня по Лондону слухи, что Германия предъявила Литве экономический ультиматум того же типа, какой недели две назад предъявила Румынии. Балутис названные слухи опроверг.

4. Кольер сегодня днем сообщил Балутису, что поляки решили «подумать» над предложением англичан о подписании декларации. Рачинский говорил мне сегодня вечером, что Варшава еще обсуждает вопрос о подписании.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 19-21.

218. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 марта 1939 г.

В 0 час. 10 мин. меня вызвал Лозарайтис {{* Ответственный чиновник МИД Литвы, до декабря 1938 г. был министром иностранных дел.}} и сообщил следующее. Риббентроп заявил Урбшису {{** Министр иностранных дел Литвы.}}, что присоединение Клайпеды к Германии является для клайпедских немцев жизненной и срочной необходимостью. Если литовское правительство не очистит Клайпеду добровольно, то там немедленно вспыхнут бес-порядки, которые вызовут вмешательство рейхсвера. Если в ходе беспорядков будет убит хотя бы один немец, то рейхсвер пойдет в глубь Большой Литвы. Риббентроп предложил Урбшису тут же связаться с Миронасом {{{* Премьер-министр Литвы.}}} и принять решение по телефону. Урбшис обещал дать ответ сразу же по возвращении в Каунас. Не успел Урбшис прибыть 21 марта, как к нему явился германский посланник, заявивший, что литовскую делегацию ждут в Берлине не позднее 22 марта. Кабинет решил, сказал Лозарайтис, уступить силе и принял решение о передаче Германии Клайпеды. Делегация, возглавляемая Урбшисом, отправится в Берлин сегодня же. О решении кабинета наряду с германским информированы также французский, английский и итальянский посланники. Лозарайтис подчеркнул, что они идут на это по необходимости. Во всяком случае, если немцы затронут остальную Литву, то вооруженное столкновение станет единственным средством защиты независимости. Из моих дополнительных вопросов выяснилось, что Польша не делала никаких предложений, сигнаторы вели себя безучастно и что сразу после оформления соглашения в Берлине последует уход из Клайпеды.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2063, л. 31-32.

219. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

23 марта 1939 г.

Между Германией, Италией, Японией и Испанией согласован текст протокола о присоединении последней к антикоминтерновскому пакту ⁸⁶. Предстоит скорое подписание протокола, хотя по просьбе Франко опубликование факта присоединения будет отложено на некоторое время.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 89. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 269.

220. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном

23 марта 1939 г.

Хадсон пришел в сопровождении посла. Он благодарил за любезный прием и удобства, предоставленные ему в пути, и выражал свою радость по поводу посещения нашей страны.

Деловой разговор он начал с того, что Англия значительно укрепилась и даже в большей мере, чем она сама ожидала. В сентябре она воевать не могла, теперь же она воевать готова. Об Италии Хадсон говорил в пренебрежительном тоне, что это, мол, какая-то шутка. Английские морские круги уверены, что они справятся на море с Германией и Италией. Довооружение также идет чрезвычайно быстрым темпом. Военные поставки заводов, которые ожидалось в июне, поступают уже теперь. Английское правительство думало, что оно будет готово к войне только в 1941 г., оказывается, однако, что эта готовность будет уже к концу лета этого года. В общественном мнении Англии тоже огромные сдвиги. Нация объединена и также полна решимости защищать свое положение в мире, как в былое время, а именно в 10-х годах, во время Джозефа Чемберлена (отца нынешнего премьер-министра). Идея сотрудничества с Другими странами разделяется почти всеми. Никакое правительство не могло бы держаться у власти, если бы оно стало проводить другую политику. Второго Мюнхена не будет. Хадсон полагает, что через год удастся даже ввести обязательную воинскую повинность. Он лично хотел бы провести на этой платформе выборы в парламент. Сюда он приехал с «открытой душой» и готов выслушать нас, как мы мыслим себе сотрудничество и какие пути для этого мы предлагаем.

Я изложил ему нашу позицию в духе своей записки от 20-го ⁸⁷. Я говорил также о том, что мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет великих держав среди малых государств. После пятилетнего периода инициативы, всякого рода предложений с нашей стороны и безуспешных усилий осуществления международного сотрудничества мы вправе занять выжидательную позицию в ожидании инициативы и предложений со стороны других. Вряд ли могут быть достигнуты какие-либо серьезные результаты, если сотрудничество сведется к тому, что одна сторона будет вопрошать, а другая должна отвечать. Нам также интересно знать, что на уме у англичан. Мы с достаточной полнотой и ясностью излагали наши международные концепции. Вытекающие отсюда детали могут быть выяснены со стороны всех государств только путем общего обмена мнениями, а потому мы и предложили конференцию шести {{* [См. док. 198.](#), [200.](#)}}.

Хадсон ответил, что он согласен со мною в изложении хода событий за последние годы, а также ошибок западных государств, но должен возражать лишь против наших подозрений, будто Чемберлен и в сентябре хотел натравить Германию на нас (я ему этого и не говорил). Никаких таких намерений у Англии не было и нет. Из того, что я сказал, ему, однако, ясно, что открывается новая страница в отношениях между нашими странами. Он хочет поразмыслить над сказанным мною и вновь поговорить перед отъездом. О маленьких странах он говорил в чрезвычайно пренебрежительном тоне, как и о Лиге наций, которая только теоретически говорила о войне и поэтому ничего не могла предпринять. Я несколько поспорил с ним насчет значения малых государств и Лиги наций.

О своем варшавском визите Хадсон говорил, что он улаживал главным образом некоторые конфликты торгового характера. Он вынес впечатление, что Польша будет драться, только если нападут на ее территорию или даже на коридор, хотя Данциг она, вероятно, сдала бы без боя. Бек говорил ему, что союз с Румынией предусматривает лишь нападение с нашей стороны. Ответа на английское предложение {{* [См. док. 215.](#)}} Польша к моменту его отъезда еще не дала.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 6—8.

**221. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

23 марта 1939 г.

В частной беседе начальник канцелярии кабинета рассказал, что английский посланник открыто возмутился, когда литовское правительство намекнуло на сопротивление в Клайпеде, а польский посланник предупредил, что в таком случае Польша не шевельнет и пальцем.

Представители официальных кругов ожидали худших условий соглашения⁸⁸. Подписав соглашение, они обрадовались, но и насторожились. Говорят: или за этой ширмой скрывается ловушка, или Гитлер скоро нарушит соглашение. В общем, мало верят в устойчивость созданного соглашением положения. Беспокоит их и поведение Польши, если учесть вышеотмеченное заявление посланника, а также слухи о концентрации польских войск в углу, врезающемся в Литву, около восточнопрусской границы (Белостокский военный округ). Боязнь германо-польского сговора за счет Литвы и Латвии порождает у литовцев предположение, что теперь Гитлер захочет ликвидировать «коридор» и присоединить Данциг.

Здесь упорно циркулируют слухи, что Берлин потребовал от Латвии экономической унии и контроля над ее портами. В литовских правительственных кругах об этом ничего не знают.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2063, л. 37. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 269.

222. Телеграмма посла США в Польше А. Биддла государственному секретарю США К. Хэллу

23 марта 1939 г.

После утверждения Риббентропа, что ни Англия, ни Франция как стороны, подписавшие Мемельское соглашение ⁸⁹, не прибегнут к вооруженному вмешательству, Гитлер выбрал такое время для присоединения Мемеля, чтобы дискредитировать и свести на нет дипломатические маневры Англии и Франции в Восточной и Центральной Европе, которые в связи с Мемелем, Чехословакией и другими случаями неоказания поддержки оставили Варшаву равнодушной. Поэтому польские официальные лица считают французский и британский зондаж не чем иным, как дипломатической «инсценировкой» и попыткой заставить Польшу и другие страны этого района влезть в драку вместо них. Кроме того, первоначальная реакция на присоединение Мемеля говорит о различном отношении к этому в Белграде, прибалтийских столицах и даже в Бухаресте.

Нынешнюю позицию Польши можно охарактеризовать как лавирование среди беспорядочных событий в надежде, что, занимаясь только своими делами и приняв меры военной предосторожности для того, чтобы отразить возможную угрозу своим собственным границам, она не привлечет к себе пристального внимания Германии. К этой политике относятся следующие действия:

а) Варшава дала отрицательный ответ на недавний запрос Каунаса, рассматривает ли Варшава возможное присоединение Мемеля как повод для начала военных действий;

б) на вопрос британского, французского и румынского послов, выступит ли Польша в помощь Румынии в случае, если Румыния подвергнется вторжению с Запада, Бек ответил, что Польша не намеревается выступать до тех пор, пока она сама не подвергнется нападению;

с) заместитель министра иностранных дел Арцишевский в ответ на настоятельное предложение британского посла неофициально изложить ему предполагаемую позицию Польши в случае, если Германия вскоре спровоцирует конфликт в Европе, ответил, что Польша, за исключением ее прямых обязательств по договорам с Румынией и Францией, выступит только в случае прямого нападения на нее, и тогда Польша будет бороться до последнего солдата. Более того, из опыта последних лет Польша усвоила, что рассчитывать на помощь извне нельзя. В этой связи мне ясно, что, несмотря на существующий союз ⁴⁴, Бек убежден в том, что Польша не может рассчитывать на помощь Франции в польско-германском конфликте.

Биддл

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 270. Опубл. в изд.: Foreign Relations of the United States... Vol. I. P. 96-97.

223. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 марта 1939 г.

Делегация лейбористской партии и тред-юнионов посетила вчера Чемберлена и имела с ним разговор о международном положении. Делегация настаивала на принятии энергичных мер, требуя, чтобы английское правительство немедленно приняло на себя вполне определенные обязательства на континенте, в частности в Восточной Европе. Делегация также поддерживала наше предложение о конференции {{* [См. док. 198., 200.](#)}}. Премьер, видимо, учитывая состав делегации, грубо ругал Гитлера, подчеркивал наличие тесного контакта и сотрудничества с СССР, жаловался, что Польша создает затруднения, и под конец заявил, что английское правительство prepares «серьезные меры». У делегации осталось впечатление, что Чемберлен потерял весь свой оптимизм и действительно напуган.

Вчера же несколько позднее Эттли {{** Лидер английской лейбористской партии.}} и Гринвуд {{*** Член парламента, лейборист.}} в парламенте имели разговор с премьером и прямо поставили ему вопрос, готово ли английское правительство принять на себя обязательства по военной защите от германской агрессии континентальных государств, включая восточноевропейские, Чемберлен ответил: «Да, готово».

Сегодняшняя пресса, особенно «Дейли телеграф», под впечатлением румынской капитуляции по вопросу о торговом договоре с Германией ⁹⁰ настойчиво требует от британского правительства спешного решения в том же духе.

Капитуляция Кароля вызвала в парламентских кругах большое волнение, и в кулуарах палаты вновь возродилась дискуссия по вопросу о реорганизации кабинета. Известно, что Саймон и Хор выступают против военных обязательств в отношении Восточной Европы.

Несмотря на вчерашнее заявление премьера лейбористским лидерам, я склонен думать, что и сам он, по существу, тоже против таких обязательств, ибо все еще не потерял надежды толкнуть Гитлера на восток, против СССР.

Однако общественные настроения в стране, несомненно, крепнут, и традиционная вражда ко всякой державе, господствующей или явно стремящейся к господству над Европейским континентом, оживает в широких кругах консервативной партии. Эта вражда в особенности питается тем, что большинство консерваторов далеко не уверено в желании Гитлера пойти на риск войны с СССР, наоборот, очень многие думают, что против СССР он в ближайшее время не пойдет, а скорее, обеспечив себя сырьевыми и продовольственными ресурсами Балканских и Балтийских стран, так или иначе имобилизовав Польшу, Гитлер всей своей в громадной степени возросшей мощью обернется против Запада. Вот почему не исключена возможность, что в ближайшем будущем Чемберлену придется всерьез решать вопрос: идти или не идти на принятие военных обязательств в отношении восточноевропейских стран.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 28 — 30. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 272-273.

224. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

24 марта 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

У меня нет сегодня ни времени, ни машинистки для обстоятельного доклада, и потому я ограничусь лишь кратким письмом по одному вопросу, по которому я надеюсь получить от Вас разъяснения и указания с обратной почтой.

Я вполне согласен с Вами [{* См. док. 204.}](#), что Чемберлен и Даладье еще не сдались и будут стремиться продолжить, поскольку возможно, свою политику «умиротворения». Понятно поэтому, что все разговоры о смене вех в Лондоне и Париже пока остаются в большей своей части разговорами, а на прочность «советофильских настроений» в руководящих кругах обеих стран рассчитывать не приходится.

Достаточно было бы Гитлеру сделать сейчас какой-либо миролюбивый жест для того, чтобы любители «зонтика» немедленно же воспрянули духом и вновь заговорили о необходимости «верить» обещаниям фюрера. Однако этот последний как будто бы не собирается даже делать таких «жестов». За Прагой последовал Мемель, за Мемелем — Румыния (торговый договор), за Румынией вырисовываются новые жертвы — Данциг, Дания, Югославия и др. Сверх того в порядок дня, главным образом, уже по инициативе Муссолини ставится проблема Средиземного моря. В такой обстановке Чемберлену и Даладье оказывается все труднее выдерживать линию на «умиротворение». Общественные настроения в обеих странах, несомненно, повышаются, а главное, в сознании масс, в том числе и консервативных, все больше оседает убеждение, что договориться с «диктаторами» о каком-либо приемлемом компромиссе невозможно и что единственным выходом из положения становится создание оборонительного «великого альянса» всех миролюбивых государств, т. е., по существу, возвращение к принципу коллективной безопасности.

Конечно, если бы Чемберлен и Даладье были уверены, что агрессию Гитлера можно повернуть на Восток, против СССР, они, возможно, нашли бы пути и способы «убедить» массы не волноваться по поводу разных там «великих альянсов». Но в том-то и дело, что правящие верхушки обеих стран такой уверенности не имеют. Гитлер прекрасно понимает всю опасность атаки СССР и, вероятно, десять раз подумает, прежде чем рискнуть на такую авантюру. Гораздо вероятнее поэтому, что линия его главного нажима в ближайшем будущем пойдет на Запад, конкретно по вопросу о колониях. Этому несколько не противоречит тот факт, что в последние недели Германия как будто бы повернула острие своей агрессии в восточном направлении. Несомненно, все страны, расположенные между восточной границей Германии и западной границей СССР (т. е. Балканские и Балтийские), одни больше, другие меньше, находятся сейчас под угрозой либо превратиться в германский «протекторат», либо стать экономической колонией Берлина. Каков, однако, смысл германской агрессии в Ц[ентральной] и Ю[го]-В[осточной] Европе? Мне кажется, смысл состоит в том, чтобы в кратчайший срок реализовать пресловутую «Серединную Европу», тем самым поставить на службу Германии все сырьевые, продовольственные и другие ресурсы указанных выше стран и подготовить, таким образом, для нее возможность «большого удара» — в каком направлении? Вероятнее всего, на Запад.

Общее мое впечатление от всего, что я здесь слышу, вижу и наблюдаю, сводится к тому, что в широких массах, в том числе в широких консервативных кругах, существует полусознанное, стихийное ощущение этой надвигающейся опасности. Правительство, возможно, имеет более осознанную информацию, говорящую о том же самом. К этому

надо прибавить веками сложившуюся вражду Англии ко всякой державе, господствующей или стремящейся к господству на континенте. В результате здесь сейчас складываются и быстро растут настроения, которые в недалеком будущем могут заставить даже Чемберлена всерьез поставить вопрос о «великом альянсе», т. е. конкретно о военной гарантии неприкосновенности миролюбивых государств, в основном малых и средних, со стороны Англии, Франции и СССР. На протяжении последней недели мне уже неоднократно приходилось слышать обращенный ко мне вопрос, согласился ли бы СССР на участие в «великом альянсе» и на защиту совместно с Англией и Францией границ Польши, Румынии, Голландии и других европейских стран?

Я очень просил бы Вас с обратной почтой дать мне общие указания по данному вопросу. Это чрезвычайно важно для того, чтобы знать, в каком направлении развивать здесь нашу работу. Ранее, поскольку я знаю, мы придавали пактам взаимопомощи и тому подобным дипломатическим документам, главным образом, «предвоенное» значение. Сейчас мы находимся в полосе второй империалистической войны, которая все больше грозит охватить всю Европу. Обязательства, принимаемые по пактам взаимопомощи, ныне приобретают иное значение, чем до того. Каково же могло бы быть наше отношение, скажем, к предложению Англии (беру гипотетический случай) заключить с ней пакт взаимопомощи или совместно с ней и Францией гарантировать границы малых государств Европы?

С товарищеским приветом Полпред СССР
в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. Об, оп. 1, п. 5, д. 35, л. 76-78.

225. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном и послом Великобритании в СССР У. Сидсом

25 марта 1939 г.

В театре во время антракта Хадсон и Сидс отозвали меня в сторону, предложив еще немного поговорить на деловые темы. Они собираются сообщить или сообщили уже в Лондон о своем первом разговоре со мною [{* См. док. 220.}](#) и хотели бы проверить, правильно ли они меня поняли. Они показали мне при этом запись в 8 — 10 строчек. Там сказано, что я говорил о нашем согласии на сотрудничество с Англией, что мы считаем желательным привлечение к консультации всех заинтересованных государств, больших и малых, и что сотрудничество мы мыслим себе политическое, экономическое и военное. Я выразил Хадсону удивление, что он наш часовой разговор втиснул в несколько строчек, ибо отдельно выхваченные из текста фразы могут приобрести не то значение, которое им придавалось. В частности, мы не говорили о специфических формах сотрудничества, хотя мы ни одной из них заранее не исключаем, но все зависит от множества обстоятельств.

Инсценировка проверки правильности записи на меня произвела впечатление зондажа о нашей готовности идти вплоть до военного союза или взаимной военной помощи, хотя во время первого разговора Хадсон оговаривался, что военный союз отнюдь не имеется в виду.

Хадсон спрашивал, согласимся ли подписать декларацию в случае отказа со стороны Польши. Он оговаривался, что ему ничего не сообщили из Лондона относительно польского ответа и что он задает вопрос в порядке личной информации.

Я ответил, что нам было сделано совершенно определенное предложение о декларации от имени четырех и мы так же определенно ответили {{** [См. док. 215.](#)}} о согласии подписать декларацию от имени четырех. Декларация трех или двух была бы новым предложением, которое нам пока не сделано. Я могу, однако, теперь уже сказать, что мы придаем чрезвычайно большое значение участию в декларации именно Польши, ввиду ее географического положения. К тому же можно опасаться, что если Польша не будет с нами, то она будет против нас.

Посол Сидс ни с того ни с сего ввернул замечание, что мы, мол, сказали, что не хотим таскать для других каштаны из огня. Румыния должна нас интересоваться в первую очередь, и тут мы таскали бы каштаны для себя. Я ответил, что мне вполне понятен интерес Англии к румынской проблеме, в особенности в свете только что заключенного германо-румынского соглашения ⁹⁰ {{* См.: Известия. 1939. 26 марта.}}, исключающего другие страны из румынской торговли. Такие методы, по-видимому, Гитлер будет применять и к другим государствам, и Европа скоро может совершенно выпасть из торгового оборота Англии, а между тем в этом обороте внутриимперская торговля имеет лишь 50%, а на долю других государств приходится 50[%], из которых не меньше 25% падает на европейские страны. Вряд ли Англия может быть совершенно равнодушна к потере 25% своего торгового оборота. Хадсон, осведомившись у одного из своих экспертов, признал правильность расчета.

Хадсон стал затем рассказывать о переговорах с т. Микояном {{** [См. док. 234.](#)}}. Несмотря на мои возражения, он настойчиво говорил, будто клиринг был предложен ему т. Микояном. По его мнению, т. Микояну, очевидно, не приходило в голову, что при клиринге учитываются раньше всего долги. Я недоуменно спрашивал, о каких долгах он говорит, ибо, насколько мне известно, мы в последнее время покупали в Англии только за наличный расчет. Хадсон ответил, что он имеет в виду старые долги. Какое же это имеет отношение к клирингу — спрашивал я. Хадсон пояснил, что, поскольку при клиринге вся выручка за наш экспорт поступает в английские банки для последующих расчетов, возможно предъявление исков от наших старых кредиторов {{*** В тексте ошибочно «должников»}}. Я сказал, что это совершенно выдуманные страхи, ибо мы и раньше имели и теперь, вероятно, имеем деньги на текущих счетах в Англии, а наше торгпредство и «Аркос» отвечают только за свои сделки. Если бы у нас могли быть опасения за наши текущие счета, то вообще торговля с Англией стала бы невозможной. Хадсон тогда пересел на другого коня. Не думаю ли я, что следовало бы заменить временное соглашение постоянным, а между тем английское правительство связано обещанием парламенту, что оно такого договора не заключит до урегулирования вопроса о старых долгах. Я сказал, что мы, конечно, предпочитаем постоянный договор временному, но не настаиваем на этом. О старых долгах лучше вопроса не поднимать. Мы даже не думаем о них и советуем англичанам о них не думать. Хадсон стал убеждать меня в желательности устранения лишнего препятствия по пути сотрудничества, для чего достаточно было бы нам отказаться от депозитов у Бр[атьев] Беринг и в других банках, прибавив к этому еще несколько миллионов фунтов. Я ответил, что не вижу необходимости теперь поднимать вопрос о долгах, что наши контрпретензии превышают английские, хотя предложение о взаимном аннулировании претензий, включая и царские вклады в банках, я считал бы дискуссионным. Не может быть, однако, и речи о какой-либо доплате с нашей стороны, а если без этого нельзя, то лучше вопроса не поднимать совсем.

Хадсон, между прочим, упомянул о том, что наше торгпредство в Англии никуда не годится и что лучше было бы создать английское представительство в Москве. Тов. Микоян жаловался ему, что нам не удастся размещать свои заказы в Англии и что выполнение наших заказов запаздывает. Между тем к нему, Хадсону, наши представители никогда не обращались, иначе, мол, он разместил бы все наши заказы; Неправильна наша жалоба на запаздывание. Ему доложили, что были случаи, когда заказанные товары были готовы и приняты нашими представителями и упакованы для отправки в СССР, но затем являлись новые приемщики, которые требовали распаковки, изменений в чертежах и т. п. Англия может обходиться без нашего сырья.

Я несколько возбужденно ему заметил, что такие заявления могут производить впечатление на маленькие страны. Когда же ведутся переговоры между такими двумя крупными государствами, как СССР и Англия, то лучше всего исходить с самого начала из предположения, что оба государства совершенно независимы и, в случае надобности, могут друг без друга обходиться. На основе такого предположения и надо искать соглашения, обоюдно выгодного.

Хадсон и Сидс оба стали жаловаться на замечаемое с нашей стороны недоверие к Англии, на наше нежелание понять, что английское правительство желает порвать со своей прошлой политикой и начать новую.

Общее впечатление от моих двух разговоров с Хадсоном сводится к тому, что его поездка имеет исключительно зондажный характер и что, в частности, ему поручено выяснить:

- 1) как далеко мы готовы идти на сотрудничество и возможно ли союзное соглашение между Англией, Францией и Советским Союзом. Это, конечно, не значит, что Англия уже теперь стремится к такому соглашению, Англия желает лишь иметь все элементы для принятия решения в будущем при подходящих обстоятельствах;
- 2) получить, по возможности, от нас какие-либо предложения касательно форм сотрудничества;
- 3) измерить нашу заинтересованность в румынской проблеме и готовность взять на себя главную ответственность по защите Румынии, Польши и, может быть, других восточных государств при некоторой лишь помощи со стороны Англии;
- 4) установить пределы наших возможных уступок по расширению наших закупок в Англии и по изменению формы экономических отношений.

Литвинов

Р. С. Говоря о старых претензиях, я указывал на наши соглашения с другими государствами, получившими наибольшее благоприятствование в отношении урегулирования претензий.

М. Л.

226. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

25 марта 1939 г.

Гжибовский пришел ко мне с весьма озабоченным видом. Он получил сообщение от польского посла в Лондоне, что мы поставили условием подписания декларации {{* [См. док. 210.](#)}} участие Польши, и спрашивал, соответствует ли это действительности.

Я ответил, что условий мы не ставили, но что мы получили определенное предложение о подписании декларации от имени четырех государств, включая Польшу. Мы и ответили согласием подписать в числе четырех. Нас не спрашивали, подпишем ли мы без Польши или нет, и нам не приходилось на это отвечать. Я могу, однако, сказать послу, что мы придаем весьма большое значение участию Польши. Я спрашивал, дало ли польское правительство какой-либо ответ.

Гжибовский ответил, что он не получил никаких сообщений из Варшавы. Лично он полагает, что у польского правительства должны быть значительные колебания. Нельзя не отдавать себе отчета в том, что английское предложение является первым шагом по пути новой английской политики и что неудача будет использована некоторыми английскими кругами, чтобы снова вернуть английское правительство на мюнхенские пути. С другой же стороны, подписание декларации отталкивает Польшу от Германии, с которой она имеет теперь три границы (фактически одну протяженную границу). Если Англия дальше декларации не пойдет, то Польша может остаться с глазу на глаз с Германией (Гжибовский, понятно, не сказал, что английское предложение идет вразрез с бековской линией устранения СССР от участия в европейских делах).

Вступление венгерских войск в Словакию Гжибовский объяснил мне тем, что прежняя венгерская граница между Карпатской Русью и Словакией не совпадает с тем административным делением, которое установила Чехословакия, расширив Словакию за счет Карпатской Руси. По мнению Гжибовского, венгры стремятся теперь восстановить вновь оккупированную ими Карпатскую Русь в ее прежних границах, делая это, вероятно, по соглашению с Германией.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, л. 23-24. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... с. 273-274.

227. Телеграмма посла Франции в Великобритании Ш. Корбена министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

25 марта 1939 г.

Вчера вечером посол Польши беседовал с министром иностранных дел о позиции своей страны по вопросу, поставленному британским правительством. Он не скрывал, какое сильное воздействие на польское общественное мнение оказал захват рейхом Богемии, а еще больше — Словакии. Установив опеку над этой страной, немцы располагают летными базами на расстоянии чуть менее 70 миль от польской границы. Но вызванная последними событиями обеспокоенность, кажется, не изменила желание польского

правительства соблюдать видимость нейтралитета. И действительно, граф Рачиньский настаивал на невозможности для Польши подписать политическое соглашение, одной из сторон которого был бы СССР.

Далее он сослался на предстоящий через несколько дней визит Бека в Лондон, который, безусловно, позволит ему изложить свои взгляды и дать окончательный ответ.

Посол Польши не мог дать других сведений о намерениях своего правительства.

Со своей стороны, лорд Галифакс повторил, что ему остается только пожелать, чтобы Польше удалось заключить удовлетворительный договор с Германией по вопросу о Данциге. *Строго конфиденциально.* После этой беседы в Форин офисе сложилось впечатление, что не следует рассчитывать на присоединение Польши к проекту четырехсторонней декларации. Сэр А. Кадоган сказал мне, что во время уик-энда состоятся консультации членов английского правительства с целью выработки плана действий. Представляется, что до настоящего времени Варшаве не было дано ни одной надежной гарантии о возможной помощи со стороны Англии в случае германской агрессии. Именно этот пункт необходимо уточнить, прежде чем связать себя процедурой, упомянутой в моей телеграмме № 864—865. Как известно Вашему превосходительству, министр уже имеет свое мнение на этот счет и премьер-министр, по-видимому, расположен следовать его примеру. Но некоторые их коллеги колеблются принять решение, которое бы значительно расширило действие нынешних обязательств Великобритании и могло бы вызвать неблагоприятную реакцию в определенных слоях общественности, а также в некоторых доминионах.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français. 1932-1939, 2 série, t. XV, p. 216—217.

**228. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову** {{* Печатается с
сокращением.}}

26 марта 1939 г.

По степени взбудораженности и всеобщей встревоженности реакция французской общественности на последний гитлеровский захват Чехословакии значительно превосходит все то, что мы наблюдали в прошлогодние сентябрьские дни.

Прежде всего нужно отметить совершенно исключительную по своему размаху и единодушную волну возмущения и ожесточения против немцев. Не впадая в преувеличения, можно с уверенностью сказать, что со времени великой войны не было еще момента, когда эта вражда к немцам прорвалась бы с такой силой, как сейчас. В синематографах, где так привились «актуалите» {{** Actualités (*фр.*) — кинохроника.}} из германской жизни и где еще сравнительно недавно эти показы воспринимались как нечто привычное и обычное при общем молчании зрительного зала, сейчас всякое появление на экране немцев вызывает свист и крики возмущения.

Совершенно притаилась и вся подкупленная немцами печать, и сейчас вы не встретите во Франции ни одного органа печати, который осмелился бы открыто выступить в защиту Германии. Свою подкупную работу эти подголоски немцев вынуждены в теперешних условиях вести, слегка подтягивая своих хозяев {{*** Так в тексте.}}. Как ветром сдуло с

поверхности французской жизни и всех этих дебринонов, шатобрианов, этих вчерашних завсегдатаев Кэ д'Орсэ, предпочитающих сейчас, чтобы о них меньше вспоминали и говорили.

Естественно, напрашивается вопрос, чем объяснить, что теперешний акт захвата, к которому французское общественное мнение, казалось бы, было достаточно подготовлено всей практикой гитлеризма за последние годы и который явился лишь последовательным завершением акта предательства Чехословакии в прошлогодние сентябрьские дни, так больно задел и ударил по нервам французов.

С точки зрения узкофранцузских интересов теперешний захват представляется небольшим и во всяком случае гораздо менее ошеломляющим ударом, чем прошлогодний сентябрьский, когда Франция потеряла свой главный бастион в Центральной Европе, миллионную резервную армию, превосходную восточную «линию Мажино». Мюнхен уже фактически свел с карты Европы страну, на которую Франция могла бы еще рассчитывать и строить какие-либо расчеты. Вассализация и втягивание Чехословакии в орбиту германской политики наметились с достаточной отчетливостью еще задолго до акта 15 марта. Почему же все-таки такое возбуждение? Откуда этот всеобщий взрыв негодования? Не претендуя на то, чтобы дать на этот вопрос исчерпывающий и полный ответ, постараюсь зарегистрировать все объяснения, которые мне пришлось за последние дни выслушать с разных сторон.

Политики, принадлежащие к мюнхенскому лагерю, прежде всего были ущемлены тем пренебрежением, которое Гитлер проявил к своим партнерам по Мюнхену: «не посоветовался, не проконсультировался, не считал даже нужным предупредить». Это ощущение престижного урона сочетается с гораздо более горьким чувством признания, что Англия и Франция были «разыграны», обмануты в Мюнхене и что мюнхенское соглашение превратилось в такой же клочок бумаги, как и все предшествующие бумажки, на которых стояла подпись Германии. Мюнхен был преподнесен всему миру как новая эра «замирения» в Европе, как конец немецким претензиям в Европе, как установление новых форм сотрудничества между двумя конкурирующими «осями». Акт 15 марта ⁷⁹ нанес смертельный удар всем этим иллюзиям и по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене. Те, кто несут действительно вину за Мюнхен, не сразу хотели в этом признаться. Они на первых порах пытались даже багателизировать события, крючкотворствовали, доказывая, что налицо нет открытой агрессии, что все произошло в рамках двустороннего и «добровольного» соглашения, но под напором давления своего общественного мнения они недолго удержались на таких позициях и решили во избежание революции «снизу» возглавить революцию «сверху». Но если бы вся реакция против акта 15 марта объяснялась только крахом мюнхенской политики, то было бы непонятным, почему этот акт вызвал еще большее раздражение в кругах, которые ничего общего с мюнхенским курсом не имели и никаких особых иллюзий на его счет не питали. Я имею в виду не только тот сектор французской общественности, который всегда стоял за необходимость твердого отпора германской агрессии и который в акте 15 марта нашел лишь новое доказательство своей правоты, но и те широкие аморфные обывательские круги, которые в прошлогодние сентябрьские дни играли роль молчаливых наблюдателей, а сейчас вовлечены в страстную кампанию против немцев.

Мне кажется, что я не особенно ошибусь, если скажу, что на эти круги из последних событий больше всего повлияли два обстоятельства. Во-первых, тот факт, что Германия без единого выстрела, без каких-либо жертв, без противодействия с чьей бы то ни было стороны сразу одним ударом добила результаты, превышающих по своим размерам то, чего Франция добила после многолетней победоносной, но обошедшейся в миллионы

жертв войны. Французский обыватель с бухгалтерской тщательностью, свойственной каждому рядовому французу, подсчитывает количество людей, территории, золота, естественных богатств, которые сейчас захватила Германия, и приходит в ужас как от зависти, так и от страха. Чувство страха и негодования, порожденное фактом неизбежного роста Германии, сейчас еще значительно усилилось благодаря характеру и особенностям, которыми сопровождались как раз последние германские захваты. На этом обстоятельстве, как, по-моему, на решающем и наиболее полно объясняющем теперешние французские настроения, я остановлюсь несколько подробнее.

Акт 15 марта замыкает целую полосу германских захватов. Но все предшествующие захваты имели в глазах обывателя все же некоторую видимость оправдания. Они либо касались областей, оторванных от Германии Версальским договором (Саарская область), либо касались областей, сплошь населенных немецким населением (Австрия, Судеты). Эти захваты укладывались в расистскую схему, которая если и отвергалась значительным большинством французского общественного мнения как внутривосточная доктрина, то с известным удовлетворением воспринималась как некая этническая граница, в которую упираются завоевательные планы Гитлера. Если в согласии с расистской теорией Гитлер действительно хочет объединить под своим «скипетром» только одних немцев и заранее отвергает всех, которые принадлежат к иной расе, то французам беспокоиться нет особых оснований, особенно после того, как достигнуто соглашение относительно Эльзаса и Лотарингии. Не может быть никакого сомнения, что это соображение сыграло и значительную роль при разрешении судетского вопроса и облегчило Чемберлену и Даладье заключить мюнхенское соглашение. Акт 15 марта убил и эти наивные иллюзии и дал новый и поучительный урок политической грамоты.

Отныне и не очень искушенные в политике начинают уже догадываться, что расистская теория меньше всего может служить тормозом для захвата территорий с «инородческим» населением и что эта теория находит свое приложение лишь в факте применения к этим инородцам режима низших рас. Акт 15 марта окончательно разрушил, таким образом, в глазах всякого среднего француза не только веру в слова Гитлера, веру, что можно договориться с Германией, веру в оправданность сентябрьской жертвы, веру в Мюнхен, но во весь рост поставил и проблему германской угрозы, проблему новых германских захватов.

Сейчас никто уже здесь не сомневается, что Гитлер не остановится на старых версальских границах и не задержится у пределов этнических границ. Вопрос, который сейчас всех занимает и который доминирует над всеми другими вопросами,— это вопрос о том, чья сейчас очередь. Кто явится очередной жертвой германской агрессии? И чрезвычайно знаменательно, что, несмотря на то что и последние германские захваты произошли в «Восточной» Европе и еще более приблизили Германию к нашим границам, версия о «восточном» или, точнее, советском направлении германской агрессии начинает постепенно уступать место уверенности (по крайней мере, у ответственных политических деятелей), что очередной удар Германия готовит против Запада.

Обосновываются эти заключения приблизительно следующими соображениями. Непосредственным результатом захвата Германией Чехословакии является подпадение под еще большую от Германии зависимость Польша и Румынии. Германия это в первую очередь использует, чтобы отрезать Францию от этих своих союзников на Востоке и чтобы помешать ей получить через них помощь от СССР. Создав такой прочный барьер на Востоке и изолировав окончательно Францию, Германия приступит к осуществлению своей «исторической» задачи: обрушиться против своего традиционного врага — Франции, Германия с известным основанием считает, что наиболее выгодным для этого

моментом является как раз теперешний момент, когда англо-французские военные приготовления еще далеко не закончены и когда объединенные германо-итальянские силы имеют гораздо больше шансов на победу, чем через год или два. Гитлер знает, что время работает не на него, как знает и то, что выиграть он сможет только при скорой «молниеносной» войне. Такие взгляды, как мне точно известно, высказывались и военными специалистами на секретных заседаниях комиссии по обороне. При этой схеме роль зачинщика почти всегда отводится Италии, кото-рой, по общему мнению, уже надоело играть роль бедного родственника в «оси». Италия нажимает на Германию, а последняя удерживает Италию от «преждевременного» наступления, мотивируя незаконченностью предварительной подготовки на Востоке. Можно ли считать, что эта подготовка уже сейчас закончена? Здесь мнения расходятся.

Многие считают, что этот момент для Гитлера наступит лишь после того, как Румыния окончательно будет подчинена германскому влиянию после полной ее вассализации (допускается при этом и мирный вариант). Овладение Румынией сделает Гитлера полным хозяином Дунайского бассейна, обеспечит его хлебом и нефтью, предоставит ему базу на Черном море и откроет ему дорогу на Балканы и Ближний Восток. Соблазн велик. И если еще сравнительно недавно возможность захвата Германией Румынии почти единодушно расценивалась как преддверие к походу Гитлера против СССР (общая граница, атака Одессы со стороны Черного моря), то сейчас приходится выслушивать и прямо противоположные мнения. Получив нефть и хлеб из Румынии и другое нужное ему сырье из других подчиненных ему стран Центральной и Восточной Европы, Гитлер потеряет всякий экономический стимул к Украине и не подвергнет себя риску войны с СССР. А о том, что война с СССР представляет для него риск, и риск немалый,— об этом здесь говорят решительно все. И это знамение времени. Даже те, кто все еще твердят о слабости СССР и на этом строят свои аргументы против сотрудничества с СССР, признают рискованность военных операций против СССР (безбрежные пространства, неизбежность длительной и затяжной войны, трудность маневрирования и т. д.). Сомнительно, писал на днях один из французских публицистов, чтобы Гитлер рискнул «обложить северного медведя в его собственной берлоге».

Мнение, что ближайший германский удар будет нанесен на Запад и что под этот удар в первую очередь подпадет Франция, становится здесь преобладающим. Это главнейший вывод, к которому французов привели последние события, и в этом, по-моему, и объяснение того возбуждения, которое мы здесь сейчас наблюдаем.

Предпринимаются ли какие-нибудь серьезные меры для отражения предстоящей опасности? Наблюдается ли, действительно, какой-нибудь серьезный сдвиг в области мобилизации внутренних и внешних ресурсов в стране? Начну прежде всего с внутренних. [...]

Мы ставим главное ударение на предупреждении и торможении войн, на мерах превентивного порядка, а мюнхенцы отвергают самую возможность создать на такой базе какой-либо фронт, особенно при нашем в нем участии. Мы выдвигаем лозунг неделимого мира, а мюнхенцы проводят грань между «цивилизованными» странами, странами старой культуры и «гибридами» и применяют к ним разные мерки. Нетрудно, далее, догадаться, что к этим «гибридам» по несколько, правда, иным соображениям мюнхенцы относят и нашу собственную страну. Излишне, я полагаю, напоминать, что лучшим исходом для мюнхенцев было бы втравить нас в войну с Германией. Это единственная форма войны, которую они сейчас приветствовали бы. Это расценено было бы как столкновение между двумя одинаково вредными противниками «западных» стран. Но если вопреки всем стараниям война все же разгорится в другом месте и агрессор вместо намеченного для

него мюнхенцами направления все же бросится против самих мюнхенцев, тогда, конечно, можно будет принять помощь и от СССР. Мюнхенцы, правда, убеждены, что СССР, которому они приписывают заинтересованность в развязке борьбы между тоталитарными и демократическими странами, долгое время будет занимать выжидательную и наблюдательную позицию. Но те же мюнхенцы считают, что в своих собственных интересах СССР в некий момент все же будет вынужден вмешаться. Правда, эта помощь опасна (в глазах крайних мюнхенцев даже более опасна, чем победа Германии), но, когда вода подходит к горлу, то уже не разбирают. [...]

Как держится при всем этом Бонне? Он, по примеру прошлогодних сентябрьских дней, старается на первый план выпятить все трудности проекта: позицию Польши, колебания Румынии и т. д. Можно ли хотя бы на один момент усомниться, что он в глубине души мечтает о скорейшем срыве всей этой английской затеи, перечеркивающей все, что он делал и над чем трудился в течение всего своего министерского стажа?

Возможно, что Даладье смотрит на все это иначе, но лишь до первого кивка со стороны Берлина и особенно Рима. Предположим, что завтра Муссолини предложит на «приемлемых» условиях соглашение (я это считаю далеко не исключенным), и я уверен, что Даладье сразу остынет и потеряет всякий интерес ко всякого рода Декларациям.

Я не хотел бы, и это, во всяком случае, не соответствовало бы ни моим намерениям, ни моим личным убеждениям, чтобы из всего мною вышесказанного был бы сделан вывод, что нам следовало бы Уклониться от участия в предлагаемой комбинации. Такой вывод был бы неверен. Я считаю абсолютно правильным, что мы ответили принципиальным согласием. Иной ответ с нашей стороны был бы и немыслим, не был бы никем понят и нанес бы нам большой моральный ущерб. Единственное, чего я хотел, — это изобразить в настоящем свете (по крайней мере, так как мне это представляется) настроения и намерения французских участников комбинации.

Полпред СССР во Франции
Суриц

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 207, л. 21-35. Опубл. в сб.; СССР в борьбе за мир... С. 274 — 280.

229. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

26 марта 1939 г.

Узнал от Корбена следующие подробности англо-французских переговоров в Лондоне⁹¹.

1. Бонне настаивал на введении воинской повинности в Англии, без которой, по мнению французов, невозможна никакая серьезная политика по организации сопротивления агрессорам. Англичане — Галифакс и Чемберлен — по этому вопросу были довольно неопределенны: не отказываясь прямо и даже давая понять, что они за воинскую повинность, они тем не менее не обещали введения ее в непосредственном будущем.

2. Окончательно договорено и оформлено соглашение между Англией и Францией о взаимной военной поддержке в случае нападения Германии на Голландию или

Швейцарию (Кадоган уже сообщал мне об этом) {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 182.}}.

3.Бонне ставил вопрос о твердых обязательствах Англии в отношении Польши и Румынии, опять-таки доказывая, что без этого условия названные страны не пойдут на участие в каком-либо антигерманском блоке. При этом Бонне подчеркивал, что Польша и Румыния, пожалуй, бояться «дружбы» СССР больше, чем его «вражды». Словом, Корбена, в этой части можно было понять так, что Бонне зондировал почву, нельзя ли получить для Польши и Румынии военные гарантии Англии, с тем чтобы вообще избежать необходимости привлечения СССР к участию в обеспечении безопасности стран Восточной Европы. Галифакс и Чемберлен, однако, и по данному вопросу воздержались от каких-либо определенных обещаний, хотя у Корбена осталось впечатление, что англичане сейчас более готовы пойти на принятие определенного обязательства в отношении Восточной Европы, чем когда бы то ни было раньше. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 32—33. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 280-281.

230. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с министром по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсоном

27 марта 1939 г.

Во время завтрака в английском посольстве Хадсон, сидевший рядом со мной, заявил мне следующее:

1. Вооруженный конфликт между европейскими демократиями и Германией представляется неизбежным. Общественное мнение Англии вполне убедилось в неотвратимости этого столкновения. Для противодействия агрессорам необходимо сотрудничество Великобритании, Франции и СССР. Каждая из этих стран должна принять на себя определенную долю участия в совместной защите общего мира. Уже сейчас Великобритания располагает флотом, могущим раздавить морские силы Германии и Италии. Воздушные силы Великобритании достаточны для обороны против германской авиации. Наконец, в случае войны на континенте Англия может послать на помощь Франции 19 своих дивизий. Что касается самой Франции, то ей придется действовать против Германии на суше. Для этого французская армия более чем достаточна. Гамелен {{* Генерал, начальник генерального штаба французской армии.}} заявил в Лондоне, что для успешного противодействия наступлению германской армии он даже не считает обязательной посылку из Англии на континент вспомогательных сил. Наконец, Советский Союз мог бы включиться в совместные действия против Германии своей могущественной авиацией. Если некоторые думают, что для победы над Германией европейские демократии нуждаются в помощи Соединенных Штатов, то Хадсон держится иного мнения. Летом этого года он предполагает посетить Нью-Йорк, Сан-Франциско и Вашингтон. Во время этой поездки он намерен заявить американцам, что Англия и Франция смогут справиться с Германией, не прибегая к помощи США. Другое дело — Дальний Восток. Там против Японии необходимо действовать совместно Советскому Союзу и США. Хадсон такого мнения, что внимание Советского Союза должно быть направлено, главным образом, на Дальний Восток. Германия едва ли решится броситься

на СССР. Между тем Япония лихорадочно готовится к войне с Советским Союзом, которая представляется Хадсону неизбежной. Хадсон понимает, что вместе с Германией Япония представляет наибольшую угрозу для общего мира. Однако он должен откровенно признать, что ни Англия, ни Франция не могут активно противодействовать Японии на Дальнем Востоке. Эта задача выпадает, как сказано, на долю Советского Союза и США.

Неожиданно Хадсон задал мне вопрос, почему бы Советскому правительству не послать в Лондон военной делегации для обмена мнениями с представителями британского генерального штаба?

Я ответил Хадсону, что совещания между представителями генеральных штабов могут иметь место лишь тогда, когда правительства окончательно договорились о необходимости и возможности совместных военных действий против общей опасности. Приходится констатировать, что такая договоренность еще не достигнута между Англией, Францией и СССР. Естественно, что СССР не может проявлять торопливость в таком деле, как совещания представителей генеральных штабов. Хадсону, между прочим, должно быть известно, что французское правительство, связанное с СССР договором о взаимной помощи, не пожелало отозваться на предложение Советского правительства — организовать совещание представителей генеральных штабов Советского Союза, Франции и Чехословакии, когда территориальной целостности и национальной независимости Чехословацкой Республики грозила непосредственная опасность германского нападения.

Не отвечая мне по существу, Хадсон заметил, что высшее командование СССР проявляет по отношению к английскому и французскому военным атташе необъяснимое недоверие. Еще года два тому назад эти атташе могли знакомиться в СССР с тем, что их интересует в организации советских вооруженных сил. Сейчас им не показывают ничего.

По этому поводу я возразил Хадсону, что, во-первых, ни английский, ни французский военные атташе не могут пожаловаться на какую-либо дискриминацию, допускаемую в отношении их в СССР; во-вторых, Хадсон должен согласиться с тем, что общеполитическая атмосфера за последнее время не такова, чтобы советское высшее командование могло проникнуться полным доверием к представителям иностранных армий, находящимся в СССР.

2. Хадсон осведомился, каково состояние взаимоотношений СССР с Финляндией и чем объясняется некоторая «напуганность» финнов, наблюдаемая в настоящее время.

Я ответил, что не вижу никаких объективных оснований для какой бы то ни было боязни финнов в отношении СССР. Легче было бы понять некоторые опасения Финляндии перед лицом германской экспансии, которая уже дает себя чувствовать Прибалтийским странам. Кстати, я упомянул Хадсону о статье английского профессора Меррэй, опубликованной еще в 1929 г. в журнале «Фортнайтли ревю» и уже тогда сигнализировавшей чрезвычайную опасность стремления Германии утвердить свое господство в бассейне Балтийского моря.

Хадсон живо подхватил эту мысль. Он сообщил, что в Хельсинки намерен поставить перед финнами альтернативу — или с Германией, или с Англией. «Кто не с нами, тот против нас», — с апломбом заявил Хадсон. «Если Финляндия хочет предпочесть Германию, ей придется подчинить свою экономику требованиям этого партнера и получать от него лишь то, что он ей навязет. Если же финны решатся пойти за нами, они заработают на этом несколько миллионов фунтов стерлингов в год. Так же поставлю я вопрос и перед шведами. Если они не хотят стать в полную зависимость от Германии, они

должны отказаться от своего пресловутого «нейтралитета». В будущей войне никому не удастся сохранить нейтралитет. От Швеции я буду добиваться, чтобы в случае нашей войны с Германией ни одна тонна шведской руды не отправлялась немцам».

3. После завтрака Хадсон вновь подошел ко мне и не без явного беспокойства заговорил со мною о том, что, по-видимому, в отношении его миссии в СССР у нас существует некоторое недоразумение. По некоторым замечаниям, высказанным т. Литвиновым Квинтону Хиллу {{* Главный контролер министерства по делам заморской торговли Великобритании.}}, Хадсон заключает, что его задачей в Москве как будто считают торговые переговоры. Хадсон возражает против такого понимания его миссии. По его словам, он согласился приехать в Москву лишь для того, чтобы выяснить вопрос, расположено ли правительство СССР провести конкретные переговоры об оживлении англо-советского экономического сотрудничества, о заключении постоянного торгового договора и об общей активизации англо-советских отношений. По мнению Хадсона, пришлось бы признать, что его миссия в СССР потерпела неудачу, если бы от него ожидали, что он привезет с собой готовое соглашение. Упомянутые им конкретные переговоры должны вестись в Лондоне. Сегодня т. Микоян обещал ему сказать, согласно ли Советское правительство на такие переговоры.

Я заявил Хадсону, что, по моему мнению, никакого недоразумения насчет возложенной на него миссии с нашей стороны не имеется. В этом легко убедиться, если Хадсон еще раз переговорит с т. Микояном. После этого сообщил т. Микояну о заявлении Хадсона и предоставил им объясниться при помощи посла, могущего служить переводчиком.

Резюмируя впечатление от сегодняшней беседы с Хадсоном, отмечу следующее. По-видимому, Хадсон убедился, что его разговоры с нами, начатые без серьезной подготовки с его стороны, в развязном тоне, не без заносчивости и даже прямого нахальства, не увенчались дипломатическим успехом. Чтобы спасти лицо, Хадсон хочет привезти в Лондон хотя бы наше согласие продолжить там начатые переговоры. Что касается вышеизложенных заявлений Хадсона по вопросам общеполитического порядка, то они отзывают прямой хлестаковщиной.

Отмечу, между прочим, характерную подробность. Коснувшись своей предстоящей поездки в Финляндию, Хадсон мне заявил, что, если у нас с финнами имеются какие-либо затруднения, он охотно берется их уладить, переговорив с кем нужно в Хельсинки. Я ответил Хадсону, что надобности в этом нет и что свои дела мы улаживаем сами.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 3, л. 7.

231. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Вне очереди 27 марта 1939 г.

1. 24 марта на заседании палаты Эттли {{* Лидер лейбористской партии Великобритании.}} предупредил Чемберлена, что 27 марта он поставит вопрос о ходе переговоров по декларации {{** [См. док. 210.](#)}} и ждет от премьера ответственного заявления как по данному вопросу, так и вообще относительно дальнейшего направления

британской внешней политики. Сегодня утром Чемберлен пригласил Гринвуда {{{ Один из лидеров лейбористской партии Великобритании.}}} (Эттли лежит в инфлуэнце) и просил его отложить постановку вопроса. Премьер объяснил, что положение создалось очень трудное и что он сейчас не в состоянии сказать ничего определенного. Чемберлен просил Гринвуда зайти к нему завтра. Гринвуд, конечно, не нашел ничего более подходящего как согласиться с премьером. В результате сегодня вопрос поставлен не был. Трудности, о которых говорил Чемберлен, сводятся к двум пунктам: а) Польша, б) разногласия в кабинете по вопросу о дальнейшем направлении внешней политики, а также по вопросу о конскрипции. Чемберлен, между прочим, сказал Гринвуду, что сегодня утром получены хорошие сообщения от Хадсона и что британское правительство довольно ходом московских переговоров {{{**** См. док. 220., 225, 230, 232.}}}. Что именно имел в виду Чемберлен, не могу сказать, так как от вас после сообщения о первом свидании Хадсона с Литвиновым {{{***** См. док. 220.}}} я не имел никаких сведений.

2. Ллойд-Джордж {{{***** Лидер либеральной партии Великобритании, член парламента.}}} говорил мне сегодня, что он не верит Чемберлену и что, пока не произойдет серьезной реконструкции правительства, трудно ожидать действительной перемены в направлении внешней политики Англии. В консервативной партии, несомненно, господствуют очень тревожные настроения и растет сознание необходимости тесного сотрудничества с СССР, однако кабинет отстает от партийной массы. Сейчас в правительстве идет борьба по вопросу о конскрипции и принятии военных обязательств на востоке Европы. Ближайшие дни должны показать, куда ветер дует. А это, в свою очередь, остро ставит вопрос о реорганизации кабинета. Ллойд-Джордж предполагает, что Чемберлен попытается еще раз играть в оттяжку, но думает, что это ему едва ли удастся. Весьма характерно, что сам Ллойд-Джордж считает неизбежным и даже желательным введение в умеренной форме конскрипции.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 41-42.

232. Сообщение ТАСС

28 марта 1939 г.

Министр по делам заморской торговли Великобритании г-н Хадсон во время своего пребывания в Москве имел по несколько бесед с наркомом внешней торговли т. А. И. Микояном и наркомом иностранных дел т. М. М. Литвиновым, а также был принят Председателем Совнаркома т. В. М. Молотовым.

Были подвергнуты обстоятельному обсуждению нынешние торговые взаимоотношения между СССР и Великобританией и возможности их дальнейшего развития. Обе стороны выяснили свои позиции, при этом вскрылся ряд существенных разногласий, которые, надо полагать, сведутся к минимуму в ходе дальнейших переговоров в Лондоне.

Состоялся равным образом дружественный обмен мнений по вопросу о международной политике, давший взаимное ознакомление с взглядами правительств обоих государств и выяснение точек соприкосновения между их позициями в деле укрепления мира.

Личный контакт, установленный между уполномоченным представителем британского правительства и членами Советского правительства, несомненно, будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира ⁹².

Известия. 1939. 28 марта.

**233. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

Вне очереди

28 марта 1939 г.

После того как ТАССу было передано сообщение {{* [См. док. 232.](#)}}, согласованное с Хадсоном и Сидсом, английское посольство получило распоряжение из Лондона не упоминать в коммюнике о политических разговорах. Англичане меня разыскивали весь вечер, но я был на даче и вернулся в город около полуночи. Я заявил англичанам, что сообщение ТАСС уже разослано в провинциальную печать и потому оно должно быть напечатано и в. столичной, но что можно еще задержать отправку за границу. Посоветовавшись между собой и учтя, что инкоры все равно протелеграфируют завтра по выходе газет, англичане скрепя сердце решили, что не стоит задерживать отправку сообщения за границу. Форин офис, давая распоряжение, не знал текста сообщения и, может быть, боялся, что там есть что-либо лишнее. Необходимо, однако, выяснить подоплеку этой возмутительной истории {{** [См. док. 240.](#)}}. Английская печать шумела, что миссия Хадсона скорее политическая, чем экономическая, и вдруг предлагает совершенно умолчать о политике. Сообщение составлено нами в совершенно необязывающих выражениях и скорее создает впечатление безрезультатности визита, но даже такое сообщение встречает возражение, это надо выяснить.

Журналисты, сопровождающие Хадсона, обходят нашу цензуру, передавая, очевидно, по телефону. Сообщите срочно, как и что они пишут.

М. М. Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 95-96.

**234. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому**

28 марта 1939 г.

Направляю записи моих двух бесед с Хадсоном с ближайшей почтой {{* [См. док. 220., 225.](#)}}. Никаких предложений с обеих сторон сделано не было. Хадсон затронул вопрос о старых претензиях, без урегулирования которых невозможен де постоянный торговый договор. Я ответил, что мы не настаиваем на постоянном торговом договоре. О старых претензиях мы не думаем и ему советуем вопроса не подымать. Когда Хадсон упомянул, что можно конфликт устранить перечислением имеющихся в английских банках

депозитов с добавлением нескольких миллионов фунтов, я сказал, что о каких-либо добавлениях не может быть и речи, а вопрос о перечислении считаю дискуссионным. В переговорах с Микояном Хадсон ставил вопрос о клиринге, о закупке потребительских товаров, об учреждении в Москве английского торгового представительства и об увеличении фрахтуемого английского тоннажа. Все эти предложения Микояном отклонены. Вчера на завтраке в посольстве Микоян сказал Хадсону, что при известных условиях, имея в виду долголетний кредит, можно было бы закупить некоторое количество пряжи и даже сельди. В общем надо признать, что визит ни в политическом, ни в экономическом отношении никакого эффекта не дал, а при таких визитах отсутствие положительных результатов должно считаться результатом отрицательным. Можно лишь надеяться, что лично Хадсон будет относиться благожелательно. Он сам, за исключением театров, почти ничего не видел в Москве. Жена же его очень энергична, многое видела и осталась, кажется, очень довольна. История с сообщением ТАСС {** [См. док. 232., 240.](#)}} перед самым отъездом сильно испортила настроение англичан, да и наше тоже.

Получил сегодня письмо, в котором Хадсон чрезвычайно тепло благодарит за прием и гостеприимство. Для Вашего сведения сообщаю, что в дальнейшем предполагается поручить торговые переговоры Вам и торгпреду.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 98-99.

235. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова посланнику Латвии в СССР Ф. Коциньшу

*28 марта 1939 г. { * В этот же день аналогичное заявление было сделано наркомом иностранных дел СССР также посланнику Эстонии в СССР Рею. }*

Советско-латвийский мирный договор от 11 августа 1920 г., а равно и договор о ненападении от 5 февраля 1932 г. имели своей презумпцией получение латвийским народом и сохранение им полного самостоятельного и независимого государственного существования как соответствующего воле латвийского народа. Из этой же презумпции Советское правительство исходило при досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога⁹³, при продлении на 10 лет договора о ненападении, а также при принятии на себя обязательств по Уставу Лиги наций.

Латвийскому правительству известно, какие усилия Советское правительство делало в течение последних 15 лет для обеспечения ненарушимости границ Латвийской Республики, причем оно опять-таки руководствовалось той же презумпцией. Из сказанного следует, какое огромное значение Советское правительство неизменно придавало и придает сохранению полной независимости Латвийской, как и других Прибалтийских республик, отвечающему не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и

несовместимыми с предпосылками и духом названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Настоящее заявление делается в духе искренней благожелательности к латвийскому народу с целью укрепления в нем чувства безопасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Латвийской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости, а также в невозможности для Советского Союза оставаться безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения этой самостоятельности и независимости.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 119-120. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 282-283.

**236. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

29 марта 1939 г.

Дорогой Яков Захарович,

Нашумевшие за последнее время вопросы о совместной декларации, конференции и т. д. я считаю отпавшими. Если не будет в ближайшее время какого-нибудь яркого случая германской агрессии, а его как будто не предвидится, то шум, поднятый вокруг аннексии Чехословакии и Клайпеды и германо-румынского соглашения, на время уляжется и мюнхенцы всех мастей снова войдут в свои права. В Англии как будто движение еще не улеглось, но Чемберлен и Саймон остаются.

Из моих шифровок Вам должно быть ясно, что слухи об условиях, которые мы якобы поставили для подписания декларации, не соответствуют действительности. Мы, правда, для себя решили не подписывать ее без Польши, но на прямое предложение о декларации четырех мы дали прямой ответ о согласии [{* См. док. 215.}](#). Никаких вопросов о подписании декларации трех или двух не получили и потому не считали нужным забегать вперед в определении своего отношения. Нам неизвестен точный ответ Польши, но он был, по-видимому, достаточно определен, чтобы понять ее отрицательное отношение и чтобы дать возможность Чемберлену и Бонне уклониться от дальнейших действий.

Майский сообщает [{** См. док. 229.}](#), что Бонне в Лондоне старался убедить англичан в невозможности сотрудничества Польши и Румынии с СССР, помощи которого они не желают. Бонне добивался от Чемберлена прямого обещания английской помощи для Польши и Румынии, для того чтобы устранить СССР. Бонне вообще в Лондоне настаивал на введении конскрипции в Англии и на других максималистских требованиях, заведомо неприемлемых для Англии, с целью усиления капитулянтских настроений и доказательства невозможности каких-либо коллективных действий.

Не подлежит никакому сомнению, что Бонне преследует политику всякого отказа от вмешательства в дела, не касающиеся непосредственно Запада, т. е. Голландии, Бельгии, Польши и Швейцарии. Я думаю, что в настоящее время у англичан больше готовности интересоваться востоком Европы, чем у Бонне. Что касается Бека, то в его отрицательном

отношении к декларации играет роль не только и даже не столько боязнь Германии, сколько нежелание допустить участие СССР в каких-либо общих действиях с западными странами. Эту линию Бек проводит последовательно. Во время посещения Лондона он, вероятно, главным образом будет агитировать против привлечения СССР к каким-либо общим действиям и в этом найдет сильную поддержку Бонне. Вопрос только в том, согласится ли Англия на помощь Польше без нашего участия. Я думаю, что нет. В таком случае Бонне сможет, сославшись на отказ в помощи со стороны Англии, умыть руки даже в отношении Польши. Насколько я понимаю его психологию, он считает, что, добившись дальнейшего оформления союзных отношений с Англией, он получил максимальные гарантии для Франции и ни о чем больше заботиться не должен. Необходимо вспомнить, что заключение пакта с СССР французы типа Лаваля и Бонне мотивировали всегда нежеланием Англии брать на себя определенные обязательства в отношении Франции. Когда замечалось кислое отношение Англии к советско-французскому пакту, ее фактически ставили перед дилеммой — или заключить военный союз с Францией, или же мы вынуждены пактовать с СССР. Надо признать, что, заручившись обязательством Англии вмешаться в конфликт в случае нападения на Голландию и Швейцарию, а также дальнейшего сотрудничества генеральных штабов, Бонне своего добился. Сегодня в разговоре с Пайяром я говорил ему об имеющейся информации касательно деятельности Бонне в Лондоне.

Миссия Хадсона результатов не дала, да мы их и не ожидали, и сама цель миссии не была ясна ни нам, ни, вероятно, самим англичанам. Если имелось в виду сделать жест в нашу сторону самим фактом посылки к нам полуминистра, то цель, конечно, достигнута. Никаких политических предложений Хадсон не привез, ожидая, что мы сами какие-то предложения сделаем. В экономических переговорах обе стороны остались на своих позициях, и потому Хадсон, чтобы не создалось впечатления неудачи его поездки, говорит всем и всякому, что вообще никаких экономических переговоров он в Москве не вел и что они должны начаться в Лондоне. В Москве же были лишь предварительные разговоры. О наличии разногласий упомянуто в коммюнике по нашей инициативе {{* [См. док. 232.](#)}}.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 34-36.

237. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Литвы в СССР Ю. Балтрушайтисом

29 марта 1939 г.

Балтрушайтис принес мне копию германо-литовского соглашения о Клайпеде {{* См. также док. 221.}}, сообщив при этом подробности «переговоров». Риббентроп обращался с Урбшисом весьма грубо, вручив ему проект соглашения и потребовав немедленного подписания. Когда Урбшис стал возражать, Риббентроп заявил, что Ковно {{** Каунас.}} будет сровнен с землей, если соглашение не будет немедленно подписано, и что у немцев все для этого готово. Риббентроп наконец согласился отпустить Урбшиса в Ковно с условием, что он немедленно вернется с подписанным соглашением.

Балтрушайтис затем сообщил о царящем в Ковно беспокойстве и о разговорах о возможности объявления Германией протектората. Дополнил он это следующими деталями.

Воинские части, занявшие Клайпедскую область, продолжают усиливаться, хотя уже начальный их контингент был настолько внушителен, что никак не соответствовал истинному положению вещей. Есть сведения, что воинские части Восточной Пруссии получают подкрепления.

Во всех концах Литвы из пока неуловимых, но, по-видимому, хорошо и заранее организованных источников распускаются всевозможные часто фантастические слухи и запугивания с целью вызвать смятение и панику и добиться возможно большей дезорганизации страны.

В самом Каунасе, как и вообще в Литве, все очень озабочены создавшимся положением, но все преисполнено решимости, в случае угрозы, защищать независимость всеми силами и средствами. Войска пополняются резервистами.

Наблюдается массовое бегство из Клайпедской области. Наплыв беженцев особенно значителен в Кретинге, Юрбаркасе, Таураге, Каунасе. Большинство семейств, поспешно покидая Клайпеду, своих близких, плачут, не находя друг друга, жалуются на то, что, спеша, пришлось оставить имущество. В числе беженцев имеются и иностранцы — чехи и немцы. В прессе отмечено, что только 26 марта одним поездом прибыло оттуда 7700 беженцев. В числе прибывающих имеется много искалеченных. Ими переполнены больницы в Кретинге и Каунасе. С одного учителя штурмовики стащили сапоги, и он приехал из Клайпедского края босиком.

Немцы навезли в Мемель {{{ Клайпеда.}}} много материалов, что указывает как будто на их намерение сооружать там какие-то укрепления или создать военно-морскую базу.

На вопрос, известно ли Балтрушайтису, что-либо о литовско-польских переговорах {{* См.: Известия. 1939. 12 мая, 26 июня, 3, 5 июля.}}, Балтрушайтис ответил, что никаких сведений об этом он не получил.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 138-139.

238. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Н. Диану

29 марта 1939 г.

Я вызвал Диану и заявил ему, что нас не удовлетворяют те скудные сведения, которые мы получили от него о германо-румынском соглашении ⁹⁰. Он должен понимать, что мы не можем не интересоваться взаимоотношениями Румынии с агрессивной Германией. Мы не могли бы относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 140. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 283-284.

239. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Немедленно

29 марта 1939 г.

1. Сегодня Гринвуд снова встретился с Чемберленом, который заявил ему, что благодаря Польше в вопросе о декларации [{{** См. док. 231.}}](#) и прочее создались большие трудности и что сегодня он сможет сделать в парламенте лишь очень общее сообщение о положении дел. Чемберлен подчеркивал, что с Парижем и Москвой все в порядке, и, кстати, еще раз заявил о своем удовлетворении результатами миссии Хадсона [{{*** См. док. 232.}}](#). Гринвуд поставил вопрос о необходимости устройства дебатов по внешней политике до пасхальных каникул (начинаются 6 апреля) — Чемберлен обещал предоставить для этого день,

2. Я узнал следующие детали о беседе Чемберлена с рабочей делегацией 23 марта. Рассказывая о переговорах по декларации, Чемберлен мало останавливался на недовольстве Польши отсутствием прочной гарантии, но зато очень подчеркивал нежелание Польши (Румынии) получать помощь от СССР. Далее премьер утверждал, будто бы переговоры о декларации ведутся не между четырьмя, а между пятью державами, включая Румынию, и что будто бы декларацией предусматривается не только консультация, но и взаимная помощь. При разговоре не был Галифакс, но присутствовал Кадоган, который, однако, не счел нужным поправить Чемберлена. Премьер намеками также давал понять, будто бы британское правительство готово идти на принятие твердых обязательств в отношении востока Европы. В результате лейбористы размякли и стали распространять слухи, будто бы Чемберлен «стал совсем другим» и готов отныне агрессорам «оказывать сопротивление».

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 47-48.

240. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 марта 1939 г.

1. Сегодня Кадоган дал мне такие разъяснения по поводу инцидента с коммюнике ТАСС [92](#). Хотя Хадсону предоставлено было право во время поездки разговаривать на политическую тему, но все-таки по его, Кадогана, мнению, основная задача Хадсона была торговая, тем более что он занимает пост секретаря департамента заморской торговли. Кадоган до последнего момента не знал, что Хадсон предполагает вообще публиковать какое-либо коммюнике (хотя бы даже чисто торгового характера) о результатах своих разговоров в Москве. Тем более он был удивлен, когда 27 марта около половины восьмого вечера он получил из Москвы телеграмму с сообщением, что выпускается коммюнике, да еще с включением политических моментов. Текст коммюнике не был приложен. Мало зная о том, какие политические разговоры велись в Москве, ибо Хадсон об этом сообщал

очень кратко, Кадоган был поставлен в тупик и так как по расчету времени было уже невозможно просить прислать текст коммюнике в Лондон на просмотр, то он решил, что безопаснее будет совсем исключить из коммюнике политику. Такое указание и дано было британскому посольству в Москве. Оно пришло, однако, туда слишком поздно, и коммюнике было опубликовано в первоначальной форме. После того как Кадоган ознакомился с текстом коммюнике, он пришел к выводу, что опасение его было напрасно. Коммюнике ему нравится. Выслушав разъяснения Кадогана о том, как он в порядке «перестраховки» собирался исключить из коммюнике всякую политику, я напомнил Кадогану то, что писала английская пресса о значении поездки Хадсона, а также то, что мне говорили о ней Галифакс, Ванситарт и сам Хадсон, далее я указал Кадогану на то, какое неприятное впечатление весь этот инцидент оставил в Москве. Кадоган был несколько смущен, извинялся и два раза подчеркнуто заявил, что он придает большое значение визиту Хадсона, что московские разговоры были очень полезны и что он надеется на хорошие результаты как следствие этих разговоров. Из разговора с Кадоганом мне стало еще яснее то, о чем я слышал уже ранее, а именно, что отношения между Кадоганом и Ванситартом оставляют желать лучшего. Хадсон, как я уже сообщал Вам ранее, кандидатура Ванситарта. Именно поэтому Кадоган относится к нему с явным раздражением и при случае не прочь поставить ему палку в колесо. Отсюда, по-видимому, берет начало инцидент с московским коммюнике.

2. В дальнейшем разговоре мы коснулись вчерашнего заявления Чемберлена в парламенте, в связи с этим весьма интересную вещь сообщил мне Кадоган о нынешнем состоянии переговоров с другими державами. По его словам, поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР. Кроме того, они дали ясно понять, что «консультация» их никак не устраивает и что они могут войти в мирный блок только при условии твердых военных обязательств со стороны Англии и Франции.

В течение последних дней между Лондоном и Парижем шли усиленные совещания, и в английских правительственных кругах сейчас создается настроение в качестве первого этапа организовать блок четырех держав — Англии, Франции, Польши и Румынии, причем первые две берут на себя твердое обязательство силою оружия прийти на помощь Польше или Румынии в случае нападения на них Германии. СССР пока остается в стороне, но на следующем этапе он тоже привлекается, причем о формах и характере его сотрудничества британское правительство собирается с нами особо говорить. Для уточнения положения я спросил Кадогана, объявит ли Англия войну Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями (блокада немецких берегов, бомбардировка немецких городов с воздуха и прочее), если Германия, например, завтра атакует Польшу. Кадоган на это ответил: «Да, объявит, если, конечно, указанный план будет принят кабинетом». По словам Кадогана, данный план будто бы встречает полную поддержку в Париже. Из других источников (в том числе от Черчилля) я слышал о наличии у британского правительства только что указанного плана. Однако пока еще трудно сказать, будет ли он одобрен кабинетом.

Полпред

241. Из письма посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

29 марта 1939 г.

Стремительный ход последней фазы чешского кризиса глубоко потряс здешнее общественное мнение и явился также причиной эволюции позиции здешнего правительства. Для решительных противников гитлеровской Германии последние события явились лишь подтверждением их предположений и еще одним аргументом в пользу необходимости принятия энергичных предупредительных мер. Однако еще большее значение приобрели чешские события в связи с тем влиянием, которое они оказали на здешний лагерь «соглашателей». Как правило, его сторонники избегали открыто выражать свои предвидения и надежды. В общем, они ограничивались заявлениями о том, что Великобритания должна ограничиться защитой Западной Европы и, разумеется, Британской империи и ее имперских коммуникаций. Центральная и Восточная Европа явилась бы районом германской экспансии, откуда Англия могла бы уйти без больших для нее потерь. Наиболее важные, хотя открыто и не высказывавшиеся аргументы в пользу этого заключались в надежде на то, что Германия натолкнется на большие трудности при освоении уступленных ей территорий и что вследствие этих " трудностей и антагонизма с Россией она утратит свою гибкость и динамизм. Предполагалось, что дело дойдет до русско-германской войны, которая ослабит обе воюющие стороны, не, без косвенной выгоды для западных государств.

Быстрый ход событий, дающий Германии ценные завоевания без пролития крови, выявил слабые стороны этих соображений, а также тот факт, что, по существу, они были прежде всего отговоркой, позволявшей ответственным государственным деятелям западных держав идти по линии наименьшего сопротивления. Возникла большая тревога в связи с тем, что, как и раньше, Германия вместо ослабления своих сил в результате действий на Востоке значительно усилила их. Вследствие осознания этого появился новый тон в отношении Германии. Этот шаг нашел свое отражение в английской политической прессе, разумеется, не без ведома правительственных кругов.

По сведениям, циркулирующим в здешних дипломатических и политических кругах, поворот в лагере «соглашателей» не является, однако, полным. По общему мнению, к этой группе относится сэр Джон Саймон, которому приписывают авторство проекта совместной декларации Великобритании, Франции, Польши и Советов. Несмотря на решительный тон своих последних речей, также и премьер не кажется, как это было до сих пор, свободным от сомнений в отношении того, наилучший ли был избран способ для розыгрыша партии, начатой мюнхенским соглашением. [...]

Эдвард Рачиньский,
посол Польской Республики

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 60 — 61.

242. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано

29 марта 1939 г.

[...] Дважды беседовал с дуче, для того чтобы принять решение в отношении Албании. Поскольку он выезжает в Калабрию и вернется только в ближайшую субботу, я хотел внести полную ясность в этот вопрос: 1. Армия, флот и авиация продолжают свою подготовку. Мы будем готовы к субботе. 2. Якомони {{* Посланник Италии в Албании.}} должен тем временем оказать дипломатическое давление на короля и доложить о результатах. 3. В определенный момент, если только он не сдастся до этого, мы пошлем свои корабли в территориальные воды Албании и предъявим ультиматум: либо подписать пакт, либо взять на себя ответственность за отказ. 4. Если он будет упорствовать в своем отказе, мы поднимем восстание среди племен, опубликуем соответствующие декларации и высадимся. 5. Оккупировав Тирану, мы созовем там под моим председательством нечто вроде учредительного собрания, состоящего из албанских вождей, и предложим корону королю Италии. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 298. Опубл. в кн.: G. Ciano. Diario. Vol. I. P. 68-69.

243. Телеграмма полномочного представителя СССР в Велико британии И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

30 марта 1939 г.

Чемберлен сегодня утром пригласил Гринвуда и сообщил ему, что британское правительство получило точные сведения о намерении Германии напасть на Польшу и что он, Чемберлен, считает необходимым теперь же предупредить Германию о том, что Англия в таком случае не сможет остаться посторонним зрителем происходящих событий. С целью обсуждения создавшегося положения Чемберлен созывает экстренное заседание кабинета. Разговор происходил до заседания. В 11 час. утра действительно состоялось заседание кабинета, но мне пока неизвестно, что на нем было решено ⁹⁴.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 55. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 286-287.

244. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

31 марта 1939 г.

Сегодня меня пригласил к себе Бонне и, сообщив о готовности Англии гарантировать Польшу, начал плести какую-то чепуху относительно сотрудничества с СССР. По его же словам, выходило, что Польша, даже получив гарантию, вряд ли подпишет декларацию четырех {{* См. док. 210.}}, что Англия и Франция, по-видимому, уже примирились с этим, и вместе с тем он стал меня просить, чтобы я опять запросил вас, какова будет наша позиция, если Германия нападет на Польшу и Румынию, и т. д. Когда я выразил недоумение, о чем собственно я должен запрашивать после трехнедельной волюнки, после того как мы уже достаточно ясно высказались {{** См. док. 215., 216.}} и после того как Лондон и Париж сейчас сами отказываются от своего первоначального проекта, Бонне

начал тянуть уже другую песенку. Еще неизвестно, откажется ли Польша; но если и откажется, то он жаждет сотрудничества с нами, но не знает только, в какой форме это лучше осуществить. Он был бы не прочь, чтобы эту форму подсказали мы, а закончил он беседу довольно неожиданно: «Знаете, подождем завтрашнего дня».

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 163. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 287.

245. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Польше

31 марта 1939 г.

Как я заявил на сегодняшнем утреннем заседании, правительство Его Величества не имеет официального подтверждения слухов о каком-либо планируемом нападении на Польшу и поэтому их нельзя принимать за достоверные.

Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы снова сделать заявление об общей политике правительства Его Величества. Оно постоянно выступало и выступает за урегулирование путем свободных переговоров между заинтересованными сторонами любых разногласий, которые могут возникнуть между ними. Оно считает, что это естественный и правильный курс в тех случаях, когда существуют разногласия. По мнению правительства, нет такого вопроса, который нельзя было бы решить мирными средствами, и оно не видит никакого оправдания для замены метода переговоров методом применения силы или угрозы применения силы.

Как палате известно, в настоящее время проводятся некоторые консультации с другими правительствами. Для того чтобы сделать совершенно ясной позицию правительства Его Величества на то время, пока эти консультации еще не закончились, я должен теперь информировать палату о том, что в течение этого периода в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом ⁹⁴.

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 62.

246. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

31 марта 1939 г.

Галифакс сегодня утром опять отложил свидание и пригласил меня только в 1 час дня. Начал он с извинений по поводу того, что вынужден был несколько раз откладывать мой визит, объясняя это тем, что в последние два дня происходили частые заседания кабинета или комитета по внешней политике (в него входят 5—6 наиболее ответственных министров) и что страшно много времени и труда было потрачено на выработку текста того заявления, которое премьер должен сделать сегодня в 3 часа дня в парламенте [{* См. док. 245.}](#). Из слов Галифакса можно было заключить, что роды этого документа носили весьма болезненный характер. Таким образом, еще раз подтверждается наличие разногласий в кабинете по вопросу о внешней политике. Далее Галифакс зачитал мне текст заявления, которое вам, вероятно, уже известно из газет, и спросил меня, каково мое мнение о нем. При этом Галифакс особо подчеркнул, что консультации и переговоры более общего порядка по вопросу о создании единого фронта миролюбивых держав против агрессии, начатые две недели назад, остаются в полной силе и английское правительство собирается продолжать их с максимальной энергией (хотя, по мнению Галифакса, декларация, предложенная англичанами 20 марта, едва ли имеет шансы на осуществление, и теперь надо искать иных форм коллективной акции), однако крайнее обострение германо-польских отношений вынудило британское правительство впредь до решения указанного общего вопроса принять экстренные меры специально в отношении Польши. Отсюда сегодняшнее заявление премьера, которое, как надеется Галифакс, может еще остановить Гитлера, Я ответил, что, поскольку в соответствии с заявлением Галифакса английское правительство не собирается отказываться от намерения создать единый фронт миролюбивых держав, вообще прочитанное мне заявление представляет известный шаг вперед по сравнению с прежними декларациями английского правительства по вопросам борьбы с агрессией. Мне, однако, кажется, что редакция заявления недостаточно определена и допускает возможность различных толкований. В качестве примера я указал на формулу «английское правительство поддержит Польшу всей своей силой». В течение некоторого времени между мной и Галифаксом шел спор по данному пункту, но в конце концов Галифакс согласился, что немцы, пожалуй, смогут вложить в приведенное заявление не совсем то содержание, какое в него вкладывает кабинет.

Далее Галифакс спросил меня, мог ли бы премьер, оглашая заявление в парламенте, сказать, что оно находит одобрение Советского правительства. Это было бы очень важно, чтобы предупредить внутренние споры и разногласия в самой Англии (намек на настойчивое требование оппозиции осуществлять тесный контакт и сотрудничество с СССР). В эти критические времена надо демонстрировать максимум внутреннего единства перед лицом Германии. Я ответил, что вполне понимаю чувства Галифакса, но не могу согласиться с его предложением. Насколько мне известно, английское правительство консультировалось по поводу настоящего документа с Парижем и Варшавой, но не консультировалось с Москвой. Текст документа Советскому правительству неизвестен. Даже я здесь до последнего момента его не видел. Независимо от того, какова была бы наша оценка заявления по существу, как может премьер при таких обстоятельствах докладывать парламенту, что Советское правительство дало его декларации свое благословение? Галифакс несколько смущенно согласился, что, пожалуй, это так, и стал пространно доказывать, что отсутствие консультации с Советским Союзом в данном конкретном случае объясняется отнюдь не нежеланием со стороны английского правительства, а исключительно оппозицией со стороны поляков к участию СССР в какой-либо общей с ними комбинации. Поляки, по словам Галифакса, выдвигали будто бы тот аргумент, что участие СССР вызвало бы такую реакцию в Германии, которая сделала бы открытый конфликт между Польшей и Германией неизбежным. Затем Галифакс спросил, готов ли был бы СССР в случае нападения Германии на Польшу оказать последней помощь, например, в такой форме, как снабжение поляков оружием,

амуницией и прочим. Я ответил, что общая принципиальная установка Советского правительства Галифаксу уже известна из наших прежних с ним разговоров: СССР оказывает помощь жертвам агрессии, борющимся за свою независимость, но, конечно, конкретные формы этой помощи определяются конкретными обстоятельствами каждого отдельного случая. В данном случае очень важное конкретное обстоятельство, которое приходится учитывать,— это открытое нежелание самой Польши пользоваться нашей поддержкой, о чем мне только что сообщил Галифакс. СССР не имеет желания навязываться кому-либо со своей помощью. Поэтому сейчас мы, естественно, не можем занимать иной позиции, как позиция внимательного наблюдателя за разворачивающимися событиями. Нет основания обсуждать те или иные формы советской поддержки Польше. И к тому же я не уполномочен на это моим правительством. Галифакс заметил, что вполне понимает нашу позицию. Далее он прибавил, что во время пребывания Бека в Лондоне он затронет с ним вопрос о польско-советских отношениях. Закончил Галифакс заявлением о желании поддерживать со мной возможно более тесный контакт.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 60—64. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 287-289.

247. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

31 марта 1939 г.

Вчера после оглашения декларации {{* [См. док. 245.](#)}} в парламенте Чемберлен пригласил Ллойд Джорджа для обмена мнениями по международным вопросам. Во время беседы Ллойд Джордж остро поставил вопрос об участии СССР в блоке миролюбивых держав, на что премьер ответил, что он в принципе с этим целиком согласен, но что позиция Польши и Румынии делает пока практическое привлечение СССР затруднительным. Тогда Ллойд Джордж спросил, как же при таких условиях Чемберлен рискнул выступить со своей декларацией, грозя вовлечь Англию в войну с Германией. Премьер возразил, что, по имеющимся у него сведениям, как германский генеральный штаб, так и Гитлер ни в коем случае не пойдут на войну, если будут знать, что им придется драться одновременно на двух фронтах — западном и восточном. Ллойд Джордж спросил, где же этот «второй фронт». Премьер ответил: «Польша». Ллойд Джордж расхохотался, стал издеваться над Чемберленом и доказывать, что Польша не имеет ни сколько-нибудь приличной авиации, ни достаточной механизации армии, что вооружение польских сил более чем посредственно, что экономически и внутривнутриполитически Польша слаба. Никакого «восточного фронта» без активной помощи СССР быть не может. В заключение Ллойд Джордж заявил: «При отсутствии твердого соглашения с СССР я считаю ваше сегодняшнее заявление безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться». [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 65—66. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 290-291.

248. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

1 апреля 1939 г.

Сидс, не объясняя цели своего визита, начал с разговора о коммюнике Хадсона {{* [См. док. 232.](#)}}, причем выражал сожаление, что последние моменты гостей, да и его самого, были испорчены, в чем он винит, конечно, Форин офис. Я ему сказал, что нам коммюнике не нужно было, что мы могли бы обойтись без него, но, поскольку английская печать столько на шумела по поводу якобы политической миссии Хадсона, трудно было совершенно умолчать о политических разговорах, которые он все же вел с нами по поручению своего правительства ⁹².

С[идс] затем спросил, что я думаю о заявлении Чемберлена {{{* [См. док. 245.](#)}}}. Он полагает, что мы должны приветствовать это заявление как проявление новой английской политики по пути коллективной безопасности. Он ожидает поэтому, что мы выразим свое понимание и оценку заявления.

Я выразил сперва недоумение, что, после того как Англия по своей инициативе обратилась к нам с предложением о совместной декларации {{{** [См. док. 210.](#)}}} и мы дали свой положительный ответ {{{*** [См. док. 215.](#)}}}, мы ничего больше не знаем официально о судьбе этого начинания. Как-то попутно только Кадоган говорил т. Майскому об отрицательной позиции Польши, но мы не знаем, надо ли считать эту затею окончательно провалившейся, или же заявление Чемберлена считается условием согласия Польши на декларацию. С[идс] ответил, что, насколько ему известно, Кадоган и сам Галифакс знакомили Майского с положением и что он, Сидс, считает вопрос о декларации окончательно отпавшим. Он опять стал спрашивать о моем впечатлении от заявления Чемберлена. Я ответил, что нам не совсем понятен смысл этого заявления. Действительно ли Англия решила встать на путь борьбы с агрессией вообще, где бы она ни возникала, или же мы имеем дело с соглашением между Англией, Францией и Польшей или даже Румынией, вызванным особыми соображениями и интересами? Во всяком случае, мы на все официальные/предложения Англии дали свои ответы; затея Англии провалилась, и мы считаем себя свободными от всяких обязательств.

«Значит ли это, что вы впредь не намерены помогать жертве агрессии?» — спросил Сидс.

Я ответил, что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам.

С[идс] начал вздыхать по поводу того, что шаги Англии всегда находят где-либо своих критиков и, что бы Англия ни делала, всегда кто-либо недоволен. Ему, Сидсу, очень неприятно встретить с моей стороны такое холодное отношение к заявлению Чемберлена, которое, по мнению посла, заслуживает лучшей оценки.

Я действительно принял посла очень холодно, выражая это не столько словами, сколько поведением, и от продолжения разговора уклонился.

Литвинов

249. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

2 апреля 1939 г.

Вчера во второй половине дня посол Англии встречался с Литвиновым {{* [См. док. 248.](#)}}, которого он нашел расстроенным. Народный комиссар проявил некоторую досаду в связи с тем, что западные державы якобы не придали должного значения последним советским инициативам по эффективной организации коллективного сопротивления агрессии. Дважды Англия торопила СССР занять позицию — в первый раз, запросив, какую позицию он займет в случае, если будет нападение на Румынию, и второй раз, прося его присоединиться к совместной декларации. В обоих случаях СССР представил конструктивные предложения (о совещании) или проявил положительное расположение. Затем все прервалось. Отдавая себе отчет о трудностях английской дипломатии, Литвинов, однако, на основе некоторых данных поставил под сомнение реальную готовность западных держав договориться о выработке программы совместных действий с Советами.

Во время беседы народный комиссар вскользь высказал мысль о том, что в конечном счете политика изоляции может быть самой выгодной для СССР. Этой шуткой Литвинов, несомненно, стремился стимулировать усердие своего собеседника, но шутки Литвинова почти всегда указывают на альтернативные направления в ходе мыслей руководителей.

Некоторые сделанные мне народным комиссаром намеки передают в более или менее точной форме тот же недоверчивый настрой.

Правильно это или нет, но вспоминая о Мюнхене, СССР в некоторых отношениях находится под впечатлением, что его то приближают, то отстраняют, что с ним ведут игру и что даже у кое-кого может быть задняя мысль скомпрометировать его по отношению к Германии, с тем чтобы еще больше изолировать. Но если СССР, похоже, готов действовать совместно с другими державами и разделить риск, он не хочет подставлять себя и «служить громоотводом». Эта озабоченность выражена во 2-м пункте программы Сталина о задачах коммунистической партии {{* [См. док. 177.](#)}} (моя телеграмма № 166) и в газетных статьях с требованием действий, а не заявлений со стороны западных держав.

После чешских событий в связи с решительной позицией Франции, Англии и Соединенных Штатов здесь произошло очень отчетливое возрождение идеи коллективной безопасности. Вместе с тем была отмечена некоторая непоследовательность в линии западных держав и возникли сомнения.

Следовало бы несколько успокоить Литвинова.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 1932—1939... 2 serie, t. XV, p. 355-356.

250. Распоряжение начальника верховного командования вооруженных сил Германии В. Кейтеля

3 апреля 1939 г.

Содержание: инструкция для вооруженных сил на период

1939-1940 гг.

Инструкция для вооруженных сил о единой подготовке военных действий на период 1939 — 1940 гг. перерабатывается.

Часть I («Обеспечение границы») и часть III («Данциг») будут разосланы в середине апреля. Они в основном остаются неизменными.

Часть II (план «Вайс») содержится в приложении {** План «Вайс» — [см. док. 265.](#)}. Подпись фюрера будет получена позднее.

Относительно плана «Вайс» фюрер распорядился о следующем:

1. Разработка [плана] должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.
2. На верховное командование вооруженных сил возлагается задача разработать точную таблицу взаимодействия по плану «Вайс» и обеспечить взаимодействие во времени между тремя видами вооруженных сил.
3. Свои соображения и материалы для таблиц взаимодействия командующие видами вооруженных сил должны представить верховному командованию вооруженных сил к 1 мая 1939 г.

Начальник верховного командования
вооруженных сил
Кейтель

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 301. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 154.

251. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

4 апреля 1939 г.

Гжибовский приходил сегодня по своей инициативе. Он начал с полуупрека, что ему приходится выполнять функции нашего полпреда, передавая наши запросы польскому правительству. Это имеет, то неудобство, что он может иногда не совсем точно передавать нашу установку.

Гжибовский получил ответ из Варшавы и может теперь официально сообщить мне, что версия Кадогана {** См.: СССР в борьбе за мир... Док. 182.} о польском ответе правильна, но она должна быть дополнена указанием, что относится к комбинациям, направленным против Германии. Варшава не знает, сделано ли это упущение Кадоганом или польским послом, которому теперь об этом послан запрос.

Вернувшись к вопросу, поставленному ему мною в прошлый раз, о том, упомянула ли Польша в своем ответе Англии, что она отказывается также от участия в комбинациях, направленных против СССР, Гжибовский, читая инструкцию из Варшавы, показал мне некоторые цитаты из «Тан» и «Таймс», где говорится о предъявлении Германией Польше трех требований: 1) о Данциге, 2) о постройке автострасы через «коридор», 3) о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту, — каковые требования Польшей отклонены.

На мой вопрос, верны ли эти сообщения газет, Гжибовский ответил, по своему обыкновению, не прямо, а тем, что эти газеты обычно хорошо информированы. К этому Гжибовский добавил, что отрицательное отношение Польши к антикоминтерновскому пакту хорошо известно западноевропейским государствам и участникам пакта. Я спросил, известно ли это им также из газет, и Гжибовский ответил, что это известно им от польского правительства. На мой вопрос, каков же был ответ Польши на германские требования, Гжибовский сказал, что ответом была мобилизация в Польше и что Польша отказалась даже вести переговоры по этим требованиям.

Далее, Гжибовский выражал недовольство по поводу ведущейся в нашей прессе полемики против польской политики равновесия. Он сослался на какую-то статью в «Известиях» и в «Машиностроении», где будто бы говорилось о «ложности и бессмысленности польской политики». Полемика есть также в сегодняшнем номере «Журналь де Моску». Посол опасается, что это может вызвать полемику также в польской прессе. Такая полемика особенно несвоевременна теперь, когда Польша находится в затруднительном положении и наша критика может быть понята как нажим на Польшу, как выставление ей условий.

Перейдя на тон конфиденциальности, Гжибовский добавил «в частном порядке»: если у Германии действительно имеется намерение действовать на востоке Европы, то сил СССР и Польши достаточно будет, чтобы воспрепятствовать агрессии. Если же речь идет о наступлении на западе, то каждое государство должно брать на себя лишь конкретные и точные обязательства.

Отвечая послу, я сказал приблизительно следующее.

Мы сожалеем, что до сих пор не удалось назначить полпреда в Варшаву, но что такое назначение возможно в ближайшее время. Г-н Бек не принимает нашего поверенного в делах, да и вообще нет ничего ненормального в том, что мы обращаемся иногда со своими запросами к польскому послу. Такие отступления от общего правила бывают везде. Я понял ответ Варшавы в том смысле, что сообщение Кадогана о том, что Польша не желает примкнуть к каким бы то ни было комбинациям, в которых участвует СССР, должно быть лишь дополнено словами «направленных против Германии» и что сокращение произведено либо самим Кадоганом, либо польским послом.

Поскольку посол заговорил о полемике в прессе, я должен сказать, что наши газеты не в курсе моих разговоров с послом и основываются на сообщениях печати, где польский ответ Англии был изображен еще более резко, чем в версии Кадогана. Но даже в восстановленном виде польская формулировка вряд ли может находить понимание и одобрение в наших общественных и журналистских кругах. Послу должно быть известно, что так называемый антикоминтерновский пакт отнюдь не направлен против СССР или исключительно против него, но также против Англии, Франции и даже Америки. Это доказано тем спором, который в настоящее время ведется между участниками пакта, из которых каждый хочет, чтобы острие пакта было направлено против наиболее интересующего его противника. Таким образом, Польша отказывается участвовать не в

антисоветской комбинации, а в комбинации, направленной против ряда миролюбивых стран, что, конечно, весьма похвально. Мы знаем, однако, что в свое время Польша готова была примкнуть и вела даже соответственную агитацию за так называемый пакт пяти в составе Англии, Франции, Германии, Италии и Польши, отлично сознавая, что такая комбинация была бы направлена против СССР. Зная все это, наша пресса не может воздержаться от соответственных комментариев по поводу известного ответа Польши Англии. Она критикует внешнюю политику Англии и Франции, так почему же ей не критиковать также польскую политику, если она с ней не согласна? Если польская пресса будет полемизировать против принципов нашей внешней политики, коллективной безопасности, неделимости мира, мы в обиде не будем. Да и сама Польша как будто меняет свою прежнюю политику равновесия, если она соглашается заключить пакт о взаимной помощи с Англией в момент наибольшего обострения англо-германских отношений. Обязавшись помогать Англии и Франции, она может быть вовлечена и в борьбу с Италией, которая будет на стороне Германии. А если Германия начнет продвигаться в Прибалтику и Польша захочет этому помешать, разве она не обратится за помощью к Англии и Франции? Таким образом, продолжая говорить о нейтралитете и равновесии, Польша невольно становится на путь коллективной безопасности. Почему же наши газеты не могут об этом писать?

Но ведь, когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР, вставил Гжибовский. На это я сказал, что она может обратиться, когда будет уже поздно, и что для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва. Теперь более чем когда-либо необходима ясность в отношениях, и пресса по мере сил старается содействовать внесению ясности, и обижаться тут не на что.

Я защищаю нашу несовершенную политику, сказал Гжибовский. Несовершенство всегда подвержено критике, ответил я.

Во время беседы Гжибовский, между прочим, упомянул, что по поводу мнимого ультиматума Румынии {{* [См. док. 191., 203.](#)}}, Англия к Польше не обращалась, исходя, может быть, из предположения, что Польша имеет союзный договор с Румынией ⁹⁵. Договор, однако, по признанию самого Гжибовского, весьма загадочен и нуждается в уточнении. Не согласовывала Англия также своей декларации с Польшей. Речь Гитлера произвела на посла впечатление смятения и воспроизведена она по радио и в печати не полностью, так как кое-что из сказанного Гитлером пришлось скрыть. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 6, л. 39-43. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 304-307.

252. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову

5 апреля 1939 г.

Ген. Баркгаузен, представитель германского командования, чинит препятствия исполнению фирмой «Шкода» в Чехословакии наших двух договоров от 6 апреля 1938 г. на изготовление опытных образцов и чертежей артсистем и договора на поковки артсистем от 20 июня 1938 г., а также не допускает нашу комиссию инженеров на заводы.

Вместе с тем ген. Баркгаузен препятствует сдаче нам изготовленных уже по договору двух зенитных пушек и прибора управления артогнем. Обратитесь в Министерство иностранных дел и потребуйте дать немедленно соответствующие указания о прекращении подобных действий, препятствующих выполнению фирмой «Шкода» ее обязательств по упомянутым договорам, в соответствии с которыми мы внесли авансы и очередные платежи {{* [См. док. 279.](#)}}.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 40.

253. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

5 апреля 1939 г.

Конфиденциально МИД меня просил уведомить Советское правительство, что командующий литовской армией принял приглашение отправиться в Германию на день рождения Гитлера и что эта поездка будет носить строго протокольный характер.

МИД известно, что такое приглашение сделано еще Эстонии, Финляндии, Швеции, Латвии и Голландии и что первые три уже пришли к положительному решению. Из Эстонии поедет начальник (генерального) штаба. Из Латвии получил приглашение Балодис {{** Военный министр Латвии.}}.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 299, д. 2063, л. 43.

254. Коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Бекком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Лондоне 4—6 апреля 1939 г.

6 апреля 1939 г.

Беседы с г. Бекком охватывали широкий круг вопросов и показали, что оба правительства полностью согласны относительно некоторых общих принципов.

Было согласовано, что две страны готовы вступить в соглашение постоянного и взаимного характера с целью заменить существующую временную и одностороннюю гарантию, данную польскому правительству правительством Его Величества {{* [См. док. 245.](#)}}.

До заключения постоянного соглашения г. Бек дал правительству Его Величества гарантию, что правительство Польши будет считать себя обязанным оказывать помощь правительству Его Величества на тех же самых условиях, что и условия, содержащиеся во временной гарантии, уже данной Польше правительством Его Величества.

Подобно временной гарантии, постоянное соглашение не будет направлено против какой-либо другой страны, а будет иметь целью гарантировать Великобритании и Польше взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон.

Было признано, что некоторые вопросы, включая более точное определение различных ситуаций, при которых могла бы возникнуть необходимость в такой помощи, потребуют дальнейшего изучения, прежде чем может быть заключено постоянное соглашение.

Было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не мешает ни одному из правительств заключать соглашения с другими странами в общих интересах укрепления мира.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 65.

255. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

6 апреля 1939 г.

Галифакс ознакомил меня сегодня с текстом того заявления об англо-польских переговорах, которое премьер сегодня же огласил в парламенте **{{** [См. док. 254.](#)}}**, а затем отчасти по собственной инициативе, отчасти в ответ на мои вопросы сделал следующие пояснения.

1. Никакого, хотя бы временного, договора между Беком и Галифаксом подписано в Лондоне не было. Единственный документ, фиксирующий его переговоры,— это опубликованное коммюнике (оглашенное премьером в палате), согласованное между обеими сторонами. В дальнейшем предполагается заключить окончательный двусторонний пакт взаимопомощи, однако Галифакс не мог хотя бы приблизительно указать срок его подписания.
2. В третьем пункте коммюнике говорится, что обязательство взаимопомощи вступает в силу в случае какой-либо угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон. В порядке расшифровки этой несколько туманной формулы я спросил, обязана ли Англия автоматически прийти на помощь Польше, если, например, Германия атаковала бы Литву и Польша пришла бы Литве на помощь? Или обязана ли Польша сделать то же самое, если, например, Германия напала бы на Голландию и Англия пришла бы Голландии на помощь? На этот прямой вопрос Галифакс не мог ответить мне ничего определенного и заметил только, что данный вопрос подлежит уточнению в дальнейшем. На мой второй вопрос, кто является судьей относительно того, угрожает ли прямо, или косвенно теми или иными действиями Германия независимости Польши или Англии,— только ли польское правительство или только ли британское правительство, Галифакс тоже не мог мне дать ясного ответа. Очевидно, и этот важный вопрос не был достаточно уточнен в переговорах.
3. По поводу четвертого пункта коммюнике относительно более точного определения различных обстоятельств, при которых может возникнуть необходимость в помощи, Галифакс разъяснил, что здесь имеются в виду главным образом отношения Польши с Румынией и Венгрией и что польское правительство сейчас займется разрешением

имеющихся между ними трудностей. Галифакс, впрочем, допускает, что данный пункт в своем дальнейшем развитии может включать и конкретные переговоры между военными штабами заинтересованных государств.

4. Галифакс сделал особенное ударение на пункте пять коммюнике, предоставляющем каждой стороне полную сепаратность в заключении соглашений с другими державами в интересах укрепления мира. По его словам, этот пункт внесен для того, чтобы обеспечить возможность британскому правительству привлечь к участию в системе безопасности СССР, однако Галифакс сам не сказал ничего относительно формы такого привлечения, а я не стал его об этом спрашивать. В данной связи Галифакс сообщил, что Бек в переговорах по-прежнему настаивал на невозможности для Польши участвовать в каком-либо блоке или соглашении с СССР, ибо: а) это противоречило бы основной линии польской политики занимать «нейтральную» позицию между Германией и СССР и б) поляки не считают возможным ни при каких условиях допустить присутствие Красной Армии на своей территории.

5. С Румынией дело сейчас обстоит так: несколько времени тому назад британское правительство поставило перед румынским правительством вопросы о том, считает ли Румыния, что ей угрожает агрессия, нуждается ли она в помощи со стороны Англии, в какой именно помощи и т. д., но до сих пор не получило окончательного ответа из Бухареста. Бек по возвращении в Варшаву вплотную займется этими вопросами и постарается ускорить разъяснение румынской позиции. Галифакс, однако, опровергал газетные сообщения о том, что Англия будто бы собирается заключать с Румынией договор по типу англо-польского. Он заметил при этом, что между Польшей и Румынией приходится делать различие, ибо Польша — крупная держава со сравнительно большими ресурсами, чего нельзя сказать о Румынии. Галифакса можно было понять в том смысле, что Англия и Франция затрудняются взять на себя в отношении Румынии те же обязательства, какие они взяли в отношении Польши, и рассчитывают, видимо, на какую-то дополнительную комбинацию с другими державами, прежде чем гарантировать румынские границы.

6. Бек в разговорах поднимал вопрос о еврейской эмиграции из Польши в пределы Британской империи, но, по словам Галифакса, беседа по данному пункту была непродолжительной и не имела каких-либо практических последствий. О деньгах для Польши всерьез тоже не говорили. Это объясняется, видимо, тем, что по финансовым вопросам с англичанами разговаривают привезенные Беком эксперты, а не сам Бек. Как я слышал, есть много оснований ожидать, что полякам дадут здесь, вероятно, в форме экспортных кредитов миллионов десять фунтов.

7. В заключение Галифакс просил меня передать Советскому правительству, что он надеется на благожелательное отношение СССР к англо-польскому договору. Советское правительство может быть уверено, что этот договор мыслится британским правительством не сам по себе, а лишь как первый шаг на пути к созданию широкой коалиции миролюбивых государств против агрессии. Таковую коалицию он не мыслит себе без СССР. Он, Галифакс, приложит все усилия к тому, чтобы возможно скорее она стала фактом.

Полпред

256. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина со специальным полномочным послом Китая Сунь Фо

8 апреля 1939 г.

Выразив благодарность за внимание, оказанное ему во время путешествия от Алма-Аты до Москвы, Сунь Фо объяснил, что прибыл в СССР с целью просить Советское правительство о более широкой и эффективной помощи Китаю в его борьбе с японским агрессором. Китайский народ уверен, что может справиться с врагом и собственными силами. Однако при таких условиях китайско-японская война неизбежно должна приобрести затяжной характер. Помощь Советского Союза необходима китайскому народу, чтобы ускорить окончательную победу над Японией. Это отнюдь не означает того, что китайское правительство рассчитывает на непосредственное участие СССР в войне с Японией. Помощь Советского правительства может выразиться в других формах. Во-первых, Китай нуждается в снабжении его материальными средствами, необходимыми для успешной борьбы с японцами. В этой области ни одно из государств не может оказать Китаю лучшую поддержку, нежели СССР. Во-вторых, Советское правительство может взять на себя инициативу организации помощи Китаю в международном плане. Всякому понятно, что война на Дальнем Востоке угрожает общему миру. Поэтому противодействие японскому агрессору коллективными усилиями явилось бы вернейшим средством предотвратить мировую войну. Сунь Фо прибыл в Москву, для того чтобы выяснить с Советским правительством конкретные возможности вышеуказанных путей помощи Китаю. Он привез, с собою письмо маршала Чан Кайши т. Сталину. При встрече с руководителями Советского правительства Сунь Фо подробно осветит им нынешнее положение в Китае в надежде убедить их в необходимости оказать китайскому народу потребную ему материальную, моральную и политическую помощь. В частности, Сунь Фо намерен поставить перед правительством СССР три практических вопроса: 1) о скорейшем осуществлении регулярной воздушной связи между СССР и Китаем, 2) о необходимости организовать в возможно более широком масштабе добычу нефти в Китае и 3) о желательности сооружения железнодорожной линии, долженствующей связать Западный Китай с СССР {{* См. также Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 447.}}. Последнему вопросу Сунь Фо придает особое значение. Он отмечает, что со стороны китайского правительства имеется полная готовность к осуществлению такого плана. В этом направлении уже проделана некоторая предварительная работа. На мой вопрос, намерен ли Сунь Фо проехать из СССР дальше на запад, я получил ответ, что основной целью путешествия Сунь Фо является, как сказано, обсуждение с Советским правительством ряда конкретных практических и политических проблем. Если окажется, что для успеха миссии Сунь Фо ему необходимо посетить и некоторые западные столицы, он снесется со своим правительством и договорится с ним о дальнейшей своей поездке.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 7, л. 11-12.

257. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

9 апреля 1939 г.

Действия Италии в Албании ⁹⁶ окончательно испортили английским министрам пасхальные каникулы. Сегодня Чемберлен вернулся из Шотландии, где собирался удить рыбу, и весь день в его резиденции идут заседания и совещания. Насколько можно выявить из пока еще недостаточно полных сведений, имеющихся в моем распоряжении, обсуждается вопрос о предоставлении Греции и Турции таких же гарантий, какие даны Польше { { * [См. док. 245.](#) } } . Предполагается отправка английской эскадры на Корфу.

В противоположность той прыти, с которой британское правительство как будто бы собирается действовать в отношении двух названных держав, переговоры с Румынией затягиваются. Между прочим, британское правительство настаивает на передаче Румынией Добруджи Болгарии как взятки, которая будто бы способна оторвать последнюю от «оси» и предотвратить предъявление болгарских требований к Греции на доступ к Эгейскому морю. Поскольку вопрос о возвращении Добруджи не так прост, у меня создается впечатление, что британское правительство его выдвинуло сейчас для того, чтобы под благовидным предлогом сделать невозможным или, по крайней мере, подольше оттянуть предоставление гарантии Румынии и, таким образом, оставить для Гитлера свободным «коридор» через Венгрию и Румынию к границам СССР. Чемберлен и Бонне, по-видимому, еще не потеряли надежды в конце концов толкнуть Гитлера в направлении Советской Украины.

Мне известно, что Саймон уже не раз защищал в кабинете тезис о том, что линия обороны британских интересов должна пролегать через Турцию, Египет и т. д., но не через Балканы.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 101-102.

258. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА

9 апреля 1939 г.

Осима опять поднял вопрос о военном пакте ⁵¹, потребовав ответа от японского правительства. После долгого обсуждения Япония решила согласиться на военный пакт, направленный только против СССР.

Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических стран, но остались в меньшинстве.

Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против этого.

Посол Отт узнал в министерстве иностранных дел, что японцы не пойдут на то, чтобы окончательно утратить хорошее отношение со стороны Америки, согласившись присоединиться к пакту против демократических стран.

Посол Отт считает, что Японию все-таки заставят присоединиться к этому пакту.

Рамзай

**259. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

10 апреля 1939 г.

Передайте Бонне, что в ответ на его предложение {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 215.}} Вам поручено заявить следующее. В связи с угрожаемым положением Румынии Советское правительство в свое время ответило на обращение к нему английского правительства предложением о созыве конференции {{** [См. док. 198.](#)}}, которая не состоялась не по вине Советского правительства. На конкретное предложение английского правительства о совместной декларации четырех держав {{{* [См. док. 210.](#)}}} Советское правительство ответило согласием {{{** [См. док. 215.](#)}}}, но и декларация не была подписана, опять-таки не по вине Советского правительства. Хотя Польша и Румыния к Советскому правительству за помощью не обращались и СССР свободен от каких бы то ни было обязательств в отношении помощи этим двум государствам, Советское правительство и впредь готово выслушивать и изучать любые конкретные предложения. Со своей стороны скажите ему, что Вы готовы передавать в Москву его конкретные предложения.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 7. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 318.

**260. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в
Народный комиссариат иностранных дел СССР**

Вне очереди 10 апреля 1939 г.

Вчера Бонне неоднократно звонил и спрашивал, нет ли ответа {{* [См. док. 244.](#)}}. Сегодня он мне позвонил и попросил к нему заехать. Застал я его в состоянии полной прострации. Он показал мне кучу телеграмм из Рима и Берлина и других мест алармистского характера. Франсуа-Понсе сообщает, что итальянцы уже держат под ружьем 2 млн человек, поверенный в делах в Берлине — о крупных передвижках войск «на востоке», к польской границе. Французское правительство приняло вчера решение о мобилизации всего флота и выходе его в Средиземное море. Приняты и военные меры Лондоном, не решившимся, однако, денонсировать англо-итальянское соглашение {{** См.: Известия, 1938, 1 марта, а также 2, 4, 14 и 17 апреля.}}. Ввиду создавшейся обстановки (Бонне говорил, что не исключает войны уже в ближайшие дни) он торопит с вашим ответом. Он мне рассказал, что поручил вчера и Пайяру посетить по тому же поводу Литвинова. Рассказал мне Бонне о своем разговоре с Бекком. Бек доволен результатами визита. Подписанный им с Галифаксом протокол {{{* [См. док. 254.](#)}}} «шире франко-польского договора». Не связал себя, по-видимому, Бек даже обязательством в отношении Румынии. Он обещал лишь вступить с Румынией в «прямые переговоры». Не изменил, по-видимому, Бек и своего отношения к сотрудничеству с нами (этот вопрос Бонне, впрочем, обходил). По данным же Ноэля, в Варшаве с каждым днем усиливается течение за сотрудничество с СССР. Бонне сегодня наряду со своим основным

предложением (вступить в немедленные переговоры на предмет выяснения мер, которые должны быть приняты в случае атаки Германии на Румынию и Польшу) ставил также и вопрос в плоскости двусторонних пактов взаимопомощи между нами, Польшей и Румынией. Он также заявил о готовности французского правительства немедленно подписать декларацию трех с нами и Англией (без Польши).

Суриц

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 187-188.

**261. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица
народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову**

11 апреля 1939 г.

Дорогой Максим Максимович,

Последние недели я не могу пожаловаться на отсутствие контакта с французским правительством. Создалось даже такое своеобразное положение, что этот «контакт» начинает уже нас тяготить. Бонне решительно меня одолевает своими преследованиями и чуть не ежедневными встречами. Если на первых порах это объяснялось лишь желанием создать новое впечатление о постоянном контакте, консультациях, если это, словом, делалось только в целях маневрирования, для одурачивания общественного мнения, то за последнюю неделю, по моим впечатлениям, дело обстоит уже иначе. Бонне впервые, как мне кажется, наконец, понял, что его политика подвела страну к краю пропасти, а его самого (что для него, вероятно, важнее) — к политическому банкротству.

С каждым днем здесь усиливается предвоенная обстановка. Все сейчас уверены, что войны не избежать и что войну придется вести в условиях гораздо более трудных, чем прошлой осенью. Эти настроения уже довольно заметно выявились после мартовского захвата Праги, о чем я писал в прошлом докладе {{* [См. док. 228.](#)}}, но сейчас, после албанской истории ⁹⁶, стали уже доминирующими. Все разговоры сейчас сводятся к войне, подсчету сил и гаданию, в каком лагере окажется та или другая страна. Сейчас уже не удастся больше втирать очки. Были, правда, попытки и албанские события преподнести в успокоительном и смягченном виде. Протаскивалась версия, что албанская интервенция предпринята Муссолини лишь в целях реванша, во имя спасения своего престижа, после того как он «обжегся» на Франции. Это подводит к выводу, что Муссолини испугался Франции и не дерзнет на нее напасть. Кое-кто помечтал и о том, что албанский захват создаст новые источники трения между участниками «оси» Берлин— Рим ³⁴. Некоторые договорились даже до итальянского «барьера» против германской экспансии на Балканах. Но все эти разговорчики, которые просочились и на страницы некоторых газет, были буквально заглушены общей волной возмущения и тревоги. Политики и публицисты разбираются сейчас в последствиях захвата и тщательно анализируют те изменения, которые он внесет на Средиземном море, на Балканах, в Европе в целом.

Страницы газет полны сейчас такими анализами. Вы найдете в них и указание на то, что Югославия сейчас «нейтрализована», если не окончательно прикована цепями рабства к «оси», что Балканская антанта ⁸⁰ сильно ослаблена, что создаются предпосылки для окружения уже с двух сторон Румынии и для концентрического наступления на Босфор. Говорят и о близком конце Греции, о нависшей угрозе над Турцией и если не о полной

потере, то, во всяком случае, о сильном ослаблении роли Франции на Средиземном море. Обыватель во все эти тонкости, вероятно, не входит, но для него решающим является то обстоятельство, что на этот раз уже не Германия, а Италия выступила на сцену, та самая Италия, которая в течение ряда месяцев угрожает Франции, объявила ее врагом номер один и предъявляет к ней территориальные требования. Это, по моим впечатлениям, и породило такую неслыханно острую реакцию на албанские события.

В такое время нельзя уже больше пренебрегать помощью, откуда бы она ни пришла. Нельзя уже больше и игнорировать Советский Союз. Не случайно поэтому сейчас почти исчезли все нападки против СССР в печати. Не случайно в ней сейчас задают тон как раз сторонники сотрудничества с нами, а противники либо отмалчиваются, либо очень слабо огрызаются. Не случайно, конечно, и это паломничество к нам разных парламентариев и журналистов. И совершенно, конечно, понятно, что и правительство не может не считаться с этими настроениями. И я должен прежде всего констатировать резкую перемену в тоне, с которым сейчас ведутся с нами здесь разговоры. Ни следа от прежнего высокомерия. Сейчас говорят с нами скорее языком просителей, говорят как люди, в нас, а не мы в них нуждающиеся. Мне кажется, что это уже не только «маневры», не втирание очков, а сознание, что вода уже подходит к горлу, что путь мирных переговоров с агрессорами сейчас уже крепко прикрыт и что война нависла. Мне кажется, что такого взгляда держится сейчас, по крайней мере, Даладье.

Я исхожу при этом, конечно, не из заверений, которые он мне делал во время нашего обеда (я достаточно знаю цену этим «интимным» излияниям), но из всего, что мне о нем сообщают наши друзья. Все они в один голос утверждают, что Даладье искренне сейчас добивается сотрудничества с СССР. Ему, главным образом, и приписывают инициативу переговоров с нами. Бонне выполняет лишь функцию передаточной инстанции.

В момент, когда я пишу настоящее письмо, я еще не знаю Вашего решения, которого здесь ждут с таким нетерпением. Друзья уверены, что Вы не ответите категорическим «нет», а что обставите какими-нибудь условиями. Вы, надеюсь, не осуждаете меня за то, что и я высказал Бонне некоторые свои соображения {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 215.}}. Вы, конечно, согласитесь, что эти соображения (сами по себе довольно азбучные) ни в коей мере не могли затруднить Вашего ответа и в чем-нибудь Вас связать. Иначе обстояло бы дело, если бы я ему подавал какие-нибудь надежды.

Я учитываю всю сложность нашего положения в данный момент. Совершенно отмахнуться от того, что сейчас происходит в Англии и Франции, мы, конечно, не можем. Если их правительства и лукавят, то огромное большинство общественного мнения в этих странах все же уверовало в серьезность происшедших сдвигов и в рождение какого-то нового курса в области внешней политики, приближающегося к принципам коллективной безопасности. Никто, во всяком случае, не сомневается, что все последние акции и демарши подрывают политику Мюнхена и априори поэтому заслуживают нашего одобрения. Вся сложная дипломатическая игра, которая ведется вокруг сотрудничества с нами, навряд ли доходит до понимания масс и, во всяком случае, оставляет достаточно места и простора для того, чтобы в случае необходимости взвалить и на нас вину за «провал комбинации». В такую ловушку мы можем попасть, если ответим немотивированным отказом и на последнее предложение французов {{* См. док. 260.}}. Но, с другой стороны, само предложение представляется мне крайне опасным. Ведь речь, по существу, идет о том, чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимности и гарантии. У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл. Мне поэтому кажется, что мы должны дать согласие на переговоры, но не идти ни на какие обязательства без встречных гарантий.

АВП СССР, ф. 06. оп. 1, п. 19, д. 207, л. 70-73. Опубл. с сокращением в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 318—320.

**262. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

11 апреля 1939 г.

Нам представляется, что Бонне, так же как и Галифакс, время от времени разговаривает с Вами о политическом положении, главным образом, ради того, чтобы иметь возможность отвечать оппозиции, что он находится «в контакте и консультации с СССР». Бонне так же мало склонен помогать Польше, Румынии или кому бы то ни было на востоке Европы, как в свое время Чехословакии, и разговорами с нами он еще преследует цель получения возможности говорить о нашем нежелании участвовать в помощи. Необходимо поэтому давать ему такие ответы, чтобы он не мог, как в сентябрьские дни, сослаться на них в оправдание собственной пассивной и капитулянтской позиции. Из этого, однако, не следует, что мы обязаны на неопределенные его намеки отвечать какими-либо конкретными предложениями или раскрытием нашей позиции.

В самом деле, в разговорах с нами англичан и французов после истории о совместной декларации {** [См. док. 210.](#) } не содержалось даже намека на какое-либо конкретное предложение или о каком-либо соглашении с нами. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. Мы должны перед всем миром, а более формально — перед Англией и Францией обязаться помогать Польше и Румынии по их первому требованию и в тех формах, какие они сами нам укажут. Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства? Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?

Все выгоды от последней англо-французской суетни достались пока лишь Беку, который имеет возможность занять более решительную позицию в переговорах с Гитлером и добиться сделки за счет Литвы и Прибалтики. Это ли борьба с агрессией, когда одновременно будут удовлетворены захватнические аппетиты и Германии (отвоевание «коридора» и Данцига) и Польши? Более того, обязавшись оказывать помощь Польше без всяких оговорок, Англия фактически заключила договор с Польшей также против нас. Мы, правда, не собираемся нападать на Польшу, но тем не менее соглашение с Англией, укрепляя все позиции Польши в отношении СССР, не может не быть неприязненным актом.

Я Вам сегодня телеграфировал о заявлении румынского посланника в Анкаре. К сожалению, это заявление в передаче по нескольким инстанциям, по-видимому, искажено. Но если допустить версию, сообщенную нам секретарем турецкого посольства, то получается, что Англия и Франция готовы примкнуть к румыно-польскому договору ,

заклученному, согласно утверждениям самой Польши, исключительно против СССР. Пусть действие этого договора распространяется теперь и на Германию, но все же Румыния получает союзников против нас, и ее позиция укрепляется и по бессарабскому вопросу. Вот итоги «сотрудничества» Англии и Франции с СССР.

Заявление Бонне о его готовности подписать с нами и Англией декларацию трех без Польши лишено всякого значения. Бонне легко делать такие либеральные заявления, зная, что на это не пойдет Англия, и предполагая, что декларация неприемлема и для нас. [...]

О новых проблемах в связи с оккупацией Албании нам лишь известно, что британское правительство до сих пор, вопреки газетным сведениям, гарантий Греции не давало. Оно лишь заявило, что к оккупации Корфу, а может быть, и других греческих островов оно не может относиться как равнодушный зритель. По другой версии, оно заявило, что будет считать оккупацию враждебным актом.

Франсуа-Понсе ведет ту же тактику из Рима, как раньше из Берлина. Стремясь к скорейшему соглашению с Италией, он в своих донесениях запугивает французское правительство, преувеличивая, конечно, итальянские военные приготовления.

У нас имеются сведения из турецких источников, будто Италия предложила Франции отказаться от мандата на Сирию и уйти оттуда, с тем чтобы Сирия была затем присоединена к Италии. Франция это предложение отклонила. Было бы интересно выяснить, насколько это верно.

Литвинов

Р. S. Аргументация как в этом, так и в предыдущем письме (на имя т. Майского) {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 210.}} имеет целью разъяснение Вам нашей позиции и не должна быть использована Вами в разговорах с посторонними лицами без наших дальнейших указаний. Необходимо теперь быть особенно точными и скупыми на слова в переговорах о нашей позиции в связи с современными проблемами.

М.Л.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 40-43. Опубл. с сокращением в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 320—322.

263. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

11 апреля 1939 г.

Дорогой Иван Михайлович,

Обращаю Ваше внимание на мое сегодняшнее письмо т. Сурицу {{** [См. док. 261.](#)}}, копия которого направляется и Вам, где я пишу о, так сказать, антисоветском характере, который может принять соглашение Англии с Польшей и Румынией. При случае Вы можете осторожно выяснить у Галифакса, учитывалась ли им эта сторона дела и сознательно ли Англия идет на соглашения, формально направленные против нас, или же она втягивается в это другими. Нас ни в коем случае не может успокаивать указание на то,

что мы не собираемся-де нападать на Польшу и Румынию и поэтому не должны беспокоиться. Я допускаю, что согласие Бека на английскую помощь имело в виду антисоветский характер соглашения. Особенно недопустимо было бы присоединение Англии к польско-румынскому договору ⁹⁵, потому что, во-первых, он был заключен открыто против СССР, а во-вторых, затрагивает бессарабскую проблему. Вопрос о помощи встал в связи с намечавшейся агрессией Германии, и мы вправе были ожидать, что Англия, обещая помощь, будет точно указывать, что речь идет о помощи против Германии. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 4, д. 34, л. 52. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 322-323.

264. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

11 апреля 1939 г.

1) Сегодня Галифакс пригласил меня для того, чтобы, как он выразился, информировать, в каком направлении работает мысль британского правительства. Далее он сообщил, что они заняты сейчас восточной частью Средиземного моря и Румынией, что, по мнению Галифакса, представляет две стороны одной и той же проблемы. Британское правительство на заседании парламента 13 апреля собирается сделать ответственное заявление, которое не должно ни у кого оставить сомнения в его глубокой заинтересованности в положении дел в восточной части Средиземного моря. В ответ на мой вопрос, что это конкретно означает, Галифакс разъяснил, что британское правительство будет рассматривать нападение на Грецию как нечто близкое к «казус белли» и что кабинет . в принципе решил дать Греции гарантию ее границ и независимости. Пока, однако, еще не совсем ясно, будет ли гарантия односторонней или примет характер пакта взаимопомощи по польскому образцу {{* [См. док. 254.](#)}}. В той или иной форме гарантия будет объявлена в парламенте 13 апреля. Британское правительство готово дать гарантию также Турции (в той или иной форме), если Турция этого пожелает, но пока оно еще не имело возможности выяснить точку зрения турецкого правительства по данному вопросу.

2) Затем Галифакс перешел к Румынии и, между прочим, сообщил, что он предлагал Беку дать Румынии совместную гарантию Англии, Франции и Польше. Бек, однако, от прямого ответа на предложение Галифакса уклонился под тем предлогом, что, поскольку Польша имеет с Румынией союзный договор ⁹⁵, ему, мол, неудобно за спиной Румынии заключать какие-либо соглашения, касающиеся ее. Бек обещал по возвращении в Варшаву сразу же выяснить, какая форма гарантии является для Румынии приемлемой, но пока от него никаких сведений нет. Галифакс вчера послал Беку напоминание. Сами румыны, по словам Галифакса, находятся в состоянии известной нерешительности. Из разговоров

с Тиля, который только что вернулся из Бухареста, Галифакс вынес впечатление, что Румыния опасается, как бы формальный пакт взаимопомощи между Румынией и рядом других держав не вызвал слишком острой реакции со стороны Германии, а потому предпочитала бы какие-либо иные комбинации, фактически дающие ей те же гарантии, но не подвергающие ее опасности. Доказывал, впрочем, что в головах самих румын имеется большое смятение и неясность и что они толком не знают, чего хотят. В отношении

Румынии британское правительство пока ничего не решило и ждет прежде всего вестей из Белграда.

3) В связи с Румынией Галифакс опять поставил мне вопрос, как ставил его уже и раньше, в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии? Я ответил, что не имею по этому вопросу инструкций из Москвы, но затем в качестве личного мнения сказал ему примерно то, что в соответствии с вашей инструкцией {{* [См. док. 261.](#)}} Суриц должен был передать Бонне в ответ на аналогичный вопрос последнего. Попутно я спросил Галифакса, возражали ли румыны и в какой форме против привлечения СССР к какой-либо комбинации по гарантии независимости Румынии. Галифакс ответил, что румыны в этом вопросе были далеко не столь категоричны, как Бек, и что их возражения или, точнее, опасения вытекали не из каких-либо принципиальных соображений (не хотим участвовать в определенном идеологическом фронте и т. п.), а из боязни, как бы открытая ассоциация с СССР не дала Германии предлог для нападения на Румынию.

4) В ходе беседы Галифакс несколько раз возвращался к Польше вообще и к Беку в частности, причем было видно, что он полон сомнений в отношении обоих. Он расспрашивал меня о Беке, его прошлом, взглядах и пр., причем я с удивлением должен был констатировать, что он не знает многих общеизвестных фактов из биографии польского министра иностранных дел. Я дал по этому вопросу Галифаксу довольно полную информацию. Дождавшись случая, я поинтересовался, затрагивал ли Бек в лондонских переговорах вопрос о северо-восточном направлении германской агрессии (Прибалтика). Галифакс ответил, что затрагивал, выражал по этому поводу беспокойство, но британских гарантий против такого направления агрессии в прямой форме не просил. Далее в соответствии с вашей просьбой, глядя прямо в глаза Галифаксу, я спросил Галифакса, говорил ли с ним Бек о захвате латвийского порта {{** [См.: СССР в борьбе за мир... Док. 221.](#)}}. Как вы и ожидали, Галифакс это отрицал, но без особой уверенности и настойчивости. По-видимому, какой-то разговор на данную тему был.

5) Галифакс интересовался нашим отношением к «новой политике» британского правительства. Я ответил, что пока не вижу в ней ничего особенно «нового». При этом я развил наши тезисы о том, что только настоящая коллективная безопасность, а не сепаратные соглашения между отдельными державами может остановить лавину агрессии и открыть пути к прочному миру. Галифакс с этим в принципе соглашался, но утверждал, что британское правительство идет к той же цели коллективной безопасности, но с другого конца — от сепаратных соглашений к общему соглашению и без этого, по его словам, слишком скомпрометированного термина «коллективная безопасность».

Я указал Галифаксу на опасность, связанную с английским методом, а также констатировал, что британское правительство вообще действует слишком медленно. Невольно у многих в Европе создается впечатление, что британское правительство не имеет серьезных намерений и что оно ищет лишь различных предлогов, для того чтобы ничего не делать. Мне приходится слышать такие замечания со стороны многих дипломатов и политиков, например в связи с отклонением нашего предложения о конференции шести держав {{* [См. док. 198., 200, 216.](#)}}, а также в связи с провалом английского проекта «декларации четырех» {{** [См. док. 210.](#)}}. Галифакс стал несколько смущенно защищаться и в конце концов заявил: «31 марта мы сделали шаг, который является настоящей революцией в нашей внешней политике (имеется в виду декларация о Польше) {{*** [См. док. 245.](#)}}, а сейчас, 10 дней спустя, мы принимаем решение о гарантии независимости Греции. Разве это так медленно?» Я возразил, что для XIX века это были бы, вероятно, потрясающие темпы, но сейчас такие темпы

недостаточны. Если британское правительство действительно имеет серьезные намерения, оно должно уметь не только догнать, но и перегнать агрессоров в энергии и быстроте действий. Этого пока не видно. Я отметил также, что, судя по маневрированию британского правительства в его отношениях с Италией, политика «умиротворения» — вопреки многочисленным заверениям о противном — как будто бы не совсем мертва. Я высмеял при этом надежды на возможность «оторвать» Муссолини от «оси», надежды, которые, по моим наблюдениям, еще теплятся в сердцах некоторых высокопоставленных британцев. Галифакс тут неожиданно прервал меня и с особой подчеркнутостью бросил: «Я в этом с Вами совершенно согласен».

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 109—114. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 323 — 326.

265. План нападения Германии на Польшу (план «Вайс»)

11 апреля 1939 г.

Позиция, занимаемая Польшей в настоящее время, требует, помимо осуществления мероприятий в соответствии с разработанным планом «Обеспечения границ на востоке», проведения военной подготовки, чтобы в случае необходимости раз и навсегда положить конец любой угрозе с ее стороны.

1. Политические предпосылки и цели.

Позиция Германии по отношению к Польше по-прежнему исходит из принципа: избегать осложнений. Если Польша изменит основывавшуюся до сих пор на том же принципе политику в отношении Германии и займет угрожающую ей позицию, то с ней необходимо будет свести окончательные счёты, несмотря на действующий договор.

Целью явится тогда уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т. е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не поглотило бы Польшу, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом.

Позиция лимитрофов будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим ³⁴.

2. Военные соображения.

Великие цели создания германских вооруженных сил определяются по-прежнему враждебным отношением со стороны западных демократий. План «Вайс» является лишь предусмотрительной мерой, дополняющей общие приготовления, но ни в коем случае он не должен рассматриваться как предварительное условие военных действий против западных противников.

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов,

Общая обстановка, однако, в любом случае потребует также принятия надлежащих мер по защите западных границ, германского побережья Северного моря, а также воздушного пространства над ними.

В отношении лимитрофных государств, в особенности Литвы, необходимо принять меры предосторожности на случай прохождения через них польских войск.

3. Задачи вооруженных сил.

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению.

Относительно использования вооруженных сил, предусмотренных для обеспечения границ на Западе (см. п. 1 «Обеспечение границ»), пока не должно отдаваться никаких других распоряжений.

Остальные границы должны находиться лишь под наблюдением, а границы с Литвой охраняться.

4. Задачи видов вооруженных сил:

а) Сухопутные войска.

Целью операции на Востоке является уничтожение польских сухопутных войск.

Для этого на южном фланге может быть использована словацкая территория. На северном фланге следует быстро установить связь между Померанией и Восточной Пруссией.

Подготовку к началу операций необходимо проводить таким образом, чтобы можно было без промедления выступить сначала наличными силами, не ожидая планомерного развертывания отобилизованных соединений. Можно скрытно занять этими силами исходные позиции непосредственно перед днем начала наступления. Решение об этом я оставляю за собой.

От политической обстановки будет зависеть необходимость сосредоточения в соответствующих районах всех сил, предназначенных для обеспечения границ на западе, или частичное их использование в качестве резерва для других целей.

б) Военно-морские силы.

На Балтийском море задачами ВМС являются:

- 1) Уничтожение или выключение из войны польских военно-морских сил.
- 2) Блокада морских путей, ведущих к польским военно-морским опорным пунктам, в частности к Гдыне. В момент начала вторжения в Польшу устанавливается срок для оставления судами нейтральных государств польских гаваней и Данцига. По истечении этого срока военно-морской флот имеет право принять меры по установлению блокады.

Следует учесть отрицательные последствия для ведения военно-морских операций, которые вызовет предоставление судам нейтральных стран срока для выхода из портов.

- 3) Блокада польской морской торговли.
- 4) Обеспечение морских сообщений между Германией и Восточной Пруссией.
- 5) Прикрытие германских морских коммуникаций с Швецией и Прибалтийскими государствами.

б) Разведка и принятие мер по прикрытию, по возможности скрытно, на случай выступления советских военно-морских сил со стороны Финского залива.

Для охраны побережья и прибрежной полосы Северного моря следует выделить соответствующие военно-морские силы.

В южной части Северного моря и в Скагерраке следует принять меры предосторожности против неожиданного вмешательства западных держав в конфликт. Эти меры не должны переступать границ самого необходимого. Их следует проводить незаметно. При этом надо решительно избегать всего, что могло бы оказать неблагоприятное воздействие на политическую позицию западных Держав.

в) Военно-воздушные силы.

Следует обеспечить внезапное нападение авиации на Польшу, оставив необходимые силы на западе.

Помимо уничтожения в кратчайший срок польских ВВС, германские ВВС должны в первую очередь выполнить следующие задачи:

- 1) Воспрепятствовать проведению польской мобилизации и сорвать планомерное стратегическое сосредоточение и развертывание польской армии.
- 2) Оказывать непосредственную поддержку сухопутным войскам, и прежде всего передовым частям, с момента перехода через границу.

Возможная переброска авиационных частей в Восточную Пруссию перед началом операции не должна ставить под угрозу осуществление внезапности.

Первый перелет границы должен совпасть с началом боевых действий сухопутных войск.

Налеты на порт Гдыню разрешить лишь по истечении срока, предоставленного нейтральным судам для выхода в море (см. пункт 4б).

Центры противовоздушной обороны создать в районе Штеттина {{* Щецин;}}, Берлина, в промышленных районах Верхней Силезии, включая Моравскую Оставу и Брно.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 326-329.

266. Декларация правительства Великобритании о предоставлении гарантий Греции и Румынии {{** Декларация была оглашена премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в палате общин.}}

13 апреля 1939 г.

Правительство Его Величества придает важнейшее значение тому, чтобы избежать нарушения статус-кво в районе Средиземноморья и на Балканском полуострове силой или угрозами применения силы. Поэтому оно пришло к выводу, что в случае, если будет предпринята какая-либо акция, которая явно угрожала бы независимости Греции или Румынии и которой греческое или соответственно румынское правительство сочло бы жизненно необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству, в зависимости от возможного конкретного случая, всю поддержку, которая в его силах. Мы передаем эту декларацию непосредственно заинтересованным правительствам и другим государствам, особенно Турции, тесные связи которой с греческим правительством известны. Я полагаю, что французское правительство сделает подобную же декларацию сегодня во второй половине дня.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 69.

267. Декларация правительства Франции о гарантиях Греции, Румынии и Польше

13 апреля 1939 г.

Французское правительство придает исключительно большое значение тому, чтобы предотвратить навязанное силой или угрозой применения силы любое изменение статус-кво в Средиземном море и на Балканском полуострове. Принимая во внимание особую тревогу, которую породили события последних недель, французское правительство в связи с этим дало особые гарантии Румынии и Греции на случай, если будет предпринята акция, явно угрожающая независимости Румынии или Греции, при которой румынское или греческое правительство сочтет, что сопротивление с помощью его национальных вооруженных сил является для него жизненно необходимым, тогда французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему всю помощь, которая в его силах. Английское правительство заняло такую же позицию {{* [См. док. 266.](#)}}.

Французское правительство, с другой стороны, было радо узнать о взятии на себя взаимных обязательств Великобританией и Польшей, которые приняли решение оказать

друг другу взаимную поддержку, с тем чтобы защитить свою независимость, если она будет подвергаться прямой или косвенной угрозе [{{** См. док. 254.}}](#). Франко-польский союз ⁴⁴ с другой стороны, был подтвержден как французским, так и польским правительством в том же самом духе.

Франция и Польша дают друг другу немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 69 — 70.

268. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 апреля 1939 г.

1) Сегодня я был у Галифакса и передал ему то, что вы просили [{{*** См.: СССР в борьбе за мир... Док. 230.}}](#). Галифакс был очень доволен и сказал, что немедленно же Уведомит о моем сообщении Чемберлена.

Далее он сообщил, что как раз перед моим приходом он продиктовал телеграмму Сидсу, в которой поручал последнему обратиться к Литвинову с запросом, не считало ли бы Советское правительство возможным дать, как это сделали Англия и Франция в отношении Греции и Румынии [{{**** См. док. 266., 267.}}](#), одновременную гарантию Польше и Румынии, а может быть, и некоторым другим государствам (я понял Галифакса в том смысле, что он имеет в виду лимитрофные государства, но полной ясности по этому пункту у меня не осталось). Таким путем можно было бы обойти ту трудность, о которую разбилась «декларация четырех» [{{* См. док. 210.}}](#).

Галифакс полагает, что содержание моего сообщения не противоречит указанной инструкции Сидсу, и потому он все-таки свою телеграмму пошлет, присовокупив только, что уже после ее составления он получил от Советского правительства сделанное мной сообщение. Галифакс интересовался моим мнением о его предложении, но я уклонился от высказываний, сославшись на то, что не имею по данному поводу никакой инструкции. Галифакс выразил надежду получить ответ из Москвы не позднее 17-го, так как момент очень опасный и действовать надо быстро. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 130—131. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 331.

269. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 апреля 1939 г.

Сегодня Бонне вручил мне для пересылки вам свое «конкретное» предложение. Оно сводится к обмену письмами следующего содержания: «В случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если бы СССР оказался в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую он предоставил бы Польше или Румынии, Франция оказала бы ему немедленную помощь и поддержку. Оба правительства согласуют без промедления формы оказания этой помощи и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность».

Письма эти должны явиться дополнением к нашему существующему пакту⁷. Вручение этого «предложения» сопровождалось потоками уже известных вам фраз о трагичности момента, о нашей заинтересованности не допустить разгрома немцами Польши и особенно Румынии, о необходимости действовать быстро и «подготовить почву для более широкого сотрудничества в будущем» и т. д. Сам Бонне, несомненно, сознает, что его сегодняшнее «предложение» несерьезно, совершенно односторонне (попытка придать ему добровольно двусторонний характер отдает комизмом) и что нет, шансов, чтобы мы его приняли. Поэтому он не случайно все время оговаривался, что он сам не считает свое предложение «идеальным», но что он ничего другого придумать сейчас не может и надеется, что Москва придет ему на помощь и что-нибудь от себя подскажет, предложит и что он якобы готов заранее пойти на все зависящее «от Франции», чтобы обеспечить эффективное сотрудничество с СССР.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 204-205. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир. С. 332.

270. Телеграмма Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой

15 апреля 1939 г.

Передайте лично президенту Турецкой республики г. Иненю.

Молотов поручил мне заявить Вам следующее:

Мы думаем, что в связи со складывающейся новой ситуацией в районах Балкан и Черного моря было бы целесообразно устроить взаимную консультацию представителей Турции и СССР и наметить возможные меры защиты от агрессии.

Если турецкое правительство также находит целесообразной эту акцию, следовало бы установить место и срок встречи представителей. Мы со своей стороны предложили бы Тбилиси или Батуми.

Желательно не откладывать это дело и осуществить его возможно скорее. Ждем ответа.

В. Молотов

271. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

15 апреля 1939 г.

После некоторого предисловия, в котором он повторял прежние заявления о решительном и бесповоротном изменении английской политики, о затруднениях, которые встречаются со стороны некоторых государств, Сидс, сославшись на вчерашний разговор Галифакса с т. Майским {{* [См. док. 268.](#)}}, сформулировал следующим образом вопрос, с которым английское правительство обращается к Советскому:

«Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление (повторяя, может быть, недавнее заявление т. Сталина о поддержке Советского Союза народам — жертвам агрессии и ссылаясь на недавние заявления британского и французского правительств), что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным».

(Формулировка переведена мною текстуально.) С[идс] упомянул, что наибольшая опасность, по его мнению, теперь грозит Румынии, а не Польше, ввиду стремления Гитлера к румынской нефти, и что Англия, вероятно, включит в число гарантируемых государств также Турцию.

Я обещал довести предложение до сведения моего правительства, ограничившись замечанием, что я в нем не нахожу ответа на поставленный нами Галифаксу через т. Майского вопрос о том, как английское правительство мыслит себе помощь свою собственную и нашу, и что английское правительство, по-видимому, предпочитает общие принципиальные декларации более точным обязательствам о заранее согласованных формах помощи.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, с. 18—19. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 71-72.

272. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 апреля 1939 г.

Только что Бонне вызвал меня к себе и дал ознакомиться с английским меморандумом, излагающим вчерашнюю беседу Майского с Галифаксом {{* [См. док. 268.](#)}}. В передаче Бонне беседа эта началась с формального заявления Майского о согласии СССР принять участие в оказании помощи Румынии. Приняв это сообщение с большим удовлетворением

(«к которому присоединяется, конечно, и Франция», — сказал Бонне), Галифакс выдвинул предложение — не согласится ли СССР сделать декларацию о своей готовности прийти на помощь любому своему европейскому соседу, подвергшемуся нападению и выразившему желание эту помощь получать. Не привожу подробностей, так как вы их знаете из первых рук.

Бонне утверждает, что захвачен врасплох английским предложением, считает его, однако, «крайне интересным» и поддерживает его от имени французского правительства. Так как англичане просили его поддержать их демарш в Москве, то он даст Пайяру соответствующее распоряжение.

Своего вчерашнего предложения [{* См. док. 269.}](#), пересланного вам через меня, он «не отзывает», но считает, что декларация, предложения англичанами, «покрывает его как более широкая».

Суриц

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 208-209.

273. Письмо начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена министру национальной обороны Франции Э. Даладье

15 апреля 1939 г.

На Вашу сопроводительную № 357/DN от 12 апреля 1939, с которой мне передано для ознакомления письмо № 1282 министра иностранных дел и записка № 553 Леона Ноэля, имею честь доложить Вам, что я не считаю, что нужно направлять в Польшу французскую военную технику, в частности легкие танки. В настоящий момент мы срочно нуждаемся во всей продукции наших заводов для сухопутных и военно-воздушных сил.

Вопрос о финансировании перевооружения Польши не входит в мою компетенцию; я, конечно, вижу только выгоду в том, что такое финансирование будет облегчено Францией в размерах, которые я не могу определить, а главным образом Великобританией.

В то же время все, что будет сделано нашей дипломатией для того, чтобы привести СССР к сотрудничеству с Польшей путем направления сырья, продуктов питания, снаряжения, с одной стороны, и чтобы заставить поляков принять это сотрудничество, с другой стороны, будет только наилучшим образом служить интересам возможной коалиции против держав «оси» Берлин — Рим.

Французский генеральный штаб приложил бы к этому всяческие усилия перед польским и русским генеральными штабами.

Я также вижу только выгоду в интенсификации связей между французским и польским генеральными штабами.

Подобно тому, как Вы решили относительно переговоров франко-британских генеральных штабов, я мог бы обеспечить координацию франко-польских переговоров, установив с этой целью связь с маршалом Рыдз-Смиглы.

Возвращаю при этом переданное досье.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XV. P. 672-673.

274. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

16 апреля 1939 г.

Я напомнил Сидсу, что я еще вчера указал ему на отсутствие в его сообщении ответа на вопрос, поставленный нами Галифаксу через т. Майского {{* [См. док. 268.](#)}}, а именно как мыслит себе английское правительство помощь Румынии со стороны Англии, Франции, СССР и других заинтересованных государств. Мое правительство тоже обратило внимание на отсутствие такого ответа и поручило мне напомнить об этом послу. В ожидании этого ответа мы вынуждены пока воздержаться от дальнейших решений.

С[идс] возражал, указывая на праздность наших вопросов, ибо английское правительство заявило уже в парламенте, что оно придет на помощь Румынии всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. Поскольку мы уже заявили Галифаксу о готовности помогать Румынии, С[идс] не понимает, почему мы не можем сделать об этом публичную декларацию, которая оказала бы соответственное впечатление на Германию и успокоила бы общественное мнение. Дело срочное и не терпит отлагательств.

Я указал, что заявление английского правительства в парламенте носило общий характер и не дает представления о тех мерах, которые Англия сочтет возможным применить к Германии. Если Греции может быть оказана помощь британским флотом, то этого нельзя сказать про Румынию, которая не может подвергнуться нападению со стороны моря. Вряд ли Англия сможет послать контингенты войск в Румынию. Конечно, Англия, может объявить войну Германии в случае ее нападения на Румынию, порвать с нею всякие отношения, объявить блокаду. Имеется ли это в виду английским заявлением? Что сделает Франция? Что сделает Польша? Какая помощь ожидается от нас, особенно ввиду сделанных нам сообщений о нежелании Румынии иметь нашу помощь? Мы, правда, сказали в принципе, что не отвергаем помощи Румынии, но, прежде чем принять на себя формальные обязательства и заявлять об этом публично, мы хотели бы знать, о чем идет речь. Мы не знаем также, что происходит между Германией и Румынией, между Германией и Польшей, зачем Гафенку едет в Берлин, не поступит ли он там подобно Гахе и Урбшису, капитулировав и оставив всех гарантов в дураках. Англия, может быть, об этом что-нибудь знает, а мы ничего не знаем об этом. Может быть, т. Майский, который ожидается на днях в Москве, кое-что сообщит нам на основании своих разговоров с английскими министрами. Наконец, мы не обязаны принять английское предложение в том виде, как оно сделано, и мы можем выдвинуть свои контрпредложения. Во всяком случае, мы хотели бы раньше всего знать все элементы создавшегося положения.

С[идс] продолжал настаивать на том, что заявление британского правительства включает всякую помощь, а что касается нашей помощи, то мы сами должны определить ее и что, во всяком случае, об этом могут быть разговоры между военными впоследствии. Он опасается, что мы продолжаем питать недоверие к английской политике, несмотря на то что она в корне изменилась и что о капитулянтстве не может быть и речи. С[идс] также боится, что наш сегодняшний ответ вызовет сомнения в нашей готовности прийти на помощь жертвам агрессии и даже предположения о нашем капитулянтстве.

С[идс] явно выражал свое недовольство по поводу нашего ответа, но на прощанье сказал, что для него, однако, важно то, что мы уже обещали Англии помогать Румынии.

Литвинов

АВП СССР, ф, 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 22. 24.

275. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

17 апреля 1939 г.

Сидс пришел ко мне в 22 час. и не скрывал своего недовольства, что я вызвал его из театра и не дал ему досмотреть пьесу. Он поэтому вначале сухо отнесся к моему предложению {{* [См. док. 276.](#)}}, но по мере слушания он заметно оживлялся и к концу сказал, что находит предложение очень интересным и немедленно передаст его в Лондон. По поводу французского предложения {{** [См. док. 269.](#)}} С[идс] сказал, что, как Пайяр ему сообщил, французы поддержали английское предложение {{{* [См. док. 268.](#)}}}. Я уточнил, что тот же Пайяр нам заявил в связи с английским предложением, что его правительство, однако, не снимает своего собственного предложения. По поводу отдельных пунктов нашего предложения я в ответ на вопросы С[идса] дал ему следующие разъяснения:

Пункт 2. Бонне сам предлагал нам обязательство о взаимной помощи. В английском же предложении говорилось о гарантии для всех наших западных соседей. Кроме того, мы при этом учитывали заявление, сделанное в парламенте сэром Джоном Саймоном в ответ на вопрос члена палаты, что английское правительство не отвергало бы предложения о военном союзе с СССР.

Пункт 3. Опыт показал, что пакты о взаимной помощи, не подкрепленные соответственными уточнениями военных обязательств, дают часто отказы. Отсутствие таких уточнений в пактах между СССР, Францией и Чехословакией, несомненно, сыграло отрицательную роль в судьбе Чехословакии.

Пункт 4. Заявление Чемберлена в парламенте о помощи Польше, несомненно, было вызвано надвинувшейся на Польшу угрозой со стороны Германии. Заявление же, однако, было сделано об агрессии вообще, и поляки могли это понять как обещание помощи и против СССР. Хотя мы и не собираемся нападать на Польшу, но мы все же считали бы соглашение между Англией и Польшей против нас несовместимым с отношениями, которые предлагается ныне установить между нами и Англией.

Пункт 8. Мы считаем крайне желательным соглашение с Турцией. Мы не включаем ее в число участников предлагаемого нами общего соглашения, так как Турция вряд ли согласилась бы и имела бы возможность оказать какую-либо помощь нашим соседям, исключая Румынию. Необходимо поэтому особое соглашение с Турцией. Кроме того, сам английский посол говорил мне, что между Англией и Турцией уже ведутся переговоры о каком-то соглашении.

С[идс] торопился, очевидно, обратно в театр, где он оставил свою жену, и поэтому не проявлял склонности к длительным разговорам.

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 230-231. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 335-336.

276. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу {{*18 апреля это предложение было передано также полпредом СССР во Франции министру иностранных дел Франции.}}

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции {{** [См. док. 269.](#)}} принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Бонне, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5 — 10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.
2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.
3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.
4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.
5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.
6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.
7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.
8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи ⁹⁷.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 27— 28. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 72.

277. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Немедленно 17 апреля 1939 г.

Власти латвийские санкционировали празднование так называемого «дня освобождения Риги от большевиков» немецкой группе жителей Латвии. Обширная программа 22 мая включает проведение вечеров, собраний, шествие на могилы погибших, увеселение и завершается общей демонстрацией в Межапарке. Немцы, живущие в деревне и других городах, также съедутся в Ригу. Приглашены немцы из Эстонии и Литвы. Из Германии ожидается прибытие парохода с тысячей ландесверовцев. Приурочено прибытие больших групп экскурсантов по водным, железнодорожным и автопутям. Группы составляются из отборных отрядов Гитлера. Из многих источников меня информируют, что на празднество придет фон дер Гольц {{* Немецкий генерал, участвовавший в свержении Советской власти в Латвии в 1919—1920 гг.}}. На якорь в порту Риге встанут 2—3 немецких военных судна. Моряки примут участие в празднествах. Немецкая газета «Ригише рундшау» сообщает, [что] празднество будет «особым» и достопримечательным. Подготовка к празднеству уже ведется. Все чаще появляется молодежь в форме, демонстративно употребляет гитлеровское приветствие, затрагивает латышей и вызывает их на споры, ссоры и драки. Немцы ругают латышей за прошлое и настоящее. 7 апреля в Межапарке властями обнаружено нелегальное собрание немецкой молодежи,— репрессии не приняты.

Латвийский народ крайне недоволен разрешением празднества — его мнение: «Надо каждый день праздновать освобождение от немцев». Симпатии трудящихся к СССР растут с каждым днем. Вышеизложенное дает право говорить о расширенной легальной фашистской работе против нас. Латвийское правительство этому способствует, в то же время наносит непоправимый политический ущерб независимости. К ведущимся переговорам это является убедительным фактом.

На случай возможных провокаций принимаем меры.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2100, л. 43-44.

278. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 апреля 1939 г.

На Бонне наше предложение {{* [См. док. 276.](#)}} произвело огромное впечатление. Как только он ознакомился со всеми восемью пунктами наших тезисов, он удалился в соседнюю комнату, чтобы, по-видимому, позвонить Даладье.

Особых моих разъяснений по пунктам четвертому и пятому не потребовалось, так как эти пункты, как не имеющие непосредственного отношения к Франции, по-видимому, и не особенно заинтересовали Бонне. Впрочем, о пункте пятом он даже сказал, что «это вполне законное требование». Весь его интерес был, естественно, прикован к пунктам первому и второму. Во втором пункте его, видимо, смутило распространение гарантии на Балтику.

Он не возражал против этого, но несколько раз переспрашивал, каких стран это касается. При ознакомлении с первым пунктом Бонне с явным удовлетворением отметил, что речь идет только о Европе и что на Дальний Восток он не распространяется. Совершенно естественно, что Бонне не дал, да и не мог дать еще ответа, но все же он просил меня передать вам, что «первое впечатление у него сложилось очень благоприятное» и он должен признать, что наш проект «в высшей степени интересен».

Не считаете ли нужным, чтобы ввиду серьезности вопроса я попросил приема у Даладье? Чтобы Бонне не обиделся, можно это согласовать с ним.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 216-217. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 337—338.

279. Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А. Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

18 апреля 1939 г.

Был принят Вайцеккером {{* Статс-секретарь МИД Германии.}}. Вручил ему ноту и сделал заявление в связи с прекращением [фирмой] «Шкода» выполнения договоров вследствие вмешательства ген. Баркгаузена {{** [См. док. 252.](#)}}. Заявление свелось к указанию на ненормальность создавшегося положения; ограничение, сделанное только по отношению к заказам советских организаций, является прямой дискриминацией и противоречит смыслу декрета рейхсканцлера от 22 марта, подтвердившего силу старых договоров Чехословакии. Отклонив попытку Вайцеккера перенести вопрос в плоскость коммерческих отношений торгового представительства со «Шкода», сославшись на прямое вмешательство германских военных властей, я просил срочно устранить ненормальности и обеспечить выполнение «Шкода» принятых обязательств ⁹⁸. Высказав мысль о временности этих мероприятий, Вайцеккер обещал изучить вопрос и ответить, шутливо заметив: мол, как можно сдавать пушки, когда вопрос стоит о воздушном пакте. Вайцеккер подтвердил, что три месяца идут переговоры с поляками о передаче Данцига и проведении экстерриториальной автостреды через польский «коридор», за это [немцы] предложили гарантию западной границы Польши. Германия ни на кого не хочет нападать. Все мобилизуются, даже Голландия, Бельгия, Швейцария; Германия не призвала никого сверх обычной нормы, хотя могла бы сделать в этом направлении очень многое. Англия создала нервную обстановку, навязывает гарантию мелким странам, которые этого не хотят. Последнее время советская печать ведет себя значительно корректнее английской. Германия имеет принципиальные политические разногласия с СССР. Все же она хочет развить с ним экономические отношения.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 61—62.

280. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта министерству иностранных дел Германии

18 апреля 1939 г.

Советник польского посольства, которого я встретил сегодня на одном из общественных мероприятий, сказал, что как Польша, так и Румыния постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия, сказал советник, может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии. По словам г. Яжджевского, хорошо известно, что авиация Советской России не обладает достаточным радиусом действия, чтобы с баз, расположенных на территории Советской России, атаковать Германию. Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма.

У меня, впрочем, сложилось впечатление, будто советник польского посольства хотел намекнуть мне, что британское правительство больше не предпринимало попыток добиться изменения позиции Польши и Румынии. Об ослаблении сопротивления Польши и Румынии политике привлечения Советской России, по его мнению, не может быть и речи. Когда я спросил г. Яжджевского, не высказали ли англичане г. Беку каких-либо оговорок относительно своих прямых переговоров с Советской Россией, он ушел от ответа, однако снова подчеркнул, что не в состоянии представить себе, как вообще могло бы осуществиться включение Советской России в британскую систему без содействия Румынии и Польши.

Из другого источника мне известно, что обе эти страны были бы готовы согласиться на поставки военных материалов из России. Тем самым помощь Советской России ограничилась бы подобного рода поставками.

Сообщения прессы столь противоречивы, что из них невозможно составить никакой картины.

Т. Кордт

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 338-339.

281. Телеграмма посла США в Бельгии Дж. Дэвиса государственному секретарю США К. Хэллу

18 апреля 1939 г.

Для президента и государственного секретаря. Я убежден, что решение Гитлера в основном будет зависеть от того, окажет ли Россия полную поддержку Англии и Франции. По собственному опыту я знаю, что у Советов существовало недоверие к Англии и Франции как в отношении их целей, так и в отношении их действий. Но они действительно доверяют Вам. Они также доверяют мне {{* В 1936-1938 гг. Дэвис был послом США в СССР.}}. Поэтому я чувствую себя обязанным предложить — в случае если Вы сочтете это целесообразным, — чтобы я поехал в Москву на несколько дней под предлогом приведения в порядок своих личных дел (если такой предлог возможен) и повидался, — если это необходимо, то неофициально — с Литвиновым, Калининным {{* Председатель Президиума Верховного Совета СССР.}}, Молотовым и обязательно также со Сталиным, с тем чтобы помочь более скорому заключению соглашения с Англией

против агрессии. Ни французы, ни англичане, по моему мнению, не смогут лично связаться во время предстоящих переговоров с высокопоставленными руководителями. Я уверен в том, что я не только смогу встретиться с надлежащими людьми, с которыми иначе нельзя связаться, но и в том, что они доверяют правильности моих суждений и моей искренности. По-моему, Гитлер сейчас не начнет войну, если он будет вынужден воевать на два фронта. Я считаю, что я мог бы помочь, не беря на себя обязательств, склонить чашу весов в нужном направлении при принятии решения Россией или помочь в укреплении этого решения и, таким образом, оказать скромную помощь в осуществлении Вами огромных усилий по сохранению мира на земле. Может быть, в свете более широкой информации, которой Вы располагаете, такая акция не является необходимой или целесообразной. Вам известно, я уверен, что моя единственная цель — оказать помощь. Медлить нельзя.

Дэвис

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 339—340. Опубл. в сб.: Foreign Relations of the United States... Vol. 1. P. 234-235.

282. Телеграмма государственного секретаря США К. Хэлла послу США в Бельгии Дж. Дэвису

18 апреля 1939 г.

Лично для посла. Президент и я искренне ценим Ваш совет и Ваше предложение быть полезным в настоящей ситуации. Мы оба полагаем, что Вы поймете, однако, что с точки зрения внутренних соображений такой визит, как бы тщательно он ни был подготовлен, может быть истолкован превратно. В эти дни, когда конгресс рассматривает вопрос о нашем законодательстве о нейтралитете ³⁹, более чем когда-либо важно не рисковать.

Хэлл

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 340. Опубл. в сб.: Foreign Relations of the United States... Vol 1. P. 236.

283. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

19 апреля 1939 г.

Во избежание недоразумений сообщаю, что во втором пункте {{* [См. док. 276.](#)}} мы имеем в виду Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу и Румынию. Если Вы перечислили не все эти страны, перечислите их вновь. Пункт 5 касается также и Франции, ибо и она должна оказать соответствующее давление на Польшу и Румынию.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 29. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 340.

**284. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой**

21 апреля 1939 г.

Скажите Сараджоглу, что его готовность поехать в Батуми мы весьма ценим и благодарим его, но предпочитаем отложить его визит до того момента, когда он сможет приехать в Москву. Тем временем для установления немедленного контакта мы решили направить в Анкару Потемкина, как об этом раньше просил Сараджоглу. 22 апреля Потемкин выезжает через Бухарест, Софию.

Литвинов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2029, л. 87.

285. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Турции в СССР З. Апайдыном

21 апреля 1939 г.

Апайдын пришел сказать мне, что информация, о которой я на днях его запрашивал, получена им лишь накануне. Она сводится к следующему.

Числа 15-го английский посол предложил Турции союз против Италии на случай агрессии против независимости и интересов Турции и прямой или косвенной угрозы ей. Если Турция будет защищаться, то Англия поддержит ее всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. Равным образом Турция должна прийти на помощь Англии в случае, если она будет в войне с Италией. Специалисты должны будут обсудить подробнее случаи, когда помощь понадобится. Вслед за тем поступило от Англии другое предложение, расширяющее прежнее в сторону распространения помощи на случай угрозы со стороны Германии.

На это предложение Турция дала приблизительно следующий устный ответ. Она солидаризируется с точкой зрения Англии, что насильственные действия «оси» представляют большую опасность для малых стран. Борьба против такой политики стремления «оси» к гегемонии в Европе Турция считает своим долгом, если даже ее интересы непосредственно не затронуты. В особенности возможность итальянской гегемонии в Средиземном море представляет такую же опасность для Турции, как и для Англии. Таким образом, турецкая политика параллельна английской и гармонирует с нею. Турция, однако, желала бы, прежде чем дать окончательный ответ, выяснить некоторые моменты. В случае занятия Турцией определенной позиции против держав «оси» их давление будет направлено в первую очередь на проливы. Это заставляет Турцию задуматься. Важно знать, какую помощь окажут Турции Англия, Франция и Советский Союз, на что Турция до сих пор не получила никаких указаний. Не имеет она также ответа от Советского Союза (непонятно, на какой вопрос). Так как на Турцию легла бы тяжелая обязанность защищать проливы, то она не была бы в состоянии оказать какую-либо помощь Румынии. Необходимо также подумать о том, не сделает ли сотрудничество Турции с англо-французским блоком Болгарию более непримиримой, и Турция будет

лишена возможности выполнять свою примирительную роль на Балканах в отношениях между Болгарией и Румынией. Кроме того, Гитлер обещал дать Турции заказанные ею на чехословацких заводах 24 моторизованные береговые пушки калибром 38 см. Получит ли Турция их в случае ее присоединения к англофранцузскому блоку? Что Англия посоветует в таком случае делать (т. е. не предложит ли Англия замену этих пушек)?

Апайдыну поручено выяснить намерения СССР касательно поддержки Турции в проливах, а также наши соображения в связи с турецким ответом, ибо Турция во всяком случае хотела бы иметь сотрудничество с СССР в защите проливов.

Я поблагодарил Апайдына за информацию, пообещав передать ее правительству, и затем сообщил ему вкратце о последней нашей переписке с Турцией о визитах и о предстоящем выезде т. Потемкина в Анкару. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 220а -220 в. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 341-342.

286. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

22 апреля 1939 г.

Гжибовский, только что вернувшийся из Варшавы, пришел по поручению Бека сообщить мне «конфиденциально его взгляды по наиболее интересующим нас вопросам» и заявил следующее.

1. По радио 17 апреля передавали из Москвы четыре основных пункта внешней политики СССР (когда Гжибовский перечислил их, я ему указал, что это есть передача доклада т. Сталина на съезде {{* [См. док. 177.](#)}}). Эти пункты совпадают с польской политикой. Польша также готова оказать помощь государствам, которым угрожает опасность, и принимает все необходимые оборонные меры и т. д. 2. В трех Прибалтийских странах имеются положительные и отрицательные явления. К первым относится готовность этих государств к самозащите, в чем Польша намерена им содействовать, избегая всего, что увеличило бы трудность их положения. Ко вторым надо отнести ведущуюся там пропаганду (на мой вопрос об уточнении Гжибовский ответил, что он имеет в виду немецкую пропаганду). Если бы в одном из этих государств проявилась тенденция к отказу от независимости, то для Польши создалось бы новое положение и польский посол пришел бы ко мне с новыми инструкциями. 3. Польша не придает преувеличенного значения экономическому соглашению Румынии с Германией. Об этом соглашении давно уже велись переговоры, и сенсация была создана не благодаря заключению соглашения, а ввиду того момента, когда это произошло. Германия многого от этого соглашения не получит, ибо у нее нет необходимых капиталов. 4. В отношении Венгрии Польша еще держится оптимистических взглядов о том, что подчинение этой страны Германии не есть еще законченный процесс. Было бы неправильно исходить уже теперь из предположения о таком подчинении. Надо еще обращаться с Венгрией как с самостоятельным государством. 5. Переговоров с Германией нет. Слово теперь за Германией на отрицательный польский ответ от 26 марта ⁹⁹. Польша еще надеется, что выставленные тогда Германией предложения будут взяты обратно. Польша ни в коем случае не допустит

влияния Германии на внешнюю политику Польши и не согласится на подчинение польских прав в Данциге решениям Германии или на попытки односторонних решений в данцигском вопросе. Пределом польских уступок является невмешательство Польши во внутренние дела Данцига.

На мои многочисленные реплики и вопросы Гжибовский дал следующие ответы: 1. Гафенку во время своего нынешнего визита в Берлин не пошел дальше ранее заключенного соглашения. 2. Липский {{** Посол Польши в Германии.}} приехал недавно в Варшаву исключительно с целью получения информации. 3. В Латвии есть некоторые тревожные признаки. Эстония держится «компактнее» (посол, очевидно, хотел сказать самостоятельнее). 4. Особой концентрации германских войск на польской границе незаметно, но в самой Германии, несомненно, произведена мобилизация, хотя, может быть, и неполная. 5. В отношениях с Англией и Румынией ничего нового не произошло после известного выступления Чемберлена в палате о взаимной помощи. О помощи Румынии Польша намерена договариваться только с Румынией, а не с Англией. 6. Бек продолжает еще лелеять надежды на Венгрию. 7. Франция значительно подтянулась, и многие соотечественники посла, приехавшие недавно оттуда, сообщили ему о новых настроениях. Там крестьяне даже чуть ли не желают войны с Германией. 8. Относительно политики Англии мнения в Польше расходятся. Одни считают, что принятые Англией новые решения бесповоротны, будет ли Гитлер продолжать свою воинственную политику или нет. Другие, однако, полагают, что линия Саймона может еще одержать верх и Англия опять вступит в переговоры с Германией. 9. Польша не была приглашена послать делегацию ко дню рождения Гитлера. Не обращались к ней также с вопросом, чувствует ли она какую-либо угрозу со стороны Германии.

Посол выразил надежду, что, если у меня есть что-либо интересное, я ему тоже сообщу для Бека.

Я ему на это ответил, что мы еще продолжаем переговоры с Англией и Францией, начатые свыше месяца тому назад в связи с создавшейся угрозой Польше и Румынии. Мы стремимся уточнить возможные обязательства каждой стороны. В этих переговорах, конечно, уделяется известная роль и Польше, но поскольку к нам обращается по этому поводу Англия, мы ей отвечаем. Нам известно, что Англия ведет переговоры также и с Турцией, которая связывает свои ответы с нашей позицией. Что касается Прибалтийских государств, то для нас тоже создалось бы новое положение, если бы одному из них вздумалось отказаться от своей независимости, о чем мы довели до сведения этих государств {{* [См. док. 235.](#)}}. Нам неизвестны какие-либо тревожные признаки, если не считать сведений, полученных нами, но еще непроверенных, о каких-то германских демонстрациях, намеченных на сегодняшнее число в связи с какой-то годовщиной {{** [См. док. 277.](#)}}.

Литвинов

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183. д. 6, л. 44-47.

287. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 апреля 1939 г.

Из Финляндии в Ригу приезжал военный атташе Рессинг {{* Военный атташе посольства Германии в Финляндии.}}. Он познакомился с латвийской армией и флотом. Был в Либаве {{** Лиепая.}}, с офицерским составом вел переговоры, делая предложение о протекторате. Его мотивы: сохранить страну от разрушений, а также народ, но при условии немецкого протектора, в противном случае Латвия будет страдать за свою неумную политику. При этом ссылался на Австрию и Чехословакию и, как обратный пример, ссылался на Абиссинию, Китай, Испанию и частично Албанию. Его вывод: протекторат обеспечивает сохранность и целостность страны. Германия гарантирует автономию и невмешательство во внутренние дела. Отрицательный ответ командования вызвал недовольство Рессинга.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2100, л. 46.

**288. Телеграмма временного поверенного в делах США в СССР А. Кэрка
государственному секретарю США К. Хэллу**

22 апреля 1939 г.

Британское посольство в Москве заявляет, что переговоры с Литвиновым проходят удовлетворительно и что Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией. Хотя точных подробностей о переговорах до сих пор нет, заявляют, что от идеи одностороннего советского заявления, содержавшейся в первоначальном британском предложении {{*** [См. док. 268.](#)}}, отказались и что в настоящее время обсуждаются другие меры относительно возможного присоединения Советов к позиции, занятой Англией и Францией. Вновь подтверждается, что технические вопросы советской военной помощи не являются предметом настоящих англо-советских переговоров в Москве и что вопрос о Дальнем Востоке также не поднимался ни той, ни другой стороной.

Советский посол в Лондоне вчера прибыл в Москву.

Кэрк

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 342—343. Опубл. в сб.: Foreign Relations of the United States... Vol. 1. P. 240.

**289. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

23 апреля 1939 г.

Все восемь пунктов наших предложений {{* [См. док. 276.](#)}} мы считаем органическими частями единого и неразрывного целого. Предложения в целом составляют минимум наших пожеланий. Хотели бы знать мнение французского и английского правительств по проекту в целом.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 42. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 343.

**290. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

23 апреля 1939 г.

От англичан пока никакого ответа на наше предложение {{** См. там же.}} не получено. Возможно, что опять выжидают очередную речь Гитлера 28-го, авось опять запахнет миром и можно будет вернуться на мюнхенские позиции. Такой рецидив у Чемберлена и Бонне я отнюдь не считаю исключенным.

По сведениям, полученным из Рима, Гитлер и Муссолини убеждены в том, что Чемберлен ведет переговоры с СССР только под давлением оппозиции, некоторой части консерваторов и общественного мнения. Чтобы облегчить Чемберлену отход на прежние позиции и помочь Беку обосновать отказ от советской помощи, Муссолини энергично настаивает на германо-польском соглашении и находит в этом поддержку со стороны Геринга. Ожидается окончательное решение Гитлера. Из того же источника сообщают о сильнейшем нажиме на Югославию, которой предлагают не только примкнуть к антикоминтерновскому пакту ¹⁰, но и образовать единую политическую организацию фашистского типа, с уничтожением остальных партий и при некотором расширении политических прав хорватов и словенов. При посредстве Югославии рассчитывают вовлечь в орбиту итало-германской политики также и Румынию, а затем, может быть, и Грецию, уничтожить Балканскую антанту ⁸⁰, создав вместо нее новую из Венгрии, Югославии и Румынии. По-видимому, рассчитывают при этом, что после исчезновения угрозы Польше и Румынии у Чемберлена и Бонне не будет заинтересованности в соглашении с СССР. Встанет опять вопрос, как СССР может помогать Англии и Франции, если пути к Германии преграждают Польша и Румыния.

О здешних настроениях Вас информируют т. Крапивинцев {{* Советник полпредства СССР во Франции.}} и т. Майский, которому я предложил остановиться с этой целью в Париже на несколько часов. Оба должны выехать завтра.

У нас имеются сведения, что в начале апреля на приеме у генерального секретаря антикоминтерна в Берлине шведского капитана в отставке Нильса фон Бара присутствовали французский военный атташе генерал Диделе, морской атташе капитан Траку, финансовый атташе Ирис и второй секретарь Лалотэ. На приеме не было ни англичан, ни американцев, но присутствовали, конечно, итальянцы, испанцы, немцы и представители некоторых других малых стран. При случае Вам следует обратить на это внимание кого нужно.

Литвинов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 5, л. 3-4. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 343-344.

291. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 апреля 1939 г.

Данные о нашем предложении [{{** См. док. 276.}}](#) просачиваются главным образом через английскую печать. Французская бродит вокруг да около. Мандель через третье лицо (сам я с ним в эти дни не виделся) мне передал, что текст нашего предложения еще не доведен до сведения членов кабинета. Никто из министров, кроме Бонне и Даладье, проекта не видел. Остальным в самой общей форме лишь сказано, что речь идет о военном союзе. Одновременно о нашем проекте довольно хорошо осведомлены такие далеко стоящие от власти, но зато связанные с верхушкой Кэ д'Орсэ люди, как Леже и Оден. По их словам, верхушка Кэ д'Орсэ (имеются, по-видимому, в виду Леже и Номер [{{*** Заведующий американским отделом МИД Франции.}}](#)) настроена скептически, так как считает невероятным, чтобы Чемберлен решился пойти так далеко.

Оден рассказывал, что Лукасевич ведет здесь большую кампанию против сотрудничества с СССР.

Мандель, сигнализируя о том, что «мюнхенцы» еще далеко не разоружились и уже имеются налицо симптомы некоторого размягчения «нового кризиса», самые большие надежды возлагает на военных. По его словам, они настроены сейчас очень твердо и в большинстве стоят за сотрудничество с СССР. Ряд фактов действительно свидетельствует о повышенном интересе к нам со стороны военных. Военные, чего раньше не было, ищут сейчас встреч со мной. На днях, например, военный губернатор Парижа устроил мне завтрак, на котором присутствовало много военных. Сегодня я получил приглашение и от командующего флотом. Кериллис [{{* Французский журналист, депутат парламента.}}](#) рассказывал, что он получает массу писем от военных с одобрением его позиции. Леже рассказывал об огромном интересе, вызванном речью Ворошилова [{{** XVIII съезд ВКП \(б\), 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 191-196.}}](#).

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 233—234. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 347.

292. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 апреля 1939 г.

Передаю Вам присланный мне Бонне проект «соглашения трех». Как увидите, этот проект сильно отличается от того, что днем говорил Бонне, и от прежнего его же предложения [{{*** См. док. 269.}}](#).

«В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку.

Три правительства согласуют между собой без промедления формы оказания этой помощи в том и другом из предусматриваемых случаев и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность»¹⁰⁰.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 242. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 74.

293. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

25 апреля 1939 г.

[...] Сообщаю, что от Англии Турция получила недавно предложение о заключении двустороннего пакта, по которому Англия пришла бы на помощь Турции в случае «прямой или косвенной угрозы ей» со стороны Италии, а Турция должна была бы выступить на стороне Англии, если бы та оказалась в состоянии войны с Италией. В дальнейшем это предложение было расширено в сторону распространения пакта также на агрессию со стороны Германии. Обращает на себя внимание формулировка предложения. В отношении Турции для получения английской помощи должна быть агрессия, помощь же Англии оказывается и при отсутствии агрессии, т. е. если бы даже сама Англия напала на Италию в результате выступления последней против Франции или по другим причинам. Турция в своем ответе солидаризировалась с позицией Англии в отношении агрессии вообще и необходимости помощи малым странам, но по существу предложения сделала ряд оговорок. В случае присоединения Турции к англо-французскому блоку агрессия «оси» может быть устремлена с особой силой в сторону проливов, а потому-де Турция должна сперва выяснить, какую помощь ей окажут Англия, Франция и в особенности СССР. Высказаны ею и некоторые другие соображения против принятия предложения. Турция обратилась к нам с вопросом о нашем отношении к этому предложению, и, так как нам самим тоже хотелось поинформироваться подробнее по балканским вопросам и о возможности вовлечения в антифашистский блок Болгарии, мы пригласили турецкое правительство прислать к нам представителя {{* [См. док. 270.](#)}}, а затем решили направить в Анкару т. Потемкина. [...]

Литвинов

АВП СССР, ф. Об, оп. 1, п. 19, д. 206, л. 44- 45. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 349-350.

294. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 апреля 1939 г.

Ниже следует текст французского эд-мемуара: «Эд-мемуар, переданный 19 апреля Сурицем Бонне {{** Так в тексте, [см. док. 278.](#)}}, с большим интересом изучен французским правительством, оценившим все положительное значение предложений, которыми правительство СССР стремится объединить английские и французские предложения {{{ [См. док. 276., 278.](#)}}}.

Французское правительство также желает добиться скорейшей выработки текста, отвечающего главным заботам трех правительств и предусматривающего наиболее вероятные и близкие возможности, перед которыми эти правительства могут очутиться. Этим продиктованы нижеследующие замечания к предложению Советского правительства:

1. Соглашение, которое французское правительство считает крайне срочным и которое должно дать немедленный эффект, вызвано угрозами, нависшими сейчас над европейским миром. Самый факт его быстрого заключения способствовал бы укреплению солидарности всех угрожаемых народов, повысил бы шансы сохранения мира. Можно опасаться, что для заключения длительного пакта общей взаимной помощи потребуется слишком много времени, что могло бы быть истолковано некоторыми странами как доказательство колебания или разногласий между тремя державами. При . всех обстоятельствах заключение подобного рода пакта является делом, требующим длинных сроков. А сейчас нужно действовать максимально быстро и отразить возможности ближайших недель или ближайшего месяца.
2. Во избежание всяких контроверз {{* Разногласий (*фр.*).}} было бы предпочтительнее, чтобы намеченное соглашение не содержало никаких ссылок на ту или иную категорию государств, географически уточненных. Соглашение должно ограничиться обязательством о помощи, которую три государства оказывают друг другу в точно установленных обстоятельствах. Такого рода ограничение лишь усилило бы силу . и значение взятого обязательства и в то же время предупредило бы всякую реакцию со стороны третьих государств, которых стесняют превентивные «стипюлясьон» {{{ Условия в соглашении (*фр.*).}}} о помощи.
3. Французское правительство согласно, чтобы было возможно скорее приступлено к рассмотрению вопросов, предусмотренных этим параграфом.
4. Эта статья касается исключительно британского правительства.
5. По мотивам, изложенным в связи со ст. 2, было бы нежелательным включать в проектируемое соглашение статью от имени третьих стран. Принимая, однако, во внимание, что польско-румынское соглашение было заключено эрга омнэс {{{ По отношению ко всем.}}}, французское правительство полностью склонно использовать все свое влияние в Варшаве и Бухаресте, чтобы побудить оба государства расширить сферу практического применения заключением конвенции, которая предусмотрела бы случай агрессии со стороны Германии.

[Пп.] 6, 7 и 8 со стороны французского правительства не вызывают никакого возражения».

Суриц

295. Телеграмма членов советской делегации в Иране А. В. Терентьева и Тюленева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 апреля 1939 г.

Вчера на приеме у Ааляма говорил с наследником {{* Мохаммед Реза Пехлеви.}}. Пригласив к себе меня и Тюленева, он демонстративно беседовал с нами 45 минут на виду нескольких сотен гостей, терпеливо ожидавших окончания нашего разговора, после чего с опозданием на час наследником был открыт бал. Это единственный в своем роде политический акт, не повторявшийся до сих пор в жизни дипкорпуса Тегерана, был чуть ли не единственной темой разговоров в течение всего вечера. До сих пор наследник никогда и ни с кем в беседах не касался политических тем, что позволяет нам сделать безошибочный вывод об инспирированности разговора шахом. Наследник в откровенной форме говорил об огромнейшем значении «великого Советского Союза» в деле развития и «спокойного существования Ирана, мирная политика которого следует по стопам своего соседа». Он сказал: «Вы могучее 175-миллионное государство, которое, строя свою жизнь, не боится никаких угроз, так как вы имеете лучшую в мире армию и абсолютно все виды сырья и материалов для защиты вашей страны на случай, если бы вам угрожала хоть какая-либо опасность. Ваша сила и могущество помогают укреплять и нашу независимость. Советский Союз не только европейская держава, но и страна, которая своей мирной политикой обеспечивает мир на Ближнем Востоке и, прежде всего, в таких странах, как Иран и Турция». Развивая вышесказанную мысль шаха при первой нашей встрече, наследник несколько раз подчеркивал, что Иран был, остается и будет постоянно верен своей политике искренней дружбы с СССР, «никакие мелкие недоговоренности по вопросам практических взаимоотношений никогда не смогут омрачить искренности отношений, которые шах и иранское правительство питают к СССР». Об этом наследник от имени шаха и своего имени просил довести до сведения нашего правительства. «Мы строго следуем примеру Советского Союза в вопросах развития национальной экономики и, так же как вы, не пойдем на получение иностранных займов, так как эти последние делают политически зависимой страну от государства, представляющего займы». Наследник просил стать на путь взаимных визитов командиров Красной Армии и иранских офицеров для того, чтобы «представители наших армий могли поучиться многому из того, что вы имеете в деле организации вооруженных сил. Вам у нас учиться нечему, но ваши командиры постоянно будут приняты в Иране с чувством сердечного гостеприимства». Тот факт, что наследник беседовал с Вейганом {{** Глава французской делегации, генерал, в 1939—1940 гг. главнокомандующий французскими войсками в Восточном Средиземноморье.}}, Шуленбургом, немецким министром — главой делегации и другими всего лишь по три — пять минут, и демонстративная форма разговора с нами в течение 45 минут не остались незамеченными абсолютно никем из числа присутствовавших на приеме многих сотен гостей.

Терентьев, Тюленев

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 306, д. 2114, л. 78-80.

296. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

26 апреля 1939 г.

В проекте {{* [См. док. 292.](#)}} говорится о статус-кво в Центральной или Восточной Европе. Уточнял ли Бонне, хотя бы на словах, о каких странах идет речь и исключается ли в этом случае из Восточной Европы Прибалтика? Формулировка проекта является издевательской, но все же сообщите.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 44. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 350.

297. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Софии

26 апреля 1939 г.

На границе в Болгарии нам была оказана внимательная встреча. Кыосеиванов прислал министерский вагон и представителя протокольной части, до отхода поезда нас возили осматривать Рушук. При встрече в Софии шеф протокола передал мне просьбу Кыосеиванова посетить его утром. Я поехал к нему, взяв с собой Прасолова. Вкратце резюмирую заявления, сделанные мне Кыосеивановым. Болгария более чем когда-либо угнетена сознанием своего одиночества. Это ощущение особенно усилилось после гибели Чехословакии. Болгарский народ опасается и своего порабощения немцами, ненавидящими славян. Фактически немцы уже овладевают Болгарией, Они закупают до 80% ее экспорта и вынуждают ее закупать на эту выручку немецкие товары и вооружение. Ни Англия, ни Франция, к которым много раз обращалась Болгария, до сих пор не помогали ей ничем. Болгария готова была бы сотрудничать вместе с прочими Балканскими государствами для сохранения мира. Но для этого она хотела бы, чтобы Балканский пакт не был направлен против нее, как это было до сих пор, и чтобы ей вернули Южную Добруджу, житницу прежней Болгарии, дававшую до 16% всего болгарского экспорта. Богатая хлебом Румыния не нуждается в этой области. На большее Болгария сейчас не претендует. Пусть ей вернут Добруджу, отнятую у нее в 1913 г., и она вступит в сотрудничество с Балканскими странами, охраняющими мир. Сама Болгария не хочет войны. Она желала бы остаться в стороне от международных конфликтов, сохранив нейтралитет. Суть моих ответных заявлений Кыосеиванову сводилась к следующему: мне поручено обсудить с дружественным турецким правительством некоторые предложения, с которыми обратились к СССР и к Турции Англия и Франция, встревоженные нарастающей угрозой германской агрессии в Восточной Европе и на Балканах и озабоченные поддержанием мира в этих областях континента. Правительство СССР готово поддержать англо-французскую инициативу {{* [См. док. 266., 267.](#)}}. Но для этого ему нужно знать, кто, как и чем мог бы конкретно участвовать в ее реализации. В этом плане для СССР представляет интерес и позиция Болгарии. Несомненно, лучшим средством избежать войны может быть для Болгарии участие вместе с великими державами в организации системы защиты мира. Установление такой системы может вынудить агрессора отказаться от своих замыслов. Однако, если бы этого не случилось и, следовательно, агрессия явилась бы международным конфликтом, Болгария немедленно убедилась бы, что сохранить в нем нейтралитет представляется невозможным. Поэтому существенно знать заранее, готова ли Болгария активно поддержать Румынию, Турцию, Грецию или другую жертву агрессии при условии последующего удовлетворения ее

желания получить обратно Южную Добруджу, Кьосеиванов ответил следующее: он согласен, что нейтралитет представляется иллюзией. Он понимает, что Болгарии не избежать хоть бы страдательного участия в общем конфликте. Для того чтобы она приняла на себя обязательства активно выступить против агрессора на защиту Балканских стран, нужно было бы пересмотреть Балканский пакт и распространить его нынешние обязательства касательно совместной защиты внутри балканских границ и на внешние границы участников пакта. Это обеспечило бы их коллективную оборону против опасности агрессии со стороны Германии и Италии. Кьосеиванов просил меня поставить перед турками вопрос о содействии пересмотру Балканского пакта и, насколько возможно, помочь убедить Румынию в необходимости вернуть Болгарии Южную

Добруджу. Дальнейшую информацию о разговорах в Софии передам из Истанбула {{** Стамбул.}}, куда сейчас выезжаю {{{* [См. док. 308.](#)}}}

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2106, л. 81-83.

298. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии

26 апреля 1939 г.

Из надежного источника я получил информацию о том, что сегодня вечером или завтра утром британское правительство через своего посла в Москве даст Советскому правительству ответ на контрпредложения Советской России {{* [См. док. 275.](#)}}, о которых сообщалось в моей телеграмме. Ответ равнозначен отказу, хотя он облечен в форму замечаний к контрпредложениям Советской России.

1. В своей главной части нота содержит отклонение предложенного Советской Россией трехстороннего пакта по оказанию взаимной помощи между Англией, Францией и Советской Россией. Тем самым отпадают также и переговоры военных, которые должны последовать за пактом.

2. Британское правительство указывает на то, что предоставленные им Польше и Румынии гарантии направлены против *любой* агрессии, жертвой которой могли стать эти государства. Таким образом, отвергается попытка Советской России лишить существующие между Польшей и Румынией договоры их антисоветской направленности ⁹⁵ и обратить их исключительно против Запада. Практически предложения Советской России, указанные в пунктах 3 и 4 моей телеграммы № 136, означали, что Великобритания и Франция уже заранее должны были обозначить агрессора, а именно Германию, против которой могли бы быть действительными их заявления о гарантиях.

Решающую роль при отклонении предложенного Советской Россией трехстороннего пакта сыграло соображение относительно того, что в случае нападения Германии на Англию и Францию Россия, как и Польша, обязана оказать помощь. Это поставило бы Польшу в затруднительное положение, которого она в любом случае хотела бы избежать. Ни Польша, ни Румыния ни в коем случае не хотят получить от Советской России помощь, о которой они не просят.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 352. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 279-280.

299. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту

26 апреля 1939 г.

Уже длительное время между Берлином, Римом и Токио ведутся тайные переговоры о заключении оборонительного союза⁵¹, которые по особым причинам и в соответствии с договоренностью между партнерами осуществляются вне обычных дипломатических путей.

Летом 1938 г. генерал Осима, тогда еще военный атташе, сообщил, что, по мнению японских военных кругов, наступил момент для заключения общего оборонительного союза между Германией, Италией и Японией. Содержание союзного пакта, по его мнению, могло состоять в следующем:

1. Проведение консультаций между тремя державами на тот случай, если одна из них окажется в затруднительном политическом положении.
2. Политическая и военная поддержка, если одной из трех держав угрожают извне.
3. Оказание помощи и поддержки, если одна из трех держав подвергнется неспровоцированному нападению со стороны другой державы.

В ходе конференции в Мюнхене в конце сентября этот вопрос обсуждался с Муссолини и графом Чиано. Это обсуждение было продолжено в Риме во время моего визита в конце октября; результатом этого обсуждения было то, что дуче заявил о своем принципиальном согласии, однако зарезервировал за собой право сообщить позднее свое мнение о времени заключения пакта. В начале января итальянский министр иностранных дел информировал, что теперь дуче готов к подписанию пакта.

В ходе непосредственных контактов между мной, Осима и Чиано был выработан текст договора, который наряду с тремя указанными выше пунктами содержал также обязательство, в случае совместного ведения войны, мир и перемирие заключать только сообща и который устанавливал в качестве срока действия договора период в 10 лет. Проект договора был дополнен далее двумя секретными протоколами, которые предусматривали немедленное проведение консультаций о выполнении обязательств по оказанию поддержки в различных принимаемых в расчет случаях и, кроме того, определяли соответствующие меры по совместным выступлениям в сфере пропаганды и прессы. Осима со специальным курьером отправил проекты в Токио, где они обсуждались на заседаниях кабинета.

В начале марта Осима, а также посол Сиратори в Риме получили инструкции, в соответствии с которыми японское правительство хотя в общем и целом одобряло идею пакта, однако обязательство по оказанию взаимной поддержки хотело привязать исключительно к случаю войны с Россией. Оба посла информировали об этом меня и

Чиано в личном и строго конфиденциальном порядке и в свою очередь тотчас же сообщили в Токио о своем отказе представить на рассмотрение в Берлин и Рим это столь существенное изменение итало-германского проекта. Они еще раз высказались за принятие первоначального проекта и заявили, что в случае иного решения японского кабинета они будут вынуждены уйти со своих постов.

В ответ на это в начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту, но, правда, сокращал срок действия договора на 5 лет. Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому послам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения; при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция и Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограничительного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. Осима и Сиратори сообщили в Токио о невозможности осуществления также и этого пожелания японского правительства и информировали меня и Чиано, опять-таки в строго конфиденциальном порядке, о развитии этого вопроса. Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту. Далее я, чтобы ускорить окончательное выяснение вопроса, заявил Осима и Сиратори, который находился в Берлине в связи с днем рождения фюрера, что я должен узнать об окончательном решении японского кабинета, будь оно положительное или отрицательное, до выступления фюрера, которое намечено на 28 апреля. Оба посла телеграфировали об этом в Токио.

Данное сообщение предназначено исключительно для Вашей личной информации. Прошу строго засекретить его. Эту тему в Ваших беседах по своей инициативе не затрагивать до особого распоряжения, а если в беседе с Вами она будет затронута другой стороной, то ни в коем случае не давать собеседнику понять, что Вы информированы по этому вопросу. Это относится и к послу Италии в стране Вашего пребывания, который, по сообщению Чиано, пока еще не информирован. Напротив, прошу тщательно следить за положением дел на месте и систематически телеграфировать об этом.

Риббентрон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 352—354. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 280-281.

300. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. 3. Сурицу

27 апреля 1939 г.

Сидс до сих пор ко мне не являлся и никакого ответа своего правительства не дает. Надо ли понимать, что проект соглашения трех, переданный Вам Бонне {{* [См. док. 292.](#)}}, согласован с Англией, которая, таким образом, снимает свои прежние предложения?

Срочно сообщите, не запрашивая Бонне. Надеюсь, что Вы ознакомите Майского с французскими предложениями. Пусть он сегодня обязательно выезжает в Лондон.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 46. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 355.

301. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Китае И. И. Северного в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 апреля 1939 г.

Чжан Чун сказал сегодня, что Чан Кайши желает познакомиться со мною и просит сегодня же приехать к нему. Чжан Чун предупредил, что Чан Кайши будет интересоваться вопросами переговоров Советского Союза, Англии и Франции [{{** См. док. 276., 292.}}](#). По этому вопросу Чан Кайши имеет следующую точку зрения: он считает, что постановка вопроса о мерах борьбы с агрессором в Европе должна сопутствовать и тесно увязываться с дальневосточными проблемами. Он видит общность интересов этих трех стран с Китаем, борющимся за свою независимость против агрессора на Востоке. Поэтому Чан Кайши просит меня довести до сведения Советского правительства, что китайское правительство просит Советский Союз включить в программу обсуждения вопроса о союзе трех стран также вопрос и о мерах борьбы против японской агрессии, с которой Китай около двух лет ведет борьбу. Чан Кайши со своей стороны сообщил Сунь Фо и Ян Цзе в Москву, а также послам Китая в Англии и Франции, чтобы они вошли с представлением в соответствующие правительства с изложением точки зрения китайского правительства.

При встрече с Чан Кайши последний интересовался, нет ли у меня сообщений от Советского правительства о ходе переговоров и предвидятся ли затруднения в положительном разрешении этого вопроса. Я, разумеется, сослался только на те данные, которые общеизвестны по прессе, и сообщил, что никакой информации из Москвы я по этому вопросу не имею. Чан Кайши напомнил, что он еще раз просит оказать честь г-ну Сунь Фо быть принятым т. Сталиным. Я сказал, что просьбу Чан Кайши я передал своевременно правительству.

Северный

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 311, д. 2142, л. 106-107.

302. Запись беседы вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобыляньского с послом Японии в Польше Ш. Сако

27 апреля 1939 г.

Во время беседы, которую я имел 27 апреля с. г. с послом Японии в Варшаве, последний информировал меня о том, что японский императорский совет и правительство отклонили германское предложение об укреплении антикоминтерновского пакта ¹⁰ военным союзом, направленным прежде всего против Англии и Франции⁵¹; это предложение Германия выдвинула во время последних переговоров об усилении вышеназванного пакта.

По словам посла, эту концепцию поддерживали послы Японии в Берлине и Риме вопреки мнению всех остальных дипломатических представителей Японии в Европе, а также военных кругов, которые высказывались за союз, направленный только против СССР. Для проверки аргументов, выдвигаемых послом Осима, в Берлин были направлены посланник Ито, а также представители флота и армии.

По мнению посла, вышеупомянутое решение могло бы подвергнуться изменению только в случае смены правительства, хотя и это было бы сомнительным, если иметь в виду упомянутую выше позицию армии, а также тот факт, что смена правительства могла бы произойти только под воздействием армии. По словам посла, на изменение нынешней позиции Японии, кроме того, мог бы повлиять факт распространения обязательств Англии по отношению к СССР на Дальний Восток.

Из информации, данной послом Сако, кроме того, следует, что во время бесед, имевших место в последнюю неделю, японская сторона убедилась в том, что Италия ни в каком отношении партнером против СССР не является, германская же политика была расценена как рискованная и опасная. Посол выражал даже опасение относительно возможного возвращения германской политики к концепции Рапалло ¹⁰¹ и подчеркивал, что не только флот, но и армия стоят за смягчение напряженности в отношениях с Соединенными Штатами, которые своим жестом церемонии отправки на военном корабле останков умершего в Вашингтоне японского посла создали благоприятную почву для проведения конкретных переговоров в дружественной атмосфере.

Посол высказал также предположение, что и переговоры с Англией были бы сейчас возможны, так как в отношениях с ней в настоящее время также имеются условия, способствующие смягчению напряженности.

Посол получил сообщение о том, что 26-го сего месяца японский министр иностранных дел Арита информировал посла Ромера о своих беседах с английским послом Крейги относительно переговоров, ведущихся между Лондоном и Москвой. Г-н Сако заметил при этом, что распространение английских обязательств по отношению к России на дальневосточные границы СССР сделало бы невозможным для Японии достичь договоренности с Англией; он, однако, убежден в том, что Англия не намерена устанавливать слишком тесные связи с Россией. Посол также связывает вопрос о заключении компромиссного договора о рыболовстве с Советами ⁷⁵ с тем поворотом, который наступил в отношениях между партнерами антикоминтерновского пакта.

Что касается Польши, то посол Сако засвидетельствовал, что он хорошо понимает ее внешнюю политику, и принял с большим удовлетворением сообщение о заявлении посла Ромера японскому правительству о неизменности отношения Польши к Японии ⁴¹.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 355-356.

303. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 апреля 1939 г.

Еще за несколько часов до моего возвращения (из Москвы) Галифакс пригласил меня к себе. Сегодня утром я имел с ним продолжительный разговор. В беседе были затронуты следующие вопросы:

1. Наши предложения {{* [См. док. 276.](#)}}. Ответа на них еще нет, и едва ли его можно ожидать раньше будущей недели. Причину задержки Галифакс объясняет тем, что британское правительство будто бы в последние дни слишком занято было вопросами конскрипции и не имело времени по-серьезному обсудить советские предложения. Галифакс, однако, находит их «очень логичными и хорошо скомпонованными», но опасается, что практическое осуществление предложений может натолкнуться на известные трудности, главным образом со стороны Польши и Румынии. В связи со сделанным нам английским предложением о советской гарантии европейским лимитрофам СССР {{{* [См. док. 268.](#)}}}, Галифакс с особым ударением просил меня передать вам, что если у Советского правительства создалось впечатление, будто бы британское правительство хочет вовлечь СССР в какое-либо действие по оказанию помощи жертвам агрессии, в котором оно само не принимает участия, то это большая ошибка. Британское правительство имеет в виду оказание нами помощи лишь в тех случаях, когда и оно само делает то же самое. В свете заявлений Галифакса не совсем понятны недавние «контрпредложения» Бонне, сделанные им Сурицу {{{* [См. док. 292.](#)}}}. Либо они действительно представляют собой чисто французские наметки, не согласованные с Лондоном, либо — что вероятнее, — прежде чем дать свой окончательный ответ, британское правительство хотело через «контрпредложения» французского правительства прощупать наши настроения.

2. Речь Гитлера ¹⁰², по мнению Галифакса, ни в чем существенном не изменила европейскую ситуацию. Никаких переговоров между Англией и Германией по вопросу более общего порядка, несмотря на косвенное приглашение Гитлера, Галифакс в ближайшем будущем не ожидает. Однако он не был столь же тверд в вопросе о переговорах специально по морским вопросам. Возвращение британского посла Гендерсона в Берлин Галифакс объясняет так: он-де считает вообще неудобным положение, когда при сохранении дипломатических отношений со страной вы не имеете в ней посла. Он не хотел поэтому доводить дело до такой стадии, когда (как это случилось, например, с США) возвращение британского посла в Берлин стало бы совершенно невозможным. С учетом предстоящей речи Гитлера Галифакс опасался, что, если эта речь окажется сильно антибританской, возврат Гендерсона в Германию в ближайшем будущем станет неудобным. Если же, наоборот, речь окажется сравнительно умеренной, то немедленный приезд после того Гендерсона в Берлин мог бы быть в самой Англии и вне ее истолкован как симптом того, что британское правительство питает доверие к обещаниям Гитлера. Ввиду указанного Галифакс решил отправить Гендерсона еще до произнесения речи и поручить ему «только ознакомить германское правительство с решением британского правительства относительно конскрипции, — еще до официального заявления премьера об этом в парламенте». Никаких других поручений или сообщений для германского правительства Гендерсон не имел. Галифакс очень интересовался реакцией Польши на речь Гитлера, в особенности в связи с отношением последней к советской помощи в случае агрессии, но пока никакой информации по этому поводу он еще не имеет.

3. Визит Гафенку. По словам Галифакса, Гафенку, произведший на него впечатление умного и толкового человека, подробно информировал англичан о своих разговорах в Анкаре и Берлине. Разговорами с турками Гафенку очень доволен. В Берлине он будто бы нашел очень любезный и корректный прием. Не было будто бы никакой угрозы, нажимов и тому подобное. Наоборот, Гитлер, Геринг и Риббентроп заверяли Гафенку в желании поддерживать самые добрые отношения с Румынией и развивать с ней экономические отношения. Гитлер будто бы сказал Гафенку, что Румыния может обойтись без немецких машин, но Германия не может обойтись без румынского продовольствия и сырья. Отсюда Гитлер делал вывод, что Германия заинтересована в дружеских отношениях с Румынией. Дальше в разговоре с Гафенку Гитлер очень ругал Англию и жаловался на некорректность поведения Польши в вопросе Данцига. В Лондоне Гафенку на эту тему почти не разговаривал, поскольку данной проблемой сейчас занимается миссия Лейт-Росса, находящаяся в Бухаресте, но зато много беседовал на политические темы. В частности, Гафенку подчеркивал важность укрепления Балканской Антанты путем оказания поддержки Югославии и привлечения Болгарии. Вопрос о Болгарии Гафенку особенно интересует. Он считает, что какие-либо территориальные уступки Болгарии сейчас были бы очень опасны, но полагает, что Болгария теперь же должна быть вовлечена в различные экономические комбинации вместе с другими членами Балканской Антанты.

Румыно-советские отношения Гафенку изображал как хорошие и заявлял, что в случае войны советская помощь Румынии была бы очень желательна (детали помощи не уточнялись). Пока, однако, Румыния старается по возможности поддерживать «равновесие» между Германией и СССР и несколько опасается открыто примыкать к каким-либо пактам или союзам, направленным против Германии, ибо боится таким путем «спровоцировать» последнюю на агрессивное выступление против Румынии.

4. Переговоры с Турцией {{* [См. док. 340.](#)}}, по словам Галифакса, подвигаются благоприятно, и в недалеком будущем можно ждать их успешного завершения. Речь идет о двустороннем англо-турецком договоре наподобие англо-польского, в первую очередь в отношении Средиземного моря (то есть против Италии). Обсуждается также возможность турецкого участия в борьбе против агрессии на Балканах. Турки подчеркивают свое желание держать тесный контакт с СССР и, потому, говорил Галифакс, «исход наших переговоров с Турцией будет в значительной степени зависеть от турецких переговоров с вами».

5. Галифакс выражал большое желание повидать Литвинова в Женеве, куда он сам едет на 2—3 дня для участия в заседании Совета. «Если, конечно, до того времени не разразится война», — полушутя прибавил Галифакс.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 158-163.

304. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 апреля 1939 г.

Утром Бонне позвонил мне опять, я немедленно отправился к нему. Начал он с вопроса, имею ли я что-нибудь от вас по поводу его предложения {{* [См. док. 292.](#)}}. Я ответил

отрицательно. По своей собственной инициативе он рассказал мне, что «находится все время в переговорах с англичанами, но что до сих пор еще не добился согласования». Когда он во время беседы, уточняя свое предложение, вновь сказал, что оно является лишь повторением его первого предложения {** [См. док. 269.](#) } с той разницей, что из двойственного оно превращается в тройственное, я ему сказал, что это не совсем так. Тогда он начал сличать текст и неожиданно для меня, разыграв даже некоторое смущение, заявил, что из-за перегруженности он поручил редактирование второго проекта Леже, в него недостаточно вчитался и что признает редакцию предложения действительно «неудачной» и не отвечающей его указаниям и намерениям и поэтому сегодня же пришлет «исправленную им самим редакцию» {*** [См. док. 305.](#) }. Не желая создать впечатление, что я вступаю с ним в обсуждение отдельных пунктов его предложения, я не просил у него никаких уточнений относительно балтийских стран, но сам он в разной связи несколько раз упомянул лишь о Польше, Румынии и Турции. По-видимому, только эти страны и подпадают под страны Восточной и Центральной Европы.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 253-254. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 356—357.

305. Проект соглашения Франции, Великобритании и СССР, переданный министрам иностранных дел Франции Ж. Бонне полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу

29 апреля 1939 г.

В случае если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией в результате действий, предпринятых ими с целью предупредить всякое насильственное изменение положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае если бы СССР оказался в состоянии войны с Германией в результате действий, предпринятых им с целью предупредить всякое насильственное изменение положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку.

Три правительства согласуют между собой без промедления формы оказания этой помощи в том и другом из предусматриваемых случаев и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 357. Оpubл. в сб.: Documents on British Foreign Policy... Third serie. Vol. V. P. 406.

306. Из телеграммы полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 апреля 1939 г.

[...] Только что позвонил Бонне, справился, получил ли я новый текст {{* [См. док. 305.](#)}}, и сказал, что под «странами Восточной или Центральной Европы» следует понимать Польшу, Румынию и Турцию.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2089, л. 255. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 358.

307. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

30 апреля 1939 г.

Сообщаю пояснения, данные нам Менеменджиоглу по поручению Сараджоглу по некоторым пунктам турецких предложений от 25 апреля:

1) Менеменджиоглу категорически подтверждает, что Турция и Англия обязываются оказывать друг другу помощь против Италии при всех условиях и в любом месте, не исключая и тех случаев, когда турки или англичане сочтут необходимым открыть военные действия против Италии, не ожидая ее нападения;

2) Турция выступает против Германии лишь в том случае, если признает, что германская агрессия представляет для нее непосредственную угрозу;

3) Касаясь взаимопомощи Турции и СССР, Менеменджиоглу заявил, что, по мнению Турции, между Англией и СССР должен быть заключен договор о взаимопомощи. Дело СССР и Англии — определить условия такого договора. Соглашение Турции с Советским Союзом, как думает Менеменджиоглу, могло бы установить обязательства взаимопомощи в проливах, на Черном море и, может быть, на Балканах;

4) Относительно экономической и финансовой помощи, а также военного снабжения, предусматриваемых пунктом пятым турецкого ответа от 25 апреля, Менеменджиоглу пояснил, что экономическая помощь Турции может выразиться в покупке Англией турецких товаров, которые не берет Германия. Нужна будет Турции и денежная помощь, необходимо и военное снабжение. Пока Англия не даст обязательства удовлетворить конкретные требования Турции по всем этим вопросам, договор о взаимопомощи подписан не будет. Поэтому после принципиального согласия Англии предполагается создать специальную комиссию, которая определит, что и в каком количестве Англия должна дать Турции. Турция, как выразился Менеменджиоглу, потребует, чтобы «деньги были выложены на стол».

Вчера у Исмета Сараджоглу обещал дать мне текст турецких предложений. Сегодня утром нам сообщили от Менеменджиоглу, что ввиду праздничного дня и отсутствия машинистки документы могут быть приготовлены только завтра. В обмен Менеменджиоглу просил нас дать ему текст наших предложений Англии и Франции.

Потемкин

308. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

30 апреля 1939 г.

Исмет Продержал меня более двух часов. Присутствовал Сараджоглу. Мне пришлось повторить Исмету всю ту информацию, которая вчера была дана мною Сараджоглу {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 264.}}. Сам Исмет изложил мне ход турецких переговоров с Балканскими странами и с Англией вплоть до последних предложений, выдвинутых турками 25 апреля {{** [См. док. 293.](#)}}. Сообщение Исмета, представленное в ином плане и носившее несколько более общий характер, нежели вчера имела информация Сараджоглу, отличалось от нее и большей ясностью. Исмет начал с констатации общности интересов Турции, Балканской Антанты, СССР и Англии перед лицом европейских агрессоров. Наиболее реальная угроза агрессии представляется в бассейне Средиземного моря и на Балканах. Что касается Балканских стран, то, будучи объединены, они могли бы представить для агрессора серьезную преграду. Однако такому объединению препятствуют территориальные притязания Болгарии, стремящейся к восстановлению своей государственной границы 1913 года. Чтобы привлечь Болгарию к участию в Балканской Антанте, нужно было убедить Румынию вернуть Болгарии Южную Добруджу. Турция делает все возможное, чтобы достигнуть такое соглашение. Исмет рассчитывает на содействие в этом деле со стороны СССР и Англии. Его заботит лишь одно — как бы Болгария, вернув Южную Добруджу, не заявила требования и на Фракию и на Дедеагач. Я сообщил Исмету о заверениях, данных мне Кьосеивановым {{* [См. док. 297.](#)}}. Исмет заявил, что может только приветствовать их. В связи с вопросом о Добрудже я ознакомил Исмета с нашим проектом зондажа Румынии. Исмет и Сараджоглу восторженно подхватили эту мысль. Они уже принялись было обсуждать, как бы поскорее приступить к зондажу. Я охладил их заявлением, что наш проект может быть осуществлен лишь при наличии уверенности, что, во-первых, мы достигнем соглашения с Турцией по вопросу о совместном противодействии агрессору и, во-вторых, удовлетворение территориальных чаяний Болгарии и Румынии обеспечивает действительное участие обеих в организации защиты против агрессора. Исмет затуманился, явно разочарован был и Сараджоглу. В конце концов условились не начинать зондажа до согласования основных позиций СССР и Турции в вопросе о противодействии агрессору. Продолжая свое изложение, Исмет отметил, что Турция готова заключить с Англией соглашение о взаимной помощи против любой итальянской агрессии. Практически такая агрессия мыслится Исметом едва ли не исключительно в Средиземном море. Что касается проливов, которым может угрожать как итальянская, так и германская агрессия, то Турция берется их защищать для охраны режима, установленного соглашением в Монтрё {{** См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. 9. М., 1938. Док. 333, а также: Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М., 1952. С. 167—170, 193—202.}}. За это Турция должна иметь помощь экономическими, финансовыми и техническими средствами, а также военным снаряжением. Кроме Англии, по-видимому, уже соглашающейся ее предоставить, Турция рассчитывает и на материальную помощь СССР. Такая система может показаться односторонней, ибо Турция пользуется помощью великих держав для защиты принадлежащих ей проливов. Но проливы имеют международное значение, и Турция, неся их охрану, служит общему делу. При прямом покушении на проливы,

наиболее вероятном со стороны Германии, Турция будет их активно защищать своими вооруженными силами при участии заинтересованных государств, не принимая, однако, на себя обязательства оказывать им помощь в других местах. Лишь в том случае, если бы итальянская или германская агрессия на Балканах приняла форму, явно угрожающую безопасности и национальным интересам самой Турции, последняя оказала бы агрессору сопротивление собственными силами. Решать этот вопрос должна сама Турция по своему усмотрению. Исмет осведомился у меня, в каком объеме и какую сразу мог бы СССР оказывать помощь Турции в проливах. Я ответил, что вопрос этот представляется преждевременным. Необходимо сперва договориться о принципиальных возможностях и условиях советско-турецкой взаимной помощи против агрессора. Я предложил, чтобы турецкое правительство сформулировало свою позицию в отношении предложений, сделанных нами Франции и Англии [{* См. док. 276.}](#). То же самое сделает и мое правительство, получив от нас из Анкары необходимые данные. В результате сопоставления позиций обеих сторон можно будет попытаться найти какую-либо общую формулу, приемлемую и для СССР, и для Турции. Исмет одобрил это предложение. Он поручил Сараджоглу дать оценку наших предложений [{** См.: СССР в борьбе за мир... Док. 271.}](#). И просил меня узнать от Вас нашу оценку турецких предложений [103](#).

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 170-173.

309. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

1 мая 1939 г.

Сегодня получены от Сараджоглу два документа. Начинаю с записки, врученной им 15 апреля английскому послу [{*** См. док. 264, а также: DBFP. Third Series, Vol. V, P 225-227.}](#). В записке констатируется параллелизм интересов Турции и Англии перед лицом «оси» в Европе и в Средиземном море, где господство Италии представило бы прямую угрозу для обоих государств. Практически намечая свою линию в данной международной обстановке, Турция учитывает, что, если она открыто и сразу займет позицию против «оси», последняя всеми своими силами обрушится на проливы. Поэтому Турции необходимо предварительно знать, чем в таком случае помогут ей Англия, Франция и СССР. Между прочим, турецкие демарши перед Советским правительством по этому вопросу еще не внесли в положение должной ясности. Записка отмечает далее, что защита проливов потребует сосредоточения всех сил Турции на этой задаче. Было бы, следовательно, не согласным с общими интересами отвлекать силы Турции для эвентуальной помощи Румынии. Наконец, если государства «оси» Увидят теперь же, что Турция идет против них, они постараются привлечь к себе Болгарию. Это сделает ее еще менее сговорчивой в отношении прочих Балканских государств. Между тем общебалканская солидарность представляет серьезное препятствие проникновению «оси» в этой части Европы. Резюмируя, записка высказывается за следующее:

1. До осуществления предполагаемого общего соглашения Турция будет формально соблюдать позицию нейтралитета.
2. С Англией она договаривается относительно подготовки к сухопутной защите проливов против «оси».

3. Обеспечивается участие СССР в соглашении.
4. Англия оказывает содействие улаживанию болгаро-румынского спора.
5. Переговоры между Англией и Турцией сохраняются в тайне.

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 179-180.

310. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

Вне очереди 1 мая 1939 г.

Передаю содержание второго документа — письма Сараджоглу от 25 апреля английскому послу. Сараджоглу резюмирует итоги предшествующих англо-турецких переговоров и переписку, отмечая, что это резюме им доложено совету министров и вытекает из письма английского посла от 20 апреля. Резюме содержит шесть пунктов:

1. Всякая война между Турцией и Италией или между Англией и Италией приводит в действие механизм англо-турецкой взаимопомощи.
2. Всякая война, явившаяся следствием агрессии со стороны «оси» и распространяемая на Балканы, также приводит в действие вышеупомянутый механизм. В особом примечании к этому пункту Сараджоглу разъясняет, что англо-турецкая взаимная помощь на Балканах действует в том случае, если возникшая там война угрожает безопасности Турции.
3. Параллельно с англо-турецким соглашением о взаимной помощи должны быть заключены «в том же духе» договоры Англии с СССР и СССР с Турцией.
4. Англия и Турция продолжают параллельно добиваться улаживания болгаро-румынского спора, чтобы обеспечить участие Болгарии в предполагаемом общем соглашении или, по крайней мере, ее нейтралитет.
5. В Лондоне немедленно начинаются англо-турецкие переговоры, при которых должны быть учтены, во-первых, первостепенные экономические интересы Турции, связанные с Германией, в частности в вопросе о вооружениях, и, во-вторых, величайшая важность сухопутной защиты проливов для дела англо-турецкой взаимопомощи. Упомянутые переговоры должны обеспечить для Турции соответствующую помощь Англии в экономической и финансовой областях, а также в военном снабжении и определить способы наиболее эффективной взаимной помощи применительно к различным обстоятельствам.
6. Договор между Турцией и Англией должен быть заключен на длительный срок, ратифицирован парламентом и опубликован. В нем не должно быть секретных статей, исключая соглашения между генштабами. В заключение Сараджоглу заявляет, что если английское правительство согласно со сформулированными в письме от 25 апреля положениями, то правительство Турецкой республики будет считать принципиальную

договоренность достигнутой и назначит уполномоченного для переговоров с английскими экспертами, предусмотренными в п. 5 письма.

С другой стороны, турецкое правительство будет ожидать результата переговоров Англии и Франции с СССР. В случае необходимости турецкое правительство согласно на опубликование сообщения, что ведущиеся между Англией и Турцией переговоры выявляют единство их взглядов.

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 181-183.

311. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом

2 мая 1939 г.

Имел продолжительную беседу с доктором Клейстом, ближайшим сотрудником Риббентропа.

Клейст нарисовал следующую картину политического положения.

По собственным словам Гитлера, сказанным им несколько дней тому назад Риббентропу, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на Востоке, которое должно быть достигнуто с помощью жестоких средств и невзирая на идеологические оговорки. За беспощадным очищением Востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов.

В настоящее время мы находимся еще на этапе военного закрепления на Востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии в марте 1939 г. — создание протектората в Богемии и Моравии, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области — были не в последнюю очередь направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции. Гитлер понял примерно в феврале этого года, что прежним путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону. Таким образом, он решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто⁹⁹. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями. Только по этой причине в германское предложение ничтоже сумняшеся вставили пункт о немыслимой самой по себе гарантии неприкосновенности границ Польши в течение 25 лет. Расчет немцев был правильным. В результате отказа Польши мы смогли фактически избавиться от германо-польского пакта о ненападении²³ и получили по отношению к ней свободу рук.

Если развитие пойдет в соответствии с германскими планами и если Польша добровольно не капитулирует в ближайшие недели, что мы вряд ли можем предположить, то в июле — августе она подвергнется военному нападению. Польский генеральный штаб считается с

возможностью военных действий осенью, после уборки урожая. Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в течение 8 — 14 дней. Нападение на Польшу должно вестись в. полную, силу одновременно с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и Восточной Пруссии и, по мнению германского генерального штаба, должно привести к полному успеху. Польские очаги сопротивления, которые останутся и которые, несомненно, будут еще возникать по всей стране, и не в малом количестве, должны подавляться в ожесточенной, но уже не имеющей международного значения малой войне.

Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю — августу. К мерам военного характера приступили лишь недавно. Они проводятся основательно и в полном объеме при строжайшем соблюдении маскировки. Политико-пропагандистская подготовка против Польши еще только-только начинается. В настоящее время подбирается материал для пропагандистской атаки против Польши. На первом плане — следующие темы: под девизом «Польша — второе мозаичное государство» следует заклеить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе; под девизом «Польша — государство реакции и упадка» будут показаны нищета польских крестьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к упадку, и голодное прозябание польского населения; под девизом «Паразиты у власти» будет показано разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс. Разрабатываются и другие, подобные этим темы. Они должны быть сведены в тезисы и лозунги и в надлежащее время опубликованы в прессе. Цель этой кампании — воздействовать на мировую общественность и польское население. Надо будет добиться раскола польской нации и инсценировать обусловленный классовым содержанием мятеж против политического руководства. Кто должен будет играть польскую роль Бенеша, нам еще пока не ясно. Рыдз-Смиглы, пожалуй, не подойдет для этого. В остальном подготовка пропагандистского наступления против Польши займет около двух месяцев.

Идеальным было бы, если бы конфликт с Польшей не был открыто вызван со стороны Германии. В настоящее время мы в Берлине изучаем вопрос об использовании украинцев в этом деле. С Волошиным {{* Глава автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г.}} и Реваем {{** Министр автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г.}} достигнута договоренность о том, чтобы в рамках Венгерского государства предоставить широкую автономию Карпатской Украине. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы ослабевшую способность украинцев к борьбе. Не требуется подвергать специальной обработке украинские руководящие круги, ибо последние события ни в коем случае не поколебали их преданности Берлину. Осуществив подобного рода подготовку, мы смогли бы затем дать Польской Украине сигнал к восстанию. Из Словакии и Карпатской Украины мы направили бы сразу же большие партии оружия и боеприпасов, а также послали бы хорошо обученные военному делу отряды сичевиков. Между Берлином и Львовом установлен такой тесный прямой контакт, что можно не сомневаться в массовом восстании украинцев. Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это — возможная реакция Советского Союза.

Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок сломим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция

побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится. Если же, вопреки ожиданиям, европейская война в связи с акцией против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше служит для западных государств лишь поводом для их войны против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отважиться на крупное столкновение. Во всяком случае, мы не дадим спровоцировать себя в невыгодное для нас время, а напротив, выбор момента действия мы оставим за собой. В настоящее время мы не согласились бы на европейскую войну вследствие нашей недостаточной подготовленности и малоблагоприятной международной обстановки; однако мы надеемся, что через 3—4 месяца мы будем полностью подготовлены. Руководители Германии убеждены в своей победе. Решающее значение будет иметь наша авиация. По расчетам германских военных специалистов, все английские порты, например, могут быть полностью разрушены в течение шести часов. Опустошающее действие германской авиации было испытано до сего времени лишь один раз: во время гражданской войны в Испании под Герникой. Успех был потрясающий. В результате массированного налета германской авиации город сровняли с землей. В связи с этим разгром Франции и Англии представляется не слишком трудным делом. Вмешательство Америки будет слишком запоздалым.

В связи с предстоящим нанесением удара по Польше сейчас в Берлине снова начали интенсивно заниматься Юго-Востоком. Мы должны ближе подойти к Румынии. Мы должны оказать непосредственное давление на Бухарест. С этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее политическое руководство — неспособным. Над расширившейся за счет включения Словакии Венгрией мы хотим затем установить германский протекторат и, таким образом, выдвинуть наши войска к румынской границе. После этого Румыния капитулирует.

В Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь место применение силы, оказание давления и угрозы (экономические переговоры с Литвой мы ведем, соблюдая в высшей степени лояльность и любезность). Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны нейтралитет Прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь место механизм соглашений между Прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР.

Итак, акция против Польши будет осуществлена в июле или августе. Если поляки попытаются спровоцировать превентивную войну ранее этого срока, то положение будет выглядеть по-иному. Ответим ли мы массированным ударом на эту польскую провокацию, зависит от решения Гитлера и оценки им международной обстановки. Во всяком случае, будет неприятно, если поляки продиктуют нам законы действия и втянут нас в войну в настоящий момент, когда международная обстановка не является благоприятной и когда подготовка Германии к войне еще не закончена.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 362-365.

312. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

3 мая 1939 г.

Сидс пришел сказать, что получил от Галифакса поручение еще пару дней тому назад, но не считал это дело достаточно важным, чтобы «тревожить меня в праздничные дни». Поручение состоит в том, чтобы заверить нас, в порядке вежливости, что британское правительство изучает наше предложение {{* [См. док. 276.](#)}} и ответ задерживается лишь вследствие занятости правительства вопросом конскрипции {{** Воинская повинность.}} и другими:

Сидсу поручено Галифаксом разъяснить также следующее недоразумение. Майский нам сообщил, будто в беседе от 11 апреля Галифакс поставил ему вопрос, в каких формах мы могли бы оказать помощь Румынии {{{* [См. док. 264.](#)}}}. Вслед за тем Майский, по нашему поручению, ответил ему контрвопросом, какую помощь Англия и Франция могут оказать Румынии, добавив при этом, что СССР со своей стороны готов такую помощь оказать {{{*** См.: СССР в борьбе за мир... Док. 230.}}}. Галифакс тогда не обратил внимания на то, что это является как будто ответом на вопрос Галифакса, ибо он уже протелеграфировал Сидсу свое предложение о нашей односторонней декларации. Галифакс, однако, не может вспомнить, чтобы он вообще ставил Майскому вопрос о нашей помощи. Не находит он следов этого также и в своих записях.

Я зачитал Сидсу соответственное место из телеграммы Майского, где совершенно определенно говорится, что Галифакс не только спрашивал о нашей помощи, а повторил уже ранее поставленный Майскому вопрос. К тому же, передавая наш ответ, Майский совершенно четко сказал, что это является ответом на вопрос Галифакса. Почему же ему тогда не было заявлено, что никакого вопроса не было? Сидс в недоумении развел руками.

На мой вопрос об англо-турецких переговорах Сидс сказал, что касательно помощи против Италии соглашение достигнуто, но в остальном турецкий ответ обусловлен переговорами с СССР.

Литвинов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 237—238. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 366.

313. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Молотова В. М. народным комиссаром иностранных дел СССР»

3 мая 1939 г.

Назначить Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова Вячеслава Михайловича по совместительству народным комиссаром иностранных дел СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин

Москва, Кремль. 3 мая 1939 г.

Известия. 1939. 4 мая.

314. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

3 мая 1939 г.

Основной вопрос, интересующий турок, касается нашего общего отношения к их переговорам с Англией и к предложениям, содержащимся в ответе Сараджоглу английскому послу от 25 апреля {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 264.}}. Между прочим, Иismet и Сараджоглу спрашивали, удовлетворено ли правительство СССР тем, что в своих переговорах с англичанами Турция категорически настаивала на участии СССР в предполагаемом соглашении. Вам придется, по-видимому, дать оценку каждого пункта турецкого письма от 25 апреля. При этом нужно будет определить, какие элементы турецких предложений мы считаем приемлемыми и совместимыми с нашими собственными предложениями, сообщенными французам и англичанам. В частности, Иismet спрашивал меня, согласится ли СССР оказывать помощь Турции в проливах и в чем такая помощь могла бы выразиться. Менеменджиоглу ставил вопрос шире и говорил о возможности распространения советско-турецкого соглашения также на Черное море и даже на Балканы.

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 270, д. 1867, л. 186. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 368—369.

315. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Анкара, 3 мая 1939 г.

Посетивший меня китайский посол Тун рассказал мне о своем разговоре с фон Папеном {{* Посол Германии в Турции.}}, которого знает еще по Вене. Папен заявил Туна, что принимал активнейшее участие в подготовке аншлюса и в занятии Чехословакии. В Турцию Папен, по его собственным словам, приехал с задачей обеспечить ее нейтралитет между «осью» и государствами противоположного лагеря. От Англии Германия хотела бы одного: свободы действий в Восточной Европе и на Балканах. Папен будто бы просил Туна разведать для него, зачем я приехал и о чем мы договариваемся с турками. Должен сказать, что к этому китайцу я отношусь с некоторым сомнением.

Потемкин

316. Телеграмма полномочного представителя СССР в Велико британии И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 мая 1939 г.

Подытоживая всю информацию, почерпнутую из печати, встреч и разговоров с различными лицами (Галифакс, Хор-Белиша, Бивербрук, Черчилль, Идеи, Гринвуд, Ллойд Джордж и другие) после моего возвращения из Москвы, могу констатировать следующее:

1. Настроение широких кругов населения везде, за исключением части Шотландии, резко антигерманское. Речь Гитлера ¹⁰² не произвела здесь большого впечатления, несмотря на то что некоторые газеты (в частности, газеты Бивербрука) на следующий день после ее произнесения заговорили о возможности каких-то новых переговоров с Германией. Необходимость сопротивления агрессии становится всеобщим убеждением. Отсюда готовность страны согласиться на воинскую повинность (лейбористская оппозиция против воинской повинности несерьезна и уже начинает разваливаться). Отсюда громадная популярность в массах идеи союза с СССР. На политических митингах и собраниях во всех концах страны каждое упоминание о таком союзе вызывает настоящую овацию. Недавно произведенный институтом опрос общественного мнения, довольно хорошо отражающий настроения страны, Показал, что 84 процента опрошенных высказались за немедленный союз с СССР.

2. Иначе обстоит дело с правительством. Конечно, общественные настроения давят на него, большинство министров сейчас стоит на точке зрения сопротивления агрессии, но пока оно не решается делать отсюда все логически вытекающие выводы. Самое важное, однако, то, что Чемберлен, Саймон и другие «умиротворители» все еще не отказались окончательно от своей мюнхенской политики. Они вынужденно отступают под напором масс и давлением логики событий, но делают это крайне неохотно, стараются свести к минимуму неизбежные уступки, а где возможно, даже пытаются вновь вернуться к методам эпохи «умиротворения» (например, возвращение британского посла Гендерсона в Берлин). Эта половинчатость позиции британского правительства сказывается на каждом шагу, в частности в вопросах о реконструкции кабинета, о воинской повинности и о наших предложениях. Чемберлен упрямо оттягивает до последнего момента введение в правительство таких людей, как Черчилль, Идеи и другие, хотя это считается здесь неизбежным в недалеком будущем. «Дейли телеграф» и пресса Бивербрука, не говоря о левой печати, уже открыли кампанию в указанном смысле. Это очень симптоматично. Чемберлен также упорно сопротивляется введению воинской повинности и, когда увидел, что вынужден уступить, добился все-таки того, чтобы пока был призван только один год, хотя вначале кабинет предполагал призвать три класса.

С нашими предложениями {{* [См. док. 276.](#)}} идет своеобразная игра. Сначала Чемберлен пытался замолчать их и оттянуть ответ, по крайней мере до речи Гитлера. Была также мысль отклонить наши предложения и вернуться вновь к английскому предложению о нашей односторонней гарантии европейским лимитрофам СССР. Однако благодаря наличию в Форин офисе сторонников союза с СССР (Ванситтарт и другие) наши предложения начали очень быстро просачиваться в печать, и к моменту моего возвращения основные положения этих предложений уже стали достоянием гласности.

Начался нажим оппозиции в парламенте, оживленная дискуссия в печати. Заговор молчания был сломлен. Правительство попало в неловкое положение и вынуждено было приступить к более серьезному обсуждению советских предложений. Мое возвращение сделало также более трудным продолжать игру в оттяжку. В результате кабинет вплотную занялся нашими предложениями, однако пока еще не ясно, к каким выводам он придет. В ближайшие дни можно ожидать тех или иных решений правительства.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 173-175. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 367—368.

317. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Немедленно 3 мая 1939 г.

Виделся с министром Россони, членом «большого фашистского совета», который рассказывал о все нарастающем здесь беспокойстве в связи с опасностью германо-польского конфликта. Местные руководящие круги все меньше верят в возможность «продуктивного» посредничества Муссолини и возмущаются Гитлером. Причин для недовольства Италии, стремящейся к польско-германскому компромиссу, три: 1) Рим все время культивировал дружбу с Польшей, рассчитывая провести через Варшаву, Будапешт и Белград свою линию влияния и опорные пункты. Сейчас же Муссолини вынужден в угоду Гитлеру активно выступать против Польши, правда, пока только в своих газетах; 2) Рим стремится направить нажим итало-германского блока на Запад, не хочет осложнений на Востоке, боится быть втянутым в конфликт во имя чрезвычайно непопулярных в стране германских интересов; 3) Рим явно рассчитывал, что польско-германская сделка содействовала бы выключению СССР из намечаемой системы англо-французской гарантии. При неучастии же в последней системе СССР итальянцы имели бы больше шансов на успех, ставя на капитуляцию Франции.

Гельфанд

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2102, л. 142.

318. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

4 мая 1939 г.

3 мая состоялось секретное закрытое совещание по международному положению эстонской государственной думы. Главнокомандующий Лайдонер в самой резкой форме заявил: «Никогда Эстония не будет выступать вместе с СССР против Германии». На днях с Германией будет заключен пакт о ненападении. Что касается СССР, то Лайдонер сказал: «С ним никаких пактов мы заключать не станем». Газетам дан строжайший приказ, чтобы ни одно слово о существовании настоящего заседания не проникло на страницы печати.

Оппозиция, ориентирующаяся на группу мирных демократических стран, выступала против установки Лайдонера.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 45.

319. Письмо вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши Т. Кобылянского послу Польши в Румынии Р. Рачиньскому

4 мая 1939 г.

В связи с последней поездкой министра Гафенку наши представительства прислали нам следующие сообщения о результатах проведенных им бесед и встреч.

Посол Липский доносит, что во время беседы министра Гафенку с канцлером Гитлером последний, по словам министра Гафенку, резко отзывался о Польше и указал на то, что последнее предложение Германии ⁹⁹ было исключительно благоприятным для Польши. Довольно агрессивно канцлер Гитлер высказывался и об Англии. Канцлер, а также Геринг весьма остро ставили вопрос о колониях. Говоря о Румынии, канцлер подчеркивал свои экономические интересы, и у г. Гафенку не создалось впечатления, чтобы у Гитлера были в настоящее время на Юго-Востоке другие, т. е. политические, цели. О Венгрии канцлер, говорил скорее без особой симпатии.

Г-н Гафенку, подводя итог, делает заключение, что в настоящее время германские требования направлены прежде всего в сторону колоний. Опасным пунктом является Гданьск. Кроме того, он опасается возможных осложнений на Средиземном море. ; На вопрос посла Липского, насколько соответствуют действительности слухи о гарантиях, которые якобы должна была дать Румынии германская сторона, Гафенку ответил, что этот вопрос он совершенно не затрагивал, чтобы не давать германской стороне оснований для выдвижения политических требований.

Затем министр Гафенку проинформировал посла Липского о своих заявлениях канцлеру и Риббентропу, сделанных в связи с беседой, которую он имел с г. Министром { { * Имеется в виду беседа Гафенку с Беком. } } во время поездки из Кракова в Катовицы. Ссылаясь на эту беседу, он подтвердил, что ни Польша, ни Румыния не входят ни в какие блоки, имеющие целью окружение рейха. Он знает, что г. министр по-прежнему хочет поддерживать хорошие отношения с Германией и вести с ней переговоры. Далее г. Гафенку указал, что ни Польша, ни Румыния не желают связывать себя с Советами.

Посол Рачиньский доносит из Лондона, что министр Гафенку заявил ему, что он убедился в том, что английское правительство не желает устанавливать тесных отношений с Советами. Министр Гафенку считает, что нынешние англо-советские переговоры не дадут конкретных результатов.

Посол Лукасевич сообщает, что министр Гафенку заявил ему, что то толкование польско-румынского союза ⁹⁵, которое имело место во время поездки из Кракова в Катовицы, было воспринято с удовлетворением французским и английским правительствами.

Министр Гафенку заявил также, что он убежден в том, что Германия попытается осуществить свое намерение быстро разрешить вопрос о Гданьске, и он серьезно опасается, что в этих целях германское правительство может прибегнуть к силе даже в самое ближайшее время. Во всех состоявшихся беседах министр Гафенку в отношении Советской России занимал позицию, идентичную позиции Польши. На вопрос посла Лукасевича министр Гафенку ответил, что румынское правительство до настоящего времени не получало от германской стороны предложений о предоставлении гарантий, аналогичных французским и английским гарантиям, но он не видел бы основания для отклонения таких гарантий, поскольку оно приняло их от Англии и Франции. Затем он добавил, что факт денонсирования Германией пакта о ненападении с Польшей¹⁰⁴ изменил ситуацию и в связи с этим вышеуказанный вопрос требует более глубокого изучения.

В связи с заявлением, сделанным послом Венявой-Длугошовским {{* Посол Польши в Италии.}}, о том, что последняя речь канцлера Гитлера ни в чем не изменила нашу принципиальную позицию в вопросе отношения к Советской России, министр Гафенку сказал послу Веняве, что об этом ему уже известно от посла Франасовичи {{** Посол Румынии в Польше.}}.

В беседе с Муссолини министр Гафенку подчеркнул, что позиция Польши исключительно спокойна и, так же как и Румыния, она неизменно враждебно относится ко всяким идеологическим блокам и, следовательно, выступает против сближения с СССР.

По словам министра Гафенку, Муссолини в беседе с ним проявил большую симпатию к Польше и одновременно высказал опасение, что, поскольку Гитлер открыто поставил вопрос о Гданьске, он не захочет отступить, а вооруженный конфликт из-за непримиримости поляков может быть чреват непредвиденными осложнениями и последствиями. На это министр Гафенку заявил, что он питает надежду на то, что еще, может быть, удастся достичь договоренности.

В результате наблюдений, сделанных во время бесед в Риме, министр Гафенку пришел к заключению, что Италия не будет активно вмешиваться в возможный конфликт.

У министерства создалось впечатление, что своей открытой, спокойной и решительной позицией министр Гафенку снискал себе доверие в Лондоне и Париже и добился положительных результатов.

Вице-директор политического департамента
Кобылянский

ИДА, ф. 2, оп. 4, д. 19, л. 40-43. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 80—81.

320. Из телеграммы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР, из Анкары

5 мая 1939 г.

Вместе с Терентьевым был принят сегодня Исметом Иненю в присутствии Сараджоглу. Наш разговор продолжался около полутора часов. Исмет начал с констатации положительного результата наших встреч в Анкаре. Он просил передать Советскому

правительству признательность за избранный нами способ контакта. Он считает, что советско-турецкая дружба вступает в новую фазу. Турецкое правительство глубоко удовлетворено отношением правительства СССР к переговорам Турции с Англией и, в частности, к намечаемому турецко-английскому соглашению о взаимной помощи на Средиземном море ¹⁰⁵. [...]

Исмет коснулся также вопроса о черноморском пакте. Он обещал со всей серьезностью и искренностью заняться этой проблемой. Для самой Турции он разрешается в положительном смысле чрезвычайно просто. Имеются лишь два затруднения, которые придется преодолеть. Во-первых, нужно примирить Румынию с Болгарией. Во-вторых, черноморский договор придется согласовать с Балканским пактом. Турецкое правительство приложит все усилия, чтобы найти способы разрешить все эти вопросы. Однако эвентуальное заключение черноморского пакта отнюдь не устраняет необходимости в соглашениях СССР и Турции с Францией и Англией в плане совместной защиты против Италии и Германии.

Исмет допускает, что Турция может в первую очередь подвергнуться нападению со стороны Германии. Он вполне согласен с мнением Советского правительства, что это нападение, вероятнее всего, произойдет с севера через Румынию и Болгарию. Исмету важно было бы заранее знать, чем поможет ему в этом случае Советский Союз. Англия и Франция обещают Турции многое; но даже при наилучших намерениях они не в силах будут оказать Турции действительную помощь, если разразится война, которая прервет сообщение между Турцией и Западом. Исмет возлагает большие надежды на железнодорожное сообщение между Турцией и СССР через Эрзурум, Сарыкамыш. Однако этого недостаточно. Турция нуждается в помощи вооружением, живой силой, авиацией и флотом. До выяснения поставленного Исметом вопроса о нашей военной помощи он хотел бы, чтобы Советским правительством была удовлетворена просьба Турции о продаже некоторых необходимых ей предметов. Апайдыну уже сообщен список этих предметов. Министр финансов, в частности, усиленно поддерживает просьбу о продаже Турции 20 000 т сахара. Что касается более серьезного военного снабжения, то Турция нуждается в танках, самолетах, противотанковой артиллерии, грузовиках, тракторах и, что особенно важно, в бензине. Исмет оговаривается, что дело идет не о больших партиях, а скорее о пополнении того, что Турция уже имеет.

Если бы Турция могла рассчитывать на такую помощь Советского Союза, она выдержала бы поединок с фашистской Германией.

Исмет уже заявил англичанам, что Турция считает необходимым заключение двустороннего советско-турецкого пакта. Он считает, что фактически Турция и СССР уже являются союзниками. Юридическое оформление этого союза может быть осуществлено тогда, когда оба правительства признают это необходимым. В заключение в явном волнении Исмет просил передать гг. Сталину, Молотову, Ворошилову и Калининну свою горячую признательность за доверие и дружбу, оказываемые ими в отношении Турции, и за искренность и прямоту, проявленные в последних переговорах в Анкаре.

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 270, д. 1867, д. 204—210. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 372—375.

321. Телеграмма полномочного представителя СССР в Швеции А. М. Коллонтай в Народный комиссариат иностранных дел СССР

5 мая 1939 г.

Отвечаем на Ваш запрос от 4 мая [106](#).

Германия 2 мая дала финнам и шведам согласие на укрепление южных островов Аланда. Две оговорки: неременная предпосылка сохранения строгого нейтралитета шведов, финнов при военных осложнениях в сфере Балтийского моря; вторая оговорка — Германия не признает передачу пересмотра конвенции {{* Имеется в виду конвенция 1921 г. по Аландским островам.}} в Совет Лиги. Германия недовольна контролем шведов над Аландом. На словах, как мне передавали, отметила сохранение за собой права как большой державы участвовать в контроле над Аландом. Под нейтралитетом шведов, финнов Германия понимает иметь их вассалами. Характерно, что предложение Германии странам Севера о пакте взаимного ненападения поступило одновременно с ответом по Аланду. Текст предложения пока не опубликован, по-видимому, есть требование обеспечения Германии шведской рудой. Печать, даже правая, настроена за отклонение немецкого предложения о пакте по примеру Голландии и Швейцарии. Несерьезные защитники пакта аргументируют, что пакт лишит Германию возможности использовать Аланд как морскую базу против СССР. На 9 мая намечено совещание четырех министров о пакте и Аланде. После ответа Италии аландский вопрос на днях будет обсуждаться в риксдаге. Пресса всех толков живо обсуждает участь переговоров Москвы—Лондона. Гадают, нет ли поворота политики СССР на Германию.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 2, п. 305, д. 2109, л. 50-51.

322. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА

5 мая 1939 г.

Как выяснил немецкий посол Отт в японском генеральном штабе, затруднения в самом японском правительстве в связи с переговорами о заключении японо-германо-итальянского союза [51](#) подтверждаются тем, что Арита и морские круги выдвинули свой план о заключении союза, обеспечивающего достаточную безопасность и гарантии, которые включаются на тот случай, если союз будет приведен в действие против Англии или Америки.

Арита и морские круги согласны заключить общий, не ограниченный условиями пакт обороны против любого государства, которое начало бы войну против какой-либо одной из трех стран, заключивших антикоминтерновский пакт, даже если в эту войну будет вовлечена Англия, Америка или Франция.

Но морские круги и Арита отказываются заключать такой пакт, в котором открыто указывалось бы, что он направлен не только против СССР, но также против Англии и других стран. Арита и морские круги кроме официального текста союзного пакта трех стран составляют особое секретное дополнение к нему. В этом секретном дополнении

статьи пакта будут расширены, предусматривая также действия против любой страны. Они хотят избежать открытых трений с Англией и Америкой, не публикуя такого текста пакта, в котором ясно указывается, что он направлен не только против СССР.

Генеральный штаб заявил, что Арита подаст в отставку, если его точка зрения не пройдет, и намекнул немецкому послу Отту, что генеральный штаб не может взять на себя ответственность пойти на раскол настоящего правительства из-за расхождения во мнениях и надеется, что германская сторона будет также настаивать на основных статьях соглашения. Посол Отт телеграфировал об этом в Берлин.

Рамзай

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 375-376.

323. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

6 мая 1939 г.

Я получил подтверждение, что Англия до сих пор противится заключению тройственного соглашения с нами ¹⁰⁷.

3 мая Бонне через Корбена вручил Галифаксу пространный меморандум, в котором отвечает на английские возражения и вновь настаивает на принятии своего проекта. В меморандуме он приводит положительные отзывы генерального штаба и заверяет англичан, что его проект «благоприятно встречен в Москве» (откуда он это взял, я не знаю).

4 мая в беседе с Корбеном Галифакс «хотя и не дал окончательного ответа», но «клонил к отказу». Мотивировал он его тем, что тройственное соглашение с участием СССР даже в том урезанном виде, в каком его предлагает Бонне, способно «вызвать и усилить осложнения в Европе». Он по-прежнему предлагал ограничиться лишь «параллельными» акциями путем односторонних деклараций. По данным Корбена, сам Галифакс колеблется и склонен был бы пойти на соглашение, но этому противится Чемберлен, которого поддерживают Саймон и Хор.

Полпред

АВП СССР, ф, 059, оп. 1, п. 3.02, д. 2090, л. 5—6. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 376.

324. Записка советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав

7 мая 1939 г.

За последние дни в Варшаву прибыли: 1) ближайший сотрудник Риббентропа Клейст с заданием определить настроение в Польше; 2) германский военно-воздушный атташе в

Варшаве полковник Герстенберг, возвратившийся из информационной поездки в Берлин; 3) германский посол в Варшаве фон Мольтке, который по указанию Гитлера был задержан почти на целый месяц в Берлине и в настоящее время, не получив директив о дальнейшей политике в отношении Польши, вновь занял свой пост. Сообщения Клейста и Герстенберга о нынешних планах Германии были идентичными. Мольтке в ответ на заданный ему вопрос заявил, что он также слышал в Берлине об отдельных частях этих планов.

Высказывания Клейста и Герстенберга свидетельствуют о следующем.

Нанесение удара Германии по Польше планировалось уже с 1938 г. В связи с этой акцией не препятствовали присоединению к Польше Тешинской области, в результате чего отношения между чехами и поляками на долгое время должны были быть испорчены, что и удалось сделать. Равным образом в связи с предстоящим нанесением удара по Польше вначале отказывали в установлении общей польско-венгерской границы. Затем такую границу наконец пообещали, чтобы продемонстрировать Венгрии, что решение зависит не от Польши, а от Германии.

Германские меры в Словакии — создание протектората и военная оккупация — являются звеном в рамках осуществления широкого военного плана, преследующего цель охвата Польши с севера и юга. То, что немецкое предложение Польше было вручено польскому послу в Берлине спустя несколько часов после оккупации Мемеля, объяснялось намерением Германии поставить Польшу в условия, исключающие принятие этого предложения⁹⁹. Если бы Польша приняла это предложение, то Гитлер мог бы связать свой первый визит в Мемель со своим первым посещением Данцига. Однако в широком немецком плане, направленном против Польши, в результате этого ничего бы не изменилось.

По мнению немецких военных кругов, подготовка удара по Польше не будет завершена раньше конца июля. Запланировано начать наступление внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через шесть часов последует вторая, с тем чтобы завершить уничтожение. Для последующего разгрома польской армии предусмотрен срок в 14 дней.

Для подготовки нападения на Польшу запланирована с большим размахом пропаганда через прессу и по радио. В ней, например, будут играть определенную роль преступления на сексуальной почве и обогащение руководящих деятелей Польши, а также эксплуатация крестьян и рабочих господствующим режимом.

Далее, приняты все подготовительные меры, чтобы инсценировать восстание в Восточной Галиции, которое в данном случае использовалось бы в качестве предлога для интервенции. Связь Берлин — Львов функционирует отлично, в частности через партию немецкой молодежи в Польше. Недовольство украинцев тем, что Карпатская Украина оставлена на произвол судьбы, устранено. Венгрию побудят предоставить украинскому населению определенные автономные права.

Можно будет рассчитывать на поддержку Венгрии, так как Венгрия должна будет получить Словакию и вместе со Словакией должна быть поставлена под защиту Германии. В результате осуществления этой меры германская армия достигнет румынской границы и сможет тем самым воздействовать на румын, позиция которых вызывает озабоченность в Берлине.

В Берлине больше никто не думает о решении польского вопроса на основе мартовского предложения Гитлера. Новые предложения с польской стороны были бы лишь отрицательно восприняты в Германии; Немецкая программа-минимум включает в настоящее время присоединение всего коридора, а по возможности также Верхней Силезии и больших частей провинции Познань, прежде всего ее важных сельскохозяйственных районов. Правда, новый, выдвинутый Гитлером лозунг гласит: «Стратегическое обеспечение границ». Но одновременно это означает: «Расширение базы снабжения». Вообще, нехватка сырья всех видов является главным движущим стимулом нынешних столь быстрых действий Германии. В свой день рождения (20 апреля) Гитлер сообщил в узком кругу, что осуществление всей программы должно теперь ускориться.

Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт.

После того как с Польшей будет покончено, Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии, сломает их гегемонию и одновременно определит Италии более скромную роль. После того как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и сырье.

Для правильной оценки этой информации необходимо сказать следующее: не может подлежать никакому сомнению то, что вышеизложенные мысли обсуждены руководящими берлинскими кругами в качестве руководства при предстоящем осуществлении германских планов. Может случиться также, что попытка осуществления целей Германии будет действительно предпринята в изложенной выше форме. Но, с другой стороны, необходимо учитывать, что концепции руководителей рейха, поскольку речь идет о тактике, как показывает опыт, быстро меняются и что каждая новая тактическая концепция излагается доверенными лицами как последняя и окончательная мудрость.

[Р. фон Шелля]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 376-379.

325. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

8 мая 1939 г.

Посол начал беседу с вопроса, означает ли уход Литвинова с поста народного комиссара иностранных дел какое-либо изменение во внешней политике Советского Союза.

Я ответил, что позиция Советского правительства, изложенная в его предложениях из восьми пунктов {{* [См. док. 276.](#)}}, переданных как английскому, так и французскому правительствам, остается без изменений. В ходе беседы я в дальнейшем пояснил, что изложенная в восьми пунктах позиция Советского правительства по вопросам международного положения остается неизменной, поскольку не произойдет каких-либо изменений в международной обстановке и в позиции других держав.

Затем посол передал мне памятную записку {{** [См. док. 327.](#)}} британского правительства на английском языке с приложением русского перевода, в которой британское правительство излагает в несколько -измененной форме свое первоначальное предложение, сделанное Сов[етскому] правительству.

Передавая предложение брит[анского] правительства, посол говорил об искреннем стремлении английского правительства к сотрудничеству с Сов[етским] пра[вительством], что Галифакс не видит принципиальной разницы между предложениями Сов[етского] пра[вительства] и настоящим предложением брит[анского] пра[вительства], что будто бы разница между этими предложениями формального характера. При этом посол пояснял, что при всей стройности и логичности советских предложений в современный критический момент вопросы формы имеют очень существенное значение. Общую установку брит[анского] пра[вительства] посол объяснял так: не допускать чего-либо такого, что Германией могло бы быть истолковано как провоцирование агрессии с ее стороны, и вместе с тем принимать меры к созданию барьера против агрессивных действий. Отсюда-де вытекает особая важность формы действий миролюбивых, держав. После этого я задал Сидсу ряд вопросов.

В связи с замечанием Сидса, что Польша будто бы отрицательно относится к указанным предложениям Сов[етского] правительства, я сказал, что у нас есть другие данные о позиции Польши. Это мое заявление Сидс не опровергал, но в более неопределенной форме повторял свое утверждение о Польше.

Я спросил, изменилась ли позиция брит[анского] пра[вительства] после известного заявления Саймона, который заявил в палате общин о принципиальной приемлемости для Англии военного соглашения с СССР. Сидс пытался уклониться от ответа на этот вопрос ссылаясь на незнакомство с этим заявлением, ссылаясь на то, что Саймон не министр иностранных дел, но сказал, что в дальнейшем не исключено рассмотрение и этого вопроса.

На мой вопрос, предполагается ли английским правительством, что кроме декларации Сов[етского] правительства будет заключена какая-либо во[енная] конвенция между Англией и СССР, Сидс уклончиво говорил о том, что последнее — дело будущего.

На мой вопрос, даны ли Англией какие-либо гарантии Бельгии, Голландии и Швейцарии, Сидс ответил, что вопрос об этих странах, находящихся на западе, не относится к рассматриваемому вопросу, что в прошлом все войны, в которых участвовала Англия, были тесно связаны с судьбами Бельгии и Голландии.

На мой вопрос, известно ли английскому правительству [предложение] французского правительства {{* [См. док. 305.](#), [306.](#)}} в связи с проектом Советского правительства {{** [См. док. 276.](#)}}, Сидс ответил, что соответствующие проекты Франция [сообщает] Англии и наоборот.

На вопрос Молотова, согласовано ли настоящее предложение Англии с Францией, Сидс ограничился ссылкой на то, что Англия знает о предложениях Франции, а Франция знает о предложениях Англии.

В конце беседы Молотов заявил, что предложение англ[ийского] пра[вительства] будет изучено Сов[етским] правительством и будет дан ответ на него.

Беседа продолжалась около одного часа.

326. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

8 мая 1939 г.

Спросив г-на Гжибовского, знаком, ли он с предложениями, которые Советское правительство сделало Англии и Франции в связи с теперешним международным положением [{* См. док. 276. }](#), я сказал о том, что до нас доходят сведения, что будто бы польское правительство относится отрицательно к этим предложениям. В связи с этим я предложил Гжибовскому ознакомиться с точным текстом этих предложений СССР и сказать, что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений. Гжибовский прочитал переданный мною текст предложений (восемь пунктов и вводную часть к ним).

После этого ознакомления Гжибовский сказал, что ему было известно содержание предложений Советского правительства, но новым для него является пункт 4 (о том, чтобы Англия заявила, что её последнее соглашение с Польшей о взаимопомощи [{** См. док. 254. }](#) направлено исключительно против Германии). Посол сказал, что у Польши нет отрицательного отношения к этим предложениям, что это дело трех государств — Англии, Франции и СССР, но у него есть сомнения по пунктам 4 и 5. Посол подробно развивал мысль об особом положении Польши, находящейся между двумя великими соседями, и [сказал], что Польша не хочет делать таких шагов, которые могли бы быть истолкованы Германией как провоцирование агрессии с ее стороны. Он подчеркивал также, что Польша ставит одной из своих главных задач сохранение издавна хороших отношений с Венгрией, которой сейчас угрожает положение Чехословакии и которую Польша ещё надеется удержать от перехода в лагерь Германии. В связи с этим Гжибовский говорил о том, что и для достижения этой последней цели Польша не должна делать ничего такого, что бы оттолкнуло Венгрию к Германии. Гжибовский возражал против пункта 4, доказывая, что нельзя требовать того, чтобы англо-польское соглашение истолковывалось как направленное исключительно против Германии. Он ссылаясь и на то, что теоретически можно допустить, что агрессивные действия против Польши Германия начнет не непосредственно, а, скажем, используя для этого Румынию и т. п. Я указал на несерьезность этого аргумента, подчеркивая, что если речь идет о взаимопомощи против агрессии, то ясно, что нужно, прямо указать, что англо-польское соглашение направлено именно против Германии. Я указал также на неприемлемость такого положения, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР, вместо того чтобы оно было направлено против агрессора, т. е. против Германии.

По пункту 5 советских предложений — о придании польско-румынскому договору 1926 г. общего характера, направленного против всякой агрессии, или же об аннулировании этого договора — Гжибовский сделал свои возражения. Предложение об аннулировании договора он рассматривает как «диктат», т. е. как навязывание чужой воли. Что же касается придания договору характера направленности против всякой агрессии, чтобы этим лишить его антисоветского острия, то Гжибовский возражал и против этого. Он пытался доказывать, что текст договора не направлен ни против одной державы и тем самым не направлен против СССР. Он не отрицал вместе с тем, что этот договор в свое

время получил политическое значение как направленный против СССР. Я предложил послу, чтобы поляки подумали о том, как устранить не соответствующее теперешней обстановке антисоветское политическое значение этого договора.

Посол обещал это сделать.

Посол с подчеркнутым интересом поставил вопрос о нашей позиции в отношении Бессарабии. На это я ответил, что Румынии нечего беспокоиться на этот счет, особенно в настоящий момент.

В заключение беседы я передал ему текст наших предложений англичанам и французам, за что он благодарил.

Беседа продолжалась около полутора часов.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 95-96. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 379-380.

327. Памятная записка, врученная послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову {{* Печатается по русскому переводу памятной' записки, врученному вместе с английским текстом.}}

8 мая 1939 г.

В работе по созданию барьера против агрессии в Восточной Европе путем принятия мер к обеспечению безопасности тех держав, над которыми наиболее висит угроза, правительство Его Величества в предпринимаемых им шагах всегда придавало бы особое значение участию в его усилиях Советского правительства. Оно сознает в полной мере, что содействие, могущее быть оказанным Советским правительством восточноевропейским странам, имело бы исключительную ценность в случае войны и что перспектива такого содействия служила бы мощным задерживающим началом против агрессии. Сообразно с этим все его стремления были направлены к изысканию средств по избежанию или преодолению некоторых присущих этому делу затруднений. Именно эту цель преследовало правительство Его Величества, предлагая Советскому правительству, чтобы оно по собственному почину сделало бы декларацию {{* [См. док. 271.](#)}} такого рода, которая, по его убеждению, послужила бы стабилизирующим началом тем, что выказала бы готовность Советского правительства сотрудничать, притом, что этот факт не причинил бы немедленных осложнений тем, кому желательно оказать содействие. В силу этого предложения Советское правительство оказало бы свое содействие в форме, которая представлялась бы наиболее приемлемой странам, являющимся жертвами агрессии, самим решившим сопротивляться и которые желали бы воспользоваться таковым содействием. Целью первоначального предложения, сделанного Советскому правительству, было претворить в жизнь эту идею.

Правительство Его Величества, однако, в свете советского контрпредложения {{** [См. док. 276.](#)}} и своего обмена мнений с другими правительствами пересмотрело свое первоначальное предложение, сделанное Советскому правительству, и оно позволяет себе передать его в следующей форме:

«Предлагается на усмотрение Советского правительства, чтобы оно огласило по собственной инициативе декларацию, в которой, делая ссылку на недавнее заявление г. Сталина по общеполитическому вопросу и принимая в соображение недавние заявления со стороны правительства Его Величества и французского правительства, коими — этими правительствами — приняты новые обязательства по отношению к известным восточноевропейским странам, Советское правительство обязалось бы, в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств, оказать немедленно содействие, если оно будет желательным, причем род и условия, в которых представлялось бы это содействие, служили бы предметом соглашения»¹⁰⁸.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 10-11. Оpubл. в изд.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 84-85.

328. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

8 мая 1939 г.

В соответствии с Вашими указаниями во время сегодняшней встречи с Чиано поставил снова вопрос о выпуске Франко всех моряков, в том числе и обещанных им немцам семерых с «Комсомола»¹⁰⁹. Чиано здесь же отдал распоряжение телеграфно предложить итальянскому послу пойти лично к Франко, добиваться выпуска всех 102 моряков и срочно сообщить о результатах. Чиано заверял меня, что итальянское правительство делает в этом вопросе все, что в его силах. Мы перешли потом к общеполитическим проблемам:

1. По словам Чиано, решение о заключении итало-германского военного союза было принято только 6-го вечером¹¹⁰. Поэтому текст протокола не мог быть выработан и подписан в Милане. Чиано примерно через две недели выедет в Берлин, где и состоится окончательно согласование и подписание договора.

2. Касаясь значения военного союза, Чиано всячески заверял меня и просил сообщить в Москву, что союз абсолютно лишен какого-либо антисоветского острия. Именно этим обстоятельством Чиано объяснял неучастие в нем Японии, опровергая сведения печати о том, что Токио заявил в Лондоне о своем согласии присоединиться к военному союзу в случае заключения англо-советского соглашения. «Весь вопрос, — говорил Чиано, — в географическом направлении острия военного союза. Мы отстаивали и отстаивали его чисто континентальное, западноевропейское, противоположное СССР направление. В этом вопросе у нас ныне существует полное согласие с Германией»⁵¹. Чиано здесь снова усиленно подчеркивал стремление Италии к улучшению и дружественности отношений с СССР.

3. Касаясь целей оформления существующего давно итало-германского военного сотрудничества, Чиано заявил:

а) покончить со всякими двусмысленностями и постоянными попытками спекулировать на якобы существующей возможности оторвать Италию от Германии; .

б) ответить на английскую политику гарантий;

в) консолидировать еще более свои силы, координируя политику в Европе.

4. Всячески подчеркивая конфиденциальность своего сообщения, Чиано сказал, что итало-германская договоренность по польскому вопросу сводится к следующему: Гитлер обещает шесть месяцев (во всяком случае, не меньше шести) ничего решительно не предпринимать против Варшавы. Нужно, мол, дать улежаться страстям и внести успокоение в настроения польского общественного мнения. Тем временем можно будет начать польско-германские переговоры. В данцигском вопросе Гитлер непримирим; однако будет найден компромисс. Более легко договориться о дороге через коридор. Чиано ясно подчеркивал, что составным элементом решения об итало-германском военном союзе было почти замирение польско-германских отношений с последующей сделкой за счет Варшавы. Последнее проведет, видимо, «когда все успокоится», Бек.

5. По поводу итало-французских отношений Чиано заявил, что «пока» Рим продолжит выжидательную политику, рассчитывая на инициативу Парижа и на его уступки.

6. В связи с приездом сюда югославского регента Чиано сказал, что целью Италии является завершение полной нейтрализации Югославии и использование ее сырьевых ресурсов, что и будет достигнуто. Рим не рассчитывает на возможность активного перехода Белграда на сторону Германии и Италии. Поэтому никаких усилий здесь не будут предпринимать к вовлечению Югославии в «антикоминтерновский пакт»¹⁰.

Временный поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2102, л. 157-159.

329. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заместителем заведующего отделом печати МИД Германии Б. Штуммом

9 мая 1939 г.

Я представляю т. Филиппова (предст. ТАСС) отделу печати Аусамта. Принимает нас заместитель директора посланник Браун фон Штумм, объясняющий в ходе беседы, что Ашман последнее время болеет и делами не занимается. Кроме того, он вообще уже семь лет на одном и том же посту, на который вступил еще до «Махтюбернаме» (т. е. прихода Гитлера к власти). Поэтому слухи о его отставке или перемещении естественны... {{ * Здесь и далее [...] сделаны в оригинале. }} После коротких общих фраз, обращенных к т. Филиппову, Бр[аун] ф[он] Штумм (не в пример обычной практике) переводит разговор на общеполитические темы, в частности о германо-советских отношениях.

Он отмечает, что Германия удовлетворена той «корректной» позицией, которую советская печать занимает в отношении польско-германских отношений, ограничиваясь информацией. Правда, советское радио по-прежнему распространяет антинемецкие сведения. Но в общем он отдает должное «корректности» советской печати и заверяет, что германская пресса, учитывая это, также изменила тон и от выпадов против СССР воздерживается.

В ответ на мои замечания о том, что мы не имеем основания считать эти моменты симптомом какого-либо изменения германской политики в лучшую сторону (для СССР), Ш[тумм] начал приводить другие доводы, а именно: 1) предстоящее заключение пактов о

ненападении с Латвией и Эстонией доказывает, что Германия не имеет активных aspirations в этом направлении; 2) упразднение Карпатской Украины хотя и сделано не прямо ради СССР, но было бы немыслимо, если бы у Германии было намерение осуществлять экспансию в сторону Украины; 3) в речи Розенберга, сказанной накануне, ни одного слова не сказано ни о СССР, ни о большевизме, хотя сама тема доклада делала бы такой экскурс вполне естественным; 4) наконец, как симптом изменения тона прессы,

Ш[тумм] рекомендовал обратить внимание на появившуюся накануне статью «Берзен цайтунг» («Маневры отвлечения») о польских планах на Украине и т. д.

Ш[тумм] не удержался от того, чтобы не развить мысли о том, что, мол, уход Литвинова, пользующегося репутацией главного вдохновителя международных комбинаций, направленных против Германии, также сможет благотворно отразиться на советско-германских отношениях.

Ш[тумм] немало разглагольствовал также о том «напряжении», какое создано в Европе в результате нового поворота британской политики. Получается так, что даже «небольшое» изменение в конституции Данцига способно вызвать войну... Англия лицемерно утверждает, что Брестский мир был хуже Версальского. Между тем границы СССР по Бресту были более выгодные, чем те, которые имеются сейчас... Брестский договор не содержал пунктов контрибуции, о разоружении и вообще не имел каких-либо дискриминационных пунктов против советской стороны...

В заключение беседы Б[раун] ф[он] Ш[тумм] еще раз настаивал на желательности улучшения наших отношений хотя бы по линии прессы. Он согласен, что надо воздерживаться от личных выпадов и оскорблений. Вообще же, если нельзя писать друг о друге ничего хорошего, то лучше воздерживаться вообще от сообщений друг о друге и т. п.

На все доводы Б[рауна] ф[он] Ш[тумма] я делал соответствующие возражения, отмечая при этом, что, поскольку германская сторона открыто и по своей инициативе вызвала ухудшение германо-советских отношений, от нее же в основном зависит и их улучшение. Советская сторона никогда не уклоняется от улучшения отношений, если к этому есть основания. Что же касается симптомов улучшения, о которых говорил Б[раун] ф[он] Ш[тумм], то, отведя или взяв под сомнение большинство из них, я отметил, что, даже условно допустив некоторые из них, мы не имеем пока никаких оснований придавать им серьезное значение, выходящее за пределы кратковременного тактического маневра.

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 199-201.

330. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Литвы в СССР Л. Наткявичюсом {{* Вручил верительные грамоты 16 мая 1939 г.}}

10 мая 1939 г.

Литовский посланник Наткявичюс пришел представиться по случаю назначения в Москву. В беседе посланник сказал, что взаимоотношения с Польшей несколько улучшаются, хотя между Литвой и Польшей граница еще не установлена и пакта о ненападении еще не заключено. В отношении Германии посланник ответил большой

нажим по экономической линии, особенно после захвата Клайпеды. Посланник подчеркнул, что если и будет некоторое дальнейшее усиление экономических связей между Литвой и Германией, то, во всяком случае, Литва не пойдет на серьезное ослабление экономических связей с Англией и СССР, которыми она весьма дорожит. На мой вопрос, дает ли что-либо Литве Балтийская Антанта {{* См.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Прим. 38.}} (Литва, Латвия, Эстония), посланник ответил, что Балтийская Антанта укрепляет международное положение Литвы и пользуется большим сочувствием Англии и Франции. Посланник, кроме того, сказал, что Литва относится положительно к даче со стороны СССР гарантий одностороннего характера, но ничего не мог сказать о том, как к вопросу о гарантиях относятся Латвия и Эстония. Посланник выражал надежду, что и в дальнейшем СССР будет дружественно относиться к Литве. Беседа продолжалась 15 минут.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 12.

331. Сообщение ТАСС

10 мая 1939 г.

По полученным из Лондона сведениям, агентство Рейтер сообщило по радио, что английский ответ {{** [См. док. 325., 327.](#)}} на предложение СССР {{{* [См. док. 276.](#)}}} содержит следующие основные контрпредложения: во-первых, Советский Союз должен дать гарантию в отдельности каждому государству, граничащему с ним, и, во-вторых, Англия обязуется оказать помощь СССР, если последний вступит в войну в результате выполнения взятых на себя гарантий. На основании данных, полученных в авторитетных советских кругах, ТАСС может заявить, что это сообщение агентства Рейтер не вполне соответствует действительности. Советское правительство действительно получило 8 мая «контрпредложения» английского правительства, против которых не возражает и французское правительство. В этих предложениях не говорится, что Советское правительство должно гарантировать каждое в отдельности государство, граничащее с СССР. Там говорится о том, что Советское правительство должно оказать немедленное содействие Великобритании и Франции в случае вовлечения этих последних в военные действия во исполнение принятых ими на себя обязательств по отношению к Польше и Румынии. Однако в «контрпредложениях» английского правительства ничего не сказано о какой-либо помощи, которую должен был бы получить на основе взаимности Советский Союз от Франции и Великобритании, если бы он равным образом был вовлечен в военные действия во исполнение принятых им на себя обязательств в отношении тех или иных государств Восточной Европы.

Известия. 1939. 10 мая. .

332. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову, из Варшавы

10 мая 1939 г.

Имел часовой разговор с Беком ¹¹¹ Получил некоторую информацию о состоянии польско-германских отношений. Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять. По своему обычаю, резюмируя в конце беседы основное содержание разговора, я отчетливо сформулировал еще раз это заявление Бека, и он его подтвердил. Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала. Подробнее информирую о разговоре по приезде.

Потемкин

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 126. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 389.

333. Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

10 мая 1939 г.

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

1. Несомненно, самым характерным явлением последних 10 — 12 дней (уже после моего возвращения из Москвы) нужно считать известное оживление в лагере сторонников мюнхенской политики.

Формальным поводом для этого оживления была речь Гитлера от 28 апреля ¹⁰², но действительные причины нынешнего рецидива «умиротворения» лежат значительно глубже. Мне уже не раз приходилось указывать на то, что «душа души» Чемберлена в области внешней политики сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран. Однако с середины марта дальнейшее проведение такой политики в открытом виде сделалось для премьера очень затруднительным. Ликвидация Чехословакии, аннексия Мемеля, захват Албании, экономическое и политическое наступление Германии на Балканах, с одной стороны, ярко демонстрировали трудность сговора с агрессорами по сколько-нибудь сходной цене, а с другой стороны, создали в самой Англии такие настроения в широчайших кругах общественного мнения, которые делали для Чемберлена опасным прямолинейное следование политике «умиротворения». В результате премьеру пришлось маневрировать, несколько отступить от своих первоначальных позиций, провозгласить необходимость сопротивления агрессорам и даже пойти на такие необычные для британской политики акты, как введение конскрипции и предоставление гарантий Польше, Румынии и Греции. Тем не менее с самого начала было совершенно ясно, что Чемберлен идет по пути так называемой «новой политики» крайне неохотно, на каждом шагу упираясь и все время выжидая момента, когда можно было бы вновь свернуть на столь знакомый ему путь политики «умиротворения». И вот речь Гитлера от 28 апреля, а также тот факт, что на протяжении последних трех-четырех недель ни Германия, ни Италия не совершили никаких новых актов явной агрессии, показались Чемберлену и его сторонникам подходящим поводом для попытки оживления мюнхенских настроений.

2. Внешние проявления этого рецидива «умиротворения» весьма разнообразны. Началось, как всегда, с газеты «Таймс». Этот орган, находящийся в теснейшей связи с премьером и

его окружением, с первых чисел мая начал помещать серию писем в редакцию от видных представителей мюнхенской политики (лорд Рашбрук, Джемс Марриот и другие), усердно доказывавших, что речь Гитлера «открывает пути» для новых переговоров с Германией и что нужно сделать «еще одну попытку» договориться с агрессорами. Одновременно в целом ряде газет стали появляться явно инспирированные сообщения в том духе, что безоговорочное принятие советских предложений [{* См. док. 276.}](#) было бы опасно, ибо «союз с СССР» мог бы раздражить Японию, взволновать генерала Франко, оттолкнуть от Англии ее старинную союзницу Португалию. В правительственных кругах вновь, как и несколько месяцев назад, выявились знакомые нотки «умиротворительных» настроений. Чемберлен, в течение всей прошлой недели бомбардируемый в парламенте запросами оппозиции о ходе англо-советских переговоров, стал явно раздражаться и говорить грубости, переходящие подчас в откровенную наглость. Однако самым важным проявлением рецидива «умиротворения» был ответ британского правительства на наши предложения, врученный Вам Сидсом 8 мая [{** См. док. 327.}](#).

3. Насколько прочен и серьезен этот рецидив? Ответ на этот вопрос будет в сильнейшей степени зависеть от ближайших шагов Гитлера и Муссолини. Всякий новый акт агрессии с их стороны неизбежно должен будет нанести удар нынешнему оживлению мюнхенских настроений в известных лондонских кругах и заставить даже Чемберлена вновь вернуться на путь организации блока против агрессора. Конкретно это должно было бы означать принятие британским правительством существа наших предложений.

Именно поэтому можно ожидать, что Чемберлен в ближайшее время не поспежит на усилия «мирным путем» урегулировать наиболее острые вопросы момента, в частности, например, вопрос о Данциге. Однако подлежит сомнению, возможен ли сейчас даже новый Мюнхен, ибо, с одной стороны, аппетиты Гитлера и Муссолини уже как будто бы переросли столь «отсталые», методы политики, а с другой стороны второе издание «Мюнхена» вызвало бы в самой Англии такую реакцию, которую нынешнее правительство, вероятно, не смогло бы пережить. В самом деле, не подлежит ни малейшему сомнению, что настроение самых широких масс — не только рабочих, но и мелкобуржуазных и среднебуржуазных и даже значительной части буржуазной верхушки — раздраженно-антигерманское и настойчиво требующее сопротивления агрессорам. В соответствии с этим настроение тех же широких масс безусловно за военный союз с СССР. Несколько дней назад Институтом общественного мнения, регулярно регистрирующим колебания общественных настроений в Англии, была произведена новая анкета, которая дала следующий результат: 87% всех опрошенных поддерживали идею немедленного союза с СССР. В высшей степени любопытна была также здешняя реакция на уход т. Литвинова. В течение первых трех дней вся английская пресса усиленно спекулировала по вопросу о причинах ухода и о значении данного факта. Было выдвинуто много самых разнообразных, подчас совершенно фантастических теорий. Однако как красная нить через все эти рассуждения английской печати проходил один тревожный вопрос: а не означает ли это изменение всего курса советской политики? Не означает ли это отказ СССР от сотрудничества с Англией и Францией? И не только в печати. Мне известно, что 4 мая, т. е. на другой день после того, как уход т. Литвинова стал известен в Англии, в Форин офисе царил настоящая паника и настроение там стало несколько успокаиваться лишь с 5 мая, после того как были получены сравнительно успокоительные сообщения от Сидса в том смысле, что уход т. Литвинова отнюдь не означает смены политики. Тем не менее, как Вы знаете, даже еще 6-го утром Галифакс счел необходимым совершенно официально меня спросить, остается ли в силе та внешняя политика, которую СССР вел до сих пор. Наконец, надо иметь в виду еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Англия уже дала гарантии Польше, Румынии и Греции. Она уже связала себя. Каждому ребенку, однако, ясно, что реализация этих гарантий немыслима без

активного сотрудничества с СССР. Отказ от такого сотрудничества в нынешней обстановке, когда все три названные страны находятся под ударом, означал бы либо военное поражение англо-французов (если бы они захотели выполнить свои обязательства), либо столь тяжелый удар по их престижу (в случае невыполнения обязательств), что не только они потеряли бы большую часть своего влияния в международной сфере, но в недалеком будущем начался бы распад их колониальных империй. Суммируя все указанные обстоятельства, я склонен прийти к выводу, что нынешний рецидив политики «умиротворения» едва ли имеет шансы на долгую жизнь и что логика вещей должна толкать Англию по линии сопротивления агрессорам.

Полпред СССР в Великобритании
И. Майский

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 5, д. 36, л. 6—9. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 386-388.

334. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 мая 1939 г.

Принимаю к точному руководству вашу директиву от 9 мая 1939 г.¹¹² Хочу сообщить только, что во время обеих встреч с Папенем, при которых присутствовал секретарь полпредства Коген, беседы, продолжавшиеся по 40—50 минут, протекали взаимно в корректной и вежливой обстановке, причем Папен, в отличие от многих других коллег по дипкорпусу, охотно и уверенно касался целого ряда актуальных вопросов внешнеполитического порядка.

У меня сложилось определенное впечатление, что Папен, возможно по директиве из Берлина, решил внешне демонстрировать лояльное отношение к представителям Советского Союза, что мы совершенно не видели на протяжении последнего года со стороны предшественников теперешнего немецкого посла. Некоторое значение, очевидно, следует придать дважды сделанному Папенем заявлению, подробно записанному мною в посылаемой вам беседе о том, что хотя сейчас и отсутствуют между СССР и Германией сердечные отношения, однако различие идеологий и режимов обеих стран не должно служить препятствием к сближению этих государств. «Идеологии надо оставить в стороне и вернуться к бисмарковским временам дружбы. СССР и Германию,— сказал Папен,— не разделяют никакие противоречия».

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2028, л. 10-11.

335. Из телеграммы посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу

10 мая 1939 г.

[...] Как Бонне, так и британский посол оптимистично настроены в отношении будущего.. Оба они считают, что включение Советского Союза, Турции, Румынии и Польши в фронт против германской агрессии, наряду с возрастающей военной мощью Англии и Франции и при растущих экономических и финансовых трудностях в Германии и Италии, в следующие два месяца с очевидностью покажет, что соотношение сил определенно не в пользу Германии и Италии. Они считают, что Германия и Италия уже сейчас настолько не уверены в соотношении сил в свою пользу, что не осмелятся начать войну. Оба они ожидают, что в течение следующего месяца последует ряд кризисов, однако считают, что в конечном счете Германия и Италия будут вынуждены вести переговоры примерно на той основе, которая была предложена президентом в его послании Гитлеру и Муссолини ¹¹³.

Кстати, британский посол сказал мне сегодня, как он уже дважды говорил мне в последнее время, что его правительство в настоящее время опасается только одного: Риббентроп, как определенно известно британскому правительству, пытается доказать Гитлеру, что Германия может воевать с Францией и Англией безнаказанно, поскольку совершенно определенно, что Англия и Франция даже не смогут получить военного снаряжения из Соединенных Штатов. Последнее обсуждение закона о нейтралитете ³⁹ приводится Риббентропом в качестве доказательства того, что Соединенные Штаты в случае войны не будут продавать военное снаряжение и самолеты ни Франции, ни Англии. Британское правительство считает поэтому в высшей степени важным, чтобы изменение закона о нейтралитете было осуществлено, если это возможно, в скором времени. Такое изменение закона о нейтралитете лишило бы Риббентропа всякой возможности убедить Гитлера пойти на риск не медленного развязывания войны. Вчера вечером Бонне сказал мне то же самое.

Булли

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 389-3.90.

336. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

11 мая 1939

Я принял посла по его просьбе. Гжибовский начал разговор извинений, что неточно информировал меня в предыдущей беседе {{* [См. док. 326.](#)}} о позиции польского правительства в отношении сделанных с стороны Советского правительства предложений Англии и Франции {{** [См. док. 276.](#)}}. Высказывая в прошлый раз свое в общем положительно отношение к этим предложениям, он неточно изложил позицию польского правительства. Посол прочитал по записке инструкции полученные им из Варшавы. В этих инструкциях обращают на себя внимание два пункта. Во-первых, польское правительство заявляет, что инициатива Франции в переговорах о гарантировании Польши не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало. Во-вторых, Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности. Вместе с тем посол, отвечая на мой вопрос, сказал, что Польша не может быть против заключения пакта о

взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, считая, что это дело самих этих государств.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в таком пакте, посол отвечал уклончиво, перечитывая полученные инструкции.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в гарантировании граничащих с СССР европейских государств, посол отвечал, что это не должно относиться к Польше. Он пояснял, что он говорит это в отношении данного момента, но что в дальнейшем вопрос может встать и иначе.

Вся беседа свидетельствовала о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласием на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее.

Беседа продолжалась час с четвертью.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 110. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 393-394.

337. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с временным поверенным, в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

11 мая 1939 г.

1. После взаимных приветствий Пайяр заявил, что он пришел не для того, чтобы вести переговоры. Переговоры ведутся в Париже. Его визит носит информационный характер и может быть полезным в том отношении, что он помешает возникновению каких-либо недоразумений.

2. Я поставил перед Пайяром вопрос о недопустимой задержке французским посольством выдачи виз на въезд во Францию советским гражданам. Если задержки в выдаче виз вызваны какими-либо неправильностями со стороны советских органов, то пусть посольство сообщит об этом и меры к устранению таких неправильностей будут немедленно приняты. Пайяр заявляет, что он приложит все усилия к быстрейшему разрешению этого вопроса. В настоящее время он сможет, не советуясь с Парижем, выдать визы советским гражданам, едущим во Францию по делам, связанным с фирмой «Савуазен», и направляемым во Францию сотрудникам торгового представительства. Относительно других виз он немедленно протелеграфирует в Париж и надеется, что вопрос будет разрешен благоприятно.

3. Пайяр говорит, что он желает привлечь внимание народного комиссара к делам об арестованных в СССР французских гражданах. Он не собирается говорить о деталях, так как т. Рош {{* Исполняющий обязанности заведующего III западным отделом НКВД СССР.}} в курсе всех этих дел, а лишь обращает внимание наркома на эти вопросы. При этом Пайяр говорит, что он не связывает этого вопроса с предыдущим.

Я указал Пайяру, что данный вопрос ни в коей мере не связан с предыдущим: там дело шло о свободных гражданах, которые не могут из-за неполучения виз осуществить деловые поездки во Францию.

4. Пайяр спросил, в связи с уходом т. Литвинова из НКВД, будет ли советская политика такой, как она изложена в советских предложениях от 18 апреля [{{** См. док. 276.}}](#).

Я ответил на этот вопрос утвердительно и добавил, что Пайяру должно быть хорошо известно, что во французском и английском правительствах чаще происходят смены министров, не вызывая особых осложнений.

5. Пайяр спросил, можно ли считать, что опубликованная сегодня в «Известиях» статья «К международному положению» выражает мнение правительства. Я ответил, что это мнение газеты.

Я обратил внимание Пайяра на заголовок «Известий»; Прежде «Известия» являлись органом ЦИК СССР, теперь же в заголовке указано, что это орган Советов депутатов трудящихся, которые являются местными органами. Я подтвердил дальше, что тем самым «Известия» нельзя считать официозом.

Далее Пайяр говорил, что у него создалось впечатление, что в статье главное ударение поставлено на вопрос о взаимности. Так ли это? Я ответил на это утвердительно.

Затем Пайяр просил объяснения по той фразе статьи, в которой говорится: «Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей и т. д.». Пайяр спросил, почему здесь сказано, что СССР не имеет договора о взаимопомощи с Францией, в то время как такой договор существует. Не означает ли фраза, в которой говорится, что СССР не имеет договора с Англией и Францией, что в СССР рассматривают политику Англии и Франции как одну, общую, англо-французскую политику. Я ответил, что было бы неправильным делать такое обобщение. Англия есть Англия, Франция есть Франция. Что же касается фразы, о которой говорит Пайяр, то она является формально неточной. У СССР нет договора о взаимной помощи с Англией. У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос о том, эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование.

6. Я сказал также, что мы считаем английские контрпредложения согласованными с французским правительством. Пайяр ответил, что он запросит об этом свое правительство. Что же касается его лично, то ему кажется, что здесь есть какое-то недоразумение, и он приложит все усилия к тому, чтобы выяснить истинное положение вещей. Вместе с тем Пайяр удивился, что в коммюнике не упомянуто о французских контрпредложениях [{{* См. док. 292.}}](#), которые идут значительно дальше английских. Английское правительство об этих контрпредложениях знает, но это не означает, что английское правительство с ними согласено.

7. Пайяр говорит, что английский посол Сидс, рассказывая Пайяру о своей беседе со мной, сказал ему, что он говорил мне о колебаниях Польши по вопросу о согласии на союз с СССР, а я будто бы сказал Сидсу, что мнение Польши за последнее время изменилось.

Я ответил Пайяру, что в связи с заявлением Сидса, будто бы Польша отрицательно относится к предложениям СССР, мною было сказано Сидсу, что у нас имеются другие сведения по этому вопросу [{{** См. док. 325.}}](#).

АВП СССР, ф.06, оп. 16, п. 27, д. 1, л. 7-10.

338. Передовая статья газеты «Известия» «К международному положению»

11 мая 1939 г.

За последние недели произошли некоторые события, существенно изменившие положение в Европе. Мы имеем в виду, во-первых, последнюю речь Гитлера в рейхстаге ¹⁰² и, во-вторых, заключение военно-политического союза между Италией и Германией ¹¹⁰. Политические деятели западных держав обычно указывают, что эти два события не внесли никаких изменений в положение в Европе. Это, конечно, неверно. Более того, это ложь, ибо такое указание имеет своей целью обмануть общественное мнение. На самом деле эти два события создали поворот к худшему во всей политической обстановке.

Благодаря выступлению Гитлера в рейхстаге исчезли два серьезнейших договора, регулировавшие до этого времени отношения между Англией и Германией, с одной стороны, между Германией и Польшей, с другой стороны. Был морской договор между Англией и Германией ³. После выступления Гитлера не стало этого Договора. Был договор о ненападении между Польшей и Германией ²³. После выступления Гитлера не стало этого договора. Как можно утверждать, что внезапное уничтожение двух важнейших договоров не внесло никаких изменений в международное положение!

Что касается заключения военно-политического союза между Италией и Германией, то этот факт нанес дальнейший удар существовавшему до этого акта положению в Европе. До заключения этого договора Германия и Италия представляли две «параллельные» политики, которые, несмотря на законы геометрии, довольно часто сходились около единой оси, но могли и не сходиться. Существовали даже надежды у некоторых государств, а то и прямо расчеты оторвать Италию от Германии, изолировать Германию. Теперь этим надеждам и расчетам кладется конец. Нет больше двух «параллельных» политик. Теперь Европа будет иметь дело с единой общей и военной политикой, германо-итальянской политикой, направленной своим острием, как говорят сами авторы договора, против Англии и Франции. Как можно утверждать, что это важное событие не внесло никаких изменений в положение в Европе!

Советские люди не раз утверждали, что антикоминтерновский пакт ¹⁰, объединяющий Германию, Италию, Японию, есть маска, скрывающая блок агрессивных государств против Англии, Франции. Советским людям не верили и высмеивали их. Теперь, однако, ясно для всех, что превращение антикоминтерновского пакта Германии и Италии в военно-политический союз этих государств против Англии и Франции есть несомненный факт.

Несомненно, что после захвата Чехословакии и Албании аннулирование двух договоров Германией и заключение военно-политического союза между Германией и Италией представляют наиболее серьезные события, в корне ухудшившие положение в Европе.

Все эти обстоятельства создали условия, на почве которых усилились поиски демократическими государствами путей и средств, необходимых для того, чтобы создать единый фронт мира против развертывающейся агрессии.

На этой же почве возникли переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой стороны, об организации эффективного фронта мира против агрессии.

Зарубежные политики и деятели прессы пускают всякого рода клеветнические слухи о позиции СССР в этих переговорах, приписывая ему требование заключения прямого

военного союза с Англией и Францией и чуть ли не немедленного приступа к военным действиям против агрессоров. Нет необходимости доказывать, что эта нелепица не имеет ничего общего с позицией СССР. СССР считал и продолжает считать, что если Франция и Англия в самом деле хотят создать барьер против агрессии в Европе, то для этого должен быть создан единый фронт взаимопомощи прежде всего между четырьмя главными державами в Европе — Англией, Францией, СССР, Польшей — или, по крайней мере, между тремя державами — Англией, Францией, СССР,— с тем чтобы эти три державы, связанные между собой на началах взаимности пактом взаимопомощи, гарантировали другие государства в Восточной и Центральной Европе, находящиеся под угрозой агрессии {{* [См. док. 276.](#)}}.

Необходимо констатировать, что эта ясная, в корне оборонительная и миролюбивая позиция СССР, основанная к тому же на принципе взаимности и равных обязанностей, не встретила сочувствия со стороны Англии и Франции. Как известно, Англия с согласия Франции выступила с контрпредложениями {{** [См. док. 327.](#)}}. В своих предложениях Англия обходит вопрос о пакте взаимопомощи между Францией, Англией и СССР и считает, что Советское правительство должно оказать немедленную помощь Англии и Франции в случае вовлечения этих последних в военные действия при исполнении ими принятых на себя обязательств по гарантированию Польши и Румынии, при этом Англия умалчивает о помощи, которую, естественно, должен был бы получить СССР, исходя из принципа взаимности, от Франции и Англии, если бы он оказался вовлеченным в военные действия при исполнении взятых на себя обязательств по гарантированию тех или иных государств Восточной Европы.

Выходит, таким образом, что при этой комбинации СССР должен попасть в неравное положение, хотя обязательства будут у него такие же, как у Франции и Англии. Мы уже не говорим о том, что интереснейший вопрос о фактическом отпоре агрессии и о сроке начала такого отпора при этой комбинации предоставляется на разрешение одной лишь Англии или Франции, хотя тяжесть отпора должна лечь главным образом на плечи СССР в силу его географического положения.

Нам возражают, что, защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция фактически защищают западную границу СССР. Это неверно. Во-первых, западная граница СССР не ограничивается Польшей и Румынией. Во-вторых, — и это главное, — защищая Польшу и Румынию, Англия и Франция защищают самих себя, а не западную границу СССР, ибо у них имеется пакт взаимопомощи с Польшей, обязанной в свою очередь защищать Англию и Францию от агрессии. Что касается Румынии, то она, имея союзный договор с Польшей ⁹⁵, должна будет идти по фарватеру Польши, т. е. должна фактически сыграть роль косвенного союзника Англии и Франции. Иначе обстоит дело с СССР. Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей, СССР обязывается оказать помощь всем этим трем государствам, не получая от них никакой помощи, причем в случае агрессии, направленной прямо против СССР, последний вынужден обходиться только лишь своими собственными силами.

Получается опять же неравное положение для СССР.

В своем выступлении 10 мая в палате общин великобританский премьер Чемберлен говорил о сотрудничестве, о союзе с СССР. Но сотрудничество предполагает взаимность как свою естественную основу. Там, где нет взаимности, нет возможности наладить настоящее сотрудничество.

Известия. 1939. 11 мая.

339. Письмо советника посольства Германии в Великобритании Э. Зельцама заведующему отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Виллю

11 мая 1939 г.

Хотел бы Вам сообщить, что г. Генри Друммонд-Вольф {{* Деятель английской консервативной партии, член парламента.}} снова выехал в Берлин. И на этот раз поездка носит исключительно частный характер. Однако она совершается с ведома ближайших, экономических советников премьер-министра. Друммонд-Вольф намерен посетить Вас.

Он сообщил мне в доверительном порядке, что незадолго до отъезда виделся с сэром Горасом Вильсоном, с которым имел продолжительную беседу. Как сообщил он мне далее, опять-таки в конфиденциальном порядке, Оливер Стэнли в продолжение переговоров, которые он, Друммонд-Вольф, вел в свое время в Берлине, хотел во время визита в Берлин, на который он рассчитывал в свое время, затронуть вопрос о частичном отказе Англии от права наибольшего благоприятствования на Балканах в пользу Германии. Это он считает фактом.

Учитывая, что Друммонд-Вольф сообщил мне об этом конфиденциально, я был бы благодарен Вам, если бы Вы не дали заметить ему, что Вы в курсе дела.

Зельцам

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 394.

340. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

12 мая 1939 г.

Рефик Сайдам зачитал в парламенте текст англо-турецкого соглашения {{** См.: Documents on British Foreign Policy. 1919 — 1939. Third series. Vol. V. London, 1952. P. 537; а также: Известия. 1939. 14, 15 мая.}} сегодня в 4 час. 30 мин. и в связи с этим сделал пространное заявление, указав, что в последнее время в Европе имело место особенно активное развитие военно-политических событий. Премьер подчеркнул особую важность для политических деятелей работать в направлении сохранения мира во всем мире. До сих пор, сказал далее Сайдам, турецкое правительство стремилось насколько можно охранить свою страну от угрожающих событий, придерживалось принципа «нейтралитета как верного выражения политики мира». Однако с момента, когда угрожающие события распространились в район Балкан и когда вопрос безопасности Средиземного моря «снова дал почувствовать себя в национальной жизни Турции», турецкое правительство пришло к выводу, что все это крайне интересует его с точки зрения национальной безопасности и поэтому «для него было невозможно оставаться дальше нейтральным и индифферентным, если оно не хотело видеть свою нацию подверженной ужасной опасности». Рассматривая Средиземное море как своего рода «общую родину» заинтересованных в этом море государств, турецкое правительство в то же время считает своей обязанностью «препятствовать всяческому популзновению со стороны кого-либо установить гегемонию.

Учитывая это и чтобы иметь максимум шансов для предотвращения военной катастрофы, турецкое правительство решило присоединиться к странам, объединившимся для дел мира с целью мирного сотрудничества с ними, но и не отступающими перед войной, если к ней необходимо прибегнуть». Турция, как европейская страна, по словам Сайдама, не могла остаться в стороне от серьезных событий, которые «могли бы отразиться на жизни нации в результате опасности войны и мирных начинаний в Европе».

Переходя к изложению взаимоотношений с Великобританией, Сайдам сказал, что Турция решила занять место рядом с Англией «в одной общине мира, защиты и безопасности, которая не направлена ни против одной страны и не преследует цели окружения какого-либо государства, а, наоборот, ставит задачей оградить народы от трагической катастрофы, которая могла бы быть для них в результате войны». Отношения с Англией Сайдам характеризовал как прочные и сердечные, основанные на доверии и дружественных их связях, позволивших обеспечить «в развитии политики обоих государств идентичность взглядов». По словам премьера, Англия и Турция стали на путь консультации, «носившей отпечаток большой сердечности», сразу же, как только внешнеполитическая обстановка приняла «исключительно тревожную форму на Балканах». Этой консультацией закончилась совместная турецко-британская декларация, которая мной уже была передана текстуально на французском языке на имя Потемкина. Декларация расценивается турецким правительством как серьезнейший фактор, преследующий одну цель — мир и безопасность, уменьшая шансы возникновения войны. Называя Англию союзником, Сайдам подчеркнул, что вслед за окончательным соглашением с Великобританией, которое последует за этой декларацией, турецкое правительство ведет «дружеские переговоры с французским правительством, выражая надежду, что они вскоре закончатся так же благоприятно, как это имело место с Англией».

Турецкое правительство, заявил Сайдам, «будет продолжать наиболее близкие и наиболее сердечные контакты с нашим великим соседом и другом Республикой Советов. Общность наших взглядов и интересов показывает нам, насколько ясным является путь сотрудничества, который открывается перед нами. Визит, который господин Потемкин сделал нам совсем недавно в Анкару, позволил нам признать, что нас объединяют полная аналогия взглядов и понимание и что нашей завтрашней политике предназначено развиваться на этих же основах».

Говоря о Балканской Антанте как об организме, призванном служить делу мира, Сайдам подчеркнул, что Турция питает надежду на еще большее расширение блока Балканских государств, призванного защищать истинные балканские интересы. Выступившие после Сайдама Сафет Арыкан, Фетхи Окьяр и Кязым Озальц {{ * Соответственно: председатель парламентской комиссии по иностранным делам; депутат парламента с мая 1939 г.; министр юстиции и депутат парламента. }} подчеркнули важность заявления, сделанного премьером о дальнейшем развитии советско-турецких дружественных отношений, причем следует отметить, что как слова Сайдама, так и Фетхи об СССР трижды сопровождались единодушными аплодисментами всех депутатов парламента. Так же было встречено темпераментное заявление Окьяра о готовности Турции с оружием в руках защищать свою национальную независимость от опасности германо-итальянской агрессии. Декларация была утверждена парламентом единогласно. Характерно, что, кроме нас, англичан, французов, румын, греков и югославов, никто из остальных членов дипломатического корпуса на заседании меджлиса не присутствовал. Сегодня сразу же после заседания меджлиса Сайдам пригласил меня в отдельную комнату и в самых теплых выражениях говорил об удовлетворении, которое получили руководители турецкого правительства от недавних встреч с Потемкиным. Эти встречи позволили установить полную общность взглядов по вопросу взаимоотношений между обеими странами,

связанными узами братской дружбы. Сайдам считает, что в ближайшее время должны быть начаты переговоры между представителями СССР и Турции по конкретным вопросам, положительное решение которых юридически оформит фактический союз, существующий между обоими государствами.

Говоря о Папене, Сайдам сказал, что турецкое правительство было осведомлено о миссии германского посла, которая заключается в том, чтобы помешать дальнейшему сближению Турции с Англией и СССР. Папен рассчитывал на использование своих бывших связей в Турции, установленных в период мировой войны. Однако эта миссия Папена не увенчалась успехом. Германский посол, выезжающий на днях в Берлин, считает Сайдам, обратно в Анкару, по всей вероятности, уже больше не вернется.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2028, л. 16-21.

341. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину

12 мая 1939 г.

Уважаемый Владимир Петрович,

Из моих телеграфных сообщений и записей в дневниках Вы можете заметить, что немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений. Отбросив все нелепые слухи; фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, можно пока констатировать как несомненный факт лишь одно — это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас. Исчезла грубая ругань, советские деятели называются их настоящими именами и по их официальным должностям без оскорбительных эпитетов. Советское правительство называется Советским правительством, Советский Союз — Советским Союзом, Красная Армия — Красной Армией, в то время как раньше эти же понятия передавались другими словами, которые нет надобности воспроизводить. Это изменение тона — несомненный факт, который стоит отметить, так же как и то обстоятельство, что Розенберг совершенно не упомянул ни о СССР, ни о «большевизме» в своем последнем сугубо идеологическом выступлении.

При желании можно было бы причислить к числу симптомов улучшения такие моменты, как полное удовлетворение немцами наших претензий по поводу заказов у «Шкода»⁹⁸. Тот факт, что директор отдела печати { * Браун фон Штумм — заведующий отделом печати МИД Германии. } (несомненно, не без указаний свыше) счел нужным чуть не час беседовать со мной, доказывая отсутствие у Германии агрессивных намерений в отношении нас, в то время как раньше разговоры в аусамте { * Министерство иностранных дел Германии. } дальше непосредственных практических тем обычно не шли, тоже является некоторой новинкой.

Но, отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на их исключительно поверхностный, ни к чему не обязывающий немцев характер. Печать может изменить тон в обратную сторону в любой момент, так как никакого принципиального отхода от прежней линии она не выявила, став лишь более сдержанной в отношении нас и

корректней. Восстановить Прикарпатскую Украину будет (при немецких отношениях с Венгрией) тоже делом нетрудным ³⁵. Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было в данной стадии относиться достаточно серьезно.

Я думаю поэтому, что Вы не станете возражать, что я в ответ на некоторые заигрывания со стороны немцев и близких к ним лиц отвечаю, что у нас нет пока оснований доверять серьезности этого «сдвига», хотя мы всегда готовы идти навстречу улучшению отношений. Турецкому послу, настойчиво (и, вероятно, не без инструкции со стороны немцев) развивающему мысль о том, что немцы ищут посредника для улучшения отношений с нами, я ответил, что для этого посредники не нужны, так как немцы могут всегда использовать нормальные дипломатические каналы.

Прилагаю статью [«Берлинер»] бёрзен-цайтунг», на которую директор отдела печати обращал мое особое внимание как на доказательство «нового тона» герм[анской] печати. Посылаемая вырезка дана мне в отделе печати, где произведены и пометки красным карандашом. Вам она будет тем более интересна, что Вы, если верить сообщениям германской печати, вели в Варшаве разговоры на тему, затронутую в этой статье.

Г. Астахов

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 214-215.

342. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Великобритании в СССР У. Сидсу

14 мая 1939 г.

Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения великобританского правительства, врученные Советскому правительству 8 мая {^{*} [См. док. 327.](#)}, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.
2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.
3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы, по крайней мере, три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии.

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию.

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 119 — 120. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т, 2. С. 86-87.

343. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Германии А. Ф. Мерекалову и временному поверенному в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанду

14 мая 1939 г.

Сегодня английскому послу Сидсу передан ответ Советского правительства {{* [См. док. 342.](#)}}. Наш ответ отклоняет предложения английского правительства от 8 мая, в которых нам предлагалось путем односторонней декларации гарантировать нашу помощь Англии и Франции в случае их войны с Германией из-за Польши и Румынии, но не давалось никакой гарантии самому СССР в случае нападения на него со стороны агрессоров. Мы настаиваем на принципе взаимности в деле взаимопомощи Англии, Франции и СССР и на распространении совместной гарантии этих трех стран на все пограничные с Советским Союзом страны Восточной Европы.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 66-67. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С 396.

344. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

14 мая 1939 г.

Сидс вызван был мною для передачи ответа Советского правительства {{* [См. док. 342.](#)}} на предложения английского правительства от 8 мая {{** [См. док. 325.](#), [327.](#)}}. Ознакомившись с текстом нашего ответа, Сидс сказал, что, по его мнению, нападение Германии на СССР через Прибалтийские страны невозможно, т[ак] к[ак] Германия

должна для этого пройти через Литву, а этому будто бы препятствует заключенный Германией с Литвой договор о ненападении. Особенно Сидс указывал на то, что упоминание Финляндии в нашем ответе осложняет весь вопрос. При этом Сидс говорил, что Англия хорошо осведомлена о настроении Финляндии и считает, что общественное мнение Финляндии настроено в отношении СССР отрицательно.

Сидс взял наш ответ для передачи английскому правительству.

Беседа продолжалась полчаса.

[Молотов]

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 121.

345. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

14 мая 1939 г.

Пайяр явился ко мне, чтобы информироваться о моей поездке в Турцию и о встречах моих с представителями болгарского, румынского и польского правительств. Не вдаваясь в подробности, я сообщил Пайяру, что повсеместно мне пришлось констатировать стремление предупредить войну и, если понадобится, активно противодействовать новой агрессии. На вопрос Пайяра, удалось ли мне установить намерение польского правительства заключить договор о взаимопомощи с СССР, я дал отрицательный ответ. Пайяр осведомился, расположена ли Румыния получить односторонние гарантии со стороны СССР. На это я ответил, что, по-моему, это не исключено. Касательно англо-турецкого договора я подчеркнул, что Турция запрашивала наше мнение о политической целесообразности этого договора и получила наше одобрение. В дальнейшей беседе Пайяр затронул вопрос о последних английских предложениях *{{*** См. док. 327.}}*. Я дал им оценку, совпадающую в основном со статьей «Известий» от 11 апреля *{{**** Имеется в виду статья в «Известиях» от 11 мая 1939 г. (см. док. 338). }}*. На вопрос Пайяра, не предпочтем ли мы французских предложений, сообщенных Сурицу в последнее время *{{***** См. док. 292.}}*, я заметил, что для нас неясно, являются ли эти предложения вполне официальными и не имеют ли они целью заменить собою франко-советский пакт о взаимопомощи. Наконец, мы не знаем, как относятся к этим предложениям англичане и могут ли они, при всех вышеуказанных условиях, быть предметом серьезных практических переговоров.

Пайяр объяснил, что французское правительство, выдвинувшее свои последние предложения, убедилось в неприемлемости их для англичан. Поэтому оно вынуждено удовлетвориться поддержкой последних английских предложений, считая, что, в сравнении с первоначальной формулой, выдвинутой Англией, они все же представляют некоторый шаг вперед. На это я заметил, что английские предложения представляются нам недостаточными и что, вероятно, в этом смысле будет дан и наш ответ британскому правительству.

[В. Потемкин]

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, -д. 209, л. 28-29.

346. Запись беседы советника отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Рютера с деятелем консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольфом

14 мая 1939 г.

Из бюро Риббентропа (барон фон Гайр) 13 мая мне предложили побеседовать с г. Друммонд-Вольфом. 14 мая я встретился с г. Друммонд-Вольфом у него в отеле, где мы вместе позавтракали. Он намекнул мне, так же как и при встрече в Лондоне, что находится в Берлине с ведома ближайших советников британского кабинета, и просил рассматривать нашу беседу как совершенно конфиденциальную. Я же, напротив, сказал, что компетентен лишь в вопросах англо-германских экономических отношений и что если он хочет затронуть политические вопросы, то мою точку зрения можно рассматривать не иначе как мнение «человека с улицы».

Вначале Друммонд-Вольф сказал, что после своего прибытия в Берлин он до сих пор имел лишь одну беседу, а именно с г. министра-директором Вольтатом, которого, впрочем, он надеется увидеть еще раз 15 мая. От возможности дальнейших бесед зависит, сколь долго он будет находиться в Берлине.

Из многих вопросов, затронутых в ходе беседы, необходимо отметить следующие:

1. Друммонд-Вольф подчеркнул, что политические комбинации, на которые идет сейчас Великобритания, не исключают того, что Великобритания предоставит Германии во всем мире, в частности на Востоке и на Балканах, поле для экономической деятельности, которое принадлежит ей там по праву; Великобритания даже поддержала бы там эту деятельность. Он спросил, каково было бы мое мнение, если бы Великобритания отказалась от своей прежней непримиримой позиции в вопросе о наибольшем благоприятствовании, и в частности в двойном плане:

а) Великобритания, во-первых, может отказаться от льготных таможенных пошлин, которых Германия в договорном порядке добилась бы от третьих стран (при этом он, очевидно, имел в виду Балканские страны);

б) Великобритания, вопреки ее прежней точке зрения (по моему мнению, до настоящего времени эта точка зрения носила лишь теоретический характер), может отказаться от того, чтобы в ее отношениях с Германией право наибольшего благоприятствования не только получало применение в сфере таможенного обложения, но и распространялось на товарные контингенты.

Мы обсуждали этот вопрос только в общем плане; Друммонд-Вольф неоднократно возвращался к этой теме, обосновывая свои положения, как мне кажется, чисто теоретическими аргументами, а именно: в международном плане право наибольшего благоприятствования должно быть основой экономических отношений, однако в особом, национальном плане необходимо допускать исключения; космополитически настроенные евреи мира являются самыми яркими противниками расширенного толкования права наибольшего благоприятствования и т. д.

2. Друммонд-Вольф прямо поставил вопрос о том, во что может исчисляться сумма займа, который помог бы Германии преодолеть трудности с валютой.

В ходе беседы я, отвечая на неоднократные заявления по этому вопросу, сказал, что Германия не ищет новых задолженностей за рубежом; что же касается размера суммы, то я указал на следующие моменты:

а) в условиях, когда наши производственные мощности по стоянно расширяются, и учитывая наши задачи, сумма в валюте, которая нужна нам для закупки сырья и продовольствия, собственно, верхней границы не имеет;

б) однако любой заем имеет свои пределы, которые сторона, предоставляющая заем, может легко высчитать, а именно: эта граница определяется той суммой в валюте, которую кредитор позволит нам дополнительно заработать на экспорте, чтобы погасить проценты и амортизацию по займу.

3. Друммонд-Вольф спросил, что мы думаем относительно возобновления прерванных в марте англо-германских экономических переговоров ⁷², однако оказался не совсем в курсе дела относительно параллельно протекающих а) переговоров между промышленными объединениями по вопросу о картелях и ценах и б) официальных переговоров между правительствами об увеличении германского экспорта в Великобританию и — что важно! — в британские колонии, которое должно быть обеспечено снижением таможенных пошлин и правительственными заказами.

Ему было известно, что английские промышленники недавно сообщили своим немецким коллегам, что переговоры будут продолжены в июне в Лондоне.

Что касается правительственных переговоров, то я выразил личное мнение, что, как и обещала английская сторона, их надо продолжать до тех пор, пока обсуждение на уровне представителей промышленных кругов не даст ощутимых результатов (что уже было достигнуто в некоторых отраслях).

4. Друммонд-Вольфу не было известно о том, что 18 мая в Лондоне начнутся англо-германские предварительные переговоры об урегулировании платежного баланса между протекторатом Богемия и Моравия, с одной стороны, и Великобританией — с другой; он проявил большой интерес к этому вопросу.

5. Что касается политических вопросов, то Друммонд-Вольф, собственно, лишь поинтересовался, когда мы выдвинем претензию на возврат колоний и к чему она будет сводиться.

Я дал обычный ответ на этот вопрос, а именно: мы претендуем на все колонии, которые нам принадлежат, и в свое время мы поставим этот вопрос на обсуждение. В ходе переговоров будет определено, какие колониальные области мы получим.

Рютер

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 396—398. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. B. VI. S. 407-408.

347. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 мая 1939 г.

Сегодня Бивербрук мне говорил, что если Советское правительство отвергнет английскую формулу {{* [См. док. 325.](#)}} и будет настаивать на сущности своих предложений {{{* [См. док. 342.](#)}}}, то британское правительство в конце концов вынуждено будет пойти ему далеко навстречу, ибо самые широкие круги общественного мнения в Англии сейчас стоят за блок с СССР. Кроме того, Англия находится в очень трудном положении: она приняла на себя тяжелые обязательства в отношении Польши и Румынии, которые не может надлежащим образом выполнить без активного содействия СССР. Лично Бивербрук, будучи изоляционистом, не согласен с той политикой, которую британское правительство пытается проводить в течение последних двух месяцев, однако он считает, что раз уж Англия взяла такую линию, то ее надо осуществлять последовательно и энергично. Уже Британской империи грозит величайшая опасность. Поэтому в сложившихся обстоятельствах Бивербрук сочувствует идее пакта взаимопомощи и военной конвенции между Англией, Францией и СССР. К словам Бивербрука приходится относиться с известной осторожностью, ибо он не грешит излишней устойчивостью взглядов, но все-таки как показатель господствующих здесь сейчас настроений они любопытны.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 203-204.

348. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

15 мая 1939 г.

Сообщил Бонне текст нашего ответа {{* [См. док. 342.](#)}} на английское предложение {{{* [См. док. 325.](#), [327.](#)}}}. Первой реакцией с его стороны был вопрос, обращенный ко мне, «было ли в Москве рассмотрено и предложение, сделанное им самим» {{{* [См. док. 305.](#)}}}. Когда я ему на это сказал, что Сидс при вручении английского контрпредложения заявил, что и французское правительство против него не имеет возражений, в связи с чем могло создаться впечатление, что французское правительство присоединилось к английскому предложению, то Бонне дал следующее разъяснение: в течение долгого времени он уговаривал англичан присоединиться к его проекту тройственного соглашения, но англичане не соглашались и выдвинули от себя новый проект против которого он, Бонне, действительно не возражал, «но не взял обратно и своего собственного предложения». Во всяком случае, он в любой момент готов подписать с СССР такого рода двустороннее соглашение.

Что касается трех условий, выставленных нами в последнем ответе англичанам, то «он лично» не имеет возражений ни против первого, ни против третьего. Франция, уже связанная с СССР пактом о взаимопомощи ⁷, может только приветствовать присоединение к нему и Англии. Третье условие было предусмотрено и во всех предложенных им проектах, так как он полностью разделяет нашу точку зрения, что без «конкретного» соглашения пакты о взаимопомощи неэффективны. «Стесняет» его лишь второе условие: распространение гарантии на балтийские страны. Но, во всяком случае, он от окончательной оценки пока воздерживается. Он должен переговорить с Даладье, а также «узнать и реакции: Лондона».

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 22 — 23. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 398-399.

349. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии Ю. Шнурре

15 мая 1939 г.

Я в аусамте у Шнурре (референт экономического отдела по Восточной Европе) {{* Так в тексте.}}, Сообщаю ему о нашем намерении реорганизовать торгпредство в Праге в отделение берлинского торгпредства при сохранении за ним всех прав, предусмотренных торговым соглашением 1935 г. между СССР и Чехословакией, поскольку постановление рейха от 22 марта с. г. признало действительность экономических соглашений, заключенных правительством Чехословацкой Республики с другими странами. Шнурре, спросив, пользовалось ли торгпредство экстерриториальностью, и получив от меня утвердительный ответ, говорит, что поставленный нами вопрос передаст высшим инстанциям и через несколько дней сообщит окончательное решение. Однако со своей стороны он согласен с нашей точкой зрения и предполагает, что вопрос будет разрешен положительно.

Затем он затрагивает тему об улучшении советско-германских отношений. На мое замечание, что, признавая изменение тона прессы в лучшую сторону, мы все же не имеем данных говорить о коренном изменении германской политики, Шнурре начинает заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР и спрашивает, что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие. Я отвечаю, что от герм[анского] правительства] зависит создание другой атмосферы в отношениях, мы же никогда не уклоняемся от возможности улучшения, если другая сторона обнаруживает подобную готовность. Далее Шнурре говорит, что, возможно, он поедет на следующей неделе в СССР и просил бы подготовить дело так, чтобы ему пришлось получить визу сразу, и не заполняя снова анкеты. Поездка еще окончательно не решена, но вполне вероятна. Он попытается использовать ее, чтобы выяснить отношение советских кругов к проблеме улучшения наших отношений. Предпосылки для этого усилились в связи с уходом Литвинова. В Москве ли Микоян? Он непременно хотел бы с ним повидаться. Так как Шнурре произносит все эти тирады в виде монолога и не настаивает на прямом ответе, то я повторяю обычные доводы о том, что плохие отношения между нами и Германией созданы не нами, а Германией, что герм[анское] пра[вительство] должно подумать о способах их улучшения и т. п.

Шнурре снова настойчиво повторяет, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении СССР и хочет их [отношения] улучшить. Говорит, что, вероятно, на следующей неделе пригласит меня к себе как для того, чтобы сообщить решение по поставленному нами вопросу относительно Праги, так и по поводу своей поездки.

Г. Астахов

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 220-221.

350. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании III. Корбену

15 мая 1939 г.

Инструкции, направленные мною 13 мая нашему послу в Москве, о которых Вам сообщили под № 956, показали Вам, насколько французское правительство заботилось о том, чтобы объединить свои усилия с британским правительством, чтобы побудить русское правительство принять британские предложения от 29 апреля, дополненные разъяснениями, которые были переданы Молотову сэром Уильямом Сидсом 8 мая {{* [См. док. 325., 327.](#)}}.

Тем не менее представляется, что перспективы договоренности, о которой британский министр считал себя вправе заявить Вам после своей встречи с Майским, о чем Вы мне сообщили под № 1509, похоже, не подтвердились. Скорее наоборот, сообщение ТАСС от 10 мая {{** [См. док. 331.](#)}} и явно инспирированная передовая, которую опубликовали на следующий день «Известия» {{{* [См. док. 338.](#)}}} (документ, переданный вашему посольству под № 940), подтверждают русское требование полной взаимности общих гарантий, которые бы взяли СССР, Франция и Великобритания.

Обратите внимание лорда Галифакса на опасения, которые испытывает французское правительство, видя, как в нынешних обстоятельствах продолжаются англо-советские недоразумения со всеми трудностями и перебоями, которые они приносят в целенаправленные действия трех государств.

Не вызывает сомнения, что, чем более недостаточными, фиктивными или недосказанными будут казаться правительству СССР предложения западных стран, тем оно будет все более склонно негативно оценивать нашу деятельность. Практические последствия таких подходов были бы очень серьезны; они не ограничивались бы только позицией СССР, но оказали бы прямое воздействие на сотрудничество, на которое мы рассчитываем со стороны Турции.

Франция и Великобритания должны в этих условиях приложить все усилия для достижения понимания и действовать оперативно, чтобы незамедлительно обеспечить успешное завершение переговоров с русскими, провал которых мог бы подорвать все дело безопасности в Восточной Европе.

Британскому правительству известно, что, стараясь преодолеть расхождения, препятствовавшие англо-русскому соглашению с самого начала этой дипломатической операции (sic), были предложены другие варианты согласия путем принятия французской формулы. Возможности принятия этой формулы были сообщены 3 мая посольству Англии в Париже.

Не предпринимая заранее ответ, который будет сделан правительством СССР на предложения, переданные Молотову послом Англии в Москве 8 мая, и желая, чтобы Советское правительство дало на них скорое и безоговорочное согласие, французское правительство считает, что достижение успеха на общих переговорах, начатых с СССР, настолько важно и срочно, что необходимо использовать все средства для быстрого достижения соглашения. Таким образом, во избежание новых задержек, оно считает

важным предусмотреть уже теперь, как должны будут продолжаться переговоры в том случае, если британская формула будет окончательно отклонена.

Французская формула в том виде, как она была передана 3 мая посольству Англии, похоже, давала реальные возможности договоренности. Прошу вас энергично настоять перед лордом Галифаксом на том, чтобы она уже сейчас стала предметом внимательного изучения, что позволит британскому правительству заменить ею в нужное время свою последнюю формулу в новых предложениях Советскому правительству.

Вам надлежит заметить, что, хотя эта формула учитывает требования русского правительства, все же она никак не связана с идеей постоянного союза, а относится только к форме отдельного соглашения, заключенного на четко ограниченный и конкретный случай.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français. 1932-1939 2 serie. t. XVI, p. 360-361.

351. Запись беседы сотрудника данцигского сената с президентом сената А. Грайзером

15 мая 1939 г.

15 мая 1939 г. я беседовал с президентом Грайзером, который сказал следующее.

В ближайшие недели гроза в отношениях между Германией и Польшей еще не разразится. Акцию Германии против Польши следует ожидать самое раннее в августе. В предстоящие недели Германия предпримет попытку вбить клин в отношения между Польшей и Англией. Данцигский вопрос является для этого отличным средством. Данцигскую проблему мы должны выдвинуть на первый план таким образом, чтобы в Лондоне создалось впечатление, что германо-польский конфликт упирается в первую очередь в Данциг. Если англичане признают тезис о германском характере Данцига, одобряют сепаратное решение проблемы Данцига и тем самым присоединение Данцига к Германии, то в основном игра для нас уже будет сделана, в результате чего станет возможным осуществить по отношению к Польше и остальные германские требования. Я убежден в том, что английское правительство, несмотря на все заявления противоположного характера ¹¹⁴, не готово из-за данцигского вопроса привести в действие польско-английский пакт о взаимопомощи. Если же англичане проявят нерешительность в этом пункте, тогда вся польская система безопасности рухнет и Польша будет готова к капитуляции.

Я считаю, что Гитлер доведет конфликт с Польшей до решительного конца даже в том случае, если откажут мирные средства и останется лишь осуществить военное вмешательство. Во всяком случае, Гитлер выберет тогда для этого военного столкновения такое время, когда внешнеполитическое положение Германии будет благоприятным. Сейчас это не так. Уже по этой причине я считаю невозможным, чтобы в настоящее время имел место польско-германский конфликт. В каком направлении будет развиваться внешнеполитическая обстановка, сказать трудно. Для нас решающее значение имеет в первую очередь позиция Советского Союза. По имеющейся у меня информации, имело место лишь установление германо-русского контакта в очень узких рамках через русского посла в Берлине. Поводом к этому явился договор о поставках продукции фирмы «Шкода», заключенный Советским Союзом еще с Чехословакией. Через своего посла в

Берлине Москва сделала запрос, сохранит ли силу этот договор и после образования протектората Богемии и Моравии {{* [См. док. 279.](#) }}. Спустя некоторое время немецкая сторона сообщила, что договор о поставках фирмы «Шкода» будет выполняться Германией также и в изменившихся условиях

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 399-400.

352. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту

15 мая 1939. г.

На этих днях по согласованию с итальянским правительством я в следующем смысле информировал посла Осима о позиции Италии и Германии:

1. Германское и итальянское правительства намерены без каких-либо изменений продолжать свою прежнюю политическую линию в отношении Японии.
2. Оба правительства пришли к решению подписать двусторонний союзнический пакт ¹¹⁰ еще в течение этого месяца, поскольку они считают целесообразным без промедления ответить соответствующей акцией на политическую активность западных держав, развернутую в пропагандистских целях.
3. Трехсторонним переговорам Берлин — Рим — Токио подписание германо-итальянского союзнического пакта не нанесет никакого ущерба. Этот союзнический пакт также и в юридическом отношении окончательно подтвердит незыблемую прочность оси Берлин — Рим ³⁴. Японцам, если они желают заключения тройственного пакта ⁵¹, доставит лишь удовлетворение возможность убедиться в том, насколько четко и определенно решаются вопросы двусторонних отношений между их обоими европейскими партнерами, а также в том, что любая возможность расхождений между этими партнерами исключена.
4. В остальном же ни от германского, ни от итальянского правительств не зависит тот факт, что заключение тройственного пакта так затянулось. Я давно уже указывал японцам на то, что при длительном затягивании заключения тройственного пакта может возникнуть необходимость заключить прежде германо-итальянский пакт.
5. Тот факт, что германо-итальянский пакт в некотором отношении будет содержать более тесные обязательства, чем имеющийся проект тройственного пакта, также не может служить для японцев поводом для беспокойства. Ведь совершенно естественно, что политическое и военное сотрудничество между обеими европейскими соседними странами, которые непосредственно противостоят Франции и Англии, должно развиваться интенсивнее, чем сотрудничество с весьма отдаленной Японией. Проявление этого различия между двумя пактами не означает, что со стороны Германии и Италии дружба с Японией ставится на более низкий в политическом отношении уровень. Мировая общественность, для которой ось Берлин — Рим уже давно стала прочным понятием, сочтет это различие вполне естественным. Кроме того, именно Япония постоянно настаивала на осторожном формулировании обязательств по тройственному пакту. Германия и Италия со своей стороны только приветствовали бы, если бы Япония захотела присоединиться к более широким обязательствам германо-итальянского пакта. Однако

Япония вовсе не может требовать, да и не заинтересована в том, чтобы в своих двусторонних отношениях Германия и Италия приспосабливались к уровню, желательному с точки зрения Японии для тройственного пакта,

6. Одновременное существование германо-итальянского пакта и тройственного пакта не влечет за собой никаких трудностей как по существу дела, так и с технической точки зрения. Положения имеющегося японского проекта тройственного пакта можно оставить полностью без изменений. Нужно только в конце пакта добавить чисто формальную статью, которая определяла бы соотношение между двумя пактами с юридической точки зрения. Я передал Осима проект соответствующей статьи.

7. Германское и итальянское правительства высказывают настоятельное пожелание, чтобы японское правительство в скором времени приняло свое окончательное решение, с тем чтобы можно было тайно парафировать тройственный пакт одновременно с подписанием германо-итальянского пакта. Это пожелание вновь показывает, что они {{* Имеются в виду германское и итальянское правительства.}} далеки от мысли пренебрегать в политическом плане своими отношениями с Японией.

Прошу Вас изложить указанные соображения Вашему доверенному лицу, а если возможно, то и непосредственно военному министру, чтобы таким путем повлиять на быстрое позитивное решение со стороны японского правительства. При этом прошу в подходящей форме использовать в беседе следующее.

Если германское и итальянское правительства, как уже было подчеркнуто выше, преисполнены твердой решимости придерживаться своего прежнего политического курса в отношении Японии, то, с другой стороны, нельзя умолчать о том, что вся прежняя позиция японского правительства постепенно начинает вызывать в Риме и Берлине определенный скептицизм. Муссолини недавно высказывал опасение, не следует ли толковать отношение в Токио к этому вопросу, которое имело место до настоящего времени, в том направлении, что японское правительство в конечном итоге не найдет в себе силы принять позитивное решение. Далее, фюрер в последнее время неоднократно заявлял мне, что позиция Японии становится ему все более непонятной. С его точки зрения, Япония должна понять, что ее крупные политические интересы совпадают с интересами Германии и Италии и что поэтому ее место на стороне этих двух держав.

Далее прошу разъяснить Вашему японскому собеседнику, что опасения Японии перед возможностью присоединения Америки к Англии и Франции в случае войны ни в коей мере не могут служить аргументом против заключения тройственного пакта, поскольку этот пакт будет лучшим средством для того, чтобы удержать Америку от вступления в войну. С другой стороны, Япония должна отдавать себе отчет в том, что обеспечение ее позиций в Восточной Азии, особенно в Китае, в первую очередь зависит от превосходства держав «оси» над западными державами. Если этого превосходства не будет, то Япония очень быстро ощутит последствия этого. Следовательно, Япония, несомненно, заинтересована в любом отношении в том, чтобы своим присоединением увеличить это превосходство и не вызвать у западных держав впечатления, будто бы они могут рассчитывать на нейтралитет Японии в случае конфликта с Германией и Италией.

Текст проекта пакта и относящиеся к нему документы будут отдельно переданы для Вашей личной информации телеграфом.

Министр иностранных дел
Германии

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 400—403. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik.. Serie D. Bd. VI. S. 409—411.

353. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США К. А. Уманского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

16 мая 1939 г.

Сегодня был у Хэлла по приглашению последнего. Он поздравил меня с назначением {{* Имеется в виду назначение К. А. Уманского послом СССР в США.}} и говорил много дружественных, но общих фраз.

Воспользовался случаем, чтобы дать ему правильную картину наших переговоров с Англией. Хэлл заявил, что американское правительство хотя и лишено, в силу традиции и изоляционистской оппозиции, возможности участвовать в схемах взаимной помощи против агрессоров вне Западного полушария, однако заинтересовано в успехе происходящих переговоров. Наше требование взаимности и равных обязательств ему понятно. Свою задачу видит сейчас в том, чтобы разъяснить конгрессу и народу, что речь идет не о локальных конфликтах, а о подготовке перекройки мировой карты в конечном счете в ущерб интересам США.

Спрашивал, когда собираюсь вручить верительные грамоты президенту, который около 10 июня уедет в продолжительную поездку по стране. Ответил, что учту. Хэлл заявил, что хотел бы после вручения грамот поговорить о практических вопросах наших отношений. Тепло отозвался о нашем павильоне на нью-йоркской выставке.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2049, л. 3. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 403.

354. Из записи беседы временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда с министром иностранных дел Италии Г. Чиано

18 мая 1939 г.

[...] Мы перешли к беседе на общеполитические темы. Чиано был словоохотлив, пару раз задерживал меня, когда я пытался уходить, заявляя, что не торопится. В ответ на выраженные мною по отдельным пунктам его утверждений сомнения министр говорил, что в силу дружественности наших личных отношений не позволит себе, мол, говорить неправду. Много, естественно, я сказать не могу, говорил Чиано. Прошу Вас, однако, верить, что сказанное Целиком соответствует действительности.

Беседа началась с предстоящей 20-го поездки Чиано в Берлин Для подписания итало-германского военного договора ⁵¹. Я расценил этот договор как очередную капитуляцию Рима перед Берлином. Я высказал убеждение о наличии инициативы и давлении Гитлера, который, не доверяя полностью Италии, хочет покрепче связать ее будущую политику.

Чиано решительно начал опровергать эту точку зрения, которую я, кстати, совершенно искренне разделял. Подчеркнув конфиденциальность своего сообщения и попросив не делиться его содержанием с местными иностранными дипломатами, министр заявил, что инициатором военного союза была не Германия, а Италия. Когда я выразил изумление и сомнения, указав, что утверждение министра противоречит всем законам логики, Чиано подошел к несгораемому шкафу, вынул оттуда специальный дневник, куда, по его словам, он лично заносит наиболее секретные резюме своих внешнеполитических переговоров. Открыв эту книгу, где, как отметил министр, находилось резюме последних переговоров с Риббентропом, Чиано текстуально зачитал мне следующее: «Вопрос о военном союзе был окончательно решен в субботу вечером (6 мая). Я до этого днем говорил с Муссолини, которому доложил, что добился согласия Риббентропа на все поставленные выше сформулированные, интересующие нас вопросы. Муссолини, который никогда не бывает удовлетворен достигнутым и всегда хочет большего, дал мне указание немедленно поставить вопрос о заключении военного союза. Я передал об этом Риббентропу, у которого возникли кое-какие колебания. Он позвонил по телефону Гитлеру, и фюрер принял предложение Муссолини с энтузиазмом».

Читал это Чиано гладко. При желании, конечно, мог передернуть, ибо запись показывал мне из своих рук издали.

Я попросил министра объяснить мне причины, побудившие Италию проявить инициативу для заключения военного союза. Откровенно сказал, что причины эти мне неясны. Я прекрасно понимаю выгоды военного союза, которые в настоящий момент извлекает Германия, и вижу лишь отрицательные стороны союза для Италии.

Чиано ответил, что рассказать пока об этих причинах не может. Скоро, мол, новые факты прольют свет, и тогда мне сразу станут ясны побудительные мотивы Италии. Поскольку я продолжал выражать сомнения, отмечая, что вся эта версия как-то плохо клеится, Чиано добавил мне многозначительную фразу: «Италия хочет закрепить военным союзом ряд конкретных обещаний и обязательств, полученных от Германии. Больше,— говорил министр,— ничего сказать не могу». Ввиду явной бесполезности я не пытался более продолжать разговор на эту тему. Возобновлю при первом же удобном случае.

Я спросил затем о содержании самого текста итало-германского военного союза. Чиано конфиденциально сообщил, что выработанный договор имеет вводную часть, где объясняются причины необходимости заключения союза. Эти причины сводятся ко внешнеполитическим задачам Италии и Германии и к «идеологическим мотивам» родства обоих режимов. Затем идут пять-шесть статей, предусматривающих полную форму военного союза — обязательство каждой из сторон немедленно выступить на помощь другой, если бы последняя оказалась по любым причинам вовлеченной в войну. Сам договор заключается сроком на десять лет, но не имеет клаузулы механического возобновления. Текст предусматривает, что до истечения срока обе стороны вступят в переговоры о возобновлении союза. Чиано добавил, что в существующей международной обстановке десятилетний срок является наиболее «разумным». После подписания основного договора военные специалисты оформят ряд технических конвенций. В прессу будет дано коммюнике, текст которого подлежит согласованию во время пребывания Чиано в Берлине.

Мы перешли затем к вопросу о польско-германских отношениях. Я спросил у Чиано, каково положение и перспективы этих отношений. Министр в ответ рассказал о беседе, которую он на днях имел с местным польским послом. Чиано заявил Длугошовскому {{* В. Венява-Длугошовский — посол Польши в Италии.}}, что Италия весьма была бы рада

урегулированию конфликта и польско-германскому соглашению. Если Варшава захочет, Италия с радостью возьмет на себя роль посредника между Германией и Польшей. Однако у Варшавы не должно быть никаких иллюзий: как только возникнет польско-германский конфликт, Италия немедленно и механически выступает на стороне Германии. Касаясь самого существа вопроса, Чиано добавил, что Гитлер недавно снова подтвердил решение не форсировать «долгое время» польского вопроса. Важно, повторял снова, как и в беседе со мной от 8 мая [{** См. док. 328. }](#), Чиано, дать успокоиться страстям, содействовать созреванию необходимости польско-германского компромисса.

Гитлер непреклонен в вопросе о Данциге. Он согласится на любые внешне смягчающие формы, но по существу хочет перехода города к Германии. В вопросе же о коридоре Гитлер «для демонстрации своей доброй воли» согласится на два подземных тоннеля — для железной дороги и автостреды. Ширина коридора небольшая — всего 38 км. Немцы, говорил Чиано, обожают всякие технические работы, подземные сооружения, а поляки получают моральное удовлетворение, они смогут заявить, что Гитлер коридора не захватывает и ради соглашения с ними готов был даже забраться под землю. Я убежден, добавил Чиано, что месяцев через шесть германо-польское соглашение не представит труда. Нельзя забывать, что в Данциге 92% германского населения. Постепенно проблема Данцига будет все больше надоедать. Воевать из-за него никто не хочет, а скоро и прямо начнут повсюду об этом говорить. Во всяком случае, закончил Чиано, в этой части Европы мы не предвидим конфликта.

Я перевел разговор на франко-итальянские отношения. Указал министру, что предсказания его в беседе со мной в конце апреля отнюдь не сбываются. Тогда министр говорил, что французы сдадут и в результате явятся, дабы начать переговоры с Италией.

Чиано был уверен в близости французской инициативы, а на деле получается не так. Даладье, несмотря на все авансы Муссолини, держится твердо и на путь капитуляции становиться не собирается.

Эти слова взбудоражили Чиано. Он в ироническом тоне заметил, что французские союзники явно плохо нас информируют. Он, Чиано, готов дать мне сейчас совершенно идентичную информацию, которая покажет, что предсказания, сделанные им в беседе со мной от конца апреля с абсолютной точностью сбываются. Так, начал министр, хоть французское посольство это и скрывает, однако Франсуа-Понсе во время последнего визита ко мне после беседы по текущим вопросам, правда, туманно, но все же заговорил об итало-французских отношениях. Со свойственными французам ужимками Франсуа-Понсе поинтересовался, а я ему расшифровал, что конкретно означают итальянские требования о Тунисе, Джибути и Суэце. Далее, если хотите знать, говорил Чиано, французы к нам все время подсылают неофициальных посредников и в ответ на мою расшифровку итальянских требований частным образом внесли свои контрпредложения. Поднявшись и вынув из лежавшей на столе папки какую-то бумажку с записями карандашом, Чиано, размахивая ею в воздухе, говорил: «Вот эти французские контрпредложения. Конечно, все это делается глубоко неофициально. Нам, Италии, всячески дают понять, что у французского правительства большие трудности в области внутренней политики, что все, мол, нужно делать исподтишка, дабы не вызывать ненужного и вредного газетного шума. Факты, однако, остаются фактами. Французы предлагают нам переговоры и уступки. Мы же ясно ответили: готовы в предварительной неофициальной форме взаимно выяснить пределы требований и уступок. Однако после этого Франция должна официально проявить инициативу и официально же предложить нам переговоры. Иначе мы на них не пойдем».

Я сказал, что слышал о приезде сюда Бодуэна — неофициального посла Бонне. Чиано улыбнулся и уклончиво повторил, что французские контрпредложения исходят от посредника.

С большой ненавистью и злостью говорил далее Чиано о Франции. Эта злость вызвала даже поначалу у меня впечатление, что сообщение Чиано об инициативе французов, быть может, и не вполне соответствует действительности. Однако дальнейшая беседа позволяет отнести тон Чиано о Франции за счет основных антифранцузских устремлений Италии, все более вырастающих по мере систематического возникновения внутренних и внешних трудностей для их реализации.

Необычную сдержанность проявил на сей раз Чиано в отношении Югославии, что косвенно подтверждает переданную телеграфно в Москву информацию об итогах переговоров здесь югославского регента {{* [См. док. 328.](#)}}. Коснулся Чиано и англо-советских переговоров. Он откровенно отметил, что перспектива англо-франко-советского соглашения беспокоит Италию. «Мы прекрасно понимаем,— говорил министр,— какое громадное значение будет иметь включение СССР в союз с Англией и Францией. Было бы глупо, если бы я пытался утверждать вам обратное. Должен объективно признать,— отметил Чиано,— что СССР ведет очень мудрую политику. Ваши условия Англии и мыслимая вами система соглашения, несомненно, отвечает советским интересам. Мы все же надеемся, что соглашение между вами и Англией не состоится. С одной стороны, мы думаем, что вам более выгодно максимальное время сохранить политику нейтралитета. С другой стороны, мы неплохо знаем англичан и ненависть консерваторов к вам. Уверяю вас, что, хотя вы нас считаете оголтелыми фашистами, у нас нет и не может быть такой вражды к советской системе и к советскому режиму, которую питают к нему крупные английские и французские буржуа. Мы надеемся поэтому, что Англия будет тянуть с переговорами и, — многозначительно добавил министр, — может наступить момент, когда будет уже поздно и вы сами не захотите торопиться со вступлением в коалицию».

Враждебно, как и другим диппредставителям, отзывался Чиано о турецко-английском соглашении ¹⁰⁵ и о Турции в целом. Весь разговор наш и отдельные намеки Чиано оставили у меня впечатление, что налицо новый секретный итало-германский сговор, в результате которого в самом недалеком будущем возникнет какая-то новая авантюра, исходящая не из Берлина, а именно из Рима. Трудно сказать пока, в чем эта авантюра может заключаться. До меня был у Чиано с каким-то толстым портфелем венгерский военный атташе. Ходят какие-то смутные слухи о возможности авантюры в отношении «дружественной» Италии Югославии. Определенно что-либо сказать пока мы здесь не можем.

Беседа моя с Чиано продолжалась около двух часов. Он, как обычно, отмечал интерес к таким беседам, противопоставлял их своим разговорам с другими диппредставителями, «как правило, длящимся не более 15 минут». Прощаясь, Чиано просил заходить, добавил, что с будущей недели начинает ездить на правительственный пляж, где надеется часто встречаться.

Поверенный в делах СССР в Италии
Л. Гельфанд

355. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Японии в СССР С. Того

19 мая 1939 г.

Я вызвал посла и заявил ему следующее. Мы получили сведения о нарушении границы Монгольской Народной Республики японо-маньчжурскими войсками. Поскольку между СССР и МНР имеется пакт о взаимопомощи ¹¹⁵, то по поводу указанного нарушения границы МНР я должен сделать послс заявление. За последнее время, 11 — 12 мая и позже, имел место ряд нарушений границы МНР японо-маньчжурскими частями, которые напали на монгольские части в районе Номон-Кан-Бурд-Обо, а также в районе Донгур-Обо. В воинских частях МНР имеются раненые и убитые. В этом вторжении в МНР участвовали также японо-маньчжурские самолеты. Имеются, таким образом, грубые нарушения границы МНР и другие недопустимые действия со стороны японо-маньчжурских частей. Я должен предупредить, что всякому терпению есть предел, и прошу посла передать японскому правительству, чтобы больше этого не было. Так будет лучше в интересах самого же японского правительства.

В ответ на это Того сказал, что о таких столкновениях на монгольской границе он читал только в газетах, по которым выходит, что именно Внешняя Монголия нападала и поэтому произошли столкновения. От японского правительства у него нет никаких сведений. Он доложит об этом в Токио и по получении ответа передаст его мне. Того сказал дальше, что, как он говорил в прошлый раз {{* Имеется в виду протокольный визит японского посла к народному комиссару иностранных дел СССР 14 мая 1939 г.}}, японское правительство не допускает угрозы и агрессию других стран и, если это будет иметь место, то будет давать отпор.

Но в то же время Япония не имеет намерения нападать на иностранные государства.

Затем он спросил меня, предусматривает ли пакт о взаимопомощи между МНР и СССР, чтобы Советское правительство говорило от имени правительства Внешней Монголии по вопросу, касающемуся дипломатических дел, и так ли это, что советские войска стоят в пределах Внешней Монголии на страже монгольской границы.

Я ответил, что газетные сведения, о которых говорил посол, имеют явно смехотворный характер, что нет никакой необходимости опровергать такие измышления, это — явная выдумка. С другой стороны, имеется бесспорный факт, что японо-маньчжурские части нарушили границу МНР и открыли военные действия, что это нападение на территорию МНР совершили японо-маньчжурские войска и самолеты. Мы с этим мириться не будем. Нельзя испытывать терпение монгольского правительства и думать, что это будет проходить безнаказанно. Мое заявление находится в полном соответствии с пактом о взаимной помощи, заключенным между СССР и МНР; нападение же, о котором я говорю, было совершено не против советских, а против монгольских частей.

Того ответил, что считает мои разъяснения не совсем полными, но в общем он принимает к сведению сказанное мною, что мое заявление находится в полном соответствии с пактом о взаимной помощи между СССР и МНР. Он снова повторил, что доведет мое заявление до сведения своего правительства и по получении ответа сообщит его мне.

После этого Того снова заговорил о концессионных вопросах. На это я ответил, что этот вопрос будет изучен Наркоминделом и он получит ответ.

Беседа продолжалась минут сорок.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 22-23. Оpubл. с сокращением в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 406.

356. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Йоскиненем

19 мая 1939 г.

Вызванному мною финляндскому посланнику я заявил, что ознакомился с нотой финляндской миссии от 21 января с. г.⁶⁰ и в связи с этим должен сделать несколько замечаний и поставить некоторые вопросы.

Финляндское правительство обратилось с указанной нотой к СССР как к члену Лиги наций, но для нас аландский вопрос имеет значение не просто как для государства, входящего в Лигу наций; ввиду географического положения СССР вопрос о вооружении Аландских островов имеет для нас весьма большое значение. СССР заинтересован в этом вопросе не менее, а более, чем Швеция. У нас есть основание считать, что вооружения на Аландских островах могут быть использованы в первую очередь против СССР.

После этого я задал посланнику ряд вопросов по тексту финляндской ноты от 21 января с. г., о характере и размерах отдельных видов вооружения, которое предполагается произвести в южной части Аландских островов, а также в северной части Аландских островов. Посланник дал некоторые разъяснения, но добавил, что с деталями этого вопроса он незнаком. Посланник сказал, что по поставленным мною вопросам он запросит свое правительство.

На мой вопрос о причинах совместного выступления Финляндии и Швеции по вопросу о вооружении Аландских островов, посланник сказал, что Швеция в отношении Аландских островов считает себя наиболее заинтересованной и ближайшей державой, но что конвенцией 1921 г. какое-либо особое положение Швеции среди других гарантов, подписавших конвенцию, не предусмотрено.

В конце беседы посланник сказал, что он не уверен в том, даст ли правительство ответ на вопросы, имеющие чисто военный характер. Посланник надеется получить ответ на мои вопросы через неделю.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 20-21.

357. Запись беседы полномочного представителя СССР в Бельгии Е. В. Рубинина с послом Китая в Бельгии Цянь Таем

19 мая 1939 г..

У меня с очередным визитом китайский посол Цянь Тай Он интересовался ходом англо-советских переговоров. Я сказал ему, что я располагаю только газетными сведениями. На мой вопрос о том, как реагируют в Китае на англо-советские переговоры, Цянь Тай сказал,

что в правящих кругах Китая есть группа, относящаяся весьма недоверчиво к Англии, вернее к Чемберлену. Эти люди боятся, как бы Чемберлен в конце концов не сторговался с Японией за счет Китая, если таким образом можно будет, хотя бы на время, обеспечить британские интересы на Дальнем Востоке. Вот почему присутствие на Дальнем Востоке Советского Союза, даже нейтрального, является с китайской точки зрения очень важной дополнительной гарантией, поскольку СССР одним своим присутствием отвлекает значительные японские силы от Китая. Включение СССР в блок с Англией и Францией, которые, по его мнению, возможно, стремятся лишь направить германскую агрессию в сторону СССР, отвлекло бы последний от Дальнего Востока, что было бы важным поощрением для японских милитаристов и против Китая и, возможно, против СССР. Цянь Тай глубоко убежден, на основании имеющихся у него сведений, что Япония не в состоянии вынести того напряжения, в котором она сейчас находится, более одного года. Иными словами, он считает, что если нынешняя общая международная ситуация даже останется неизменной, то через год Япония обречена на экономическую и социальную катастрофу.

Рубинин

АВП СССР, ф. 072, оп. 17, п. 105, д. 65, л. 87.

358. Письмо министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону

19 мая 1939 г.

Вчера в ходе беседы с германским послом г-ном фон Дирксеном последний затронул вопрос о прессе. Обеим сторонам много вреда наносят нападки печати. Не могли бы мы достичь перемирия в печати? Если бы мы согласились сделать это, то правительство Германии могло бы, конечно, осуществить его на 100 процентов, а мы могли бы осуществить его, может быть, на 75 процентов, если бы я был в состоянии оказать влияние на владельцев газет. Я сказал послу, что я всегда готов рассмотреть этот вопрос, но что эта проблема в значительной степени решилась бы сама, если бы германское правительство смогло предпринять меры и проводить политику, которая сделала бы возможным более нормальное положение вещей. Однако я вполне готов попытаться пойти дальше, и если посол сочтет себя полномочным написать мне письмо, в котором будет говориться о том, что если бы наша пресса смогла умерить свой тон, то он мог бы гарантировать, что германская печать сделает то же самое, то я бы посмотрел, могу ли я что-нибудь сделать с владельцами главных газет. Посол обещал изучить это предложение.

Галифакс

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 406-407.

359. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

19 мая 1939 г.

В связи с вылетом завтра утром в Варшаву полковника Кведицкого спешу в нескольких словах изложить свои впечатления и наблюдения, имеющиеся у меня по поводу англо-советских переговоров. Я не буду подробно анализировать нынешнее состояние переговоров, так как предполагаю, что вы, г-н министр, получаете от Кеннарда постоянную и более подробную информацию, чем та, которой я располагаю. Кроме того, в этом деле все подвижно и постоянно изменяется. Тем не менее я хочу обратить Ваше внимание на настроения и замыслы, которые становятся более очевидными в свете этих переговоров.

В моей телеграмме от 17-го сего месяца я вкратце изложил мнение группы «активистов», включающей Черчилля и его сторонников по консервативной партии, а также весь лагерь независимых либералов во главе с Арчибалдом Синклером и Ллойд Джорджем. Эту группу в русском вопросе поддерживает, очевидно, лейбористская партия. Я писал о том, что эти круги настойчиво выступают за англо-франко-советский союз и что они обвиняют правительство в недостатке решительности и энергии в вопросе создания политической организации, обладающей максимумом силы и практическими возможностями и могущей поставить преграду на пути германской экспансии. По их мнению, лорд Галифакс и премьер Чемберлен, первый скорее по идеологическим соображениям, второй же чтобы полностью не закрыть себе пути к политике «умиротворения», сознательно и с умыслом затягивают переговоры с Москвой, к которой они по-прежнему относятся холодно. Далее я упоминал, что мои собеседники, недовольные методом премьера, заключающимся в том, что его тактика по отношению к Советам строится с учетом польских требований, усиленно старались лишить премьера этого аргумента. Разъяснения, которые я давал по Вашему, г-н министр, поручению, позволили мне успешно оградить имя Польши от использования его во внутривнутриполитической игре англичан {{* Свою озабоченность тем, чтобы как можно сильнее привлечь Россию на сторону «коалиции» на случай возникновения войны, Черчилль объяснил мне, между прочим, следующим образом.

Польская армия будет сражаться с немцами, несомненно, мужественно и, вероятно, на первом этапе успешно. Однако ее вооружение и снабжение не идут ни в какое сравнение с вооружением и мощным снабжением германской армии, и поэтому уже через несколько месяцев возникнет опасный для нас кризис. Успешное противодействие этому возможно только в случае, если будет иметься возможность пользоваться советскими ресурсами, их военной промышленностью и транзитом через их территорию. Особую трудность здесь будет представлять, помимо слабого состояния русских железных дорог, различие колеи, что вызовет необходимость перевалки грузов на границе. Перевалка же требует наличия надлежащих товарных платформ, достаточно протяженных железнодорожных веток и т. д. Несомненно, потребуется значительное развертывание строительства этих сооружений на границе в самое кратчайшее время.— *Прим. Рачиньского.*}}

Трудно очень точно установить, каковы конкретные замыслы премьера и правительства на ближайшее будущее и в какой степени обоснованы подозрения группы «активистов». Однако не подлежит сомнению, что эти подозрения в известной мере правомерны и что премьер не перестает думать о смягчении напряженности, избегая поэтому всего, что лишило бы его возможности вновь вернуться к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом.

«Активисты» склонны утверждать, что премьер по вышеизложенным причинам не проявляет достаточной энергии, чтобы ускорить осуществление военного и финансового сотрудничества между Англией и ее новыми союзниками. Этот упрек является заслуженным, возможно, лишь постольку, поскольку правительство Чемберлена все еще продолжает сопротивляться переводу экономики исключительно на военные рельсы, при

котором не учитывались бы «нормальные» требования мирной экономики ни в области финансов, ни в области людских резервов.

К настоящему донесению я прилагаю запись беседы, которую я имел с полковником Исмеем, секретарем Комитета имперской обороны. По моему мнению, не следует переоценивать значение некоторых характерных высказываний полковника Исмея, которые отражают, несомненно, в большой степени его личные взгляды. Однако важный пост и контакты полковника, которые он имеет благодаря своему положению с премьером и его ближайшим окружением, не позволяют нам пренебрегать его мнением. Вывод, напрашивающийся в результате рассмотрения положения вещей по указанному вопросу, сводится к необходимости усиления бдительности и непрерывного нажима, с тем чтобы, с одной стороны, принудить английского партнера к позитивным действиям, а с другой — устранить проявления пораженчества и уступчивости, что могло бы быть использовано в чужих интересах {{** Я имею в виду корреспонденции на тему об англо-германских отношениях, время от времени появляющиеся на страницах «Times» и начало которым было положено «пораженческим» письмом за подписью лорда Рашклифа (Rushcliff). Этой слишком нежелательной активности «Times» и предпринятым мною мерам, направленным на ее прекращение, я посвящаю отдельный доклад.— Прим. Рачиньского.}}.

Настоящий доклад я диктую после возвращения с заседания палаты общин, где я слушал дебаты, посвященные прежде всего англо-советским переговорам. До сих пор я не имею в своем распоряжении всех материалов и, следовательно, не имею возможности дать оценку результатам этой дискуссии и особенно известного заявления премьера. Это заявление в определенной мере является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами. Я совсем не был бы удивлен, если бы премьер Чемберлен считал свое сегодняшнее выступление предостережением и если бы вопрос углубления отношений с Москвой он ставил в зависимость от реакции Германии на его выступление.

Эдвард Рачиньский,
посол Польской Республики

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 403-406.

360. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому

20 мая 1939 г.

По вопросу о японской агрессии в Китае руководствуйтесь следующим: следует принять за основу предложение китайцев ¹¹⁶, чтобы затем можно было вносить поправки. При этом заявите, что политикой Советского правительства является поддержка жертв агрессии. Укажите также на то, что, следуя последнему заявлению Чемберлена о согласии поддерживать жертвы агрессии, англичане также должны были бы поддерживать китайское предложение.

Нарком

361. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому

20 мая 1939 г.

СССР весьма серьезно относится к вопросу о вооружений Аландских островов ⁶⁰. Мы заинтересованы в этом не только не меньше, а больше, чем Швеция, так как вооружение этих островов может быть использовано во враждебных целях против СССР, для того, чтобы запереть нам выход из Финского залива. Мы запросили финское правительство о характере и размерах предполагаемого им вооружения и ждем соответствующего ответа {{* [См. док. 356.](#)}}. До выяснения этих вопросов мы против обсуждения вопроса о вооружении Аландских островов в Лиге наций, так как мы будем не готовы к его рассмотрению, и предлагаем отложить обсуждение. В случае же, если все-таки этот вопрос будет обсуждаться в Лиге наций, наш представитель должен голосовать против предложения финнов и шведов и тем самым сорвать решение Лиги, так как для пересмотра международной конвенции требуется единогласное голосование.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2058, л. 4—5.

362. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

20 мая 1939 г.

Посол начал с напоминания о советско-германских экономических переговорах, которые он и советник посольства {{** Г. Хильгер.}} вели некоторое время тому назад с т. Микояном {{{* [См. док. 155.](#)}}}. Переданный т. Микояном проект торгового соглашения создал трудности, однако министерство в Берлине старалось найти решение вопроса, чтобы все же прийти к соглашению. Посол выразил надежду, что соглашение будет достигнуто, и сообщил о намерении своего правительства направить в Москву «знаменитого» Шнурре для переговоров с т. Микояном. Я сказал послу, что о приезде Шнурре в Москву мы слышим не в первый раз. Шнурре уже выезжал в Москву, и его поездка все же была отложена. Экономические переговоры с Германией за последнее время начинались не раз, но ни к чему не приводили. Я сказал дальше, что у нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; что для такой игры следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР. СССР в игре такого рода участвовать не собирается.

Посол заверял меня, что речь не идет об игре, что у германского правительства определенные желания урегулировать экономические отношения с СССР, что пожелания т. Микояна справедливы, но их очень трудно выполнить из-за существующих в Германии затруднений с сырьем и рабочей силой. Германское правительство желает продолжать эти переговоры.

На это я ответил, что мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база. Без такой политической базы, как показал опыт переговоров с Германией, нельзя разрешить экономических вопросов. На это посол снова и снова отвечал повторением того, что Германия серьезно относится к этим переговорам, что политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год, что у Германии нет желания нападать на СССР, что советско-германский договор действует ¹¹⁷ и в Германии нет желающих его денонсировать. На вопрос Шуленбурга о том, что следует понимать под политической базой, я ответил, что об этом надо подумать и нам и германскому правительству. Опыт показал, что сами по себе экономические переговоры между СССР и Германией ни к чему не привели, что указанное послом улучшение политической атмосферы между Германией и СССР, видимо, недостаточно. На вопрос посла, правильно ли он понял меня, что в настоящее время нет благоприятных условий для приезда Шнурре в Москву, я ответил, что экономическим переговорам должно предшествовать создание соответствующей политической базы.

Во время всей этой беседы видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью. Он всячески пытался заверить, что Германия серьезно относится и рассчитывает на заключение экономического соглашения с СССР. Посол, кроме того, весьма стремился получить более конкретные разъяснения о том, какая именно политическая база имеется в виду в моем заявлении, но от конкретизации этого вопроса я уклонился.

Кроме того, посол просил помочь в разрешении вопроса об освобождении и высылке из СССР в Германию 300—400 германских граждан, находящихся под арестом в СССР. Я ответил, что не совсем в курсе этого дела и дам указание своим помощникам заняться этим вопросом.

В. Молотов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, с. 24-26.

363. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

20 мая 1939 г.

Шуленбург пришел ко мне растерянный и смущенный. Он заявил, что т. Молотов в разговоре с ним признал нецелесообразным приезд в Москву Шнурре, пока под экономические переговоры СССР с Германией не будет подведена надлежащая политическая база {{* [См. док. 362.](#)}}. Шуленбург добавил, что, по мнению т. Молотова, отношение германского правительства к экономическим переговорам с нами производит впечатление «игры». Шуленбург начал плакаться мне, что мы напрасно не учитываем «улучшения атмосферы» в Берлине, что сам он четыре с лишком года старался улучшить отношения между Германией и СССР, что он не знает, как ему сообщить в Берлин об ответе т. Молотова. В сущности, приезд Шнурре в Москву отклонен Советским правительством. [...]

В. Потемкин

364. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта министру иностранных дел Германии И. Риббентропу

20 мая 1939 г.

Военный министр {{* С. Итагаки.}} только что передал через генерала Майири письменное заявление для г. рейхсминистра, которое вкратце сводится к следующему.

На совещании пяти министров принято решение о присоединении Японии к военному пакту. Министр иностранных дел самое позднее в воскресенье информирует германское правительство. Армия достигла единства с остальными видами вооруженных сил, добилась в принципе осуществления своих требований, пойдя на некоторые уступки в формулировках. Японское правительство надеется, что на этой основе можно достичь единства с Германией и Италией в ускоренном порядке. Армия добивается секретного парафирования одновременно с подписанием германо-итальянского пакта ¹¹⁰, чтобы сразу закрепить тройственный характер союза. Военный министр, подчеркивая это стремление, неоднократно высказывал просьбу к г. рейхсминистру, чтобы тот проявил полное доверие к искренним чувствам армии и к ее способности добиться осуществления своих требований, не обращая внимания на незначительные изменения германского проекта.

Заявление производит большое впечатление. Подчеркивается твердая решимость армии, несмотря на начальные трудности, полностью выполнить как вне, так и внутри страны обязательства, зафиксированные в пакте, как это уже имело место при заключении антикоминтерновского пакта. История Японии свидетельствует, что она подходит к заключению договоров с особой осторожностью и не спеша, однако строго выполняет раз уже заключенные ею соглашения. Армия не смогла за такой короткий срок полностью искоренить чувства дружбы к Англии, которые существовали на протяжении десятилетий. Однако будучи подлинной движущей силой японской государственной политики, она берет на себя твердое обязательство постепенно закрепить во всех слоях народа идею союза.

По многим признакам складывается впечатление, что сегодняшнее решение кабинета окончательное. Заявление военного министра носило глубоко откровенный характер и было сделано в торжественном и серьезном тоне.

Omm

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С.407—408. Опувл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 449-450.

365. Письмо посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии

20 мая 1939 г.

Спустя 14 дней после моего возвращения {{* И. Вельчек возвратился из Берлина в Париж 6 мая.}}, во время которых я не встречался с министром иностранных дел, я счел необходимым лично побеседовать с Бонне для решения текущих дел, в частности по вопросу о прекращении выдворений и обсуждения проблем торговой политики. Поэтому вчера после полудня я поручил передать ему, что в соответствии с его желанием я предоставляю себя в его распоряжение для беседы. Ответ поступил незамедлительно: он (Бонне) просит меня приехать как можно скорее, министр иностранных дел выразил свою радость в связи с возможностью снова встретиться здесь со мной. Сначала я выполнил данные мне министром иностранных дел поручения, а затем затронул вопрос о реализации договоров, заключенных нами с Францией, и о развитии наших экономических отношений с ней ⁶¹. Мы ничего не имеем против Франции, сказал я, но мы не можем не указать на опасность той политики окружения Германии, которую проводит в последние два месяца Англия и которой, к сожалению, придерживается также Франция, причем как раз Франции придется взять на себя основное бремя затеянной Англией борьбы и принести чудовищные кровавые жертвы. Мирное решение восточных проблем, необходимость которого подчеркивалась еще прошлой осенью, теперь сорвано или, по меньшей мере, затруднено из-за поляков, получивших поддержку извне. Я сомневаюсь, способствует ли эта политика сохранению мира. Учитывая проявленное им (Бонне) до сих пор понимание жизненно важных интересов Германии, я не хотел бы верить, что он если не сегодня, то завтра намерен отказаться от политики мира. Бонне ответил мне, что он никогда не отклонится от главной линии своей политики и до конца будет бороться за дело мира. Несмотря ни на что, он продолжает отстаивать идею сотрудничества с Германией, которое снова налаживается и может стать со временем еще более тесным. Однако мы не должны упускать из виду, что положение по сравнению с сентябрем прошлого года существенным образом изменилось. В Мюнхене, где фюрер добился небывалого в истории успеха, было выражено стремление к строительству новой Европы, базирующейся на принципах сотрудничества, ибо имеется только одна альтернатива: сотрудничество или господство, как сказал Даладь в своей последней речи {{* На заседании палаты депутатов 11 мая.}}. Эта мечта основательно разрушена, и потребуются немало времени для того, чтобы прийти в себя после этого шока от неоправдавшегося доверия. До 15 марта не было никаких существенных препятствий на пути урегулирования восточных проблем. Каждый реально мыслящий политик после Мюнхена {{** [См. док. 1.](#)}} понял, что Чехословакию выдали Германии ¹. Если созданное тогда оказалось непрочным, то ведь можно же было изменить также и это положение путем консультаций между участниками соглашения, но отнюдь не с помощью насильственного акта всего несколько месяцев спустя. Иначе нет никакого смысла подписывать договоры. Они, как известно, заключаются не ради хорошей погоды, а в качестве предохранительного клапана для предотвращения грозы.

Если я (Бонне) спросил бы сегодня какого-либо рабочего в городе или крестьянина в деревне, ради чего он пошел бы на фронт, то каждый ответил бы, что он пошел бы на войну не ради Данцига, а для защиты совершенно других ценностей. Людям уже порядком надоело то и дело узнавать из газет о новых актах насилия и жить в постоянном беспокойстве. После краха его (Бонне) политики, направленной против военных бурь и пожаров, стало чрезвычайно трудно бороться против поджигателей войны. Эти поджигатели войны заинтересованы, конечно, в том, чтобы повсюду подливать масло в огонь, как в свое время в Румынии, откуда обратились к Франции с просьбой о помощи. Он надеется, что у нас в настоящее время ясно представляют себе, что любой новый акт насилия неизбежно развязал бы мировую войну. С тех пор как фюрер якобы сказал Гафенку, что, по его мнению, война будет иметь своим последствием большевизм, он, Бонне, стал более уверен в будущем, так как ведь мы все не хотим допустить усиления большевизма ни в мировом масштабе, ни в локальных рамках. До сих пор еще ни одна

война в истории окончательно не решала имеющиеся проблемы. Итак, в настоящее время задача состоит в том, чтобы снова найти путь к сотрудничеству, и он всегда готов к такому сотрудничеству, несмотря на крики его многочисленных врагов. В случае если я натолкнусь на недоброжелательное отношение французской прессы, на которую он имеет влияние, то он просил бы меня назвать ему статьи, вызывающие нарекания, и он прибегнул бы тогда к соответствующим средствам, насколько это будет в его власти. По вопросу о выдворении нежелательных для обеих сторон лиц необходимо было бы также достигнуть полубовной сделки; он лично в целом ряде случаев вступался за высылаемых, например в случае с представителем газеты «Эссенер национальцайтунг», против которого якобы были выдвинуты справедливые обвинения; об этой газете он знает, что она близка генерал-фельдмаршалу Герингу.

Он (Бонне) не будет сидеть сложа руки, а пойдет дальше по пути, который он признает верным.

Вельчек

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 94—95.
Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 447-449.

366. Телеграмма представителя СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Женева, 21 мая 1939 г.

По инициативе Галифакса имел сегодня с ним беседу, которая в основном была посвящена обмену мнениями по вопросу об англосоветских переговорах.

Галифакс расспрашивал о причинах нашего отказа принять последнее английское предложение {{* [См. док. 327.](#)}}. Я привел эти причины, оговариваясь, однако, что высказываю личное мнение. В своих объяснениях я особенно подчеркивал отсутствие в английском предложении настоящей взаимности, а также указал, что нашей целью является предупреждение агрессии и войны и что это возможно лишь при концентрации на стороне мира столь могущественных сил, которые исключали бы всякую надежду для агрессора на возможность победы. Последний аргумент произвел на Галифакса ; большое впечатление, Галифакс несколько раз спрашивал меня, удовлетворились ли бы мы расширением англо-французской гарантии на Прибалтийские государства без тройственного пакта в нашей формуле. Я, однако, совершенно ясно дал ему понять, что наши предложения являются минимальными.

В свою очередь я спросил Галифакса, каковы возражения британского правительства против нашего плана {{** [См. док. 342.](#)}}. Он не мог мне ответить ничего вразумительного, держась в рамках заявления Чемберлена в парламенте 19 мая, причем в качестве крупнейшего препятствия Галифакс указал на имеющееся якобы нежелание самих Прибалтийских государств быть гарантированными другими державами.

Из рассуждений Галифакса было совершенно очевидно, что английское правительство избегает тройственного пакта, просто не желая сжигать мостов к Гитлеру и Муссолини ¹¹⁸.

Галифакс интересовался вопросом о том, согласен ли был бы СССР гарантировать Голландию, Бельгию и Швейцарию в случае принятия нашего плана западными державами. Я ответил, что сейчас не могу сказать по этому поводу ничего определенного, но полагаю, что, если бы западные державы захотели поставить такой вопрос, Советское правительство, вероятно, не отказалось бы его обсудить.

В заключение Галифакс сказал, что обдумает еще раз положение и доложит о своих выводах кабинету 24 мая (Галифакс покидает Женеву 23 мая вечером), когда британским правительством будет принято окончательное решение. О вчерашних англо-французских переговорах в Париже Галифакс мне ничего не сказал.

Майский

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2057, л. 11 —12. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 408-409.

367. Выступление представителя СССР И. М. Майского на сессии Совета Лиги наций

22 мая 1939 г.

В качестве представителя Союза Советских Социалистических Республик я хотел бы поддержать предложения, выдвинутые китайским делегатом в его убедительном и красноречивом выступлении ¹¹⁶. Сейчас встречается все более широкое признание даже со стороны тех, кто в прошлом относился к этому скептически, что единственный путь, который может положить конец дальнейшему расширению беззакония и хаоса в международных отношениях, неизбежно ведущих в конце концов к европейской и даже мировой войне,— это путь твердого сопротивления агрессии. Из этого, естественно, следует, что жертвам агрессии необходимо оказывать максимально возможную помощь и поддержку. Такова позиция моей страны, которая всегда готова — и это сущность нашей политики — оказывать помощь жертвам агрессии.

К такому мнению присоединяется все большее и большее число государств. В этой связи я хотел бы сослаться на то, что правительство Соединенного королевства — имеется в виду не кто иной, как английский премьер-министр,— выразило свою приверженность принципу оказания помощи жертвам агрессии, которые ведут активную борьбу в защиту своей независимости ¹¹⁹.

Этот принцип полностью применим к вопросу о Китае, который мы обсуждаем сегодня. Китай является жертвой грубой и неспровоцированной агрессии. Он ведет тяжелую и героическую борьбу за свою независимость. Поэтому я считаю, что Совет должен с необходимым вниманием отнестись к просьбе китайской делегации и рассмотреть китайские предложения с максимальным сочувствием. Это относится в особенности к тем державам, которые поддерживают вышеупомянутый принцип.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 410.

368. Из пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией

22 мая 1939 г.

[...] Статья I

Договаривающиеся Стороны будут находиться в постоянном контакте друг с другом, с тем чтобы согласовывать свои позиции по всем вопросам, касающимся их взаимных интересов или общего положения в Европе.

Статья II

В случае если взаимные интересы Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу какими-либо международными событиями, они незамедлительно приступят к консультациям о мерах, которые необходимо будет предпринять для соблюдения своих интересов.

Если безопасность или другие жизненные интересы одной из Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу извне, то другая Договаривающаяся Сторона предоставит Стороне, находящейся в опасности, свою полную политическую и дипломатическую поддержку с целью устранения этой угрозы.

Статья III

Если вопреки пожеланиям и надеждам Договаривающихся Сторон дело дойдет до того, что одна из них окажется в военном конфликте с другой державой или с другими державами, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно выступит на ее стороне в качестве союзника и поддержит ее всеми своими военными силами на суше, на море и в воздухе.

Статья IV

Чтобы в соответствующем случае обеспечить быструю реализацию принятого в статье III союзнического обязательства, правительства обеих Договаривающихся Сторон будут и впредь углублять свое сотрудничество в военной области и в области военной экономики.

Статья V

Договаривающиеся Стороны обязуются уже теперь в случае совместного ведения войны заключить перемирие или мир лишь в полном согласии друг с другом.

Статья VI

Обе Договаривающиеся Стороны осознают значение, которое приобретают их совместные отношения к дружественным им державам. Они решили сохранять эти отношения и в будущем и совместно соответствующим образом учитывать интересы, связывающие их с этими державами.

Статья VII

Этот Пакт вступает в силу немедленно после подписания. Обе Договаривающиеся Стороны едины в том, чтобы первый срок его действия составлял десять лет. Своевременно до истечения этого срока они договорятся о продлении действия Пакта.

В удостоверение сего уполномоченные подписали этот Пакт и приложили свои печати.

Изготовлен в двух экземплярах, на немецком и итальянском языках, имеющих одинаковую силу.

Берлин, 22 мая 1939 г.— в XVII году Фашистской Эры.

Иоахим ф. Риббентроп Галеаццо Чиано

Печат. по изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. Bd. VI. S. 467-468.

369. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиненем

23 мая 1939 г.

Посланник начал с заявления, что хочет ответить на вопросы, поставленные мною 19 мая {{* [См. док. 356.](#)}}. Посланник заявил, что его правительство не находит возможным дать Советскому правительству детальную информацию о предполагаемых укреплениях на Аландских островах. Более подробную информацию, чем в ноте от 21 января с. г., Финляндия не дала даже державам, подписавшим конвенцию 1921 г.⁶⁰

После этого он зачитал ответ финляндского правительства, в котором было сказано следующее:

В зоне, расположенной к югу от демаркационной линии, финляндское правительство намерено приступить к работе по возведению укреплений, достаточных для эффективной защиты островов. Правительство не находит возможным дать более подробную информацию относительно этих укреплений, а также относительно зоны, расположенной к северу от демаркационной линии. Более подробные сведения не были сообщены даже финляндскому парламенту. Что же касается вопроса об особом положении Швеции« то к соображениям, изложенным в ноте от 21 января с. г., финляндское правительство добавляет, что конвенция 1921 г. была подписана по инициативе Швеции. Более того, Швеция и Финляндия проводят общую политику нейтралитета, которая недавно нашла свое выражение в их отказе заключить предложенные германским правительством двусторонние пакты о ненападении, как это, вероятно, известно Советскому правительству.

В ответ на мои вопросы посланник должен был признать, что не все страны, подписавшие конвенцию 1921 г., поставлены финляндским правительством в одинаковое положение теперь, когда Финляндия хочет изменить конвенцию 1921 г. Так, Швеция находится в числе десяти стран, подписавших эту конвенцию, но она с согласия Финляндии не только полностью информирована о предполагаемом вооружении Аландских островов, но и будет непосредственно участвовать в осуществлении вооружения островов, чего не сделано в отношении остальных девяти стран. При этом я констатировал, что СССР не меньше, а больше, чем Швеция, заинтересован в вопросе о вооружении Аландских островов, так как при известной обстановке эти вооружения могут быть использованы во враждебных целях против СССР для того, чтобы закрыть входы и выходы в Финский залив для советских судов. Я отметил также, что если, по сообщению посланника,

финское правительство не информировало о вооружениях островов даже финляндский парламент, то, с другой стороны, шведское правительство не только информировано, но и должно участвовать по проекту финского правительства в этом деле.

В связи с замечанием посланника о том, что он некоторое время тому назад представил т. Литвинову предложенный его правительством проект обмена нотами о соответствующих гарантиях нейтралитета Аландских островов, я ответил, что гарантий такого рода недостаточно, чтобы обеспечить интересы СССР в Финском заливе на военное время. Я подчеркнул, что Финляндия не ограничилась в отношении Швеции обменом нотами о таких гарантиях, а привлекла Швецию к полному участию в осуществлении вооружений островов.

Ввиду всего этого я сказал, что доложу ответ финляндского правительства правительству СССР, но должен предупредить посланника, что считаю ответ финляндского правительства недостаточным и неудовлетворительным.

Посланник спросил дальше, как будет относиться советский представитель в Совете Лиги наций к предложению Финляндии о вооружении Аландских островов. Я ответил, что ввиду такого недостаточного и неудовлетворительного ответа финляндского правительства он отнесется в данный момент к этому предложению отрицательно. Я обратил внимание посланника на то, что своим ответом Финляндия ставит Советский Союз в этом вопросе в положение, неравное с другими странами, имея в виду Швецию, особое положение которой в вопросе об Аландских островах конвенцией не предусмотрено. Мною было указано, что одно дело, когда вооружением Аландских островов занялась бы сама Финляндия, которой принадлежат эти острова, и другое дело, когда к этому делу привлекается другая страна — Швеция, а в то же время Советскому Союзу, который заинтересован в этом вопросе не меньше, чем Швеция, не дана Финляндией даже информация о характере и размерах вооружений островов. Все это заставляет меня сказать, что ответ финляндского правительства нельзя признать удовлетворительным.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 27-29.

370. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова представителю СССР на сессии Совета Лиги наций И. М. Майскому, в Женеву

23 мая 1939 г.

При обсуждении в Совете Лиги аландского вопроса ⁶⁰ Вам надлежит заявить следующее:

Первое. Советский Союз заинтересован в статусе Аландских островов не только как прочие великие европейские державы, которые подписали конвенцию, не только как член Совета Лиги наций, но непосредственно и прямо как государство, прилегающее к Финскому заливу, в особенности принимая во внимание, что вооружение Аландских островов может быть использовано, чтобы запереть для СССР выходы и входы Финского залива.

Второе. Ноты Швеции и Финляндии от 21 января 1939 г., сообщившие Советскому правительству о намерении Швеции и Финляндии поставить в Совете Лиги наций вопрос об изменении статуса Аландских островов, не учли и обошли молчанием вышеуказанную

прямую и непосредственную заинтересованность Советского Союза в режиме Аландских островов. Эти ноты ограничились лишь просьбой о содействии Советского правительства реализации финляндско-шведского плана при прохождении этого вопроса в Совете Лиги наций. Вопрос о предварительном согласии Советского правительства на предполагаемое изменение статуса Аландских островов перед СССР в нотах не ставился. Между тем у других держав, менее, чем СССР, заинтересованных в статусе Аландских островов и лишь подписавших конвенцию 1921 г., такое предварительное согласие было испрошено.

Третье. Для Советского правительства представляется неясным, в каких, собственно, целях предполагается милитаризация Аландского архипелага, в каком объеме она будет произведена, против кого это мероприятие направляется и, наконец, какими гарантиями предупреждается возможность использования укрепленных Аландских островов какой-либо агрессивной державой против СССР, в непосредственной близости с которым расположен упомянутый Аландский архипелаг.

Четвертое. Советское правительство внимательно изучает данный вопрос. Всякое недостаточно подготовленное его разрешение представляется Советскому правительству нежелательным, способным лишь осложнить международные отношения и тем самым нанести ущерб делу общего мира.

Пятое. В силу высказанных соображений Советское правительство предлагает отложить разрешение вопроса об Аландских островах, внесенного в Совет Лиги наций правительствами Финляндии и Швеции, и не вынуждать в противном случае Советское правительство голосовать против принятия Советом Лиги финляндско-шведского плана.

Имейте в виду, что на вопрос об Аландских островах мы обращаем особенное внимание. Используйте все свое искусство и авторитет для того, чтобы разложить англичан и французов и склонить их к решению отложить вопрос. В случае невозможности их убедить Вы должны голосовать против. Не может быть и речи о воздержании от голосования. К Вашему сведению сообщаем, что является недостаточным и неудовлетворительным полученный ответ финнов на запрос Молотова {{* [См. док. 369.](#)}}.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2058, л. 7-9.

371. Из записи совещания у рейхсканцлера Германии А. Гитлера

23 мая 1939 г.

Участники совещания: фюрер, фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер, генерал-полковник фон Браухич, генерал-полковник Кейтель, генерал-полковник Мильх, генерал артиллерии Галь-дер, генерал Боденшатц, контр-адмирал Шнивиндт, полковник Ешоннек, полковник генштаба Варлимонт, подполковник генштаба Шмундт, капитан Энгель, корветтен-капитан Альбрехт, капитан фон Белов.

Повестка дня: информация о политическом положении и задачах.

Фюрер характеризует задачу совещания следующим образом:

- 1) характеристика положения;
- 2) определение задач, вытекающих для вермахта из нынешней ситуации;
- 3) уяснение вытекающих из этих задач последствий;
- 4) обеспечение секретности всех решений и работ, которые будут определены в ходе совещания.

Секретность — предпосылка успеха.

Ниже приводится основное содержание выступления фюрера:

Наше нынешнее положение следует рассматривать с двух точек зрения:

- 1) фактическое развитие за период с 1933 по 1939 гг.;
- 2) общее положение Германии, которое на протяжении длительного периода остается неизменным.

За период с 1933 по 1939 г. — успехи на всех участках. Колоссальное улучшение нашего военного положения.

Наше положение в окружающем мире осталось неизменным.

Германия была исключена из круга могущественных государств. Равновесие сил было установлено без участия Германии.

Выдвижение Германией жизненно важных для нее претензий и ее вступление в круг могущественных государств нарушают это равновесие. Все претензии рассматриваются как «вторжение».

Англичане больше боятся экономической угрозы, чем обыкновенной угрозы силой.

80-миллионная масса разрешила духовные проблемы. Необходимо решить и экономические проблемы. Ни один немец не может обойти вопрос о создании необходимых для этого экономических предпосылок. Для решения данных проблем требуется мужество. Принцип, в соответствии с которым путем приспособления к обстоятельствам устремятся уйти от решения проблем, не должен иметь места. Наоборот, необходимо обстоятельства приспособлять к потребностям. Без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества это невозможно.

Жизненное пространство, соразмерное с величиной государства, является основой для любой власти. Некоторое время можно отказываться от него, однако потом так или иначе придется решать эту проблему. Мы перед выбором: подъем или падение. Через 15—20 лет решение вопроса станет для нас вынужденной необходимостью. Ни один из немецких государственных деятелей не может более уходить от этого вопроса.

В настоящий момент мы находимся в состоянии национального подъема, равно как и два других государства: Италия и Япония.

Имевшееся время было хорошо использовано. Все шаги последовательно преследовали намеченную цель.

По истечении шести лет положение следующее:

За небольшими исключениями, национально-политическое объединение немцев осуществлено. Достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя.

Определение границ — дело военной важности.

Поляки — наш извечный враг. Польша всегда будет стоять на стороне наших противников. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда думали о том, чтобы использовать против нас любую возможность.

Дело не в Данциге. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения. Плодородие и немецкое солидное ведение хозяйства в громадных размерах увеличат излишки продукции.

В Европе нет иных возможностей.

Колонии: предупреждение от принятия в качестве подарка колониальных владений. Это не решение продовольственной проблемы. Блокада!

Если судьба заставит нас столкнуться с Западом, то в этом случае будет хорошо иметь обширную территорию на Востоке. В ходе войны мы в еще меньшей мере сможем рассчитывать на рекордные урожаи, чем в мирное время.

Население негерманских областей не несет военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила.

«Проблему Польши» невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом.

Внутренняя устойчивость Польши по отношению к большевизму — сомнительна. Поэтому Польша является сомнительным барьером против России.

Быстрое достижение победы в войне с Западом остается под вопросом, так же как и позиция Польши.

Польский режим не выдержит давления России. В победе Германии над Западом Польша усматривает угрозу для самой себя и попытается лишить нас этой победы.

Поэтому польский вопрос обойти невозможно; *остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу.*

О повторении чешского варианта нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача в том, чтобы изолировать Польшу. Ее изоляция имеет решающее значение.

Поэтому фюрер должен резервировать за собой право на окончательный приказ о начале действий. Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Нет уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключается; тогда борьбу следует вести в первую очередь против Англии и Франции.

Принципиальная установка: столкновение с Польшей, начиная с нападения на нее, может увенчаться успехом только в том случае, если Запад будет исключен из игры.

Если это невозможно, то тогда лучше напасть на Запад и одновременно покончить с Польшей. [...]

Верно:
Подполковник *Шмундт*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 411—413. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 477-483.

372. Сообщение Народного комиссариата иностранных дел СССР

24 мая 1939 г.

Правительство Финляндии обратилось к правительству СССР за оказанием содействия в вопросе о проведении пересмотра конвенции 1921 г., согласно которой Аландские острова не должны вооружаться и должны быть нейтрализованы. Эта конвенция была подписана 10 государствами {{* В тексте сообщения, опубликованного в газетах, ошибочно говорилось, что конвенция подписана 22 государствами. Поправка помещена в газетах «Известия» и «Правда» 26 мая 1939 г.}}. Хотя под этой конвенцией нет подписи СССР, тем не менее Советское правительство считало и считает себя особо заинтересованным в этом деле. В настоящее время Финляндия стремится пересмотреть эту конвенцию 1921 г., желая совместно со Швецией провести вооружение Аландских островов. Ввиду этого Советское правительство запросило через финляндского посланника в Москве ряд сведений о характере и размерах предполагаемого вооружения Аландских островов. Для СССР это имеет тем большее значение, что вооружение Аландских островов, расположенных недалеко от входа в Финский залив, может быть использовано в военное время для того, чтобы закрыть входы и выходы в Финский залив для советских судов.

Ввиду того что цели вооружения Аландских островов остаются не установленными, а финляндское правительство отказалось дать сведения о размерах и характере этих вооружений, Советское правительство, считая, что при этих условиях оно лишено возможности располагать материалами, необходимыми для решения указанного вопроса, дало указание своему представителю в Лиге наций добиваться отложения рассмотрения этого вопроса в данный момент в Совете Лиги наций.

Известия. 1939, 24 мая.

373. Запись беседы полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

25 мая 1939 г.

25.5 был с первым визитом у Бека. После обмена любезностями Бек говорил об усталости народов от войны, о том, что обеспечение мира — задача внешней политики Польши, и затем, сославшись на свою речь от 5 мая, заявил, что польское правительство твердо решило идти на уступки только до определенной линии, т. е. на уступки, не угрожающие ее независимости, и сможет принять только почетные, как он выразился, предложения со стороны Германии.

Я сказал Беку, что мы, советские граждане, с большим вниманием читали его речь, и, указав затем на пример Австрии, сказал, что не допускаю и мысли о возможности для Польши очутиться в таком же положении. Б[ек], сославшись на послеверсальскую историю и слабость Австрии, еще раз подчеркнул: «Уступки только до определенной границы — это твердое решение правительства». Затем, после обмена несколькими фразами о возможности трактовки немцами Польши как агрессора (против Германии) и сочувствии других народов по отношению к Польше, я заметил, что мы, конечно, готовы были бы помочь, но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т. е. заранее знать о необходимости помогать. После нескольких фраз об улучшении отношений между СССР и Польшей и заявления Б., что между двумя государствами нет спорных вопросов и что он надеется, что приезд т. Потемкина [{* См. док. 332.}](#) дал возможность внести полную ясность в отношения между двумя странами, что я подтвердил, Б. просил лично у него получать информацию по вопросам внешней политики Польши (отвечая, очевидно, на мои слова о сообщении Гжибовскому текста наших предложений Англии). Визит продолжался 20 минут.

Полпред СССР в Польше *Шаронов*

АВП СССР, ф. 0122, оп. 23, п. 183, д. 7, л. 39. Оpubл. в сб.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 111-112.

374. Запись беседы полномочного представителя СССР в Норвегии В. А. Никонова с чрезвычайным и полномочным посланником Дании в Норвегии Х. Л. Х. Кауфманом, временным поверенным в делах Бельгии в Норвегии Улленс де Схоотеном и командующим морскими силами Норвегии Дисеном [{** Из дневника В. А. Никонова от 15 июня 1939 г.}](#)

25 мая 1939 г.

25 мая с. г. был на обеде у министра иностранных дел Кута. Основной темой всех бесед был [вопрос] о предстоящем заключении военного альянса Англией и Францией с СССР. Дипломатические представители Дании, Бельгии и командующий морскими силами Норвегии видят в лице СССР самую могущественную страну из этих трех, что, по их мнению, вынуждает широкие английские круги обращать свои взоры на СССР.

Представитель Бельгии считает, что английское правительство затеяло опасную игру с огнем, который может перекинуться на них самих. То есть:

1. При ведении переговоров с СССР Англия постарается наверстать время, упущенное для военно-технического оснащения своей армии и для перестройки всей своей военной промышленности.

2. Английское правительство не заинтересовано в быстром заключении альянса с СССР, так как эта оттяжка дает ему широкую возможность маневрирования между СССР и агрессорами.

3. Правительство Чемберлена преследует цель: при переговорах о заключении альянса поставить СССР в невыгодные условия и на случай провала этих переговоров постараться обвинить правительство СССР как несговорчивое, и этим [оно] будет стремиться оправдать свои действия перед общественными кругами Англии. Начало английских интриг он видит в поведении Эстонии и Финляндии, отраженном в их прессе и доказывающем, что они не хотят принять английских гарантий.

По вопросу укрепления Аландских островов командующий морскими силами Норвегии сказал, что этот вопрос, несмотря на протест СССР, был предreshен Лондоном в апреле 1938 г. во время неофициального визита шведского министра иностранных дел Сандлера.

Командующий отметил, что военные круги Швеции против укрепления, потому что это дает возможность Германии угрожать непосредственно столице Швеции и, таким образом, держать ее все время под угрозой.

Нужно отметить, что Кут на этом обеде был гораздо внимательнее и любезнее, чем прежде.

Полпред СССР в Норвегии
Никонов

АВП СССР, ф. 0116, он. 21, п. 121, д. 390, л. 10-11.

375. Запись беседы германского коммерсанта с советником посольства Германии в Польше Р. Шелией

25 мая 1939 г.

Фон Шелия рассказал, что по инициативе вице-министра иностранных дел Польши Арцишевского германский посол фон Мольтке 19 или 20 мая был вместе с Арцишевским на завтраке у болгарского посланника в Варшаве. Арцишевский действовал с согласия Бека. Арцишевский говорил, что Бек весьма неохотно принимает участие в проведении нынешней политики Польши и, конечно, был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция. Бек считает, что война между Германией и Польшей была бы бессмыслицей, из которой извлекли бы выгоду лишь другие. Какое большое значение Бек придает тому, чтобы не раздражать Германию, показывает та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом. Бек также не понимает, почему Германия хочет иметь именно Данциг, в то время как она отказывается от других германских территорий, расположенных на границах Германии, как-то: Южный Тироль и Эльзас.

На вопрос Арцишевского, почему Германия выбрала столь неблагоприятный момент для своего предложения Польше, Мольтке ответил, что это предложение должно было послужить умиротворению и что поэтому с германской точки зрения выбор момента не мог играть решающей роли. Мольтке далее заявил, что в настоящее время не имеется

благоприятных возможностей для того, чтобы начать разговор. Одной из причин является речь Бека, в которой было проявлено мало желания пойти навстречу.

Фон Шелия на основании бесед, которые он имел 15 — 19 мая в Берлине с политическим директором министерства иностранных дел Вёрманом и с рядом других высокопоставленных чиновников этого министерства, а также с рядом штабных офицеров министерства авиации и военного министерства, констатировал, что в действительности в настоящее время в Берлине ни при каких обстоятельствах не хотят вступать в переговоры с Польшей. Здесь считали бы в высшей степени неподходящим, если бы с польской стороны были сделаны какие-либо конкретные предложения. Рассчитывают на полный успех применяющейся сейчас против Польши тактики изматывания. Такой подход подкрепляется, во-первых, сообщениями о возрастающих экономических трудностях Польши, во-вторых, уже упоминавшимися выше сообщениями о проявленной польской стороной готовности к переговорам. Поэтому в названных берлинских кругах открыто говорят о том, что решение германо-польского спора возможно теперь лишь на базе возвращения Германии Данцига и коридора. Иногда можно услышать, причем из очень хорошо информированных источников, что германские требования сейчас уже распространяются на Познань и Верхнюю Силезию.

Фактором, тормозящим безусловно имеющиеся агрессивные устремления Германии в отношении Польши, является Советский Союз. По мнению влиятельных берлинских кругов, в настоящее время вопрос о позиции Советского Союза вообще является самым важным вопросом.

Касаясь других своих впечатлений, фон Шелия сказал, что в имперском министерстве авиации непоколебимо убеждены в том, что Германия вскоре будет воевать. Мнения о сроках и концепциях расходятся. Говорят о том, что мы не хотим мировой войны, но фюрер уж сумеет найти подходящую конъюнктуру. Столь же воинственно настроены высшие офицеры в военном министерстве. Там придерживаются тезиса, что было бы лучше своевременно ликвидировать восточный фронт посредством превентивной войны против Польши. При этом ссылаются на высказывания Гитлера, который сейчас «лично зол на Польшу». Раздуванию воинственного настроения в обоих названных министерствах способствовала недавняя речь Гитлера перед молодыми офицерами вермахта. В этой речи он также исходил из неизбежности скорой войны и призвал офицеров уже сейчас быть готовыми отдать свои жизни в этой исторической акции.

Во всей Восточной Германии производятся крупные переброски войск в направлении восточной границы. Вследствие этих перебросок войск весьма обеспокоено население в приграничных районах. Уже сейчас можно констатировать многочисленные случаи переселений во внутренние районы страны. В Берлине, напротив, за исключением высших чиновников и офицеров, настроения полностью фаталистические. Люди заняты заботами о хлебе насущном.

Вопреки распространенному именно в Польше мнению о том, что вина за ожесточение германского внешнеполитического курса ложится на Риббентропа, следует констатировать, что внешняя политика Риббентропа определяется единственно Гитлером. Риббентроп может лишь своей грубостью, высокомерием и недостаточной интуицией в беседах с иностранными послами и посланниками делать еще более неудобоваримыми и без того трудно перевариваемые пожелания и требования Германии. Он это и делает фактически, как, например, в беседах с Липским в марте — апреле текущего года ⁹⁹, а на основании этого формального впечатления многие в кругах иностранных дипломатов считают его инспиратором ожесточенной германской внешней политики.

**376. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

26 мая 1939 г.

Нам стало известно, что как англичане, так и французы хотят связать принятие нашего требования о взаимопомощи трех держав с уставом Лиги наций и с процедурой Лиги наций. Мы это понимаем так, что они хотят превратить в бумажку первый пункт нашего предложения {{* [См. док. 342.](#)}}, после того как сами англичане и французы на одном из заседаний Лиги наций в присутствии Литвинова признали необязательными наиболее важные пункты устава Лиги, в том числе статью 16. Это значит, что в случае агрессии взаимная помощь будет оказана не немедленно, как мы это предлагаем, а лишь после обсуждения в Лиге наций, причем никому не могут быть известны результаты такого обсуждения.

Предупредите от себя лично французов, что, по Вашему глубокому убеждению, Москва не согласится с оговоркой в отношении Лиги наций, а будет требовать немедленного вступления в силу пакта о взаимной помощи.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 91—93. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 416.

**377. Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица
заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину {{*
Печатается с сокращением.}}**

26 мая 1939 г.

[...] В истории капиталистического мира, столь изобилующей преступлениями и обманом, мюнхенский эпизод заслуживает, несомненно, одной из самых «почетных» страниц. С первого до последнего дня конфликта, созданного германо-чехословацким вопросом, вся политика кабинета Даладье — Бонне, сознательно направленная на удовлетворение германских требований, была целиком основана на методах блефа, шантажа и обмана общественного мнения.

Как бы извиняясь за свою мюнхенскую измену Чехословакии и Франции, Даладье убеждал парламент в своей декларации от 4 октября, что «судетская проблема уже была поставлена на очереди, когда образовалось правительство (Даладье — Бонне)». Извинение это решительно ничего не извиняет; то, что вопрос был поставлен Гитлером до прихода к власти Даладье, отнюдь не оправдывает того разрешения, которое при соучастии Даладье ему было дано 29 сентября в Мюнхене. Стараясь доказать, что мюнхенское соглашение спасло Францию и Чехословакию от неизбежной войны, Даладье прибег к сознательному затушевыванию неприятных для него фактов и к тенденциозному, изложению всех событий в целом. Обрисовав, например, противостоящие тогда Германии силы, он ни

словом не заикнулся об СССР. Рассказав, далее, что 27 сентября Гитлер пригрозил Горацию Вильсону {{** Главный советник английского правительства по вопросам экономики.}}, что начнет военное наступление на Чехословакию, если его требования относительно Судетской области не будут полностью удовлетворены, Даладье скрыл, что и в мае того же года Гитлер также угрожал Чехословакии, но вынужден был отступить, напоравшись на чехословацкую мобилизацию и на вето Англии и той же Франции. Что же произошло между маем и сентябрем? Ослабла ли военная мощь Англии, Франции и Чехословакии? Выросла ли столь чрезмерно военная мощь Германии?

Нет, за этот период времени удалось только довести до конца дело блефа, обмана и запугивания общественного мнения во Франции, в Англии и Чехословакии. За этот период удалось довести до конца ряд финансовых операций, являющихся экономической подоплекой политических ходов и событий.

Следовало бы написать целую книгу, чтобы изложить подробно все эпизоды этой поистине невероятной кампании лжи и обмана, проведенной во Франции и в Англии в течение апреля — сентября 1938 г. Одним из первых застрельщиков ее выступил проф. Жозеф Бартелеми в «Тан» (от 12 апреля). Знаменитый знаток международного права и политики, бывший член парламента убеждал в своей статье, что Франция отнюдь не обязана защищать целостность Чехословакии. Ни Жорж Бонне, ни Даладье ни словом не обмолвились по этому поводу. Статья ученого профессора в «Тан», обойденная молчанием правительства, сделала свое дело. Во Франции политические круги стали колебаться, в Чехословакии статью «Тан» использовал Генлейн для своей пропаганды.

За первым застрельщиком потянулась целая свора продажных фашистских газет и журналов: «Матэн», «Республик», «Же сюи парту», «Гренгуар» и т. д. Как недавно публично заявил редактор «Эпок» правый депутат Кериллис, германская пропаганда потратила во Франции на эту кампанию свыше 300 млн фр. Никто, однако, не сумел еще установить, сколько на нее истрачено было и из секретного фонда французского министра иностранных дел. Воздействие Бонне не ограничилось, впрочем, одной прессой. Жорж Бонне является инспиратором пораженческих выступлений профсоюза почтовиков и народных учителей, обманувших на первых порах даже Ромена Роллана. Бонне не брезговал никакими приемами и уловками для того, чтобы дезинформировать не только общественное мнение, но даже членов парламента и правительства. За спиной французских послов в Берлине и Риме он вел тайные переговоры через своих доверенных лиц: вице-председателя «Франко-германского комитета», пресловутого де Бринона и банкира, управляющего «Франко-итальянским соляным обществом», Бодуэна — в Риме.

Но правительство Даладье не ограничивалось одной только подготовкой общественного мнения Франции. Оно не только старалось посеять в душе французского обывателя сомнение в собственных военных силах и страх перед военной мощью противников, оно не только из кожи лезло вон, чтобы поколебать в нем веру в поддержку Советского Союза, оно сделало больше и гаже. Оно вкупе с английскими сообщниками прибегло в Праге к методам самого наглого нажима и шантажа, чтобы заставить пражское правительство принять франко-британский план раздела Чехословакии. Это не мешало тому же правительству устами Бонне 4 сентября в Пуэнт де Грав и устами Даладье 26 сентября в Лондоне уверять и клясться, что Франция останется верна обязательствам, вытекающим из заключенных ею договоров.

Уверяют, что Даладье возвращался из Мюнхена со страхом. Он боялся встречи, которую ему могла и должна была приготовить впечатлительная и щекотливая в деле чести

парижская улица. Вместо этого его встретили как триумфатора. Обманутое мещанство и часть давшего себя запугать трудового населения встретили Даладье овациями, как спасителя мира. Хитрый политик не преминул воспользоваться случаем. Куя железо, пока оно было горячо, Даладье поспешил потребовать для себя полномочий. Расчет оказался верным: за исключением коммунистов и одного правого депутата, Кериллиса, палата депутатов не отказала в полномочиях «миротворцу».

Мюнхенское соглашение было подписано 29 сентября. 4 октября Даладье заявляет в палате депутатов: «Мы дали чешскому государству заверение о международных гарантиях. Франция и Великобритания обязуются безоговорочно и бессрочно присоединиться к международной гарантии новых чехословацких границ против всякой неспровоцированной агрессии».

Наивные или, вернее, притворившиеся наивными депутаты приняли это заявление громкими рукоплесканиями. Не менее громкие предсентябрьские заявления Бонне и Даладье были уже забыты.

Стараясь использовать мюнхенские настроения, французское правительство спешит сделать новый шаг на пути франко-германской дружбы. По-видимому, лавры Чемберлена, успевшего тайком от друзей подписать свой джентльменский «агримент» {{* Agreement — соглашение (англ.).}} с Гитлером {{** [См. док. 2.](#)}}, не дают спать Даладье. После ноябрьского еврейского погрома в Германии, вызвавшего всеобщее возмущение, возмущение, прорвавшееся наружу даже в правительственных выступлениях в Англии и Америке, Бонне и Даладье приглашают в Париж фон Риббентропа. Чтобы не запачкать арийской чистоты гитлеровского министра иностранных дел, неарийских членов кабинета гг. Манделл и Зея, просят не беспокоиться. После чисто арийского завтрака на Кэ д'Орсе 6 декабря гг. Жорж Бонне и Иоахим фон Риббентроп подписывают краткое соглашение, третий (и последний) параграф которого гласит, что оба правительства решили «оставаться в контакте по всем вопросам, интересующим обе страны, и взаимно совещаться в случае, когда дальнейшее развитие этих вопросов сможет повлечь за собой международные затруднения».

29 сентября в Мюнхене, 6 декабря {{*** Дата подписания франко-германской декларации о ненападении.}} в Париже — две даты, знаменующие торжество гитлеровской политики, два надгробных камня над погребенным принципом коллективной безопасности! Франция с Германией обязались друг дружку любить и жаловать, а затем «консультироваться». Судьба малых стран обеспечена. Без «консультации» Гитлер не посмеет отныне нарушать чьи-либо границы. Даладье и Бонне вновь «сохранили» и «укрепили» мир. Вся «дирижируемая» пресса упивается от восторга и провозглашает наступление новой эры в умиротворении Европы, и подымает одновременно подозрительный шум вокруг «украинской» проблемы. Создается определенное впечатление, что за кулисами парижских переговоров прощупываются новые пути для отведения германской «энергии» на Восток. Омрачает лишь неясность германской позиции в вопросе об итальянских претензиях. Эта неясность длилась, однако, недолго. Не прошло и двух недель после визита Риббентропа, как 17 декабря римское правительство рвет договор, заключенный между Лавалем и Муссолини, и бросает первую перчатку Франции, а Гитлер в своей январской речи (в речи от 30 января в рейхстаге) дает недвусмысленное обещание Италии поддержать ее против Франции, «каковы бы ни были мотивы войны».

Этот первый удар по гитлерофильской политике Даладье после подписания договора о консультации оказался, однако, булавочным уколом по сравнению с теми ударами, которые вскоре последовали «с легкой руки» того же Гитлера.

11 марта под нажимом Берлина Словакия рвет с Прагой, и Венгрия вторгается в Прикарпатскую Украину; 14 марта германские полчища вступают в Чехословакию, 15 марта они занимают Прагу. Независимая Чехословакия перестала существовать.

Это новое, неслыханное нарушение «священнейших» обязательств, принятых Гитлером, это столь наглое заключение, данное Гитлером мюнхенскому договору и всяким последующим более или менее джентльменским соглашениям, вызвало негодование даже у столь преданного гитлеровской Германии друга, как Чемберлен. Британский премьер был вынужден заявить, что новое германское хищничество рвет мюнхенское соглашение и что необходимо принять меры, гарантирующие мир против подобных насильственных действий. И действительно, после взятия Праги начинается как будто какой-то решительный перелом в политике Англии и слепо следующей за ней Франции. Заключается гарантийный пакт с Польшей и Турцией [{* См. док. 245., 254, 340.}](#). Предоставляются гарантии Румынии и Греции [{** См. док. 266., 267.}](#). Начинаются переговоры с СССР [{*** См. док. 197., 198.}](#). Создается впечатление, что вся политика последних лет окончательно перечеркивается и осуждена и что мы накануне возрождения принципов коллективного сотрудничества для организации решительного отпора агрессорам.

Поставлен ли, действительно, окончательный крест над всей политикой, которая велась в течение последних лет, покажет ближайшее будущее. Оселком будет служить отношение к сотрудничеству с СССР, без которого никакой эффективный отпор агрессорам невозможен и степенью близости с которым измеряется и степень серьезности и солидности «нового курса».

Способны ли, однако, на такой крутой перелом те самые правители, которые в течение ряда лет направляли курс европейской политики в сторону уступчивости и поощрения агрессии?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего разобраться в корнях и источниках всей политики капитулянтства последних лет.

Конечно, известное место имели и потеря темпов, промышленное и военное отставание, чувство слабости, но решающую роль сыграло не это, а классовые интересы правящих слоев, интересы ' всемогущего финансового капитала, направлявшего фактически всю внешнюю политику Франции и Англии. Это начинают понимать даже и немарксисты. Недавно, например, Бурэ [{**** Французский журналист.}](#) в статье в «Ордр» от 19 апреля писал, что «со времени войны в Эфиопии наши номинальные националисты, отдавая преимущество своему классовому чувству над чувством национальным, не переставали всюду играть на руку врагам отечества».

В чем заключались эти «классовые чувства» номинальных националистов, как не во взгляде на германский и итальянский фашизм как на жандарма, ограждающего капиталистический порядок в Европе от угрозы коммунизма. Отсюда, наряду со стремлением отвести от себя прямые удары со стороны этого жандарма, его постоянное подкармливание разными подачками и натравливанием на СССР. Эти настроения особенно усилились в правящих кругах

Франции после торжества Народного фронта и прихода к власти правительства, возглавляемого социалистом. Впервые после 1917 г. французский капитал так сильно и отчетливо почувствовал, что «призрак коммунизма бродит по Европе». В 1818 г. Александр I, недовольный сообщниками из Священного союза, клавшими палки в колеса

его личной политики, воскликнул: «Если меня доведут до крайности, то я выпущу на волю чудовище». Под «чудовищем» он подразумевал Наполеона. И в самом деле, кой-какие подозрительные переговоры велись в начале 1818 г. между царским комиссаром и узником на о. Святой Елены.

В 1935 — 1939 гг., испуганные ростом революционного движения в Испании, ростом оппозиции в Англии, ростом рабочего движения во Франции, такое «чудовище», способное задушить нарастающее революционное движение, усмотрели в фашизме. Его начали «менажировать», ему стали во всем уступать. «Капитуляционная» политика по отношению к внешнему врагу шла рука об руку с наступлением на внутреннего врага. В капитулянтской политике немаловажную роль сыграли и более частные, более узкие интересы отдельных промышленных и банковских групп, направлявших через свою агентуру в правительстве и через подчиненную им печать ход внешней политики Франции. Это подпочвенное влияние чрезвычайно сильно во Франции, к сожалению, еще недостаточно вскрыто, не выведено еще полностью наружу и ждет еще своего историка. Но уже сейчас по случайно просочившимся в печать сведениям мы знаем, что на передаче Германии Судетской области настаивала часть французских финансистов и промышленников, вроде банка Лазара и группы Петимова, связанных крупными финансовыми интересами с германским капиталом, что какую-то подозрительную роль здесь играл и химический трест «Aussiger Verein», в котором был заинтересован лично один из главных чешских капитулянтов, министр Беран, и который (трест) был связан с химическим трестом, одним из главных акционеров которого являлся сам Чемберлен. Как, далее, объяснить такой факт, приведенный «Журналь де финанс», что за месяц до окончательного разгрома Чехословакии была совершена сделка по продаже французского портфеля акций заводов «Шкода» на сумму в 330 млн фр. финансовой группе, действовавшей по поручению Круппа. Этими двумя фактами, конечно, не исчерпывается вопрос о финансовых интересах, сыгравших роль в судьбе Чехословакии, и не вправе ли мы предположить, что изменение позиции Франции в чехословацком вопросе, изменение, происшедшее между маем и сентябрем 1938 г., находит, быть может, некоторое объяснение в кое-каких операциях финансового характера, сделанных за этот именно период времени?

Если мы обратимся к документам, относящимся к экономической подоплеке испанской политики Франции (и Англии), то мы найдем такую же картину. Банки, страховые общества, металлургия, копи, коммунальное хозяйство, химическая индустрия и т. д. — одним словом, все национальное хозяйство страны, все национальное ее богатство сосредоточено в руках крупного международного капитала, католической церкви и испанских феодалов. В одних и тех же советах и правлениях банковских и промышленных предприятий мы встречаем представителей иезуитских патеров, графов Гуэлль и герцогов Альба, а также уполномоченных французских, английских, германских, американских, бельгийских и прочих банков и промышленных предприятий. Ясно, что победа Франко являлась с самого начала кровным делом французских и английских капиталистов. Ясно, что господа эти спешили, с возможным сохранением кое-каких приличий для обмана общественного мнения, ускорить победу Франко, что они могли быть только благодарны итальянским «волонтерам» и германским «специалистам» за помощь, оказанную ими Франко, и что они только для вида требовали отвода иностранных войск из Испании, прекрасно понимая, что без «легионеров» Муссолини и германских «техников» вряд ли удалось бы Франко удержаться.

Можно ли было, однако, такую капитулянтскую политику вести до бесконечности. Она оправдала бы себя, если бы Германия и Италия из чувства «классовой солидарности» всю свою динамическую энергию действительно направили бы против общего

капиталистическим странам врага — против Страны Советов. Но этого-то как раз и не случилось, и провал всех расчетов то на скорый германский поход на Украину, то на ближайшее наступление Японии на Владивосток, вероятно, сыграл гораздо большую роль в разочаровании прежним курсом, чем раздражение от нелояльности его проведения в жизнь Гитлером и Муссолини.

Французский и английский капитализм готов идти на самые большие жертвы, чтобы удержать диктаторов «оси», нуждающихся в ежедневных успехах и победах, но, конечно, не может допустить, чтобы эти успехи-победы происходили за счет самой Франции и Англии. С другой стороны, и диктаторы не могут остановиться в своем разбойничьем шествии вперед. Для них остановка — смерть, и шествовать, вдобавок, не хотят по указке, а там, где им это удобно и легче. Вот где причина теперешнего кризиса мюнхенской политики. К этому надо добавить (и это самое главное) кризис, который за последнее время произошел в сознании так называемого общественного мнения. Не только широкие слои трудящихся, но и средние круги буржуазии, значительная часть мещанства, чиновничества и офицерства давно уже изжили хмель Мюнхена и настроены в пользу твердой политики, политики отпора и противодействия. Не считаться с такими настроениями никакое правительство в мире не может, и не случайно поэтому, что даже такие политические деятели, как Бек и Чемберлен, вынуждены сейчас говорить с Гитлером в тоне непривычной резкости.

Положение этих людей, это надо признать, не из легких. В течение ряда лет они лелеяли надежду, что очередными уступками то одному, то другому диктатору удастся отвести от себя угрозу и даже, больше того, освободиться раз навсегда от призрака красной опасности, а сейчас приходится расписаться в банкротстве всех этих расчетов и даже идти на поклон к источнику этой «красной опасности». Организовать сопротивление без Москвы невозможно. Это сейчас понимает любой обыватель, а заключить союз с СССР боязно. Заключить такой союз — это значит нанести смертельный удар фашизму, с которым связывалось столько надежд, это значит открыто расписаться в могуществе страны, строящей социализм. Одна такая мысль заставляет морщиться Чемберлена и ему подобных господ.

Неудивительно, что переговоры приняли такой затяжной характер. И хочется, но еще больше колет. К несчастью для Чемберлена, для него сейчас, по-видимому, нет уже больше путей для отступления. Общественное мнение проявляет нетерпение. Формула, предложенная Москвой [{* См. док. 276.}](#), подкупает своей логичностью и простотой и идет навстречу желанию создать действительный и эффективный фронт сопротивления. Я должен признаться, что я лично недостаточно расценил силу и степень этого давления общественного мнения и в этом корни моего неверия и высказанного сомнения относительно реальности заключения тройственного соглашения.

Очень большое место в моих сомнениях играло, естественно, и недоверие к теперешним англо-французским правителям. Это сомнение остается и сейчас, конечно, в силе, и, не боясь впасть в ошибку, я и сейчас полагаю, что о серьезном и настоящем сдвиге даже после подписания пакта можно будет говорить только тогда, когда власть здесь перейдет в руки, настоящих правителей Народного фронта, поставленных под строгий контроль масс.

Полпред СССР во Франции
Суриц

378. Из дневника министра иностранных дел Италии Г. Чиано

26 мая 1939 г.

[...] Мы {{* Чиано и представитель хорватского сепаратистского движения Карнелутти.}} пришли к соглашению и зафиксировали в протоколе следующее: 1) Италия финансирует хорватское движение Мачека {{** Лидер хорватской национальной аграрной партии.}} суммой в 20 млн динаров; 2) он обязуется подготовить восстание {{{* В оригинале «rivoluzione» (итал.).}}} в течение 4 — 6 месяцев; 3) он немедленно призовет итальянские войска для обеспечения порядка и мира; 4) Хорватия провозгласит себя независимым государством, находящимся в союзе с Римом. Она будет иметь свое правительство, но министры иностранных дел и национальной обороны будут общими с Италией; 5) Италия сможет держать вооруженные силы в Хорватии, а также будет иметь там своего генерального наместника, как в Албании; 6) через некоторое время будет решен вопрос о возможности установления личной унии.

Дуче прочитал и одобрил протокол. Он, однако, хочет, чтобы Мачек скрепил его подписью. Поэтому я послал протокол в Загреб надежным способом. На будущей неделе мы начнем платежи через Цюрих.

Муссолини полностью захвачен идеей раздробить Югославию и аннексировать Хорватское королевство. Он считает, что эта операция довольно легко осуществима, и при нынешнем положении дел я думаю, что он прав. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 417. Опубл. в кн.: G. Ciano. Diario. Vol. 1... Р. 106.

379. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

27 мая 1939 г.

Сидс заявил, что ему поручено передать Советскому правительству новый проект соглашения между СССР, Англией и Францией об оказании совместного противодействия агрессии в Европе {{{** См. док. 380.}}}. Проект этот разработан английским министерством иностранных дел со всей тщательностью и с учетом всех пожеланий, сформулированных в последнем ответе Советского правительства {{{***** См. док. 342.}}} на английские предложения. Посол выражает надежду, что правительство СССР оценит значительный шаг, сделанный правительством Англии навстречу пожеланиям СССР, и само пойдет на скорейшее завершение переговоров, в которых британское правительство живейшим образом заинтересовано.

Пайяр заявил, что от имени французского правительства вручает т. Молотову идентичный с английским проект тройственного соглашения между Францией, СССР и Англией. Пайяр присоединяется к оценке этого проекта, данной Сидсом, и, подобно английскому послу, высказывает надежду на удовлетворение Советским правительством нынешними англо-французскими предложениями {{* Так в документе.}} и на скорое и благополучное окончание переговоров по этому вопросу между тремя странами.

Отвечая Сидсу и Пайяру, т. Молотов начал с заявления, что, ознакомившись с англо-французским проектом, он вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами. Может быть, оба правительства, уже заключившие пакты о взаимопомощи между собой, с Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Поэтому, возможно, они и не заинтересованы в заключении эффективного пакта с Советским Союзом. К такому заключению приводит англо-французский проект, не содержащий предложений о заключении действенного пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией и сводящий данный вопрос исключительно к разговорам о пакте ¹²⁰.

Перейдя к отдельным предложениям, содержащимся в англофранцузском проекте, т. Молотов отмечает:

Механизм оказания тремя государствами взаимной помощи англо-французский проект подчиняет сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций; Советское правительство не против Лиги наций. Наоборот, на сентябрьской сессии ассамблеи представитель СССР активно выступал в защиту Лиги, и в частности статьи 16 ее Устава, против других делегатов, в том числе и английского, которые в конце концов высказались за признание необязательности упомянутой статьи для членов Лиги наций. Однако процедуру, установленную пактом Лиги наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи. Для оказания последней статья 16 Устава Лиги наций считает необходимым рекомендацию Совета Лиги. Может получиться такое положение: в Совете будет поставлен вопрос об агрессии против СССР со стороны какого-либо участника «оси». Представитель какой-нибудь Боливии будет рассуждать в Совете, имеется ли наличие акта агрессии против СССР, нужно ли оказать СССР помощь, а в это время агрессор будет поливать советскую территорию артиллерийским огнем. Советское правительство не может признать приемлемой подмену эффективной помощи жертве агрессии одними разговорами по данному вопросу. Кстати, в договорах о взаимной помощи, заключенных между Англией и Францией, а также обоими государствами с Польшей, английским правительством с турецким, нет обязательства подчинить эту помощь лигонациональной процедуре, установленной статьей 16 пакта Лиги. Почему же такое подчинение предусматривается в англо-французском проекте договора с СССР? Непонятно также, что означает обязательство, изложенное в § 5 англо-французского проекта,— чтобы поддержка и помощь, оказываемые Советским Союзом, Англией и Францией в случаях, предусмотренных § 1 и 2 проекта, не наносили ущерба «правам и позиции других держав». Как можно действовать против агрессора, не нанося ему ущерба? Наконец, в § 4 указывается, что в случае возникновения угрозы агрессии три договаривающиеся государства не действуют, а только прибегают к взаимной консультации. Это вновь подтверждает догадку, что англо-французские предложения эффективному

противодействию агрессору предпочитают лишь разговоры на эту тему. Тов. Молотов вновь заявляет, что позиция Советского правительства прямо противоположна. СССР хочет соглашения об эффективной обороне против агрессора. Одни разговоры об этом его не интересуют и не удовлетворяют. Если правительства Франции и Англии видят в таких разговорах какой-либо интерес для себя, то они могут вести их с другими партнерами. Тов. Молотов оговаривается, что высказывает пока свое личное мнение. Он представит врученный ему англо-французский проект на рассмотрение правительства. После этого он сможет дать окончательный ответ об этом документе.

Сидс и Пайяр, изображая крайнее изумление, пытались доказывать, что оценка англо-французского документа, данная т. Молотовым, основывается на явном недоразумении. Верно, что в англофранцузском предложении упоминается о Лиге наций и даже о статье 16 ее Устава. Но это сделано лишь для того, чтобы удовлетворить общественное мнение, в особенности в Англии, где всякую международную акцию привыкли связывать с Лигой наций.

И Сидс, и Пайяр заявляют, что их правительства отнюдь не имеют в виду подчинять механизм взаимной помощи СССР, Франции и Англии лигонационной процедуре. Оба правительства признают необходимость немедленной и автоматической взаимной помощи трех договаривающихся государств против агрессии. Об этом-де и Сидс, и Пайяр заявляют вполне официально. Англо-французский проект предусматривает только то, чтобы тройственное соглашение между Англией, Советским Союзом и Францией заключено было «согласно принципам и в духе Лиги наций». В этой формуле не может быть ничего неприемлемого для СССР. И Сидс, и Пайяр заверяют, что она отнюдь не ограничивает автоматизма в осуществлении взаимной помощи, в котором английское и французское правительства столь же заинтересованы, как и СССР. Недоразумением считают Сидс и Пайяр также указание на то, что в § 5 англо-французского проекта обязательство «не наносить ущерба правам и позиции других держав» имеет в виду оградить агрессора. Упомянутый параграф стремится лишь сберечь суверенные права слабейших государств, которым Англия, Франция и СССР договариваются оказывать помощь. Возможен случай, когда в интересах защиты такого государства против агрессии одно из трех договаривающихся правительств признает необходимым, например, разрушить город, находящийся на территории обороняемого государства. Если правительство последнего запротестует, очевидно, придется считаться с его суверенитетом в данном вопросе. И Сидса, и Пайяра удивляет предположение, будто бы правительства Англии и Франции несерьезно относятся к вопросу о пакте с СССР и предпочитают конкретным решениям одни разговоры по данному вопросу. Сидс считает, что его правительство сделало решительный шаг навстречу Советскому правительству и что предлагаемый им договор с СССР представляет собою радикальный поворот в английской внешней политике. Оба правительства заинтересованы в скорейшем завершении переговоров с СССР. Оба хотят действовать, а не медлить. Необходимо, не тратя времени, устранить недоразумения, возникшие у т. Молотова при первом ознакомлении с англо-французским документом. Сидс немедленно сообщит об этих недоразумениях своему правительству и предложит их рассеять. Он надеется, что в ближайшие дни получит вполне удовлетворительный ответ из Лондона. Этот ответ будет им немедленно сообщен т. Молотову. Посол надеется, что и Советское правительство со своей стороны постарается не задерживать своего окончательного заключения относительно англо-французского проекта.

Записал *В. Потемкин*

380. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

27 мая 1939 г.

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, желая в качестве членов Лиги наций придать эффективность принципу взаимопомощи против агрессии, содержащемуся в Уставе Лиги, достигли следующего соглашения:

1. Если Франция и Соединенное Королевство будут вовлечены в военные действия с европейской державой в результате либо
 - 1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого, в соответствии с желанием этого государства, они обязались оказывать помощь против такой агрессии, либо
 - 2) помощи, оказанной ими другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо
 - 3) агрессии со стороны европейского государства, направленной против Франции или Соединенного Королевства,— СССР, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2 Устава Лиги наций, окажет Франции и Соединенному Королевству всякую посильную помощь и поддержку.
2. Если СССР будет вовлечен в военные действия с европейской державой в результате либо
 - 1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого СССР, в соответствии с желанием этого государства, обязался оказывать помощь против такой агрессии, либо
 - 2) помощи, оказанной СССР другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо
 - 3) агрессии со стороны европейской державы, направленной против СССР,— Франция и Великобритания, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2, Устава Лиги наций, окажут СССР всякую посильную помощь и поддержку.
3. Три правительства совместно согласуют методы, посредством которых такая взаимная помощь и поддержка смогут, в случае необходимости, быть оказаны самым эффективным способом.
4. В случае возникновения обстоятельств, которые могут потребовать выполнения их обязательств о взаимной помощи и поддержке, три правительства немедленно приступят к консультации относительно создавшегося положения. Методы и объем такой

консультации станут тотчас же предметом последующего обсуждения между тремя правительствами.

5. Условлено, что оказание помощи и поддержки в указанных выше случаях не должно наносить ущерба правам и положению других держав.

6. Три правительства сообщат друг другу условия всех обязательств, перечисленных выше в параграфе 1, пункт 1, и параграфе 1, пункт 2, которые они уже взяли на себя. Если одно из них предположит возможность принятия подобного обязательства в будущем, то оно предварительно проконсультируется с другими двумя правительствами и сообщит им условия любого принятого таким образом обязательства.

7. Это соглашение будет оставаться в силе в течение пяти лет, начиная с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения указанного срока три правительства совместно обсудят, желательно ли его возобновление с изменениями или без изменений.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 104 — 105.

381. Выступление представителя СССР И. М. Майского на заседании Совета Лиги наций

27 мая 1939 г.

СССР заинтересован в статуте Аландских островов ⁶⁰ не только как другие великие европейские державы — участники конвенции 1921 г., не только как члены Совета Лиги наций, но также прямо и непосредственно как государство, прилегающее к Финскому заливу. Поэтому СССР должен с особым вниманием отнестись к вооружениям Аландских островов, так как они могут быть использованы для того, чтобы запереть для СССР входы и выходы из Финского залива.

Ноты Швеции и Финляндии от 21 января, доведшие до сведения Советского правительства намерение названных государств поставить в Совете Лиги наций вопрос об изменении статута Аландских островов, не принимали во внимание и даже совершенно обходили молчанием специальную заинтересованность СССР в режиме Аландского архипелага. В этих нотах Швеция и Финляндия ограничились лишь просьбой к Советскому правительству оказать содействие в прохождении шведско-финляндского плана через Совет Лиги наций. Вопрос о предварительном согласии Советского правительства на изменение статута Аландских островов в нотах Швеции и Финляндии не ставился, хотя такое предварительное согласие было испрашено ими у других держав, гораздо менее, чем СССР, заинтересованных в статуте названных островов и лишь подписавших конвенцию 1921 г.

Для СССР представляется неясным, каковы именно цели вооружения островов, в каких размерах эти вооружения будут произведены, против кого они направляются и, наконец, в чем заключаются гарантии, что эти укрепления не будут использованы какой-либо агрессивной державой против СССР, расположенного в непосредственной близости от Аландского архипелага.

Советское правительство внимательно изучает данный вопрос. Недостаточно подготовленное его решение представляется Советскому правительству крайне

нежелательным, могущим лишь осложнить международные отношения и тем самым нанести вред делу мира.

Ввиду всего вышеизложенного Советское правительство считает, что решение аландского вопроса, внесенного Финляндией и Швецией в повестку дня 105-й сессии Совета, должно быть отложено. К сожалению, соответственное предложение Советского правительства не встретило сочувствия среди членов Совета. В связи с этим Советское правительство вынуждено было бы голосовать против шведско-финляндского плана, а также против «информационного сообщения» докладчика, если бы они были поставлены на голосование. Однако если даже такое формальное голосование не будет произведено, то, во всяком случае, из моего настоящего заявления с полной ясностью вытекает отсутствие единогласия среди членов Совета по аландскому вопросу, со всеми вытекающими отсюда последствиями ¹²¹.

Известия, 1939. 29 мая.

382. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

27 мая 1939 г.

Основными вопросами, интересующими сейчас иностранных наблюдателей Берлина, являются, естественно: 1) содержание итало-германского пакта ⁵¹, помимо того, что опубликовано в газетах, и 2) перспективы данцигского конфликта, точнее, германо-польских отношений, в связи с этим 3) вопрос о сроке начала если не войны, то нового международно-политического кризиса и, наконец, 4) возможность улучшения советско-германских отношений.

По всем этим вопросам известно здесь сравнительно немного, да и то, что приходится слышать, надо брать с учетом возможности не только вымысла, но и прямой дезориентации, на которую немцы такие мастера. С этой оговоркой только и можно излагать впечатления от здешних разговоров с иностранными дипломатами и журналистами.

По поводу итало-германского пакта из разных источников пришлось слышать следующее относительно неопубликованных «приложений» к пакту. Составлены эти «приложения» будто бы были наспех и в основном охватывают не столько чисто военную, сколько военно-экономическую сторону союза. Утверждают, что конкретные противники, объекты захвата, сферы влияния в этих «приложениях» не названы. Это вполне возможно, если учесть, что помимо документированных «приложений» имели место и разговоры Гитлера с Чиано с глазу на глаз, причем присутствовал лишь доверенный переводчик фюрера Шмидт, но даже Риббентроп отсутствовал. Весьма вероятно, что более определенно вещи назывались своими именами именно в этих разговорах (а также в прежних встречах Геринга с Муссолини и др.). «Приложения» предусматривают будто бы постоянный и тесный контакт, полное взаимное консультирование по всем вопросам дипломатии, войны и военной индустрии. Первая категория вопросов (дипломатические) осуществляется путем самого тесного общения между министерствами иностранных дел обеих стран, для двух остальных создаются специальные смешанные комиссии — военная и военно-экономическая. Прежде чем эти комиссии открыто начнут функционировать (это намечается в августе), заседаая попеременно в Берлине и Риме, должен быть выработан

план реорганизации итальянской военной индустрии путем включения ее в общее военно-экономическое хозяйство обеих стран. Должен быть выработан общий план, намечающий как военно-производственные задачи обеих стран, так и распределение сырья между их военными заводами. Эта работа должна быть в основном проведена руками немецких инженеров и экономистов, для каковой цели уже сейчас многочисленные специалисты направляются в Италию (называют цифру в 1000 человек и более). В случае войны предусматривается создание единого командования, причем немцам будет принадлежать верховная команда на суше, итальянцам же — на Средиземном море. При этом в Италию направляется значительное количество германских войск (30 дивизий), а в Средиземное море до 30 военно-морских германских единиц. (Совпадение цифры 30 создает предположение о сомнительном характере этой цифры.)

Что касается предшествовавших подписанию пакта разговоров о ближайшем направлении «экспансии», то говорят (это, между прочим, передавал мне турок), что здесь между немцами и итальянцами наметилось разногласие; итальянцы, ссылаясь на материальные тяготы, которые им приходится нести в связи с содержанием большой мобилизованной армии, разбросанной по всему пространству у Средиземного моря — от испанского Марокко до Додеканеза, настаивали на скорейшем приступлении к разрешению задач, поставленных в этой зоне. Наоборот, немцы отстаивали ту точку зрения, что они не могут начать серьезный конфликт в Средиземном море, пока не разрешена проблема Данциг — «коридор». Преобладает мнение, что точка зрения немцев и здесь одержала верх. О *сроках* и *мерах* разрешения этой проблемы большинство склоняется к тому, что операции, намечавшиеся на конец мая — начало июня, отложены на сентябрь. Приводятся следующие мотивы: а) лишь к концу августа будет разработан план и частично проведена реорганизация итальянской военной индустрии на основах пакта; б) немцы не хотят рисковать войной до окончания уборки хлеба; в) ссылаются, наконец, на какие-то многозначительные высказывания английского и французского послов (сам я с ними непосредственно пока не беседовал), которые говорили о том, что к осени можно ожидать каких-то изменений «в пользу тоталитарных держав». Что именно имеется в виду конкретно, установить пока нельзя. Возможно, англо-французы опасаются, что к этому времени оправится от разрухи Франко или удастся обеспечить помощь со стороны Японии.

В этой связи здесь упорно говорят о том, что перед подписанием пакта и Германия, и Италия делали попытки привлечь Японию к союзу. На это японцы будто бы дали ответ в том духе, что они не желают быть вовлеченными в европейскую войну и готовы на пакт лишь в том случае, если им обеспечат поддержку в случае военного конфликта с СССР на Дальнем Востоке. Помимо же этого они довольствуются «антикоминтерновским» соглашением ¹⁰ и не намерены придавать ему толкование как направленного против демократических держав. Японцы будто бы намекнули при этом, что не желают, чтобы их идеология отождествлялась с фашистской. Ожидается, однако, что разговоры на этом не прервались и будут продолжаться.

Возвращаясь к проблеме польско-германского конфликта, надо отметить, что поляки, с которыми мне пришлось беседовать несколько раз, не спешат разделять предположений об отсрочке немецкой акции против Польши на август и считаются с возможностью более раннего конфликта. По-видимому, они были бы даже не прочь, чтобы конфликт, если уж он неминуем, возник скорее. Это мне прямо заявил польский советник. По некоторым признакам можно заключить, что поляков очень пугает возможность каких-либо английских компромиссных маневров, которые в сочетании с экономической напряженностью, которую Польше приходится испытывать, держа под ружьем большую

армию, смогут размягчить обстановку и создать предпосылки для мюнхенского разрешения вопроса.

По поводу перспективы улучшения советско-германских отношений не приходится говорить много. Немцы не скупятся на фабрикацию слухов самого сенсационного характера. К числу сообщенных ранее можно добавить слух о поездке в Москву Сыровы {{* Бывший премьер-министр Чехословакии.}} с проектом советско-германского военного союза. Вряд ли стоит перечислять все подобные слухи, повергающие, однако, в трепет ряд легковых дипломатов. Я не знаю, делал ли какие-нибудь авансы Шуленбург в Москве, но здесь единственным заслуживающим внимания фактом остается изменение тона германской прессы. Относительная корректность прессы, отмеченная мной в прошлых письмах {{** См. док. 341, 349.}}, пока продолжается. В карикатурах Советский Союз выводится уже не в виде уродливого семито-уголовника, но в образе медведя с красной звездой, причем главный упор делается на англичан как основных виновников «окружения» Германии. Появились даже заявления о «респекте» {{* Уважение (нем.).}} в отношении нашей территории (вчера статья «Вестдейчер беобахтер», переданная ТАСС по телеграфу и посылаемая этой почтой в подлиннике). Даже наша акция по аландскому вопросу {{** См. док. 381.}}, которая ранее вызвала бы здесь дикий вой, сейчас подается преимущественно в плане показа английских интриг в Балтийском море; статьи «Известий» и «Правды» об Аландских островах передаются газетами в довольно сносном (для здешней обстановки) виде {{{* См.: Правда, Известия. 1939. 24, 29 и 31 мая.}}}. Но ясно, конечно, что эта тактика заигрывания прессы сама по себе ни к чему немцев не обязывает, переменить ее они могут в любой момент и она не может служить доказательством серьезного изменения их политики в отношении нас, если они не подкрепят ее какими-либо более конкретными демаршами. Сделают ли они это? Возрастающее влияние Риббентропа, которого считают сейчас главным «штатским» советником Гитлера наряду с военными — Кейтелем {{{* Начальник верховного командования вооруженных сил Германии.}}} и Браухичем {{{* Главнокомандующий сухопутными силами Германии.}}}, и заметный ущерб влияния Геринга, как говорят, выступавшего против антипольского курса и за это вторично отправленного Гитлером в Италию, — эти факты не являются симптомами подобной эволюции германской политики, хотя ухудшающаяся международная обстановка и толкает в эту сторону.

[Временный] поверенный в делах СССР в Германии
Г. Астахов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 90-94.

383. Из доклада военно-морского атташе Италии в Японии Г. Джорджиса министру военно-морского флота Италии Б. Муссолини {{{* Премьер-министр Италии Муссолини занимал также пост министра военно-морского флота.}}

27 мая 1939 г.

[...] Если для Японии открытым врагом является правительство Чан Кайши, то врагом № 1, врагом, с которым никогда не сможет быть ни перемирия, ни компромиссов, является для нее Россия, Европейские тоталитарные государства отбрасывают большевизм на Восток, объявляя его азиатской утопией. Аналогичным образом в Восточной Азии большевизм с таким же ожесточением отбрасывается Японией. Япония знает, что за

спиной Чан Кайши — длинная красная рука. Победа над Чан Кайши не имела бы никакого значения, если бы Япония оказалась не в состоянии преградить путь России, отбросить ее назад, очистить раз и навсегда Дальний Восток от большевистского влияния.

Коммунистическая идеология, естественно, объявлена в Японии вне закона, самая лучшая армия Японии — Квантунская — стоит на континенте на страже приморской провинции. Маньчжоу-Го было организовано как исходная база для нападения на Россию. Недавно принятая грандиозная программа расширения вооружений имеет явной целью в том, что касается армии, привести ее в такое состояние, чтобы она могла вести войну на два фронта, т. е. в Китае и против России.

Это не снимает того, что японский военный план весьма далек от войны на два фронта. Лучше драться с двумя врагами порознь, чем одновременно, тем более если тот, с которым уже ввязались в схватку, оказывает сопротивление, пусть даже пассивное, но такое, которое поглощает значительную энергию и вызывает немалую озабоченность. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 422—423. Опубл. в сб.: I documenti diplomatici Italiani. Serie 8. Vol. 12. Roma. 1962. P. 37-38.

384. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккером

30 мая 1939 г.

Вайцзеккер (статс-секретарь аусамта, по существу, первый заместитель Риббентропа) пригласил меня к себе в аусамт 30 мая к 11 час. 30 мин. Начал он с вопроса об открытии в Праге отделения торгпредства (взамен торгпредства в Чехословакии) [{* См. док. 349.}](#). Этот вопрос, начал он, наталкивается на некоторые принципиальные соображения. Прежде чем давать согласие, германское правительство хотело бы знать, означает ли постановка вопроса об открытии отделения торгпредства наличие у Советского правительства намерения развивать экономические отношения в Праге. На эту тему говорил и Риббентроп, беседуя с фюрером. Как Вы помните, Мерекалов, беседуя в Вашем присутствии со мной о заказах у «Шкода» [{** См. док. 279.}](#), также подчеркивал, что от решения этого вопроса зависит и дальнейшее развитие экономических отношений. Правительство рейха учло это, разрешив вопрос о договорах со «Шкода» в положительном смысле. Сейчас правительство, естественно, хотело бы знать, намерено ли Сов[етское] пра[вительство] действительно расширять эти отношения.

Я заметил, что в настоящее время у нас имеется достаточно экономических дел в Чехии (не только у «Шкода»), чтобы оправдать существование там отделения торгпредства. (Я упомянул заодно и о приемщиках, ожидающих визы в Москве, на что Вайцзеккер ответил обещанием сделать все необходимое.) Сове[тское] пра[вительство] не намерено тратить деньги на содержание отделения, которое оставалось бы без дела. Экономических операций в Чехии на ближайшее время достаточно, что же касается дальнейшего, то это, я лично полагаю, будет зависеть от условий, которые будут ставить фирмы. Впрочем, если герм[анское] пра[вительство]

интересуется вопросами о сроке, в течение которого нам понадобится отделение торгпредства, а также о наших дальнейших намерениях, то я могу запросить центр, так как мне самому об этом ничего не известно.

Вайцзеккер, не дав мне развить эти аргументы (и другие, которые я имел в запасе) и дав понять, что вопрос об отделении торгпредства в Праге важен не сам по себе, но как повод к дальнейшим разговорам, продолжал:

— Все это нам важно знать потому, что, как Вам, вероятно, известно, возникла неясность и по вопросу о поездке Шнурре в Москву. Г-н Молотов заявил Шуленбургу, что развитие экономических отношений невозможно без улучшения отношений политических [{{* См. док. 362.}}](#). Это, несомненно, противоречит тому, что мы слышали от г-на Мерекалова, стоявшего на той точке зрения, что экономические отношения могут развиваться сами по себе, независимо от политики. Это г-н Мерекалов заявлял нам не раз, и исходя из этого мы пошли на переговоры [{{** См. док. 109., 117.}}](#). Между тем сейчас мы слышим обратное, и получается, что Сов[етское] пра[вительство] вообще отрицательно относится и к развитию экономических отношений, и к поездке Шнурре.

Я ответил, что содержание беседы Шуленбурга с т. Молотовым известно мне лишь отчасти и я не берусь поэтому давать точную интерпретацию заявления наркома. У меня нет оснований утверждать, что Молотов безоговорочно отрицательно относится и к приезду Шнурре, и к торговым переговорам. Я готов запросить центр и тогда дать точное разъяснение. Но я должен отметить, что и Мерекалов в разговоре с Вайцзеккером часто употреблял выражение «экономика есть конденсированная политика», тем самым устанавливая связь политики и экономики. Я лично на завтраке, который был дан Мерекаловым Шуленбургу [{{*** 27 января 1939 г.}}](#), спрашивал последнего, не считает ли он, что начинающиеся переговоры связаны с улучшением политических отношений, на это получил от Шуленбурга ответ в том смысле, что он считает улучшение политических отношений возможным в результате этих переговоров. Наконец, само германское правительство установило юнктим (связь) между экономическими переговорами и международно-политической ситуацией, когда отказалось от первоначального намерения послать Шнурре в Москву, причем этот отказ был вызван отнюдь не экономическими мотивами, а целиком политическими (кампания англо-французской печати). Я подчеркнул, что мы не придавали предполагавшейся первой поездке Шнурре политического значения, но *отказ* германского правительства от нее *был актом*, несомненно, *политическим* и это могло произвести на нас соответствующее впечатление.

В[айцзеккер] не скрыл своей неподготовленности к этому последнему доводу и ограничился повторением ссылок на заявления т. Мерекалова. Затем он сказал, что в целях полного выяснения советской точки зрения желательно, чтобы я запросил из Москвы точную интерпретацию заявления Молотова Шуленбургу, сообщив ее герм[анскому] пра[вительству]. Я обещал это сделать, повторив, что все сказанное мной носит лишь условный и предположительный характер, так как точных данных о содержании беседы в Москве у меня нет.

Затем, отложив в сторону карандаш, которым он делал пометки в своем блокноте, и подчеркнув, что отныне беседа переходит на неофициальные рельсы, В[айцзеккер] принялся развивать в весьма запутанной и оговорочной форме, с постоянным повторением «по моему личному мнению», свои соображения о советско-германских отношениях. Воспроизвести эту часть беседы в точности невозможно ввиду крайне осторожной формы высказываемых мыслей. В основном она сводится к следующему:

До последнего времени отношения между СССР и Германией не были ни тесными (engherzig), ни навязчивыми (auftröglich [{{* Ошибочно: имеется в виду aufdringlich.}}](#)). Но за последнее время наметились некоторые изменения. Тон германской прессы в отношении СССР уже не такой, как прежде. Поляки, пакт с которыми германское

правительство аннулировало, так как они нарушили этот пакт, что разъяснил фюрер, пробовали создать впечатление, будто Германия имеет какие-то aspirations на Украине. У Бека прискорбно слабая память. Но германское правительство дало исчерпывающий ответ на эти попытки, ликвидировав Карпатскую Украину. Наконец, от нашего внимания, вероятно, не ускользнуло, что фюрер в последней речи не допустил никаких задевающих нас выражений. Эти моменты создают возможность дальнейшей нормализации отношений, и от Советского правительства зависит сделать выбор. «В нашей лавке (Вайцеккер пустил в ход сравнение, ранее высказанное Гитлером) много товаров. Одного товара мы не можем Вам предложить — мы не можем обещать, что будем симпатизировать коммунизму. Но и от Вас не ждем никаких симпатий национал-социализму, таким образом, по этой линии мы имеем полную взаимность». Но, помимо этого товара, имеется ряд других — развитие торговли, дальнейшая нормализация отношений и т. п., — и от СССР зависит сделать выбор. В[айцеккер] не хочет специально касаться наших переговоров с Англией и участия СССР в политике «окружения» Германии, но он должен заметить, что если СССР хочет стать на сторону противников Германии, то германское правительство готово и к этому. Оно готово и к тому, чтобы быть противником (auch zur Gegnerschaft bereit).

По поводу этих высказываний Вайцеккера я сделал несколько замечаний, оговорившись, что они также носят совершенно неофициозный характер. Я указал, что отмеченные им признаки изменения говорят в лучшем случае лишь о сокращении негативных моментов, но ничего положительного не вносят. Римская формула «громко заявлять молчанием» устарела для теперешнего времени, когда даже сила торжественных и громких заявлений не всегда представляется убедительной. Гитлер ничего не сказал о нас в последней речи, но год с небольшим тому назад он подчеркнул, что Советский Союз является единственной страной, с которой он не хочет улучшения отношений. Мы никогда не считали, что идеологические расхождения должны непременно влечь порчу государственных отношений, и допускали возможность сохранения на прежнем уровне наших отношений с Германией и после установления теперешнего режима. Имели же мы в течение десяти с лишним лет хорошие отношения с фашистской Италией. Мы всегда были готовы к улучшению отношений, но в последнее время перестали говорить об этом, так как это было делом явно бесперспективным. В послеюнхенский период герм[анское] пра[вительство] пошло на ухудшение отношений с нами, начав лансировать {{* Распространять (нем.).}} слухи о походе на Украину, об экспансии на Восток и т. п. Об этом писали германские газеты, это заявляли многие ответственные политические деятели. Затем наступили осложнения с Англией и Францией, и эта тактика переменилась. Я тоже не хочу касаться наших переговоров с Англией, да я и не в курсе их, но хочу лишь напомнить, что еще до заключения пактов с Францией и Чехословакией Советское правительство предлагало в числе прочих Германии и Польше пакт взаимопомощи («Я этого не знал», — заявил было Вайцеккер, вовремя затем спохватившись). В общем, по моему впечатлению, выбор зависит не от нас, а от Германии.

В[айцеккер], не отводя ряда моих замечаний и даже как бы соглашаясь со многими из них, заметил, между прочим, что одним из факторов, способствующих возможному изменению отношений, является устранение коммунистической опасности в Германии, так как это дает правительству большую свободу действий во внешней политике.

В ходе дальнейшей беседы я, между прочим, указал В[айцеккеру], что в Берлине за последнее время распускается много самых вздорных слухов о наших отношениях с Германией. Нелепость этих слухов очевидна (военный союз, Сыровы, посредничество), но самый факт появления их именно в Берлине заставляет нас задумываться над вопросом о первоисточнике этих слухов и о целях, какими руководствуются измышляющие их лица.

Формулируя просьбу В[айцзеккера] о передаче в Москву пожеланий, я заметил, что предполагаю передать первые два вопроса, затронутые В[айцзеккером], но последнюю часть беседы формулировать несколько затруднительно, поскольку В[айцзеккер] предупредил о неофициозном ее характере. На это В[айцзеккер] поспешно заметил, что, конечно, надо передать все, так как он не стал бы говорить, если бы не рассчитывал, что сказанное им будет доведено до сведения Советского правительства.

На этом беседа,, продолжавшаяся около часа, закончилась.

[Временный] поверенный в делах СССР в Германии
Г. Астахов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 59, л. 105-110.

385. Запись беседы заместителя министра иностранных дел Польши Я. Шембека с министром иностранных дел Польши Ю. Бек

30 мая 1939 г.

Беседа с Бек. Он объявил, что желал бы еще до лета привести в порядок дела и персонал. Он выразил намерение предложить мне посольство при Ватикане, и срочно, так как этот пост может оказаться занятым. Тем временем положение изменилось. Липский не может оставаться в Берлине. Он там зажил. Министр его всегда может послать в Ватикан: Il n'a a batailler la-bas que sur des questions d' eveques et de cardinaux {{* Там следует спорить только по вопросам, относящимся к епископам и кардиналам (*фр* .).}}.

Бек спрашивает меня, без всякого обязательства со моей стороны, согласился ли бы я в таком случае на Берлин; он просил меня подумать и дать ему ответ по возможности скорее. Он должен послать в Берлин кого-нибудь из опытных и спокойных. Этот пост не является приятным, но он имеет важное государственное значение. Он меня хотел бы видеть на этой должности. Он знает, что я не позволю себе волноваться из-за всякого рода неприятностей и, если Риббентроп начнет рассказывать вздор, я пожму плечами. Во всяком случае наш посол в Берлине не может быть родом из Познани. Министр заметил, что он будет вынужден отозвать также и Веняву. Затем он подчеркнул, что вопрос о наших отношениях с Германией имеет первостепенное значение. Последние пять лет показали, что невозможно жить в хороших отношениях с нею, но что, может быть, было бы возможно еще раз сделать попытку разумного компромисса. Имеются небольшие признаки того, что Германия желала бы вести с нами переговоры. Назначение посла является, таким образом, необходимым. Отношения Германии с Англией являются, впрочем, возможно, худшими, чем с нами. Если он не ошибается, мы идем к войне. Неизвестно, вспыхнет ли она, но Германия отдает себе отчет в том, что если бы она оккупировала всю Польшу, то она столкнулась бы тогда с Советами и против нее выступила бы вся Красная Армия.

Опубл. в сб.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. С. 114-115.

386. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР»

31 мая 1939 г.

Товарищи депутаты! Предложение депутатов заслушать на сессии Верховного Совета сообщение Наркоминдела вполне понятно. За последнее время в международной обстановке произошли серьезные изменения. Эти изменения с точки зрения миролюбивых держав значительно ухудшили международное положение.

Мы имеем теперь дело с известными результатами политики агрессивных государств, с одной стороны, и политики невмешательства со стороны демократических стран, с другой стороны. Представители агрессивных стран не прочь сейчас похвастаться достигнутыми уже результатами политики агрессии. Чего-чего, а в хвастовстве недостатка здесь не наблюдается. Представители демократических стран, отвернувшись от политики коллективной безопасности и проводивших политику непротивления агрессии, стараются преуменьшить значение происшедшего ухудшения в международной обстановке. Они все еще занимаются главным образом «успокоением» общественного мнения, делая вид, что ничего существенного за последнее время не произошло.

Позиция Советского Союза в оценке текущих событий международной жизни отличается от позиции той и другой стороны. Она, как каждому понятно, ни в каком случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительно ухудшившегося международного положения. Для нас ясно, что попыткам скрыть от общественного мнения действительные изменения, происшедшие в международном положении, необходимо противопоставить факты. Тогда станет очевидным, что «успокоительные» речи и статьи нужны только тем, кто не хочет мешать дальнейшему развитию агрессии в надежде направить агрессию, так сказать, по более или менее «приемлемому» направлению.

Еще недавно авторитетные представители Англии и Франции старались успокоить общественное мнение своих стран, прославляя успехи злополучного мюнхенского соглашения. Они говорили, что сентябрьское соглашение в Мюнхене предотвратило европейскую войну путем сравнительно не таких уж больших уступок со стороны Чехословакии. Многим и тогда казалось, что представители Англии и Франции пошли в Мюнхене в своих уступках за счет Чехословакии дальше, чем они на это имели право. Мюнхенское соглашение было, так сказать, кульминационным пунктом политики невмешательства, кульминационным пунктом соглашательства с агрессивными странами. А к каким результатам эта политика привела? Остановило ли агрессию мюнхенское соглашение? Нисколько. Напротив, Германия не ограничилась полученными в Мюнхене уступками, т. е. получением судетских районов, населенных немцами. Германия пошла дальше, просто-напросто ликвидировав одно из больших славянских государств — Чехословакию. От сентября 1938 года, когда состоялось мюнхенское совещание, прошло не много времени, а в марте 1939 года Германия уже покончила с существованием Чехословакии. Германии удалось это провести без противодействия с чьей-либо стороны, так гладко, что возникает вопрос, в чем, собственно, заключалась действительная цель совещания в Мюнхене?

Во всяком случае, ликвидация Чехословакии, вопреки мюнхенскому соглашению, показала всему миру, к чему привела политика невмешательства, достигшая в Мюнхене, можно сказать, высшей своей точки. Провал этой политики стал очевидным. Между тем

страны-агрессоры продолжали придерживаться своей политики. Германия отняла у Литовской республики Мемель и Мемельскую область. Как известно, Италия также не осталась в долгу. В апреле месяце Италия покончила с независимым государством — Албанией.

После этого нет ничего удивительного в том, что в конце апреля одной своею речью ¹⁰² глава германского государства уничтожил два важных международных договора: морское соглашение Германии с Англией ³ и пакт о ненападении между Германией и Польшей ²³. В свое время этим договорам придавалось большое международное значение. Однако Германия очень просто разделалась с этими договорами, не считаясь ни с какими формальностями. Таков был ответ Германии на проникнутое духом миролюбия предложение президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта ¹¹³.

Дело не ограничилось расторжением двух международных договоров. Германия и Италия пошли дальше. На днях опубликован заключенный между ними военно-политический договор ¹¹⁰. Этот договор имеет в своей основе наступательный характер. Согласно этому договору, Германия и Италия должны поддерживать друг друга в любых военных действиях, начинаемых одной из этих стран, включая любую агрессию, любую наступательную войну. Еще совсем недавно сближение между Германией и Италией прикрывалось якобы необходимостью совместной борьбы с коммунизмом:.. Для этого немало пошумели о так называемом «антикоминтерновском пакте» ¹⁰. Антикоминтерновская шумиха сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания. Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму. В военно-политическом договоре между Германией и Италией уже нет ни звука о борьбе с Коминтерном. Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран.

Кажется, ясно, что приведенные факты свидетельствуют о наличии серьезного ухудшения в международной обстановке.

В связи с этим в самой политике неагрессивных стран Европы также наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Насколько серьезны эти изменения, мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему разворачиванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах? Такие вопросы ставятся и в некоторых органах буржуазной печати за границей. Поэтому мы должны быть бдительными. Мы стоим за дело мира и за недопущение дальнейшего разворачивания агрессии. Но мы должны помнить выдвинутое т. Сталиным положение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» { { * Это положение содержалось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии (10 марта 1939 г.). } } . Только в этом случае мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны и интересы всеобщего мира.

Есть, однако, ряд признаков того, что в демократических странах Европы все больше приходят к сознанию провала политики невмешательства, приходят к сознанию необходимости более серьезных поисков мер и путей для создания единого фронта миролюбивых держав против агрессии. В такой стране, как Англия, стали громко раздаваться речи о необходимости крутого изменения внешней политики. Мы, конечно, понимаем разницу между словесными заявлениями и действительной политикой. Но все

же нельзя не отметить, что эти речи не случайны. Вот некоторые факты. Между Англией и Польшей не существовало пакта о взаимопомощи. Теперь решение об этом пакте принято [{** См. док. 254.}](#). Значение этого соглашения лишь усиливается тем, что Германия разорвала пакт о ненападении с Польшей. Нельзя не признать, что пакт взаимопомощи между Англией и Польшей вносит изменение в европейскую обстановку. Или дальше. Между Англией и Турцией не было пакта о взаимопомощи, в последнее же время известное соглашение о взаимопомощи между Англией и Турцией уже состоялось [105](#). И этот факт вносит свое изменение в международную обстановку.

В связи с этими новыми фактами одной из характерных черт последнего периода следует признать стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии. Понятно, что это стремление заслуживает внимания. Исходя из этого, Советское правительство приняло предложение Англии и Франции о переговорах, имеющих целью укрепить политические отношения между СССР, Англией и Францией и наладить фронт мира против дальнейшего развития агрессии.

Как мы определяем наши задачи в современной международной обстановке? Мы считаем, что они идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав.

В связи со сделанными нам предложениями английского и французского правительств Советское правительство вступило в переговоры с последними насчет необходимых мер борьбы с агрессией. Это было еще в середине апреля текущего года. Начавшиеся тогда переговоры еще не закончены. Однако уже тогда можно было видеть, что если в самом деле хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково наше мнение, которое мы никому не навязываем, но за которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств.

Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военного и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия.

Понятно, что основой такого соглашения является принцип взаимности и равных обязанностей.

Следует отметить, что в некоторых англо-французских предложениях этот элементарный принцип не нашел благосклонного к себе отношения. Гарантировав себя от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и

французы оставляли открытым вопрос, может ли СССР, в свою очередь, рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они принять участие в гарантировании граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров.

Получалось, таким образом, неравное положение для СССР.

В последние дни поступили новые англо-французские предложения. В этих предложениях уже признается на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности. Это, конечно, шаг вперед. Хотя нужно заметить, что он обставлен такими оговорками — вплоть до оговорки насчет некоторых пунктов Устава Лиги наций,— что он может оказаться фиктивным шагом вперед. Что касается вопроса о гарантии стран Центральной и Восточной Европы, то здесь упомянутые предложения не делают никакого прогресса, если смотреть на дело с точки зрения взаимности. Они предусматривают помощь СССР в отношении тех пяти стран, которым англичане и французы уже дали обещание о гарантии, но они ничего не говорят о своей помощи тем трем странам на северо-западной границе СССР, которые могут оказаться не в силах отстоять свой нейтралитет в случае нападения агрессоров.

Но Советский Союз не может брать на себя обязательства в отношении указанных пяти стран, не получив гарантии в отношении трех стран, расположенных на его северо-западной границе.

Так обстоит дело относительно переговоров с Англией и Францией.

Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года, по инициативе германского правительства, начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос был снят. В конце 1938 года германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах и о предоставлении кредита в 200 миллионов марок. При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок. В начале 1939 года Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г. Шнур-ре. Но затем вместо г. Шнурре эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г. Шуленбургу, которые были прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться.

Могу еще добавить, что с Италией недавно было подписано выгодное для обеих стран торговое соглашение на 1939 год.

Как известно, в феврале месяце текущего года было опубликовано специальное сообщение, подтверждающее развитие добрососедских отношений между СССР и Польшей. В наших взаимоотношениях с Польшей следует констатировать известное общее улучшение. С другой стороны, заключенное в марте месяце торговое соглашение может значительно поднять товарооборот между СССР и Польшей.

Наши отношения с дружественной Турцией развиваются нормально. Недавняя поездка т. Потемкина в Анкару с информационными целями имела большое положительное значение.

Из вопросов международной жизни, которые приобрели в последнее время большое значение для СССР, следует остановиться на проблеме Аландских островов. Вы знаете, что эти острова в течение более чем 100 лет принадлежали России. В результате Октябрьской революции Финляндия получила независимость. По договору с нашей страной Финляндия получила также и Аландские острова. В 1921 году 10 странами — Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей, Швецией, Данией, Германией, Англией, Францией и Италией — была подписана конвенция, запрещающая, как это было и раньше, вооружение Аландских островов. Правительства капиталистических стран сделали это без участия советских представителей. В 1921 году подорванная войной и иностранной интервенцией Советская Республика могла только протестовать против этого незаконного акта в отношении СССР. Но и тогда с нашей стороны было ясно и неоднократно заявлено, что Советский Союз не может остаться в стороне от этого вопроса, что изменение юридического статуса Аландских островов невозможно в нарушение интересов нашей страны.

Важность Аландских островов заключается в их стратегическом положении в Балтийском море. Вооружения Аландских островов могут быть использованы во враждебных СССР целях. Находясь недалеко от входа в Финский залив, вооруженные Аландские острова могут послужить к тому, чтобы закрыть для СССР входы и выходы в Финский залив. Поэтому теперь, когда финляндское правительство, вместе со Швецией, хочет провести большой план вооружений Аландских островов, Советское правительство запросило у финляндского правительства данные о целях и характере намеченных вооружений. Вместо того чтобы пойти навстречу этому вполне естественному желанию Советского Союза, финляндское правительство отказало СССР в даче соответствующих сведений и разъяснений. Последовавшие при этом ссылки на военную тайну, как нетрудно понять, совершенно неубедительны. Сообщило же финляндское правительство свой план вооружений Аландских островов другому правительству — правительству Швеции. И не только сообщило, а привлекло его к участию в осуществлении всего этого плана вооружений. Между тем согласно конвенции 1921 года Швеция никакими особыми правами в этом отношении не пользуется. С другой стороны, заинтересованность Советского Союза в вопросе вооружения Аландских островов не только не меньшая, а большая, чем у Швеции.

По предложению финляндского и шведского правительств, вопрос о пересмотре конвенции 1921 года обсуждался на только что закончившемся Совете Лиги наций, без санкции которого эта конвенция не может быть пересмотрена, так как конвенция десяти государств была заключена на основе соответствующего решения Совета Лиги наций от 24 июня 1921 года. Ввиду возражений со стороны представителя Советского Союза в Совете Лиги не могло быть единогласия, необходимого для решения Совета. Результаты обсуждения в Совете Лиги известны. Совет Лиги наций не одобрил предложения Финляндии и Швеции. Он не дал санкции на пересмотр конвенции 1921 года. Должно быть, финляндское правительство сделает соответствующий вывод из этого положения. В свете международных событий последнего времени аландский вопрос приобрел для Советского Союза особенно серьезное значение. Мы не считаем возможным мириться с допущением какого-либо игнорирования интересов СССР в данном вопросе, имеющем большое значение для обороны нашей страны.

Совсем кратко остановлюсь на вопросах Дальнего Востока и на наших отношениях с Японией.

Наибольшее значение в этом году здесь имели наши переговоры с Японией по рыболовному вопросу. Как известно, в Приморье, в Охотском море, на Сахалине и на Камчатке японцы имеют у нас большое количество рыболовных промыслов. К концу прошлого года у них оказалось уже 384 рыболовных участка. Между тем срок конвенции, на основе которой японцы получали эти рыболовные участки, уже истек. Для многих рыболовных участков истекли и установленные ранее сроки аренды. В связи с этим Советское правительство вступило в переговоры с Японией по рыболовному вопросу. С нашей стороны было заявлено, что известное количество участков, установленный срок аренды которых истек, не может быть предоставлено дальше в распоряжение японцев ввиду имеющихся у нас стратегических соображений. Несмотря на очевидную обоснованность нашей позиции, с японской стороны было проявлено большое сопротивление советской точке зрения. В результате длительных переговоров 37 рыболовных участков были изъяты у японцев, а в других местах им было передано 10 новых участков. После этого действие конвенции было продлено еще на один год. Это соглашение с Японией по рыболовному вопросу имеет большое политическое значение. Тем более что со стороны японских реакционных кругов все было сделано для того, чтобы подчеркнуть политическую сторону этого дела, вплоть до всякого рода угроз. Японские реакционеры еще раз могли, однако, убедиться в том, что угрозы в отношении Советского Союза не достигают цели, а права Советского государства находятся под твердой защитой.

Теперь о пограничных вопросах. Кажется, уже пора понять кому следует, что Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас надо об этом напомнить и в отношении границ Монгольской Народной Республики. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи, мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам, как договор взаимопомощи, который подписан Советским правительством. Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу. Пора понять, что обвинения в агрессии против Японии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел. Поэтому лучше вовремя бросить повторяющиеся все снова и снова провокаторские нарушения границы СССР и МНР японо-маньчжурскими воинскими частями. Соответствующее предупреждение нами сделано и через японского посла в Москве.

Мне нет необходимости говорить о нашем отношении к Китаю. Вы хорошо знаете заявление т. Сталина о поддержке народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины [{* См. док. 177.}](#). Это в полной мере относится к Китаю и его борьбе за национальную независимость. Мы последовательно проводим эту политику на деле. Она находится в соответствии с теми задачами, которые стоят перед нами в Европе, а именно с задачами создания единого фронта миролюбивых держав против дальнейшего развертывания агрессии.

СССР теперь не тот, чем он был, скажем, в 1921 году, когда он только что приступил к своей мирной, творческой работе. Приходится об этом напомнить, так как до сих пор даже некоторые наши соседи не могут, видимо, этого понять. Нельзя не признать и того, что

СССР уже не тот, каким он был всего 5—10 лет тому назад, что силы СССР окрепли. Внешняя политика Советского Союза должна отражать наличие изменений в международной обстановке и возросшую роль СССР как мощного фактора мира. Нечего доказывать, что внешняя политика Советского Союза в корне миролюбива и направлена против агрессии. Лучше всего это известно самим агрессивным странам. С большим запозданием и колебаниями приходят к сознанию этой простой истины некоторые демократические державы. Между тем в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 105 — 113.

387. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послу Великобритании в СССР У. Сидсу и временному поверенному в делах Франции в СССР Ж. Пайяру

2 июня 1939 г.

Правительства Великобритании, Франции и СССР, стремясь придать эффективность принятым Лигой наций принципам взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

1

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо

- 1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо
- 2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо
- 3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

2

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

3

В случае если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в

действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций.

4

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств, предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

5

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению.

6

Настоящий договор вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2.

7

Настоящий договор будет в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три государства обсудят, желательно ли его возобновить с изменениями или без изменений.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 146-147. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 432-434.

388. Запись беседы народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна с советником посольства Германии в СССР Г. Хильгером

2 июня 1939 г.,

2 июня 1939 г. народного комиссара [внешней торговли] т. Микояна посетил экономический советник германского посольства в Москве г-н Хильгер.

Г-н Хильгер начал беседу с вопроса, когда уезжает г-н Бабапин {{* Заместитель торгпреда СССР в Германии.}} в Берлин, и попутно спросил, где находятся г-н Давыдов и г-н Скосырев.

Тов. Микоян ответил, что т. Бабарин через несколько дней выезжает в Берлин, т. Скосырев работает зам. начальника Экспортного управления, т. Давыдов также используется на работе наркомата. Главная же цель его прихода состояла в том, чтобы выявить возможность возобновления переговоров о кредите и информировать об истинном положении, как он выразился, в котором оказались переговоры о кредите между советским и германским правительствами. Г-н Хильгер указал, что его посещение совпало с речью г-на Молотова {{** [См. док. 386.](#) }}, хотя это намерение было еще до этой речи. Далее, г-н Хильгер сообщил, что советский проект договора {{*** Не публикуется. }}

поставил вообще в тяжелые условия германское правительство, которое было вынуждено очень долгое время изучать и уточнять советские предложения. Но главная задержка и главные трудности советского проекта, что совершенно не предусматривалось ранее, оказались в списках «А» и «Б» на размещение заказов в Германии, которые были «главным камнем преткновения», ибо в то время германская промышленность выполняла план германских вооружений и не была в состоянии выполнить советских заказов. Поставить на переговорах точку германское правительство не хотело, поэтому было решено заявить Советскому правительству (г-н Хильгер оговаривает это место, что он будет очень откровенен), что советские условия изучаются и он, г-н Хильгер, имел честь доложить об этом в иранском посольстве г-ну Кагановичу.

После 15 марта положение изменилось в лучшую сторону, так как к Германии «присоединилась» Чехословакия и разрядила вопрос загруженности немецких заводов. В начале мая его, г-на Хильгера, вызвали в Берлин, где он имел несколько встреч с руководителями германского правительства (г-ном Риббентропом, г-ном Функом {***** Министр хозяйства Германии. } } и другими), которые положительно смотрели на возможность благоприятного исхода переговоров. В Берлине было решено, что г-н Шуленбург посетит народного комиссара иностранных дел г-на Молотова, и он, г-н Хильгер, был уверен, что возвратится в Москву не один, а с г-ном Шнурре, «но, как видите, я возвратился один».

Г-н Хильгер далее заявил, что теперь они ожидают ответа от Москвы в связи с посещением г-ном Шуленбургом народного комиссара иностранных дел г-на Молотова {***** [См. док. 362.](#) } }.

Изложение г-на Хильгера носило нарочито путанный характер и было слишком длинным.

В ответ на это народным комиссаром НКВТ т. Микояном было заявлено, что данные переговоры поставили его в очень неловкое положение, ибо на советский проект о кредите четкого ответа не последовало, все разговоры оказались беспредметными и приняли оттенок несерьезного характера. Он в настоящее время потерял охоту и желание разговаривать по этому вопросу, ибо эти разговоры ведутся уже два года и приняли форму политической игры.

Далее т. Микоян задает вопрос г-ну Хильгеру, уверен ли он в положительном исходе этих переговоров о кредите.

Г-н Хильгер сперва не дает ответа на поставленный вопрос, а говорит, что он и г-н Шуленбург совершенно не хотели ставить г-на Микояна в такое положение перед правительством, о котором говорит г-н Микоян, и он уверен, что занимаемое положение г-ном Микояном не могло поставить его в положение, изложенное им. Что касается заданного вопроса, то получается всегда так, что вопросы г-на Микояна оказываются всегда очень трудными. Он (г-н Хильгер) не может быть уверенным в положительном исходе переговоров о кредите, так как это зависит не только от него, но и от других, но он надеется и имеет все основания надеяться на положительный исход. Далее г-н Хильгер еще раз подчеркивает, что они теперь ожидают ответа от нас.

Тов. Микоян заявил, что он стоял раньше на точке зрения расширения экономических связей с Германией; верно, заказы в настоящее время не являются сугубо актуальными и, кроме того, они с успехом могут размещаться в других странах (Америка, Англия), но одновременно нам хорошо известна и германская промышленность.

Далее т. Микоян обещает обдумать высказанные мысли г-на Хильгера и дать в скором будущем ответ.

На этом беседа 2 июня между т. Микояном и г-ном Хильгером закончилась.

Записал беседу Е. Бабарин

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 21-23.

389. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Румынии П. Г. Куколева в Народный комиссариат иностранных дел

СССР 3 июня 1939 г.

Официально сообщается, что после предстоящих 8 июня праздников Гафенку выезжает с официальным визитом в Анкару и Афины. По слухам из журналистских кругов, предполагают, что поездка состоится в связи с необходимостью информироваться о происшедших там изменениях во внешней политике и в связи с последними переговорами с Марковичем ¹²². На праздник 8 июня в Бухарест прибывает югославский регент Павел, который, как сообщают из тех же кругов, будет пытаться склонить румынского короля не принимать предоставляемые Румынии советские гарантии. Югославия также откажется от англо-франко-советских гарантий. Также полагают, что по инициативе немцев будет обсужден вопрос об англо-турецком соглашении ¹⁰⁵, которое будто бы не соответствует Балканской Антанте ⁸⁰. Полагают, что регент Павел предложит румынскому королю проводить по отношению к Турции политику охлаждения.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2044, л. 81 Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 434-435.

390. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Латвии в СССР Ф. Коциньшем

5 июня 1939 г.

Коциньш обратился ко мне за разъяснениями по вопросу о гарантиях для прибалтов, о чем ведутся переговоры между СССР, Англией и Францией. Его в особенности интересовал вопрос, идет ли речь в этих переговорах о гарантировании именно нейтралитета Латвии, а также вопрос, почему эти переговоры ведутся помимо самой Латвии. Я разъяснил, что в наших переговорах с Англией и Францией идет речь именно о гарантировании нейтралитета Латвии. По поводу же второго вопроса сказал, что на данной стадии переговоры идут только между СССР, Англией и Францией, но что в дальнейшем, когда по вопросу о гарантировании прибалтов мы договоримся с Англией и Францией, мы запросим Латвию и других прибалтов об их отношении к этим гарантиям. Коциньш выразил удовлетворение моими разъяснениями, а также сказал, что Латвия положительно относится к гарантированию ее нейтралитета, если это будут общие гарантии (т. е. не только гарантии со стороны СССР).

На замечание Коциньша, что, по газетным сведениям, у него такое представление, что сейчас вопрос о гарантиях, выдвинутый СССР, является камнем преткновения в переговорах с Англией и Францией, я ответил, что дело обстоит не так. Я разъяснил, что мы получили предложение Англии и Франции о даче наших гарантий в отношении Польши и Румынии и поставили со своей стороны перед Англией и Францией вопрос о том, что гарантии должны охватывать и все другие пограничные с СССР европейские страны. В наших переговорах с Англией и Францией положительно решен главный вопрос, а именно вопрос о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией на условиях взаимности. Теперь же обсуждается, в числе прочих, вопрос о гарантировании прибалтов. По этому последнему вопросу Англия и Франция не дали еще никакого ответа ¹²³, а значит, не дали отрицательного ответа на наше предложение о гарантировании прибалтов, и этот вопрос находится в стадии обсуждения.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 56-57. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 435-436.

391. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Эстонии в СССР А. Реем

5 июня 1939 г.

Рей начал с разъяснения причин и характера пакта о ненападении, который должен быть подписан в ближайшее время между Эстонией и Германией. Рей сказал, что между Эстонией и Германией пакт о ненападении будет такого же характера, как только что подписанный пакт о ненападении между Германией и Данией. Я подчеркнул, что бросается в глаза тот факт, что Финляндия отказалась заключать пакт о ненападении с Германией, а Эстония и Латвия пошли на этот пакт. Я сказал также, что об этом пакте мы будем судить на основании того, какое значение он приобретет на деле.

Затем Рей поставил тот же вопрос, что и Коциньш, еще более подчеркивая, что переговоры о гарантировании прибалтов идут помимо самих прибалтов. Я дал ему те же разъяснения, что и Коциньшу. Я указал также на то, что о позиции Эстонии в вопросе о нейтралитете мы будем судить по тому, как Эстония отнесется к предложению о тройственном гарантировании нейтралитета Эстонии. Я сказал, что у нас есть сомнение в том, насколько Эстония действительно придерживается политики нейтралитета, потому что нельзя представить себе малую страну, как Эстония, которая бы, желая сохранить нейтралитет, относилась одинаково как к странам неагрессивным — СССР, Англия и Франция, так и к странам агрессивным, как Германия. Рей ответил на это, что Эстония только формально относится одинаково как к первой группе стран, так и ко второй, но что, по существу, в случае нападения агрессора они рассчитывают на помощь неагрессивных стран, и в первую очередь на помощь со стороны СССР. На это мною было указано, что Эстония не может рассчитывать на то, что кто-нибудь ей будет оказывать помощь против агрессии по первому ее желанию и в том размере, как она этого захочет, если Эстония не предпримет заблаговременно соответствующих шагов.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 59-60.. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 436.

392. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Немедленно 7 июня 1939 г.

Как мне сообщил литовский посланник Дайлиде, военными Литвы и Латвии по инициативе Литвы возобновлены переговоры о военном союзе стран Прибалтики. В прошлом эти переговоры не имели успеха в силу того, что Эстония и Латвия боялись быть втянутыми в войну из-за Клайпеды и Виленской области. «Урегулирование» этого вопроса дало возможность вновь войти с предложением о союзе. Эстония почти не возражает, но латвийские военные относятся холодно, стараются отводить и оттянуть это предложение. Подписать союзный договор немедленно Литва готова.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2100, л. 68.

393. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру

7 июня 1939 г.

По сведениям, полученным мною в доверительном порядке от безусловно надежного источника из армейских кругов, 5 июня вечером послу Осима телеграфом направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой к тому, чтобы автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии. Если же в конфликте между Германией и третьими державами Россия будет сохранять нейтралитет, то Япония намерена вступить в войну лишь тогда, когда будет достигнуто единое мнение о том, что ее вступление в войну отвечает общим интересам союзников.

Информатор подчеркнул, что армия и флот пришли к данному решению в результате длительных переговоров. Это мнение означает существенный прогресс, поскольку флот снял свою прежнюю оговорку, которая ставила вступление Японии в войну против западных держав в зависимость исключительно от японских интересов.

Otm

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 437. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 546.

394. Запись беседы посла Польши в Японии Т. Ромера с министром иностранных дел Японии Х. Арита

7 июня 1939 г.

Я начал беседу с напоминания об официальном заявлении, сделанном министру 24 апреля с. г., о том, что политика моего правительства в отношении Японии, с одной стороны, и

СССР — с другой, не претерпела изменений. Это заявление не утратило своего значения, несмотря на изменения, происшедшие тем временем

в Европе, Не будет ли министр склонен теперь на основе взаимности уполномочить меня в свете последних решений японского правительства заверить мое правительство в том, что дружественные отношения Японии к Польше также остаются без изменений.

Г-н Арита поспешил дать мне утвердительный ответ, однако просил дополнить его двумя замечаниями: 1) японское правительство горячо желает мирного устранения трудностей, возникших между Польшей и Германией, и 2) антикоминтерновский пакт ¹⁰ создал между Японией, Германией и Италией атмосферу дружбы, которая выходит за рамки этого пакта. На ряд моих вопросов он ясно ответил, что он имеет здесь в виду общий настрой, а не какие-нибудь конкретные обязательства по вопросам, не охваченным антикоммунистическим сотрудничеством, в особенности же по вопросам, могущим в какой-либо мере касаться польско-германских споров.

В свою очередь министр спросил меня, были ли начаты польско-германские переговоры вследствие взаимного уточнения позиций в речах Гитлера и министра Бека. Я ответил, что об этом мне неизвестно, но у меня сложилось впечатление, что германское правительство до сих пор не отреагировало на меморандум польского правительства ¹⁰⁴ врученный ему 5 мая в ответ на германский меморандум от 28 апреля с. г. Мое правительство всегда готово вступить в переговоры на условиях, указанных в этом ответе. Но поскольку не мы предъявляем претензии к Германии, а Германия к нам, то, пожалуй, ей и следует проявить инициативу в отношении переговоров. В связи с этим Арита высказал предположение о том, что Германия медлит, потому что ее авторитет пострадал бы от слишком поспешных поисков соглашения, как будто она делает это под давлением польско-английского союза. Если это так, ответил я, то мы можем подождать, хотя тем временем атмосфера накаляется все более и более и в международной политике наслаиваются события, что, очевидно, затруднит со временем достижение договоренности. На вопрос Арита, соответствует ли действительности дошедший до него слух о том, что в Гданьске немцы преследуются поляками, я ответил, что в Гданьске вопросы безопасности и общественного порядка являются прерогативой местных властей, состоящих из немецкого населения и полностью независимых от Польши; следовательно, если на территории Вольного города и происходят какие-либо национальные притеснения, то разве только польского меньшинства.

Я добавил, что меня поражают следствия политики, проводимой Германией под антикоминтерновскими лозунгами. Так, западные державы добиваются сейчас дружбы с Советами, которые до недавнего времени находились в полной политической изоляции в мире, а Польша, без которой немыслима в Европе какая-либо антисоветская акция, даже со стороны Германии поставлена перед необходимостью противодействовать неожиданным германским притязаниям. В случае если эти притязания будут подкреплены силой, Польша без колебаний выступит с оружием в руках. Даже если допустить, что в войне с Польшей перевес окажется на стороне Германии то ведь в конечном итоге поражение Германии во всеобщем конфликте неизбежно. Существует разительный контраст между стремлениями к миру в Европе и к защите европейской цивилизации от подрывных действий III Интернационала и между стремлениями Германии поглотить, во вред самым жизненным интересам Польши, 300 тысяч гданьских немцев, которые сами осуществляют власть — и в национальной и в политической областях, согласно указаниям Берлина. Такая внешняя политика третьего рейха может быть объяснена разве только соображениями престижа и необходимостью все новых и новых успехов для национал-социалистских властей.

Министр Арита, по существу, был не в состоянии подвергнуть сомнению мои вышеизложенные и с жаром высказанные аргументы. Поэтому он только заметил, что японское правительство, в равной степени дружественно относящееся как к Польше, так и к Германии, не может занять никакой позиции в вопросах, разделяющих эти две страны, и вынуждено ограничиться тем, чтобы в меру своих возможностей оказать содействие в устранении этих разногласий, в чем оно очень заинтересовано. На мой вопрос, приняло ли или может ли принять это содействие какую-то конкретную форму, Арита ответил, что, к сожалению, японское правительство не знает в достаточной степени польско-германских проблем, чтобы быть в состоянии высказаться по этому вопросу. Когда же я заметил, что оно имеет в качестве информаторов своих послов в Варшаве и в Берлине, он признал, что последние считают, что пока обстоятельства и настроения обеих сторон не благоприятствуют идее о японском посредничестве, ввиду чего эта идея не могла быть проведена в жизнь.

В ходе дальнейшей беседы мы перешли к вопросу об англо-советских переговорах, которые, как это подчеркнул Арита, более всего беспокоят сейчас японское правительство. Я напомнил о том, что в этом вопросе мое правительство подавало Лондону немало советов и предостережений, что оно предприняло даже немало мер, направленных к тому, чтобы Англия и Франция официально заверили Японию, что переговоры с СССР не будут касаться Дальнего Востока, и что, наконец, мы со своей стороны не намерены участвовать в новых соглашениях с Советами. Мы, однако, не можем мешать нашим западным союзникам искать новых путей для укрепления безопасности там, где они считают это для себя необходимым. Особенно убедительным является английский аргумент о необходимости привлечь на свою сторону Советы хотя бы для того, чтобы предупредить германо-советское сближение. Я в это верю, прервал меня Арита. На это я ответил, что не придаю этому преувеличенного значения, хотя и могу доверительно сообщить ему, что мое правительство располагает сведениями о том, что именно этот вопрос интересует руководящих деятелей «оси» Рим — Берлин.

Будучи явно озадаченным, министр Арита сказал мне, что он Ценит роль Польши, которую она играет в отношении Советов, и уверен, что эта роль и в будущем не изменится. Россия не является только европейским государством, потому что она территориально простирается вплоть до азиатского Дальнего Востока. Следовательно, усиление безопасности ее границ в Европе должно в результате обеспечить России большую свободу действий в Азии, что для Японии не может быть безразличным. В свете этого заверение в том, что соглашения с СССР не содержат внеевропейских обязательств, является пустой формальностью. Я заметил в ответ на это что, по моему мнению, Великобритания имела более чем достаточно горького опыта в борьбе с подрывным влиянием Советов в Британской Индии, Афганистане и в Иране, чтобы не быть настороже и не остерегаться опасного для нее связывания себя с СССР в Азии. Западная и Центральная Азия — это одно, ответил Арита, а Китай и маньчжурская пограничная зона — это другое. Английская политика — это игра с советской опасностью. Желая найти нового, какого-то призрачного друга, она потеряет старого. «Кого Вы имеете в виду?» — спросил я. «Оставляю это Вам для размышлений. Может быть, Японию, может быть, Польшу, а может, обеих», — сказал он с усмешкой. Позицию Польши, заметил я, мы только что выяснили, что же касается Японии, то я опасюсь, что в связи с нынешней обстановкой в Китае Англия недостаточно отдает себе отчет в значении дружбы с Японией, чтобы в своей русской политике мочь руководствоваться страхом потерять ее. Одновременно, чтобы отблагодарить Арита за его заявление о роли Японии в польско-германских спорах, я добавил, что Польша, разумеется, не будет реагировать на японо-английский конфликт в Китае и горячо желает полюбовного его урегулирования.

Хотя все говорилось и выслушивалось скорее в шутливом тоне, Арита решительно заявил затем, что заключение каким-либо государством союза с Советами будет расценено японским правительством как акт, нарушающий жизненные интересы Японии и требующий выработки ясной ее позиции в отношении новой, созданной этим актом, ситуации. Понимая, что это высказывание имеет связь с недавними решениями кабинета Хиранума, я попытался выяснить, предreshен ли уже способ реакции Японии на вероятный акт такого рода, на что министр ответил, что этот вопрос нуждается еще в изучении в зависимости от условий, на которых состоялось бы заключение соглашения Англии и Франции с СССР. Я спросил еще, чем он может объяснить тот факт, что Советы не идут на это соглашение. В ответ он высказал предположение, что они заинтересованы в полной взаимности в вопросах гарантии безопасности собственных границ и неприкосновенности других государств, имеющих взаимные гарантии.

Наконец, на мой вопрос о нынешнем состоянии японо-советских отношений он ответил, что, оставляя в стороне недавние серьезные кровавые инциденты на монгольской границе, переговоры о рыболовстве и о правах японцев в северной части Сахалина отнюдь не свидетельствуют ни о доброй воле, ни о желании СССР прийти к соглашению. Я попытался еще раз поинтересоваться совещанием японского кабинета и спросил Арита, есть ли, по его мнению, связь между политикой Японии в Китае и ее отношением к европейским делам, и наоборот. После некоторого размышления Арита ответил, что такая связь, несомненно, существует, но уклонился от дискуссии на эту тему.

В конце беседы я сослался на неоднократно высказанное мне Арита горячее желание японского правительства, чтобы в Европе дело не дошло до войны, и спросил, вылилось ли это желание в какой-либо конкретный план или действие, например, совместно с другими заинтересованными державами (я имел здесь в виду Соединенные Штаты). Арита ответил мне, что такая мысль в своей основе ему очень нравится, но что пока он не видит условий для ее осуществления.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 437-441.

395. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

8 июня 1939 г.

Сегодня меня пригласил Галифакс и сообщил, что британское правительство очень хотело бы возможно скорее прийти к заключению договора между тремя державами. Именно с этой целью британское правительство считало бы целесообразным перейти к несколько иному методу переговоров: вместо обмена нотами на расстоянии, что неизбежно вызывает потерю времени, повести с Вами разговор «за круглым столом» в Москве, обсуждая пункт за пунктом проект соглашения и находя в ходе этого разговора приемлемые для обеих сторон формулировки. На эти переговоры британское правительство уполномочивает Сидса и хотело вызвать его в Лондон для дачи необходимых инструкций, но так как Сидс болен инфлюэнцией, то решено отправить в Москву заведующего центральноевропейским департаментом Форин офиса Стрэнга, который с самого начала нынешних англо-франко-советских переговоров был в курсе всех деталей. Кроме того, Стрэнг очень искусен в редактировании всякого рода дипломатических документов и формул. Задача Стрэнга — обстоятельно информировать Сидса о взглядах и настроениях английского правительства в отношении англосоветских переговоров, а также помочь ему в ведении этих

переговоров. Стрэнг выедет в Москву в начале будущей недели, т. е. 12 — 14 июня. Галифакс выражал надежду, что новый метод ведения переговоров быстро приведет к окончательному соглашению.

Что касается наших последних предложений {{* [См. док. 387.](#) }}, то Галифакс сделал три замечания:

1. В последние дни британское правительство имело сношения с Прибалтийскими странами, причем пришло к выводу, что никто из них (особенно финны) не желает быть открыто гарантированным. Поэтому британское правительство считает невозможным принять наше предложение о прямом перечислении стран, подлежащих гарантии. С другой стороны, признавая наше требование в отношении Прибалтики по существу справедливым, оно хочет поискать компромиссную формулировку в плане, намеченном Чемберленом в его вчерашнем выступлении, а именно: не упоминать в документе никаких гарантируемых стран, а просто сказать, что обязательства пакта приводятся в силу в случае прямой или косвенной угрозы безопасности одного из участников соглашения.

Детали формулы могут быть выработаны в Москве.

2. У британского правительства имелись большие сомнения по поводу нашего требования об одновременном подписании пакта и соглашения о военных мероприятиях, ибо это затянуло бы заключение договора на значительный промежуток времени, что в нынешней международной ситуации было бы опасно. Британское правительство готово немедленно начать военные переговоры, но считало бы необходимым сразу же по достижении соглашения по договору подписать его или, по крайней мере, опубликовать коммюнике наподобие того, которое было опубликовано в связи с польскими и турецкими переговорами.

3. Какое-то сомнение у британского правительства имеется и по пункту, предусматривающему обязательство не заключать сепаратного перемирия, но Галифакс не распространялся по этому поводу более подробно и вообще заметил, что данный вопрос нетрудно будет урегулировать.

В ходе разговора Галифакс мельком упомянул, что финны как будто бы поручили шведам вести с нами переговоры от имени обеих стран по вопросу об Аландских островах, что кое-кто советовал ему самому съездить в Москву в связи с переговорами, но что он является принципиальным противником частых и длительных отлучек министра иностранных дел из своей страны и что как раз в настоящее время сложность международной обстановки приковывает его к Лондону.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 43—46, Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 441-442.

396. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

10 июня 1939 г.

Сообщите Галифаксу в ответ на его заявление {{* [См. док. 395.](#)}} следующее:

- 1) Принимаем к сведению решение британского правительства о командировании Стрэнга в Москву;
- 2) во избежание недоразумений считаем нужным предупредить, что вопрос о трех Прибалтийских государствах является теперь тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры. Мы считаем, что без обеспечения безопасности северо-западных границ СССР путем решительного противодействия трех договаривающихся сторон прямому или косвенному нападению агрессора на Эстонию, Латвию или Финляндию невозможно будет удовлетворить общественное мнение Советского Союза, особенно после того, как подобная позиция Советского правительства получила торжественное утверждение Верховного Совета страны. Разъясните Галифаксу, что дело не в технических формулировках, а в том, чтобы договориться по существу этого вопроса, после чего нетрудно будет найти формулировку;
- 3) что касается вопроса об одновременном подписании основного договора и специального соглашения, то его можно уточнить в процессе переговоров;
- 4) что касается заявления Галифакса о том, что кто-то советовал ему съездить в Москву, то можете ему намекнуть, что в Москве приветствовали бы его приезд.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 186-187. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 443.

397. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 июня 1939 г.

Сегодня меня посетил польский посол Рачиньский, который интересовался ходом англо-советских переговоров и подчеркивал, что польское правительство уверено в серьезности британских намерений создать «мирный фронт» против агрессии.

Рачиньский, между прочим, сообщил, что между Англией и Польшей пока остается в силе то предварительное соглашение, которое было опубликовано 6 апреля {{* [См. док. 254.](#)}}, что к заключению окончательного договора они еще не приступали, но что это будет, вероятно, сделано в самом ближайшем будущем. Поляки хотят скорейшего подписания постоянного договора, и англичане как будто бы отвечают в этом вопросе взаимностью. Военные переговоры между Лондоном и Варшавой уже были начаты британской миссией в Варшаве, и скоро ожидается польская миссия в Лондоне. Слухи о визите Рыдз-Смиглы в Англию преждевременны, но возможно, что он приедет в сентябре на английские маневры. Военные переговоры, однако, будут идти независимо от визита Рыдз-Смиглы. В самое ближайшее время открываются официальные переговоры поляков в Лондоне о кредитах, главным образом для покупки вооружения. Рачиньский рассказывал, что формула о «прямой или косвенной угрозе» независимости была внесена в англо-польское соглашение по английской инициативе, для того чтобы ввести его в действие в случае германской акции против Данцига, который формально является Вольным городом, а не

частью польской территории. При этом между поляками и англичанами было согласовано, что судьей в том, является ли данная акция Германии в отношении Данцига «косвенной угрозой», вызывающей необходимость польской реакции, должна быть сама Польша. Англия же обязуется оказать Польше поддержку в тех действиях, которые последняя сочтет нужным предпринять. Это нигде не было записано, но таково было соглашение и так именно поляки понимают свои права по данному соглашению. Чемберлен в разговоре с Рачинским два дня назад жаловался, что Советское правительство якобы затягивает переговоры по пакту, но я разъяснил польскому послу, кто является истинным виновником их затяжки.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 51—52. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 443—444.

398. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Греции М. Г. Сергеева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 июня 1939 г.

Нам сообщили в министерстве иностранных дел Албании, что в связи с заключением между Италией и Албанией соглашения от 3 июня о сосредоточении в руках итальянского министерства иностранных дел всех внешнеполитических вопросов, касающихся Албании, албанское министерство иностранных дел закрывается. В связи с новым положением на иностранные дипломатические миссии и на посланников в Тиране не распространяются более дипломатические привилегии. Вам известно, что на ноты албанского министерства иностранных дел после захвата Албании полпредство не ответило.

Сергеев

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2030, л. 36.

399. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Швеции в СССР В. Винтером

11 июня 1939 г.

После приветствий Винтер заявляет, что он только что вернулся из Стокгольма, куда он был вызван специально по аландскому вопросу, и должен по поручению министра иностранных дел Санд-лера зачитать меморандум. [Винтер зачитывает прилагаемый при сем меморандум]¹²⁴.

Оговариваясь, что представленный послом меморандум нужно изучить, т. Молотов говорит, что он ограничивается пока двумя основными замечаниями: 1) Советское правительство не меньше, а больше Швеции заинтересовано в вопросе об Аландских островах⁶⁰; 2) Советское правительство не может допустить, чтобы вопрос об Аландских

островах решался без его участия, чтобы при решении вопроса об их вооружении игнорировались интересы СССР:

В ответ на краткую реплику т. Молотова Винтер начинал доказывать важность Аландских островов для Швеции. Аландские острова находятся в 150 км от Стокгольма, где находятся правительство, государственные учреждения, военные предприятия и т. п. Если эти острова попадут в руки враждебного государства, то Швеция будет поставлена в невыносимое положение — это будет револьвер, приставленный к груди Швеции. Швеция и Финляндия хотят защитить Ботнический залив, и вооружение Аландских островов имеет чисто оборонительный характер. Если какое-нибудь враждебное государство захочет преградить путь в Финский залив, то оно это сделает с финского и эстонского побережья, а не с Аландских островов.

На это добавочное разъяснение Винтера т. Молотов ответил, что при решении вопроса об Аландских островах нужно принять во внимание не только географическое положение, но также прошлый опыт и перспективы возможной предстоящей войны. Россия участвовала в мировой войне, в то время как Швеция не принимала в ней участия. Можно представить и в отношении возможной новой войны, что СССР будет вынужден участвовать в войне. В свете перспектив войны вопрос об Аландских островах и их вооружениях имеет для нас жизненный характер. Вооружение может быть использовано державой-агрессором против СССР для того, чтобы запереть для СССР Финский залив. Финляндия думает разрешить этот вопрос, игнорируя СССР, но это не выйдет. Если Швеция стоит на точке зрения Финляндии, то необходимо отметить, что это тоже не выйдет. СССР не может допустить, чтобы этот вопрос решался без него. Советское правительство обратилось к Финляндии с запросом, каков будет размер и характер вооружений и каковы цели этих вооружений. Но финское правительство отказалось дать ответ на эти совершенно законные вопросы СССР {{* [См. док. 356, 370, 372.](#)}}.

Винтер заявил, что он готов дать информацию в пределах уже опубликованных данных. Он сообщил несколько сведений из газет (Финляндия ассигновала 447 млн марок на три года для вооружения Аландских островов и т. д.), просил, чтобы Советское правительство благожелательно отнеслось к шведскому меморандуму» и сказал, что сегодня же доведет до сведения своего правительства точку зрения т. Молотова.

[Молотов]

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 68-70.

400. Договор между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики о реализации кредита на сто пятьдесят миллионов американских долларов

[13 июня 1939 г.]

Вследствие согласия, данного Правительством Союза Советских Социалистических Республик на открытие Правительству Китайской Республики кредита для закупки промышленных товаров и оборудования у Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Китайской Республики заключили настоящий Договор, чтобы фиксировать способ и условия реализации указанного выше кредита, и с этой целью упомянутые выше

Правительства назначили своими уполномоченными: Правительство Союза Советских Социалистических Республик — Анастаса Ивановича Микояна и Правительство Китайской Республики — Сунь Фо.

Статья 1

Правительство Союза Советских Социалистических Республик предоставляет Правительству Китайской Республики кредит в сумме сто пятьдесят миллионов американских долларов, по курсу на 13 июня 1939 года (один американский доллар равен 0,88867 грамма золота), для закупки Правительством Китайской Республики промышленных товаров и оборудования советского происхождения в Союзе Советских Социалистических Республик.

Статья 2

Кредит, указанный в статье первой, предоставляемый Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Китайской Республики, исчисляется с 1 июля 1939 года из трех процентов годовых и подлежит возмещению в течение десяти лет, начиная с 1 июля 1942 года, равными долями в размере пятнадцати миллионов американских долларов ежегодно.

Возмещение процентов за кредит производится с суммы фактически реализованного кредита ежегодно, начиная с 1939 года.

Статья 3

Для реализации кредита, предоставленного Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Китайской Республики, оба Правительства назначили: Правительство Союза Советских Социалистических Республик своего уполномоченного Анастаса Ивановича Микояна и Правительство Китайской Республики своего уполномоченного Сунь Фо.

Названные лица уполномочиваются заключать между собой особые контракты на различные категории поставок промышленных товаров и оборудования в счет кредита, предоставленного Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Китайской Республики, на основе общих положений, содержащихся в настоящем Договоре.

Статья 4

Перечень различных видов промышленных товаров и оборудования, поставляемых Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Китайской Республики, равно как и сроки выполнения отдельных частей заказов, будут выработаны по взаимному соглашению уполномоченных обоими Правительствами при посредстве особых контрактов, относящихся к каждой отдельной поставке.

Цены на промышленные товары и оборудование и возмещение расходов, связанных с их доставкой к границам Союза Советских Социалистических Республик, будут установлены по взаимному соглашению обеих сторон.

Определяя цены промышленных товаров- и оборудования, обе стороны примут за основу цены, по которым соответствующие промышленные товары и оборудование аналогичного технического качества продаются на мировом рынке.

Статья 5

Погашение кредита и процентов по кредиту, предусмотренные статьей второй настоящего Договора, Китайское Правительство будет производить товарами и сырьем, необходимыми для Союза Советских Социалистических Республик.

Номенклатура и количество товаров, сдаваемых Китайским Правительством в погашение кредита, устанавливаются в соответствии со списком № 1, приложенным к настоящему Договору{* Не публикуется.}}, по указаниям Народного комиссариата внешней торговли Союза Советских Социалистических Республик на каждый год платежа в начале года.

Поставка товаров и различного сырья Союзу Советских Социалистических Республик в счет погашения кредита производится Китайским Правительством на протяжении всего года с таким условием, чтобы поставка всех товаров и различного сырья, намеченного к погашению задолженности текущего года, была закончена не позднее 31 октября.

Определяя цены на товары и сырье, поставляемые Китайским Правительством в погашение кредита Союзу Советских Социалистических Республик, обе Стороны примут за основу цены, по которым соответствующие товары и сырье аналогичного технического качества продаются на мировом рынке, из расчета франко-сухопутная советско-китайская граница или фоб китайский порт с вычетом из цены стоимости фрахта от китайского порта до Лондона, если в основу взяты цены Лондонской биржи.

Статья 6

Сдаваемые Союзом Советских Социалистических Республик промышленные товары и оборудование исчисляются в американских долларах, в золотом исчислении, по курсу дня поставки каждой партии товаров и оборудования.

Платежи товарами и различным сырьем, производимые Китайским Правительством в погашение кредита, также исчисляются в американских долларах, в золотом исчислении, по курсу дня каждой поставки товаров и сырья на территорию Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 7

Поставляемые Правительством Союза Советских Социалистических Республик промышленные товары и оборудование сдаются

Правительству Китайской Республики или органу, особо на то уполномоченному Китайским Правительством, фоб советский порт Черного моря или другой соответствующий пограничный пункт.

Идя навстречу выраженному Правительством Китайской Республики желанию, Правительство Союза Советских Социалистических Республик изъявляет согласие взять на себя транспортировку поставляемых промышленных товаров и оборудования от

границы Союза Советских Социалистических Республик на территории Китайской Республики.

Расходы по доставке промышленных товаров и оборудования от пункта сдачи на границе Союза Советских Социалистических Республик представителю Китайского Правительства до места назначения в Китае лежат на Правительстве Китайской Республики.

Статья 8

Товары и сырье, отправляемые Китайским Правительством, сдаются на советской границе. Правительство Китайской Республики берет на себя оплату и полную ответственность за доставку упомянутых выше товаров и сырья до границы Союза Советских Социалистических Республик. Оплата морского фрахта за доставку этих товаров Союзу Советских Социалистических Республик производится Китайским Правительством в счет погашения кредита. Определяя стоимость фрахта, обе Стороны должны исходить из средней стоимости фрахта, существующего на данной линии.

В пятнадцатидневный срок со дня прибытия товаров и различного сырья, сдаваемого в счет погашения кредита, на территорию Союза Советских Социалистических Республик орган, особо на то уполномоченный Правительством Союза Советских Социалистических Республик, или уполномоченный им на то Народный комиссариат передадут Правительству Китайской Республики или органу, особо на то уполномоченному, уведомление о приеме товаров и различного сырья в счет погашения кредита.

Статья 9

Разногласия, могущие возникнуть в процессе выполнения настоящего Договора между указанными в статье третьей уполномоченными, будут разрешаться в соответствии с настоящим Договором «Согласительной Комиссией», создаваемой из представителей обоих Правительств.

Статья 10

Настоящий Договор вступит в силу немедленно после его подписания обеими Сторонами.

Обе Стороны связаны его постановлениями до полного погашения задолженности и процентов по кредиту и до исполнения всех с ним связанных обязательств.

Статья 11

Настоящий Договор составлен на русском и китайском языках.

Оба текста аутентичны. Изготовлены в Москве в двух экземплярах: один для Союза Советских Социалистических Республик и другой — для Китайской Республики, в удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий Договор.

Москва, 13 июня 1939 года

А. Микоян *Сунь Кэ* {{* Сунь Фо.}}

401. Передовая статья газеты «Правда» «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии»

13 июня 1939 г.

Отклики в иностранной печати на известное выступление т. Молотова в Верховном Совете СССР [{{** См. док. 386.}}](#) все еще продолжают. Наиболее энергично и широко комментируется та часть выступления т. Молотова, где говорилось о помощи Англии, Франции и СССР трем Балтийским странам — Эстонии, Латвии и Финляндии — против агрессии, если эти страны окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет.

Первое время некоторые деятели иностранной прессы считали вопрос о трех Балтийских странах вопросом надуманным, искусственно притащенным за волосы для каких-то неизвестных целей. Теперь, однако, они вынуждены признать, что такая оценка неправильна, что вопрос о сохранении нейтралитета трех Балтийских стран представляет жизненный интерес с точки зрения безопасности Советского Союза.

Другие возражали, что если Советский Союз и заинтересован в вопросе о трех Балтийских странах, то для Франции и Англии этот вопрос не имеет никакого актуального значения. Однако скоро должны были признать неправильность и этого возражения. В ходе дискуссии стало очевидно, что в сохранении нейтралитета трех Балтийских стран Франция и Англия заинтересованы не меньше Советского Союза. Даже такой политический деятель, как английский консерватор Черчилль, вынужден признать первостепенное значение этого вопроса для Франции и Англии. Высказываясь за гарантии Латвии, Эстонии и Финляндии, Черчилль говорит:

«Не подлежит сомнению, что если бы эти страны подверглись вторжению немцев или же были бы взорваны изнутри фашистской пропагандой и интригами, то вся Европа была бы вовлечена в войну... Если их независимость или целостность подвергнется угрозе со стороны германских фашистов, Польша должна драться, Великобритания и Франция должны драться, СССР должен драться».

Но признавая в принципе правильность известного тезиса т. Молотова о помощи трем Прибалтийским странам, значительная часть деятелей иностранной печати не решается сделать из этого соответствующий практический вывод о тройственной гарантии нейтралитета этих стран.

Одни говорят, что такая гарантия не в интересах Эстонии, Латвии и Финляндии, что народы этих стран не нуждаются в помощи извне, что они сами могут с успехом отстоять свою независимость против любой агрессии. Это, конечно, неправильно, если не сказать больше. Если даже такое государство, как Чехословакия, имевшая вдвое больше населения и армии, чем все три Балтийские страны, вместе взятые, будучи предоставлена себе самой, не смогла отстоять себя против агрессии, то какое основание предполагать, что три небольших Балтийских государства способны на большее, чем Чехословакия, и не нуждаются в помощи со стороны других государств? Не может быть сомнений, что

народы трех Балтийских стран кровно заинтересованы в гарантии их независимости со стороны великих миролюбивых держав.

Другие говорят, что принятие помощи великих держав тремя Прибалтийскими странами означало бы для них потерю суверенитета, утрату независимости. Это, конечно, вздор. Все миролюбивые государства ищут помощи друг у друга против агрессии. Англия имеет гарантированную помощь со стороны Франции, Польши, Турции. Все эти страны, в свою очередь, имеют гарантированную помощь со стороны Англии. Мы уже не говорим о Бельгии, нейтралитет которой гарантирован Англией и Францией, равно как о Румынии и Греции, независимость которых гарантирована Англией. Означает ли это, что указанные страны, получив гарантии извне, утратили тем самым суверенитет и лишились своей независимости? Стоит только ясно поставить этот вопрос, чтобы понять всю вздорность подобного возражения.

Наконец, некоторые деятели англо-французской прессы говорят о том, что официальные представители трех Балтийских стран отказываются получить помощь со стороны миролюбивых держав, что они не хотят такой помощи и что ввиду этого нельзя навязывать этим странам помощь миролюбивых держав. К этому возражению прибегают, как известно, также министр иностранных дел Эстонии Сельтер и министр иностранных дел Финляндии Эркко. Нам кажется, что мы имеем здесь дело либо с недоразумением, либо с плохо скрытым желанием некоторых политических деятелей сорвать дело образования оборонительного фронта миролюбивых Держав против агрессии.

Мы уже говорили выше, что народы Эстонии, Латвии и Финляндии кровно заинтересованы в том, чтобы миролюбивые государства пришли к ним на помощь в случае прямого или косвенного нападения агрессора. Это такая самоочевидная истина, которую неловко даже доказывать. Чем же в таком случае объяснить отказ господ Сельтера и Эркко от помощи миролюбивых держав? Возможно, что это можно было бы объяснить некоторой недооценкой угрозы агрессии со стороны этих политических деятелей. С подобной недооценкой мы имели недавно дело в отношении Румынии и Польши, некоторые представители которых возражали как против гарантии в отношении этих стран со стороны Советского Союза, так и, как нам сообщали, против заключения пакта взаимопомощи между Англией, Францией и СССР. Однако обстоятельства в дальнейшем привели к тому, что эти возражения были сняты. Не исключено, что то же самое может иметь место в ближайшем будущем и в отношении некоторых представителей трех Балтийских стран. А это не исключено как потому, что угроза агрессии становится все более ясной и очевидной, о чем можно было бы много поучительного почерпнуть из известного послания президента США Рузвельта ¹¹³, так и потому, что коренные интересы трех Балтийских стран, требующие помощи против агрессии со стороны миролюбивых стран, будут сказываться все сильнее и сильнее.

Но возможно и другое объяснение поведения упомянутых выше политических деятелей Эстонии и Финляндии. Вполне возможно, что мы имеем здесь дело с определенными влияниями извне, если не с прямой инспирацией со стороны тех, которые хотят помешать делу создания широкого оборонительного фронта против агрессии. В настоящее время трудно сказать, кто именно являются здесь подлинными вдохновителями: агрессивные государства, заинтересованные в срыве антиагрессорского фронта, или же некоторые реакционные круги демократических государств, стремящиеся ограничить агрессию в одних районах, не препятствуя развязыванию ее в других районах ¹²⁰.

Характерно, что даже такой правый французский буржуазный журналист, как Анри де Кериллис, считает такое предположение наиболее правдоподобным. Вот что он пишет в газете «Эпок»:

«В отношении гарантий Балтийским странам требования Советского Союза абсолютно законны и вполне логичны. Если Франция и Англия вступают в соглашение с Советским Союзом, они должны быть заинтересованы в том, чтобы Советский Союз не пострадал в первые же дни войны от германской интервенции через территорию Балтийских стран. Нужно, чтобы мы знали, к чему же мы стремимся: хотим ли мы или не хотим заключить союз с СССР?.. Если мы хотим этого союза, мы должны сделать все, чтобы Германия не обосновалась в Риге, Таллинне и Хельсинки, а также на Аландских островах. Указывают, что ни Финляндия, ни Эстония, ни Латвия не желают франко-англо-советских гарантий. Что за чертовщина? Если они не желают этих гарантий, то это значит, что имеются лишние основания для беспокойства. Указанные Балтийские страны, две из которых являются странами-лилипутами, не способны сами обеспечить свою независимость. И если они утверждают противное, то это значит, что они вступили в германскую орбиту. Советский Союз желает этому противостоять. Мы должны поступить точно так же».

Выходит, таким образом, что последнее возражение против известного тезиса в докладе т. Молотова о защите трех Прибалтийских стран против агрессии так же лишено основания с точки зрения интересов антиагрессорского фронта миролюбивых держав, как и предыдущие возражения.

Из сказанного следует, что позиция Советского Союза в вопросе о защите трех Балтийских стран от агрессии является единственно правильной позицией, вполне соответствующей интересам всех миролюбивых стран, в том числе интересам Эстонии, Латвии и Финляндии.

Правда. 1939. 13 июня.

402. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном

13 июня 1939 г.

Английский посол, который посетил меня сегодня в связи с нарушением валютных предписаний, будто бы совершенных его немецким слугой, перевел затем разговор на беспокоящий его вопрос о том, удастся ли пережить нынешнее лето без конфликта. Гендерсон вел беседу в частном плане и прямо не дал понять, где он перестает выступать от себя лично и где он выражает официальное мнение. В конце беседы он, несомненно, придерживался тезисов Галифакса, тогда как в начале разговора он критически высказывался об английской политике в Варшаве и в Москве.

Как известно, вот уже несколько дней пресса толкует о донесении Гендерсона, который будто бы стремится продвинуть вперед переговоры с Москвой. Не затрагивая сообщений прессы, Гендерсон дал пояснение в следующем смысле; конечно, пока Лондон ведет переговоры с Москвой, разговор между Лондоном и Берлином невозможен; если же пакт с русскими будет заключен, то тогда будет больше возможностей для переговоров с Берлином. Гендерсон, вероятно, хотел этим сказать нечто похожее на утверждения газеты

«Тайме», а именно: силу и готовность к переговорам вполне можно совместить, не будучи сильной, Англия, вероятно, не может. Даже быть подходящим партнером по переговорам.

По поводу английского пакта с Россией я сделал несколько иронических замечаний Гендерсону относительно полезности этого пакта для Англии и в очень серьезном тоне высказался о действиях Англии, направленных на развязывание войны, особенно в Польше. Английская политика, сказал я, диаметрально противоположна собственному тезису Гендерсона, который он неоднократно и публично высказывал: «Англия хочет сохранить за собой море, европейский континент можно оставить Германии». Вместо этого Англия все больше вмешивается в дела на континенте, например позволяет полякам играть судьбой Англии. Если в английской политике вообще есть какая-нибудь логика, то я усматриваю ее только в том, что Англия решилась на превентивную войну и действует в этом направлении.

Гендерсон оказался чрезвычайно восприимчив к этому замечанию. По его словам, о стремлении к войне не может быть и речи. Он жаловался на определенное влияние со стороны лейбористов. Он никоим образом не защищал договоренность между Польшей и Англией и сказал, что никакого Ренсимена в Варшаву не пошлют ¹²⁵. Он не оспаривал упрямства поляков, а также того факта, что от них всего можно ожидать. Но, как обычно, он объяснял поворот, происшедший в Лондоне, вступлением Германии в остававшуюся часть Чехии {{* В оригинале по-немецки: «Resttschechei»}}. Наконец, он снова затронул вопрос об опасностях, возникших за период этого лета.

Начиная с этого момента, Гендерсон, явно имея поручение, говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином. Галифакс, очевидно, считает, что нынешнему напряженному положению можно и должно положить конец путем переговоров. Ни Англия, ни Германия, сказал Гендерсон далее, не хотят больше нести на себе бремя вооружений. Содержанием переговоров между Лондоном и Берлином могло бы быть прекращение гонки вооружений и оживление экономических отношений. Можно было бы также обсудить вопрос о колониях. Я не стал вдаваться в подробности, а лишь сказал, что аналогичные соображения уже дошли до меня из Лондона другим путем и что я, однако, не могу создать себе никакого представления на основе столь расплывчатых замечаний.

Из этих высказываний Гендерсона, сделанных в ходе обмена мнениями, можно было понять, что он не одобряет отношения Англии к Польше, не придает никакого значения пакту с Россией, но что, вообще-то говоря, он крайне обеспокоен возможностью конфликта летом этого года, ибо понимает большую ответственность, которая лежит на нем как после.

Вайцзеккер

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 448 — 449. Оpubл. в изд.: Akten zur deutschen answartigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 598-599.

403. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова

14 июня 1939 г.

Я у болгарского посланника Драганова. Он начинает с жалоб на румын за их нежелание уступить болгарам Южную Добруджу. Понимая заинтересованность румын в Констанце,

болгары не требуют Северной Добруджи, хотя она населена болгарскими и была присуждена Болгарии Сан-Стефанским договором. Но от Южной Добруджи болгары отказаться не могут. Румыны же не только не уступают ее, но еще и терроризируют население (убийство 25 болгарских деятелей).

Не менее возмущает Д. и позиция Греции, не желающей дать болгарам выход к морю (Дедеагач). Упорство греков Д. объясняет давлением со стороны Англии, не желающей допустить болгар к Эгейскому морю.

Д. ставит вопрос: кто поможет Болгарии осуществить ее справедливые стремления — СССР или Германия? Этим определится дальнейшая позиция Болгарии. Особенно резко настроен он против Англии, доказывая и мне нецелесообразность соглашения СССР с Англией с точки зрения наших интересов.

По его мнению, Германия непременно начнет войну, едва только союз между СССР и Англией будет заключен. Гитлер не станет ждать, пока «политика окружения» получит еще более конкретное воплощение в виде совместной работы штабов, содействия в вооружении и т. п. Между тем, если союза не будет, он получит Данциг и коридор без войны путем нажима, т. к. без СССР Англия воевать не станет, и Польша вынуждена будет уступить. Д. считает, что одним Данцигом Германия сейчас не удовлетворится. Для нее коридор гораздо важнее. Взяв и то и другое, она предложит полякам примерно то, что поляки предлагали ей, — свободный порт и дорогу. Но так или иначе Германия свое получит. Сейчас немцы как бы открыли полякам текущий счет, на который заносят все антигерманские действия Польши вплоть до мелочей (закрытие школ, газет и т. п.). В удобный момент немцы потребуют полной расплаты по этому счету, и Польше придется плохо.

Если же Польша будет уверена в поддержке Англии, Франции и СССР, то она непременно спровоцирует конфликт, стремясь начать войну в выгодной для себя обстановке. Поэтому версию о том, что эвентуальное тройственное соглашение будет носить строго оборонительный характер, нельзя принимать всерьез, и немцы ждать не станут.

«Вам лучше всего затягивать переговоры и выжидать, — упорно доказывал мне Д., — вступить в войну вы всегда успеете, не к чему связывать себя лишними обязательствами в отношении стран, от которых вы ничего хорошего не видели» (напоминание о Бессарабии, интервенции, мюнхенском периоде и пр.). Если вас беспокоит появление немцев в Прибалтике, Бессарабии и т. п., то по этим вопросам вы сможете с немцами договориться, они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями (намек на возможность договориться о разделе «сфер влияния»).

По мнению Д., немцы — помимо Данцига и коридора — новых захватов в Европе производить не намерены (он допускает, однако, наличие стремления к восстановлению довоенных границ Германии), однако они твердо решили экономически освоить страны Восточной Европы (посланник не уточнил, какие именно) и получить оттуда все для них необходимое. Если им в этом будут препятствовать, тогда они прибегнут к силе. Так они поступят и в отношении Румынии, если последняя не будет вполне лояльно осуществлять экономический договор. Что касается гарантий неприкосновенности, которые фюрер дал прибалтам, Дании, Югославии и проч., то эти гарантии сохраняют силу лишь поскольку эти страны воздерживаются от союза с противниками Германии. Если же Югославия заключит, например, союз с Англией, Гитлер немедленно возьмет обратно свое заявление о нерушимости югославо-германской границы.

По поводу результатов визита Павла Д. слышал и от немцев и от югославов, что немцы вполне довольствуются тем, что Белград им обещал нейтралитет и экономическое сотрудничество, и большего от Павла не добивались. Не требовали они от Белграда ни пакта с Венгрией, ни присоединения к антикоминтерновскому пакту. Югославы будто бы были весьма тронуты столь деликатной и ненавязчивой тактикой немцев.

«Других крупных визитов в ближайшее время не предвидится» — так сказали посланнику в протокольном отделе, чиновники которого собираются в отпуск. Есть слухи о предстоящих приездах Франко и итальянского короля, но это, вероятно, дело будущего (ближе к осени).

На мой вопрос о возможности приезда в Берлин царя Бориса или Киосейванова, посланник ответил, что в данное время об этом разговоров нет, по крайней мере ему лично об этом неизвестно. Но конечно, если бы Гитлер вздумал послать Борису приглашение, то отказаться было бы невозможно.

(Обращает на себя внимание, что на этот раз посланник был значительно более откровенным и упорным апологетом прогерманской линии, чем раньше, когда от открытого отстаивания германских тезисов он уклонялся и даже иногда позволял себе некоторое фрондирование по адресу Германии.)

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 66, л. 89-92.

404. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

15 июня 1939 г.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья I

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказать друг другу немедленно всевозможную посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет втянута в военный конфликт с какой-нибудь европейской державой в результате либо

- 1) агрессии со стороны этой державы против одной из этих трех стран, либо
- 2) агрессии со стороны этой державы против другого европейского государства, которому заинтересованная договаривающаяся страна обязалась, в согласии с пожеланиями этого государства, помочь против такой агрессии, либо
- 3) действий со стороны этой державы, которые три договаривающихся правительства в результате взаимной консультации, предусмотренной в статье III, признали бы угрожающими независимости или нейтралитету другого европейского государства таким образом, что это составит угрозу для безопасности заинтересованной договаривающейся страны.

Такая поддержка и помощь будут оказаны в согласии с принципами пунктов 1 и 2 статьи 16 Устава Лиги наций, причем для этого не нужно ожидать действий со стороны Лиги наций.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья III

Без ущерба для оказания помощи немедленно по возникновении военных действий, как это предусматривается в пункте 1 [{* Имеется в виду статья 1.}](#), в случае возникновения обстоятельств о взаимной помощи, содержащихся в пункте 1 [{* Имеется в виду статья 1.}](#), три договаривающихся правительства по требованию одного из них приступят немедленно к консультации в целях изучения ситуации. Если возникнет необходимость, они с общего согласия установят время, когда будет приведен в действие механизм взаимной помощи, а равно и способ его применения.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 39-40 (перевод с англ.) Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 121-122.

405. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

15 июня 1939 г

Мой английский коллега Стрэнг и я имели 15 числа в 17 часов в течение двух с половиной часов беседу с Молотовым, которому переводил Потемкин.

В согласии со Стрэнгом и со мной посол Великобритании предпочел зачитать Молотову по абзацам следующие различные части из имеющегося у вас английского меморандума: 1 — пункты, по которым есть согласие, 2 — Балтийские страны, 3 — вопрос о статье 5 советского проекта (перемирие и мир), 4 — вопросы статей 2 и 6 того же проекта (одновременное вступление в силу политического договора и военной конвенции).

Сэр Уильям оставил копию английских текстов [{* См. док. 404.}](#). По просьбе Потемкина он также вручил их французский перевод.

Помимо этого, мой коллега в соответствии со своими инструкциями говорил о необходимости учитывать тот факт, что взаимопомощь между тремя подписывающими сторонами не должна действовать ни против получивших гарантии стран, ни против гарантов. То есть, например, если Польша нападет на Россию, Великобритания не окажет помощи России, равно как если Россия нападет на Польшу, Великобритания не будет помогать Польше.

Я оказывал содействие моему коллеге, когда он излагал различные пункты английского меморандума. По причинам, изложенным в моей телеграмме № 481—483, я счел своим долгом отметить полную франко-английскую солидарность по существу обсуждаемой проблемы, которая мне представляется необходимой, чтобы обеспечить успешный ход переговоров и избежать того, чтобы СССР стремился набить себе цену, настраивая Париж против Лондона.

Молотов попросил у нас некоторых уточнений по деталям и поставил несколько вопросов общего характера. Единственное замечание, которым он показал свой настрой, касалось Балтийских стран. Он сказал, что, по сообщениям франко-английской прессы и по полученным им донесениям, он ожидал большего с нашей стороны по поводу этих стран.

Он пообещал внимательно изучить меморандум и сообщить нам как можно скорее о своем мнении.

С моим коллегой мы условились не сообщать прессе о впечатлениях от встречи и ограничиться только объявлением о ней, уточнив, что беседы будут продолжены.

Важно избежать комментариев и всякой сенсационной рекламы, способных создать впечатление воздействия на решения Советского правительства, у которого очень болезненное самолюбие.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 1932-1939. 2 serie. T. XVI, P. 834-835.

406. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

16 июня 1939 г.

15 июня народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов принял английского посла г-на Сидса, французского посла г-на Наджиара и директора Центрального департамента министерства иностранных дел Великобритании г-на Стрэнга. При приеме присутствовал первый заместитель Наркоминдела В. П. Потемкин.

Беседа продолжалась более двух часов. Обсуждались основные вопросы разногласий. В. М. Молотову были вручены тексты англофранцузских формулировок по вопросам переговоров.

Результаты первой беседы и ознакомления с англо-французскими формулировками расцениваются в кругах Наркоминдела как не вполне благоприятные.

Известия. 1939. 16 июня.

407. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару

16 июня 1939 г.

Ознакомившись с англо-французскими формулировками, врученными Молотову 15 июня с. г.{{ * [См. док. 404.](#)}}, правительство Советского Союза пришло к следующему заключению:

1. По § 1 статьи первой (проект Советского правительства){{ ** [См. док. 387.](#)}} позиция Советского правительства совпадает с позицией английского и французского правительств.

2. По § 2 статьи первой (проект Советского правительства) позиция Советского правительства отвергается английским и французским правительствами.

Последние считают, что Советский Союз должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как Англия и Франция не берут на себя обязательств по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию.

Советское правительство никак не может согласиться с этим, так как оно не может примириться с унижительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает.

Отказ от гарантирования Эстонии, Латвии и Финляндии англофранцузские предложения мотивируют нежеланием этих стран принять такую гарантию. Если этот мотив является непреодолимым, а Советское правительство, как уже сказано выше, не может принять участие в помощи Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции без получения эквивалентной помощи в деле защиты Эстонии, Латвии, Финляндии от агрессора, то Советское правительство вынуждено признать, что весь вопрос о тройственной гарантии всех перечисленных выше восьми государств, равно как вопрос, служащий предметом § 3 статьи первой, должны быть отложены как не назревшие, а § 2 и 3 статьи первой должны быть исключены из соглашения ¹²⁶.

В этом случае статья первая включала бы в себя только § 1, причем обязательства Англии, Франции и СССР по взаимопомощи имели бы силу лишь в случае прямого нападения агрессора на территорию любой из договаривающихся сторон, но они не имели бы распространения на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон могла быть вовлечена в войну в связи с помощью, оказанной ею какому-либо третьему, не участвующему в настоящем соглашении государству, подвергшемуся нападению агрессора. Понятно, что в связи с этим обстоятельством формулировка § 1 статьи первой должна была бы подвергнуться соответствующему изменению.

3. По вопросу об одновременности вступления в силу общего соглашения и соглашения военного предстоит дальнейшая дискуссия ввиду наличия разногласий.

4. По вопросу о том, чтобы не заключать перемирия или мира иначе как с общего согласия, Советское правительство настаивает на своей позиции, так как оно не может представить, чтобы какая-либо из договаривающихся сторон в разгаре оборонительных военных действий против агрессора могла иметь право заключать сепаратное соглашение с агрессором за спиной и против своих союзников.

5. Ссылку на статью 16, § 1—2, Устава Лиги наций Советское правительство считает излишней.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 10, л. 14-15. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 122-123.

408. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

16 июня 1939 г.

Англо-французские предложения, полученные вчера {{* [См. док. 404.](#)}}, в основном повторяют их предыдущие предложения. В частности, от нас требуют немедленной помощи известным пяти странам, но отказываются от немедленной помощи трем Прибалтийским странам ввиду будто бы их отказа принимать такую помощь. Это означает, что французы и англичане ставят СССР в унижительное неравное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться.

Сегодня я вновь вызвал Сидса, Наджиара и Стрэнга и передал им наш ответ {{* [См. док. 407.](#)}}. В нем сказано, что так как Англия и Франция не соглашаются на наше предложение о гарантировании Эстонии, Латвии и Финляндии, то СССР не может участвовать в гарантировании пяти стран, что поэтому мы предлагаем весь вопрос о тройственном гарантировании восьми стран отклонить и считать его не назревшим.

В таком случае первая статья договора содержала бы обязательства Англии, Франции и СССР о взаимной помощи, причем эти обязательства имели бы силу лишь в случае прямого нападения агрессора на территорию любой из трех договаривающихся сторон, но они не имели бы распространения на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон могла бы быть вовлечена в войну в связи с помощью, оказанной ею какому-либо третьему, не участвующему в настоящем соглашении государству, подвергшемуся нападению агрессора.

Нам кажется, что англичане и французы хотят заключить с нами договор, выгодный им и невыгодный нам, т. е. они не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств.

Ясно, что мы не пойдем на такой договор.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 107-108. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 453.

409. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

16 июня 1939 г.

Вручая нам 16-го числа в 4 часа памятку{{** [См. док. 407.](#)}} (ее содержание передано мною в предыдущих телеграммах), Молотов особенно настаивал на том факте, что вопрос о гарантиях для Балтийских стран по-прежнему рассматривается СССР как фундаментальный и что, по его мнению, он должен быть урегулирован таким же эффективным образом, как и для пяти других стран, уже получивших гарантии двух западных правительств, как это предусмотрено в советском проекте от 2 июня {{{* [См. док. 387.](#)}}}. Формула консультаций для Балтийских стран, предложенная Стрэнгом,

представляется ему недействительной. К тому же он воспроизвел в этой связи фразу из своей памятной записки о неравном и унижительном положении, в котором окажется Россия, если примет ее.

Замечание, сделанное вчера Сидсом по поручению своего правительства о необходимости исключения из взаимопомощи России в случае нападения на СССР Польши и Польши в случае нападения на эту страну СССР, привело к тому, что еще более насторожило его подозрительность, несмотря на все то, что мы смогли сказать, чтобы успокоить его или исправить некоторые ошибки, содержащиеся в его изложении. Сохранение ссылки на § 1 и 2 статьи 16 Устава Лиги наций, равно как и отказ принять известные вам пункты советского проекта, относящиеся к военной конвенции и перемирию, также сыграли свою роль в плане подогревания этого недоверия. Молотов заметил, что 2 июня СССР представил конструктивный проект, по которому он берет на себя существенные обязательства при том понимании, что проект применяется по отношению к Балтийским странам, равно как и к пяти странам, которым Франция и Англия уже дали гарантии, но что наши контрпредложения лежат не в той же плоскости и не отвечают советскому желанию, чтобы пакт применялся к его северо-западным границам.

Из моих бесед со Стэнгом у меня сложилось впечатление, что он прибыл сюда с инструкциями держаться ниже, а не выше рамок обязательств, уже принятых нашими двумя правительствами в нашем проекте от 26 мая, особенно в том, что касается случая страны, не имеющей гарантий, но которая запросит помощь (§2 статьи 1 нашего проекта и § 3 статьи 1 советского проекта от 2 июня).

Я вам телеграфирую также мои замечания по поводу советского предложения отложить рассмотрение проблемы стран, подлежащих гарантии, и по поводу заключения простого договора трехсторонней взаимопомощи.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 1932 — 1939. 2 serie. T. XVI. P. 864-865. .

410. Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с временным поверенным в делах Китая в Турции Д. Туном и послом Афганистана в Турции Файзом Мухаммед-ханом

16 июня 1939 г.

В полпредстве китайцам и афганцам был показан кинофильм «Волочаевские дни». Эта кинокартина на гостей произвела сильное впечатление. Китайцы заявляли, что факты, подобные тем, какие имели место в период гражданской войны на советском Дальнем Востоке, т. е. зверства японцев, со всей яркостью повторяются теперь в Китае.

Афганец, также присутствовавший со всем своим составом посольства и членами семьи, с восхищением отзывался об этой самой кинокартине.

После сеанса за столом, в дружеской обстановке, было произнесено несколько тостов. В своем слове поверенный в делах Китая Тун подчеркнул наличие той тесной дружбы, которая существует между СССР, Афганистаном и Китаем, говорил о помощи, оказываемой Советским Союзом китайскому народу, что укрепляет его моральное состояние, ибо в Китае знают, что СССР искренне разделяет победы китайской армии над японскими империалистами и что помощь СССР является помощью действительно

бескорыстной. Он коснулся также вопроса о помощи, оказываемой Китаю Афганистаном, и заявил о непреклонной воле китайского народа к победе над японскими захватчиками. Большую содержательную речь произнес афганский посол Файз Мухаммед-хан. Основное содержание того, что он говорил, сводится к следующему: Советский Союз является первой и единственной страной в мире, провозгласившей принципы равенства и независимости всех народов. Он вспомнил о своей встрече с Лениным, рассматривая этот факт как счастливейшее событие в своей жизни ¹²⁷. Он вспомнил также и о том, что лично от Ленина он имел письмо, адресованное афганскому правительству, в котором говорилось, что Советская Россия приветствует маленький, но свободолюбивый афганский народ, боровшийся против английского империализма. О своих встречах с Лениным и позиции афганского правительства, разделяющего надежды и чаяния миролюбивых народов против агрессии, афганец в течение вечера сказал несколько раз. Он особо подчеркнул также, что советский народ является первым народом, признавшим независимость Афганистана, указав при этом, что дружеские и теплые отношения, которые существуют между Афганистаном и СССР, будут развиваться и дальше в сторону установления наибольшей сердечности между обоими государствами. Он счастлив, что на протяжении многих лет лично руководил внешней политикой Афганистана и продолжал укреплять дружбу с СССР.

Афганец сказал, что в его стране прекрасно понимают интересы китайского народа, который борется героически с японцами за свою национальную независимость. Азиатские народы, имея своим соседом СССР, могут спокойно развиваться и укреплять мир на этом участке земного шара, укрепляя в то же время мир и во всем мире.

Полпред СССР в Турции
А. Терентьев

АВП СССР, ф. 0132, оп. 22, п. 226, д. 6, л. 128-130.

411. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

17 июня 1939 г.

16 июня В. М. Молотовым были вновь приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и директор Центрального департамента министерства иностранных дел Великобритании г-н Стрэнг. Беседа длилась около часа.

Известия. 1939. 17 июня.

412. Запись беседы народного комиссара внешней торговли СССР А. И. Микояна с советником посольства Германии в СССР Г. Хильгером

17 июня 1939 г.

Г-н Хильгер. Я приехал сегодня в 4 часа. Из пяти последних дней четыре находился в спальном вагоне. Это добавочное доказательство в нашем искреннем желании договориться.

Тов. Микоян. Я верю в это.

Г-н Хильгер. Я был в Берлине два дня для того, чтобы уточнить Ваши предложения, которые я получил 8 июня {{* Не публикуется.}}. Я был у г-на Риббентропа вместе с графом Шуленбургом и получил задание сообщить Вам следующее: читает текст {{** См. приложение.}}, заявляя, что у него только один экземпляр, и надеется, что г-ну Бабарину удастся записать.

Тов. Микоян предлагает перепечатать текст, который читал г-н Хильгер, или же дать немецкий экземпляр.

Из ответа *г-на Хильгера* стало ясно, что он не хочет дать ни одного письменного текста, стараясь ограничиться чтением, однако в дальнейшем дает согласие перепечатать текст на машинке ¹²⁸.

Далее *г-н Хильгер* сообщает, что ему лично поручено передать следующее: германское правительство имеет искреннее желание привести к положительному исходу переговоры, но оно также искренно надеется, что с советской стороны будут также сделаны усилия для создания равновесия обязательств обеих сторон. Германское правительство не может наперед сказать, что соглашение будет подписано, ибо последние Ваши предложения будут служить основой переговоров.

Тов. Микоян спрашивает, как сказано в документе, который он читал: наши предложения будут служить основой или предметом переговоров?

Г-н Хильгер проверил по тексту и сообщил, что там сказано «предметом переговоров», но он считает, что это одно и то же.

Тов. Микоян сказал, что сегодняшние переговоры произвели неблагоприятное впечатление и он думает, что переговоры на этой базе продолжаться не могут, потому что опасность превращения переговоров в политическую игру остается и сейчас, а мы против игры. Мы подпишем соглашение на базе наших предложений.

Г-н Хильгер заявляет, что если переговоры будут прерваны, то ответственность падет на СССР, ибо Германия сделала все от нее зависящее. Германская сторона не может беспрекословно принять контрпроект, ибо хочет послать ответственного представителя *г-на Шнурре* для его обсуждения. Далее он стал убеждать, что никакой игры нет, что советская сторона ничем не рискует, если приедет *г-н Шнурре* и соглашение не будет подписано, так как не русские едут в Берлин, а немцы едут в Москву.

Тов. Микоян заявляет, что он передаст все это правительству и, если будет необходимость ответа, он сообщит. Беседа продолжалась 20 минут.

[*Е. Бабарин*]

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 24-25.

ПРИЛОЖЕНИЕ Текст, зачитанный Г. Хильгером во время беседы с А. И. Микояном

17 июня 1939 г.

Германское правительство согласно командировать в Москву г-на Шнурре, снабдив его полномочиями для ведения переговоров о расширении и углублении экономических взаимоотношений между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик и для заключения соответствующего соглашения, если для такового будет найдена совместная основа.

Тот факт, что германское правительство решило командировать в СССР для переговоров своего полномочного представителя, германское правительство просит рассматривать как признак того, что оно рассчитывает на положительный исход этих переговоров на расширенной основе и будет таковой приветствовать. При этом, однако, германское правительство отказывается взять на себя предварительное обязательство принятия советского контрпредложения от 26 февраля 1939 г. {{* Имеется в виду советский проект кредитного соглашения.}}, так как именно это контрпредложение должно служить предметом переговоров. Одновременно германское правительство просит правительство СССР принять к сведению, что со времени февральских переговоров с германской стороны были сделаны усилия для устранения препятствий, казавшихся в свое время непреодолимыми, германское правительство, однако, ожидает, что и правительство СССР пересмотрит в направлении германских пожеланий сделанное им в свое время предложение относительно поставок сырья, для того чтобы имеющимся в виду соглашением было создано равновесие между обязательствами, принимаемыми на себя той и другой стороной.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 26.

413. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

17 июня 1939 г.

Шуленбург сообщил, что Хильгер повезет в Москву ответ на предложение Микояна по вопросу о кредитах. В целом проект считается приемлемым, расхождение существует главным образом в вопросе о количестве сырья, так как Германия хочет от нас ввезти больше, чем мы предлагаем.

Перейдя к вопросу о политических отношениях, Шуленбург сказал, что все в министерстве иностранных дел, в том-числе Риббентроп, ждут ответа на вопрос, затронутый Вайцзеккером в разговоре со мной {{* [См. док. 384.](#)}}, и рассчитывают, что я им сообщу ответ. Шуленбург уверял, что беседу Вайцзеккера со мной надо понимать как . первую попытку германского правительства к обмену мнениями об улучшении отношений. Германское правительство не решается пока идти в этом направлении дальше, опасаясь натолкнуться на отрицательное отношение с нашей стороны. Конфиденциально ссылаясь на свою беседу с Риббентропом, Шуленбург уверял, что атмосфера для улучшения отношений назрела и обе стороны должны проявить больше решительности, чтобы ее использовать. Он согласился, что мы имеем основания для резервов и что мы вправе в основном ждать инициативы от германского правительства, но последнее опасается нарваться на наше отрицательное отношение. Шуленбург настойчиво подчеркивал, что министерство иностранных дел ждет нашего ответа, прежде чем делать новые шаги. Сам Шуленбург задерживается на некоторое время в Германии, рассчитывая на прием у Гитлера. Я ответил, что его соображения передам в Москву.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 115-116.

414. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом

19 июня 1939 г.

На днях беседовал с доктором Клейстом из бюро Риббентропа. Клейст сказал:

Данные, которые я приводил Вам в мае этого года о германо-польском конфликте и о решении польского вопроса, к которому стремится Берлин **{{** См. док. 311.}}**, остаются правильными и действительными и на сегодняшний день. Гитлер полон решимости обеспечить военную безопасность Германии на Востоке еще в течение этого года путем ликвидации Польского государства в его теперешней территориальной и политической форме. Во время одной беседы с Риббентропом Гитлер сказал, что польский вопрос непременно должен быть решен по следующим трем причинам, а именно:

- 1) ввиду того что современная Польша угрожает внешнеполитической и военной свободе маневрирования Германии;
- 2) так как невозможна капитуляция рейха перед Польшей и тем самым колоссальная потеря им престижа;
- 3) потому что уступка немцев Польше поставила бы германскую политику на Востоке перед непреодолимыми трудностями.

В другой раз Гитлер сказал, что он до конца будет рассчитывать на мирное решение польской проблемы, но одновременно прикажет подготовить все для быстрого и успешного проведения военной акции против Польши. Если дело дойдет до вооруженной борьбы между Германией и Польшей, то германская армия будет действовать жестоко и беспощадно. Во всем мире, заявил Гитлер далее, немцы известны как гунны, но то, что будет иметь место в случае войны с Польшей, превзойдет дела гуннов. Эта беспощадность в германских военных действиях необходима, чтобы на примере уничтожения Польши продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока, что значит в нынешних условиях оказывать сопротивление немецкой воле и провоцировать Германию на войну.

В течение последних недель Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапальский этап ¹⁰¹ и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества.

Военная акция Германии против Польши намечена на конец августа — начало сентября. Военные приготовления в Восточной Пруссии почти закончены, в Германии и в Словакии они продолжаются. В общем плане военная акция против Польши начнется с нанесения со всех сторон массированных ударов. В первые дни войны по Польше будут нанесены такие уничтожающие удары, что польское сопротивление будет сломлено в кратчайший срок и конфликт будет решен в локальной войне, прежде чем англичане и французы успеют

прийти в себя. К сожалению, мы должны считаться с большими потерями среди немцев, проживающих в Польше. Недавно Гитлер заявил, что за каждого убитого немца он прикажет расстрелять сто поляков. Следовательно, если поляки устроят резню среди немцев, то они будут подвергнуты нами беспощадным ответным репрессиям.

Возможно, что до военного конфликта еще раз наступит период Германо-польских переговоров. За последнее время поляки неоднократно давали нам понять, что они охотно начали бы с нами переговоры по определенным вопросам. Всего лишь несколько дней тому назад, когда поляки узнали о моей предстоящей поездке в Прибалтику и о моей короткой остановке в Варшаве (Клейсту было поручено подготовить образование в Риге и Таллинне германо-латвийского и германо-эстонского обществ), польская сторона рекомендовала мне нанести визит начальнику кабинета в польском министерстве иностранных дел графу Лубеньскому. Правда, Риббентроп отклонил установление этого контакта, но при этом дал указание реагировать на подобные польские пожелания при подходящем для нас случае. В ходе возможных германо-польских переговоров можно было бы затронуть, например, данцигский вопрос, спровоцировать поляков на далеко идущие высказывания капитулянтского характера, а затем, если мы сочтем, что время является подходящим для начала военной акции, можно будет сорвать переговоры и показать всему миру, и прежде всего польской общественности, насколько уже далеко зашли польские участники переговоров в своей капитуляции. Подобное дезавуирование режима пилсудчиков перед общественностью собственной страны является отличным внутривнутриполитическим диверсионным актом, который, возможно, повлечет за собой свержение польского правительства и внутренние беспорядки в Польше, эффективно дополнив тем самым удар германских вооруженных сил, который будет нанесен одновременно. Этот план недавно развил передо мной Риббентроп, и я счел его вполне осуществимым.

Пропагандистская акция против Польши начнется в широком масштабе примерно через три недели. Антипольские радиопередачи будут вестись на польском, украинском, белорусском, кашубском, шлензакском и других языках. Кроме того, в Берлине будет организован пресс-бюллетень, который должен выходить на английском, французском, испанском и некоторых скандинавских языках и публиковать антипольские статьи и сообщения. В настоящее время авторитетные берлинские инстанции определяют, кроме того, новую германо-польскую границу. В грубых чертах новая граница предусматривает следующее: присоединение района Су-валки к Восточной Пруссии; присоединение коридора и Данцига к рейху; установление границы, начиная от г. Торунь по направлению к г. Познань, который остается за пределами границ рейха; от Познани новая граница возвращается к старой имперской границе, причем Лодзь остается за пределами старой имперской границы; польская Верхняя Силезия возвращается рейху, причем новая граница заходит за старую и охватывает весь польский Верхне-Силезский промышленный комплекс; район Тешин и Билитц также включается в новые имперские границы. Этот план прохождения границы в «годесбергской ситуации» будет предложен, если до этого дойдет дело, международному форуму. Будем ли мы соблюдать эту границу после решения польского вопроса, это — другой вопрос.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 454-457.

415. Контракт о поставке Советским Союзом Китаю специального имущества

20 июня 1939 г.

В соответствии со статьями 3 и 4 Договора между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики от 1 марта 1938 года Уполномоченные названных выше Правительств заключили настоящий Контракт, касающийся поставки в Китай специального имущества за счет остатка в 21 841 349 американских долларов на следующих условиях:

1. Согласно заказу Правительства Китайской Республики Правительство Союза Советских Социалистических Республик в период с 25 июня 1939 года по 1 сентября 1939 года отправляет в Китай специальное имущество, указанное в прилагаемой при сем ведомости [129](#), на общую сумму 21 841 349 американских долларов в золотом исчислении по курсу на 20 июня 1939 года.
2. По приеме специального имущества, указанного в прилагаемой при сем ведомости, представителями Китайской стороны Уполномоченный Правительства Китайской Республики соответствующей надписью в ведомости подтверждает прием специального имущества и свидетельствует правильность расчетов, произведенных за это имущество.
3. В течение десяти дней со дня подписания ведомости, приложенной к настоящему Контракту, Уполномоченный Правительства Китайской Республики представляет Уполномоченному Правительства Союза Советских Социалистических Республик «Расчетное обязательство Правительства Китайской Республики» на общую сумму поставки.
4. Настоящий Контракт составлен на русском языке, в двух экземплярах: один — для Союза Советских Социалистических Республик и другой — для Китайской Республики.

В удостоверение правильности принятых на себя обеими Сторонами обязательств Уполномоченные подписали настоящий Контракт.

Уполномоченный Правительства Союза Советских Социалистических Республик
А. Микоян

Уполномоченный Правительства Китайской Республики
Ян Цзе

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 457-458.

416. Контракт о поставке Советским Союзом Китаю специального имущества

20 июня 1939 г.

В соответствии со статьями 3 и 4 Договора между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Китайской Республики от 13 июня 1939 года {{* [См. док. 400.](#)}} Уполномоченные названных выше Правительств заключили настоящий Контракт, касающийся поставки в Китай специального имущества за счет указанного договора, на следующих условиях:

1. Согласно заказу Правительства Китайской Республики Правительство Союза Советских Социалистических Республик в период с 25 июня 1939 года по 1 сентября 1939 года отправляет в Китай специальное имущество, указанное в прилагаемой при сем

ведомости ¹³⁰, на общую сумму 14 557 564 американских доллара в золотом исчислении по курсу на 20 июня 1939 года.

2. По приеме специального имущества, указанного в прилагаемой при сем ведомости, представителями Китайской стороны Уполномоченный Правительства Китайской Республики соответствующей надписью в ведомости подтверждает прием специального имущества и свидетельствует правильность расчетов, произведенных за это имущество.

3. В течение десяти дней со дня подписания ведомости, приложенной к настоящему Контракту, Уполномоченный Правительства Китайской Республики представляет Уполномоченному Правительства Союза Советских Социалистических Республик «Расчетное обязательство Правительства Китайской Республики» на общую сумму поставки.

4. Настоящий Контракт составлен на русском языке в двух экземплярах: один — для Союза Советских Социалистических Республик и другой — для Китайской Республики.

В удостоверение правильности принятых на себя обеими Сторонами обязательств Уполномоченные подписали настоящий Контракт.

Уполномоченный Правительства Союза Советских Социалистических Республик
А. Микоян

Уполномоченный Правительства Китайской Республики
Ян Цзе

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 458-459.

417. Сообщение ТАСС

21 июня 1939 г.

В некоторых немецких газетах вчера появилось сообщение, что будто бы в переговорах с Англией и Францией Советское правительство настаивает на гарантировании своих дальневосточных границ и это является препятствием к заключению соглашения. ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение не имеет под собой никакой почвы и является вымыслом.

Правда. 1939. 21 июня.

418. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 июня 1939 г.

Получены сведения, что большинство войск эстонской регулярной армии на днях переведено на эстонско-советскую границу, преимущественно в район Нарвы. Точное количество переброшенных войск выясню в ближайшее время.

26 июня в Таллинн прибудет из Берлина начальник генерального штаба Гальдер для осмотра эстонских войсковых частей. После Эстонии Гальдер поедет в Финляндию. Там готовится пышный прием.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, и. 305, д. 2111, л. 66. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 459.

419. Проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

21 июня 1939 г.

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу немедленно всяческую посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет вовлечена в военный конфликт с каким-либо европейским государством в результате либо

1) агрессии этого государства против одной из трех стран или агрессии этого государства, которая, будучи направлена против Другого европейского государства, представляла бы тем самым Угрозу безопасности одной из трех держав, либо

2) агрессии этого государства против другого европейского государства, которое заинтересованная договаривающаяся держава обязалась, с согласия последнего, защищать против такой агрессии [131](#).

Поддержка и помощь, предусматриваемые в настоящей статье, будут оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было ожидать действия Лиги наций.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 45. Опувл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 126.

420. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

22 июня 1939 г.

Вчера В. М. Молотовым были приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг, которыми были переданы «новые» англо-французские предложения, повторяющие прежние предложения Англии и Франции. В кругах Наркоминдела отмечают, что «новые» англо-французские предложения не представляют какого-либо прогресса по сравнению с предыдущими предложениями.

Известия. 1939, 22 июня.

421. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару

22 июня 1939 г.

Советское правительство внимательно ознакомилось с предложениями Англии и Франции ¹³², переданными В. Молотову 21 июня {{* [См. док. 419.](#)}}. Ввиду того что эти предложения являются повторением старых предложений Англии и Франции, встретивших, как известно, серьезные возражения со стороны Советского правительства, Советское правительство пришло к выводу — отклонить эти предложения как неприемлемые.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 188. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 460.

422. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 июня 1939 г.

21-го числа в пять часов вместе с моим английским коллегой я предпринял демарш перед Молотовым, предписанный Вашей телеграммой № 242. Не имея...{{ ** Невозможно расшифровать (прим. документа).}} от департамента текстов для вручения Советскому правительству, я должен был сослаться на тексты, полученные послом Англии из Лондона.

Из изложенного нам Молотовым вытекает, что наша новая формула статьи 1 {{*[См. док. 419.](#)}}, по его мнению, не решает трудности. Он сказал, что советские власти предварительно изучили военные обязательства, которые повлечет для СССР действие гарантий, рассматриваемых на нынешних переговорах. Советский Союз должен будет в этой связи выставить, по крайней мере, сто дивизий. Принимая во внимание такие усилия, он хочет договора, не оставляющего места двусмысленности, то есть такого, где четко указываются, в самом его тексте или в приложении, страны, включая Балтийские, к которым должна применяться гарантия, эвентуально способная привести в движение в целях оказания незамедлительной и эффективной взаимопомощи такую значительную часть советских войск.

Он оспорил аргументацию меморандума (его текст вы должны иметь), в котором английское правительство сочло своевременным уточнить, что условия франко-английского проекта договора не обязуют Россию оказывать помощь странам, получившим гарантии, и создают в этом отношении обязательства только для трех договаривающихся сторон друг к другу; это верно в буквальном смысле, но практическое содержание проекта состоит не только в этом, поскольку его целью является также оказание содействия договаривающимися сторонами государствам, получившим гарантии.

В согласии с моим коллегой я считаю, что заготовленные в Лондоне памятные записки только усложняют переговоры и привносят полемику. Молотов, которому Потемкин переводит наши документы и аргументы, не всегда очень точно схватывает значение и цель дискуссии, которая кажется скорее замысловатой, чем своевременной. Сравнение, сделанное в этом меморандуме между Балтийскими странами, с одной стороны, и

Швейцарией и Голландией — с другой, привело к тому, что Молотов сказал, что мы вводим в переговоры новый фактор.

По параграфу 1 статьи 1 английского проекта от 19 июня Молотов спросил нас, кто будет решать, является или нет агрессия угрозой для одной из трех договаривающихся сторон. На основании сказанного мне Стрэнгом, его правительство считает, что этот вопрос должен быть решен путем консультаций, а это лишает этот текст характера компромисса. Таким образом, на вопрос Молотова мы ответили лишь то, что в текстах на этот счет ничего не предусмотрено и что нам хотелось бы знать его пожелания по этому пункту, равно как и по всей статье, а также варианты, которые он может предложить, чтобы достичь общей цели наших переговоров.

Он сказал нам, что обратится в свое правительство и сообщит нам его ответ.

Вероятно, он сохранит свою позицию 16 июня [{{* См. док. 407, 408.}}](#): либо трехсторонний договор, либо более широкий договор, включающий в самом тексте или в прилагаемом письме список гарантируемых стран. Компромисс по географической зоне, упомянутый в моей телеграмме № 507 — 518, кажется, не отвечает его интересам.

Как условились с Молотовым, наши переговоры не разглашаются.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques francais... 2 serie. T. XVI. P. 937-938.

423. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 июня 1939 г.

По поводу антисоветских выступлений газет «Слово» и «Абц», поместивших под заголовком «Предостережение Коминтерну» содержание циркуляра, изданного польским «Центральным бюро антикоммунистических действий», Арцишевский [{{* Заместитель министра иностранных дел Польши.}}](#) сделал сегодня представление в мининделе, выразил сожаление и заявил, что редакции указанных газет понесут должное наказание. На мой вопрос, соответствуют ли действительности сведения о том, что в состав «антикоминтерновского комитета» входят представители правительства, Арцишевский ответил утвердительно, заявив, что в составе комитета имеются три члена президиума польского правительства, а также там имеются и работники министерства иностранных дел. Арцишевский пытался было доказать, что задачей этого комитета является борьба с Коминтерном. В результате моих убедительных доводов, ссылаясь на сообщение тех же газет, Арцишевский вынужден был признать, что выступление «антикоминтерновского комитета» перешло все пределы. Арцишевский обещал обо всем этом информировать министра и польское правительство, согласившись с тем, что такого рода выступления не соответствуют духу нынешних отношений между СССР и Польшей.

Листопад

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 156.

424. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 июня 1939 г.

1. Ссылаюсь на ваши инструкции от 20 июня.

Поскольку переданный 21-го английский меморандум {{* [См. док. 419.](#)}}, направленный на установление равновесия относительно Балтийских стран и Швейцарии и Голландии, вызвал реакцию, о которой я сообщал в телеграмме № 528 — 533, важно, чтобы я знал, как французское правительство рассматривает эту проблему.

Идет ли речь о том, чтобы предусмотреть для этих пяти стран применение параграфа 2 статьи 1 английского проекта от 19 июня о странах, получивших гарантии? Или применять к ним пункт заключительной фразы параграфа 1 той же статьи (агрессия против другого европейского государства, являющаяся в силу этого угрозой против безопасности трех договаривающихся сторон) ? В этом последнем случае кто должен решать, является агрессия угрозой или нет?

2. Молотов спросил нас, не предпочитают ли наши правительства его предложение относительно заключения пакта только на случай прямой агрессии. Мы ответили, что сначала важно продолжить изучение формул, учитывая агрессию против третьих государств. Если не ошибаюсь, целью нынешних переговоров было с самого начала добиться русской поддержки в предвидении агрессии против третьих стран Восточной Европы, уже получивших наши гарантии, поскольку эти страны не хотят быть ни заангажированными, ни даже скомпрометированы нашими соглашениями с русскими о них. Советы настаивают, чтобы эти гарантированные страны, включая Балтийские, были четко указаны в наших соглашениях. Таким образом, в случае если мы не захотим идти за Советами по этому пути, выработка простого трехстороннего пакта против прямой агрессии с консультативным пунктом для косвенной агрессии была бы, как указывалось в моей телеграмме № 507, единственным способом выйти из тупика.

3. Вопреки тому, чего мы ожидали на основе заявлений Молотова, комиссар по иностранным делам дал опубликовать в печати официозную заметку, согласно которой новые англо-французские предложения не представляют собой реального прогресса по сравнению с предыдущими.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques francais... 2 serie. T. XVI. P. 938-939.

425. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 июня 1939 г.

Официальный ответ Советского правительства, переданный Молотовым двум послам 22 июня в 17 часов {{* [См. док. 421.](#)}}, подтверждает содержание беседы от 21 июня, отчет о которой вам передан в моих телеграммах № 528—533.

Из врученной им ноты, так же как и из его комментариев, следует, что новая редакция первой статьи неприемлема, так как, по его мнению, в ней не учитывается, что для

Советского Союза необходимо, чтобы в тексте было четко и совершенно ясно сказано о гарантии, предоставленной тремя договаривающимися сторонами странам, получающим ее, и прямо указать эти восемь стран (включая Балтийские государства).

Председатель остался верен позиции, занятой его правительством 16 июня [{{** См. док. 407, 408.}}](#): простой трехсторонний договор против прямой агрессии или комплексный договор, включающий гарантию третьим странам. Что касается такого комплексного договора, то он прямо заявил, что в советском проекте от 2 июня [{{*** См. док. 387.}}](#) содержатся принципиальные предложения относительно стран, получающих гарантию, от которых СССР не может отказаться.

В этих условиях он предпочел отложить обсуждение второстепенных статей до тех пор, пока правительства Парижа и Лондона не сделают окончательный выбор по существу между двумя разновидностями договора.

Он не говорил, что форма советского проекта договора от 2 июня не подлежит изменению. Однако, как и мой английский коллега, я считаю, что, за исключением случаев, когда речь идет об использовании второстепенных вариантов, не затрагивающих ни предусмотренную для гарантируемых стран систему, ни перечисление последних, включая Балтийские страны, рамки переговоров остаются, по соображениям, изложенным в моих телеграммах в начале июня, чрезвычайно узкими.

Если мы не можем принять систему гарантий, которых добивается Советское правительство, бесполезно пытаться сдвинуть его с позиции, на которой обстоятельства позволяли и сегодня позволяют ему в еще большей степени стоять так твердо.

Таким образом, поскольку нет договора, выработанного на основополагающих данных русского проекта от 2 июня, я в согласии с моим британским коллегой предлагаю нашим правительствам выработать простой трехсторонний договор против прямой агрессии и дополнить его пунктом о консультациях в случае косвенной агрессии в соответствии с моей телеграммой № 518.

Это лучше, чем срыв переговоров. С самого начала переговоров два правительства Лондона и Парижа выступали как просители перед Советами, а последние постоянно играли роль тех, у кого просят. Как бы ни были рискованы последствия провала переговоров для России, этот факт сразу же был бы поставлен в пассив Франции и Англии и в актив держав оси.

С другой стороны, тот факт, что СССР, не уклоняясь от этого курса, предложил пункты, которые он считает самыми конкретными и эффективными, упрекая нас в то же время в том, что наши пункты расплывчаты и слабы, ставит Советское правительство в выгодное положение в случае провала. Оно получит выгоду от удовлетворения Германии и Италии тем, что Россия осталась в стороне от нашей системы, причем Советы нельзя было бы обвинить в попустительстве по отношению к оси, поскольку Кремль не преминул бы публично подчеркнуть четкость своей позиции сопротивления агрессии.

Я согласен с сэром Уильямом Сидсом в том, чтобы обратить на это внимание наших правительств в тот момент, когда им предстоит сделать решающий выбор.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques francais... 2 serie. T. XVI. P. 951-952.

426. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

23 июня 1939 г.

Переданные нам 21 июня англо-французские предложения¹³² {{* [См. док. 419.](#)}} сопровождаются мотивировкой, будто они основаны на «полнейшем равенстве для трех договаривающихся сторон», но на деле представляют совсем другое. По-прежнему в этих «новых» предложениях Англия и Франция уклоняются от тройственной немедленной помощи против агрессора трем Прибалтийским странам, предусматривая тройственную немедленную помощь известным пяти странам. К этим пяти странам в «новых» англо-французских предложениях добавлены еще две: Швейцария и Голландия, которым СССР также должен обязаться оказывать помощь вместе с Англией и Францией, хотя, как известно, у СССР нет даже дипломатических отношений со Швейцарией и Голландией. Ввиду такого положения нами дан краткий ответ, в котором указано, что последние англо-французские предложения являются повторением старых предложений Англии и Франции, против которых Советское правительство уже сделало серьезные возражения, и поэтому эти предложения отклоняются как неприемлемые.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 120-122. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 460-461.

427. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

23 июня 1939 г.

Вчера В. М. Молотовым были приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг, которым В. М. Молотов передал ответ Советского правительства на последние предложения Англии и Франции.

Известия. 1939. 23 июня.

428. Письмо временного поверенного в делах США во Франции Э. Вильсона государственному секретарю США К. Хэллу

24 июня 1939 г.

Сэр, у меня сложилось впечатление, что, возможно, готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши. Позиция Даладье и официальная позиция французского правительства остаются, конечно, прежними: Франция поддержит Польшу, если последняя окажет сопротивление агрессии, направленной против жизненных интересов Польши. Более того, возможно, что Германия постарается урегулировать вопрос о Данциге настолько грубо, что лишит французов и англичан возможности пытаться заниматься дальнейшим «умиротворением». Тем не менее у меня все больше создается впечатление, что многие влиятельные лица, которые были активными во Франции и Англии в сентябре прошлого

года, опять поднимают голову, решив, что снова необходимо избежать того, чтобы помериться силой с Германией, и что в случае необходимости Данциг должен будет разделить судьбу Судетской области.

К числу факторов, которые способствовали формированию такого мнения, относятся:

1. Возникновение чувства усталости от непрерывной напряженности в Европе. Это время от времени проявляется в разговорах с рядовыми французами. Недавно Даладье получил запросы от членов парламента, к которым обращались избиратели с жалобами относительно того, надолго ли еще будут задержаны резервисты, призванные в армию, на действительной службе. Даладье заявил, что он намеревается освободить к 1 сентября резервистов, служащих на линии Мажино, а к 1 октября остальных резервистов, добавив, что, если ситуация позволит, он сможет сделать это в более ранние сроки.
2. Время от времени можно слышать разговоры французов о том, что Франция не должна позволить втянуть себя в войну из-за Данцига. Несколько недель назад мнений подобного рода не высказывалось. Высказываются критические замечания о том, что Польша намеревается втянуть Францию в войну.
3. Существует мнение, очевидно весьма распространенное, что в конечном счете нынешний статус Данцига и «польского коридора» является неразумным и воевать, чтобы навсегда сохранить этот статус, не стоит.
4. Глубоко укоренившееся во французских правительственных кругах чувство неприязни и недоверия к Беку.
5. Неспособность британского и французского правительств после переговоров, длившихся недели, оказать какую-либо эффективную финансовую помощь или снабдить оружием Польшу. Неспособность британского и французского правительств заключить ясные политические соглашения с Польшей.
6. Возможность того, что англо-французские переговоры с Советским Союзом закончатся провалом. Провал попытки достичь соглашения с Советским Союзом предоставил бы «умиротворителям» дополнительный аргумент, а именно: что Франция и Англия не могут вступить в войну из-за Польши, если не включится Советский Союз.
7. Невозможность, в случае войны, оказать эффективную военную помощь Польше, Франция должна была бы одна пытаться прорваться через линию Зигфрида. Сомнительно, чтобы англичане могли отправить корабли в Балтику. Разумеется, в конце концов Франция и Англия выиграли бы войну, но стоит ли игра свеч? (Можно слышать и такие заявления.)
8. Озабоченность Франции относительно того, какую роль могла бы сыграть Испания в случае всеобщей войны.
9. Огромная стоимость продолжающегося перевооружения и бремя финансирования перевооружения Польши, Румынии, Турции, Греции и т. д.
10. Деморализующее влияние событий на Дальнем Востоке: ослабление престижа Англии; понимание того, что, если война разразится, французская дальневосточная империя, по крайней мере на время, будет потеряна. Если из-за опасений Англии в отношении Дальнего Востока помощь Англии Польше в случае войны будет ограничена

экономическими мерами, такими, как попытка установить блокаду Германии, то это усилит позицию «умиротворителей» во Франции.

11. Устойчивое мнение, существующее во влиятельных кругах, о том, что в конечном счете Франция должна отказаться от Центральной и Восточной Европы в пользу Германии в надежде, что в конце концов Германия окажется в состоянии войны с Советским Союзом и что Франция сможет остаться в безопасности за линией Мажино. Это мнение было поколеблено 15 марта 1939 г. Однако оно продолжает существовать.

Эдвин С. Вильсон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 461-463.

429. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 июня 1939 г.

Позиция английского правительства в отношении событий в Тяньцзине ¹³³ становится все более капитулянтской. О принятии каких-либо репрессивных мер против японцев перестали говорить. Китайский посол Го Тайци передавал мне, что в разговоре с ним три дня назад Галифакс дал ясно понять о готовности британского правительства снять свое требование о «нейтральной комиссии» и без всяких церемоний выдать японцам четырех китайцев, если таким путем можно было бы ликвидировать тяньцзиньский «инцидент». Чемберлен в свою очередь говорил Гринвуду (заместитель лидера лейбористской фракции), что местные английские власти в Тяньцзине проявили слишком большую необдуманность, что они слишком легкомысленно встали на защиту четырех китайцев, что эти четыре китайца будто бы люди «сомнительной репутации» и пр. Если не произойдут какие-либо новые события, которые вынудят британское правительство к более решительным действиям, есть много оснований ожидать, что ликвидация тяньцзиньской блокады пойдет мюнхенским путем.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 90. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 463-464.

430. Телеграмма советского военного разведчика в Японии Р. Зорге в Генеральный штаб РККА

24 июня 1939 г.

Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте ⁵¹ продолжаются. Последние японские предложения, по сообщению германского посла Отта и помощника военного атташе Шолля, содержат следующие пункты:

1. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР.

2. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии.

3. В том случае, если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония по-прежнему будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки. Но если интересы тройственного союза потребуют этого, то Япония присоединится к войне немедленно.

Эта последняя оговорка сделана с учетом позиции СССР, который, видимо, будет втянут в европейскую войну, а также ввиду неясной позиции США. Активные военные действия Японии будут ограничены: во втором и третьем случаях Япония не выступит дальше Сингапура. Согласно первому пункту все японские силы будут брошены против СССР.

Рамзай

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 463.

431. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с посланником Чехословакии в СССР З. Фирлингером

25 июня 1939 г.,

[...] На мой вопрос, как расцениваются в политических кругах, с которыми Фирлингер соприкасался за границей, перспективы переговоров Англии и Франции с СССР, Фирлингер ответил, что, например, Бенеш относится подозрительно к роли Англии. Он убежден, что, если бы даже Англия и подписала с СССР политическое соглашение, Чемберлен на другой же день после этого возобновил бы свою работу «миротворца», т. е. соглашателя и пособника Германии. Чемберлен остается верен своей мюнхенской линии и будет проводить ее, пока находится у власти. Активно поддерживают идею союза Англии с СССР лейбористы. По мнению Фирдингера, их позиция значительно лучше, нежели линия французской социалистической партии, по крайней мере большинства последней, идущей за Полем Фором {{* Один из лидеров социалистической партии.}}. Леон Блюм {{** Премьер-министр Франции в марте — апреле 1938 г., председатель французской социалистической партии.}}, с которым неоднократно встречался Фирлингер, настроен хорошо; однако и он высказывается за то, чтобы СССР не слишком форсировал свой нажим на Францию и Англию и удовлетворился бы уже достигнутыми им уступками обоих правительств в переговорах о политическом соглашении. Весьма твердую линию ведет, по словам Фирлингера, генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо. Он говорил Фирлингеру, что Франция приближается к возобновлению классовых битв, ибо безработица возрастает, пролетариат левеет, а правительство Даладье—Бонне продолжает свои попытки ликвидировать социально-политические завоевания Народного фронта. Жуо убежден, что это правительство неминуемо будет свергнуто в предстоящих столкновениях с организованными силами французской демократии.

Фирлингер виделся с Пертинаксом, Буре, Табуи {{{ Французские журналисты.}}}, Номером. Пертинакс упорно и мужественно отстаивает идею тройственного соглашения против агрессора. Бюре со всем своим темпераментом проводит в «Ордр» ту же линию. Однако он откровенно говорил Фирлингеру, что не совсем понимает позицию СССР, и жаловался на свою недостаточную осведомленность о целях советской внешней политики.

Табуи настроена весьма агрессивно против Бонне и Даладье. Комер, ведающий в настоящее время департаментом южноамериканских стран, полностью поддерживает идею мирного фронта против агрессоров.

На мой вопрос, что делает Оден, бывший помощник Авеноля в Женеве, Фирлингер сообщил, что Оден стал во главе небольшого телеграфного агентства в Париже и активно поддерживает чешский национальный комитет.

Я осведомился у Фирлингера, каково положение предприятий «Шкода» в Чехословакии. Фирлингер ответил, что после выхода Шнейдера из этого дела в него вступили немцы. Однако Громадка остался в дирекции заводов «Шкода». Фирлингеру известно, что гестапо не мешает предприятиям «Шкода» выполнять советские заказы и что даже как будто имеются перспективы дальнейшего расширения нашего использования этих предприятий. Немцы не возражают против того, чтобы чехословацкая промышленность возможно шире работала на экспорт. Это пополнит валютные ресурсы Германии.

В дальнейшей беседе Фирлингер отметил сложную и двучиную политику Польши в данной международной обстановке. По мнению посланника, отнюдь не исключено, что в конце концов между Польшей и Германией наметится какой-либо компромисс. Бек вновь предаст Францию и повернет против СССР. Уже сейчас он активизирует сопротивление Прибалтийских государств осуществлению гарантийного пакта СССР, Англии и Франции.

В заключение Фирлингер сообщил, что в кругах французского посольства в Москве ему пришлось слышать выражения недовольства тактикой Лондона, упорно сопротивляющегося требованию СССР о распространении гарантий на Прибалтийские государства. В частности, представитель агентства Гавас Шамиенуа заявил Фирлингеру, что Советское правительство совершенно право, утверждая, что последние англо-французские предложения не дают ничего нового и лишь воспроизводят прежние проекты, с какими Сидс и Наджиар являлись уже к т. Молотову.

В. Потемкин

АВП СССР, ф. 06, оп. 1. п. 20, д. 217, л. 20 — 22. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 464 — 466.

432. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 июня 1939 г.

Вчера на приеме у генерала Гамелена последний просил передать вам, что согласно сведениям, поступающим от военных агентов, в частности от военного агента в Берлине, экстремистские элементы в Германии толкают Гитлера на немедленное выступление против Польши. Военные мероприятия последних дней (маневры на линии Зигфрида и сосредоточение крупных сил в Словакии и Данциге) придают этой информации особую вескость и правдоподобность. Для генерала Гамелена не подлежит также сомнению, что и японские мероприятия на Дальнем Востоке не случайно совпали с военными приготовлениями Берлина. Он, как солдат, не вмешивается в наши переговоры, но не может не выразить недоумения по поводу их затяжки.

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л 114. Опувл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 466.

433. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиненем

26 июня 1939 г.

Посланник начинает с того, что он побывал в Хельсинки и получил новые инструкции своего правительства.

Для беседы с народным комиссаром посланник составил для памяти записку, которая текстуально не одобрена его правительством, а является свободным изложением того, что посланнику поручено заявить.

Посланник передает т. Молотову памятную записку ¹³⁴.

Ознакомившись с содержанием изложенного в записке заявления посланника, т. Молотов спрашивает его, не хочет ли он добавить что-либо еще.

Посланник говорит, что если, благодаря укреплению Аландских островов, Ботнический залив будет в безопасности, то это представит интерес и для Советского Союза, который сможет его использовать для сообщения с западными державами. Если мы, финны, не укрепим островов, то германцы попытаются их захватить, а это представит опасность и для Финского залива. Если острова будут укреплены, то Финляндия будет их защищать вместе со Швецией, если же укреплений на островах не будет, то нет и соглашения между Швецией и Финляндией о совместной защите от агрессии.

Тов. Молотов указывает на проникшие в печать сообщения о том, что вооружения Аландских островов могут быть использованы агрессором против СССР. Советский Союз не может пройти мимо этого.

Сделанное посланником сообщение будет рассмотрено Наркоминделом. Первое же впечатление таково, что представленная информация совершенно недостаточна.

Главное же заключается в том, что и настоящим заявлением финского правительства СССР ставится в положение худшее, чем Швеция, между тем как СССР в этом вопросе заинтересован не меньше, а больше, чем Швеция.

Финляндское правительство должно было бы более серьезно отнестись к заявлению Советского правительства о том, что СССР в этом вопросе поставлен в худшее положение, чем Швеция. Мы не сводим этого вопроса, говорит т. Молотов, к разговорам и бумажкам неясного содержания.

Посланник отвечает, что, по его мнению, его правительство очень ясно разъяснило свою точку зрения и цели предполагаемого укрепления островов. Посланник не знает, что могло бы его правительство еще добавить. Все его аргументы изложены.

Тов. Молотов обращает внимание посланника на то, что для нас на случай войны недостаточно иметь бумажку об Аландских островах, и говорит, что он хочет подчеркнуть всю серьезность этого вопроса. Посланник спрашивает народного комиссара, начнет ли Германия войну на Балтийском море, если Швеция и Финляндия укрепят Аландские острова.

Тов. Молотов отвечает, что он не может говорить за Германию, и, заканчивая беседу, еще раз высказывает мнение о недостаточности сделанного посланником сообщения.

Беседу записал *Б. Подцероб* {{* Ответственный референт III Западного отдела НКВД СССР.}}

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 93-94.

434. Сообщение ТАСС о столкновениях на монгольско-маньчжурской границе

26 июня 1939 г.

Начиная с 15 мая ряд иностранных газет, основываясь на неверных сообщениях штаба Квантунской армии, дает сведения о столкновениях между частями Монгольской Народной Республики и японо-маньчжурскими войсками. Японские газеты лживо утверждают, что эти столкновения вызваны нарушением монгольскими войсками маньчжурской границы. В то же время японские газеты хвастливо кричат о «больших» потерях, понесенных войсками и авиацией Монгольской Народной Республики.

На основании данных, полученных из штаба монгольско-советских войск в МНР, ТАСС имеет возможность сообщить проверенные данные о событиях на монгольско-маньчжурской границе.

В действительности на границе с Маньчжурией в районе озера Буир-Нур произошли следующие события.

И мая монгольские пограничные заставы, расположенные в районе Номон-Кан-Бурд-Обо (юго-восточнее озера Буир-Нур и в 16 — 20 км восточнее реки Халхин-Гол), подверглись неожиданному нападению со стороны японо-маньчжурских войск и вынуждены были отойти на запад от границы к реке Халхин-Гол. Начиная с 12 мая в течение 10 дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные столкновения, в результате которых были убиты и ранены с обеих сторон. 22 мая усилившиеся японо-маньчжурские войска, попытавшиеся атаковать наши части и углубиться на территорию МНР, с значительными потерями были отброшены за границу. 28 и 29 мая японо-маньчжурские войска, получив свежие значительные подкрепления японскими войсками, прибывшими из Хайлара с танками, бронемашинами, артиллерией и с большим количеством авиации, вновь вторглись на территорию Монгольской Народной Республики. Подошедшими войсками Монгольской Народной Республики налетчики были разбиты и рассеяны. Оставив на поле боя много убитых, раненых и брошенного вооружения, маньчжуро-японские войска отступили на свою территорию. В этом бою маньчжуро-японские войска потеряли более 400 убитыми.

Монгольская народно-революционная армия потеряла в этих боях 40 убитых и 70 человек раненых.

В числе захваченных документов трех разгромленных японских штабов, из которых один — штаб отряда подполковника Адзума, имеется подлинный приказ командира 23-й японской дивизии генерал-лейтенанта Комацубара из Хайлара от 21 мая. В этом приказе генерал Комацубара, между прочим, объявляет своим частям, что «дивизия одна своими частями должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гол».

Наряду со столкновениями наземных войск имели место также столкновения авиации. 28 мая группа японских истребителей и бомбардировщиков, нарушив границу, неожиданно напала на два полевых аэродрома монгольской армии. Застигнутые врасплох, монгольско-советские истребители поднялись в воздух с некоторым опозданием, что дало противнику преимущество. В этом бою монгольско-советская авиация потеряла 9 самолетов, а японцы — 3 самолета. В конечном счете японские самолеты вынуждены были поспешно отступить на свои базы. 22 июня произошло новое нападение японо-маньчжурской авиации в количестве 120 самолетов. Монгольско-советская авиация вступила в бой в составе 95 самолетов. В этом бою было сбито 31 японо-маньчжурский самолет и 12 монгольско-советских самолетов. 24 июня японо-маньчжурская авиация вновь предприняла нападение, уже в количестве 60 самолетов. Монгольско-советская авиация приняла бой тоже в количестве 60 самолетов и сбила 25 японо-маньчжурских самолетов.

В этом бою монгольско-советская авиация потеряла лишь 2 самолета.

25 июня не отмечено никаких инцидентов на границе МНР и Маньчжоу-Го.

Советско-монгольские войска занимают все пункты на границе с Маньчжурией восточнее реки Халхин-Гол. За весь период столкновений советско-монгольские войска ни разу не нарушали установленной границы, если не считать отдельных случаев, когда советско-монгольская авиация, преследуя японо-маньчжурскую авиацию, оказывалась вынужденной залетать на территорию Маньчжурии.

Известия. 1939. 26 июня.

435. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

26 июня 1939 г.

Бивербрук, который до сих пор всегда утверждал, что разговоры о близости войны несерьезны, вчера говорил мне, что сейчас изменил свое мнение. На основании всей имеющейся в его распоряжении информации Бивербрук пришел к выводу, что война близка и что она, вероятно, начнется нынешней осенью. По утверждению Бивербрука, Германия производит в настоящий момент все необходимые приготовления к войне — материального и морально-политического характера. В августе мобилизация германской армии будет закончена, и кризис начнется с Данцига. Риббентроп, который находится в зените своего влияния, окончательно убедил Гитлера, что Англия и Франция не способны к серьезной войне и что из переговоров о тройственном пакте ничего не выйдет. По словам Бивербрука, события в Тяньцзине ¹³³ были подстроены немцами, которые хотели прощупать готовность Англии к сопротивлению. Из этого опыта Риббентроп сделал вывод, что такой готовности нет и что поэтому надо ковать железо, пока горячо. Между прочим, Риббентроп разослал целому ряду видных англичан личные приглашения

приехать в Германию и повидаться с Гитлером. Такое приглашение получил и Бивербрук, но он не поедет.

Все вышеприведенные высказывания Бивербрука отражают господствующие сейчас в Англии ожидания большого европейского кризиса в конце лета или начале осени.
Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 95 — 96. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 468.

436. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

26 июня 1939 г.

Как сообщил только что приехавший заместитель торгпреда Бабарина, Наркомвнешторг полагает, что вопрос о преобразовании торгпредства в Праге в отделение берлинского торгпредства уже разрешен немцами в положительном смысле. Это не так, Вайцеккер в беседе со мной 30 мая {{* [См. док. 384.](#) }} поставил разрешение этого вопроса в зависимость от нашего ответа на поставленный им (в числе прочих) вопрос о наших экономических намерениях в протекторате. Поскольку ответа на этот вопрос (не говоря о прочих) не дали, министерство иностранных дел задерживает согласие на наше предложение, и торгпредство в Праге существует в настоящее время без легальной базы.

Сообщение о событиях на монголо-маньчжурской границе {{** [См. док. 434.](#) }} нами получено, переведено на немецкий язык и разослано ряду немецких учреждений и дипломатическим миссиям. Кстати, без видимого повода японский посол в беседе со мной на приеме 24 мая долго распространялся о желательности точно установить границу для устранения столкновений. Это, сказал он, послужит фоном улучшения японо-советских отношений.

Астахов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 125.

437. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Немедленно
26 июня 1939 г.*

В Кастель Фузано {{*** Загородная правительственная резиденция.}} встретился с Чиано. В процессе беседы я Указал министру, что его заявление на днях мне о приличном поведении итальянской печати в отношении СССР уже не соответствует действительности: в течение последних трех дней газеты систематически печатают фальшивки из Токио, приводя явно смехотворные цифры сбитых советских аэропланов. Сообщение же ТАСС по этому поводу не опубликовано. Чиано ответил, что сегодня же по возвращении в министерство примет меры к напечатанною нашего сообщения. Министр

решительно отводил мой намек на возможность берлинского и римского влияния в нынешних японских провокациях на монгольской границе, что, быть может, связано с англо-советскими переговорами. «Мы,— заявил Чиано,— советуем японцам наступать только на английские и французские позиции. Более того, мы заявили в Берлине, что целиком поддерживаем план Шуленбурга» ¹³⁵. В ответ на мой недоуменный вопрос, что за «план», Чиано разъяснил, что находящийся в Берлине Шуленбург предлагает стать на путь решительного улучшения германо-советских отношений, для чего:

1. Германия должна содействовать урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов.
2. Обсудить возможность предложить нам или заключить пакт о ненападении или, быть может, вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран.
3. Заключить широкое торговое соглашение.

Чиано добавил, что не имеет пока сообщения об отношении Гитлера к этому плану. При очередной беседе по телефону собирается узнать у Риббентропа и расскажет при встрече со мной.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2103, л. 74-75.

438. Телеграмма военного атташе Франции в СССР генерала О. Паласа министру национальной обороны Франции Э. Даладье

26 июня 1939 г.

В ходе бесед о заключении трехстороннего пакта между Англией, Францией и СССР Молотов заявил, что Советское правительство произвело подсчет военных усилий, которые вытекали бы для него на его западных границах из предполагаемых обязательств. Он считает, что потребовалось бы 100 дивизий Красной Армии.

Я полагаю, что, хотя не было дано уточнений, речь идет о 100 пехотных дивизиях.

В таком случае, если учесть минимальное количество личного состава, необходимого для укомплектования этих пехотных дивизий и их усиления крупными подразделениями кавалерии и танков, а также военно-воздушными формированиями, можно понять значимость усилий, которые предусматриваются Советским правительством.

Наш посол попросил меня передать ему для личной документации записку с указанием приблизительного личного состава и количества военной техники, входящих в 100 пехотных дивизий.

Имею честь направить вам при этом в качестве отчета данные» которые я предоставил.

Помимо этого мне показалось важным уже сейчас предоставить Вам сведения о больших усилиях, которые Советское правительство считает необходимыми. Эти данные способны

облегчить подготовку возможных военных переговоров между тремя заинтересованными державами {{* Приложения не печатаются.}}.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 9.

439. Сообщение ТАСС о нарушении японской авиацией границы Монгольской Народной Республики

27 июня 1939 г.

По данным, полученным из штаба монгольско-советских войск в МНР, 26 июня японская авиация численностью около 60 истребителей вновь нарушила границу в районе озера Буир-Нур. На территории МНР в районе Монголрыба {{** Акционерное общество, база которого размещалась на озере Буир-Нур.}} завязался воздушный бой, в котором приняли участие 50 советско-монгольских самолетов.

Бой продолжался около двух часов, носил упорный характер и окончился разгромом японской авиации, которая бежала с поля боя, преследуемая советско-монгольскими истребителями до района Ганьчжур.

В бою уничтожено 25 японских истребителей. После боя не возвратились 3 советско-монгольских истребителя, розыски которых продолжаются.

Известия. 1939. 27 июня.

440. Телеграмма полномочного представителя СССР в США К. А. Уманского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 июня 1939 г.

Широко опубликовано и принесло ощутимую пользу сообщение ТАСС {{{[См. док. 434.](#)}}}. Первоначальные хвастливые враки японцев раздували лишь отдельные наиболее враждебные газеты, крупнейшие же органы печати печатали их с оговорками, давая понять, что относятся к японской версии скептически. Все же очень важно не оставлять за японцами инициативы в освещении событий. Так, воздушный бой 26 июня дается сейчас газетами в основном по нашему сообщению {{{[См. док. 439.](#)}}}, поскольку японская лживая версия поступила позже. Интерес к событиям в правительственных кругах значительный. В дальневосточном отделе госдепартамента сегодня журналистам «для ориентации», без права цитирования, заявляли следующее:

1. События не следует истолковывать как предвестник серьезного советско-японского столкновения.
2. Японцы проверяют на практике, действительно ли СССР готов защищать границы МНР, как свои.

3. События связаны с положением в Тяньцзине ¹³³, Сватоу, а также в Европе и являются демонстрацией согласованности действий агрессоров и средством давления на ход наших переговоров с англо-французами.

4. Японцы стремятся затруднить нашу помощь Китаю. Ряд передовых статей в завтрашних газетах будет в этом духе. Как и во время хасанских событий, в американских газетах имеются ссылки на «неясность» границы и сомнение по вопросу об ответственности за ее нарушение. Полезно было бы дать соответствующие разъяснения о наличии твердо установленной границы через ТАСС.

Уманский

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 296, д. 2049, л. 37-38.

441. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном

27 июня 1939 г.

После вручения меморандума по вопросу о флоте английский посол сегодня вновь свел беседу к общеполитическим темам. Можно было почувствовать, что Гендерсон, как и остальной дипломатический корпус, считает наши отношения с Польшей очень напряженными и опасается близкого кризиса. Однако Гендерсон облек эти свои опасения скорее в форму поиска исходных моментов для новых англо-германских переговоров. Он полагает, что если бы Берлин и Лондон попеременно обменивались бы определенными ободряющими замечаниями, то дверь [для переговоров] открывалась бы все больше и больше, так что в конечном итоге стал бы возможным конструктивный обмен мнениями. Как и 14 дней назад { * [См. док. 402.](#) }, посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров.

Опирируя аргументами, сходными с теми, которые я использовал в прошлый раз, я сказал послу, что на самом деле имеет место обратное. Английская политика была бы для меня вообще непонятной, если бы я не рассматривал ее как производное от внутренней политики.

Гендерсон охотно согласился с этим и сказал, что хотел бы, чтобы не консерваторы, а лейбористы стояли у кормила правления, так как в действительности теперь Чемберлен вынужден проводить лейбористскую внешнюю политику, да еще и навлекать на себя нарекания за ее ошибки, Гендерсон уверен, что в выступлении 1 июля по случаю спуска на воду { * Крейсера «Лютцов» (10 тыс. т) в Бремене.— Прим. составителей «Akten zur deutschen auswärtigen Politik». } } фюрер затронет внешнеполитические вопросы. Он надеется, что при этом фюрер не будет слишком резок в отношении Лондона. Последние речи д-ра Геббельса { ** Министр пропаганды Германии. } } Гендерсон пытался истолковать таким образом, будто они, судя по их тону, вряд ли были инспирированы фюрером.

Совершенно очевидно было стремление посла поддерживать и далее с нами контакты. Правда, в отличие от прошлого раза, он не упомянул в качестве предмета переговоров экономические вопросы, прекращение гонки вооружений и колониальные вопросы, а

лишь ограничился намеками общего характера. Уходя, он заявил, что готов на любое доброе дело во имя восстановления контактов. По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира.

Вайцеккер

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 469 — 470. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 665-666.

442. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

28 июня 1939 г.

Шуленбург начал с того, что он был в Берлине и имел беседу с тов. Астаховым по двум вопросам: 1) о торгпредстве в Праге и 2) по вопросу, о котором он уже говорил со мною.

На мое замечание, о каком именно вопросе идет речь, Шуленбург ответил, что речь идет о моем высказывании относительно создания политической базы в отношениях между Германией и СССР. Затем Шуленбург, развивая по моей просьбе свою мысль, сказал, что германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. По словам Шуленбурга, Германия уже Дала доказательства своего желания нормализовать отношения с нами. В качестве примера он указал на сдержанность тона германской печати в отношении СССР, а также на пакты о ненападении, заключенные Германией с Прибалтийскими странами (Латвией и Эстонией), которые он рассматривает как безвозмездный вклад в дело мира и которые показывают, что Германия не имеет никаких злых намерений в отношении СССР. Также и в области экономических отношений, по словам Шуленбурга, Германия пыталась идти нам навстречу. На мое замечание, что упомянутые послом пакты заключены не с СССР, а с другими странами и не имеют прямого отношения к СССР, посол сказал, что, несмотря на то что эти пакты заключены не с СССР, вопрос о Балтстранах носит деликатный характер и представляет интерес для СССР. Мы считали, добавил Шуленбург, что заключением этих пактов Германия делает шаг, не неприятный для СССР. Воздерживаясь от подтверждения мысли Шуленбурга, я напомнил ему о недавно существовавшем пакте о ненападении между Германией и Польшей, утратившем так неожиданно свою силу ¹⁰². При упоминании этого факта Шуленбург пустился в объяснения о том, что в этом виновата сама Польша, Германия же в отношении Польши не имеет злых намерений. Разрыв указанного пакта, добавил Шуленбург, есть будто бы мероприятие оборонительного характера со стороны Германии.

Я не стал полемизировать с Шуленбургом насчет пактов, заключенных Германией с прибалтами, и сказал, что принимаю сообщение посла о пактах с прибалтами и его объяснения по этому вопросу к сведению. В связи с замечанием Шуленбурга, что он заверяет, что ни у кого в Германии нет, так сказать, наполеоновских планов в отношении СССР, я сказал, что нельзя никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к мечтаниям. Я сказал далее, что у посла не может быть оснований для сомнений относительно позиции СССР. Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией.

На мой вопрос, как посол представляет себе возможности улучшения отношений между Германией и СССР, Шуленбург ответил, что надо пользоваться каждой возможностью, чтобы устранить затруднения на пути улучшения отношений. Если посол и теперь, после поездки в Берлин, ничего другого не предлагает, то, очевидно, сказал я, он считает, что в советско-германских отношениях все обстоит благополучно и посол — большой оптимист. Здесь Шуленбург напомнил, что СССР и Германия связаны берлинским договором о нейтралитете, заключенным в 1926 году, который был продлен Гитлером в 1933 году ¹¹⁷. Я иронически заметил, что хорошо, что Шуленбург помнит о существовании этого договора, и спросил, не находит ли посол, что заключенные Германией в последние годы договора, например «антикоминтерновский пакт»¹⁰ и военно-политический союз с Италией ⁵¹, находятся в противоречии с германо-советским договором 1926 года. Шуленбург стал уверять, что не следует возвращаться к прошлому (к тому, какое значение вначале имел «антикоминтерновский пакт»), и заявил, что договор о союзе с Италией не направлен против СССР, что этот договор имеет в виду в первую очередь Англию.

Затем Шуленбург, переходя к торговым переговорам, заявил, что Германия проявила и в этом вопросе свою добрую волю, выразив желание послать в Москву Шнурре. На это я ответил, что по торговым делам в последнее время имела место беседа тов. Микояна с советником германского посольства Хильгером {{* [См. док. 388.](#) }} и что лучше, чтобы германское посольство дало соответствующие ответы на вопросы тов. Микояна, после чего и можно решить вопрос о приезде Шнурре.

В заключение беседы Шуленбург снова просил «умерить» нашу прессу, поскольку будто бы германская уже ведет себя вполне сдержанно в отношении СССР. На это я ответил, что наша пресса не дает никаких поводов для обвинения в резкостях, чего нельзя сказать о германской прессе, которая дает немало доказательств враждебности в отношении к СССР.

Содержание беседы посол обещал передать в Берлин.

Беседа продолжалась свыше часа.

В. Молотов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 1, л. 4-6.

443. Сообщение ТАСС о нападении японо-маньчжурской авиации на территорию Монгольской Народной Республики

28 июня 1939 г.

По данным штаба советско-монгольских войск, 27 июня отмечено новое нападение японо-маньчжурской авиации на территорию МНР в районе Тамцак-Булак, отстоящем от границы на 120 километров. Количество японо-маньчжурской авиации составляло около 80 истребителей и 30 бомбовозов. В результате кратковременного столкновения сбито 7 японских самолетов (из них 2 бомбардировщика). Из состава советско-монгольской авиации не вернулось на свои базы 6 самолетов, которые разыскиваются. От бомбардировки пострадали два домика в Баин-Тумен {{** Ныне г. Чойбалсан.}}, при этом было ранено 5 человек.

Известия. 1939. 28 июня.

444. Телеграмма полномочного представителя СССР в Финляндии В. К. Дервянского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

28 июня 1939 г.

Начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер приезжает в Хельсинки завтра, 29 июня. Посещение Гальдером в сопровождении пяти военных германских офицеров Выборга и Перкеярви (центральный пункт возводимых на Карельском перешейке укреплений), затем Кеми и Рованиэми (пункт, от которого будет в дальнейшем строиться продолжение существующей между Кеми и Рованиэми железной дороги для соединения Кеми с Петсамо) довольно ясно демонстрирует цель его визита. Министерство обороны сообщило сегодня, что разногласие по вопросу обороны между правительством и Маннергеймом { { * Фельдмаршал, председатель Совета национальной безопасности Финляндии. } } теперь выяснено и исключено из порядка дня.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 297, д. 2053, л. 131. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 471-472.

445. Письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену

28 июня 1939 г.

Большое спасибо за письмо от 27-го этого месяца ¹³⁷. Проявляемая в английских кругах склонность начать с нами переговоры по актуальным вопросам обнаруживается время от времени и здесь, у Гендерсона. Я полагаю, что и у Вас имеются записи наших бесед с Гендерсоном. Правда, фактические инициативные предложения, которые Гендерсон делает при этом, все еще нельзя считать конструктивными.

Вайцеккер

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир,.. С. 472, Оpubл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 670.

446. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

28 июня 1939 г.

28-го числа мой китайский коллега говорил со мной о франко-англо-русских переговорах, имея в виду подчеркнуть интерес, с которым его правительство следит за ходом переговоров, столь важных для поддержания мира и сопротивления агрессии.

Несколько дней назад у него была возможность говорить на эту тему с Молотовым. Последний сказал ему, что позиция СССР очень проста: он хочет ясных и четких обязательств, не оставляющих места двусмысленности, когда пойдет речь об оказании взаимной помощи в случае прямой или косвенной агрессии.

Из того, что генерал Ян Цзе вынес из этой беседы, а также из бесед с другими высокими советскими деятелями создается впечатление, что правительство СССР еще не уверено в незыблемости новой политики Чемберлена по противодействию агрессии. В Москве считают, что у британского премьер-министра нет решимости твердо стоять до конца и что в решающий момент он захочет воспользоваться некоторой неясностью текстов, чтобы сменить политику противодействия агрессии на прежнюю политику умиротворения агрессоров.

Посол Китая считает, что в этом заключается проблема доверия, решению которой не способствовали речи, произнесенные 8 июня Чемберленом, Галифаксом и Саймоном.

Я, конечно, настойчиво указывал на огромные материальные и моральные усилия со стороны Великобритании, чтобы опровергнуть такой подход.

Тем не менее признания, сделанные моему китайскому коллеге, являются очень показательными по поводу господствующих в Кремле настроений.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 74-75.

447. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскиненем

29 июня 1939 г.

Я сказал посланнику, что пригласил его для того, чтобы сообщить мнение Советского правительства по поводу переданного мне посланником 26 июня с. г. сообщения финляндского правительства {{* [См. док. 433.](#)}}. Я сказал, что указанное сообщение при сравнении с нотой финляндского правительства от 21 января 1939 г.⁶⁰ не дает какой-либо новой информации. Некоторые вопросы изложены даже менее подробно, чем в ноте. Это было мною подтверждено путем сравнения некоторых пунктов финского сообщения от 26 июня с финской нотой от 21 января. Посланник ответил, что в переданном им сообщении есть некоторые данные, которых не было в ноте, например сведения о количестве войск на Аландских островах. Но он согласился со мной, что в этом сообщении ничем не ограничено увеличение войск на Аландских островах на случай войны. Посланник сказал также, что если бы Советское правительство сформулировало более конкретные вопросы по вооружению островов, то он сообщил бы эти вопросы своему правительству. На это я ответил, что, если в ответе Финляндии были бы действительно конкретные сведения, тогда можно было бы сформулировать и соответствующие наши конкретные вопросы.

В связи с тем, что сообщение посланника от 26 июня не вносит никакой ясности в дело вооружения Аландских островов, я сделал заявление, что финляндское правительство, видимо, не ищет выхода из создавшегося положения, чтобы Финляндия и СССР могли прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению по поводу вооружения Аландских островов. Ведь Советский Союз заинтересован в аландском вопросе не меньше, а больше,

чем Швеция, а при теперешнем положении он поставлен в положение худшее, чем Швеция. На это посланник ответил, что Швеция ведет одинаковую с Финляндией политику — политику нейтралитета. Если бы Финляндия стала укреплять Аландские острова вместе с СССР, то она отошла бы от политики нейтралитета, а это означало бы для Финляндии, что она включилась в одну из группировок держав. На это я ответил, что для Финляндии не обязательно втягиваться в одну из группировок держав, но поскольку Финляндия заинтересована в сохранении нейтралитета и, в частности, в безопасности Аландских островов, то участие СССР в деле вооружения Аландских островов на таких же основах, как участвует в этом деле Швеция, послужило бы только для дела лучшего обеспечения нейтралитета и безопасности Финляндии и принадлежащих ей Аландских островов.

Посланник ответил, что финляндско-шведское сотрудничество в отношении Аландских островов состоит в том, что имеется смешанный совет военных экспертов, который подготавливает вопрос; работу же по вооружению островов будет производить будто бы одна Финляндия и что если в случае войны острова будут в опасности, то тогда будет действовать обязательство Швеции прийти Финляндии на помощь. В свою очередь я повторил, что если бы СССР участвовал в вооружении Аландских островов и в обеспечении их безопасности на таких же условиях, как Швеция, то не осталось бы никаких спорных вопросов между Финляндией и СССР по аландской проблеме.

На мой вопрос, считает ли сам посланник, что исключено участие СССР в укреплении Аландских островов, [Ирие-] Коскинен ответил, что он считает это исключенным, так как такое положение не соответствовало бы политике нейтралитета, проводимой Финляндией, что тогда и Германия потребовала бы участия в укреплении островов.

В заключение я подчеркнул, что данный вопрос заслуживает самого серьезного внимания финляндского правительства. Посланник сказал, что он передаст содержание беседы своему правительству.

Беседа продолжалась полчаса.

[Молотов]

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 108-110.

448. Сообщение ТАСС «Японская провокация продолжается»

29 июня 1939 г.

28 июня с. г. японо-маньчжурская авиация в составе 15 бомбардировщиков под прикрытием истребителей снова нарушила границу МНР в районе озера Буир-Нур. Встреченные зенитным огнем артиллерии и монголо-советскими истребителями, японо-маньчжурские бомбардировщики, сбросив без всякой цели несколько бомб и не приняв боя, ушли на территорию Маньчжурии. Огнем зенитной артиллерии сбито два японо-маньчжурских самолета, упавших на территории МНР.

Известия. 1939. 29 июня.

449. Статья А. А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР»

29 июня 1939 г.

Англо-франко-советские переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик. Несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все усилия Советского правительства, направленные на скорейшее заключение пакта взаимопомощи, в ходе переговоров не заметно сколько-нибудь существенного прогресса. В современной международной обстановке этот факт не может не иметь серьезного значения. Он окрыляет надежды агрессоров и всех врагов мира на возможность срыва соглашения демократических государств против агрессии, он толкает агрессоров на дальнейшее развязывание агрессии.

В связи с этим возникает вопрос: в чем причина затяжки переговоров, благоприятного окончания которых с нетерпением и надеждой ожидают все миролюбивые народы, все друзья мира?

Я позволю себе высказать по этому поводу мое личное мнение, хотя мои друзья и не согласны с ним. Они продолжают считать, что английское и французское правительства, начиная переговоры с СССР о пакте взаимопомощи, имели серьезные намерения создать мощный барьер против агрессии в Европе. Я думаю и попытаюсь доказать фактами, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, т. е. такого договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры.

Каковы эти факты?

Англо-советские переговоры в непосредственном смысле этого слова, т. е. с момента предъявления нам первых английских предложений 15 апреля, продолжаются уже 75 дней, из них Советскому правительству потребовалось на подготовку ответов на различные английские проекты и предложения 16 дней, а остальные 59 ушли на задержку и проволочки со стороны англичан и французов. Спрашивается: кто же в таком случае несет ответственность за то, что переговоры продвигаются так медленно, как не англичане и Французы?

Известно, далее, из практики заключения международных соглашений, подобных англо-франко-советскому, что та же самая Англия заключила пакты о взаимопомощи с Турцией и Польшей {{* [См. док. 245, 254.](#)}} в течение очень короткого времени. Отсюда следует, что когда Англия пожелала заключить договоры с Турцией и Польшей, она сумела обеспечить и надлежащие темпы переговоров. Факт недопустимой затяжки и бесконечных проволочек в переговорах с СССР позволяет усомниться в искренности подлинных намерений Англии и Франции и заставляет нас поставить вопрос о том, что именно лежит в основе такой политики: серьезные стремления обеспечить фронт мира или желание использовать факт переговоров, как и затяжку самих переговоров, для каких-то иных целей, не имеющих ничего общего с делом создания фронта миролюбивых держав.

Такой вопрос напрашивается, тем более что в ходе переговоров английское и французское правительства нагромождают искусственные трудности, создают видимость серьезных разногласий между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, по таким вопросам, которые при доброй воле и искренних намерениях Англии и Франции могли

быть разрешены без проволочек и помех. Известно, например, что таким искусственно надуманным «камнем преткновения» в переговорах является вопрос о тройственном гарантировании незамедлительной помощи Латвии, Эстонии и Финляндии в случае нарушения их нейтралитета со стороны агрессоров. Ссылки на то, что указанные Прибалтийские государства не желают этих гарантий и что именно это обстоятельство препятствует якобы Англии и Франции принять советское предложение, явно несостоятельны и могут быть продиктованы только одним намерением: затруднить переговоры в целях их срыва. Во всяком случае, нам известны факты, свидетельствующие о том, что, когда, например, Англия считает себя заинтересованной гарантировать те или иные страны, она находит для этого подходящие пути, не дожидаясь того, чтобы эти страны потребовали сами гарантии для себя.

Английская газета «Санди таймс» в номере от 4 июня сего года пишет, что «Польша... выразила согласие, что если Великобритания будет втянута в войну в связи с нападением на Голландию, то она придет на помощь Британии», что, «с другой стороны, Великобритания согласилась, что если Польша будет вовлечена в войну в связи с нападением на Данциг или Литву, то она придет на помощь Польше». Выходит, таким образом, что Польша и Великобритания гарантируют одновременно как Литву, так и Голландию. Я не знаю, спрашивали ли Литву и Голландию об этой двусторонней гарантии. Во всяком случае об этом ничего не сообщалось в прессе. Более того, и Голландия и Литва, насколько мне известно, отрицают факт такой гарантии. А между тем пакт о двусторонней гарантии этих стран в основном уже заключен, как сообщает «Санди таймс», причем ни для кого не тайна, что сообщение «Санди таймс» нигде не опровергалось.

Не так давно польский министр иностранных дел Бек в интервью, данном им одному французскому журналисту, между прочим, совершенно недвусмысленно заявил, что Польша ничего не требовала и ни о чем не просила в смысле предоставления ей каких бы то ни было гарантий от СССР и что она вполне удовлетворена тем, что между Польшей и СССР имеется недавно заключенное торговое соглашение. Чем же отличается в данном случае позиция Польши от позиции правящих кругов трех Прибалтийских государств? Абсолютно ничем. Однако это не мешает Англии и Франции требовать от СССР гарантий не только для Польши и еще четырех других государств, о желании которых получить от СССР гарантию нам ничего не известно, но и гарантии для Голландии и Швейцарии, с которыми СССР не имеет даже простых дипломатических отношений.

Все это говорит о том, что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру.

Мне кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре, для того чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами.

Ближайшие дни должны показать, так это или не так.

Правда. 1939. 29 июня.

450. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 июня 1939 г.

Во время беседы 27 июня Сельтер поднял вопрос о приглашении их на Сельскохозяйственную выставку в Москве. Они ждут этого приглашения и выставляют кандидатуру Сеппа, министра хозяйства, и Тупитса, министра земледелия. Сельтер при разговоре сделал намек на то, что при поездке их делегации в Москву они предполагают сделать какие-то новые предложения Москве, могущие дать доказательства их благожелательного отношения к нам. Сельтер уверял меня в том, что он и Сепп со своей стороны делали все, чтобы дружбу к СССР выделить на первый план по сравнению с другими государствами, кроме Латвии и Финляндии.

Начальник немецкого генерального штаба Гальдер 28 июня выехал в Ору, замок президента Пятса в 30 км от Нарвы. Гальдер будет осматривать гарнизоны от Нарвы до Чудского озера и пограничный район.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 72.

451. Телеграмма посла Франции в Москве П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

29 июня 1939 г.

В ходе беседы, о которой я вам дал отчет под № 572, румынский посланник сказал мне, что, по его сведениям, проводимая Францией и Англией политика противодействия агрессии, к сожалению, не рассматривается германскими и итальянскими руководителями как окончательная. Они по-прежнему считают, что в решающий момент правительства Парижа и Лондона вернутся к политике сентября прошлого года. Именно в этом духе они интерпретируют успокаивающие речи английских министров, произнесенные в июне месяце, отмечают события в Тяньцзине и ход англо-франко-советских переговоров. По мнению фашистских и нацистских руководителей, все факты, включая и то, каким образом две западные державы ведут переговоры с Советами, являются доказательством того, что политика противодействия не имеет глубоких корней в мыслях Чемберлена. Как полагают, он примкнул к ней только внешне.

Я не преминул опровергнуть такой взгляд и подчеркнуть громадные конструктивные усилия, предпринятые как Францией, так и Англией с целью выправить положение.

Но не следует скрывать, что отмеченный Диану настрой является одним из самых опасных факторов. И действительно, в течение ближайших недель определяющее значение будет иметь не то, что может подумать большинство немецкого и итальянского народов, а то, что подумают о решительности французского и британского правительств Гитлер и Муссолини. Речь идет о том, чтобы, главным образом, убедить их в нашей твердой решимости. Таким образом, ничего не должно ни говориться, ни делаться, что могло бы позволить им сохранять сомнения на этот счет.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 94-95.

**452. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова
полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу**

30 июня 1939 г.

Провокационные действия японо-маньчжур в Монголии являются, по нашим сведениям, попыткой продемонстрировать военную силу Японии, что было сделано по настоянию Германии и Италии. Целью этих действий Японии было помешать заключению англо-франко-советского соглашения. Явная неудача, постигшая японцев в этом деле, должна иметь значение противоположное намерениям немцев и итальянцев.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 142. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 475.

453. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

1 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ I

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всякую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран будет вовлечена в военное столкновение с какой-либо европейской державой в результате либо агрессии со стороны этой державы, направленной против одной из этих трех стран, либо же агрессии со стороны этой державы, направленной против какого-либо другого европейского государства, независимость или нейтралитет которого одна из трех заинтересованных стран считает себя вынужденной защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига наций начнет действовать.

**ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ,
НЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО ОПУБЛИКОВАНИЮ**

{{* Заголовок воспроизведен по английскому проекту; французский проект без заголовка.}}

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья I договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам:

Эстонии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Швейцарии.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру. Настоящее дополнительное соглашение {{* В английском тексте отсутствует слово «дополнительное».}} не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 54-55 {перевод с французского). Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 129.

454. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Франции в СССР П. Наджиаром

1 июля 1939 г.

Из французского посольства сообщили по телефону в мой секретариат, что Наджиар просит принять его вечером сегодня, начиная с половины седьмого. Я лично осведомился по телефону у посла о цели его визита. Наджиар объяснил, что хочет самолично передать мне для т. Молотова видоизмененную редакцию статьи III нашего проекта от 2 июня {{** [См. док. 387.](#) }}. Мы условились с послом, что он приедет в комиссариат около 7 часов.

Наджиар явился с некоторым запозданием, которое объяснил необходимостью согласовать привезенный им текст с английским посольством. Вручая мне документ, посол отметил, что предусмотренная в новой редакции статьи III консультация не относится к случаям, упоминаемым статьей I договора {{*** [См. док. 453.](#)}}, то есть к агрессии, направленной против одного из договаривающихся государств, или же к военному столкновению, являющемуся следствием агрессии какого-либо европейского государства против другого государства Европы, независимость или нейтралитет которого одна из договаривающихся держав считала бы необходимым защищать против агрессора. Проект статьи III, не имея в виду, как сказано, случаев открытой агрессии, предусматривает лишь обстоятельства, составляющие угрозу миру и могущие разрешиться в дальнейшем военным конфликтом. В качестве иллюстрации Наджиар привел возможность прихода к власти в какой-нибудь Швейцарии партии фашистов, которые вступили бы в тесный контакт с гитлеровской Германией и по ее указаниям начали бы готовить осуществление наступательных планов Германии против Франции. До прямой агрессии дело еще не дошло бы, но Франция могла бы потребовать от СССР и Англии провести совместно консультацию, чтобы предупредить нападение со стороны Германии. Наджиар напоминает, что наш проект от 2 июня предусматривал необходимость консультации в таких случаях, причем ни автоматизм действия взаимной помощи при обстоятельствах, указанных в статье I, ни независимость совместных действий трех держав от лигационной процедуры отнюдь не ослабляются наличием статьи III, предусматривающей консультацию в случаях угрозы общему миру.

Я сказал послу, что немедленно передам врученный им документ т. Молотову.

Прощаясь, Наджиар заявил, что он весьма заинтересован в скорейшем завершении переговоров и готов оказать этому всяческое содействие. До сих пор посол не просил личного приема у т. Молотова, чтобы обменяться мнениями по поводу происходящих переговоров. Однако Наджиар просит иметь в виду, что он всегда готов быть в распоряжении наркома, если т. Молотов сочтет это полезным для успешного хода переговоров.

В. Потемкин

ПРОЕКТ СТАТЬИ ПО ВОПРОСУ,
РАССМАТРИВАЕМОМУ В СТАТЬЕ 3
СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ОТ 2 ИЮНЯ

Без ущерба для оказания помощи немедленно по возникновении военных действий, как это предусматривается в статье 1, в случае возникновения обстоятельств, угрожающих необходимостью выполнения обязательств о взаимной помощи, предусмотренной в статье 1, три договаривающихся правительства по требованию одного из них немедленно приступят к консультации с целью изучить ситуацию и сообща определить момент для безотлагательного приведения в действие механизма взаимной помощи и способов его применения вне зависимости от какой бы то ни было процедуры Лиги наций.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 19, д. 209, л. 33-34; ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 56 (перевод с французского). Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 476 — 478.

455. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 июля 1939 г.

У меня с визитом был Дин {{* Директор немецкого калийного треста.}}. Начал он с того, что сохранил добрые воспоминания о нашем знакомстве в Берлине, счел нужным при проезде через Париж нанести мне «визит вежливости». Затем он сказал, что по-прежнему горячий сторонник «экономического сотрудничества с СССР»; что он в этом отношении не одинок, это разделяют и другие видные промышленники и что, несмотря на внепартийность этих групп, влияние их на правительство за последнее время сильно возросло. Когда он попытался мне ставить вопросы, как я лично мыслю себе пути к улучшению германо-советских отношений, я ему сказал, что никакого отношения к германо-советским делам сейчас не имею. Тогда Дин сказал, что, к сожалению, у него оборвался контакт с нашим полпредством в Берлине. Он как-то был представлен Мерекалову, высказал тогда желание повидаться, послал ему и свою визитную карточку, но никакого ответа не получил. Политических тем Дин не затрагивал, но он лишь вскользь сказал, что и близкие к нему круги верят, что Англия добивается «окружения», главным образом «экономического задушения», Германии. Руководствуясь вашей директивой ¹³⁸, я все время отмалчивался. Прощаясь, он пригласил меня с ним где-нибудь позавтракать. Я отказался.

Суриц

456. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

1 июля 1939 г.

Из нашей беседы 1 июля и из обсуждения вопросов в Советском правительстве вытекает следующее:

1. Проект статьи 1 не вызывает возражений по существу [{* См. док. 453.}](#) Но комиссар по иностранным делам считает, что она должна быть дополнена списком. Он замечает, что фраза об агрессии против другого европейского государства создала бы для договаривающихся сторон настолько широкие обязательства, что нельзя обойтись без уточнения области их распространения путем выработки списка. Аргументы, приведенные как моим английским коллегой, так и мной и Стрэнгом, не смогли убедить его отказаться от своей точки зрения на этот счет.

2. Тем не менее нам удалось — не без труда — заставить его отказаться от идеи включить список в сам текст договора. Он согласен с идеей отдельного секретного списка и сказал нам, что поддержит эту формулировку в своем правительстве.

Следует отметить, что общеполитические соображения и соображения своевременности, на которые мы ссылались, выступая сначала против выработки всяких списков, а затем в пользу секретного списка, были сильно ослаблены бестактностью английской и французской прессы по поводу идущих переговоров, бестактностью, дошедшей до раскрытия существа наших инструкций. Так, например, предложение двух правительств правительству СССР о секретном списке третьих стран и даже содержание этого списка были опубликованы в различных английских и французских газетах 26 и 27 июня, то есть до официальной передачи СССР.

3. Возражения Молотова касались добавления Голландии и Швейцарии к списку восьми стран, названных в советском проекте от 2 июня [{* См. док. 387.}](#) О Люксембурге он говорил только для памяти и чтобы отметить, что его наличие в списке увеличивает до одиннадцати количество стран, по отношению к которым СССР должен будет взять обязательства по договору, тогда как он вел переговоры в предвидении восьми.

Однако основная сила его аргументации была направлена (я вам сообщал, что этого следует ожидать) главным образом на тот факт, что Швейцария и Голландия не признали СССР и что включение этих стран в список вызывает очень большие трудности.

Мы тотчас же задействовали все, чтобы ослабить эти возражения и чтобы показать ему точное соответствие обязательств, которые предстоит взять по Балтийским странам, с одной стороны, и по Голландии, Швейцарии и Люксембургу — с другой. При поддержке моего английского коллеги я особо сильно настаивал на том, что касается нас, и изложил, согласно Вашим инструкциям, причины, которые заставили нас включить в список три указанные страны. Мы постоянно наталкивались на ответ в следующем смысле: как СССР может брать обязательства по отношению к государствам, которые не признают его?

Пытаясь преодолеть это сопротивление, я счел должным упомянуть конвенцию от 4 июля 1933 г. об определении агрессии, подписанную в Лондоне между СССР и Малой Антантой. Я отметил, что Югославия находилась тогда и все еще находится сейчас по отношению к Советам в такой же ситуации, как Швейцария и Голландия, что не помешало СССР договориться по политическим вопросам в отношении этой страны. Молотов ответил, что в 1933 г. Югославия, представляемая Малой Антантой, поставила свою подпись рядом с СССР, тогда как в рассматриваемом сегодня случае не предусматривается ничего подобного со стороны Голландии и Швейцарии.

Не сообщая нам, что он делает из этого условие *sine qua non* {** Непременное условие (лат.).}, он долго говорил о возникших трудностях и о последствиях, которые они могут повлечь за собой. Так, он сказал нам, что, если речь идет о принятии обязательств уже по отношению не к восьми, а к одиннадцати странам, причем некоторые из которых не признают СССР, то правительству Москвы надлежит обезопасить себя с другой стороны и постараться заключить, например с Турцией и Польшей, пакты двусторонней помощи, аналогичные обязательствам, которые эти две страны уже заключили с Францией и Англией. У меня сложилось впечатление, что Советы, может быть, менее смущает расширение их ответственности, чем факт непризнания СССР Голландией и Швейцарией.

Официальный ответ, который нам будет дан завтра, безусловно, более ясно определит положение по этому главному пункту, единственному, кажется, который теперь еще остается прояснить, поскольку другие, по моему мнению, могут быть только второстепенными, учитывая прежде всего срочность решения.

Считаю своим долгом вернуться к предложениям, сделанным мною в параграфе 2 телеграммы № 580—586, и запросить у Вас Ваших окончательных инструкций на этот счет на тот случай, если СССР и наши два правительства будут непоколебимо стоять на своей точке зрения по поводу включения трех западных стран. Нужно срочно заняться изучением варианта с целью избежать нового тупика и достичь психологическую цель, предусмотренную настоящими переговорами, с тем чтобы не упустить окончательно возможность, вытекающую из параграфа 3 статьи 1 советского проекта от 2 июня, связать СССР обязательством на основе этой статьи в отношении таких стран, как Швейцария, Голландия или Люксембург, не упоминая этих стран.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 . serie. T. XVII. P. 125-127.

457. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

2 июля 1939 г.

1 июля В. М. Молотовым были приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг, которые передали В. М. Молотову новые англо-французские предложения. Беседа продолжалась полтора часа.

Известия. 1939. 2 июля.

458. Документы, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару
{{* [См. док. 453.](#)}}

3 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех держав будет вовлечена в военный конфликт с каким-нибудь европейским государством в результате либо агрессии, направленной этим государством против одной из трех держав, либо агрессии, прямой или косвенной, направленной этим государством против какой-либо европейской страны, независимость или нейтралитет которой одна из трех заинтересованных держав признает для себя обязательным защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига начнет действовать.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 3

Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в интересах лучшего обеспечения ее подготовки три договаривающихся правительства периодически информируют друг друга о международном положении и намечают пути взаимной дипломатической поддержки в интересах мира, а при возникновении обстоятельств, угрожающих необходимостью применения обязательств взаимной помощи, предусмотренной в статье 1, по требованию одного из них, немедленно приступят к консультациям, чтобы обсудить положение и сообща определить момент для безотлагательного приведения в действие механизма взаимной помощи и способы применения последней, вне зависимости от какой бы то ни было процедуры Лиги наций.

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться — как в случае прямой агрессии, так и в случае косвенной агрессии, под которой понимается внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору, — к следующим европейским государствам:

Эстония, Финляндия, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Греция, Бельгия.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 195 — 197. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 130-131.

459. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

3 июля 1939 г.

Сегодня передал наш ответ {{* [См. док. 458.](#)}} на последние англо-французские предложения {{** [См. док. 453, 454.](#)}}. Мы согласны с англо-французским предложением перечислить пять известных стран и три Прибалтийские страны только в секретном протоколе, с тем чтобы в открытом договоре об этом было сказано в общей форме без указания каких-либо стран. Мы отклонили новое англо-французское предложение о гарантировании нами дополнительно еще трех стран — Швейцарии, Голландии и Люксембурга, так как в переговорах и в решении Верховного Совета, одоббившего политику Советского правительства, имелись в виду только восемь стран, а не одиннадцать. Мы можем согласиться включить в протокол еще две страны (Швейцарию и Голландию), а не три, но при условии, что Польша и Турция заключат пакты о взаимопомощи с СССР, аналогичные пактам о взаимопомощи Англии и Франции с Польшей {{*** [См. док. 245, 254.](#)}} и Турцией. Это дало бы нам облегчение, так как Польша и Турция взяли бы обязательства о помощи в отношении СССР. Без этого мы не можем брать на себя новых обязательств (сверх известных восьми стран). Сегодняшняя беседа сосредоточивалась на этом вопросе.

Кроме того, наши поправки сводились к следующему: англо-франко-советский договор должен иметь в виду не только прямую, но и косвенную агрессию. Далее. В договоре без ущерба для оказания немедленной помощи должны предусматриваться консультации между Англией, Францией и СССР в тех случаях, когда создается угроза в необходимости применения обязательств о взаимной помощи. Кроме того, в интересах лучшего обеспечения подготовки взаимопомощи три договаривающихся правительства периодически информируют друг друга о международном положении и намечают пути взаимной дипломатической поддержки в интересах мира.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 131 — 132. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 480—481.

460. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Китае И. И. Северного в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 июля 1939 г.

1 июля Кун Сянси устроил обед для работников полпредства, «Экспортхлеба», ТАСС. На обеде присутствовали министр иностранных дел Ван Чжункуй, министр экономики Вэн Вэньхао, председатель комиссии внешней торговли Цзоу, начальник политического отдела [штаба] Юго-Западного фронта Лян Ханьцао, руководители КОКС. Под конец обеда приехал Чан Кайши. Как выяснилось, столь многолюдная встреча проведена по инициативе Чан Кайши и преследовала цель укрепления личных связей между китайскими деятелями и советскими представителями. Чан Кайши поднажал на Куна и посоветовал ему почаще устраивать «обед и чашку чая». Перед обедом Кун Сянси имел со мной беседу, в которой интересовался событиями на монгольской границе, приездом

Луганца. Кун сообщил, что он имеет донесение Сунь Фо о ходе переговоров в Москве и что он очень рад успешному завершению его миссии. В связи с этим Кун просил передать Советскому правительству благодарность лично от него и правительства. В конце обеда Чан Кайши произнес короткую речь о дружбе, сказал, что прошло около двух лет, как Советский Союз и Китай заключили пакт о ненападении {{* См.: Документы внешней политики СССР. Т. 20. Док. 300.}}, теперь между этими государствами заключен торговый договор {{** См.: Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М. 1959. С. 179-184.}}, который еще больше закрепит дружбу и связь между Китаем и Советским Союзом. Я коротко ответил тем же. После обеда Чан Кайши имел непродолжительную беседу со мной, в которой интересовался, как протекают переговоры между СССР, Англией и Францией (ответил ему в духе статьи т. Жданова) {{{* [См. док. 449.](#)}}} и событиями на границе Монголии и Маньчжурии. Чан Кайши далее сообщил, что он в курсе происходивших в Москве переговоров между Сунь Фо и советскими деятелями. Он знает о беседе т. Сталина с Сунь Фо, и он вполне согласен с мнением т. Сталина; он выразил благодарность тт. Сталину, Молотову, Ворошилову и Микояну за советы и практическую помощь и спросил, нет ли у меня для него из Москвы каких-либо сообщений.

Северный

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 311, д. 2142, л. 257-258.

461. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

4 июля 1939 г.

3 июля В. М. Молотовым были приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджар и г-н Стэнг. В. М. Молотов передал ответ Советского правительства на последние англо-французские предложения. Беседа продолжалась свыше часа.

Известия. 1939. 4 июля.

462. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

4 июля 1939 г.

3 июля в 4 часа комиссар по иностранным делам вручил нам новый проект статьи 1, секретного протокола и статьи 3 {{* [См. док. 458, 459.](#)}}. Я передаю вам его текст, который, за исключением одного или двух моментов, требующих изучения, существенно не отличается от нашего, конечно, за исключением того, что касается Голландии, Швейцарии и Люксембурга.

По этому пункту официальный ответ Советского правительства подтверждает все, что нам сказал Молотов во время беседы 1 июля {{{* [См. док. 425.](#)}}}.

Мы с моим английским коллегой не преминули вновь развить наши аргументы, которыми мы пользовались на предыдущей встрече. Кроме того, мы заметили, что общественности

во Франции и Англии нелегко будет понять позицию Советского правительства, где ее сочтут трудно совместимой с часто провозглашаемым СССР намерением противостоять агрессии всюду, где она произойдет. Не подчеркивая столь же твердо, как он это делал 1 июля, тот факт, что Швейцария и Голландия не признали СССР, Молотов на этот раз сделал особый акцент на необходимость для его правительства брать только четкие обязательства в пределах тех возможностей, которые международная обстановка позволяет ему задействовать. Он вновь развил все те аргументы, которые упоминаются в моей телеграмме № 590—599, и в дополнение к ним сослался на голосование, которым Верховный Совет одобрил 31 мая основные направления советского проекта от 2 июня {{*** [См. док. 387.](#)}}.

Однако Молотов сказал, что СССР окончательно не отклоняет возможность расширить свои обязательства в соответствии с нашим пожеланием. Он вновь заговорил о необходимости в таком случае для СССР обезопасить себя с других сторон путем заключения с Турцией и Польшей двусторонних пактов о помощи таким образом, чтобы СССР был поставлен по отношению к Польше и Турции в такое же положение, в каком находятся сами Франция и Англия по отношению к этим двум странам.

Мы спросили тогда, как он мыслит достижение одновременности заключения трехстороннего договора, включающего наш список третьих государств, с переговорами о заключении договоров о взаимной помощи между Россией, с одной стороны, и Польшей и Турцией — с другой. Он говорил нам об одновременных действиях, поскольку возможное заверение с нашей стороны помочь СССР заключить эти два пакта о взаимопомощи кажется ему недостаточным. У моего английского коллеги и Стрэнга тогда появилась мысль спросить его, согласится ли СССР подписать договор с секретным списком из восьми стран, дополненный специальным секретным протоколом, в котором три договаривающихся правительства условятся, что тотчас же после заключения двусторонних пактов о помощи между Россией, с одной стороны, и Польшей и Турцией — с другой, применение франко-англо-советского договора может быть распространено на три страны, которые мы добавили к восьми другим. Однако, учитывая наши инструкции, мы воздержались от постановки этого вопроса, с тем чтобы ни в чем не ослаблять позицию, занятую нашими правительствами на счет этих трех стран.

Но если эта позиция не является непоколебимой и если наши правительства все еще считают необходимым быстрое заключение договора во имя ожидаемого от него морального эффекта, я считаю в согласии с моим английским коллегой, что мы могли бы попробовать выйти из этого нового тупика, сделав Советскому правительству предложение в этом духе. Если бы СССР принял его, мы могли бы таким способом, не задерживая более заключение трехстороннего договора, распространить в нужный момент его применение на три страны, указание которых остается под вопросом.

Главная цель обсуждаемого договора состояла с самого начала в том, чтобы интегрировать СССР в нашу систему и сохранить его на нашей стороне как базу снабжения и возможной помощи Польше и Румынии. Эта цель кажется в настоящий момент достигнутой, если учитывать основные положения договора, по которым мы уже согласны с СССР. Мы уступили ему по вопросу о Балтийских странах, но он, со своей стороны, соглашаясь со 2 июня распространить свои обязательства на Бельгию и Грецию, только что по нашей просьбе отказался от перечисления третьих государств в тексте самого договора и согласился с секретным списком.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie, T. XVII. P. 151-153.

463. Телеграмма посла США в Бельгии Дж. Дэвиса государственному секретарю США К. Хэллу

5 июля 1939 г.

Для президента и государственного секретаря.

На Вашу телеграмму от 2 июля, 14 час. Реакция на голосование в палате представителей законопроекта о нейтралитете среди тех, кто был здесь информирован, такова, что это является крушением надежды, бедствием и глубоким разочарованием. Премьер-министр заявил, что он глубоко разочарован («je suis tres decu»). В течение последних шести недель многие бельгийцы — представители официальных и иных кругов — по собственной инициативе обращались ко мне с вопросами относительно перспективы законопроекта о нейтралитете и проявляли крайнее беспокойство. Они выражали мне свои опасения по поводу того, что решение конгресса может стать решающим фактором для следующего шага агрессоров, который, они боятся, будет угрожающим, и что это может явиться причиной, способствующей возникновению поспешных военных действий. Весьма трудно сказать, что происходит дома, но в кафе и на улицах поражает, с какой тревогой бельгийцы следили и обсуждали решение конгресса. Обстановка здесь напряженная. Насколько мне лично известно, мужчины и особенно женщины страшно боятся войны и ее ужасных последствий для них в условиях, когда они сами ничего не могут сделать, чтобы предотвратить ее.

Вообще говоря, настроение здесь таково, что в случае войны народ не надеется, что Америка вступит в войну своими вооруженными силами, но бельгийцы искренне убеждены, что американский народ с глубоким сочувствием относится к позиции европейских демократий, направленной против агрессии и за урегулирование спорных вопросов путем переговоров, и в своем отчаянии они надеются, что американский народ окажет всю возможную материальную помощь, исключая посылку американских солдат. Любое действие, рассчитанное на то, чтобы воспрепятствовать возможной отправке вооружений и снаряжения, которые уже оплачены и произведены в Соединенных Штатах, вызывает крайнее разочарование. Воздействие этого на политику бельгийского правительства, я полагаю, не будет ощутимым. Оно намерено сохранять нейтралитет, но невозможность отменить эмбарго на оружие, вероятно, усилит колебание бельгийского правительства в отношении покупки американских материалов ввиду неуверенности в том, что оно сможет заменить или использовать их в военное время.

Правительство отчаянно пытается предотвратить превращение его страны снова в поле сражения. Эта надежда, по моему мнению, не может осуществиться. Европейская пресса тоталитарных государств чрезмерно ликует по поводу этого препятствия, создаваемого для демократий. Я без колебания выражаю мнение о том, что решение конгресса оказало помощь и поддержку агрессорам и, вполне вероятно, может явиться определенным фактором в их решимости осуществить свои ближайшие замыслы.

Дэвис

464. Сообщение ТАСС «Японские провокаторы не успокаиваются»

6 июля 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, ко 2 июля с. г. японо-маньчжуры сосредоточили значительные силы пехоты, конницы, артиллерии и около 100 танков в районе Номон-Кан-Бурд-Обо, что юго-восточнее озера Буир-Нур. При поддержке бомбардировочной и истребительной авиации, снова нарушив границу МНР, японо-маньчжуры на рассвете 3 июля перешли в наступление из района Номон-Кан-Бурд-Обо и севернее до озера Яньху, атакуя расположение монголо-советских войск к востоку от реки Халхин-Гол и стремясь прорваться к западу от этой реки. В наступлении участвовала вся 23-я пехотная дивизия Камацубара, поддержанная полком пехоты, 3-м и 4-м танковыми полками и до шести кавалерийских полков баргут.

Монголо-советские войска отразили все атаки японо-маньчжурских войск в районе Номон-Кан-Бурд-Обо и нанесли им большие потери. К северо-западу от этого района японская пехота при поддержке не менее 60 танков потеснила кавалерийские части монголо-советских войск и переправилась на западный берег реки Халхин-Гол, заняв небольшой плацдарм. В результате решительной контратаки советско-монгольских войск и авиации японские войска, переправившиеся на западный берег реки Халхин-Гол, к исходу 5 июля с большими для них потерями отброшены к востоку от реки Халхин-Гол. За эти дни расстреляно советско-монгольской артиллерией 50 японских танков, подбито 8 орудий. Убитых японо-маньчжур — около 800 человек. Потери монголо-советских войск — 100 человек убитыми, раненых — 200 человек, подбитых танкой и бронемашин — 25 штук.

Одновременно за 2—5 июля происходили воздушные бои крупных сил авиации обеих сторон. Во всех этих вооруженных столкновениях поле боя неизменно оставалось за советско-монгольской авиацией. Японская авиация за период боев с 2 по 5 июля потеряла сбитыми 45 самолетов. Потери монголо-советской авиации — 9 самолетов.

По сведениям штаба советско-монгольских войск, начальник бюро печати Квантунской армии Кавахара за опубликование лживых и хвастливых сообщений о мнимых успехах японской авиации смещен со своего поста и заменен полковником Вато.

Известия. 1939. 6 июля.

465. Проект англо-франко-советского соглашения, врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

8 июля 1939 г.

ПРОЕКТ АНГЛО-ФРАНКО-РУССКОГО СОГЛАШЕНИЯ

(8 июля 1939 г.)

{{* В оригинале данный заголовок повторяется перед каждой статьей настоящего проекта соглашения и веред проектом протокола. Во избежание повторений заголовок в последующем не воспроизводится.}}

Вариант «А»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, в целях увеличения эффективности принятых Лигой наций принципов взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Вариант «В»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, считая, что любое действие, направленное против независимости или нейтралитета одного из европейских государств, затрагивает мир и безопасность Европы в целом, твердо придерживаясь уважения и сохранения этой независимости и нейтралитета и желая сделать более эффективными принятые Лигой наций принципы взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Статья 2

{{** Проект статьи 1 см. в док. 453.}}

Три договаривающихся правительства согласуют друг с другом возможно скорее методы, формы и размеры помощи, которая должна быть оказана ими в соответствии со статьей 1, чтобы сделать такую помощь возможно более эффективной в случае надобности.

Статья 3

Три договаривающихся правительства будут периодически обмениваться информацией о международном положении и наметят в интересах мира линии взаимной дипломатической поддержки. Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в целях обеспечения более эффективной подготовки этой помощи в случае возникновения обстоятельств, которые угрожают потребовать выполнения обязательств о взаимной помощи, держащихся в статье 1, три договаривающихся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной совместной консультации, чтобы изучить обстановку и (в случае необходимости) установить по общему согласию момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения (независимо от какой бы то ни было процедуры Лиги наций).

Статья 4

Три договаривающихся правительства сообщат друг другу условия всех обязательств по оказанию помощи, которые они уже дали другим европейским государствам. Любое из трех правительств, которое в будущем будет иметь намерение дать какое-либо новое обязательство такого же характера, предварительно проконсультируется об этом с двумя другими правительствами и сообщит им условия всякого данного таким образом обязательства.

Статья 5

В случае совместных действий против агрессии, предпринятых в соответствии со статьей 1, три договаривающихся правительства обязуются заключать перемирие или мир только по общему соглашению.

Статья 6

В целях обеспечения полной действенности настоящего соглашения, соглашение, предусмотренное в статье 2, будет заключено в возможно более короткий срок, а переговоры с этой целью начнутся немедленно после подписания настоящего соглашения.

Статья 7

Настоящее соглашение будет оставаться в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три договаривающихся правительства совместно обсудят желательность его возобновления с изменениями или же без таковых.

Протокол (параграф 1)

Три договаривающихся правительства условились, что статья 1 подписанного ими сегодня соглашения будет применяться к следующим европейским государствам, причем слово «агрессия» должно пониматься в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые связаны с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 16, л. 57-64 (перевод санглийского). Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т.2. С. 131— 133.

466. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

9 июля 1939 г.

8 июля В. М. Молотовым были приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг. Беседа продолжалась около двух часов.

Известия. 1939. 9 июля.

467. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Великобритании и Франции, врученный народным комиссаром ино странных дел СССР В. М. Молотовым послам Великобритании и Франции в СССР У. Сидсу и П. Наджиару
{* [См. док. 465.](#)}

9 июля 1939 г.

Три договаривающихся правительства условились в том, что:

1) статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам: Турция, Греция, Румыния, Польша, Бельгия, Эстония, Латвия, Финляндия, Швейцария, Голландия;

2) в отношении двух последних стран (Швейцария, Голландия) договор вступает в силу лишь в том случае и тогда, если и когда Польша и Турция заключат с СССР пакт взаимопомощи;

3) выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территорий и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 16, л. 70. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 133.

468. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

9 июля 1939 г.

Аудиенция у комиссара по иностранным делам 8 июля с 18 час. до 20 час. 30 мин.

1. Несмотря на нашу твердую настойчивость, он остался при своей точке зрения по вопросу о трех третьих западных странах и отстаивает уже известные вам соображения о возможности одновременно добиться пактов о помощи с Польшей и Турцией. Я счел, однако, предпочтительным не отступать от нашей позиции сразу же на этой первой встрече после возобновления контактов и добился того, что Молотов вновь обратится в свое правительство. У меня мало надежды на то, что он изменит по существу свой подход, но этот срок для размышлений, может быть, позволит провести одну из рассматриваемых компромиссных формул (прежний § 3 статьи 1 или § 5 британских инструкций сэру Уильяму Сидсу или использование понятия косвенной агрессии, что отмечено в моем нижеследующем § 2). Мой английский коллега в принципе согласен и телеграфирует в Лондон, чтобы получить инструкции.

2. Наши объяснения, кажется, убедили Молотова в том, что в его проекте протокола определение понятия косвенной агрессии против третьих стран имеет недостатки. Но он предложил вариант, который показался нам хорошим и который мы согласны рекомендовать для принятия нашим правительствам вместо текста, подготовленного в Лондоне.

Вот его смысл: «...должна применяться к следующим европейским государствам как в случае прямой агрессии, так и в случае косвенной агрессии, целью которой было бы использование территории одного из указанных государств для осуществления агрессии против последнего или против одной из договаривающихся держав».

Комиссар настаивал на сохранении из его варианта выражения «агрессия прямая или косвенная» в тексте статьи 1. Нашим аргументам о беспокойстве, которое это может вызвать в третьих государствах, он противопоставил как прецедент заявление Чемберлена о Гданьске и Польше. Стрэнг, похоже, не смог оспорить точность этого заявления, оспаривая, однако, что оно относится к одному и тому же случаю.

Мой коллега, который говорит, что он ограничен очень узкими инструкциями, свое согласие пока не дал, с тем чтобы проконсультироваться с правительством. Я вынужден был поступить так же. Мы, однако, согласны в том, что, поскольку определение в протоколе очень хорошее, мы могли бы без затруднений согласиться на включение в статью 1 слов «прямая или косвенная агрессия», распространяя их по возможности на случай с самими договаривающимися сторонами, что позволило бы в значительной мере покрыть Голландию, Швейцарию и Люксембург.

3. Мы настаивали на том факте, что наша статья 5, в которой мы принимаем русский текст, должна идти вместе с нашей статьей 6, в которой мы изменяем советскую редакцию. Молотов поддержал эту последнюю редакцию. Он выразил опасения, что подписание военной конвенции затянется, а Потемкин, со своей стороны, напомнил, что франко-советский пакт ⁷ никогда не был дополнен военной конвенцией. Мы, как и надлежало, опровергли эти предубеждения. По нашим настоятельным просьбам комиссар согласился представить наши соображения и наши тексты своему правительству для нового рассмотрения. Компромисс мог бы быть найден, если бы мы добились в некоторой мере удовлетворения по параграфам 1 или 2 настоящей телеграммы.

4. Поскольку новая встреча должна состояться завтра, важно, чтобы мой английский коллега получил без опоздания запрашиваемые им инструкции и большую свободу действий.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 262 — 263.

469. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

10 июля 1939 г.

9 июля В. М. Молотовым были вновь приняты английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг. Беседа продолжалась более двух часов; Беседа не дала определенных результатов.

Известия, 1939. 10 июля.

470. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

10 июля 1939 г.

Из наших бесед с Молотовым 9-го числа с 18 до 21 часа вытекает следующее:

1. По вопросу о третьих западных странах ¹³¹ так же как и по вопросу об определении косвенной агрессии против третьих стран, комиссар предложил нам новую редакцию проекта дополнительного письма, которой он хочет удовлетворить нас, не меняя своей принципиальной позиции {{* [См. док. 467.](#)}}. Ее текст я вам телеграфирую отдельно.

А. По интересующим нас западным странам его позиция непродуктивна, хотя и не совсем бессодержательна. С другой стороны Молотов вновь отказался включить даже в дополнительное письмо бывший параграф 3 статьи 1. К уже высказанным соображениям он добавил, что даже в проекте от 2 июня {{** [См. док. 387.](#)}} параграф 3 должен был быть дополнен перечислением стран, к которым его надлежало применять, поскольку СССР не может без уточнений брать обязательства по тексту общего характера в отношении любой европейской страны, обращающейся за помощью. Однако он не отказался изучить вопрос об улучшении своего текста, с тем чтобы ввести в него, например, идею консультаций, чтобы охватить случаи с Голландией и Швейцарией. Несмотря на мои настояния, он отклоняет Люксембург как слишком малозначительное государство, чтобы заслуживать специальной оговорки.

Б. Он сохраняет требования по поводу слов «агрессия прямая или косвенная» в статье 1 относительно третьих стран. Кажется, у него в принципе нет возражений против возможного использования этого выражения в статье 1, чтобы охватить также случай агрессии против договаривающихся сторон.

В. Что касается определения косвенной агрессии в дополнительном письме, то представленная им новая формулировка включает в себя элементы формулировки, о которой он говорил нам вчера, и элементы последних английских инструкций с добавлением к словам «под угрозой силы» слов «или без такой угрозы», что не лишено некоторых сложностей.

По трем вышеприведенным пунктам мой английский коллега запрашивает инструкции, одновременно готовя в согласии со мной компромиссный проект в качестве предварительного варианта.

2. Комиссар дал нам устное согласие по преамбуле (советский текст от 2 июня) и статьям 2, 3, 4 и 7.

3. По статьям 5 и 6 идет чрезвычайно трудная дискуссия.

На все наши замечания о необходимости не ставить под сомнение значение договора такой редакцией статьи 6, которая дает основания считать, что этот договор находится в неопределенном состоянии из-за военных переговоров, Молотов постоянно отвечал, что, по мнению его правительства, военная часть является дополнением политической части и что эта последняя, взятая отдельно, не имеет практической силы. Он даже полагает, что до подписания военной конвенции договор фактически не должен рассматриваться как дипломатический инструмент. Сам договор должен быть предметом формального подписания договаривающимися сторонами одновременно и как военный инструмент.

На наши возражения о чрезвычайно серьезных трудностях, в случае если не будет должным образом оформлено наше соглашение по политической части, он уточнил, что его статьи могли бы быть парафированы каждая в отдельности в тексте на трех языках и что в таком случае ничто не помешает объявить, что три правительства достигли договоренности. Но пока военная конвенция не будет заключена, заявил он, нельзя считать, что имеется договор. Похоже, что его неотступно преследует мысль о том, что

мы будем довольствоваться извлечением моральной пользы от заключения торжественного договора, который тем не менее будет лишен всякого смысла и практического значения из-за отсутствия военной конвенции.

В ходе двухчасовой дискуссии не удалось заставить его отказаться от этой позиции. Для того чтобы, как он сказал, договориться, он предложил установить конкретные, насколько возможно короткие сроки начала, равно как и завершения, выработки военной конвенции, что позволило бы трем договаривающимся сторонам сократить промежуточный период между соглашением по парафированным статьям и формальным одновременным подписанием договора, дополненного военной конвенцией. Последняя безусловно, не должна подлежать публикации.

Как бы ни была своеобразна эта позиция, она не лишает нас выгоды, ожидаемой уже сейчас, в результате достижения согласия путем парафирования политических статей. По моему мнению, следовало бы принять такую процедуру. К тому же я опасаясь, как бы далеко идущая дискуссия с целью отклонить статью 6 в советской редакции не усилила подозрительность тех членов Политбюро, которые упрекают нас в том, что мы скорее стремимся к общей декларации, чем к конкретным обязательствам. Немецкая пропаганда действует в этом направлении и старается доказать, что два правительства не выполняют до конца обязательства, уже взятые ими по отношению к Польше, Румынии, Греции и Турции, и что в этих условиях в их намерения не входит придать своему будущему договору с Россией характер военного соглашения.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 267-268.

471. Телеграмма полномочного представителя СССР в Латвии И. С. Зотова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

13 июля 1939 г

Четыре германских миноносца прибывают в Ригу 15 июля, специальное гражданское судно привезет 900 туристов. Кроме того, в августе придут три партии туристов по 700 человек в каждой. Местные немецкие общества в свою очередь организуют экскурсии по северо-восточным пограничным областям Латвии, в частности Союз охотников, являющийся военной школой штурмовиков, организация «Сосед» и др. Не считаете ли вы возможным сделать при случае заявление, что этому обстоятельству в Москве придают значение, с целью предупреждения в дружественном духе о развертывающейся германской подрывной работе.

В общественных кругах Латвии настороженность и подозрение к правительству создал поднятый шум вокруг договора с Германией {{* См.: Известия. 1939. 9 июня.}}.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 304, д. 2100, л. 98.

472. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

13 июля 1939 г.

На Таллиннский рейд прибыл немецкий крейсер. Команда крейсера в городе. Эстонцы каждую ночь между 12 и 3 часами отправляют на эстонско-советскую границу эшелоны с военным снаряжением и вооружением. Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 81. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 488.

473. Письмо министра иностранных дел Германии И. Риббентропа министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

13 июля 1939 г. Лично

1 июля Вы передали графу Вельчеку предназначенное лично для меня письмо ¹³⁹, содержание которого обязывает также и меня ясно и недвусмысленно изложить Вашему Высокопревосходительству позицию германского правительства в области германо-французских отношений в целом и в вопросе о Данциге в частности.

Германское и французское правительства в декабре 1938 г. подписали заявление, в котором они торжественно признают существующие между Германией и Францией границы как окончательные и в котором они выражают стремление приложить все свои силы к тому, чтобы обеспечить развитие мирных и добрососедских отношений между обеими странами {{* [См. док. 75.](#) }}. Что касается имперского правительства, то это заявление было логичным следствием политики взаимопонимания с Францией, последовательно проводимой им после прихода к власти, политики, которой оно принципиально хотело бы придерживаться и по сей день.

Что касается Вашего замечания об оговорке, включенной в статью 3 германо-французского заявления и затрагивающей особые отношения Германии и Франции с третьими странами, то абсолютно неверно, что эта оговорка включает в себя признание особых отношений между Францией и Польшей; наоборот, в беседах, имевших место в Берлине и Париже в ходе предварительных переговоров о заявлении, а также при подписании этого заявления, существовала полная ясность относительно того, что оговорка относится к особым дружественным отношениям, существующим между Францией и Англией и между Германией и Италией. В частности, в ходе наших переговоров 6 декабря 1938 г. в Париже мы по обоюдному согласию подчеркнули уважение взаимных жизненных интересов как предпосылку и основной принцип развития в будущем добрососедских германо-французских отношений. При этом я совершенно определенно указал на Восточную Европу как на сферу германских интересов, а Вы — в полную противоположность утверждению в Вашем письме — подчеркнули тогда со своей стороны, что в позиции Франции в восточноевропейских вопросах после конференции в Мюнхене произошел принципиальный поворот.

Тот факт, что Франция использовала великодушное предложение фюрера Польше по урегулированию вопроса о Данциге ⁹⁹, а также несколько своеобразную реакцию польской стороны в качестве повода для установления с этой страной новых, более тесных связей антигерманского характера, находится в прямом противоречии с той точкой зрения, которую мы констатировали в начале декабря. В конце Вашего письма эти обязательства характеризуются таким образом, что любое военное вмешательство Польши в случае

изменения статус-кво в Данциге явилось бы для Франции поводом немедленно оказать Польше военную поддержку. В отношении этого политического курса Франции я должен заметить следующее:

1. Германия, никогда не вмешивавшаяся в сферу жизненных интересов Франции, равным образом должна со всей решительностью отвергнуть раз и навсегда вмешательство Франции в сферу германских жизненных интересов. Формирование отношений Германии со своими восточными соседями ни в коей мере не затрагивает французские интересы, а является исконным делом германской политики. Поэтому имперское правительство не считает возможным обсуждать с французским правительством вопросы германо-польских отношений или тем более признать за французским правительством право влиять на решение вопросов, связанных с определением будущей судьбы германского города Данциг.

2. Для Вашей личной ориентировки относительно позиции Германии в польском вопросе хочу, однако, сообщить следующее. На историческое, исключительное по своему значению предложение фюрера об урегулировании вопроса о Данциге и об окончательной консолидации германо-польских отношений правительство Польши ответило угрозами начать войну, которые можно охарактеризовать лишь как странные. В данный момент невозможно понять, окажется ли польское правительство благоразумным и пересмотрит ли оно эту своеобразную позицию. Однако до тех пор, пока Польша занимает такую неразумную позицию, здесь можно только сказать, что на любое нарушение Польшей территориальной целостности Данцига или на любую несовместимую с престижем германской империи провокацию со стороны Польши ответом будет немедленное выступление германских войск и уничтожение польской армии.

3. Уже упоминавшееся ранее и содержащееся в заключительном абзаце Вашего письма заявление означало бы, в соответствии с его текстом, что Франция признает за Польшей право оказывать военное сопротивление любому изменению статус-кво в Данциге и что, если Германия не потерпит такого насилия над своими интересами, Франция нападет на Германию. Если в этом действительно заключается смысл французской политики, то я вынужден Вас просить принять к сведению, что подобного рода угрозы лишь укрепили бы решимость фюрера защищать германские интересы всеми находящимися в его распоряжении средствами. Фюрер всегда желал взаимопонимания между Германией и Францией, а новую войну между обеими странами, которые уже не разделяются никакими противоречиями в сфере их жизненных интересов, называл безумием. Если же дела обстоят так, что французское правительство хочет войны, то в любое время оно найдет Германию в полной готовности. В этом случае ответственность за такую войну перед своим народом и перед всем миром придется нести исключительно французскому правительству.

Ввиду хороших личных отношений, которые сложились у меня с Вашим Высокопревосходительством при подписании заявления от 6 декабря 1938 г., я сожалею, что Ваше письмо вынудило меня к такому ответу. Я не хочу отказаться от надежды, что разум в конечном итоге все же восторжествует и что французский народ поймет, где его подлинные интересы. Это было бы и для меня лично исполнением самых искренних желаний, ибо вот уже 20 с лишним лет я тружусь во имя достижения взаимопонимания между Германией и Францией.

Иоахим фон Риббентрон

474. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 июля 1939 г.

Один из влиятельнейших государственных деятелей сообщил мне, к каким проделкам и ухищрениям прибегали некоторые «мюнхенцы» из кабинета, чтобы подготовить общественное мнение к выводу, что из соглашения с нами ничего не выйдет и что нужно поэтому подыскивать иные пути для «умиротворения Европы». Помимо прессы обрабатывались и влиятельные парламентарии (лидеры партий) и военные. Результат получился печальный. Гамелен не дал себя убедить, что «Москва не хочет соглашения», а, наоборот, усмотрел в московской манере вести переговоры наряду с недоверием к «мюнхенцам» доказательство «серьезного подхода к делу». Что же касается московских требований, то он нашел, что большинство из них разумны и отвечают также интересам Франции. Гамелен усиленно предостерегал против «урезанного» соглашения трех, указывая, что такое соглашение не разрешает наиболее животрепещущих задач момента. Тезис, что одной из причин московских затяжек «является оглядка на Берлин», также возымел обратное действие и сыграл роль дополнительного аргумента в пользу скорейшего заключения договора с Москвой (так, между прочим, реагировал правый Марэн). К таким же печальным выводам, по данным моего собеседника, пришло и окружение Чемберлена. Полностью взвалить вину на Москву вряд ли удастся, а выйдет ли целым в результате провала соглашения сам Чемберлен еще неизвестно. Мой собеседник поэтому уверен, что «эффективный договор, которого добивается Москва, будет заключен».

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 161-162. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 490—491.

475. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 июля 1939 г.

Сегодня завтракал с Ллойд Джорджем, который выражал большое беспокойство относительно хода и перспектив англо-советских переговоров. По его словам, чемберленовская клика, которая до сих пор не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии, пытается сейчас проделать примерно такой маневр. С одной стороны, британское правительство давит на Польшу через политические, военные и финансовые каналы, рекомендуя ей «умеренность» в вопросе о Данциге. С другой стороны, через мобилизацию флота, воздушные демонстрации во Франции {{* Имеются в виду полеты во Францию английских военных самолетов.}} (и, вероятно, в Польше), подчеркивание прочности англо-французского союза, «твердые» речи британских министров и т. д. британское правительство стремится несколько «припугнуть» Германию и побудить ее не

доводить конфликт из-за Данцига до войны. Если этот маневр удастся и германская агрессия либо на время вообще приостановится, либо повернется своим острием в каком-либо ином направлении, не вызывающем для Англии необходимости выполнять данные ею европейским государствам обязательства, то потребность в срочном заключении пакта с СССР ослабнет и Чемберлен получит возможность еще раз попытаться договориться с агрессорами или, в крайнем случае, надолго затянуть подписание договора с Советским правительством. В этих расчетах премьера крупную роль играет тот факт, что 4 августа парламент расходуется на каникулы до октября. Без парламента британское правительство получает большую свободу действий. В период каникул, когда нажим оппозиции всех мастей, естественно, должен ослабеть, Чемберлену легче будет совсем сорвать англо-советские переговоры или, по крайней мере, надолго их заморозить, взвалив ответственность за это (в глазах английского общественного мнения) на СССР. Удастся ли премьеру осуществить данный план — вопрос другой, ибо это будет зависеть от целого ряда не зависящих от него факторов. Однако Ллойд Джордж считает необходимым сигнализировать, что таков именно имеющийся план.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 142—143. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир. С. 491-492.

476. Телеграмма полномочного представителя СССР в Эстонии К. Н. Никитина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 июля 1939 г.

Согласно полученным сведениям, немецкий крейсер, возможно, останется на более продолжительное время в Таллинне. Сейчас немецкие офицеры заняты осмотром укреплений на островах Аэгна и Найссар, которые расположены против Таллиннской бухты.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 305, д. 2111, л. 82. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 492.

477. Сообщение ТАСС «Японо-маньчжурская провокация продолжается»

14 июля 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, с 6 по 12 июля включительно в районе Номон-Кан-Бурд-Обо и к востоку от р. Халхин-Гол происходили с перерывами бои между монголо-советскими и японо-маньчжурскими войсками.

5 июля отброшенные решительной контратакой монголо-советских наземных войск и авиации с территории МНР японо-маньчжурские части к исходу 6 июля были почти полностью отогнаны на маньчжурскую территорию.

На рассвете 8 июля японо-маньчжурские части, подкрепленные свежими резервами, прибывшими из Маньчжурии, а также крупными силами танков, тяжелой артиллерии и авиации, вновь нарушили границу МНР к востоку от р. Халхин-Гол в районе Номон-Кан-Бурд-Обо, перейдя в наступление.

Начиная с 8 июля и до 12 июля включительно к востоку от р. Халхин-Гол происходили бои, переходившие в рукопашные схватки.

Решительной контратакой монголо-советских наземных войск, поддержанных бомбардировочной, штурмовой авиацией, все атаки японо-маньчжур были успешно отражены. Местность к востоку от р. Халхин-Гол прочно удерживается советско-монгольскими войсками.

За период боев с 6 по 12 июля включительно японо-маньчжуры потеряли убитыми, по данным советско-монгольского штаба, около 2000 человек и свыше 3500 человек ранеными. За этот период монголо-советскими войсками захвачены 254 пленных, четыре орудия, четыре танка, 15 бронемашин, 70 пулеметов и другое оружие. Захвачены важные документы, среди которых приказ командующего Квантунской армией генерала Уэда № 1532 от 20 июня и приказ командира 23-й пехотной дивизии генерала Комацубара № 105 от 30 июня о наступлении японо-маньчжурских войск 1 июля на р. Халхин-Гол. Среди пленных пехотинцев имеются один капитан (Като Такэо), 12 унтер-офицеров.

Показаниями пленных и захваченными документами точно подтверждается, что эта новая японская авантюра в районе озера Буир-Нур задолго тщательно подготавливалась.

В боях против монголо-советских войск участвовали: две пехотные японские дивизии, 23-я и 7-я, а также 1-я мотомехбригада, до ста танков с мотострелковым полком, 1-й отдельный полк полевой тяжелой артиллерии и до 6 — 7 японо-маньчжурских кавполков.

Монголо-советские войска в этих боях потеряли убитыми 293 человека и ранеными 653 человека.

С 6 по 12 июля в районе озера Буир-Нур и в районе Номон-Кан-Бурд-Обо происходили воздушные бои, а также действия бомбардировочной авиации с обеих сторон, причем поле боя всегда оставалось за монголо-советской авиацией. В воздушных боях с 6 по 12 июля монголо-советской авиацией и зенитным артиллерийским огнем сбит 61 японский самолет. Из экипажей этих самолетов захвачено в плен 12 японских летчиков: капитан Моримото, поручик Аmano, поручик Мицутони, подпоручик Мицудо, фельдфебели Сайто, Миадзима, Фудзи, Мицутони, унтер-офицеры Исибэ, Такамацу, Исидзава, Мотохара. Большинство из них тяжелораненые.

Захвачен портфель с приказами и документами командующего военно-воздушными силами Квантунской армии генерала Гига, руководившего действиями японской авиации.

Монголо-советская авиация за это время потеряла 11 самолетов.

За период с 28 мая по 12 июля сбито японских самолетов всего 199 штук. Советско-монгольская авиация потеряла за тот же период 52 самолета.

По мнению советско-монгольского командования, японская пехота дерется неплохо, хотя она могла бы драться много лучше, так как обе японские дивизии, как 23-я, так и 7-я, считаются лучшими дивизиями. Тот факт, что эти дивизии так легко терпят поражения,

объясняется тем, что элементы разложения начинают глубоко проникать в японскую пехоту, ввиду чего японское командование вынуждено нередко бросать эти части в атаку в пьяном виде. Более слабы, чем японская пехота, японская авиация и танковые части.

Что касается слухов, пускаемых Квантунским штабом, о применении советско-монгольскими частями отравляющих веществ и бактериологических средств борьбы, то в штабе советско-монгольских войск считают эти слухи наглой ложью и гнусной клеветой.

Известия. 1939. 14 июля.

478. Сообщение ТАСС «О действительной границе между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией в районе оз. Буир-Нур»

14 июля 1939 г.

В оправдание своих провокационно-захватнических действий в отношении Монгольской Народной Республики японо-маньчжурские власти в своих сообщениях утверждают, что границей между Монгольской Народной Республикой и Маньчжурией в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур служит река Халхин-Гол.

В действительности же, по официальным картам, граница МНР с Маньчжурией всегда проходила в этом районе не по реке Халхин-Гол, а восточнее этой реки по линии Хулат-Улийн-Обо и Номон-Кан-Бурд-Обо.

Это же подтверждается помещаемой ниже выкопировкой с карты № 43 китайского альбома, изданного в 1919 году в г. Пекине Генеральным директором почт Китая {{* Не публикуется.}}

На этой линии со дня образования МНР и до последних дней постоянно находились посты пограничной охраны МНР. До начала событий эта граница МНР с Маньчжурией, проходящая восточнее реки Халхин-Гол, никем, в том числе и японо-маньчжурской стороной, не оспаривалась.

Утверждение японо-маньчжурской стороны о прохождении границы МНР с Маньчжурией по реке Халхин-Гол никакими документами не подтверждается и является сплошным вымыслом, придуманным японской военщиной для оправдания своих провокационно-захватнических действий.

Известия. 1939. 14 июля.

479. Документы, врученные народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром {{* [См. док. 467.](#)}}

17 июля 1939 г.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Статья 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран окажется вовлеченной в военный конфликт с какой-либо европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одного из трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против любого европейского государства, независимость или нейтралитет которого соответствующая договаривающаяся страна считает себя обязанной защищать против такой агрессии.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слово «агрессия» в пункте 2 выше следует понимать в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые влекут за собою утрату им своей независимости или своего нейтралитета.

Помощь, предусмотренная в настоящей статье, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги наций или ожидать действий с ее стороны.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Протокол

Три договаривающихся правительства согласились о следующем:

1. Пункт 2 статьи 1 соглашения, подписанного ими сегодня, должен распространяться на следующие европейские государства:

Турцию, Грецию, Румынию, Польшу, Бельгию, Эстонию, Латвию, Финляндию.

2. Вышеприведенный перечень государств может быть подвергнут пересмотру по соглашению между тремя договаривающимися правительствами.

3. В случае агрессии или угрозы агрессии со стороны какой-либо европейской державы против европейского государства, не упомянутого в вышеприведенном перечне, три договаривающихся правительства, без ущерба для немедленных действий, которые какое-либо из них сочтет себя обязанным предпринять, немедленно приступят по требованию одного из них к совместной консультации, чтобы предпринять такие действия, о которых они смогут взаимно достигнуть соглашения.

4. Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 16, л. 67-68 (перевод с английского). Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 138 — 139.

480. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

18 июля 1939 г.

17 июля В. М. Молотовым были приняты для продолжения переговоров английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг.

Известия. 1939. 18 июля.

481. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

18 июля 1939 г.

Я и мой английский коллега действовали {{* Имеется в виду беседа французского и британского послов с наркомом иностранных дел СССР 17 июля 1939 г.}} в строгом соответствии с Вашими инструкциями, переданными в посольство Вашей телеграммой № 449—452.

1. По статье 1 (определение агрессии против третьих стран) Молотов принял к сведению обстоятельные разъяснения, которые мой коллега изложил по поручению своего правительства, чтобы отклонить текст, предложенный правительством СССР в ходе беседы 9-го числа (моя телеграмма № 664—665){{ ** [См. док. 467, 470.](#) }}. Комиссар по иностранным делам придерживался точки зрения своего правительства. Он подверг критике нашу редакцию, которую он считает недостаточно точной. Чтобы попытаться преодолеть это препятствие, я спросил в личном плане, не может ли советская формула от 9-го быть улучшена путем упразднения слов: «под угрозой силы или без такой угрозы». Молотов не отклонил это предложение, но он обязался изучить его только в том случае, если оно будет внесено по согласованию с обоими правительствами; дискуссия по этому пункту закончилась, обе стороны остались на своих позициях, и мой английский коллега считает, что он в соответствии со своими строгими инструкциями не должен идти ни на какой новый компромисс.

2. Статья 1 (фраза об обязательстве помогать третьим странам). Мой английский коллега полагает, что нет никаких шансов заставить принять формулу, отклоненную с 27 июня.

3. Протокол. Комиссар по иностранным делам не дал окончательного ответа по поводу пункта о консультациях общего характера. Он должен обратиться в правительство. Мы не предложили ему варианта с перечислением Голландии, Швейцарии и Люксембурга. Поскольку он принял к сведению наш отказ добиваться для этих трех стран таких же обязательств договаривающихся сторон, как и для восьми других, я счел своим долгом подчеркнуть, что наша принципиальная позиция остается целостной и посредством нового текста протокола, включающего пункт об общих консультациях, увязывается с нашим определением агрессии против третьих стран. Я не очень верю, что это заставит изменить точку зрения СССР на этот счет, но мне показалось, что надлежит занять эту позицию на всякий полезный случай.

4. Молотов явно торопился перейти к вопросу о статье 6. Ограниченный своими инструкциями, мой британский коллега говорил в духе, предписанном параграфом 4 Вашей телеграммы № 452. Как и следовало ожидать, комиссар по иностранным делам полностью придерживался позиции своего правительства, принятой, как он сказал, окончательно еще 2 июня. Он считает, что начиная с этой даты СССР ясно указал, что политический договор должен, по его мнению, «составлять блок» с военной конвенцией. Недавние события оправдывают это решение. Он заявляет даже, что не понимает,

особенно сейчас, когда Германия и Италия тесно связались «стальным пактом» {{ * [См. док. 368.](#) }}, как британское и французское правительства могут расходиться во мнениях по этому пункту с Советским правительством.

Мы, разумеется, сказали ему, как нам разрешено было сделать, что наши правительства готовы начать, не откладывая более, технические переговоры. Мой коллега не считал нужным уточнять, что это можно было бы сделать, не дожидаясь подписания соглашения, считая, что не может пойти на это по причинам, изложенным Сарджентом {{** Помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании.}} Корбену (Ваша телеграмма № 444—448). Я в конечном счете не считаю, что это упущение сыграло очень большую роль в окончательном ответе Молотова, основная часть которого состоит в следующем:

Прежде всего важно, чтобы французское и британское правительства договорились с правительством СССР о том, что политическая часть договора составляет единое целое с его военной частью, что равнозначно просто-напросто принять русскую редакцию статьи 6. Как только три правительства договорятся по этому главнейшему пункту, вопросы процедуры, такие, как констатация согласия по политическим пунктам (путем парафирования или подписания), станут второстепенными.

Комиссар по иностранным делам считал необходимым особо подчеркнуть, что продолжение переговоров по еще обсуждающимся политическим пунктам будет бесполезно, если три правительства срочно не договорятся на этот счет. Завтра сообщу о моих наблюдениях.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 381-383.

482. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 июля 1939 г.

Переговорщики, жульничая с вами, одновременно обманывают и общественное мнение своих собственных стран, которое в своем огромном большинстве (по крайней мере, здесь, во Франции) с нетерпением ожидает скорейшего заключения эффективного соглашения с нами. Обман ведется главным образом по линии искажения нашей позиции, все время изображаемой как нарастание с нашей стороны все новых и новых требований, и заведомо неверного освещения существа наших требований и действительного характера разногласий.

Так, например, существо нашего предложения о военном соглашении, выдвинутого нами еще в нашей первой апрельской памятной записке {{* [См. док. 276.](#)}} и, по моим наблюдениям, разделяемого здесь всеми серьезными сторонниками соглашения («грош цена без военной договоренности»), было здесь намеренно искажено и преподнесено публике и прессе как требование предварительного заключения военного соглашения, «связанного с раскрытием военных тайн», без достаточной гарантии и уверенности, что политическое соглашение будет заключено (так, между прочим, был информирован Кериллис).

Не меньше тумана было напущено и вокруг нашей формулировки косвенной агрессии. В частных беседах она была «расшифрована» как требование, имеющее целью предоставить

нам фактическую свободу действий в Балтике, и притом не только в момент реальной германской угрозы, но и в любой желательный для нас момент.

В разговорах с социалистами делался при этом акцент на «независимость Балтийских стран», других пугали опасностью быть втянутыми в войну. К таким передержкам прибегают потому, что после чехословацкого опыта вряд ли здесь найдется хотя бы один сторонник создания барьера против агрессии, который полагал бы достаточным ограничиться борьбой против «прямой», открытой агрессии, т. е. той формы агрессии, которую Гитлер, как известно, как раз избегает.

Трехмесячная канитель с переговорами уже с достаточной ясностью вскрыла, что наши партнеры не хотят настоящего соглашения с нами, но, боясь своего общественного мнения, будут скрывать это и продолжать прятаться за «тайну переговоров». Эту игру мы должны разоблачить, прежде чем «послать к черту». Мы должны, не считаясь ни с какими дипломатическими условностями, предать гласности ход переговоров. Возможно, что один намек с нашей стороны, что мы вынуждены будем это сделать, заставит переговорщиков изменить тактику.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 171 — 172. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 496-497.

483. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 июля 1939 г.

Меня пригласил к себе Бонне. Он мотивировал свое приглашение желанием рассеять «сложившееся, по-видимому, в Москве впечатление», что некоторые статьи во французской печати, касающиеся хода переговоров и направленные против СССР, инспирируются свыше. Министр заверил, что ни он, ни его аппарат никаких сведений печати о ходе переговоров уже давно не дает. Он просит печать лишь об одном: спокойно выжидать результатов и не подхватывать непроверенных слухов.

После этого вступления Бонне начал жаловаться на трудные условия, в которых протекают переговоры. Приходится иметь дело с «тремя столицами», согласовывать и с Лондоном, и с Москвой. Еще больше, но осторожнее, чем в прошлые разы, он говорил о своей роли толкача в Лондоне. В качестве примера он указал на то, что по его настоянию Лондон отказался от гарантии Швейцарии и Голландии (по моим данным, дело происходило как раз наоборот) и под его же давлением Лондон согласился на уточнение определения косвенной агрессии, «покрывающей случаи, аналогичные мартовскому захвату Чехословакии». После этого «он искренне был убежден», что найдена формула, которая должна удовлетворить и Москву.

Коснулся он и нашего требования, «чтобы было оговорено, что политический договор входит в действие лишь после заключения военной конвенции» (так он сформулировал нашу позицию). Все «соображения», которые он привел против этого, были несерьезны, и мне нетрудно было их отвести.

1. Требование «новое».

Ничего подобного. Буквально с первого дня мы говорили о нераздельности политического и военного соглашения. Я ему напомнил (и он должен был это подтвердить), что он сам лично еще в марте признавал правильность этого требования.

2. «Оговорка вызовет разочарование в общественном мнения Англии и Франции («ни о чем еще окончательно не сумели договориться») и обнадеживающе подействует на противоположный лагерь».

Наоборот, произведет обратное действие, продемонстрировав серьезность намерения сторон и желание эффективного сотрудничества.

3. С турками и поляками сначала заключили политическое соглашение, а уже потом приступили к военным переговорам.

Это не довод.

К концу он начал уже явно сдавать и спросил у меня «в частном порядке», не думаю ли я, «что если ему удастся убедить Лондон (в чем он еще не уверен) принять наши требования о военном соглашении, то не пойдет ли и Москва на уступки в вопросе о косвенной агрессии»? Я на это сказал, что переговоры не веду, не знаю даже точных текстов документов, но знаю зато лишь одно, что Москва дошла до последних пределов уступок. Тогда он встрепенулся и вспомнил, что и он, «по сути дела, не уполномочен говорить со мной о деталях», что и он «не хочет вмешиваться в переговоры, которые по общему соглашению ведутся в Москве, что не для этого меня и приглашал» и т. д. Но все же он просит меня «несколько помочь». Я ему на это ответил, что единственная помощь, которую могу оказать, это посоветовать бросить торговаться и без промедления принять московское предложение.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 175 — 177. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 497-499.

484. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 июля 1939 г.

Польская пресса, начиная с правительственных газет, в течение последних пяти дней помещает только краткие телеграфные сообщения об англо-советских переговорах, приводя во всех редакционных статьях и телеграммах «от собственных корреспондентов» мысль о тройственном военном союзе Англии, Франции и Польши, опуская СССР и рекламируя громадное значение Польши в этом фактическом союзе. Приезд Айронсайда ¹⁴⁰ расценивается как начало объединения работы трех штабов, и каждый его шаг освещается в печати под большими шапками.

Шаронов

**485. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова
народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову**

19 июля 1939 г.

В политической жизни Германии наступила относительная пауза, которая во многом напоминает затишье перед бурей. С одной стороны, все главари покинули Берлин, разъехавшись по отпускам или сосредоточившись близ летней резиденции Гитлера. Разговоры о ближайшем захвате Данцига, о поездке туда фюрера стихли, и мало кто верит в осуществление захвата между 20 и 30 июля (как предсказывалось весной), хотя окончательно разговоры об этом не прекратились... {{ * Многоточие в документе. }} Мюнхенский театральный фестиваль прошел скорее под знаком увеселений, чем под знаком политической насыщенности (о Данциге упомянуто было лишь в речи баварского фюрера А. Вагнера). Здешние дипломаты и журналисты в большинстве считают, что до Нюрнбергского конгресса серьезных событий не произойдет (ручаться за это все же нельзя). Серьезных перебросок войск внутри Германии не замечается, что также дает основание считать, что на ближайшее время немцы к активному конфликту не готовятся.

С другой стороны, трения и конфликты «второстепенного» порядка с западными державами не ослабевают. Аресты коррумпированных журналистов во Франции, высылка оттуда в этой связи риббентроповского агента Абеца связаны с ожиданием соответственных репрессий в Германии. Новая форма «массовой пропаганды», которую стали практиковать англичане, рассылая известные «письма» Кинг-Холла, направленные персонально против Гитлера в сотнях тысячах экземпляров по всевозможным адресам и из самых различных стран, приводит немцев в бешенство, заставляя раздражаться запальчивыми статьями против Англии, статьями, которые изобилуют столь непечатными выражениями, что их по соображениям приличия невозможно воспроизвести. Взрыв в Свиномюнде парохода «Берлин», направлявшегося в Данциг с грузом оружия, амуниции и тысяч «туристов» (последние еще не успели сесть на пароход), хотя и не может быть прямо приписан активности противников Германии, но вызывает мысль об этом. Эти моменты служат отражением напряженности в наступившей паузе, которую вряд ли можно считать продолжительной.

В числе подготовительных мер для расчистки обстановки перед ожидающимся большим конфликтом надо отметить попытку переселения немцев из Южного Тироля в пределы Германии. По всем признакам эта мера проводится под влиянием Италии, начавшей несколько опасаться перспективы конфликта из-за Тироля, тем более что кое-где здесь уже заговорили о немецких aspirations в отношении Триеста.

В отношении других стран приходится слышать о затруднениях, возникающих в ходе германских переговоров с Румынией, каковыми немцы не удовлетворены. С Болгарией отношения особого сдвига не испытали, т. к. визит Киосейванова конкретных результатов не дал. Начал ощущаться некоторый нажим на Литву (требование немцев не распространять на евреев права покинуть со своим имуществом Мемель, права, предоставленного всем литовским гражданам). Одновременно — усиленная обработка Латвии и Эстонии (поездка начштаба, визиты военных судов и т. п.). Нажим на Данию, отказавшуюся, как здесь говорят, под давлением Берлина пропустить английские

аэропланы в Польшу, — таковы отдельные штрихи германской политики в отношении мелких соседних стран за последнее время.

Основным моментом, интересующим германскую верхушку, является вопрос об исходе наших переговоров с Англией и Францией. Не решаясь, по понятным соображениям, на какие-либо активные демарши по линии заигрывания с нами здесь (после известных бесед со мной Вайцзеккера и Шуленбурга {{* [См. док. 384, 413, 436.](#)}}), немцы косвенно не упускают случая дать понять, что они готовы изменить политику в отношении нас и остановка, мол, только за нами. Подчеркнуто вежливое обращение на приемах, отсутствие придираков по линии практических и оперативных вопросов, полная остановка антисоветской кампании в прессе, где, как и в речах, даже перестал упоминаться «большевизм», а в отношении СССР как государства и его руководителей взят небывало корректный (по сравнению с прежними временами) тон, все это довольн® характерно для теперешней тактики в отношении нас. Надо добавить к этому факт поступления в полпредство ряда анонимных писем, где вместо прежней антисоветской ругани содержатся «советы» нам не договариваться с Англией, а дружить с Германией, пойти на раздел Польши и т. п. Можно отметить, что в общественных местах в случае надобности гораздо выгодней назвать себя советским гражданином, чем, скажем, английским, французским или польским (раньше было наоборот).

Я не заметил, чтобы немцы проявляли такую нервность и нетерпение по поводу наших переговоров с Францией и Англией, какую проявил итальянский посол в разговоре со мной в Мюнхене (запись была послана Вам прошлой почтой). Трудно себе представить, чтобы немцы, подобно Аттолико, предпочли наше соглашение с Англией — затяжке и стали бы, подобно ему, на точку зрения: что хочешь делать — делай скорей. Более естественно предположить, что в отношениях с итальянцами немцы используют неясность московских переговоров как аргумент для затяжки выполнения каких-то итальянских требований и вызывают этим раздражение Рима. Впрочем, это лишь мое предположение, т. к. непосредственно с немцами мне об этом говорить не приходилось.

(Астахов)

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 8, л. 107-109.

486. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании Ш. Корбену

19 июля 1939 г.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2245 и 2246. Подтверждаю Вам мои две сегодняшние телефонные беседы.

Сегодня британское правительство своими колебаниями накануне решающей фазы переговоров рискует подорвать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе. Последствия провала, вызванного чрезмерно категоричной позицией в последний момент, были бы таковы, что французское правительство не может испытывать колебания в необходимости в самом срочном порядке обратить на них внимание английского правительства, с тем чтобы оно взвесило всю ответственность, которую мы взяли бы на себя, подвергаясь риску разрыва или длительной приостановки переговоров.

Так же как и лорд Галифакс, я, безусловно, считаю, что наши послы должны использовать все для получения всей возможной тактической выгоды от принятия русской редакции статьи 6, обусловленной соответствующей нашим взглядам редакцией статьи 1. Но стоит вопрос о том, должны ли мы в случае окончательного отказа Молотова согласиться заменить его формулировку на нашу, предпочитать риск нового разрыва или слишком длительного перерыва в переговорах или еще раз уступить этому требованию. Со своей стороны французское правительство не колеблясь дает негативный ответ на этот вопрос и предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и близкой опасности, которая последовала бы за окончательным или временным провалом переговоров.

Всякое возможное сейчас решение содержит явные, но не равнозначные риски, среди которых нам надо делать выбор.

Мне нет необходимости вновь подчеркивать те из них, которые повлечет за собой разрыв переговоров. Этим был бы нарушен весь наш механизм безопасности в Европе, была бы подорвана, эффективность обещанной нами помощи Польше и Румынии.; практическое осуществление наших соглашений с Турцией было бы, до определенного момента, поставлено под вопрос. Независимо от его сути, предусматриваемое соглашение обладает достаточной превентивной силой ввиду угрозы, даже неопределенной, которую оно представляет для Германии, так что его заключение или провал не может не оказать решающего влияния на действия государств «оси» в течение ближайших месяцев. Еще совсем недавно наши послы в Берлине и в Риме единодушно заявили, что исход наших переговоров может в течение ближайших недель в определяющей мере повлиять на мир или войну. Даже допуская, что нынешние трудности в переговорах приведут только к их временному приостановлению, эта остановка в тот самый момент, когда, по всей вероятности, должны проясниться решения Германии, оставит тем не менее для последней свободное поле деятельности и поощрит ее в самых авантюрных замыслах, показывая ей, насколько мы не способны организовать в нужное время эффективную коалицию элементов сопротивления, формированием которой мы так кичились.

Перед лицом этой главной опасности, риск, который повлечет для нас заключение соглашения даже ценой принятия советских формул, представляется значительно меньшим по значению.

В своей телеграмме № 1492 я сообщил Вам, что русская редакция статьи 1, как нам кажется, не отличается в основном по ее сути и применению от предложенной нами редакции. Поскольку сохранены понятия независимости и нейтралитета третьих стран, мы всегда будем в достаточной степени способны по-своему интерпретировать и никакие ссылки на этот текст не смогут заставить нас при случае солидаризироваться с противозаконным вмешательством СССР во внутренние дела какой-либо третьей страны.

Что касается выгод, которые немецкая пропаганда могла бы извлечь в третьих странах путем тенденциозного использования текста статьи 1, то они явно кажутся менее реальными и опасными для нас, чем та польза, которую она не преминула бы таким же образом извлечь из провала наших переговоров. Нашей дипломатии к тому же надлежит скорректировать в этих странах данные им тенденциозные интерпретации этих текстов и их реальной цели и вновь показать им, что наше соглашение, укрепляющее мир в Европе, ни в коем случае не подвергает опасности их национальное существование и является лучшей гарантией их независимости. Впрочем, снова предлагая Молотову включить в секретную часть соглашения пункт о косвенной агрессии, как это было раньше

согласовано, мы к тому же в значительной степени избежали бы той реакции третьих стран, которой, кажется, особо бояться в Форин офисе.

Прошу вас самым серьезным и настоятельным образом обратить внимание лорда Галифакса на вышеизложенные замечания. Наступил момент, когда нужно, сохраняя возможности улучшения обсуждающихся текстов, поставить проблему на более высокий уровень и сопоставить сложности, которые повлечет принятие русских требований, с риском разрыва из-за их отклонения. Я сообщил Вам наше четкое мнение на этот счет. Ввиду непредсказуемых последствий, которые зависят от заключения или провала соглашения, французское правительство в этот важный момент считает, что, каковы бы ни были ухудшения самой сути этого соглашения, его превентивная и политическая сила остается еще Достаточно эффективной, с тем чтобы заставить нас пожертвовать оговорками, как бы серьезны они ни были, которые нам надлежало сделать в силу некоторых положений соглашения.

С полным осознанием этой ответственности и прося английское правительство взвесить свою ответственность, французское правительство предлагает, чтобы инструкции в духе замечаний, которые вы сделаете лорду Галифаксу, были срочно направлены нашим двум послам в Москве.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 393-395.

487. Письмо министра иностранных дел Франции Ж. Бонне министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

19 июля 1939 г.

Я хочу направить Вам этот личный призыв, с тем чтобы просить Вас вновь изучить формулы, переданные Вам Корбеном по статье 1 проекта англо-франко-советского соглашения. Я не забываю очень важные уступки, которые наши два правительства уже сделали правительству СССР. Но мы вступаем в решающий момент, когда, как нам кажется, нельзя ничем пренебрегать, чтобы достичь успеха. Не следует скрывать губительные последствия не только для наших двух стран, но и для сохранения мира, которые повлечет за собой провал ведущихся переговоров. Я даже опасаюсь, как бы это не стало сигналом для акции Германии в отношении Данцига.

Эти переговоры идут уже более четырех месяцев. Общественность придает им во всех странах очень большое значение. Ввиду этого они обрели символический характер.

Председатель совета и я считаем, что в этих условиях чрезвычайно важно прийти к завершению переговоров, успех которых представляется нам сегодня одним из основных условий сохранения мира.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques francias... 2 serie. T. XVII. P. 402.

488. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

21 июля 1939 г.

«Газета польска» дважды повторяет заявление Рыдз-Смиглы в официальном комментарии к его интервью, что Польша готова разрешить данцигский вопрос миром, но в случае попыток аншлюса будет воевать даже без союзников {{* См.: Известия. 1939. 21 июля.}}. Вчера венгерский посланник Хорн мне говорил, что это заявление, дважды повторенное Рыдз-Смиглы, вызвало удивление в городе, а сегодня американский посол Биддл, бывший вчера у Бека, сказал мне, что, по его мнению, Рыдз-Смиглы просто вернулся к своей речи, произнесенной в 1935 г. Когда же я обратил его внимание на «миротворчество» Чемберлена, приезд Айронсайда ¹⁴⁰{{* См. док. 484.}} и упоминание Рыдз-Смиглы об СССР, он ответил, что Чемберлен, папа и Муссолини работают над возможностью начала переговоров, что ему сегодня звонили из Лондона, что армия и высшие католические круги Польши против переговоров с Германией и что, возможно, в задачу Айронсайда входит переговорить с Рыдз-Смиглы и Стахевичем {{** Начальник генерального штаба вооруженных сил Польши.}} о необходимости переговоров с Германией. Одновременно папа должен нажать со своей стороны через нунция, который недавно поехал в Рим. Он уверен, что через месяц-полтора переговоры начнутся.

Когда на вопрос Биддла о переговорах в Москве я ответил, что знаю только то, что находится в газетах, отбрасывая всякие вымыслы, он сказал, что часто говорил с посланниками Балтийских стран и уверен, что осенью они сами приедут в Москву с просьбой о гарантии.

Я лично считаю, что англичане усиленно нажимают на Польшу насчет уступок немцам и заявления поляков, что все слухи и проекты — только немецкая и итальянская пропаганда, не соответствующая действительности, так как, судя по прессе и поведению членов английского посольства здесь, пропаганда эта весьма энергично ведется Лондоном; также очень подозрительна затяжка подписания договора. Во всяком случае, большие сообщения и комментарии о московских переговорах совершенно исчезли из газет, так же как и сообщения об экономических переговорах в Лондоне; в частности, ни одна польская или английская газета не говорит о невозможности уступок по вопросу об автостраде, а только о Данциге и Поморье в целом. Рыдз-Смиглы, не упомянув о польских привилегиях, говорил только о невозможности присоединения Данцига в целом.

Шаронов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 182-184.

489. Записка посла Германии в Великобритании Г. Дирксена

21 июля 1939 г.

Г-н Вольтат сообщил мне следующее в своих беседах с сэром

Горасом Вильсоном и г. Хадсоном из министерства внешней торговли:

1. Хадсон передал Вольтату через норвежского члена китоловной комиссии, что он очень хотел бы поговорить с ним. После этого, с моего согласия, была намечена беседа, которая состоялась вчера во второй половине дня. Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации

существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия. Англия собственными силами не может в достаточной мере обслужить свою империю и было бы возможно и в этой сфере более широкое привлечение Германии. Точно так же Япония не может удовлетворить весь Китай в экономическом отношении; в России положение вещей аналогично.

Хадсон высказался затем подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов и о возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках.

Г-н Вольтат вынес впечатление, что Хадсон обладает широким кругозором и хорошо разбирается в существе дела.

2. Сэр Горас Вильсон во время своей первой беседы развивал перед г. Вольтатом мысли, которые он подтвердил и развил более подробно во второй беседе. Сэр Горас подготовил документ, в котором была изложена детально разработанная широкая программа; он начинался словами: «При условии, что...» (вероятно, это означает: «При условии, что политическое соглашение с Англией будет достигнуто, должны вступить в силу следующие пункты»). Сэр Горас Вильсон дал совершенно ясно понять, что Чемберлен одобряет эту программу; Вильсон предложил Вольтату немедленно переговорить с Чемберленом, для того чтобы Вольтат получил от него подтверждение сказанного Вильсоном. Однако Вольтат ввиду неофициального характера своих переговоров счел неуместной для себя такую беседу с Чемберленом.

Когда после первой беседы с Вильсоном явилась возможность разговора с Хадсоном, г. Вольтат, договорившись со мной, во второй раз беседовал с Вильсоном. При этом для него было важно получить более ясное представление в отношении некоторых пунктов, чем это было возможно при первой беседе. Свое желание поговорить с Вильсоном во второй раз он объяснил ему тем, что он хочет поставить его в известность о состоявшейся беседе с Хадсоном и одновременно удостовериться, говорил ли Хадсон по поручению кабинета.

Программа, которая обсуждалась г. Вольтатом и сэром Горасом Вильсоном, включает:

- a) политические пункты,
- b) военные пункты,
- c) экономические пункты.

К пункту «a».

- 1) *Пакт о ненападении*. Г-н Вольтат подразумевал под этим обычные, заключающиеся Германией с другими державами пакты о ненападении, но Вильсон хотел, чтобы под пактом о ненападении понимался отказ от принципа агрессии как таковой;
- 2) *Пакт о невмешательстве*, который должен включать разграничение расширенных пространств { { * В оригинале: «Grossraume». } } между великими державами, особенно же между Англией и Германией.

К пункту «b» — *Ограничение вооружений*.

- 1) *На море;*
- 2) *на суше;*
- 3) *в воздухе.*

К пункту «с».

- 1) *Колониальные вопросы.* В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду при этом известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны были бы быть приняты некоторые единообразные постановления. Вопрос, в какой мере индивидуальная собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из того достоверно известного г. Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Горас Вильсон говорил также о германской колониальной деятельности в Тихом океане; однако в этом вопросе г. Вольтат держался очень сдержанно;
- 2) *сырье и приобретение сырья для Германии;*
- 3) *промышленные рынки;*
- 4) *урегулирование проблем, международной задолженности;*
- 5) *взаимное финансовое содействие* { {** В оригинале по-английски: «Exchange of financial facilities»}. }.

Под этим сэр Горас Вильсон понимал санирование Германией Восточной и Юго-Восточной Европы. При обсуждении этого пункта г. Вольтат говорил о квалифицированной клаузуле наибольшего благоприятствования, на включении которой Германия должна особенно настаивать. На мой вопрос о значении этой клаузулы г. Вольтат ответил, что условия наибольшего благоприятствования в сочетании с господствовавшей в мире золотой валютой, как это имело место перед войной, теперь в прежнем смысле недействительны. В силу различий валютной системы и жизненного уровня, а также издержек производства невозможно предоставлять одинаковые шансы при экспорте в Германию столь различным по своему характеру странам, как, например, Канада, Аргентина и Румыния. Такая страна, как Румыния или Югославия, с ее низким жизненным уровнем, должна была бы получить более благоприятные условия посредством применения более низких пошлин на часть ее продукции при вывозе в Германию. Г-н Вольтат сказал, что он отдает себе полный отчет в том, что это фактически приводит к отмене системы наибольшего благоприятствования; но все же очень важно, как назвать дитя, для того чтобы никого не обидеть.

Конечной целью, к которой стремится г. Вильсон, является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Горас Вильсон определенно сказал г. Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты.

На вопрос г. Вольтата, одобрены ли предложения Хадсона, Вильсон ответил, что они обсуждались влиятельными членами кабинета, но окончательное решение на этой стадии еще не последовало.

Г-н Вольтат заметил по этому поводу, что принципиальному урегулированию обсуждавшихся с г. Хадсоном вопросов должно предшествовать урегулирование колониальных вопросов.

На последующий вопрос г. Вольтата, согласится ли английское правительство в надлежащем случае на то, чтобы кроме вышеупомянутых проблем с германской стороны были поставлены на повестку дня еще и другие вопросы, Вильсон ответил утвердительно; он сказал, что фюреру нужно лишь взять лист чистой бумаги и перечислить на нем интересующие его вопросы; английское правительство было бы готово их обсудить.

Затем г. Вольтатом был поставлен вопрос, каким образом можно получить со стороны какого-либо английского деятеля или инстанции подтверждение этой программы переговоров, чтобы перевести переговоры в стадию реализации.

На это сэр Горас Вильсон ответил, что решающим моментом в этом отношении было бы назначение фюрером какого-либо полномочного лица для обсуждения вышеупомянутой программы. Если со стороны фюрера последует такое волеизъявление, то английская сторона согласится на дальнейшее обсуждение вопроса любым путем.

Относительно своих июньских переговоров г. Вольтат сказал сэру Горасу Вильсону, что он сделал о них доклад фельдмаршалу Герингу, добавив, что он попытается теперь установить, считает ли фюрер данный момент подходящим, чтобы приступить к такому обсуждению.

Сэр Горас Вильсон с большим оживлением ответил, что если это удастся, то будет сделан важнейший шаг по пути преодоления трудностей.

Сэр Горас Вильсон сказал далее, что в Англии предполагается этой осенью провести новые выборы. Тактически, с чисто внутри-политической точки зрения, правительству безразлично, будут ли выборы проходить под лозунгом: «Готовность к надвигающейся войне» или же под лозунгом: «Имеется в виду и может быть достигнуто прочное соглашение с Германией». Оно может мобилизовать своих избирателей под любым из этих двух лозунгов и сохранить за собой власть на следующие пять лет. Само собой разумеется, что мирный лозунг для него предпочтительней.

фон Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 499-502.

490. Сообщение Народного комиссариата внешней торговли СССР о советско-германских переговорах о торговле и кредите

22 июля 1939 г.

На днях возобновились переговоры о торговле и кредите между германской и советской сторонами. От Наркомата внешней торговли переговоры ведет заместитель торгпреда в Берлине т. Бабарин, от германской стороны — г. Шнурре.

Известия. 1939. 22 июля.

491. Сообщение ТАСС «Новое нарушение границы японскими войсками»

23 июля 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, с 12 по 20 июля в районе озера Буир-Нур японо-маньчжурские войска, не проявляя особой активности, вели артиллерийский и пулеметный обстрел позиций монголо-советских войск к востоку от реки Халхин-Гол. Лишь к ночи 12 июля на участке к юго-западу от Номон-Кан-Бурд-Обо отряд японской пехоты силою до одного батальона при поддержке артиллерии пытался вклиниться в расположение монголо-советских войск, но, окруженный монголо-советскими войсками, был полностью уничтожен. На месте боя осталось свыше 100 японских трупов, 4 трехдюймовых орудия, 8 противотанковых пушек, 500 снарядов, 5 станковых пулеметов и Другое вооружение, захваченное монголо-советскими войсками. Монголо-советские войска имели незначительные потери.

21 и 22 июля усилились активные действия японо-маньчжурских войск, которые несколько раз пытались атаковать монголо-советские войска, но все их атаки были отбиты.

Монголо-советские войска продолжают прочно удерживать местность к востоку от реки Халхин-Гол.

В течение 12—20 июля японская авиация ограничивалась разведывательной деятельностью. Только один раз 16 июля в воздухе появилось до 50 японских истребителей, которые, заметив поднявшуюся монголо-советскую авиацию, не приняв боя, ушли на свою территорию.

21 июля в районе восточнее и юго-восточнее озера Буир-Нур японцы вновь нарушили границу залетом своей авиации. Над территорией МНР произошел воздушный бой, в котором участвовало до 120 японских истребителей, собранных с разных районов Маньчжурии. Со стороны советско-монгольской авиации участвовало в бою около 100 истребителей. Бой продолжался около часа и закончился на маньчжурской территории преследованием японо-маньчжурской авиации.

В этом воздушном бою монголо-советской авиацией было сбито 14 японских самолетов, из экипажей которых 2 японских летчика захвачены живыми в плен. Монголо-советская авиация потеряла в этом бою 3 самолета.

Распространяемые штабом Квантунской армии слухи о бомбардировании монголо-советским самолетом станции Фуляэрд (близ Цицикара), по заявлению командования монголо-советских войск, являются злостным вымыслом.

Известия. 1939. 23 июля.

492. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

24 июля 1939 г.

23 июля В. М. Молотовым были приняты для продолжения переговоров английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг.

Известия. 1939. 24 июля.

493. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 июля 1939 г.

Суммируя всю накопившуюся у меня за последние дней десять информацию, почерпнутую из самых разнообразных источников, считаю необходимым сигнализировать, что сведения о намерениях Чемберлена, переданные мной вам со слов Ллойд Джорджа [{* См. док. 475.}](#), все больше подтверждаются. Премьер делает сейчас отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польше [{** См. док. 245, 254.}](#) и одновременно оживить свою прежнюю политику «умиротворения». В этих целях английское правительство продолжает усиленно давить на польское правительство, рекомендуя ему «умеренность» в вопросе о Данциге. Одновременно в отношении Германии проводится политика кнута и пряника: с одной стороны, мобилизация британского флота, военно-воздушная демонстрация во Франции (и, вероятно, в ближайшее время в Польше), а с другой стороны, «личные бе-седы» Хадсона с Вольтатом в Лондоне [{*** См. док. 489.}](#) о возможности предоставления Германии грандиозных международных займов до миллиарда фунтов, если Гитлер серьезно откажется от «агрессивных намерений» (читай: оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку). Несмотря на все официальные опровержения, нельзя сомневаться, что в своих беседах Хадсон выражал настроение премьера. Весьма характерно, что Хадсон как ни в чем не бывало остается на своем посту, хотя естественным следствием из создавшегося положения должна была бы быть его отставка, если он, как утверждает Чемберлен, без ведома последнего, на свой страх и риск, огорошил Вольтата столь «сенсационными» предложениями.

Имеются достоверные сведения, что через посредство неофициальных эмиссаров ¹⁴¹ Чемберлен сейчас нащупывает у Гитлера возможность «урегулирования» или, по крайней мере, отсрочки обострения данцигской проблемы. Если ему это удастся, отпадет необходимость в быстром завершении англо-советских переговоров. Отдел печати Форин офиса в последние дни уже даже «на ухо» шептал журналистам, что возможна «отсрочка» переговоров на известный промежуток времени. Это отнюдь не исключено, тем более что 4 августа парламент расходится на каникулы, по крайней мере, месяца на два и правительство будет свободно даже от того несовершенного контроля, который пока осуществлялся оппозицией. В порядке подготовки к такому обороту дел правительственные круги наводняют сейчас Лондон всевозможными сплетнями и измышлениями, чтобы возложить ответственность за возможный срыв переговоров на Советское правительство. В частности, в последние 2—3 дня в кулуарах парламента циркулирует мифическая история, будто бы британское правительство «из самых достоверных источников» узнало, что какое-то «высокое лицо» в Москве на днях похвалялось: в августе вылетит из правительства Галифакс, а в сентябре слетит и сам Чемберлен. Это для доказательства того, что Советское правительство якобы не хочет заключения договора, а лишь пользуется переговорами как орудием в интересах ликвидации нынешнего кабинета.

Для лучшей оценки положения необходимо также иметь в виду, что премьер все время ищет удобного момента для проведения выборов в парламент и закрепления на новую пятилетку власти консерваторов. Совершенно точно известно, что руководители «партийной машины», которые месяца два назад не советовали премьеру идти на выборы без «русского пакта», теперь изменили свое мнение и считают, что для победы на выборах при нынешней маломощности оппозиции достаточно будет «соглашения о Данциге». Таковы и надежды и расчеты чемберленовской клики. Иное дело, в какой мере они сбудутся.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 165-167. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 504-505.

494. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Гер. мании Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии К. Ю. Шнурре

24 июля 1939 г.

Меня пригласил к себе Шнурре (советник экономического департамента аусамта){{* Так в тексте.}}. Официальным предлогом был вопрос о приостановке нами с апреля с. г. платежей по чехословацкому кредиту в «Банке живностенска» в Праге. Шнурре вручил мне справку, сводящуюся к изложению сути дела и просьбе урегулировать вопрос. Затем он перешел к вопросу об опубликовании ТАСС сообщения о берлинских кредитных переговорах {{** [См. док. 490.](#)}}, Отметив, что для германской стороны опубликование этого сообщения явилось неожиданностью, он сказал, что раз уж оно сделано, то пусть считается, что переговоры ведутся в Берлине, хотя он, Шнурре, остается при своем мнении, что если бы он смог беседовать с Микояном в Москве, то дело разрешилось бы скорей. Но пусть будет так, как получилось. Однако германская сторона считает, что в дальнейшем какие бы то ни было сообщения о ходе переговоров, если будет сочтено необходимым их выпустить, следует выпускать лишь после взаимного согласования. Он просит передать это в Москву.

Я ответил, что немедленно передам в Москву это пожелание. Со своей стороны я отметил, что хотя мне и неизвестны в точности мотивы выпуска сообщения ТАСС, но я считаю этот выпуск целесообразным хотя бы потому, что он рассеял массу нелепых слухов, распространившихся в Берлине не по нашей вине и нашедших отражение в мировой печати.

Сообщив затем о предстоящей на следующий день встрече с Бабариным и вкратце изложив основные моменты разногласий (пожелание об увеличении размеров ввоза нашего сырья и его номенклатуры, а также настаивание на формальном сохранении 5% ставки), Шнурре перешел к теме об улучшении германо-советских политических отношений. Он подчеркнул, что считает себя вправе говорить об этом, так как занят не только экономикой, но стоит близко к Риббентропу и знает его точку зрения. По мысли правительства, благополучное завершение торгово-кредитных переговоров должно явиться лишь первым этапом на пути нормализации отношений. Второй этап должен состоять в нормализации отношений по линии прессы, культурных связей, в поднятии взаимного уважения друг к другу и т. п. После этого можно будет перейти к третьему

этапу, поставив вопрос о политическом сближении. К сожалению, неоднократные попытки германской стороны заговаривать на эту тему остались без ответа. Ничего определенного не сказал на эту тему и Молотов Шуленбургу [*** См. док. 442.](#)}. Между тем налицо все данные для такого сближения...{* Многозначие в документе.} Шнурре понимает, конечно, что подобная перемена политики требует времени, но надо что-то делать. Если советская сторона не доверяет серьезности германских намерений, то пусть она скажет, какие доказательства ей нужны. Противоречий между СССР и Германией нет. В Прибалтике и Румынии Германия не намерена делать ничего такого, что задевало бы интересы СССР. Антикоминтерновское соглашение? Но ведь нам должно быть ясно, что оно направлено против Англии.

Все эти фразы Шнурре произносил отчасти в стиле монолога, отчасти в виде ответа на мой реплики и замечания. Эти мысли он развивал довольно долго, повторяя, что если наши руководители затрудняются начать разговоры на эту тему, то мы, люди менее высокопоставленные, тоже можем кое-что сделать и сдвинуть вопрос с мертвой точки.

Я спросил Шнурре, как обстоит дело с вопросом о нашем торгпредстве в Праге, точнее, о его преобразовании в отделение берлинского торгпредства.

Шнурре ответил, что этот вопрос задерживается исключительно в связи с тем, что мы не ответили на вопросы, поставленные мне Вайцеккером [** См. док. 384, 413, 436.](#)}. В свое время этим вопросом заинтересовался сам фюрер, и по его указанию Вайцеккер поставил мне памятные вопросы, ответа на которые до сих пор нет.

Я спросил Шнурре, не считает ли он, что ответ на вопрос о наших экономических намерениях в бывшей Чехословакии отчасти дан самим фактом кредитных переговоров, из которого явствует, что мы имеем намерение развивать торговлю с Германией, а следовательно, и с зависимыми от нее территориями в случае предложения нам благоприятных условий.

На это Шнурре ответил, что, по мысли германского правительства, германские поставки в счет обсуждаемых кредитов имеют в виду исключительно производственные ресурсы собственно рейха и к протекторату прямого отношения не имеют. Поэтому наши торговые намерения в отношении протектората не могут считаться выясненными. Но дело не в самом вопросе об отделении торгпредства, он несложен, а в том, что этот вопрос попал в орбиту вопросов, которыми непосредственно заинтересовался фюрер и на которые мы уклоняемся дать ответ.

Шнурре заговаривал и относительно наших переговоров с Англией, высказывая убеждение, что мы не договоримся, так как ясно, что на нас должна выпасть в случае войны вся тяжесть обязательств, тогда как доля Англии будет минимальна. Кроме того, зачем нам заключать союз, если на нас все равно никто нападать не собирается и т. п.

Вся последняя часть беседы была оговорена как неофициальный обмен мнениями. Шнурре пригласил меня и т. Бабарина ужинать 26 июля.

Г. Астахов

495. Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита—Крейги»)

24 июля 1939 г. {{ Дата оглашения и публикации документа.}}*

В результате переговоров, имевших место между нами {{** Имеются в виду Арита и Крейги.}}, начиная с 15 июля 1939 г., было согласовано следующее заявление, которое должно быть опубликовано одновременно в Токио и Лондоне в понедельник 24 июля:

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные действия в широком масштабе, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им или выгодные их противникам. Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей, и пользуется этой возможностью, чтобы в подтверждение своей политики в этом отношении разъяснить британским властям и британским подданным в Китае, что им следует воздерживаться от таких действий и мер ⁷⁰.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 146.
Опубл. в изд.: Documents on British Foreign Policy... Third Series, vol. IX, p. 313.

496. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

24 июля 1939 г.

Беседа 23 июля с 16 до 17 часов.

1. Мы сочли необходимым подчеркнуть соображения чисто практического и психологического характера, по которым наши два правительства, желая, как и сам СССР, превратить обсуждаемый договор в эффективный и конкретный инструмент, предпочли бы сохранить наш текст статьи 6. Однако озабоченные тем, чтобы еще более полно обозначить единство их взглядов и намерений по этому пункту с Советским правительством, наши два правительства решились принять русскую редакцию рассматриваемой статьи.

2. Затем мой коллега приступил к определению косвенной агрессии; он привел мотивы, по которым его правительство, не желая казаться хоть в чем бы то ни было предусматривающим вмешательство в дела третьих стран, настаивало на принятии формулы, включенной им в статью 1 (Ваша телеграмма № 450 и моя телеграмма № 712). Будучи связан инструкциями, в которых, как мне кажется, придается чрезмерная важность нюансам, он не считал своевременным выдвигать компромиссную формулу. Я также не считал нужным сделать это в личном порядке. Поскольку вариант, представленный мною 17-го числа Молотову на этот счет {{* См. док. 481. }}, не был поддержан нашими двумя правительствами, я, понятно, не мог возобновить попытку, не обремененную никакой поддержкой властей. Мой коллега, однако, считал необходимым уточнить, что его

правительство менее держится за слова, чем за смысл формулы, и что он оставляет за Советским правительством возможность направить ее на новое серьезное изучение с целью либо принять ее, либо сделать компромиссное предложение для передачи в Лондон.

Мне осталось только поддержать эту аргументацию сэра У. Сидса, которую он должен был изложить согласно предписаниям инструкций. Не думаю, что эта тактика была хорошо проработана.

3. Та же позиция занята по дополнительному протоколу **{{** [См. док. 479.](#)}}** (см. параграф 3 моей телеграммы № 712 — 719).

4. Молотов с удовлетворением отметил согласие трех правительств по статье 6. Что касается определения косвенной агрессии и еще нерешенного вопроса в протоколе (консультации для неуказанных в тексте стран), он подтвердил мнение, выраженное им 17 июля (моя телеграмма № 718) о второстепенном характере этих расхождений или скорее о нюансах в осуществлении этих пунктов. Он добавил, что сравнение формул, призванных окончательно согласовать наши взгляды на этот счет, не должно создавать трудности и что его правительство проявит в этом добрую волю, хотя этот поиск потребует еще некоторого времени.

Но время не ждет. Три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем, с которыми политические пункты составляют единое целое. По поручению своего правительства он сказал нам, что оно теперь готово немедленно начать эти переговоры, имея в виду, что доработка последних деталей политических пунктов (косвенная агрессия и пункт о консультациях в протоколе) будет осуществлена одновременно с техническими переговорами. Отмечая свое предпочтение тому, чтобы Москва была местом военных консультаций, Молотов настаивал на необходимости не терять время ввиду быстрой эволюции событий.

Мы сказали ему, что мы бы предпочли уже сейчас достичь полной договоренности по условиям только двух еще нерешенных политических пунктов. Мы, однако, сказали, что передадим нашим правительствам его предложение немедленно начать переговоры, предусмотренные в статье 2 и статье 6.

Мы с моим коллегой согласны, что важно принять это предложение: Советское правительство, которое требует начать без задержек технические переговоры, хотя оно напоминает, что политические пункты неотделимы от военных, действует достаточно открыто, так что мы могли бы уже сейчас извлечь психологическую выгоду из предания гласности этому рассмотрению, чего мы желаем с апреля месяца, не предрешая, конечно, результатов, которые следует ожидать от самих военных консультаций. Если действительно верно, что окончательное решение СССР, так же как и наше, будет зависеть от того, чем завершатся военные консультации, не менее верно, что приезд в Москву по просьбе СССР франко-английских военных экспертов способен публично связать СССР на нашей стороне в большей степени, чем это сделала бы простая декларация, которой мы добивались от него весной.

В наших интересах очень срочно принять положительное решение, чтобы зафиксировать важный момент в переговорах.

Я рекомендую ничего не передавать прессе до того, как три правительства договорятся о начале военных переговоров и о том, как это объявить общественности.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français, 2 serie. T. XVII, P. 469-471.

497. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Великобритании Ш. Корбену

24 июля 1939 г.

Я передал вам телеграммы № 744—751, в которых Наджиар приводит отчет о своей вчерашней беседе с Молотовым {{* [См. док. 496.](#)}}. Из этой встречи вытекает более благоприятное впечатление о намерениях советских руководителей. Из отчета Наджиара следует, что именно Молотов по поручению своего правительства выступил инициатором предложения незамедлительно начать военные переговоры. Настойчивость, с которой народный комиссар подчеркнул срочность и необходимость этих переговоров, совпадает со взглядами, которые я Вам неоднократно излагал. Уже в моей телеграмме № 1442 указывалось, что французское правительство готово не откладывая начать военные переговоры и незамедлительно направить в Москву высокого военного представителя.

Итак, я считаю, что следует, как это рекомендуют оба посла, немедленно принять предложение Молотова и что психологический выигрыш, который мы можем от этого получить, в значительной степени зависит от быстроты нашего согласия. Что касается французского правительства, то оно уже приняло необходимые меры, с тем чтобы армейский генерал, член Высшего военного совета, которому оно собирается поручить эту миссию, смог незамедлительно направиться в Москву. Просил бы Вас убедиться, что британское правительство готово действовать таким же образом. Я был бы очень заинтересован в том, чтобы Наджиар и сэр Уильям Сидс были способны как можно скорее сообщить Молотову общее решение двух правительств.

Печат, по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 471-472.

498. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

24 июля 1939 г.

После того как возбуждение, вызванное данцигским кризисом в конце недели, улеглось, наступило всеобщее успокоение, давшее возможность руководящим деятелям сосредоточить свое внимание на центральном вопросе: повлечет ли за собой войну напряженность германо-английских отношений, или же можно достигнуть

соглашения мирным путем? Среди ответственных и безответственных, алчущих войны и трезвых политиков господствует единомыслие относительно того, что крайнее напряжение, существовавшее в течение ряда месяцев, дольше продолжаться не может. В то время как пресса и большая часть политических деятелей не идут дальше фатализма или воинственного разглагольствования, немногие действительно решающие государственные деятели Англии глубже продумали и еще более конкретизировали

упомянутые в моем донесении от 24 июня 1939 г. соображения о конструктивной политике в отношении Германии ¹³⁷. Указанные в этом донесении внешнеполитические и внутривнутриполитические тенденции — напряженность отношений с Японией, приостановка переговоров о пакте с Россией, сомнения в дееспособности польского союзника, тактические предвыборные соображения — продолжали оказывать тем временем свое действие и усиливали конструктивные тенденции.

Общие соображения, каким образом можно вступить на мирный путь урегулирования отношений с Германией, воплотились, по-видимому, в ряд конкретных пунктов, которые все вместе и одновременно могли бы быть подвергнуты обсуждению. В настоящее время разрабатывается обширная экономическая программа на основе политического умиротворения, которая посредством широко охватывающей формулы должна обеспечить принцип ненападения и разграничения сфер политических интересов; в эту программу будут включены следующие вопросы: колонии, сырье, сферы экономических интересов, договоренность о сотрудничестве на рынках третьих стран. Само собой разумеется, что в программу включается также пункт об ограничении вооружений, что представляет для англичан наибольший интерес. Более точные сведения об этих планах руководящих кругов может дать штаатсрат Вольтат, который во время своего пребывания в Лондоне вел на прошлой неделе, по английской инициативе, обстоятельные беседы об этих планах {{* [См. док. 499.](#)}}.

Для сторонников этих планов наиболее головоломным является вопрос, как приступить к осуществлению этих переговоров. Общественное мнение настолько возбуждено, а поджигатели войны и интриганы настолько взяли сейчас верх, что опубликование сообщения о подобных планах ведения переговоров с Германией было бы немедленно взято под смертоносный огонь Черчиллем или другими подстрекателями, которые тотчас же выступили бы с лозунгом: «Долой второй Мюнхен» или «Долой возврат к политике умиротворения». Насколько деятельна и опасна эта группа, показало опубликование факта конфиденциальных переговоров между Вольтатом (сэр Горас Вильсон и Вольтат) и министром внешней торговли Хадсоном; добавочная отравка была распространена опубликованием совершенно фантастической и лживой программы переговоров. То, что «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл» возглавляют эту кампанию травли, ясно показывает, кто именно заправляет ею из-за кулис.

Лица, занятые выработкой программы переговоров, понимают поэтому, что подготовительные шаги, направленные в сторону сближения с Германией, должны быть сделаны самым секретным образом. Лишь после того как будет установлена готовность Германии вести такие переговоры и будет достигнуто единомыслие, по крайней мере в отношении программы, а может быть и в отношении отдельных общих принципов, — лишь тогда английское правительство почувствовало бы себя достаточно сильным, чтобы осведомить общественное мнение о своих намерениях и о сделанных уже шагах. И если оно сможет таким путем подать надежду на урегулирование германо-английских отношений, то, по его убеждению, такое сообщение будет встречено общественностью с большой радостью и заставит замолчать всех интриганов.

От осуществления подобного плана ожидают так много, что даже считают его весьма эффективным избирательным лозунгом, который обеспечит правительственным партиям победу на осенних выборах и сохранит за ними власть на следующие пять лет. Однако среди избирательных загонщиков утвердилось убеждение, что победы на выборах можно наверняка добиться и с помощью противоположного лозунга: «Подготовка к будущей войне», если не будет никаких надежд договориться с Германией.

Эта констатация означает вместе с тем, что ограниченность времени оказывает известное давление на принятие принципиального решения о начале переговоров с Германией и на достижение принципиального согласия. Так как выборы, по-видимому, будут происходить в ноябре, а организационная подготовка их потребует около шести недель, то английская сторона должна будет попытаться покончить с германским вопросом не позднее конца сентября. В отношении сроков имеется налицо некоторый оптимизм, так как полагают, что и германская сторона, при принципиальном согласии вступить в переговоры, должна стремиться к ускорению дела ввиду предстоящего партайтага {{* Съезд нацистской партии.}} в Нюрнберге.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что германо-польская проблема нашла место в планах урегулирования отношений с Германией в том смысле, что, как полагают, в случае достижения соглашения между Германией и Англией разрешение польской проблемы значительно облегчится, так как более спокойная атмосфера облегчила бы ведение переговоров и заинтересованность Англии в Польше уменьшилась бы.

Изложенные выше планы авторитетных английских государственных деятелей могут показаться утопичными в свете разнузданного тона высказываний английской прессы и политических деятелей и наряду с политикой окружения, которая продолжает проводиться, хотя и не с прежним воодушевлением. Однако эти планы приобретают известную реальность, если учесть незначительность влияния английской германофобской печати и отдать себе, кроме того, отчет в том, что достижение соглашения с Германией является для Англии все еще самой важной и желанной целью, в противоположность другой альтернативе — войне, которая велась бы с величайшей неохотой, но возникновение которой считают неизбежным, если не будет достигнуто соглашения с Германией.

фон Дирксен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 146 — 149. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D. Bd. VI. S. 815-817.

499. Записка сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии К. Вольтата

24 июля 1939 г.

Запись бесед с сэром Горасом Вильсоном (18 июля с 15 час. 15 мин. до 16 час. 30 мин. и 21 июля с 13 час. до 13 час. 30 мин.), с сэром Джозефом Боллом (20 июля с 18 час. 30 мин. до 19 час. 30 мин.) и с г. Хадсоном (20 июля с 17 час. 30 мин. до 18 час. 30 мин.)¹⁴¹.

Все беседы были проведены по инициативе англичан и с ведома посла Дирксена.

Мы вернулись к беседе, которая имела место между сэром Горасом, сэром Джозефом Боллом и мной в начале июня у герцога Вестминстерского. Я рассказал сэру Горасу о моих впечатлениях по возвращении в Берлин из моей четырехнедельной поездки в Испанию. По моему мнению, сказал я, атмосфера в отношениях между Берлином и Лондоном значительно ухудшилась. Во всей политике Англии, в том числе и в ее переговорах с Россией, находит выражение ее стремление объединить все силы против Германии. Это обстоятельство в решающей мере влияет на то, как положение оценивается

в Берлине. Влиятельные круги рассматривают фактическую политику Англии как новую попытку окружения; напротив, в речах Галифакса и Чемберлена в необязывающих их выражениях заявляется о готовности к переговорам. Кампания в печати затрудняет в настоящее время серьезное изучение и трезвый подход к проблемам.

По моему впечатлению, ухудшились как германо-польские, так и германо-английские отношения. Поляки сделали заявления, которые осложняют возвращение Данцига рейху и которые практически сводят возможности переговоров чуть ли не к обсуждению таможенных вопросов. Однако и заявления английской стороны также сузили возможность проведения переговоров о Данциге.

Я сказал далее, что, хотя прочел не все соответствующие речи, я слышал все же от авторитетного источника, что Чемберлен в своем последнем заявлении охарактеризовал статус Данцига как справедливый. Говорят, что лорд Галифакс снова провозгласил теорию равновесия сил в качестве основы английской внешней политики. Именно этот пункт еще больше затруднит поиски выхода из нынешней ситуации, поскольку Англия в результате взятых на себя обязательств уже не может свободно принимать решения во всех возможных случаях.

Хотя, по моему мнению, фюрер не примет опрометчивых решений в вопросе о Данциге, все же является фактом, что польское правительство никогда бы не смогло действовать так, как оно действовало, если бы его не поддерживало английское правительство и если бы его не провоцировали различного рода подстрекатели. К вопросу о Данциге нужно, однако, подходить реалистически. По мнению немецкой стороны, совершенно недостаточно вести переговоры лишь о статусе вольного города и об улучшении этого статуса.

Сэр Горас выразил удивление по поводу этих замечаний. По его мнению, речи Чемберлена и лорда Галифакса не следует понимать в таком плане. Он вручил мне текст обеих речей. Речь на обеде, устроенном Королевским институтом международных отношений в Чэтэм Хауз, была, по его словам, традиционным выступлением, которое больше носило характер лекции на политику философскую тему. Было выработано несколько проектов этой речи. Он сейчас не может уже точно вспомнить текста последнего проекта. Во всяком случае, то существенное, что, по мнению английской стороны, нужно было сказать, заключалось несколько в ином, а не в подчеркивании возвращения английской политики к теории и практике равновесия сил. Галифакс старался выразить готовность к сотрудничеству и к политике мирного изменения нынешнего положения, постольку поскольку Германия желает таких изменений и если в ходе переговоров с Англией можно достичь какого-то единого мнения в этом вопросе.

Сэр Горас в очень приятных выражениях сказал мне, что хотел бы по-дружески переговорить со мной как со своим коллегой. Мы оба, заявил он, заинтересованы в том, чтобы какие-либо не поддающиеся контролю факторы, вытекающие из мощного процесса нарастания сил, не привели к военному столкновению, которое переросло бы масштабы вопроса о Восточной Европе и вылилось бы в новое принципиальное столкновение между группами, руководимыми Германией и Англией. Мы оба придерживаемся интересов наших правительств, которые заключаются в том, чтобы были сохранены установившиеся формы правления и чтобы современная цивилизация не оказалась ввергнутой в величайший кризис вследствие такого столкновения. По его мнению, если бы такая катастрофа все-таки произошла, то мы оба хотели бы ответить перед своей совестью, что мы сделали все от нас зависящее, чтобы путем объективной информации и практическими советами нашим правительствам содействовать мирному решению вопроса.

Сэр Горас обратил внимание на то, что в сентябре 1938 г. в Мюнхене у некоторых лиц сложилось впечатление, что Англия не готова к борьбе. Вследствие этого возникла необходимость довести до сознания населения всю серьезность положения. В первую очередь нажим на правительство оказала оппозиция, поскольку сочли, что причиной поведения Англии в Мюнхене была недостаточная готовность Англии в области вооружений. Если в то время в угрожающем случае дело и могло обстоять таким образом, то в настоящее время положение совершенно иное. Английская авиация и военно-морской флот были чрезвычайно усилены. В наши дни в военном отношении Англия находится в состоянии полной готовности, в Лондоне достаточно, так сказать, лишь нажать кнопку, и военная промышленность заработает на полную мощность. Английские обязательства и гарантии тоже нужно рассматривать с учетом того, что после 15 марта Англия вынуждена серьезно относиться к делу. Дело сводилось к процессу укрепления английских позиций, что к настоящему времени закончено. Не вызывает сомнений, что боевой дух и готовность населения к войне с Германией поднялись значительно выше, чем это получает отражение в спокойной позиции, занятой правительством.

Сэр Горас, вероятно, подготовил для нашей беседы меморандум, который он велел принести своему секретарю и который начинался словами: «Предполагая, что...» Этот меморандум, очевидно, содержал одобренные Невилем Чемберленом пункты, которые подлежали обсуждению между германским и английским правительствами. Эти пункты были выставлены им в качестве предмета переговоров в связи с речью фюрера от 28 апреля.

Сэр Горас придерживается мнения, что переговоры следует проводить тайно. Пока переговоры должны проходить только между Англией и Германией; Францию и Италию следует привлечь лишь позднее. Оба правительства могли бы договориться о том чтобы в известный момент информировать дружественные державы. Сэр Горас заявил, что Великобритания желает говорить с Германией как с равноправным партнером. В ходе переговоров следовало бы установить контакт между самыми высокопоставленными лицами. Кроме того, в англо-германских соглашениях и заявлениях следует всячески выразить волю к сотрудничеству. Результатом переговоров должны явиться соглашения, в которых будут изложены основные линии совместной англо-германской политики, которые необходимо будет разработать в отдельных договорах в процессе осуществления дальнейшего постоянного сотрудничества.

Как и в прежних беседах, сэр Горас просил меня назвать пункты, которые, по мнению фюрера, можно было бы обсудить между обоими правительствами. Я сказал ему, что мы можем говорить только в личном плане, и предложил обсудить его меморандум. Он спросил, когда я снова приеду в Лондон. Я сказал, что у меня нет поручения, с которым бы я мог в ближайшем будущем приехать в Лондон. Он попросил о том, чтобы я изложил пункты немецкой стороны на доступном для англичан языке и в доступной для них форме. Он сказал, что, возможно, он слишком оптимистично смотрит на вещи, а решение вопроса, которое он считает возможным, некоторым наблюдателям представляется в нынешней ситуации нереальным. Однако у него была возможность наблюдать фюрера, и он верит, что фюрер как государственный деятель, выступающий за мир, способен на еще большие достижения, чем те, которых он уже добился в деле строительства Великой Германии. Он верит, что фюрер стремится избежать возникновения войны из-за вопроса о Данциге. Когда великогерманская политика начинает приближаться к выполнению своих последних требований в том, что касается ее территориальных претензий, то фюрер в связи с этим мог бы вместе с Англией найти такое решение, которое позволило бы ему войти в историю в качестве одного из величайших государственных деятелей и которое привело бы к повороту в мировом общественном мнении.

Сэр Горас сказал, что если я интересуюсь конкретной формулировкой позиции английского правительства, то он может обещать, что уже сегодня или завтра мне будет изложено ответственное заявление премьер-министра. Конечно, важно решить, какой путь окажется наилучшим для таких переговоров. Как полагают англичане, не следует допускать, чтобы о переговорах узнали те лица, которые в принципе враждебно относятся к установлению взаимопонимания. В данной ситуации речь может идти не о политическом маневре, а об осуществлении одной из самых крупных политических комбинаций, о которых вообще только можно подумать. Все же английское правительство не хотело бы создать впечатления, будто оно при всех обстоятельствах стремится к переговорам. Если никакое иное решение невозможно, то Англия и Британская империя готовы в настоящее время к военному столкновению и встретят его, исполненные решимости. Учитывая образ мышления в некоторых кругах, он считает до чрезвычайности важным, чтобы не возникло ложного впечатления ни о готовности Англии к миру, ни о ее готовности к войне.

ПРОГРАММА ГЕРМАНО-АНГЛИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (СЭР ГОРАС В.)

А. Политические вопросы

1. Совместное германо-английское заявление о том, что обе страны не будут прибегать к нападению с применением силы как к средству международной политики (Joint Anglo-German declaration not to use aggression). При этом речь должна идти не о «пакте о ненападении» между обеими странами, а об общем провозглашении политического принципа, в соответствии с которым обе страны отказываются от использования нападения с применением силы как средства политики. Сэр Горас придерживается при этом мнения, что такое заявление сделало бы беспредметными гарантии Англии по отношению к Польше и Румынии, так как, сделав такое заявление, Германия уже не совершила бы нападения на эти государства, а поэтому эти государства не могли бы уже больше считать, что Германия угрожает их национальному существованию.

2. Заявление о взаимном невмешательстве (non-interference) Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии.

Я подчеркнул, что в данном случае речь идет не только о границах государств и владений, но и о территориях, являющихся сферами особых интересов и экономического влияния. Что касается Германии, то для нее это, в частности, распространяется на Восточную и Юго-Восточную Европу. Сэр Горас ответил, что этот пункт нуждается в особо тщательной политической формулировке и что политическое определение, вероятно, лучше всего сделать после изучения экономических интересов Германии. Англия заинтересована только в том, чтобы сохранить свое участие в европейских делах.

Примечание:

С помощью принципиальных заявлений, - указанных в п. 1 и п. 2, англичане, видимо, хотят создать новую платформу Для рассмотрения вопросов, возникающих между Германией и Польшей. После установления взаимопонимания на широкой основе между Германией и Англией для последней вопрос о Данциге играл бы Уже второстепенную роль.

3. Колониальный вопрос и мандаты. Германо-английское заявление о принципиальном пересмотре соответствующих положений Версальского договора.

Поскольку и другие государства, помимо Великобритании, имеют подмандатные территории, в числе которых находятся большие германские колонии, заявление английской стороны послужило бы исходным пунктом для того, чтобы поднять вопрос о колониях в целом. Члены кабинета время от времени обсуждали планы практического решения колониального вопроса, один из которых рассматривается в рубрике «В. Экономические вопросы».

Б. Военные вопросы

Германо-английское заявление об ограничении вооружений совместной политике по отношению к третьим странам.

1. Соглашение о военно-морском флоте.
2. Соглашение о военно-воздушных силах.
3. Соглашение о сухопутных силах.

За основу соглашения о военно-морском флоте было бы целесообразно взять опыт заключения прежнего соглашения.

В соглашениях о военно-воздушных и сухопутных силах следует учесть особые стратегические и военные условия Британской империи и особое стратегическое положение Уеликогерманского рейха в Центральной Европе.

Германо-английские соглашения должны быть увязаны с существующими и подлежащими заключению соглашениями с третьими странами.

В. Экономические вопросы

1. Германо-английское заявление о совместной политике в области снабжения обеих стран сырьем и продовольствием и соглашения о вывозе германской и английской промышленной продукции на главные рынки.

Примечание:

Если было бы желательным установление германо-английского сотрудничества во всех областях, то, поскольку мне известны взгляды видных английских политиков, я считаю возможным обеспечить сотрудничество между двумя крупнейшими промышленными нациями Европы на длительный период.

Благодаря правильному развитию великих народнохозяйственных сил, которые под руководством Германии и Англии в результате сотрудничества между обоими правительствами могли бы развернуться в Европе и во всем мире, был бы достигнут небывалый экономический подъем и дальнейший рост жизненного уровня народов, что будет иметь определяющее значение в индустриальную эпоху. Планомерное германо-английское сотрудничество распространялось бы прежде всего на экономическое развитие трех крупных рынков:

Британская империя (в частности, Индия, Южная Африка, Канада, Австралия);

Китай (в сотрудничестве с Японией);

Россия (в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом).

Германо-английское сотрудничество, которое на обозримый период времени обеспечило бы мир, открывает для всех сил труда и капитала новые неограниченные возможности, учитывая технический уровень современной промышленности.

Осуществление этих планов помогло бы избежать опасности безработицы при переходе промышленного производства от выпуска военной продукции к выпуску предметов широкого потребления. В рамках германо-английского сотрудничества оказалось бы возможным провести финансирование перестройки германской и английской промышленности. Широкое германо-английское сотрудничество в деле планирования экономики создало бы также возможность для долгосрочного финансирования крупнейших промышленных проектов и проектов по разработке сырья в других частях света.

2. Колониальные вопросы

В связи с германо-английским экономическим сотрудничеством г. Хадсон изложил план создания колониального кондоминиума в Африке. В основу этого плана положена идея совместного освоения Африки европейскими колониальными державами. Речь пошла бы о широких, связанных между собою территориях, охватывающих самые крупные области тропической и субтропической Африки. Сюда могли бы войти Того, Нигерия, Камерун, Конго, Кения, Танганьика (Немецкая Восточная Африка), Португальская и Испанская Западная и Восточная Африка, Северная Родезия. На этих территориях можно было бы по единой системе организовать разработку сырья и производство продовольствия, осуществить капиталовложения и вести внешнюю торговлю, упорядочить валюту и транспортную сеть, административное управление, а также военный и полицейский контроль.

Судя по заявлению сэра Гораса Вильсона, возможны также и другие практические решения колониального вопроса.

Г-н Хадсон сказал далее, что он не может официально выступать за установление взаимопонимания между английскими и германскими промышленными кругами, но поддержит любое практическое урегулирование, о котором ему станет известно. Конечно, Англия стремится выиграть следующую войну, однако он посчитал бы себя глупцом, если бы его желанием было говорить со мной не в данный момент, а на мирной конференции. После войны нынешние проблемы стали бы для всех участников значительно сложнее, чем в наши дни.

3. Совместное германо-английское заявление о соотношении между валютами обеих стран на основе международного урегулирования германских долгов. Кредиты германскому Рейхсбанку. Восстановление связи между европейскими рынками капитала. Урегулирование валютного вопроса и вопроса о долгах Юго-Восточной Европы под главенством берлинского рынка. Приспособление оговорки о принципе наибольшего благоприятствования к особым условиям производства европейских аграрных стран.

Достижение договоренности между Англией и Германией об объеме английских вложений на рынках, находящихся в сфере особых экономических интересов великогерманского рейха в Восточной и Юго-Восточной Европе.

По вопросу о времени проведения переговоров я хотел бы указать на то, что премьер-министр как лидер консервативной партии до середины сентября должен принять решение, с какой программой ему нужно выступить на выборах, которые, по доверительному сообщению сэра Джозефа Болла, рассчитывают назначить на 14 ноября. Сэр Джозеф Болл рассчитывает, что в результате выборов Невиль Чемберлен и консервативная партия останутся у власти на дальнейшие пять лет.

Прощаясь, сэр Горас Вильсон сказал, что считает возможным проведение совместной внешнеторговой политики обоими крупнейшими индустриальными государствами Европы. Германия и Англия, выступая поодиночке в конкурентной борьбе против всех промышленных государств, не могут и отдаленно добиться такого большого экономического подъема, который станет возможным при планомерно организованном сотрудничестве между ними.

Сэр Горас сказал: если фюрер даст согласие на переговоры, то это будет рассматриваться как признак восстановления доверия.

Прошу указаний, могу ли я и в какой форме дать ответ сэру Горасу.

Вольтат

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 508 — 515. Оpubл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 823-828.

500. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 июля 1939 г.

1) Сегодня Галифакс, рассказав мне о последнем московском заседании (23 июля), сообщил, что британское правительство принимает советское предложение начать теперь же военные переговоры, не дожидаясь окончания политических переговоров. Английская военная миссия сможет выехать в Москву примерно через 7 — 10 дней. Состав ее пока еще не определен.

Далее Галифакс стал говорить о том, что, поскольку британское правительство пошло нам навстречу в вопросе об одновременном вступлении в силу пакта и военной конвенции, он очень надеется, что мы пойдем британскому правительству навстречу в единственном еще оставшемся спорном вопросе — о косвенной агрессии. По утверждению Галифакса, английская формула покрывает случаи агрессии чехословацкого типа. Все, что выходит за пределы такого случая, должно служить предметом консультации. Галифакс просит нас удовлетвориться этим. [...]

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 168. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 515-516.

501. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 июля 1939 г.

Правильность нашей позиции в переговорах стала для всех особенно явственной в свете переговоров Хадсон — Вольтат {{* [См. док. 489, 498, 499.](#)}} и капитулянтского англо-японского соглашения {{** [См. док. 495.](#)}}. Среди французов оба эти факта вызвали необычайную тревогу, заглушаемую в прессе дирижерской палочкой сверху. Всякий честный сторонник соглашения с нами спрашивает себя, какое доверие Москва может иметь к переговорам, когда в момент переговоров находится мост к соглашению с Германией, а во время военного конфликта между СССР и Японией делаются позорные авансы Японии. Левых немало волнует и тот бесспорный факт, что так громко провозглашающийся лозунг борьбы с германским шпионажем и коррупцией начинает здесь превращаться в борьбу с коммунистической партией и с «агентами Москвы». Это не усиливает доверия к искренности желания сотрудничать с нами.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 192. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 516.

502. Телеграмма военно-морского атташе СССР в Японии А. С. Ковалева в Генеральный штаб РККА

25 июля 1939 г.

За последнее время участились выступления адмиралов против СССР. 26 июня командование Оминато {{{ Японская военно-морская база.}}} выступило с некоторыми угрозами по адресу СССР. 20 июля с угрозами против СССР выступил Канадзава. 24 июля командование Оминато в более резких выражениях повторило свою угрозу от 26 июня. В этот день выступил Ионаи, заявивший, что против незаконного давления советских властей будут приняты решительные меры.

Выступления адмиралов преднамеренно были приурочены к смотру императором 21 июля кораблей соединенной эскадры вблизи Токио и соответствовали новым инструкциям центра командованию Квантунской армии — продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буир-Нура. Адмиралы выступают под Давлением квантунского командования. Распространяемая ложная информация о «победах» у Буир-Нура и притеснениях японцев на концессиях преследует цель внушить общественному мнению Японии мысль о слабости наших вооруженных сил и необходимости вооруженного выступления против СССР на земле и на море. В свете этого служба охраны Владивостока, Камчатки и Сахалина должна быть усилена.

Л. Ковалев

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 516-517.

503. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики министерства иностранных дел Германии К. Ю. Шнурре

26 июля 1939 г.

Помимо того что отмечено в общем дневнике, Шнурре развивал следующие мысли по вопросу об улучшении германо-советских отношений.

Руководители германской политики исполнены самого серьезного намерения нормализовать и улучшить эти отношения. Фразу Вайцеккера о «лавке, в которой много товаров» {{ * [См. док. 384.](#) }} надо понимать в том смысле, что Германия готова предложить СССР на выбор все что угодно — от политического сближения и дружбы вплоть до открытой вражды. Германия открывает дверь для разговоров на эту тему. Понимая, что сейчас все державы стоят на распутье, определяя, на какую сторону стать, Германия не желает, чтобы создалось представление, будто она не исчерпала возможностей сблизиться с СССР в столь решающий момент. Она дает СССР эту возможность, но, к сожалению, СССР на это не реагирует.

Вайцеккеру мы ничего не ответили, Шуленбург, беседуя с Молотовым {{** [См. док. 442.](#)}}, также не получил от последнего определенного ответа. Между тем он конкретно ставил вопрос, предлагая, например, продление или освежение советско-германского политического договора, который, если в него вчитаться, предоставляет большие возможности для сближения.

Я спросил Шнурре, вполне ли он уверен, что все вышесказанное является не только его личной точкой зрения, но отражает также настроения высших сфер.

Неужели Вы думаете, ответил он, что я стал бы говорить Вам все это, не имея на это прямых указаний свыше? Далее он подчеркнул, что именно такой точки зрения держится Риббентроп, который в точности знает мысли фюрера.

На мое замечание, что у нас нет уверенности в том, что намечаемое изменение германской политики носит серьезный, неконъюнктурный характер и рассчитано надолго вперед, Ш[нурре] ответил:

— Скажите, каких доказательств Вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии. Мы не представляем себе, чтобы СССР было выгодно стать на сторону Англии и Польши, в то время как есть полная возможность договориться с нами. Если у Советского правительства есть желание серьезно говорить на эту тему, то подобное заявление Вы сможете услышать не только от меня, а от гораздо более высокопоставленных лиц. Я лично был бы очень рад, если бы мне удалось поехать в Москву, где смог бы развить эти мысли в беседе с вашими руководителями.

В ответ на мое упоминание о германской экспансии в Прибалтику и Румынию Ш[нурре] сказал:

— Наша деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком

навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто откажемся (исключая части, входившие ранее в состав Австро-Венгрии, относительно которых положение неясно). Еще легче было бы договориться относительно Польши... {{ * Многозначие в документе. }}

Чувствуя, что беседа начинает заходить слишком далеко, я перевел ее на более общие темы, заговорив о германских aspirations на Украину и вообще Россию, изложенных в «Майн кампф», где Англия мыслится как союзник Германии.

— Фюрер не отличается упрямством, но прекрасно учитывает все изменения в мировой обстановке. Книга была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас — Англия. В частности, совершенно новая ситуация в Восточной Европе создавалась в результате краха германо-польской дружбы. Эта «дружба», и ранее бывшая крайне непопулярной в народе, рассыпалась в течение буквально суток. От Данцига мы не откажемся — это можно усмотреть хотя бы из «Майн кампф».

— Ну, а если Польша, скажем, уступит Данциг? Ведь тогда «дружба» может возобновиться и, следовательно, политика в отношении СССР снова изменится в худшую сторону?

— Этого не будет. Восстановиться германо-польские отношения уже не могут. Они расстроились непоправимо.

Я спросил Шнурре, почему он считает невозможным восстановление дружбы между Германией и Англией.

— Потому что Англия никогда не согласится уступить нам ни клочка из своих богатств, никогда не согласится вернуть нам отобранные у нас колонии.

Далее Шнурре в качестве примера изменчивости внешней политики за последнее десятилетие привел в пример Италию.

— Уже после прихода Гитлера к власти Муссолини произносил резкие речи против Германии, утверждал, что, по сравнению с итальянцами, мы — варвары. Работая в Венгрии, я особенно отчетливо видел, как энергично дипломатия Муссолини работала против Германии. Но прошло несколько лет — и создалась «ось». Мы считаем, что СССР и сейчас может стать на путь сближения с Германией и Италией, подобно тому как это имело место в так называемый рапалльский период ¹⁰¹. Этому способствует и то обстоятельство, что Германия и Италия хотя и боролись с коммунизмом, но настроены антикапиталистически, стремясь всячески ограничить влияние крупных концернов и фирм, поставив их на службу интересам народа, общества. Наши крупные капиталисты потеряли влияние. Вы можете убедиться в этом, поговорив с любым директором «Сименса», «ИГ Ф[арбен] индустри» и вообще любого крупного предприятия.

Уклонившись от дискуссии на эту тему, я затронул вопрос о Японии, сказав, что мне не вполне ясно, почему Германия пошла на дружбу с Японией, несмотря на то что Китай имеет емкий рынок и огромные запасы необходимого Германии сырья, в то время как дружба с Японией, так же как и с Италией, ничего экономически ценного Германии не даст.

На это Шнурре ответил очень неохотно, как бы давая понять, что мой вопрос попал в больное место.

— Дружба с Японией — факт. Но мы считаем, что это не является препятствием для установления дружественных отношений между СССР и Германией. К тому же нам кажется, что отношения между СССР и Японией также могут измениться к лучшему.

В дальнейшем Шнурре повторял в разных вариациях прежние доводы о желательности сближения СССР и Германии, о необходимости начать разговоры на эту тему, поскольку момент сейчас для этого исключительно благоприятный и упущенная ситуация может не повториться. На мои замечания о том, что эти мысли мне приходилось затрагивать в разговорах с германскими деятелями ранее, в течение первых двух лет своего пребывания в Германии, но тогда они ни малейшего сочувственного резонанса не находили, Шнурре не нашел другого ответа, кроме:

— Но теперь вы видите сами, что сочувственный резонанс с нашей стороны обеспечен. Наоборот, сейчас мы не находим резонанса у вас.

Я сказал, что всю беседу не премину подробно сообщить в Москву, но предупредил, что все мысли, развивавшиеся Шнурре, настолько новы и необычны в устах германского официального лица, что я не могу с уверенностью сказать, что в Москве отнесутся к ним вполне серьезно. Память об открыто враждебной политике, проводившейся и провозглашавшейся Германией в отношении нас еще несколько месяцев тому назад, настолько свежа, что обнадеживать Шнурре я не решаюсь. Но, разумеется, я передам эту беседу в Москву возможно более полно и точно и не сомневаюсь в том, что она, как и все предыдущие беседы на эту тему, не пройдет бесследно, хотя придавать ей решающее значение я не могу.

Шнурре удовольствовался этим, прося сообщить, если из Москвы поступят какие-либо конкретные указания на этот счет, с тем чтобы можно было возобновить беседу в более определенных формах.

Г. Астахов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 59, л. 191 — 195.

504. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину

27 июля 1939 г. {{ Получено в НКВД СССР 31 июля 1939 г. }}*

Глубокоуважаемый Владимир Петрович,

1. В этой почте Вы найдете записи моих бесед со Шнурре {{** [См. док. 494, 503.](#) }}, в которых последний, помимо постановки тех или иных конкретных вопросов, всячески пытается уговорить нас пойти на обмен мнениями по общим вопросам советско-германского сближения. При этом он ссылается на Риббентропа как инициатора подобной постановки вопроса, которую будто бы разделяет и Гитлер. Как Вы помните, примерно то же, но в более осторожной и сдержанной форме, мне говорили Вайцеккер и Шуленбург {{*** [См. док. 384, 413.](#) }}.

Мотивы подобной тактики немцев ясны, и мне вряд ли стоит подробно останавливаться на этом. Не берусь я также и формулировать какое-либо свое мнение по этому вопросу, так как для этого надо быть в курсе деталей и перспектив наших переговоров с Англией и Францией (о каковых мне известно лишь из газет). Во всяком случае, я мог бы отметить, что стремление немцев улучшить отношения с нами носит достаточно упорный характер и подтверждается полным прекращением газетной и прочей кампании против нас. Я не сомневаюсь, что если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам. Какова была бы цена этим заверениям и на сколь долгий срок сохранили бы они свою силу, это, разумеется, вопрос другой.

Во всяком случае эту готовность немцев разговаривать об улучшении отношений надо учитывать и, быть может, следовало бы несколько подогреть их, чтобы сохранять в своих руках козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться. С этой точки зрения было бы, быть может, нелишним сказать им что-либо, поставить им ряд каких-нибудь вопросов, чтобы не упускать нити, которую они дают нам в руки и которая, при осторожном обращении с нею, нам вряд ли может повредить.

2. Прошу подготовить ответ, который придется дать в связи с предстоящим приглашением на нюрнбергский съезд {{* Речь идет о намечавшемся очередном съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге. В связи с начавшейся войной съезд не состоялся.}}. Приглашение можно ждать через одну-полторы недели. Раньше мы отказывались «под благовидным предлогом». Будем ли мы продолжать эту тактику теперь, когда выступлений против нас и травли ожидать не приходится (если, конечно, обстановка к тому времени не изменится) ?

С одной стороны, присутствие на съезде имеет большое информационное значение и дает большие возможности контакта, установления связей и проведения разъяснительной работы среди немцев и иностранных дипломатов. С другой стороны, наше появление впервые за все время существования режима вызовет, конечно, немало толков в англо-французской печати. Вам предстоит решить, что нам важнее.

3. Очень прошу Вас повлиять на Управление делами в смысле разрешения ряда поставленных нами вопросов, задержка которых крайне вредно отражается на работе и на всей атмосфере полпредства. Не утруждаю Вас пока их перечнем, т. к. Управлению делами они известны, и к тому же о некоторых я сообщал телеграфно.

С товарищеским приветом

Г. Астахов

АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 8, л. 122-123.

505. Сообщение ТАСС «Японская провокация продолжается»

27 июля 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, в течение 23—25 июля японо-маньчжурские войска неоднократно пытались атаковать и захватить позиции монголо-

советских войск к востоку от реки Халхин-Гол. Эти попытки с большими потерями для японо-маньчжур неизменно отражались монголо-советскими войсками.

Советско-монгольские войска прочно занимают прежние позиции на восточном берегу реки Халхин-Гол.

Кроме столкновения наземных войск имели место за эти дни также столкновения авиации.

В результате воздушных боев за 23 июля японская авиация потеряла 15 истребителей, 2 бомбардировщика, 2 разведчика и 1 аэростат, корректировавший огонь японской артиллерии. После этих боев на аэродромы монголо-советской авиации не вернулось 5 самолетов. В этот же день был сбит и захвачен в плен командир легкобомбардировочного японского авиационного отряда полковник Коваро, по показаниям которого подтверждается, что японцы в районе боевых действий сосредоточили крупные силы авиации за счет переброски из Чанчуна, Харбина, Сипингая, Хайлара и других районов.

Воздушные бои происходили также 24 и 25 июля. Столкновения, начинавшиеся с встреч небольших групп истребителей, как правило, разрастались в крупные воздушные сражения. В результате воздушных схваток за 24 июля японцы потеряли 34 истребителя, 2 бомбардировщика и 1 аэростат. На аэродромы монголо-советской авиации не вернулось 9 самолетов.

За 25 июля было сбито 19 японских самолетов и сожжен 1 аэростат. На аэродромы монголо-советской авиации не вернулось 6 самолетов.

Известия. 1939. 27 июля.

506. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

27 июля 1939 г.

1. В ходе беседы 27-го числа мы довели до сведения Молотова принятое нашими двумя правительствами решение в короткий срок направить в Москву военные делегации с целью ведения переговоров по технической части соглашения. Комиссар по иностранным делам выразил удовлетворение и согласие. Он сказал нам, что лорд Галифакс уже сообщил Майскому о своем решении в этом же духе и указал последнему на срок от 8 до 10 дней. Молотов спросил, собирается ли французское правительство также направить своего эксперта в этот промежуток времени. Я говорил с ним в соответствии с параграфом 2 Вашей телеграммы № 507, при этом с его стороны было отмечено, что срок от 8 до 10 дней его также устраивает. В ответ на нашу просьбу сообщить, есть ли у СССР какие-либо пожелания по поводу специалистов, которых он хотел бы видеть в составе нашей делегации, Молотов сказал, что он в этом полагается на наши два правительства, будучи уверен в компетентности наших экспертов.

В этой связи сообщаю о необходимости подключить к нашей делегации, по крайней мере, одного переводчика с прекрасным знанием русского, но, конечно, не принадлежащего по происхождению или семейным связям к русским кругам (предупредить министерство обороны).

2. Мой коллега в соответствии со своими строгими инструкциями подробно развил вопрос о косвенной агрессии в духе параграфов 2 и 3 Вашей телеграммы № 508—509. Я поддержал его в своих выступлениях. Молотов сказал нам, что его службы изучают компромиссную формулу. Он также желает получить ее от нас. После долгих рассуждений сэра У. Сидса дискуссия на эту тему завершилась новыми обещаниями Молотова занять примирительную позицию и заверением, что вскоре совместно с нами будет возобновлено изучение формулы.

3. Сообщение, направленное в Вашей телеграмме № 525, было передано Молотову, но не для того, чтобы быть предметом согласованной редакции, поскольку британское правительство решило не вступать на этот путь, а для целей, изложенных в параграфе 2 Вашей телеграммы № 523.

4. Комиссар по иностранным делам определил позицию своего правительства на этот счет следующим образом: если на нынешней стадии опубликовать сообщение в духе нашего, надо... {{* Пропуск в расшифровке (*прим. документа*). }} [не] входить в детали нюансов переговоров во избежание недоразумений. Например, пришлось бы уточнить, что определение косвенной агрессии, которое рассматривается как основополагающее, еще не выработано, и даже мы оказались бы вынуждены раскрыть еще более основополагающее значение статьи 6. Это потребовало бы чрезвычайно трудной разработки, очень тонкой работы, которую Советское правительство считает преждевременной. Все станет проще, когда будут начаты военные переговоры.

При поддержке моего коллеги я подчеркнул все соображения в пользу согласованного сообщения. Сэр У. Сидс, лояльности которого мне приятно воздать честь, говорил, так же как и я, в духе Ваших телеграмм № 511, 514, и 524. Сохраняя свои возражения по поводу согласованного сообщения, в котором он стремится видеть проект публично[®] заявления, которого британское правительство хотело добиться от СССР в начале настоящих переговоров, Молотов сказал нам, что он сможет изучить, как официально объявить общественности о военных миссиях в согласованном сообщении, когда эти миссии придут в Москву. Кажется, уточнил он... {{** Пропуск в расшифровке (*прим. документа*). }}}, сам факт их направления, о котором французские и английские пресса и радио уже в течение нескольких дней дают сведения слишком точные, чтобы они не были из верного источника, уже достаточно показателен, чтобы не требовать подчеркивать его в согласованном сообщении.

5. Мой английский коллега занял в этих условиях четкую позицию о необходимости для его правительства ответить на вопросы, которые будут поставлены перед ним в парламенте, и уточнить, что на достигнутой на переговорах по политическим пунктам стадии посылка военной миссии стала теперь возможной. Я также отметил обязанность для нас информировать общественное мнение. В конце концов Молотов, оставаясь на своей точке зрения, отметил, что французское и английское правительства сохраняют за собой право объявить о посылке военной миссии своему парламенту и общественности.

Однако, чтобы быть как можно ближе к взглядам Молотова, мой английский коллега предлагает своему правительству более смягченную редакцию проекта сообщения.

Телеграфирую Вам за следующим номером.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 539—540.

507. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

27 июля 1939 г.

Согласие Великобритании допустить отнесение к общей политике локального инцидента в Тяньцзине ¹³³, посредством которого она признает фактически сложившуюся ситуацию в Китае в пользу Японии, здесь пока еще никак не комментируется в прессе. Но место, предоставленное протестам китайского правительства и неблагоприятным комментариям иностранных газет, особенно американских, свидетельствует о мнении правительства СССР. Принятие требований правительства Токио, происшедшее с таким небольшим разрывом во времени после решительных заявлений, которыми правительство Чемберлена дало понять, что оно не уступит японским угрозам, привносит новый элемент в недоверие, с которым советские власти оценивают подлинные намерения Англии и действительный характер ее программы противодействия агрессии.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 549.

508. Инструкция начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена французской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции

27 июля 1939 г.

Вопрос о морских коммуникациях между европейским Западом и Мурманском должен быть решен совместно с англичанами, поскольку эта акватория входит в зону английского командования; кроме того, исходные базы находятся в Великобритании.

Что касается коммуникаций в Средиземном море, то вопрос связан с проблемой господства в этом районе. Поэтому, во всяком случае на начальной стадии конфликта, эти коммуникации не могут быть надежными.

В отношении воздушных коммуникаций не следует исключать возможности полетов над территорией Германии, но представляется, что регулярные воздушные связи следует организовывать, используя гражданские самолеты с промежуточной посадкой в нейтральных странах Северной Европы.

В связи с вопросом о морских операциях в Балтике представляло бы интерес уточнить возможности русских, которые имеют в этом районе 52 подлодки.

Официально поляки не могут согласиться с принципом вступления (еще в мирное время) русских войск на их территорию в случае конфликта. Но нет сомнения, что при возникновении опасности они согласились бы иметь на своей территории советскую авиацию и, может быть, даже механизированные соединения. Возможность того, что они откроют свои границы для русских войск всех родов, остается маловероятной. Представляется, что румыны в этом вопросе будут также очень сдержанны, а с турками будет легче договориться.

Операция в восточном Средиземноморье должна предусматривать разрешение в возможно кратчайший срок вопроса о Додеканезах. Названная операция должна

осуществляться преимущественно силами турок при поддержке британского флота и союзной авиации, в составе которой следует иметь в виду прежде всего русскую авиацию. В вопросе о получении поддержки русской авиации в отношении Додеканезов вы должны действовать в качестве посредника. Эта поддержка также будет необходима в случае, если не удастся удержать Болгарию на позиции нейтралитета и она будет атакована как турками из Фракии, так и совместными греческими и турецкими силами из района Салоник. Какова могла бы быть помощь СССР в этом случае?

Поставки со стороны России для Польши, Румынии и Турции сырья, продовольствия, вооружения, снаряжения и оборудования будут, очевидно, хорошо приняты названными государствами. Очень желательно, чтобы СССР поставил им то, что Франция и Англия не могут им дать, во всяком случае в ближайшем будущем. Прилагаемая записка содержит сведения по данному вопросу {{* В данном сборнике не публикуется.}}

Турки предусматривают возможность сколько-нибудь серьезных операций в восточном Средиземноморье и на Балканах только в случае, если они не будут чувствовать угрозы со стороны СССР на Кавказе. Вам, несомненно, представится случай довести это до сведения русских и побудить их предпринять необходимую успокаивающую акцию ⁷³.

Гамелен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 157—158.
Опубл. в изд.: Beaufre A. Ze drame de 1940. Paris. 1965. P. 120-121.

509. В Народном комиссариате иностранных дел СССР

28 июля 1939 г.

27 июля В. М. Молотовым были вновь приняты для продолжения переговоров английский посол г-н Сидс, французский посол г-н Наджиар и г-н Стрэнг.

Известия. 1939. 28 июля.

510. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову

28 июля 1939 г.

Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно.

Нарком

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 93.

**511. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова
временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову**

29 июля 1939 г.

Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав {{* [См. док. 504.](#)}}. Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. До недавнего времени немцы занимались тем, что только ругали СССР, не хотели никакого улучшения политических отношений с ним и отказывались от участия в каких-либо конференциях, где представлен СССР. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение. У меня был недавно Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений, но ничего конкретного или внятного не захотел предложить {{** [См. док. 442.](#)}}. Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп. 4, п. 295, д. 2038, л. 94-96.

**512. Телеграмма статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э.
Вайцеккера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену**

31 июля 1939 г.

Вольтат по возвращении в Берлин сделал доклад о своей беседе с сэром Горасом Вильсоном {{* [См. док. 499.](#)}}. Этот доклад был передан генерал-фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел. Он содержит предложение Вильсона о широком англо-германском сотрудничестве, иначе говоря, о соглашении политического, военного и экономического характера. Эти предложения рассматриваются, по-видимому, английской стороной как официальный зондаж. Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивающегося вопроса, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой. Как уже указано в предыдущей телеграмме, рейхсминистр иностранных дел просит сообщить по телеграфу о содержании переговоров с Вольтатом, а также о вашем отношении к ним.

Вайцеккер

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 160.
Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 864.

**513. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел
Франции Ж. Бонне**

31 июля 1939 г.

Предложения Хадсона («соглашение между основными европейскими державами по извлечению пользы из районов мира, представляющих интерес для предприимчивых народов») были в Германии отклонены. Нужно было совершенно не знать доктрину, которой пронизана вся жизнь Гитлера, чтобы полагать, что он будет прельщен предложением, которое в его глазах является проявлением моральной слабости и менталитета деловых людей, которых он презирает.

Ввиду этого усилятся его надежды осуществить с меньшим сопротивлением, чем в 1938 г. или в марте 1939 г., третий этап своей программы господства.

С другой стороны, надо опасаться, как бы немецкая пропаганда не начала использовать против нас в упомянутых Хадсоном странах угрозу, которая, как он говорил, нависла над Китаем, Россией, Бельгией и Южной Америкой.

Что касается СССР, трудно понять, как британский министр, имеющий опыт дипломатической и парламентской карьеры, опыт крупных дел, побывавший в Москве весной с официальной миссией, счел возможным делать без мандата подобные предложения Германии в тот момент, когда кабинет, членом которого он является, решает вопрос о направлении миссии экспертов в Москву в целях заключения военной конвенции. В этих условиях мы не должны удивляться недоверию со стороны советских участников переговоров.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 607.

514. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

1 августа 1939 г.

Военный, военно-воздушный и военно-морской атташе единодушно отмечают поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров с представителями советских вооруженных сил. Нельзя отделаться от впечатления, что с английской стороны переговоры ведутся, главным образом, с той целью, чтобы получить наконец представление о действительной боевой мощи советских вооруженных сил. Имеющиеся до сих пор у англичан немногочисленные данные не исключают возможности того, что доклад военной делегации, которая должна быть послана в Москву, будет негативным.

Это впечатление усиливается благодаря ставшему сегодня известным составу английской военной делегации. Ни один из трех представителей видов вооруженных сил не имеет подготовки, которая дала бы ему возможность вести переговоры специально по оперативным мероприятиям. Однако все три господина являются фронтовыми офицерами, которые вследствие этого обладают вполне наметанным взглядом для суждения о боеспособности какой-либо части и ее оснащении пригодными для ведения войны материалами.

Дирксен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 518 — 519. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 871.

515. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс- секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккеру

1 августа 1939 г.

При сем направляю копию записи советника посольства Кордта о его беседе с лейбористским политиком Чарльзом Роденом Бак-стоном, имевшей место в прошлую субботу. Хотя г-н Роден Бакстон и не принадлежит к правительственной партии и его внешнеполитические идеи противоположны идеям большинства лейбористской партии, я все же считаю, что его высказывания представляют некоторый интерес ¹⁴². Термин «сфера интересов» в смысле разграничения расширенных пространств {{* В оригинале: «Grossraume»}} важнейших держав был употреблен также сэром Хорасом Вильсоном в беседе с г-ном штаатсратом Вольтатом {{** См. док. 489, 499.}}. Заслуживает внимания, далее, тот факт что Чемберлен, подобно Бакстону, выступая вчера в палате общин с особым ударением упомянул об англо-французском соглашении 1904 г. и англо-русском договоре 1907 г., но, конечно, в иной связи: премьер-министр указал на то, что понадобилось девять месяцев переговоров в 1904 г. и пятнадцать месяцев в 1907 г., для того чтобы прийти к успешному результату. Чемберлен хотел этим ослабить упрек в чрезмерном затягивании переговоров с Советским правительством.

фон Дирксен

Приложение

ЗАПИСЬ

Сегодня, 29 июля 1939 г., меня посетил для частной беседы, предварительно договорившись об этом со мной, бывший депутат лейбористской партии г-н Чарльз Роден Бакстон, брат известного пэра-лейбориста лорда Ноэль-Бакстона. Г-н Роден Бакстон, который в настоящее время не имеет мандата, работает при руководстве лейбористской партии на посту, который можно было бы сравнить с постом руководящего офицера в оперативном отделе генерального штаба. Он имеет особое бюро в палате общин и дает заключения по политическим вопросам для лейбористской партии. В Германии он и его жена стали хорошо известны после их мужественного выступления в защиту немецкого гражданского населения во время французской оккупации Верхнесилезской и Рурской областей. Г-н Роден Бакстон — квакер и пользуется очень хорошей репутацией даже у своих политических противников благодаря своему знанию европейских проблем и прекрасным чертам своего характера.

Г-н Роден Бакстон начал с предупреждения о том, что он не говорит ни от имени лейбористской партии, ни от имени правительства. Он хотел бы лишь изложить мне свои мысли о тех возможностях избежать войны {{*** В оригинале: «einer Konflagration»}}}, которые, по его мнению, еще имеются. Он заявил, что должен был убедиться, что публичное обсуждение способов сохранения мира в настоящее время не может привести к цели. Возбуждение народов достигло такой степени, что всякая попытка разумного урегулирования вопроса немедленно саботируется общественностью. Поэтому необходимо возвратиться к своего рода тайной дипломатии. Руководящие круги Германии и Великобритании должны бы попытаться путем переговоров, с исключением всякого

участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения ¹⁴¹. Он имеет в виду путь, который в свое время, в 1904 г., помог лорду Ленсдауну { { * Министр иностранных дел Англии в 1900—1905 гг. } } преодолеть обострение отношений с Францией и который доказал свою ценность и в 1907 г. при урегулировании напряженных отношений с Россией.

В 1904 и 1907 гг. Англия стояла в основном перед теми же проблемами, что и сегодня. В период с 1898 по 1904 г. Франция использовала каждую возможность, чтобы повсеместно создавать Британской империи затруднения, ибо она считала, что из создавшегося напряженного положения нет иного выхода, кроме приобретения возможно большего числа союзников к предстоящей войне. Переговоры, которые велись без всякого участия общественности, привели к договору 1904 г., по которому Франции предоставлялась Северо-Западная Африка, а Англии — Северо-Восточная Африка. То же самое имело место и в 1907 г. В то время Россия пыталась минировать империю в Южной Персии, Афганистане и в Тибете. Благодаря договору 1907 г. противоречия были устранены опять-таки путем создания сфер интересов.

Он задает себе вопрос, нельзя ли этот же образ действий применить теперь в отношении Германии. Сформулированное фюрером понятие жизненного пространства направляет мысль в эту сторону. Здесь я прервал г-на Родена Бакстона, указав ему на то, что британская политика поступала совершенно противоположным образом. Она вмешивалась в дела, которые ни в какой мере не входили в сферу ее интересов. Она даже дала гарантии государствам, которые не нуждались в этих гарантиях, и она подстрекала польское правительство к абсолютно непримиримому отношению к разумным германским предложениям. Из ответа г-на Родена Бакстона явствовало, что он вовсе не одобряет эту политику, хотя и является членом лейбористской партии. В этом именно и заключается, по его словам, причина того, что он пришел ко мне. Противоречия настолько обострились, что осталась, собственно, одна альтернатива — война или разумное соглашение. Г-н Роден Бакстон набросал далее следующий план.

Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов. Под разграничением сфер интересов он понимает, с одной стороны, невмешательство Других держав в эти сферы интересов и, с другой стороны, действительное признание законного права за благоприятствуемой великой державой препятствовать государствам, расположенным в сфере ее интересов, вести враждебную ей политику. Конкретно это означало бы:

- 1) Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи;
- 2) Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе;
- 3) Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом. Станным образом г-н Роден Бакстон в этой связи упомянул и о том, что чешско-советский договор остался без применения.

Со своей стороны, кроме ранее упомянутого невмешательства Германия должна обещать:

- 1) объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству (в этой связи г-н Роден Бакстон высказал мысли, сходные с идеей Муссолини о пакте четырех держав);
- 2) гарантировать предоставление через некоторое время своего рода автономии Богемии и Моравии (я указал, что ведь эта культурная автономия уже существует, после чего г-н Роден Бакстон не развивал далее эту мысль);
- 3) согласиться на всеобщее сокращение вооружения. Это сокращение вооружения ни в коем случае не потребует от одной Германии; имеется в виду достигнуть того, чтобы расходы на вооружение не разорили бы вконец все народы. В ответ на мой вопрос Роден Бакстон заметил, что потенциал вооружения государств мог бы остаться тот же, но только на сниженном уровне, подобно тому как если бы семья, имевшая квартиру на пятом этаже современного дома, в целях экономии средств сняла бы квартиру таких же размеров во втором этаже. По его словам, подобная уступка необходима для того, чтобы дать возможность Чемберлену и лорду Галифаксу приступить к разумным и реально-политическим переговорам с нами.

Ясно, что столь обширная программа, которая, кстати сказать, урегулировала бы также и колониальный вопрос в положительном с точки зрения Германии смысле, могла бы быть обсуждена только совершенно доверительно и осуществлена в атмосфере возросшего доверия.

В основном я занимал позицию слушателя, но в конце беседы весьма решительно указал на речи фюрера, который, как известно, уже давно предупреждал Англию, что ей не следует вмешиваться в дела, которые ее не касаются.

В заключение я спросил г-на Родена Бакстона, делился ли он своими мыслями с членами британского правительства. Г-н Роден Бакстон уклонился от прямого ответа. Но мне кажется, что из его витиеватых объяснений можно сделать вывод, что подобные мысли свойственны сэру Горасу Вильсону, а следовательно, и премьер-министру Чемберлену. Не исключено, что г-н Роден Бакстон хотел пустить пробный шар. У меня, однако, сложилось впечатление, что ход мыслей г-на Родена Бакстона базируется на точной проработке вопроса. *Т. Кордт*

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 162 —165.

516. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцеккеру

1 августа 1939 г.

1. Касательно беседы Вольтата с сэром Горасом Вильсоном и моего отношения к ней я ссылаюсь на телеграфное донесение от 31 июля 1939 г. То, что Вольтат во время беседы не поднял прямо вопроса об отказе от политики окружения, объясняется его договоренностью со мной о том, чтобы он вообще больше слушал, чем говорил.

Несмотря на то что беседа в политическом отношении не была углублена, мое впечатление таково, что в форме хозяйственно-политических вопросов нам хотели предложить широкую конструктивную программу. Трудности проведения этой

программы для британского правительства, при господствующем теперь настроении общественности, указаны в моем донесении от 24 июля 1939 г. {{* [См. док. 498.](#)}}

2. Что соглашение с Германией было бы несовместимо с одновременным проведением политики окружения, ясно здешним руководящим лицам. Определяющие соображения в этом вопросе основываются примерно на следующих положениях:

а) соглашение с Германией химически, так сказать, растворило бы данцигскую проблему и открыло бы дорогу к германо-польскому урегулированию, которым Англии не было бы больше надобности интересоваться;

б) к продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии — или, вернее, благодаря этому,— здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей уставить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения.

Высокопоставленный офицер из министерства авиации недавно высказал авиационному атташе свое убеждение в том, что ни британская, ни русская сторона не имеют серьезного желания заключить соглашение;

с) относительно оценки военного значения Польши все еще имеются сомнения, которые находят свое отражение в сдержанности в финансовом отношении. Отчет генерала Айронсайда также не был, как слышно, чрезмерно положительным ¹⁴⁰; располагающий наилучшими связями, принадлежащий к лейбористской партии политик Роден Бакстон (брат лорда Ноэль-Бакстона {{* [См. док. 515.](#)}}) в разговоре с советником посольства развивал те же положения, что и Вильсон, и указывал на ликвидацию политики окружения как на само собой разумеющееся следствие соглашения с Германией. Запись беседы с Бакстоном посылается с этой же воздушной почтой.

4. Все более усиливается впечатление, что возможность принципиального соглашения с Германией должна быть установлена в течение ближайших недель, для того чтобы определить содержание избирательных лозунгов. Здесь надеются, что политическое успокоение, которого можно ожидать с наступлением вакаций, создаст предпосылки к составлению программы переговоров, имеющей шансы на осуществление.

Дирксен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 160-162.

**517. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова
полномочному представителю СССР в Турции А. В. Терентьеву**

2 августа 1939 г

1. По доводу англо-франко-советских переговоров можете сообщить Сараджоглу следующее. С самого начала переговоров о тройственном пакте мы дали согласие на

гарантирование пяти стран (Турция, Греция, Польша, Румыния, Бельгия) и потребовали дополнительно тройственной гарантии для трех Прибалтийских стран (Латвия, Эстония, Финляндия). Когда Англия и Франция предложили сверх этих восьми стран гарантировать еще две — Голландию и Швейцарию, мы ответили, что дадим на это предложение согласие, если СССР будет иметь пакт взаимопомощи с Турцией и Польшей, без чего мы не можем расширять наши обязательства по гарантиям сверх восьми стран. После этого Англия и Франция сняли свое предложение о гарантировании Голландии и Швейцарии.

2. Спросите Сараджоглу, как следует понимать его предложение о заключении советско-турецкого пакта ¹⁴³. Имеется ли в виду пакт взаимопомощи или другой пакт? Если Турцией имеется в виду заключение советско-турецкого пакта взаимопомощи, то мы согласны начать переговоры об этом пакте. Спросите также, не думает ли Сараджоглу приехать в Москву для каких-либо переговоров, о чем он говорил в свое время Потемкину и Вам. Сообщите срочно о результатах беседы с Сараджоглу.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп.1, п. 298, д. 2060, л. 57-59.

518. Сообщение ТАСС об одной из причин затяжки переговоров с Великобританией

2 августа 1939 г.

В своей речи в палате общин 31 июля с. г. парламентский заместитель министра иностранных дел г-н Батлер сказал, как передает печать, что английское правительство принимает все меры к ускорению ликвидации существующих разногласий между СССР и Англией, главным из которых является вопрос о том, должны ли мы посягать на независимость Балтийских государств или нет. Я согласен, сказал г-н Батлер, что мы не должны этого делать и именно в этом разногласии кроются главные причины затяжки переговоров.

ТАСС уполномочен заявить, что если г-н Батлер действительно сказал вышеупомянутое, то он допустил искажение позиции Советского правительства. На самом деле разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость Балтийских стран, ибо обе стороны стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость Балтийских стран. Одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет такую лазейку для агрессора.

Известия. 1939. 2 августа.

519. Проект определения понятия «косвенная агрессия», врученный народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову послами Великобритании и Франции в СССР У. Сидсом и П. Наджиаром

2 августа 1939 г.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слова «косвенная агрессия» в предыдущем § 2 {{* [См. док. 479.](#)}} должны пониматься как не исключающие (или как включающие) акцию, принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или его нейтралитета.

Если создадутся обстоятельства, которые не подпадают под предшествующее определение, но которые, по мнению одного из договаривающихся правительств, содержат угрозу независимости или нейтралитету государства, о котором идет речь, договаривающиеся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной консультации в целях любой акции, о которой будет принято решение с общего согласия [144](#).

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 26, д. 18, л. 218. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 525.

520. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

2 августа 1939 г.

Французский поверенный в делах {{* Сэн-Хардуэн. }} сообщил мне, что здесь заговорили о начавшихся перебросках германских войск в направлении восточной границы, особенно в Силезии. Предстоят также большие отправки (до 15,5 тыс.) в Восточную Пруссию под предлогом участия в празднествах по поводу освобождения Танненберга. Турецкий посол {{** Х. Арпаг. }} говорил о строительстве укреплений на словацко-польской границе. Простым глазом можно заметить наличие в Берлине и окрестностях всевозможных частей, не входящих в состав местного гарнизона. Английский советник {{*** Дж. Огильви-Форбс.}} ожидает отмены немцами польского таможенного законодательства в Данциге.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 161. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 525.

521. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

2 августа 1939 г.

Беседа у Молотова 2 августа.

1. По поручению своего правительства мой коллега вручил комиссару по иностранным делам поименный список британских экспертов, уточнив, что их будут сопровождать 7 младших офицеров, в том числе один шифровальщик и 3 переводчика, а также 3 машинистки и 6 ординарцев, т. е. в общей сложности 19 человек.

Он попросил содействия Советского правительства, чтобы забронировать места в гостинице и нанять машины. Молотов пообещал помощь своих служб и служб Комиссариата обороны.

2. Поскольку я еще ничего не получил из департамента, я ответил комиссару, что в ближайшее время смогу сообщить ему полный поименный список членов миссии, и просил его предоставить нам, что само собой разумеется, такие же льготы, как и англичанам. Прошу Вас срочно направить телеграфом сведения, запрошенные в моей телеграмме № 805, поскольку сведения, переданные в посольство из Парижа по телефону, недостаточны.

3. О сведениях, переданных моим коллегой по поручению своего правительства, Молотов сказал, что если миссии придут в течение будущей недели, это устроит советские власти. Последние, добавил он, заняты назначением членов советской военной миссии. Он предложил, чтобы главы трех делегаций на первом же заседании договорились о программе и порядке переговоров.

4. По окончании разговора о военных вопросах Молотов пожаловался моему коллеге на заявление Батлера в палате общин. Может быть, из уважения к положению и возрасту Чемберлена он не говорил о последнем, хотя, кажется, Батлер только повторил то, что премьер-министр сказал об угрозе для третьих стран, содержащейся в советской формулировке о косвенной агрессии.

Он говорил в духе сообщения ТАСС {{* [См. док. 518.](#)}} (моя телеграмма № 803), отмечая, что его правительство было удивлено и даже возмущено подобным искажением своей позиции. Он удивился, что член британского кабинета в ходе публичных дебатов сформулировал такие инсинуации против страны, с которой Англия в настоящий момент ведет переговоры о заключении военного союза.

Мой коллега, который сожалеет об этом инциденте, конечно, выразил сомнения по поводу подлинности приписываемых Батлеру высказываний. Он отметил, что последний наверняка не говорил, что правительство СССР имеет намерение своей формулировкой посягнуть на независимость Балтийских стран, но что положения этой формулировки могут позволить неблагонамеренным третьим странам считать, что намерения СССР являются таковыми.

К сожалению, во время продолжавшейся дискуссии мой коллега, не имевший подлинных текстов заявлений Батлера или Чемберлена, не смог развеять впечатления, вызванные этим делом.

5. С другой стороны, затронув область, которой, как я Вам сообщал, он очень часто касался ранее, Молотов отметил, что парижские и лондонские газеты в такой степени осведомлены о ходе переговоров, что не может быть вопроса о случайной утечке информации. Эти методы кажутся ему самыми пагубными для хода переговоров.

Мы с моим коллегой еще два месяца назад предупреждали наши два правительства не только о неудобствах, но и об опасности огласки переговоров Парижем и Лондоном. Порой эта огласка касается сути инструкций, которые потом два посла получают зашифрованными самым секретным кодом.

Тот факт, что правительство СССР выступает сегодня за традиционные правила, без соблюдения которых нынешние переговоры станут опасной авантюрой для начавших их двух государств, ни в чем не умаляет ценности этих правил.

Мы с моим коллегой вновь настаиваем на возврате к ним, особенно теперь, когда начнутся военные переговоры.

6. Сэр У. Сидс передал Молотову новую британскую формулировку {{* [См. док. 519.](#) }} (моя телеграмма № 799).

Как и предполагалось, комиссар отверг в ней параграф 2 (консультации). Он сослался на соображения, изложенные в моей телеграмме № 797. По параграфу 1 он считает, что его текст не покрывает ни случай с президентом Гахой в марте 1939 г., ни тот, что следует ожидать в Данциге.

Стрэнг безуспешно старался доказать, что британская формулировка покрывает эти и другие случаи, но что, если речь идет о сомнительных случаях, можно было бы ввести в действие пункт о консультациях.

Молотов спросил, есть ли у меня компромиссное предложение. Я сказал в общих чертах о двух решениях: упомянуть косвенную агрессию, не определяя ее, или, ввиду невозможности предусмотреть все случаи, ограничиться приведением в секретном протоколе нескольких примеров. На большее я пойти не мог, поскольку не имел мандата, а мой коллега имел инструкции не вступать ни в какие дискуссии.

Я спросил у Молотова, не имеет ли он, со своей стороны, компромиссной формулы для предложения нам. Он сказал, что над этим работают, но что ничего конкретного еще не выработано.

С учетом заявлений Батлера — Чемберлена мой коллега опасается, что Молотов будет менее расположен считать расхождения по косвенной агрессии второстепенными.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 658—660.

522. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

2 августа 1939 г.

Только сегодня советская пресса публикует заявления, сделанные Чемберленом 31 июля в палате общин. Комментарии отсутствуют, так как их заменяет сообщение ТАСС о расхождениях во взглядах на косвенную агрессию {{** [См. док. 518.](#) }}.

Ничто не могло быть более несвоевременным, чем высказывания премьер-министра по этому вопросу. Подчеркивая, что русская формула наносит ущерб независимости третьих стран, Чемберлен только спровоцировал англо-русскую полемику, проявлением которой является сообщение ТАСС. Он придал большой размах расхождениям во взглядах, которые Советское правительство хотело смягчить, что мы и сами заинтересованы сделать как по отношению к Балтийским странам, так и для того, чтобы не обесценить в глазах Германии и Италии психологический эффект, ожидаемый от направления военных

миссий. Премьер-министр правильнее бы поступил, если бы сказал, что три правительства согласны по существу (не наносить ущерба третьим странам) и что расхождения касаются второстепенных вопросов редакции.

С этой же точки зрения слова Чемберлена о том, что открытие технических переговоров до полного согласования политического соглашения является фактом, почти не имеющим прецедентов, мне представляются столь же несвоевременными и также способными только помочь пропаганде «оси».

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 662.

523. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 августа 1939 г.

Сообщив мне имена лиц, готовых ехать на выставку, Вайцзеккер сказал, что со мной хотел бы поговорить Риббентроп, и немедленно провел меня в кабинет последнего {{* Беседа с И. Риббентропом состоялась 2 августа 1939 г.}}.

Риббентроп начал с указания, что Шнурре доложил ему о своей беседе со мной, как бы подчеркивая, что эту беседу Шнурре вел по его поручению {{** [См. док. 503.](#)}}. Далее он в течение часа с лишним развивал свою точку зрения на наши взаимоотношения.

Основные соображения его следующие: благополучное завершение кредитных переговоров может послужить началом улучшения политических отношений. До сего времени в наших отношениях накопилось много болячек, для рассасывания которых необходимо время, но изжить которые возможно. Основная предпосылка: надо иметь уверенность, что одна сторона не станет вмешиваться во внутренние дела другой. Германское правительство не считает национал-социалистскую идеологию предметом экспорта, и если Советское правительство придерживается аналогичной точки зрения, то главное препятствие к нормализации отношений отпадает.

На мое указание, что мы со своей стороны считаем взаимное невмешательство во внутренние дела необходимой предпосылкой нормальных отношений, Риббентроп ответил, что с удовлетворением принимает это к сведению.

В остальном он сказал: мы считаем, что противоречий между нашими странами нет на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки, то можно обменяться мнениями более конкретным порядком,

На мой вопрос о том, в каких формах мыслит германское правительство это улучшение отношений и какие конкретные предложения оно могло бы сделать помимо общих соображений, Риббентроп ответил, что он хотел бы, чтобы я довел до вашего сведения сказанное им и затем сообщил бы ему, разделяет ли Советский Союз эту точку зрения и считает ли он желательным более подробно обсудить эту тему. Тогда можно было бы поговорить более конкретно здесь или в Москве. Кроме того, в этой же связи он подчеркнул, что по его прямой директиве германская пресса уже несколько месяцев тому назад прекратила нападки на СССР, но он не видит по этой линии взаимности со стороны советской прессы. На мое замечание, что наша пресса никогда не вела столь острой кампании против Германии, как германская против СССР, Риббентроп ответил, что все же он считает, что если Советское правительство хочет улучшения отношений с Германией,

то это должно отразиться и на линии советской прессы, чего до сих пор не заметно. Он отметил также, что исходит из того, что СССР не намерен вести политику, идущую вразрез с жизненными интересами Германии. Я заметил, что эта предпосылка может иметь различный смысл и вряд ли сможет быть принята без обсуждения и уточнения.

Далее он указал, что мы не должны упускать из виду фазы германской дружбы с Японией. Что касается Польши, то Германия считает Данциг своим и полагает, что вскоре этот вопрос будет разрешен. Военное сопротивление Польши — чистый блеф, и, для того чтобы «выбрить» ее, германской армии достаточно 7 — 10 дней. Риббентроп бросил ряд пренебрежительных замечаний по адресу «западноевропейских демократий» и сказал, что хотя он СССР и не знает, но, по его впечатлениям, разговаривать с русскими немцам, несмотря на всю разницу идеологий, было бы легче, чем с англичанами и французами.

Резюмируя все сказанное, он еще раз просил сообщить все вам и запросить ваше мнение о том, считаете ли вы желательным более конкретный обмен мнениями.

Я изредка прерывал беседу, которая носила характер монолога.

Полпред {{* Так в оригинале.}}

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 162-165.

524. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Вне очереди
3 августа 1939 г.*

По поручению Риббентропа Шнурре вызвал меня, чтобы уточнить и дополнить вчерашний разговор {{* [См. док. 523.](#)}}. Он сформулировал следующие четыре пункта, относительно которых германское правительство хотело бы знать нашу точку зрения:

- 1) считаем ли мы желательным обмен мнениями по вопросу улучшения отношений и если да, то
- 2) может ли Советское правительство конкретно наметить круг вопросов, которых желательно коснуться. В этом случае германское правительство готово изложить и свои соображения на этот счет;
- 3) разговоры желательно вести в Берлине, так как ими непосредственно интересуются Риббентроп и Гитлер. Тут Шнурре намекнул на желательность уточнения, кто именно с нашей стороны их будет вести, полпред или я;
- 4) поскольку Риббентроп собирается через два-три дня выехать в свою летнюю резиденцию близ Берхтесгадена, он хотел бы до отъезда иметь ответ хотя бы на первый пункт. Кроме того, Шнурре просил не допускать ни малейшей огласки. Прошу дать срочный ответ.

Полпред {{** Так в оригинале. }}

525. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

3 августа 1939 г.

Шуленбург начал с того, что имеет поручение из Берлина продолжить предыдущий разговор с тов. Молотовым [{{*** См. док. 442. }}](#). Содержание последней беседы и пожелание Молотова дать ответ Микояну на советские предложения были сообщены в Берлин. В результате этого, говорит Шуленбург, начались переговоры, которые они надеются успешно завершить. Но это относится к области экономических отношений. Что же касается политических взаимоотношений, то Шуленбург указывает на беседу Шнурре и Астахова в Берлине [{{**** См. док. 503. }}](#). Он предполагает, что об этом уже доложено народному комиссару. Тов. Молотов подтверждает это. В этой беседе продолжает Шуленбург, Астахов спросил Шнурре, предполагают ли более авторитетные лица из германского правительства подтвердить все сказанное Шнурре. Шуленбург имеет поручение германского правительства подтвердить высказанное Шнурре.

Далее Шуленбург заявляет, что германское правительство желает улучшения отношений и представляет это себе в виде трех этапов: 1) заключение экономического соглашения; 2) улучшение отношений по линии прессы; 3) развитие культурных взаимоотношений в научной области. Все предыдущее должно служить созданию предпосылок для улучшений не только экономических, но и политических отношений между Германией и СССР путем освежения существующих или создания новых политических соглашений. Развивая указанные положения, Шуленбург отмечает, что германская сторона рассчитывает на успешное окончание экономических переговоров. Что же касается прессы, то если германская пресса ведет себя теперь сдержанно в отношении СССР, то о советской печати этого нельзя сказать и даже в последнее время имеет место ухудшение тона советской прессы в отношении Германии. Шуленбург и присутствовавший при беседе Хильгер ссылаются при этом на одну статью в «Плановом хозяйстве» и на карикатуру в одном из советских журналов («Машиностроение»), которую они даже не хотели бы показывать Молотову.

Далее Шуленбург отмечает наличие признаков улучшения отношений по линии культурной, указывая на присутствие Астахова на мюнхенском празднике немецкого искусства, и в этой же связи считает нужным отметить факт приглашения представителей Германии на Сельскохозяйственную выставку в Москву. Желательно было бы, говорит Шуленбург, продолжить эти первые шаги.

Германское правительство уполномочило Шуленбурга заявить, что, по его мнению", между СССР и Германией не имеется политических противоречий. Что касается «антикоминтерновского пакта»¹⁰, «то он направлен не против СССР», как, по словам Шуленбурга, будто бы говорил в своей речи и Молотов, а против Англии. Дружественные же отношения Германии с Японией также не направлены против СССР. Тов. Молотов поправляет посла, указывая, что он не говорил о том, что этот «пакт» не направлен против СССР, а говорил на Верховном Совете о том, что военно-политический договор Германии с Италией направлен в первую очередь не против СССР [{{* См. док. 386. }}](#). Германия также, говорит дальше Шуленбург, не старается ободрять Японию в ее планах против СССР, так как Германия знает, что у самой Японии от забот полон рот. Таким образом,

Германия не занимает враждебной позиции к СССР на Востоке. Что же касается Запада, то и здесь также нет пунктов, которые бы вызывали трения между Германией и СССР на всем протяжении между Балтийским и Черным морями. При этом Шуленбург указывает на заключенные Германией с прибалтами договоры о ненападении, которые, по его мнению, гарантируют независимость этих стран и Финляндии. Германию связывают с этими государствами хорошие экономические отношения. Что же касается Польши, то требования Германии также не противоречат СССР. Эти требования были изложены в речи Гитлера ¹⁰². С Румынией Германия стремится развивать хорошие отношения и не намерена при этом задевать интересы СССР. Посол заключает, что, принимая во внимание изложенное, имеются все возможности для примирения обоюдных интересов. Шуленбург говорит, что был бы благодарен Молотову, если бы он высказал свое мнение по этому вопросу.

Тов. Молотов отвечает, что послу известно, что мы стоим за заключение торгового соглашения с германским правительством и рассчитываем на успех ведущихся переговоров. Что же касается печати, то мне не кажется, говорит тов. Молотов, что наша пресса занимает какую-то враждебную позицию по отношению к Германии, во всяком случае, политике Советского правительства не соответствует — обострять через печать наши отношения с Германией. Германская же пресса очень часто служит источником распространения всякого рода слухов и небылиц о Советском Союзе и даже позволяет себе злостные выпады против СССР. Шуленбург пытается оправдаться тем, что, мол, во всякой прессе бывают ошибки. Переходя к вопросу о культурных взаимоотношениях, тов. Молотов, подтверждая наличие указанных послом положительных фактов, говорит, что здесь также в известной форме и в известных масштабах улучшение существующего положения нужно осуществить.

Остаются политические вопросы. В этой связи, говорит т. Молотов, нельзя не упомянуть об «антикоминтерновском пакте», вокруг которого много наговорено и много нагорожено такого, что не может не иметь отрицательного значения в глазах СССР. Известно также, что «антикоминтерновский пакт» и отношения Германии с Японией поощряли прямую агрессию против СССР со стороны Японии. Кроме того, известны факты, когда Германия отказывалась от участия в такого рода международных конференциях, в которых участвовал бы и СССР. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, как связать все эти факты с сегодняшними заявлениями посла?

Шуленбург говорит, что он не имеет намерения оправдывать прошлую политику Германии, он лишь желает найти пути для улучшения взаимоотношений в будущем. На это тов. Молотов отвечает, что Советское правительство относится положительно к стремлению германского правительства к улучшению отношений. Во всяком случае, Советское правительство всегда стояло и теперь стоит за нормализацию и улучшение отношений с Германией и с другими странами.

Далее Шуленбург говорит, что Германия намерена уважать интересы СССР в Балтийском море и не имеет намерений, противоречащих СССР в Балтийских странах. Жизненным интересам СССР в Прибалтийских странах Германия не будет мешать. Что касается германской позиции в отношении Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо противоречащее интересам СССР. Требования Германии в отношении Данцига, от которых она не откажется, могут быть разрешены мирным путем. Мирное разрешение этого вопроса не затрагивает интересов СССР. Если же Германии будет навязан другой путь удовлетворения своих требований, то Шуленбург заверяет, что и в этом случае не будут задеты интересы СССР. Но он уверен, что этот путь не будет навязан Германии. Тов. Молотов делает замечание, что, насколько ему представляется, это зависит в первую

очередь от самой Германии, чтобы этот путь ей не был навязан. Шуленбург пытается отрицать это, говоря о том, что страсти Германии может разжечь свинство поляков, особенно если Польша будет продолжать свою политику, как это следует из речи Чемберлена.

Шуленбург снова заявляет, что он не хочет обсуждать прошлый период в германской политике, но он считает, что сейчас надо искать новые пути к улучшению этих отношений. Тов. Молотов говорит, что он согласен с тем, что надо искать эти новые пути, но в нашей памяти остались такие факты, как «антикоминтерновский пакт», поддержка Германией агрессивных шагов Японии против СССР, отрицательное отношение к участию Германии вместе с СССР в некоторых международных конференциях. Политика Советского правительства по линии нормализации и улучшения отношений с Германией и другими странами неизменна. Теперь все зависит от линии поведения германской стороны.

Наконец Шуленбург пускается в исторический экскурс. Он припоминает при этом, что в свое время, в 1935 году, вхождение СССР в известное соглашение с другими странами (намек на франко-советский пакт ⁷) создало затруднения для улучшения отношений между Германией и СССР. В этой связи Шуленбург делает замечание, что и в данный момент вхождение СССР в новую комбинацию держав в Европе (намек на англо-франко-советские переговоры) может создать затруднения для улучшения отношений Германии и СССР. На это тов. Молотов отвечает разъяснениями. Что касается 1935 года, то к участию в тогдашнем соглашении приглашалась и Германия на равных условиях с другими странами. Что же касается данного момента, то, оставаясь верным своей последовательно миролюбивой политике, СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения агрессора на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться безразлично. Другое положение у Германии. Германия имеет «антикоминтерновский пакт», который Япония уже не раз использовала и использует теперь как поддержку в ее прямой агрессии против СССР. Германия заключила с Италией военно-политический договор не только в целях оборонительных, но и в целях наступательных ⁵¹. В ответ на это Шуленбург пытался истолковать «антикоминтерновский пакт» и военно-политический союз с Италией как оборонительные пакты: Тов. Молотов отмечает, что было бы хорошо, если бы это было действительно так.

В заключение беседы Шуленбург поднял вопрос об арестованных в СССР германских гражданах, о выезде из СССР жен германских подданных и их детей, указав, что он уже говорил об этом с тов. Потемкиным. Тов. Молотов обещал поговорить по этому вопросу с тов. Потемкиным.

Беседа продолжалась полтора часа.

В. Молотов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п.26, д. 1, л. 7 — 12.

526. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Г. Вильсоном

3 августа 1939 г.

I

После того как из разговоров г-на Кордта с г-ном Батлером выяснилось, что сэр Горас Вильсон хотел бы поговорить со мной в дополнение к своей беседе с г-ном Вольтатом [{{* См. док. 499. }}](#), мы условились, что я буду сегодня в 4 часа у него на дому. Беседа эта состоялась; продолжалась она почти два часа.

II

Я придавал большое значение тому, чтобы сэр Горас Вильсон подтвердил мои записи, которые я сделал на основании моего разговора с г-ном Вольтатом о его беседе с сэром Горасом Вильсоном [{{** См. док. 516. }}](#). Мне казалось важным получить это подтверждение, чтобы иметь вполне ясное представление по столь важным вопросам, тем более что после инцидента с нескромностью Хадсона была развернута новая кампания против чемберленовской политики умиротворения. Выяснилось, что суть беседы Вольтата — Вильсона остается в полной силе. Сэр Горас Вильсон подтвердил мне, что он предложил г-ну Вольтату следующую программу переговоров:

1. Заключение договора о «ненападении», по которому обе стороны обязываются не применять одностороннего агрессивного действия как метода своей политики. Сокровенный план английского правительства по этому пункту сэр Горас Вильсон раскрыл мне тогда, когда я в ходе беседы задал ему вопрос, каким образом соглашение с Германией может согласоваться с политикой окружения, проводимой английским правительством. В ответ на это сэр Горас Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке имеют в виду именно эту возможность. С отпадением этой опасности отпали бы также и эти обязательства.
2. Англо-германское заявление о том, что обе державы желают разрядить [{{* В оригинале в скобках: «improve». }}](#) политическую атмосферу с целью создания возможности совместных действий по улучшению мирового экономического положения.
3. Переговоры о развитии внешней торговли.
4. Переговоры об экономических интересах Германии на юго-востоке.
5. Переговоры по вопросу о сырье. Сэр Горас Вильсон подчеркнул, что сюда должен войти также колониальный вопрос. Он сказал, что в настоящий момент нецелесообразно углубляться в этот очень щекотливый вопрос. Достаточно будет условиться, что колониальный вопрос должен быть предметом переговоров.

Соглашение о невмешательстве. Сэр Горас Вильсон пояснил, что требующееся от германской стороны заявление содержится уже в речи фюрера от 28 апреля [102](#). С английской стороны также будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Великой Германии. Оно распространится, в частности, и на данцигский вопрос. Сэр Горас Вильсон уклонился от того, чтобы высказаться относительно германской сферы интересов так же ясно, как он это сделал в разговоре с г-ном Вольтатом, или как г-н Роден Бакстон — в беседе с г-ном Кордтом [{{** См. док. 515. }}](#),

хотя из хода беседы можно было заключить, что это германское требование могло бы обсуждаться в этом пункте программы.

6. Вооружения. Сэр Горас Вильсон сказал по этому поводу, что он хочет категорически подчеркнуть, что под этим подразумевается не разоружение, а переговоры о вооружениях вообще. В дальнейшем ходе беседы выяснилось, что он хорошо сознает трудности, стоящие на пути к заключению какого бы то ни было соглашения об ограничении вооружений, а также и тот факт, что такое соглашение может быть поставлено на очередь и осуществлено лишь через несколько лет.

7. Пользуясь этим случаем, я попросил сэра Гораса Вильсона разъяснить, как возникли газетные слухи о большом «займе на разоружение», обещанном будто бы г-ном Хадсоном, так как г-н Вольтат в разговоре со мной совсем не упомянул о нем. Сэр Горас Вильсон сказал, что способ преодоления финансовых и экономических затруднений, которых надо опасаться в связи с ограничением вооружений, неоднократно обсуждался. Хадсон, возможно, подхватил и развил эту идею. Но этот вопрос теперь отпал и больше не поднимается. Он лично думает, что в таком случае {{* Очевидно, имеется в виду положение, которое создалось бы в результате разоружения.}} наступит трехмесячный или шестимесячный период финансовых затруднений, преимущественно в области техники денежной системы.

III

Возвращаясь к своей беседе с Вольтатом, сэр Горас Вильсон остановился подробно на том, что вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдет грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Долтон уже указал вчера в палате общин на слухи о новых чемберленовских «попытках умиротворения», и сам он, Вильсон, получил только что анонимное письмо, в котором его и Чемберлена предостерегают от такого рода маневров.

На мое возражение, что мне кажется сомнительным, чтобы какое-либо английское правительство было в состоянии достигнуть какого-либо связывающего соглашения с Германией при существующем здесь настроении умов — так как каждого, кто выступает за соглашение с Германией, считают изменником и как такового клеймят,— сэр Горас Вильсон ответил, что хотя и возможно прийти к такому соглашению, но для этого требуется применить все мастерство лиц, участвующих в переговорах с английской стороной, для того чтобы не провалить все дело. На настоящей стадии требуется прежде всего сохранять строжайшую тайну. Возник вопрос: как и в какой форме можно будет позднее осведомить общественность о планах правительства? По этому поводу Вильсон сказал, не касаясь того, справедливо это или нет, что в Англии поколеблено доверие к Германии и к ее миролюбивым намерениям; важнее всего убедить британскую общественность в том, что она может доверять [Германии]. Кроме того, можно опасаться, что в ближайшие недели или месяцы произойдут события, которые вызовут новый кризис. Британское правительство располагает сведениями, что в скором времени должно быть призвано 2 миллиона человек в германскую армию, что будто на польской границе проводятся угрожающие Польше маневры с большим количеством самолетов; если также принять во внимание сделанное недавно рейхсминистром Геббельсом заявление о войне нервов, которая должна быть продолжена, то можно предвидеть положение, при котором от будущих переговоров трудно ожидать успеха. Ведь не имело бы никакого смысла вести переговоры о соглашении, если предстоит новый опасный кризис. Надо признать, что получается порочный круг, так как, с одной стороны, нельзя успокоить общественность

сообщением о предстоящих переговорах (потому что это повредит переговорам), а в то же время германская сторона отказывается сделать успокоительные заявления, пока нет ясной картины в отношении переговоров. Для Чемберлена, вследствие демократической конституции Англии, трудно обратиться к общественности с умиротворяющим заявлением, ибо он, по всей вероятности, был бы вынужден тогда вместе с кабинетом уйти в отставку. Этот порочный круг мог бы скорее быть разорван, если бы фюрер, которому нечего бояться никаких внутривнутриполитических нападков, взял бы на себя инициативу такого умиротворяющего заявления. Он тем более может это сделать, что он является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который, в сознании своей силы и достигнутых успехов, может сказать свое слово, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений.

Я на это возразил, что запроектированные Германией большие маневры не выдерживают никакого сравнения с военными мероприятиями, предпринятыми другими государствами: поляки на протяжении четырёх месяцев мобилизовали 1 миллион человек и стоят на нашей границе (сэр Горас Вильсон возразил против названного числа, но он ничего не возразил против цифры 900 тысяч); английские вооруженные силы — наземные, морские и воздушные — в той или другой степени мобилизованы; Франция осуществила обширные мобилизационные мероприятия. Невозможно же требовать от нас, чтобы мы отменили свои мероприятия или отказались от маневров.

Сэр Горас Вильсон возразил, что он этого и не имел в виду; однако имеется существенное различие в способах проведения маневров. Их можно так организовать, что другая сторона сочтет их за непосредственную угрозу и за вызов, и их можно проводить иначе, как обычные маневры мирного времени.

Я еще раз указал на то, что мы в вопросе о будто бы обманутом доверии держимся совершенно другого мнения, чем английская сторона. Во всяком случае, факт, что английская политика в последние месяцы имела целью образовать всемирную коалицию, направленную против Германии, и что она держит по сей день отдельных членов коалиции в состоянии финансовой и военной готовности к эвентуальному выступлению против Германии. Мы должны достоверно знать, как английское правительство согласует эту политику с возможностью соглашения с Германией. Фюрер, конечно, ни в коем случае не может сделать успокоительные или дружественные заявления, не зная того, на какое отношение английской стороны к справедливым германским требованиям он может рассчитывать.

Сэр Горас Вильсон повторил в ответ на это приведенное выше объяснение касательно английской политики окружения, что эта политика отпадет в результате заключения с Германией договора о ненападении. Что же касается вопроса, насколько фюрер должен иметь уверенность относительно уступок, которые должны быть сделаны с английской стороны раньше, чем он мог бы, так сказать, предложить пальмовую ветвь мира, то и здесь имеется трудность, которая заключается в том, что требуется предварительно прийти к конкретным результатам; германская сторона, во всяком случае, должна быть достаточно уверена в том, что она полностью осведомлена о программе переговоров; ведь английская сторона изъявила готовность обсудить все предложенные германской стороной пункты. В какой мере окажется возможным договориться, пока еще, конечно, сказать нельзя.

Далее разговор коснулся вопроса, в какой форме должны быть продолжены переговоры, начатые с г-ном Вольтатом, если с германской стороны есть желание их продолжить. Сэр Горас Вильсон сказал при этом, что английская сторона будет глубоко разочарована, если

мы не продолжим того, чему положено начало: в этом случае не останется ничего иного, как быстро двигаться навстречу катастрофе {{* В оригинале добавлено в скобках английское выражение: «Leading on to the catastrophe»}}. Поэтому он чрезвычайно заинтересован в том, чтобы узнать, как была принята в Берлине его беседа с Вольтатом.

Я ответил, что не могу сказать ничего определенного об этом. Я и сам не могу представить себе ясно, как с чисто технической точки зрения возможно продолжение этих переговоров; так, например, о новой поездке г-на Вольтата в Лондон из-за нескромности Хадсона не может быть и речи.

Сэр Горас Вильсон полагает, что можно найти выход; можно будет договориться, когда для этого наступит время. Можно сделать так, чтобы оба делегата встретились в Швейцарии или где-либо в другом месте.

IV

Из беседы, изложенной выше в общих чертах, постепенно стали вырисовываться несколько определенных пунктов, которые сэр Горас Вильсон обобщил следующим образом:

1. Какие инструкции дал фюрер относительно дальнейшего обсуждения представленного Вольтатом доклада и что думает германское правительство касательно ближайших шагов, которые следует теперь предпринять?
2. Возможно ли будет для фюрера повлиять на события ближайших недель, поскольку это зависит от него, так чтобы они не повели к обострению положения?
3. Исходя из предположения, что программа и отдельные подлежащие обсуждению ее пункты разработаны, каким образом фюрер мог бы объявить о своем решении взять на себя инициативу в том, чтобы создать такую атмосферу, которая давала бы шансы на успех для обсуждения программы переговоров?

На мой вопрос, каков был бы предварительный вклад с английской стороны, для того чтобы был оправдан подобный предварительный вклад с германской стороны, сэр Горас Вильсон ответил, что британское правительство ведь уже проявило свою добрую волю и свою инициативу тем, что оно обсудило вышеупомянутые пункты с г-ном Вольтатом и тем самым осведомило германское правительство о своей готовности к переговорам.

Из всего хода беседы с сэром Горасом Вильсоном можно было заключить, что программу переговоров, сообщенную г-ну Вольтату и подтвержденную мне, он рассматривает как официальный зондаж со стороны Англии, на который ожидается ответ Германии. Нельзя было не почувствовать тяжкую озабоченность английской стороны в связи с трудным положением, в котором находится британское правительство и до которого оно довело себя своими маневрами. С одной стороны, общественное мнение, взбудораженное правительственной политикой и антигерманским воздействием на него; с другой — стремление путем соглашения с Германией предотвратить войну, которую в противном случае считают неизбежной. Беспокойство о том, что политика окружения может пострадать, стоит, как мне показалось, на втором плане, здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией. Точно так же привлечение Франции и Италии имело в беседе

только подчиненное значение. Сэр Горас Вильсон сказал, между прочим, что соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае если бы было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию ¹⁴⁵.

фон Дирксен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 193—198.

527. Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции

4 августа 1939 г.

При переговорах с Англией и Францией могут возникнуть несколько ВАРИАНТОВ, когда возможно вооруженное выступление наших сил.

I вариант — это когда нападение агрессоров будет непосредственно направлено против ФРАНЦИИ и АНГЛИИ.

В этом случае Франция и Англия должны развернуть немедленно большую часть своих вооруженных сил на восточных границах Франции и Бельгии и с 16-го дня мобилизации начать решительные действия против главного из агрессоров.

Главным противником считается главный из агрессоров, против которого и должны быть направлены главные силы Франции и Англии.

Действия против второстепенного из агрессоров должны носить и второстепенный характер. Теория о разгроме сначала слабого противника — второстепенного агрессора — нами не разделяется. Разгром главного из агрессоров выведет из войны и второстепенного из агрессоров, и наоборот, главный первоначальный удар по второстепенному агрессору может повести к решительному наступлению главного агрессора на Париж и к захвату Бельгии и Голландии, чем создается кризис на западном театре военных действий с первых же дней войны, давая превосходство главному агрессору.

Исходя из этого положения, Франция и Англия должны к 15-му дню мобилизации на восточных границах Франции и Бельгии развернуть и выставить на фронт против главного агрессора не менее:

80 пехотных дивизий
14 000 — 14 500 средних и тяжелых орудий
3500 — 4000 танков
5000 — 5500 самолетов.

Оставив на линии «Мажино» от Бельфора до Меца из указанных сил до 10 пехотных дивизий, Франция, Англия и Бельгия должны

с 70 пехотными дивизиями
13 000 средними и тяжелыми орудиями
3500 танками
5000 самолетами

повести решительное наступление к северу от Меца и из Бельгии против Рура и Кельнской промышленной области в общем направлении на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны ударить по важнейшим промышленным районам главного агрессора на западе, по базам его морского флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и другим крупным административным пунктам главного агрессора.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью: 1) закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов; 2) добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами, портов Ганге, Пернова, Гапсаля, Гайнаша и Либавы { { * Ханко, Пярну, Хаапсалу, Айнажи, Лиепая. } } в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии; 3) перерыв подвоза по Балтике из Швеции руды и другого сырья; 4) блокада берегов главного агрессора в Северном море; 5) господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл; 6) крейсерские операции у берегов Норвегии, Финляндии, вне их территориальных вод, Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессоров у этих берегов.

При обязательном участии в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, силами не менее 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани для удара против Восточной Пруссии и Померании, Польша должна взять на себя обязательства пропустить наши сухопутные вооруженные силы к северу от Минска через Виленский коридор и по возможности через Литву к границам Восточной Пруссии. Нужно добиться того, чтобы Литва оказала помощь блоку миролюбивых держав.

Наше содействие Франции и Англии может выразиться в совместном действии наших сухопутных, воздушных сил, Балтийского и Северного флотов против главного из агрессоров.

В этом случае нами против Восточной Пруссии, к северу от Минска, было бы направлено 70% от выделенных Англией и Францией против главного из агрессоров пехотных сил, а также сверх того кавалерии, а именно:

56 пехотных дивизий
6 кавалерийских дивизий
8500—9000 средних и тяжелых орудий
3300 танков
3000 самолетов
а всего 2 053 000 людей.

Наши воздушные силы предпринимают операции против Восточной Пруссии и сосредоточенных здесь воздушных и сухопутных сил главного агрессора, против его флота и баз в Балтике и действуют с нашими сухопутными частями.

Наш Северный военно-морской флот ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии вне их территориальных вод совместно с англо-французскими эскадрами.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он в случае благоприятного разрешения вопроса будет базироваться совместно с объединенным флотом Франции и Англии на

Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Пернове, Гапсале, Гайнаше и Либаве в целях охраны независимости Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и постановку мин у берегов Восточной Пруссии, Данцига и Померании. Подводные лодки Балтийского флота мешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

Командование всеми нашими вооруженными силами остается за нами, и координация военных действий с Англией и Францией достигается особым соглашением во время войны.

Наши силы действуют компактно и никаких частей в другие армии не выделяют.

II *вариант* возможного возникновения военных действий — это когда объектом нападения явится ПОЛЬША.

Если Франция и Англия также объявят войну агрессорам в силу договора их с Польшей и немедленно выступят против них, то СССР должен будет выступить против агрессоров в силу его договора с Англией и Францией.

Польша может быть атакована не одним только главным агрессором, но, по всей вероятности, и Венгрия примет участие в войне против Польши.

Надо полагать, что в этом случае Румыния вступит в войну на стороне Польши. Правда, помощь ее будет ограничена, так как сама Румыния будет скована Болгарией и Венгрией, но все же Румынию следовало бы обязать выставить на фронт не менее

20 пехотных дивизий
3 кавалерийских дивизий
2276 средних и тяжелых орудий
240 танков
440 самолетов.

Франция и Англия должны выступить известными своими вооруженными силами, как указано в I варианте, и наносить *главный* удар против *главного* из агрессоров.

Развитие операций вооруженных сил Франции и Англии должно проводиться, как указано в I варианте.

Наше участие в войне может быть только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности также с Литвой о пропуске наших войск к северу от Минска через Виленский коридор и о предоставлении нашему Балтийскому флоту совместного базирования с объединенным англо-французским флотом, как указано в I варианте.

В этом случае мы выделяем силы, как указано в I варианте, и направляем их против Восточной Пруссии.

Франция и Англия должны потребовать от Польши развертывания и выставления на фронт не менее 40 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании. В то же время Польша обязана обеспечить маневр наших войск на территории северо-востока Польши

предоставлением нам железных дорог и подвижного состава для подвоза боевого снабжения и продовольствия.

Одновременное вторжение агрессоров в южную часть Польши (Галиция) со стороны Словакии и Венгрии потребует от нас развертывания на границах с Польшей и Румынией дополнительных сил, но в общей совокупности с выделяемыми для действий против Восточной Пруссии в равном числе с выставляемыми силами Англией и Францией против главного агрессора, т. е. 80 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий, 9500—10 000 средних и тяжелых орудий, 3500—4000 танков, 3000—3500 самолетов.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий с Англией и Францией достигается особой договоренностью во время войны.

III *возможный вариант* развертывания военных действий — когда Венгрия, Болгария при помощи главного агрессора нападают на РУМЫНИЮ.

Если Англия и Франция объявят в этом случае войну агрессорам и выставят на фронт вместе против главного агрессора к 15-му дню мобилизации, как указано в I варианте,

80 пехотных дивизий
14 000 — 14 500 средних и тяжелых орудий
3500 - 4000 танков
5000 — 5500 самолетов

и перейдут на 16-й день мобилизации в решительное наступление против главного агрессора — как главного противника, то они могут обратиться к нам за военным сотрудничеством.

Наши предложения Франции и Англии в этом варианте должны сводиться: 1) в обязательном участии в войне ПОЛЬШИ; 2) в пропуске наших сил, как указано в I варианте, через Виленский коридор и Литву, а также совместного с англо-французами базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) в обязательстве Польши развернуть и выставить на фронт 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и Померании и 4) в обязательстве Польши пропустить наши войска через Галицию к югу от Львова.

В этом случае нами также выставляется 70% от направленных Францией, Англией пехотных сил против главного агрессора, не считая 12 кавалерийских дивизий, а именно:

56 пехотных дивизий
12 кавалерийских дивизий
8500 — 9000 средних и тяжелых орудий
3300 танков
3000 самолетов
а всего 2 075 000 людей.

Причем к северу от Минска для действий против Восточной Пруссии направляется:

26 стрелковых дивизий
6 кавалерийских дивизий
4000 средних и тяжелых орудий
1300 танков

1500 самолетов
а всего 926 000 людей.

Для действий к югу от Полесья, для непосредственной поддержки Румынии, причем Франция и Англия должны добиться пропуска наших войск через румынскую территорию и южную часть Галиции, будет направлено нами:

30 стрелковых дивизий
6 кавалерийских дивизий
5000 средних и тяжелых орудий
2000 танков
1500 самолетов
а всего 1 149 000 людей.

Эти наши силы развертываются на границе СССР с Румынией и в южной части Галиции и действуют к югу от Карпат, получая самостоятельный участок фронта.

Командование нашими войсками остается за нами. В этом варианте действия наших Северного и Балтийского флотов проводятся, как изложено это в I варианте, поэтому и задачи для объединенного англо-французского флота остаются, те же, что и указаны в I варианте.

В нападении на Румынию, возможно, примет участие Болгария, поэтому Франция и Англия должны принять на себя обязательство добиться участия в войне Турции и Греции.

Если эти оба государства примут участие в войне, то в таком случае наш Черноморский флот, заградив устье Дуная от проникновения по нему в Черное море подводных лодок агрессоров и блокируя Варну (болгарский военный порт), совместно с турецким флотом предпринимают крейсерские операции и операции подводными лодками в восточной части Средиземного моря. Однако при всяких обстоятельствах Дарданеллы и Босфор должны быть прочно закрыты от проникновения в Мраморное и Черное моря надводных эскадр противников и их подводных лодок.

IV. *Возможный вариант* возникновения военных действий, когда агрессия будет направлена против Турции, причем, возможно, в этом случае к войне на стороне агрессоров примкнет Болгария.

Франция и Англия в силу договора с Турцией объявляют войну агрессорам.

Если Франция и Англия обратятся к нам за военным сотрудничеством, это сотрудничество может быть оказано при условии:

- 1) участия Польши в войне против главного агрессора и пропуска наших войск через Виленский коридор и по договоренности с Литвой через ее территорию для действий против Восточной Пруссии;
- 2) совместно с объединенным англо-французским флотом базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) участия Румынии в войне и пропуске наших войск через Румынию для действий на юге Румынии.

В этом случае нами выставляются и разворачиваются силы так, как указано это в III варианте.

Задачи нашего Черноморского флота будут те же, что указаны в предыдущем варианте (III).

Действия армий Франции и Англии должны свестись к атаке главного агрессора как *главного* противника так, как изложено в I варианте.

В действия объединенного англо-французского флота должны быть внесены изменения против того, что изложено в I варианте,— это нанесение решительного поражения объединенному флоту агрессоров в Средиземном море, в особенности в восточной его части.

V. *Возможный вариант* военных действий — это когда агрессия главного агрессора, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, будет направлена против СССР.

В этом случае Франция и Англия, согласно договору, должны немедленно вступить в войну с агрессорами. Польша, связанная договором с Англией и Францией и имеющая нашу гарантию, должна выступить по варианту I.

Наше требование в отношении разворачивания 40 польских пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани остается.

Если в первом варианте мы одни разворачивали 70% тех вооруженных сил, которые могли бы быть Англией и Францией направлены против *главного* из агрессоров при нападении на одну из этих держав, то в случае нападения на нас главного агрессора мы должны потребовать от Франции и Англии выставления и разворачивания на 15-й день мобилизации против главного агрессора, считающегося нами главным противником, 70% того, что мы одни выставляем и разворачиваем против главного агрессора по этому варианту.

Мы можем выставить 120 пехотных дивизий. Поэтому мы должны потребовать разворачивания и выставления на фронт против главного агрессора Англией и Францией к северу от Бельфора и до Бельгии включительно

84 пехотных дивизий
от 13 000 до 13 500 средних и тяжелых орудий
от 3000 до 3500 танков
от 5000 до 5500 самолетов.

Эти силы с 16-го дня мобилизации должны повести решительное наступление против *главного* агрессора к северу от Меца и из Бельгии с общим направлением главного удара на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны нанести мощный удар по промышленным районам главного агрессора, по базам его военного флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и крупным административным пунктам.

Действия англо-французского военно-морского флота должны происходить по варианту I.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий достигается особым соглашением во время войны.

Трудно предполагать, чтобы главный агрессор бросил часть своих сил против нас через Румынию. Однако такой вариант не исключен, а поэтому в этом случае для оказания содействия Румынии Англией и Францией должны быть привлечены Польша, Турция и Греция, а часть наших войск обеспечена пропуском через Галицию и Румынию.

Действия нашего Черноморского флота должны быть увязаны с действиями турецкого флота, как изложено в IV варианте.

При нападении главного агрессора на нас мы должны требовать выставления указанных выше сил Францией, Англией и Бельгией, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации против главного агрессора и самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава.

Вышеизложенное является предпосылкой для переговоров, в ходе которых будут выясняться позиции Франции и Англии в искреннем стремлении заключить договор,

Б. Шапошников

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 б, п. 27, д. 5, л. 22-32.

528. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову

4 августа 1939 г.

В связи с Вашей беседой со Шнурре {{* [См. док. 524.](#)}}:

1) по первому пункту мы считаем желательным продолжение обмена мнениями об улучшении отношений, о чем было мною заявлено Шуленбургу 3 августа {{** [См. док. 525.](#) }};

2) что касается других пунктов, то много будет зависеть от исхода ведущихся в Берлине торгово-кредитных переговоров.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 101.

529. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

5 августа 1939 г.

В духе Ваших указаний от 4 августа {*** [См. док. 528.](#)} беседовал со Шнурре. Он ответил, что Шуленбург также сообщил, что вы считаете обмен мнениями желательным. Он сказал, что, вероятно, пригласит меня на днях по выяснению вопроса в высших сферах. Кредитные переговоры, по его мнению, продлятся еще полторы-две недели и вряд ли стоит задерживать обмен мнениями из-за них. Он просит также обратить ваше внимание на его мысль о специальной оговорке (желание улучшить отношения) в коммюнике или секретном протоколе при подписании кредитного соглашения (смотрите заключительную часть моей беседы со Шнурре в дневнике) и запросить Ваше мнение.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 294, д. 2036, л. 169.

530. Полномочия главе советской делегации К. Е. Ворошилову наведение переговоров и подписание конвенции по вопросам организации военной обороны Великобритании, Франции и СССР против агрессии в Европе

5 августа 1939 г.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов — глава военной делегации СССР, в состав которой входят начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар Военно-Морского Флота флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил РККА командарм 2-го ранга А. Д. Локтионов, заместитель начальника Генерального штаба РККА комкор И. В. Смородинов, уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе.

Председатель СНК Союза ССР *В. Молотов*
Управляющий делами СНК Союза ССР *М. Хломов*

АВП СССР, ф. 06, он. 16, п. 27, д. 5, л. 1. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 200.

531. Сообщение ТАСС «Японцы не успокаиваются»

6 августа 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, с 26 июля по 5 августа монголо-советские войска прочно удерживают местность к востоку от реки Халхин-Гол, находясь в боевом соприкосновении с японо-маньчжурскими войсками. Неоднократные попытки японо-маньчжур атаковать монголо-советские войска и вклиниться в их расположение отражались артиллерийским и пулеметным огнем с большими потерями для японо-маньчжур.

В течение этих дней произошел ряд воздушных боев. 28 июля воздушной атакой монголо-советская авиация уничтожила 5 японских самолетов, не потеряв при этом ни одного своего самолета.

Особенно активно действовала авиация японцев 29 июля. В результате нескольких воздушных боев на территории МНР за день 29 июля японцы потеряли 32 самолета. В этот же день монголо-советской авиацией были сбиты и захвачены в плен японские летчики Фикуди Такэо и подпоручик Табути. Со стороны монголо-советской авиации не вернулось 4 летчика; розыски их продолжаются.

31 июля произошло несколько воздушных боев, в результате которых монголо-советской авиацией сбито 5 японских истребителей. Со стороны монголо-советской авиации не вернулся 1 самолет.

1 августа японская бомбардировочная авиация вторглась на территорию МНР, но, встреченная монголо-советскими истребителями и огнем зенитной артиллерии, не приняв боя и не сбросив бомб, ушла на свою территорию, потеряв 2 самолета, сбитых преследовавшими ее монголо-советскими истребителями. Со стороны монголо-советской авиации легко ранен 1 летчик, благополучно севший на свой аэродром. Во второй половине дня 1 августа японская бомбардировочная авиация снова пыталась бомбить расположение монголо-советских войск, но была отогнана зенитной артиллерией и истребителями.

В 8 часов 2 августа монголо-советская авиация разбомбила аэродром противника и уничтожила 8 японских самолетов, кроме того, 3 самолета сбила на взлете. Монголо-советская авиация потерь не имела.

3 августа японские бомбардировщики под прикрытием истребителей попытались совершить нападение на монголо-советские войска, но, встреченные монголо-советскими истребителями, потеряв 2 бомбардировщика сбитыми и упавшими на территории МНР, ушли на территорию Маньчжурии.

4 августа над территорией МНР произошло 2 воздушных боя между японскими истребителями и бомбардировщиками и монголо-советской авиацией. В результате этих боев сбито 10 японских самолетов. На аэродромы монголо-советской авиации не вернулся 1 самолет.

Известия. 1939. 6 августа.

532. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову

7 августа 1939 г.

На Ваш запрос от 5 августа {{* [См. док. 529.](#)}}. Неудобно говорить во введении к договору, имеющему чисто кредитно-торговый характер, что торгово-кредитный договор заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично, и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед. О том, что мы действительно хотим улучшить политические отношения, уже заявлено германскому правительству {{** [См. док. 525.](#)}}. Если германское правительство расположено верить нам, то этого нашего заявления должно быть вполне достаточно на первое время. Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе.

Молотов

533. Запись беседы германского журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом

7 августа 1939 г.

7 августа 1939 г. полковник Герстенберг, пригласив меня к себе, попросил коротко рассказать о текущих политических событиях. Затем он рассказал:

5 и 6 августа я был в Берлине. В настоящее время решение принято. Еще в этом году у нас будет война с Польшей. Из совершенно надежного источника я знаю, что Гитлер принял решение в этом смысле. После визита Вольтата в Лондон {{* [См. док. 499.](#)}} Гитлер убежден в том, что в случае конфликта Англия останется нейтральной. Переговоры западных держав с Москвой проходят неблагоприятно для нас. Но и это является для Гитлера еще одним доводом в пользу ускорения акции против Польши. Гитлер говорит себе, что в настоящее время Англия, Франция и Советский Союз еще не объединились; для достижения соглашения между генеральными штабами участникам московских переговоров потребуется много времени; следовательно, Германия должна до этого нанести первый удар. Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считать с началом военной акции против Польши.

Печат по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 537.

534. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

8 августа 1939 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович,

По всем признакам подписание торгово-кредитного соглашения не за горами (если, конечно, не произойдет каких-нибудь сюрпризов, на которые немцы такие мастера). Поэтому я позволю себе сделать кое-какие предположения насчет тех объектов возможных политических разговоров, которые имеют в виду немцы. Предположения эти я делаю на основании как прямых высказываний своих собеседников, так и более или менее туманных намеков, имеющих, однако, кое-какое показательное значение. Посылаю его {{** Так в тексте.}} в качестве сырого материала к отмеченной проблеме.

Не касаясь вопросов экономики, можно заметить, что в качестве первоначальных, относительно безобидных объектов немцы имеют в виду:

1. Вопрос об «освежении» рапалльского ¹⁰¹ и других политических договоров в форме ли замены их новым договором, или в форме напоминания о них в том или ином протоколе.
2. Вопрос о прессе. Совершенно определенно можно сказать, что немцы хотели бы договориться относительно той или иной формы взаимного «ненападения» по линии

прессы. В качестве образца они предложили бы линию поведения германской прессы в отношении СССР за последние три-четыре месяца, потребовав от нас взаимности.

Надо при этом, однако, учитывать, что немцы или вовсе отрицают, или очень плохо воспринимают разницу между государственным и партийным началом и, например, прекратив (в основном) нападки на нас как на государство, они почти в той же мере приостановили и нападки на большевизм, ВКП(б) и даже о К[оммунистическом] И[нтернационале] стали писать значительно меньше. В устных же разговорах они пытаются даже проложить «идеологический» мостик, напоминая, что они тоже «социалисты», что они «против капитализма» и т. п. В случае разговоров о прессе мы смогли бы, между прочим, указать немцам на факт существования у них белоэмигрантской газеты «Новое слово», продолжающей осыпать СССР и наших руководящих деятелей самыми грубыми оскорблениями, проповедующей открытую интервенцию и т. п.

3. Вопрос о радиопропаганде. Вероятно, немцы стали бы добиваться от нас прекращения радиопропаганды, по крайней мере в том виде, в каком она существует сейчас. Надо сказать, что здесь они от нас несколько отстали — на русском языке передач у них нет, есть украинские передачи из Вены, носящие антисоветский, но в данное время преимущественно антипольский характер.

4. Несомненно, германское правительство стало бы настаивать на освобождении или высылке из СССР всех арестованных немцев. Здесь вопрос взаимности мог бы появиться лишь в том случае, если бы мы захотели добиваться освобождения арестованных чешских левых (частично принявших советское гражданство).

5. Они стали бы добиваться восстановления хотя бы части закрытых СССР консульств. Должен в этой связи отметить, что в нашей работе довольно отрицательно ощущается факт отсутствия консульств в Восточной Пруссии (Кенигсберг) и Южной Германии (Вена, Мюнхен) по соображениям главным образом информационного порядка.

6. Они готовы были бы пойти на некоторую форму «культурного соглашения» в виде договора, скажем, об обмене книгами, (с оговоркой, конечно), музыкальными произведениями, научными новинками и т. п. Взаимное участие на спортивных состязаниях, научных конференциях, выставках международного значения также мыслится ими как возможное.

В частности, они заговаривали (правда, совершенно неофициально и через безответственных лиц) о желательности нашего приезда на так называемую зимнюю олимпиаду, несомненно, весьма охотно восприняли бы наше активное участие в торговых мессах { { * — ярмарках (нем.). } } (Кенигсберг, Лейпциг) и т. п.

Таковы те объекты разговоров, на которые немцы, по моему ощущению, пошли бы весьма охотно и, возможно, сами предложат их, если этого не сделаем мы. Эти разговоры не исключены даже в случае осуществления нашего соглашения с Англией и Францией.

Но, по существу, немцев интересуют, конечно, не эти вопросы. Судя по намекам, которые я слышу, и веяниям, которые до меня доходят, они не прочь были бы, проверив на этих вопросах нашу дискретность и готовность договариваться, вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, производя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Черного моря до Балтийского» может быть понята как желание

договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами. Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере, политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывш[ей] германской Польши (быть может, с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры подобного рода в представлениях немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения.

Излагая эти впечатления, получающиеся из разговоров с немцами и других данных, я, разумеется, ни в малой степени не берусь утверждать, что, бросая подобные намеки, немцы были бы готовы всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей. Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен и предугадывать которую я сейчас не берусь.

С тов. приветом

Г. Астахов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 126-129.

535. Телеграмма временного поверенного в делах США в Великобритании Х. Джонсона государственному секретарю США К. Хэллу

8 августа 1939 г.

Форин офис не видит надежды на скорое окончание англо-франко-русских переговоров о политическом соглашении, и военной миссии, которая в настоящее время отправилась в Москву, было дано указание предпринять все усилия, чтобы продлить ее переговоры до 1 октября. Одновременно должны продолжаться переговоры посла о политическом соглашении, которое висит в воздухе почти исключительно из-за вопроса о «косвенной агрессии» ¹⁴⁴.

Джонсон

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 201.

536. Телеграмма полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 августа 1939 г.

При встрече сегодня Сараджоглу сообщил следующее: «Позавчера, 8 августа, состоялось заседание совета министров, на котором было принято положительное решение о

заключении Турцией с СССР двустороннего пакта взаимной помощи [{{* См. док. 340. }}](#), переговоры о котором поручено вести мне. В случае необходимости правительство одобряет мою поездку в Москву. Я был бы очень признателен, если бы г. Молотов смог прислать нам предварительный проект пакта, который мы могли бы изучить. Правительство с нетерпением будет ждать получения этого предварительного проекта (аван-проже)».

На мои уточняющие вопросы Сараджоглу ответил: «а) турецкое правительство крайне благоприятно относится к заключению двустороннего пакта;

б) турецкое правительство ждет от Советского правительства предварительного проекта пакта;

в) после изучения проекта пакта и возможного обмена мнениями с Москвой турецкое правительство считает полезной мою поездку в Москву».

На мой вопрос, обсуждались ли турецким правительством какие-либо вопросы, которые могли бы служить базой для переговоров о пакте, Сараджоглу ответил, что базой являются переговоры, которые имели место во время пребывания в Анкаре Потемкина [{{** См. док. 307-310, 314, 315, 320. }}](#). Речь может идти о сотрудничестве в Черном море, в проливах и в Средиземном море. Следовательно, турецкое правительство сможет заключить пакт с ограниченной ответственностью, т. е. по северным и дальневосточным границам СССР Турция не сможет принять на себя обязательства.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2059, л. 164-165.

537. Письмо посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга в министерство иностранных дел Германии

10 августа 1939 г.

Содержание: позиция Польши в отношении англо-франко-советских переговоров о заключении пакта. Здешний польский посол Гжибовский в начале августа возвратился из отпуска. В беседе между ним и итальянским послом Россо был затронут также вопрос об англо-франко-советских переговорах относительно заключения пакта. Итальянский посол заявил, что, по его мнению, начинающиеся в настоящее время переговоры между военными лишь тогда могут привести к конкретному результату, когда Польша в той или иной форме примет в них участие или, по крайней мере, заявит о своей согласии принять советскую вооруженную помощь. Польский посол ответил на это, что в позиции Польши по отношению к переговорам о пакте ничто не изменилось. Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. На замечание итальянского посла о том, что это, вероятно, не относится к советским самолетам, польский посол заявил, что Польша ни в коем случае не предоставит аэродромы в распоряжение советской авиации.

Граф фон дер Шуленбург

538. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 августа 1939 г.

Вернувшись из Зальцбурга, куда его вызвал Риббентроп, Шнурре пригласил меня сегодня к себе под предлогом разговора о едущих на выставку. После этого он заговорил о наших политических отношениях. (Я сообщил ему ваше отношение к его идее [{* См. док. 532. }](#)). Он сказал, что целиком с вами согласен, и на этой идее отнюдь не настаивает.) Он отметил, что в связи с вероятным подписанием кредитного соглашения германское правительство хотело бы иметь обещанный ответ по оставшимся пунктам [{** См. док. 524. }](#).

Со своей стороны германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства. В случае мирного разрешения вопроса германское правительство готово удовлетвориться Данцигом и экстерриториальной связью с ним в духе своих весенних предложений. Но если начнется война, то вопрос, естественно, будет поставлен шире, хотя и в этом случае германское правительство не имеет намерений выйти за известные заранее намеченные пределы. Германскому правительству важно знать, какие у нас соображения на этот счет. Оно готово сделать все, чтобы не угрожать нам и не задевать наши интересы, но хотело бы знать, к чему эти интересы сводятся. Тут он напомнил фразу Риббентропа о возможности договориться с нами по всем вопросам от Черного моря до Балтийского. Он добавил, что, конечно, если мы об этом разговаривать не хотим, то от нас зависит наметить другие объекты переговоров. На все это я ему ничего определенного не сказал. Не удержался он от критических замечаний по поводу наших переговоров с англо-французской военной миссией, сказав, что плохим введением к нашим переговорам с Германией будет заключение соглашения с Англией и Францией.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 174-175.

539. Письмо посланника Германии в Югославии В. Херена в министерство иностранных дел Германии

Блед, 10 августа 1939 г.

Содержание: возвращение принца-регента из Лондона.

Принц-регент несколько дней назад снова прибыл в замок Бордо под Бледом. К этому же времени туда нанесли визит зять принцессы Ольги герцог Кентский со своей супругой.

Как сообщил мне министр иностранных дел, принц-регент вследствие довольно тяжелой операции челюсти, которую он перенес в Лондоне, в настоящее время еще прикован к постели. Цинцар-Маркович снова подтвердил мне, что поездка принца-регента в Лондон была предпринята только по частным мотивам и не имела под собой никакой политической основы. Фактически никто в Англии не предпринимал попытки повлиять на принца-регента в смысле изменения югославской политики. Из своих бесед с Чемберленом и Галифаксом принц-регент будто бы вынес твердое впечатление о том, что во всяком случае у этих обоих английских государственных деятелей по-прежнему живо желание добиться полюбовного урегулирования с Германией. Правда, вся Англия якобы находится в настоящее время в состоянии военного психоза, поскольку-де повсюду царит мнение, что престиж Англии ни при каких обстоятельствах не позволяет более отступать перед односторонним применением силы, которое практикуется тоталитарными государствами. В случае же полюбовных переговоров как Чемберлен, так и Галифакс, по мнению принца-регента, готовы пойти на значительные уступки. Само собой разумеется, что принц-регент, руководствуясь своими впечатлениями, вынесенными из Берлина, старался по возможности поддержать эти настроения.

фон Херен

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 539—540. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VII. S. 14.

540. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову

11 августа 1939 г.

Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа {{* [См. док. 534.](#)}}, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве.

Молотов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 295, д. 2038, л. 105.

541. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

12 августа 1939 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Получив Ваши телеграфные указания {{* [См. док. 540.](#)}}, я посетил сегодня Шнурре и сказал ему, что ряд конкретных объектов (культурные связи, пресса, «освежение» договора, Польша), намеченных разновременно им, Риббентропом и Вайцеккером для

разговоров с нами, Вас интересуют, но что Вы считаете желательным беседовать о них в Москве и притом «по ступеням», не начиная с самых сложных. Я не упомянул о ряде вопросов (арестованные, консульства и проч.), которые не фигурировали в моих беседах с немцами здесь и которые я наметил в своем письме предположительно, основываясь на беседах, которые ведутся в Москве. Шнурре попытался тотчас же уточнить, является ли это мое сообщение ответом на его просьбу от 10.VIII высказаться относительно Польши. Я ответил, что определенно сказать затрудняюсь, так как знаю лишь Ваше, так сказать, суммарное отношение к поставленному немецкой стороной разновременно комплексу вопросов, но не могу утверждать, что оно является таким же в отношении каждого из них в отдельности.

Шнурре впал в состояние некоторой задумчивости и затем сказал, что все выслушанное он передаст выше. На этом, в сущности, закончилась содержательная часть беседы.

Таким образом, сейчас мы как бы ответили Риббентропу на его основные пункты, сформулированные Шнурре.

Теперь остается ждать, какова будет дальнейшая реакция немцев в отношении нас. События развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных ступенях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т. п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в усиленном темпе. Кроме того, их явно тревожат наши переговоры с англофранцузскими военными и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы эвентуальное военное соглашение предотвратить. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря уже об Украине) — это в *данный момент* минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей. Я совершенно не касаюсь, разумеется, того, в какой степени мы в этом заинтересованы, но если мы хотим получить какие-либо заверения от немцев (и на каких условиях?), то, быть может, было бы нелишне поставить их об этом в известность до Нюрнбергского конгресса, чтобы это нашло свое отражение в речи Гитлера, имеющей как-никак программное значение.

Поверенный в делах СССР в Германии

Астахов

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 70, л. 1-2.

**542. Письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова
народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову**

12 августа 1939 г.

Конфликт с Польшей назревает в усиливающемся темпе, и решающие события могут разразиться в самый короткий срок (если, конечно, не разыграются другие мировые события, могущие изменить обстановку). Основные лозунги — «воссоединение Данцига с рейхом», «домой в рейх» — уже выброшены, причем мыслится не только Данциг, но вся

германская Польша. Сообщения о «польских зверствах» ежедневно заполняют столбцы газет, и тон в отношении Польши мало чем отличается от тона в отношении Чехословакии в начале сентября прошлого года. Основная разница состоит, однако, в том, что нет персонального глумления по адресу руководящих деятелей Варшавы, чем сохраняется мостик для «мирного» урегулирования вопроса. Отсутствует также излюбленный в прошлом году тезис о «руке Москвы». Наоборот, о нас либо тщательно умалчивают, либо пытаются изобразить нашу позицию как нейтральную (телеграфное сообщение из Москвы о реагировании нашей прессы на речь Форстера {{* Руководитель данцигских нацистов. См.: Известия, 1939, 11 августа.}}). В остальном пресса продолжает вести себя в отношении нас исключительно корректно, причем стали появляться (факт доньше небывалый!) даже заметки о наших успехах в области строительства (заметка о Казано-Бугульминской дороге). Наоборот, в отношении Англии глумление переходит всякие границы элементарной пристойности.

Нет недостатка и в других симптомах близости назревающего конфликта: учащенные переброски войск к восточной границе, реквизиции автомобилей, подмеченные иностранными военными атташе в Берлине и Дрездене (а возможно, и в других городах), резкий недостаток бензина, который стали выдавать из ряда колонок в пределах нормы, заметное невооруженному глазу беспокойство в населении по поводу возможности войны — таков далеко не полный перечень этих симптомов. Сами немцы в официальных и неофициальных беседах не скрывают назревания развязки и признают приближение таковой, хотя и с оговорками о возможности «мирного» разрешения вопроса на базе своих весенних требований (Данциг и экстерриториальная связь с ним через «коридор»). Впрочем, если бы поляки эти требования удовлетворили, то трудно предположить, чтобы немцы удержались от постановки вопроса о Познани, Силезии и Тешинской области. Вопрос, по существу, ставится о довоенной границе (если не больше). Но как бы немцы ни старались создать впечатление, что они готовы начать войну в случае, если Польша будет упорствовать, чувствуется, что в основном на *мировую* войну они не рассчитывают. Они по-прежнему уповают на то, что Польшу удастся или запугать или взять настолько коротким ударом, что Англия не успеет вмешаться, а затем примирится с «реальными фактами», тем более будучи под постоянной угрозой со стороны Японии. Кстати, перспектива приобщения Японии к германо-итальянскому союзу ⁵¹ остается в резерве Берлина на случай нашего соглашения с Англией и Францией. Вмешательство же Франции в этом случае не страшно и считается вряд ли осуществимым. Что же касается нас, то в населении уже всюду гуляет версия о новой эре советско-германской дружбы, в результате которой СССР не только не станет вмешиваться в германо-польский конфликт, но на основе торгово-кредитного соглашения {{* [См. док. 575.](#)}} даст Германии столько сырья, что сырьевой и продовольственный кризисы будут совершенно изжиты. Эту уверенность в воссоздании советско-германской дружбы мы можем чувствовать на каждом шагу в беседах с лавочниками, парикмахерами и всевозможными представителями разнообразных профессий. Та антипатия, которой всегда пользовались в населении поляки, и скрытые симпатии, которые теплились в отношении нас даже в самый свирепый разгул антисоветской кампании, сейчас дают свои плоды и используются правительством в целях приобщения населения к проводимому курсу внешней политики.

Что касается *срока* возможной развязки, то предсказывать его, конечно, трудно, так как мало кому он в точности известен, кроме самого Гитлера. Иностранные наблюдатели теряются в догадках, произойдет ли это в конце августа или будет отложено до окончания нюрнбергского съезда, носящего, как нарочно, название «съезда мира». Во всяком случае, обострение может произойти в течение какой-нибудь недели. Нужно лишь последнее категорическое выступление фюрера и два-три дня на солидную концентрацию войск. Будет ли это в конце августа или в половине сентября, определить пока невозможно.

Надо упомянуть, что в течение последних недель в среде иностранных наблюдателей немало говорили об ослаблении итало-германских отношений. Утверждали, что Рим боится войны, противится обострению конфликта из-за Данцига и т. п. Доля истины в этих слухах, несомненно, есть, тем более что такие явления, как выселение немцев из Южного Тироля в Сицилию, возрастающий интерес немцев к Триесту и прочее также не служат признаками улучшения отношений. Очевидно, в целях ликвидации наметившейся трещины и произошла последняя встреча Риббентропа с Чиано ¹⁴⁶, результаты которой в полной мере еще не выяснились. Но как бы то ни было, трудно допустить, чтобы эти противоречия уже сейчас достигли столь сильной остроты, чтобы могли радикально изменить ход событий в ближайший период.

Поверенный в делах СССР в Германии
Г. Астахов

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 27, д. 61, л. 130-133.

543. Телеграмма военно-воздушного атташе СССР в Великобритании И. И. Черного в Генеральный штаб РККА

12 августа 1939 г.

По проверенным данным, Германия проводит военные приготовления, которые должны быть закончены к 15 августа. Призыв резервистов и формирование частей резерва проводятся в широком масштабе и замаскировано.

15 августа ожидается издание приказа «Шпаннунг» по всей Германии. Это очень серьезные мобилизационные мероприятия.

Подготавливается удар против Польши силами 1-й армии — 2, 3, 4, 8, 13, 17 и 18-м армейскими корпусами и бронедивизиями, ориентированными на восток. На западе проводятся только оборонительные мероприятия.

Германские военные круги ожидают, что Польше будет еще раз предложено мирное разрешение вопроса. Во всяком случае, решено покончить с этим вопросом в этом году.

И. Черный

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 540.

544. Из записи беседы рейхсканцлера Германии А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано

12 августа 1939 г.

[...] Фюрер ответил, что при решении польской проблемы нельзя терять времени. Чем ближе подходит осень, тем труднее будет проводить военные операции на востоке Европы. С середины сентября из-за условий погоды в этих районах почти не удастся использовать авиацию; вследствие плохого состояния дорог, которые в результате

начинающихся осенью дождей быстро превратятся в болото, также невозможно было бы использовать и моторизованные части. С сентября по май Польша представляет собою большое болото и полностью непригодна для каких-либо военных действий. Таким образом, в октябре Польша просто могла бы занять Данциг — а она, по-видимому, имеет такие намерения,— тогда как Германия не могла бы ничего поделать против этого, поскольку обстреливать и разрушать Данциг, разумеется, нет смысла.

Граф Чиано спросил, в какой срок, по мнению фюрера, необходимо решить вопрос с Данцигом. Фюрер ответил, что этот вопрос так или иначе надо решить до конца августа. На вопрос Чиано, как он представляет себе решение этого вопроса, фюрер ответил, что в политическом отношении Польша должна уступить Данциг, причем само собой разумеется, что ее экономические интересы не будут затронуты и что в остальном ее общая позиция должна способствовать устранению напряжения. Он сомневается в том, что Польша будет готова на это, ибо до настоящего времени она отклоняла германские предложения. Фюрер сказал, что лично Беку он сделал эти предложения во время его визита в Оберзальцберг {{* [См. док. 102.](#)}}. Они были чрезвычайно выгодны для Польши. За отказ от Данцига в пользу Германии в политическом отношении, при полном соблюдении польских экономических интересов, и за установление связи между Восточной Пруссией и рейхом Германия обещала гарантию границ, заключение на 25 лет пакта о дружбе и участие Польши в делах, касающихся Словакии. Бек в свое время принял к сведению данное предложение, заметив при этом, что он хотел бы изучить его. Резкий отказ последовал лишь в результате английского вмешательства. Впрочем, какие цели преследует Польша, можно со всей ясностью понять из прессы. Хотят захватить всю Восточную Пруссию, продвинуться вплоть до Берлина и т. д. Для великой державы на длительный период невыносимо терпеть соседа, питающего к ней такую сильную вражду и отдаленного от ее столицы всего на 150 км. Фюрер поэтому преисполнен решимости использовать первую же политическую провокацию (будь то ультиматум, жестокое обращение с немцами в Польше, попытка установить голодную блокаду Данцига, ввод польских войск на территорию Данцига или тому подобное), чтобы в течение 48 часов обрушиться на Польшу и таким путем решить проблему. Это означало бы существенное укрепление «оси», точно так же как и ликвидация Югославии Италией означала бы существенный прирост сил «оси».

Граф Чиано спросил, когда можно ожидать проведения подобной операции против Польши, так как, по его мнению, Италия, естественно, должна подготовиться к любым возможностям. На это фюрер ответил, что в нынешних условиях в любой момент нужно считаться с выступлением против Польши ¹⁴⁷. [...]

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С 540-542.

545. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

12 августа 1939 г.

В то время как генерал Думенк прибывает сюда с директивами (и то, что он мне сообщает о них, соответствует Вашей телеграмме № 571), английский адмирал имеет письменные инструкции (которые он мне зачитал), в соответствии с которыми он не должен вступать в конкретные военные переговоры, пока не будут урегулированы последние расхождения во взглядах по политической части соглашения (косвенная агрессия).

Мой коллега и я считаем, что прежде всего инструкции адмирала противоречат тому, о чем было договорено между тремя правительствами (проводить военные переговоры одновременно с доработкой того, что остается урегулировать в политических переговорах) . Далее они могут очень навредить, если только британское

правительство не намерено аннулировать уже достигнутые столь важные результаты и тайно не хочет провала переговоров, о желании успеха которых оно заявляет публично. Невероятная гипотеза, учитывая характер Невилля Чемберлена.

Русские, и так слишком склонные ставить под вопрос нашу твердую решимость брать конкретные обязательства, не преминут проявить еще большее недоверие.

Они подумают, что мы хотим их скомпрометировать... {{* Пропуск в расшифровке (*прим. документа*).}} Германией, посылая миссии и в то же время отказываясь заключать военные соглашения, без которых политические договоренности, как бы тщательно они ни были выработаны, не имеют никакой практической силы.

Генерал Думенк сообщил мне, что он убедил адмирала сообразовать его позицию со своей. Мой коллега подтвердил мне, что у последнего действительно такое намерение, несмотря на его инструкции. Тем не менее сэр У. Сидс считает необходимым запросить Форин офис в соответствии с нашими общими взглядами. Он намеревается это сделать сегодня во второй половине дня после первой встречи трех миссий, которая должна состояться сегодня утром под председательством маршала Ворошилова.

Я не сомневаюсь, что... {{** Пропуск в расшифровке (*прим. документа*).}} независимость и патриотизм адмирала заставят его действовать во имя лучшего, вопреки данным ему инструкциям.

В этих условиях я могу только оставить за Вами право оценить, надлежит ли Вам тем не менее срочно предпринять действия в Лондоне.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVII. P. 870 — 871.

546. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции ¹⁴⁸

12 августа 1939 г.

Начало заседания в 11 час. 30 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов. Господа, я считаю целесообразным прежде всего установить порядок заседаний военных миссий, т. е. установить дни и часы работы. Затем, мне кажется, было бы правильным установить порядок председательствования, очевидно, председательствование потребуется. Мне казалось бы, по этому вопросу было бы правильным решить председательствование по очереди, по дням: один день председательствует глава одной миссии, другой день — глава другой миссии и т. д.

Кроме того, предлагаю решить, как называть заседания военных миссий Англии, Франции и СССР. Полагаю, правильным будет, если наши заседания будем называть совещанием.

После короткого обмена [мнениями] между членами миссий главы военных миссий Англии и Франции выражают свое согласие с внесенным предложением о порядке председательствования, а также свое согласие именовать заседания военных миссий совещанием.

Маршал К. Е. Ворошилов (обращаясь к главам военных миссий). Какие будут ваши предложения о днях и часах совещания?

Французская миссия предлагает заседать каждый день и заседания устраивать два раза в день.

Английская миссия не возражает.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия согласна устраивать заседания каждый день по два заседания.

Английская и французская миссии вносят совместное предложение: утреннее заседание проводить с 10 час. 30 мин. до 12 час. 30 мин. и вечернее заседание — с 17 час. 30 мин. до 19.00 час.

Предложение принимается.

Маршал К. Е. Ворошилов предлагает решить, кто сегодня будет председательствовать и сколько будет сегодня заседаний, два или одно.

После обмена мнениями английская и французская миссии предлагают сегодня устроить одно заседание и председательствование возложить на главу советской военной миссии маршала К. Е. Ворошилова.

Предложение принято.

Маршал К. Е. Ворошилов. Совещание военных миссий Англии, Франции и СССР объявляю открытым. Я полагаю, что нет надобности в каких бы то ни было речах, и предлагаю приступить прямо к делу.

Считаю необходимым, прежде всего, решить такой вопрос: первое — считают ли английская и французская миссии необходимым соблюдение секретности наших совещаний?

После обмена мнениями между миссиями адмирал Дракс {{* Глава английской военной миссии. }} и генерал Думенк заявляют, что совещание необходимо сделать секретным и все сообщения в прессе, какие совещание найдет нужным сделать, могут быть даны только с согласия всех трех миссий.

Советская миссия принимает это предложение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Второй вопрос — мне хотелось бы знать мнение миссий относительно того, будут ли протоколироваться результаты нашего совещания. Лично полагал бы, что протоколировать речи и выступления нет надобности, поскольку принято решение о секретности совещания, но отдельные решения, если таковые будут иметь место, надо протоколировать. И еще один формальный вопрос. Я полагаю, что все выступления английских, французских и советских делегатов должны переводиться по

принадлежности: выступления французских делегатов переводятся французским переводчиком, английских — английским и советских — советским.

После обмена мнениями принимается предложение маршала К. Е. Ворошилова протоколировать только принимаемые решения, а также и предложение о порядке перевода выступлений.

Маршал К. Е. Ворошилов. Формальности все окончены. Мы могли бы приступить сейчас к обсуждению вопросов по существу. Но мне кажется вполне естественным, [что], прежде чем приступить к обсуждению по существу интересующих нас вопросов, следует взаимно ознакомить друг друга с письменными полномочиями о предмете тех вопросов, по которым мы здесь будем вести разговоры. Я предъявляю мой и моих товарищей мандат на ведение переговоров и подписание военной конвенции, если мы окончательно договоримся по интересующим нас вопросам. Прошу Вас, г-н адмирал Дракс, и Вас, г-н генерал Думенк, ознакомить нас с вашими полномочиями и предъявить свои мандаты. Предлагаю все письменные полномочия, какие имеются, перевести на языки миссий. Читаю свой мандат по-русски.

Маршал К. Е. Ворошилов зачитывает текст своего полномочия **{** [См. док. 530.](#) }**, после чего текст переводится на французский и английский языки.

Ген. Думенк предъявляет свой мандат.

Адм. Дракс заявляет, что он не имеет письменного полномочия; он уполномочен вести только переговоры, но не подписывать пакта (конвенции).

На вторичный вопрос маршала К. Е. Ворошилова, имеются ли у адмирала Дракса какие-либо письменные полномочия, адмирал Дракс заявляет, [что] он предполагает, что его полномочия английским посольством доведены до сведения советской миссии, но письменных полномочий у него нет. В случае надобности он это полномочие в письменном виде может предъявить в возможно короткий срок.

Маршал К. К. Ворошилов. Я полагаю, вы отлично понимаете, что мы не сомневаемся в том, что вы представляете интересы ваших стран, в частности английская миссия представляет здесь английскую армию, флот и воздушные силы, а французская миссия — французскую армию, флот и воздушные силы. Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы было видно взаимно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут окончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи. Мы можем вести переговоры по вопросам организации обороны Англии, Франции и СССР от агрессивных стран Европы, и мы можем подписать военную конвенцию. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок, и форму наших переговоров.

Адм. Дракс заявляет, что советская миссия находится в преимущественных условиях, так как имеет возможность непосредственно сноситься со своим правительством. Далее адмирал Дракс заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия, но ввиду дальности расстояния от Лондона он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию [не] видело его правительство.

Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании.

Адм. Дракс заявляет, [что] он считает, что отсутствие полномочий не должно служить препятствием к ведению переговоров и что не было таких прецедентов, чтобы миссия, которая едет для военных переговоров, уполномочивалась подписывать конвенцию без правительства. Так было при наших переговорах с Турцией и Польшей.

Ген. Думенк зачитывает свои полномочия, текст которых сводится к следующему:

«Председатель совета [министров], министр национальной обороны, военный министр назначают члена Высшего военного совета генерала Думенка главой военной миссии, направляемой в СССР, и уполномочивают его договориться с главным командованием советских военных сил по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между военными силами обеих стран».

Записано со слов переводчика французской миссии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что наша миссия не будет иметь возражений против того, чтобы принять к сведению заявление главы английской миссии адмирала Дракса о том, что отсутствующие письменные полномочия им будут представлены своевременно и что этот момент не может служить препятствием Для начала нашего совещания и для обсуждения вопросов по существу.

Адм. Дракс заявляет, что он с удовлетворением принимает заявление главы советской миссии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Теперь я хотел бы просить главу английской миссии адмирала Дракса и главу французской миссии генерала Думенка сообщить нам их предложения относительно тех мероприятий, которые должны обеспечить, по их мнению, организацию обороны договаривающихся стран, т. е. Англии, Франции и Советского Союза. Есть ли у миссий Англии и Франции соответствующие военные планы?

Адм. Дракс заявляет, что, приезжая сюда по приглашению Советского правительства, он рассчитывал, что проект будет предложен советской миссией.

Маршал К. Е. Ворошилов. У нас кое-какие наметки плана имеются, но мы полагаем, что каждая миссия должна иметь свои предложения, поэтому нас очень занимает вопрос о том, что собой представляют ваши планы. Наше правительство пригласило военные миссии Англии и Франции в надежде на то, что эти вопросы как английский, так и французский генеральные штабы неоднократно обсуждали и у них имеются эти планы, тем более что нашему совещанию предшествовали политические переговоры, начатые по предложению Англии. Поэтому естественно, что этот вопрос не мог не быть в поле зрения английского и французского правительства.

Адм. Дракс заявляет, что у них, конечно, имеется план, но [разработанный] в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, мы [заявляет Дракс] точно выработанного плана не имеем. Германия уже имеет отобюрозованных 2 млн войск, и ее выступление намечено на 15 августа. Мы приехали в Москву в надежде обсудить план более точно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия не претендует на то, чтобы дать законченный во всех деталях военный план. Мы, однако, считаем целесообразным и абсолютно

правильным, если хотите, справедливым, предъявление со стороны миссий Англии и Франции плана военной обороны трех договаривающихся стран от агрессии в Европе, хотя бы в том виде, в каком он есть. Советский Союз находится в несколько отличном положении, чем Англия и Франция. Советский Союз непосредственно не соприкасается на западе со странами блока агрессоров, поэтому он может служить объектом для нападения лишь во вторую очередь. Что же касается Франции и Англии, а также тех стран, с которыми Англия и Франция уже заключили те или иные пакты, то они являются непосредственно граничащими со странами блока агрессоров, и, разумеется, у вас в первую очередь должны быть наметки против возможных [военных] нападений агрессоров. Мы ваших планов не знаем. До тех пор пока мы не ознакомимся хотя бы с черновыми планами организации [обороны] Англии и Франции, а также тех стран, с которыми у вас имеются договоры сопротивления агрессорам, нам трудно со своим планом выступать. Поэтому я просил бы если не сегодня, то к завтрашнему утреннему заседанию подготовить сообщение о ваших планах, чтобы подвергнуть их обсуждению. Мы в свою очередь готовы представить свои планы, но повторяю, они также не претендуют на исчерпывающую полноту и точность.

После продолжительного обмена мнениями между членами английской и французской миссий адмирал Дракс заявил: как Вы сами указали, ваш план может быть несовершенен с нашей точки зрения, [однако] мы согласны на то, чтобы рассмотреть этот план, но особенно нас интересуют два вопроса:

О возможной войне для Германии { { * Так в оригинале. } } на два фронта.

1. О непосредственной связи вооруженных сил СССР и остальных государств, т. е. Англии и Франции.

Если бы можно было констатировать согласие по этим двум пунктам, этим было бы достигнуто многое.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы согласны обсудить или взаимно ознакомиться с планами, которые имеются у английской и французской миссий (один или два плана), и затем с нашим планом, после чего перейти к обсуждению всех других вопросов, которые, несмотря на их важность, тем не менее являются составными элементами самого плана.

Мне кажется, предварительно нужно рассмотреть ваши планы, а потом наш и приступить затем к обсуждению тех вопросов, о которых вы упомянули, т. е. вопроса относительно возможной войны на два фронта и затем вопроса о физической связи вооруженных сил Советского Союза с вооруженными силами Франции и Англии.

Адм. Дракс заявляет, что он очень доволен заявлением главы советской миссии и завтра предъявит в общих чертах проект наших общих целей, которые можно будет обсудить.

Маршал К. Е. Ворошилов. Цели у нас ясны, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этих целей. Цель у нас определенная: защита миролюбивых стран во главе с Англией, Францией и Советским Союзом от агрессивного блока в Европе. Это, по-моему, цель, и мы теперь должны обсудить средства, как добиться этих целей. Цели ясны.

Ген. Думенк заявляет, что все силы будут использованы против врага с их стороны и он думает, что все силы СССР должны сражаться против блока агрессоров.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это все верно, но прежде всего нужно обсудить военный план. Если агрессивный европейский блок нападет на одну из стран, его нужно будет разбить во что бы то ни стало, а для этого необходимо иметь соответствующий военный план. Этот план нужно обсудить в подробностях, договориться, подписать военную конвенцию и разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы.

Ген. Думенк выдвигает три принципа:

1. Создание для противника двух фронтов: на западе, на востоке.
2. Непрерывность фронтов.
3. Использование против неприятеля всех сил.

Маршал К. Е. Ворошилов. Эти принципы у нас не вызывают возражений, однако я хочу возвратиться к обсуждаемому вопросу — взаимно ознакомить друг друга с планами, после чего приступить к их обсуждению. А принципы, безусловно, правильные.

Адм. Дракс заявил, что, с Вашего согласия, мы сделаем перерыв, разойдемся по домам и подготовим материалы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нет возражений на этом закончить заседание? Нужно разрешить еще один формальный вопрос. Я предлагаю на каждом заседании намечать вопросы для обсуждения на следующем заседании. Если нет возражений против этого, то мы сейчас должны наметить пункты порядка дня завтрашнего, хотя бы утреннего, заседания и установить последовательность председательствования; она, по-моему, должна быть такой: глава советской миссии, английской и затем французской.

Адм. Дракс и ген. Думенк изъявляют свое согласие и далее указывают: что касается завтрашнего дня, то Вы уже определили программу.

Маршал К. Е. Ворошилов. Еще раз хочу уточнить: завтра мы должны взаимно ознакомиться с существующими у нас планами относительно организации защиты трех договаривающихся между собою государств — Англии, Франции и СССР — против блока агрессоров и затем перейти к их обсуждению. Если нет возражений, мы на этом могли [бы] закончить сегодня наше совещание.

Адм. Дракс и ген. Думенк согласны с этой программой и заявляют, что они постараются сделать все, что можно, для успешности работы.

На этом заседание закрывается.

Заседание закончилось в 13 час. 10 мин.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 3 — 12. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 212-218.

547. Запись утреннего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

13 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 45 мин. Окончание [заседания] в 12 час. 30 мин.

Председательствует глава английской миссии адмирал Дракс.

Адм. Дракс, прежде чем начать совещание, благодарит маршала Ворошилова за новую расстановку мест { { * Так в оригинале. } }, обеспечивающую успешность работы совещания, далее [он] просит выступающих говорить короткими предложениями для удобства перевода

Адм. Дракс, приступая к работе совещания, заявляет, что будет трудно одновременно обсуждать цели, принципы и планы, однако, учитывая предложения маршала Ворошилова, он выражает согласие вести обсуждение плана организации защиты от агрессивных стран в Европе.

Маршал К. Е. Ворошилов. Тут некоторое недоразумение, очевидно, виноват переводчик. Если мне будет позволено председателем, я уточню вчерашнее предложение. Вчера мы предложили обсудить на сегодняшнем заседании, вернее, взаимно ознакомиться с имеющимися у военных миссий планами по организации обороны договаривающихся сторон от агрессии в Европе, исходя из того положения, что принципы и цели уже всем нам известны и сами планы, которые мы будем обсуждать, имеют в своей основе соответствующие принципы; они должны исходить из того принципиального положения, что мы организуем наши вооруженные силы для защиты наших государств. Если бы оказалось, что этого предположения недостаточно, тогда можно будет особо коснуться принципов и целей. Но я выражаю опасение, что это отвлекло бы нас в сторону.

Повторяю, принципы и цели ясны. Планов мы еще не знаем. Поэтому нужно было бы перейти к изложению или сообщению плана.

Адм. Дракс заявляет, что в процессе заседания придется выяснить и письменно установить наши принципы и цели, но что он готов сегодня начать с вопроса о плане.

Далее адмирал заявил, что некоторые принципы в этих переговорах будут изложены в письменном виде в течение сегодняшнего дня.

Вас, вероятно, интересует больше всего план действия сухопутных сил на западной границе. Поэтому я попрошу генерала Думенка изложить план обороны западной границы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что г-н генерал Думенк, излагая план обороны западной границы, Франции и Англии, очевидно, не ограничится только западным, а выскажет свои предположения, как, по их мнению, должна быть организована защита, оттяжка сил агрессора на востоке. Я бы хотел, чтобы изложение его плана не ограничивалось только планом обороны Франции и охватило бы все предположения генерального штаба Франции.

Адм. Дракс замечает, что план будет касаться всех фронтов. Если будут возникать вопросы, просьба задавать их после сообщения генерала Думенка.

Само собою разумеется, что начальники генеральных штабов совместно выработают планы, здесь мы дадим общий набросок плана, а о деталях будем договариваться впоследствии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это не совсем понятно. План должен быть здесь определен. Мне кажется, что дело данного высокого совещания, представляющего и правительства, и вооруженные силы трех договаривающихся стран, заключается в том, чтобы установить здесь основы плана: количество войск трех держав, материальные ресурсы и реальное направление этих действующих сил в защите наших государств. Все это должно быть, как мне кажется, определено здесь.

Если у г-на председателя адмирала Дракса нет возражений, тогда мы договоримся, если есть другие предложения, я просил бы их уточнить.

Адм. Дракс предлагает сперва дать тезисы плана, а потом посмотреть, в чем его недостаток.

[Командарм] Б. М. Шапошников. Вчера генерал Думенк говорил относительно необходимости направить все силы против агрессии. Поэтому нашу военную миссию интересует план действий не только сухопутных, но и воздушных и морских сил.

Адм. Дракс заявляет, что в плане все это будет изложено. Но так как предполагалось, что советскую миссию более всего интересует план действий сухопутных сил, то генерал Думенк начнет свое сообщение именно с этого.

Маршал К. Е. Ворошилов. Начать можно с чего угодно. Нас интересует общий план — сухопутных, воздушных и морских сил. Против агрессора придется бросить все наличные силы трех договаривающихся государств и всех других, кто с ними связан.

Адм. Дракс просит заслушать сообщение генерала Думенка.

Ген. Думенк, обращаясь к совещанию, заявляет, что он, прежде чем докладывать, имеет две просьбы: первое — вследствие того, что он объявит достаточно точные цифры о состоянии французской армии, [он] просит слушателей держать слышанное в большом секрете и забыть при выходе из этого зала; второе — просит разрешить докладывать сидя и задавать вопросы после окончания всего доклада.

Обе просьбы генерала Думенка удовлетворяются.

Ген. Думенк. Выполняя предложение маршала Ворошилова, генерал Думенк заявляет, что он хочет начать свое сообщение о количестве [и] направлении действий вооруженных сил Франции и о технике, которая сопровождает его {{* Так в оригинале.}}.

Говоря о вооруженных силах Франции, генерал Думенк просит маршала Ворошилова и адмирала Дракса сделать ему честь представить французскую армию, готовую к сражению.

Французская армия состоит из 110 дивизий. Три дивизии объединяются в армейском корпусе, и 4 армейских корпуса сводятся в одну армию. Французские дивизии имеют по 3 пехотных полка и по 2 полка артиллерии. Армейские корпуса и армия имеют свою артиллерию и танки. Всего французская армия, кроме входящих в состав дивизий, имеет 4 тыс. современных танков и 3 тыс. пушек крупного калибра от 150 мм до 420 мм (75-мм [пушки] и гаубицы, входящие в состав дивизий, в это количество не входят). Сюда также не входят войска противовоздушной обороны, береговой обороны, войска Северной Африки и войска Западной Африки. К этому необходимо прибавить 200 тыс. войск республиканской Испании, которые просят принять их во французскую армию.

Маршал К. Е. Ворошилов. Они уже вступили или просятся вступить?

Ген. Думенк. Часть из них уже вступила. Кроме того, имеются центры (депо) обучения нового пополнения, о которых в докладе не упоминается.

Переходя к вопросу мобилизации, генерал Думенк рассказывает о времени, необходимом для сосредоточения войск на место действия *{* Так в оригинале.}*. Войска прикрытия будут готовы в течение шести часов и займут всю французскую границу и свои места в укрепленных районах. Укрепления сейчас имеются по всей французской границе, и линия Мажино продолжена до моря.

Часть этих укреплений, идущих от Юра до бельгийской границы, наиболее современна и лучше укреплена. Между Бельгией и морем их можно сравнить с линией Зигфрида.

В Юра и в Альпах имеются сильные прикрытия (отдельные узлы обороны) во всех тех местах, где могут проходить войска. Прикрытия эти очень удобны для обороны.

В течение последних двух лет Франция приложила много усилий для укрепления своих границ.

Имея на границе войска прикрытия под защитой укрепленных районов, французская армия в состоянии в течение меньше чем 10 дней подвести к границе все основные силы, причем 2/3 войск будут на месте сосредоточения через 8 дней и все остальные силы — на 2 дня позже.

Распределение этих сил по фронту неравное, но в течение 10 дней можно сделать любую перегруппировку. Генерал Гамелен располагает для этого 8 рокадами: четырем железнодородными и четырем шоссеыми.

Глубина этих рокад — 200 км. При помощи этих рокад главнокомандующий может менять диспозиции своих войск по собственному усмотрению.

Из 110 дивизий имеется 20 дивизий, которые довольно трудно перебросить, так как они поставлены для обороны Туниса, Корсики и для несения службы на линии Мажино. Остальные 90 дивизий могут быть легко переброшены.

Далее генерал Думенк переходит к вопросу снабжения.

Французская армия строго соблюдает правило иметь шестимесячный запас материалов, снаряжения и снабжения. Весь этот запас сосредоточен в точках, хорошо замаскированных от воздушного противника.

Не менее 10 ж[елезно] д[орожных] линий обеспечивают нормальное снабжение армии. Фабрикация (производство) снабжения производится на военных началах. Недавно во Франции издан закон, по которому все рабочие объявляются мобилизованными и получают мобилизационные карточки наравне с солдатами. По этому же закону правительству дано право мобилизовать необходимое количество рабочих для военных заводов. Для расширения производства стали, чугуна и другой продукции для нужд обороны нужно приспособить, кроме существующих военных заводов, также и другие предприятия. Примерно через 3 месяца продукция всех заводов будет равна потреблению. Через 6 месяцев она будет превосходить потребление.

Этим и объясняется наличие шестимесячного запаса, которым располагает французская армия.

Ген. Думенк, обращаясь к маршалу Ворошилову, спрашивает, если вопросы обеспечения горючим Вас интересуют, он может остановиться на этом вопросе.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если это Вас не задержит и входит в Ваш план, то мы готовы заслушать.

Ген. Думенк. Мы имеем в наших резервуарах запас горючего на 6 месяцев войны. Но, к сожалению, эти резервуары не все достаточно замаскированы, особенно расположенные на побережье. Принимаются меры к тому, чтобы их замаскировать.

Сейчас строят много подземных складов горючего. Если бы подвоз горючего прекратился, то в течение 3 месяцев мы имеем возможность наладить производство газогенераторных двигателей. Через 3 месяца количество их может быть доведено до 10 тыс. двигателей.

Мы имеем также возможность производства синтетического топлива различных видов.

Мы имеем достаточные запасы хлопка и спирта для производства взрывчатых веществ.

Далее генерал Думенк переходит к изложению плана операций.

Если главные силы фашистских войск будут брошены на западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление неприятеля. После того как будет задержан неприятель, французская армия сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку. К этому времени французская армия будет подкреплена английскими войсками, численность которых [он], к сожалению, не в состоянии вам сообщить.

При помощи тех рокад, о которых я вам доложил, генерал Га-мелен будет иметь возможность в короткий срок организовать мощную атаку.

В качестве примера могу привести следующее: по всем четырем дорогам (рокадам) может быть одновременно, с помощью автотранспорта, переброшено 15 дивизий.

Эта мощная атака воспрепятствует переброске неприятельских войск с запада на восток.

Если главные силы фашистских войск будут направлены на восточный фронт, то немцы вынуждены будут оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен будет всеми своими силами наступать против немцев.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если агрессор — в данном случае речь идет о Германии — будет нападать на восток, на Польшу, очевидно, тогда, по предположению генерала Гамелена, на французской границе будет оставлено не менее 40 немецких дивизий?

Ген. Думенк. Да, не менее 40 дивизий.

Далее Думенк продолжает: Гитлер заявляет, что линия Зигфрида непроходима (непреодолима), но с этим нельзя согласиться. Нет такой крепости, которую нельзя было бы взять.

Маршал К. Е. Ворошилов. Да, я также с этим согласен.

Ген. Думенк указывает, что в старые времена были города, окруженные мощными стенами, которые артиллерия не могла пробить, а они имели пять линий укреплений, и тем не менее эти города пали. Французы изучили способы вгрызаться (взламывать) в эту линию.

Я думаю также, что маршал Ворошилов достаточно знаком с этими способами. Нужно сперва взломать эти укрепления, затем расширить брешь.

Таким образом, генерал Гамелен заставит противника вернуть свои силы обратно с восточного фронта.

Если неприятель этого не сделает, то фашистские силы будут разбиты.

В заключение генерал Думенк заявляет, что он нарисовал общую картину французской обороны и если имеются вопросы, то он готов на них ответить, опираясь на свою несовершенную память.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если г-н председатель разрешит, я позволю себе задать следующие вопросы.

Первый вопрос технического порядка. Я хотел бы знать, есть ли какие-либо укрепленные узлы южнее линии Мажино и к морю?

Второй вопрос: какими, если можно узнать, сухопутными силами в том варианте, который был изложен генералом Думенком, участвует Англия во время войны?

Третий вопрос: какими силами участвует в войне в том же варианте, изложенном генералом Думенком, Бельгия?

Четвертый вопрос: примет ли участие в войне на стороне Франции Польша, какими силами и есть ли на этот счет договоренность с Польшей?

Пятый вопрос: предполагает ли генеральный штаб Франции участие на стороне агрессора Италии и если предполагает, что Италия будет участвовать в войне на стороне Германии, то какие силы Франция думает выдвинуть против итальянского фронта?

Шестой вопрос: сколько сил будет выделено французским генеральным штабом на испанской границе?

Я не задал еще двух вопросов, связанных с докладом генерала Думенка.

Первый из этих вопросов — это вопрос о плане действий французской авиации и затем о плане действий военно-морского флота Франции. Когда я говорю — французского, я допускаю неточность. Я имею в виду план действий соединенных воздушных и морских сил Франции и Англии.

Ген. Думенк просит разрешить ему ответить на вопросы вечером.

Адм. Дракс. Предлагаю прервать на этом заседание и продолжить его вечером в 17 час. 30 мин.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 13-22. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 218-223.

548. Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

13 августа 1939 г.

Начало заседания в 17 час. 36 мин. Окончание [заседания] в 19 час. 10 мин.

Председательствует генерал Думенк.

Ген. Думенк. Заседание объявляю открытым.

Я воспользовался перерывом, чтобы подготовить те принципы и цели {{* Так в оригинале.}}, о которых мы говорили ранее. Я передаю г-ну маршалу и г-ну адмиралу эти документы для их сведения, прошу их рассмотреть и сделать свои замечания к завтрашнему заседанию. (Передаёт документы маршалу К. Е. Ворошилову и адмиралу Драксу.)

Я перехожу теперь к ответам на вопросы, которые были предложены маршалом Ворошиловым.

Есть ли какие-либо укрепленные узлы южнее линии Мажино?

(Генерал Думенк показывает маршалу К. Е. Ворошилову на карте линию Мажино, которая, как он сообщил об этом на утреннем заседании, продолжена до моря.)

Вы поставили вопрос: как она продолжается южнее? Вдоль Рейна она достаточно сильна, как и на севере.

(Генерал Думенк показывает на карте особо укрепленные участки линии Мажино.)

Перехожу затем к укреплениям по реке Ду. Здесь имеется сетка укреплений с одним главным центром.

Далее идут горы, которые труднопроходимы.

(Генерал Думенк показывает на карте пункты в районе Альп, которые имеют особо сильные укрепления.)

Эти укрепления соответствуют естественным проходам, доступным для войск. С французской стороны Альпы особенно труднопроходимы вследствие большой ширины горной цепи, чего нельзя сказать о горах по другую сторону французской границы.

Я воспользуюсь своим правом председателя, чтобы не отвечать на Ваш второй вопрос относительно участия британских войск в обороне и предоставить слово представителю британской армии генералу Хейвуду.

Ген. Хейвуд. Англия приложила особенно много усилий для достижения могущества на земле, в воздухе и на море.

Я хочу дать некоторые сведения относительно организации сухопутных сил Англии.

Британская армия состоит из двух основных частей. Одна из них — профессиональная армия, сравнительно малочисленная, хорошо обученная, моторизованная и с модернизированным вооружением. Половина этой армии расположена в самой Англии и вторая половина — вне метрополии.

Вторая часть — это территориальная армия, более многочисленная, но менее обученная. Она расположена на местах.

Кроме этого имеются войска колониальные и войска доминионов.

Благодаря Гитлеру Англия ввела обязательную военную службу. Это значит, что теперь у нас гораздо легче разрешается вопрос о формировании большой армии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Регулярной или территориальной?

Ген. Хейвуд. И той, и другой.

Система теперешней армии такова, что после прохождения обязательной военной службы эти войска или записываются добровольно в регулярную армию, или в обязательном порядке записываются в территориальную армию.

Формирование частей теперь зависит исключительно от вооружения и снабжения.

Маршалу известны индустриальные возможности Англии, и вследствие этого программа будет реализована достаточно быстро.

Наша программа — это отмотилизовать один эшелон из 16 дивизий, который будет готов к первой стадии войны. Если война будет завтра, — количество войск будет незначительно, а если через 6 месяцев, — положение сильно изменится.

Маршал К. Е. Ворошилов. 16 дивизий, о которых сообщил генерал Хейвуд, они выставляются через какой срок после объявления войны?

Ген. Хейвуд. Срок будет кратчайшим.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если завтра вспыхнет война, то сколько дивизий и в какой срок могут быть переброшены во Францию?

Ген. Хейвуд. В настоящее время в Англии имеется 5 дивизий пехотных и 1 механизированная, которые полностью укомплектованы благодаря призыву молодежи и которые могут быть направлены немедленно.

Я напомним, что в прошлой войне мы начали с 6 дивизиями, а окончили [с] сотней. И, находясь в настоящее время в лучшем положении, мне кажется, мы могли бы принять значительно большее участие {{* В оригинале: большие участки.}} в первый период войны.

Маршал К. Е. Ворошилов. Г-н генерал имел намерение сообщить также о втором эшелоне, но мы ему помешали в этом своими вопросами. Сейчас я прошу г-на генерала сообщить нам о втором эшелоне.

Ген. Хейвуд. 19 дивизий уже существуют, формирование остальных 13-ти продолжается и зависит исключительно от вопросов вооружения и снабжения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Стало быть, в первом эшелоне 16 дивизий и во втором эшелоне еще 16. Так я понял?

Ген. Хейвуд. Так точно.

Ген. Думенк. Разрешите перейти к третьему вопросу — об участии Бельгии в войне в этом варианте. Я постараюсь ответить на этот вопрос возможно яснее и шире.

Вопрос о Бельгии для нас является таким же, как и вопрос о Швейцарии. Я хочу говорить о западном фронте, который касается одинаково обеих этих стран.

В первую очередь армии этих стран должны защищать их территорию. Мы не должны и не можем вступить на их территорию, прежде чем они нас об этом не попросят. Но мы готовы ответить на этот призыв. Если эта просьба придет с опозданием и их фронт будет угрожаем, в этом случае наши механизированные войска и авиация начнут свои действия.

В это же время с помощью имеющихся рокад генерал Гамелен сумеет обеспечить численное превосходство.

Во всяком случае, мы готовы всеми способами и средствами обеспечить им помощь, в частности, организацией путей сообщения у них в тылу, в которых они ощущают недостаток, и обеспечивая необходимым вооружением и снабжением.

Я знаю, с другой стороны, и, вероятно, об этом известно и маршалу Ворошилову, что теперь эти две страны заняты постройкой сильных укреплений на своих границах.

Перехожу к четвертому вопросу: какое участие приняла бы Польша и есть ли с ней какая-нибудь договоренность по этому поводу?

Польша имеет с Францией договор о взаимной помощи. Если Польша будет атакована, то о том, как мы будем действовать на западном фронте, я доложил уже сегодня утром. Если Польша не подвергнется нападению, а подвергнется нападению Франция, в этом случае Польша обязана сделать для нас то, что мы обязаны будем сделать для нее.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нельзя ли узнать более конкретно, что это означает?

Ген. Думенк. Лично мне не известны точные цифры войск, какие должна выставить Польша. Все, что я знаю, это то, что главнокомандующий польской армией обязан оказать нам помощь всеми имеющимися у него силами.

Разрешите перейти к пятому вопросу: принял ли во внимание генеральный штаб Франции, что Италия будет участвовать на стороне Германии, а если так, то какие силы будут выставлены против.

Да, я принял это во внимание, и прикрытия на итальянской границе имеются, кроме того, предусматривается концентрация войск, если к тому будет необходимость. Я полагаю, что для первоначального отпора понадобится 8 дивизий. Переброска подкреплений к этим 8 дивизиям в значительной мере будет зависеть от времени года, так как граница проходит в Альпах.

Маршал поставил в связи с этим другой вопрос: выступит ли Италия одновременно с Германией?

Маршал К. Е. Ворошилов. Мы такого вопроса не выдвигали.

Первый ответ исчерпывает наш вопрос.

Адм. Дракс. В Лондоне мы имели некоторые сведения по этому поводу, хотя полной уверенности в них нет. В соответствии с этими сведениями нам кажется, что, если бы СССР имел военный договор с западными державами, тогда сомнительным стало бы одновременное выступление Италии совместно с Германией. Нам кажется также, на основании этих сведений, что при наличии такого военного договора Гитлер не пошел бы на риск войны.

Ген. Думенк. Пословица говорит: «Хочешь мира, готовься к войне», и мы должны готовиться к войне.

Перехожу к следующему вопросу: какие силы предполагает Франция иметь на испанской границе?

Насколько мне известно, единственной силой являются там пограничные посты. Одним из вариантов, кажущимся весьма правильным, является подкрепление этой границы бывшими войсками республиканской Испании.

Раньше чем перейти к очередному вопросу, я хотел бы остановиться на следующем. Мне кажется, маршал просил высказать наш взгляд на итальянские силы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Этот вопрос мы не ставили.

Ген. Думенк. Тогда разрешите остановиться на вопросе о плане

военных действий соединенных воздушных и морских сил Франции и Англии.

Я знаю, что французский флот очень тесно сотрудничает с английским флотом и что вместе они представляют мощную силу.

Главная цель наших флотов — уничтожение неприятеля. Это главная задача, все остальное является последующей целью.

Есть, конечно, много деталей, но они касаются сообщений между фронтами. Я еще вчера хотел говорить об этих сообщениях, но, согласно Вашему желанию, г-н маршал, я сегодня говорил лишь о сухопутных силах.

Вопрос о сообщении между западным и восточным фронтом имеет исключительно важное значение. Важно добиться такого положения, чтобы генерал Гамелен и маршал Ворошилов могли сообщаться, консультироваться и друг другу помогать. Каждый является ответственным за свой фронт, но оба фронта должны осуществлять между собой связь.

Перехожу теперь к вопросу о воздушных силах.

Авиация по своим задачам разделяется на две части: на войсковую и самостоятельных действий.

В настоящее время мы располагаем одной эскадрильей на две дивизии. Кроме того, имеются резервные самолеты для подкрепления войсковой авиации.

Но я забыл о том, что являюсь председателем и что в составе нашей миссии имеется специалист по авиации — генерал Вален, который командует воздушной дивизией в Реймсе.

Ген. Вален. Я могу лишь присоединиться к тому, что сказал генерал Думенк, а именно, что наша авиация разделяется на две части: на войсковую и самостоятельного действия (истребительная и бомбардировочная).

Что касается войсковой авиации, Франция имеет достаточное количество разведывательных самолетов и самолетов для взаимодействия с артиллерией (корректировщиков). Я считаю это очень важным, а поэтому необходимо увеличить численность этой авиации.

Войсковая авиация распределяется следующим образом: одна эскадрилья на две дивизии и две разведывательные эскадрильи на каждую армию.

Всего имеется 70 эскадрилий по 10 самолетов в каждой.

Эти самолеты войсковой авиации не все одного типа, что диктуется возложенными на них функциями.

Что касается авиации истребительной и бомбардировочной, то ее применение недостаточно ясно определено по сравнению с войсковой авиацией. Необходимо прежде всего решить вопросы действия наземных войск. Этот вопрос связан с общим ведением войны. Мы только изучаем этот вопрос на основании имеющихся данных о действиях союзной авиации на восточном фронте.

Мне кажется также, что этот вопрос об истребительной и бомбардировочной авиации мы должны отложить до тех пор, пока мы не узнаем планов военных действий на восточном фронте.

Я имел возможность обменяться мнениями по этому вопросу с маршалом Бернетом {{* Член английской военной миссии.}}, который разделяет эту точку зрения, но, к сожалению, я не имел еще возможности говорить на эту тему с генералом Локтионовым. Однако, зная его как большого специалиста в вопросах авиации, я не сомневаюсь, что он разделяет ту же точку зрения.

[Командарм] А. Д. Локтионов. Мне казалось, что здесь следовало бы сказать о количестве самолетов, [об] организации французской авиации самостоятельного действия, а также об участии английского воздушного флота на фронтах Франции.

Ген. Вален полагает все же, что следовало бы изучить авиацию трех стран и задачи, которые на них будут возложены.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия не возражает.

Ген. Думенк предлагает наметить порядок работы следующего заседания и полагает, что маршал Ворошилов сделает такое же сообщение о диспозиции советских войск на восточном фронте, какое он сделал в отношении французских войск.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я не возражаю против предложения, выдвинутого генералом Думенком, но хотел бы до этого получить от англо-французской миссии ответ еще на один вопрос относительно того, как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию или если агрессор нападет на Польшу или Румынию или на Польшу и Румынию вместе, а также если агрессор нападет на Турцию. Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против нас.

Ген. Думенк. Мы сегодня изучили положение на западном фронте и сообщили, [какие] наши силы могут быть выставлены на этом фронте. Я был бы рад иметь от маршала Ворошилова такие же данные относительно восточного фронта.

Маршал К. Е. Ворошилов. Очевидно, г-ну генералу неправильно перевели мой вопрос. Я довел до сведения высокого совещания, что охотно сделаю интересующие их сообщения, но до этого я хотел бы получить ответ на свой вопрос: как представляют генеральные штабы Англии и Франции участие вооруженных сил Советского Союза совместно с вооруженными силами Англии и Франции в борьбе против блока агрессоров или главного агрессора?

Ген. Думенк выражает свое согласие ответить на этот вопрос завтра, с тем чтобы после этого заслушать сообщение маршала Ворошилова.

Маршал К. Е. Ворошилов. Правильно ли понят мой вопрос? Я хочу дать пояснение, Советский Союз, как известно, не имеет общей границы ни с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии

Ген. Думенк заявляет, что завтра он сделает об этом сообщение.

Адм. Дракс вносит предложение вместо [двух] заседаний устроить одно заседание с 10 час. до 13 час. с 30-минутным перерывом, чтобы не терять времени на переезд.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская миссия считает, что нужно было бы работать не менее четырех часов. Против одного заседания в день наша миссия не возражает и предлагает заседание начинать в 10 час. и работать до 14 час. с перерывом на 15 мин.

Это предложение принимается.

Ген. Думенк объявляет заседание закрытым.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, д. 23 — 32. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 224-229.

ПРОЕКТ
ФРАНКО-АНГЛО-СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ
{* Вручен военной миссии СССР 13 августа 1939 г., перевод с французского.}

Преамбула

Настоящая конвенция будет осуществляться как следствие постановлений договоров, которые объединяют три договаривающиеся державы, когда будет иметь место один из случаев, предусмотренных этими договорами.

Ввиду современной военной ситуации в Европе эта конвенция касается неотложных мероприятий, которые будут приняты в случае, если бы война разразилась в ближайшем будущем.

Статья I

Три договаривающиеся стороны согласны в том, что основное значение имеет установление непрерывного, прочного и долговременного фронта на восточных границах Германии, так же как и на ее западных границах.

Статья II

В целях оказания незамедлительного сопротивления развитию военных действий со стороны общего противника три договаривающиеся державы соглашаются действовать всеми своими силами, воздушными, сухопутными и морскими, на всех неприятельских фронтах, где они могут аффективно сражаться до низвержения германской мощи.

Способ использования этих сил зависит от решений соответствующих верховных командований. Эти решения будут согласовываться по мере развития событий, но первоочередные общие цели определены настоящим соглашением.

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 234—236. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 229-230.

549. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

13 августа 1939 г.

От имени Риббентропа, с которым до этого имел телефонный разговор (Риббентроп находится в Зальцбурге), несмотря на воскресный день, Шнурре вызвал меня из-за города и сообщил следующее: германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений {* [См. док. № 528, 529.](#)}, хотело бы приступить к ним возможно скорее. Оно хотело бы вести переговоры в Германии, но, поскольку мы предпочитаем вести их в Москве, оно принимает и это. Оно желало бы, однако, в этом случае поручить ведение переговоров кому-либо из ближайших доверенных лиц Гитлера, старому члену национал-социалистской партии. Оно считает, что, отправив в Москву такое лицо, оно также дало бы нам доказательство серьезности своих намерений в комиссии {** Так в тексте.} улучшить отношения. Такое лицо обменялось бы с вами мнениями по всем интересующим обе стороны вопросам, учитывая и наше пожелание о

последовательности. Намекнув, что Шуленбург этими качествами не обладает, Шнурре в качестве примера назвал фамилию Франка, рейхсминистра без портфеля, стоящего во главе юристрейха {{*** Очевидно, имеется в виду Академия права.}}. Франк — член партии с момента ее основания, участвовал с Гитлером в мюнхенском путче 1923 г. Шнурре считает, что, поскольку сейчас в Москве в связи с выставкой много иностранцев, поездка даже такого лица могла бы обойтись без особой сенсационности, которая, вообще говоря, нежелательна. Германское правительство очень хотело бы возможно скорее выяснить наше отношение к подобному проекту. Шнурре подчеркнул, что речь может идти вообще о лице подобного калибра, а не только о Франке.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 178-179.

550. Телеграмма военно-воздушного атташе СССР в Великобритании И. И. Черного в Генеральный штаб РККА

13 августа 1939 г.

Дополнительными данными подтверждается:

Срок выступления против Польши еще неизвестен. Полагают, что Польше сделают еще раз предложение, которое должно будет убедить ее в бесполезности сопротивления. Ей укажут, что она не должна быть инструментом Англии. Имеется решение покончить с этим вопросом в этом году.

До настоящего времени считают, что не следует ожидать активного вмешательства Англии и Франции и что конфликт будет иметь местный характер.

Против Польши сразу будет брошено большое количество войск — до 50 дивизий.

Штаты дивизий, предназначенных для выступления против Польши, скоро будут доведены до штата военного времени.

И. Черный

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 562.

551. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

14 августа 1939 г.

Заседание началось в 10 час. 05 мин. и окончилось в 14 час. 20 мин.

Председательствует Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите заседание военных миссий Франции, Англии и Советского Союза объявить открытым.

Ген. Думенк на вчерашнем заседании предъявил проект подлежащих, очевидно, рассмотрению нашего совещания принципов, как он выразился. Очевидно, эти так называемые принципы должны лечь в основу по смыслу их будущей конвенции. Ввиду серьезности вопросов советская военная миссия считает необходимым основательно изучить представленные три принципа, после чего даст свой ответ.

Разрешите перейти к обсуждаемому вопросу.

На вчерашнем заседании было решено, что сегодняшнее заседание мы начнем с того, что нам г-н генерал Думенк даст ответ на поставленный мною вопрос. Нужно ли повторить этот вопрос?

Ген. Думенк просит еще раз напомнить вопрос.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я вчера генералу Думенку задал следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию, если агрессор нападет на Польшу или Румынию или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против одной из договаривающихся стран или против тех стран, о которых я только что упомянул.

Ген. Думенк. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Мне на него очень легко ответить, так как, мне кажется, мы с маршалом хорошо друг друга понимаем.

Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этих фронтах. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят. И в этом случае мы должны обеспечить пути сообщения, которые у них недостаточно развиты. Я приготовил грубую схему, которая может пояснить мои мысли. (Ген[ерал] Думенк по своей схеме дает объяснение тов. К. Е. Ворошилову.)

Эти страны защищают свою территорию, но мы им оказываем помощь.

Маршал К. Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К. Е. Ворошилов. ... {{* Многоточие в документе.}} Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки вверх, что они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Ген. Думенк. Франция тогда будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимым.

Если обстоятельства заставят, генерал Гамелен возьмет ответственность за решение этого вопроса на себя. Фронт непроницаемый, крепкая связь с тылом и помощь путями

сообщения {{** Так в оригинале.}} этим странам. Сообщения между нами мы намерены изучать детально и согласны заняться этим попозже. Я не говорю о Турции, так как это также связано с вопросом о морских сообщениях, которые мы решили обсуждать позже.

Кроме этого основного участия {{** Так в оригинале.}} я вижу еще два очень важных момента, которые мы совместно должны обсудить. Первое — общие действия против путей сообщения неприятеля — фашистской державы (показывает на карте направление).

Маршал К. Е. Ворошилов. Морские коммуникации?

Ген. Думенк. Да. Вопросы снабжения и путей сообщения, как я уже сказал, мы детально изучим позже.

Второе — совместные действия нашей бомбардировочной и истребительной авиации. Это тоже вопрос, который мы согласились вчера отложить для обсуждения. Я спрашиваю маршала, являются ли мои объяснения достаточно ясными?

Маршал К. Е. Ворошилов. Не ясны. Я очень извиняюсь за откровенность, но мы, военные люди, должны быть откровенными.

Неясность этой схемы заключается в том, что я и, думаю, мои коллеги не совсем ясно представляем себе положение вооруженных сил на этой схеме Советского Союза {{* Так в оригинале.}}. В общем абрис весь понятен но положение вооруженных сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе.

Ген. Думенк. (Разворачивает карту СССР и показывает район западной границы.) Это фронт, которого немцы не должны перейти ни в коем случае. И это тот фронт, на котором должны быть базированы советские вооруженные силы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это «фронт», который мы всегда занимаем и который, можете быть уверены, г-н генерал, фашисты никогда не перейдут, договоримся мы с Вами или нет.

Ген. Думенк. Я очень рад слышать это заверение г-на маршала.

Если немцы нападут на Польшу, я не думаю, что советские силы могут принять участие в борьбе прежде, чем они закончат свое сосредоточение. Позволяю себе задать маршалу вопрос: в этот момент сможет ли он оказать помощь Польше, в момент, когда нападение случится?

Маршал К. Е. Ворошилов. Случайностей на свете не бывает. Относительно нашего плана, наших сил и возможностей мы потом будем докладывать согласно нашей вчерашней договоренности.

Ген. Думенк. Я доволен, что Вы изложите затем свою точку зрения на этот вопрос. Если маршал мог бы сейчас изложить свой план, было бы легче говорить о том, что можно сделать для оказания помощи Польше. Я сделал маршалу мои предложения, задал вопрос, и я прошу его контрпредложения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Г-н генерал Думенк ответил на часть заданного мною вопроса, но не на весь вопрос в целом. Речь идет о восточном фронте. Если агрессор или блок

агрессоров нападет на Польшу через Восточную Пруссию или непосредственно нападет на западную границу Польши — это один вопрос. На этот вопрос генерал Думенк ответил,

Вторая часть моего вопроса относится к случаю, если нападений агрессора будет произведено непосредственно на Францию или Англию или на обе эти страны вместе,— как тогда в представлении генеральных штабов Франции и Англии помогут войска Советского Союза их странам?

(Адмирал Дракс ведет длительный разговор с генералом Думенком.)

Ген. Думенк. Я объяснил вчера, что агрессия на западе автоматически втягивает и Польшу. В этих обстоятельствах генерал Гамелен думает, что нужно будет посмотреть, как сложится положение. Генерал Гамелен думает, что советские войска должны быть сконцентрированы в тех местах, как это указано по плану, и что самую близкую связь нужно будет держать между генералом Гамеленом и маршалом Ворошиловым, чтобы не предпринимать сухопутных операций с недостаточным количеством войск. Генерал Гамелен расположит свои силы по плану и попросит произвести немедленную воздушную атаку на Германию и на ее коммуникаций, а действия на западе будут подготовлены со значительным количеством сил.

Наверное, можно будет сказать, что, как только Польша и Румыния войдут в войну{{* Так в оригинале.}}, им понадобится помощь в снабжении. Мы сделаем все, что можем, и эти сообщения{{* Так в оригинале.}} будут обеспечены. Ноясно, что СССР может сделать многое в этом направлении, потому что Красная Армия лучше расположена.

Маршал К. Е. Ворошилов. Так, как вы себе это представляете, я с этим не согласен. Что значит лучше расположена? (Переводчик поясняет, что речь идет о географическом положении.) Безотносительно к тому, что происходит, наша страна хорошо расположена для защиты своих границ. Для участия в совместной борьбе против врага она не может считать себя так расположенной.

Ген. Думенк. Уточню вопрос таким образом, что речь идет о ваших воздушных силах и о нападении этих сил на Германию. Сейчас мы еще не обсуждаем вопроса о путях сообщения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора,— если он нападет. Только это я хочу знать и прошу дать мне ответ, как себе представляют эти совместные действия генерал Гамелен и генеральные штабы Англии и Франции.

Г-н генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос, или, вернее, добавление к моему вопросу:

Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию, для того чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее:

Предполагается ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию?

И еще:

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют.

(Адмирал Дракс ведет продолжительную беседу с генералом Думенком.)

Ген. Думенк. Я согласен с маршалом, что концентрация советских войск должна, главным образом, происходить в этих областях, указанных маршалом, и распределение этих войск будет сделано по Вашему усмотрению. Я считаю, что слабыми местами польско-румынского фронта являются их фланги и место их стыка. Мы будем говорить о левом фланге, когда перейдем к вопросу о путях сообщения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорил о концентрации советских сил, а спрашивал насчет того, предполагается ли генеральными штабами Англии и Франции пропуск наших войск к Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником.

Ген. Думенк. Я думаю, что Польша и Румыния Вас, г-н маршал, будут умолять прийти им на помощь.

Маршал К. Е. Ворошилов. А может быть, не будут. Пока этого не видно. У нас с поляками есть пакт о ненападении, а у Франции с Польшей имеется договор о взаимной помощи. Поэтому названный мною вопрос не является для нас праздным, поскольку мы обсуждаем план совместных действий против агрессора. На мой взгляд, у Франции и Англии должно быть точное представление о нашей реальной помощи или о нашем участии в войне. (Происходит продолжительный обмен мнениями между адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.)

Адм. Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросят ли Румыния и Польша помощи, становится совершенно очевидным.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я повторяю, господа, что этот вопрос для Советского Союза является весьма кардинальным вопросом.

Адм. Дракс. Еще раз повторяю свой ответ. Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и Румыния попросят помощи. Но это мое личное мнение, а для получения точного ответа, не оставляющего сомнений, нужно спросить Польшу.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я очень сожалею, что военные миссии Великобритании и Франции этого вопроса для себя не поставили и не привезли на него точного ответа.

(Адмирал Дракс и генерал Думенк снова обмениваются мнениями.)

Адм. Дракс. Вчера Вы, г-н маршал, попросили нашего мнения. Мы его Вам сообщили. Мы обсуждаем сейчас вопрос, решение которого зависит от польского правительства под давлением войны { { * Так в оригинале. } }. Я хочу привести Вам такой пример: если человек тонет в реке и на берегу стоит другой человек, который предлагает ему спасательный круг,— откажется ли тонущий человек от предложенной ему помощи? Спасательный круг будет на хорошем месте» если мы будем совместно действовать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если вы перешли на «притчи», разрешите и мне последовать вашему примеру. Я должен сказать следующее: ну а что, если «спасательный круг» будет на таком расстоянии, что его нельзя будет добросить до утопающего? Естественно, что такой круг утопающему никакой помощи не принесет.

Ген. Думенк. Я продолжу это сравнение и скажу, что этот «спасательный круг» в первую очередь должен быть крепким и солидным. Это вопрос, на котором я настаивал с военной точки зрения с самого начала.

Маршал К. Е. Ворошилов показывает на карте, как может быть реально оказана помощь и как Советский Союз может принять своими военными силами участие в совместной борьбе против агрессора.

Ген. Думенк. Это будет окончательная победа.

Маршал К. Е. Ворошилов. Неизвестно, что будет. В войне всякое бывает. Но это является предварительным условием — пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного разрешения, то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров.

Заявление генерала Думенка и других представителей французской и английской военных миссий о том, что Польша и Румыния сами попросят помощи, я считаю не совсем правильным. Они, Польша и Румыния, могут обратиться за помощью к Советскому Союзу, но могут и не обратиться или могут адресовать свою просьбу с таким опозданием, которое потом повлечет за собой очень большие и тяжелые последствия для армий Франции, Англии и тех союзников, которые у них будут. Мы в это время не в состоянии будем оказывать соответствующего воздействия на события.

Заявление, сделанное адмиралом Драксом о том, что если Польша и Румыния не попросят помощи у Советского Союза, то они очень скоро станут провинциями Германии,— это заявление весьма интересно. Я на этом вопросе остановлюсь в двух словах.

Самого мнения о том, что Польша и Румыния, если они не попросят помощи у СССР, могут стать очень быстро провинциями агрессивной Германии, я не оспариваю. Должен, однако, заметить здесь, [что] наше совещание является совещанием военных миссий трех великих государств и представляющие вооруженные силы этих государств люди должны знать следующее: не в наших интересах, не в интересах вооруженных сил Великобритании, Франции и Советского Союза, чтобы дополнительные вооруженные силы Польши и Румынии были бы уничтожены. А ведь если они, Польша и Румыния, не попросят своевременно помощи Советского Союза, то, по концепции адмирала, вооруженные силы Польши и Румынии будут уничтожены.

Вот почему военная миссия Советского Союза настаивает на том, чтобы предварительно, до того как мы договоримся окончательно о соответствующих документах, которые явятся результатом нашего совещания, был бы решен вопрос о пропуске советских войск на польскую территорию (на севере и юге) и на румынскую территорию.

Адм. Дракс. Мы выслушали заявление маршала с большим интересом, и я предлагаю теперь сделать 15-минутный перерыв во время которого мы обсудим заявление г-на маршала.

Маршал К. Е. Ворошилов. Не возражаю против этого, объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Заседание продолжается.

Ген. Думенк. Я хочу сказать прежде всего, что мы удовлетворены выдвинутыми предложениями маршала относительно организации обороны на восточном фронте. Мы думаем, что это лучший способ отбить агрессора. Но нужно быть уверенным в том, что со своей стороны мы будем располагать достаточными силами, которые смогут своевременно вступить в действие. Мы будем довольны, когда узнаем, какими средствами маршал думает вмешаться (включиться) в наши совместные действия. Может быть, маршал теперь это сделает.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы нашей миссии в целом не дали никакого ответа на прямо поставленный вопрос. Повторяю мой вопрос: будут ли советские вооруженные силы пропущены на территорию Польши в районе Вильно по так называемому Виленскому коридору? Раз.

Будут ли советские вооруженные силы иметь возможность пройти через польскую территорию для соприкосновения с войсками агрессора через Галицию? Два.

Будет ли обеспечена возможность вооруженным силам Советского Союза в случае надобности воспользоваться территорией Румынии, если агрессор будет действовать в этом южном направлении? Три.

Еще раз повторяю: для советской миссии ответы на эти прямо

поставленные вопросы являются кардинальнейшими ¹⁴⁰. Без точных и недвусмысленных ответов на эти вопросы дальнейшие разговоры наши не будут иметь актуального значения.

После получения ответа на эти три вопроса мы немедленно изложим наш план и наши предположения в том объеме, который мы считаем для себя необходимым и который, мне думается, вполне удовлетворит данное высокое совещание.

(Продолжительный обмен мнениями между генералом Думенком, адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.)

Ген. Хейвуд. (По поручению глав обеих миссий.) Для того чтобы иметь возможность дать точный ответ, мы просим предоставить нам 5 минут.

После десятиминутного обсуждения, во время которого адмирал Дракс и генерал Хейвуд привели в порядок свои записи и прочитали эти записи генералу Думенку, генерал Хейвуд от имени английской и французской военных миссий зачитывает следующее сообщение:

«Мы уже высказали достаточно ясно наше мнение и приняли к сведению суммарный итог всего сказанного г-ном маршалом. Ноне надо забывать, что Польша и Румыния — самостоятельные государства и в данном случае разрешение на проход советских вооруженных сил должно быть получено от их правительств. Этот вопрос превращается в политический вопрос, и СССР должен поставить его перед правительствами Польши и Румынии. Совершенно очевидно, что это является наиболее простым и прямым методом.

Однако если г-н маршал особенно настаивает на своем требовании, то мы можем снестись с Лондоном и Парижем, для того чтобы они задали правительствам Польши и Румынии следующий вопрос:

В случае если Советский Союз будет нашим союзником, могут ли они разрешить советским войскам пройти на территорию Польши в районе Виленского коридора и в Галиции, а также на территорию Румынии, для того чтобы сотрудничать в операциях против Германии в случае агрессии с ее стороны?

Возможно, что Германия завтра вторгнется на территорию Польши. Если мы не хотим терять времени, то можем ли мы продолжать нашу работу в надежде на получение положительного ответа на указанные вопросы? Наше личное мнение, что конференция может продолжаться с пользой.

Мы уже дали маршалу изложение наших планов организации обороны на западном фронте. Наши миссии, посылая запросы своим правительствам, будут чувствовать себя более уверенными, если они заслушают Ваш план использования советских вооруженных сил в случае получения разрешения на проход советских войск через территорию указанных государств».

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу у совещания разрешения устроить перерыв, для того чтобы сформулировать предложения советской военной миссии.

Объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Приношу мои извинения за задержку. Прошу заслушать заявление советской миссии:

Советская военная миссия в ответ на меморандум английской и французской военных миссий, зачитанный генералом Хейвудом, отвечает:

1. Советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами. Наоборот, именно исходя из этого бесспорного положения, советская военная миссия и просила английскую и французскую военные миссии ответить на вопрос: будут ли пропущены советские вооруженные силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Англии и Франции или против Польши и Румынии?

Этот вопрос тем более законен, что Франция с Польшей состоит в политическом и военном союзе, а Англия имеет пакт взаимопомощи и военный договор с Польшей.

2. Советская военная миссия согласна с мнением английской и французской военных миссий, что вышеуказанный вопрос является вопросом политическим, но еще в большей мере является вопросом военным.

3. Что же касается заявления военных миссий Англии и Франции о том, что наиболее простым является обращение Советского правительства по вышеупомянутому вопросу непосредственно к правительствам Польши и Румынии, то, поскольку СССР не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются, прежде всего, Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии, а также и о действиях советских войск на территории этих государств против агрессора должен быть разрешен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии.

4. Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал.

5. Советская военная миссия просит ускорить получение от правительств Англии и Франции ответа на поставленный вопрос.

До получения ответа советская военная миссия считает возможным изложить свои соображения о плане совместных действий против агрессии в Европе.

Я очень извиняюсь, что сегодняшнее заседание было целиком использовано на один вопрос и один ответ. Завтрашнее заседание будет посвящено изложению советских планов о том, как мы себе представляем совместные действия против агрессии в Европе, если мы договоримся о заключении военной конвенции.

Если вопросов и замечаний нет, можно объявить заседание закрытым. (Замечаний нет.)

Объявляю заседание закрытым.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 33-47. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 230-239.

552. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка военному министерству Франции

Москва, 14 августа 1939 г.

Три делегации имели два заседания 13 августа и одно длительное заседание 14 августа.

Советская делегация выразила желание добиться результатов и просила не обсуждать общих, признанных всеми принципов, а рассматривать только конкретные вопросы.

Вначале обсуждался вопрос о западном фронте, а завтра советская делегация должна сделать сообщение о военных средствах и о планах операций, предусмотренных на русском фронте. Но еще до этого советская делегация сегодня поставила в качестве условия заключения военного пакта наличие уверенности у Советской Армии в том, что она в случае агрессии против Польши и Румынии сможет, если окажется необходимым, вступить в Виленский коридор, в Галицию и на румынскую территорию {{* [См. док. 551.](#)}}. Наша работа тем не менее продолжается.

Наш посол полагает, так же как и я, что самым быстрым решением вопроса было бы направить в Варшаву генерала Валена, специально прикомандированного вами к польскому штабу. Он постарался бы получить от последнего секретное принципиальное согласие, которое позволило бы франко-британской делегации обсуждать этот вопрос на конференции с военной точки зрения, оставляя официально польское правительство в стороне.

Британская миссия полностью с этим согласна.

Ссылаясь на сегодняшнюю телеграмму посла, имею честь просить вас дать мне срочно инструкции.

Согласовано с двумя другими делегациями, что в прессе не будет публиковаться никаких сообщений о нынешнем состоянии переговоров. Я надеюсь, что смогу завтра дать точные сведения о районах румынской территории, о которых могла бы идти речь.

Генерал Думенк

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 572 — 573. Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XVIII. P. 23-24.

553. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

14 августа 1939 г.

Не сообщать прессе ни в прямой, ни в косвенной форме.

В телеграмме в министерство обороны, содержание которой я прошу Вас запросить у Даладьё, генерал Думенк дает отчет о заседаниях 13-го и 14-го {{** [См. док. 552.](#)}}.

Как и предвиделось в моей последней телеграмме № 867, русские говорили, по существу, о польских и румынских проблемах, первостепенная важность которых была отмечена во многих моих телеграммах, самые последние из которых имеют номера 629, 699, 707, 744, 784, '834 и т. д.

Не прерывая переговоры, следующее заседание на которых намечено на 15-е, и заявляя, что это не им, а нам надлежит урегулировать этот вопрос, потому что мы имеем с Польшей и Румынией договоры о помощи и гарантиях, русские считают, что если не последует ответа с нашей стороны, то работа делегаций будет обречена на неуспех.

Очевидно, что с самого начала трехсторонних переговоров от французского и английского правительств не ускользнула первостепенная важность румынского и польского факторов. Поэтому я уверен, что, учитывая прежде всего соображения, изложенные в Вашей телеграмме № 571, французское правительство срочно одобрит сделанные генералом Думенком в согласии со мной предложения с целью заставить поляков облегчить нам заключение... {{ * Пропуск в расшифровке (прим. документа). }} который из-за их уклонения держался бы в подвешенном состоянии и успех которого для них жизненно важен. Что касается румын, я могу только оставить за департаментом заботу об определении самого эффективного способа, с тем чтобы также принять их в расчет на тех же официальных условиях, которые мы предусматриваем для Польши.

Я согласен с моим коллегой и с адмиралом, который телеграфирует в Лондон. Полагаю, что, учитывая срочность, генерал Вален должен получить разрешение направиться в Варшаву, не ожидая согласия британского кабинета.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 Erié. T. XVIII. P. 24-25.

554. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

15 августа 1939 г.

Заседание началось в 10 час. 07 мин.

Окончилось в 13 час. 20 мин.

Адм. Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

После того как мы на вчерашнем заседании получили заявление советской военной миссии, мы передали его нашим правительствам и в настоящее время ожидаем ответа. Мы счастливы, что советская миссия в ожидании этого ответа сочла возможным продолжить работу нашего совещания. Мы также согласны продолжать работу.

Мы ожидаем теперь изложения советских планов на восточном фронте, которое, как сказал маршал, будет достаточным для французской и английской миссий.

Я попрошу теперь маршала начать это изложение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает к сведению заявление г-на председателя адмирала Дракса о том, что английская и французская миссии передали своим правительствам наши вопросы и ожидают ответа на них. Я считаю возможным теперь приступить к изложению наших планов и прошу г-на председателя разрешить предоставить слово начальнику Генерального штаба Красной Армии командарму 1-го ранга члену нашей миссии Б. М. Шапошникову.

Адм. Дракс. Прошу.

[Командарм] Б. М. Шапошников. На предыдущих заседаниях военных миссий мы заслушали развертывание французской армии на западе. Согласно просьбе военных миссий Англии и Франции, по поручению военной миссии СССР, я излагаю план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах.

Против агрессии в Европе Красная Армия в европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий (сюда входят и пушки, и гаубицы), 9 — 10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации), т. е. бомбардировщиков и истребителей.

В это число не входят войсковые части укрепленных районов, части противовоздушной обороны, части охраны побережья, запасные части (отрабатывающие пополнения (депо) и части тыла.

Не распространяясь в подробностях об организации Красной Армии, скажу коротко: стрелковая пехотная дивизия состоит из 3 стрелковых полков и 2 артиллерийских полков. Численность дивизии военного времени — 19 тыс. человек.

Корпус состоит из 3 дивизий, имеет свою артиллерию — 2 полка.

(Адмирал Дракс в разговоре с генералом Хейвудом интересуется, записывает ли кто-либо из офицеров сообщение [командарма] Шапошникова, и получает утвердительный ответ.)

Армии различного состава корпусов — от 5 до 8 корпусов — имеют свою артиллерию, авиацию и танки.

Боевая готовность частей укрепленных районов от 4 до 6 часов по боевой тревоге.

Укрепленные районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы — от Ледовитого океана до Черного моря.

Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней. Сеть железных дорог позволяет не только сосредоточить армию в указанные сроки к границе, но и произвести маневры вдоль фронта. Мы имеем вдоль западной границы от 3 до 5 рокад на глубину в 300 км.

Мы имеем сейчас достаточное количество мощных больших паровозов и большие грузовые вагоны размером в два раза большим, чем было раньше. Наши поездные составы ходят в два раза большие по весу, чем было раньше. Увеличена скорость движения поездов.

Мы имеем значительный автотранспорт и рокады — шоссе, позволяющие произвести сосредоточение автотранспортом вдоль фронта.

Мы выслушали общие соображения о плане действий от главы французской миссии генерала Думенка и ничего конкретного не слышали о плане действий английской армии от генерала Хейвуда. Также ничего не слышали в конкретном изложении о планах действий на море объединенного англо-французского флота.

Я сейчас изложу одобренные военной миссией СССР три варианта возможных совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР в случае агрессии в Европе.

Первый вариант — это когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70% тех вооруженных сил, которые Англией и Францией будут непосредственно направлены против главного агрессора — Германии. Я поясню. Например, если бы Франция и Англия выставили против Германии непосредственно 90 пехотных дивизий, то СССР выставил бы 63 пехотные дивизии, 6 кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков, самолетов общей численностью около 2 млн человек.

В этом варианте считается обязательным участие в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, всеми ее силами. Причем от 40 до 45 пехотных дивизий Польша должна сосредоточить для главного удара на своих западных границах и против Восточной Пруссии.

Правительства Англии и Франции должны добиться от Польши обязательства на пропуск и действия вооруженных сил СССР, сухопутных и воздушных, через Виленский коридор и по возможности через Литву — к границам Восточной Пруссии, а также если обстановка потребует, то и через Галицию.

Хотя конкретных планов по действию морских флотов Англии и Франции высказано не было, считаю необходимым привести соображения Генерального штаба Красной Армии, одобренные военной миссией СССР.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью:

1. Закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов.

2. Англия и Франция должны добиться от Балтийских стран

согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами (Эзель, Даго, Вормс) {{* Саарема, Хийумаа, Вормси.}}, портов Ганге, Пернов, Гапсель, Гайнаш и Либава {{** Ханко, Пярну, Хаапсалу, Айнажи, Лиепая.}} в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии.

3. Перерыв подвоза в Германию из Швеции руды и другого сырья.

4. Блокаду берегов главного агрессора в Северном море.

5. Господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл.

6. Крейсерские операции у берегов Норвегии и Финляндии, вне их территориальных вод, у Мурманска и Архангельска — против подводных лодок и крейсеров флота агрессора — у этих берегов.

Северный флот СССР ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии, вне их территориальных вод, совместно с англо-французской эскадрой.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он в случае благоприятного разрешения вопроса о временном занятии вышеуказанных островов и портов, будет базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаве, в целях охраны независимости Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании. Подводные лодки Балтийского флота СССР мешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

(По мере изложения [командармом] Б. М. Шапошниковым плана действий адмирал Дракс и генерал Хейвуд наносят на имеющиеся у них кроки обстановку.)

Второй вариант возникновения военных действий — это когда агрессия будет направлена на Польшу и Румынию. В этом случае Польша и Румыния выставляют на фронт все свои вооруженные силы.

Польша должна защищать Румынию. Польша и Румыния могут быть атакованы не одной только Германией, но и Венгрией. Германия может бросить до 90 дивизий против Польши.

Франция и Англия должны вступить и объявить немедленно войну агрессору.

Участие СССР в войне может быть [осуществлено] только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и, по возможности, с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях — через Виленский коридор, через Галицию и Румынию.

В этом случае СССР выставляет 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно. Например, если Франция и Англия выставят против Германии 90 пехотных дивизий, то и СССР выставляет 90 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Задачи морских флотов Англии и Франции остаются те же, что указаны в первом варианте. Задачи Северного и Балтийского флотов СССР также остаются те же, что и в первом варианте.

На юге Черноморский флот СССР, заградив устье Дуная от проникновения по нему подводных лодок агрессора и других возможных морских сил, закрывает Босфор от проникновения в Черное море надводных эскадр противника и их подводных лодок.

Третий вариант. Этот вариант предусматривает случай, когда главный агрессор, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР. В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с агрессором или блоком агрессоров.

Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Польши, через Виленский коридор и Галицию.

Выше было указано, что СССР развертывает 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, от 9 до 10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. самолетов.

Франция и Англия должны в этом случае выставить 70% от указанных только что сил СССР и начать немедленно активные действия против главного агрессора.

Действия англо-французского военно-морского флота должны проходить, как указано в первом варианте.

Польша должна выставить против Германии не менее 45 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Если бы в войну была втянута Румыния, то она должна участвовать в ней всеми своими силами, и правительства Англии и Франции должны добиться согласия от правительства Румынии на пропуск наших сил через территорию Румынии.

Таковы общие соображения по совместным действиям вооруженных сил Англии, Франции и СССР, одобренные военной миссией СССР.

(Общие оживленные переговоры всех членов английской и французской военных миссий.)

Адм. Дракс. Мы благодарим маршала и начальника Генерального штаба за ясное и точное изложение плана, которое он только что сделал.

У нас будет целый ряд вопросов, которые мы желали бы задать. Мы хотели бы поэтому получить некоторое время, для того чтобы обсудить их и чтобы число этих вопросов не получилось слишком большим. Поэтому мы считаем целесообразным представить эти вопросы на завтрашнем заседании. Есть еще ряд вопросов, которые мы хотели бы поставить сегодня после перерыва.

Маршал К. Е. Ворошилов. С нашей стороны возражений нет.

Адм. Дракс. Объявляю перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Мы решили, что будет лучше всего, если мы зададим наши вопросы завтра.

Я хочу кратко изложить план военно-морских операций англофранцузского флота.

Одной из основных задач, которые стоят перед морским флотом, является поддержание путей сообщения между метрополией и союзниками, а с другой стороны — парализование путей сообщения противника.

Мы прослушали с большим интересом предполагаемый план действий советских морских сил в Балтийском море. Этими вопросами я бы хотел заняться несколько позднее, а перед тем осветить несколько вопросов, которые лучше уяснят положение.

С точки зрения мировых морских сообщений Балтийское море имеет местное значение, но мы себе представляем, что для СССР оно имеет крупнейшее значение.

Если мы хотим быстро выиграть войну, то мы должны сразу же отрезать все пути сообщения неприятеля. Я сейчас и начну с изложения соображений относительно внешних путей сообщения (океаны и внешние моря).

Это — задача, которая требует большого количества сил. Одна из важнейших задач с точки зрения трудностей и необходимости наличия превосходных сил — это найти и разрушить флот противника, для того чтобы он не мешал нашим коммуникациям.

Необходимое сырье для ведения войны мы получаем, главным образом, из Австралии и Южной Америки, но также и из других частей света.

Германия провела приготовления, которые позволяют ее крейсерам и подводным лодкам действовать на расстоянии до 10 тыс. миль от своих баз. Германия располагает для своего флота не только наземными, но и плавучими базами.

Я бы хотел напомнить, что Атлантический океан имеет 3 млн кв. миль, а Тихий океан — в два раза больше.

Я думаю, что опыт прошлой войны показал и нам, и Советскому Союзу на необходимость поддержания путей сообщения в открытых морях с целью обеспечения наших стран необходимым сырьем для военных нужд.

Пути сообщения Советского Союза идут или через Мурманск (Северный Ледовитый океан), или через Черное море (Дарданеллы). Защиты исключительно этих входов недостаточно для того, чтобы сохранить все нужные пути сообщения. Защита этих мест является местным делом, но она недостаточна для обеспечения общих путей сообщения. Поэтому Вы поймете и учтете, что если даже мы будем оперировать у советских берегов и закроем Ла-Манш, то нам придется еще вести своим флотом морские операции на миллионах квадратных миль.

Нам необходимо содержать в Северном море флот больше всего германского флота, который может быть здесь сконцентрирован в очень короткий срок.

Мы должны содержать в Средиземном море флот, который превосходил бы итальянский и дал бы нам возможность уничтожить итальянский флот. В настоящее время Италия имеет в Средиземном море больше 100 подводных лодок. До тех пор пока эти подводные лодки не будут уничтожены, советские морские коммуникации на Черном море будут находиться под сильной угрозой.

Все транспорты, идущие в Черное море, проходят через Эгейское море и через Дарданеллы, которые удобны для действия подводных лодок и мин, разбросанных на путях сообщения, потому что море здесь очень узкое и имеет много островов.

Нам можно будет позднее обсудить вопросы о сотрудничестве наших сил в Эгейском море для устранения этой опасности. Мы придаем большое значение совместным действиям против Додеканезских островов, которые могут быть базой для итальянских подводных лодок.

На севере придется принять меры для защиты советских транспортов на большом протяжении. Нужно, по-видимому, будет в северном районе разграничить сферы действия наших морских сил, оставив английской базой Оркнейские острова и базой советского флота — Мурманск. Вы можете себе представить объем работы, которую нужно будет провести для осуществления этой цели.

Мы имеем в настоящее время флот исключительной силы. Мы увеличиваем этот флот темпами, которые не имели еще места в истории: мы в последний период ежегодно увеличиваем наш флот на 100 единиц.

Эффективность флота зависит в основном от обученности личного состава. За последние три года все наши учебные заведения и центры, обеспечивающие личным составом английский флот, были заполнены до предела.

Все наши эскадры сейчас находятся в боевой готовности и могут в течение четырех часов выйти в море. В настоящее время эскадры не находятся в своих обычных портах мирного времени, а находятся в таком положении, в каком они должны быть во время войны.

Кроме того, мы недавно мобилизовали наш запасной флот, состоящий из 130 единиц. Эти корабли еще не укомплектованы на 100% личным составом, так как мы не призвали всех резервистов-моряков. В настоящее время эти суда резерва укомплектованы личным составом от 75 до 90% (вполне точных данных у меня нет), потому что призваны не все резервисты. Но они могут быть мобилизованы меньше чем в два дня. Корабли и все снабжение и вооружение для них готовы. Речь идет только о недостатке личного состава.

Что касается нашего коммерческого флота, который выполняет основную задачу снабжения нас и наших союзников, то в настоящее время коммерческих судов имеется в производстве (постройке) на 1 млн тонн больше, чем когда бы то ни было после войны. К этому надо добавить, что мы имеем то преимущество, что современный военный и коммерческий флот Франции будет находиться в распоряжении союзного командования.

Вийом (капитан 2-го ранга {{* Так в оригинале.}} французского флота). Французский флот находится примерно в таком же состоянии, как и английский, и расположен в местах не мирного времени, а в местах сосредоточения военного времени, и выступление этого флота может быть произведено по решению франко-английского командования согласно распределению их вод {{* Так в оригинале.}}. Их соединенные и отдельные действия будут решены в зависимости от того, где будет находиться флот противника.

Французский флот является вполне современным флотом и обладает достаточной быстроходностью. Его крейсера, контрминоносцы, эскадренные миноносцы и подводный флот натренированы для дальних действий. Эта тренировка производилась флотом в течение последних лет.

Адм. Дракс. План взаимодействия флотов Англии и Франции был выработан для основной цели. Это соответствует основному принципу морской стратегии. Это значит, что нам нужно будет сосредоточить свои силы, для того чтобы в самом начале разбить неприятельский флот.

В качестве примера я буду говорить о действиях против неприятельских подводных лодок. Здесь можно вспомнить, что мы находились во время войны в тяжелом положении, когда немецкие подводные лодки почти прервали наши морские коммуникации. Это произошло не потому, что английский морской флот был не в состоянии бороться против этой опасности. Это произошло потому, что мы не предвидели возможности, что Германия нарушит все международные законы, так как они топили в открытом море нейтральные и союзные суда без предупреждения и умерщвляли их экипажи.

Как только это случилось, мы тотчас же предприняли необходимые меры. В конце войны Германия строила подводные лодки во всех своих доках с максимальной скоростью, на

какую они {{* Так в оригинале.}} были только способны. Но все-таки мы топили подводных лодок больше, чем Германия их строила.

В течение последних 20 лет мы не сидели сложа руки. Мы считаем, что в настоящее время в состоянии бороться против этой угрозы гораздо более эффективно, чем в 1918 году.

Мне кажется, что я дал достаточно ясную наметку плана наших морских действий.

В случае если Советский Союз становится нашим союзником, нужно будет обсудить довольно большое количество вопросов относительно взаимодействия флотов.

Вот все, что я хотел сказать.

Я предлагаю перейти сейчас к обсуждению программы работ на завтрашний день. Я предлагаю начать с наших вопросов в связи с изложением плана, сделанным сегодня командармом Шапошниковым.

Я полагаю также, что нам нужно будет получить ответ от советской миссии на те три принципа, которые были переданы советской миссии генералом Думенком. Я предлагаю обсудить этот вопрос, потому что мы здесь с большой легкостью можем добиться соглашения с Советским Союзом. Было бы очень важно определить несколько пунктов, по которым мы могли бы прийти к соглашению.

После обсуждения этих двух вопросов маршал авиации Бернет и генерал Вален будут готовы изложить план действия своих воздушных сил. Если не будет возражений, мы на этом заседание наше закроем.

Маршал К. Е. Ворошилов. Прежде чем закончить заседание, я прошу дать мне слово на две минуты.

Советская военная миссия выражает признательность г-ну председателю и главе английской военной миссии адмиралу Драк-су за обстоятельное изложение наметок действий англо-французского флота.

Что касается порядка дня на завтра, то мне казалось бы наиболее целесообразным заслушать сообщения представителей англо-французской авиации, чтобы иметь полную картину взаимодействия всех вооруженных сил будущих союзников.

Относительно ответа на три принципа, которые были нам переданы главою французской миссии генералом Думенком,— на завтрашнем заседании это можно будет сделать после, если будет принято мое предложение, заслушания сообщения маршала авиации Англии и генерала авиации Франций.

Относительно перерыва для окончания заседания у нас возражений нет.

Адм. Дракс. Мы пришли к соглашению относительно программы завтрашних занятий. Благодарю за то внимание, с каким проходило сегодняшнее совещание.

Объявляю заседание закрытым.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 25, д. 12, л. 48-59. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 239-247.

555. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка военному министерству Франции

Москва, 15 августа 1939 г.

Представляю отчет о пятом заседании.

Оно было посвящено детальному обзору советских вооруженных сил и планов, с учетом различных предположительных вариантов и весьма эффективной помощи, которую они полны решимости нам оказать. Все еще уточняется главное условие, изложенное в моей вчерашней телеграмме, о проходе [войск] через польскую территорию. Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения.

Возобновляю свою просьбу относительно срочного ответа на предложения, содержащиеся в моей зашифрованной телеграмме № 1 {{* [См. док. 552.](#) }}. Благоволите ознакомиться с сегодняшней телеграммой нашего посла.

Генерал *Думенк*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С, 582. Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XVIII. P. 52 — 53.

556. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом {{ Беседа проходила с 20 час. до 21 час. 40 мин.}}**

15 августа 1939 г.

Шуленбург извиняется за настойчивость, с которой он сегодня просил приема у т. Молотова. Но эта настойчивость объясняется инструкциями, полученными им из Берлина, а также и характером тех вопросов, которые он желал бы изложить.

Шуленбург сообщает, что из беседы Астахова с Риббентропом {{{* [См. док. 523.](#)}}} ему известно, что Советское правительство интересуется переговорами, но считает нецелесообразным продолжать их в Берлине. Тов. Молотов отвечает, что мы считаем т. Астахова недостаточно опытным и поэтому находим нужным вести эти переговоры здесь.

Шуленбург сообщает, что полученную им из Берлина инструкцию ему поручено изложить устно, но он желал бы прочесть ее (приложение — полный текст инструкции). Прочитанную им инструкцию Шуленбург, по поручению Риббентропа, просит доложить т. Сталину. Тов. Молотов ответил, что ввиду важности сделанного Шуленбургом заявления ответ на него он даст после доклада этого заявления Советскому правительству. Но уже сейчас он может приветствовать выраженное в этом заявлении желание германского правительства улучшить взаимоотношения с СССР. Что же касается приезда Риббентропа в Москву, то для того, чтобы обмен мнениями дал результаты, по мнению т. Молотова, необходимо проведение соответствующей подготовки. Тов. Молотов

подчеркивает, что сказанное им является предварительным мнением по этому предложению.

Затем т. Молотов сообщает Шуленбургу, что еще в конце июня наш поверенный в делах в Италии телеграфировал нам о своей беседе с Чиано [{* См. док. 437.}](#). Чиано в беседе с нашим поверенным в делах упомянул о существовании в Берлине, как сказал Чиано, «плана Шуленбурга», имеющего в виду улучшение советско-германских отношений. «План Шуленбурга» будто бы предполагает: 1) содействие Германии урегулированию взаимоотношений СССР с Японией и ликвидации пограничных конфликтов с ней; 2) заключение пакта о ненападении и совместное гарантирование Прибалтийских стран; 3) заключение широкого хозяйственного соглашения с СССР. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, насколько данное сообщение из Рима соответствует действительности.

Шуленбург вначале сильно покраснел, а затем сказал, что эти сведения Чиано получил от Россо [{** Посол Италии в СССР.}](#), с которым Шуленбург беседовал лишь в общих чертах об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург подтверждает, что в этой беседе он говорил об урегулировании отношений СССР с Японией, речи же о совместных гарантиях Прибалтийских стран не было. Разговора о деталях не было, и этот план просто излагает предположения Россо. Тов. Молотов говорит, что ничего невероятного в предложениях, содержащихся в указанном «плане Шуленбурга», он не видит, тем более что торгово-кредитное соглашение, видимо, приближается к осуществлению, намечается и улучшение политических отношений между Германией и СССР, как это видно из сегодняшнего заявления посла. Шуленбург заявляет, что все то, о чем он говорил Россо в части Балтийского моря, возможного улучшения отношений СССР с Японией, нашло свое выражение в зачитанной им сегодня инструкции. Шуленбург добавляет, что его последние предложения еще более конкретны.

Тов. Молотов говорит Шуленбургу, что из нашего опыта нам известно, что Германия до последнего времени не стремилась к улучшению взаимоотношений с СССР. И если мы сейчас видим, что Германия стремится к улучшению взаимоотношений, то мы, разумеется, приветствуем это стремление и относимся к нему положительно. Тов. Молотов добавляет, что он именно так рассматривает сегодняшнее заявление посла. О «плане Шуленбурга», продолжает т. Молотов, он упомянул, поскольку он идет по той же линии, по которой идет и сегодняшнее заявление Шуленбурга.

Шуленбург спрашивает, можно ли пункты приведенного т. Молотовым «плана» принять за основу дальнейших переговоров. Тов. Молотов отмечает, что теперь надо разговаривать в более конкретных формах. Мы рассчитываем на положительный исход советско-германских экономических переговоров. Что же касается советско-японских отношений, то т. Молотов спрашивает, может ли Германия оказать влияние на эти дела или в данное время нецелесообразно ставить этот вопрос. Шуленбург отвечает, что хотя об этом и не сказано ничего в инструкции, но Риббентроп указывал т. Астахову, что у него имеется своя концепция в отношении Японии, и что Риббентроп в свое время говорил послу, что он имеет возможность оказать «свое немалое влияние на позицию Японии».

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, существует ли у германского правительства определенное мнение по вопросу заключения пакта о ненападении с СССР. Шуленбург отвечает, что с Риббентропом этот вопрос пока не обсуждался. Германское правительство не занимает в этом вопросе ни положительной, ни отрицательной позиции. Тов. Молотов заявляет, что в связи с тем, что как Риббентроп, так и Шуленбург говорили об «освежении» и о пополнении действующих советско-германских соглашений, важно

выяснить мнение германского правительства по вопросу о пакте ненападения или о чем-либо подобном ему.

Шуленбург спрашивает, следует ли рассматривать упомянутые т. Молотовым пункты как предпосылку для приезда Риббентропа. Тов. Молотов заявляет, что он специально вызовет Шуленбурга и даст ему ответ на сегодняшнее заявление. Перед приездом Риббентропа, по мнению т. Молотова, необходимо провести подготовку определенных вопросов, для того чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры. В сегодняшнем германском заявлении указано, что, во-первых, время не ждет, торопит и что, во-вторых, желательно, чтобы события не опередили и не поставили нас перед свершившимися фактами. Поэтому если германское правительство относится положительно к идее пакта о ненападении или к аналогичной идее и если подобные идеи включают сегодняшнее заявление Шуленбурга, то надо говорить более конкретно.

Шуленбург сообщает, что телеграфирует содержание сегодняшней беседы в Берлин, где подчеркнет особую заинтересованность Советского правительства в названных т. Молотовым пунктах.

В заключение Шуленбург просит т. Молотова ускорить ответ на сделанное сегодня заявление {{* [См. док. 570.](#)}}.

Беседа продолжалась 1 час. 40 мин., из которых 40 ушло на запись текста заявления (инструкции) Шуленбурга, т. к. посол не захотел передать бумажку, на которой оно было записано.

Беседу записал *В. Павлов*

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 33-36.

Приложение

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВУ Ф. ШУЛЕНБУРГОМ
15 АВГУСТА 1939 г.

1. Противоречия между мировоззрением нац[ионал]-соц[иали-стской] Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР. Германское правительство стоит на точке зрения, что между Балтийским и Черным морями не

существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен, к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтийских государств, Польши, Юго-Востока и т. п. Помимо того, политическое сотрудничество обеих стран может быть только полезным. То же самое относится к германскому и советскому народным хозяйствам, во всех направлениях друг друга дополняющих.

3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика стоит в данный момент на историческом поворотном пункте. Политические решения, которые должны быть приняты в ближайшее время в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для развития отношений между германским народом и народами СССР в течение поколений. От этих решений будет зависеть, придется ли однажды обоим народам без принудительной на то причины опять скрестить свое оружие, или же они вновь достигнут дружественных отношений. В прошлом обе страны всегда жили хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами.

4. Правда, что Германия и СССР, вследствие существовавшей между ними в течение последних лет идеологической вражды, питают в данный момент недоверие друг к другу. Придется устранить еще много накопившегося мусора. Нужно, однако, констатировать, что и в течение этого времени естественная симпатия германского народа к русскому никогда не исчезала. На этой основе политика обоих государств может начать новую созидательную работу.

5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям.

6. Вызванное английской политикой обострение германо-польских отношений, а также поднятая Англией военная шумиха и связанные с этим попытки к заключению союзов делают необходимым, чтобы в германо-советские отношения в скором времени была внесена ясность. Иначе дела без германского воздействия могут принять оборот, который отрежет у обоих правительств возможность восстановить германо-советскую дружбу и при наличии соответствующего положения совместно внести ясность в территориальные вопросы Восточной Европы. Ввиду этого руководству обеих стран не следовало бы предоставлять развитие вещей самотеку, а своевременно принять меры. Было бы роковым, если бы из-за обоюдного незнания взглядов и намерений другой страны оба народа окончательно пошли по разным путям.

Согласно сделанному нам сообщению {{* [См. док. 528, 529.](#)}}, у Советского правительства также имеется желание внести ясность в германо-советские отношения.

Ввиду того что прежний опыт показал, что при использовании обычного дипломатического пути такое выяснение может быть достигнуто только медленно, министр иностранных дел Германии фон Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину точку зрения фюрера. По мнению г-на фон Риббентропа, перемена может быть достигнута путем такого непосредственного обмена мнениями, не исключая возможности заложить фундамент для окончательного приведения в порядок германо-советских отношений.

557. Телеграмма военного министерства Франции военному атташе Франции в Польше Ф. Мюссу

15 августа 1939 г.

Содержание: миссия.

Имею честь довести до Вашего сведения, что Вам поручается ввести польский генеральный штаб в курс переговоров, которые происходят в настоящее время в Москве между военной миссией генерала Думенка и Генеральным штабом СССР.

Благоволите одновременно собрать те соображения, которые будут высказаны в связи с этими переговорами польским генеральным штабом.

В случае необходимости Вам разрешается поездка в Москву.

За министра и по его распоряжению,
за начальника генерального штаба армии
начальник штаба армии
генерал *Кольсон*

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 582-583.

558. Телеграмма и. о. военного атташе СССР в Японии Л. А. Мишина в Генеральный штаб РККА

15 августа 1939 г.

В июне кабинет отклонил предложение военных о заключении военного союза с Германией и Италией ⁵¹, направленного против демократических стран, и принял решение об укреплении антикоминтерновского пакта ¹⁰, т. е. союза против СССР. Военные, надеясь на компромисс с Англией, вынуждены были временно согласиться.

В результате аннулирования договора с Америкой, затяжки переговоров с Англией и боязни, что японская армия одна не справится с СССР, военные потребовали пересмотра июньского решения о военном союзе.

8 августа этот вопрос в течение пяти часов обсуждался на совещании пяти министров, при этом выявились крупные разногласия и никаких решений принято не было. Продолжение обсуждения назначено на 18 августа.

Дворцовые и финансовые круги пойдут на заключение военного союза только против СССР, но не против всех демократических стран, чего требуют Германия и Италия.

Основная масса морской группы поддерживает финансовую группу. Внутренние силы требуют союза без всяких условий.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 583.

559. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

16 августа 1939 г.

Заседание началось в 10 час. 25 мин.

Окончилось в 13 час. 55 мин.

Ген. Думенк (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Слово предоставляется адмиралу Драксу для заявления.

Адм. Дракс. Я очень сожалею, что миссия сегодня опоздала на заседание. Это произошло вследствие того, что когда мы приехали в посольство, то должны были заняться уточнением формулировок некоторых вопросов, которые нас интересовали. Вместе с тем мне хотелось бы после перерыва поставить несколько вопросов морского порядка, но один вопрос я хотел бы задать сейчас, так как все остальные вопросы будут от него зависеть. Возможно, что ответ на этот вопрос советская миссия сможет дать либо сейчас, либо после перерыва.

Ген. Думенк. Слово предоставляется генералу Хейвуду.

Ген. Хейвуд. Мы хотели бы узнать, какие силы франко-британского морского флота, по Вашим предположениям, должны участвовать в операциях в Балтике и типаж этих судов.

Ген. Думенк. Программа нашего сегодняшнего заседания — это замечания советской делегации относительно тех принципов, которые были советской миссии переданы. Я хотел бы спросить маршала Ворошилова, может ли он сейчас дать свои замечания.

Маршал К. Е. Ворошилов. На первый вопрос, оглашенный генералом Хейвудом, я прошу разрешения дать ответ несколько позже. Что же касается второго вопроса, поставленного г-ном председателем, то, мне кажется, мы вчера условились сначала заслушать сообщения об авиации Англии и Франции, а затем перейти к вопросу о принципах, сообщенных французской миссией.

Ген. Думенк. Возможно, что произошло недоразумение, мы не расслышали друг друга, но я не вижу никаких неудобств в том, чтобы начать сейчас сообщение о воздушных силах.

Слово предоставляется маршалу воздушного флота Англии Бернету для сообщения о британских воздушных силах.

Маршал Бернет. Общая политика применения британских авиационных сил, кроме тех, которые находятся в Сингапуре, Адене, в Средиземном море, Суэцком канале, Индии и доминионах, заключается во взаимодействии с французской авиацией на западном фронте.

Каковы те военные объекты, которые в настоящий момент имеют жизненное значение? Часть истребительной авиации останется в самой Англии для уничтожения тех сил

противника, которые могут напасть на Англию. Нашей истребительной авиации в этом случае будет помогать вся организация противовоздушной обороны: прожекторные заводы {{* Так в оригинале.}}, аэростаты заграждения, а также части звукоуловителей.

Условлено, что часть нашей авиации будет действовать с французской территории, где для этой цели заранее подготовлены аэродромы. Вы поймете, что это даст большое преимущество в стратегическом отношении для увеличения радиуса действия нашей авиации.

Наши авиационные базы в Англии защищены лучшими средствами в мире, которые непрерывно развивались с 1917 года, так что в настоящее время эффективность действия всех средств противовоздушной обороны этих баз находится на очень высоком уровне.

Мы в состоянии проводить действия нашей бомбардировочной авиации в глубоком тылу Германии. Бомбардировочная авиация с английских баз может в течение продолжительного времени и непрерывно поддерживать бомбардировку тылов Германии. Причиной этого будет то, что мы будем иметь за собой все ресурсы английской промышленности. Кроме того, мы имеем дополнительное преимущество, заключающееся в том, что мы обладаем большим количеством хорошо натренированных и обученных авиационных механиков. Это сильно облегчает разрешение проблемы снабжения и эксплуатации. Вопросы снабжения и эксплуатации материальной части гораздо легче разрешаются тогда, когда наши самолеты действуют с английских баз, чем в тех случаях, когда операции производятся из баз, выдвинутых вперед (Франция, Средиземноморское побережье), которые требуют поддержания связи с ними. Из этих баз, находящихся в Англии и расположенных во Франции, мы имеем возможность достигнуть всех важных объектов Германии.

Из прессы Вам, очевидно, известно о больших авиационных перелетах, которые были произведены из Англии до Средиземного моря, в частности до Марселя и обратно. И это было сделано не один, а несколько раз.

С каждым днем британская авиация становится все сильнее и сильнее. Увеличивается не только продукция промышленности, но также и выпуск пилотов и технического обслуживающего персонала, необходимого для авиации. Мы придаем большое значение авиационным техникам, на ответственности которых лежит поддержание самолетов в хорошем состоянии. Вопрос о правильной эксплуатации самолетов становится все более и более трудным по мере совершенствования самолетов.

Мы против того, чтобы построить больше самолетов первой линии, чем мы можем содержать во время войны. Мы придерживаемся такой точки зрения, чтобы иметь на первой линии такое количество самолетов, которое мы можем поддерживать постоянно в течение довольно длительного периода за счет имеющихся у нас резервов. В частности, мы предпочитаем иметь 1000 самолетов первой линии и в течение шести месяцев войны количество их поддерживать на том же уровне, чем иметь несколько тысяч самолетов первой линии, но которые не могут быть сохранены в этом количестве.

Для советской авиации представляет интерес узнать, что авиация первой линии в метрополии перешагнула уже 3000 самолетов. Сюда не включаются учебные самолеты и самолеты, которые ждут отправки за море. Но приведенная цифра не может, однако, дать настоящего представления об огромных возможностях британской авиации во время войны. Мы придаем большое значение тому, чтобы действия бомбардировочной авиации носили непрерывный и продолжительный характер. Состояние промышленности и

обученности личного состава (пилоты, техники) дополняет общую картину состояния нашей военной авиации.

Остановлюсь на системе подготовки наших кадров авиации. Для обучения и совершенствования людей, успешно окончивших школы пилотажа, мы имеем около 15 школ. Из этих школ повышенного типа пилоты направляются немедленно в боевые эскадрильи. Подбор производится в следующем порядке. Отбирается молодежь, пригодная по своим физическим данным к службе в авиации. Эта молодежь проходит в школах первоначальное обучение. Часть этой молодежи, выдержавшая положенные испытания по пилотажу, идет затем в указанные выше школы, которые делятся на две категории. Первая категория — это школы, где проходится изучение материальной, части современного самолета. В школах второй категории проходится изучение боевого применения самолета (бомбардировка, аэрофотосъемка, стрельба). Пилоты, наиболее подходящие для истребительной авиации, направляются в истребительные эскадрильи. Пилоты, наиболее подходящие для ведения дальних разведок и для бомбардировочной авиации, направляются соответственно в разведывательные и бомбардировочные эскадрильи. Наконец, пилоты, наиболее подходящие для службы в войсковой авиации, перед тем как быть направленными в свои части, проходят краткосрочные курсы по своей специальности.

Количество этих школ во время войны будет значительно увеличено. Существующая в настоящее время организация позволяет провести это увеличение. Если война разразится завтра, то это можно будет сделать немедленно.

Кроме того, мы имеем также школы для обучения всего обслуживающего нелетного состава. Число этих школ увеличивается, и многие из них уже находятся в стадии формирования. Имеются также гражданские школы при авиационных заводах. Мы посылаем авиационных техников на заводы, для того чтобы они изучали там современные самолеты по мере их появления. Набираются эти техники и из строевых частей, и из учебных депо. Часть пилотов после прохождения пятилетней службы переходит в запас, что позволило нам создать значительный резерв.

Что касается размера промышленной продукции наших авиационных заводов, то я могу привести здесь следующие цифры: это производство перешагнуло уже за 700 самолетов в месяц. Сюда не входят гражданские и учебные самолеты. Цифры производства гражданских самолетов я точно не знаю и говорю здесь только о военных самолетах. Эта продукция производится без увеличения обычного числа смен рабочих на заводах. Большая часть заводов работает в одну смену и часть — в две смены.

В случае войны эта промышленность может давать значительно большую продукцию. Мы имеем очень большие промышленные резервы, которые нами пока не тронуты и которые будут использованы в случае войны. Мы имеем в настоящее время много заводов, производящих автомобили, мотоциклы и другую продукцию мирного назначения, которые во время войны могут быть использованы для производства военной авиационной продукции.

Из того, что я здесь сказал, Вы можете себе составить представление о мощи британской промышленности. К концу последней войны мы имели самую мощную авиацию в мире. В своих частях и соединениях мы имели более 22 тыс. самолетов. Это, конечно, не значит, что все они могли быть одновременно использованы, подняты в воздух.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что если бы в скором времени разразилась война, то мы начали бы ее в более благоприятных условиях, чем это было в прошлой войне. Я уверен, что мы добьемся более удивительных результатов, чем мы имели к концу прошлой войны.

В настоящее время мы имеем систему непрерывного снабжения нашей бомбардировочной, а также истребительной и разведывательной авиации всеми необходимыми ресурсами. Мы уже сейчас принимаем меры к увеличению продукции всех необходимых материалов (горючее, смазочные масла и пр.) и [к] созданию необходимых резервов для облегчения последующего расширения этого снабжения на время войны.

Мы изложили сейчас в кратких чертах состояние, в каком находится британская авиация, и рассказали о том, что она может делать. Я надеюсь, что несколько позднее мы сможем обсудить наилучшие способы применения тех огромных авиационных сил, которые будут находиться в распоряжении СССР, Франции и Великобритании.

Ген. Думенк благодарит маршала Бернета за сделанное им сообщение относительно британской авиации. К его благодарности присоединяются маршал К. Е. Ворошилов и адмирал Дракс.

После этого объявляется перерыв на 15 минут.:

(После перерыва.)

Ген. Думенк. Заседание возобновляется. Слово предоставляется генералу Валену для сообщения о французской авиации.

Ген. Вален. Я хочу в свою очередь дать физиономию {{* *Physionomie (франц.)* — характеристика.}} французской авиации.

Я хочу начать с организации материальной части, для того чтобы удовлетворить желание генерала Локтионова и ответить на поставленные им вопросы, беря за принцип такое же представление {{* Так в оригинале.}}, как маршал Бернет. Я хочу начать с материальной части, затем перейти к личному составу, к организации баз и аэродромов, мобилизации и организации различных служб и закончить свое сообщение действиями воздушных сил на западном фронте. Но до этого позволю себе сделать два замечания. Первое: я буду говорить только о самолетах первой линии, иначе говоря, относительно самолетов, которые могут быть мобилизованы немедленно и которые обеспечены для этого экипажем, вооружением, снабжением и запасными частями. При этом нужно иметь в виду, что аппаратам первой линии соответствует определенный резерв. Этот резерв зафиксирован для истребительной авиации в 200% и для всех прочих категорий — в 100%. Например, когда я говорю о 100 самолетах-истребителях первой линии, это значит, что имеется в резерве 200 самолетов, которые могут выполнять боевые функции. Второе замечание: говоря об этих воздушных силах, я буду иметь в виду только воздушные силы метрополии и Северной Африки и не буду принимать во внимание различные воздушные силы, расположенные в колониях. Их задачей является оборона самих колоний, но они могут быть в случае надобности использованы в качестве подкрепления для основных сил.

Материальная часть. Количество самолетов первой линии в настоящее время около 2000, из которых 2/3 являются самолетами современными со скоростью истребителей от 450 ~ до 500 км/час при усовершенствованном вооружении и для бомбардировочных самолетов

— от 400 до 450 км/час с радиусом действия от 800 до 1000 км и с тоннажем бомб, которые они могут поднять, от 1000 до 2500 кг.

Эта авиация в последнее время развивается быстрыми темпами вследствие возможностей нашей индустрии. Предусмотрено, что наша авиация в 1940 году будет иметь 3000 самолетов первой линии.

Для того чтобы закончить вопрос о материальной части, я скажу, что мобилизация французской индустрии в отношении материальной части авиации позволяет держать количество самолетов первой линии постоянно на названном мною уровне. Через три месяца после начала войны количество производимых самолетов будет превышать имеющиеся потери; и это количество будет возрастать в пропорциях, сравнимых с прошлой войной.

Личный состав. Как во всех технических войсках, обеспечение авиации личным составом является наиболее трудно разрешимой проблемой. Методы, которыми мы добиваемся подготовки личного состава для нашей авиации, сводятся к следующему.

Допризывная подготовка. Эту подготовку проходит молодежь, желающая обучаться летному делу, в общественных авиационных организациях, задачей которых является научить их владеть легкими самолетами.

Молодежь, желающая обучаться различным специальностям авиационного дела, проходит эту учебу в школах, находящихся в ведении аэроклубов.

Наконец, это обучение проводится в военных летных школах, количество которых все время увеличивается.

Далее идет подготовка авиационных техников, техников по вооружению, техников по спецоборудованию, электриков. Все они проходят обучение в специализированных военных школах. Я Вам не даю цифры, потому что в сравнении с тем, что сообщил Вам маршал Вернет, это произвело бы на Вас недостаточное впечатление, между тем как наши методы различны. Мы имеем по каждой специальности основные школы, которые заполнены до предела, не для всех, правда, специальностей, а только для летчиков, авиационных техников и техников по вооружению. Имеются, кроме того, дополнительные возможности для укомплектования наших авиационных частей техническим составом.

Подготовка запаса. Все резервисты содержатся или в действующих единицах, и в этом случае они рассматриваются как личный состав действующей авиации, или в специальных центрах обучения резерва, где они могут проходить стажировку в обязательном или добровольном порядке.

Организация наземных баз. Кроме баз мирного времени мы организовали базы военного времени. Для этой цели в последнее время были предприняты очень большие усилия. В настоящее время по всей территории Франции мы имеем базы, рассчитанные на обслуживание всего французского и английского воздушных флотов. Эти базы построены с учетом различных вариантов ведения войны, согласно тем предположениям, которые были изложены. Каждая база рассчитана на прием не менее 20 самолетов и обеспечена всеми необходимыми средствами снабжения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Является ли такая база полностью обеспечивающей непрерывность боевых действий авиации, или она является такой базой, на которой можно остановиться отдохнуть, заправиться и вылететь в другое место?

Ген. Вален. Я сейчас скажу, что имеется на этих базах. Там имеются все средства снабжения, которые состоят из подземных бензохранилищ со всеми механизмами, необходимыми для быстрой заправки, складов боеприпасов, средств связи в виде подземного телефонного узла, запасных материалов маскировки (краски, полотно, сетки) и нескольких тысяч квадратных метров стальных решеток, позволяющих быстро исправлять повреждения, нанесенные бомбардировкой аэродрому. Кроме того, здесь имеются части наземных войск, именуемые ротами обслуживания. Эти роты обслуживания имеются на территории каждого аэродрома вне зависимости от того, есть там самолеты или нет. На их обязанности лежит организация обороны аэродрома, а также обслуживание всех запросов и нужд тех частей, которые занимают или будут занимать данный аэродром.

Мобилизация. Вся воздушная армия может быть приведена в боевую готовность через четыре часа. В чем это заключается? Военная авиация после приказа рассредоточивается для того, чтобы не пострадать от воздушных бомбардировок, и направляется в места, которые не являются оперативными аэродромами, а специальными аэродромами для рассредоточения. Делается это для того, чтобы в самом начале не открывать противнику своих оперативных аэродромов.

Службы. Службы воздушного флота имеют примерно такую же организацию, как и службы сухопутной армии. Некоторые службы, в частности служба санитарная, действуют абсолютно одинаково.

Организация службы снабжения горючим и службы снабжения боеприпасами разработана весьма детально. Она включает под-земные склады на самих базах. Наиболее важные склады в тылу являются также подземными. Эти склады питаются либо с помощью поездов, либо по шоссейным дорогам, действующим в мирное время. Отправление этих поездов предусмотрено в транспортных планах. Кроме того, их снабжение предусмотрено автотранспортом. Обслуживание производится специальными частями, которые называются ротами. В частности, например, имеются рота снабжения горючим и рота снабжения боеприпасами. Эти роты располагают современными средствами передвижения и вообще необходимыми техническими средствами, в частности средствами перекачки, а также грузовиками с кранами — для перевозки и разгрузки боеприпасов. Все эти роты в настоящее время уже существуют. Они будут удвоены в первый же период войны за счет специальной реквизиции машин. В частности, необходимые машины могут быть взяты из топливной промышленности.

Перехожу теперь к общему вопросу о применении авиации. Командование французского воздушного флота предполагает максимальное использование возможностей авиации для того, чтобы в возможно короткий срок добиться сосредоточения авиации там, где это требуется положением.

Для этой цели авиация на территории Франции и Северной Африки располагает базами, о которых я уже говорил, причем количество этих баз не менее трех для каждого соединения, состоящего из 20 самолетов. Все эти базы и их снабжение предусмотрены для всех случаев военных действий. Расположение этих баз по отношению к линии фронта зависит от театра военных действий: оно будет в Альпах одно и на севере Франции — другое.

Благодаря такой организации, в случае необходимости, нет надобности перевозить с собой наземное оборудование и обслуживающий состав. Это позволяет авиации маневрировать весьма быстро и сосредоточиваться на имеющихся точках.

Следовательно, если нужен будет технический персонал, его можно перебрасывать самолетом, так как на пунктах, куда он прибудет, имеется все необходимое для того, чтобы существовать несколько дней.

Таким образом, имеется возможность, в зависимости от обстановки, переносить центр действий авиации туда, где это в данный момент всего более необходимо.

Эта организация, кроме того, облегчает защиту от нападения воздушного противника, в частности от нападения бомбардировщиков. Имеющиеся на этих базах роты обслуживания позволяют самим самолетам быстро менять аэродромы в случае их разрушения или вероятного нападения. Это также представляет большое преимущество.

Работа по созданию указанных баз стоила очень дорого, но она была необходима. В результате проведенной работы каждое соединение самолетов располагает тремя оборудованными базами.

В настоящее время построено достаточное количество этих баз для французской авиации, а также и для английской авиации, которая должна будет действовать на территории Франции. Предусмотрены все мероприятия, для того чтобы по мере развития французской авиации сохранить этот принцип трех баз для каждого соединения самолетов.

Таким образом, то, что сказано о французской авиации, почти не отличается от того, что было доложено маршалом Бернетом относительно авиации английской. Обе наши авиации тренированы для совместных действий, и значительное количество бомбардировщиков французского воздушного флота проводило уже перелеты над Англией.

Истребительная авиация, действуя совместно с противовоздушной артиллерией, защищает наиболее жизненные центры против воздушных атак неприятеля. В частности, она прикрывает все важнейшие объекты, разрушение которых могло бы повлиять на ход военных операций: железнодорожные узлы, шоссе, магистрали, мосты и сосредоточения сухопутных и воздушных сил, а также промышленные предприятия, необходимые для нужд обороны.

Бомбардировочная авиация имеет своей целью разрушение исключительно военных объектов, расположенных на территории неприятеля, и избегает действий против мирного населения и гражданских сооружений. Объекты действия нашей бомбардировочной авиации те, которые неприятель прикрывает своей истребительной авиацией и противовоздушной артиллерией. Объекты действия бомбардировочной авиации, очевидно, одинаковы во всех странах.

Весьма сложный вопрос — последовательность атак на различные объекты. Последовательность этих атак может быть решена только в зависимости от конкретных действий в данное время на данном фронте.

На этом я заканчиваю свое выступление.

Ген. Думенк. Могу ли я от нашего общего имени поблагодарить генерала Валена за сделанное им сообщение? (Маршал К. Е. Ворошилов- и адмирал Дракс благодарят генерала Валена за его сообщение.)

На вопрос, поставленный адмиралом, можно ли получить ответ сейчас?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я попрошу г-на адмирала и высокое совещание разрешить нам представить ответ на следующем заседании.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 25, д. 12, л. 60-71. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 255-263.

560. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

16 августа 1939 г.

[Продолжение]

Ген. Думенк. Наша программа теперь включает замечания советской делегации относительно трех принципов. Можно ли попросить г-на маршала сделать сейчас эти замечания?

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия основательно ознакомилась с тремя принципами, врученными ей главою французской военной миссии г-ном генералом Думенком.

Эти три принципа об организации обороны договаривающихся сторон слишком универсальны, абстрактны, бесплотны и никого ни к чему не обязывают. Я их, разумеется, разделяю, так как против них трудно возразить. Но они, не представляя ничего конкретного, могли бы послужить материалом разве только для какой-либо абстрактной декларации. Мы же собрались здесь не для принятия общей декларации, а для выработки конкретной военной конвенции, которая должна определить количество дивизий, артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр и пр., совместно участвующих в деле обороны договаривающихся стран.

В этом заключается наш ответ на представленные три принципа.

Ген. Думенк. Я хочу сказать маршалу, что он очень строг по отношению к моим принципам.

Маршал К. Е. Ворошилов. Жесткость моего ответа определяется жесткостью современного военно-политического положения. Еще два дня тому назад адмирал Дракс заявил о том, что Германия отобилизовала уже 2 млн войск и готова выступить 15 августа, т. е. вчера, против одной из миролюбивых стран. Хотя прогноз адмирала Дракса, к счастью, не оправдался, тем не менее напряженность политического положения в Европе не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась. Отсюда следует, что совещание военных миссий Великобритании, Франции и Советского Союза, если они всерьез хотят прийти к конкретному решению вопроса о совместных действиях против агрессии, должно, не тратя попусту времени на ничего не значащие декларации, поскорее решить этот основной вопрос.

Ген. Думенк. Я хочу следовать тем советам, которые дал мне маршал Ворошилов, и предлагаю исправить эти пункты на основе того, что было вчера доложено начальником Генерального штаба командармом Шапошниковым. Нужно поручить кому-нибудь написать проект и внести новое предложение на обсуждение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я считаю, что еще не наступил момент для редактирования какого-либо документа. Мы не разрешили кардинального вопроса для советской стороны, а именно вопроса о пропуске Вооруженных Сил Советского Союза на территорию Польши и Румынии для совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон против общего противника.

Только после положительного разрешения указанного вопроса мы могли бы приступить к обсуждению заслушанных здесь в общем абрисе планов представителей трех военных миссий.

До сих пор мы только обменялись сообщениями. Я лично полагаю, что это — только начало наших конкретных разговоров об определении и количества вооруженных сил каждой стороны и их применении против агрессии в Европе.

Ген. Думенк. Не находит ли г-н маршал возможным, не теряя времени, уточнить эти цифры в виде предварительного проекта параграфов (статей) конвенции?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что до тех пор, пока наша советская миссия не будет иметь ответа на наш вопрос, теперь уже всем известный, о котором миссии Великобритании и Франции запросили свои правительства, всякая предварительная работа является до известной степени бесполезной.

Ген. Думенк. Я принимаю к сведению сказанное г-ном маршалом и предлагаю перейти к тому, что же мы будем делать на следующем заседании. Можем ли мы -заслушать сообщение начальника Воздушных Сил генерала Локтионова относительно воздушного флота Красной Армии, которого мы еще не слышали?

К тому, что я уже передал маршалу в виде ряда вопросов, есть еще некоторое количество вопросов, которые, с разрешения маршала, мы хотели бы задать советской миссии и на которые мы с удовольствием заслушали бы ответы. Эти вопросы написаны по-английски, и я даю их сейчас прочитать моему соседу (передает генералу Хейвуду).

Маршал К. Е. Ворошилов. Лучше просто передать эти вопросы в письменном виде. На все вопросы я прошу разрешения дать ответ нашей миссии на одном из ближайших заседаний. Пожелание г-на председателя относительно заслушания доклада об авиационных силах Советского Союза будет выполнено, так как советская миссия не желает быть в долгу у французской и английской миссий.

Ген. Думенк. Я предлагаю, если со стороны маршала и адмирала не будет возражений, следующее заседание устроить завтра.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хотел бы просить г-на генерала Думенка и г-на адмирала Дракса ориентировочно сообщить, когда

они ожидают ответа от своих правительств на наш вопрос. *Ген. Думенк.* Как можно скорее.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если ответ, которого ожидают английская и французская миссии, может надолго затянуться, мне думается, что нам придется, после нашего сообщения относительно авиационных сил СССР, наши заседания прервать до получения ответа.

Ген. Думенк. Мне бы хотелось, помимо заслушания сообщения генерала Локтионова, получить также ответы на вопросы, которые только что переданы маршалу, потому что они являются очень важными.

Маршал К. Е. Ворошилов. Может быть, они очень важны, но мы с ними еще не познакомились. Нам нужно с ними познакомиться, после чего мы в состоянии будем сказать, будем ли мы отвечать на эти вопросы до получения ответа от правительства Англии и Франции или только после получения этого ответа на наш вопрос.

Адм. Дракс. Я не имею возможности сообщить о том, когда будет получен от правительства ответ, так как это зависит от самого правительства.

Ген. Думенк. Я прошу Вас сообщить на завтрашнем заседании: когда советская миссия сможет ответить на заданные нами вопросы — непосредственно сейчас же или после? Я думаю, что, может быть, мы могли бы продолжать работу, считая, что будет получен положительный ответ на вопрос, поставленный советской военной миссией.

Маршал К. Е. Ворошилов. Работать совместно наша миссия, к сожалению, не сможет до тех пор, пока мы не предположительно, а реально будем знать, как правительства Великобритании и Франции рассматривают наше участие в совместных действиях против агрессора.

Ген. Думенк. Я думаю, что можно считать сегодняшнее заседание закрытым и открыть его завтра в 10 час. утра.

Предложение принимается.

ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ К СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ {* Перевод с английского.}

1. Каково мнение советской военной миссии о возможности вступления Италии в войну:

а) в случае если Советский Союз подпишет пакт с Францией и Англией;

б) если Советский Союз не подпишет пакта с нами?

Если мнение советской военной миссии таково, что Италия, возможно, вступит в войну, то каково ее мнение относительно возможных действий Италии, оперирующей из Албании?

2. Из трех разных вариантов действий, намеченных советской военной миссией, какой наиболее вероятный будет принят Германией? Каково мнение советской военной миссии по этому вопросу?

3. Может ли советская военная миссия дать более точные подробности относительно районов румынской территории, в которые они считают необходимым получить право доступа и в которых они желают действовать?
4. Что предполагает Советский Союз во втором варианте, если Болгария вступит в союз с Венгрией против Румынии? Какую помощь он может оказать в этом случае Турции?
5. Каков тоннаж регулярного транспорта, который может быть послан по железным дорогам в Польшу:
- а) из Мурманска,
 - б) от Черного моря?
- По каким железным дорогам может быть он направлен, чтобы как можно меньше мешать снабжению русской армии?
6. Какими советскими портами Черного моря мы можем воспользоваться для подвоза средств снабжения русско-польско-румынского фронта?
7. а) Если вопрос о пропуске советских войск в Польшу будет решен в соответствии с желаниями, выраженными советской военной миссией, согласен ли Советский Союз принять участие в снабжении Польши продовольствием, фуражом, горючим, вооружением, сырьем и другими промышленными материалами?
- б) Тот же самый вопрос в отношении Румынии.
8. Какое количество очищенных нефтяных продуктов может дать Советский Союз в случае войны? Будет ли в распоряжении достаточное количество нефтеналивных судов для морских перевозок?

ЗАЯВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ДЕЛАЕМ ПОСЛЕ ЭТИХ ВОПРОСОВ

Мы приготовили ряд вопросов в отношении политики советской авиации, но, так как планы советской авиации будут развернуты в недалеком будущем и так как они могут содержать ответ на некоторые из этих вопросов, мы предполагаем отложить все вопросы авиационного характера до ознакомления с советскими авиационными планами.

МОРСКОЙ ВОПРОС

Каковы типаж и число франко-британских морских сил, которые, по вашему предположению, должны действовать в Балтике?

АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 25, д. 12, л. 72-78. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 263-267.

561. Письмо министерства иностранных дел Франции председателю совета министров Франции Э. Даладье

16 августа 1939 г.

франко-англо-русские военные переговоры. Замечания г-на Наджиара.

Имею честь препроводить вам при сем записку, воспроизводящую замечания, переданные мне нашим послом в Москве 15 августа, по вопросу о ходе военных переговоров, ведущихся в настоящее время между Францией, Великобританией и СССР.

Я был бы вам обязан, если бы вы сообразовали рассматривать эти замечания как носящие строго конфиденциальный характер.

За министра иностранных дел
вице-директор по делам Европы
посланник Л. Оппенго

ЗАПИСКА О ФРАНКО-АНГЛО-РУССКИХ ВОЕННЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

По сообщению нашего посла в Москве, то, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши.

Отнюдь не стараясь использовать переговоры для того, чтобы получить нашу солидную поддержку на Западе в обмен на ограниченную поддержку с его стороны на Востоке, СССР предлагает нам, по мнению г-на Наджиара, вполне определенную помощь на Востоке, не предъявляя дополнительных требований на Западе, но при условии, что Польша своей отрицательной позицией не сделает невозможным создание на Востоке фронта сопротивления с участием русских сил. В случае неудачи в этом вопросе русские не претендуют на то, чтобы мы оказывали им поддержку на Западе в тот период, пока Польша, вследствие ее отказа, будет держать их вдали от операций на Востоке. Действительно, заявляют они, в этом случае военные переговоры, а следовательно и политический договор, одной из основных целей которого является оказание Советским Союзом помощи Польше, были бы беспредметными.

Едва ли, пишет по этому поводу наш посол в Москве, можно что-либо противопоставить этому утверждению, которое подводит нас к самой сущности вопроса. Даже если бы русские удовлетворились тем, что на Востоке предусматривалась бы только ограниченная помощь и простые меры, вытекающие из позиции выжидания, на чем должны настаивать перед ними, согласно полученным инструкциям, французская и английская миссии, то все же, по мнению г-на Наджиара, польский вопрос не мог бы быть обойден, не говоря уже о румынском вопросе. Наконец, возникли бы сложные проблемы транзита, снабжения и коммуникаций, и они оказались бы неразрешенными без участия или молчаливого согласия варшавского правительства.

Ссылаясь же на сложность положения для того, чтобы замаскировать настоятельную необходимость добиться в Москве результатов без того, чтобы Польша, которой мы предоставили гарантию [{* См. док. 267.}](#), согласилась позволить нам уточнить условия русской поддержки, без которой наша гарантия могла бы оказаться слишком тяжелой или неэффективной, означало бы, по мнению г-на Наджиара, пытаться строить на песке.

Предоставляя Польше гарантии, мы должны были поставить условием этой гарантии советскую поддержку, которую мы считаем необходимой. Обстоятельства, которые

весной оправдывали принятие этого решения, в настоящее время, несомненно, представляются более благоприятными. Во всяком случае, по мнению нашего посла в Москве, необходимо, чтобы поляки поняли сейчас, пока еще не слишком поздно, необходимость занятия менее отрицательной позиции.

В связи с этим Наджиар считает, что генералу Думенку должно быть оказано полное доверие и что, не устанавливая никаких ограничений, кроме тех, которые ему подскажет его опыт, мы должны были бы уполномочить его на обсуждение всех проблем, которые выдвигает эффективное участие русских сил в борьбе против агрессии на Востоке.

Будущая военная конвенция должна, разумеется, быть представлена на одобрение заинтересованных правительств. Поэтому ее нельзя заключить в полном объеме без согласия поляков, поскольку французское правительство могло бы дать свое окончательное согласие только после того, как оно снеслось бы по этому вопросу с Варшавой. В связи с этим Наджиар напоминает, что генерал Хунтцигер один заключил конвенцию с Турцией и что британское правительство затем одобрило ее.

Главное на данном этапе, говорит в заключение наш посол в Москве, состоит в том, чтобы продвинуть вперед военные переговоры с СССР и не идти на разрыв, причиной которого явился бы наш отказ от обсуждения по существу тех определенных проблем, которые возникают в связи с вопросом о русской поддержке на Востоке.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С.589-590.

562. Записка сотрудника специального бюро министра иностранных дел Германии {{* В оригинале: Dienststelle Ribbentrop.}} Хетцлера постоянному уполномоченному министра иностранных дел Германии при рейхсканцлере Германии В. Хевелю

16 августа 1939 г.

В приложении направляю Вам письмо внешнеполитического деятеля лейбористской партии г-на Чарльза Родена Бакстона, находящегося в данный момент в Берлине. Это письмо содержит предложения, которые он сделал в беседе со мной, а затем, по моей просьбе, изложил письменно.

Бакстон подчеркивал, что в данном случае речь идет о личных предложениях. Со своей стороны я сказал ему, что эти предложения как таковые я принимаю к сведению тоже лично и что я также не знаю, интересуются ли такого рода предложениями в компетентных германских органах в данный момент, тем более что сейчас как раз наступил отпускной период.

Сопровождавший г-на Бакстона Т. К. П. Кэтчпул, о котором я сообщал в своем последнем письме, в конце беседы дал понять, что Бакстон знает Чемберлена и Галифакса и прежде всего поддерживает весьма тесную связь с Батлером. Поэтому возможно, что Бакстон сделал эти предложения, имея на это в известной мере согласие со стороны своего правительства.

Д-р Хетцлер

В нашей сегодняшней беседе я предложил Вам план возможного урегулирования между Германией и Англией, и Вы попросили меня изложить его письменно. Я говорил только как частное лицо, и я должен совершенно определенно разъяснить, что я не уполномочен делать это кем-либо другим. Однако, как я надеюсь, я — настоящий европеец, изучал европейские вопросы в течение многих лет и искренне стремлюсь к миру. То, о чем я Вам говорил, сводится к следующему: я полагаю, что урегулирование возможно, если это будет в то же самое время полное урегулирование всех спорных вопросов; если оно предстанет перед общественностью как единое целое; если оно будет основано на равноправии и взаимности; и если с обеих сторон будут предприняты определенные и конкретные шаги, которые устранят существующее недоверие и создадут чувство уверенности в том, что в настоящее время в европейских делах наступает совершенно новый этап.

Я изложил бы свои идеи в следующей форме:

Если бы Англия согласилась:

- a) признать Восточную Европу естественным жизненным пространством Германии;
- b) урегулировать колониальный вопрос, признав права Германии на ее бывшие колонии, и немедленно начать создание новой системы в Центральной Африке на основе решений Берлинской конференции (1885 г.) с новым разделом территорий;
- c) отказаться от всех методов экономической конкуренции в Восточной Европе, за исключением обычной торговли и коммерции;
- d) отказаться от всех так называемых союзов «окружения» в Восточной Европе;
- e) содействовать непосредственным переговорам между Польшей и Германией о Данциге и «коридоре»;
- f) заключить новое соглашение о военно-морском флоте;
- g) заключить договор о всеобщем разоружении на широкой основе и на базе взаимности с учреждением взаимной инспекции.

В таком случае Германия согласилась бы:

- a) признать Британскую империю естественным жизненным пространством Англии;
- b) войти в систему европейского сотрудничества (например, конференция Германии, Англии, Франции, Италии, Польши, Испании) для нового урегулирования в Европе при общих гарантиях новых соглашений и для обеспечения независимости всех государств;
- c) отказаться от соглашений «окружения» с Испанией, если таковые существуют;
- d) подписать декларацию об автономии протектората;
- e) заключить новое соглашение о военно-морском флоте;

f) заключить договор о всеобщем разоружении на широкой основе и на базе взаимности с учреждением взаимной инспекции.

Чарльз Роден Бакстон

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 584 — 586. Опубл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VII. S. 81-82.

563. Запись беседы руководителя внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии А. Розенберга с сотрудником министерства авиации Великобритании де Роппом

16 августа 1939 г.

16 августа в 4 часа дня меня посетил барон де Ропп, совершивший поездку в Южную Францию, на Корсику и побывавший в Лондоне. Он сообщил мне, что недавно беседовал с известными нам офицерами из генерального штаба британских военно-воздушных сил и министерства авиации. Там придерживаются того же мнения, что и раньше. Считают бессмыслицей, чтобы Англия и Германия оказались из-за Польши ввергнуты в борьбу не на жизнь, а на смерть; при нынешнем положении вещей результатом этого было бы лишь взаимное уничтожение авиации обеих сторон, а в конце такой войны — гибель всей европейской цивилизации, причем плоды этого пожала бы Россия, так и не применив оружия. Поляки оказывают нажим прежде всего на Форин офис, чтобы в случае войны с Германией Англия выступила против Германии всеми имеющимися в ее распоряжении силами. Однако как раз перед лицом того факта, что вся тяжесть войны вначале ляжет на авиацию, влияние министерства авиации и генерального штаба военно-воздушных сил возрастает.

Барон де Ропп сказал мне, что он и его друзья, детально и на протяжении нескольких лет изучавшие Германию и национал-социалистическое движение, не верят, чтобы Германия, даже одержав победу на Востоке, помышляла разгромить Англию или Францию. Напротив, он знает, что фюрер и наше движение всегда уважали Британскую империю как целое. Он и его друзья не могут также представить себе, чтобы мы хотели захватить какие-нибудь британские доминионы, что я подтвердил как позицию, которой национал-социалистическое движение придерживалось до сих пор.

Барон де Ропп добавил, что в случае войны он будет назначен политическим советником министерства авиации по вопросам Германии, т. е. на должность офицера информационной службы, в обязанность которого входит анализ политического положения Германии и информации о ее намерениях. Он сообщил мне об этом в доверительном порядке, основываясь на нашем давнишнем знакомстве, поскольку он твердо убежден в том, что необходимо предпринять все, чтобы помешать войне. Однако в нынешней ситуации, по его убеждению, в случае военного конфликта между Германией и Польшей выступление Франции и Англии последует автоматически. Но даже и в этом случае в интересах урегулирования такого конфликта необходимо стремиться к тому, чтобы не дать превратиться ему во взаимное уничтожение. Здесь возможен вариант, когда Германия быстро покончит с Польшей, и, хотя к этому времени война будет объявлена, она в этот период обеими сторонами будет вестись как оборонительная, т. е. артиллерия и

другие оборонительные средства возьмут на себя защиту границ, что же касается воздушных бомбардировок незащищенных городов, которые вызвали бы неистребимое чувство ненависти, то они совершаться не будут. На случай быстрого завершения германо-польского конфликта при этих условиях еще имелась бы возможность быстро ликвидировать войну, поскольку из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование.

Что касается Франции, продолжал он, то в отличие от прошлого года настроения там чрезвычайно воинственны. Особенно резко возросло чувство ненависти по отношению к итальянцам, Корсику заполнили войска, а сами корсиканцы, несомненно, на стороне Французов. Возникает вопрос: если в случае общего конфликта начнутся бои между французскими и итальянскими военно-воздушными силами, должно ли это автоматически привести к общей схватке между английской и германской авиацией?

Я принял эти сообщения к сведению и сказал, что только что возвратился из отпуска и не располагаю полной информацией о положении дел на данный момент. Де Ропп задал мне вопрос: «Считаете ли Вы, что в результате давления с английской стороны поляки стали бы благоразумней? Что можно было бы здесь предпринять?» При этом он попросил предоставить ему подробные материалы о жестоком обращении с немцами в Польше, по возможности документального характера. Я дал указание подготовить эти материалы к завтрашнему утру.

Я сказал ему, что поляки бесцеремонно отвергли первое благожелательное предложение фюрера [{* См. док. 102.}](#): возвратить Данциг и восстановить немецкие коммуникации между Восточной Пруссией и рейхом. Это произошло, вероятно, потому, что поляки во время своих прежних поездок в Лондон заручились где-то обещанием в прочной поддержке. Вероятно, можно предположить, что поляки идут ва-банк и намеренно провоцируют нас, в последние недели в неслыханных размерах усиливая преследования немцев, поскольку они не совсем уверены в поддержке со стороны Англии в случае самостоятельных военных мер, предпринятых по собственной инициативе. Они, по всей вероятности, хотят своими постоянными вызывающими выступлениями в печати и фактическими провокационными атаками вынудить Германию к какому-либо шагу и тем самым автоматически добиться полной поддержки со стороны Англии и Франции. Я считаю, продолжал я, что англичане могли бы заявить, что гарантии [{** См. док. 245.}](#) даны на случай иных условий, а не на случай тех, которые существуют сейчас. Ибо, если взять нынешнее положение, то поляки сознательно провоцируют германский рейх; тем самым, собственно, стараются заставить Англию вести игру за Польшу. При оценке позиции поляков нужно также учитывать характер славянина, который в некоторых случаях теряет всякую сдержанность и способность трезво рассуждать и тогда в известном смысле в отчаянии обрекает свое дело на провал.

Де Ропп подчеркнул в конце беседы, что сам он совершенно точно знает, что Германия, укрепившись на Востоке, за что особенно настойчиво выступают как раз его друзья, так как в этом они не только не видят никакого вреда для будущего Англии, но даже усматривают положительный момент, вовсе не думает выступить затем против Британской империи. Однако эта идея, питаемая из определенных центров, прочно укрепилась в сознании французов и англичан, и искоренить эту мысль нелегко. Что касается его самого и его друзей, то они хорошо представляют себе положение вещей и сделают все, чтобы предотвратить роковое развитие событий.

Он сказал, что пробудет в Германии еще 8 — 10 дней.

Считаю своим долгом довести до сведения фюрера эту информацию, полученную из кругов британского министерства авиации, и сообщить о настроениях в самых влиятельных сферах генерального штаба британских военно-воздушных сил, тем более что подобные взгляды совпадают с тем, что публично высказывалось до настоящего времени этими кругами в их журналах.

А. Розенберг

Почат, по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 586—588. Оpubл. в изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VII. S. 68-69.

564. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом

16 августа 1939 г.

Штейнгардт полагает, что т. Молотов получил доклад о разговоре т. Уманского с Рузвельтом {[* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 359.]} . Тов. Молотов отвечает утвердительно.

Затем Штейнгардт просит т. Молотова держать в секрете то, что будет им сегодня сказано.

Рузвельт, начиная Штейнгардт, желал, чтобы все сказанное им Уманскому было бы достаточно ясно понято. То, что он хочет сообщить сегодня т. Молотову, представляет собой изложение личных объективных мыслей Рузвельта о современном международном положении. Штейнгардт подчеркивает, что изложение этих мыслей не является официальным заявлением Рузвельта, и еще раз напоминает о конфиденциальности беседы. Штейнгардт говорит, что взгляды Рузвельта не являются попыткой дать совет и они независимы от политики любой другой страны. Рузвельт не в состоянии принять на себя ответственность или дать уверения относительно шагов, которые намерены предпринять Англия и Франция в связи с переговорами с СССР. После этого введения Штейнгардт переходит к изложению взглядов Рузвельта.. В случае войны в Европе и на Дальнем Востоке и возможной победы стран «оси» положение СССР и США безусловно и немедленно изменилось бы. В случае победы стран «оси» положение СССР, вследствие его географической близости к Германии, изменилось бы более быстро, чем положение США. По этой причине Рузвельт чувствует, что если бы было достигнуто удовлетворительное соглашение против агрессии между любыми другими державами Европы, то оно оказало бы стабилизирующее действие в интересах всеобщего мира, в котором так глубоко заинтересованы США и СССР.

Тов. Молотов высказывает замечание, что, судя по сделанному Штейнгардтом заявлению, он, Штейнгардт, имеет, очевидно, поручение высказать взгляды Рузвельта.

Штейнгардт отвечает утвердительно и спрашивает т. Молотова, совпадает ли в общих чертах сказанное им с теми мыслями, которыми поделился Рузвельт с т. Уманским.

Тов. Молотов, подтверждая это, заявляет, что эти мысли Рузвельта представляют для Советского правительства живейший интерес и высокую ценность.

Штейнгардт просит т. Молотова, если он считает это возможным, высказать для передачи Рузвельту точку зрения Советского правительства на теперешнее международное положение и на переговоры между СССР, Англией и Францией.

Тов. Молотов заявляет, что Советское правительство относится со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией. Этим переговорам мы придаем большое значение, что видно уже из того большого времени, которое мы отдавали этим переговорам. Мы с самого начала относимся к переговорам не как к делу, которое должно закончиться принятием какой-то общей декларации. Мы считаем, что ограничиваться декларацией было бы неправильно и для нас неприемлемо. Поэтому как в начале переговоров, так и сейчас нами ставился вопрос так, что дело должно идти о конкретных обязательствах по взаимопомощи в целях противодействия возможной агрессии в Европе. Нас не интересуют декларативные заявления в переговорах, нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии. Смысл этих переговоров мы видим только в мероприятиях оборонительного характера на случай агрессии, а в соглашениях о нападении на кого-либо мы не согласились бы участвовать. Таким образом, все эти переговоры мы ценим постольку, поскольку они могут представлять значение как соглашение о взаимопомощи для обороны от прямой и косвенной агрессии. Я знаю, продолжает т. Молотов, что США стоят в стороне от непосредственного участия в европейских делах, но знаю также, что Рузвельт близко принимает к сердцу интересы всеобщего мира. Поэтому Советское правительство проявит живейший интерес к переданному Штейнгардтом заявлению, в котором выражено личное мнение Рузвельта.

Затем Штейнгардт спрашивает, надеется ли т. Молотов на успешное завершение переговоров, т[ак] к[ак] Рузвельт запросит мнение Штейнгардта о переговорах, но его мнение не представляет ценности.

Тов. Молотов отвечает, что мы затратили и затрачиваем много времени на переговоры именно потому, что мы рассчитываем на успех переговоров. Но, разумеется, дело зависит не только от нас.

Штейнгардт указывает причины, которые побудили его поставить этот вопрос. Очевидно, говорит Штейнгардт, Молотов согласится с ним, что необходимо подготовить Рузвельта на случай окончания переговоров, в особенности же на случай их неудачи. Штейнгардт подчеркивает, что это лишь его личное мнение.

Тов. Молотов говорит, что результат переговоров зависит не только от нас, но также от Англии и Франции. Многое уже сделано для успеха переговоров, но переговоры еще не кончены.

Штейнгардт говорит, что ценит откровенность т. Молотова. Он просит держать в секрете сегодняшнюю беседу, так как т. Молотов, очевидно, знаком с американским конгрессом, американскими газетами и изоляционистами, которые препятствуют работе Рузвельта по поддержанию мира. Штейнгардт просит не разглашать никаких посланий Рузвельта, которые он будет передавать т. Молотову. Тов. Молотов, говоря о том, что он знает трудности, с которыми сталкивается Рузвельт в своей работе, подтверждает свое согласие с этой просьбой.

565. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю

16 августа 1939 г.

Генерал Думенк сообщает, что советская военная делегация с самого начала переговоров поставила в качестве условия реализации военного пакта уверенность Советской Армии в том, что в случае агрессии против Польши и Румынии она может пройти через Виленский коридор, Галицию и румынскую территорию. Генерал Думенк добавил, что это условие поставлено, наверное, лишь в связи с исключительно действенной помощью, которую русские намерены предоставить нам; он указывает также на большое значение, которое имеет с точки зрения рассеяния опасений польской стороны тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны ввода своих войск, исходя из стратегической точки зрения.

Генерал Мюсс выехал 15 вечером в Варшаву с необходимыми инструкциями, чтобы незамедлительно войти в контакт по этому поводу с польским генеральным штабом.

Вчера вечером я сам вызвал г-на Лукаевича и имел с ним беседу, содержание которой я Вам передаю в отдельной телеграмме. Необходимо, чтобы Вы лично решительно поставили перед г-ном Беком вопрос о необходимости для польского правительства принять русскую помощь. Вам следует настойчиво подчеркнуть, что возможное русско-польское сотрудничество на восточном театре боевых действий является необходимым условием эффективности нашего общего сопротивления агрессивным планам держав оси, что, поскольку польское правительство много раз признавало ее необходимость, было бы опасно ждать начала военных действий, чтобы представить себе одну из основных форм этого сотрудничества; Вы добавите, что мы не можем предполагать, что, отказываясь обсуждать стратегические условия ввода русских войск, Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия. Вы можете также сделать упор на соображения, содержащиеся в телеграмме, которую вчера передал из Москвы г-н Наджиар {{* [См. док. 561.](#)}}. Мне нет нужды доказывать Вам значение этого вопроса, от которого зависит в настоящий момент вся наша система безопасности в Восточной Европе.

Печат. по сб.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. 7. С. 145—146. Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. Т. XVIII. Р. 94-95.

566. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

17 августа 1939 г.

Заседание началось в 10 час. 07 мин.
Окончилось в 13 час. 43 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов (председательствующий). Заседание военных миссий объявляю открытым.

На сегодняшнем заседании нам предстоит заслушать сообщение об авиационных силах Советского Союза. Если нет никаких вопросов, я позволю себе предоставить слово командарму 2-го ранга начальнику Военно-Воздушных Сил РККА Локтионову.

[Командарм] А. Д. Локтионов. Начальник Генерального штаба Красной Армии командарм 1-го ранга Шапошников в своем докладе здесь сказал, что на западном европейском театре Красная Армия развернет 5 — 5,5 тыс. боевых самолетов. Это количество составляет авиацию первой линии, помимо резерва.

Из указанной цифры современная авиация составляет 80% со следующими скоростями: истребители — от 465 до 575 км/час и больше; бомбардировщики — от 460 до 550 км/час. Дальность бомбардировочной авиации — от 1800 до 4000 км. Бомбовая нагрузка — от 600 кг на самолетах старых типов и до 2500 кг.

Г-н маршал авиации Бернет заявил, что лучше иметь меньше самолетов первой линии, предпочитая реальную их замену во время войны. Это правильно в том смысле, что производственные мощности авиационной промышленности должны быть такими, которые бы обеспечили полностью покрытие убыли самолетов во время войны, что особенно важно. Однако совсем не мешает иметь их и в первой линии такое количество, которое во всяком случае, не было бы меньшим, чем у вероятных противников. Тот, кто вступит в войну с превосходной авиацией, тот, несомненно, будет иметь большое преимущество перед врагом.

Соотношение бомбардировочной, истребительной и войсковой авиации составляет: бомбардировочная — 55%, истребительная — 40% и войсковая — 5%.

Авиационные заводы Советского Союза в данное время работают в одну и только некоторые в две смены и выпускают для необходимой потребности в среднем 900 — 950 боевых самолетов в месяц, помимо гражданских и учебных.

В связи с ростом агрессии в Европе и на востоке наша авиационная промышленность приняла необходимые меры для расширения своего производства до пределов, необходимых для покрытия нужд войны.

Личный состав. Подготовка летного и технического состава воздушных сил проводится по следующей системе. Первоначальное обучение на учебных самолетах молодежь, признанная годной в физическом отношении для службы в авиации, проходит в аэроклубах, после чего свое дальнейшее летное обучение проходит в авиационных школах и училищах со сроком обучения в 1 — 2 года. Летчики-пилоты и летчики-наблюдатели обучаются в 19 авиационных школах и училищах; технический состав всех специальностей — в 8 авиационно-технических училищах. И кроме того, имеется 4 училища для усовершенствования летно-технической подготовки. А всего имеется 33 училища. При существующих технических училищах имеются курсы дополнительной подготовки инженерно-технического состава. Все школы и училища заполнены целиком и обеспечивают пополнение воздушных сил и накопление резерва.

Для высшей подготовки командиров летного состава и инженеров мы имеем Воздушную академию.

Помимо этого гражданский воздушный флот имеет свои отдельные школы для подготовки летного и технического состава не только для пополнения своих кадров, но и для накопления резервов. Переподготовка уже обученного запаса летно-технического состава систематически проводится в учебных центрах и запасных частях.

Применение авиации. Готовность основных соединений авиации по боевой тревоге исчисляется от одного до четырех часов. Дежурные части находятся в постоянной боевой готовности.

В начальный период войны действия воздушных сил будут соответствовать разработанным планам Генерального штаба. Общий принцип действия воздушных сил определяется требованием сосредоточения усилий всех средств, как наземных, так и воздушных, в направлении главного удара. Отсюда действия авиации происходят в тесном взаимодействии с наземными войсками на поле боя и в глубину проводимой операции.

Целями бомбардировочной авиации будут являться: живая сила противника и ряд его важных военных объектов. Кроме того, бомбардировочная авиация будет получать задачи для действия по военным объектам и в более глубоком тылу противника. Советская авиация не ставит перед собой задачи бомбометания по мирному населению.

Истребительная авиация имеет своей задачей, помимо обороны ряда важных военных объектов, железных и шоссейных дорог, прикрытия сосредоточений наземных войск и авиации, защиты крупных городов в тесном взаимодействии с остальными средствами противовоздушной обороны — зенитной артиллерией и прочими средствами, — имеет целью борьбу с авиацией противника и обеспечение боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации на поле боя в тесном взаимодействии с ними.

Базирование авиации на оперативных аэродромах и работа авиационного тыла позволяют гибко маневрировать авиации по фронту и в глубине, избегая ненужной переброски авиационных парков.

Я кончил.

Маршал К. Е. Ворошилов. Слово имеет маршал Бернет.

Маршал Бернет. Я хотел бы от имени французской и английской миссий выразить генералу Локтионову нашу благодарность за точное изложение своего сообщения. На меня произвели сильное впечатление та энергия и организованность, с которыми Советский Союз сумел добиться таких выдающихся результатов в создании своей авиации.

Я попрошу разрешения несколько позднее задать один или два вопроса для уточнения некоторых моментов, которые остались для меня не совсем ясными в сообщении генерала Локтионова.

Ген. Вален. Могу ли я задать несколько вопросов, так как не совсем понял отдельные места в изложении генерала Локтионова, в частности насчет применения баз.

Командарм А. Д. Локтионов. Авиация с баз мирного времени по боевой тревоге переходит на запасные аэродромы, рассредоточивается. Согласно планам командования, авиация занимает свои, как мы называем, боевые, оперативные аэродромы, на которых

уже в настоящее время имеются необходимые запасы бензина и боеприпасов. Сеть аэродромов позволяет маневрировать авиации и по фронту, и в глубину.

Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите перейти к дальнейшему обсуждению вопросов. У нас остался пока один вопрос для обсуждения — это вопросы, заданные англо-французской миссией нашей советской миссии. Вопросы, заданные советской миссии в количестве восьми плюс один морской вопрос, а всего в числе 9, представляют собою, с одной стороны, вопросы общие, имеющие политический, отвлеченный характер; с другой стороны, эти вопросы включают в себя элементы таких деталей и [такой] конкретизации о взаимоотношении будущих союзников, ответы на которые будут вытекать из самого факта возможного заключения военной конвенции между нашими странами.

Сделав эту оговорку, я считаю необходимым коротко ответить по пунктам на эти вопросы.

Первый вопрос: каково мнение советской военной миссии о возможности вступления Италии в войну: а) в случае, если Советский Союз подпишет пакт с Англией и Францией, б) если Советский Союз не подпишет пакта с ними?

Мнение советской миссии таково. Италия не может остаться в стороне в случае военной агрессии в Европе. Италия имеет с Германией военный союз, обязывающий обе страны взаимно действовать против третьей стороны. Кроме того, глава нынешней Италии г-н Муссолини неоднократно и довольно определенно декларировал на весь мир о том, что он и его армия будет при всех условиях с Германией. Думается, что этого вполне достаточно, чтобы иметь на этот счет определенное мнение.

Конец этого первого вопроса следующий: если мнение советской военной миссии таково, что Италия, возможно, вступит в войну, то каковы возможные действия Италии, оперирующей из Албании?

Военная миссия Советского Союза, к сожалению, не может конкретизировать своего мнения по этому частному вопросу, исходя из того положения, что Италия, имея развязанные руки, может и, очевидно, будет действовать с различных направлений, не только с албанского, но и непосредственно на французской границе, а также, что весьма вероятно, и с испанской территории. Я уже не говорю относительно Туниса и средиземноморских островов. Отсюда советской миссии трудно и, пожалуй, нет необходимости делать какие-нибудь конкретные заключения по частному здесь заданному вопросу.

Второй вопрос: из трех разных вариантов действий, намеченных советской миссией, какой наиболее вероятный вариант будет принят Германией и каково мнение советской военной миссии по этому вопросу?

Предугадать намерения Германии и ее руководителей весьма трудно, свидетельством чему может служить хотя бы следующий факт: три дня тому назад уважаемый адмирал Дракс сообщил нам о том, что Германия отобилизовала 2 млн человек и собирается выступить 15 августа.

Адм. Дракс. Нет, нет.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я в этом [прогнозе] ничего плохого не вижу, и я с Вами был тогда согласен. Это могло случиться, но этого не случилось. Ни г-н адмирал, ни г-да

маршалы и генералы, здесь присутствующие, ни все наше совещание в целом, к сожалению, не может сколько-нибудь точно предугадать события, потому что субъектами, организующими эти события, являются люди, которые неплохо понимают значение внезапности и неожиданных действий. Вот почему мне трудно сколько-нибудь обстоятельно ответить на второй вопрос.

Адм. Дракс. Возможно, что мое замечание было не совсем точно переведено. Я хочу пояснить. Я сказал, что Германия отобилизовала 2 млн человек и готова к войне, но не обязательно должна выступить 15 августа, а начиная с 15 августа готова будет выступить в любой момент. Но я никогда не высказывал мнения насчет точной даты выступления Германии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я очень извиняюсь перед г-ном адмиралом, если это так, но переводчики перевели тогда именно так, как я здесь сообщил, что Германия отобилизовала 2 млн войск и есть сведения, что 15-го она выступит. Беру запись. Здесь сказано: Германия уже имеет отобилизованных 2 млн войск, и ее выступление намечено на 15 августа.

Адм. Дракс. Нет, нет, я говорил не так.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я попросил бы тогда адмирала дать его точную формулировку. Это можно сделать потом. Вы исходите из того, что тогда вкралось недоразумение. Тем не менее все мною сказанное, за исключением ссылки на слова г-на адмирала, остается в полной силе. Если суждено начаться большой европейской войне, а это почти бесспорно, то она возникнет и внезапно, и в пределах и размерах, трудно предугадываемых. Поэтому на второй вопрос я ничего обстоятельного ответить не могу.

Третий вопрос: может ли советская военная миссия дать более точные подробности относительно районов румынской территории, в которые они считают необходимым получить право доступа и в которых они желают действовать?

На этот вопрос мне также трудно ответить, потому что Румыния может стать объектом нападения в различных пунктах ее территории. И если бы Советскому Союзу пришлось оказывать Румынии помощь, то мы должны были бы считаться с объективной, уже сложившейся обстановкой. Эта обстановка определила бы районы, в которые мы должны были бы послать войска.

Четвертый вопрос: что предлагает делать Советский Союз во втором варианте, если Болгария вступит в союз с Венгрией против Румынии? Какую помощь он может оказать в этом случае Турции?

На этот вопрос мне легче всего ответить. У Франции и Англии с Турцией имеются пакты о взаимопомощи. Эти пакты обязывают Англию и Францию защищать Турцию. Если бы мы заключили военную конвенцию трех государств, разумеется, мы своей долей вооруженных сил будем участвовать в этой защите Турции. Силы Советского Союза для того, чтобы участвовать в общей акции -защиты Турции, вполне достаточны.

Пятый вопрос: каков тоннаж регулярного транспорта, который может быть послан по железным дорогам в Польшу а) из Мурманска, б) от Черного моря? По каким железным дорогам он может быть направлен, чтобы как можно меньше мешать снабжению русской армии?

Этот вопрос относится к разряду тех деталей, о которых я уже вначале сказал. Если будет заключена конвенция между нашими странами, у Советского Союза найдется и достаточный тоннаж, и достаточно возможностей, для того чтобы выполнить все свои обязательства в отношении союзников.

Шестой вопрос. Этот вопрос также относится к разряду вопросов, детализирующих наши будущие взаимоотношения. На Черном море мы имеем достаточное число вполне современных портов, которые смогут обеспечить все нужды обороны нашего государства и союзников, если таковые у нас будут.

Если г-н адмирал и г-н генерал не возражают, мы могли бы объявить сейчас перерыв. (Возражений нет.) Объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Заседание возобновляется. Я хочу ответить на последующие вопросы.

Седьмой вопрос. Этот вопрос целиком или почти целиком относится к нашим хозяйственным народным комиссариатам, и в первую голову к Народному комиссариату внешней торговли. От себя могу сказать только одно: не только в момент войны Советский Союз будет вести те или иные торговые операции с дружественными или нейтральными странами, но и сейчас, в мирных условиях, Советский Союз, как известно, ведет оживленные торговые отношения со многими странами Европы, Америки и Азии.

Восьмой вопрос. Советский Союз имеет мощную, непрерывно развивающуюся нефтяную промышленность. В соответствии с развитием нефтяной промышленности мы имеем хороший, полностью удовлетворяющий наши потребности, нефтеналивной морской, речной и железнодорожный транспорт, также непрерывно развивающийся. И разумеется, если будет заключена конвенция, этот вопрос найдет свое разрешение в тех конкретных решениях, которые будут приняты в результате нашего договора.

Остается последний — морской вопрос. Он гласит следующее: каков типаж и число франко-британских морских сил, которые, по Вашему предложению, должны действовать в Балтике?

Я даю слово для ответа на этот вопрос народному комиссару Военно-Морского Флота флагману флота 2-го ранга Кузнецову.

Флагман флота Н. Г. Кузнецов. Количество и типы кораблей англо-французского флота, которые мы считали бы необходимым послать в Балтику, будут окончательно определены и уточнены — после детализации уже поставленных задач. (Происходит довольно продолжительный разговор между адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.) Следует только учитывать, что, не послав в Балтику достаточного числа кораблей, трудно будет решать и основную задачу объединенных флотов, т. е. уничтожение флота противника.

Конкретные предложения о количестве и типах кораблей нам труднее определить, чем г-ну адмиралу Драксу. Задачи же так, как мы их понимаем, здесь изложены. (Снова продолжительный разговор между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Благодарю народного комиссара Военно-Морского Флота СССР за данный им ответ. Я одновременно хотел бы задать еще несколько вопросов на следующем заседании.

Маршал К. Е. Ворошилов. Кто желает еще слова? Повестка сегодняшнего заседания у нас исчерпана. Необходимо определить День следующего заседания и программу работы предстоящего заседания. Мы уже условились вести нашу работу впредь до исчерпания тех вопросов, которые стояли на повестке дня нашего совещания. Дальнейший ход наших заседаний сейчас целиком зависит от получения советской военной миссией ответов на ее вопросы военным миссиям Англии и Франции.

Мы поработали довольно основательно, поэтому мне кажется, [что,] если за сегодняшний и завтрашний день не будет получено ответа от правительств Англии и Франции, нам, к сожалению, придется прервать на некоторое время наши заседания в ожидании этого ответа.

Ген. Думенк. Я хочу поблагодарить от имени английской и французской делегаций за те ответы, которые были даны сегодня маршалом Ворошиловым на заданные нами вопросы. Некоторые из этих вопросов требуют, конечно, подробного и внимательного изучения. Мы готовы представить добавочные вопросы, которые необходимы для этого конкретного изучения. Что касается дальнейших наших заседаний, то, может быть, мы зафиксируем дату следующего заседания для разрешения указанных вопросов. Это нам не мешает ожидать ответа на кардинальный вопрос.

Маршал Вернет. Маршал помнит, очевидно, что сегодня утром я хотел задать несколько вопросов авиационного характера для выяснения некоторых пунктов плана, изложенного генералом Локтионовым.

Ген. Хейвуд. Предлагается эти вопросы авиационного характера задать одновременно с военными вопросами, о которых говорил генерал Думенк.

Маршал К. Е. Ворошилов. Остается решить вопрос, когда мы будем заседать. Советская миссия считает, что до получения ответа на поставленные ею вопросы мы должны будем прекратить работу нашего совещания. (Продолжительный разговор между адмиралом Драксом, генералом Думенком и генералом Хейвудом.)

Адм. Дракс. Нам предстоит еще много работы, которая не может быть выполнена без получения ответов на вопросы, которые мы хотели бы задать. Эта работа задержалась бы, если ответы не будут получены. По моему мнению, такая отсрочка не является желательной и необходимой и не в интересах трех миссий. Поэтому я предлагаю назначить следующее заседание на 20 или 21 августа, как этого пожелает маршал.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская миссия, так же как и адмирал Дракс, считает важнейшим делом ускорение работы нашего совещания. В этих целях советская миссия готова заседать не только каждый день, но тратить на эти заседания и больше времени. Однако не по вине советской миссии нам приходится наши работы прекратить.

Советская миссия уже заявила, что без разрешения поставленных ею вопросов она лишена возможности рекомендовать своему правительству те или иные конкретные предложения по обсуждаемым здесь вопросам. Поэтому, к сожалению, мне приходится еще раз просить г-на адмирала Дракса и г-на генерала Думенка согласиться на перерыв наших заседаний

впредь до момента получения ими от своих правительств ответа. (Адмирал Дракс и генерал Думенк продолжительное время совещаются.)

Ген. Думенк. Позволяю себе заметить г-ну маршалу, что не по своей вине мы не можем удовлетворить его желание, так как Вы поставили нам вопросы, которые являются правительственными, изто требует времени. Тем не менее я считаю полезным назначить время, которое может быть в последующем перенесено на более поздний срок, если ответ не будет получен. Я предлагаю назначить заседание на 20 августа в 10 часов утра.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я не вижу надобности назначать день заседания, не будучи уверенным, что это заседание может состояться. Я изьявляю от имени нашей миссии согласие в любой момент, как только ответ будет получен от обоих правительств или от одного из них, немедленно созвать наше заседание. А до получения этого ответа я рекомендую нашим дорогим гостям отдохнуть, посмотреть Москву, побывать на выставке, чувствовать себя как дома. Так лучше будет и для дела, и для внешнего мира: объявление небольшого перерыва — естественное дело.

Адм. Дракс. Мы условились, что всякое сообщение в прессе должно быть результатом общего соглашения трех миссий. А так как сейчас идет вопрос о том, чтобы отложить работу конференции на неопределенный срок, то пресса будет задавать вопросы на этот счет. Поэтому я хотел бы спросить г-на маршала, не имеет ли он какого-нибудь предложения относительно текста заявления для прессы, которое, может быть, понадобится сделать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Самое лучшее — это не делать никакого заявления. Наши миссии являются военными миссиями, представляющими генеральные штабы трех великих государств. И совсем нет дела корреспондентам, падким на всякие сенсации, до работы нашего совещания, покуда оно не приняло тех или иных решений. Перерыв наших заседаний не обозначает разрыва, а скорейшее возобновление работ совещания целиком будет зависеть от военных миссий Англии и Франции и от их правительств. (Продолжительное совещание между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Мы согласны с тем, что нет необходимости делать какое-нибудь заявление корреспондентам газет, находящимся в Москве. Но я считаю нужным обратить внимание г-на маршала па то, что когда мы сообщим нашим правительствам, что наша конференция отложена на неопределенный срок, то, по всей вероятности, мировая пресса расценит этот акт как частичный или временный разрыв, особенно если никакого заявления об этом в прессе не будет сделано. Я поэтому думаю, что в настоящих условиях наши правительства предпочли бы сделать какое-нибудь заявление в прессе. Но это вопрос, который они сами решат. Однако если бы срок нашего следующего заседания был установлен, они, по всей вероятности, не сочли бы нужным сделать заявление для прессы. Я думаю, маршал примет это во внимание.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я просил бы разрешения сделать небольшой перерыв, после которого мы соберемся и решим, как быть дальше. (Возражений против перерыва нет.) Объявляется перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает предложение назначить следующее заседание на один из ближайших дней — на 20-е или 21-е — и спрашивает, какой день является для Вас более приемлемым — 20 или 21 августа.

Адм. Дракс. Мы бы предпочли 21 августа. Это в том случае, если ответ из Парижа и Лондона не будет получен раньше. В противном случае мы попросим назначить день заседания раньше.

Маршал К. Е. Ворошилов. С нашей стороны возражений нет. Разрешите объявить заседание закрытым.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 83-96. Опубл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 295-303.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОПРОСЫ { { * Перевод с английского. } }

17 августа 1939 г.

1. Какие типы франко-английских военных судов и в каком количестве должны, по Вашему предположению, действовать в Балтике?

Как предполагается ввести эти суда в Балтику, принимая во внимание, что проход через Бельты и Зунд легко может быть закрыт немцами?

2. Как Вы предполагаете обеспечить снабжение этих сил боеприпасами, торпедами и военно-морским снаряжением?

3. Если, как это представляется вероятным, единственным входом в Балтику явится Беломорский канал, то какова максимальная величина военного судна, которое мы сможем через него провести?

4. Если германские морские силы полностью покинут Балтику для того, чтобы совершить концентрированное нападение на суда союзников в Атлантике, то сколько времени заняло бы передвижение всех франко-английских сил из Балтики через этот канал в свои воды, для того чтобы противостоять этому нападению?

Необходимо отметить, что расстояния через Белое море до наших морских баз в Северном море следующие:

Розит (Rosyth) - 2630; Чатам (Chatham) - 3000.

Эти расстояния больше, чем расстояние от Англии до Америки через Атлантический океан.

5. Какие возможности в отношении военно-морских баз мог бы предоставить нам СССР в Балтике и на Мурманском побережье?

Как скоро могут франко-английские надводные корабли, оперирующие в этих водах, быть поставлены в доки или эффективно отремонтированы в Кронштадте или Ленинграде после получения серьезных повреждений в бою? Замедлилась ли бы эта работа зимой?

6. Содержит ли СССР ледоколы, для того чтобы держать Кронштадт открытым в течение зимы?

7. В каком объеме советские силы могут помогать союзным военно-морским силам в защите конвоируемых судов в восточной части Средиземного моря? Сколько судов может СССР направить из Черного моря для совместных действий с союзниками против итальянских подводных лодок, против Додеканезских островов и для поддержания советских коммуникаций в Средиземном море?

8. Если бы Англия согласилась послать морские силы в Балтику или в Черное море для действия против сил противника, временно сконцентрированных в этих районах, то согласился ли бы СССР послать равные силы в Северное море и Средиземное море, если там будут действовать подобные силы противника?

9. Согласен ли СССР с тем, что в случае задержания торгового судна подводной лодкой до потопления судна должны быть произведены его посещение и обыск, а экипаж — отправлен в безопасное место?

ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ {{* Перевод с французского.}}

17 августа 1939 г.

Первый вопрос.

Между вашей границей и Восточной Пруссией — около двадцати переходов. Между Двиной и Неманом можно провести до шести различных маршрутов. Для образования фронта с крепкими исходными позициями против укрепленной линии Восточной Пруссии необходимо занять около 200 км, что потребует до 20 дивизий. Для подготовки наступления необходимо располагать также резервами пехоты, артиллерии и танков.

Для осуществления всего этого, видимо, потребуется не менее месяца, учитывая предварительные мероприятия по мобилизации.

Возможно, что в течение этого месяца агрессор, как только он установит сухопутную связь с Восточной Пруссией, сам подготовит операцию в направлении Риги и попытается завязать сражение с Красной Армией на фронте Рига—Гродно.

Полагает ли русская делегация, что Красная Армия будет в состоянии принять это сражение силами, по меньшей мере, равными тем, которые там сможет сосредоточить противник?

Полагает ли она возможным вести сражение на этом фронте, главным образом имея в виду снабжение боеприпасами?

Второй вопрос.

К советской делегации обращались с просьбой указать районы румынской территории, в которые Красная Армия хотела бы получить право ввести свои войска, как только этого потребует обстановка.

В полученном ответе указывается, что придется учитывать конкретные обстоятельства и что обстановка уточнит зоны действия.

Потребуется следующие уточнения.

Какие действия советская делегация предусматривает в случае агрессии со стороны Венгрии против Румынии?

Предусматривает ли она возможность сражения к югу от Карпат?

Третий вопрос.

Вариант № 3, очевидно, более всего интересует Советский Союз, так как при этом варианте он развертывает наибольшие силы.

Позиция, занятая советской делегацией в настоящее время, ставит даже саму подготовку пакта в зависимость от политического вопроса, касающегося третьих держав, что вызывает отсрочку заключения пакта.

Пока пакта не существует, ситуация, в которой мы оказались бы, была бы следующей.

Франко-английские армии находились бы, очевидно, в состоянии войны с германскими армиями, так как Германия предварительно совершила бы агрессию против Польши, для того чтобы достигнуть Латвии. Но мы не имели бы никаких согласованных действий в Балтике или для поддержания ваших морских коммуникаций как в Северном Ледовитом океане, так и в Средиземном море.

Франко-английская делегация полагает, что эти вопросы могли бы быть рассмотрены и обсуждены независимо от состояния кардинального вопроса и что таким образом удалось бы избежать потери времени.

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 126-129. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 303-305.

567. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка в военное министерство Франции

Москва, 17 августа 1939 г.

Намеченное заседание состоялось сегодня утром; оно было посвящено главным образом изложению вопроса о силах и планах советской авиации.

Ниже приводится отчет обо всех заседаниях:

1. С самого начала создалось впечатление, что у советской делегации имеются строгие указания по вопросу о проходе через польскую и румынскую территории {{* См.: СССР в борьбе за мир... Док. 215.}}. При первой же возможности она поставила этот вопрос в качестве предварительной основы для любого военного соглашения и заявила, что она отсоветует своему правительству заключать какую бы то ни было конвенцию, если этот пункт не будет принят.

2. Мы смогли дать пищу для обсуждения на семи состоявшихся заседаниях, согласившись с тем, чтобы были сделаны краткие сообщения о размерах наших соответственных

военных ресурсов. В этом отношении заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные.

Были изложены планы военной помощи, которая была бы нам оказана в различных возможных случаях. Эта помощь является значительной, поскольку она составляет, в зависимости от случая, от 70 до 100% выставляемых нами сил.

3. Мотивом их требования «*sine qua non*»{{ * Непременное требование (*лат.*).}} является опасение, что Польша и румыны могут обратиться к ним за помощью слишком поздно. Другим мотивом является выраженное ими желание предпринять наступательные действия в нашу пользу, в случае если бы основной удар был направлен против нас. Наконец, это обеспечит им возможность избежать какой бы то ни было потери времени, если германская агрессия будет направлена на Прибалтийские страны.

Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно.

4. Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения; маршал Ворошилов утверждал, что все эти вопросы о помощи, тылах, коммуникациях и т. п...{{ ** Многоточие в документе.}} могут быть обсуждены без каких-либо трудностей, как только вопрос, который они называют «кардинальным вопросом», будет разрешен.

5. Атмосфера всегда была очень сердечной, а советский прием — превосходным.

Наши взаимоотношения с английской делегацией носят характер очень тесного контакта.

6. Заседание на 21-е было назначено только для того, чтобы не создавать вне какой-либо видимости перерыва переговоров. Для того чтобы переговоры могли продолжаться, сейчас необходимо, чтобы я смог ответить «да» на поставленный вопрос.

Смотрите телеграмму нашего посла от сего числа. Для генерала Гамелена

генерал *Думенк*

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 306 — 307.
Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. Т. XVIII. Р. 122.

568. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франции в Польше Л. Ноэлю

17 августа 1939 г.

Для Вашего личного сведения и для сведения генерала Мюсса.

Капитан Бофр прибудет в Варшаву 17-го поездом, отходящим из Москвы 16-го в 23 часа. Ему поручено генералом Думенком, по согласованию со мной, изложить Вам, а также генералу Мюссу нынешнее состояние наших переговоров в той части, которая касается Польши.

Самое меньшее, чего нам следовало бы добиться от поляков, заключается в том, чтобы они не занимали позиции, которая спровоцировала бы разрыв наших переговоров с русскими.

Нас удовлетворило бы положение, при котором польский штаб, если только он не пожелает взять на себя больших обязательств, о чем мы его в данный момент не просим, согласился, хотя бы молчаливо, оказать полное доверие генералу Думенку для разработки совместно с русскими программы сотрудничества, весьма ограниченного географически, которая Вам будет изложена.

Если поляки не пойдут на это минимальное предложение, то они сорвут наше соглашение с русскими, что сразу же привело бы к таким последствиям, всю серьезность которых как для них, так и для нас, являющихся их гарантами, они могут себе представить.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 307.

Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. Т. XVIII. Р. 121.

569. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции

17 августа 1939 г.

Только для Вашего личного сведения и для сведения председателя совета министров.

Генерал {{* Ж. Думенк.}} представил своему ведомству отчет о заседаниях 16-го и 17-го {{** [См. док. 567.](#)}}.

Следующее заседание назначено на 21-е для того, чтобы дать время, необходимое для получения до этого срока указаний по польскому вопросу.

Подтверждаю, что при отсутствии благоприятного решения (официального, официозного и даже молчаливого), которое поз-волило бы нам здесь дать утвердительный ответ, военные переговоры будут прерваны.

Поскольку адмирал {{* П. Дракс.}} получил инструкции сообразоваться с позицией французской миссии, какие-либо демарши перед англичанами представляются излишними {{** Копия телеграммы была направлена в посольство Франции в Польше.}}.

(Сообщено в Варшаву.)

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 305.

Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. Т. XVIII. Р. 122.

570. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом {{* Беседа проходила с 20 час. до 21 час. 20 мин.}}**

17 августа 1939 г.

Шуленбург сообщает, что он уже получил ответ из Берлина. Очевидно, в Берлине работают быстро, добавляет он. Этот ответ он, по поручению германского правительства, хотел бы зачитать. Шуленбург подчеркивает при этом, что пункты, изложенные т. Молотовым 15 августа [{{**** См. док. 556.}}](#), совпадают с желаниями германского правительства.

Затем Шуленбург зачитал полученный от германского правительства ответ (см. приложение 1).

Здесь Шуленбург делает от себя замечание, говоря, что пункт о совместной гарантии Балтийских государств включен в этот ответ потому, что, как кажется германскому правительству, Советское правительство желает этого. Мы, добавляет Шуленбург, не совсем поняли т. Молотова, повторял ли он в беседе 15 августа план, изложенный Россо, или выразил этим и желание самого Советского правительства. Германское правительство, внося это, думало, что пойдет навстречу желаниям Советского правительства. Тов. Молотов заявляет, что этот пункт нуждается в уточнении.

В месте, где идет речь о принятии во внимание наступления серьезных событий, Шуленбург поясняет, что Германия не намерена терпеть польских провокаций.

В дополнение к зачитанной инструкции Шуленбург, согласно полученному им в частном порядке указанию, просит т. Молотова начать переговоры с Риббентропом на этой или следующей неделе. Вследствие этого, выполняя указание Риббентропа, Шуленбург просит ускорить ответ.

Тов. Молотов говорит, что он уже имеет ответ на германские предложения 15 августа и может вручить его Шуленбургу в письменном виде [{{***** См. приложение 2 к настоящему документу.}}](#). Я должен предупредить, добавляет т. Молотов, что т. Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован. Тов. Сталин разделяет то, что я передаю от имени Советского правительства. Поясняя прочитанный ответ Советского правительства, т. Молотов подчеркивает, что в ответе идет речь о том, что, прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г., что имел, очевидно, в виду Шуленбург, говоря об освежении договоров, или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны.

Переходя к вопросу о приезде Риббентропа, т. Молотов заявляет, что мы ценим постановку этого вопроса германским правительством, подчеркивающим серьезность своих намерений предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга. Но перед приездом Риббентропа необходимо провести соответствующую подготовку, и мы не хотели бы прежде времени поднимать много шума.

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, нельзя ли не поднимать шума и делать то, что лежит по пути улучшения взаимоотношений. Затем т. Молотов задает вопрос, как оценивает Шуленбург перспективы первого и последних шагов. Что касается кредитно-торговых переговоров, отвечает Шуленбург, то у него складывается впечатление, что соглашение не сегодня завтра состоится. О втором шаге Шуленбург телеграфирует в Берлин и запросит проект договора. Но Шуленбург усматривает трудности в дополнительном протоколе.

Тов. Молотов заявляет на это, что надо иметь проект пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете. Необходимо сделать то или другое по выбору германского правительства. Хорошо бы получить схему пакта и тогда можно перейти к протоколу.

Шуленбург говорит, что, будь то заключение нового пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете, речь может идти лишь об одном параграфе. Центр же тяжести, по его мнению, будет лежать в протоколе, и поэтому желательно получить от Советского правительства хотя бы эскиз протокола. Протокол будет иметь важное значение, подчеркивает Шуленбург, так как при его составлении всплывут такие вопросы, как вопрос о гарантии Прибалтийским странам и пр. Тов. Молотов говорит, что он не располагал ответом германского правительства по поводу пакта о ненападении, вопрос о котором раньше германским правительством вообще не ставился. Надо рассмотреть сегодняшний ответ. Вопрос же о протоколе пока не детализируется. При его составлении как германской, так и советской стороной будут, между прочим, рассмотрены вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа {[{* См. док. 556.}](#)}. Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны. Естественно, что вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол. Германскому правительству следует обдумать это. Надо полагать, что договор будет содержать 4—5 пунктов, а не один, как думает Шуленбург. Шуленбург заявляет, что он не сомневается, что германское правительство готово дать проект пакта. Заведующий правовым отделом МИД блестяще справится с такой задачей, как составление проекта договора. Но он, очевидно, встретит затруднения при составлении протокола, и поэтому желательно, для облегчения работы, иметь предварительную наметку того, что он должен содержать. Например, остается открытым вопрос о гарантиях Прибалтийским странам. Может быть, в протоколе надо отразить заявление 15 августа, в котором сказано, что Германия учтет интересы СССР в Балтийском море?

Тов. Молотов отвечает, что содержание протокола должно быть предметом обсуждения. Торговое соглашение находится уже в стадии завершения, надо готовить проект пакта о ненападении или подтверждение договора 1926 г. {[{* См.: Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. 9. Док. 141.}](#)}, и в процессе рассмотрения этого можно будет подойти к более конкретным вопросам о содержании протокола.

Шуленбург обещает запросить в Берлине проект договора. Что касается протокола, то он будет просить составить [его] на основе германского заявления 15 августа, внося туда общую формулу об учете Германией интересов в Балтике.

Записал *В. Павлов*

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 40-43.

Приложение 1

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВУ Ф. ШУЛЕНБУРГОМ
17 АВГУСТА 1939 г.

Изложенные господином Председателем Совета Народных Комиссаров СССР в последнем разговоре [{** См. док. 556. }](#) пункты совпадают с желаниями германского правительства, то есть Германия готова заключить с СССР пакт о ненападении, причем, если правительство СССР этого пожелает, без денонсации на срок в 25 лет. Далее, германское правительство готово гарантировать Прибалтийские государства совместно с СССР. Наконец, Германия в соответствии с определенно занимаемой ею позицией изъявляет готовность употребить свое влияние для улучшения и консолидации советско-японских отношений.

1. Фюрер стоит на точке зрения, что, принимая во внимание настоящее положение и возможность наступления в каждый момент серьезных событий (Германия не намерена далее терпеть польские провокации), желательно принципиальное и скорое выяснение германо-советских отношений и обоюдной установки к актуальным в настоящий момент вопросам. По этой причине министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп выражает готовность, начиная с 18 августа, во всякое время прибыть в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий (gegebenenfalls), подписать соответствующие договоры.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 44.

Приложение 2

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА,
ВРУЧЕННАЯ В. М. МОЛОТОВЫМ Ф. ШУЛЕНБУРГУ
17 АВГУСТА 1939 г.

Советское правительство ознакомилось с переданным ему 15 августа с. г. г-ном Шуленбургом заявлением германского правительства об его желании серьезного улучшения политических отношений между Германией и СССР [{** См. док. 556. }](#).

До последнего времени Советское правительство, учитывая официальные заявления отдельных представителей германского правительства, имевшие нередко недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР, исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР, готовится к этим столкновениям и обосновывает нередко необходимость роста своих вооружений неизбежностью таких столкновений. Мы уже не говорим о том, что германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию.

Понятно, что такая политика германского правительства вынуждала СССР принимать серьезные меры к подготовке отпора против возможной агрессии в отношении СССР со стороны Германии и, значит, принимать участие в деле организации фронта обороны ряда государств против такой агрессии.

Если, однако, теперь германское правительство делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии.

Если добавить к этому то обстоятельство, что Советское правительство никогда не имело и не хочет иметь каких-либо агрессивных намерений против Германии, что оно считало и продолжает считать вполне возможным мирное разрешение спорных вопросов в области отношений между Германией и СССР, что принцип мирного сосуществования различных политических систем является давнишним принципом внешней политики СССР, то можно прийти к выводу, что имеется налицо не только реальная база для установления новых улучшенных политических отношений между обеими странами, но и условия для осуществления уже теперь серьезных практических шагов в этом направлении.

Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения.

Правительство СССР считает, что вторым шагом через короткий срок могло бы быть заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 45-46.

571. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу

18 августа 1939 г.

Даладьё сказал мне сегодня, что, когда Бонне сообщил ему реакцию польского посла в Париже на предложение Советского правительства об оказании помощи Польше в случае германского нападения на Польшу, он был удивлен и рассержен резкостью отрицательной реакции польского посла.

До того как Бонне говорил с Лукасевичем, он посоветовал Бонне не обсуждать этот вопрос с ним, а сделать так, чтобы французский военный атташе в Варшаве обсудил его с Рыдз-Смиглы. Он сейчас послал французского военного атташе побеседовать с Рыдз-Смиглы об этом предложении. Он считает величайшей глупостью со стороны поляков отвергать русское предложение о действенной военной помощи. Он понимает нежелание поляков, чтобы Красная Армия вступила на территорию Польши, но как только в Польшу вторгнутся германские армии, польское правительство, конечно, будет радо получить помощь от всякого, кто может предоставить помощь.

Он будет рад послать две французские дивизии в Польшу и уверен, что может также получить английскую дивизию для Польши так, чтобы поддержка не была бы исключительно русской, а международной.

Более того, он может получить от Советского правительства самые абсолютные гарантии об эвакуации впоследствии с польской территории, а Франция и Великобритания дадут абсолютные гарантии этих гарантий.

Ворошилов затронул существо вопроса, когда сказал англичанам и французам, участвующим в переговорах, что Советская Армия готова выступить против Германии, но

что единственные практические линии прохода лежат через Вильно против Восточной Пруссии и через Львов (Лемберг) на юг.

Советское правительство не пошлет самолеты и танки без сопровождения других войск на помощь Польше. Он, Даладье, считает советскую позицию благоразумной. Армия без самолетов слепа, а без танков относительно разоружена. В заключение Даладье сказал, что, если поляки отвергнут это предложение русской помощи, он не пошлет ни одного французского крестьянина защищать Польшу.

Я воспринимаю это заявление серьезно, но не слишком серьезно, хотя он повторил его три раза. Он был сердит на польского посла в Париже и склонен к преувеличению.

Буллит

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 308 — 309.

572. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

19 августа 1939 г.

14 часов. Шуленбург снова извиняется за настойчивость, с которой он сегодня добивался приема, но срочность его дела требовала этого. Тов. Молотов замечает, что когда того требует дело, то не стоит откладывать. Шуленбург предупреждает, что все сообщенное ему Риббентропом соответствует взглядам Гитлера.

Шуленбург заявляет, что из последнего заявления т. Молотова *{{* [См. док. 570.](#)}}* германское правительство усматривает положительное отношение Советского правительства к вопросам, поднятым Шуленбургом. При нормальных условиях эти вопросы могли бы быть урегулированы обычным дипломатическим путем. Но положение в данное время необычное, и, по мнению Риббентропа, необходимы скорые методы урегулирования вопросов. В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей. Дальнейшие события не зависят от Германии. Положение настолько обострилось, что достаточно небольшого инцидента, для того чтобы возникли серьезные последствия. Риббентроп думает, что еще до возникновения конфликта необходимо выяснить взаимоотношения между СССР и Германией, т. к. во время конфликта это сделать будет трудно. Первый шаг — заключение торгово-кредитного соглашения — Шуленбург считает уже сделанным *{{** [См. док. 575.](#)}}*. В вопросы взаимной гарантии Прибалтийских стран, пакта о ненападении, влияния на Японию также внесена ясность. И поэтому Риббентроп придает большое значение своему приезду и считает нужным со всей быстротой приступить ко второму этапу. Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство.

Вопрос пакта о ненападении представляется ясным и простым. По мнению германского правительства, он должен состоять из следующих двух пунктов:

1) германское правительство и Советское правительство обязуются ни в коем случае не прибегать к войне или иным способам применения силы;

2) этот договор вступает в силу немедленно и действует без денонсации в течение 25 лет.

Тов. Молотов спрашивает, неужели весь договор состоит только из двух пунктов, и замечает, что существуют типичные договоры, которые можно было бы использовать при составлении проекта пакта. Надо посмотреть, что можно было бы использовать из советских и германских пактов. Шуленбург отвечает, что он ничего не имел бы против использования этих пактов. Гитлер готов учесть все, чего пожелает СССР.

Представленный же Советскому правительству пакт соответствует аналогичному пакту Германии с Латвией. Тов. Молотов добавляет, что мы имеем пакты о ненападении с Польшей, Латвией и Эстонией. Желательно было знать, имеет ли германское правительство какие-либо возражения против принятия одного из этих пактов за основу при составлении проекта советско-германского пакта о ненападении. Если таких возражений со стороны германского правительства нет, то пусть оно укажет, какой именно из этих пактов оно считало бы приемлемым для себя.

Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, которому (приезду) также и Гитлер придает громадное значение. Риббентроп смог бы заключить протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть. Время не терпит, добавляет Шуленбург.

Тов. Молотов обещает передать все сказанное Шуленбургом Советскому правительству, которое должно это обсудить. Тов. Молотов подчеркивает, что мы считаем, о чем он уже говорил в прошлый раз Шуленбургу, что приезд Риббентропа имел бы положительное значение. Но перед приездом Риббентропа решения уже должны быть более или менее подготовлены. Мы не считаем нужным ограничиваться дипломатическими путями, и мы понимаем значение и высоко ценим приезд Риббентропа. Мы уже указали этапы подготовки. Первый шаг близок к завершению. Ко второму шагу можно перейти через короткое время.

Тов. Молотов спрашивает далее, правильно ли он понял то, что германское правительство желает заключения нового пакта, а не подтверждения договора 1926 г.

Шуленбург отвечает, что такое заключение можно сделать из телеграммы. У него лично сложилось мнение, что германское правительство остановилось на заключении нового пакта.

Тов. Молотов говорит, что желательно знать, какой из пактов СССР—с Польшей, Латвией или Эстонией — германское правительство могло бы принять за основу пакта о ненападении с СССР. Вопрос о протоколе, который должен являться неотъемлемой частью пакта, является серьезным вопросом. Какие вопросы должны войти в протокол, об этом должно думать германское правительство. Об этом мы также думаем. Советское правительство считает с мнением германского правительства, что нельзя откладывать на длительный срок вопросы, которые обсуждаем. Но перед приездом Риббентропа надо получить уверенность, что переговоры обеспечат достижение определенных решений, тем более что мы еще не сделали первого шага — мы не подписали кредитно-торгового соглашения.

Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, чтобы еще до взрыва конфликта прийти к определенным результатам. У него нет сомнений, говорит он, что при составлении протокола также не должно встретиться затруднений.

Тов. Молотов спрашивает, можно ли объяснить желание германского правительства ускорить настоящие переговоры тем, что германское правительство интересуется вопросами германо-польских отношений, в частности Данцигом. Шуленбург отвечает утвердительно, добавляя, что именно эти вопросы являются исходной точкой при желании учесть интересы СССР перед наступлением событий. Шуленбург считает, что подготовка, о которой говорил Молотов, уже закончена, и подчеркивает, что они готовы идти навстречу всем желаниям Советского правительства.

Тов. Молотов, подчеркивая серьезность, с которой мы относимся к этим вопросам, заявляет, что мы что говорим, то и делаем. Мы не отказываемся от своих слов и желали бы, чтобы германская сторона придерживалась бы той же линии. Что же касается кредитно-хозяйственного соглашения, а также и политических переговоров, то мы не являлись тормозом в этих вопросах. Тов. Молотов снова повторяет точку зрения о приезде Риббентропа. Наша установка в этих вопросах изложена в ответе Советского правительства. После первого шага можно сделать второй, но первый шаг еще не сделан. Надо опубликовать, что соглашение состоялось, чего пока еще нельзя сделать. В Берлине торопятся, снова повторяет Шуленбург, заканчивая беседу.

16 час. 30 мин. Тов. Молотов сообщает, что он доложил правительству содержание сегодняшнего разговора и что для облегчения работы он передает текст проекта пакта. После прочтения пакта т. Молотов сообщает, что Риббентроп мог бы приехать в Москву 26 — 27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения.

[Беседу] записал *В. Павлов*

АВП СССР, ф. 0745, он. 14, и. 32, д. 3, л. 47-51.

Приложение

ТЕКСТ ПРОЕКТА
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА,
ПЕРЕДАННОГО В. М. МОЛОТОВЫМ Ф. ШУЛЕНБУРГУ
19 АВГУСТА 1939. г.

Проект

Правительство СССР и

Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений- договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия неагрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам, обе Стороны обязуются разрешить эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимной консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4

Настоящий Договор заключается сроком на пять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5

Настоящий Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего Договор вступает в силу.

Постскриптум

Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, и. 32, д. 3, л. 52-53.

573. Телеграмма военного атташе Франции в Польше Ф. Мюсса в военное министерство Франции

19 августа 1939 г.

Сегодня в течение трех часов вместе с британским военным атташе мы беседовали с генералом Стахевичем {{* Начальник генштаба вооруженных сил Польши. }} и тщетно искали формулу для компромисса.

Завещанная Пилсудским {{** Маршал, премьер-министр Польши в 1926—1928 гг. и в 1930 г.}} догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию. Только во время военных действий это правило может подвергаться смягчению.

Начальник штаба напоминает, что польская доктрина по этому вопросу хорошо известна и всегда оставалась неизменной.

Наконец, по согласованию с Беком было признано, что наша делегация в Москве может маневрировать так, как если бы перед поляками не ставилось никакого вопроса.

Капитан Бофр, который возвращается {*** Часть шифрованного текста искажена, дано предполагаемое слово (*прим. оригинала*).} в Москву в воскресенье, был информирован.

Печат. по об.: СССР в борьбе за мир... С. 621. Опубл. в изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XVIII. P. 189.

574. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

19 августа 1939 г.

Бек просил меня посетить его сегодня вечером.

Он заявил мне, что, все обстоятельно рассмотрев и обсудив с маршалом Рыдз-Смиглы и не недооценивая силу целого ряда наших аргументов, он просит меня передать Вашему Превосходительству негативный ответ Польши.

«Для нас это,— сказал он мне,— принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь; я, впрочем, говорил это Потемкину. Мы не допустим, что в какой-либо форме...{ * Пропуск в расшифровке (*прим. документа*).} можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками. В этом в конечном счете нет ничего нового; наша доктрина всегда была такой, и мы часто ее излагали».

На этих первых же фразах я прервал его: «Может быть, лучше, чтобы вы мне не отвечали. Допустим, что вопрос не был поставлен перед вами».

После некоторых колебаний и размышлений Бек ответил мне: «Я отвечаю вашему правительству «между нами», но я хочу как можно меньше стеснять вашу делегацию. Я оставляю за вами возможность либо сообщить Советскому правительству о нашем ответе, либо сказать ему, что вы в конечном счете решили, что не можете ставить этот вопрос».

Сегодня утром в ходе продолжавшейся несколько часов беседы генерал Мюссе и британский военный атташе пытались опровергнуть возражения генерала Стахевича, найти с ним компромиссное решение и, наконец, добиться, по крайней мере, того, чтобы польский генеральный штаб согласился считать, что вопрос остается нерешенным {** [См. док. 573.](#)}.

Все их усилия были тщетны; генерал Стахевич неустанно упоминал одну из заповедей, оставленных Пилсудским, другими словами, догму: Польша не может согласиться, что иностранные войска вступят на ее территорию.

Начальник общего генерального штаба добавил, что, с одной стороны, этот принцип был противопоставлен немцам, а с другой стороны, как только начнутся военные действия, он не будет иметь первоначального значения.

Сегодня во второй половине дня капитан Бофр отбыл через Ригу в Москву, куда он прибудет завтра вечером. Он привезет генералу Думенку дополнительную информацию, которая позволит французской делегации полностью дать себе отчет о ситуации.

Сообщено в Москву.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques francais... 2 serie. T. XVIII. P. 193-194.

575. Кредитное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией {{* Сообщение о подписании соглашения; см.: Известия. 1939. 21 августа.}}

[19 августа 1939 г.]

Представители правительства Союза Советских Социалистических Республик и представители германского правительства вели между собою переговоры относительно размещения в Германии добавочных советских заказов и пришли к нижеследующему соглашению:

I

1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик сделает распоряжение, чтобы торговое представительство СССР в Германии или же импортные организации СССР передали германским фирмам добавочные заказы на сумму в 200 миллионов германских марок.

2. Предмет добавочных заказов составляют исключительно поставки для инвестиционных целей, т. е. преимущественно:

устройство фабрик и заводов,
установки,
оборудование,
машины и станки всякого рода,
аппаратостроение,
оборудование для нефтяной промышленности,
оборудование для химической промышленности,
изделия электротехнической промышленности,
суда, средства передвижения и транспорта,
измерительные приборы,
оборудование лабораторий.

3. Сюда относятся также обычные запасные части для этих поставок. Далее сюда включаются договоры о технической помощи и о пуске в ход установок, поскольку эти договоры заключены в связи с заказами, выдаваемыми на основании настоящего соглашения.

4. Стоимость каждого отдельного заказа не должна быть ниже 50 тысяч германских марок.

5. Добавочными заказами не считаются заказы в рамках так называемых текущих поставок, к каковым преимущественно относятся:

сырые материалы,
полуфабрикаты,
запасные части (кроме упомянутых выше в третьем абзаце),
химические изделия,
предметы потребления,
предметы ежедневного обихода.

6. При размещении заказов торговое представительство и им-портные организации пользуются свободой выбора фирм. Также и германским фирмам предоставляется свобода решения, принимают ли они заказы на основании настоящего соглашения и в каких размерах.

7. Заказы будут размещены в соответствии со списком «А» в течение двух лет со дня заключения настоящего соглашения. До конца первого года со дня заключения настоящего соглашения стоимость заказов не превысит 120 миллионов германских марок.

8. Заказы размещаются торговым представительством или импортными организациями СССР при условии принятия со стороны торгового представительства совместной ответственности.

9. Германское правительство обязуется оказывать торговому представительству и импортным организациям СССР при размещении заказов — в каждом отдельном случае, поскольку это требуется — необходимое содействие, в частности, в отношении сроков исполнения заказов и качества товаров.

10. Условия поставок по заказам, размещаемым на основании настоящего соглашения, должны быть нормальными, а цены означенных поставок соразмерными.

11. Статья VII советско-германского Соглашения о торговом и платежном обороте от 19 декабря 1938 года {{* См. также Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 59.}}

распространяется также на заказы, размещаемые на основании настоящего соглашения.

II

Германское правительство сообщает, что die Deutsche Golddiskontbank (Германский Золотой Учетный Банк «ДЕГО») обязался перед ним принять на себя финансирование добавочных заказов в сумме 200 миллионов германских марок на нижеследующих условиях:

1. Торговое представительство СССР в Германии депонирует у «ДЕГО» векселя. Векселя имеют средний срок в 7 лет и выставляются по каждому заказу отдельно со следующим распределением:

30% суммы заказа — сроком на 6,5 лет,
40% » » — сроком на 7 лет,
30% » » — сроком на 7,5 лет.

Векселя выставляются импортными организациями СССР и акцептуются торговым представительством СССР. Векселя выписываются в германских марках и подлежат оплате в Берлине.

2. На основании указанных векселей «ДЕГО» предоставляет торговому представительству и импортным организациям СССР кредит, который будет использован для производства платежей германским фирмам наличными в германских марках. «ДЕГО» не будет требовать от германских фирм-поставщиков никакой ответственности за этот кредит.

3. Проценты по векселям составляют 5 годовых. Торговое представительство уплачивает таковые «ДЕГО» каждые три месяца по контокоррентному счету торгового представительства у «ДЕГО». Проценты, поскольку этого пожелает «ДЕГО», должны обеспечиваться векселями.

4. Торговое представительство СССР в Германии имеет право досрочного выкупа векселей, депонированных у «ДЕГО» согласно пунктам 1-му и 3-му настоящей статьи, с уплатой процентов лишь за истекшее время.

III

Договор о технике производства платежей согласно статье II настоящего соглашения заключается между «ДЕГО» и торговым представительством СССР.

IV

Заказы размещаются на основании правил, которые содержатся в общих условиях поставок, в соглашении о третейском разбирательстве и в заключительном протоколе, подписанных 20 марта

1935 года торговым представительством, с одной стороны, и Русским Комитетом германского хозяйства, с другой стороны, с изменениями, которые будут согласованы между соответствующими органами обеих сторон, путем особого обмена письмами (см. приложение).

V

1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется принять меры, чтобы товары, упомянутые в списке «В», по меньшей мере, в обозначенной в этом списке стоимости, поставлялись в Германию в течение двух лет со дня заключения настоящего соглашения. Цены на эти товары должны быть соразмерными,

2. Поставка и оплата советских товаров будет производиться на основании условий советско-германского соглашения о торговом и платежном обороте от 19 декабря 1938 года.

3. Если соглашение от 19 декабря 1938 года в течение срока действия настоящего соглашения не будет продлено, или же если оно, в случае продления, будет изменено, то — при отсутствии другой договоренности — соглашение от 19 декабря 1938 года будет соответственно иметь силу до тех пор, пока не будут оплачены все векселя и проценты по кредиту и пока не будут использованы суммы, уплаченные за советские товары, включая использование ДЛЯ оплаты всех вексельных обязательств, в том числе и прежних.

4. Это касается, в частности, и статей VII и VIII означенного соглашения от 19 декабря 1938 года.

5. Германское правительство обязуется своевременно разрешения на ввоз советских товаров в Германию на суммы, достаточные для погашения предусмотренного настоящим соглашением кредита и процентов по нему в установленные сроки, а равно для оплаты всех остальных вексельных обязательств СССР в Германии. Для этого оба правительства своевременно вступают в переговоры с целью составления годовых списков таких товаров, ввоз которых в Германию соответствует, с одной стороны, потребностям германского хозяйства, с другой же — возможностям и интересам советского экспорта.

6. Равным образом германское правительство обязуется оказывать торговому представительству СССР в Германии и советским импортным организациям содействие в размещении заказов и поставок других товаров по списку «Б», за счет свободных сумм, вырученных от продажи советских товаров в Германии.

VI

Перевозка товаров по германским поставкам должна, по меньшей мере, на 60% производиться на германских пароходах, если таковые предоставляются по ставкам, являющимся принятыми и нормальными по отношению к фрахтовому положению в перевозках между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией. Остальные морские перевозки по германским поставкам должны производиться на советских судах, при условии использования германских морских гаваней.

VII

1. В случае возникновения препятствий к размещению и к исполнению в срок предусмотренных настоящим соглашением заказов, а также поставок других товаров — как за счет кредита, так и за счет текущей выручки от советского экспорта — оба правительства немедленно вступают в переговоры, направленные к устранению создавшегося положения. Если соглашение не будет достигнуто, то дальнейшие обязательства правительства Союза Советских Социалистических Республик, согласно статье V настоящего соглашения, по принятию мер для поставки в Германию советских товаров, указанных в списке «В», сохраняются до тех пор, пока не будет достигнуто пропорциональное отношение, предусмотренное абзацем третьим настоящей статьи.

2. То же самое имеет место в случае возникновения препятствий к поставке советских товаров в размерах, предусмотренных в статье V настоящего соглашения. Оба правительства немедленно вступают в переговоры с целью устранения создавшегося положения. Если соглашение не состоится, то дальнейшие обязательства германского правительства, согласно статье I настоящего соглашения, по обеспечению возможности размещения и исполнения в срок заказов за счет кредита сохраняются до тех пор, пока не будет достигнуто пропорциональное отношение, предусмотренное следующим абзацем настоящей статьи».

3. В указанных в настоящей статье случаях соответствующее правительство не освобождается от обязанности принять все меры к тому, чтобы в кратчайший срок было достигнуто между заказами по спискам «А» и «Б», с одной стороны, и сделками на поставку советских товаров по списку «В», с другой стороны, соотношение в пропорции, согласно суммам этих списков. При этом оба правительства должны принимать

необходимые меры к выполнению заказов и сделок, согласно установленным- в них условиям.

VIII

Настоящее соглашение вступает в силу со дня подписания. Составлено в двух экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(*Е. Бабарин*)

По уполномочию
Правительства
Германии
(*д-р К. Шнурре*)

Берлин, 19 августа 1939 г.

АВП СССР, ф. 03а, д. 05 — Германия.

СПИСОК «А»
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБОРУДОВАНИЯ,
ПОДЛЕЖАЩИХ ПОСТАВКЕ ГЕРМАНСКИМИ ФИРМАМИ
ЗА СЧЕТ КРЕДИТА НА ОСНОВЕ КРЕДИТНОГО
СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ
ОТ 19 АВГУСТА 1939 ГОДА ¹⁵⁰

Наименование товаров	(в миллионах германских марок)
1. Токарные станки для обточки колесных полускатов. Специальные машины для железных дорог. Тяжелые карусельные станки диаметром от 2500 мм. Токарные станки с высотой центров 455 мм и выше, строгальные станки шириной строгания в 2000 мм и выше, кромкострогальные станки, расточные станки с диаметром сверления свыше 100 мм, шлифовальные станки весом свыше 10 тыс. кг, расточные станки с диаметром . шпинделя от 155 мм, токарно-лобовые станки с диаметром планшайбы от 1500 мм. протяжные станки весом от 5000 кг, долбежные станки с ходом от 300 мм, станки глубокого сверления с диаметром сверления свыше 100 мм, большие радиально сверлильные станки с диаметром шпинделя свыше 80 мм	
Прутковые автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Полуавтоматы. Многорезцовые станки. Многошпиндельные автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Зуборезные станки для шестерен, диаметром свыше 1500 мм. Большие гидравлические прессы, фрикционные прессы, кривошипные прессы, разрывные машины, окантовочные прессы, ковочные	125,0

молоты свыше 5 т

Машинное оборудование: вальцы, ножницы, гибочные машины, машины для плетения проволоки, отрезательные станки и др.

2. Краны: мостовые, кузнечные, поворотные, плавучие	5,5
3. Прокатные станы: проволочные, листовые и для тонкого листового железа	5,0
4. Компрессоры: воздушные, водородные, газовые и др.	5,1
5. Установки Линде, различное специальное оборудование для серно-кислотных, пороховых и других химических фабрик.	
Установки системы Фишера для получения жидкого горючего из угля, генераторы Винклера и колонки высокого давления для азота	13,0
ПРИМЕЧАНИЕ: Поставка установки системы Фишера для получения жидкого горючего из угля, генераторов Винклера и колонок высокого давления для азота начинается в середине 1942 г.	
6. Различное электрооборудование: взрывобезопасные моторы, масляные выключатели, трансформаторы	3,3
7. Оборудование для угольной промышленности: пневматические бурильные молоты, погрузочные машины, транспортеры	0,5
8. Буксиры мощностью от 100 до 200 л. с, плавучие судоремонтные мастерские, 20 рыболовных траулёров	3,0
9. Турбины с генераторами от 2,5 до 12 тыс. кВт и дизельные моторы мощностью от 600 до 1200 л. с.	2,0
10. Локомотивы от 350 до 750 л. с.	2,8
11. Контрольные и измерительные приборы	4,1
12. Оптические приборы	2,3
13. Некоторые предметы вооружения	28,4

Итого: 200,0 млн
германских
марок

По уполномочию

По уполномочию

Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(Е. Бабарин)

Правительства
Германии
(д-р К. Шнурре)

АВП СССР, ф. 03а, д. 05-Германия.

СПИСОК «Б»
ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБОРУДОВАНИЯ И ДРУГИХ ТОВАРОВ,
ПОДЛЕЖАЩИХ ПОСТАВКЕ ГЕРМАНСКИМИ ФИРМАМИ
В СООТВЕТСТВИИ С КРЕДИТНЫМ СОГЛАШЕНИЕМ
МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ ОТ 19 АВГУСТА 1939 г.
ЗА СЧЕТ СВОБОДНЫХ СУММ ТЕКУЩЕЙ ВЫРУЧКИ
ОТ СОВЕТСКОГО ЭКСПОРТА ¹⁵⁰

Наименование товаров	(в миллионах германских марок)
1. Токарные станки до 450 мм высоты центров над станиной, механические токарные станки, револьверные станки, производственные станки (продукционсбенке), фрезерные станки, винторезные станки, полировочные станки, штанговые автоматы до 60 мм диаметра штанги, многошпиндельные автоматы до 60 мм диаметра штанги, специальные машины, проволокообрабатывающие машины, нарезательные автоматы, гидравлические и механические быстродействующие строгальные станки и двухстоечные строгальные машины, сверлильно-разметочные станки, радиально-сверлильные станки, многошпиндельные сверлильные станки, зуборезные станки для шестерен до 1500 мм, эксцентриковые прессы, прессы для зачистки заусенцев, заклепочные прессы, молоты пневматические и паровые до 5 т	42,0
2. Установки Фишера для получения жидкого горючего из угля и разное специальное оборудование для азотных, серно-кислотных, пороховых и других химических предприятий	10,5
3. Дюралюминиевые листы	1,5
4. Металлы и металлоизделия: нежелезные полуфабрикаты из тяжелого и легкого металла, тонкие листы, стальная проволока, холоднокатаная лента, тонкостенные трубы, латунная лента, качественные стали	14,5
5. Химические товары, красители и химические полуфабрикаты	4,9
6. Предметы вооружения	30,0

7. Разные изделия, как-то: печатные машины, двигатели внутреннего сгорания, машины для испытания материалов, арматура, пневматические машины и насосы, заготовочные и строительные машины, бумажные машины, бумагообрабатывающие машины, машины для пищевкусовой промышленности, текстильные машины, машины для обувной и кожевенной промышленности, электроды, запасные части, измерительные приборы и пр.	16,6

Итого:	120,0

Заказы на указанные в настоящем списке виды оборудования и другие товары могут быть размещены в течение двух лет со дня заключения Кредитного Соглашения.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(*Е. Бабарин*)

По уполномочию
Правительства
Германии
(*д-р К. Шнурре*)

АВП СССР, ф. 03а, д. 05-Германия.

СПИСОК «В»
ТОВАРОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПОСТАВКЕ ИЗ СССР
НА ОСНОВЕ КРЕДИТНОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СССР
И ГЕРМАНИЕЙ ОТ 19 АВГУСТА 1939 ГОДА¹⁵⁰
(в миллионах германских марок)

1. Сельское хозяйство

Кормовые хлеба	22,00
Жмыхи	8,40
Льняное масло	0,60

2. Лесное хозяйство

Лес	74,00

3. Промышленность

Платина	2,00
Марганцевая руда	3,80
Бензин	1,20
Газойль	2,10
Смазочные масла	5,30

Бензол	1,00
Парафин	0,65
Пакля	3,75
Рурбоотходы	1,25
Хлопок-сырец	12,30
Хлопковые отходы	2,50
Тряпье для прядения	0,70
Лен	1,35
Конский волос	1,70
Обработанный конский волос	0,30
Пиролюзит	1,50
Фосфаты (половина в концентратах)	13,00
Асбест	1,00
Химические и фармацевтические продукты и лекарственные травы	1,60
Смолы	0,70
Рыбий пузырь (Hausenblasen)	0,12
Пух и перо	2,48
Щетина	3,60
Сырая пушнина	5,60
Шкуры для пушно-меховых изделий	3,10
Меха	0,90
Тополевое и осиновое дерево для производства спичек	1,50
	180,00

Поставки товаров из СССР по настоящему списку должны быть произведены в течение двух лет на общую сумму 90 000 000 германских марок ежегодно таким образом, что по возможности половина каждого из названных товаров будет поставляться в первый год и половина во второй год.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(*Е. Бабарин*)

По уполномочию
Правительства
Германии
(*д-р К. Шнурре*)

АВП СССР, ф. 03а, д. 05 - Германия.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

В связи с подписанием сего числа Кредитного Соглашения между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Германии нижеподписавшиеся представители условились о следующем;

Германское правительство будет возвращать 0,5% годовых из договоренных и оплаченных 5% годовых, так что эффективная процентная ставка за кредит остается в размере 4,5%. Это обратное возмещение имеет место в определенные сроки возврата, подлежащие согласованию между Торгпредством и «ДЕГО», таким образом, что 10% уплаченных Торгпредством за расчетный период процентных возмещений будут обратно переводиться в сроки платежа. Перевод соответствующих сумм производится по указанию Торгпредства в германских марках на один из зондерконто Торгпредства СССР в Германии или Госбанка СССР, открытых на основании

Соглашения о торговом и платежном обороте от 19 декабря 1938 года.

Вносимые суммы могут быть использованы в соответствии со статьей IV того же соглашения о торговом и платежном обороте.

При этом само собой разумеется, что указанное в пункте 17 статьи IV только что упомянутого соглашения от 19 декабря 1938 года право оплачивать с особых счетов проценты распространяется и на проценты по кредиту, составляющему предмет подписанного сего числа Кредитного Соглашения между правительствами СССР и Германии.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(*Е. Бабарин*)

По уполномочию
Правительства
Германии
(*д-р К. Шнурре*)

Берлин, 19 августа 1939 г.

АВП СССР, ф. 03а, д. 05 — Германия.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ О ТОРГОВЛЕ И КРЕДИТЕ ОТ 19 АВГУСТА 1939 ГОДА

[19 августа 1939 г.]

I. Стороны, проверив свои полномочия и найдя их в порядке, подписали Кредитное Соглашение между СССР и Германией и обменялись этим документом.

II. Были подписаны и вручены нижеследующие документы, являющиеся неотъемлемой частью упомянутого выше Кредитного Соглашения:

1. Список «А» германских поставок.
2. Список «Б» германских поставок.
3. Список «В» советских поставок.
4. Конфиденциальный протокол о бонифицировании.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
(*Е. Бабарин*)

По уполномочию
Правительства
Германии
(*д-р К. Шнурре*)

АВП СССР, ф. 03а, д. 05 — Германия.

*Приложение
Берлин, 19 августа 1939 г.*

Многоуважаемый г-н Бабарин,

В связи с подписанным сегодня Кредитным Соглашением Вами выражено пожелание, чтобы германское правительство оказывало свое содействие в том, чтобы заказы, которые СССР предполагает разместить в Германии, могли быть успешно осуществлены и выполнены.

На это я имею честь заявить Вам, что германское правительство при размещении и выполнении заказов будет — как и до сих пор — оказывать торговому представительству и советским импортным организациям в каждом отдельном случае [нужное] содействие.

Германское правительство будет далее содействовать тому, чтобы представители торгового представительства СССР и советских импортных организаций могли посещать соответствующие предприятия, готовые производить поставки, с целью установления качества заказываемых изделий. Германское правительство также будет оказывать влияние с целью обеспечить представителям торгового представительства СССР и советских импортных организаций возможность после передачи заказа и после предварительного сообщения посещать заводы-поставщики, чтобы удостовериться в положении и успешности выполнения заказа, при специальных заказах производить необходимые испытания и осуществлять надлежащую приемку.

Торговое представительство СССР в Берлине в соответствующих случаях будет сообщать имперскому министерству экономики немедленно о начале переговоров с германскими

фирмами относительно заказов, чтобы имперское министерство экономики могло оказать свое влияние в соответствии со смыслом настоящего письма.

С уверением моего предпочтительного уважения

д-р К. Шнурре

АВП СССР, ф. За, д. 241 — Германия.

*Приложение { { * Перевод с немецкого. } }*
Берлин, 19 августа 1939 г.

Многоуважаемый г-н К. Шнурре,

Подтверждаю получение Вашего письма от сегодняшнего числа, текст которого гласит:

«В связи с подписанным сегодня Кредитным Соглашением Вами выражено пожелание, чтобы германское правительство оказывало свое содействие в том, чтобы заказы, которые СССР предполагает разместить в Германии, могли быть успешно осуществлены и выполнены.

На это я имею честь заявить Вам, что германское правительство при размещении и выполнении заказов будет — как и до сих пор — оказывать торговому представительству и советским импортным организациям в каждом отдельном случае [нужное] содействие.

Германское правительство будет далее содействовать тому, чтобы представители торгового представительства СССР и советских импортных организаций могли посещать соответствующие предприятия, готовые производить поставки, с целью установления качества заказываемых изделий. Германское правительство также будет оказывать влияние с целью обеспечить представителям торгового представительства СССР и советских импортных организаций возможность после передачи заказа и после предварительного сообщения посещать заводы-поставщики, чтобы удостовериться в положении и успешности выполнения заказа, при специальных заказах производить необходимые испытания и осуществлять надлежащую приемку.

Торговое представительство СССР в Берлине в соответствующих случаях будет сообщать имперскому министерству экономики немедленно о начале переговоров с германскими фирмами относительно заказов, чтобы имперское министерство экономики могло оказать свое влияние в соответствии со смыслом настоящего письма».

Я заявляю о своем согласии с содержанием этого письма.

С заверениями моего уважения

Е. Бабарин

АВП СССР, ф. За, д. 241 — Германия.

576. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции

20 августа 1939 г.

Если французское правительство не считает возможным разговаривать в Варшаве как гарант с достаточной авторитетностью, чтобы заставить поляков изменить их позицию, то я не вижу другого решения, кроме решения не принимать буквально возражений г-на Бека, который, может быть, желает только одного — иметь возможность игнорировать все это дело.

В этих условиях можно было бы дать русским в принципе утвердительный ответ, который позволил бы продолжать военные переговоры, уточнив при этом, что предусматриваемое ограниченное право прохода [войск] будет предоставлено только в случае возникновения военных действий между Польшей и Германией.

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 314.

577. Опровержение ТАСС

20 августа 1939 г.

В последние дни польские газеты «Польска збройна», «Экспресс поранны», «Курьер варшавски» опубликовали сообщение о разногласиях, возникших в ходе переговоров в Москве между советской военной делегацией, с одной стороны, и французской и английской военными миссиями — с другой, в связи с тем, что СССР якобы требует военной помощи Англии и Франции на случай войны на Дальнем Востоке. ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение является сплошным вымыслом от начала до конца, а существующие на самом деле разногласия касаются совсем другого вопроса и не имеют никакого отношения к вопросу о Дальнем Востоке.

Известия. 1939. 20 августа.

578. Записка военного министерства Франции о переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции

Не ранее 20 августа 1939 г.

Французская военная миссия генерала Думенка, установив в Лондоне контакт с британской миссией адмирала Планкета, направилась с этой последней морским путем в Ленинград и прибыла в Москву 12 августа.

«После оказанного с советской стороны прекрасного приема» 13-го начались переговоры, протекавшие «неизменно в очень сердечной атмосфере» (телеграмма генерала Думенка).

Но *непременное условие заключения договора*, выдвинутое советской делегацией еще 14-го {{* [См. док. 551.](#)}}, состоит в том, чтобы в случае агрессии против Польши или Румынии военные силы СССР могли бы вступить:

в Виленский коридор,

в Галицию,

на румынскую территорию.

Советы мотивируют эти условия

опасением, что их призовут на помощь полякам или румынам, когда уже будет слишком поздно;

желанием предпринять наступательные операции в интересах Франции в том случае, если главный германский удар будет первоначально направлен против западного фронта; необходимостью избежать какой бы то ни было потери времени в случае германской агрессии против Прибалтийских стран.

Короче говоря, по впечатлению, вынесенному генералом Думенком, они проявляют твердую решимость не оставаться в стороне, а, наоборот, принять на себя всю полноту обязательств.

С другой стороны, чтобы ослабить опасения поляков, которые можно предвидеть, советские делегаты очень жестко ограничивают зоны вступления [советских войск] и определяют их, исходя из соображений исключительно стратегического характера.

Следовательно, московские переговоры могут, видимо, продолжаться лишь в том случае, если будет достигнуто соглашение относительно условия для непосредственного сотрудничества, которое выдвинуто Советами и которое может быть принято лишь с согласия поляков.

Однако эти последние, несмотря на усилия французского посла в Варшаве и нашего военного атташе, упорно заявляют о своем отказе дать принципиальное согласие на вступление советских войск на их территорию. Г-н Бек и начальник штаба армии генерал Стахевич проявили в этом отношении непримиримую враждебность, соглашаясь только на то, чтобы, с целью не доводить дело до разрыва московских переговоров, наша военная миссия могла маневрировать так, как если бы ни одного вопроса не было поставлено перед поляками {{** [См. док. 573, 574.](#)}}.

Должна ли эта уступка рассматриваться как единственная, которой можно добиться от поляков, или же ее следует толковать как молчаливый призыв к тому, чтобы оказать на них давление?

Советская поддержка в деле создания восточного фронта остается необходимой, и разрыв московских переговоров мог бы лишь подтолкнуть Гитлера на то, чтобы ускорить ход событий.

Печат. по изд.: СССР в борьбе за мир... С. 622-623.

579. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу

20 августа 1939 г.

Французский и английский послы обратились ко мне в результате переговоров франко-англо-советских штабов, во время которых Советы потребовали предоставления возможности вступления в контакт с германской армией в Поморье, на Сувалщизне и в восточной Малой Польше. Эта позиция поддержана английским и французским демаршем.

Я ответил, что недопустимо, чтобы эти государства обсуждали вопрос о военном использовании территории другого суверенного государства. Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается.

Французский посол сказал, что в таком случае они ответят Советам, что польское правительство отказалось от обсуждения или что французское правительство не взялось сделать формальный демарш, будучи уверено в отрицательном ответе.

Оставляю вопрос об ответе Советам на усмотрение Франции и Англии, оговаривая, чтобы ответ не давал повода для недоразумений.

Бек

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 314.

580. Телеграмма посла Великобритании в Польше Г. Кеннарда в министерство иностранных дел Великобритании

20 августа 1939 г.

Моя непосредственно предшествующая телеграмма.

Сегодня вечером г-н Бек передал мне ответ польского правительства, который, как я и опасался, был отрицательным {{* [См. док. 579.](#)}}.

1. Г-н французский посол и я предварительно договорились, что в случае отрицательного ответа мы предложим г-ну Беку следующее. При данных обстоятельствах было бы предпочтительнее, чтобы информацию г-на Бека о мнении его правительства мы не рассматривали как официальный ответ; в надежде на улучшение положения в Москве должна быть принята договоренность о том, что запрос о пропуске советских войск официально не делался и на него не был получен ответ; если бы настаивали на ответе, то он был бы отрицательным.

2. Г-н Бек заявил, что он консультировался с маршалом (Рыдз-Смиглы) и что мнения военных властей в общем совпадают с теми, которые (он) только что изложил. Принцип польской политики всегда заключался в том, чтобы не допускать присутствия иностранных войск на польской территории, и польское правительство возражает против прохода русских войск через польскую территорию, так же как и германских. Он считает, что маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, чего он хотел добиться силой оружия в 1920 году.

4. Бек слышал из Москвы, что когда маршал Ворошилов обратился с просьбой о проходе русских войск через польскую территорию, то союзная делегация ответила, что Польша

является суверенной страной и что она сама должна выразить свое отношение. Бек благодарен за этот ответ и желает сделать все, что в его силах, чтобы облегчить задачу союзной делегации, которая, как он понимает, является трудной. Он предложил сохранять величайшую секретность в отношении демарша французского посла и меня и согласился, чтобы его ответ рассматривался как чисто неофициальный обмен мнениями.

Повторено в Париж и в Москву.

Печат. по изд.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. С. 164-165.

581. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

21 августа 1939 г.

Заседание начинается в 11 ч. 03 м.,
оканчивается в 17 ч. 25 м.

Адм. Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

Я должен, прежде всего, заявить маршалу, что мы собрались сегодня в соответствии с его срочно выраженным желанием. По моему мнению, следовало бы отложить заседание еще на 3—4 дня, но поскольку он попросил, чтобы мы встретились сегодня, мы рады согласиться с этим, в частности потому, что у нас имеется два или три важных вопроса, которые было бы полезно обсудить {{* В ходе переговоров была допущена неточность при переводе этого абзаца на русский язык. Его текст воспроизводится по английскому изданию «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VII. L., 1954. P. 589.}}.

Должен Вас информировать, что полномочия Британской миссии получены и будут сейчас оглашены.

(Оглашается текст полномочий на английском языке. Перевод на русский язык будет представлен по получении подлинного текста.)

Я перехожу теперь ко второму пункту. Так как маршал пожелал, чтобы это заседание состоялось, я хотел бы попросить его высказать свое мнение насчет нашей дальнейшей работы.

Маршал Ворошилов. Я, от имени миссии Советского Союза, вношу предложение сделать перерыв нашего совещания не на 3—4 дня, как об этом просит англо-французская миссия, а на более продолжительный срок.

Наша миссия состоит из людей, которые стоят во главе наших вооруженных сил. Наше совещание совпало с периодом, когда вооруженные силы Советского Союза проводят свои осенние учения и маневры. Члены нашей военной миссии, являющиеся ответственными руководителями наших вооруженных сил, в данное время не могут, к сожалению, сколько-нибудь систематически уделять время данному совещанию, так как они будут заняты этими учениями и осенними маневрами, подготовка к которым уже началась и находится в полном разгаре.

Вот почему я еще раз прошу наше совещание отложить на более продолжительный период времени, в надежде, что за этот период будут выяснены все те вопросы, которые одинаково всех нас интересуют. Я имею в виду получение ответов от правительств Великобритании и Франции на поставленные советской миссией вопросы. (Переговоры между адм[иралом] Драк [сом] и ген[ералом] Думенк[ом].)

Адм. Дракс. Я попросил бы маршала наметить более определенно срок перерыва.

Маршал Ворошилов. Я, к сожалению, лишен возможности точно определить этот срок, так как собираться нам до того, как будут получены ответы английской и французской миссиями от своих правительств, очевидно, нет практической необходимости. Мне думается, что, если будут получены положительные ответы на наш вопрос, тогда придется наше совещание собрать, может быть, раньше. Если ответы будут отрицательные, я вообще не вижу возможности дальнейшей работы для нашего совещания, потому что вопросы, нами поставленные, как я уже предварительно осведомлял высокое наше совещание, являются для нас решающими, кардинальными. Если на них не будут получены положительные ответы, тогда вряд ли будет необходимость вообще собираться.

Адм. Дракс. Мы понимаем, что члены советской миссии очень заняты. Мы были бы рады дать точный ответ на вопросы маршала, но я бы попросил сделать перерыв, чтобы обсудить это предложение маршала о сроке перерыва. (Советская миссия выражает согласие на перерыв.)

Объявляется перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Мы с генералом принимаем с сожалением предложение маршала относительно отсрочки совещания. Мы вполне понимаем те важные обязанности членов советской миссии, которые они вынуждены сейчас выполнять. Мы это понимаем тем лучше, что члены нашей делегации были оторваны от выполнения своих обязанностей.

Перед тем как нам сегодня расстаться, я от имени английской и французской миссий хотел бы отметить, что мы были приглашены сюда для того, чтобы выработать военную конвенцию. Поэтому нам трудно понять действия советской миссии, намерение которой, очевидно, заключалось в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Советские руководители должны были бы представить себе, что для получения ответов на эти вопросы необходимо было снестись с нашими правительствами, а наши правительства в свою очередь должны были снестись с другими правительствами. Именно отсюда вытекает отсрочка, которая является нежелательной с любой точки зрения. Поэтому французская и английская миссии не могут принять на себя ответственность за отсрочку, которая имеет место.

Так как мы можем получить ответы от наших правительств в любой момент, мы просили бы, чтобы члены советской миссии нашли время для участия в дальнейшей работе.

В заключение мы высказываем наше мнение: мы готовы продолжать работу нашего совещания и считаем, что это время будет использовано целесообразно.

Вот все, что мы хотели сказать.

Еще раз повторяю, что мы готовы продолжить работу совещания в любой момент, когда это будет угодно.

(Ад[мирал] Дракс свое заявление читал по отпечатанному на машинке тексту, где имелись отдельные пометки и исправления, сделанные карандашом.)

Маршал Ворошилов. Я прошу г-на председателя сделать перерыв, чтобы нам можно было посоветоваться и дать свой ответ.

Адм. Дракс. Перед тем как это сделать, я хотел бы на рассмотрение маршала представить еще один вопрос.

Маршал Ворошилов. Пожалуйста.

Адм. Дракс. Мы предполагаем, что не нужно делать никаких заявлений в прессу, указывающих на то, что работа конференции отложена на неопределенный срок. Мы считаем, что такое заявление в прессу вызвало бы нежелательные результаты, так как думаем, что конференция возобновит свою работу в скором времени.

(Последнее заявление ген [ерал] Думенк передает адмиралу Драксу. Ген [ерал] Хейвуд переводит его, и адм[ирал] Дракс оглашает. Заявление было написано от руки.)

Объявляется перерыв до 16 часов.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Заседание возобновляется.

[Командарм] Шапошников. Народный комиссар военно-морского флота, член нашей миссии, сейчас очень занят и поэтому на настоящем заседании быть не может.

Адм. Дракс. Принимаем это заявление и сожалеем о его отсутствии.

Маршал Ворошилов. В ответ на сделанное заявление я зачитаю наше заявление.

В своем заявлении глава английской военной миссии адмирал Дракс от имени английской и французской военных миссий поставил несколько вопросов, на которые советская миссия считает необходимым дать свои разъяснения.

1. В заявлении подчеркивается факт приглашения в СССР французской и английской военных миссий для выработки военной конвенции.

Советская военная миссия разъясняет действительное положение дела.

Настоящее совещание военных миссий Англии, Франции и СССР явилось естественным продолжением политических переговоров, которые велись между представителями Англии, Франции и СССР, целью которых, как известно, было выработать совместный план сопротивления агрессии в Европе.

В связи с этим Советское правительство неоднократно заявляло о том, что оно не может отделить политического пакта от военной конвенции, которые должны явиться результатом политических и военных переговоров между нашими странами.

Согласившись с мнением Советского правительства, правительства Англии и Франции и командировали свои военные миссии в СССР.

2. Англо-французской военной миссии, по ее заявлению, трудно понять действия советской миссии, намерение которой, по ее мнению, заключается в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Намерением советской военной миссии было и остается договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран.

Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей, для того чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома.

Таково твердое убеждение советской военной миссии.

Английская и французская миссии, к нашему удивлению, не согласны в этом с советской миссией. В этом наше разногласие.

Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос превращают французы и англичане в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны.

(Продолжительное совещание между адм[иралом] Дракс [ом] и ген[ералом] Думенк[ом].)

Адм. Дракс. Нам хочется устроить небольшой перерыв.

Объявляется перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. В ответ на заявление маршала я хочу сказать, что если бы было малейшее сомнение в серьезности нашего намерения заключить военное соглашение, то мы заявили бы об этом откровенно и немедленно.

Мне кажется, что в представлении советской миссии есть некоторые недоразумения относительно нашего мнения насчет советских планов. Мы далеки от разногласий с теми тремя вариантами плана, которые были изложены начальником Генерального штаба Шапошниковым. Поднятые политические вопросы уже обсуждаются нашими правительствами.

Но события нарастают с большой быстротой. Поэтому, чтобы не терять времени, мы хотим задать несколько важных вопросов, разработанных в рамках трех изложенных вариантов. Мы просим изучить эти вопросы, с тем чтобы вы были в состоянии дать на них ответы на следующем нашем заседании. Мы готовы обсуждать эти вопросы в любое время, когда это вам будет угодно.

Что же касается моего вопроса, заданного сегодня утром, то я хотел бы спросить, готовы ли вы собраться, когда мы получим ответы из Лондона и Парижа.

Маршал Ворошилов. Ввиду неопределенности положения относительно получения ответов, мне думается, лучше всего сейчас не предрешать вопроса о дне заседания нашего совещания. Разумеется, если английской и французской миссиями будут получены соответствующие положительные ответы на поставленные нами вопросы, советская военная миссия готова будет собраться для рассмотрения тех вопросов, которые нами только были намечены и которые подлежат еще детальному обсуждению.

Адм. Дракс. Мы передаем вам в письменном виде ряд вопросов и просили бы эти вопросы изучить. Передаем также ряд морских вопросов {{* Так в документе. Очевидно, имеются в виду вопросы, переданные 17 августа ([см. док. 566](#)).}}.

Я бы просил еще маршала высказаться относительно того, имеется ли у него какое-нибудь предложение о заявлении в прессу. Я об этом спрашиваю в связи с тем, что было сделано уже одно официальное заявление, которое не было заранее согласовано с остальными миссиями.

Маршал Ворошилов. Я полагаю, что брать на себя взаимные обязательства относительно сообщения в прессу сейчас нет надобности.

Советская миссия не собирается давать никаких сообщений о работе нашего совещания. Но она не может поручиться за то, что те или иные сведения могут проникнуть в печать.

Что же касается вопроса г-на адмирала относительно того, что в печать проникли сообщения о работе нашего совещания, то дело здесь обстоит следующим образом.

Вся мировая пресса, в том числе английская и французская, неоднократно и весьма подробно обсуждали вопрос о том, что затруднения в работе нашего совещания происходят от того, что советская военная миссия или Советское правительство поставили вопрос перед нашим совещанием относительно гарантии со стороны Англии и Франции наших границ на Дальнем Востоке. Я думаю, здесь нет необходимости говорить о надуманности и лживости всей этой шумихи газет. И только этим объясняется официальное заявление ТАСС о том, что вопрос о дальневосточных границах и военном сотрудничестве между Советским Союзом и Англией и Францией на Дальнем Востоке на

нашем совещании не стоял и не обсуждается, а разногласия имеются в других плоскостях {{** [См. док. 577.](#)}}.

Я в этом не вижу нарушения принятого нами решения не давать в прессу сообщения о работе. О работе не было ничего сообщено.

(Адмирал Дракс совещается с ген[ералом] Думенк[ом].)

Адм. Дракс. Мы принимаем к сведению заявление маршала относительно сообщения в ТАСС и благодарим за подробное объяснение.

Можно ли сделать отсюда заключение, что наше соглашение о том, чтобы не давать никаких сообщений в прессу без предварительной консультации всех сторон, остается в силе?

Маршал Ворошилов. Я полагаю, что наше совещание прекращает свою работу на более или менее продолжительный период времени. (Генерал Думенк и маршал Бернет энергично качают головами в знак несогласия с предположением тов. Ворошилова.) П®этому связывать себя сейчас нет надобности. Однако, я повторяю, наша военная миссия не собирается давать каких-либо сведений в прессу.

Адм. Дракс. Мы принимаем это к сведению и заявляем, что со своей стороны английская и французская миссии также не собираются делать каких-нибудь заявлений в прессе.

Командарм Шапошников. Мы получили ряд вопросов от английской и французской военных миссий. Со своей стороны советская военная миссия задавала мало дополнительных вопросов. Советская военная миссия полагает и оставляет за собою право при продолжении работ совещания поставить ряд вопросов, которые она найдет нужным.

Адм. Дракс. Это само собой разумеется.

А сейчас, так как программа нашего совещания исчерпана, я прошу разрешения передать еще пять вопросов, касающихся военно-воздушных сил.

Я предлагаю, если маршал не возражает, отложить наши заседания, но я хотел бы добавить следующее: я был бы удивлен, если бы ответ на политические вопросы не пришел до 27 августа {{* Неточность при переводе. Текст абзаца воспроизводится по английскому Изданию «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VII. L., 1954, p. 589.}}

Объявляю заседание закрытым.

ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ВОЕННЫХ МИССИЙ, КАСАЮЩИЕСЯ
ВОЗДУШНЫХ СИЛ
{{** Перевод с английского.}}

21 августа 1939 г.

1. С какой быстротой советские воздушные силы могут быть мобилизованы на польском и румынском фронтах?
2. Предполагает ли СССР действовать со своих собственных авиационных баз или с передовых баз в Польше и Румынии?
3. Мог бы СССР снабжать Румынию и Польшу самолетами или материалами, необходимыми для их постройки?
4. Предполагает ли СССР в случае войны помогать Турции самолетами и оборудованием?
5. Пригодны ли аэродромы и посадочные площадки, которые были бы заняты в случае войны советскими воздушными силами на западной границе СССР, для действия авиации во все времена года, включая осень, зиму и весну? Относится ли ограничение действий авиации в определенные периоды года ко всем или только к части этих аэродромов?

АВП СССР, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 155—164. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 624-630.

582. Письмо рейхсканцлера Германии А. Гитлера секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину

21 августа 1939 г.

{{* Передано послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом В. М. Молотову в 15 час.}}

(перевод)

Господину И. В. Сталину

Москва

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.
2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.
3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.
4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.

5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.

6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 63—64.

583. Письмо секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру

21 августа 1939 г.

{{* Передано В. М. Молотовым послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу 21 августа в 17 час.}}

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру

Благодарю за письмо {{** [См. док. 582.](#) }}.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 65.

584. Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Великобритании Р. Камбона министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

21 августа 1939 г.

Сегодня утром в Форин офисе еще не было известно мнение посла Англии в Москве о подлинном значении подписания германо-советского торгового соглашения {{{*[См. док. 575.](#)}}}

Строго секретно. В настоящий момент Стрэнг отказывается рассматривать этот акт как изменение советской позиции по отношению к нам. Он расценивает подписание скорее как маневр с целью произвести впечатление на Францию и Великобританию и заставить их принять все условия СССР.

Оценки договора английской прессой будут, очевидно, умеренными.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 236.

585. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка министру национальной обороны Франции Э. Даладье

21 августа 1939 г.

Назначенное на сегодня заседание состоялось утром. Во второй половине последовало второе заседание.

В ходе этих двух заседаний мы обменялись вежливыми замечаниями по поводу задержки из-за политической проблемы прохода. Маршал Ворошилов стоит на своей позиции не начинать никакую редакционную работу до получения положительного ответа, без которого, как он повторил, переговоры будут прерваны.

Новое заседание, дата которого не установлена, состоится только тогда, когда мы будем в состоянии ответить положительно.

Будучи в курсе новых демаршей, предписанных французским и английским правительствами в Варшаве, я счел необходимым согласиться с этой отсрочкой в ожидании Ваших инструкций.

Ознакомьтесь с телеграммой посла по этому же вопросу.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 243.

586. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в СССР П. Наджиару

21 августа 1939 г.

Я обсудил с Председателем Совета (Министров) соображения, изложенные в Ваших телеграммах №№ 895—901 {{* Речь идет о телеграмме посла Наджиара от 20 августа, в которой он настоятельно рекомендовал по вопросам о подписании военной конвенции и прохода советских частей через польскую территорию «дать русской делегации положительный в принципе ответ, который позволил бы продвинуть вперед военные переговоры»}}}.

Они получили одобрение со стороны правительства, и генерал Думенк получит непосредственно в свой адрес инструкции обсуждать и подписать военную конвенцию в общих интересах с оговоркой об окончательном одобрении ее французским правительством ¹⁵¹.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 232.

587. Сообщение советской печати о советско-германских отношениях

22 августа 1939 г.

После заключения советско-германского торгового-кредитного соглашения {{** [См. док. 575.](#)}} встал вопрос об улучшении политических отношений между Германией и СССР. Происшедший по этому вопросу обмен мнениями между правительствами Германии и СССР установил наличие желания обеих сторон разрядить напряженность в политических отношениях между ними, устранить угрозу войны и заключить пакт о ненападении. В связи с этим предстоит на днях приезд германского министра иностранных дел г. фон Риббентропа в Москву для соответствующих переговоров.

Известия. 1939. 22 августа.

588. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 августа 1939 г.

Агентство Гавас получило разрешение от советской пресс-службы опубликовать следующее:

«Переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идет о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряженности, другое — на подготовку путей и средств в целях борьбы с агрессией, если она произойдет».

Я рекомендую комментировать если не точно в этих терминах, то, по крайней мере, в подобном духе и с самым большим спокойствием.

Разыгрываемая партия требует большой осмотрительности, и мы не должны чего-либо делать или говорить, что позволило бы немецкой пропаганде заявить о провале на Востоке нашей мирной программы сопротивления агрессии.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 282.

589. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю

22 августа 1939 г.

Ввиду новой перспективы, созданной объявлением о предстоящем подписании германо-советского пакта о ненападении, мне кажется необходимым попробовать предпринять в самом срочном порядке новые усилия перед маршалом Рыдз-Смиглы с целью устранить, пока еще есть время, единственное препятствие, которое вместе с тем мешает заключению трехсторонних соглашений в Москве.

Единственно возможным ответом на русско-германский маневр было бы немедленное предоставление польским правительством, но крайней мере молчаливого, права подписи, позволяющего генералу Думенку занять от имени Польши твердую позицию, имея в виду уникальную эвентуальность войны, при которой Россия пришла бы последней на помощь.

Даже если этот выход оказался бы неэффективным, поскольку польское правительство будет, несомненно, возражать, он тем не менее позволил бы возлагать ответственность на Россию, но ее разделила бы с ней Польша, если она стала бы упорствовать в своем отказе.

Наоборот, любая возможность договориться с Советским правительством, что может еще быть обеспечено положительным ответом польского правительства, позволила бы нам ограничить как по духу, так и по букве значение будущего германо-русского соглашения, ставя, по крайней мере, вопрос о его совместимости с обязательствами, взятыми в то же время СССР по отношению к Франции и Великобритании.

Соблаговолите особо настаивать на этом, подчеркивая самым решительным образом, что Польша ни морально, ни политически не может отказаться испытать этот последний шанс спасти мир.

В заключение твердо напомните, что Франция, которая постоянно проявляла дружбу в отношении Польши, предоставила ей значительные кредиты, направила военную технику, оказывала самую разнообразную помощь, сегодня имеет право требовать от нее взвесить всю серьезность отказа.

Если Вам будет дан положительный ответ, соблаговолите незамедлительно известить по телеграфу Наджиара.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XVIII. P. 283-284.

590. Телеграмма временного поверенного в делах Великобритании во Франции Кэмпбелла министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

22 августа 1939 г.

[1.] Французское правительство посылает инструкцию французскому послу в Варшаве {{* [См. док. 589.](#)}} предпринять последнюю попытку через г-на Бека или маршала Рыдз-Смиглы убедить Польшу предоставить генералу Думенку карт-бланш в том, чтобы от ее имени дать хотя бы молчаливое обещание впустить русские войска в том только случае, если Россия поддержит Польшу против германской агрессии. Он должен сказать, что, если русская реакция будет неблагоприятной, как Польша, возможно, ожидает, ответственность за срыв московских переговоров, которую в противном случае будет нести Польша, целиком ляжет на Россию; в то же время, если она будет благоприятной,

может оказаться возможным ограничить рамки германо-русского соглашения и сделать его совместимым с русскими обязательствами в отношении Франции и Великобритании.

2. Французский посол напомнит, что Франция дала Польше свои гарантии [{{** См. док. 267.}}](#) и оказывает ей финансовую и материальную помощь. Поэтому Франция считает, что она имеет право просить Польшу об этой жертве, в которой заключена последняя надежда на сохранение мира. Он должен с величайшей энергией добиваться осуществления этой просьбы и настаивать, чтобы Польша взвесила все последствия своего отказа.

3. Г-н Бонне просит, чтобы правительство Его Величества срочно проинструктировало английского посла в Варшаве с целью энергичной поддержки его французского коллеги. Г-н Даладьё особенно надеется, что правительство Его Величества тотчас же направит инструкции.

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 630-631.

591. Запись беседы главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова с главой французской военной миссии Ж. Думенком

22 августа 1939 г.

Ворошилов. Я прошу г-на генерала Думенка ознакомить меня с документом, который Вы получили от своего правительства и о чем меня известили письмом, а также я хотел бы узнать, имеется ли ответ у английской миссии по тому же вопросу.

Ген. Думенк. Я не имею этого документа, но я получил сообщение правительства, что ответ на основной, кардинальный вопрос положительный. Иначе говоря, правительство дало мне право подписать военную конвенцию, где будет сказано относительно разрешения на пропуск советских войск в тех точках, которые Вы сами определите, т. е. через Виленский коридор, а если понадобится в соответствии с конкретными условиями, то и пропуск через Галицию и Румынию .

Ворошилов. Это сообщение от французского правительства?

Ген. Думенк. Да, это от французского правительства, которое дало мне эти инструкции.

Ворошилов. А как английское правительство?

Ген. Думенк. Я не знаю, получил ли адмирал Дракс подобный ответ от правительства Англии, но я знаю, что адмирал согласен с тем, что конференция может продолжаться.

Ворошилов. Стало быть, английская делегация уведомлена об этом сообщении?

Ген. Думенк. Да, я сказал адмиралу, что ответ правительства Франции получен. И я почти уверен в том, что такой же ответ должен быть и от английского правительства. Но так как я являюсь ответственным за военные вопросы, а адмирал Дракс больше за морские, этого ответа достаточно для продолжения работ конференции.

Ворошилов. Английская миссия, возможно, согласна с тем, что генерал Думенк ведает военными вопросами, тем не менее английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначную роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответа английского правительства на наш вопрос, конечно, трудно будет продолжать работу совещания.

Ген. Думенк. Я думаю, что ответ британского правительства будет получен очень скоро.

Ворошилов. Меня интересует еще другой вопрос. Я очень извиняюсь, г-н генерал, но вопрос очень серьезный, и я считаю необходимым его задать.

Ген. Думенк. Я также хочу говорить с г-ном маршалом серьезно и откровенно.

Ворошилов. Вы не дали ответа относительно того, какую позицию во всем этом деле занимают польское и румынское правительства, в курсе ли они дел, или Вы получили ответ лишь французского правительства, данный без ведома Польши и Румынии.

Ген. Думенк. Я не знаю, какие были переговоры между правительствами, я могу сказать только то, что сказало мне мое правительство.

Я хочу, пользуясь нашим разговором, задать один вопрос: есть ли у Вас желание быстро продвинуть это дело и подписать военную конвенцию, потому что я пришел как раз для этой цели и я вижу, что время идет.

Ворошилов. Время идет, это бесспорно, но не наша вина, что представители Франции и Англии так долго тянули с этими вопросами.

Ген. Думенк. Я согласен с Вами. Возможно, что вначале мы имели затруднения, которые были естественными и от нас не зависели. Но я хочу снова сказать маршалу, что я готов поработать настолько быстро и настолько хорошо, насколько это возможно.

Ворошилов. Я в этом не сомневаюсь. За эти немногие дни я привык к Вам и вижу Вашу искренность и желание возможно скорее заключить военную конвенцию.

Ген. Думенк. Быстро и с взаимным доверием, так, как это должно быть между военными, имеющими общего неприятеля.

Ворошилов. Но вот прошло одиннадцать дней, и вся наша работа за это время сводилась к топтанию на месте. Поэтому я лишен возможности согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы. Я не сомневаюсь, что генерал получил положительный ответ от своего правительства. Но позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред. Я убежден, что поляки сами захотели бы участвовать в наших переговорах, если бы они дали согласие на пропуск советских войск. Поляки непременно потребовали бы своего участия, их генеральный штаб не пожелал бы остаться в стороне от вопросов, которые обсуждаются и которые так близко их касаются. Поскольку этого нет, я сомневаюсь, чтобы они были в курсе дела.

Ген. Думенк. Это возможно, но я не знаю и не могу этого сказать.

Ворошилов. Подождем, пока все станет ясным.

Ген. Думенк. Я с удовольствием могу подождать, но я не хотел бы ждать без оснований. Я откровенен с маршалом. Вместе с тем уже объявлено о том, что кто-то должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия.

Ворошилов. Это верно. Но виноваты в этом французская и английская стороны. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались.

Ген. Думенк. Наши войска также были готовы.

Ворошилов. В чем же тогда дело? У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели оказать помощь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства.

Ген. Думенк. Если бы маршал был в это время во Франции, он увидел бы, что все было готово, для того чтобы сражаться.

После этих событий в Европе если нужно создавать фронт мира, то его нужно создавать сейчас. Повторяю, что я в Вашем распоряжении и готов работать, когда Вы хотите, как Вы хотите и методами весьма конкретными.

Ворошилов. Если бы английская и французская миссии прибыли со всеми конкретными и ясными предложениями, я убежден, что за какие-нибудь 5 — 6 дней можно было бы закончить всю работу и подписать военную конвенцию.

Ген. Думенк. Я думаю, что сейчас нам понадобится 3—4 дня, чтобы подписать военную конвенцию. Положение достаточно ясное. То изложение, которое было сделано генералом Шапошниковым, является прекрасной базой для выработки конвенции. Со своей стороны я готов подписать основные предложения, сделанные Шапошниковым.

Ворошилов. Кроме наших предложений должно быть также предложение англо-французской стороны. Нам нужно еще договориться насчет очень многих конкретных вопросов.

Ген. Думенк. Я с этим согласен. Генерал Шапошников сказал, что он собирается поставить ряд вопросов. Я с удовольствием на все эти вопросы дам ответы.

Ворошилов. Давайте подождем, пока картина будет ясна, когда мы будем иметь ответ от английского правительства и нам станет ясна позиция Польши и Румынии, тогда мы и соберемся. Если этого не будет, тогда и собираться нет надобности, потому что никаких результатов в этом случае быть не может. Нужно, чтобы эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает, чтобы это был ответ английского и французского правительств, согласованный с польским и румынскими правительствами. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать.

Ген. Думенк. Я буду иметь в виду эти вопросы маршала и по получении ответов на них немедленно поставлю об этом в известность маршала. Но в настоящее время я думаю, что мы, военные люди, работающие вместе, можем рассмотреть достаточно точно различные варианты военных действий. В этом случае мы все-таки выиграем время.

Ворошилов. Если будет разрешен основной вопрос, тогда все другие вопросы, если никаких политических событий за это время не произойдет, нам нетрудно будет разрешить. Мы потом быстро договоримся. Но я боюсь одного: французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события. Подождем. Чем скорее будет ответ, тем быстрее мы можем окончательно решить, как быть дальше.

Ген. Думенк. В настоящих условиях время дорого. Поэтому я согласен и на рассмотрение проекта конвенции, предложенного маршалом, и на то, чтобы представить вниманию маршала свой проект. Это даст возможность выяснить достаточно конкретно желания различных сторон.

Ворошилов. Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того как все эти вопросы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя.

Ген. Думенк. Если уж мне мое правительство сказалось «да», то я не думаю, что оно сказалось это легкомысленно. Если я сообщил, что мое правительство сказалось «да», то я считаю, что мы можем начать работу. Сейчас маршал меня спрашивает о новых политических гарантиях. Я готов их запросить, но я боюсь, это создаст представление, что мы не хотим быстро заключить эту конвенцию.

Ворошилов. Вы меня, по-видимому, не так поняли. Я не говорил о новых гарантиях. Я сказал только следующее: если ничего в политике не произойдет за это время, тогда мы быстро сможем договориться. Как только картина будет ясна и на наш вопрос будет получен от французского и английского правительств ответ, согласованный с правительствами Польши и Румынии, тогда мы быстро договоримся и все наши практические вопросы будут решены. Но это, повторяю, в том случае, если до тех пор не произойдет никаких политических событий.

Ген. Думенк. Я понимаю маршала так, что речь идет о декларации или заявлении польского правительства?

Ворошилов. Нет, это не так. Я спрашиваю, есть ли ответ, подтвержденный правительствами Польши и Румынии, или только ответ французского правительства, который может быть таким: мы поставили вопрос перед Польшей и надеемся получить положительный ответ и т. д. Это для нас не ответ. Это будет лишней проволочкой времени. Я верю генералу всей душой, а он верит своему правительству, но тут нужна абсолютная ясность. Нужно иметь точный ответ правительств этих стран о том, что они согласны на пропуск наших войск.

Ген. Думенк. Я не думаю, что мы имеем желание ввести Вас в заблуждение.

Ворошилов. Нет, не в заблуждение. Мы поляков хорошо знаем, поляки, естественно, захотят выяснить некоторые вопросы, если с ними заранее не договориться, а мы с вами не знаем, осведомлены ли они вообще об этом.

Ген. Думенк. Я, может быть, знаю их несколько хуже, чем маршал, но я все-таки хочу Вас спросить: считаете ли Вы возможным начать наше совещание или его отложить?

Ворошилов. Предмета для разговора у нас сейчас нет. До тех пор, пока мы не получим ответа, все разговоры будут бесполезны.

Ген. Думенк. Мое мнение другое. Нет вообще бесполезной работы. Мы Вам доверяем и считаем, что эта работа будет основной и полезной. Например, вопрос о Виленском коридоре нужно изучить весьма точно для того, чтобы знать все недостатки и преимущества этого направления. Это полезно даже в том случае, если нужно будет потом работать вместе с поляками, о чем только что говорил маршал.

Ворошилов. Я сказал уже, что если бы поляки дали положительный ответ, то они потребовали бы своего участия в наших переговорах, поскольку этого нет — значит, они не в курсе или не согласны.

Ген. Думенк. Я вижу, что маршал не имеет намерения в ближайшее время продолжить работу нашей конференции, и я могу это констатировать. Все же я считаю, что нам имеет смысл продолжить нашу работу.

Ворошилов. На этот вопрос наша делегация уже дала свой ответ: до получения ясного ответа на поставленные нами вопросы мы работать не будем.

Ген. Думенк. Вопросы практические не всегда легко и быстро разрешаются. Практические вопросы тоже требуют достаточного изучения, и эту работу я предлагаю продолжить. Эта работа будет полезной перед заключением конвенции, к тому же она не обязывает ни одну, ни другую сторону.

Ворошилов. Мы на бесполезную работу не можем тратить времени. Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать.

Ген. Думенк. Мы разговаривали друг с другом довольно свободно, но вместе с тем мы говорили о вещах, требующих большой точности. Я был бы очень доволен, если бы маршал переслал мне запись нашей беседы. Это только для меня.

Ворошилов. Хорошо. Как только у Вас все выяснится, Вы сообщите через генерала Паласа или непосредственно напишите мне.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 12, л. 118—126. Оpubл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 631-636.

592. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

22 августа 1939 г.,

Полученное в Лондоне 21-го поздно вечером сообщение о предстоящем полете Риббентропа в Москву для переговоров о пакте о ненападении вызвало здесь величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства было два — удивление, растерянность, раздражение, страх. Сегодня утром настроение было близко к панике. К концу дня наблюдалось известное успокоение, но глубокая тревога все-таки остается. Симптомом этого является решение британского правительства созвать на 24-е парламент и принять в течение одного дня «закон об охране королевства», действовавший во время

последней войны и отмененный с заключением мира. Закон этот предоставляет правительству исключительные полномочия в деле обороны страны. Отношение к намечавшемуся советско-германскому пакту на протяжении дня значительно изменилось. Первоначально это было понято как конец тройственным переговорам и переход СССР на позицию абсолютного нейтралитета с предоставлением Германии свободы действий в Европе. К вечеру стало преобладать мнение, что в конце концов никакой катастрофической перемены в ситуации не произошло, тройственные переговоры могут продолжаться и подписание тройственного пакта отнюдь не исключается, поскольку все советские пакты о ненападении содержат статью, предусматривающую возможность их немедленного аннулирования в случае совершения акта агрессии против третьей стороны одной из подписавших держав.

Сегодня пришлось беседовать с большим количеством людей, включая Ллойда Джорджа, герцогиню Аттольскую, Гринвуда, Черчилля, Дегвила (организатор группы английских парламентариев) и других. Общее мое впечатление сводится к тому, что шок, полученный англичанами, пойдет им на пользу, хотя, может быть, потребуется известное время для переваривания ими его значения ¹⁴⁴. Ллойд Джордж настроен хорошо: он находит, что Советское правительство проявило даже слишком много терпения в переговорах с Англией и Францией.

Он ждал удара с нашей стороны раньше. Позиция лейбористов слабее. Гринвуд совершенно расстроен происшедшими событиями, и мне пришлось сказать ему немало горьких слов в ответ на его жалобы и опасения. Заседание парламента состоится 24-го. Судя по некоторым симптомам, можно ожидать, что оно будет проведено под знаком национального единства.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 233 — 234. Оpubл. с сокращениями в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 631.

593. Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру

22 августа 1939 г.

Вашему Превосходительству, очевидно, известно относительно некоторых мер, предпринятых правительством Его Величества, о которых сегодня вечером было сообщено в прессе и по радио. Эти шаги, по мнению правительства Его Величества, были необходимы в связи с военными передвижениями, о которых сообщалось из Германии, а также в связи с тем, что сообщение о заключении советско-германского договора, по-видимому, было воспринято в некоторых кругах в Берлине как свидетельство того, что вмешательство Великобритании на стороне Польши более не является тем случаем, с которым нужно считаться. Это было бы самой большой ошибкой. Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять {{* [См. док. 245.](#)}}.

Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того,

справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования.

Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты. Было бы опасно обольщаться тем, что если война начнется, то она быстро закончится, даже в том случае, если будет обеспечен успех на одном из нескольких фронтов.

Ясно изложив нашу позицию, я хочу повторить Вам мое убеждение в том, что война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить. Я уверен, что ни наш, ни ваш народы не желают этого. Я не считаю, что существующие разногласия между Германией и Польшей не могут быть и не должны быть разрешены без применения силы, если будет восстановлен дух доверия, это даст возможность продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время. Мы были и всегда будем готовы содействовать созданию условий, при которых такие переговоры станут возможными и при которых были бы совместно обсуждены более широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Трудности, стоящие на пути любых мирных переговоров при существующей напряженности, вполне очевидны, и, чем дальше это напряжение будет сохраняться, тем труднее будет осуществлять разумный подход к данной проблеме.

Однако эти трудности могли бы быть уменьшены, а возможно, и устранены, если бы вначале установилась разрядка между обеими странами — а лучше сказать, между всеми сторонами,—то прекратились бы подстрекательство и полемика в прессе.

Если бы можно было добиться такого перемирия, то в конце этого периода, в течение которого могли бы быть предприняты шаги по рассмотрению и урегулированию жалоб, выдвигаемых обеими сторонами в отношении обращения с национальными меньшинствами, разумно было бы надеяться на создание соответствующих условий для ведения прямых переговоров между Германией и Польшей по имеющимся между ними спорным вопросам (при содействии нейтрального посредника и при условии, что обе стороны сочтут, что это будет способствовать успеху).

Однако я должен сказать, что надежда на успешное завершение этих переговоров была бы слабой, если бы заранее не было договоренности о том, что любое соглашение, будь оно достигнуто, получит гарантии других держав. Правительство Его Величества, если будет на то желание, готово сделать посильный вклад в дело эффективного осуществления таких гарантий.

Признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого выхода, чтобы избежать катастрофы, которая может вовлечь Европу в войну. Ввиду тех серьезных последствий для человечества, которые могут возникнуть в результате действий руководителей государств, я надеюсь, что Ваше Превосходительство с величайшим вниманием взвесит высказанные мною Вам соображения.

[Я. Чемберлен]

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 327 — 329. Опул. в сб.: Documents on British Foreign Policy... Third series. Vol. VII, p. 127-128.

594. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Польше Л. Ноэлю

22 августа 1939 г.

Отвечаю на Вашу телеграмму № 1229.

В ходе двух заседаний 21-го числа делегации ограничились обменом вежливыми замечаниями с констатацией задержки в переговорах из-за еще не решенной проблемы прохода через польскую территорию. Маршал Ворошилов подтвердил, что «намерением советской военной миссии было и остается договориться с английской и французской миссиями о практической организации сотрудничества вооруженных сил трех правительств».

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XVIII. P. 279.

595. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 августа 1939 г.

Новый посол Турции сообщил мне о своих беседах с Молотовым и Калининым в связи с вручением верительных грамот. Первый 17-го числа и второй... {{* Пропуск в расшифровке (*прим. документа*).}} подтвердили ему желание правительства СССР добиться завершения англо-франко-русских переговоров. Однако оба они выразили сожаление, что они так затянулись.

Из этих бесед у моего коллеги сложилось впечатление, что его собеседники, казалось, сомневались по поводу подлинных намерений британского правительства.

Печат, по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. (P. 289.

596. Телеграмма посла Германии в Италии Г. Макензена в министерство иностранных дел Германии {{** В начале телеграммы помечено: к моему разговору по телефону с лега-ционным советником В. Хевелем. Запись этого разговора не обнаружена; на телеграмме проставлено время 23 час. 30 мин.}}

23 августа 1939 г.

Сегодня вечером граф Чиано пригласил меня к себе, чтобы ознакомить с сообщением итальянского посла в Токио [Джачинто Аурити], которое, по его мнению, настолько серьезно, что он намерен просить меня как можно скорее передать это дальше, с тем чтобы незамедлительно и энергично могли последовать наши ответные действия. Сообщение посла основывается на информации его военного атташе [подполковника Скализе], вызванного вчера (вечером) в японское военное министерство, где ему было сообщено следующее:

Предстоящее заключение московского пакта о ненападении {{{ Подписание советско-германского пакта о ненападении состоялось между 22 час. 23 августа и часом ночи 24 августа 1939 г. по московскому времени.}}} вызвало в Японии глубокое возмущение против Германии. Это означает, как было сказано военному атташе, предательство германо-японской дружбы и идеи антикоминтерновского пакта, тем более что Японию даже не уведомили заблаговременно о таких планах.

Как возможные последствия [итальянский посол] перечисляет (причем неясно, вытекает ли это из самой беседы военного атташе в военном министерстве или отражает собственное мнение посла, которое Чиано охарактеризовал в этой связи как позицию особенно спокойного наблюдателя):

1. Падение теперешнего правительства и новый англофильский кабинет.
2. Изменение курса японской внешней политики.
3. Отзыв посла в Берлине и, возможно, также в Риме.
4. Направление подкреплений в Квантунскую армию, чтобы уравновесить русские подкрепления в этом районе.

Если, как сообщает посол, страны оси намерены что-то пред-принять в противовес этой установке японцев, то необходимо дей-ствовать. Представители военного министерства Японии якобы заявили, что у них еще нет прямых известий из Берлина и Рима. Чиано немедленно дал указание послу в Токио заявить японцам что:

- 1) итальянская политика не претерпела никаких изменений дружба и понимание в отношении Японии неизменны;
- 2) при оценке положения японцам следовало бы помнить, что любое ослабление позиций Англии и Франции в Европе было бы только выгодно для Японии;
- 3) отзыв послов явился бы беспрецедентным компрометирующим шагом и только серьезно осложнил бы складывающуюся ситуацию, которая для Японии совсем не выглядит неблагоприятной.

Послу было поручено в заключение заверить японцев в том, что они, как и прежде, могут относиться с полным доверием к итальянской позиции. Чиано закончил свое сообщение замечанием, что он придает информации своего посла чрезвычайно серьезное значение и настоятельно просит с нашей стороны — через нашего посла, прессу и т. д.— сделать все возможное, чтобы успокоить японцев.

Макензен

Печат. по сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 334 — 335.

597. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

Варшава, 23 августа 1939 г.
(получена в Париже в 15 час. 20 мин.)

Я направляю в Москву следующую телеграмму: Польское правительство согласно с тем, чтобы генерал Думенк сказал следующее: «Уверены, что в случае общих действий против немецкой агрессии, сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается (или: возможно).

Французский и английский генеральные штабы считают, что существует необходимость немедленно изучить *все* варианты сотрудничества»

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 334.

598. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека дипломатическим представительствам Польши

23 августа 1939 г.

Учитывая сложившуюся в результате приезда Риббентропа в Москву новую ситуацию, французский и английский послы в повторном демарше выразили пожелание своих правительств, заключающееся в том, чтобы, начав вновь военные переговоры для ограничения возможностей и сферы действия германо-советского договора, можно было в тактическом плане изменить ситуацию. В связи с этим к нам вновь обращаются с просьбой о «тихом согласии» на выражение военными делегациями в Москве уверенности в том, что в случае войны польско-советское военное сотрудничество не исключается.

Я заявил, что польское правительство не верит в результативность этих шагов, однако, чтобы облегчить положение франко-английской делегации, мы выработали определенную формулировку, причем я повторил не для разглашения наши оговорки, касающиеся прохода войск.

Формулировка звучала бы так: «Французский и английский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается. Ввиду этого штабы считают необходимым составление с советским штабом любых планов».

Используя возможность, я еще раз сделал категорическое заявление, что я не против этой формулировки только в целях облегчения тактики, наша же принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений. Я еще раз напомнил о неприличности обсуждения Советами наших отношений с Францией и Англией, не обращаясь к нам.

Печат. по сб.: Międzynarodowe tto agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1986. S. 156.

599. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

23 августа 1939 г.

Я направляю в Варшаву телеграмму № 26, которую передаю Вам под очередным номером:

Мы изучим [какое применение] дать Вашей телеграмме № 21 по поводу того, что Бек разрешает заявить {{* [См. док. 597.](#)}}. Но эта уступка происходит слишком поздно. Кроме того, она недостаточна, поскольку она не позволяет сослаться на решение самого польского правительства. Сообщаю в департамент.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 361.

600. Телеграмма посла Франции в Польше Л. Ноэля министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

23 августа 1939 г.

В продолжение моей предыдущей телеграммы.

Поскольку последние части Вашей телеграммы № 633—635 поступили мне только поздно ночью {{* [См. док. 589.](#)}}, я смог связаться с Беком только сегодня в 10 час. утра.

Я отстаивал перед ним со всей настойчивостью, которую требуют обстоятельства, предписанные Вашим Превосходительством аргументы.

Я настаивал на том, что, если Польша откажется от своей непримиримости, она обеспечит продолжение военных переговоров в Москве и может вызвать провал, по крайней мере частичный, поездки фон Риббентропа; что при таком предположении созданная германо-русским маневром ситуация может повернуться в нашу пользу, а Германия подвергнется из-за этого всяческим трудностям, не получив ожидаемую выгоду.

Я также отметил, что вопрос об ответственности Польши, над которой нависла большая, чем над кем-либо другим, угроза, причем речь идет о самом ее существовании, будет поставлен самым серьезным образом, если она будет упорствовать в чисто негативной позиции. Бек был потрясен, но ответа пока не дал и покинул меня для участия в церемонии под председательством Мосьцицкого, во время которой он намеревался поговорить с другими польскими руководителями. В 12 час. 15 мин. я вновь оказался в его кабинете с моим английским коллегой, который вместе со мной взялся за дело.

В конечном счете, нам удалось добиться согласия Бека только на формулу, указанную в моей телеграмме № 1242.

Тем не менее кажется, что эта формула будет способна дать генералу Думенку достаточные возможности для ведения переговоров.

Бек отказался пойти на большее, сославшись прежде всего на желание Польши не попасть в переделку, куда, как она подозревает, ее стремится втянуть СССР.

Давая нам в конечном счете согласие, министр счел должным повторить, что польскому правительству тем не менее по-прежнему претит ввод русских войск на его территорию.

601. Записка заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Германии Э. Вёрмана

23 августа 1939 г.

Сегодня меня посетил господин Шёне в сопровождении английского гражданина Коттона, который первоначально хотел переговорить с господином статс-секретарем. Коттон сказал, что ко мне его направил господин Штамер.

Господин Коттон, который, по его словам, прибыл в своем самолете и сразу же хотел бы улететь обратно в Лондон, спросил, не мог ли бы он встретиться с генерал-фельдмаршалом Герингом, с тем чтобы тот инкогнито совершил поездку в Англию. По этому вопросу он будто бы говорил с видными политическими деятелями Англии и переписывался с лордом Галифаксом. Он показал мне написанное от руки письмо лорда Галифакса, в котором последний, отвечая Коттону на его письмо в довольно холодных выражениях, сообщает о своем согласии встретиться с названным лицом, если оно прибудет в Англию. Имя генерал-фельдмаршала в письме названо не было. Господин Коттон сказал, что речь идет о нем.

Я сказал господину Коттону, что подобного рода частные доброжелательные посреднические услуги не новы и что я не могу ручаться за успех этого дела. Кроме того, совершенно очевидно, что частная поездка генерал-фельдмаршала в Англию, да к тому же инкогнито, просто невозможна. Господин Коттон предложил затем ряд других возможностей, в осуществлении которых он хотел бы сыграть роль посредника. Я сказал ему, что все это не подходит, к тому же фюрер имел сегодня официальную беседу с английским послом по вопросу об англо-германских отношениях.

Вёрман

Печат. по сб.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik... Serie D, Bd. VII. S. 197.

602. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и
Правительство Германии,
руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Договор ратифицирован: Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен 24 сентября 1939 г. в Берлине.

603. Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом

[23 августа 1939 г.]

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.
2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.
4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1-2.

604. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 августа 1939 г.

Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь ¹⁵⁴. Вчера и сегодня происходил непрерывный обмен визитами, и этот факт оживленно обсуждался членами правительства, двора и тайного совета. Заслуживает внимания усиленная деятельность Коноэ {{* Премьер-министр Японии с июня 1937 г. по январь 1939 г.}}, Мацудайра {{** Министр императорского двора Японии.}} и Кидо {{{** Министр социального обеспечения Японии в 1938—1939 гг., министр внутренних дел Японии в 1939 г.}}}. Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР. В качестве подготовки к этому вчера и сегодня под большими заголовками помещались сообщения корреспондентов из Берлина, где говорится: «Похоже на то, что Германия после подписания этого пакта будет стараться, чтобы Япония заключила с СССР такой же пакт»; «Риббентроп перед отъездом в Москву убеждал в этом японского посла Осима». В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности к СССР.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 307, д. 2120, л. 1. Опул. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 637.

605. Из дневника временного поверенного в делах СССР в Германии Н. В. Иванова

24 августа 1939 г.

У меня с визитом 1-й секретарь посольства США г-н Хис. Он крайне обеспокоен будущим Польши. Он прочел содержание текста пакта о ненападении и просит дать ему разъяснение по данному вопросу. Прочитав переданную ему мною переведенную на немецкий язык передовую из газет «Правда» и «Известия», он поблагодарил меня за информацию и особенно напирал на вопрос, что на повестке дня стоит существование Польши. Его особо интересовало, какова будет политика Советского Союза в случае войны Германии с Англией и Францией, будет ли Советский Союз оказывать Германии помощь. В заключение выражает надежду, что все кончится мирно, вторым Мюнхеном, что президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт уже собирается предпринимать кое-какие шаги.

Звонки в полпредство не прекращаются, начали поступать различные письма и с угрозами, и выражающие чувство радости, и «возмущенные» от так называемых «обманутых коммунистов».

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 67, л. 76.

606. Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей

[25 августа 1939 г.]

Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и польское правительство:
желая придать постоянную основу сотрудничеству между их соответствующими

странами, являющемуся результатом заверений
о взаимопомощи оборонительного характера, которыми они уже обменялись,
решили заключить с этой целью соглашение и назначили своими уполномоченными:
правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии:
достопочтенного виконта Галифакса {{* Перечисление почетных званий опущено.}},
министра иностранных дел;
польское правительство:
Его Превосходительство графа Эдварда Рачиньского, Чрезвычайного и Полномочного
Посла Польской Республики в Лондоне,
которые по предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должной и
надлежащей форме, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю поддержку и помощь, которая в ее силах.

Статья 2

1. Положения статьи 1 будут применяться также в случае любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон, и имеет такой характер, что сторона, которой это касается, сочтет жизненно важным оказать сопротивление своими вооруженными силами.

2. Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате действия этой державы, которое ставит под угрозу независимость или нейтралитет другого европейского государства таким образом, что это представляет явную угрозу безопасности этой Договаривающейся Стороны, то положения статьи 1 будут применяться, не нанося, однако, ущерба правам другого европейского государства, которого это касается.

Статья 3

Если европейская держава попытается подорвать независимость одной из Договаривающихся Сторон путем экономического проникновения или иным способом, Договаривающиеся Стороны окажут поддержку друг другу в противодействии таким попыткам. Если европейская держава, которой это касается, прибегнет после этого к военным действиям против одной из Договаривающихся Сторон, то будут применяться положения статьи 1.

Статья 4

Способы применения обязательств о взаимопомощи, предусмотренных настоящим соглашением, согласовываются между компетентными военно-морскими, военными и военно-воздушными властями Договаривающихся Сторон.

Статья 5

Без ущерба обязательствам об оказании друг другу взаимной поддержки и помощи немедленно после начала военных действий, которые Договаривающиеся Стороны взяли

на себя, они будут без промедления обмениваться информацией, касающейся любого развития событий, которое может поставить под угрозу их независимость, и в особенности касающейся любого развития событий, угрожающего привести в действие указанные обязательства.

Статья 6

1. Договаривающиеся стороны сообщат друг другу условия всех своих обязательств об оказании помощи против агрессии, которые они уже приняли на себя или могут принять в будущем в отношении других государств.
2. Если одна из Договаривающихся Сторон намеревается принять такое обязательство после вступления в силу настоящего соглашения, другая сторона, с целью обеспечения должного функционирования соглашения, должна быть соответствующим образом информирована.
3. Любое новое обязательство, которое Договаривающиеся Стороны могут принять на себя в будущем, не должно ограничивать их обязательства по настоящему соглашению, равно как и косвенно создавать новые обязательства между Договаривающейся Стороной, не участвующей в этих договоренностях, и третьим государством, которого это касается.

Статья 7

Если Договаривающиеся Стороны будут вовлечены в военные действия в результате применения настоящего соглашения, они не будут заключать перемирие или мирный договор кроме как по взаимному соглашению.

Статья 8

1. Настоящее соглашение будет оставаться в силе в течение пяти лет.
2. Оно будет продолжать оставаться в силе, если за шесть месяцев до истечения указанного срока не будет объявлено о его денонсации, причем любая из Договаривающихся Сторон будет иметь право в дальнейшем денонсировать его в любое время путем подачи уведомления, через шесть месяцев после чего оно прекратит действовать.
3. Настоящее соглашение вступает в силу по его подписании. В удостоверение чего вышеупомянутые уполномоченные подписали настоящее соглашение и скрепили его своими печатями.

Составлено на английском языке в двух экземплярах в Лондоне 25 августа 1939 г. Текст на польском языке будет позднее согласован между Договаривающимися Сторонами, и оба текста будут считаться аутентичными.

Галифакс Эдвард Рачиньский

Протокол

Польское правительство и правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии согласились со следующим пониманием соглашения о

взаимопомощи, подписанного сегодня, как единственно правильным и имеющим обязательный характер:

1. а) Под выражением «европейская держава», используемым в соглашении, понимается Германия.

б) В случае если будет иметь место действие, соответствующее смыслу статей 1 или 2, со стороны европейской державы, иной, нежели Германия, Договаривающиеся Стороны вместе обсудят меры, которые будут совместно приняты.

2. а) Два правительства будут время от времени определять по взаимному соглашению гипотетические случаи действий Германии, подпадающих под действие статьи 2 соглашения.

б) До тех пор, пока два правительства не решат пересмотреть следующие положения этого параграфа, они будут считать: что случай, предусмотренный параграфом 1 статьи 2 соглашения, относится к Вольному городу Данцигу; что случаи, предусмотренные параграфом 2 статьи 2, относятся к Бельгии, Голландии, Литве.

с) Латвия и Эстония будут рассматриваться двумя правительствами как включенные в список стран, предусмотренных параграфом 2 статьи 2, начиная с момента, когда вступит в силу договоренность о взаимопомощи между Соединенным Королевством и третьим государством, которая распространяется на два названные государства.

д) Что касается Румынии, правительство Соединенного Королевства ссылается на гарантию, которую оно предоставило этой стране; а польское правительство ссылается на взаимные обязательства по румыно-польскому союзу, которые Польша никогда не рассматривала как несовместимые с его традиционной дружбой с Венгрией.

3. Обязательства, упомянутые в статье 6 соглашения, если они будут приняты на себя одной из Договаривающихся Сторон в отношении третьего государства, должны быть оформлены таким образом, чтобы их выполнение никогда не наносило ущерба суверенитету или территориальной неприкосновенности другой Договаривающейся Стороны.

4. Настоящий протокол является неотъемлемой частью соглашения, подписанного сегодня, и не выходит за его рамки.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий протокол.

Составлено на английском языке в двух экземплярах в Лондоне 25 августа 1939 г. Текст на польском языке будет позднее согласован между договаривающимися Сторонами, и оба текста будут считаться аутентичными.

Галифакс Эдвард Рачиньский

Печат. по: Agreement between the Government of the United Kingdom and the Polish Government regarding mutual assistance (with protocol). London, 1939. August 25. London, 1945. P. 2-4. Cmd. 6616.

607. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франций в Польше Л. Ноэлю

25 августа 1939 г.

Согласен с изложенным в Вашей телеграмме № 24.

Если бы с самого начала было передано молчаливое согласие Польши, это помогло бы избежать приостановления военных переговоров после первого же контакта и не подтвердило бы у русских впечатления, что по основной проблеме у нас, несмотря на срочность и пять месяцев политических переговоров, ничего не готово.

Помимо этого, надо было объявить молчаливое согласие Польши как достоверное, а не только как согласие, которое не исключено и возможно.

Но, добившись этого, нужно было идти дальше и побудить Польшу занять более открытую позицию. Действительно, трудно представить, как можно было надеяться добиться от СССР, чтобы он принял обязательства против Германии, столь обходительно обращавшейся с ним, если гарантированные нами поляки и румыны по-прежнему не желали ничего слышать о русской помощи.

Гитлер не колеблясь решился на поступок, который Бек, обеспеченный нашей гарантией, отказывался совершить. Он примирился со Сталиным, несмотря на все то, что он говорил или делал против СССР, и на основе реальных фактов давних отношений между двумя странами повел разговор с новой Россией как держава с державой, отбрасывая, таким образом, Польшу на ее место, столь уязвимое между объединенными немцами и русскими.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XVIII. P. 498.

608. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Китая в СССР Ян Цзе

26 августа 1939 г.

Ян Цзе сообщил, что получил ответную телеграмму от своего правительства. Китайское правительство приветствует назначение Панюшкина полномочным послом СССР в Китае.

Я сказал Ян Цзе, что мы хотели бы ускорить прием т. Панюшкина председателем национального правительства и вручение верительных грамот, так как это важно с точки зрения нынешнего международного положения. Заявление нашего посла в Китае о том, что Советский Союз поддерживает дружественный китайский народ в его борьбе за независимость, положительно повлияет на усиление борьбы китайского народа против японской агрессии.

Ян Цзе ответил, что он тоже считает необходимым ускорить обмен речами, он доложит об этом своему правительству и уверен, что оно согласится с его точкой зрения. Я со своей стороны сказал, что сообщу об этом Панюшкину.

Ян Цзе просил дать ему информацию, в пределах возможного, о нынешнем международном положении. Он получил от своего правительства сообщение, что подписание советско-германского пакта о ненападении очень сильно обрадовало китайское правительство, ибо этот договор укрепит Советский Союз и явится, несомненно, ударом по Японии. Китайское правительство поручило ему выяснить некоторые вопросы в связи с заключенным пактом.

Посол начал с вопроса, какое влияние будет иметь это политическое событие на международную обстановку.

Я ответил, что политика Советского правительства всегда определялась желанием мира и никогда не преследовала агрессивных целей. Заключение договора между СССР и Германией кое у кого в Европе выбивает почву из-под ног, особенно у тех, кто хотел натравить Германию на Советский Союз и СССР на Германию. Думаю, что возможно избежать военного конфликта между Германией и Польшей, хотя взаимоотношения между этими странами очень напряженные. Заключение пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией создает элемент стабильности в неустойчивой международной обстановке.

Что же касается Дальнего Востока, то, как видно из прессы, японское правительство протестует против разрыва Германией антикоминтерновского пакта¹⁰. В японских газетах открыто пишут, что пакт о ненападении между СССР и Германией привел к изоляции Японии и к росту трудностей, а это, несомненно, на руку освободительной борьбе китайского народа.

Какие можно сделать выводы? 1. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией положил конец антикоминтерновскому пакту. 2. Разрядил напряженность в международных отношениях, которые существовали накануне заключения этого пакта.

Ян Цзе спросил, верно ли, что английская и французская миссии выехали из Советского Союза. Он хотел бы узнать результаты переговоров и будут ли они продолжаться.

Я ответил, что переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат недоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними. Советский Союз имеет договоры о ненападении с Польшей и другими странами, и эти договоры остаются в полной силе. В настоящее время переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции. [...]

Заместитель народного комиссара
иностраннх дел *Лозовский*

АВП СССР, ф. 011, оп. 4, а. 25, д. 11, л. 121—123. Оpubл. в сб.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 340-341.

609. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

26 августа 1939 г.

Хотя военные приготовления продолжают идти ускоренным и даже демонстративно шумным порядком (чтобы оказать надлежащий психологический эффект на население), тем не менее со вчерашнего дня в воздухе определенно ощущаются мюнхенские настроения. Британское правительство ¹⁵⁵, Рузвельт, папа римский, бельгийский король и другие лихорадочно пытаются нащупать какую-либо почву для «компромисса» в польском вопросе. Британский посол в Берлине Гендерсон прилетел сегодня в Лондон на самолете и передал кабинету какое-то сообщение от Гитлера ¹⁵⁶, содержание которого пока хранится в тайне. Только что

закончилось заседание британского правительства, обсуждавшего сообщение, но ни к какому решению кабинет пока не пришел. Завтра утром состоится новое заседание правительства.

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 249. Опубл. в сб.: СССР в борьбе за мир... С. 638.

610. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Бонне послу Франции в Германии Р. Кулондру

26 августа 1939 г.

На Вашу телеграмму № 2372.

В ответ на послание, которое Гитлер просил Вас передать Даладьё после Вашей беседы 25 августа, срочно передайте канцлеру от председателя совета личное письмо, текст которого следует ниже:

«Посол Франции в Берлине передал мне Ваше личное послание.

В тот момент, когда Вы говорите о самой тяжелой ответственности, которая может лечь на двух глав наших правительств за то, что будет пролита кровь двух великих народов, желающих только мира и труда, моим долгом перед Вами и перед нашими двумя народами является заявить, что судьба мира по-прежнему находится только в Ваших руках.

Вы не можете сомневаться ни в моих чувствах к Германии, ни в мирных чувствах Франции к Вашему народу. Ни один француз никогда не сделал больше меня, чтобы укрепить не только мир между нашими двумя народами, но и искреннее сотрудничество в их собственных интересах и в интересах Европы и мира.

Если только Вы не считаете, что у французского народа не столь высокое представление о национальной чести, как то, которое сам я признаю за немецким народом, Вы отнюдь не можете сомневаться в верности Франции лояльным обязательствам по отношению к другим государствам, таким, как Польша, которые, я уверен, также хотят жить в мире с Германией.

Эти две уверенности полностью согласуются между собой. Сегодня еще нет ничего, что могло бы помешать мирно разрешить международный кризис к чести и достоинству всех народов, если желание мира равно существует у всех сторон.

Констатируя добрую волю Франции, я отмечаю наличие ее у всех ее союзников. Я даю личную гарантию по поводу предрасположенности, которую всегда проявляла Польша в отношении обоюдного обращения к методам свободного примирения, какие только могут существовать у правительств двух суверенных государств. С высокой ответственностью я могу Вас заверить, что нет ни одной претензии, выдвигаемой Германией против Польши относительно Данцига, которая не могла бы быть рассмотрена такими методами в целях полюбовного и справедливого урегулирования.

Я также могу засвидетельствовать своей честью, что ясная и лояльная солидарность Франции с Польшей и ее союзниками не содержит ничего, что каким-либо образом затрагивало мирные намерения моей страны. Эта солидарность никогда не мешала нам и тем более не мешает сегодня поддерживать Польшу в ее мирных намерениях.

В такой важный час я искренне считаю, что ни один честный человек не мог бы понять, что разрушительная война может начаться без того, чтобы не была предпринята последняя попытка мирного урегулирования между Германией и Польшей. Ваше стремление к миру может с полной уверенностью найти проявление в такой попытке без какого-либо ущерба для заботы о германской чести. Я, глава правительства Франции, который, как и Вы, желает только доброго согласия между французским и немецким народами и, с другой стороны, связан с Польшей узами дружбы и данным словом, готов предпринять все усилия, которые может сделать честный человек, чтобы обеспечить успех этой попытке.

Как и я, Вы были участником последней войны. Как и мне, Вам известно, что в памяти людей навсегда останется отвращение к ужасам и бедствиям войны, каков бы ни был ее исход. Мое представление о Вашей выдающейся роли главы немецкого народа, ведущего его дорогами мира к полному осуществлению его миссии в общем деле цивилизации, заставляет меня просить у Вас ответа на это предложение. Если французская и немецкая кровь прольется вновь, как это было двадцать пять лет назад, в еще более длительной и смертоносной войне, каждый из двух народов будет сражаться с уверенностью в победе, но самой вероятной будет победа разрушения и варварства».

Эдуард Даладье

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 série. T. XIX. P. 9—10.

611. Интервью главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции

27 августа 1939 г.

Сотрудник «Известий» обратился к главе советской военной миссии т. Ворошилову с рядом вопросов, на которые т. Ворошилов дал следующие ответы.

Вопрос. Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции?

Ответ. Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы обратно.

Вопрос. Можно ли знать, в чем заключаются эти разногласия?

Ответ. Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР.

Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран.

В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры.

Вопрос. Не говорилось ли во время переговоров о помощи Польше сырьем и военными материалами?

Ответ. Нет, не говорилось. Помощь сырьем и военными материалами является делом торговым, и, для того чтобы давать Польше сырье и военные материалы, вовсе не требуется заключение пакта взаимопомощи и тем более военной конвенции. США, как и ряд других государств, не имеют с Японией никаких пактов взаимопомощи или военной конвенции, однако они уже два года продают японцам сырье и военные материалы, несмотря на то что Япония находится в состоянии войны с Китаем. Во время переговоров речь шла не о помощи сырьем и военными материалами, а о помощи войсками.

Вопрос. Дипломатический обозреватель газеты «Дейли геральд» пишет, что военные миссии Англии и Франции будто бы спросили советскую миссию, готов ли СССР снабжать Польшу самолетами, боеприпасами и держать в готовности на границе Красную Армию, а советская военная миссия будто бы ответила на это предложением: «Немедленно после начала войны оккупировать Вильно и Новогрудек на северо-востоке, а также Львовское, Тарнопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке, что из этих районов Красная Армия могла бы оказать полякам военную помощь, если это потребуется».

Как вы смотрите на это заявление дипломатического обозревателя «Дейли геральд», соответствует ли оно действительности?

Ответ. Это заявление является от начала до конца лживым, автор его — наглым лжецом, а газета, поместившая это лживое заявление своего дипломатического обозревателя, — клеветнической газетой.

Вопрос. Агентство Рейтер по радио сообщает: «Ворошилов сегодня заявил руководителям английской и французской военных миссий, что ввиду заключения договора о ненападении между СССР и Германией Советское правительство считает дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными».

Соответствует ли действительности это заявление агентства Рейтер?

Ответ. Нет, не соответствует действительности. Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий.

Известия. 1939. 27 августа.

612. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского со специальным полномочным послом Китая Сунь Фо

27 августа 1939 г.

Беседа началась с моего вопроса, возвращается ли он скоро в Китай или думает еще некоторое время остаться в Европе.

Сунь Фо ответил, что он отсюда проедет в Европу, так как там имеется еще ряд неурегулированных дел.

Затем Сунь Фо поставил вопрос о том, какое влияние будет иметь заключенный СССР пакт о ненападении с Германией *{{* [См. док. 602.](#)}}* на дальневосточные дела. По мнению Сунь Фо, Англия сейчас будет еще более занята Европой, чем раньше, и поэтому она вынуждена будет пойти еще на большие уступки Японии.

Я ответил, что японские государственные деятели и японская пресса открыто говорят и пишут, что пакт о ненападении между СССР и Германией взорвет «антикоминтерновский пакт» и изолирует Японию.

Эти признания государственных деятелей соответствуют действительности, а это значит несомненный выигрыш для Китая.

СССР заключил пакт о ненападении в целях мира, для того чтобы разрядить напряженность в международных отношениях.

Нас, китайцев, заботят два вопроса, сказал Сунь Фо:

- 1) это слухи о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией и
- 2) слухи о возможном соглашении между Японией и Англией. С точки зрения национальных интересов Китая и то и другое нам невыгодно.

Если бы СССР заключил пакт о ненападении с Японией, то это неминуемо привело бы к ослаблению его помощи Китаю.

Если бы Англия сталкивалась с Японией, то этим самым были бы закрыты те немногие порты, через которые Китай сейчас получает снаряжение из Европы.

На это я ответил, что трудно сейчас судить, как сложатся в ближайшее время отношения между Японией и Англией. Поскольку Япония твердо решила вышибить Англию из Китая, трудно предположить, чтобы они могли найти какой бы то ни было компромисс, хотя в капитулянтских элементах в Англии недостатка нет.

Что же касается пакта о ненападении между Японией и СССР, то нам об этом вопросе ничего неизвестно. Было время, когда СССР предлагал Японии заключить пакт о ненападении {{* См.: Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16. Док. 2.}}. Япония отказалась. Сейчас этот вопрос в порядке дня не стоит.

Я спросил Сунь Фо, чем он объясняет затишье на японо-китайских фронтах. Не думает ли он, что в ближайшее время возможно наступление китайской армии.

Сунь Фо ответил, что главная причина затишья заключается в том, что вновь обучающиеся резервы имеют недостаточно оружия. Он убежден, что, как только резервы немного подучатся и удастся раздобыть оружие, китайская армия перейдет в наступление.

На мой вопрос, была ли удачной его поездка в Европу, Сунь Фо отметил, что результатов пока еще не видно. Он ездил насчет заключения займа. Вопрос с английским правительством улажен (о предоставлении Китаю займа в размере 3 млн ф. ст. для закупки оружия), но английское правительство упорно и систематически оттягивает подписание этого договора. Сунь Фо думает, что англичане затягивают этот вопрос, так как надеются найти еще какие-то пути соглашения с Японией.

Нам сейчас все труднее и труднее ввозить необходимое нам снаряжение, сказал Сунь Фо. Соединенные Штаты Америки занимают позицию, мало выгодную для Китая, — они торгуют с нами, они делают свои дела, не желая по-настоящему нажать экономически на Японию.

На вопрос Сунь Фо, чем объяснить разрыв переговоров между СССР, Англией и Францией, я отослал его к интервью т. Ворошилова *, которое дало исчерпывающие объяснения по этому вопросу.

В заключение Сунь Фо осведомился, продолжается ли конфликт между СССР и Японией из-за концессий на Северном Сахалине. Я сказал, что были и продолжаются трения. Часть этих трений улажена.

Уходя, Сунь Фо вновь подчеркнул, что китайцев беспокоят слухи о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией и возможный компромисс между Японией и Англией. То и другое, сказал он, было бы с точки зрения борьбы за независимость Китая очень нежелательным.

На этом беседа закончилась.

С. Лозовский

613. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

27 августа 1939 г.

Агентство ТАСС должно было передать в своих выпусках интервью для прессы маршала Ворошилова {{* [См. док. 611.](#)}}. Если у Вас нет его текста, прошу сообщить мне, посольство Вам его телеграфирует.

Среди прочего обращаю внимание на то, что он говорит о возможности снабжать Польшу сырьем и военной техникой и что речь идет о помощи, которую, как он сказал, можно оказать Польше на коммерческой основе, причем для этого не нужен ни пакт о взаимопомощи, ни военная конвенция.

Это важное заявление. Несмотря на все то неприятное для Польши, что содержится в предшествующих высказываниях в адрес этой страны, отказ которой принять русскую военную помощь был предан, гласности, можно заключить, что СССР в отсутствие пакта, которого мы хотели от него, и несмотря на договор о ненападении с Германией, готов предоставить возможности снабжения. Но ведь сами поляки хотели этим ограничить его помощь. Можно было бы, таким образом, по-прежнему предусматривать эту ограниченную русскую поддержку, обеспечение которой полякам входило в наши намерения. При этом исключалась бы позитивная военная помощь, которой поляки не хотели, поскольку она включает проход через их территорию, что к тому же не должны были обсуждать наши миссии согласно своим инструкциям по прибытии.

При таком развитии фактически ничего не изменится в соотношении французских, английских, польских и немецких сил, поскольку, как мне сказал генерал Думенк, в наши расчеты никогда не входила позитивная военная помощь России Польше.

Если, как можно надеяться, Турция, со своей стороны, будет придерживаться своих обязательств, Гитлер будет сенсационно заангажирован в отношении Москвы, не добившись подлинного изменения в свою пользу имеющихся военных сил.

Таким образом, сделка 23 августа не окажется тем вероломным ударом по Польше и по нам, которого желала Германия.

В нынешних обстоятельствах было бы самой большой опасностью, если Франция и Англия спасуют и дадут увлечь себя впечатлением, что все потеряно.

Предпринимая преждевременные действия, основываясь на том, будто большевистская Россия перешла с оружием и ресурсами в лагерь гитлеровской Германии, мы играли бы на руку последней. Разыгрываемая партия остается очень напряженной. В правительстве СССР существуют разные тенденции. Если в отношении Англии сильны недоверие и злоба, то чувства по отношению к нам более нюансированы. Только вчера на публичном выступлении перед массами один оратор горячо хвалил Францию и ее армию.

Еще раз рекомендую самое большое хладнокровие при оценке событий.

Печат. по изд.: Documents diplomatiques français... 2 serie. T. XIX. P. 90—91.

614. Разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 года

[28 августа 1939 г.]

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана».

Москва, 28 августа 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3.

615. Запись беседы заместителя министра иностранных дел Польши Я. Шембека с послами Франции и Великобритании в Польше Л. Ноэлем и Г. Кеннардом

29 августа 1939 г.

По поручению министра Бека принял послов Великобритании и Франции и сделал им следующее заявление:

«Ввиду концентрации германских войск на наших границах и вступления их в Словакию, беспрестанных пограничных инцидентов и передвижений войск в Гданьске, свидетельствующих об агрессивных намерениях, не может быть больше сомнений в намерениях третьего рейха совершить агрессию против Польши. В этих условиях, учитывая предостережения из абсолютно надежных источников, а также вчерашнее предостережение британского посла о том, что Германия планирует неожиданное нападение на Польшу, президент Польской Республики после совещания с правительством отдал приказ о генеральной мобилизации. Впрочем, этот шаг только дополняет военные распоряжения, отданные до настоящего времени. Объявлять военное положение не собираются, распоряжение же, связанное со всеобщей мобилизацией, будет ограничено до минимума. Польская политика останется неизменной».

Британский посол заметил, что слово «мобилизация» могло бы произвести в мире впечатление, что мы начинаем войну. В настоящее время еще идут англо-германские переговоры и в Лондоне ожидают германского ответа. Было бы чрезвычайно желательным отложить публичное объявление о мобилизации до момента получения этого ответа. Французский посол поддержал точку зрения британского коллеги, добавив со своей стороны, что относительно самого распоряжения нет никаких возражений.

Оба посла спросили, будет ли издано официальное сообщение о мобилизации. Тогда я ознакомил их с текстом этого сообщения.

Я сказал послам, что проинформирую министра Бека об их точке зрения, и спросил, хотели ли бы они получить письменный текст моего заявления. Они ответили, что этого не требуется. Наиважнейшим является сам факт мобилизации, о котором они проинформируют свои правительства. Они только просили, чтобы министр Бек был как можно скорее проинформирован об их точке зрения {{* В то время, когда проходила эта беседа, в Варшаве уже начали расклеивать афиши с текстом мобилизации. Когда же вице-министр Шембек известил министра Бека о пожелании послов, польское правительство решило прислушаться к нему и отложить объявление о мобилизации на несколько часов. Немногочисленные расклеенные в Варшаве афиши были сняты. 24 часа спустя во всей Польше была объявлена всеобщая мобилизация.}}.

Печат. по сб.: Mię dzynarodwe tto agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. S. 166.

616. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

29 августа 1939 г.

Шуленбург сообщил, что сегодня ночью и утром ему лично позвонил Риббентроп и просил передать следующее.

В последнее время в нескольких газетах появились слухи о том, что якобы Советское правительство отводит свои войска с западной границы. Такого рода слухи, служащие агитационным целям, неприятны германскому правительству. Поэтому Риббентроп по поручению Гитлера просит Советское правительство опровергнуть эти слухи в форме, которую оно сочтет удобной. Лучше, если бы это опровержение было сделано в положительной форме, т. е. что Советское правительство не отводит своих войск с границы, а, наоборот, усиливает военные силы на границе. Или желательна такая форма опровержения, в которой было бы указано, что об отводе войск с границы не может быть и речи, так как в такое тревожное время всякое правительство не уменьшает войска на границе, а усиливает их.

Молотов спрашивает, верит ли этим сообщениям германское правительство.

Шуленбург отвечает отрицательно.

Молотов говорит, что он посоветуется, как это сделать, и подчеркивает серьезность, с которой мы относимся к заключенному нами пакту с Германией {{* [См. док. 602.](#)}}. Уже один факт появления такого рода слухов показывает серьезность нашего отношения к пакту.

Затем *Шуленбург* переходит ко второму сообщению. «Из вчерашнего разговора,— говорит Шуленбург,— я понял, что Вы желаете быть информированным о происходящих событиях. Риббентроп рад это сделать, но он не в состоянии в силу той быстроты, с которой развиваются события, информировать г-на Молотова через Шуленбурга. Поэтому имеется крайняя необходимость в на-личии в Берлине представителя СССР, которого Риббентроп мог бы информировать даже через каждые два часа. Сейчас же в Берлине нет такого лица. Поэтому желательно возвращение туда Астахова».

Молотов отвечает, что уже назначен в Берлин Шкварцев. Назначены также четыре военных работника, которые могут выехать в Берлин немедленно.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 14, п. 32, д. 3, л. 54 — 55.

617. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Н. В. Иванова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

Немедленно 29 августа 1939 г.

В беседе со мною сегодня Риббентроп просил довести до сведения правительства следующее: перед отъездом Гендерсона в Англию он передал Гитлеру желание англ [ийского] пра[вительства] разрешить польский вопрос мирным путем и улучшить отношения между Германией и Англией. Гитлер ответил, что он желал бы сам улучшить отношения с Англией, но польский вопрос при всех условиях рано или поздно должен быть разрешен. Как обязательное условие при переговорах с Англией об улучшении отношений Гитлер поставил два пункта:

1. Договор между СССР и Германией безусловно не подлежит пересмотру, остается в силе и является поворотом в политике Гитлера на долгие годы. СССР и Германия никогда и ни в коем случае не будут применять друг против друга оружия.

2. Улучшение отношений между Германией и Англией не влияет на дружественные отношения Германии с Италией, точно так же как Англии с Францией. Вчера Гендерсон привез ответ англ [ийского] правительства]: англичане желают улучшить отношения, польский вопрос они желают окончить мирным путем. Они надеются, что возможны непосредственные переговоры Польши с Германией. Гитлер этот ответ сейчас изучает, и Риббентроп обещает держать нас в курсе. Сейчас же он, Риббентроп, просит передать Сов[етскому] пра[вительству], что изменение политики Гитлера по отношению к СССР абсолютно радикально и неизменно. Германия не будет участвовать ни в одной международной конференции без участия СССР. В вопросе о Востоке все свои решения она будет выносить вместе с СССР.

Шмидт просил передать мне от имени министра, что мобилизация в Германии на полном ходу и польский вопрос будет разрешен на днях и любой ценой.

Поверенный в делах

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2036, л. 208-209.

618. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном

30 августа 1939 г.

Сначала Гендерсон передал письменные инструкции (прилагается). Он сделал еще два устных представления.

От польского правительства можно только тогда ожидать полной сдержанности, когда германское правительство по свою сторону границы займет такую же позицию и когда прекратятся провокации немецкого меньшинства в Польше. Имеются сообщения, согласно которым немцы в Польше совершают акты саботажа, которые оправдывают самые резкие ответные меры со стороны польского правительства.

Имперский министр иностранных дел самым настоятельным образом отверг последнее замечание английского посла. Германии известны исключительно польские провокации, но, очевидно, британское правительство не избежало воздействия польской пропаганды. Поляки совершают неслыханнейшие акты саботажа. Одних только совершенных с польской стороны убийств в германских документах зафиксировано 200. Он (министр) вообще не склонен разговаривать с британским правительством на эту тему. Третье (sic) представление Гендерсона касалось вчерашнего ответа германского правительства, в котором германское правительство объявило себя готовым вступить в прямые контакты с Польшей, если польское правительство незамедлительно направит полномочного представителя. Британское правительство не в состоянии рекомендовать польскому правительству пойти на эти переговоры. Оно предлагает германскому правительству начать переговоры нормальным дипломатическим путем, т. е. передать свои предложения польскому послу, с тем чтобы польский посол был в состоянии в согласии со своим правительством подготовиться к ведению прямых германо-польских переговоров. Если бы германское правительство направило эти предложения также британскому правительству, которое бы сочло, что эти предложения являются разумной основой для урегулирования обсуждаемых проблем, то оно употребило бы свое влияние в Варшаве в смысле урегулирования.

Ссылаясь на последний абзац вчерашнего германского ответа, Гендерсон спросил, разработаны ли уже германские предложения и могут ли быть эти предложения переданы ему.

Имперский министр иностранных дел ответил, что: 1) британское посредничество до сих пор имело только один очевидный результат, а именно: объявление Польшей всеобщей мобилизации; 2) с германской стороны рассчитывали на прибытие польского представителя сегодня, Это был не ультиматум, как ошибочно полагал британский посол, а, как еще вчера разъяснил фюрер, практическое предложение, продиктованное стечением обстоятельств. До полуночи с германской стороны от поляков ничего не было слышно. Поэтому вопрос о возможном предложении больше неактуален. Но чтобы показать, что Германия намеревалась предложить, если бы приехал польский представитель, имперский министр иностранных дел зачитал прилагаемые германские предложения {{* [См. док. 619.](#)}}.

Гендерсон возразил, что заявление имперского министра иностранных дел о том, что в результате непоявления польского представителя к среде до полуночи первоначально намечавшиеся германские предложения более неактуальны, пожалуй, подтверждает, что его заявление с предложениями было ультиматумом.

Имперский министр иностранных дел вновь решительно возразил против такой трактовки и указал на сделанное вчера фюрером заявление о том, что срочность обусловлена тем фактом, что на расстоянии выстрела друг другу противостоят две отобилизованные армии и в каждую минуту любой инцидент может вызвать серьезный конфликт.

В заключение Гендерсон предложил имперскому министру иностранных дел вызвать польского посла и передать ему германские предложения.

Имперский министр иностранных дел отказался сам предпринимать такой шаг и закончил беседу тем, что оставил за фюрером всю полноту принятия решения.

В соответствии с указанием сие представлено имперскому министру иностранных дел.

Подп.: *д-р Шмидт*,
посланник

Приложение

Берлин, 30 августа 1939 г.

1. Правительство Его Величества высоко оценивает тот факт, что в заявлении, содержащемся в ответе германского правительства, имеется дружеское упоминание о стремлении последнего к англо-германскому взаимопониманию, а также указывает на влияние, которое оказало это соображение на его политику.
2. Правительство Его Величества повторяет, что оно приветствует желание германского правительства улучшить отношения, однако должно быть признано, что [британское правительство] не может пожертвовать интересами своих друзей ради этого улучшения. Оно полностью отдает себе отчет в том, что германское правительство не может пожертвовать жизненно важными интересами Германии, однако польское правительство находится в том же положении, и правительство Его Величества полагает, что жизненно важные интересы обеих стран не являются несовместимыми.
3. Правительство Его Величества отмечает, что германское правительство принимает британское предложение и готово вступить в прямые переговоры с польским правительством.
4. Правительство Его Величества понимает, что германское правительство принимает в принципе условие, что любое урегулирование должно стать предметом международной гарантии. Вопрос о том, кто будет участвовать в этой гарантии, должен быть обсужден позднее, и правительство Его Величества надеется, что для избежания потери времени германское правительство предпримет немедленно шаги, с тем чтобы заручиться согласием СССР, чье участие в гарантии правительство Его Величества всегда признавало.
5. Правительство Его Величества отмечает также, что германское правительство принимает позицию британского правительства относительно жизненно важных интересов Польши и ее независимости.
6. Правительство Его Величества должно сделать четкую оговорку относительно заявления конкретных требований, выдвинутых германским правительством в предыдущей части своего ответа. Оно понимает, таким образом, что германское правительство будет в настоящее время выдвигать эти требования в более детальном виде и они, несомненно, будут в полной мере изучены в ходе обсуждения. Затем можно будет определить, насколько они совместимы с существенными условиями, которые выдвинуло правительство Его Величества и которые в принципе германское правительство выразило готовность принять.

7. Правительство Его Величества незамедлительно информирует польское правительство об ответе правительства Германии. Метод контакта и процедуры обсуждения, очевидно, должны быть срочно согласованы между германским и польским правительствами, но, по мнению правительства Его Величества, было бы нецелесообразно устанавливать контакт уже сегодня.

8. Правительство Его Величества в полной мере осознает необходимость скорейшего начала переговоров и разделяет опасения канцлера в связи с противостоянием двух отобилизованных армий. Оно будет соответственно самым настоятельным образом призывать обе стороны договориться о том, что во время переговоров не будут иметь места никакие агрессивные военные действия. Правительство Его Величества уверено, что сможет добиться этого от польского правительства, если германское правительство даст аналогичное обещание.

9. Далее правительство Его Величества предложило бы, чтобы для Данцига был разработан временный модус вивенди, который бы помешал возникновению инцидентов, могущих осложнить германско-польские отношения.

Печат. по изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. Bd. 7. S. 376-378.

619. Телеграмма бюро имперского министра иностранных дел Германии посольству Германии в Великобритании

30 августа 1939 г.

Лично для поверенного в делах.

До дальнейших указаний следующее предложение держать в строгом секрете и никому не передавать.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ДАНЦИГСКОГО КОРИДОРА И ВОПРОСА О НЕМЕЦКОМ МЕНЬШИНСТВЕ В ПОЛЬШЕ

Ситуация в отношениях между германским рейхом и Польшей в настоящее время такова, что любой дальнейший инцидент может привести к конфликту занявших с обеих сторон позиции вооруженных сил. Любое мирное урегулирование должно быть устроено так, чтобы ставшие причиной этого положения события не могли повториться еще раз и вследствие этого не только Восток Европы, но и другие районы не оказались в одинаковом напряжении.

Причины такого развития заключаются:

- 1) в неприемлемой линии границ, установленных Версальским договором,
- 2) в неприемлемом обращении с меньшинством в отделенных районах.

Поэтому германское имперское правительство в этих предложениях исходит из мысли найти окончательное решение, которое устранил невозможную ситуацию с линией границ, гарантирует обеим частям их жизненно важные связующие дороги, устранил — насколько возможно — проблему меньшинств, а если это невозможно, сносно решит судьбу меньшинств надежным гарантированием их прав.

Германское имперское правительство убеждено, что при этом необходимо установить экономический и физический ущерб, причиненный с 1918 г., и возместить его в полном объеме. Само собой разумеется, оно рассматривает это обязательным для обеих сторон.

Из этих соображений вытекают следующие практические предложения:

1. Вольный город Данциг на основе своего чисто немецкого характера и единодушной воли его населения незамедлительно возвращается в состав германского рейха,
2. Район так называемого коридора, простирающийся от Балтийского моря до линии Мариенвердер — Грауденц — Кульм — Бромберг (включая эти города) и далее несколько западнее до Шёнланке, будет сам решать вопрос о своей принадлежности к Германии или к Польше.
3. Для этой цели в этой области будет проведено голосование.

Правом голоса обладают все немцы, проживавшие в этом районе на 1 января 1918 г. или родившиеся там до этого числа, и равным образом проживавшие на этот день в этом районе или родившиеся там до этого числа поляки, кашубы и т. д. Изгнанные из этого района немцы возвращаются для участия в голосовании. Для обеспечения объективного голосования и гарантирования необходимой для этого обширной подготовительной работы упомянутый район будет аналогично Саарской области подчинен немедленно образующейся международной комиссии, которая будет образована четырьмя великими державами — Италией, Советским Союзом, Францией и Англией. Эта комиссия будет осуществлять все суверенные права в данном районе. С этой целью польские вооруженные силы, польская полиция и польская администрация должны в кратчайшие оговоренные сроки покинуть данный район.

Из этого района исключается польский порт Гдинген {{* Гдыня.}}, являющийся принципиально польской суверенной территорией, так как он территориально ограничивается польским поселением. Более точные границы этого польского портового города должны быть определены между Германией и Польшей и в случае необходимости зафиксированы международным третейским судом.

4. Поскольку для проведения необходимой обширной работы по обеспечению справедливого голосования требуется время, такое голосование не будет проводиться до истечения 12 месяцев.
5. Чтобы в течение этого времени гарантировать неограниченную связь Германии с Восточной Пруссией, а Польше — с морем, определены шоссейные и железные дороги, по которым будет осуществляться транзитное движение. При этом должны взиматься только те налоги, которые необходимы для сохранения транспортных путей, а также для осуществления транспортировки.
6. Вопрос о принадлежности района решается простым большинством поданных голосов.

7. Чтобы после проведенного голосования — независимо от его исхода — гарантировать безопасность свободного сообщения Германии с ее провинцией Данциг — Восточная Пруссия и Польше ее связь с морем, Германии, если плебисцитная территория отойдет к Польше, будет предоставлена экстерриториальная транспортная зона в направлении Бютов — Данциг и Диршау для прокладки имперской автостреды, а также четырехколейной железнодорожной линии. Строительство шоссе и железной дороги будет проведено таким образом, чтобы ими не затрагивались польские коммуникации, иными словами, чтобы они проходили над или под ними. Ширина этой зоны определена в 1 км и является германской суверенной территорией.
8. Если голосование завершится в пользу Германии, Польша для свободного и неограниченного сообщения со своим портом Гдингеном получит такие же права на шоссе и железнодорожное сообщение, какие бы полагались Германии.
9. В случае возвращения коридора германской империи она заявляет о своей готовности провести обмен населения с Польшей в соответствующем коридоре размере.
10. Желаемые Польшей особые права в порту Данцига будут обговорены вместе с равными правами Германии в порту Гдингена на паритетных началах.
11. Чтобы устранить в этом районе любое чувство угрозы для обеих сторон, Данциг и Гдинген получают характер чисто торговых городов, иными словами, без военных сооружений и военных укреплений.
12. Полуостров Хела, который в соответствии с голосованием отойдет либо к Польше, либо к Германии, в любом случае должен быть также демилитаризован.
13. Поскольку германское имперское правительство заявит самый решительный протест против обращения в Польше с меньшинствами и польское правительство со своей стороны считает необходимым заявить протест Германии, обе стороны заявляют о своем согласии с тем, что эти протесты будут представлены международной следственной комиссией, заданием которой будет расследование всех протестов об экономическом и физическом ущербе, а также иных террористических актов. Германия и Польша обязуются устранить весь экономический и иной ущерб, причиненный с 1918 г. меньшинствам обеих сторон, и отменить полностью отчуждение собственности или выплатить компенсацию пострадавшим за это и иное вмешательство в экономическую жизнь.
14. Для устранения у остающихся в Польше немцев, а также у поляков, остающихся в Германии, чувства международной несправедливости и предоставления им прежде всего гарантии того, что они не будут привлечены к действиям и оказанию услуг, несовместимым с их национальными чувствами, Германия и Польша договорились о гарантировании прав меньшинств обеих сторон посредством подробнейших и обязывающих договоренностей, с тем чтобы гарантировать этим меньшинствам сохранение, свободное развитие и деятельность их народности и, в частности, позволить им с этой целью организационные меры, которые они считают необходимыми. Обе стороны обязуются не привлекать представителей меньшинств к военной службе.
15. В случае достижения договоренности на основе этих предложений Германия и Польша заявляют о своей готовности предписать и провести незамедлительную демобилизацию своих вооруженных сил.

16. Германия и Польша совместно договорятся о других, необходимых для ускорения вышеупомянутых договоренностей мероприятиях.

Шмидт

Печат. по изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. 1956. Bd. 7. S. 372-375.

620. Речь Председателя Совета Народных Комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР

31 августа 1939 г.

Товарищи! Со времени третьей сессии Верховного Совета международное положение не изменилось к лучшему. Наоборот, оно стало еще более напряженным.

Принимавшиеся со стороны отдельных правительств шаги к устранению этой напряженности показали свою явную недостаточность. Они оказались безрезультатными. Это относится к Европе. Не произошло изменений в лучшую сторону и в Восточной Азии. Япония, как и прежде, занимает своими войсками главные города и значительную часть территории Китая, не отказываясь также от враждебных актов в отношении СССР. И здесь положение изменилось в сторону дальнейшего обострения обстановки.

В этой обстановке громадное положительное значение имеет заключение договора о ненападении между СССР и Германией [{* См. док. 602.}](#), устраняющего угрозу войны между Германией и Советским Союзом. Чтобы полнее определить значение этого договора, мне придется предварительно остановиться на тех переговорах, которые в последние месяцы велись в Москве с представителями Англии и Франции.

Вы знаете, что англо-франко-советские переговоры о заключении пакта взаимопомощи против агрессии в Европе начались еще в апреле месяце. Правда, первые предложения английского правительства были, как известно, совершенно неприемлемы. Они игнорировали основные предпосылки таких переговоров — игнорировали принцип взаимности и равных обязательств. Несмотря на это, Советское правительство не отказалось от переговоров и в свою очередь выдвинуло свои предложения. Мы считались с тем, что правительствам Англии и Франции трудно было круто поворачивать курс своей политики от недружелюбного отношения к Советскому Союзу, как это было еще совсем недавно, к серьезным переговорам с СССР на условиях равных обязательств. Однако последующие переговоры не оправдали себя.

Англо-франко-советские переговоры продолжались в течение четырех месяцев. Они помогли выяснить ряд вопросов. Они вместе с тем показали представителям Англии и Франции, что в международных делах с Советским Союзом нужно серьезно считаться. Но эти переговоры натолкнулись на непреодолимые препятствия. Дело, разумеется, не в отдельных «формулировках» и не в тех или иных пунктах проекта договора (пакта). Нет, дело заключалось в более существенных вещах.

Заключение пакта взаимопомощи против агрессии имело смысл только в том случае, если бы Англия, Франция и Советский Союз договорились об определенных военных мерах против нападения агрессора. Поэтому в течение определенного срока в Москве

происходили не только политические, но и военные переговоры с представителями английской и французской армий. Однако из военных переговоров ничего не вышло. Эти переговоры натолкнулись на то, что Польша, которую должны были совместно гарантировать Англия, Франция и СССР, отказалась от военной помощи со стороны Советского Союза. Преодолеть эти возражения Польши так и не удалось. Больше того, переговоры показали, что Англия и не стремится преодолеть эти возражения Польши, а, наоборот, поддерживает их. Понятно, что при такой позиции польского правительства и его главного союзника к делу оказания военной помощи со стороны Советского Союза на случай агрессии англо-франко-советские переговоры не могли дать хороших результатов. После этого нам стало ясно, что англо-франко-советские переговоры обречены на провал.

Что показали переговоры с Англией и Францией?

Англо-франко-советские переговоры показали, что позиция Англии и Франции пронизана насквозь вопиющими противоречиями.

Судите сами.

С одной стороны, Англия и Франция требовали от СССР военной помощи против агрессии для Польши. СССР, как известно, был готов пойти этому навстречу при условии получения соответствующей помощи для себя от Англии и Франции. С другой стороны, те же Англия и Франция тут же выпускали на сцену Польшу, которая решительно отказывалась от военной помощи со стороны СССР. Попробуйте-ка при этих условиях договориться о взаимопомощи, когда помощь со стороны СССР заранее объявляется ненужной и навязанной.

Далее. С одной стороны, Англия и Франция гарантировали Советскому Союзу военную помощь против агрессии в обмен на соответствующую помощь со стороны СССР. С другой стороны, они обставляли свою помощь такими оговорками насчет косвенной агрессии, которые могли превратить эту помощь в фикцию и давали им формально-юридическое основание увильнуть от оказания помощи и поставить СССР в состояние изоляции перед лицом агрессора. Попробуйте-ка отличить подобный «пакт взаимопомощи» от пакта более или менее замаскированного надувательства.

Дальше. С одной стороны, Англия и Франция подчеркивали важность и серьезность переговоров о пакте взаимопомощи, требуя от СССР серьезнейшего отношения к этому делу и быстрее разрешения вопросов, связанных с пактом. С другой стороны, они сами проявляли крайнюю медлительность и совершенно несерьезное отношение к переговорам, поручая это дело второстепенным лицам, не облеченным достаточными полномочиями. Достаточно сказать, что военные миссии Англии и Франции прибыли в Москву без определенных полномочий и без права подписания какой-либо военной конвенции. Больше того, военная миссия Англии прибыла в Москву вообще без всякого мандата, и лишь по требованию нашей военной миссии она, уже перед самым перерывом переговоров, представила свои письменные полномочия. Но и это были полномочия только самого неопределенного характера, то есть не полновесные полномочия. Попробуйте-ка отличить подобное несерьезное отношение к переговорам со стороны Англии и Франции от легкомысленной игры в переговоры, рассчитанной на дискредитацию дела переговоров.

Таковы внутренние противоречия позиции Англии и Франции в переговорах с СССР, приведшие к срыву переговоров.

Где же корень этих противоречий в позиции Англии и Франции?

В немногих словах дело заключается в следующем. С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих, поскольку это усиливает Англию и Францию. Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьезного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказывается, не отвечает их позиции. Приходится признать, что эти опасения у них взяли верх над другими соображениями. Только в этой связи и можно понять позицию Польши, действующей по указаниям Англии и Франции.

Перехожу к советско-германскому договору о ненападении.

Решение о заключении договора о ненападении между СССР и Германией было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу указанных непреодолимых разногласий. Поскольку эти переговоры показали, что на заключение пакта взаимопомощи нет основания рассчитывать, мы не могли не поставить перед собою вопроса о других возможностях обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР. Если правительства Англии и Франции не хотели с этим считаться,— это уж их дело. Наша обязанность — думать об интересах советского народа, об интересах Союза Советских Социалистических Республик. Тем более что мы твердо убеждены в том, что интересы СССР совпадают с коренными интересами народов других стран.

Но это лишь одна сторона дела.

Должно было произойти еще другое обстоятельство, чтобы советско-германский договор о ненападении стал существовать. Нужно было, чтобы во внешней политике Германии произошел поворот в сторону добрососедских отношений с Советским Союзом. Только при наличии этого второго условия, только когда нам стало ясным желание германского правительства изменить свою внешнюю политику в сторону улучшения отношений с СССР, была найдена основа для заключения советско-германского договора о ненападении.

Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал-социалистов к власти, политические отношения между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем, Советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они вам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны. Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде.

Говоря о наших задачах в области внешней политики, т. Сталин так определял тогда наши отношения с другими странами:

- «1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами.
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

Как видите, в этих выводах т. Сталин говорил о том, что Советский Союз стоит за укрепление деловых связей со *всеми* странами. Но вместе с тем т. Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликты с другими странами.

Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата Советской Украины, т. Сталин говорил тогда:

«Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

Как видите, т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз.

Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов. Тов. Сталин, учитывая это обстоятельство, еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР.

Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы.

Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось ¹⁵⁷.

Уже весной этого года германское правительство предложило восстановить торгово-кредитные переговоры. Переговоры были вскоре возобновлены. Путем взаимных уступок удалось прийти к соглашению. Это соглашение, как известно, 19 августа было подписано {{* [См. док. 575.](#)}}.

Это было не первое торгово-кредитное соглашение с Германией при существующем правительстве. Но это соглашение отличается в лучшую сторону не только от соглашения 1935 года, но и от всех предыдущих, не говоря уже о том, что у нас не было ни одного столь же выгодного экономического соглашения с Англией, Францией или какой-либо другой страной. Соглашение выгодно для нас по своим кредитным условиям (семилетний кредит), и оно дает нам возможность дополнительно заказать значительное количество нужного нам оборудования. По этому соглашению СССР обеспечивает продажу Германии определенного количества наших излишков сырья для ее промышленности, что вполне в интересах СССР. Почему же нам отказываться от такого выгодного экономического соглашения? Не в угоду ли тем, кто вообще не хотел бы, чтобы Советский Союз имел выгодные экономические соглашения с другими странами? Между тем ясно, что торгово-кредитное соглашение с Германией целиком в интересах народного хозяйства и в интересах обороны Советского Союза. Такое соглашение полностью соответствует решениям XVIII съезда нашей партии, одоббившего указание т. Сталина на необходимость «укрепления деловых связей со всеми странами».

Когда же германское правительство выразило желание улучшить также и политические отношения, у Советского правительства не было оснований отказываться от этого. Тогда и встал вопрос о заключении договора о ненападении.

Теперь раздаются голоса, в которых сквозит непонимание самых простых основ начавшегося улучшения политических отношений между Советским Союзом и Германией.

Например, с наивным видом спрашивают: как Советский Союз мог пойти на улучшение политических отношений с государством фашистского типа? Разве это возможно? Но забывают при этом, что дело идет не о нашем отношении к внутренним порядкам другой страны, а о внешних отношениях между двумя государствами. Забывают о том, что мы стоим на позиции невмешательства во внутренние дела других стран и соответственно этому стоим за недопущение какого-либо вмешательства в наши собственные внутренние дела. Забывают также о важном принципе нашей внешней политики, который еще на XVIII съезде партии т. Сталин формулировал так:

«Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны».

Смысл этих слов совершенно ясен: со *всеми* несоветскими странами Советский Союз стремится иметь добрососедские отношения, *поскольку* эти страны придерживаются той же позиции в отношении Советского Союза.

В нашей внешней политике с несоветскими странами мы стояли и стоим на базе известного ленинского принципа о мирном сосуществовании Советского государства и капиталистических стран.

Как проводился этот принцип на практике, можно было бы показать на большом количестве примеров. Но ограничусь немногими. У нас, например, с 1933 года существует договор о ненападении и нейтралитете с фашистской Италией. Никому до сих пор не приходило в голову высказываться против этого договора. И это понятно. Поскольку такой договор отвечает интересам СССР, он соответствует и нашему принципу мирного сосуществования СССР и капиталистических стран. У нас имеются договоры о ненападении также с Польшей и некоторыми другими странами, полуфашистский строй которых всем известен. Но и эти договоры не вызывали никаких сомнений. Может быть, нелишним будет напомнить и о том, что у нас нет даже такого рода договоров с некоторыми другими, нефашистскими, буржуазно-демократическими странами, скажем, с той же Англией. Однако это не по нашей вине.

С 1926 года политической основой наших отношений с Германией стал договор о нейтралитете, который был продлен уже нынешним германским правительством в 1933 году. Этот договор о нейтралитете действует и в настоящее время.

Советское правительство и раньше считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией, но обстоятельства сложились так, что это стало возможным только теперь. Дело, правда, идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения. Тем не менее в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского договора.

Вот почему мы положительно отнеслись к приезду германского министра иностранных дел г. фон Риббентропа в Москву.

23 августа 1939 года, когда был подписан советско-германский договор о ненападении, надо считать датой большой исторической важности. Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.

Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами. Политическое искусство в области внешних отношений заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны. Наоборот, политическое искусство заключается здесь в том, чтобы уменьшить число таких врагов и добиться того, чтобы вчерашние враги стали добрыми соседями, поддерживающими между собою мирные отношения.

История показала, что вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам. Самыми пострадавшими из войны 1914 — 1918 годов вышли Россия и Германия. Поэтому интересы народов Советского Союза и Германии лежат не на пути вражды между собою. Напротив, народы Советского Союза и Германии нуждаются в мирных отношениях друг с другом. Советско-германский договор о ненападении кладет конец вражде между Германией и СССР, а это в интересах обеих стран. Различие в мировоззрениях и в политических системах не должно и не может быть препятствием для установления хороших политических отношений между обоими государствами, как подобное же различие не препятствует хорошим политическим отношениям СССР с другими несоветскими, капиталистическими странами. Только враги Германии и СССР могут стремиться к созданию и раздуванию вражды между народами этих стран. Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом.

Главное значение советско-германского договора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой. Тем самым поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар.

Советско-германский договор подвергся многочисленным нападкам в англо-французской и американской прессе. Особенно стараются на этот счет некоторые «социалистические» газеты, служащие «своему» национальному капитализму, служащие тем из господ, кто им прилично платит. Понятно, что от таких господ нельзя ждать настоящей правды.

Пытаются распространять неправду, что будто бы заключение советско-германского договора о ненападении помешало переговорам с Англией и Францией о пакте взаимопомощи. Эта ложь уже заклеена в интервью т. Ворошилова. В действительности, как известно, дело обстоит наоборот. Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов.

Доходят, дальше, до того, что ставят нам в вину, что, видите ли, в договоре нет пункта о том, что он денонсируется в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется вовлеченной в войну при условиях, которые могут дать кое-кому внешний повод квалифицировать ее нападающей стороной. Но при этом почему-то забывают, что такого

пункта и такой оговорки нет ни в польско-германском договоре о ненападении, подписанном в 1934 году и аннулированном Германией в 1939 году вопреки желанию Польши, ни в англо-германской декларации о ненападении, подписанной всего несколько месяцев тому назад. Спрашивается, почему СССР не может позволить себе того, что давно уже позволили себе и Польша, и Англия?

Наконец, есть любители вычитывания в договоре большего, чем то, что там написано. Для этого пускаются в ход всякого рода догадки и намеки, чтобы породить недоверие к договору в тех или других странах. Но все это говорит лишь о безнадежном бессилии врагов договора, которые все больше разоблачают себя как враги и Советского Союза, и Германии, стремящиеся спровоцировать войну между этими странами.

Во всем этом мы видим новое подтверждение правильности указания т. Сталина на то, что необходимо соблюдать особую осторожность насчет провокаторов войны, привыкших загребать жар чужими руками. Мы должны быть начеку в отношении тех, кто видит для себя выгоду в плохих отношениях между СССР и Германией, в их вражде между собою, кто не хочет мира и добрососедских отношений между Германией и Советским Союзом.

Нам понятно, когда эту линию ведут матерые империалисты. Но нельзя пройти мимо таких фактов, что особым усердием в этом деле отличились в последнее время некоторые лидеры социалистических партий Франции и Англии. А эти господа действительно настолько засуетились, что лезут из кожи, да и только. Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? Разве трудно понять этим господам смысл советско-германского договора о ненападении, в силу которого СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии? Разве трудно понять, что СССР проводит и будет проводить свою собственную, самостоятельную политику, ориентирующуюся на интересы народов СССР, и только на эти интересы? Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза. Мы бы посмотрели, что это за вояки.

В наших глазах, в глазах всего советского народа, это такие же враги мира, как и все другие поджигатели войны в Европе. Только те, кто хочет нового великого кровопролития, новой бойни народов, только они хотят столкнуть лбами Советский Союз и Германию, только они хотят сорвать начало восстановления добрососедских отношений между народами СССР и Германии.

Советский Союз пришел к договору с Германией, уверенный в том, что мир между народами Советского Союза и Германии соответствует интересам всех народов, интересам всеобщего мира. В этом убедится каждый искренний сторонник мира.

Этот договор отвечает коренным интересам трудящихся Советского Союза и не может ослабить нашей бдительности в защите этих интересов. Этот договор подкреплён твердой уверенностью в наших реальных силах, в их полной готовности на случай любой агрессии против СССР.

Этот договор (равно как кончившиеся неудачей англо-франко-советские переговоры) показывает, что теперь нельзя решать важные вопросы международных отношений — тем более вопросы Восточной Европы — без активного участия Советского Союза, что всякие потуги обойти Советский Союз и решить подобные вопросы за спиной Советского Союза должны окончиться провалом.

Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы, поворот в сторону улучшения отношений между двумя самыми большими государствами Европы. Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и служит, таким образом, делу всеобщего мира,— он должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепление наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие.

Здесь нет необходимости останавливаться на отдельных пунктах договора. Совнарком имеет основание надеяться, что договор встретит ваше одобрение, как один из первостепенных для СССР политических документов..

Совет Народных Комиссаров вносит советско-германский договор о ненападении на рассмотрение Верховного Совета и предлагает ратифицировать его.

Известия. 1939. 1 сентября.

621. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Вне очереди
31 августа 1939 г.*

1. Вчера вечером Гендерсону была вручена нота Гитлера. Ответ, отправленный сегодня британским правительством, сводится к следующему: британское правительство изъявляет согласие использовать свое влияние в Варшаве для того, чтобы убедить польское правительство вступить в прямые переговоры с Германией, однако при условии, что на время переговоров сохраняется статус-кво, прекращаются всякие пограничные инциденты и приостанавливается антипольская кампания в немецкой печати. Дальше в ответе подтверждается, что после «мирного решения» польского вопроса британское правительство будет согласно на созыв конференции для обсуждения более общих вопросов (торговля, колонии, разоружение), поднятых Гитлером во время свидания с Гендерсоном 25 августа.

2. Имеется ряд симптомов, что помимо официальных переговоров между британским правительством и германским правительством, осуществляемых с помощью нот, через послов и т. д., Чемберлен ведет еще «приватные» переговоры непосредственно с Гитлером через голову Форин офиса ¹⁵⁶. Именно с этими «приватными» разговорами связано таинственное появление на аэродроме в Лондоне 27 августа каких-то «гонцов» из Берлина, о чем я уже сообщал вам на днях ¹⁵⁸, а также менее таинственные полеты между Лондоном и Берлином каких-то подозрительных эмиссаров, наблюдавшиеся в последние 2—3 дня. Точные доказательства наличия «приватных» разговоров сейчас еще трудно привести, однако имеется много материала для весьма серьезных подозрений вплоть до того, что относительно подготовки премьером почвы для нового Мюнхена высказывали опасение даже некоторые руководящие лейбористы из числа тех, которые с усердием, достойным лучшей участи, проводят политику поддержки Чемберлена.

Полпред

622. Телеграмма и. о. военного атташе СССР в Японии Л. А. Мишина в Генеральный штаб РККА

31 августа 1939 г.

После прихода к власти кабинета Абэ {{* Премьер-министр Японии с августа 1939 г. по январь 1940 г.}} политика Японии, по нашему мнению, в основном остается прежней:

1. Продолжение агрессивных действий на материке.
2. Расширение военной подготовки страны.
3. Оживление внешней торговли.
4. Установление дружественных отношений со странами, понимающими истинные намерения Японии, при сохранении самостоятельной внешней политики.

Следует ожидать принятия мер по урегулированию взаимоотношений с США и Англией и дальнейшей провокационной политики в отношении СССР.

Л. Мишин

Печат. по сб.: СССР в борьбе за мир... С. 644.

623. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с послом Польши в Германии Ю. Липским

31 августа 1939 г.

Посол Липский зачитал следующую инструкцию своего правительства:

31 августа 1939 г.

Сегодня ночью польское правительство получило от правительства Великобритании известие об обмене мнениями с германским правительством относительно возможности прямых переговоров между правительством Германии и польским правительством.

Польское правительство в благоприятном смысле учитывает внушения правительства Великобритании, которому в ближайшие часы будет дан формальный ответ в этом вопросе.

На повторный вопрос имперского министра иностранных дел о том, уполномочен ли он вести переговоры, посол Липский ответил — нет. У него было лишь поручение передать имперскому министру иностранных дел уже зачитанную инструкцию, которую он затем вручил также в письменном виде.

Затем имперский министр иностранных дел кратко рассказал, об обмене мнениями между германским и английским правительствами и предложении Германии о том, чтобы в

течение 30 августа в Берлин прибыл польский представитель. Фюрер прождал целый день, но лишь под вечер получил от английского правительства довольно бессодержательное заявление.

На повторный вопрос имперского министра иностранных дел о возможных полномочиях Липского на ведение переговоров тот вновь заявил, что вести переговоры не уполномочен.

В соответствии с указанием сие представлено имперскому министру иностранных дел.

д-р Шмидт,
посланник

Печат. по изд.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 — 1945. Serie D. Bd. 7. S. 385-386.

624. Сообщение советской печати о ликвидации остатков японо-маньчжурских войск в приграничной полосе МНР

1 сентября 1939 г.

По сообщению штаба монголо-советских войск в МНР, с 5 по 17 августа в районе к востоку от реки Халхин-Гол между монголо-советскими и японо-маньчжурскими войсками происходили стычки небольших разведывательных групп. Японская авиация за этот период несколько раз пыталась проникнуть на территорию МНР, но эти попытки отражались монголо-советской авиацией. В результате воздушных боев, происходивших при отражении налетов японской авиации, монголо-советской авиацией был сбит за период с 5 по 17 августа 31 японский самолет. Монголо-советская авиация потеряла 7 самолетов.

17 августа японо-маньчжурские войска, накопив новые силы, атаковали позиции монголо-советских войск на восточном берегу реки Халхин-Гол, в шести километрах восточнее этой реки, стремясь занять ряд важных господствующих высот.

В течение 17, 18 и 19 августа монголо-советские войска отбили все атаки японо-маньчжурских войск и отбросили их на исходные позиции, вынудив перейти к обороне.

20 августа монголо-советские войска во взаимодействии с монголо-советской авиацией перешли в наступление по всей линии к востоку от реки Халхин-Гол. В течение 21—28 августа японо-маньчжурские войска, окруженные с обоих флангов монголо-советскими войсками, понеся большие потери в людском составе и материальной части, были ликвидированы.

Попытки небольших частей японо-маньчжур снова перейти в наступление были отбиты монголо-советскими войсками. В ночь с 28 на 29 августа остатки японо-маньчжурских войск были ликвидированы на территории МНР, и монголо-советские войска прочно закрепились на рубеже вдоль государственной границы МНР.

На сторону монголо-советских войск добровольно перешло 294 маньчжура с оружием, во главе с офицерами 14-го пехотного полка 1-й смешанной бригады маньчжурских войск.

При ликвидации японо-маньчжурских частей советско-монгольскими частями захвачено: орудий 155-мм — 5, 150-мм — 7, 105-мм — 12, 122-мм — 3, 75-мм - 50, 37-мм — 67; всего 144 орудия; станковых пулеметов — 67; ручных пулеметов — 98; минометов — 36; винтовок — 9000; снарядов разных калибров — 12 000; танков — 8; бронемашин — 8; тракторов — 14; машин грузовых — 68; машин легковых — 19.

Японская авиация, стремясь оказать помощь атакованным наземным войскам, бросалась в бой крупными соединениями. В ряде воздушных боев, происходивших с 20 по 27 августа, монголо-советской авиацией сбито 164 японских самолета, из них истребителей — 123, бомбардировщиков — 36 и 5 многоместных штабных самолетов. Монголо-советская авиация потеряла при этом 16 самолетов.

Кроме того, 28 августа монголо-советской авиацией сбито 11 японских самолетов, монголо-советская авиация потерь не имела; 29 августа сбито 8 японских самолетов, монголо-советская авиация потеряла 1 самолет, и 30 августа сбит 21 японский самолет, монголо-советская авиация потеряла при этом 1 самолет.

Правда. 1939. 1 сентября.

625. Докладная записка сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В. Н. Павлова {{* Переводчик и помощник наркома.}} народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову

1 сентября 1939 г.

В[ячеслав] М[ихайлович],

В 11 часов 1 сентября явился Хильгер и передал мне для Вас несколько сообщений.

1. Хильгер сообщил, что ввиду отклонения Польшей предложения Гитлера о мирном урегулировании всех вопросов при посредничестве Англии, сделанного Польше им 29 августа, Гитлер 1 сентября издал приказ войскам. Перевод приказа прилагается {{* Не публикуется. Текст приказа см.: Dokumentarische Zeitehronik 1939. Chronologische Übersicht der wichtigsten Daten und Ereignisse des Zeitgeschehens mit urkundigen Zeugnissen. Ebenhausen bei München, 1943. S. 130.}}. Затем Хильгер просил передать Вам, что позвонивший сегодня Шуленбургу Риббентроп чрезвычайно обрадован содержанием речи {{** Имеется в виду речь В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. [См. док. 617.](#)}}. Риббентроп горячо приветствует сказанное Вами и очень доволен предельной ясностью Вашей речи.

2. Сегодня, сообщил далее Хильгер, Гитлер, к которому обратился с соответствующим воззванием от имени населения глава Данцигского государства Форстер, принял Данциг в лоно германской империи. (Воззвание Форстера к населению Данцига прилагается {{*** Не публикуется. Текст воззвания см.: Dokumente der deutschen Politik. Das Werden des Reiches 1939. Band VII/2. Berlin, 1940. S. 593-594.}}.)

Хильгер от имени Шуленбурга просил Вашего разрешения на опубликование в германских газетах прилагаемого сообщения о приезде военного атташе в Берлин {{**** Не публикуется.}}

Он спросил также, когда вылетают наши военные, так как ввиду запрещения полетов гражданских самолетов над Германией из Берлина должен быть выслан специальный самолет в Стокгольм.

Я сказал Хильгеру, что военные вылетают 2 сентября.

4. Хильгер просил также передать Вам просьбу начальника генштаба германских военно-воздушных сил (прилагается) {{***** Не публикуется. В ней речь шла о просьбе, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передачи время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками: «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передачи своей программы по возможности часто слово «Минск». Из резолюции В. М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск». АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 74,}}

Павлов

В 13.00 1 сентября Хильгер сообщил, что сегодня в 5.45 начались военные действия между Польшей и Германией {{***** Дописано В. Н. Павловым от руки.}}

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 74, л. 20. л. 26.

626. Телеграмма военного атташе при полномочном представительстве СССР в Польше П. С. Рыбалко и полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат обороны и в Народный комиссариат иностранных дел СССР

*Вне всякой очереди
Принято по телефону
1 сентября 1939 г.*

Наркомобороны, Наркоминдел.

1 сентября в 6.00 без объявления войны немецкая бомбардировочная авиация, по сообщению Второго отдела, произвела налеты на Пуцк, Гдыню, Катовице, Краков, Тчев и Варшаву. Налет на Варшаву был отбит. Второй налет на Варшаву в 8.50 был отбит. Третий налет в 10.00 — результаты неизвестны. Данциг занят немецкими войсками. На Вестерплатте идут бои. Сухопутные части немецкой армии перешли границу в направлениях Млавы, Крыница, Дзялдово и Верхней Силезии. Идут бои. Подробную ситуацию на фронте Второй отдел не может сообщить.

Рыбалко, Шаронов

АВП СССР, ф. 059, он. 1, п. 296, д.-2046, л. 266.

627. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел

СССР

1 сентября 1939 г.
{{* Получена в НКВД СССР 3 сентября 1939 г.}}

Немецкие войска там, где они вошли на несколько километров, остановлены, сообщил Арцишевский, и имеется равновесие сил. Говорит, что польская армия уже имеет 3,5 миллиона, что нападения они не ожидали, но в Берлин делегатов посылать не собирались. Намекал, что это похоже на крупную демонстрацию, а не настоящую войну. Сказал, что армии у них достаточно, но что сырье и вооружение они от нас хотели бы иметь, но потом, кто знает, может быть, и Красную Армию (в ответ на мое замечание, что для них плохо, что Англия и Франция не заключили договора с нами). Сообщил, что почти все члены семей в посольствах выехали из Варшавы.

Шаронов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 268.

628. Из дневника полномочного представителя СССР в Германия А. А. Шкварцева

3 сентября 1939 года

В 11 часов 50 минут за нами заехали две немецкие машины с чиновником протокольного отдела Халем и военным, фамилия которого нам неизвестна. Они пригласили нас к Гитлеру. В первой машине находился кроме меня сопровождающий Халем. Во второй машине ехали тов. Пуркаев {{* Комкор М. А. Пуркаев в конце августа 1939 г. был назначен военным атташе СССР в Германия.}} и тов. Павлов в сопровождении военного чиновника. По дороге, как и вчера, на улицах движения как автомобильного, так и пешеходного было мало.

У резиденции Гитлера нас встретила редкая толпа народа, кричавшая «хайль!» и приветствовавшая нас по-фашистски поднятой рукой. Когда мы подъехали, ворота раскрылись и мы увидели выстроенный почетный караул. Начальник караула отдал рапорт мне. Мы прошли перед фронтом караула и вошли в резиденцию. В резиденции нас встретил шеф-протокола Дернберг и другие видные как военные, так и штатские чиновники, включая Риббентропа. Затем нас пригласили в приемную, где Гитлер встретил меня в сопровождении Геринга. Гитлер и я обменялись рукопожатиями: после этого были представлены тт. Пуркаев и Павлов. Я вручил отзывную на тов. Мерекалова и свою верительную грамоты. Затем прочитал свою речь, составленную в Москве и утвержденную Вами {{** Имеется в виду В. М. Молотов.}}. На эту речь Гитлер ответил следующей речью: «Немецкий народ счастлив, что заключен советско-германский договор о ненападении. Этот договор послужит делу содружества обоих народов как в политической, так и в экономической областях».

Затем Гитлер пригласил присесть. Сидели в гостинной обстановке. При беседе кроме Гитлера, Риббентропа, Геринга и переводчика присутствовали неизвестные нам высшие чины, в количестве всего до 8 человек. Гитлер сказал, что еще раз он выражает радость немецкого народа по поводу заключения советско-германского договора о ненападении. И заверяет, что взятые обязательства Германия выполнит. В ответ на это мной было заявлено, что наше правительство выполнит также свои обязательства. Гитлер, продолжая

беседу, сказал, что Германия находится в тяжелой борьбе. Но из этой борьбы, спровоцированной великими державами, Германия выйдет победительницей. Польша будет разгромлена. Если Англия и Франция объявят нам войну, то мы спокойны, так как наши западные границы надежно укреплены. Наши вооружения находятся на таком высоком уровне, на котором они никогда не были. Мной на это было сказано, что данное заявление будет передано главе правительства тов. Молотову В. М. Затем Гитлер сказал, что он не может рассказать нам много о ходе войны, так как военные действия начались два дня назад. Но при этом подчеркнул, что германские войска наступают. На это мной было сказано, что об этом мы знаем из центральных газет, и [я] спросил, не имеет ли он сообщить что-нибудь в дополнение к [о] опубликованному в газетах. После легкого замешательства и взгляда на Геринга, ответившего отрицательно, Гитлер сказал, что все сообщения о военных действиях печатаются в газетах полностью, соответствуют действительности, и добавил, что в результате войны будет ликвидировано положение, существующее с 1920 года по Версальскому договору. При этой ревизии Россия и Германия установят границы, существовавшие до войны. Тогда мною было заявлено, что все сказанное будет передано главе правительства тов. Молотову В. М. На этом беседа, продолжавшаяся 15 минут, закончилась. В сопровождении лиц, встречавших нас, мы поехали в полпредство. По прибытии в полпредство тов. Иванов сообщил, что в 12 часов 20 минут позвонили из Москвы агенту ТАСС тов. Филиппову о том, что Англия объявила войну Германии. В разговоре Гитлер не упомянул и не рассказал об этом. Как слова Гитлера, так и мои переводил тов. Павлов, причем присутствовавший немец-переводчик не сделал никаких замечаний.

Военному атташе Гитлер вопросов не задавал.

Полпред СССР в Германии
Шкварцев

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 68, л. 3-4.

Приложение

РЕЧЬ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР
В ГЕРМАНИИ
А. А. ШКВАРЦЕВА ПРИ ВРУЧЕНИИ ИМ ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ

3 сентября 1939 г.

Господин рейхсканцлер,

Вручая Вам верительные грамоты, которыми Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик аккредитует меня при Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла, считаю долгом заявить Вам, что народы Советского Союза с глубоким удовлетворением встретили то улучшение отношений между Советским Союзом и Германией, которое нашло свое торжественное выражение в ратификации советско-германского пакта о ненападении, подписанного в Москве 23 августа и ратифицированного Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик на заседании 31 августа сего года.

Вместе с торгово-кредитным соглашением между Советским Союзом и Германией, подписанным в Берлине 19 августа сего года, советско-германский договор о ненападении

кладет прочную основу для дружественного и плодотворного сотрудничества двух великих европейских государств в экономической и политической областях, суживает поле возможных военных столкновений в Европе и, отвечая интересам всех народов, служит делу всеобщего мира.

В этом смысле советско-германский договор о ненападении знаменует исторический поворот в международных отношениях и открывает собою самые широкие положительные перспективы.

Приступая к выполнению своих обязанностей Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик в Германии в столь знаменательный момент, я позволяю себе выразить надежду, что в Вашем лице, господин рейхсканцлер, а также со стороны Вашего правительства, я встречу должное доверие и активную поддержку, необходимые для успешного выполнения ответственной задачи, возложенной на меня правительством Союза Советских Социалистических Республик.

АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 68, л. 5-6.

629. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

4 сентября 1939 г.

Для передачи Советскому правительству мной получены сегодня следующие официальные уведомления:

1. О том, что с 11 час. утра 3 сентября Англия находится в состоянии войны с Германией.
2. О том, что Англия и Франция будут всемерно избегать бомбардировок мирного населения и разрушения исторических памятников, а также соблюдать протокол 1936 г. о подводной войне, Женевский протокол 1925 г. о запрещении газовой войны и в воздушной борьбе с торговыми судами применять правила, регулирующие осуществление прав воюющей стороны военными судами,— все это, разумеется, при условии, что Германия будет вести себя таким же образом.
3. О том, что ввиду, войны с Германией и в соответствии со ст. 24 англо-советского морского договора 1937 г. {{* См.: Документы внешней политики СССР. Т. 20. Док. 249.}} король считает себя свободным от всех обязательств названного договора (ограничение вооружений и обмен информацией).
4. О минных полях в определенных районах (сообщено вам клером).

Полпред

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2078, л. 26.

630. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. 3. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

4 сентября 1939 г.

Получил только что две ноты: в первой сообщается, что Франция с 3 сентября находится в состоянии войны с Германией. К ноте приложена приблизительно следующая мотивировка: Германия вопреки своим прежним обязательствам (напоминается и пакт Келлога) и авторитетным призывам к мирному разрешению конфликта и посредничеству прибегла 1 сентября к агрессии против Польши. Это обязывает Францию выполнить свои обязательства, вытекающие из известного Германии пакта о взаимопомощи. Чрезвычайные усилия, предпринятые французским и британским правительствами для сохранения мира путем прекращения этой агрессии, натолкнулись на отказ германского правительства. Вследствие этого и в результате германской агрессии устанавливается начиная с 17 часов 3 сентября состояние войны между Францией и Германией. Нотификация делается в соответствии с Гаагской конференцией от 1907 года.

Вторая нота является сопроводительной к англо-французской декларации, излагающей принципы и линию поведения, которую они намерены соблюдать в войне, и в частности в войне воздушной. В декларации торжественно заверяется, что будут щадиться гражданское население и памятники цивилизации. В этой связи упоминается обращение Рузвельта и их согласие на это обращение и сообщается, что дано указание командованию вооруженных сил бомбардировать с воздуха, моря и суши исключительно военные объекты. В частности, сухопутная артиллерия не должна обстреливать большие города, расположенные вне поля сражения, и памятники культуры. Что касается использования морских сил, в том числе и подводного флота, то оба правительства будут строго придерживаться протокола 1936 года о подводном флоте. Кроме того, они намерены использовать воздушные силы против кораблей торгового флота в море лишь в соответствии с признанными правилами, применяемыми военным флотом в морских войнах. Наконец, оба союзных правительства подтверждают снова их намерения действовать в соответствии с Женевским протоколом 1925 года, запрещающим использование удушающих и отравляющих газов и бактериологических средств. Германскому правительству будет направлен запрос, сможет ли оно дать аналогичное заверение. В заключение указывается, что французское и английское правительства оставляют за собой свободу действий, если неприятель снова не будет выполнять эти ограничения.

Суриц

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2091, л. 26-27.

631. Телеграмма полномочного представителя СССР в Польше Н. И. Шаронова в Народный комиссариат иностранных дел СССР

5 сентября 1939 г.

После переданной по радио речи Чемберлена был организован призыв по радио к демонстрации перед английским и французским посольствами. Бек и английский посол произнесли несколько слов.

Слово «СССР» в газетах не упоминается, но эстонец Маркус говорил мне, что поляков очень занимает вопрос о возможности выступления СССР на стороне Германии. Я ответил, что нарком ясно определил позицию СССР в речи, которую Маркус сам слушал,

кстати, Польше мы только вчера продали хлопок. «Неужели вы не поможете Польше?»,— спросил он. Я ответил, что мы хотели помочь, но Польша сама отказалась, а напрашиваться нам не пристало.

Советник японского посольства явился с просьбой дать транзитную визу женщинам и детям из посольства, всего 9 женщин и 10 детей. Фамилии передаю клером. Телеграфьте решение.

Организацию эвакуации жен и детей работников посольства начинаю завтра.

Шаронов

АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2046, л. 270.

ПРИМЕЧАНИЯ

^{1^} Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии венчает политику попустительства германской агрессии, которую в течение ряда лет проводили правящие круги Англии, Франции и США.

Вопрос об опасности германского нападения на Чехословакию со всей остротой встал сразу же после захвата Германией Австрии. В заявлении Советского правительства от 17 марта 1938 г. в этой связи указывалось, что в результате захвата Австрии «возникает угроза Чехословакии». Советское правительство выражало готовность «участвовать в коллективных действиях, которые... имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии». В этих целях оно предложило правительствам западных держав созвать международное совещание (Известия. 1938. 18 марта). Правительство СССР неоднократно заверяло правительство Чехословакии в том, что Советский Союз выполнит свои обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи 1935 г.

Западные державы не поддержали советского предложения о созыве международной конференции. Они встали на путь сговора с фашистской Германией за счет Чехословакии. Наиболее активно в этом направлении действовало правительство Англии, возглавлявшееся Н. Чемберленом.

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств четырех держав (Англия, Франция, Германия, Италия), где без участия представителей Чехословакии было заключено соглашение об отторжении Судетской области от Чехословакии и присоединении ее к Германии. В итоге мюнхенского сговора Чехословакия потеряла около трети своей территории и населения.

Мюнхенское соглашение представляло с самого начала незаконный акт, так как оно было несовместимо с основными принципами международного права. В договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой, заключенном 6 мая 1970 г., говорится, что «мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляло собой составную часть преступного заговора гитлеровской Германии против мира и грубое

нарушение основных норм международного права и что поэтому оно является с самого начала недействительным со всеми вытекающими из этого последствиями» (Правда. 1970. 7 мая). По договору между ЧССР и ФРГ, подписанному 11 декабря 1973 г., мюнхенское соглашение было объявлено ничтожным.— 1—27.

^{2^} Англо-германская декларация, подписанная 30 сентября 1938 г. в Мюнхене по инициативе британского премьера Н. Чемберлена, фактически представляла собой соглашение Англии и Германии о взаимном ненападении. За обязательство Германии о ненападении на Англию правительство Чемберлена фактически предоставляло фашистской Германии свободу действий в отношении стран Восточной Европы.— 1—29.

^{3^} Имеется в виду англо-германское морское соглашение от 18 июня 1935 г., в котором предусматривалось, что германский военно-морской флот не должен превышать 35% тоннажа военно-морских сил Британского содружества нации. Германия получала право на тоннаж подводных лодок, равный общему тоннажу подводного флота Британского содружества наций, во пока обязалась содержать подводный флот, не превышающий 45% британского (Documents on German Foreign Policy. 1918-1945. Ser. G. Vol. 4. P. 323-326).

Подписание англо-германского морского соглашения, в котором Англия в одностороннем порядке санкционировала нарушение Германией военных ограничений Версальского мирного договора 1919 г., было проявлением политики попустительства германской агрессии, проводившейся английским правительством. Предусмотренное в договоре увеличение германского флота представляло наибольшую угрозу для СССР и других стран, прилегающих к Балтийскому морю. У. Черчилль признает в своих воспоминаниях, что английское правительство согласилось на увеличение германского флота, с тем чтобы он мог стать «хозяином Балтийского моря» (W. Churchill. The Second World War. Boston. 1948. Vol. i. P. 140).

В декабре 1938 г. Германия заявила Англии, что она будет содержать подводный флот, равный по тоннажу британскому. В апреле 1939 г. англо-германское морское соглашение было расторгнуто фашистской Германией.— 1 — 29, 84, 451, 524.

^{4^} 30 сентября 1938 г. на заседании Совета Лиги наций был рассмотрен доклад об агрессии Японии против Китая, подготовленный Консультативным комитетом Совета Лиги наций по делам Дальнего Востока. В докладе отмечалось, что военные действия Японии против Китая «находятся в противоречии с обязательствами Японии, вытекающими из договора девяти государств от 6 февраля 1922 г. и Парижского пакта от 27 августа 1928 года» (см. прим. 40 и 93).

Представитель Китая в своем выступлении на заседании Совета 30 сентября указал, что доклад совершенно не удовлетворяет его правительство. Он выразил сожаление, что Совет не смог организовать согласованные действия членов Лиги наций для выполнения обязательств, вытекающих из статьи 16 Устава Лиги (League of Nations. Official Journal. November 1938. P. 879).

Выступления некоторых членов Совета, в частности представителей Англии, Франции, Бельгии и других стран, показали, что их правительства не поддерживали предложения о принятии Лигой наций эффективных мер по оказанию помощи Китаю.— 1—30, 64.

^{5^} Советское правительство оказывало китайскому народу в его справедливой борьбе против японских агрессоров как политическую и моральную поддержку, так и помощь поставками военных материалов.

Советский Союз заключил с Китаем в 1938 г. два договора (1 марта и 1 июля), по каждому из которых Советское правительство предоставило китайскому правительству кредиты на сумму 50 млн американских долларов для закупки в СССР военных и других материалов.

В соответствии с договором от 1 марта 1938 г. уполномоченные соответствующих правительств (заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Микоян и китайский посол в СССР Ян Цзе) подписали в марте 1938 г. три контракта на поставку в Китай военных материалов на общую сумму около 50 млн долларов. Согласно этим контрактам СССР поставил в Китай 287 самолетов, 82 танка, 390 пушек и гаубиц, 1800 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн патронов для пулеметов, 10 млн винтовочных патронов, а также другие военные материалы.

По четвертому контракту, заключенному в соответствии с договором от 1 июля 1938 г., Советский Союз поставил в Китай 180 самолетов, 300 пушек, 2120 пулеметов, 300 грузовых автомашин, авиационные моторы и вооружение для самолетов, запасные части, снаряды, патроны и другие военные материалы на общую сумму около 30 млн американских долларов (АВП СССР, ф. 048, оп. 36, п. 367, д. 9, л. 107 — 128). О дальнейшей советской помощи Китаю см. док. 415 и 416, а также прим. 129 и 130.- 1-30, 82.

^{6^} Имеется в виду советско-чехословацкий договор о взаимной помощи от 16 мая 1935 г. Он был аналогичен по своему содержанию советско-французскому Договору (см. прим. 7). Однако в протоколе подписания договора содержалась оговорка о том, что обязательства о взаимной помощи будут действовать лишь при условии, если «помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции» (Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 333—336) 1-36, 49, 81.

^{7^} Имеется в виду советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. В договоре предусматривалось, что если СССР или Франция подвергнутся нападению со стороны какого-либо европейского государства, то они «окажут друг другу немедленно помощь и поддержку» (Документы внешней политики СССР Т. 18. С. 309-312).-1-37, 49, 66, 81, 128, 135, 154, 160, 164, 380, 464; 2-92, 162.

^{8^} В совместном заявлении правительства Великобритании и Франции правительству Чехословакии от 19 сентября 1938 г. содержалось предложение о решении проблемы судетских немцев путем прямой передачи Германии округов, немецкое население которых составляет свыше 50%. Вопрос об установлении границ и возможном обмене населением предлагалось передать специальной комиссии.— 1—40.

^{9^} 2 сентября 1938 г. поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр обратился к советскому наркому иностранных дел М. М. Литвинову с официальным вопросом о том, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии. В телеграмме полпреду СССР в Чехословакии от 2 сентября 1938 г. Литвинов писал: «Я напомнил Пайяру, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей по мощи, в то время как наша помощь обусловлена французской, и что поэтому мы имеем большее право интересоваться помощью Франции. К этому я добавил, что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути» (Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 470) — 1-40.

^{10^} «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 1. S. 600).

6 ноября 1937 г. к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г.— Венгрия, 27 марта 1939 г.— Испания.— 1—43, 85, 125, 146, 176, 202, 207, 210, 228, 234, 357, 397, 409, 441, 452, 516, 524; 2—12, 66, 160, 234, 328.

^{11^} В период франко-прусской войны в сражении при Седане 2 сентября 1870 г. французская армия потерпела крупное поражение. Остатки французской армии во главе с императором Наполеоном III оказались запертыми в Седанской крепости. По приказу Наполеона III был поднят белый флаг. Стотысячная французская армия вместе с императором сдалась в плен. Со времени франко-прусской войны слово «Седан» стало во Франции символом крупного политического или военного поражения.— 1—54, 291, 420.

^{12^} Летом 1938 г. германский посол в Лондоне Г. фон Дирксен имел несколько бесед с американским послом Дж. Кеннеди. В беседе 13 июня 1938 г. Кеннеди заявил, что «Соединенные Штаты должны будут установить дружественные отношения с Германией». Кеннеди, отмечал Дирксен, «неоднократно выражал свое убеждение в том, что в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке и Юго-Востоке. Положение в Советском Союзе он оценивал крайне пессимистично» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 1. S. 580—584). Таким образом, американский посол недвусмысленно давал понять, что США не намерены выступать против германской экспансии на восток, тем более если она будет направлена против СССР.— 1—61.

^{13^} Вайцеккер ответил Дирксену 18 октября и подтвердил ему, что визит Кеннеди желателен и в том случае, если он не будет связан с международной конференцией по пшенице. Несложно было бы и обеспечить прием у Гитлера, писал Вайцеккер, однако было бы лучше сначала обождать разрешения президента Рузвельта (прим. составителей сборника «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1919-1945». Serie D. Bd. IV. S. 559).— 1—63.

^{14^} В связи с захватом Австрии фашистской Германией в марте 1938 г. возник вопрос о погашении германским правительством австрийских внешних долгов Англии, США, Франции и другим странам. 12 апреля 1938 г. английское правительство заявило, что оно полагает, что Германия примет на себя ответственность за всю внешнюю задолженность Австрии. В ответном заявлении от 12 мая 1938 г. германское правительство сообщило Англии, что оно не считает возможным взять на себя обязательства о покрытии внешней задолженности бывшего австрийского правительства.— 1—69.

^{15^} В течение ряда предвоенных лет Германия переживала большие экономические и финансовые трудности, вызванные прежде всего выполнением громадной программы наращивания вооружений. Представители промышленных и финансовых кругов Англии и

Франции были не прочь оказать Германии экономическую помощь, рассчитывая побудить ее тем самым занять менее враждебную позицию в отношении западных держав и поощрить ее к экспансии на восток.

С этой целью по просьбе английского правительства бывший премьер-министр Бельгии П. Ван-Зееланд подготовил доклад о возможностях более тесного экономического и политического сотрудничества между США, Англией, Францией, Германией и Италией. В своем докладе, который был опубликован в январе 1938 г., Ван-Зееланд высказался за расширение международного экономического сотрудничества, снижение таможенных пошлин, отмену всех пошлин и ограничений, касающихся экспорта сырья. Предлагалось создать специальный фонд при Банке международных расчетов для субсидирования закупок сырья странами, бедными сырьем. Это являлось, по существу, маскировкой предложения о предоставлении крупных займов Германии и Италии.

В заключительной части доклада Ван-Зееланд предложил созвать предварительную конференцию ряда держав, «по крайней мере Франции, Англии, США, Германии и Италии», с целью обсуждения предложенного им проекта. Однако политическая обстановка в Европе не благоприятствовала созыву такой конференции. - 1—70, 237; 2—376.

^{16^} В начале 1938 г. английское правительство начало переговоры с Италией, которые закончились подписанием 16 апреля 1938 г. англо-итальянского соглашения.

Соглашение содержало обязательство Англии признать захват Италией Эфиопии. Кроме того, Англия подтвердила право свободного прохода итальянских судов через Суэцкий канал. Италия со своей стороны взяла на себя обязательство о немедленном выводе части итальянских «добровольцев» из Испании, а остальных — после окончания гражданской войны.

Соглашение вступило в силу 16 ноября 1938 г.— 1 — 74, 84, 98.

^{17^} Малая Антанта — политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный после первой мировой войны при содействии Франции. Малая Антанта с самого начала своего существования превратилась в значительной степени в орудие французского влияния в Юго-Восточной Европе.

Договорными актами, явившимися юридическим основанием для создания Малой Антанты, были чехословацко-югославский, чехословацко-румынский и югославо-румынский договоры, заключенные в 1920—1921 гг. Франция заключила в 1924—1927 гг. со странами — членами Малой Антанты военно-политические соглашения.

16 февраля 1933 г., вскоре после установления в Германии фашистской диктатуры, между представителями стран Малой Антанты был подписан так называемый Организационный пакт, который продлевал на неограниченный срок действие всех соглашений, лежавших в основе Малой Антанты.

Германская угроза, с одной стороны, рост международного авторитета СССР и последовательная борьба Советского правительства за мир — с другой, вызвали изменения в ранее резко враждебной позиции стран Малой Антанты по отношению к Советскому Союзу. В целях укрепления своего международного положения страны Малой Антанты подписали совместно с СССР Лондонский протокол 1933 г. об определении агрессии. В 1934 г. были установлены дипломатические отношения между

Советским Союзом и двумя членами Малой Антанты — Румынией и Чехословакией. 16 мая 1935 г., т. е. после подписания советско-французского договора о взаимной помощи, аналогичный договор был подписан между Советским Союзом и Чехословакией (см. прим. 6).

Правительства стран Малой Антанты не проявили, однако, последовательности в своей политике и не пошли на сотрудничество с СССР в целях коллективного отпора германской агрессии. Мюнхенский сговор, санкционировавший расчленение Чехословакии Германией, положил конец существованию Малой Антанты.— 1—75, 222, 242.

^{18^} 14 декабря 1933 г. Советское правительство в связи с агрессивными планами Германии в отношении Прибалтики предложило польскому правительству опубликовать совместную советско-польскую декларацию (Балтийская декларация), в которой указывалось бы, что обе страны заявляют о твердой решимости защищать мир в Восточной Европе и что в случае угрозы Прибалтийским странам они обсудят создавшееся положение. Опубликование такой декларации могло иметь существенное значение в деле сохранения мира в Прибалтике.

19 декабря 1933 г. польское правительство сообщило, что оно в принципе принимает советское предложение. Польское правительство, однако, вело одновременно секретные переговоры с гитлеровской Германией. После того как 26 января 1934 г. была подписана германо-польская декларация о дружбе и ненападении (см. прим. 23), польское правительство заявило правительству СССР, что оно считает вопрос о советско-польской декларации отпавшим.— 1—76.

^{19^} 28 декабря 1933 г. Советское правительство выдвинуло предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия. Впоследствии было решено (по предложению Англии) пригласить к участию в соглашении также и Германию. Заключение этого соглашения (Восточного пакта) могло явиться важнейшей мерой по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Германия выступила, однако, против заключения Восточного пакта (меморандум германского правительства от 8 сентября 1934 г.), не без основания считая, что он будет препятствовать осуществлению ее агрессивных планов. Восточный пакт мог бы быть, правда, заключен и без участия Германии, как это с самого начала и предлагало Советское правительство. Однако Польша заявила 27 сентября 1934 г., что она не может принять участия в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия.— 1—76, 173.

^{20^} «Пакт четырех» был подписан 15 июля 1933 г. в Риме представителями Италии, Англии, Франции и Германии.

Инициатором «пакта четырех» был Муссолини, вручивший в Риме 18 марта 1933 г. английскому премьер-министру Р. Макдональду и министру иностранных дел Дж. Саймону проект договора. Правительство Франции выдвинуло свой контрпроект «пакта четырех», который лег в основу подписанного договора.

Этот договор представлял собой попытку английского и французского правительств разрешить противоречия с Германией и Италией и установить над Европой директорат четырех держав. Этот пакт представлял большую потенциальную опасность для стран

Восточной Европы, в частности для СССР. Он явился в определенной мере прототипом мюнхенской сделки (см. док. 1 и прим. 1).

«Пакт четырех» вызвал серьезное недовольство во многих странах. Он встретил резкую критику и во Франции, в связи с чем не был ратифицирован и в силу не вступил.— 1 — 76, 114.

²¹▲ План «Грюн» — гитлеровский план захвата Чехословакии. Основные положения этого плана были изложены в директиве военного министра фашистской Германии В. Бломберга от 24 июня 1937 г. В декабре 1937 г. после детального обсуждения план «Грюн» был утвержден Гитлером.

После захвата Австрии Гитлер дал указание проводить энергично подготовку к осуществлению плана «Грюн» с учетом изменившегося стратегического положения. 30 мая 1938 г. он утвердил план «Грюн» в измененном виде. Осуществление его должно было начаться не позднее 1 октября 1938 г. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Ser. D. Bd. 2. S. 281-285).

В этом плане предусматривались политические, дипломатические и пропагандистские шаги и мероприятия, а также непосредственные задачи различных родов войск фашистской Германии.

В задачу германской дипломатии входила изоляция Чехословакии на международной арене и привлечение союзников для участия в агрессии против Чехословакии. При этом Гитлер практически исключал вероятность столкновения с Англией и Францией из-за Чехословакии, в связи с чем было предусмотрено оставить на западной границе Германии лишь слабые заслоны. В то же время в плане «Грюн» учитывалась возможность оказания военной помощи Чехословакии со стороны СССР, в частности военно-воздушными силами (ibid. S. 283).

В начале октября 1938 г. фашистской Германии удалось добиться частичного осуществления плана «Грюн», а именно захвата Судетской области Чехословакии, в результате сговора с Англией и Францией в Мюнхене (см. док. № 1 и прим. 1). — 1—78.

²²▲ Правительство Н. Чемберлена, пришедшее к власти в мае 1937 г., стало активно проводить курс на сближение Англии с фашистской Германией. В ноябре 1937 г. влиятельный член английского правительства лорд Галифакс направился в Германию. 19 ноября он имел длительную беседу с Гитлером, в которой, расточая ему дифирамбы, подчеркивал, в частности, особые заслуги Гитлера в превращении Германии в «бастион Запада против большевизма». Излагая позицию английского правительства, Галифакс заявлял о готовности Англии предоставить фашистской Германии «свободу рук в Восточной Европе» (в этой связи Галифакс упомянул Данциг, Австрию и Чехословакию), но при условии, что Германия будет осуществлять перекройку карты Европы «путем мирной эволюции» (Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. М., 1981. Т. 1. С. 35—46).— 1-84.

²³▲ Имеется в виду декларация о дружбе и ненападении между Германией и Польшей, подписанная в Берлине 26 января 1934 г. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Ser. C Bd. 11, Gottingen, 1973. S. 411-412).

Заверения гитлеровцев, что они не имеют в отношении Польши каких-либо агрессивных планов, носили вероломный характер. Вскоре после подписания декларации Гитлер

заявил в кругу своих приближенных: «Все наши соглашения с Польшей имеют только временное значение» (*H. Rauschning* . The Voice of Destruction (Hitler speaks) New York, 1940, p. 119).

27 апреля 1939 г. фашистская Германия аннулировала польско-германскую декларацию о дружбе и ненападении.— 1—85, 168, 206, 420, 451, 524.

²⁴ Правящие круги Польши неоднократно выступали с требованиями о предоставлении Польше колоний. В этом вопросе, как и во многих других, политика польских правящих кругов шла в русле политики фашистской Германии. Польская дипломатия добровольно взяла на себя защиту интересов гитлеровской Германии в Лиге наций, которую Германия демонстративно покинула в 1933 г. С трибуны Лиги наций польские дипломаты оправдывали наглые нарушения Гитлером Версальского и Локарнского договоров: введение в Германии всеобщей воинской повинности, отмену военных ограничений, вступление гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в 1936 г. и др. Польское правительство занимало благоприятную по отношению к агрессивным государствам позицию во всех крупных международных конфликтах в предвоенный период, будь то захват Италией Эфиопии, гражданская война в Испании, нападение Японии на Китай, захват Германией Австрии или расчленение Чехословакии. Польские колониальные требования находили определенную поддержку со стороны фашистской Германии, тем более что они служили дополнительным обоснованием «справедливости» немецких колониальных притязаний.

12 января 1937 г., выступая в бюджетной комиссии сейма, министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил, что для Польши большое значение имеют вопросы эмиграции населения и получения сырья. Ее больше не может удовлетворять прежняя система решения так называемых колониальных вопросов.

Особенно помпезно был отмечен 18 апреля 1938 г. «день колоний», который был превращен в шумную демонстрацию с требованием заморских колоний для Польши. Руководил этой кампанией по поручению правительства генерал Соснковский. Костелы посвящали требованию колоний специальные торжественные службы, а кинотеатры демонстрировали фильмы на колониальные темы (История Польши. М., 1958. Т. 3. С. 430).

10 февраля 1939 г. генерал Соснковский, выступая в Гдыне по случаю спуска на воду новой подводной лодки «Орел», вновь подчеркнул необходимость предоставления Польше колониальных владений.

11 марта 1939 г. высший совет лагеря национального объединения (польская правящая партия) разработал и опубликовал польскую программу по колониальному вопросу; в этой программе было заявлено, что Польша, подобно другим великим европейским державам, должна иметь доступ к колониям.— 1—85, 92.

²⁵ 4 октября 1938 г. премьер-министр Франции Э. Даладье выступил в национальном собрании с речью об итогах мюнхенской конференции. Он пытался оправдать мюнхенский сговор, утверждая, что последний позволил избежать применения силы, дал Чехословакии международные гарантии безопасности и т. д. Даладье призвал улучшать отношения с Германией, «которая является нашим соседом, которая была нашим врагом и с которой мы хотим установить прочный мир». В то же время Даладье ни одним словом не упомянул о советско-французских отношениях, хотя Франция имела с

СССР договор о взаимопомощи (Documents on International Affairs, 1938. London, 1943. Vol. 2. P. 307-314).—1—88.

^{26^} Имеется в виду приезд в Рим вновь назначенного французского посла в Италию А. Франсуа-Понсе, бывшего до этого послом Франции в Германии. Франсуа-Понсе добивался на новом посту сближения между Францией и фашистской Италией путем достижения соглашения по испанскому и другим вопросам. Еще в Мюнхене премьер-министр Франции Даладье в беседах с фашистским диктатором Италии Муссолини выразил готовность признать де-факто фашистский режим Франко в Испании.— 1—89.

^{27^} 18 октября 1938 г. Гитлер принял в Оберзальцберге французского посла А. Франсуа-Понсе с прощальным визитом в связи с назначением его послом в Италию. В ходе беседы обсуждался вопрос улучшения франко-германских отношений. При этом Франсуа-Понсе выдвинул от имени французского правительства ряд предложений, которые могли бы послужить основой соглашения между Германией и Францией, а именно: окончательное признание франко-германской границы, проведение консультаций между двумя странами по сложным внешнеполитическим вопросам, предоставление совместных гарантий Бельгии, запрещение или ограничение бомбардировок в целях «гуманизации» войны, а также заключение соглашения по валютным вопросам (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. D. Bd. 4. S. 385-386).

В ходе дальнейших дипломатических переговоров было достигнуто согласие о подписании 6 декабря 1938 г. франко-германской декларации (см. док. 75).— 1—95.

^{28^} Имеется в виду соглашение, подписанное 7 января 1935 г. Муссолини и министром иностранных дел Франции П. Лавалем, в соответствии с которым Франция уступила Италии часть своих африканских колониальных владений, прилегавших к Ливии и Эритрее, а также остров Думейра и передала Италии 20% акций железной дороги Джибути — Аддис-Абеба (Эфиопия). Был решен вопрос о статусе итальянских переселенцев в Тунисе. Основным смыслом соглашения состоял в том, что Франция предоставляла Италии полную свободу действий в отношении Эфиопии (Абиссинии). Лаваль впоследствии признал, что он фактически «подарил» Муссолини Эфиопию.

Это соглашение сыграло важную роль в подготовке итальянской агрессии против Эфиопии. В то же время оно не разрешило итало-французских противоречий и не предотвратило итало-германского сближения, чего опасалась Франция и ради предотвращения чего она шла на уступки. В декабре 1938 г. Италия денонсировала соглашение 1935 г. и открыто заявила о своих новых «естественных притязаниях».— 1—98. .

^{29^} Роберт М. Лафоллет (младший) — либерально настроенный сенатор, возглавлявший, как и его отец, демократическое движение за создание третьей партии в США. В 1924 г. Лафоллет был выдвинут кандидатом в президенты Соединенных Штатов. Его избирательная программа предусматривала обуздание монополий, национализацию водного и железнодорожного транспорта, а также производства электроэнергии. В ней содержались требования о проведении некоторых реформ, направленных на демократизацию системы государственного управления. В области внешней политики Лафоллет, являясь сторонником изоляционизма, требовал объявления войны вне закона, сокращения вооружений и отмены воинской повинности. Он осуждал внешнюю экспансию американского капитала, в частности план Дауэса. Антимонополистические и демократические лозунги его программы привлекли на сторону Лафоллета часть

фермеров, городской мелкой буржуазии, а также рабочих. Лафоллет, однако, потерпел поражение на выборах (он набрал около 5 млн голосов).

Выступления Лафоллета в духе изоляционизма в предвоенные годы объективно наносили вред делу организации коллективного отпора фашистским агрессорам и сотрудничеству США с СССР.— 1 — 100.

^{30^} Изоляционизм — политическое течение, возникшее в США еще в XVIII в. Изоляционисты выступали против осуществления правительством США активной политики вне пределов американского континента. Возникновение и развитие изоляционизма, политический смысл которого со временем менялся, в значительной степени связан с такими факторами, как географическая обособленность Американского континента, наличие у США обширных рынков внутри страны и на Американском континенте, а также многочисленной прослойки мелкой буржуазии, мало заинтересованной во внешних рынках.

Изоляционизм часто служил политической платформой для различных, по существу, течений — от действительных противников империалистической политики до крайних реакционеров, использовавших лозунги изоляционизма в своих интересах (см. также прим. 29 и 39).— 1 — 100, 104, 150, 179.

^{31^} Американская дипломатия сыграла немаловажную роль в подготовке мюнхенского соглашения. 15 сентября 1938 г. в связи с поездкой Н. Чемберлена в Берхтесгаден для встречи с Гитлером государственный секретарь США К. Хэлл заявил на пресс-конференции: «За сегодняшней исторической встречей премьер-министра Великобритании и канцлера Германии, разумеется, с величайшим интересом следят все народы, глубоко заинтересованные в сохранении мира» (*Hull C. The Memoirs*, New York, 1948. Vol. 1. P. 589).

Американские послы в Англии и Франции (Дж. Кеннеди и У. Буллит) активно поддерживали англо-французскую политику «умиротворения» Германии за счет Чехословакии. Буллит оказывал даже давление на французское правительство, заявляя, что в случае франко-германского конфликта Франция не должна рассчитывать на поддержку со стороны США. Так, он уведомил французское правительство, что в случае войны самолеты, заказанные Францией в мае 1938 г. в Соединенных Штатах, не смогут быть поставлены в силу законов США о нейтралитете (*Bonnet G. Defense de la Paix*. Geneve, 1946. Vol. 1. P. 212).

В критические дни конца сентября 1938 г. Соединенные Штаты Америки активно вмешались в конфликт, с тем чтобы предотвратить войну между западными державами, причем их акции, по существу, ничем не отличались от мер, принимавшихся правительствами Англии и Франции. Обращения правительства США, облеченные в форму внешне благовидных призывов к миру, фактически тоже были проявлением политики «умиротворения» агрессоров, которая сводилась в данном случае к удовлетворению «мирным» путем агрессивных устремлений нацистской Германии в отношении Чехословакии.

26 сентября и дважды 27 сентября 1938 г. президент США Ф. Рузвельт направлял Гитлеру, Б. Муссолини, Н. Чемберлену, Э. Даладьё и Э. Бенешу послания с призывом приложить новые усилия для предотвращения вооруженного столкновения, созвав с этой целью конференцию «непосредственно заинтересованных стран» (*Foreign Relations of the United States*, 1938. Vol. 1. P. 657—658, 677, 685).

Английские мюнхенцы высоко оценили поддержку Соединенными Штатами Америки их политики «умиротворения» агрессора. 29 сентября 1938 г. министр иностранных дел Англии лорд Галифакс выразил американскому послу Кеннеди глубочайшую «благодарность правительства Его Величества за помощь, которую оказал президент своим вмешательством в последние два или три дня» (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 2. P. 625).- 1 — 101.

³² Уэллес в своей речи 3 октября 1938 г. по существу, одобрил мюнхенское соглашение. Упомянув о своем нежелании касаться «достоинств мюнхенских решений», он заявил: «Каждый гражданин Соединенных Штатов разделяет всеобщее чувство облегчения по поводу того, что война предотвращена». «Сегодня,— сказал он,— быть может в большей степени, чем в любое иное время на протяжении последних двух десятилетий, имеется возможность для установления всеми странами нового мирового порядка, основанного на справедливости и законности» (Documents on International Affairs, 1938. London, 1943. Vol. 2. P. 306).— 1 — 102.

³³ 11 ноября 1938 г. нацисты начали в Германии еврейские погромы. Германия стала ареной массовых убийств евреев, уничтожения и разграбления их имущества.- 1-105, 113, 123, 127, 158, 180.

³⁴ «Ось Берлин — Рим» — соглашение, заключенное фашистскими агрессорами — Германией и Италией в Берлине 25 октября 1936 г. По этому соглашению Германия признавала захват Эфиопии Италией; оба государства подтверждали признание ими мятежного правительства Франко в Испании и наметили мероприятия по оказанию ему дальнейшей помощи; Германия и Италия договорились о разграничении сфер экономического проникновения на Балканах и в Придунайских государствах. Образование «оси Берлин — Рим» положило начало официальному оформлению складывавшегося блока фашистских агрессоров. Следующим шагом в этом направлении было подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией «антикоминтерновского пакта» (см. прим. 10).— 1 — 110, 123, 132, 160, 220, 368, 376, 469.

³⁵ Вслед за фашистской Германией хортистская Венгрия предъявила Чехо-Словакии территориальные требования. В октябре 1938 г. начались чехословацко-венгерские переговоры по этому вопросу. Они не привели к соглашению, так как Чехословакия отказывалась удовлетворить требования Венгрии о передаче ей городов Братиславы, Нитры и Кошице. Правительство Венгрии, поддержанное Муссолини, обратилось к Германии, Италии и Польше с просьбой о третейском разбирательстве. Участие Польши было отклонено Германией, и роль арбитра взяли на себя Германия и Италия в лице министров иностранных дел И. Риббентропа и Г. Чиано.

Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в г. Вене (так называемый «первый Венский арбитраж»), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением свыше 1 млн человек.

11 октября 1938 г. чехословацкое правительство под давлением Германии дало разрешение на создание правительства автономной «Закарпатской Украины». Германское правительство выступало тогда за автономию Закарпатской Украины в рамках Чехословакии. Оно не поддержало в то время польско-венгерские планы о присоединении к Венгрии всей Закарпатской Украины и образовании, таким образом, общей польско-венгерской границы, ибо считало, что это могло бы оказаться известной помехой в деле осуществления дальнейших агрессивных планов Германии (см. док. 26).

Предоставление автономии Закарпатской Украине было использовано германской печатью для организации шумной кампании за присоединение к Закарпатской Украине Советской Украины. Французская и английская буржуазная печать также уделяла значительное внимание этим антисоветским планам Гитлера.

В марте 1939 г. венгерское правительство с согласия Гитлера ультимативно потребовало от правительства Чехословакии передать Закарпатскую Украину Венгрии. 14 марта 1939 г. венгерские войска заняли Закарпатскую Украину.— 1-110, 169, 274, 457.

^{36^} Выборы в Бриджуотере, состоявшиеся 17 ноября 1938 г., выявили новые тенденции в английском общественном мнении. В этом округе по преимуществу с деревенским населением, являвшимся старой опорой консервативной партии, совершенно неожиданно для английских консерваторов победу одержал независимый либерал журналист В. Бартлет. Мнение английских политических наблюдателей сводилось к тому, что решающую роль в победе Бартлета сыграло растущее недовольство широких слоев населения Англии мюнхенской политикой правительства Н. Чемберлена.— 1 — 113.

^{37^} Имеется в виду заявление Советского правительства правительству Польши от 23 сентября 1938 г. в связи с сосредоточением польских войск у границ Чехословакии. В заявлении содержалось предупреждение, что в случае если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы без дальнейшего предупреждения пакт о ненападении с Польшей.- 1-118, 165, 173.

^{38^} Имеются в виду франко-английские переговоры, состоявшиеся 24 ноября 1938 г. в Париже. С английской стороны в переговорах участвовали премьер-министр Н. Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс; с французской стороны — премьер-министр Э. Даладье и министр иностранных дел Ж. Бонне. Во время переговоров обсуждался вопрос об англо-французском военном сотрудничестве. Английское правительство стремилось уклониться от принятия на себя каких-либо конкретных обязательств. Были подвергнуты рассмотрению также проблемы европейской политики, и прежде всего испанский вопрос (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 3. P. 285-311).- 1 — 119, 126, 129, 158.

^{39^} 31 августа 1935 г. конгресс Соединенных Штатов Америки принял закон о нейтралитете, который устанавливал, что в случае войны между какими-либо странами запрещалась продажа им военных материалов. Этот закон, изданный за несколько дней до нападения фашистской Италии на Эфиопию (Абиссинию), поставил жертву агрессии в трудное положение, так как Эфиопия лишалась возможности закупать оружие в Соединенных Штатах Америки.

В связи с гражданской войной и иностранной интервенцией в Испании 8 января 1937 г. конгресс принял дополнение к закону о нейтралитете, устанавливавшее, что действие закона распространялось на страны, где шла гражданская война. Этот новый закон ущемлял права законного правительства Испании и был на руку мятежникам и интервентам — Италии и Германии. Франко, комментируя действия США, заявил, что американское «законодательство о нейтралитете, прекращающее экспорт военных материалов обеим сторонам, быстрота, с которой оно было принято и осуществлено, является жестом, который мы, националисты, никогда не забудем» (*Bendiner R*, The Riddle of the State Department. New York, 1942. P. 56).

1 мая 1937 г. конгресс принял новый закон о нейтралитете, который, сохраняя на неопределенное время основные положения предшествующих законов, устанавливал на

два года в отношении закупок иностранными государствами военных материалов в США так называемый принцип «плати и вези». Это положение законодательства США о нейтралитете еще более ущемляло интересы неагрессивных стран, так как они зачастую не располагали ни достаточными наличными финансовыми средствами для немедленной оплаты закупок военных материалов, ни крупным собственным флотом для перевозки купленных материалов. Так, например, летом 1937 г. действие закона о нейтралитете распространилось на Китай, который стал жертвой агрессии со стороны Японии.

Весной 1939 г. по инициативе госдепартамента в конгрессе США был поставлен вопрос о внесении некоторых изменений в законодательство США о нейтралитете, с тем чтобы облегчить продажу в случае войны вооружения Англии и Франции (на условиях «плати и вези»). Комиссия по иностранным делам палаты представителей внесла соответствующий законопроект, но палата представителей 30 июня 1939 г. 200 голосами против 188 отвергла его. 11 июля 1939 г. сенатская комиссия по иностранным делам 12 голосами против 11 даже отказалась внести на обсуждение сената подобный проект.

Рузвельт констатировал на пресс-конференции 7 марта 1939 г., что законодательство США о нейтралитете не содействовало делу мира (The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939. New York, 1941. P. 155). Впоследствии Рузвельт признал, что «эмбарго на экспорт оружия действительно содействовало ускорению возникновения войны в Европе в результате поощрения, которое оно давало агрессивным странам». «Я не могу сказать, — писал он, — что сама отмена этих положений об эмбарго на экспорт оружия остановила бы войну. Однако я твердо верю, что она, по крайней мере, была бы сильным фактором в предотвращении такого быстрого развязывания войны» (ibid. P. XXXVI и XXXI). Эти признания Рузвельта подтверждают, что политика США объективно способствовала развязыванию странами-агрессорами мировой войны. — 1 — 122, 391, 448; 2—86.

⁴⁰ С 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. проходила Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам. В ней участвовали представители США, Англии, Китая, Японии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии и Португалии. На Вашингтонской конференции были подписаны следующие договоры:

1. Договор четырех держав (США, Англии, Японии и Франции) о совместной защите договаривающимися сторонами их «прав» на островные владения и территории в районе Тихого океана.
2. Договор девяти держав (США, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая), формально провозгласивший принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая. Он обязывал придерживаться принципа «равных возможностей» для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая, воздерживаться от использования внутренней обстановки в Китае в целях получения специальных прав и преимуществ, которые могли бы нанести ущерб правам и интересам других государств. Договор девяти держав явился, по существу, соглашением о совместном грабеже Китая империалистическими державами. В основу его была положена политика «открытых дверей», проводившаяся США, которые надеялись, опираясь на свою экономическую мощь, вытеснить своих конкурентов из Китая экономическими средствами.
3. Договор пяти держав (США, Англии, Японии, Франции и Италии), определивший соотношение размеров линейного военного флота США, Англии, Японии, Франции и

Италии (5:5:3:1,75:1,75). Были установлены также пределы для тоннажа линкоров и авианосцев и их вооружения.

Решения Вашингтонской конференции стали одним из краеугольных камней версальско-вашингтонской системы послевоенных международных отношений.— 1-124.

^{41^} Посол США в Японии Дж. Грю допустил неточность в своем сообщении. Советско-польский договор о ненападении 1932 г. был продлен 5 мая 1934 г. на 10 лет. Очевидно, имеется в виду договоренность, достигнутая в результате переговоров между наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и послом Польши в СССР В. Гжибовским, о том, что «основой отношений» между двумя странами «остаются и впредь во всем *своем* объеме все существующие договоры, включая договор о ненападении...» (см. док. 62).— 1 — 125.

^{42^} Имеется в виду поездка Н. Чемберлена и лорда Галифакса в Рим для переговоров с Муссолини, состоявшихся 11 — 14 января 1939 г. Подводя итоги визита Чемберлена в Рим, советский полпред в Италии Б. Е. Штейн писал, что основной концепцией Чемберлена, а также Бонне является направление агрессии «оси Рим — Берлин» на восток. «Для этой цели,— отмечал он,— необходимо сделать уступки на западе, добиться временного удовлетворения притязаний «оси» и таким путем изменить направление ее агрессии. Мне кажется, что основной целью визита Чемберлена и был зондаж Муссолини относительно подобной перспективы» (АВП СССР, ф. 098, оп. 22, п. 146, д. 4, л. 1).— 1 — 126, 137, 143, 158, 164, 179, 182, 183

^{43^} 24 января 1939 г. Ж. Бонне сказал в беседе с германским послом в Париже что он уже заявлял И. Риббентропу «о своей положительной позиции в отношении победы Франко» (см. док. 74) и «намерен в данное время установить дипломатические отношения с Франко». Говоря о франко-итальянских отношениях, Бонне подчеркнул, что «он сделал все, чтобы их улучшить и пойти навстречу высказанным в свое время пожеланиям Муссолини» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 4. S. 428—429).— 1 — 126.

^{44^} Польско-французский союзный договор был подписан 12 февраля 1921 г. в Париже. Он предусматривал, что если бы Франция и Польша или одна из них подверглись неспровоцированному нападению, то оба правительства должны были определить меры совместной защиты своих стран. Договор был заключен для обеспечения незыблемости политического положения в Европе, созданного Версальской системой мирных договоров, в том числе для гарантирования безопасности границ Франции и Польши. Он положил начало серии политических и военных договоров Франции с рядом стран Восточной Европы и тем самым закреплял господствующее положение Франции в Европе. В 20-х годах франко-польский договор являлся также орудием антисоветской политики обоих государств.— 1 — 128, 142, 164, 222, 320, 379.

^{45^} Речь идет о декларации о дружбе и ненападении между Германией и Польшей, подписанной 26 января 1934 г. (см. прим. 23). —1 — 128.

^{46^} 30 ноября 1938 г. в итальянском парламенте начались дебаты по внешне политическим вопросам. Когда министр иностранных дел Г. Чиано в своей речи упомянул о «естественных стремлениях» Италии, группа депутатов-фашистов, а также толпа римских фашистов, собравшихся у здания парламента, начали кричать: «Тунис! Корсика! Савойя!» Французский посол, присутствовавший на заседании, покинул здание парламента. Эти территориальные требования к Франции были немедленно подхвачены и поддержаны

итальянской печатью. В декабре 1938 г. Италия денонсировала соглашение с Францией от 7 января 1935 г. (см. прим. 28). Выдвигавшиеся в Италии требования к Франции отражали агрессивные планы фашистского правительства Муссолини и вели к дальнейшему обострению итало- французских империалистических противоречий. В ответ на территориальные требования Италии премьер-министр Франции Э. Даладье совершил в начале января 1939 г. демонстративную поездку на Корсику и в Тунис. Правительство Франции, подписавшее 6 декабря 1938 г. с Германией декларацию о ненападении (см. док. 75)., считало свою позицию достаточно прочной и не пошло на уступки Италии.- 1-131, 142, 160, 180.

^{47^} В июле 1938 г. английское правительство по договоренности с французским направило в Прагу миссию во главе с председателем тайного королевского совета Великобритании лордом Ренсименом, которая должна была осуществлять «посредничество» между чехословацким правительством и нацистской так называемой судето-немецкой (генлейновской) партией — агентурой Гитлера в Чехословакии. Под давлением Англии и Франции правительство Э. Бенеша согласилось на приезд Ренсимена в Чехословакию.

Деятельность миссии лорда Ренсимена еще больше обострила положение и придавала так называемой «судетской проблеме», являвшейся внутренним делом Чехословакии, международный характер. Лорд Ренсимен открыто вмешивался во внутренние дела Чехословакии, добиваясь удовлетворения требований гитлеровцев чехословацким правительством. Направляя миссию Ренсимена английское правительство намеревалось свалить вину за ее провал на Чехословакию, с тем чтобы получить предлог для отказа от оказания помощи Чехословакии против германской агрессии. «Если бы лорд Ренсимен, — писал английский посол в Берлине Н. Гендерсон, — несмотря на все свои усилия, не достиг соглашения, то стало бы ясным, что вина за этот неуспех легла бы на чехов и что немцы оказались бы правы, утверждая, что из-за неуступчивости чехов успешным будет единственное средство — применение силы» (Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 127).

16 сентября 1938 г. Ренсимен возвратился в Лондон. В своем докладе английскому правительству он, по существу, предлагал отторгнуть Судетскую область от Чехословакии и передать ее Германии (см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 1. С. 192).— 1 — 132.

^{48^} После мюнхенского сговора французское правительство продолжало политику сближения с нацистской Германией. 13 октября 1938 г. французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе в беседе со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцзеккером предпринял зондаж о возможности визита в Париж министра иностранных дел Германии И. Риббентропа. Он предложил рассмотреть в этой связи вопрос о заключении между Германией и Францией пакта о ненападении, соглашения о консультациях, а также соглашения по финансовым вопросам (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 4. S. 382). Правительство фашистской Германии не было заинтересовано в заключении с Францией таких далеко идущих соглашений и решило ограничиться опубликованием декларации. Публикуемая франко-германская декларация явилась политическим соглашением, своего рода пактом о ненападении, перечеркнувшим, по существу, советско-французский договор о взаимной помощи 1935 г. (см. прим. 7). Как писал позднее тогдашний французский посол в Польше Л. Ноэль, Ж. Бонне заявил ему в ноябре 1938 г. о своем намерении «денонсировать целиком и полностью соглашения, заключенные Францией на Востоке. Наряду с франко-польскими соглашениями он подразумевал под этим, безусловно, франко-советский пакт о взаимной помощи» (Les événements survenus en France de 1933 a 1945. Vol. 4. P. 855).

По замыслу правящих кругов Франции, декларация, подписанная в итоге переговоров Бонне с Риббентропом, должна была обеспечить безопасность Франции, предоставив Германии свободу действий в Восточной Европе. «Сам Бонне в циркулярной записке всем послам заявлял,— писал позднее Поль Рейно,— что в результате этих переговоров у него сложилось впечатление, что отныне германская политика будет направлена на борьбу с большевизмом. Рейх дал понять о наличии у него стремления к экспансии в восточном направлении...» (*Reynaud P. La France a sauve l'Europe. Paris, 1947. Vol. 1. P. 575*).

Подписание французским правительством этой декларации явилось поощрением агрессивных планов фашистской Германии, так как этот акт со стороны Франции, как отмечал Ноэль, укрепил у Риббентропа и Гитлера «мнение о том, что более ничего не остановит движения Германии на восток и что Польша в тот день, когда она подвергнется нападению, будет, в свою очередь, покинута Францией, как была покинута Чехословакия» (*Les événements survenus en France de 1933 a 1945. Vol 4. P. 856*).

Дальнейшее развитие событий показало всю близорукость тогдашней политики французского правительства. Франко-германская декларация, как и англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г. (см. прим. 2), не могла истолковываться Советским правительством иначе как полный отказ правящих кругов Англии и Франции от политики коллективной безопасности, коллективного отпора агрессии и как серьезная угроза формирования единого блока ведущих европейских держав на антисоветской основе. Застарелое недоверие Сталина к Англии и Франции усилилось, что, вполне возможно, сказалось и на ходе англо-франко-советских переговоров весной — летом 1939 г.— 1 — 136.

^{49^} 14 декабря 1938 г. Б. Е. Штейну из НКВД СССР была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Заявите МИДу, что ввиду оскорбления, нанесенного консульству, и видимого отсутствия гарантии неповторения подобных выходов в будущем мы решили в такой-то срок ликвидировать консульство в Милане и ожидаем, что в тот же срок будет закрыто консульство в Одессе. Срок установите по соображениям действительно необходимого времени для ликвидации. Известите также МИД, что решено перевести торгпредство в Рим» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 282, д. 1961, л. 144).

В ответной телеграмме от 16 декабря 1938 г. в НКВД СССР Б. Е. Штейн сообщал, что согласно директиве он сделал заявление заместителю министра иностранных дел Италии Бастианини. «Бастианини принял к сведению и обещал сообщить в ближайшие дни, к какому сроку сможет быть закрыто итальянское консульство в Одессе. Одновременно сообщил о предстоящем переводе торгового представительства в Рим» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 282, д. 1960, л. 210).

В результате переговоров генеральные консульства СССР в Милане и Италии в Одессе были закрыты в декабре 1938 г. (Известия. 1938. 26 декабря).— 1 —141.

^{50^} Ж. Бонне после окончания своих переговоров с И. Риббентропом, которые происходили в Париже 6—8 декабря 1938 г., ознакомил с их результатами советского полпреда Я. З. Сурица, о чем полпред в тот же день телеграфировал в НКВД. Сопоставление сообщения Бонне полпреду с германской записью беседы Бонне с Риббентропом (см. док. 74) показывает, что французский министр предпринял попытку дезинформации Советского правительства, являвшегося союзником Франции. Так, он совершенно умолчал о настойчивых заявлениях Риббентропа о том, что Германия рассматривает Восточную Европу как «область своих интересов», против чего Бонне не выдвинул никаких возражений. Бонне, естественно, предпочел также не упоминать и о

том, что Риббентроп хулил советско-французский договор, а он, Бонне, отмежевался от договора, возложив ответственность за его заключение на других, пытался принизить его значение, а также заверял Риббентропа в том, что французское правительство «абсолютно враждебно большевизму». — 1-141.

^{51^} Агрессивные державы — Германия, Италия и Япония, став на путь подготовки к войне за передел мира, считали необходимым превратить «антикоминтерновский пакт» (см. прим. 10) в прямой военный союз трех держав. Особую заинтересованность в этом вопросе стала проявлять с начала 1938 г. Германия, которая вела активную подготовку к захвату Австрии, а затем Чехословакии.

Некоторые факты из истории подготовки тройственного пакта привел в своей телеграмме в Москву от 3 сентября 1938 г. советский военный разведчик в Японии Р. Зорге. Японский военный атташе в Берлине Х. Осима, писал он, сообщил по телеграфу военному министру С. Итагаки, что «Риббентроп, после соответствующего согласования с итальянцами, сделал ему предложение о заключении трехстороннего политического и военного союза в связи с напряженным положением в Европе. Японский генеральный штаб и премьер-министр Коноэ не очень согласны идти на это, опасаясь быть вовлеченными в европейские дела. Они согласны только в том случае, если союз будет направлен против СССР. Тем не менее оба почти склоняются».

Во время мюнхенской конференции И. Риббентроп вручил министру иностранных дел Италии Г. Чиано проект тройственного пакта между Германией, Италией и Японией (*Toscano M. Le Origini del patto d'acciaio. Firenze, 1948. P. 19—20*).

В конце октября 1938 г. Риббентроп посетил Рим для ведения переговоров с Италией о заключении пакта. 2 января 1939 г. Чиано сообщил Риббентропу о согласии Италии подписать пакт (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918— 1945. Ser. D. Bd. 4. S. 476*).

Японское правительство под различными предлогами затягивало, однако, ответ на предложение о заключении тройственного пакта. Эта задержка отражала внутривнутриполитическую борьбу в Японии по вопросу будущего направления японской агрессии. 12 марта 1939 г. Р. Зорге сообщал, что, по мнению германского посла в Японии Э. Отта, «японцы готовы в любой момент подписать пакт, полностью направленный против СССР». В апреле 1939 г. японское правительство известило правительства Германии и Италии о том, что оно согласно подписать пакт, направленный против СССР, но не считает возможным заключать пакт, направленный одновременно также против Англии, Франции и США (*Toscano M. Le Origini de patto d'acciaio. P. 104, 125*).

Такая позиция Японии вызвала недовольство правящих кругов Германии и Италии. Правительства этих стран, стремившиеся к переделу мира, добивались заключения тройственного союза, направленного не только против СССР, но также против Англии, Франции и США. Гитлер и Муссолини отклонили японские предложения об ограниченном действии договора.

Учитывая позицию Японии, Германия и Италия подписали 22 мая 1939 г. двусторонний германо-итальянский договор о военном союзе («Стальной пакт»). — 1—143, 146, 167, 177, 186, 202, 219, 264, 365, 405, 409, 432, 469, 471, 484, 514; 2—54, 66, 187, 234.

^{52^} В итоге бесед, состоявшихся в Москве с 16 декабря по 19 декабря 1938 г. (Известия. 1938. 21 декабря), стороны подписали протокол, согласно которому в основу торговых переговоров должны быть положены принципы: а) расширения товарооборота между

обеими странами с доведением его размеров до 140—160 млн злотых в год; б) наибольшего благоприятствования в отношении таможенных пошлин и других вопросов торговли; в) соответствия ввоза и вывоза товаров из одной страны в другую при помощи клиринга (в размере 70—80 млн злотых ввоза и такого же размера вывоза).

Стороны договорились также, что в результате торговых переговоров, которые состоятся в январе 1939 г., Польша и Советский Союз заключат между собой торговый договор, соглашение о контингентах ввоза и вывоза товаров на 1939 г. и соглашение о клиринге.

Протокол парафирован 20 декабря 1938 г. наркомом внешней торговли СССР А. И. Микояном и директором торгово-политического департамента министерства промышленности и торговли Польши Лыховским (Документы внешней политики СССР. Т. 21. С. 685-686).- 1-144.

^{53^} 14 июля 1937 г. английское правительство внесло в Комитет по невмешательству план, который предусматривал: изменение системы контроля на испанских границах (сохранение контроля на сухопутных границах, но отмену морского патрулирования и введение вместо него системы наблюдателей в испанских портах) ; отвод иностранных войск и добровольцев из Испании; предоставление Франко прав воюющей стороны, после того как Комитет по невмешательству сочтет, что в деле отвода иностранных комбатантов достигнут «существенный прогресс».

Английский план в значительной степени соответствовал интересам фашистских держав. Он существенно ослаблял неуютный Германии и Италии морской контроль, а также ставил на одну доску законное правительство Испании и фашистских мятежников, предусматривая признание мятежников воюющей стороной, что к тому же давало им право устанавливать морскую блокаду республиканской Испании. Представители Германии и Италии в Комитете по невмешательству приветствовали этот план.

Советское правительство добилось внесения в английский план ряда существенных поправок. 5 июля 1938 г. Комитет по невмешательству принял план.— 1-154, 159.

^{54^} Переговоры о предоставлении Германией кредита СССР начались в январе 1938 г., но ввиду неприемлемости для СССР условий, выдвинутых германской стороной, они были прерваны в марте того же года (см.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Прим. 103). В конце 1938 г. встал вопрос о возобновлении переговоров на улучшенных для Советского Союза условиях.

19 декабря 1938 г. при подписании соглашения о продлении на год срока действия советско-германского соглашения о торговом и платежном обороте от 1 марта 1938 г. (см.: Документы внешней политики СССР. Т. 21. Док. 59) германская сторона заявила о готовности возобновить торгово-кредитные переговоры с СССР. Конкретные предложения по этому вопросу были изложены заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии Шнурре 22 декабря 1938 г. заместителю торгпреда СССР в Берлине Скосыреву. Однако переговоры осложнились и были вновь прерваны из-за того, что германская сторона стремилась получить односторонние выгоды. В этой связи статс-секретарь МИД Германии Вайцзеккер писал германскому послу в Риме Макензену 27 июня 1938 г.: «Дойдем ли мы до переговоров с Москвой в экономической области, еще не совсем ясно. И в этом вопросе русские очень медлительны и осторожны» (АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 48, д. 19, л. 11-12).- 1-167.

^{55^} Нотой от 10 декабря 1938 г. германский посол в Лондоне Г. Дирксен известил лорда Галифакса о намерении Германии воспользоваться условиями англо-германского морского соглашения (см. прим. 3) и увеличить тоннаж германского подводного флота до уровня тоннажа подводного флота Англии. Одновременно в ноте указывалось, что германское правительство решило изменить тоннаж и калибр орудий строящихся им тяжелых крейсеров (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 3. P. 422-423).—1 — 180.

Имеется в виду послание президента Ф. Рузвельта конгрессу США от 4 января 1939 г., в котором он писал об усиливавшейся во всем мире гонке вооружений и росте опасности новых актов агрессии. Он указывал, что ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности, «пока какая-либо другая мощная страна отказывается урегулировать свои претензии за столом переговоров». Рузвельт требовал от конгресса увеличения ассигнований на военные расходы США (The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939. P. 2-3).- 1 — 187.

^{57^} Брюссельская конференция проходила с 3 по 24 ноября 1937 г. Она была созвана по инициативе Лиги наций для обсуждения участниками Вашингтонского договора девяти держав (см. прим. 40) и другими заинтересованными государствами вопроса о восстановлении мира на Дальнем Востоке, нарушенного в результате нападения в июле 1937 г. Японии на Китай. В Брюссельской конференции приняло участие 18 государств, в том числе СССР. Япония отказалась послать на конференцию своих представителей. 15 ноября 1937 г. китайская делегация предложила конференции принять решение о применении в соответствии с Уставом Лиги наций экономических санкций против Японии. Советский Союз энергично выступил в поддержку китайского предложения. Англия и США, задававшие тон на конференции, однако, не были намерены применять к Японии каких-либо принудительных мер. Они считали своей задачей не обуздание японских агрессоров, а достижение с ними империалистической сделки, с тем чтобы путем некоторых уступок агрессору (главным образом за счет Китая) в основном сохранять свои экономические позиции в Китае.

В результате позиции попустительства агрессии, занятой западными державами, Брюссельская конференция ограничилась принятием ни к чему не обязывающей резолюции, которая констатировала факт нарушения Японией Вашингтонского договора девяти держав и выражала надежду на то, что в будущем окажется возможным найти способы для восстановления мира на Дальнем Востоке. После этого Брюссельская конференция прервала свою работу до «более благоприятных условий», но больше так и не собиралась.—1 —187.

^{58^} 17 января 1939 г. китайский представитель Веллингтон Ку информировал представителя СССР на сессии Совета Лиги наций Я. З. Сурица о предложениях с которыми китайская делегация намеревалась выступить на предстоявшей сессии. 20 января Веллингтон Ку изложил эти предложения на пленарном заседании Совета. Они предусматривали: введение эмбарго на поставку в Японию самолетов, сырья для военной промышленности и горючего; бойкот японских товаров (в особенности изделий из шелковых и хлопчатобумажных тканей); оказание экономической и финансовой помощи Китаю для развития его юго-западных провинций, а также введение льгот на транспортировку и транзит в Китай военных материалов.

После обсуждения этого вопроса Совет Лиги наций, позицию которого определяли прежде всего правительства Англии и Франции, принял 20 января 1939 г. очередную малозначащую резолюцию, призывавшую «членов Лиги, в особенности непосредственно

заинтересованных в вопросах Дальнего Востока, рассмотреть предложения китайского представителя, изложенные им в докладе членам Совета Лиги от 17 января 1939 г., в целях принятия мер по оказанию помощи Китаю» (Report on the Work of the League, 1938-39. Geneva, 1939. P. 10).—1 — 187, 189

⁵⁹^ Дополнительные сведения по этому вопросу Р. Зорге изложил в своей телеграмме от 23 апреля 1939 г., в которой говорилось: «Отт сообщает, что назначение Коисо [министром коммуникаций Японии] имеет большое значение в том отношении, что для него открывается дорога на пост премьер-министра. Он крепко стоит на позиции мира с Китаем, который считает необходимым заключить до начала войны в Европе. Коисо заявил, что он проектирует заключить мир с Китаем и даже с Чан Кайши... Он упирает на то, что японцы должны укрепиться только в Северном Китае, оставив в большей или меньшей мере Южный и Центральный Китай китайскому правительству, и готовиться к войне против СССР после укрепления позиций Японии в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии» (см.: СССР в борьбе за мир... С. 669).— 1 — 194.

⁶⁰^ 20 октября 1921 г. в Женеве Великобритания, Германия, Дания, Италия, Латвия, Польша, Финляндия, Франция, Швеция и Эстония подписали конвенцию о демилитаризации и нейтралитете Аландских островов. Согласно конвенции, Финляндия обязалась не укреплять Аландских островов, а равно не устраивать там военных баз. Во время войны зона островов должна была рассматриваться как нейтральная, но если бы война распространилась на Балтийское море, то Финляндия получила бы право защиты нейтралитета Аландских островов. Аландская конвенция после утверждения Советом Лиги наций и ратификации всеми ее участниками вошла в силу 6 апреля 1922 г.

Советское правительство неоднократно выражало протест в связи с подготовкой конвенции о статусе Аландских островов без его участия. После заключения конвенции правительство РСФСР направило 13 ноября 1921 г. ноту государствам, подписавшим ее, в которой выражался протест по поводу того, что конвенция была подписана без участия Советской России. Советское правительство в связи с этим заявило, что указанная конвенция является «безусловно несуществующей для России» (Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 495).

В январе 1939 г. правительство Финляндии по согласованию с правительством Швеции направило ноту другим государствам — участникам конвенции 1921 г., в которой поставило вопрос об изменении статей 6 и 7 конвенции таким образом, чтобы правительства Финляндии и Швеции имели право вооружения Аландских островов. 21 января 1939 г. финская нота по этому вопросу была направлена также Советскому Союзу (Аландская конвенция могла быть изменена только с согласия Совета Лиги наций, а СССР являлся членом Совета).

При определении своей позиции по этому вопросу Советское правительство исходило из заинтересованности СССР в том, чтобы Аландские острова не оказались источником военной опасности для СССР.- 1 — 196, 200, 268, 477, 481, 490, 492, 513; 2- 19, 69.

⁶¹^ Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне сделал 26 января 1939 г. в национальном собрании обзорный доклад о внешнеполитическом положении страны. В этом докладе он напомнил «критикам мюнхенского соглашения», что национальное собрание большинством голосов 4 октября 1938 г. выразило доверие правительству. Бонне говорил, что дружба с Англией является краеугольным камнем французской политики. Он восхвалял германо-английскую и германо-французскую декларации (см. док. № 2 и 75), которые он рассматривал как первый этап к плодотворному сотрудничеству с Германией в

будущем. Коснувшись кратко отношений с Советским Союзом, Бонне упомянул, что между двумя странами существует договор о взаимопомощи. При этом он отметил, что Франция остается верной до говорам, заключенным с Советским Союзом и другими государствами Восточной Европы. Бонне вновь подтвердил в своей речи приверженность французского правительства политике «невмешательства» в испанском вопросе.

Недовольство Риббентропа этой речью Бонне было вызвано тем, что ранее французское правительство неоднократно давало понять Берлину, что оно фактически не придает после Мюнхена никакого значения своим договорам с Польшей и СССР, признавая Восточную Европу «сферой влияния» Германии (см. док. 74).— 1 —198, 206, 222, 485.

^{62^} 25 января 1939 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов принял английского посла У. Сидса в связи с предстоящим вручением им верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР. Во время состоявшейся беседы посол отметил, что со стороны друзей СССР в Англии наблюдается тенденция обвинять английское правительство в холодном отношении к Советскому Союзу. Ему поручено сделать все, что в его силах, чтобы рассеять такое впечатление. Английское правительство, сказал посол, хотело бы «знать и благожелательно рассматривать точку зрения Советского правительства по международным проблемам» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third series. Vol. 4. P. 25).

Касаясь заявления Сидса, нарком иностранных дел писал 4 февраля 1939 г. полпреду в Лондоне, что этому заявлению «не следует придавать никакого значения». Это не помешает, конечно, Н. Чемберлену, отмечал нарком, заявлением Сидса «закрыть рот» оппозиции, требующей действительного сотрудничества с СССР. В Лондоне «начинают наконец понимать иллюзорность надежд на восточное направление гитлеровской агрессии. Это и побудило Бонне заявить о действительности франко-советского пакта, а может быть, и Чемберлена заявить публично о желательности контакта с нами, а также принять приглашение на ваш прием. Но «Москва словам не верит» (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 4, д. 34, л. 16).— 1—204.

^{63^} 29 января 1939 г. посольство Англии в Париже направило французскому правительству памятную записку, в которой излагалось содержание телеграммы министра иностранных дел Англии послам Англии во Франции и Бельгии от 28 января 1939 г. (см. док. 127).- 1—207.

^{64^} Речь идет о памятных записках от 7 декабря 1938 г., которыми обменялись правительства Германии и Франции во исполнение договоренности, достигнутой между министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и министром иностранных дел Франции Ж. Бонне в ходе переговоров в Париже в декабре 1938 г. В этих записках предусматривалась разработка практических мер в целях расширения германского экспорта во Францию и французского экспорта в Германию, а также содействия торговле Германии с французскими колониями, сотрудничеству между отдельными экономическими группами обеих стран, расширению туризма между обеими странами и экономическому сотрудничеству Германии и Франции в третьих странах (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 4. S. 416-420).- 1-209, 278.

^{65^} 12 января 1939 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки объявил о решении правительства присоединиться к «антикоминтерновскому пакту» (см. прим. 10). 16—18 января 1939 г. состоялся визит Чаки в Германию (см. док. 113), в результате которого значительно усилилось влияние фашистской Германии на внутреннюю и внешнюю политику Венгрии. Выступая в парламенте 22 февраля 1939 г., премьер-министр Венгрии

граф Телеки заявил, что Венгрия в своей политике опирается прежде всего на державы «оси». Присоединением к «антикоминтерновскому пакту», сказал он, Венгрия желает доказать, что она согласна с целями этих держав.

24 февраля 1939 г. в Будапеште состоялось подписание протокола о присоединении Венгрии к «антикоминтерновскому пакту». — 1—210,

^{66^} 30 января 1939 г. Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой он пытался обосновывать «необходимость» для немцев «жизненного пространства». В частности, он требовал возвращения Германии ее бывших колоний. Говоря о политике в отношении союзников Германии, он заявил, что любая война, по каким бы причинам она ни возникла, поставит Германию на стороне фашистской Италии. Это была политическая поддержка Гитлером агрессивных устремлений Италии. — 1-212, 214.

^{67^} 24 января 1939 г. министр иностранных дел Англии лорд Галифакс в конфиденциальном порядке информировал президента США о том, что Гитлер «рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке». Указав на то, что имеет место ухудшение германо-голландских отношений, Галифакс писал, что оккупация Германией Голландии и побережья дала бы Гитлеру возможность парализовать Францию и диктовать Англии свои условия (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 4).

В телеграмме английскому послу в Вашингтоне от 28 января 1939 г. Галифакс изложил содержание обращения английского правительства к правительствам Франции и Бельгии по этому вопросу (см. док. 127). Он подчеркивал, что «стратегическое значение Голландии и ее колоний настолько велико, что германское нападение на Голландию, по мнению правительства Его Величества, должно рассматриваться как прямая угроза безопасности западных держав» (Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 40). — 1-216.

^{68^} Румынский король Кароль II в конце ноября 1938 г., возвращаясь из поездки в Англию и Францию, неофициально посетил Германию. 24 ноября он имел тайную встречу с Гитлером. Румынский король, указав на существование «хороших отношений с германским рейхом», заявил, что Румыния желает «сохранить и углубить» эти отношения, в частности развивать торговые и экономические связи с Германией. В ходе беседы король неоднократно подчеркивал антисоветский характер внешней политики Румынии (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. D. Bd. 5. S. 283).

26 ноября 1938 г. румынский король имел в Лейпциге встречу с Г. Герингом. Касаясь вопросов европейской политики, король заявил, что польско-румынский союз (см. прим. 95) «направлен исключительно против Востока». Он выразил готовность «поддержать планомерное сотрудничество по развитию экономических отношений» между Румынией и Германией и высказался за разработку долгосрочного плана (на пять — десять лет) товарооборота между обеими странами (ibid. S. 288-289).

Визит Кароля II в Германию показал, что румынские правящие круги после Мюнхена стали на путь все большего подчинения экономики и в значительной степени и политики своей страны интересам фашистского рейха.

В связи с подавлением в Румынии в конце ноября 1938 г. попытки мятежа прогитлеровской «Железной гвардии» и последовавшим за этим временным ухудшением германо-румынских отношений переговоры по экономическим вопросам между двумя

странами начались только в феврале 1939 г. С германской стороны эти переговоры было поручено вести Г. Вольтату, чиновнику по особым поручениям в возглавлявшемся Герингом ведомстве по осуществлению четырехлетнего плана. Переговоры завершились подписанием 23 марта 1939 г. договора «об укреплении экономических связей между Румынией и Германией» (см. прим. 90). —1—229, 239.

⁶⁹ Полпред 14 февраля сообщал в телеграмме, что главный экономический советник правительства Великобритании Лейт-Росс в беседе с ним 14 февраля 1939 г. об англо-советских экономических отношениях отметил, что в условиях усложняющейся и опасной международной обстановки важно было бы поставить эти отношения на более прочную и широкую основу. Лейт-Росс считал нежелательным денонсирование торгового договора и надеялся на урегулирование спорных вопросов в порядке дружеских переговоров (АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 46, д. 11, л. 53-54).— 1—233.

⁷⁰ 10 февраля 1939 г. Япония захватила китайский остров Хайнань, что ухудшило положение Китая и явилось серьезным ударом по позициям Англии, Франции и США на Дальнем Востоке. Однако правительства этих стран ограничились демаршами, смысл которых сводился всего лишь к тому, что они запрашивали объяснения японского правительства.

Так, 17 февраля 1939 г. американский посол в Токио Дж. Грю в соответствии с инструкциями государственного департамента посетил министерство иностранных дел Японии и сделал устное заявление о том, что правительство США «было бы радо получить информацию относительно намерений японского правительства в связи с оккупацией острова Хайнань».

Министр иностранных дел Японии Х. Арита, отвечая Грю, заявил, что «цель оккупации острова Хайнань состоит в усилении блокады побережья Южного Китая и ускорении подавления режима Чан Кайши». Арита повторил прежние заявления японского правительства, что Япония не имеет территориальных целей в Китае, и добавил, что оккупация «не выйдет за пределы военной необходимости» (Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan, 1931 —1941. Vol. 1. P. 831).

Указанные «демарши» США, Англии и Франции явились для Японии лишь новыми доказательствами того, что она может безнаказанно продолжать свою агрессивную политику. Такая позиция западных держав являлась наглядным примером политики попустительства агрессии, проводившейся ими на Дальнем Востоке.- 1-234; 2-122.

⁷¹ В письме от 18 февраля 1939 г. Дирксен анализировал возможности германо-английского сотрудничества для создания новых рынков сбыта. Подобное сотрудничество должно было бы функционировать таким образом, писал он, что Англия должна была бы обеспечивать необходимый капитал, в то время как «Германия взяла бы на себя обязательство в течение длительного времени принимать продукцию этих рынков» (Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. Т. 2. С. 350).—1—237.

⁷² Во второй половине октября 1938 г., вскоре же после подписания мюнхенского соглашения, представители английских правящих кругов начали осуществлять зондаж относительно возможности соглашения с Германией по экономическим вопросам, считая это важнейшим шагом к установлению политического сотрудничества между обеими странами. 17—18 октября 1938 г. германская экономическая делегация во главе с Рютером, находившаяся в Лондоне, вела по инициативе англичан секретные

неофициальные переговоры в министерстве экономики Англии с целью изучения возможности увеличения немецкого экспорта в английские колонии. Во время беседы 18 октября 1938 г. главный экономический советник английского правительства Ф. Лейт-Росс выдвинул предложение о более широком сотрудничестве между четырьмя европейскими странами (Англия, Германия,

Франция, Италия) на основе плана П. Ван-Зееланда (см. прим. 15) (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945. Ser. D. Bd. 4. S. 273-275*).

В беседе с представителем Рейхсбанка Винке 6 ноября 1938 г. заведующий экономическим отделом Форин офиса Ф. Эштон-Гуэткин предложил рассмотреть возможность предоставления Германии крупных кредитов, а также заключить между германской и английской промышленностью соглашение о ценах и рынках, в частности соглашение об угле (*ibid.* S. 280—281).

В середине декабря 1938 г. президент Рейхсбанка Я. Шахт нанес визит управляющему Английским банком М. Норману. В своих беседах с министром торговли О. Стэнли, Лейт-Россом и другими представителями английской экономики Шахт выяснил, что его партнеры готовы пойти на экономические переговоры с Германией о расширении торговли, восстановлении свободы валютного обращения и т. д. (*ibid.* S. 303-304).

Одновременно в Лондоне начались переговоры между «Рейнско-Вестфальским угольным синдикатом» и «Угольной ассоциацией Великобритании». Они привели к подписанию 28 января 1939 г. соглашения о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран (*ibid.* S. 343—344). Министр иностранных дел Англии лорд Галифакс, выступая 3 февраля 1939 г. в Гулле, приветствовал создание этого межгосударственного угольного картеля как «практический вклад в сотрудничество обеих стран и как обнадеживающий признак на будущее (*Speeches on Foreign Policy by Viscount Halifax. London, 1940. P. 223*). Чемберлен со своей стороны отметил в своей речи 22 февраля 1939 г., что сближение между Англией и Германией в области торговли «окажется лучшим и быстреешим путем для достижения взаимопонимания между обеими странами».

15—16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе состоялась конференция представителей «Федерации британской промышленности» и «Союза германской промышленности». Во время этой встречи промышленников двух стран было заключено соглашение, которое, по существу, представляло собой картельный договор о разделе мировых рынков между английскими и германскими монополиями (см. док. 186).

21 февраля 1939 г. в английской печати появилось сообщение о предстоящей поездке в Берлин министра торговли Англии О. Стэнли и министра внешней торговли Р. Хадсона. Однако захват гитлеровцами Чехословакии, вызвавший возмущение английской общественности, вынудил правительство Англии временно отказаться от переговоров с гитлеровской Германией. 15 марта 1939 г. Галифакс

Таким образом, не оправдалась надежда английских правящих кругов посредством экономического сотрудничества, в том числе заключения картельных соглашений, предоставления кредитов и т. д., достичь политического сговора с фашистскими агрессорами.

Летом 1939 г. правящие круги Англии предприняли новые попытки договориться с нацистской Германией.— 1—246, 276, 306.

^{73^} Переговоры по экономическим вопросам начались 4 марта 1939 г. в Москве. (В 1927 г. товарооборот между СССР и Финляндией составил 528 млн финских марок, в 1937 г. — 190 млн., в 1938 г. — 152,5 млн). В ответ на предложение финнов об импорте Советским Союзом из Финляндии в 1939 г. товаров на сумму 450 млн финских марок (8893 тыс. ам. дол.) советская сторона согласилась закупить товаров общей стоимостью в 320 млн марок. К приезду финской делегации в Москве были разработаны проект торгового договора и протокол к нему, предусматривавшие, в частности, предоставление обеими сторонами друг другу «безусловного и неограниченного режима наиболее благоприятствуемой нации в таможенном отношении».

Однако финская делегация, активно выступая за расширение финского экспорта в СССР (сельскохозяйственного сырья, продукции пищевой, бумажно-Целлюлозной, кожевенной; текстильной, металлургической и машиностроительной отраслей промышленности), одновременно упорно отказывалась увеличить импорт Финляндией советских товаров. Кроме того, импортируемые Финляндией советские товары облагались повышенными таможенными пошлинами, в четыре раза превышавшими нормальные. Переговоры продолжались до 23 марта 1939 г. и закончились безрезультатно. Финское правительство отозвало свою торговую делегацию из СССР (АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 48, д. 19, л. 61).-1-250; 2-144.

^{74^} Обсуждение вопроса о совместных военных действиях Германии и Эстонии против Советского Союза в случае советско-германской войны началось еще в 1938 г. Германский посланник в Эстонии Фровайн, сообщая в Берлин 5 июля 1938 г. о своей беседе с начальником штаба эстонской армии Рэком, писал, что для Эстонии было бы очень важно, чтобы в случае войны Германия осуществляла контроль над Балтийским морем. «Генерал Рэк признал это,— писал Фровайн,— и заявил далее, что Эстония также может оказать содействие в этом деле. Например, Финский залив мог бы быть очень легко заминирован против советских военных кораблей, не привлекая никакого внимания. Имеются также и другие возможности» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 5. S. 384).— 1—251.

^{75^} В ноябре 1938 г. японское правительство обратилось к Советскому правительству с предложением начать переговоры о пересмотре советско-японской рыболовной конвенции 1928 г. и заключении новой конвенции на основе японского проекта 1936 г., ухудшавшего для СССР условия существовавшей рыболовной конвенции. При этом японское правительство обосновывало свои требования ссылками на Портсмутский договор, навязанный Японией в 1905 г. царской России.

28 ноября 1938 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов передал японскому послу в Москве официальный ответ Советского правительства на предложение Японии о заключении новой рыболовной конвенции. В нем указывалось, что из статьи XI Портсмутского договора для СССР не вытекает каких-либо обязательств ни в отношении количества предоставляемых японским подданным рыболовных участков, ни в отношении условий сдачи в аренду этих участков и что и то и другое может быть предметом лишь полюбовного соглашения между сторонами. В то же время нарком обратил внимание на нарушения Японией Портсмутского договора, выразившиеся в том, что Япония оккупировала Северо-Восточный Китай, держит там огромную армию, приступила к строительству укреплений на Сахалине и стала чинить препятствия для советских судов в проливе Лаперуза. «Мы не можем,— сказал М. М. Литвинов,— считать терпимым такое положение, при котором японское правительство, нарушая свои собственные обязательства в отношении СССР, настаивало бы на выполнении Советским правительством своих обязательств и тем более на удовлетворении требований Японии,

выходящих за пределы этих обязательств» (АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 138, д. 6, л. 221). В заключение он заявил, что Советское правительство согласно приступить к переговорам о новой рыболовной конвенции лишь после того, как японское правительство выполнит свое обязательство о гарантировании платежей за КВЖД. До тех пор Советское правительство соглашалось только на заключение временного рыболовного соглашения сроком на один год. Одновременно СССР заявил о решении изъять по стратегическим соображениям около 40 рыболовных участков, ранее предоставлявшихся японцам для эксплуатации.

13 декабря 1938 г. *обе* стороны приступили к обсуждению условий временного соглашения. Во время переговоров японская буржуазная печать начала кампанию против Советского Союза, обвиняя его в «нарушении прав» Японии. Стали раздаваться неприкрытые угрозы против СССР. В феврале — марте 1939 г. обстановка вокруг переговоров о заключении рыболовного соглашения достигла наивысшего напряжения. 14 февраля 1939 г. нижняя палата японского парламента приняла решение, обязывавшее правительство принять меры по охране интересов Японии. Японские дипломаты не скрывали возможности военного конфликта между СССР и Японией и зондировали позицию своих возможных союзников.

Советское правительство решительно отвергло японские домогательства, заявив, что СССР будет рассматривать попытку «свободного лова» рыбы в советских водах как нападение на Советский Союз всеми вытекающими отсюда последствиями (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 33). Твердая и решительная позиция Советского Союза заставила японские правящие круги отказаться от угроз и пойти на подписание 2 апреля 1939 г. протокола о продлении рыболовной конвенции на один год на условиях, предложенных Советским правительством. —1 — 264, 410.

^{76^} Так называемая годесбергская программа была предъявлена Гитлером Чемберлену 22 сентября 1938 г. в Бад-Годесберге. Она представляла собой ультимативные требования Гитлера относительно немедленной передачи фашистской Германии ряда населенных немцами районов Чехословакии без предварительного проведения плебисцита и предоставления международных гарантий Чехословакии (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 2. S. 724-726).

Эти требования Гитлера были настолько неприкрытым посягательством на самое существование Чехословакии, что Чемберлен не смог получить согласия со стороны чехословацкого и французского правительств на их удовлетворение.

Поэтому при выработке текста мюнхенского соглашения англичане и французы постарались придать захвату гитлеровской Германией Судетской области видимость соблюдения законности. Так, в отличие от годесбергской программы в мюнхенском соглашении были на несколько дней оттянуты сроки оккупации, предусмотрено создание четырехсторонней комиссии для установления окончательной линии границы, в том числе для наблюдения за плебисцитом, который должен был проводиться в некоторых оккупированных районах для определения их судьбы. Мюнхенское соглашение предусматривало также предоставление Чехословакии в будущем гарантий четырех держав.

Как показали последующие события, Гитлер не намеревался, однако, выполнять эти условия мюнхенского соглашения, ограничивавшие в какой-то степени его годесбергскую программу, а правительства Англии и Франции продолжали свою политику попустительства агрессии. Поэтому четырехсторонняя комиссия в Берлине не смогла

выполнить возложенные на нее задачи, и в конце 1938 г. она была ликвидирована. Чехословакия так и не получила международных гарантий своих новых границ.— 1—264; 2—42.

^{77^} Воспользовавшись поездкой румынского короля Кароля II за границу осенью 1938 г., прогитлеровская организация «Железная гвардия» предприняла попытку поднять мятеж. По возвращении в Бухарест король произвел аресты главарей «Железной гвардии». 30 ноября румынские газеты сообщили о том, что главарь «Железной гвардии» Кодряну и 13 его сообщников убиты «при попытке к бегству».

Ликвидацией Кодряну и его сообщников королевская диктатура стремилась укрепить свое положение, избавившись от опасного конкурента, стремившегося захватить власть. Расправа над «Железной гвардией» вызвала резкую реакцию германской прессы и официальных лиц. Германская печать развернула кампанию против румынского короля. Г. Геринг заявил, что убийство М. Кодряну похоронило возможность политического соглашения с Румынией. Германский посланник был отозван из Бухареста.

Гитлеровцы воспользовались обострением отношений с Румынией, чтобы добиться от нее более выгодного торгового договора на 1939 г. 10 декабря 1938 г. этот договор был подписан. Снова началось улучшение германо-румынских отношений. Заместитель заведующего отделом экономической политики германского МИД Клодиус писал 13 декабря 1938 г., что «возникшее после убийства Кодряну напряжение в политических отношениях между Германией и Румынией скорее помогло, чем помешало, торговым переговорам, потому что румынское правительство, очевидно, очень не хотело иметь теперь и в экономической области разногласия с Германией» (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 5. S. 296*).— 1-266.

^{78^} Встреча состоялась 15 марта 1939 г. Как сообщил Эркко Б. Е. Штейну, заседание кабинета министров Финляндии пришло к заключению, что советское предложение неприемлемо. Штейн подчеркнул в беседе, что «финское правительство, давая этот ответ, закрывает дверь для дружеских переговоров и это, несомненно, отразится на всем комплексе отношений». В ходе последующих бесед Штейна с Эркко, министром финансов Таннером и другими финскими официальными лицами негативная позиция финляндского правительства по вопросу об аренде Советским Союзом нескольких островов, а также по аландской проблеме не претерпела каких-либо изменений (*АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 183, л. 73—76*).— 1-270.

^{79^} Президент Чехословацкой Республики Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский были вызваны в Берлин, где в ночь на 15 марта 1939 г. их заставили подписать документ о ликвидации независимости Чехословакии.

В этот же день, 15 марта, германские войска вторглись в Чехословакию. Чехия была превращена в провинцию германского рейха — «протекторат Богемия и Моравия». Словакия провозгласила свою «независимость» и стала зависимым от Германии марионеточным государством.— 1—281, 289.

^{80^} Балканская Антанта — группировка государств в составе Греции, Румынии, Турции и Югославии, образовавшаяся 9 февраля 1934 г.— 1—292, 311, 368, 397; 2-9.

^{81^} 17 марта 1939 г. полпред СССР в Лондоне И. М. Майский имел беседу с главным дипломатическим советником министра иностранных дел Англии Р. Ванситтартом, являвшимся сторонником сотрудничества Англии с СССР в целях отпора германской

агрессии. Признав, что «внешняя политика премьера потерпела полный крах», Ванситтарт утверждал, что аннексия Чехословакии нанесла по ней «окончательный удар» и поэтому «политика умиротворения мертва и возврата к ней не может быть».

Ванситтарт далее стал рассматривать вопрос о возможном направлении будущей германской агрессии. «Мемель и Данциг [находятся], видимо, под непосредственным ударом, но это сейчас уже мелочь. Он, Ванситтарт, считает весьма вероятным, что ближайшим крупным объектом [агрессивных действий] Гитлера явится Румыния. Каковы бы, однако, ни были непосредственные планы Гитлера, несомненно одно: остановить экспансию Германии можно только путем быстрого создания блока из Англии, Франции и СССР с включением всех других угрожаемых государств [таких], как Польша, Румыния, Скандинавия и так далее». «Беда 1938 года состояла в том,— сказал он,— что Гитлер сыпал удары на Европу разрозненную, неподготовленную. Если в 1939 году мы хотим противостоять германской агрессии, Европа должна быть объединенной и подготовленной. Первым шагом для этого должно быть сближение между Лондоном, Парижем и Москвой, выработка общих планов действий заранее, а не в момент кризиса». Как показали дальнейшие события, эти высказывания Ванситтарта отражали, однако, его личные взгляды, а не позицию английского правительства.

Отвечая Ванситтарту, полпред отметил, что ему вполне понятен ход мыслей Ванситтарта, однако, как Ванситтарту должно быть хорошо известно, «именно Лондон и Париж систематически саботировали всякий коллективный отпор агрессорам». Ванситтарт вполне согласился с этим заявлением (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2075, л. 180-184).— 1—293.

^{82^} Оценивая внешнеполитический курс английского правительства, народный комиссар иностранных дел писал 20 марта 1939 г., что чехословацкие события, ультиматум Румынии, нарушение Германией мюнхенского соглашения сильно взбудоражили общественное мнение Англии и что эти факты широко используются лейбористской, либеральной и частью консервативной партии, не одобрявшими и раньше политики Чемберлена и предлагавшими сотрудничество с СССР. «Это еще не значит, что Чемберлен и его окружение и наиболее твердолобая часть консервативной партии прониклись уже убеждением в необходимости радикального изменения курса внешней политики.

Аннексия Чехословакии, наступление на Венгрию, Румынию и другие страны Юго-Востока полностью, укладываются в ту концепцию направления гитлеровской экспансии на восток, на которой базировалось мюнхенское соглашение. Чемберлен, однако,, не может говорить об этом открыто и должен в некоторой мере пойти навстречу общественному мнению, К тому же заигрывание с нами может помочь Чемберлену в дальнейших переговорах с Германией, делая последнюю более уступчивой».

«Надо полагать,— отмечалось в письме,— что всеми этими соображениями руководствовался Чемберлен, решившись посетить наше полпредство и послать к нам Хадсона. И то и другое ни к чему не обязывает, но зато в некоторой мере зажимает рот оппозиции» (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, и. 2, д. И, л. 154—155). —1—306.

^{83^} Имеются в виду обязательства Польши по польско-румынскому союзному договору 1921 г. (см. прим. 95).— 1—308.

^{84^} Полпред информировал министра иностранных дел Турции о предложении Советского правительства созвать в Бухаресте международное совещание для обсуждения мер в связи с германской опасностью, нависшей над Румынией (см. док. № 198, 200).- 1-311.

^{85^} Имеется в виду агрессия фашистской Италии против Эфиопии (Абиссинии) в 1935 г. После начала открытого вторжения итальянских войск в Эфиопию Совет Лиги наций 7 октября 1935 г. признал Италию агрессором и принял решение о применении к ней финансовых и экономических санкций.

Однако вопреки официально провозглашаемой политике осуждения агрессора правительства Англии и Франции стремились прийти к соглашению с Италией и разрабатывали различные планы «умиротворения» агрессора. Одним из таких планов было соглашение, заключенное 9 декабря 1935 г. премьер-министром Франции П. Лавалем и министром иностранных дел Англии С. Хором. Соглашение Лавала—Хора предусматривало уступку Италии значительной части эфиопской территории, допуск в эфиопские учреждения итальянских «советников» и предоставление Италии исключительных экономических льгот в Эфиопии. Заговор англофранцузской дипломатии против эфиопского народа в скором времени был раскрыт и вызвал глубокое возмущение в Англии, Франции и других странах. Хор был вынужден подать в отставку.

Италия, поощряемая политикой попустительства агрессии, проводившейся Англией и Францией, захватила всю территорию Эфиопии. Лига наций постановила 4 июля 1936 г. отказаться от дальнейшего применения санкций. Между тем участие Турции в санкциях привело к обострению ее отношений с Италией.

По англо-итальянскому соглашению от 16 апреля 1938 г. правительство Англии признало итальянский суверенитет над Эфиопией (см. прим. 16). 16 ноября 1938 г., в день вступления в силу этого соглашения, английский посол в Риме лорд Перт представил министру иностранных дел Г. Чиано новые верительные грамоты на имя «короля Италии и императора Эфиопии». В ноябре 1938 г. Франция также признала суверенитет Италии над Эфиопией.—1—312.

^{86^} 12 февраля 1939 г. министр иностранных дел франкистов генерал Хордана заверил германского посла в полной готовности фашистского правительства Испании присоединиться к «антикоминтерновскому пакту» (см. прим. 10). Хордана, однако, просил, чтобы Франко не торопили с формальной стороной дела, так как это могло бы затруднить признание мятежников со стороны Англии и Франции (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 3. S. 714*).

27 февраля 1939 г. правительства Англии и Франции официально признали франкистский режим в Испании. Вслед за ними 1 апреля 1939 г. правительство США также официально признало Франко.

27 марта 1939 г. был подписан протокол о присоединении франкистской Испании к «антикоминтерновскому пакту».

28 марта 1939 г. войска Франко заняли Мадрид. Первыми в испанскую столицу вступили итальянские интервенционистские войска.— 1—317.

^{87^} В своей записке от 20 марта 1939 г. М. М. Литвинов предлагал сделать Хад сону следующее заявление:

«Мы еще пять лет тому назад осознали опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. Мы не имели никаких оснований опасаться обращения этой агрессии в первую очередь против нас, а, наоборот, были уверены, что она будет направлена раньше всего против творцов Версальского и Сен-Жерменского актов и государств, возникших и расширившихся на основе этих пактов. Мы считали, однако, фашистскую агрессию общей опасностью, для борьбы с которой необходимы общие усилия и сотрудничество всех неагрессивных стран. С этой целью мы вступили в Лигу наций, видя в ней аппарат такого международного сотрудничества и коллективной организации безопасности. В течение пяти лет мы не переставали делать разные предложения по укреплению Лиги и приданию ей действенной силы. Мы предлагали систему региональных пактов, региональные совещания, применение к агрессорам предусмотренных Уставом Лиги санкций и готовы были участвовать и участвовали в таких санкциях независимо от того, задевались ли наши интересы отдельными случаями агрессии. После аннексии Австрии нам стало ясно, что Германия скоро бросится на другие среднеевропейские государства, и мы поэтому предложили тогда немедленное совещание заинтересованных государств. В разгар судетского конфликта мы предлагали Франции и Чехословакии совещание генеральных штабов и совершенно недвусмысленно заявляли о своей готовности выполнить наши обязательства в отношении Чехословакии на предусмотренных договором условиях, т. е. при оказании помощи Чехословакии также и Францией.

Все эти наши предложения игнорировались Англией и Францией, которые, отвергая принципы Лиги, вступили на путь индивидуальных разрешений отдельных проблем не путем сопротивления агрессии, а капитуляцией перед ней. Несмотря на ясно наметившийся блок Германии, Италии и Японии, Англия и Франция отклоняли какие бы то ни было совещания миролюбивых стран под предлогом, что это может быть истолковано агрессивными странами как блок против них. Такая политика Англии и Франции завершилась мюнхенской капитуляцией, которая создала нынешнее положение в Европе, которое, по-видимому, не нравится и Англии.

Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами. Он мыслит себе это сотрудничество только по пути действительного общего сопротивления агрессорам. Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества. Должно быть признано, что агрессия, как таковая, происходит ли она в Европе, Азии или на другом континенте, требует общих мер борьбы с нею. Исходя из факта существования агрессивного блока, не следует отрицать необходимость совещаний и конференций и соглашений антиагрессивных государств. Конъюнктурные, необязательные и необязывающие совещания, от случая к случаю, могущие лишь служить средством в дипломатической игре того или иного государства и порождающие лишь недоверие, нами отвергаются. Мы мыслим себе сотрудничество как в рамках Лиги, так и вне ее, если в Лиге окажутся государства, мешающие борьбе с агрессорами, или же, если это будет диктоваться необходимостью привлечения США, не состоящих в Лиге. Ввиду безрезультатности наших прежних многочисленных предложений мы новых предложений сейчас выдвигать не намерены и ждем инициативы со стороны тех, которые должны показать чем-нибудь, что они становятся действительно на путь коллективной безопасности. В частности, мы всегда готовы были и теперь готовы к сотрудничеству с Великобританией. Мы готовы рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах». (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 2, д. И, л. 156-158; СССР в борьбе за мир... С. 271-272).- 1-318.

^{88^} 22 марта 1939 г. гитлеровцы навязали правительству Литвы договор о передаче Клайпеды Германии. Согласно статье 4 договора, обе стороны обязались не применять силу друг против друга (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918-1945. Ser. D. Bd. 5. S. 440-441*).— 1—319.

^{89^} 8 мая 1924 г. представители Франции, Великобритании, Италии и Японии подписали в Париже Клайпедскую (Мемельскую) конвенцию, разработанную комиссией Совета Лиги наций, согласно которой Клайпедская область признавалась составной частью Литвы. В марте 1939 г. фашистская Германия оккупировала Клайпеду. Правительства Англии и Франции молчаливо согласились с этим актом агрессии, не заявив даже протеста Германии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи.— 1—319.

^{90^} Договор о развитии экономических отношений между Германией и Румынией, подписанный в Бухаресте 23 марта 1939 г., фактически поставил румынскую экономику под контроль Германии. Х. Вольфат, подписавший этот договор от имени Германии, отмечал в докладе Г. Герингу, что в результате заключения договора «все страны Юго-Восточной Европы увидят, кто обладает поистине господствующей, опирающейся на экономические факторы, позицией на Дунае» (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 135*).— 1 — 321, 325, 345, 434.

^{91^} 21—22 марта 1939 г. в Лондоне состоялись переговоры между Ж. Бонне, с одной стороны, и Н. Чемберленом и лордом Галифаксом — с другой. Переговоры происходили в связи с захватом Германией Чехословакии и угрозой германской агрессии в отношении Румынии и Польши (*Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 423-427, 457-463*).— 1-334.

^{92^} 27 марта 1939 г. М. М. Литвинов писал полпреду в Лондоне: «Сообщение ТАСС, согласованное с Хадсоном, дает в сжатом виде ясную картину разговоров с ним. Составленный им проект еще холоднее, касался лишь торговых переговоров, а о политических умалчивал» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 301, д. 2079, л. 93).

Английское правительство занимало двусмысленную позицию в отношении политических переговоров с СССР, что нашло свое отражение в истории с опубликованием сообщения ТАСС (см. док. 233). Перед лицом новых агрессивных актов со стороны Германии и Италии в этот период оно стремилось главным образом создать впечатление, что между Англией и Советским Союзом установлены контакты и ведутся переговоры. В телеграмме английского посла в Москве У. Сидса лорду Галифаксу от 28 марта 1939 г. указывалось, что сообщение ТАСС «отражает картину, которую я хотел бы сам видеть в англо-советских отношениях, а именно дружественность и контакты, но никаких обязательств» (*Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 4. P. 524*).— 1-339, 346.

^{93^} Договор о воспреещении войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана —Келлога) был подписан 27 августа 1928 г. представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Польши и ряда других государств. 6 сентября 1928 г. к пакту присоединился Советский Союз.

Поскольку ратификация договора, а тем самым и его вступление в силу затягивались, СССР предложил Польше, Литве, Финляндии, Эстонии, Латвии и Румынии подписать протокол о досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога между участниками этого протокола, не дожидаясь общей ратификации пакта. 9 февраля 1929 г. в Москве между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией был подписан протокол о введении в

действие пакта Бриана — Келлога. К Московскому протоколу присоединились также Турция, Иран и Литва.— 1 — 341; 2—365.

⁹⁴ 30 марта на заседании английского правительства Галифакс внес предложение об опубликовании заявления о том, что Англия придет Польше на помощь, если на ту нападет Германия. Чемберлен поддержал его. Он отметил, что ресурсы Чехословакии уже используются Германией. А если и ресурсы Польши отойдут к рейху, то это будет иметь очень серьезные последствия для Англии.

На заседании указывалось, что если английское правительство вовремя не займет твердую позицию в связи с угрозой Польше, то авторитет Англии во всем мире будет серьезно подорван.

Советский Союз, будучи глубоко заинтересованным в том, чтобы Польша не была захвачена Германией, был готов сделать все, что в его силах, ради сохранения независимости и неприкосновенности Польши. Однако на заседании английского правительства вопрос о сотрудничестве Англии с СССР даже не поднимался.

При обсуждении вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета английского правительства пемьер-министр сказал: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам. Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательств о военном вмешательстве с целью восстановления статус-кво» (Public Record Office. Cab. 27/625. P. 138). —1—351.

⁹⁵ Польско-румынский договор о союзе был подписан 3 марта 1921 г. в Бухаресте.

Польша и Румыния принимали после Великой Октябрьской социалистической революции участие в военной интервенции против Советской России. К Польше отошли при этом западные районы Украины и Белоруссии, а Румыния захватила Бессарабию. Польско-румынский союз был заключен с целью удержать эти территории.

Польско-румынский договор предусматривал: взаимную военную поддержку сторон в случае войны одного из участников договора с Советской Россией (ст. 1); координацию их политики во взаимоотношениях с Советской Россией (ст. 2); заключение польско-румынской военной конвенции (ст. 3); обязательство не вести переговоров о сепаратном мире в случае войны с Советской Россией (ст. 4). Согласно статье 5 устанавливался пятилетний срок действия этого договора. В 1926, 1931 и 1936 гг. договор пролонгировался на очередные пять лет.

В марте—апреле 1939 г. Англия предоставила Польше и Румынии свои гарантии, не оговорив, что они направлены против Германии. В связи с этим и учитывая антисоветский характер польско-румынского договора, Советское правительство 17 апреля 1939 г. предложило английскому правительству уточнить, что гарантии Польше и Румынии предоставляются только на случай германской агрессии (см. док. 276).

Советское и английское правительства поставили весной 1939 г. перед Польшей и Румынией вопрос о желательности изменения содержания польско-румынского союза, с тем чтобы обе страны обязаны были прийти друг другу на помощь лишь в случае нападения Германии на одну из них. Однако польское правительство не согласилось на внесение в договор такого рода изменений, так как оно не намеревалось выступать против использования Германией территории Румынии в качестве плацдарма для нападения на СССР. М. М. Литвинов писал 13 апреля 1939 г. в этой связи: «Бек старается сознательно сорвать всякие гарантии Румынии, чтобы в эту сторону направить германскую агрессию. Бек еще в 1934 году в Москве говорил мне, что Германия изберет Румынию плацдармом для наступления на Украину, причем Бек не выражал никакого беспокойства по этому поводу. Можно было даже понять, что на этот счет у него имеется соглашение с Гитлером» (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 2, д. 11, л. 208).- 1—359, 371, 372, 373, 405, 428, 438, 453.

^{96^} 7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию. Эта акция фашистской Италии открыто нарушала, в частности, англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г., предусматривавшее сохранение статус-кво в бассейне Средиземного моря (см. прим. 16). Правительство Англии, однако, ограничилось тем, что поручило своему послу в Риме напомнить итальянскому правительству, что Англия имеет право на получение «самого откровенного и полного разъяснения... относительно будущих намерений итальянского правительства» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 131).— 1—365, 368.

^{97^} Касаясь позиции Англии в связи с советским предложением от 17 апреля 1939 г. о заключении соглашения о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, министр иностранных дел Англии лорд Галифакс заявил на заседании английского правительства 26 апреля 1939 г., что «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения и мы предложили русскому правительству подвергнуть дальнейшему рассмотрению наш план» (Public Record Office, Cab. 23/39. P. 58). На заседании кабинета министров 3 мая 1939 г. Галифакс сообщил, что он запросит Россию, «не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии» (ibid. Cab. 26/39. P. 128).— 1—387.

^{98^} Заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии Шнурре 5 мая 1939 г. сообщил временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову: «Германское правительство пришло к заключению о необходимости выполнения заводом «Шкода» договоров, заключенных с торгпредством СССР в Праге. Соответствующие указания уже даны военным властям и управлению «Шкода» (АВП СССР, ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 207).- 1-389, 457, 468.

^{99^} Германские предложения Польше, изложенные 21 марта 1939 г. И. Риббентропом польскому послу Ю. Липскому, сводились к следующему:

Данциг в качестве самостоятельной единицы вновь входит в состав Германии. Германия получает право на строительство экстерриториальной железнодорожной линии и автострады, которые связывали бы Германию с Восточной Пруссией (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 58—60).

В телеграмме германскому послу в Варшаве от 23 марта 1939 г. Риббентроп указывал, что польскому правительству можно заявить, что международное положение Польши в результате передачи Германии Данцига укрепится, а также, что Германия и Польша могут

проводить единую восточную политику, так как интересы обеих стран по «защите от большевизма» совпадают (ibid. S. 72).

26 марта 1939 г. Липский передал Риббентропу меморандум польского правительства, в котором отклонялись изложенные германские предложения.

28 апреля 1939 г. Германия, ссылаясь на отказ польского правительства принять немецкие предложения, аннулировала германо-польскую декларацию 1934 г. о дружбе и ненападении (см. прим. 23, 102 и 104).— 1—394, 420; 2—96.

¹⁰⁰^ Характеризуя этот проект «соглашения трех», М. М. Литвинов писал 28 апреля 1939 г.: «Видоизмененное предложение Бонне звучит почти издевательски.

Если первоначальному предложению была хоть внешним образом придана видимость взаимности и равноправия и помощь нам предлагалась и в случае наших инициативных действий, то по новому предложению мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией и они будут получать нашу помощь».

В то же время положительным моментом в этом проекте является то, отмечал нарком, что в первоначальном предложении говорилось о помощи лишь Польше и Румынии, а в новом предложении говорится о предупреждении всяких насильственных изменений статус-кво в Центральной и Восточной Европе (АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 5, л. 9).— 1—396, 399, 428, 524.

¹⁰¹^ Согласно договору, подписанному в Рапалло 16 апреля 1922 г., между РСФСР и Германией восстанавливались дипломатические отношения: обе стороны отказывались от возмещения военных и невоенных убытков; Германия признавала национализацию германской собственности в РСФСР; предусматривалось развитие экономических связей между двумя странами на основе принципа наи большего благоприятствования (Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 223-224).— 1—409; 2—41, 138, 178.

¹⁰²^ Имеется в виду речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля 1939 г. В этой речи Гитлер подверг критике версальскую систему договоров, пытался оправдать захват Австрии и Чехословакии, а также заявил, что мюнхенское соглашение не решило всех вопросов, связанных с перекройкой европейских границ. Гитлер объявил о денонсации англо-германского морского соглашения 1935 г. (см. прим. 3), заявив в то же время о желании установить дружественные отношения с Англией при условии, если с ее стороны будет проявлено известное понимание интересов Германии.

Гитлер сообщил также об отклонении польским правительством немецких предложений об «урегулировании» разногласий между Германией и Польшей, а также об аннулировании Германией польско-германской декларации о дружбе и ненападении 1934 г. (см. прим. 23, 99 и 104).- 1—411, 425, 444, 451; 2-66, 161, 164.

¹⁰³^ В. М. Молотов 3 мая 1939 г. телеграфировал В. П. Потемкину в Анкару, что «очень хороша идея взаимной помощи Турции и Англии против Италии. Но это — дело Турции и Англии. Очень интересна также идея взаимной помощи Англии и Турции против германской агрессии в районе Балкан. Главный недостаток этой последней идеи состоит в том, что Румыния не может сама создать противовеса германскому продвижению через

Румынию к Болгарии, а в этом случае Болгария может создать смертельную опасность для Стамбула и проливов» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2029, л. 100).

Далее в телеграмме указывалось, что в целях ликвидации этого недостатка нужно «добиться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. Отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 293, д. 2027, л. 193).

4 мая 1939 г. В. П. Потемкин в беседе с Сараджоглу передал это мнение советской стороны по вопросу о намечающемся союзе Турции с Великобританией.— 1-417.

¹⁰⁴ 28 апреля 1939 г. поверенный в делах Германии в Польше передал в министерство иностранных дел Польши германский меморандум от 27 апреля 1939 г., в котором говорилось, что Польша в результате ее вступления в союзные отношения с Англией (см. док. 245 и 254) аннулировала германо-польскую декларацию 1934 г. (см. прим. 23). Кроме того, германское правительство в этом меморандуме выразило сожаление, что польское правительство отклонило немецкое предложение об «урегулировании» вопроса о Данциге и об установлении окончательной польско-германской границы (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 288-291).

5 мая 1939 г. польское правительство дало ответ на германский меморандум. В польском ответе опровергалось утверждение германского правительства о том, что англо-польское коммюнике о взаимном предоставлении гарантий будто бы является несовместимым с германо-польской декларацией 1934 г. Вместе с тем польское правительство выразило готовность начать переговоры о новом договорном урегулировании германо-польских отношений, исходя из принципа добрососедства (ibid. S. 357-360).- 1—429; 2-12.

¹⁰⁵ В результате этих переговоров 12 мая 1939 г. была опубликована совместная англо-турецкая декларация, в которой говорилось, что обе стороны намерены заключить долгосрочное соглашение «в интересах их национальной безопасности». До заключения такого соглашения правительства Англии и Турции выразили готовность «эффективно сотрудничать и оказывать взаимную помощь и поддержку друг другу» в случае акта агрессии, ведущего к войне в районе Средиземного моря. Оба правительства признали необходимым обеспечение безопасности на Балканах и согласились в этих целях проводить консультации (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 497).-1—430, 475, 525; 2—9.

¹⁰⁶ В упоминаемой телеграмме Народный комиссариат иностранных дел СССР просил полпреда сообщить, насколько достоверна информация о том, что Германия поставила в известность шведского и финского посланников в Берлине об отсутствии с ее стороны возражений против вооружения Аландских островов, но с некоторыми оговорками (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 46). —1—431.

¹⁰⁷ Английское правительство продолжало придерживаться своего прежнего курса, добиваясь, чтобы СССР оказывал Англии помощь в случае вовлечения ее в войну, но в то же время не желало даже разговаривать об оказании Англией какой-либо помощи Советскому Союзу. Генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции А. Леже отмечал в беседе с американским послом в Париже У. Буллитом, что английское правительство продолжает добиваться предоставления Советским Союзом односторонних гарантий Польше и Румынии, но «не готово предоставлять Советскому Союзу какую-либо гарантию со стороны Англии» (Foreign Relations of the United States, 1939. Vol. 1. P. 244). Даже Буллит характеризовал в донесении в госдепартамент 5 мая 1939 г. политику

английского правительства в отношении СССР со времени вторжения Гитлера в Чехословакию как «медлительную и едва ли не оскорбительную» (ibid. P. 248). Он сообщал, что как французский министр иностранных дел Ж. Бонне, так и английский посол в Париже Э. Фиппс «против привлечения Советского Союза к тесному сотрудничеству с Францией и Англией» (ibid. P. 250). Поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр также отмечал, что своей позицией англичане «добавляли с советской точки зрения к обиде еще и оскорбление» (ibid.).— 1—432.

^{108^} И. М. Майский во время встречи с лордом Галифаксом 9 мая 1939 г. под верг английское предложение критике. Он заявил, в частности, что предложенная английская формула лишена характера взаимности. Галифакс в конце концов дал согласие рассмотреть «другую формулу», выдвинув, однако, оговорку о том, что в ней должно быть учтено, что английское правительство дало гарантии Польше и Румынии «на условиях, что а) имеется прямая или косвенная угроза их независимости и б) они сами оказывают сопротивление агрессору» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 184-185).

В беседе с полпредом 11 мая 1939 г. Галифакс сделал дополнительно еще одну оговорку: в советской «контрформуле» речь может идти «только о Польше и Румынии, но не о Прибалтийских странах» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 193).

Англия, согласно ее предложению от 8 мая и высказываниям Галифакса, была готова в той или иной степени сотрудничать с СССР в борьбе против агрессии только в том случае, если бы Германия совершила агрессию против Польши или Румынии и последние оказали сопротивление агрессору. Однако английское правительство не хотело заключать англо-франко-советский договор о взаимопомощи против агрессии, согласно которому оно было бы обязано оказывать Советскому Союзу помощь в случае нападения на него самого.

Если бы Германия начала агрессивные действия в Прибалтике и Советский Союз решил бы оказать противодействие, то Англия и тут могла бы оставаться в стороне.

Наконец, если бы правящие круги Польши и Румынии согласились пропустить германские войска через территорию своих стран, не оказывая им сопротивления, или, тем более, договорились с Германией о совместных действиях против СССР, то и в этих случаях СССР должен был бы воевать с Германией один на один. —1—439.

^{109^} Посол Италии в СССР А. Россо 17 октября 1938 г. поставил перед В. П. По темкиным вопрос, не примет ли Советское правительство посредничество итальянцев в деле освобождения из франкистских застенков захваченных мятежниками экипажей некоторых советских теплоходов в обмен на задержанных в СССР итальянских подданных и советских гражданок — жен итальянцев (АВП СССР ф. 011, оп. 2, п. 20, д. 207, л. 89-91).

27 января 1939 г. Потемкин пригласил Россо и сообщил ему, что Советское правительство принимает предложение посла о содействии итальянского правительства освобождению из плена советских моряков теплоходов «Комсомол», «Катаяма», «Цюрупа» и «Макс Гельц» и согласно со своей стороны освободить и выслать из СССР 10 итальянцев и разрешить выезд двум советским гражданкам — женам итальянцев, о которых ходатайствовало посольство (АВП СССР, ф. 011, он. 4, п. 24, д. 6, л. 56).

26 и 30 апреля 1939 г. МИД Италии уведомил советское полпредство в Риме, что власти генерала Франко готовы немедленно отпустить 95 моряков, снятых с теплоходов «Катаяма», «Цюрупа» и «Макс Гельц» и передали 7 моряков теплохода

«Комсомол» в распоряжение Германии для обмена на арестованных в СССР германских граждан (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 10, д. 99, л. 133, 122—123). В результате переговоров Потемкина с германским послом в СССР Шуленбургом была достигнута договоренность об освобождении и возвращении в СССР 7 моряков теплохода «Комсомол» (АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 7, л. 128). 95 моряков теплоходов «Катаяма», «Цюрупа» и «Макс Гельц» вернулись на Родину 4 июня 1939 г., а 7 моряков теплохода «Комсомол» возвратились в СССР 6 сентября 1939 г. (см.: Известия. 1939. 5, 8 июня и 8 сентября).— 1—439.

^{110^} 6—7 мая 1939 г. в Милане состоялись переговоры министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Италии Г. Чиано. В официальном коммюнике о переговорах говорилось, что оба министра «решили тесную сплоченность обоих народов закрепить в виде широкого политического и военного пакта» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 466—469). Такой пакт между Германией и Италией был подписан 22 мая 1939 г. (см. док. 368).— 1—440, 451, 468, 484.

^{111^} Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов телеграфировал 10 мая 1939 г. В. П. Потемкину: «Можете задержаться на день в Варшаве ввиду желания Бека иметь с Вами беседу. Главное для нас — узнать, как у Польши обстоят дела с Германией. Можете намекнуть, что СССР может помочь в случае, если поляки захотят» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 296, д. 2047, л. 92).— 1—444.

^{112^} В телеграмме от 9 мая 1939 г. нарком иностранных дел СССР, в частности, рекомендовал А. В. Терентьеву в беседах с послом Германии в Турции фон Папеном проявлять вежливость, как и с послами других стран, «выслушивать его заявления, если он их захочет сделать» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 294, д. 2029, л. 103).— 1—447.

^{113^} 14 апреля 1939 г. президент США Ф. Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором он призвал к решению существующих проблем за столом переговоров, т. е. мирным путем. В послании Рузвельт запрашивал Гитлера и Муссолини, согласны ли они дать заверения в том, что их вооруженные силы в течение 10 или 25 лет не совершат нападения на перечисленные им в этом послании 30 стран Европы и Ближнего Востока. Заявив о готовности США принять участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, если Гитлер и Муссолини дадут положительный ответ, Рузвельт предложил услуги «доброго посредника» (The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939. P. 201—205).

Муссолини в своей речи 20 апреля 1939 г. и Гитлер в своем выступлении 28 апреля 1939 г. (см. прим. 102) отвергли предложения Рузвельта.— 1—448, 524; 2— 26.

^{114^} Имеется в виду заявление, оглашенное Н. Чемберленом в палате общин 31 марта 1939 г. (см. док. 245), и временное соглашение, достигнутое во время англо-польских переговоров в Лондоне 4—6 апреля 1939 г. (см. док. 254).— 1—468.

^{115^} 12 марта 1936 г. СССР и МНР подписали Протокол о взаимопомощи, в со ответствии с которым в случае военного нападения на одну из сторон СССР и МНР обязались оказывать друг другу «всяческую, в том числе и военную, помощь» (Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. 19. С. 136).— 1—476.

^{116^} 22 мая 1939 г. на заседании Совета Лиги наций китайский представитель Веллингтон Ку внес предложение о том, чтобы Совет рекомендовал государствам — членам Лиги наций:

во-первых, предоставлять финансовую и материальную помощь Китаю; воздерживаться от любых действий, которые могут ослабить силу сопротивления Китая; воздерживаться от снабжения Японии военными материалами и сырьем, необходимыми для продолжения ее агрессии против Китая, в особенности самолетами и горючим; ограничить импорт японских товаров;

во-вторых, в целях координации проводимых мероприятий создать специальный орган держав, непосредственно заинтересованных в делах Дальнего Востока;

в-третьих, продолжать осуществление уже принятых Ассамблеей и Советом резолюций в целях предоставления помощи Китаю и изоляции агрессора (League of Nations. Official Journal. May-June 1939. P. 250-254),- 1-481, 488.

^{117^} Речь идет о Берлинском договоре о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. В нем говорилось, что основой взаимоотношений между СССР и Германией остается Рапалльский договор (см. прим. 101). Правительства обеих стран обязались поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран (ст. 1). Наиболее важной была статья 2, гласившая: «В случае если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». В статье 3 указывалось, что ни одна из договаривающихся сторон не будет примыкать к коалиции третьих держав с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту другую договаривающуюся сторону. Договор был заключен на 5-летний срок (Документы внешней политики СССР. М., 1964, Т. 9. С. 250-252).

24 июня 1931 г. был подписан протокол о продлении срока действия договора. Срок, на который продлевался договор, не был указан, но было предусмотрено право денонсации договора с предупреждением за один год. 5 мая 1933 г. состоялся обмен ратификационными грамотами этого протокола, и он вступил в силу (Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. 14. С. 395-396).—1—483; 2—66.

^{118^} Правящие круги Англии, согласившись начать переговоры с СССР, одно временно продолжали попытки договориться с фашистской Германией.

19 мая 1939 г. Чемберлен заявил в палате общин, что английское правительство не против обсуждения методов, с помощью которых можно было бы удовлетворить обоснованные претензии других стран, даже если это принесет с собой определенные изменения существующего положения. Имеется множество уступок, сказал он, с которыми можно было бы согласиться без больших затруднений, если бы только существовала уверенность, что эти уступки будут использованы в тех целях, ради которых они были сделаны (Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 347. Col. 1840).

В тот же день Галифакс во время встречи с германским послом в Лондоне Г. Дирксеном просил посла передать Гитлеру, что было бы весьма желательно публичное заявление последнего, в котором указывалось бы, что Германия хочет мира, и были бы перечислены вопросы, которые он хотел бы обсудить путем прямых англо-германских переговоров.

Галифакс указал, что такой шаг со стороны Гитлера встретил бы «благожелательный отклик в официальных кругах Англии» и открыл бы двери для дальнейшего улучшения англо-германских отношений (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 5, P. 600-603).

8 июня 1939 г. Чемберлен в письменном ответе на запрос в палате общин вновь подтвердил стремление Англии к достижению договоренности с Германией, подчеркнув, что любые предположения о том, что Англия «желает изолировать Германию, или стать на пути ее естественной и законной торговой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе, или планировать против нее войну, являются фантастическими» (Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 348. Col. 635— 636).

Вечером 8 июня 1939 г. в поместье леди Астор в Клайвдене Чемберлен встретился в неофициальной обстановке с представителем германских правящих кругов Трот цу Зольцем и высказал ему мысль, что «европейская проблема может быть решена лишь по линии Берлин — Лондон» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918-1945. Ser. D. Bd. 6. S. 568).- 1-487.

¹¹⁹ Советский представитель И. М. Майский в соответствии с указанием В. М. Молотова (см. док. № 360) ссылается здесь на речь премьер-министра Англии Н. Чемберлена в палате общин 19 мая 1939 г., в которой тот, процитировав слова, сказанные И. В. Сталиным 10 марта в Отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) о том, что Советский Союз стоит за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины (см. док. № 177), заявил: «Такова и наша собственная точка зрения» (Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 347. Col. 1847).

В действительности же английское правительство не намеревалось оказывать помощь жертвам агрессии, а стремилось к достижению соглашения с агрессивными державами. Когда через три дня после упомянутого выступления Чемберлена встал вопрос о конкретных шагах по оказанию помощи жертве агрессии — Китаю, министр иностранных дел Англии лорд Галифакс заявил на заседании Совета Лиги наций 22 мая 1939 г.: «Правительство Его Величества не считает возможным поддержать далеко идущие предложения, выдвинутые сейчас от имени Китая» (League of Nations. Official Journal. May — June 1939. P. 254—255).

В этих условиях резолюция, принятая Советом Лиги наций 27 мая 1939 г., ограничилась лишь выражением надежды, что будут по-прежнему продолжаться меры, принятые некоторыми государствами по оказанию помощи Китаю, и решения, уже принятые Лигой наций по этому вопросу, а также призывом к членам Лиги наций изучить вопрос о дальнейших мерах помощи Китаю (League of Nations. Official Journal. May — June 1939. P. 255).

Советский Союз, помимо политической поддержки, о чем свидетельствует публикуемый документ, оказывал Китаю в его борьбе против японских агрессоров также все возрастающую помощь поставками военных материалов (см. прим. 5, 129, 130).- 1-488.

¹²⁰ В эти дни, в частности в связи с подписанием 22 мая германо-итальянского союза, в Англии рассматривался вопрос о ее дальнейшей позиции в англо- франко-советских переговорах. Это нашло отражение в меморандуме, составленном 22 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел Англии (см.: Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 640-646).

Рассматривая плюсы и минусы заключения англо-франко-советского договора о взаимной помощи, авторы меморандума отмечали в качестве отрицательного момента, что в результате заключения такого договора могут сделать «вывод, что правительство Его Величества окончательно отказалось от всякой надежды добиться урегулирования с Германией...». А правящие круги Англии, все еще надеявшиеся на заключение соглашения с фашистской Германией (см. прим. 118), не хотели создавать такого впечатления. Кроме того, в меморандуме высказывалось опасение, что в случае заключения договора Англия «в результате неспособности Польши или Румынии оказать сопротивление германскому нападению или в результате нападения Германии на Советский Союз морем или через Прибалтийские государства может быть втянута в войну не с целью защиты независимости какого-либо малого европейского государства, а для оказания поддержки Советскому Союзу против Германии». Помогать же Советскому Союзу английское правительство не хотело.

В то же время авторы указанного меморандума не могли не признать наличие положительных для Англии сторон этого соглашения. Такой договор, говорилось в меморандуме, возможно, является «единственным средством предотвращения войны». Наконец, авторы меморандума считали желательным заключить какое-то соглашение, по которому в случае нападения на Англию Советский Союз должен был бы прийти ей на помощь: а) для того чтобы Германии пришлось воевать на два фронта и б) для того чтобы «попытаться вовлечь в войну и Советский Союз», с тем чтобы он не остался невредимым, в то время как Англия и Германия будут превращены в руины (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 640—646).— 1—509; 2—26.

¹²¹ На 105-й сессии Совета Лиги наций предложение Финляндии и Швеции об укреплении Аландских островов одобрено не было. Никакого решения по аландскому вопросу Совет не принял. Вследствие позиции СССР представители Финляндии и Швеции вынуждены были отказаться от этого своего предложения. Основной докладчик по аландскому вопросу бельгиец Буркэн вместо ожидавшегося доклада смог выступить лишь с «информационным сообщением», содержащим только перечень фактов, характеризующих позиции разных стран в отношении строительства военных укреплений на островах. Делегаты Франции, Англии и Дании вы сказались в поддержку финляндско-шведского плана.

На заседании 27 мая 1939 г. представители Швеции и Финляндии пытались возразить советскому представителю, что побудило И. М. Майского дополнить свое выступление следующей репликой: «В качестве представителя Союза Советских Социалистических Республик я желал бы сделать замечание по поводу заявлений делегатов Швеции и Финляндии. Я уже сказал, что правительство СССР придает величайшее значение вопросу об Аландских островах и что оно изучает этот вопрос с большим вниманием. Однако это изучение еще не закончилось, и поэтому оно желало бы, чтобы вопрос был отсрочен настоящей сессией. Наилучшим способом работать на пользу мира и добрых международных отношений, о чем говорил представитель Швеции, было бы принять советское предложение и не настаивать на рассмотрении вопроса на настоящей сессии» (см.: Известия. 1939. 29 мая).— I — 514.

¹²² Министр иностранных дел Румынии Т. Гафенку, находясь проездом в Бел граде, имел 5 мая 1939 г. встречу с регентом принцем Павлом и министром иностранных дел Югославии М. Цинцар-Марковичем. В ходе беседы обсуждался вопрос о позиции стран — членов Балканской Антанты по основным международным проблемам, в частности о подписании англо-турецкой декларации (см. прим. 105). В ходе дальнейших переговоров, состоявшихся через две недели, Цинцар-Маркович заявил Гафенку, что заключение англо-

турецкого соглашения противоречило бы договоренности, достигнутой между членами Балканской Антанты о неприсоединении к какой-либо из враждующих группировок европейских государств. Югославский министр упрекал турецкое правительство в том, что оно подписало с Англией совместную декларацию без консультации со своими балканскими союзниками (Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. Ser. 3. Vol. 5. P. 659—663).-2-8.

¹²³^ Сообщая о реакции в столицах западных держав на ход англо-франко- советских переговоров и касаясь вопроса о том, «почему Чемберлен не желает предоставлять гарантии Прибалтийским государствам», латвийский посланник в Бельгии М. Вальтерс писал 5 июня 1939 г. в МИД Латвии, что китайский посол в Брюсселе Дзинь Тай, вернувшись из Англии, сказал, что он получил в авторитетных лондонских кругах следующие сведения: «Оставляя Прибалтийские государства вне гарантий, Германии указывают путь к границам Советского Союза. Если определенные границы оставляют негарантированными, то из этого ясно, что на них можно нападать». В Лондоне, по словам посла, указывали, что «Чемберлен желает, чтобы Германия все же в конце концов оказалась в состоянии конфликта с Советским Союзом, что является давнишним планом Чемберлена» (Центральный государственный исторический архив Латв. ССР, ф. 1313 г., оп. 22, д. 162, л. 222).— 2-9.

¹²⁴^ В указанном меморандуме указывалось, что в ходе бесед между представителями Швеции и СССР по аландскому вопросу «со шведской стороны всегда изъявляли искреннее желание узнать точку зрения Советского правительства и получить его доброжелательное содействие в осуществлении проектируемых мероприятий в искренней уверенности, что они могут служить общим интересам всех держав прибрежных к Балтийскому морю».

В меморандуме отмечалась заинтересованность Швеции в Аландских островах «с точки зрения исторической, национальной и военной». Вместе с тем правительство Швеции «находит естественным и законным интерес, который имеет СССР, а также все остальные балтийские державы в том, чтобы Аландские острова не стали причиной опасности с военной точки зрения».

Шведское правительство выражало убеждение в необходимости предпринять известные военные мероприятия оборонного характера и придавало бы весьма большое значение обмену мнениями по аландскому вопросу, имея искреннее желание рассеять малейший повод, который мог бы побудить Советское правительство относиться с недоверием к осуществлению финляндско-шведского проекта (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 71-77).—2—19.

¹²⁵^ Имеется в виду миссия, аналогичная миссии лорда Ренсимена, направленной летом 1938 г. в Чехословакию (см. прим. 47).— 2—28.

¹²⁶^ В этой памятной записке Советское правительство сделало новое важное предложение. Цель этого предложения состояла в том, чтобы, учитывая возражения Англии против предоставления англо-франко-советских гарантий Прибалтийским странам, пока снять вопрос о гарантиях другим странам и как можно скорее подписать соглашение трех держав о взаимной помощи друг другу. Однако правительства Англии и Франции не приняли этого предложения. Это снова свидетельствовало о том, что они не были заинтересованы в скорейшем завершении переговоров и заключении соглашения, а также не намеревались оказывать помощь Советскому Союзу в случае нападения на него.— 2—34,

¹²⁷ 10 октября 1919 г. в Москву прибыло афганское чрезвычайное посольство во главе с Мухаммед Вали-ханом. В состав посольства, насчитывавшего 19 членов, входил и советник Файз Мухаммед-хан.

14 октября В. И. Ленин принял членов афганского посольства (см.: Документы внешней политики СССР. Т. 2. Док. 171). 27 ноября 1919 г. В. И. Ленин снова принял и беседовал с членами афганского чрезвычайного посольства перед их отъездом из Москвы (см.: Владимир Ильич Ленин, Биографическая хроника. М., 1977. Т. 8. С. 64—65).—2—37.

¹²⁸ В указанном тексте сообщалось о готовности германского правительства направить своего представителя в Москву для ведения переговоров о заключении кредитного соглашения между Германией и СССР. Отмечалось также, что германское правительство просит рассматривать этот факт «как признак того, что оно рассчитывает на положительный исход этих переговоров на расширенной основе и будет таковой приветствовать» (АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 48, д. 19, л. 183).— 2—38.

¹²⁹ В этой ведомости указывалось, что Советский Союз поставит в Китай 120 самолетов, боекомплекты к ним, снаряды и патроны, 83 авиамотора, запасные части к самолетам и другие военные материалы (АВП СССР, ф. 048, оп. 36, п. 367, д. 9, л. 131-132).- 2-43.

¹³⁰ Согласно ведомости, приложенной к публикуемому контракту, Советский Союз поставил в Китай 263 пушки, 4400 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 500 грузовых автомашин, около 16,5 тыс. авиабомб, свыше 500 тыс. снарядов, 100 млн патронов и другие военные материалы.

Кроме того, по следующим трем контрактам, заключенным в соответствии с договором от 13 июня 1939 г. (см. док. 390), Советский Союз направил в Китай более 300 самолетов, 350 грузовых автомашин и тракторов, 250 пушек, 1300 пулеметов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, электрооборудование, штурманское оборудование, ремонтное оборудование, горюче-смазочные материалы и другие военные материалы на сумму около 70 млн ам. долларов (АВП СССР, ф. 048, оп. 36, п. 367, д. 9, л. 134-162).- 2—44.

¹³¹ Вручая свой проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, английский и французский послы заявили:

«Учитывая точку зрения Советского правительства, а также данные географического порядка, Прибалтийские государства, Польша и Румыния являются, если оба правительства не ошибаются, именно теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляет один из элементов безопасности СССР. Что касается Франции и Великобритании, то для них Бельгия, Голландия и Швейцария являются теми соседними европейскими странами, которые имеют для безопасности Франции и Англии то же значение, что и пять вышеупомянутых государств для России» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 135). При этом французский посол в личном порядке предложил, чтобы страны, которым предоставлялись гарантии трех держав, были перечислены в отдельном документе, не подлежащем опубликованию (ibid. P. 141).

Англичане и французы пытались представить дело таким образом, что новое англо-французское предложение учитывает все пожелания СССР и интересы его безопасности, в том числе в отношении распространения гарантий на Прибалтийские государства, но на самом деле это было не так. Когда заместитель наркома В. П. Потемкин,

присутствовавший на беседе В. М. Молотова с послами Англии и Франции 21 июня, задал вопрос о том, кто будет решать, представляет ли агрессия против какого-либо европейского государства опасность для одной из трех держав, послы были вынуждены признать, что по этому вопросу в их проекте «ничего не сказано» (ibid.).

Вместе с тем правительства Англии и Франции в этих предложениях официально поставили вопрос о распространении гарантий трех держав на Голландию и Швейцарию, т. е. о существенном расширении обязательств, возлагавшихся на СССР.—2—46, 92.

¹³² В телеграмме наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 июня 1939 г. подчеркивалось, что попытки англичан и французов изобразить дело так, что будто бы последние англо-французские предложения удовлетворяют пожелания СССР относительно Прибалтийских государств, «явно несерьезны» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 313, д. 2154, л. 123).— 2—46, 51.

¹³³ «Тяньцзиньский конфликт» начался в июне 1939 г. Японское правительство, осуществляя постоянный нажим на Англию, Францию и США с целью вынудить их признать японские захваты в Китае, установило 14 июня 1939 г. блокаду английских концессий в Тяньцзине. Отряды японской полиции заняли все входы в концессию и пропускали англичан только после унижительного обыска и опроса. Вся деловая жизнь на территории этих концессий замерла. Поводом для блокады концессий послужило требование японцев о выдаче концессионными властями четырех китайцев, обвиненных японцами в убийстве одного их ставленника. В ответ на просьбу английского посла в Токио Р. Крейги снять блокаду с английских концессий в Тяньцзине японский министр иностранных дел Х. Арита заявил 24 июня 1939 г., что японское правительство будет продолжать прежнюю политику до тех пор, пока Англия не пойдет на сотрудничество с Японией в Китае (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 9. P. 220).— 2—54, 60, 64, 74, 143.

¹³⁴ В памятной записке сообщалось, что финляндское правительство решило пойти навстречу просьбе Советского правительства и информировать его о деталях плана укрепления Аландских островов. В частности, отмечалось, что в южном районе будут возведены твердые и постоянные укрепления на островах Чёкар, Бьёрке и Логшэр, снабженные орудиями тяжелой артиллерии и поддерживаемые минированной зоной, операциями финляндских и шведских сил, а также укреплениями Финляндии и Швеции на континенте; в северной части Аландских островов предполагалось размещение легких береговых и зенитных батарей и других подвижных средств обороны.

В памятной записке указывалось также, что целями укрепления островов являются обеспечение их эффективной защиты и неприкосновенности, исключение посредством финляндско-шведского сотрудничества Ботнического залива из сферы конфликта на случай войны, чтобы обеспечить продолжение свободной тор-говли Финляндии со странами Запада через Скандинавию и создать препятствия на пути использования островов воюющей державой в качестве опорной базы для высадки войск на континентальной финляндской территории (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 95-98).— 2—57.

¹³⁵ Правительство Италии внимательно следило за развитием советско-германских отношений и было заинтересовано в их нормализации. Посол Италии в СССР А. Россо заявил заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину 4 июля 1939 г., что Шуленбург информировал его о своей беседе с наркомом иностранных дел СССР 28 июня 1939 г. (см. док. 442). «Россو, — говорится в записи беседы Потемкина,—

передал эту информацию в Рим. На днях он получил оттуда ответную телеграмму, которая сообщает послу, что итальянское правительство считает серьезным и искренним стремление германского правительства улучшить отношения с СССР. Со своей стороны итальянское правительство признает такое улучшение советско-германских отношений весьма желательным. Об этом Россо уполномочен довести до нашего сведения. В ответ на заявление Россо я ограничился репликой, что ничто не мешает германскому правительству дока зать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР. В интересах общего мира мы могли бы лишь приветствовать такое направление внешней политики Германии» (АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 10, д. 99, л. 25-27).—2—62.

^{136^} 27 июня 1939 г. английский посол в Германии Н. Гендерсон вручил статс- секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру меморандум в связи с денонсацией Германией англо-германского морского соглашения 1935 г. (см, прим. 3). В своем меморандуме английское правительство указало, что оно не может признать оправданным и правомерным денонсацию германским правительством этого договора. В то же время английское правительство высказало пожелание начать переговоры о заключении между Германией и Англией нового морского соглашения (Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 153-158).- 2—64.

^{137^} Речь идет о письме германского посла в Лондоне Г. Дирксена в минис терство иностранных дел Германии от 24 июня 1939 г., копию которого он направил 27 июня 1939 г. также лично Э. Вайцзеккеру.

В этом письме Дирксен, характеризуя настроения среди правящих кругов Англии, отмечал их стремление договориться с Германией. При этом он указывал, что правительство Англии использует англо-франко-советские переговоры в Москве только как прикрытие для будущих более серьезных переговоров с Германией. «Растет убеждение,— писал он,— что создание неагрессивного фронта должно служить лишь основанием и предпосылкой для конструктивной политики в отношении Германии». Англичане считают, сообщил Дирксен, что новые союзники и рост военного потенциала дадут английскому правительству возможность вести переговоры с Германией о немецких требованиях в отношении колоний и по другим вопросам с более прочных позиций, чем в Мюнхене или в марте 1939 г. Отражением этой тенденции являлась, по мнению Дирксена, речь министра иностранных дел Англии лорда Галифакса 8 июня 1939 г. в палате лордов, в которой он заявил о постоянном стремлении Англии «к взаимопониманию с Германией». Дирксен расценивал эту речь как попытку постепенно «подготовить общественное мнение внутри страны к конструктивной политике в отношении Германии» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 654).— 2-68, 125.

^{138^} 26 мая 1939 г. Я. 3. Суриц телеграммой сообщил, что встречи с ним доби вается «директор немецкого калийного треста, один из влиятельных людей Гер мании — Август Дин». «Не исключено,— отмечал полпред,— что такое свидание именно в настоящий момент предпринимается с провокационной целью и может быть намеренно истолковано враждебными кругами как какие-то параллельные переговоры с Германией». В заключение Суриц просил указаний о встрече с Дином (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 54). В телеграмме от 27 мая нарком иностранных дел СССР поручил Сурицу «принять Августа Дина и ограничиться только тем, чтобы его выслушать» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 303, д. 2093, л. 100).—2—78.

^{139^} 1 июля 1939 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в беседе с германским послом Й. Вельчеком затронул вопрос о польско-германских отношениях. Посол в

соответствии с полученными им из Берлина инструкциями дал недвусмысленно понять, что Германия намерена «урегулировать» свои отношения с Польшей еще в 1939 г. Сославшись на «военную и экономическую мощь» Германии, Вельчек пригрозил Бонне катастрофическими последствиями, которые возникнут для Франции, если она будет оказывать поддержку Польше. Бонне, как сообщал посол в Берлин, «очень полно охарактеризовал свои заслуги в деле достижения взаимопонимания с Германией и в осуществлении мюнхенского соглашения, которое призвано было путем исключения в будущем применения силы создать основу для урегулирования всех справедливых претензий Германии». Для достижения такого урегулирования необходимо было, по мнению Бонне, чтобы «состояние напряженности на восточной границе Германии, особенно в Данциге, уступило место более спокойной атмосфере».

В заключение беседы Бонне, сославшись на «отношения дружбы и доверия», которые установились у него с И. Риббентропом, просил передать германскому министру записку (Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 6. S. 693).

В этой записке Бонне говорилось, что он считает своим долгом напомнить о существовании франко-польского союза (см. прим. 44) и французской декларации о предоставлении гарантий Греции и Румынии (см. док. № 266), а также сообщить, что в случае какой-либо акции, которая имела бы целью изменить статус-кво в Данциге и вызвать тем самым вооруженное сопротивление со стороны Польши, Франция была бы вынуждена ввести в действие франко-польское соглашение (ibid. S. 692).—2—95.

^{140^} 17 — 19 июля 1939 г. в Польше с официальным визитом находился генеральный инспектор заморских войск Англии генерал У. Айронсайд, в обязанности которого входила подготовка и поддержание сотрудничества с военными штабами союзников. Целью визита было «обсуждение с польским генеральным штабом существующей военной ситуации и получение информации о мерах, которые поляки предлагают предпринять в случае необходимости» (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 274).

В Варшаве Айронсайд встречался с некоторыми военными деятелями и министрами, а также имел длительную беседу с фактическим диктатором Польши маршалом Э. Рыдз-Смиглы. По мнению Айронсайда, польская армия имела хорошо подготовленные кадры, однако ее оснащение было недостаточным (ibid. P. 486). В этой связи он обратился к английскому правительству с предложением ускорить завершение англо-польских переговоров о предоставлении Польше займа, что дало бы ей возможность лучше вооружить свои войска. В результате этих мер польские войска могли бы, по его мнению, дольше «сдерживать германское наступление» и тем самым «сберечь жизни английских солдат» (ibid. P. 379). В то же время Айронсайд дал полякам понять, что Англия не хотела бы ввязываться в мировую войну из-за случайных столкновений в Данциге или на германо-польской границе, и подчеркнул необходимость изучить условия, при которых начинают действовать английские гарантии Польше (ibid. P. 416).

Тем самым Айронсайд недвусмысленно предупредил поляков, что английское правительство не считало себя обязанным автоматически приходить на помощь Польше в случае ее конфликта с Германией, а оставляло за собой право решать вопрос о том, было ли вступление Польши в войну с Германией достаточно «обоснованным» и обязана ли поэтому Англия оказывать ей помощь,— 2—107, 113, 152.

¹⁴¹— Как теперь известно из опубликованных документов, летом 1939 г. шли секретные англо-германские переговоры, которым английское правительство придавало несравненно большее значение, чем переговорам с Советским Союзом (см. док. 489, 499, 515).

Параллельна с переговорами, которые англичане вели в Лондоне с германским эмиссаром Х. Вольтатом, значительное внимание английское правительство уделяло также попыткам урегулирования англо-германских отношений через шведских посредников — А. Веннер-Грена и Б. Далеруса (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 483-484, 737-742, 760).

Газетный магнат лорд Кемсли предпринял поездку в Германию, где имел конфиденциальные беседы с рядом влиятельных нацистов, в том числе с Гитлером.

Таким образом, английское правительство стремилось использовать любые пути, для того чтобы договориться с фашистской Германией. —2—119, 127, 149.

¹⁴²— Излагая суть предложения Р. Бакстона, германский посол в Англии Г. Дир ксен указывал в записке, составленной им в августе—сентябре 1939 г., что Бакстон по сравнению с У. Вильсоном «сильнее подчеркивал политическую сторону англо-германского примирения, чем экономическую» (Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. С. 290).—2—148.

¹⁴³— В своей телеграмме от 21 июля 1939 г. полпред СССР в Турции А. В. Терентьев сообщал, что министр иностранных дел Турции Сараджоглу в беседе с полпредом СССР, состоявшейся в тот же день, выразил готовность заключить с Советским Союзом соглашение. Такое соглашение «могло бы быть заключено или на базе англо-советского соглашения, или, независимо от этого, как соглашение между СССР и Турцией с присоединением к нему Балканских стран, или же, наконец (учитывая возможный отказ Румынии), только двустороннее советско-турецкое соглашение».

По мнению А. В. Терентьева, все заявления Сараджоглу следует рассматривать «не как официальное предложение турецкого правительства, а как готовность Турции в любой момент, «хоть сейчас», приступить к переговорам с Советским правительством» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 298, д. 2059, л. 136).— 2—153.

¹⁴⁴— В англо-французском проекте определения понятия «косвенная агрессия» по-прежнему оставался открытым вопрос о том, когда вступают в силу гарантии трех держав другим государствам.

Признавая на словах обоснованными опасения Советского правительства в отношении косвенной агрессии Германии в Прибалтике, английское правительство не стремилось к скорейшему урегулированию этого вопроса. В указании английскому послу в Москве У. Сидсу лорд Галифакс писал 28 июля 1939 г., что, поскольку решено начать военные переговоры, «нет опасности срыва переговоров в течение ближайших критических недель». При этих изменившихся обстоятельствах, указывал Галифакс, мы считаем, что «можем занять несколько более жесткую позицию» в отношении пункта об определении косвенной агрессии. Галифакс предлагал Сидсу не отходить в дальнейшем от существа английского определения косвенной агрессии, данного в предложении от 8 июля 1939 г. (см. док. 465) (Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 3. Vol. 6. P. 525).—2—154, 181, 312.

^{145^} Характеризуя позицию Англии на англо-германских секретных переговорах в Лондоне летом 1939 г., германский посол в Англии Г. Дирксен отмечал в составленной им впоследствии записке, что инициатива этих переговоров исходила от ближайшего сотрудника и советника Чемберлена Г. Вильсона, который «развил программу широкого урегулирования англо-германских отношений».

«Программа,— писал Дирксен,— предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера.

В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии.

Затем должен был быть заключен договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничения сфер интересов великих держав.

В военном отношении были предусмотрены переговоры о заключении соглашения об ограничении вооружений на суше, на море и в воздухе.

В экономической сфере были сделаны предложения широкого масштаба: предусматривались переговоры по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьем, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам, по применению клаузулы о наибольшем благоприятствовании».

«Значение предложений Вильсона,— писал Дирксен,— было доказано тем, что Вильсон предложил Вольфгангу получить личное подтверждение их от Чемберлена» (Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. Т. 2. С. 289).—2—168.

^{146^} На встрече министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Италии Г. Чиано, состоявшейся 11 августа 1939 г. в Зальцбурге, обсуждался вопрос о подготовке к войне и согласовании политики в отношении Англии, Франции и Польши. При этом Риббентроп не скрывал намерений Германии в самое ближайшее время «решить польский вопрос. На вопрос Чиано: «Чего вы хотите: коридор или Данциг?» — Риббентроп ответил: «Теперь ни первого, ни второго... Мы хотим войны» (*Ciano T. Diario. Milano, 1963. Vol. 1. P. 5*).—2—188.

^{147^} 13 августа 1939 г. между Гитлером и Чиано состоялась еще одна встреча. В этой беседе Гитлер подчеркнул, что успешные действия отдельных государств —членов «оси» имеют не только стратегическое, но и психологическое значение для других членов «оси» в целом. При этом он имел в виду агрессивные действия как Германии, так и Италии (захват Австрии, Чехословакии, Эфиопии (Абиссинии), Албании и др.). Это усиление держав «оси», по мнению Гитлера, представляло большое значение «для неизбежного столкновения с западными державами» (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bd. 7. S. 44*).

Италия в тот период сдержанно относилась к возможной войне Германии с Англией и Францией, которая могла возникнуть в связи с нападением Германии на Польшу, так как она еще не закончила подготовку к войне. Однако в целях оказания давления на Англию и Францию в заключительном коммюнике о встрече Чиано с Гитлером и Риббентропом в

Зальцбурге подчеркивалось, что «между державами оси господствует тоталитарная дружба и общая готовность». — 2—189.

^{148^} 25 июля 1939 г. английское правительство наконец приняло советское предложение начать переговоры о заключении англо-франко-советского военного соглашения. Сообщая об этом советскому полпреду в Лондоне, лорд Галифакс сказал, что английская военная миссия сможет выехать в Москву примерно через 7 — 10 дней, но состав ее пока не определен (см. док. 500). Министерство иностранных дел Франции в свою очередь известило 26 июля советское полпредство в Париже, что французская военная делегация выедет в Москву в ближайшие дни.

Английские и французские военные представители прибыли в Москву, однако, только 11 августа.

В состав французской военной миссии входили: генерал армии Думенк, генерал Вален, капитан 1-го ранга Вийом, майор Кребс, капитан Бофр, капитан Зовиш, капитан де Вийскот де Ринкэз, а также военный атташе в Москве генерал Палас, помощник военного атташе капитан 3-го ранга Абраам, военно-воздушный атташе подполковник Люге.

В состав английской делегации входили: адмирал Реджинальд Планкет-Эрнл-Эрл-Дракс, маршал авиации Ч. Бэрнет, генерал-майор Хейвуд, полковник Дэвидсон, капитан авиагруппы Кольер, капитан 3-го ранга Робертшоу, капитан Колтмэн, а также военно-морской атташе капитан Клейнчи, военный атташе в Москве полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе подполковник Хэллауэлл.

Касаясь состава французской миссии, советский полпред во Франции писал в НКВД, что французское правительство, по-видимому, поставило перед ней «скромную программу». «Ее подбор по преимуществу из узких специалистов,— подчеркивал он,— свидетельствует и об инспекционных целях делегации — о намерении в первую голову ознакомиться с состоянием нашей армии» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 302, д. 2090, л. 230).

Характеризуя состав английской делегации, советский полпред в Англии писал в НКВД: «Мне кажется, что по характеру занимаемых ими официальных постов члены делегации ничего не смогут решать на месте и все будут передавать на рассмотрение Лондона. Подозрительно также то, что, опять-таки по характеру занимаемых ими постов, члены делегации могут оставаться в Москве неопределенно долгое время. Это как будто бы не предвещает особой быстроты в ведении военных переговоров...» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2077, л. 179).

26 июля 1939 г. на заседании английского правительства рассматривался вопрос об основных задачах английской военной миссии в Москве. В протоколе заседания было зафиксировано: «Все были согласны с тем, что нашим представителям следует дать указание вести переговоры очень медленно, пока не будет заключен политический пакт». Не следует, указывалось в решении английского правительства, начинать переговоры с предоставления Советскому правительству информации, касающейся английских планов, а стремиться к тому, чтобы «русские информировали наших представителей относительно того, что они могли бы сделать, например, чтобы оказать помощь Польше» (Public Record Office. Cab. 39/39. P. 225).

Такая позиция английского правительства нашла отражение и в директиве, которая была дана английской военной делегации (см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны... Т. 2. С. 166 — 170).— 2—191.

^{149^} В своей телеграмме лорду Галифаксу, посланной после этого заседания, У. Сидс писал, что «русские подняли теперь основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров, вопрос, который лежал в основе всех наших затруднений с самого начала политических переговоров, а именно как добиться заключения какого-либо полезного соглашения с Советским Союзом, пока его соседи поддерживают своего рода бойкот», который может оказаться прекращенным тогда, «когда будет слишком поздно». Поскольку мы взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, писал Сидс далее, советская делегация «имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 1).- 2-207.

^{150^} В рамках кредитного соглашения к 22 июня 1941 г. Советский Союз по ставил Германии товаров на сумму 142,3 млн марок, а Германия — с отгрузкой в СССР — на сумму 106,7 млн марок, в том числе по военным заказам на 721,6 тыс. марок из 58,4 млн марок по кредитному соглашению (ИВУ МВЭС СССР, фонд НКВТ, оп. 5932, пор. 15, л. 58-69, 72).

Позднее СССР и Германия заключили еще два соглашения о взаимных поставках (И февраля 1940 г. и 10 января 1941 г.).

По хозяйственному соглашению между СССР и Германией от 11 февраля 1940 г., сверх поставок, предусмотренных кредитным соглашением от 19 августа 1939 г., стороны обязались осуществить взаимные поставки на сумму 640—660 млн германских марок каждая. Стоимость советских военных заказов по данному соглашению составила 133,23 млн марок.

По состоянию на 22 июня 1941 г. СССР по этому соглашению поставил в Германию товаров на сумму 310,3 млн марок, Германия в СССР — 287,6 млн марок, в том числе по военным заказам — на 81,57 млн марок (ИВУ МВЭС СССР, фонд НКВТ, оп. 5932, пор. 15, л. 42-54, 72).

Уже к 1 августа 1940 г. в соответствии с данным соглашением германские военные поставки в СССР составили 44,9 млн марок. Были поставлены в качестве образцов самолеты «Хейцкель Хе-100». «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Юнкерс Ю-88», «Дорнье До-215», «Бюккер Бю-131», «Бю-133», «Фокке-Вульф», авиационное оборудование, в том числе прицелы, высотомеры, радиостанции, насосы, моторы, 2 комплекта тяжелых полевых гаубиц калибра 211 мм, батарея 105-мм зенитных пушек, средний танк «Т-III», 3 полугусеничных тягача, крейсер «Лютцов», различные виды стрелкового оружия и боеприпасы, приборы управления огнем и т. д. (ИВУ МВЭС СССР, ф. НКВТ, оп. 12с, пор. 88, л. 5—9).

В соглашении было оговорено, что «1 Переданные из Германии в СССР методы будут держаться в секрете; 2 Советская сторона товарами, которые будут производиться с помощью переданных приспособлений, установок и предметов, не будет конкурировать с германскими фирмами на мировом рынке». Это относилось также к вывозу специальных машин, поставлявшихся в рамках передаваемых методов и производившихся тогда только в Германии (ИВУ МВЭС СССР, ф. НКВТ, оп. 6069, пор. 444, л. 81).

По советско-германскому соглашению от 10 января 1941 г. взаимные поставки должны были составить сумму 620—640 млн германских марок, в том числе 141,33 млн марок по советским военным заказам. По данному соглашению к 22 июня 1941 г. Советский Союз поставил Германии товаров на 185,3 млн марок, а Германия — с отгрузкой в СССР — на 14,8 млн марок, в том числе по военным заказам — на 210,7 тыс. марок (ИВУ МВЭС СССР, ф. НКВТ, оп. 5932, пор. 15, л. 27-38, 72).

По всем трем соглашениям СССР поставлял Германии сырье (руды различных металлов, лом, нефть и нефтепродукты), сельскохозяйственные товары (в основном зерно), лес, золото, платину. Из Германии в СССР помимо упомянутых военных поставок шло промышленное оборудование, полуфабрикаты, сортовой уголь.— 2—284, 286, 287.

¹⁵¹ Телеграмма генерала Гамелена главе французской военной миссии Ж. Думенку

21 августа 16 час. 15 мин. Получена 21 августа в 23 час. 00 мин.

По распоряжению Председателя (Совета министров) Даладье генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах с согласия посла военную конвенцию (Documents diplomatiques français, série 2. T. XVIII. P. 232).— 2—304.

¹⁵² На самом деле 19 августа польский министр иностранных дел Ю. Бек дал французскому послу Л. Нозлю отрицательный ответ на вопрос о возможности прохода советских войск через польскую территорию (см. док. 574).—2—307.

¹⁵³ Таким образом, была придумана «сверхдипломатическая» формулировка, для того чтобы английское и французское правительства могли попытаться продолжать в Москве бесплодные переговоры. Фактически она означала, что по-прежнему было невозможно договориться об участии Польши в борьбе против агрессии. В этом заявлении была изложена не позиция Польши, а лишь «мнение» английской и французской военных миссий, причем на самом деле они знали, что Польша не согласна на сотрудничество с СССР.— 2—316.

¹⁵⁴ Заключив договор о ненападении с Германией, Советское правительство предотвратило в тот период не только войну с Германией, но и нападение со стороны Японии. Как сообщал в Лондон английский посол в Токио Р. Крейги, подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 9. P. 495).

Правительство Японии заявило Германии протест в связи с заключением советско-германского договора, указав, что этот договор противоречит «антикоминтерновскому пакту» (см. прим. 10).

Японский кабинет во главе с К. Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая отставку, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создается новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики».— 2—322, 327.

¹⁵⁵ Протоколы заседания английского правительства показывают, что правящие круги Англии стремились любой ценой договориться с Гитлером, не считаясь с кровными интересами Польши. Еще в беседе с германским послом Г. Дирксеном советник Чемберлена Г. Вильсон подчеркивал, как отмечал позднее Дирксен, что «с заключением

англо-германской антанты английская гарантийная политике будет фактически ликвидирована) Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией» (Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937 — 1939. Т. 2. С. 291).

2 августа 1939 г., разъясняя позицию Великобритании, Галифакс заявил на заседании английского правительства, что захват гитлеровцами Данцига «не следует рассматривать как представляющий собой *casus belli*» (Public Record Office. Cab. 40/39. P. 277). Тем самым было откровенно признано, что Англия не намерена приходить на помощь Польше, если польско-германская война начнется из-за Данцига.

«Реальная ценность нашей гарантии Польше,— заявил английский посол в Берлине Н. Гендерсон на заседании правительства 26 августа,— состоит в том, чтобы дать возможность Польше прийти к урегулированию с Германией» (Public Record Office. Cab. 43/39. P. 379). Гендерсон предлагал оказать новый нажим на Польшу и «заставить понять, что ради нее поставлено на карту» (Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 235).

Английское правительство вновь начало рассматривать возможность принятия предложения Гитлера об «урегулировании» вопроса о Данциге и «коридоре», т. е. о «мирной» передаче их Германии, хотя соответствующее предложение гитлеровцев было отвергнуто поляками (Public Record Office. Cab. 43/39. P. 380). Галифакс высказался 27 августа на заседании правительства за прямые переговоры между Германией и Польшей и подчеркнул в этой связи: «Мы стремимся достичь урегулирования с Германией». На этом же заседании правительства Чемберлен признал, что он уже недвусмысленно дал понять шведскому промышленнику Б. Далерусу (при посредничестве которого велись секретные англо-германские переговоры), что поляки могут согласиться на передачу немцам Данцига (Public Record Office. Cab. 44/39. P. 399, 401), хотя никаких консультаций между Англией и Польшей по этому вопросу не проводилось. Более того, английское правительство избегало обсуждения с Польшей подобных вопросов, так как справедливо полагало, что это «связано с некоторым риском потери доверия» к Англии со стороны поляков (Public Record Office. Cab. 42/39. P. 354).- 2-329.

¹⁵⁶ Речь идет о письме Гитлера Чемберлену, переданном 25 августа 1939 г. через английского посла в Берлине Гендерсона.

Это письмо было ответом на послание Чемберлена Гитлеру от 22 августа, в котором глава английского правительства, указав на обязательства Англии в отношении Польши (см. док. 245), призывал «восстановить доверие, чтобы дать возможность проводить переговоры в атмосфере, отличной от той, которая преобладает сегодня». Чемберлен предлагал также «обсудить более широкие проблемы, затрагивающие будущее международных отношений», включая вопросы, представляющие интерес для Англии и Германии (Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Ser. 3. Vol. 7. P. 127-128).

Передавая свой ответ, Гитлер продолжал добиваться нейтрализации Англии в связи с подготавливавшимся им нападением Германии на Польшу и заявил английскому послу, что он-де всегда желал установления хороших отношений с Великобританией. Он просил посла лично довести до сведения английского правительства, что Германия хочет соглашения с Великобританией. При этом Гитлер выставил следующие условия: должны

быть удовлетворены германские колониальные требования и не должны затрагиваться обязательства Германии в отношении ее союзников. В этом случае Гитлер выражал готовность заключить соглашение с Англией и гарантировать целостность Британской империи. Гитлер заявил, что он готов пойти на «разумное ограничение вооружений» и что «изменение границ на Западе не входит в его планы». «Западные укрепления, сооружение которых стоило миллиарды, — заверял он англичан, — являются окончательной границей рейха на Западе» (ibid. P. 227 — 229).

Гендерсон писал 25 августа министру иностранных дел Англии лорду Галифаксу, что он рассматривает это заявление как признак того, что «г-н Гитлер все еще хочет избежать мировой войны» (ibid. P. 235).

Одновременно английское правительство использовало различные другие официальные и неофициальные контакты для переговоров с гитлеровцами и поиска возможного компромисса с ними за счет польского и других народов Восточной Европы. 25 августа состоялась очередная встреча представителя шведских деловых кругов Далеруса с Герингом, во время которой Б. Далерусу были вручены германские «условия» соглашения с Англией. На другой день, 26 августа 1939 г., министр иностранных дел Англии Галифакс передал через того же Далеруса ответное послание Г. Герингу, в котором он писал: «Мы будем стремиться сохранить тот самый дух, который проявил фюрер; а именно желание найти удовлетворительное решение вопросов, вызывающих в настоящее время беспокойство» (ibid. P.283).

Наряду с этим английское правительство вело активные переговоры с правительством фашистской Италии, стремясь использовать ее в качестве посредника для достижения договоренности между Великобританией и Германией. 27 августа, разговаривая по телефону с министром иностранных дел Италии Г. Чиано, лорд Галифакс заверил его: «Мы, конечно, не откажемся вести переговоры с Германией» (ibid. P. 302).

28 августа Чемберлен направил новое послание Гитлеру, в котором он заявлял, что полностью разделяет желание рейхсканцлера «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей». Но вместе с тем он не мог не подтвердить готовность Англии оказать помощь Польше в случае военного конфликта. Касаясь предложений Гитлера, Чемберлен писал: «Правительство Его Величества полностью готово принять их, с некоторыми дополнениями, в качестве темы для обсуждения, и оно было бы готово, если разногласия между Германией и Польшей будут улажены мирным путем, приступить так быстро к таким переговорам, как это окажется целесообразным, с искренним желанием достичь соглашения» (ibid. P. 330—332).

Вручая Гитлеру это послание Чемберлена, английский посол Гендерсон заявил: «Премьер-министр может довести до конца свою политику соглашения, если, но только если г-н Гитлер будет готов сотрудничать» (ibid. P. 351 — 354).

На следующий день, 29 августа, в своем ответе на это послание Гитлер потребовал передачи Германии Данцига и «коридора», а также обеспечения прав немецкого национального меньшинства на территории Польши. В послании подчеркивалось, что, хотя германское правительство скептически относится к перспективам успешного исхода переговоров с польским правительством, оно тем не менее готово принять английское предложение и начать прямые переговоры с Польшей. Оно делает это исключительно в связи с тем, что им получена «письменная декларация» о желании английского правительства заключить «договор о дружбе» с Германией (ibid. P. 388-390).

Даже 30 августа, когда стало известно, что Германия сосредоточила на своем восточном фронте 46 дивизий и намерена в ближайшие же дни нанести удар по Польше, Галифакс заявлял на заседании английского правительства, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством» (Public Record Office. Cab. 46/39. P. 423).

Попытки Чемберлена договориться с Гитлером никаких результатов, однако, не дали, да и не могли дать. Гитлер вел переговоры с Англией исключительно с целью локализации подготавливавшейся им войны с Польшей. Ни о чем договариваться с ней он не собирался. Наоборот, после разгрома Польши Гитлер намеревался начать войну именно с Англией и Францией.— 2—329, 353.

¹⁵⁷^ В связи с подписанием договора о ненападении началось своего рода соперничество относительно того, кому принадлежала инициатива. Гитлер в речи 22 августа 1939 г. старался приписать инициативу лично себе. Напротив, Молотов приписывал ее лично Сталину. Однако даже германское посольство в Москве в своих донесениях в Берлин о докладе Сталина от 10 марта 1939 г. какой-либо инициативы такого рода в нем не усматривало. Как следует из донесений германского посольства в Москве, немецкая сторона не усматривала в докладе Сталина какой-либо инициативы *по* сближению с Германией. Не обнаружили ничего похожего в нем и в германском министерстве иностранных дел. Что касается позиции СССР в отношении Германии в то время, то она изложена, в частности, в резкой по своему характеру ноте Советского правительства правительству Германии от 18 марта 1939 г., где тогдашние действия Германии в отношении Чехословакии названы «насильственными, агрессивными» (см. док. 193 и 194),—2—348.

¹⁵⁸^ В телеграмме И. М. Майского в НКВД от 27 августа 1939 г. сообщалось: «Сегодня из Берлина в обстановке большой таинственности в Лондон прилетел какой-то «говец» от Гитлера, но подробности пока еще неизвестны» (АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2078, л. 2).- 2-354.